

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ

2025
ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг. В СУДЬБАХ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ

Сборник статей
Выпуск 2

Ответственный редактор
А.С. Бушув

Казань – 2025

УДК 94(47+57).084.8
ББК 63.3(2)622
В 27

*Издание осуществлено в рамках Государственной программы
Республики Татарстан «Реализация государственной
национальной политики в Республике Татарстан»*

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *А.С. Бушув* (отв. ред.)
кандидат искусствоведения *Э.М. Галимова*
доктор исторических наук *Р.Р. Салихов*
доктор филологических наук *А.А. Тимерханов*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Д.В. Давыдов*
кандидат исторических наук *Е.Г. Кривоножкина*
кандидат исторических наук *М.В. Медведев*
кандидат исторических наук *И.Р. Миннуллин*

В 27 Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей. – Вып. 2 / отв. ред. *А.С. Бушув*.
– Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. – 800 с.

ISBN 978-5-94981-403-1

DOI: 10.22378/978-5-94981-403-1.2025

В сборнике представлены статьи участников II Международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов» (г. Казань, 9–10 апреля 2025 г.), организованной Академией наук Республики Татарстан в рамках мероприятий, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. В исследованиях российских и зарубежных ученых рассмотрены актуальные вопросы историографии и источниковедения, а также военно-политические и социально-экономические аспекты изучения истории военных лет, проблемы сохранения и изучения памяти о ратных и трудовых подвигах советского народа. Книга адресована специалистам, преподавателям, студентам вузов, а также всем интересующимся историей Великой Отечественной войны.

ISBN 978-5-94981-403-1

УДК 94(47+57).084.8
ББК 63.3(2)622

© Авторы, 2025
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. занимает особое место в истории нашей страны, являясь одним из важнейших по своей значимости и масштабам последствий событий в истории XX в. Народы и регионы Советского Союза сплотились в эти 1 418 дней, самоотверженно защищая свой общий дом, свою Родину от нападения нацистской Германии и ее сателлитов. В судьбе каждого из регионов страны и ее народов по-своему отразилась война. Западные, центральные и южные регионы СССР оказались в прифронтовой зоне и подверглись нацистской оккупации, приняв на себя всю тяжесть удара военной машины вермахта и ощутив последствия политики геноцида и эксплуатации, применявшейся оккупационными властями. Восточные регионы, приютив огромные массы эвакуированного населения и разместив у себя ряд промышленных предприятий, превратились в важную тыловую базу страны, усиленно работающую на обеспечение нужд обороны, не на словах, а на деле реализуя известный лозунг военных лет «Все для фронта, все для победы!». На полях сражений с нацизмом и в тыловой работе по обеспечению нужд фронта героически проявили себя представители разных народов Советского Союза: сражались и трудились они плечом к плечу, невзирая на место рождения или национальность. Поэтому важно сегодня говорить и о регионах, и о народах и их вкладе в достижение общей – одной на всех – Великой Победы.

В 2025 г. мы отмечаем 80-й юбилей Победы в этой небывалой по своей жестокости и напряжению всех людских, материальных и духовных сил четырехлетней битве. За долгие годы и десятилетия, прошедшие с ее окончания, силами исследователей многое сделано для изучения объективной истории войны и ее социальных, экономических, культурных и иных последствий. Вместе с тем, несмотря на значительные достигнутые результаты, не все вопросы истории военных лет изучены полностью. Историки и представители смежных дисциплин продолжают разрабатывать различные аспекты истории военного лихолетья, опираясь в том числе на вновь открывающиеся для исследователей благодаря постепенному рассекречиванию документальные материалы. С учетом этого, очередной юбилей Победы является хорошим поводом для того, чтобы представить на суд общественности новые достигнутые результаты, подвести промежуточные итоги исследований последних лет.

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит статьи участников II Международной научной конференции «Великая Отечественная война в судьбах народов и регионов», которая состоялась в г. Казани 9–10 апреля 2025 г. В работе данного научного форума приняли участие ученые академических учреждений, преподаватели высших учебных заведений, сотрудники архивов и музеев, а также делающие свои первые шаги в науке аспиранты. В работе конференции приняли участие представители 36 регионов России и 5 стран ближнего зарубежья – Армении и Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Плодотворное обсуждение наиболее актуальных вопросов истории Великой Отечественной войны, состоявшееся на пленарном и секционных заседаниях, продолжило традиции научного диалога, начатого Институтом истории им. Ш. Марджани в предыдущие юбилейные годы.

В 2010 г., в год 65-летия Победы, Институт истории совместно с музеем-заповедником «Казанский Кремль» проводил Третьи Кремлевские чтения, в рамках которых состоялось две Всероссийские научные конференции – «Тема войны в искусстве» [3] и «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: региональные аспекты исследования» [4]. В 2015 г. к 70-летию Победы Институтом истории была проведена первая Международная конференция «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов» [1]. В 2020 г. – Международная конференция «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: подвиг народа и уроки истории» [2], которая из-за пандемии Covid-19 проходила в онлайн-формате.

В рамках нынешней конференции состоялось обсуждение актуальных вопросов историографии и источниковедения истории Великой Отечественной войны, участия Красной армии, флота и других воинских соединений в боевых действиях, участие народов СССР войне, национальной и религиозной политики в военные годы. Не остались без внимания и вопросы мобилизации тыла и науки, организации военной экономики и трудовые подвиги населения регионов в годы войны, а также процессы эвакуации и реэвакуации, социальные и культурные процессы в тылу в военные годы и многие другие. Важную часть дискуссии, состоявшейся в рамках конференции, составило обсуждение проблем национальной памяти, сохранения и передачи будущим поколениям памяти о событиях и героях Великой Отечественной войны. Все эти материалы также представлены в данном сборнике.

Сборник построен по проблемному принципу и состоит из восьми разделов в соответствии с основным содержанием пленарного и секционных заседаний конференции.

Первый раздел посвящен вопросам историографии и источниковедения Великой Отечественной войны, поиску новых подходов и направлений исследований в современных условиях. Историографические статьи Е.Л. Храмовой, О.В. Тузовой, Б.У. Серазетдинова, В.Ю. Карнишина, А.М. Ипатовой,

Предисловие

О.А. Кошкиной посвящены актуальным проблемам историографии Великой Отечественной войны.

Открывается раздел статьей докторов исторических наук *Е.Л. Храмовой* и *О.В. Тузовой*, которые обратились к анализу существующих в историографии методологических подходов к изучению важного источника личного происхождения по истории войны и военной повседневности – фронтовых писем. Своей задачей авторы обозначили поиск объективной и эффективной методики анализа эпистолярного наследия военных лет. Анализируя имеющиеся в историографии лингвистические и исторические подходы, авторы не без оснований констатируют, что за последнее тридцатилетие эти подходы сильно диверсифицировались и эволюционировали в сторону междисциплинарности и методологического синтеза.

Б.У. Серазетдинов в своей работе обобщил и систематизировал имеющиеся в постсоветской российской историографии подходы к анализу военной экономики СССР. Автором показано, что в рассматриваемый им период историография оборонного комплекса страны эволюционировала в сторону более взвешенных, объективных исследований, основанных в том числе на вновь вводимых в оборот источниках, показывающих, наряду с успехами перестройки экономики на военный лад и ее болевые точки.

Профессор *В.Ю. Карнишин* в своей статье обратился к очень важной теме «войн памяти» в историографии Второй мировой и Великой Отечественной войны на постсоветском пространстве. На основе анализа публикаций украинских историков последних лет он показал, как происходило все последние годы формирование нового нарратива, связанного с попыткой разработки национальной истории Украины и к чему это привело.

Статьи *А.М. Ипатов* и *О.А. Кошкиной* посвящены анализу историографии фронтовых подвигов Красной армии и ее вклада в освобождение территории СССР и стран Восточной Европы от нацизма. В своих статьях авторы показывают как историографический дискурс эволюционирует в последние годы и взаимодействует с нарративами исторической памяти на уровне страны и ее регионов, чем отличается от них.

Авторы второго блока статей этого раздела обращаются к источниковедческим аспектам истории Великой Отечественной войны, представляя вниманию читателей как информационный потенциал и эвристические возможности использования разных групп – делопроизводственных, эпистолярных и др. – документов (*Е.В. Булюлина, А.И. Першина, Л.Н. Пивоварова, Л.А. Тёрушкин*), включая документы из зарубежных архивохранилищ (*Р.И. Ларинцев, А.Н. Заблотский*), так и проблемы, объективной реконструкции событий с использованием методов источниковедческого анализа и критики источников (*Е.А. Макарова*). Представленные авторами материалы показывают новые возможности и направления источниковедческого поиска и являются свидетельством того, что даже по прошествии стольких лет по-

Предисловие

сле окончания войны могут быть обнаружены и введены в научный оборот новые и содержательные источники, позволяющие раскрыть многие новые страницы истории военных лет.

Второй раздел сборника представляет вниманию читателей статьи авторов, посвятивших свои исследования изучению действий Красной армии, военной и дипломатической разведки в годы войны, участию уроженцев различных регионов и народов СССР в боевых действиях на советско-германском фронте.

Открывает раздел статья члена-корреспондента РАН *В.С. Христофорова*, который, опираясь на широкий круг источников, включая материалы Центрального архива ФСБ России, рассматривает деятельность советской дипломатии и разведки в годы Великой Отечественной войны. Автор характеризует разнообразную деятельность советских дипломатов и разведчиков 1-го и 4-го управлений НКВД СССР, показывая ее взаимосвязь с результативностью наступательных операций Красной армии по освобождению оккупированных территорий Советского Союза и стран Восточной Европы.

Доктор исторических наук *Е.Ф. Кринко* представил продолжение исследования очень важной темы – взаимодействия Красной армии с населением освобождаемых от нацистской оккупации регионов Юга России. Автор выделил разные формы такого взаимодействия (от мобилизации и сотрудничества с партизанами до шефской помощи, сбора средств и помощи с захоронением погибших) и показал его результативность.

В статье *У.Б. Очирова* на примере национальных кавалерийских дивизий детально разобран феномен добровольчества в период войны, который в последние годы все больше интересует исследователей, о чем свидетельствует появление новых статей и книг на эту тему.

Новый интересный ракурс исследования войны представлен в публикациях *Ф.Л. Синицына* и *Н.В. Башкиревой*, которые рассмотрели проблему иностранных воинских формирований по обе стороны фронта. Авторы изучили как французские, польские, румынские, югославские и другие формирования в СССР, так и французские коллаборационистские соединения, действовавшие на стороне нацистской Германии.

Профессор *А.М. Литвин* в своем исследовании обратился к вопросу подпольной борьбы на территории Беларуси татар и уроженцев Татарской АССР, участников Советско-финляндской войны. На основе привлеченных источников автор показал, что они сыграли важную роль в организации и руководстве партизанской борьбы с врагом.

Статьи *Е.И. Кухарчука* и *А.А. Игонина* посвящены боевому пути и подвигам на фронтах Великой Отечественной войны отдельных подразделений Красной армии – 334-й Витебской ордена Суворова и 262-й Демидовско-Хинганской Краснознаменной ордена Суворова стрелковых дивизий. Авто-

Предисловие

ры, основываясь на богатых архивных материалах, показывают вклад указанных воинских соединений в решение оперативных задач на фронте.

В *третьем разделе* собраны статьи, авторы которых сосредоточили свое внимание на такой важной проблеме, как экономическое обеспечение нужд фронта и тыла в годы войны. В статьях *Е.Е. Красноженовой, В.И. Петрова, Т.В. Буевич* затрагиваются особенности территориального и отраслевого развития промышленности в годы войны. Авторы анализируют состояние промышленности в довоенный период, ее мобилизацию, эвакуацию и перестройку на военный лад с началом войны.

Доктор исторических наук *Е.Е. Красноженова* на примере ленинградских заводов показывает трудности, с которыми столкнулись предприятия с началом войны, а также способы их преодоления в условиях осажденного города, среди которых привлечение к труду женщин и подростков, развитие производственного обучения, соцсоревнований наряду с увеличением рабочего времени и другими способами интенсификации труда.

В.И. Петров сосредоточился на работе рыбной промышленности СССР накануне и в годы войны. Анализируя специфику развития отрасли, автор убедительно показал, что в условиях военного времени было принято правильное решение о сохранении континентального вылова рыбы и сосредоточении промыслов на востоке страны, что обеспечило питанием как фронт, так и тыл страны.

Характеризуя экономику Витебской области БССР накануне и в годы войны, *Т.В. Буевич* показала, что в первые месяцы войны удалось эвакуировать из области лишь незначительную часть объектов промышленности и сельского хозяйства, а большая их часть была утрачена.

В статьях *Г.В. Алексушина, О.А. Гоманенко и И.А. Гудкова* поднята проблема транспортного обеспечения нужд обороны. Авторы рассмотрели роль транспортных артерий в обеспечении успеха Красной армии на фронте (*Г.В. Алексушин*), проблемы обслуживания и ремонта подвижного состава (*О.А. Гоманенко*) и роли человеческого фактора в осуществлении бесперебойной работы транспортников в годы войны (*И.А. Гудков*).

Статьи докторов наук *М.Ю. Мухина, В.П. Мотревича, Р.Р. Хисамутдиновой* посвящены разным аспектам функционирования и развития сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны и его роли в обеспечении продовольственного снабжения армии и тыла. Если *М.Ю. Мухин* в своей статье впервые обратился к такой важной проблеме, как восстановление сельского хозяйства освобожденных от нацистской оккупации территорий страны, то *В.П. Мотревич* и *Р.Р. Хисамутдинова* исследовали более традиционную составляющую – развитие сельского хозяйства и трудовой подвиг крестьянства в региональном разрезе. Авторы представили новые и содержательные материалы, позволяющие говорить о дальнейшем развитии историографии этого направления.

Предисловие

Авторы статей *четвертого раздела* сосредоточили свое внимание на изучении демографического состава Красной армии и ее потерь, а также демографических процессах в годы Великой Отечественной войны и их последствиях как для отдельных регионов, так и для страны в целом.

А.Ю. Безугольный, продолжая свои многолетние исследования национального состава вооруженных сил, проанализировал документацию военных ведомств Российской империи и Советской России, проследив изменение количественных и качественных параметров службы татар в вооруженных силах страны с конца XIX в. до 1945 г., включая распределение по родам войск, темпы продвижения по службе и т.п.

Доктор исторических наук *С.А. Кропачев* в своей статье рассмотрел национальные и территориальные особенности развития России накануне Великой Отечественной войны, показав, что на территории РСФСР сосредоточилась значительная часть населения, военно-промышленного и сельскохозяйственного потенциала, которые сыграли решающую роль в разгроме врага.

Профессора *А.И. Репинецкий* и *М.Н. Потемкина*, а также *Н.В. Чернышева* обратились к изучению социально-демографических аспектов эвакуации населения и работников промышленных предприятий в тыл и их последующей реэвакуации. Авторы на примере Поволжья, Волго-Вятского региона, Урала анализируют как количественную составляющую этих процессов, так и состав эвакуированного населения, выделяя особые категории (мобилизованных и эвакуированных), периоды эвакуации и реэвакуации, а также различные социальные аспекты этих процессов, включая вопросы размещения, продовольственного снабжения, заболеваемости и т.п.

А.С. Бушуев и *Н.В. Хомякова* обратились к изучению демографических последствий войны на примере РСФСР и Уральского региона. *А.С. Бушуев* анализирует демографический состав потерь Красной армии, понесенных ею на завершающем этапе Великой Отечественной войны при освобождении Польши, и сопоставляет эти потери с довоенным населением регионов РСФСР, показывая объем и качество невосполнимых утрат каждым из регионов. *Н.В. Хомякова* исследует население Урала, потери за годы войны и воспроизводство, а также затрагивает проблемы заболеваемости и смертности населения.

Пятый раздел включает в себя материалы, посвященные различным социальным аспектам взаимодействия общества и власти в экстремальных условиях военного времени, включая социальное обеспечение, продовольственное и медицинское обслуживание и др.

Продолжая начатую в предыдущем разделе проблему эвакуации населения, *В.В. Василенко*, *К.А. Ушмаева* и *К.В. Купченко* на основе материалов федеральных и региональных архивов более детально рассматривают проблемы расселения, трудоустройства, бытового и медицинского обслуживания эвакуированных граждан, отмечая как успехи в этом направлении, так и

Предисловие

имевшие место недоработки, отдельные случаи халатности среди местных руководителей и т.п.

Еще один важный аспект жизни населения в тылу в годы войны затрагивают в своей публикации *Р.В. Шайдуллин* и *А.Ю. Пичугин*. Вопрос, поднятый авторами статьи, затрагивает особенности положения семей военнослужащих: пока мужчины отстаивали честь страны, находясь на советско-германском фронте, женщины с детьми, порой, находились не в лучшей ситуации и нуждались в поддержке. На примере Ульяновской области авторы показывают применявшиеся местными властями меры поддержки семей военнослужащих, а также отдельные факты нарушений и злоупотреблений.

Ф.Г. Миниханов, *Л.Т. Нигъмязянова* и *А.Б. Насыбуллина* рассматривают вклад населения Татарской АССР (ныне – Республики Татарстан) в помощь фронту и тыловую работу в годы Великой Отечественной войны, включая строительство Волжского оборонительного рубежа, который на территории республики получил наименование Казанского обвода.

Н.А. Кныш и *А.В. Перегудов* обратились к рассмотрению проблем родительства, сиротства и беспризорности в годы войны. Если первый автор в большей степени сосредоточился на поиске удачной методологической модели анализа, то второй автор подробно раскрыл содержательную часть проблемы на примере Центрального Черноземья, остро ощутившего проблемы сиротства и беспризорности во время оккупации и в постоккупационный период.

Различные вопросы медицинского обслуживания населения, продовольственного снабжения и шефской помощи освобожденным регионам страны в годы войны рассмотрены *В.В. Бахтиным*, *Х.Б. Бабаджановым*, *Н.В. Дмитриевой*, *О.С. Левиной*. Вопросы оборонной работы Осоавиахима и обучения гражданского населения основам противовоздушной и химической обороны и ее эффективности в Узбекской ССР в годы войны рассматривает *Ш.М. Рахимов*.

В решение крупных научно-технических проблем в годы Великой Отечественной войны включились лучшие научные силы страны. Вопросам мобилизации науки и ее помощи фронту, а также состоянию научных и образовательных учреждений посвящены статьи *шестого раздела*.

Доктора исторических наук *И.В. Быстрова*, *А.В. Захарченко* и *О.Н. Солдатова* рассматривают вклад академических и научно-исследовательских учреждений в организацию научных работ для помощи фронту и оборонно-промышленному комплексу страны.

И.В. Быстрова характеризует организацию работ Академии наук СССР по урановой проблеме, выделяя роль созданной в Казани в сентябре 1942 г. специальной лаборатории атомного ядра, лично И.В. Курчатова и других ученых в решении актуальных вопросов ядерной физики.

Предисловие

А.В. Захарченко обратился к изучению научно-технической составляющей в работе авиационной промышленности СССР в годы войны. На примере научных учреждений НИИ Наркомата авиационной промышленности автор показал особенности функционирования научных коллективов, их кооперации с реальным сектором экономики и взаимодействия с военно-воздушными силами Красной армии для успешного решения задач военнотехнического совершенствования авиационной техники.

О.Н. Солдатова исследует работу энергетической секции Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья для решения задач военного производства. Автор рассматривает в деталях, как решались вопросы обеспечения энергетического баланса в регионе с привлечением разных видов местных энергоресурсов (торфа, угля и др.).

*Л.А. Бушуева, В.А. Кышпанак*ов и *П.С. Учват*ов рассматривают вопросы работы научных коллективов и учреждений в годы войны. *Л.А. Бушуева* исследовала научную и педагогическую деятельность эвакуированных в Казань ученых-историков, установила формы, направления и условия их работы, а также их влияние на сообщество местных специалистов и на развитие их карьерных траекторий. *В.А. Кышпанак*ов и *П.С. Учват*ов на примере Хакасского и Мордовского научно-исследовательских институтов рассматривают вопросы функционирования научных учреждений в годы войны, тематику исследовательской и научно-просветительской работы и т.п.

Представленные в *седьмом разделе* статьи концентрируют внимание читателей вокруг вопросов культурного строительства, идеологической работы и религиозной политики в годы военных испытаний.

А.С. Мусагалиева анализирует роль и место ислама в Казахской ССР в годы войны, а также деятельность мусульманских религиозных деятелей, способствовавшую более широкому вовлечению населения в сбор средств на нужды обороны.

В.С. Давтян обратился к теме армянского исторического романа как идеологического фактора в годы войны, а также убедительно показал, что произведения художественной литературы военных лет сыграли важную роль не только в укреплении народного единства в годы тяжелых испытаний, но и стали основой формирования армянской национальной идентичности в последующие годы.

К темам культурно-просветительской и идеологической работы обращаются *И.В. Маслова* и *Б.П. Дементьев*. Они на примере Поволжья (Елабужского района ТАССР) и Урала анализируют основные направления и методы работы с населением и работниками оборонных предприятий для более успешного решения стоящих перед страной и регионами военномобилизационных задач.

Предисловие

Ш.Д. Батырбаева анализирует масштабные социокультурные сдвиги, произошедшие в Кыргызстане за годы войны под влиянием эвакуационных процессов. В результате анализа автор пришла к убедительным выводам о глубокой трансформации кыргызского общества, ставшей устойчивым фундаментом послевоенного развития республики.

В статьях *Т.С. Орловой* и *Г.И. Каюмовой* затрагиваются вопросы развития театрального искусства в годы войны, работы театрально концертных бригад на фронте для поддержания боевого духа солдат, а также реализации различных форм помощи театральным деятелям и артистам фронтовикам.

Н.В. Буянова и *С.В. Пономаренко* исследуют жизнь и творчество художников – С.Б. Телингатера и А.Г. Пичугина. Если творчество С.Б. Телингатера относится к периоду Великой Отечественной войны и представлено в основном карандашными зарисовками с натуры, в том числе портретами военнослужащих РККА, то творчество А.Г. Пичугина пришлось уже на послевоенный период и связано с развитием наивного искусства по мотивам тематики военных лет.

Восьмой раздел содержит статьи, посвященные отражению событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в национальной памяти и мемориальной культуре современного общества.

Открывает раздел статья *О.Ю. Игошиной*, которая обращается к опыту исследования безвозвратных потерь в годы войны, обоснованно показывая на своем материале, что профессиональное и любительское изучение людских потерь за последнее тридцатилетие стало своего рода коммеморативной практикой XXI в.

Продолжают тему работы *Р.Р. Салахиева* и *Р.Л. Исхакова*, обратившихся к опыту работы по увековечению памяти погибших на фронте и умерших в госпиталях солдат и офицеров РККА. Ими подняты актуальные вопросы практической работы по установлению имен и восстановлению справедливости в их мемориализации.

Интересный опыт исследования различных вариантов и форм исторического нарратива, посвященного проблемам сохранения и трансляции памяти о подвиге регионов, народов и отдельных героев в годы войны, включая документальное кино (*Т.И. Юрина*), музейные экспозиции (*С.В. Кожин*, *Е.А. Котловская*, *Д.И. Колесов*), средства массовой информации (*И.В. Метлушко*, *А.Ф. Валеева*) также представлен в этом разделе. Авторы на обширном материале показывают специфику каждого из видов мемориализации и определяют наиболее значимые достижения на этом пути.

Продолжая разговор о памяти, *А.Ю. Гладина* и *С.А. Егорычева* обратились еще к одному важному аспекту проблемы – влиянию событий Великой Отечественной войны на формирование городского ландшафта и встраивание в него мемориальных объектов. Им удалось не только проследить историю создания одного из подобных мемориальных комплексов – монумента

Предисловие

«Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 г.», – но и изучить его бытование в городской среде.

В статьях *Н.Э. Ваикау, В.Г. Петровича, О.Ю. Казаковой, Е.М. Кирюхиной и Д.В. Кирюхина* рассмотрены различные аспекты мемориальной и патриотической работы с учащимися средних и высших учебных заведений. Представленный авторами опыт педагогической работы может оказаться полезным для его тиражирования и в других учреждениях.

Таким образом, мы видим, что опыт и итоги Великой Отечественной войны остаются актуальными и значимыми для исследования, к ним ученые обращаются вновь и вновь. Безусловно, последствия войны еще долго будут болью отзываться в сердцах настоящих и будущих поколений. С годами возможны дополнения в характеристике тех или иных событий войны, уточнение числа понесенных потерь и материальных затрат, разработка новых, ранее не исследованных сюжетов, но нельзя допускать упрощенного взгляда на итоги войны, девальвации подвига советского народа, вклада всех народов и регионов СССР, вместе вынесших на своих плечах тяжелейшие испытания войной, девальвации вклада Красной армии в разгром нацизма.

В целом статьи, представленные в настоящем сборнике, основаны на детальном профессиональном анализе источников и с позиции не только разных регионов, но и разных точек зрения анализируют сложные, многомерные процессы военных лет. Надеюсь, что материалы сборника окажутся интересными и полезными как для специалистов, так и для широкой общественности, интересующейся вопросами истории Великой Отечественной войны, народов и регионов Советского Союза, и будут способствовать дальнейшему профессиональному обсуждению актуальных проблем и вопросов истории, а также сохранению и поддержанию памяти о героическом прошлом.

А.С. Бушув,

кандидат исторических наук

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 696 с.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: подвиг народа и уроки истории: сборник статей по материалам Международной научной онлайн конференции, Казань, 20–21 октября 2020 г. / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 544 с.

Предисловие

3. Третьи Кремлевские чтения: в 2 ч. Ч. 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Тема войны в искусстве», Казань, 27–28 апреля 2010 г. / редкол.: А.С. Бушуев (отв. ред.), И.Р. Миннуллин, О.Л. Улемнова и др. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2010. 228 с.

4. Третьи Кремлевские чтения: в 2 ч. Ч. 2. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: региональные аспекты исследования», Казань, 28 апреля 2010 г. / редкол.: А.С. Бушуев (отв. ред.), А.Ш. Кабирова, И.Р. Миннуллин и др. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2010. 400 с.

РАЗДЕЛ 1

Историография и источниковедение Великой Отечественной войны: новые подходы и направления научного поиска

УДК 930(47+57)"198/202"

Е.Л. Храмкова, О.В. Тузова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ К ИЗУЧЕНИЮ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ 1941–1945 гг.

Аннотация. В статье анализируются основные методологические подходы к изучению фронтовых писем в российской историографии. Акцентируется внимание на расширении проблематики изучения фронтовой корреспонденции на современном этапе. Обозначена актуальность выявления объективной и эффективной методики интерпретации фронтового эпистолярия. Рассматриваются лингвистические и исторические подходы к его анализу, затрагиваются некоторые проблемы археографического плана. Выявлены такие особенности публикаций фронтовых писем конца XX – XXI века, как деидеологизация и рассекречивание. Делается вывод о безусловной целесообразности применения междисциплинарных практик при работе с исследуемой группой личных документов военных лет.

Ключевые слова: фронтовые письма, фронтовой эпистолярный, Великая Отечественная война, лингвистический подход, исторический подход.

E.L. Khrankova, O.V. Tuzova

METHODOLOGICAL APPROACHES IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY FOR THE STUDY OF FRONT-LINE LETTERS OF 1941–1945

Abstract. The article analyzes the main methodological approaches for the study of front-line letters in Russian historiography. Attention is focused on the expansion of the problems of studying front-line correspondence at the present stage. The relevance of identifying an objective and effective methodology for interpreting front-line epistolary is

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

indicated. Linguistic and historical approaches to its analysis are considered, some problems of the archaeographic plan are touched upon. Such features of the publication of front-line letters of the late 20th – 21st centuries as deideologization and declassification are revealed. A conclusion is made about the unconditional expediency of using interdisciplinary practices when working with the studied group of personal documents of the war years.

Keywords: front-line letters, front-line epistolary, Great Patriotic War, linguistic approach, historical approach.

Фронтовые письма 1941–1945 гг. как важнейшая составляющая отечественной духовной культуры привлекают исследователей на протяжении многих десятилетий [10, с. 6–14], в том числе современных российских [4; 25; 51; 65] и зарубежных ученых на постсоветском пространстве [7; 17; 70]. В связи со снятием цензурных ограничений определенные изменения претерпела методика издания и комментирования фронтового эпистолярного наследия, публикационный опыт которого подвергся критическому осмыслению [5; 6; 14; 38].

С 1960-х гг. на страницах научной печати, монографий, диссертационных трудов обсуждаются вопросы собирания, формирования архивных фондов и коллекций фронтовых писем в центральных (федеральных), региональных, ведомственных и других архивах, а также введения в научный оборот указанных источников [1; 6; 20; 23; 39; 59].

В конце XX – первой четверти XXI в. отмечается не только рост, но и существенное расширение проблематики научных исследований, посвященных эвристическому потенциалу фронтовой корреспонденции периода Великой Отечественной войны. На ее базе изучается основная тема – военная повседневность [2; 50] и ее различные аспекты, такие как закономерности коммуникативного процесса 1941–1945 гг. [71], военная цензура и фронтовые письма [67], практики адаптации военнослужащих к экстремальным условиям [62], психология «человека воюющего» [36; 44; 46; 47], внутренний мир солдата [66], материально-вещная среда [60; 64], внутрисемейные взаимоотношения военнослужащих Красной армии [4; 40; 42; 54], компаративный анализ советских и немецких писем [35; 45], любовь и дружба на войне [63; 68], специфика читательских предпочтений комбатантов [58; 61], историческая память [41] и многие другие.

Несмотря на довольно значительное количество публикаций, в которых раскрывается ценность фронтовых писем как полноценного исторического источника и как источника для изучения широкого круга проблем Великой Отечественной войны, остается нерешенным главный вопрос: как «правильно» читать «письма с фронта» [3]?

Различные версии ответов на данный вопрос содержатся в исследованиях, прежде всего, междисциплинарного характера, предлагающих свои подходы к поэтапному анализу и выявлению информационного потенциала

фронтовых писем военных лет. Следует отметить, что отдельным авторам удалось выйти на уровень теории изучения данной группы источников.

Целью статьи является рассмотрение некоторых методологических подходов, оформившихся в конце XX в. – 2020-х гг. в процессе интерпретации фронтовой корреспонденции в российской социогуманитарной науке.

Лингвистические подходы к анализу текстов фронтовых писем

К.А. Старостин представил обзор лингвистических публикаций по интересующей нас теме [52], который хотелось бы дополнить.

Так, в исследованиях О.Н. Колышевой [18; 19] фронтовые письма Великой Отечественной войны рассматриваются как часть концептуальной картины мира (совокупность накопленного опыта человека и его знаний) солдата. Для работы с фронтовыми письмами автор использовала метод реконструкции языковой личности (Ю.Н. Караулов [16]), лексико-семантического анализа текстов и др. Анализ языкового материала, по мнению автора, позволяет воссоздать общий и индивидуальный портрет рядового участника войны как языковой личности военного времени. И тем самым получить новое знание не только о лексиконе, но и ментальности, духовных особенностях, феномене памяти участников войны.

Специалисты в области языкознания сопоставили речевые репрезентации гетеростереотипных (этнических, национальных) представлений о Германии и СССР, получившие отражение в письмах советских и немецких военнослужащих [8]. Ю.А. Завьялова, опираясь на методику фреймового моделирования (фрейм – структура представления данных), выявила актуализации национальных стереотипов двух противоборствующих сторон, изучила их структуру, динамику, количественные характеристики (в частности, показала зависимость частотности некоторых идеологических стереотипов от этапов военных действий). Автор подчеркнула огромное влияние официальной идеологии обеих стран, что оказало влияние на совпадение определенных гетеростереотипов в сознании советских и немецких военнослужащих в период Великой Отечественной войны [8, с. 21].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появилось новое научное направление – теория естественной письменной речи (ЕПР) (Барнаульско-Кемеровская лингвистическая школа) [28]. Она базировалась на изучении ряда письменных текстов, важное место среди которых заняла переписка. В качестве основного подхода к изучению текстов ЕПР был выбран жанроведческий подход. Для описания различных жанров естественной письменной речи Н.Б. Лебедева создала коммуникативно-семиотическую модель (КСМ), которая учитывает 12 параметров: автор; адресат; функция-цель; текст (тема, стиль, композиция); графико-пространственные характеристики и др. [29]

Данная модель была использована для анализа фронтовых писем военного времени, например, в исследованиях Т.П. Сухотериной [55–57]. Рассмотрев особенности изучения солдатских писем как жанра естественной речи с позиции наиболее распространенных современных методологических

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

подходов (лингвокультурологический, психолингвистический, дискурсивный и др.), автор подчеркнула, что центральным из них является коммуникативно-семиотический, так как именно он позволяет рассмотреть «фронтовые письма как специфическое жанровое явление, выделить признаки данного жанра, отличительные особенности...» [57, с. 68]. Используя достижения школы Н.Б. Лебедевой, Т.П. Сухотерина разработала свою методику поэтапного изучения текстов фронтовых писем, применение которой привело автора к следующим основным выводам. Во-первых, «фронтовое письмо» – это многоаспектное явление, правомерно рассматриваемое с позиции самых разных методологических подходов. Во-вторых, с точки зрения теории ЕПР фронтовое письмо выступает как особый жанр ЕПР, «выделенный и устойчивый в национальном языковом сознании». В-третьих, фронтовое письмо – «письменное послание, являющееся основным средством коммуникации в годы Великой Отечественной войны, созданное с целью установления контакта фронтовика с родными и близкими друзьями (фатическая цель), информирования семьи солдата о его жизни (информативная цель), выражения эмоционального, психического состояния (эмотивная цель)». Автор полагает, что фронтовое письмо можно рассматривать по определенным признакам как вид частного письма; несомненна его связь с другими жанрами ЕПР военной эпохи – с «похоронкой», фронтовым дневником [57, с. 71, 75].

Значительный интерес представляют результаты применения разработанной Н.Б. Лебедевой типологии письменно-речевых личностей – рядовых носителей языка. В основе типологии лежат два основных признака – степень и характер включенности авторов в письменный мир, их способность к письменно-речевой деятельности, проявленной во фронтовых письмах. В итоге автором типологии и А.С. Лебедевой были выявлены и охарактеризованы пять типов авторов фронтовых эпистолярных жанров 1941–1945 гг. [30, с. 267–270] Барнаульско-Кемеровской школой создана методика, ориентированная на выявление доминантных (независимых) и детерминантных (зависимых) признаков, доминантно-детерминантных связей в текстах, относящихся к ЕПР. Возможности указанной методики на примере сравнения рукописных текстов двух жанров, обладающих как схожими, так и разными признаками, – военных мемуаров и писем фронта кратко рассмотрены в статье А.С. Лебедевой [27].

Нельзя не упомянуть редкие публикации, посвященные малоизученной разновидности фронтового письма 1941–1945 гг., – «похоронке» («Извещение о смерти военнослужащего»). В этой связи наше внимание привлекла совместная статья Е.А. Косых и Т.П. Сухотериной [22]. Авторы показали жанровое своеобразие извещения и описали его некоторые признаки по параметрам КСМ и модели речевых жанров Т.В. Шмелевой [69]. Представляют интерес не только описанные параметры, но и выделенные черты речевого поведения адресанта и адресата документа. Судя по содержанию статьи, детальный анализ жанровых признаков извещения является перспек-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

тивным и даст новую информацию специалистам в разных областях знания, направленных на изучение статистики безвозвратных потерь советских военнослужащих, причинах, хронологии и месте их гибели, захоронения и т.д.; ценные сведения о тех, кому была адресована «похоронка»; о коммуникативной среде в условиях войны и др.

Достоинные внимания данные об особенностях поведения и психологии человека в экстремальной военной ситуации получили исследователи, предложившие лингвоперсонологический подход к анализу фронтовых писем 1941–1945 гг. [31–33]. Методологическая позиция Н.В. Логуновой и Л.Л. Мазитовой была обусловлена необходимостью «усиления» междисциплинарности военно-исторической антропологии (Е.С. Сенявская) за счет добавления признаков естественной письменной речи (Н.Б. Лебедева), а также открывшимися возможностями комплексного и сравнительного изучения гендерных, профессиональных, ментально-психологических языковых особенностей человека до войны и в годы войны. Это позволяет, по мнению авторов, проследить изменения в психическом состоянии адресанта на протяжении длительного времени, углубить представление об участнике боевых действий [32, с. 61–65; 33, с. 217].

Авторы ввели новое понятие – «историческая языковая личность» и дали его определение. Это «любой носитель языка – житель минувших эпох, чей "портрет" возможно реконструировать по сохранившейся от него речевой продукции». Они сделали вывод о равноценности лингвистического и историко-культурологического (учет затекстовой информации о языковой личности и своеобразие исторической эпохи) подходов в проведении процедуры речевого портретирования [31, с. 56; 33, с. 219]. Трудно не согласиться с авторами, отметившими, что сведения, полученные ими в рамках лингвоперсонологии, могут быть интерпретированы представителями других отраслей знания, «интегрированных военно-исторической антропологией». К ним относится и историческая наука [33, с. 250].

В последние годы появились исследования, посвященные недостаточно изученной теме, – этикетные формы («этикетные речевые знаки») в структуре фронтовых писем 1941–1945 гг. К.А. Старостин, опираясь на метод сплошной выборки, выделил тематические группы этикетных речевых знаков, которые присущи указанным текстам: приветствие, обращение, прощание, благодарность, поздравление, просьба, извинение, совет, отметил частотность их употребления в письмах [53]. В его статье кроме того содержится краткая характеристика композиционного распределения этикетных речевых знаков в эпистолярии военного времени [53, с. 171, 172].

Статья К.Е. Кореповой [21] примечательна тем, что изучение речевого оформления фронтовых писем автор увязала с необходимостью учета социальной дифференциации адресантов (принадлежность к разным социальным группам, разный уровень образования, культуры). Игнорирование данного фактора, по мнению автора, оказывает влияние на корректность выводов исследователей, ведет к недооценке связи солдатских писем с

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

традиционной народной культурой. Опираясь на тексты почти 500 посланий, автор выделила две условные категории писем: «солдатские» (довоенный статус адресантов – крестьяне; принадлежность к традиционной коллективной крестьянской культуре) и «офицерские» (ориентация на книжную культуру, владение ею). При наличии общей жанровой этикетности, как отметила К.Е. Корепова, между этими категориями существуют различия, которые проявляются «в использовании готовых форм, степени стереотипности содержания и формы, а на речевом уровне – в степени формульности и клишированности», в перечне «используемых формул и характера их функционирования» [21, с. 12]. Выводы и наблюдения автора, представленные в рассматриваемой статье, включают новые сведения о характере, содержании, стилевом разнообразии письменного наследия Великой Отечественной войны, о его глубокой связи с национальной культурой и эпистолярной традицией не только советского, но и дореволюционного времени [21, с. 21].

Исторические подходы к изучению фронтовых писем

На рубеже XX–XXI вв. основное внимание историков было направлено не только на выявление новых групп эпистолярных документов, но и совершенствование методологического инструментария, что способствовало более глубокому познанию специфических способов отражения указанными источниками исторической действительности. Новые методологические подходы к анализу писем с фронта 1941–1945 гг. прослеживаются одновременно в монографиях, статьях, диссертациях, предисловиях к документальным изданиям, рецензиях и других историографических источниках. Наше внимание привлекли методологические практики, которые стимулируют новое осмысление фронтовых писем как исторического источника.

Трудно переоценить влияние Е.С. Сениявской – основателя военно-исторической антропологии [43] на переосмысление места и роли фронтовой корреспонденции периода Второй мировой войны в общем источниковом комплексе и группе источников личного происхождения при реконструкции духовного облика фронтового поколения как целостного мировоззренческого, нравственного, социально-психологического феномена [44, с. 4]. Автор подчеркнула: анализируя фронтовые письма необходимо, прежде всего, обращать внимание на обстоятельства формирования источников – действие военной цензуры и самоцензуры [49, с. 50]; «социальную обусловленность мышления их создателей», «различать три уровня отражения духовных процессов: общие представления эпохи, идеи и представления той социальной общности, к которой принадлежит автор, и ... его собственное, индивидуальное отношение к действительности» [47, с. 17]. В качестве главной особенности фронтовых писем Е.С. Сениявская отметила субъективность, как «индивидуальную форму отражения действительности автором документа» и многообразие его переживаний [47, с. 18]. Отдельное место среди работ автора, выполненных, в том числе на базе писем с войны, как известно, за-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

нимают исследования, посвященные фронтовой повседневности [48]. Они инициировали активное развитие данной проблематики в новейшей российской историографии [2; 26; 34].

Среди публикаций, созданных в рамках военно-исторической антропологии, выделяется цикл статей И.Г. Тажидиновой, в которых на основе скрупулезного анализа фронтовых писем воссозданы мельчайшие детали солдатской жизни военного периода; многие из них определены впервые [24; 58–64]. Что касается проблем методологии, то автором и его соавторами значительное внимание уделяется таким аспектам как классификация фронтовых писем [23], специфическая терминология, характерная для эпистолярного текста военнослужащих, методика анализа переписки (один из ведущих методов – метод реконструкции). К числу источниковых предпочтений И.Г. Тажидиновой и ее коллег относятся сохранившиеся комплексы писем военного времени, так как именно они дают большие возможности для объективного изучения материального и духовного мира солдат и офицеров – участников Великой Отечественной войны.

В 2000-е гг. впервые в российской историографии на базе регионально-го фронтового эпистолярного комплекса была создана исследовательская модель, успешно сочетающая исторический, источниковедческий, лингвистический, системный и некоторые другие подходы [10]. Автор модели А.Ю. Иванов разработал детальную методику и технику анализа структуры, состава, способов оформления, формуляра, содержания военных писем. Источниковедческий ракурс рассмотрения самых массовых источников личного происхождения Великой Отечественной войны позволил достаточно полно описать их информационный потенциал, показать особенности отражения, наиболее репрезентативного с точки зрения автора сюжета фронтовых писем – военной повседневности [10, с. 21]. В работах А.Ю. Иванова содержатся интересные наблюдения, касающиеся реконструкции социального портрета солдат и офицеров – участников войны, фронтовой эпистолярной культуры 1941–1945 гг. [9; 12; 13]

В 2021 г. автор опубликовал монографию, ставшую практически сразу библиографической редкостью, в которой нашла продолжение работа над созданием модели фронтового письма, относящейся к периоду Первой мировой и Великой Отечественной войн [11]. А.Ю. Иванов определил ее как «обобщенный теоретический аналог фронтового письма», воспроизводящий «принципы организации фронтового эпистолярного комплекса в контексте эволюции письменной культуры исследуемого времени [11, с. 124]. Следует подчеркнуть, что указанная модель создана на основе внушительных по объему неопубликованных эпистолярных комплексах двух мировых войн. Как и в предыдущих исследованиях автора, значительное внимание в книге уделено формированию методологического и источниковедческого инструментария в русле антропологической парадигмы, соответствующего задачам анализа специфического, сложного, и недостаточно изученного феномена первой по-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

ловины XX столетия – фронтового письма, дающего, прежде всего, представление о психологии личности комбатанта рассматриваемого времени.

Источниковедческие методы в сочетании с известными историческими методами (сравнительно-исторический, причинно-следственный, проблемно-хронологический, историко-генетический и др.) нашли применение при выявлении научно-познавательной ценности сохранившихся в региональных архивохранилищах комплексов семейной переписки фронтовиков как исторических источников [40].

В изучении военной повседневности в рамках военно-исторической антропологии и имагологии следует выделить исследования, посвященные компаративному анализу фронтовых писем с целью сравнения ментальностей советских и немецких военнослужащих, а также выявления «глубинных истоков» исхода противостояния двух сторон во Второй мировой войне [45, с. 97]. В источниковую базу в числе прочих были включены изъятые военной цензурой письма советских солдат и офицеров [35]. Е.С. Сеньявская поставила один из сложных и дискуссионных вопросов о том, насколько полно и точно фронтовые письма отражают реальные умонастроения советских солдат и офицеров, и предложила при его решении учитывать ряд внешних и внутренних факторов [45, с. 98]. Сопоставление психологических характеристик привело авторов к выводу о коренных отличиях в менталитете советских и немецких комбатантов [35, с. 90; 45, с. 103].

Вопросы методологического и археографического плана явились предметом изучения в малочисленных критических статьях, посвященных проблемам выявления, отбора и издания источников личного происхождения, в том числе фронтовых писем [6; 14]; в отдельных предисловиях к документальным сборникам [5; 38] и рецензиях на документальные публикации военной переписки [15; 37]. В числе принципиально важных черт новейшей публикаторской деятельности были отмечены: отказ от идеологизации при отборе для включения в документальные издания фронтовых писем 1941–1945 гг.; рассекречивание писем, конфискованных военной цензурой и особыми отделами, что позволило приступить к их опубликованию; постепенный отход от понимания фронтовых писем как ценного, но дополнительного фактологического источника по тем или иным аспектам истории Великой Отечественной войны и др. К сожалению, составители документальных сборников фронтовых писем так и не пришли к единому мнению о том, как они должны воспроизводиться. Определенная часть российских архивистов, археографов, историков, как и ранее советских, допускают публикацию эпистолярных текстов в соответствии с правилами современного русского языка [14, с. 51]. Другая часть следуют «принципу точного воспроизведения... текстов подлинных архивных документов», сохраняя «стиль и лексические особенности авторской речи, искажения слов» [38, с. 16]. Отрадно, как отметил В.И. Иванов, что в последние годы появляются сборники, составители которых точно передают текст фронтовых писем, что, несомненно, способствует повышению научного уровня изданий [14, с. 53].

Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны: новые подходы и направления научного поиска

Таким образом, анализ отечественной историографической ситуации 1990-х гг. – первых десятилетий XXI в. дает возможность констатировать, что изучение фронтовых писем и посвященная им археографическая практика диверсифицируются, в том числе благодаря процессам деидеологизации и рассекречивания. Вне сомнения, одним из перспективных и эффективных направлений анализа и введения в научный оборот фронтового эпистолярия являются междисциплинарные исследования, сочетающие методологические модели истории, лингвистики, культурологии, психологии и т.д.

Источники и литература

1. *Альтман М.М.* Организация собирания и использования документов личного происхождения о Великой Отечественной войне (из опыта работы ЦГА СССР и Государственных архивов Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.М. Альтаман. М., 1992. 28 с.
2. *Булыгина Т.А.* Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны / Т.А. Булыгина // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / науч. ред. Т.А. Булыгина. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2005. С. 530–540.
3. *Воронина Т.Ю.* Как читать письма с фронта? Личная корреспонденция и память о Второй мировой войне / Т.Ю. Воронина // Неприкосновенный запас. 2011. № 3(77). С. 159–175.
4. *Гаевская И.И.* Письма с фронта как источник изучения отношений родительства в годы Великой Отечественной войны / И.И. Гаевская, М.А. Лаврентьева // Вектор гуманитарной мысли. 2024. № 2. С. 13–24.
5. XX век: письма войны / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. статья, ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подготовка док. М.: НЛЮ, 2016. 840 с.
6. *Ешан Е.Э.* Особенности изучения и издания фронтовых писем периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Е.Э. Ешан // История и политика: война и мир XX века. Уроки прошлого и угрозы современности: сборник научных трудов по материалам XII всероссийского симпозиума, посвященного 75-летию Великой Победы / под ред. А.В. Парамонова, А.А. Халина, А.В. Дахина. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2021. С. 209–221.
7. *Жаксылыкова А.Б.* Письма с фронта воинов-акмолинцев в годы Великой Отечественной войны / А.Б. Жаксылыкова // Зыряновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / редкол.: В.В. Менщиков [и др.]. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 134–135.
8. *Завьялова Ю.А.* Стереотипные представления о Германии и СССР в письмах советских и немецких военнослужащих (1941–1945 гг.): лингвокультурологическое и лингвокогнитивное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Завьялова. Екатеринбург, 2015. 23 с.
9. *Иванов А.Ю.* Анализ фронтовых писем периода Великой Отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов / А.Ю. Иванов // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 37–41.
10. *Иванов А.Ю.* Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Ю. Иванов. Казань, 2009. 24 с.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

11. *Иванов А.Ю.* Эпистолярная память о войне: психология эго-нарратива / А.Ю. Иванов. Казань: Меддок, 2021. 171 с.
12. *Иванов А.Ю.* Эпистолярный текст как источник исследования структуры индивидуального сознания / А.Ю. Иванов // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 249–255.
13. *Иванов А.Ю.* Фронтовые письма XX века как исторический источник: методология анализа / А.Ю. Иванов // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, № 1. С. 49–53.
14. *Иванов В.И.* Современные проблемы публикации писем периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / В.И. Иванов // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 50–57.
15. *Кабилова А.Ш.* Рец. на книгу: Письма с фронта. 1941–1945 гг.: сборник документов / сост. Д.И. Ибрагимов, И.А. Мустакимов и др. Казань: Гасыр, 2010. 232 с. / А.Ш. Кабилова // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 119–121.
16. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1987. 261 с.
17. *Каюмова Р.Р.* История войны в коллекциях писем с фронта Национального архива Узбекистана / Р.Р. Каюмова // Архив в социуме – социум в архиве. Материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции / сост., науч. ред. Н.А. Антипин. Челябинск: [б. и.], 2021. С. 344–347.
18. *Колышева О.Н.* Концептуальное поле «Великая Отечественная война» в русской языковой картине мира (на материалах солдатских писем, дневников и нарративов «детей войны»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Колышева. М., 2020. 22 с.
19. *Колышева О.Н.* Языковая личность солдата (на материале солдатских писем) / О.Н. Колышева // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов международной научной конференции. Вып. 10 / науч. ред. Н.Ю. Желтова. Тамбов: ИД «Державинский», 2021. С. 47–53.
20. *Кондратьев В.А.* О публикации писем советских людей периода Великой Отечественной войны / В.А. Кондратьев // История СССР. 1986. № 6. С. 97–105.
21. *Корепова К.Е.* Шлю я вам свой фронтовой привет! Речевой этикет солдатских писем / К.Е. Корепова // Традиционная культура. 2021. Т. 22, № 2. С. 11–23. <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.2.001>
22. *Косых Е.А.* Извещение («похоронка») в жанровом аспекте / Е.А. Косых, Т.П. Сухотерина // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3(64). С. 370–372.
23. *Кринко Е.Ф.* Письма военного времени в Архивном фонде Российской Федерации / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 87–96.
24. *Кринко Е.Ф.* Время войны: особенности восприятия и переживания (на материалах писем и воспоминаний фронтовиков) / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 2(16). С. 38–48.
25. *Лазарова О.М.* Фронтовые письма как источники изучения Великой Отечественной войны / О.М. Лазарова // Kavkaz-Forum. 2023. № 15(22). С. 66–77. <https://doi.org/10.46698/VNC.2023.22.15.005>
26. *Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны как объект научной коммеморации в новейшей российской историографии / Э.А. Ларионов // Вестник Московского государственного областного университета.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 37–45. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-1-37-45>

27. *Лебедева А.С.* Военные мемуары и фронтовой эпистолярный: доминантно-детерминантные отношения признаков / А.С. Лебедева // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 64–66.

28. *Лебедева Н.Б.* Десять лет изучения естественной письменной речи: подходы, решения и перспективы / Н.Б. Лебедева // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Сборник научных статей. Ч. IV. Дискурсы и жанры письменной речи / под ред. Н.Б. Лебедевой. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2011. С. 14–29.

29. *Лебедева Н.Б.* Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н.Б. Лебедева // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2001. № 1-2. С. 4–10.

30. *Лебедева Н.Б.* Типы авторов во фронтовом эпистолярном / Н.Б. Лебедева, А.С. Лебедева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 2(90). С. 266–272. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-266-272>

31. *Логунова Н.В.* «Взгляд из окопа»: фронтовые письма как объект научного осмысления в лингвистической персонологии / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2(9). С. 52–66. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2020-099-02-52-66>

32. *Логунова Н.В.* Изменения в психическом состоянии индивида в военных условиях через призму речевых жанров (по материалам писем А.П. Попкова) / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова // Philologos. 2019. № 3(42). С. 59–67. <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2019-42-3-59-67>

33. *Логунова Н.В.* Человек на войне: «взгляд из окопа» (лингвоперсонологический анализ частных эпистолярных архивов периода Великой Отечественной войны). Материалы и исследования / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. Соликамск: РТО СГПИ филиал ПГНИУ; ООО «Типограф», 2022. 635 с.

34. *Макарова Н.Н.* «Пока живой – писать буду...»: повседневность чувств эпохи Великой Отечественной войны (по материалам личной переписки магнитогорцев) / Н.Н. Макарова // Новейшая история России. 2016. № 3(17). С. 159–174. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.310>

35. *Миниханов Ф.Г.* Фронтовые письма: эволюция взглядов советских и немецких солдат в начальный период войны / Ф.Г. Миниханов // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 82–92.

36. *Моисеева И.Ю.* Социально-психологический портрет фронтовика Великой Отечественной войны (на материалах Коми АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.Ю. Моисеева. Сыктывкар, 2006. 23 с.

37. *Николаи Ф.В.* Рец. на кн.: Сергей Ушакин, Алексей Голубев (ред.). XX век: письма войны. Антология военной корреспонденции. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с. / Ф.В. Николаи // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 233–243. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-37-233-243>

38. Письма военных лет: переписка школьных учителей и учеников. Сборник / сост.: А.Б. Безбородов, О.В. Павленко, Т.И. Хорхордина, Ф.Г. Тараторкин, К.В. Краснослободцев; авт. статей А.Б. Безбородов, О.В. Павленко, Ф.Г. Тараторкин, Т.И. Хорхордина. М.: РГГУ, 2020. 294 с.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

39. *Полежаева Г.Н.* Комплектование госархива Владимирской области документами периода Великой Отечественной войны / Г.Н. Полежаева // Отечественные архивы. 2020. № 2. С. 18–23.

40. *Савенко Е.Н.* Комплексы семейной переписки фронтовиков Великой Отечественной войны в архивохранилищах Сибири: источниковедческая ценность, перспективы использования / Е.Н. Саенко // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 3. С. 110–119. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2023.3.40664>

41. *Салахияев Р.Р.* Солдатские письма – источник сохранения исторической памяти / Р.Р. Салахияев // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: подвиг народа и уроки истории. Сборник статей по материалам Международной научной онлайн конференции / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 64–72.

42. *Салмина М.С.* Отражение семейной тематики во фронтовых письмах южноуральцев 1941–1945 гг. (на материале переписки семьи В.Д. Тарасова) / М.С. Салмина // Вестник Челябинского областного общества краеведов. Материалы Областных историко-краеведческих педагогических чтений, посвященных 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Вып. 16 / сост.: И.А. Новиков, Д.А. Алпатаков. Челябинск: АБРИС, 2010. С. 11–16.

43. *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки / Е.С. Сенявская // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–22.

44. *Сенявская Е.С.* Духовный облик фронтового поколения (Методологические и источниковедческие проблемы изучения): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.С. Сенявская. М., 1992. 23 с.

45. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

46. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 1999. 382 с.

47. *Сенявская Е.С.* 1941–1945: фронтовое поколение: историко-психологическое исследование / Е.С. Сенявская. М.: ИРИ РАН, 1995. 218 с.

48. *Сенявская Е.С.* Фронтовая повседневность в войнах России XX века как объект изучения: историографический итог трех десятилетий (1991–2021) / Е.С. Сенявская // Исторические записки. 2021. Т. 20(183). С. 243–257.

49. *Сенявская Е.С.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии / Е.С. Сенявская, А.С. Сенявский, Л.В. Жукова. М.: Институт российской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 418 с.

50. *Скипина И.В.* Переписка фронтовиков с тюменцами как источник по истории повседневности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / И.В. Скипина // Научный диалог. 2020. № 12. С. 308–321. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-308-321>

51. *Сомов В.А.* Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / В.А. Сомов // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 131–135.

52. *Старостин К.А.* Письма фронтовиков как объект лингвистического исследования / К.А. Старостин // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 165–177.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

53. *Старостин К.А.* Этикетные речевые знаки в письмах с фронта / К.А. Старостин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1(85). С. 168–172. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.37>

54. *Струнина В.П.* Внутрисемейные отношения во фронтовой корреспонденции / В.П. Струнина // Домашняя повседневность населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. Т. 1 / отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: Медиапир, 2022. С. 201–205.

55. *Сухотерина Т.П.* Фронтовое письмо в коммуникативной ситуации Великой Отечественной войны / Т.П. Сухотерина // Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. Н.А. Матвеевой, В.А. Бармина. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 216–222.

56. *Сухотерина Т.П.* Фронтовое письмо как жанр естественной письменной русской речи / Т.П. Сухотерина // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4(47). С. 249–251.

57. *Сухотерина Т.П.* Фронтовое письмо как речевой жанр: подходы к исследованию / Т.П. Сухотерина, М.Н. Марухина // Педагогическое образование на Алтае. 2019. № 2. С. 68–76.

58. *Тажиудинова И.Г.* «Книжный голод хуже хлебного»: повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны / И.Г. Тажиудинова // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 2(36). С. 5–9.

59. *Тажиудинова И.Г.* Коллекция фронтовых писем «Память» в Российском государственном архиве социально-политической истории – крупнейшее собрание переписки красноармейцев 1941–1945 гг. / И.Г. Тажиудинова // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 8–19.

60. *Тажиудинова И.Г.* «Крыша над головой» для советского солдата в Европе и Азии. Из эпистолярного наследия фронтовиков 1944–1945 гг. / И.Г. Тажиудинова // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 408–420.

61. *Тажиудинова И.Г.* Повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны (на материале фронтовых писем) / И.Г. Тажиудинова // Наука и школа. 2010. № 2. С. 142–145.

62. *Тажиудинова И.Г.* Практики адаптации к фронту в свидетельствах советских военнослужащих 1941–1945 гг. / И.Г. Тажиудинова // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 42–57.

63. *Тажиудинова И.Г.* Фронтная дружба в свидетельствах комбатантов Великой Отечественной войны / И.Г. Тажиудинова // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 328–347.

64. *Тажиудинова И.Г.* Ценность вещей: измерение военного времени / И.Г. Тажиудинова // Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2010. № 1 (10). С. 487–504.

65. *Хисамутдинова Р.Р.* Последние солдатские письма с фронта: лето 1941 года / Р.Р. Хисамутдинова // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. Международная научно-практическая конференция к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией, Оренбург 23–25 апреля 2020 г. Сборник статей / науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: ОГПУ, 2020. С. 323–329.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

66. *Хисамутдинова Р.Р.* Фронтовые письма периода Великой Отечественной войны как уникальный источник для изучения внутреннего мира человека на войне / Р.Р. Хисамутдинова // Россия в условиях XIX–XX веков. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. Т. 2 / науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: ОГПУ, 2017. С. 214–221.

67. *Христофоров В.С.* О настроениях военнослужащих Красной Армии в 1941 году (по рассекреченным документам органов госбезопасности) / В.С. Христофоров // Трансформации общественного сознания в переходную эпоху [Электронный ресурс]. Материалы международной научно-практической конференции. Т. 1 / под ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой, Н.А. Агеевой. Нижний Новгород: НГЛУ, 2022. С. 85–91.

68. *Черепанова Т.В.* Любовно-романтическая тематика фронтовой эпистолы: на примере писем из осажденного Севастополя / Т.В. Черепанова, А.Р. Голубев // Человеческий капитал. 2022. № 7(163). С. 194–202. <https://doi.org/10.25629/НС.2022.07.21>

69. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–98.

70. *Шорахбарова М.С.* Письма с фронта как исторический источник в изучении истории Второй мировой войны / М.С. Шорахбарова // Архив в социуме – социум в архиве. Материалы шестой Всероссийской научно-практической конференции / сост., науч. ред. Н.А. Антипин. Челябинск: [б. и.], 2023. С. 382–384.

71. *Юнина Е.А.* Военная повседневность 1941–1945 гг. в эпистолярных документах сибирских комбатантов / Е.А. Юнина // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 65–100. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.11.30885>

Храмкова Елена Ленаровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, г. Самара, hramkova@rambler.ru

Тузова Ольга Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Россия, г. Самара, ovtuzova@mail.ru

Khramkova Elena L., Doctor of Sciences (History), Full Professor, Professor at the Department of Russian History and Archeology, Samara State Social and Pedagogical University, Russia, Samara, hramkova@rambler.ru

Tuzova Olga V., Doctor of Sciences (History), Docent, Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Russia, Samara, ovtuzova@mail.ru

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье в целом завершена систематизация подходов к изучению военной экономики СССР в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии. Целью выполненного исследования было выявление основных подходов, оценок и мнений о советской экономике в годы войны в нашей историографии постсоветского периода. Историография военной экономики сегодня привлекает внимание все большего количества различных специалистов, и, как нам думается, является актуальным и в настоящее время, в связи с напряженной геополитической ситуацией вокруг России. Вполне возможно, что отечественный оборонно-промышленный комплекс (ОПК) вернёт себе свое старое истинное название и предназначение, то есть военно-промышленный комплекс (ВПК). Практическое использование знаний по организации военной экономики и изучение опыта организаторов военной экономики в СССР позволит быстро и эффективно, при необходимости, построить военную экономику в нашей стране.

Ключевые слова: военная экономика, Великая Отечественная война, отечественная историография, оборонно-промышленный комплекс, аграрный сектор, финансирование, бюджет, территориальные органы государственной безопасности СССР.

B.U. Serazetdinov

THE MILITARY ECONOMY OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE IN THE POST-SOVIET PERIOD

Abstract. The article generally completes the systematization of approaches to the study of the military economy of the USSR during the Great Patriotic War in Russian historiography. The purpose of the study was to identify some of the most basic approaches, assessments and opinions about the Soviet economy during the war years in our historiography of the post-Soviet period. The historiography of the military economy is attracting the attention of an increasing number of different specialists today, and, as we think, it is relevant at the present time, due to the tense geopolitical situation around Russia. It is quite possible that the Russian military-industrial complex (MIC) will regain its old true name and purpose, that is, the military-industrial complex (MIC). The practical use of knowledge on the organization of the military economy and the study of the experience of the organizers of the military economy in the USSR will make it possible to quickly and efficiently, if necessary, build a military economy in our country.

Keywords: military economy, the Great Patriotic War, national historiography, military-industrial complex, agricultural sector, financing, budget, territorial state security agencies of the USSR.

В настоящее время преобразования в военно-экономической сфере России нацелены на сохранение и усиление военного и военно-технического превосходства, модернизацию армии и флота и их адаптацию к требованиям и задачам XXI века. В настоящее время ретроспективное рассмотрение проблем организации и управления военной экономикой СССР представляет не только исторический интерес, но имеет определенное практическое значение и требует проведения специального исследования. Трансформация экономики России в условиях санкционной войны и проведения СВО стали одними из побудительных причин исследования. Это, прежде всего, тяжелое положение современной оборонной индустрии в стране и необходимость модернизации военно-промышленного комплекса и определения роли предприятий, обслуживающих потребности армии. В настоящее время ставится задача не только приумножить, но и сохранить уникальные технологии и опыт, полученные в военные годы на предприятиях регионов страны.

Задача исторической науки на современном этапе состоит в том, чтобы в период трансформации общественного сознания формировать научные знания по вопросам, приобретающим сегодня особую актуальность и подвергающимся категоричным оценкам и имеющим достаточно широкий плюрализм мнений. В данном случае примечательна история развития военной экономики СССР в годы Великой Отечественной войны, которая как определенный исторический феномен послужила достаточным основанием для появления широкого круга исторической литературы, интерес к которой остро обозначился в постсоветский период.

Крылатое выражение: «Все для фронта, все для победы» стало не только лозунгом литературной публицистики военной поры, но и методологическим подходом к теоретическому исследованию военной экономики в нашей стране. Известно, что военная экономика есть специфическая военнo-хозяйственная система, которая охватывает производство, распределение, обмен (обращение) и потребление оружия и других предметов военного назначения, материально обеспечивая функционирование Вооруженных Сил, поддержание обороноспособности государства в соответствии с его военной доктриной [23]. А.В. Харламов отмечает, что под военной экономикой следует понимать специфическую часть национального хозяйства, обеспечивающую военную безопасность государства посредством подготовки и ведения войны и включающую как производительные силы, так и производственные отношения [86, с. 15]. Наряду с ними существует определение военной экономики как особого качественного состояния всей экономики, когда она подчинена удовлетворению потребностей войны, переведена на военный лад [73; 22].

Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны: новые подходы и направления научного поиска

На современном этапе военная экономика это прежде всего, согласно «Военной доктрины Российской Федерации», «создание условий для устойчивого развития и поддержания возможностей военно-экономического и военно-технического потенциалов государства на уровне, необходимом для реализации военной политики и надежного удовлетворения потребностей военной организации в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время» [21].

Тема становления и развития военной экономики страны во время Великой Отечественной войны актуальна и на современном этапе. Многогранность и сложность этой темы требует соответствия подходов и методов задачам исследования и характеру источников, а также использования научного арсенала специалистов из разных областей гуманитарного знания.

В постсоветский период в обстановке научного поиска, попыток формирования новых концептуальных основ истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) велась работа по изучению сложного исторического процесса рассматриваемых лет. Однако следует отметить, что пересмотр прежних устойчивых мифов и создание новых легенд и версий оказался весьма болезненным. Это объясняется тем, что переосмысление было связано с социальной психологией не отдельных слоев российского общества, а всего народа. Более того, весьма часто опубликованные новые работы, включая и документальные материалы, как и прежде, носили выборочный (и уже потому конъюнктурный) характер и рассчитывались на сенсационность.

Современная отечественная историография, преодолевая облегченный публицистический или явно политизированный антисоветский подходы к проблемам Великой Отечественной войны, проявившиеся с середины 1980-х гг., обнаруживает тенденцию к взвешенным, беспристрастным, документально и научно обоснованным объективным исследованиям. Значение новых работ можно определить, прежде всего, тем, что их авторы в той или иной степени выявляли «болевые точки» военной экономики и в различной мере внесли свой вклад в их пояснение.

Постсоветский период – с 1990 г. по настоящее время – период появления новых архивных данных и переосмысления многих аспектов нашей истории. В этот период появились многочисленные публикации и монографии, в которых на основе ряда недоступных источников из центральных и региональных архивов освещается развитие военной экономики СССР в годы войны.

В 1999 г. успешно защитил докторскую диссертацию Е.В. Хохлов по теме «Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны». Он рассматривает изменения военно-экономического потенциала в условиях оккупации части территории, мобилизационные возможности централизованно-плановой экономики и укрепление военно-экономического потенциала в условиях боевых действий на территории СССР и военную экономику страны на завершающем этапе Второй мировой войны [87]. Он приходит к выводу, что в ходе предвоенных реформ была сформирована совершенно новая и эф-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

фективная для экстремальных политических и экономических условий система управления народным хозяйством. Была создана некапиталистическая финансовая система, позволяющая производить широкомасштабные инвестиции в отрасли, стоящие на острие научно-технического прогресса, без привлечения кабальных займов от международных ростовщиков. Ресурсы потреблялись достаточно рационально, поскольку существовали не только генеральные планы развития городов, промышленных центров и районов, но и планы, координирующие развитие указанных комплексов в отраслевом, межрегиональном и кооперационном разрезе. Движение денежных, натурально-вещественных и миграционных потоков координировалось достаточно жестко, что не позволяло развиваться по мере увеличения бюджетного финансирования застарелым болезням российской экономики – коррупции, грюндерству, взяточничеству, спекуляции и воровству. Во-вторых, опыт Второй мировой войны, которая обернулась для русского народа национальной освободительной войной, уникален прежде всего тем, что не имея в предвоенный период конкретного противника, кроме международного империализма, Россия (СССР) укрепляла государственную мощь по всем направлениям – политическому, экономическому и военному. Однородность данных составляющих обеспечила стране долговременные источники победы. В-третьих, советским государственным органам удалось в крайне неблагоприятных условиях реализовать планы мобилизации и перебазирования значительной части производственного потенциала военной экономики европейской части СССР в восточные районы. В-четвертых, опыт предвоенных и военных лет показал, что для советской административно-хозяйственной системы была свойственна определенная рутина и неповоротливость в коммерческих делах, однако в стратегическом плане и в экстремальных условиях, она проявляла высокую гибкость и маневренность. В-пятых, советская административно-хозяйственная система продемонстрировала в годы войны поразительную способность к целевой организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и быстрому внедрению в поточное производство новой, высокоэффективной техники.

М.В. Галкин в своем исследовании на основе новых источников предпринял попытку комплексного анализа исторического процесса становления военно-экономического потенциала СССР и его развития, и укрепления в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. Он отмечает, что проведенное перераспределение материальных, финансовых и трудовых ресурсов страны сыграло решающую роль в перестройке народного хозяйства. Изменение народнохозяйственных пропорций, переключение всех сил и средств на обслуживание фронта заложили основу для создания слаженной военной экономики [29].

В 2004 г. выходит четвертая книга академика РАЕН, советского и российского экономиста, доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Р.А. Белоусова из его глубокого научного цикла «Экономическая история России: XX век» «Экономика Рос-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

сии в условиях «горячей» и «холодной войн». Она посвящена самому трудному и трагичному периоду в экономической истории России XX в. [15]

Работа известного ученого, академика РАН Г.А. Куманева «Говорят сталинские наркомы» [50] стала беллетристикой в исторической литературе. Он отмечает, что 1941–1945 гг. стали временем смелых и оригинальных производственно-технических решений, небывалого подъема творческой мысли тружеников советского тыла. Во вступительной главе «Слово о военной экономике СССР 1941–1945 гг. и ее командирах» он подчеркнул, что от глубоко продуманных программных и конкретных решений высшего звена политических, военных и хозяйственных руководителей СССР во многом зависел как ход военных действий на полях битв и сражений, так и последовательный рост, и укрепление советского тыла, его экономики.

А.В. Антонов в своем исследовании «Военно-экономическая политика советского многонационального государства по решению оборонных задач в годы Великой Отечественной войны» показал приращение народнохозяйственного и военно-экономического потенциалов в ходе перестройки на военный лад и эвакуации, которое привело к серьезному усилению обороноспособности страны, качественному и количественному увеличению военной техники и другой промышленной продукции [4].

Обращает внимание статья С.В. Бажанова «Экономика великой Победы: итоги и уроки первой модернизации». Он отмечает, что «эффективному развертыванию военной экономики СССР послужила научная, технологическая и кадровая основа, созданная в 30-е годы. Это была настоящая промышленная революция, основанная на передовых технологиях и открытиях. Поэтому вопрос: модернизация или смерть – был для того времени не менее актуален, чем сейчас» [11].

В коллективной монографии «Человеческий капитал в годы Великой Отечественной войны: особенности формирования и развития» [90] рассматриваются проблемы формирования трудовых ресурсов военной экономики и их характеристика, подготовки кадров для народного хозяйства СССР в годы войны. Приводятся статистические данные, позволяющие понять условия, в которых проходило становление и развитие трудовых ресурсов военной экономики в годы военного лихолетья.

В. Иванченко в статье «Мобилизационная модель индустриализации СССР как стратегический ответ на подготовку Второй мировой войны» отмечает, что в годы войны особое внимание уделялось следующим факторам:

- переводу в ВПК всех необходимых по балансу предприятий из всех отраслей народного хозяйства;
- высвобождению производственных мощностей на всех промышленных предприятиях гражданского производства для размещения заказов для фронта и для населения, работающего в новых условиях;
- ускорению разработки и производства новой техники и других средств для фронта (например, бронелист в металлургии, организация мас-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

сового поточного производства снарядов, пулеметов, автоматов Калашникова);

- мобилизации всех возможных ресурсов сельского хозяйства, расширение посевных площадей в Поволжье, в Сибири и других регионах с учетом выпадения из баланса ресурсов на захваченных немцами территориях;

- мобилизации строительных мощностей для военных нужд и строительства новых предприятий, обустройство промышленных производств с Запада;

- пересмотру всех нормативов потребления, издержек производства без ухудшения качества продукции;

- усилению контроля качества военной техники с помощью военпредов на оборонных предприятиях и в производстве продукции для армии;

- мобилизации средств населения для бюджета (займы, облигации) и для помощи фронту, госпиталям;

- перестройке структуры и методов работы Госплана, наркоматов, министерств и ведомств. В 1940 г. вместо бывших шести был создан двадцать один наркомат;

- перестройке подготовки и переподготовки кадров;

- усилению трудовой дисциплины и укрепление национального единства СССР [38, с. 19–20].

В 2015 г. выходит монография Г.А. Куманева и Б.У. Серазетдинова «Военная экономика СССР – важнейший фактор Великой Победы (1941–1945 гг.)», где подчеркивается, что успешно перестроив все народное хозяйство СССР на военный лад, труженики советской военной экономики сумели обеспечить воинов Красной армии в необходимых количествах первоклассным оружием, что позволило им остановить ход вооруженной борьбы и добиться коренного перелома в смертельной схватке с немецко-фашистскими захватчиками, а затем и японскими милитаристами [51].

В монографии «Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности» представлена оценка с современных позиций институциональных и структурных трансформаций советской экономики в преддверии и в период Великой Отечественной войны. Охарактеризованы приоритеты мобилизационной перестройки отечественной промышленности, товарного сельского хозяйства, государственных и муниципальных финансов, а также изменения пространственной организации производительных сил СССР в годы Великой Отечественной войны [96].

В современной российской историографии, посвященной советскому периоду, особое место занимает изучение оборонно-промышленного комплекса [69]. Исследования начались только в 1990-е гг., когда стали доступны архивы [79, с. 150–208]. Первыми серьезными работами стали монографии Н.С. Симонова [78] и И.В. Быстровой [18]. Их книги заложили основу для дальнейших исследований.

Заслуживают высокой оценки работы по отдельным отраслям оборонной промышленности в годы войны М.Ю. Мухина [64], А.А. Антуфьева [6],

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

А.Ю. Ермолова [37], Н.Н. Мельникова [57], И.М. Савицкого [77], А.Н. Балыша [12], Н.П. Шуранова [93], В.Н. Шумилова [92] и др.

Н.С. Симонов считает, что четвертый этап развития оборонно-промышленного комплекса это – 1941–1945 гг. Превращение химического и машиностроительного комплексов страны в военно-промышленный. Под эгидой соответствующих наркоматов (авиационной, судостроительной, танковой промышленности; боеприпасов и минно-минометного вооружения) появляются «комплексные» отрасли военно-промышленного производства. Теперь их возглавляет Государственный комитет обороны СССР, который руководит всем оборонным комплексом страны [78].

С точки зрения И.В. Быстровой история развития ОПК рассматриваемого нами периода, это второй период (1941–1945 гг.): пик милитаризации экономики и централизации управления (Государственный комитет обороны). Советская мобилизация была успешной: 1400 предприятий были перемещены на восток страны, военная продукция была доведена до 65–68% от всей произведенной в СССР промышленной продукции [18].

Петербургский коллектив во главе с А.В. Лосиком подготовил исследование «Отечественный военно-промышленный комплекс в XX – начале XXI века» [53], опирающееся на серьезную источниковую базу. Авторы отмечают, что второй период истории ОПК это годы Великой Отечественной войны и это тотальной мобилизации военного производства, возникновения военных индустриальных центров на востоке страны.

Обращают на себя внимание работы В.Н. Парамонова об индустриальном развитии РСФСР в годы Великой Отечественной войны [70, 71].

Седьмой том «Экономика и оружие войны» 12-томного издания «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» посвящен анализу экономического и оборонного потенциала СССР, а также фашистской Германии, располагавшей накануне войны ресурсами всей континентальной Европы. В книге рассмотрены слагаемые успешного решения задач военно-экономического обеспечения победы в войне. В частности, проанализированы основные этапы перехода экономики СССР на военные рельсы, приведены сведения об организационных мерах по эвакуации объектов промышленности, людских и материальных ресурсов в тыловые районы, освещены вопросы финансовой политики и совершенствования системы тылового обеспечения Вооруженных сил [19].

В 2020 г. выходит двухтомный военно-исторический труд «Оборонные предприятия в годы войны и мира», где представлены материалы более ста оборонных предприятий. В годы войны их инженеры и рабочие, среди которых было немало женщин и даже школьников, героическим трудом обеспечивали наши Вооруженные Силы необходимыми ей оружием и боеприпасами. А талантливые конструкторы этих предприятий разрабатывали новые образцы боевой техники, многие из которых к концу войны превосходили по боевым свойствам вражеские аналоги [65, 66].

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

Особый интерес представляют сборники документов серии «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР 1900–1963. Документы и материалы». Обе части пятого тома (ч. 1, июнь 1941–1942 г.; ч. 2, 1943–1945 гг.) посвящены оборонно-промышленному комплексу СССР в годы Великой Отечественной войны [67; 68].

Обращают на себя внимание статьи ученых, посвященных промышленной политике СССР и экономическому состоянию военно-промышленного комплекса во время Великой Отечественной войны [13; 17; 52; 91]. И монографии, посвященные отдельным регионам [41; 42; 74; 81; 82].

Если промышленность СССР поставляла армии боевую технику, то сельское хозяйство обеспечивало фронт и тыл продовольствием, а промышленность – сырьем. Большую исследовательскую работу провели специалисты по аграрному сектору военной экономики.

В период военной экономики 1941–1945 гг. в СССР неизмеримо выросла потребность в товарном хлебе. Выросло и городское, и армейское потребление хлеба. С точки зрения А.И. Архипова и А.А. Казанникова [29] решение продовольственной проблемы в СССР в период войны стало возможно: во-первых, благодаря сосредоточению основной массы товарного хлеба в руках государства, организовавшего учет и распределение продовольствия; во-вторых, в силу нового размещения производства хлеба в стране, увеличившего долю восточных районов СССР; в-третьих, благодаря развитию личного подсобного хозяйства на селе и огородничества в городах, которое пытались уничтожить в период коллективизации, но оно начало развиваться с новой силой в период войны.

В 1990-е гг. появились исследования, посвященные истории крестьянства в военный период. Среди них необходимо отметить работы М.А. Вылцана [27; 28] и В.Т. Анискова [1; 2; 3]. М.А. Вылцан отмечает тяжелое продовольственное положение в деревне в военный период, поднимает проблему голода среди сельского населения. Он назвал массовый трудовой героизм крестьянства «утвердившимися в исторической литературе клише и штампами». При этом о патриотических побуждениях в поведении крестьянства он не сказал ни слова, а мотивацию к трудовой деятельности объяснил тем, что, мол, «в поведенческой структуре крестьян не последнее место занимало и ощущение страха, неотвратимости наказания за неисполнение "своего гражданского долга", приказа высших и местных властей» [27, с. 131, 132]. В обеспечении продовольствием, отмечает автор, большое значение имело личное подсобное хозяйство колхозников, при этом значительная часть производимой продукции отходила государству в виде заготовок. Поэтому избежать в военное время голода не удалось.

В.Т. Анисков в своих исследованиях рассмотрел трудности советской деревни в военный период [1; 2; 3]. Особое внимание автор уделил анализу ее производительных сил, показал продовольственное положение деревни, особенности работы медицинских и культурно-просветительных учреждений на селе. Автор исследует проблему организации решения материально-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

бытовых, продовольственных, жилищных проблем. Он отмечает, что «почти до конца войны сельское хозяйство работало на износ, сокращались и разрушались его производительные силы, падали качество и плодородие земли. Крестьянство выполняло свой долг в условиях небывалых миграционных процессов. Основная и наиболее работоспособная часть сельского населения ушла на фронт, вторая оказалась занятой в промышленности и на транспорте. И только третья часть, в основном женщины, старики и подростки, оставались на селе, занимаясь обычным, но не в обычных условиях сельскохозяйственным трудом. И она – третья часть давала стране и фронту необходимый минимум продуктов и сельскохозяйственного сырья» [1, с. 5].

Особо ценным для настоящего исследования имеют работы региональных ученых-историков, посвященных проблемам развития сельского хозяйства и решения продовольственного вопроса в стране. Хотелось бы обратить внимание на исследования Н.В. Ахмадиевой [9], А.В. Мещеряковой [58], В.В. Белолипецкого [14], С.С. Будаевой [16], О.А. Кошкиной [47], Е.Н. Бадмаевой [10], Е.Г. Кривоножкиной [49], Г.Е. Корнилова [45; 46], В.П. Мотревича [60; 62; 63], В.А. Печерскина [72], В.Я. Мачнева [56], Т.В. Лоховой [54], Т.Ю. Хромовой [89], А.В. Викторова [20], Т.К. Щегловой [94; 95].

По мнению В.П. Лузгина, от кризиса спасала инициативность сельских тружеников, которые опирались на собственные силы и ресурсы. Он пишет: «История деревни никогда не знала столь массовой жертвенности, обреченного понимания конкретно-исторической неизбежности, подобных тем, какими они проявились в годы Великой Отечественной войны. Трудности и беды, как правило, не поколебали и коллективистского положения тружеников села. Они как-то сразу отодвинулись, заслонили, а то и вовсе заставили превозмочь все недавние, подчас трагические социальные потрясения, перенесенные во время коллективизации» [55, с. 18]. В.П. Лузгин попытался использовать изменение историографической ситуации, введя в исследование ранее закрытые вопросы. В частности, он указывает, что жесткая политика по сдаче хлеба государству дала негативные результаты: зимой 1943/44 г. во многих селах начался голод. Исследователь привел факты репрессивных действий по отношению к руководителям республиканского и районного звена, которые пытались путем уменьшения хлебосдачи смягчить голод, проанализировал случаи расточительства и хищений на селе. Подобные сюжеты разрабатывались в региональной историографии впервые.

С.В. Митин [59] первым в региональной историографии попытался установить соотношение личного и общественного в жизни крестьян в годы войны. Он отметил двойственность их экономического положения. Как член колхоза крестьянин представлял социальное лицо, занимавшее определенное место в обществе, от колхоза в какой-то мере зависели уровень и образ его жизни. В то же время колхозник был хозяином своего небольшого подсобного хозяйства, которое играло важную роль в его бюджете, особенно в период войны, так как колхозное производство перестало справляться с

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

обеспечением сельчан всем необходимым для поддержания их жизни и деятельности.

Наибольшую ценность в диссертационном исследовании А.В. Рыкова представляют статистические данные годовых отчетов колхозов и бюджетов колхозников. Также оригинальным в этой работе является привлечение материалов устной истории. Кроме того, автором проведен добротный анализ проблем, недостаточно проработанных в историографии: натурального налогообложения колхозного крестьянства, динамики колхозной торговли в разных типах сельских населенных пунктов, масштабов привлечения сельского населения края в качестве источника для трудовой мобилизации, изменения структуры потребления, иных проблем [76]. С 90-х гг. также появляются статьи по рассматриваемой проблеме М.А. Вылцана, В.В. Кондрашина, Г.Е. Корнилова, В.П. Мотревича, О.А. Суховой [43; 28; 44; 81; 69].

Одним из важных направлений в изучении военной экономики страны в годы войны является финансирование и бюджет. Историки, экономисты рассматривают и исследуют объем материальных и финансовых ресурсов, мобилизованных в стране в годы Великой Отечественной войны. Внимание их уделено мероприятиям, направленным на формирование фонда обороны, сбору средств на танковую колонну, авиационную эскадрилью, организации подписки населения на государственные военные займы.

В постсоветский период появляются коллективные монографии. Так, например, в монографии «Вопросы развития экономики, финансов и науки в годы Великой Отечественной войны» освещены вопросы развития экономики, финансов и науки в годы Великой Отечественной войны [25]. В книге «Государственный бюджет СССР и мобилизация финансовых ресурсов» публикуются документы о разработке, принятии и исполнении годовых государственных бюджетов СССР в период войны. Наряду с постановлениями СНК СССР об утверждении бюджетов, в соответствующих разделах помещены материалы о согласовании показателей бюджетов, экспертные оценки Наркомата финансов, Госплана и Госбанка СССР о бюджетах по каждому году войны. Значительное место в книге занимают документы, характеризующие методы мобилизации доходов и изменение структуры доходов в условиях войны [31].

На материалах закрытого фонда Центрального банка Российской Федерации впервые вышел сборник «Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы)», который знакомит читателя с аналитическим обеспечением планового регулирования оборота наличных денег в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и его практическим использованием при подготовке докладов руководству страны [36]. В этот период также проводились научные конференции по проблемам государственного финансирования во время Великой Отечественной войны [75; 84; 85]. Обращают внимание научные статьи по управлению государственными финансами [5; 8; 30; 32; 33; 39; 40; 80; 82; 87]. По мобилизации денежных ресурсов была защита кандидатской диссер-

тации А.В. Волобуевым по теме «Материальная и финансовая помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны: (на материалах областей Центрального Черноземья) в 2009 г. [24], а также вышла монография А.В. Красильникова «Всенародное патриотическое движение в Саратовской области по сбору денежных средств на боевую технику для фронта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» в 2010 г. [48]

В постсоветский период поднимается вопрос о деятельности территориальных органов госбезопасности в годы войны в сфере военной экономики. После объединения НКГБ и НКВД в июле 1941 г. в единый наркомат деятельность территориальных органов государственной безопасности была во многом подчинена важнейшей задаче – контролю за выполнением производственных заданий ГКО и СНК СССР и обеспечению бесперебойных поставок фронту военной продукции. Особое значение приобрело достижение слаженности в работе промышленных предприятий и транспорта. В директиве НКВД от 8 августа 1941 г. «Об организации работы экономических отделов НКВД-УНКВД по оперативно-чекистскому обслуживанию предприятий оборонной промышленности» нарком требовал решительно пресекать малейшие попытки вредительства, диверсии и саботажа.

К августу 1941 г. положение в промышленности было настолько сложным, что оперативный состав вновь созданных экономических отделов НКВД-УНКВД немедленно включился в обеспечение промышленного производства. От органов госбезопасности требовалось безотлагательно «обрушиться всеми средствами» и добиться скорейшего устранения помех в работе тыла. И оперативные работники смело вмешивались в производство, по несколько дней находились в цехах, где изготовлялись танки, самолёты и миномёты, занимались продвижением вагонов и эшелонов к месту назначения. Непосредственно занимаясь промышленным производством, сотрудники органов госбезопасности решали тем самым задачу повышения обороноспособности страны. Информация о состоянии дел в сфере военной экономики поступала в Управления НКВД, оттуда – в партийные органы, центральный аппарат НКВД СССР для соответствующего реагирования. В этом направлении и была проведена большая исследовательская работа А.М. Демидовым, А.И. Вольхиным [34; 35; 26].

Таким образом, необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство, которое требует дальнейшего исследования. Речь идет о важнейших социально-экономических процессах, происходящих в связи с перемещением промышленного строительства на Восток. Эти проблемы требуют глубокого изучения, как по отдельным экономическим регионам, так и по стране в целом. Дальнейшего исследования требуют и вопросы, связанные с изменением в размещении кадров рабочего класса, в связи с созданием новых промышленных районов. Детально изучить эти процессы и всесторонне их раскрыть можно при условии комплексного исследования этих проблем историками, экономистами и другими специалистами совместно.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

Однако в исследовании истории становления и развития военно-промышленного комплекса страны в период военного лихолетья остается целый ряд мало изученных проблем. Для их комплексного решения требуется продолжить выявление новых источников, а также создание обобщающих работ о становлении и развитии промышленности в регионах страны в период Отечественной войны. Это, прежде всего, такие темы: перестройка энергетики, топливной (угольной, торфяной, сланцевой), горной, золото-платиновой, металлургической, машиностроительной, электротехнической, химической, строительной, строительных материалов, лесной, легкой (текстильной и швейной, кожевенно-обувной и меховой), пищевой, местной и промысловой кооперации на военный лад (июнь 1941–1942 гг.); деятельность руководства регионов страны по вводу предприятий на выпуск военной продукции и вводу эвакуированного оборудования; работа руководства регионов страны по установлению новой системы кооперирования; организация государственного руководства и управления промышленностью в годы войны; режим экономии и мобилизация внутренних резервов в промышленности регионов страны; экономия электроэнергии и топлива в промышленности; роль науки и научных учреждений в становлении и развитии промышленности Урала, Поволжья и Сибири; труд и рабочие в отдельных отраслях промышленности и на промышленных предприятиях; рационализация и изобретательство в период становления и развития промышленности страны в годы войны; борьба руководства регионов страны за развитие промышленного производства в 1943–1945 гг.; управление процессами частичной реконверсии, имевшей место в практике работы западносибирской индустрии в последние годы Великой Отечественной войны; привлечение нового пополнения в трудовые коллективы, прежде всего, старых кадровых рабочих-пенсионеров, эвакуированного населения, инвалидов войны, женщин, служащих, подростков, уроженцев национальных республик, спецпереселенцев и трудовой армии; деятельность руководства регионов страны по формированию индустриальных кадров в отдельных отраслях промышленности и на промышленных предприятиях; роль руководства регионов страны в развитии средней специальной школы в период войны; руководство государственной системой трудовых резервов; улучшение материально-бытовых условий жизни рабочего класса, решение жилищной проблемы, роль ОРСов в продовольственном снабжении, создание сети дошкольных учреждений; роль коллективного и индивидуального огородничества в решении продовольственного вопроса в жизни рабочего класса; социалистическое соревнование и стахановское движение в промышленности, опыт отдельных новаторов и передовиков; железнодорожный транспорт в отдельных районах, работа отдельных магистралей; речной транспорт в отдельных районах; роль потребительской кооперации в снабжении рабочего класса; организация управления промышленностью регионов страны накануне и в годы Великой Отечественной войны в современной историографии; роль региональных представители директорского корпуса, осуществ-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

лявшие непосредственное руководство промышленными предприятиями в годы Великой Отечественной войны.

Историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что ряд важных проблем истории крестьянства военного времени исследован недостаточно. К числу таких проблем, по нашему мнению, относятся: характер и мотивация труда в общественном производстве; степень применения карательных санкций в отношении колхозников в регионах; конкретные доходы тружеников села различных регионов от коллективного хозяйства; личное подсобное хозяйство, торговля и налогово-податное обложение крестьян; социальная сфера и повседневная жизнь деревни; дополнительное исследование требует вопрос о соотношении различных секторов сельскохозяйственного производства – колхозов, совхозов, подсобных хозяйств предприятий и организаций и др., – в производстве продукции; в дальнейшем изучении нуждается вопрос о формах взаимопомощи и взаимосвязи между городом и деревней в условиях военного времени; недостаточно разработанной является проблема изменения численности сельского населения и трудовых ресурсов колхозов под воздействием мобилизаций в армию и промышленность и встречного движения, связанного с эвакуационными и переселенческими процессами; остаются малоизученными проявления протеста крестьян в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны, недостаточно исследованы способы сопротивления крестьян в социально-политической и духовной сферах, не показана динамика протеста в годы военного лихолетья.

Серьезно изменившиеся условия финансовой деятельности в стране в годы войны потребовали изменения конкретных форм и методов мобилизации ресурсов. Существенно снизились доходы от народного хозяйства, и надо было изыскивать новые источники. К сожалению, еще недостаточно изучены такие проблемы как финансово-кредитная система в первый период войны, сокращение бюджетного дефицита и денежной массы в обращении, система ценообразования на вооружение и военную технику, кредитное движение среди населения, мобилизация денежных ресурсов.

Преодоление конъюнктурных тенденций, исторических, являющихся данью времени, да и современных, получивших отражение в российской библиографии по данной теме, является задачей современного поколения историков и экономистов, которые посвящают свое время этой проблематике.

Можно сделать вывод, что в условиях современной России, когда перед страной стоит необходимость совершенствования экономики, восстановления хозяйственной независимости от санкций Европы и США, уничтожения коррупционной системы и возврата великой державы, дальнейшее изучение и применение опыта экономической политики в годы Великой Отечественной войны может оказать существенную помощь в решении поставленных задач.

Источники и литература

1. *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны / В.Т. Анисков; Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1993. 243 с.
2. *Анисков В.Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда–Ярославль: Международная академия наук высшей школы, 1998. 286 с.
3. *Анисков В.Т.* О бедной деревне замолвите слово..., 1941–1945–19???: соц. жертвенность и судьбы крестьянства: науч. публицистика / В.Т. Анисков. Вологда: Вологод. ин-т повышения квалификации и переподгот. пед. кадров; Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1996. 206 с.
4. *Антонов А.В.* Военно-экономическая политика советского многонационального государства по решению оборонных задач в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук / А.В. Антонов. М., 2006. 217 с.
5. *Антонюк О.А.* Финансовая система СССР в годы Великой Отечественной войны / О.А. Антонюк // Финансы. 2015. № 5. С. 27–31.
6. *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А.А. Антуфьев. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1992. 336 с.
7. *Архипов А.И.* Продовольственная проблема в военной экономике / А.И. Архипов, А.А. Казанников // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 8. С. 5–10.
8. *Астахов А.А.* Роль финансов в обеспечении Победы государства в Великой Отечественной войне / А.А. Астахов // Финансы. 1995. № 6. С. 3–5.
9. *Ахмадиева Н.В.* Башкирская деревня в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Н.В. Ахмадиева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 180 с.
10. *Бадмаева Е.Н.* Продовольственный вопрос в аграрной политике советского государства: опыт решения в 1933–1943 гг. (на примере Калмыкии) / Е.Н. Бадмаева; отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 296 с.
11. *Бажанов С.В.* Экономика великой победы: итоги и уроки первой модернизации / С.В. Бажанов // 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. 3: Победа. М.: МГИМО – Университет (Приложение к «Вестнику МГИМО – Университета»), 2010. С. 240–246.
12. *Балыш А.Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 30–40-е гг. XX века: промышленность боеприпасов / А.Н. Балыш. М.: МАИ-Принт, 2009. 237 с.
13. *Баранов М.А.* Конверсия на войну: экономическое противоборство в годы испытаний, 1939–1945 гг. / М.А. Баранов, В.Ф. Стародубцев. М.: Экономика, 2005. 141 с.
14. *Белолипецкий В.В.* Сельское хозяйство Пензенской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук / В.В. Белолипецкий. Пенза, 2005. 293 с.
15. *Белоусов Р.А.* Экономика России в условиях «горячей» и «холодной» войн / Р.А. Белоусов. М.: Издат, 2004. 415 с.
16. *Будаева С.С.* Сельское хозяйство Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. ист. наук / С.С. Будаева. Улан-Удэ, 2007. 170 с.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

17. *Бутаков П.В.* Промышленная политика СССР в годы Великой Отечественной войны / П.В. Бутаков // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. Т. 6. Вып. 4. С. 61–72.

18. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы) / И.В. Быстрова. М.: ИРИ РАН, 2006. 704 с.

19. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.

20. *Викторов А.Ю.* Колхозное крестьянство Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: социально-экономическое положение: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Ю. Викторов. Томск, 2011. 26 с.

21. Военная доктрина Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 [Электронный ресурс] // Подг. АО «Кодекс» и сверен по: Российская газета, № 298, 30.12.2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420246589> (дата обращения: 23.12. 2024).

22. Военная экономика: учеб. / С.Ф. Викулов [и др.]; под общ. ред. С.Ф. Викулова, В. П. Хорева, А. Н. Леоновича. Минск: ВА РБ, 2018. 460 с.

23. Военная экономика: теория и актуал. проблемы: учеб. для воен. акад. и ун-тов / Г.С. Олейник, А.И. Пожаров, В.Н. Ткачев и др. М.: Воен. изд-во, 1999. 319 с.

24. *Волобуев А.В.* Материальная и финансовая помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны: (на материалах областей Центрального Черноземья): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Волобуев. Курск, 2009. 24 с.

25. Вопросы развития экономики, финансов и науки в годы Великой Отечественной войны/ Т.Ю. Гавриленко, О.В. Григоренко, Ю.И. Жемерикина и др.]. Уфа: Омега Сайнс = Omega Science, Азтерна, 2015. 103 с.

26. *Вольхин А.И.* Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001. 421 с.

27. *Вылцан М.А.* Крестьянство России в годы Большой войны. 1941–1945 гг. Пиррова победа / М.А. Вылцан. М.: РНФ, 1995. 79 с.

28. *Вылцан М.А.* Патриотизм крестьянства / М.А. Вылцан, В.В. Кондрашин // Война и общество: в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севастьянов. Кн. 2. М.: Наука, 2004. С. 50–77.

29. *Галкин М.В.* Становление военно-экономического потенциала страны и его развитие в условиях начавшейся Второй мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.В. Галкин. М., 2000. 21 с.

30. *Гарбузов В.Ф.* 40-летие Победы Советского народа в Великой Отечественной войне и финансы страны / В.Ф. Гарбузов // Финансы. 2016. № 6. С. 23–25.

31. Государственный бюджет СССР и мобилизация финансовых ресурсов / Ю.В. Камардина, Н.В. Колесникова, Е.В. Куц и др.; отв. сост.: А.Г. Михайлик, А.Т. Шамрин. М.: Историческая литература (ИстЛит), 2020. 696 с.

32. *Григорьев И.А.* Финансово-экономическая система СССР в 1941–1942 гг. / И.А. Григорьев // Экономическая история. 2016. № 4(35). С. 90–95.

33. *Гусева Н.* Управление государственными финансами во время Великой Отечественной войны / Н. Гусева, Г. Медведев // Государственная служба. 2015. № 3(95). С. 10–15.

34. *Демидов А.М.* Деятельность территориальных органов государственной безопасности на объектах оборонных отраслей промышленности. Июнь 1941 – ап-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

рель 1943 гг. (по опыту работы органов госбезопасности Урала и Поволжья): дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Демидов. М., 1992.

35. *Демидов А.М.* Деятельность территориальных органов государственной безопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг.: на архивных материалах: дис. ... д-ра ист. наук / А.М. Демидов. Бишкек, 2009. 411 с.

36. Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы): сборник / сост. и науч. ред. Ю.И. Кашин. М.: Интер-Крим-пресс, 2008. 105 с. (По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации; вып. 5).

37. *Ермолов А.Ю.* Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны / А. Ю. Ермолов. Москва: [б. и.], 2009. 309 с.

38. *Иванченко В.* Мобилизационная модель индустриализации СССР как стратегический ответ на подготовку Второй мировой войны / В. Иванченко // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2012. № 2. С. 7–25.

39. *Ивлев Н.Н.* Деятельность высших образовательных учреждений Наркомата финансов СССР в годы Великой Отечественной войны / Н.Н. Ивлев // Манускрипт = Manuscript: История. Философия. Искусствоведение. 2019. Т. 12, вып. 10. С. 52–56.

40. *Ивлев Н.Н.* Государственные военные займы как способ мобилизации средств населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Челябинской области) / Н.Н. Ивлев // Человек. Общество. Государство. 2018. № 1(4). С. 32–39.

41. *Кабилова А.Ш.* Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. / А.Ш. Кабилова. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 467 с.

42. *Кабилова А.Ш.* Сороковые-роковые: Татарстан в годы военного лихолетья / А.Ш. Кабилова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. 211 с.

43. *Кондрашин В.В.* Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны / В.В. Кондрашин // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. Т. 7, № 2. С. 289–300.

44. *Корнилов Г.Е.* Заготовки сельскохозяйственной продукции в уральской деревне в условиях Великой Отечественной войны / Г.Е. Корнилов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 № 1. С. 394–405.

45. *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Г.Е. Корнилов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.

46. *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война: проблема демографического развития / Г.Е. Корнилов. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.

47. *Кошкина О.А.* Сельское хозяйство и колхозное крестьянство Марийской СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.А. Кошкина. Чебоксары, 2008. 23 с.

48. *Красильников А.В.* Всенародное патриотическое движение в Саратовской области по сбору денежных средств на боевую технику для фронта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 г.) / А.В. Красильников. СПб.: Центр стратегических исследований, 2010. 299 с.

49. *Кривоножкина Е.Г.* Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук / Е.Г. Кривоножкина. Казань, 2001. 299 с.

50. *Куманев Г.А.* Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русисч, 2005. 632 с.

51. *Куманёв Г.А.* Военная экономика СССР – важнейший фактор великой Победы (1941–1945 гг.) / Г.А. Куманёв, Б.У. Серазетдинов. М.: Вече, 2015. 512 с.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

52. *Линец С.И.* Промышленность и продовольствие в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / С.И. Линец, Г.Н. Едигарова, Е.С. Гетманова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 10. С. 18–21.

53. *Лосик А.В.* Отечественный военно-промышленный комплекс в XX – начале XXI века / А.В. Лосик, А.Ф. Мезенцев, П.П. Минаев, А.Н. Щерба. Санкт-Петербург: Медиастайл, 2014. 539 с.

54. *Лохова Т.В.* Сельское хозяйство Краснодарского края и Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т.В. Лохова. Майкоп, 2012. 36 с.

55. *Лузгин В.П.* Народное хозяйство Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.П. Лузгин. Саранск, 1995. 22 с.

56. *Мачнев В.Я.* Крестьянство Поволжья в годы войны 1941–1945 гг.: учеб. пособие для студентов вузов / В.Я. Мачнев. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. 158 с.

57. *Мельников Н.Н.* Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны / Н.Н. Мельников. Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2017. 416 с.

58. *Мещерякова А.В.* Сельское хозяйство Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Мещерякова. Пятигорск, 2004. 26 с.

59. *Митин С.В.* Крестьянство Мордовии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.В. Митин. Саранск, 1997. 23 с.

60. *Мотревич В.П.* Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.

61. *Мотревич В.П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. 195 с.

62. *Мотревич В.П.* Основные фонды колхозов на Урале в условиях Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич // Аграрный вестник Урала. 2013. № 7(113). С. 38–39.

63. *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.) / В.П. Мотревич. Екатеринбург: Наука, 1993. 306 с.

64. *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны / М.Ю. Мухин. Москва: Вече, 2011. 347 с.

65. Оборонные предприятия в годы войны и мира: в 2 т. Т. 1. М.: Оружие и технологии, 2020. 736 с.

66. Оборонные предприятия в годы войны и мира: в 2 т. Т. 2. М.: Оружие и технологии, 2020. 824 с.

67. Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945). Т. 5. Ч. 1 (июнь 1941–1942) / отв. сост. Т.В. Сорокина; под ред. А.Н. Артизова. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2020. 880 с.

68. Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945). Т. 5. Ч. 2 (1943–1945) / отв. сост. Т.В. Сорокина; под ред. А.Н. Артизова. М.: Кучково поле, Музеон, 2023. 1120 с.

69. Отечественный ВПК и его историческое значение / под ред. О.Д. Бакланова, О.К. Рогозина. М.: Общество сохранения наследия, 2013 792 с.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

70. *Парамонов В.Н.* Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития / В.Н. Парамонов. Самара: Самарский университет, 1999. 460 с.
71. *Парамонов В.Н.* Динамика промышленности РСФСР в 1941–1945 гг.: учеб. пособие / В.Н. Парамонов. Самара: Самарский университет, 2005. 156 с.
72. *Печерский В.А.* Сельское хозяйство Хакасии в годы Великой Отечественной войны / В.А. Печерский. Абакан: Бригантина, 2014. 179 с.
73. *Пожаров А.И.* Военная экономика России: история и теория / А.И. Пожаров. Москва: [б. и.], 2005. 417 с.
74. *Попов В.А.* Мобилизация и использование трудового потенциала производственно-технической и научной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Поволжья) / В.А. Попов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. 230 с.
75. Роль финансов в обеспечении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сб. науч. трудов / под общ. ред. М.А. Эскиндарова. М.: Финансовый университет, 2010. 159 с.
76. *Рыков А.В.* Экономическое положение колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Рыков. Барнаул, 2019. 26 с.
77. *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны / И.М. Савицкий; отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 447 с.
78. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
79. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. Т. 2: Апогей и крах сталинизма. М.: Изд-во РГГУ, 1997. 757 с. (Россия. XX век).
80. *Соколов А.С.* Мобилизация финансовых ресурсов на оборону страны в годы Великой Отечественной войны (на материалах Рязанской области) / А.С. Соколов // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в памяти народа, медиапространстве и оценках современных исследователей: сб. науч. ст. Всерос. конф. Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. С. 201–204.
81. *Сухова О.А.* Колхозная система в СССР: испытание войной (на материалах Пензенской области) / О.А. Сухова // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в памяти народа, медиапространстве и оценках современных исследователей: сб. науч. ст. Всерос. конф. Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. С. 129–137.
82. Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Казань: Ред. «Книга Памяти» при КМ РТ, 2009. 447 с.
83. Татарстан – один из арсеналов победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов / сост.: Л.В. Горохова и др.; под общ. ред. З.Р. Валиевой. Казань: Гасыр, 2004. 160 с.
84. Финансовая наука на службе Отечеству в период Великой Отечественной войны и в мирное время: сб. науч. трудов по материалам Международной научно-практической конференции, состоявшейся в рамках Всероссийского фестиваля науки, 9 октября 2015 г. в Сибирской академии финансов и банковского дела, г. Новосибирск / под общ. ред. Н.В. Фадейкиной, О.В. Глушаковой. Новосибирск: Изд-во Сибирской академии финансов и банковского дела (САФБД), 2015. 293 с.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

85. Финансовая система государства в годы Великой Отечественной войны: материалы конференции, 1995 г. М.: Финансы, 1996. 78 с.

86. *Харламов А.В.* Военная экономика как фактор роста национального хозяйства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / А.В. Харламов. СПб., 1999. 38 с.

87. *Хлевнюк О.В.* Финансирова войну. Формирование государственного бюджета СССР в 1941–1945 гг. / О.В. Хлевнюк // Российская история. 2020. № 3. С. 21–35.

88. *Хохлов Е.В.* Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2005. 412 с.

89. *Хромова Т.Ю.* Сельское хозяйство Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т.Ю. Хромова. Кемерово, 2005. 25 с.

90. Человеческий капитал в годы Великой Отечественной войны: особенности формирования и развития / В.И. Жуков и др. М.: Изд-во Российского гос. соц. ун-та, 2011. 200 с.

91. *Шляхтунов М.А.* Экономическое состояние военно-промышленного комплекса во время Великой Отечественной войны / М.А. Шляхтунов // Вестник Екатеринбургского института. 2018. № 3(43). С. 120–124.

92. *Шумилов В.Н.* Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945 гг.) / В.Н. Шумилов. Новосибирск: Б.и., 2000. 202 с.

93. *Шуранов Н.П.* Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / Н.П. Шуранов. Кемерово: Б.и., 2004. 218 с.

94. *Щеглова Т.К.* Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: научные и методические материалы / Т.К. Щеглова. Барнаул: Азбука, 2015. 131 с.

95. *Щеглова Т.К.* Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации по материалам полевых исследований 2015–2017 годов / Т.К. Щеглова // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Горно-Алтайск, 24–28 апреля 2018 г.). Горно-Алтайск: Библиотечно-изд. центр ГАГУ, 2018. Вып. 13. С. 194–201.

96. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности / под общ. ред. И.В. Караваевой. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2015. 344 с.

Серазетдинов Борис Уразбекович, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Россия, г. Москва, sbu54@bk.ru

Serazetdinov Boris U., Candidate of Sciences (History), Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, sbu54@bk.ru

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ШТУДИЙ УКРАИНСКИХ ИСТОРИКОВ

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции изучения Второй мировой войны на территории Украины современными исследователями. Обращено внимание на воздействие новых нарративов, связанных с попытками разработки национальной истории и политическими процессами конца XX – начала XXI в. Отмечены особенности исследований различных аспектов войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, историография, украинская историография.

V.Yu. Karnishin

WORLD WAR II IN THE CONTEXT OF STUDIES BY UKRAINIAN HISTORIANS

Abstract. The article examines the main trends in the study of World War II in Ukraine by modern researchers. Attention is drawn to the impact of new narratives associated with attempts to develop national history and political processes of the late 20th – early 21st centuries. The features of research into various aspects of the war are noted.

Keywords: World War II, Great Patriotic War, Historiography, Ukrainian Historiography.

Вторая мировая война на протяжении всех лет становления украинской государственности в течение 1991–2020-х гг. по-прежнему является сферой пристального внимания как научных сообществ, так и политиков, отражая метаморфозы конструирования «национальных историй» во многих странах – республиках бывшего Советского Союза.

Осмысление процессов в историографии, на наш взгляд, может способствовать уяснению содержания конфликтов, обусловивших эрозию украинской государственности, специфику массового сознания граждан, оказавшихся в водовороте интерпретаций событий, повлекших возникновение понятия «войны памяти» [24, с. 111]. В этой связи уместно напомнить точку зрения академика А.О. Чубарьяна, указавшего на то обстоятельство, что «история вне идеологии, вне политики – это правильно, но на практике очень сложно» [33, с. 23]. Отметим, что наработки историков достаточно часто интерпретируются политиками, масс-медиа, Интернет-порталами, порождая мифы и нередко расширяя конфронтационное пространство на фоне глобальных кризисов, характерных для реалий 2020-х гг.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

Украинская историография Второй мировой войны отразила воздействие ряда факторов. Во-первых, уже в 1990-х гг. постепенно определялись контуры новой национально-государственной традиции, призванной воспитать новое поколение украинцев на основе переосмысления советского прошлого. В этой связи следует обратить внимание на признание украинским историком В.А. Гриневичем того обстоятельства, что «украинская академическая наука оказалась в этот период аутсайдером» [8] на фоне публицистов, писателей и представителей молодого поколения историков, откликнувшихся на «вызовы времени».

Во-вторых, принципиальное значение приобрело разрушение пространства «советского символического господства». В своё время на это обстоятельство было обращено внимание А.М. Плехановым, подчеркивавшим, что политические практики, мобилизованные в русле интересов новых национальных элит различных уровней, были призваны конструировать и утилитарно использовать историческую память и другие формы коллективных представлений о прошлом [8, с. 191].

В-третьих, как и в России, для украинской исторической науки особое значение приобрело рассекречивание архивных фондов, введение в научный оборот существенного объема документов ЦК Коммунистической партии Украины, Комитета государственной безопасности Украинской ССР.

В-четвертых, еще до распада СССР началось «вымывание» коммунистических символов из массового исторического сознания с заменой их откровенно националистическими на фоне радикализации общественных настроений на Западной Украине, отразившихся в героизации Организации украинских националистов и демонтаже памятников В.И. Ленину во Львовской и Ивано-Франковской областях [17].

В-пятых, нельзя недооценивать влияние украинской диаспоры (главным образом в США и Канаде) на формирование новой генерации украинских историков. Как отмечают В. Маслийчук и А. Портнов, грантовая поддержка украинских зарубежных институций (Гарвардского украинского научного института и Канадского института украинских исследований в Эдмонтоне) обусловила впоследствии занятие их бенефициантами ключевой роли в «интеллектуальной жизни» Украины [23]. Достаточно широко были представлены и работы украинских историков-эмигрантов В. Косика, Л. Шанковского, для которых были характерны откровенный антисоветизм и отсутствие научной объективности [7, с. 70].

Указанные факторы, повлиявшие на изучение Второй мировой войны украинскими историками, не могут быть в полной мере осмыслены без учета феномена исторической политики, которая практикуется как вид деятельности и область политики, где характерно использование истории в своих специфических политических целях, выполняя задачи легитимации, мобилизации, политизации, скандализации, диффамации [18, с. 27]. Уместно напомнить точку зрения бывшего министра образования Украины (2010–2013 гг.) Д.В. Табачника, обратившего внимание на достаточно важное об-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

стоятельство: речь идет о том, что Украина стала полигоном проведения информационных войн с привлечением инструментов, примененных в сферах образования и культуры. В «домайданный» период представители Харьковских, Донецких, Днепропетровских регионов предпочитали контролировать ключевые министерства, связанные с финансами, промышленностью, энергетикой, транспортом и связью в то время, как министерства культуры и образования понимались как второстепенные и доставались «младшим партнерам» из западноукраинских областей. Таким образом, украинская политическая элита отдавала сферу образования и культуры на откуп националистам, рассчитывая, что главное – рост ВВП, зарплаты, пенсии, экономические контракты [1, с. 5].

Созданный в период президентства В. Ющенко Украинский институт национальной памяти (далее – УИНП) оказался элементом в структуре исполнительной власти, на который были возложены задачи «восстановления и сохранения национальной памяти украинского народа, обеспечение всестороннего изучения многовековой истории создания украинского государства, этапов борьбы за восстановление государственности Украины в XX веке, осуществление комплекса мероприятий по увековечению памяти участников национально-освободительной борьбы, Первой и Второй мировой войн, жертв голодоморов и политических репрессий...» [28]. Данные ориентиры определили претворение двух проектов. Один из них – создание национальной Книги памяти жертв Голодомора 1932–1933 гг. на Украине (отметим справедливую критику трактовки голода в данный период, данную российскими историками [21; 22; 36]).

Ко второму проекту украинский историк Г.В. Касьянов относит разработку концепции исторического образования в Украине [18, с. 206]. Последствия реализации подобной политики были обстоятельно проанализированы покойным академиком Национальной академии наук Украины П.П. Толочко. Он констатировал, что исторические учебники и пособия в Украине «скроены практически по единому идеологическому образцу», в основе которого – «бесконечное открывание "белых пятен", предъявление обществу исключительно темных страниц прошлого и поиске врагов» [14, с. 14].

Установки, данные УИНП, не отличаются сколь-либо значимой новизной, поскольку отразили соответствующие практики политики люстрации в странах Восточной Европы (Чехии, Польше, Словакии). Д.А. Ахременко высказал убедительное обоснование, связав конструирование «новых мифов украинской истории» и отсутствие в Украине опыта государственности, нахождением этих земель в составе России, Австро-Венгрии, Польши. В конечном итоге, историки новой Украины стремятся обосновать ценности «украинской политической нации», что и предопределило трансформацию: превращение преступников в героев, «освободителей – в оккупантов» [3, с. 8].

Нами обращалось внимание на становление трех тенденций в исторических исследованиях – роли и места Украины и украинцев в войне, актуализация проблематики Организации украинских националистов (далее – ОУН) и

Украинской повстанческой армии (далее – УПА); формирование новых методологических подходов в исследовании Второй мировой войны [15; 16].

Для украинской историографии характерна «украиноцентричная версия» Второй мировой войны [13]. Одним из маркеров подобной конструкции является интерпретация событий войны в пространстве «противопоставления имперской и постимперской / постколониальной концепции» [10, с. 5]. В «домайданный» период современной истории Украины еще сохранялись возможности объективного рассмотрения штудий, являвшихся порождением новых реалий страны. Так, историки справедливо указывали, что сам термин «украиноцентризм» не имеет отношения к методологическим новациям, представляя собой всего лишь «историко-политическую категорию» [13, с. 174]. Тем не менее, в исследованиях стали доминировать оценки Великой Отечественной войны как «немецко-советской» и «немецко-советского вооруженного противостояния» [29; 30].

Отметим, что подобные суждения обосновываются необходимостью отказа от «совковых схем», намерением заменить советскую символику новой: «Штатные советские герои – Маресьев, Гастелло, Матросов, Космодемьянская и другие на страницах украинских учебников уступили место героям национально-освободительной войны: во многих школьных учебниках помещены портреты командующего УПА Романа Шухевича и лидера ОУН Степана Бандеры» [8].

Заявляя о намерении отказаться от устаревших концептуальных, методологических и теоретических основ советской эпохи, ряд авторов предпочитает создавать новые мифы в которых отмечается политическая ангажированность: «Большевицкая пропаганда была малоэффективной, поскольку была оторвана от реальности, тогда как немецкая пропаганда имела значительное влияние на политические настроения части бойцов и командиров Красной армии» [9, с. 27].

Индикатором новых украинских штудий является работа, посвященная рассмотрению выявить процент украинцев в высшем командном составе РККА в период «немецко-советской войны». Констатируется, что украинцы составляли в нем 12 %, что более чем на 6 % меньше доли украинцев в составе населения СССР. Автором категорично утверждается, что налицо – «сознательный подход советского руководства к формированию высшего эшелона военачальников» [37]. Заметим, что автором не приведены сколь-либо внятные доводы «дискриминации», ссылаясь на то, что «российско-украинским отношениям было присуще на протяжении всей их истории недоверие и ревность со стороны "старшего брата"» [37].

Достаточно неубедительной, на наш взгляд, представляется оценка войны, данная в исторических очерках «Власть и общество на Украине. Исторический контекст», изданных институтом истории Украины в 2013 г. Среди украинских историков еще наблюдались некоторые разногласия в осмыслении трагедии войны и её сущности. Авторы очерков, тем не менее, утверждают, что «война с Германией и её союзниками начала становиться

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

Отечественной для народов Советского Союза не с её первого часа, как надеялись компартийные пропагандисты, а по мере того, как нацисты проявляли свою человеконенавистническую сущность» [6, с. 379]. Очевидно, авторы полагают, что подобный поворот мог быть датирован в связи с началом коренного перелома в войне, а именно к началу контрнаступления под Сталинградом. Но и здесь обоснование вывода явно отсутствует.

Одно из направлений исследований историков Украины – взаимосвязь войны с дипломатическими, политическими аспектами «украинского вопроса». Соглашаясь с тем, что истоки мировой катастрофы связаны с мировым устройством, сложившимся в виде Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, во многих работах украинские историки возлагают ответственность как на страны «оси», так и на Советский Союз и его союзников, а также на второстепенные страны-акторы (Польшу, Венгрию, Румынию). Было бы тщетно искать в статье [6, с. 5] убедительное обоснование вывода о том, что «развязав руки агрессору и став агрессором, И. Сталин сыграл по сценарию А. Гитлера, запустил алгоритм событий, которые обернулись катастрофичной по своим последствиям войной» [6, с. 14].

Достаточно политизированная конструкция «украинского вопроса» в контексте войны вписывается в заранее заданную конструкцию – реалий событий 1939–1941 гг. Освободительный поход РККА на Западную Украину (сентябрь 1939 г.) и воссоединение украинских земель в составе УССР преподносятся как «сговор двух диктаторов». Итогом становится вывод о том, что воссоединение украинских земель в 1939 г. не приблизило исторического справедливого решения «украинского вопроса», суть которого сводится авторами к «реализации суверенного права украинцев на собственную независимую государственность, без чего украинская политическая нация не могла полноценно развиваться» [5, с. 19].

Уместно напомнить, что конъюнктурное «осовременивание» трактовок предвоенной истории, соединенное с политически заданной обличительной тональностью (а была ли «украинская политическая нация» в реалиях советской системы?), способно стимулировать мифотворчество весьма далекое от подлинно научного знания. В этой связи примечательны наблюдения, сделанные А.В. Ставицким в монографии «Национально-исторический миф Украины» [32].

Автором справедливо отмечено, что украинская мифоистория призвана обслуживать далекую от нации идеологическую доктрину, использует исторические подтасовки, создавая идеологическую среду, в которой нет места научному плюрализму. Наконец, приведенные украинскими историками факты из первоисточников подчиняются антирусской направленности выводов [4, с. 178].

На эти тенденции обращено внимание в фундаментальных очерках «История Украины. VI–XXI вв.», изданных украинскими историками в 2018 г. Авторы предостерегают, что конъюнктурная идеологическая одномерность предьявляет обществу исключительно темные страницы прошлого

и поиск врагов. В отличие от большинства своих коллег, авторы очерков придерживаются иной точки зрения: «Нет совершенно никакого смысла в сведении счетов с историей. Она была такой, какой была, и мы должны не судить её, но извлекать из неё нужные уроки» [14, с. 13].

В украинских исторических студиях тематика «освободительного движения» по-прежнему предоставляет одну из значимых сюжетных линий.

Следует отметить, что российскими историками рассматривались историографические аспекты участия ОУН и УПА в уничтожении евреев [11; 12]. Отметим значимость фундаментального издания российских историков и архивистов [34; 35].

Феномен идеологии ОУН отразился в многочисленных публикациях украинских историков. А. Зайцев полагает, что «фашизм и украинский интегральный национализм» вместе с другими аналогичными движениями негосударственных наций принадлежали к типам социального феномена, который условно можно назвать тоталитарным национализмом. Г.В. Касьянов (на наш взгляд, без должного обоснования) утверждает, что специфическое отождествление ОУН с итальянским фашизмом и германским национал-социализмом было или ситуативным, или продолжительное время оставалось орудием идеологической и политической борьбы [19].

Так или иначе, но большинство историков, изучающих идеологические ориентиры и деятельность ОУН и УПА [25–26; 31], пытаются опровергнуть близость ее лидеров к фашистским, расистским, антисемитским установкам [2]. Как правило, в публикациях умалчиваются факты уничтожения украинского населения, сопротивлявшегося акциям националистов. Не скрывается то обстоятельство, что оуновское подполье в условиях наступления Красной армии и выхода к западной границе вступило в контакты с румынским и венгерским командованием, рассчитывая на их поддержку при развертывании операций в тылу Красной армии [10, с. 27].

Достаточно неубедительными представляются попытки уйти от внятных оценок «волынской резни» 1943 г. Уходя от анализа масштабов трагедии на Западной Украине в 1943 г., А. Козицкий опровергает наличие ориентации лидеров ОУН–УПА на навязывание украинского доминирования в районах с преобладанием польского населения, организацию механизмов, призванных уничтожить мирное польское население. При этом автор избегает сколь-либо убедительных фактов, которые достаточно давно известны историческому сообществу [20].

Уместно напомнить, что Институт истории Национальной академии наук Украины был намерен подготовить энциклопедическое издание «Украина во Второй мировой войне». Проект предполагал своеобразное подведение итогов работ историков. Судя по содержанию материалов проведенного методологического семинара, в издании должны были найти отражение дискуссии о новом понятийном аппарате, балансе тематических линий (события на оккупированной территории, «деятельность армии противника и союзных войск», «репрессивная политика советской власти», «деятельность украин-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

ской диаспоры)), оценочные суждения стереотипов «коммунистического прошлого». Остается констатировать, что стилистика и тематика исследований украинских историков по-прежнему нацелена на поиск «национальной идентичности», что отразится в попытках изъять сегмент украинской истории 1941–1945 гг. из общего контекста Великой Отечественной войны [14, с. 374].

Источники и литература

1. Американцы угрожали Януковичу расправой: Дмитрий Табачник рассказал о событиях на Майдане, политическом закулисье Украины и национальных писательских кадрах // Литературная газета. 2025. 15–21 января.
2. Антонюк Я. Підпілля ОУН та УПА в умовах фронтового періоду / Я. Антонюк, В. Трофимович // Український історичний журнал. 2020. № 3. С. 13–37.
3. Ахременко Д.А. Украинский институт национальной памяти против национальной памяти? / Д.А. Ахременко // Новые исторические перспективы: от Балтии до Тихого океана. 2015. № 1. С. 3–8.
4. Баранов А.В. Актуальное исследование мифотворчества в украинской историографии и публицистике / А.В. Баранов // Historia Provinciae. Журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 3. С. 173–191.
5. Віднянський С. Початок «Другої імперіалістичної війни» та «українське питання»: деякі дипломатичні, політичні, воєнні аспекти / С. Віднянський, В. Грицюк, О. Лисенко // Український історичний журнал. 2019. № 5. С. 4–25.
6. Влада і суспільство в Україні. Історичний контекст / В.Верстюк, В. Горобець, С. Кульчицький (кер. авт. кол.), О. Русіна, В. Смолій, О. Толочко, В. Шандра. Київ: Інститут історії України, 2013. 506 с.
7. Грибан И.В. «Расколота память»: советско-германские отношения 1939–1941 гг. в историографии Украины / И.В. Грибан // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С. 69–75.
8. Гриневич В.А. Расколота память: Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества / В.А. Гриневич // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/raskolotaya-pamyat-vtoraya-mirovaya-vojna-v-istoricheskom-soznanii-ukrainskogo-obshchestva.html>
9. Гриневич В.А. Суспільно-політичні настрої населення України у роки Другої світової війни: автореф. дис. ... д-ра політ. наук / В.А. Гриневич. Київ, 2008.
10. Грицюк В. Україна в лавах Об'єднаних націй: легітимізація та внесок у боротьбу з нацизмом і фашизмом у період Другої світової війни / В. Грицюк, О. Лисенко, О. Покотило // Український історичний журнал. 2020. № 3. С. 4–26.
11. Дюков А.Р. Антиеврейская политика ОУН и УПА во Второй мировой войне: новейшая историография / А.Р. Дюков // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2011. № 1. С. 11–18.
12. Дюков А.Р. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса» / А.Р. Дюков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Историческая память, 2009. 176 с.
13. Иваненко В.В. Великая Отечественная война в интерпретации современного «украинского центризма» / В.В. Иваненко, В.К. Якунин // Отечественная история. 2007. № 3. С. 173–181.
14. История Украины VI–XXI вв. / П.П. Толочко, А.А. Олейников [и др.]; под общ. ред. П.П. Толочко. 2-е изд., испр. и доп. Киев: Киевская Русь; М.: Кучково поле, 2018. 472 с.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

15. *Карнишин В.Ю.* Вторая мировая война в исследованиях историков Украины: современные интерпретации / В.Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 4(56). С. 93–99.

16. *Карнишин В.Ю.* На перекрестках нации и современной политики: Великая Отечественная война в исследованиях историков Украины / В.Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 1(13). С. 25–31.

17. *Касьянов Г.* Украина – 1990: «бои за историю» / Г. Касьянов // Новое литературное обозрение. 2007. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/1/ukraina-1990-boi-za-istoriyu.html>

18. *Касьянов Г.* Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018 / Г. Касьянов. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 632 с.

19. *Касьянов Г.* До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН). Аналітичний огляд / Г. Касьянов. Київ, 2003. URL: https://royallib.com/read/kasyanov_georgiy/do_pitannya_pro_deologiyu_organzats_ukrainskih_natsionalstv_ou_n_analtichniy_oglyad.html#0

20. *Козицький А.* Українсько-польський конфлікт 1943 р. На Волині / А. Козицький // Український історичний журнал. 2020. № 3. С. 4–13.

21. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни / В.В. Кондрашин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 566 с.

22. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов – Общая трагедия народов СССР / В.В. Кондрашин // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 11(15). С. 117–120.

23. *Маслійчук В.* Советизация исторической науки по-украински В. Маслійчук, А. Портнов // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/soveticizacija-istoricheskoy-nauki-po-ukrainski.html>

24. *Миллер А.И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и её воздействие на европейскую культуру памяти / А.И. Миллер // Политио. 2016. № 1(80). С. 111–130.

25. Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Історичні нариси / відп. ред. С.В. Кульчицький. Київ: Наукова думка, 2005. 495 с.

26. ОУН в 1941 році. Документи: в 2 ч. / упоряд.: О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук; відп. ред. С. Кульчицький. Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. Ч. 1. 336 с.

27. *Плеханов А.М.* Разрушение пространства советского символического государства в постсоветской Украине / А.М. Плеханов // Политическая наука. 2018. № 2. С. 190–215.

28. Положение об Украинском институте национальной памяти: Указ Президента Украины №1544/2005. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/3456.html> (дата обращения: 25.11.2021).

29. *Пустомітенко О.* Жінки у підпіллі ОУН(б) у роки німецько-радянської війни та у повоєнний час: в 4 ч. / О. Пустомітенко // Acta studiosa historica. 2014. Ч. 4. С. 77–83.

30. *Ревечук В.* Полтавщина в роки другої світової війни (1939–1945) / В. Ревечук. Полтава: Б.и., 2004. 288 с.

31. *Рудлинг П.А.* ОУН и УПА: исследования о создании исторических мифов / П.А. Рудлинг, Т. Шнайдер, Г. Россолински-Либе. Киев, 2012. URL: <https://www.kolamar.ru/library/img/upa.pdf> (дата обращения: 25.11.2021).

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

32. *Ставицкий А.В.* Национально-исторический миф Украины / А.В. Ставицкий. Севастополь: Рибэст, 2015. 748 с.

33. *Стародубцева М.В.* Формула всемирной истории по Александру Чубарьяну. Дайджест «Восточного курьера» к 90-летию академика РАН А.О. Чубарьяна / М.В. Стародубцева // Восточный Курьер / Eastern Courier. 2021. № 1-2. С. 13–25.

34. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939–1943 / под ред. А.Н. Артизова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 878 с.

35. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 2: 1944–1945 / под ред. А.Н. Артизова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 1167 с.

36. *Шляпцев И.Е.* Голод на Украине в 30-е годы XX века как геноцид украинского народа: противоборство позиций «за» и «против» / И.Е. Шляпцев // Science Time. 2019. С. 5–9.

37. *Якубець О.* Українці серед вищого командного складу збройних сил СРСР у роки німецько-радянської війни / О. Якубець // Український історичний журнал. 2018. № 6. С. 90–106.

Карнишин Валерий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, государства и права, Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза, valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valery Yu., Doctor of Sciences (History), Full Professor, Head of the Department of History of the Fatherland, State and Law, Penza State University, Russia, Penza, valerykarnishin@mail.ru

УДК 930(470)

А.М. Инамов

**КРАСНАЯ АРМИЯ И ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1944 г.:
АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
И ОСОБЕННОСТЕЙ ОТРАЖЕНИЯ СОБЫТИЙ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Аннотация. В публикации предпринята попытка сопоставления тех оценок, которые высказываются относительно места и роли Красной армии в Варшавском восстании 1944 г. в отечественной историографии и тем, как эта проблема преломляется в исторической памяти. Подчеркивается, что по сравнению с советским периодом, когда трактовка данных событий была однозначной, на современном этапе в научных изысканиях наблюдается плюрализм мнений, происходит отход от прежних догматов. Отсутствует единый подход и в исторической памяти, для которой

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

вообще присуще более эмоциональное восприятие происходивших событий и значительное влияние политической конъюнктуры. Особенно сильно дискуссии по исследуемым аспектам Великой Отечественной войны стали вестись после 24 февраля 2022 г. в условиях информационного противоборства между Россией и коллективным Западом, что не могло не найти отражения в статьях и монографиях ученых и в различных коммеморативных практиках.

Ключевые слова: Красная армия, Варшавское восстание 1944 г., СССР, польское эмигрантское правительство, историография, историческая память.

A.M. Ipatov

**THE RED ARMY AND THE WARSAW UPRISING OF 1944:
AN ANALYSIS OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY AND THE SPECIFICS
OF REFLECTING EVENTS IN HISTORICAL MEMORY**

Abstract. The publication attempts to compare the assessments made about the place and role of the Red Army in the Warsaw Uprising of 1944 in Russian historiography and how this problem is reflected in historical memory. It is emphasized that in comparison with the Soviet period, when the interpretation of these events was unambiguous, at the present stage there is a pluralism of opinions in scientific research, there is a departure from previous dogmas. There is also no unified approach in historical memory, which generally has a more emotional perception of events and a significant influence of political conjuncture. Discussions on the studied aspects of the Great Patriotic War began to be conducted especially strongly after February 24, 2022 in the context of the information confrontation between Russia and the collective West, which could not but be reflected neither in articles and monographs of scientists, nor in various commemorative practices.

Keywords: The Red Army, the Warsaw Uprising of 1944, the USSR, the Polish emigrant government, historiography, historical memory.

После распада Советского Союза и, более глобально, мировой социалистической системы, в российско-польских отношениях вновь обострились на несколько десятилетий «законсервированные» противоречия и взаимные претензии, что затронуло также сферу истории и идеологии. Вполне ожидаемая метаморфоза исторической памяти современной Польши заключается в том, что как только сдерживающие механизмы в лице собственных социалистических властей и гегемона в виде СССР перестали существовать, все те точки бифуркации, которые установились, пусть и нередко искусственно, после Великой Отечественной войны, были отвергнуты, что привело к обострению российско-польских противоречий по различным аспектам. Сам по себе немалый список взаимных претензий между Москвой и Варшавой пополнился в годы Второй мировой войны вхождением Красной армии на территорию Польши в сентябре 1939 г., Катынской трагедией, противоречиями между военно-политическим руководством Советского Союза и

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

польским эмигрантским правительством в Лондоне, столкновениями между частями Красной армии и Армии Крайовой и т.д. К числу таких «проклятых», узловых вопросов относится также проблема действий Красной армии в период Варшавского восстания 1944 г.

В преобладающей части современного польского общества господствуют представления о том, что И.В. Сталин сознательно остановил победное шествие советских вооруженных сил, чтобы «наказать» поляков за нежелание представителей польского эмигрантского правительства в Лондоне соглашаться с позицией Советского Союза по территориальному и политическому вопросам. Также активно муссируются не имеющие под собой никаких оснований (ибо доказательств так и не удалось обнаружить) слухи относительно существования приказа Верховного главнокомандующего, согласно которому части Красной армии не должны приходить на помощь восставшим жителям Варшавы. Соглашусь с мнением видных ученых из Института славяноведения РАН, констатировавших, что «Главной задачей современной "исторической политики" польских властей и следующих в ее русле современных представителей польской историографии стало обоснование тезиса об исключительной роли АК в польском Сопротивлении» [8, с. 73; 9].

За тридцать с лишним лет в отечественном историческом полонии произошли изменения, и, главным образом, под влиянием агрессивных политических действий и фокусирования в польской исторической памяти негативного образа Российской империи / СССР / Российской Федерации, также происходит постепенный, болезненный отход от принципов интернационализма к национальной самоидентификации, тоже нередко через конструирование негативного образа «чужого», «другого», в роли которого поляки выступают весьма часто. Количество публикаций, в которых бы затрагивались различные аспекты и сюжеты Варшавского восстания или действий Красной Армии в ходе освобождения от нацистской оккупации территории Польши, растет из года в год. Этому способствует, среди прочего, открытие новых архивных документов, позволяющих подтвердить или опровергнуть многие ранее выдвинутые предположения, расставить грамотно акценты и т.д. [16, с. 371]

В данной публикации основное внимание будет уделено тому, как в исторической традиции взаимосвязаны научные изыскания по обозначенной проблеме и нарративы исторической памяти. Для начала обратимся к анализу той отечественной историографии, которая посвящена проблеме действий Красной армии в период Варшавского восстания. Отметим, что в СССР подобной исследовательской проблемы фактически не существовало, так как преобладала официальная точка зрения, высказанная И.В. Сталиным, согласно которой Красная армия не могла оказать большей поддержки, чем та, которая была осуществлена, а всю ответственность за несвоевременность и неподготовленность восстания в Варшаве, стоившего жизни сотням тысяч мирных граждан и принесшего массовые разрушения городу, несут члены польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Уже в современной российской научной среде стали все чаще появляться различные статьи и монографии, в которых авторы уделяют в большей или меньшей степени внимание тем сюжетам, которые вынесены в заголовки статьи. Вне зависимости от политических позиций авторов, их мировоззрения, собственного мнения на перипетии советско-польских отношений в годы Второй мировой войны, большинство отечественных историков высказывают ряд важных тезисов, которые формируют некое обобщенное отношение к роли Красной армии в Варшавском восстании. Налицо стремление отойти от господствующей в польском общественном мнении идеи фикс о личной вине И.В. Сталина за итоговый провал этого мероприятия, которое нередко российские ученые именуют «восстанием обреченных» [18, с. 281], или пишут об обреченности замысла [13, с. 399]. Соглашусь с авторитетным мнением одного из крупнейших специалистов по истории Польши XX столетия, главного научного сотрудника Института славяноведения РАН А.Ф. Носковой, подчеркнувшей, что в преобладающем числе случаев те, кто обвиняют Красную армию в сознательном невмешательстве в Варшавское восстание, как правило «не опираются на документальные доказательства» [13, с. 410]. В рамках развенчания мифа о специальной остановке Красной армии перед Варшавой в 1944 г. свою статью во втором томе многотомного издания «Великая Победа» представил крупный специалист в области советско-польских отношений 1930–1940-х гг. М.И. Мельтюхов. Он констатирует, что «доступные сегодня материалы не подтверждают версию о преднамеренной остановке советского наступления под Варшавой» [5, с. 398]. Справедливо и его замечание относительно того, что из военной плоскости данная проблема все больше со временем перешла в политическую, став инструментом для ряда антироссийских кампаний в той же Польше и, шире, в рамках коллективного Запада.

Данная точка зрения была развита Л.А. Вишняковой, отмечавшей, что искажение реальной позиции Красной армии, стремившейся всеми возможными (очень сильно ограниченными в силу недавнего окончания операции «Багратион» по освобождению Белоруссии, растянутостью коммуникаций и усталостью) способами помочь восставшим представляется ничем иным, как очередным проявлением русофобии [2, с. 126–127]. Солидарна с позицией о нереальности взятия советскими войсками с ходу Варшавы и старший научный сотрудник Военной академии Генерального штаба Н.В. Васильева, подчеркивавшая, что «как свидетельствуют архивные документы, эта задача была нереальной. Войска прошли сотни километров с боями, понесли большие потери, имели растянутые коммуникации, что затрудняло тыловое снабжение фронтов» [1].

Российские историки указывают на такой немаловажный факт, как стремление польского эмигрантского правительства в Лондоне представить ситуацию по освобождению Польши таким образом, чтобы единственной политической силой, осуществившей это, стала Армия Крайова. Ради этого, собственно говоря, была задумана и начала осуществляться операция «Бу-

ря». В ее рамках и было осуществлено Варшавское восстание, имевшее основной целью «создание условий для перемещения в столицу представителей эмигрантского правительства до вступления в неё частей Красной армии» [4, с. 67]. Отечественные авторы поражаются подобному цинизму польских эмигрантских министров, посчитавших возможным ради достижения политических амбиций использовать своих соотечественников в заведомо обреченном военном мероприятии, о котором, к слову, как отмечают в ряде статей, немцы знали и были к нему хорошо подготовлены. Создание на освобожденных Красной армией польских землях Польского Комитета Национального Освобождения явилось для представителей эмигрантского правительства в Лондоне свидетельством вероятного окончательного политического краха, именно это определяло их стремление дать сигнал о начале восстания в Варшаве [7, с. 133–134]. Преступным оказался и расчет на военную помощь со стороны союзников, прежде всего англичан [17, с. 41]. Последние, к слову, предупреждали польских министров-эмигрантов о невозможности оказать помощь, что, впрочем, не было доведено до сведения готовящих восстание чинов Армии Крайовой в Варшаве [3, с. 250]. Попытки современных польских авторов «оправдать» действия членов эмигрантского правительства в Лондоне их надеждой на то, что успех Красной армии в ходе освобождения территории Белоруссии приведет к краху германской линии фронта, представляются крайне неубедительными, особенно на фоне многочисленных акций по антисоветскому отпору со стороны польских националистов [6].

По пути публикации архивных документов и анализа материалов подпольной печати в своих исследованиях двигалась крупный отечественный ученый, специалист по истории Великой Отечественной войны В.С. Парсadanова, которой удалось привести убедительные доказательства того, что Красная армия ни в коем случае не бездействовала, наблюдая за Варшавским восстанием со стороны, но, напротив, осознавая практически минимальные шансы на успех, оказывала помощь повстанцам, обреченным на гибель из-за своих политических руководителей [10; 11]. Доказательством этого является значительное количество потерь в живой силе и военной технике со стороны Советского Союза, так как немцы после приказа Гитлера бороться до конца за Польшу, создали здесь прекрасные оборонительные укрепления и численно превосходили имевшиеся части Красной армии. И эти потери явились, как справедливо доказывает Н.Н. Платошкин, следствием именно стремления И.В. Сталина помочь восставшим и наносить прямые удары, а не осуществлять ранее планировавшиеся маневры по нанесению ударов сбоку и с тыла в русле стратегии не прямых действий известного британского военного теоретика Г.Б. Лиддел Гарта [12, с. 30].

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что преобладающее большинство отечественных историков стремятся давать взвешенные оценки событиям Варшавского восстания 1944 г. и отрицательно отвечают на вопрос, могла ли Красная армия помочь восставшим. Несмотря на признание

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

наличия острых противоречий между И.В. Сталиным и польским эмигрантским правительством в Лондоне, в отечественной историографии не возникает сомнений в отсутствии какого-либо приказа Верховного главнокомандующего вооруженным силам СССР о сознательном игнорировании действий восставших варшавян. Напротив, приводятся убедительные аргументы в пользу стремления Красной армии оказать помощь участникам восстания и рядовым жителям города, даже ценой значительных понесенных потерь. Исключением является статья главного библиотекаря отдела газет Российской национальной библиотеки, который считал, что в Советском Союзе очень скупо и тенденциозно освещали события Варшавского восстания, а в мотивах «бездействия» И.В. Сталина и Красной армии им усматривается политический подтекст, то есть желание продемонстрировать свою мощь и влияние лондонскому эмигрантскому правительству [14]. Но, повторюсь, подобная точка зрения является скорее исключением из преобладающей тенденции.

Обратимся теперь к тому, как вынесенная в заглавие проблема сохраняется и транслируется в исторической памяти. На сегодняшний день отсутствует единый подход к определению данного феномена, однако учеными признается активная роль современного Интернет-пространства в формировании и трансформации исторической памяти. Поэтому нет ничего удивительного в том, чтобы сквозь призму материалов сети Интернет проанализировать, как на его просторах представлен вопрос о роли Красной армии в Варшавском восстании 1944 г.

Отрадно отметить, что и здесь тенденция в последнее время прослеживается к более взвешенному, основанному на доказательной базе восприятию анализируемой проблемы. Хотя обычно для исторической памяти характерен упор на эмоциональное отражение тех, или иных событий, более обыденное и понятное рядовому обывателю, нежели умозаключения профессиональных ученых. Даже в материалах сети Интернет превалирует точка зрения, согласно которой польское эмигрантское правительство в Лондоне после провала своей неподготовленной и стоившей жизни сотен тысяч соотечественников авантюры решило основную вину с политической точки зрения возложить на советское руководство, главным образом, лично на Сталина, якобы из-за разногласий относительно послевоенной польской границы отдавшего приказ об остановке продвижения Красной Армии. Однако на разных форумах и пабликах, на различных сайтах не было встречено информации, которая бы хоть как-то могла послужить доказательством данного голословного обвинения. Рискну предположить, что какие-то критические высказывания в адрес военно-политического руководства СССР содержались на отдельных сайтах, материал которых по решению Роскомнадзора был заблокирован.

Таким образом, удивительный факт, но отражение событий Варшавского восстания 1944 г. и действий Красной армии в это время в исторической памяти современной России в значительной степени соотносится с теми научными оценками и выводами, к которым приходят профессиональные исследователи. Вероятно, одной из причин этого является то, что анализируе-

Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны: новые подходы и направления научного поиска

мые события происходили на чужой территории, поэтому с точки зрения эмоций не вызывают такого сильного разброса мнений. В то время, как в самой Польше огромное количество коммеморативных мероприятий и инструментов направлено именно на сохранение и преумножение знаний о событиях Варшавского восстания [15], большинство из них имеют откровенно антисоветский и русофобский характер. Поэтому необходимо проводить значительную просветительскую деятельность, чтобы жители нашей страны умели отличать факты от фейков и делать правильные выводы, исходя из приводимых исторических аргументов.

Источники и литература

1. *Васильева Н.В.* СССР и Варшавское восстание 1944 г. – некоторые актуальные вопросы / Н.В. Васильева // Министерство обороны РФ. Ход войны. К 70-летию Победы. https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11974489%40cmsArticle (дата обращения: 22.12.2024).

2. *Вишнякова Л.А.* История Варшавского восстания 1944 года как фактор воинствующей русофобии и фальсификации истории Второй мировой войны / Л.А. Вишнякова // Органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны. Внутренняя политика государства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Барнаул, 20–21 марта 2015 г.) / отв. ред. А.В. Богущий. Барнаул: Изд-во Барнаульского юридического института МВД РФ, 2015. С. 126–130.

3. *Лавренев С.Я.* Варшавское восстание 1944 г.: исторические факты против домыслов (к 80-летию со дня события) / С.Я. Лавренев, М.С. Полянский // Клио. 2024. № 9. С. 248–255.

4. *Лавренев С.Я.* Трагедия Варшавского восстания 1944 года / С.Я. Лавренев, В.С. Хмельков // Обозреватель. 2020. № 6. С. 60–76.

5. *Мельтюхов М.И.* Миф о преднамеренной остановке Красной армии под Варшавой в августе 1944 г. / М.И. Мельтюхов // Великая Победа / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. 2. Вставай, страна огромная. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 383–400.

6. *Мельтюхов М.И.* Операция «Багратион» и Варшавское восстание 1944 года / М.И. Мельтюхов // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 44–56.

7. *Носкова А.Ф.* Варшавское восстание 1944 г.: замыслы и результаты / А.Ф. Носкова // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.) / отв. ред. А.А. Богдашкин. Воронеж: Научная книга, 2015. С. 133–145.

8. *Носкова А.Ф.* К вопросу о политическом характере антифашистского Сопротивления в Польше в годы Второй мировой войны и историческом значении Варшавского восстания 1944 года / А.Ф. Носкова, Б.В. Носов // Славяноведение. 2018. № 1. С. 68–80.

9. *Носов Б.В.* Варшавское восстание 1944 г. в свете новых исторических документов / Б.В. Носов // Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. – декабрь 1945 г. Т. 2, ч. 1. Варшавское восстание. Июль – ноябрь 1944. М.: Международный фонд «Демократия», 2016. С. 445–455.

10. *Парсаданова В.С.* Варшавское восстание 1944 г. Движение Сопротивления в Польше 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты / В.С. Парсаданова. Ч. 1. М.: Издательские решения, 2018. 440 с.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

11. *Парсаданова В.С.* Варшавское восстание 1944 г. Движение Сопротивления в Польше 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты / В.С. Парсаданова. Ч. 2. М.: Издательские решения, 2018. 380 с.
12. *Платошкин Н.Н.* Варшавское восстание 1944 года: мифы и реальность / Н.Н. Платошкин // Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С. 27–33.
13. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с.
14. *Решетов А.В.* Оценка роли Варшавского восстания 1944 г. по материалам прессы и опубликованных источников / А.В. Решетов // Тревоги о прошлом, XX век: работы победителей Четвертого открытого конкурса студенческих и аспирантских работ «Актуальная наука» («Советский Союз, Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы в мировой политике: XX век») памяти О.Н. Кена / сост. В.Д. Кен. СПб.: КОСТА, 2012. С. 73–95.
15. *Ротт Д.* Изображение Варшавского восстания 1944 г. в современной массовой культуре / Д. Ротт // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 211–223.
16. *Суслов А.Ю.* Варшавское восстание 1944 г.: некоторые итоги изучения в российской историографии / А.Ю. Суслов, П.Н. Волков // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17, № 24. С. 371–373.
17. *Христофоров В.С.* Неизвестные страницы Варшавского восстания 1944 года / В.С. Христофоров // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 38–42.
18. *Яковлева Е.В.* Польша против СССР 1939–1950 гг. / Е.В. Яковлева. М.: Вече, 2007. 416 с.

Ипатов Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, Россия, г. Воронеж, molot.tora@mail.ru

Ipatov Aleksei M., Candidate of Sciences (History), Associate Professor at the Department of History of Russia, Voronezh State Pedagogical University, Russia, Voronezh, molot.tora@mail.ru

УДК 930(470.343)

О.А. Кошкина

**ОТРАЖЕНИЕ ПОДВИГОВ ФРОНТОВИКОВ
ИЗ МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Аннотация. В статье представлен обзор историографии Марийской АССР / Республики Марий Эл, посвященной вопросам изучения подвигов жителей республики на фронтах Великой Отечественной войны. Историографию данной темы можно традиционно поделить на два основных этапа: советский и современный, каждый из которых имеет свои особенности. Большая часть изданий посвящена Героям Советского Союза и полным кавалерам ордена Славы – уроженцам и жите-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

лям Марийской АССР. Среди публикаций можно выделить научные работы, художественно-публицистические очерки, справочные издания. Ратные подвиги земляков всегда имеют особое значение для сохранения исторической памяти. Информация о них играет особую роль в патриотическом воспитании молодого поколения.

Ключевые слова: Марийская АССР / Республика Марий Эл, Великая Отечественная война, историография, подвиги на фронте, историческая память.

O.A. Koshkina

**REFLECTION OF THE EXPLOITS OF FRONT-WINERS
FROM THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN REGIONAL HISTORIOGRAPHY**

Abstract. The article provides an overview of the historiography of the Mari ASSR / Republic of Mari El, devoted to the study of the exploits of the inhabitants of the republic on the fronts of the Great Patriotic War. The historiography of this topic can traditionally be divided into two main stages: Soviet and modern, each of which has its own characteristics. Most of the publications are dedicated to the Heroes of the Soviet Union and full holders of the Order of Glory – natives and residents of the Mari ASSR. Scientific works, artistic and journalistic essays, and reference publications can be distinguished among the publications. The feats of arms of fellow countrymen are always of particular importance for the preservation of historical memory. Information about them plays a special role in the patriotic education of the younger generation.

Keywords: Mari ASSR, Republic of Mari El, Great Patriotic War, historiography, exploits at the front, historical memory.

Изучение подвигов фронтовиков всегда находилось в центре внимания не только ученых, но по большей части краеведов и журналистов. Традиционно историографию этой темы можно поделить на два этапа – советский и современный.

Сбор материалов о ратных подвигах уроженцев Марийской АССР начался еще в годы Великой Отечественной войны. В апреле 1943 г. возобновил свою деятельность закрытый в начале войны Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при СНК Марийской АССР. Сотрудники начали сбор материалов и документов об участии марийского народа в Великой Отечественной войне. Были собраны материалы о земляках-героях на фронтах, более 100 писем земляков – бойцов, офицеров и генералов. К 1944 г. выпускником Московского университета преподавателей общественных наук, кандидатом исторических наук Г.В. Палутовым была подготовлена рукопись «Героические сыны марийского народа на фронтах Великой Отечественной войны» [6, л. 1]. В 1945 г. им же были выполнены работы по темам «Генерал-майор И.И. Анциферов» и «Генерал-майор П.Н. Петропавловский» [5, л. 47]. Но в военный период ни одной ра-

боты издано не было. И, к сожалению, эти рукописи не сохранились в фондах института.

Единственной работой Г.В. Палутова по этой теме, которая сохранилась в научно-рукописном фонде МарНИИ, является очерк о первом из республики в годы Великой Отечественной войны Герое Советского Союза В.С. Архипове, подготовленный в 1944 г. [17]. Очерк носит публицистический характер с использованием прямой речи. Автор подробно описывает детство героя, место рождения (д. Княжна), уход на фронт, подвиг и завершает текст поэмой М. Казакова «Герой-пулеметчик» в переводе с марийского языка. В тексте нет ссылок на использованные материалы и документы. В качестве приложения приводится выдержка из газеты «Правда» от 13 апреля 1942 г. и указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении.

В 1948 г. Маргосиздатством был опубликован сборник художественно-публицистических очерков с названием, которое в последующем будет повторяться довольно часто, «Наши герои». Сюда вошли 25 очерков об уроженцах республики – Героях Советского Союза. Среди авторов и ученые Г.В. Палутов, М.С. Калашников, и в большинстве своем писатели и журналисты М. Чойн, К. Васин, Д. Орай, И. Устинов, Н. Лекайн и др. [20]

Активная работа по изданию книг о фронтовиках, боевых подвигах уроженцев Марийской АССР, публикации документов начинается в 1960-х гг. Сборник «Герои земли марийской» был составлен по документам архива Министерства обороны СССР полковником в отставке А.П. Гребневым и издан в 1965 г. Марийским республиканским краеведческим музеем. В него вошли наградные листы сорока Героев Советского Союза – уроженцев Марийской АССР и тех, кто проживал в республике после войны. Здесь впервые дословно приводятся документы со ссылкой на фонды архива, что придало сборнику особую ценность [3].

Гребнев А.П., участник Великой Отечественной войны, журналист по образованию, и в дальнейшем активно издавал публицистические очерки о ратных подвигах земляков, основываясь на архивных документах и воспоминаниях [7; 8; 9; 10].

В этот период историки Марийской АССР активизировали работу над изданием сборников документов. Сборник «Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны» был подготовлен и издан в 1967 г. сотрудниками архива Марийского обкома КПСС, Центрального государственного архива Марийской АССР и Марийского республиканского краеведческого музея. В него вошли 298 документов, 46 из которых посвящены героизму и мужеству уроженцев Марийской АССР на фронтах Великой Отечественной войны. Это тексты из наградных листов Героев Советского Союза, статей республиканских газет, например, о партизанах О. Тихомировой и Р. Охотине, минере И. Тряпкине и участнике антифашистского движения А. Писове [15].

В 1968 г. вышла расширенная версия сборника очерков «Наши герои», куда вошли 44 текста о представителях Марийской АССР и 5 рассказов о Героях Советского Союза – марийцах из других регионов (Башкирская

АССР и Кировская область). Последние в основном представляют собой переиздание текстов из книг соответствующих регионов. В целом авторами сборника также были в основном писатели и журналисты, круг которых значительно расширился, и ученые К.Н. Сануков, М.Т. Сергеев, были переизданы очерки М.С. Калашникова [19].

Следующий активный этап работы по сохранению памяти фронтовиков – это 1980-е гг. В 1985 г. вновь вышло дополненное переиздание сборника «Наши герои». Новшеством стало то, что теперь каждый очерк сопровождался краткой биографической справкой. Всего в сборник вошли тексты о 50 Героях Советского Союза [22].

В этом же году Марийским научно-исследовательским институтом была проведена большая работа по сбору и обобщению материалов об участниках Великой Отечественной войны. Во все районы республики были направлены запросы о количестве мобилизованных, погибших и без вести пропавших. Разработанная анкета для ветеранов включала в себя и традиционные пункты (ФИО, год и место рождения, партийность, национальность, образование, дату призыва), и сведения о фронтах и воинских соединениях, должности и воинском звании, награждении орденами и медалями, ранениях и контузиях, участии в партизанском движении, профессии и месте работы после войны. Кроме того, последний вопрос был о наиболее запомнившихся боевых эпизодах, которые нужно было представить отдельно, что, к сожалению, в большинстве случаев не соблюдалось, либо этот материал не полностью сохранился. Тем не менее, эти документы сохранились в фондах МарНИИ. Собранные сведения по населенным пунктам представляют ценный исторический материал [18]. Эта работа стала предвестником последующих книг Памяти.

Современный период историографии (1990-е – 2000-е гг.) предоставил краеведам и исследователям широкие возможности, в том числе и работы непосредственно с источниками благодаря цифровизации. Изданий стало гораздо больше. Много публикаций разного характера стало появляться о родственниках – участниках войны.

С 1989 г. началась работа по увековечиванию памяти защитников Отечества. Результатом стало появление нового справочного источника – мемориальные книги. С 1993 по 1997 гг. в Республике Марий Эл было издано 18 томов «Книги Памяти» с именами воинов, павших на полях сражений (около 75 тыс. имен) [12]. С конца 1990-х гг. эта работа продолжилась, и с 2001 по 2006 гг. были изданы 15 книг со списками участников, вернувшихся с войны, – «Они защищали Родину» (около 70 тыс. имен) [23]. Несмотря на большие сложности в работе над этими изданиями и определенные недостатки в научный оборот впервые был введен огромный пласт исторического материала.

В 2004–2010 гг. в республике был реализован интересный проект, результатом которого стало издание сборника «Человек на войне» [25]. Книга была подготовлена на основе неформализованных интервью с рядовыми

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

участниками военных сражений Великой Отечественной войны, проведенного сотрудниками государственных архивов, архивных отделов администраций муниципальных образований, образовательных и культурно-просветительских учреждений Республики Марий Эл, преподавателями и студентами Марийского государственного университета. В итоге в книгу вошли 54 интервью, в которых наиболее полно отразилась главная идея проекта – познакомить читателя с мыслями и чувствами, повседневной жизнью людей, переживших войну в сознательном возрасте. Первыми были вопросы: как вы узнали о начале войны и когда были призваны? А далее интервьюеры действовали уже в зависимости от ответов. Итогом издания стало введение в научный оборот неопценного источника, позволяющего представить историю войны через судьбы ее участников, их переживания и чувства. Содержание сборника дает представление о повседневной фронтовой жизни глазами ее непосредственных участников, трудностях военной поры, которые прежде представлялись довольно обобщенно, мироощущении солдат того времени.

В рамках проекта «История Марийского края в лицах» один из томов был посвящен периоду Великой Отечественной войны. Цель проекта – стремление показать историческое развитие Марийского края через судьбы конкретных личностей, известных представителей различных социальных групп, деятельность которых осталась в исторической памяти и вклад которых в жизнь марийского народа в тот или иной период являлся значительным. Издание было подготовлено в жанре историко-биографических очерков. Том, посвященный периоду Великой Отечественной войны в истории Марийской АССР, вышел в 2015 г., к юбилею Победы. В издание включено более 100 историко-биографических очерков. Первая часть содержит биографии фронтовиков, вторая – деятелей тыла. Кроме Героев Советского Союза (52 чел.), полных кавалеров ордена Славы (14 чел.), генералов (6 чел.), есть статьи о санитарке Й. Айгловой, марийских писателях-фронтовиках Ш. Булате, Г. Ефруше, Н. Лекайне, В. Элмаре, герое антифашистского подполья Г. Курмашеве, женщине-снайпере С. Москвичевой, партизанах М. Натунич, О. Тихомировой, Р. Охотине, военвраче И. Ятманове. Большая часть статей написана учеными с указанием использованных материалов [11].

В 2000-х гг. набрало популярность издание региональных энциклопедий, которые стали хорошим вспомогательным справочным материалом для историков, краеведов, журналистов и т.д. Не осталась в стороне и Республика Марий Эл. В «Энциклопедию Марий Эл» и выдержавшую несколько изданий «Марийскую биографическую энциклопедию» вошли биографические статьи о героях войны [28; 16]. Несколько раз издавались тексты с биографиями Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, а также кратким описанием подвига в виде плакатов для использования в учебных заведениях и современных презентационных альбомов с QR-кодами [4; 21].

Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны: новые подходы и направления научного поиска

Следует отметить, что в предыдущие периоды в историографии республики практически не было исследовательских работ о фронтовых подвигах земляков. Большая часть изданий – это популярные публицистические очерки, либо справочные материалы (краткие биографии), основной источник которых – наградные листы. В последние годы стали появляться работы ученых, написанные на оригинальных материалах – архивных документах, в том числе семейных и личных архивов, воспоминаниях, письмах, дневниках и т.п., впервые вводимых в научный оборот. Например, были уточнены некоторые подробности биографии Героя Советского Союза А.И. Владимиров по его воспоминаниям, сохранившимся в семейном архиве [13]. Также по личным документам восстановлена биография А.В. Матвеева, офицера ВМФ, начальника штаба партизанской бригады, совершившего побег из фашистского плена [14].

Серьезное исследование с использованием и архивных документов, и полевых материалов было проведено председателем регионального отделения поискового движения Д.Я. Шипуновым по уточнению фрагментов биографии Героя Советского Союза В.С. Архипова [26]. По документам ЦАМО РФ автору удалось восстановить картину боя, в котором погиб герой, и имена еще двух бойцов из Марийской АССР, участвовавших в нем (С.В. Малышев и Е.Ф. Шестаков). Вызвало вопросы и место захоронения, находящееся на значительном расстоянии от места боя у д. Ямны Калужской области. Автор приходит к выводу, что место захоронения все-таки пока неизвестно. Кроме того, Д.Я. Шипуновым по итогам работы поискового отряда «Демос» было издано несколько книг о судьбах военнопленных и пропавших без вести солдат [2; 27].

Кроме того, на страницах научных журналов и сборников истории Марий Эл публикуют уникальные документы. Так, стоит обратить внимание на воспоминания фронтовика В.А. Малова (1925–2007), уроженца Горномарийского района Республики Марий Эл, опубликованные в 2023 г. [1] Часть дневника была утеряна, но в 1999–2001 гг. ветеран записал свои воспоминания в двух тетрадях. В рукописи подробно описаны события призыва в армию в 1943 г., учебы в Телавском общеобразовательном училище, эвакуированном в Московскую область, отправки на фронт в 22-ю мотострелковую бригаду, битвы за Днепр, освобождения Польши.

Ценный исторический материал содержит вводимый в научный оборот дневник Л.А. Тайгильдина (1921–1962), попавшего в плен в начале войны. На данный момент опубликована только часть рукописи о первых военных днях и повседневной жизни военнопленных. Оригинал дневника был утерян, и Л.А. Тайгильдин восстанавливал его по памяти уже в послевоенный период [24].

В заключение необходимо отметить, что данная статья носит обзорный характер. Здесь в большинстве рассмотрены наиболее крупные работы и публикации, внесшие вклад в изучение темы и вводящие в научный оборот новые источники. В целом заметки и статьи о подвигах земляков стали по-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

являться на страницах республиканской периодической печати еще в годы Великой Отечественной войны. В послевоенный период издавались художественно-публицистические очерки. Заслужой краеведов и журналистов стала публикация наградных листов Героев Советского Союза. Однако издания советского периода не содержат научно-справочного аппарата, ссылок на источники. Тем не менее, в этот период было сделано много для того, чтобы представить подвиги земляков на фронтах для широкого круга читателей, для использования этого материала в образовательных и культурных целях. На современном этапе было издано большое количество различных справочных материалов, в большинстве о Героях Советского Союза, полных кавалерах ордена Славы и генералах. В 2000-х гг. началась работа ученых над восстановлением биографий фронтовиков и введением в научный оборот уникальных источников.

Источники и литература

1. *Алметева И.В.* Воспоминания о прошлом и размышления о настоящем фронтовика В.А. Малова (1925–2007) / И.В. Алметева, А.Г. Иванов // *Марийский археографический вестник.* 2023. № 33. С. 165–211.
2. В списках не значится или правда о пленных / сост. Д.Я. Шипунов. Йошкар-Ола: Сельские вести, 2009. 239 с.
3. Герои земли марийской. Наградные листы Героев Советского Союза / сост. А.П. Гребнев. Йошкар-Ола: Мар. кн. из-во, 1965. 116 с.
4. Герои Родины – наши земляки. Комплект плакатов / сост. В.В. Глушков. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2010. 72 с.
5. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 628.
6. ГА РМЭ. Ф. Р-373. Оп. 2. Д. 17.
7. *Гребнев А.П.* Победители / А.П. Гребнев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 96 с.
8. *Гребнев А.П.* Родиной награжденные: сборник очерков / А.П. Гребнев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 320 с.
9. *Гребнев А.П.* Солдатская слава: очерки / А.П. Гребнев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1974. 176 с.
10. *Гребнев А.П.* Через огненные рубежи. Очерки о полных кавалерах орденов Славы / А.П. Гребнев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. 87 с.
11. История Марийского края в лицах. 1941–1945 гг. Великая Отечественная война / под общ. ред. Л.И. Маркелова. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. 374 с.
12. Книга памяти. Вспомним их поименно. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993–1997.
13. *Кошкина О.А.* Герой Советского Союза Александр Иванович Владимиров (к 90-летию со дня рождения) / О.А. Кошкина, В.И. Сухин // *Марийский архивный ежегодник.* 2013. С. 282–286.
14. *Кошкина О.А.* Украденная судьба. Инженер-майор А.В. Матвеев (1904–1950) / О.А. Кошкина // *Марийский архивный ежегодник.* 2018. С. 80–90.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

15. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов / сост. Т.А. Садова, Т.И. Богомолова. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1967. 454 с.

16. Марийская биографическая энциклопедия / сост. В.А. Мочаев. Йошкар-Ола: Марийский биографический центр, 2017. 608 с.

17. Научно-рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института (далее – НРФ МарНИИ). Оп. 1. Д. 338–340.

18. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 756–770, 798.

19. Наши герои / ред. Л.И. Ибраев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1968. 380 с.

20. Наши герои / ред. П. Бирюков. Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1948. 184 с.

21. Наши герои. Йошкар-Ола: Управление культуры городского округа «Город Йошкар-Ола», Музей истории города Йошкар-Олы, 2020. 80 с.

22. Наши герои: очерки / сост. М.Т. Сергеев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 368 с.

23. Они защищали Родину. Поимённый список участников Великой Отечественной войны. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2001–2006.

24. *Тайгильдин А.В.* Начало Великой Отечественной войны (1941–1945) в дневнике Л.А. Тайгильдина. 1941 г. / А.В. Тайгилджин // Регионы России в военной истории страны. Вып. VI: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 13–14 ноября 2024 г. / ред.-сост. О.А. Кошкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. С. 369–381.

25. Человек на войне: сборник интервью с участниками Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / науч. ред. Т.Г. Нефедова. Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Марийский гос. ун-т», Государственный архив Республики Марий Эл, 2010. 392 с.

26. *Шипунов Д.Я.* Новое о подвиге В.С. Архипова / Д.Я. Шипунов // Марийский архивный ежегодник. 2021. С. 124–126.

27. *Шипунов Д.Я.* Пропавших возвращаем имена / Д.Я. Шипунов, Н.Д. Шипунова. Медведево: Печатный дом Мерзляковых, 2014. 591 с.

28. Энциклопедия Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; ООО «РК «Галерия», 2009. 872 с.

Кошкина Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Россия, г. Йошкар-Ола, koshkina_81@mail.ru

Koshkina Olga A., Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of History, Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev, Russia, Yoshkar-Ola, koshkina_81@mail.ru

УДК 930.2(093)"1941/45"

Е.В. Булюлина

**СТЕНОГРАММЫ ПЛЕНУМОВ СТАЛИНГРАДСКОГО
ОБКОМА ВКП(б) 1941–1945 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОГО
ВОССТАНОВЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДА**

Аннотация. В статье охарактеризованы стенограммы пленумов Сталинградского областного комитета ВКП(б) за годы Великой Отечественной войны как исторический источник. За период с июня 1941 г. по май 1945 г. Сталинградский обком ВКП(б) провел 11 пленумов, на которых были рассмотрены вопросы хозяйственного строительства и восстановления, сельского хозяйства и промышленности, а также партийно-организационной и партийно-политической работы обкома. Показано, что рассматриваемые стенограммы дают исследователям большой фактический материал. В комплексе с другими документами обкома стенограммы представляют полную картину не только деятельности областной партийной организации, но и всей экономической и политической жизни региона. В отличие от протокольной документации, этот исторический источник позволяет увидеть процесс принятия властных решений и динамику его развития, а также дает дополнительный материал для характеристики региональных руководителей, их индивидуальных качеств и эмоциональных реакций.

Ключевые слова: Центр по изучению Сталинградской битвы, Сталинградская область, обком ВКП(б), пленумы, стенограммы, 1941–1945.

E.V. Bulyulina

**TRANSCRIPTS OF THE PLENUMS OF THE STALINGRAD REGIONAL
COMMITTEE OF THE CPSU(B) 1941–1945 AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND
THE POST-WAR RECONSTRUCTION OF STALINGRAD**

Abstract. The Center for the Study of the Battle of Stalingrad has prepared for the 80th anniversary of the Victory over the Nazis a collection of documents in 5 volumes on the work of local authorities in 1941-1945, which for the first time includes transcripts of the plenums of the Stalingrad Regional Committee of the CPSU (b) for the period under review. For the period June 1941 – May 1945 The Stalingrad Regional Committee of the CPSU (b) held 11 plenums, at which issues of economic construction and reconstruction, agriculture and industry, as well as party-organizational and party-political work of the regional committee were considered. The transcripts of the plenums provide researchers with a lot of factual, concrete historical material. In combination with other documents of the regional committee, the transcripts present a complete picture not only of the activities of the regional party organization, but also of the entire economic and political life of the region. Transcripts, unlike protocol documentation, allow you to see the process of ma-

Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска

king power decisions and the dynamics of its development. The transcripts also provide additional material to characterize regional leaders, their individual qualities and emotional reactions.

Keywords: Center for the Study of the Battle of Stalingrad, Stalingrad region, Regional Committee of the CPSU(b), plenums, transcripts, 1941–1945.

В 2015 г. по инициативе доктора экономических наук, профессора, почетного гражданина города-героя Волгограда, ветерана Великой Отечественной войны Максима Матвеевича Загорюлько, с одобрения Президента РФ В.В. Путина и при поддержке губернатора Волгоградской области героя России А.И. Бочарова в Волгограде был основан Центр по изучению Сталинградской битвы. Основными задачами Центра являются научно-исследовательская работа по изучению Сталинградской битвы и публикация документов и материалов по истории Сталинградской области за период Великой Отечественной войны. За десять лет деятельности Центром по изучению Сталинградской битвы осуществлены масштабные публикаторские проекты, включая восемь изданий энциклопедии «Сталинградская битва», сборники документов и справочники «Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты», «Восстановление экономики Сталинградской области. Репарационные поставки. 1945–1947», «Сталинградская группа войск. 1943–1944 гг.», «Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 годах: обеспечение коренного перелома в войне», «Потребительская и промысловая кооперация Сталинградской области (1942–1943)» и др.

К 80-летию Победы над немецко-фашистскими захватчиками сотрудниками Центра по изучению Сталинградской битвы подготовлен к изданию сборник документов в пяти томах «Органы государственной власти Сталинградской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945)». Основатель Центра по изучению Сталинградской битвы М.М. Загорюлько неоднократно говорил и писал о том, что невозможно дать объективную оценку победы в Великой Отечественной войне, не раскрыв исторического смысла и истинного содержания деятельности Коммунистической партии и государственных структур в военные и предвоенные годы. Можно не принимать советский строй, его идеологию и черты политической жизни, но в оценке конкретных дел и событий необходимо стремиться к объективности.

Сборник документов и материалов в пяти томах «Органы государственной власти Сталинградской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945)» является тематической публикацией научного типа, подготовленной на основе принципов историзма, объективности, системности и методов источниковедческого анализа документов.

Применение принципа историзма позволило выявить конкретно-исторические условия военного времени в Сталинградской области и представить комплекс документов, последовательно освещающих как основные этапы развития конкретного исторического явления, так и его завершение.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

Принцип объективности выразился в непредвзятом отборе документов, предоставлении полной информации о документе без какого-либо вмешательства в его содержание, максимальном сохранении особенностей и характерных черт документов, отказе от политизации и идеологизации в научных комментариях. Принцип системности нашел свое отражение в отборе различных видов и разновидностей документов, выявлении их взаимосвязей и учете закономерностей их образования, происхождения и места в документальном комплексе. Основу публикации составили документы фондов Государственного архива Волгоградской области (ГА ВО) и Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО).

В структуре и содержании сборника нашли отражение особенности организации и функционирования органов государственной власти Сталинградской области в рассматриваемый период.

Каждый из пяти томов сборника включает пять разделов:

1. Документы пленумов Сталинградского обкома ВКП(б).
2. Документы «Особой папки» Сталинградского обкома ВКП(б).
3. Протоколы заседаний бюро Сталинградского обкома ВКП(б).
4. Решения исполкома Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся.
5. Информационно-справочные материалы по вопросам партийно-хозяйственного руководства Сталинградской областью.

Внутри разделов документы систематизированы по хронологии.

Подавляющее число помещенных в сборник документов публикуется впервые, за исключением некоторых извлечений из текста документов, использованных в качестве цитат и приложений к научным статьям и монографиям. Сведения о ранее осуществленных публикациях помещены в комментариях.

В процессе подготовки пятитомного сборника документов составителями было принято решение о включении в сборник стенограмм пленумов Сталинградского областного комитета ВКП(б). Это является отличительной особенностью сборника, так как стенограммы не слишком часто становятся объектом пристального внимания исследователей, отдающим предпочтение распорядительной документации – постановлениям, решениям, а также протоколам. Не так много научных публикаций стенограмм.

В соответствии с Уставом ВКП(б), принятом на XVII съезде компартии в 1934 г., пленум краевого (областного) комитета должен был созываться не реже одного раза в три месяца [1, с. 141]. Однако война внесла изменения в организационные формы работы обкома. Это выразилось в том, что в военное время собиралось лишь три пленума в год, а также количество рассматриваемых вопросов было ограничено. Как правило, рассматривалось три вопроса, но на VII пленуме 22 ноября 1941 г. рассматривался лишь один вопрос, на X пленуме 3 октября 1942 г. – два вопроса.

Всего с июня 1941 г. по май 1945 г. Сталинградский обком ВКП(б) провел 11 пленумов, на которых было рассмотрено 29 вопросов (без оргво-

просов), из них: по хозяйственному строительству и восстановлению города и районов области, подвергшихся оккупации и разрушениям в ходе военных действий – 6; по вопросам сельского хозяйства – 13; по вопросам промышленности – 3; по партийно-организационным и партийно-политическим вопросам – 7.

Заседания пленумов стенографировались. Стенограммы пленумов Сталинградского обкома за период войны до сегодняшнего дня не были опубликованы, между тем, они несут в себе большую фактическую информацию, давая в руки исследователя конкретно-исторический материал, так как на них обсуждались наиболее важные экономические и политические вопросы.

Пленумы проходили следующим образом: по вынесенным на повестку заседания вопросам заслушивались доклады. Как правило, по первому вопросу выступал первый секретарь обкома ВКП(б) Алексей Семенович Чуянов или второй секретарь Василий Тимофеевич Прохватилов. Каждый вопрос активно обсуждался в прениях, в них участвовало от 8 до 15 чел. по каждому вопросу. Прения зачастую были острыми, вызывали дискуссию. Выступающие также вносили предложения по проекту решения по докладу. Затем, но не всегда, с заключительным словом выступал докладчик. С проектом решения знакомились члены обкома, после чего решение выносилось на голосование участников пленума и после их утверждения принимало силу правового акта.

В 1941 – начале 1942 г. основными темами обсуждения на пленумах были: перевод промышленности на военные рельсы, связанные с этим трудности межведомственного взаимодействия, вопросы рабочего снабжения, общественного питания, в области сельского хозяйства – новые задачи обеспечения Красной армии продовольствием и фуражом.

На предприятиях Сталинграда началось размещение военных заказов, зачастую их выполнение требовало усилий сразу нескольких предприятий, в процессе перехода на выпуск новой продукции возникали технологические трудности, не сразу выстраивалась межведомственная кооперация, заводы испытывали большие затруднения и простой по причине отсутствия деталей от смежных производств. Главные претензии директора сталинградских заводов высказывали к железной дороге: железная дорога не обеспечивала своевременный завоз сырья и отправку готовой продукции. В качестве примера того, насколько остро проходили обсуждения на пленумах, можно привести выступление директора металлургического завода «Красный Октябрь» Петра Васильевича Матвеева с критикой в адрес начальника Сталинградской железной дороги Василия Михайловича Воевудского: «Дорога работает исключительно плохо. Я стал ежедневным клиентом управления железной дороги, уже швейцары так хорошо знают меня, что не задерживают и не спрашивают пропуска. Как уж мы не подходили к тов. Воевудскому, чуть ли не пятки чесали ему, чтобы он оказывал нам помощь, и все без толку... На заводе "Красный Октябрь" сложилось сейчас такое положение, что если дорога не подаст из Воропоново 6 вагонов угля, которые мы нагрузили

своими рабочими, я могу вывести завод из строя, я заморожу завод... Договаривались, что завтра дорога обязательно пять вагонов поставит. Проверяю утром – ничего подобного. Почему? Где-то там растянулся состав. Один день растянулся, другой день. Когда же он не будет растягиваться? Нельзя так дальше работать. У него там состав растянулся, а я у себя на заводе должен ноги вытягивать...» [3, л. 474–475].

Из выступления В.М. Воеводского, отвечавшего на критику, мы узнаем, что Сталинградской железной дороге с началом Великой Отечественной войны пришлось в несколько раз увеличить интенсивность работы из-за многократно возросшей нагрузки. Воеводский, в частности, говорил о том, что норма Наркомата путей сообщения на разгрузку-погрузку вагонов – 700 вагонов в день, а на участке Сталинградской железной дороги скопилось 7000 вагонов, зачастую по вине предприятий, задерживающих разгрузку сырья или погрузку изделий [3, л. 463–466]. Отметив создавшиеся тяжелые условия железнодорожного транспорта и совершенно неудовлетворительную работу Сталинградской железной дороги в этих условиях, пленум категорически потребовал от руководителей Сталинградской железной дороги и от партийных организаций области принять решительные меры для быстрее продвижения грузов для фронта и оборонных предприятий, одновременно потребовал от руководителей промышленных предприятий ликвидировать простой подвижного состава под грузовыми операциями [3, л. 430–432].

Не менее остро обсуждались вопросы безусловного выполнения государственных планов и военных заказов. Внимание всех руководителей было направлено на экономию цветных материалов, топлива, электроэнергии, изыскание всякого рода заменителей дефицитных материалов и инструментов, строжайший порядок в расходовании этих материалов.

Руководители предприятий и организаций приводили на пленумах примеры трудового героизма, отмечали трудовой подъем рабочих, направленный на оказание помощи фронту.

С приближением фронта к Сталинграду и с началом боевых действий в области потребовалось обсудить и выработать коллективные решения по целому ряду очень сложных вопросов: мобилизации, эвакуации, строительстве оборонительных рубежей, формировании народного ополчения, заготовок продовольствия и др. При этом не обходили вниманием и, казалось бы, простые, обыденные вещи, но имеющие значение для повседневной жизни горожан, такие как производство товаров широкого потребления и развертывание сети мастерских бытового обслуживания и ремонта, жилищно-бытовое обслуживание, питание, топливо. Например, в связи с тем, что многие рабочие не покидали заводов после завершения своей смены, а оставались для продолжения работы, увеличилось количество рабочих, питающихся в заводских столовых. Сеть общественного питания не была рассчитана на такое количество. Малое количество посадочных мест и недостаток посуды вызывали большие очереди, потери рабочего времени. «Город Сталинград, выпускающий сложнейшие механизмы для фронта, не может про-

известии и обеспечить столовые тарелками», – возмущался секретарь обкома по общественному питанию А.М. Мосин [3, л. 452-453 об.].

Массированные бомбардировки города в августе 1942 г. вынудили местные власти эвакуировать областные и городские учреждения на левый берег Волги. Очередной X пленум обкома ВКП(б) проходил 3 октября 1942 г. в слободе Николаевка Николаевского района Сталинградской области. Значительная часть участников пленума отсутствовала, так как была призвана на фронт или выполняла специальные задания в воюющем городе. Тем не менее, кворум состоялся, и пленум рассмотрел два вопроса: текущий момент и задачи областной парторганизации; о мерах по выполнению государственного плана хлебозаготовок осеннего сева, зяблевой вспашки, подготовки к зимовке скота.

X Пленум Сталинградского обкома ВКП(б) собрался в обстановке, когда часть территории Сталинградской области стала ареной ожесточенных боев Красной армии с немецко-фашистскими захватчиками. Ценой огромных потерь враг захватил несколько районов области и пытался овладеть Сталинградом. Обстановка на фронте достигла величайшего напряжения. Но все участники пленума были уверены в победе над врагом и нацелены на решение конкретных задач мирной жизни. Когда в стенограмме речь идет об обсуждении озимого сева, ремонта тракторного парка, местной промышленности и т.д., только глядя на дату события, отдаешь себе отчет, что всё это происходит в период величайшей битвы.

Показателен в этом отношении XI пленум Сталинградского обкома ВКП(б), который проходил 20–21 января 1943 г. в южном районе Сталинграда – Кировском – единственном из девяти районов города, где не было уличных боев. До окончательной победы в Сталинградской битве (2 февраля 1943 г.) еще почти две недели, на севере города еще идет ожесточенное сражение, а на повестке дня пленума следующие вопросы:

1. О ходе выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

2. О завершении сельскохозяйственных работ и о подготовке к зиме.

3. О ходе заготовок сельскохозяйственных продуктов [5, л. 3].

Этот пленум примечателен еще и тем, что на нем присутствовал и выступил перед собравшимися Михаил Степанович Шумилов, генерал-лейтенант, командующий 64-й армией, которая вместе с 62-й армией разгромила врага и обеспечила победу в Сталинградской битве. Командарм рассказал о боевом пути 64-й армии и задачах местной власти после полного освобождения Сталинградской области.

XI пленум поручил партийным и советским организациям провести тщательный учет нанесенного народному хозяйству ущерба в оккупированных и прифронтовых районах; в декадный срок разработать планы восстановительных работ с учетом первоочередного восстановления жилья, предприятий коммунального хозяйства и социальных объектов. Пленум наметил

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

конкретные даты восстановления предприятий, учреждений образования и здравоохранения, проведения санитарных и профилактических работ на освобожденных территориях, поручил райкомам партии и райисполкомам организовать подготовку к весеннему севу 1943 г. [5, л. 252–255]

Для XII пленума Сталинградского обкома ВКП(б), состоявшегося 17–18 июня 1943 г., и всех последующих, включая XVII пленум, проходивший 25 января 1945 г., главными темами для обсуждения являются восстановление разрушенного войной народного хозяйства и вопросы сельского хозяйства. На пленумах подводились итоги восстановления промышленности и объектов культурно-бытового и жилищного строительства и выявлялись недостатки при осуществлении строительно-восстановительных работ в конкретных организациях. В решениях пленумов назывались фамилии руководителей, и каждому давалось определенное поручение. В области сельского хозяйства обсуждались итоги посевной или уборочной кампаний, перед партийными и хозяйственными руководителями, директорами МТС и совхозов, председателями колхозов ставились конкретные задачи, связанные с уходом за посевами, подготовкой к озимому севу, уборкой урожая, заготовкой сельхозпродуктов.

Так, например, XIII пленум, проходивший 28–29 сентября 1943 г., отметил большую работу по восстановлению народного хозяйства, проведенную в области. Тем не менее, пленум констатировал наличие серьезных проблем в восстановлении хозяйства. Во-первых, неудовлетворительно выполняется план восстановления и строительства жилых домов в г. Сталинграде и сельских местностях. Вследствие этого в Сталинграде продолжали проживать в непригодных помещениях для жилья в зимних условиях более 45 тыс. чел. Во-вторых, неудовлетворительное положение с подготовкой к зимовке скота и восстановлением машинно-тракторных станций и мастерских. В-третьих, «райкомы партии и райисполкомы освобожденных районов недостаточно уделяют внимания вопросам культурного строительства и народного образования. Многие школы, библиотеки, избы-читальни, дошкольные учреждения до сих пор не подготовлены к работе в зимних условиях (не остеклены, не утеплены, не обеспечены топливом и школьно-письменными принадлежностями). Продолжает оставаться крайне напряженным положение с подготовкой школ и дошкольных учреждений в г. Сталинграде» [4, л. 522]. В-четвертых, «неудовлетворительное выполнение планов заготовок сельскохозяйственных продуктов колхозами области». В целях ликвидации этих недостатков пленум также принял конкретные решения, определил ответственных за их выполнение должностных лиц и степень их ответственности.

Выступая на XV пленуме обкома ВКП(б) 29 мая 1944 г. с докладом «О ходе жилищного и культурно-бытового строительства в г. Сталинграде», первый секретарь Сталинградского обкома А.С. Чуянов подвел итоги 1943 г. по восстановлению Сталинграда и районов, пострадавших от военных действий: «За год восстановительных работ по объектам промышленности, транспорта и жилищно-коммунального хозяйства г. Сталинграда ос-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

воено больше 200 миллионов рублей капиталовложений, ведено в эксплуатацию около 230 тыс. квадратных метров производственных площадей. Восстановлено хозяйство речного транспорта, Сталинградского железнодорожного узла. Построено и восстановлено 379 тыс. кв. м жилой площади. За этот год восстановленные предприятия выпустили продукции более чем на 135 млн 104 тыс. руб. Со сталинградских заводов вновь пошла на фронт боевая техника, укрепляя мощь нашей Красной армии, помогая ей громить ненавистного врага... За год со дня ликвидации немецко-фашистских войск под Сталинградом в городе построено и восстановлено 11093 дома площадью 378159 кв. м, в которые расселено 116522 чел. ...

Кроме того, восстановлено 33 административных здания, 40 школ, 61 здание детских яслей и садов, 10 больниц, 11 поликлиник и амбулаторий, 8 клубов, 12 бань и другие культурно-бытовые здания» [6, л. 97].

Однако установленный постановлением Государственного Комитета Обороны от 4 апреля 1943 г. и последующими постановлениями ГКО и Совнаркома план восстановления и строительства жилых домов и культурно-бытовых объектов по г. Сталинграду не был выполнен, в результате чего город продолжал ощущать острую нехватку жилья и культурно-бытовых учреждений. Большое количество горожан еще жило в непригодных для жилья помещениях – блиндажах, подвалах разрушенных зданий, лестничных клетках домов и т.д., а живущие в капитально восстановленных и вновь построенных домах имели в среднем до двух квадратных метров жилой площади на одного человека. В прениях выступали представители предприятий, организаций, секретари городских райкомов ВКП(б) и первичных партийных организаций, говорили о проблемах, с которыми они сталкивались при восстановлении объектов строительства. Представители строительных организаций отмечали необходимость индустриализации строительства и замены остродефицитных стройматериалов местными материалами (например, гажка – заменитель алебаstra, цемянка – масса из битого кирпича с известью).

Поднимался на пленумах и вопрос черкасовского движения¹. Отмечалось, что практика работы черкасовских бригад, оказанная ими помощь строительным организациям и результаты работы на отдельных самостоятельных стройплощадках огромны.

На пленумах 1944 г. подводились также итоги восстановления сельского хозяйства региона. В 1942 г. Сталинградская область лишилась 13 крупнейших сельскохозяйственных районов, они были оккупированы немцами, 15 районов частично отселялись и эвакуировали имущество и скот вглубь облас-

¹ Черкасовское движение – добровольческое движение жителей г. Сталинграда, организованное партийной организацией города и возглавленное Александрой Максимовной Черкасовой, по почину которой тысячи жителей Сталинграда в 1943–1953 гг. в выходные дни и по вечерам выходили на восстановительные и строительные работы в городе.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

ти, то есть в большей или меньшей степени находились в зоне военных действий. В оккупированных районах немцы разрушили почти все МТС, совхозы, уничтожили общественные постройки колхозов, уничтожили средства производства. После изгнания немцев пришлось вновь строить мастерские МТС и совхозов, завозить тракторы, возрождать колхозы, наделять их скотом, инвентарем и другим имуществом. 1943 год был неблагоприятным годом в смысле метеорологических условий для выращивания продовольственных и сырьевых культур. Совхозы области полностью выполнили обязательства перед государством по сдаче зерна. Однако показатели за 1943 сельскохозяйственный год по большинству колхозов области были неудовлетворительными. В целом по области в 1943 г. получен очень низкий урожай зерновых и других культур. Около 500 тыс. гектаров посевов совершенно не убирались, погибли. Колхозы области не выполнили установленного для них плана хлебосдачи, не обеспечили себя семенами и очень мало выдали хлеба и других продуктов на трудодни колхозникам. Следовательно, необходимо было добиться в 1944 г. подъема сельского хозяйства области, повышения урожайности всех сельхозкультур и, прежде всего, зерновых.

1944 г. стал годом перелома в развитии сельского хозяйства. Уполномоченный Наркомата заготовок СССР по Сталинградской области Г.М. Курначенков на XVI пленуме обкома 17 ноября 1944 г. сделал доклад о заготовках сельхозпродуктов в области и, в частности, сказал: «Красная армия на протяжении всего периода войны не имела и не имеет недостатков в продовольствии, потому что советский народ проявляет отеческую заботу о Красной армии и поставляет вовремя государству продукты сельского хозяйства» [7, л. 70].

XVII пленум обкома ВКП(б) проходил 25 января 1945 г. Основное внимание он уделил мерам обеспечения устойчивого урожая в колхозах и совхозах области: ремонту ирригационных сооружений, оросительной сети, очистке прудов, водоемов и проведению снегозадержания – важнейшего зимнего мероприятия по накоплению влаги в почве. В прениях участвовали директора МТС, секретари райкомов партии, работники земельных отделов.

Как видим, стенограммы пленумов обкома – источники ценной многоаспектной ретроспективной информации, они дают возможность проведения исследований по широкому спектру вопросов. Главная ценность стенограмм как исторического источника заключается в том, что, в комплексе с протоколами и постановлениями пленумов обкома, они дают полную картину не только деятельности самой партии в конкретной исторической обстановке, но и картину политической и экономической жизни региона. При этом эта картина написана наиболее активными участниками событий.

Стенограммы – результат коллективного творчества. Уже в процессе создания этих документов осуществляется своеобразный анализ достоверности тех сведений, которые в них содержатся. Но признание высокой степени достоверности этих источников не исключает применения к ним в процессе их исследования и использования всех приемов источниковедче-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

ского анализа. Стенограммы нельзя изучать изолированно, но только рассматривая их как составную часть всей совокупности источников, отражающих данный период развития. Например, когда в начале 1943 г. выступавшие на пленуме обкома секретари райкомов давали характеристику ущерба, нанесенного их районам оккупантами, они еще не располагали полными данными этого ущерба. Поэтому их выступления в этой части необходимо проверять по другим источникам, в частности, по документам Сталинградской областной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области, образованной по постановлению СНК СССР от 16 марта 1943 г. № 299 «О работе Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» [2].

Характерная черта стенограмм заключается еще и в том, что в отличие от постановлений, решений, являющихся готовым результатом, стенограммы знакомят с процессом принятия этих решений, позволяющем увидеть динамику его развития. Кроме того, стенограммы дают дополнительный материал для характеристики партийных, советских и хозяйственных руководителей, их индивидуальных качеств и настроений, эмоциональных реакций.

Источники и литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд-е 9-е, доп. и испр. Т. 8. М.: Политиздат, 1985. 542 с.
2. Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области: документы / под ред. М.М. Загоруйко. Волгоград: Панорама, 2008. 1360 с.
3. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИ ВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 1.
4. ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 1.
5. ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 1а.
6. ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 2.
7. ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 4.

Булюлина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника отдела научно-исследовательской работы, Центр документации новейшей истории Волгоградской области, ведущий научный сотрудник, Центр по изучению Сталинградской битвы, Россия, г. Волгоград, bulyulina@mail.ru

Bulyulina Elena V., Doctor of Sciences (History), Docent, Deputy Chief of the Research Department, Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region, Leading Researcher, Center for the Study of the Battle of Stalingrad, Russia, Volgograd, bulyulina@mail.ru

УДК 930.2(093)"1941/45"

Л.Н. Пивоварова

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ВОЙНЫ: ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА СТАРООСКОЛЬЦЕВ

Аннотация. В статье рассматривается роль фронтовой почты в условиях военного времени. Подчеркивается огромное значение фронтовых писем для поддержания духа воинов на фронте, родных и близких в родном краю, а также рабочих в тылу. Автор указывает на всевозможные способы доставки почтовой корреспонденции бойцам и командирам на передовые позиции и кратко анализирует содержание фронтовых писем, где раскрываются основные моменты жизни на войне. Особое внимание обращается на содержание солдатских писем с фронта родным, любимым, односельчанам. В качестве примера автор берет лишь некоторые письма старооскольцев с фронта, хранящиеся в фондах Старооскольского краеведческого музея.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная цензура, фронтовые письма, письмо-треугольник, военно-полевая почта, почтальон.

L.N. Pivovarova

HUMAN DOCUMENTS OF WAR: FRONTLINE LETTERS FROM STARY OSKOL RESIDENTS

Abstract. The article examines the role of front-line mail in wartime conditions. It emphasizes the enormous importance of front-line letters for maintaining the spirit of soldiers at the front, relatives and friends in their native land, and workers in the rear. The author points out all possible ways of delivering postal correspondence to soldiers and commanders at the front lines and briefly analyzes the content of front-line letters, which reveal the main moments of life during the war. Particular attention is paid to the content of soldiers' letters from the front to relatives, loved ones, and fellow villagers. As an example, the author takes only some letters from Stary Oskol residents from the front, stored in the funds of the Stary Oskol Museum of Local History.

Keywords: Great Patriotic War, military censorship, front-line letters, triangle letter, military field mail, postman.

Письма с фронта и на фронт, воспоминания участников Великой Отечественной войны, воспоминания о солдатах, которых уже нет рядом с нами, – каждый новый документ, новый факт дополняют и обогащают летопись войны, историческую науку, историю, тесно связанную с современностью и с нашей жизнью.

О минувшей Великой Отечественной войне надо знать все. Константин Симонов писал: «Помня, что люди смертны (а память будет бессмертной), надо записывать рассказы, воспоминания, снимать это на пленку – остав-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

лять эти человеческие документы войны. Чем их больше будет накоплено, тем лучше. О минувшей войне необходимо знать всё. Надо знать и чем она была, с какой безмерной душевной тяжестью были связаны для нас дни отступлений и поражений, и каким безмерным счастьем была Великая Победа. Всем надо знать и о том, каких жертв нам стоила война, какие разрушения она принесла, оставив раны и на теле земли, и в душах людей. В таком вопросе не должно быть забвения» [4].

Фронтовые письма являются ценным и уникальным историческим источником при изучении событий военных лет, так как в них не только отражены события Великой Отечественной войны, чувства и переживания бойцов в условиях военного времени, но и надежда на скорую победу над врагом и встречу с родными. Это – человеческие документы войны, над которыми не властно время. Военнослужащие писали их всегда, когда у них выдавалась свободная минута между боями, писали в любую погоду, невзирая ни на холод, ни на жару. Всего за годы войны военно-полевая почта (ВПП) обработала и доставила около 6 млрд. экземпляров почтовой корреспонденции. Ежемесячно только в действующую армию доставлялось до 70 млн писем и более 30 миллионов газет.

Газета «Правда» в своей статье «Фронту и тылу – образцовую связь!» писала: «Важно, чтобы письмо бойца родным, письма и посылки бойцам, которые огромным потоком идут со всех концов страны, не задерживались, не залеживались по вине работников связи. Все органы связи обязаны работать военными методами – быстро и четко [9].

Пересылка корреспонденции с фронта и на фронт (кроме посылок) была бесплатной. В годы войны письма старались доставить до адресатов как можно быстрее. Почтовые отправления доставлялись всеми имеющимися транспортными средствами: почтовыми вагонами, кораблями, самолетами, легендарными полуторками и мотоциклами. Существовала и военная голубиная почта, которая отвечала за официальные документы. В Севастополь почту возили на подводных лодках, по Ладожскому озеру – в осажденный Ленинград – машинами и лошадиными обозами. Письма воинам Эльтигенского десанта сбрасывали на парашюте. Роль почтового ящика на фронте выполняли грузовики полуторки.

Фронтная почта пропусклась на станциях без очереди, а почтовые поезда шли без остановок. Задержка корреспонденции или пересылка ее не по назначению расценивалась служащими почтовых органов как преступление [5, с. 60]. В военные годы войска связи возглавлял Иван Терентьевич Пересыпкин. Войска радиосвязи занимались не только телефонной связью, но и доставкой почтовой корреспонденции. Именно И.Т. Пересыпкин добился, чтобы для армейской почты были созданы исключительные условия. «Несмотря на сложную обстановку на фронтах и в тылу, партией и правительством в 1941 г. было принято решение, согласно которому запрещалась мобилизация почтового транспорта для военных и хозяйственных нужд,

разрешалась прицепка почтовых вагонов к воинским и товарно-пассажирским поездам и проходящим эшелонам» [2].

С началом войны в стране возникли трудности с обеспечением населения и армии конвертами и открытками, и, благодаря солдатской смекалке, появились знаменитые письма-треугольники. Почтовая бумага и открытки на фронте были в большом дефиците, поэтому письма писали зачастую на том, что попадалось под руку: на обычных тетрадных листах, листочках из блокнота, обрывках газетных бумаг, кусочках обоев и даже на оборотной стороне этикеток от тушенки, ненужных военных картах и бумажных мешках.

Вся военная корреспонденция подлежала обязательному просмотру военной цензурой. Это делалось, чтобы не допустить утечку важной военной информации и ее попадания в руки врага. Нельзя было разглашать ни местонахождение отправителя, ни маршруты следования, ни фамилии командно-начальствующего состава Красной армии. Из писем вычеркивалась вся эта информация в соответствии со специально утверждённым перечнем и проставлялся штамп о досмотре письма военной цензурой.

Письма наших земляков, участников Великой Отечественной войны, находятся в настоящее время на вечном хранении в фондах Старооскольского краеведческого музея. Письма были отправлены землякам, родным и близким, знакомым, бывшим коллегам, школьным учителям, преподавателям, партийным и советским органам, организациям, где их авторы трудились до войны, незнакомым людям и родственникам погибших. Не все письма дошли до нас невредимыми. Многие из них выцвели, стерся простой и химический карандаш. Ведь очень редко письма писали чернилами и простой ручкой.

После освобождения Старого Оскола и Старооскольского района от немецко-фашистских захватчиков в феврале 1943 г. на страницах старооскольской газеты «Путь Октября» стали публиковаться фронтовые письма наших земляков, написанные в редакцию. Находясь на фронте в смертельной опасности, рядовые и офицеры писали своим близким, понимая, что они переживают за своих родных, находящихся в действующей армии, понимая, что жизнь в тылу тоже не так проста, как может показаться на первый взгляд. Поэтому среди фронтовой корреспонденции распространены письма поддержки с заверениями земляков *о том, что в предстоящих боях с врагом будут биться до последней капли крови и совместными усилиями добьются быстрого разгрома врага.*

Гвардии майор-орденоносец В. Алексеевский был призван в Красную армию в 1938 г. Старооскольским военным комиссариатом. Воевал на фронте с первых дней войны, дошел до Берлина. Был награжден многими боевыми наградами. В фондах Старооскольского краеведческого музея хранится письмо, которое он написал трудящимся Старооскольского района. В этом письме отражается мир духовных переживаний и чувств офицера, после того, что натворили гитлеровцы в родном Старом Осколе, его отношение к

различным фактам войны и желание поскорее освободить родную землю от врага. «Дорогие товарищи! Находясь в действующей армии, я регулярно получаю Старооскольскую газету "Путь Октября" и внимательно слежу за жизнью моего родного города. Семь месяцев Старооскольский район находился под пятой у немцев. За это время фашисты разрушили все лучшие здания в городе, предали огню сотни колхозных строений, уничтожили школы и все культурные учреждения, дочиста ограбили все население, замучили сотни ни в чем неповинных людей. Но недолго пришлось лютовать проклятому врагу.

5-го февраля прошлого года Красная армия освободила Старый Оскол от немецких захватчиков. В городе снова возродилась счастливая жизнь. Приятно и радостно читать в газете сообщения, с каким энтузиазмом вы сейчас восстанавливаете родной город. Это еще раз говорит о том, что наш советский народ непобедим. Во имя победы, во имя своей отчизны он готов пережить все тяготы и невзгоды, навязанные нам гитлеровцами. Дорогие товарищи! Помните, что своей неустанной работой по восстановлению хозяйства в районе вы оказываете большую помощь фронту в деле быстрой победы над врагом. Вы также вправе гордиться своими сынами Старооскольцами, находящимися на фронтах Отечественной войны. Они с честью служат своей Матери – Родине. Имя нашего земляка, колхозника сельхозартели "Светлый луч" Дмитрия Васильевича Тулинова, удостоенного высшей правительственной награды – звания Героя Советского Союза, войдет в историю Отечественной войны. Я также с первых дней войны нахожусь на фронте. За это время участвовал во многих боях против немецких оккупантов и награжден орденом Красной Звезды и медалью "За отвагу". Я всегда помню наказ трудящихся Старооскольского района, данный нам, призывникам, в октябре 1938 г. Уходя тогда в ряды Красной армии, мы, призывники, дали слово не посрамить чести Старооскольцев и выполняем его на деле в бою. Мой призыв вам, дорогие товарищи, – работайте не покладая рук, быстрее восстанавливайте разрушенное немцами в нашем районе хозяйство, готовьтесь образцово встретить весенне-полевую компанию. А мы, со своей стороны, здесь на фронте, приложим все силы на самый быстрый разгром врага. Нас в бой ведет великий вождь советского народа товарищ Сталин. А где Сталин, там победа! Пишите мне на фронт, буду очень рад. Гвардии майор-орденоносец В. Алексеевский. Полевая почта 18.885» [1].

В родной город приходили письма с фронта, адресованные школьным коллективам, которые так же публиковались в местной газете. Я хочу поделиться содержанием еще одного необычного письма, которое было адресовано коллективу 1 «А» класса и дочурке Аллочке. Пришло это письмо от фронтовика старооскольца Л.Д. Станкевича. Оно красиво и аккуратно оформлено, написано ручкой: красными и синими чернилами. Письмо с фронта было направлено в Курскую область, г. Старый Оскол, ул. Володарского, Городская семилетняя школа, ученице 1 класса «А», Станкевич Аллочке.

Читаем текст письма: «Дорогая дочурка Аллочка! Дорогие мальчики и девочки – ученики 1-го класса «А»! Поздравляю Вас всех с Новым Годом, годом счастья всех советских детей, годом окончательного разгрома немецких захватчиков. Желаю Вам всем быть здоровыми и счастливыми, успешно учиться и отвечать Вашей учительнице только на «отлично». Нам – Вашим папам, находящимся на фронте, будет приятно и радостно, если Вы будете хорошо учиться, слушать Вашу учительницу и помогать своим мамам дома. Сейчас мы далеко от Вас, воюем в горах, на чужой земле. Каждый день мы убиваем немцев, каждый день нас приближает все ближе и ближе к звериному логову – к Германии. Скоро наступит час, когда мы сожжем стальное кольцо на немецком горле и задушим бешеного немецкого зверя. Дорогие мальчики и девочки 1 класса «А» и малышка Аллочка! Старайтесь учиться на «отлично»! Будьте послушными учениками. Помогайте своим мамам дома. Пишите чаще письма своим папам на фронт. Будьте здоровенькие и счастливенькие. Целую Вас всех и особенно дочурку Аллочку. Ваш Л. Станкевич» [7]. Вот такое жизнеутверждающее письмо было прочитано детям на уроке учительницей начальной школы. Такие письма приходили в школу и от вчерашних выпускников. Некоторые письма с фронта читали всей деревней, селом и улицей.

В Старооскольском краеведческом музее хранятся очень теплые воспоминания земляков об уроженце Старого Оскола, художнике Антоне Михайловиче Зубове (1907 г.р.). 1 сентября 1941 г. он ушел на фронт добровольцем, а через год – в сентябре 1942 г. – погиб. До войны (с 1935 г.) он был ответственным секретарем Курского областного отделения Союза советских художников и успел написать более ста картин, среди них «Шахта КМА имени академика И.М. Губкина», «На берегу реки Оскол», портреты скрипача М.Г. Эрденко и др. Письма Антона Михайловича к жене рассказывают нам о его оптимизме, вере в победу и страстному желанию до последнего вздоха защищать свою страну, родной дом и близких. Из его писем становится ясно, что фашисты натворили на советской земле: «Большинство деревень, встречаемых на пути, сожжены и представляют жуткую картину следов немецких вояк. Когда был в Малоярославце, видел там большие разрушения. Немцы оказались настоящими варварами». И в конце письма он пишет о том, что будет служить своей Родине до последнего дыхания: «Воспитанный Ленинским комсомолом, я всегда помню, чем обязан своей Великой Родине и Коммунистической партии. Потому я и сменил кисть художника на винтовку, надо смело защищать Родину!» Следующее письмо он написал своей сестре летом 1942 г.: «Вот сейчас сижу, пишу письмо под сильную канонаду. За эти дни испытал очень много. Буду жив – расскажу. Одним словом, увидел фронт, передовую. Все прошлое не идет ни в какое сравнение». В своих письмах Антон Михайлович описывает ратные подвиги своих земляков: «Действия моих товарищей, их мужественное поведение воспитывают меня крепко. Надеюсь быть таким же, как лучшие из них!» Солдат тоскует по своим родным, детям: «Вспоминаю своих деток: Клару,

Геню, Олю. Ты знаешь этих милых ребят – и сердце сжимается, хочется видеть их» [10, с. 393].

У каждого фронтового письма своя история. Бойцы писали их, не зная, вернутся ли домой, к любимым. Может, поэтому они наполнены такой нежностью и грустью. Интересно одно из писем Сергея Ивановича Коновалова. Он родился в Старом Осколе, война застала его в должности военного комиссара Боброводворского района Курской области. С июля 1942 г. С.И. Коновалов воевал в составе 8-й отдельной лыжной бригады, которая принимала участие в освобождении Старого Оскола зимой 1943 г. Он принимал участие в боях на Курской дуге, в форсировании Днепра, освобождал Чехословакию. Офицер был награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды. После войны долгое время жил и работал в Старом Осколе. Умер Сергей Иванович 13 ноября 1995 г. Сергей Иванович писал своей любимой жене: «Здравствуй, родная моя Сашенька! Как приятен мне тот миг, когда я увижу твой живой образ, родные твои глаза. Сколько в них красоты и простоты! Их жду, о них мечтаю. Хочется сказать, что я тоскую о Родине, еще глубже тоскую о той, кому это сердце принадлежит и отдано навсегда. За это время все передумано не один раз, а сердце стало милей и нежнее. Отдал бы его тебе скорее. Не раз видел тебя во сне... Обрадовался... Но увы, это только сон. Будь такой, как следует быть человеку с милым сердцем. Лечу и лечу к тебе, только к тебе! А пока будь здорова и бодра! Жди и я вернусь к тебе навсегда. Береги и люби дочку Женюрку. Целую всех. Жду весточку! Остаюсь, твой Сергей» [6].

Солдаты беспокоились о жизни родных в тылу, о родственниках, которые воевали на фронте. Староосколец, участник Сталинградской битвы, который дошел до Берлина – Николай Андреевич Шурыгин (мой отец) в своем письме с фронта писал: «Здравствуйте, дорогая мама, сестра Дуня, Татьяна Петровна и мои любимые племянники Рая и Толя! Я жив и здоров, чего и вам желаю. Одет, обут, питание хорошее. За то время, пока я воюю, пришлось многое пережить и увидеть, особенно в Сталинграде, но главное – мы немцу не отдали город, и я жив! Гоним этих мерзавцев дальше на запад. Фашизм, безусловно, будет уничтожен. Однако, всего не опишешь. Меня очень беспокоит судьба брата Ивана. Давно ли вы получали от него письма с фронта? Где он находится? Я от него писем уже давно не получал. Послал три письма, но никакого ответа нет. Если что узнаете, обязательно мне напишите. Пишите, что сеете на огороде? Чем занимаются Рая и Толя, помогают ли они по хозяйству старшим? Мама, как твое здоровье, чем топите печку? Разрешают ли возить сухие дрова из «Горняшки» и собирать в «Шуруповом» саду груши и яблоки? Меня это все подробно интересует. Ваш сын и брат Николай. 1943 г.»

С началом Великой Отечественной войны миллионы людей оказались в действующей армии. Шла массовая эвакуация из прифронтовой полосы. Война разлучила тысячи семей. Вся надежда была на почту, которая помогала найти близких людей в тылу и на фронте. В архиве Старооскольского

Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны: новые подходы и направления научного поиска

краеведческого музея хранятся несколько писем бойцов-старооскольцев с просьбой найти их семьи, от которых они не получали вестей.

В годы Великой Отечественной войны свой ежедневный подвиг совершали и почтальоны. Нередко, в зависимости от обстановки на фронте, подразделениям военно-полевой почты приходилось по несколько раз в день менять свою дислокацию, осуществлять сортировку писем и корреспонденции в землянках, на движущихся автомашинах и просто в поле, в лесу [3, с. 241]. Тяжёлые сумки с письмами нужно было доставить на фронт, на линию огня. Зачастую это было опасно для жизни, требовало большого мужества, но почтальоны помнили слова из «Памятки красноармейца-связиста»: «Родина требует от тебя четкой и бесперебойной работы в любых условиях. Хорошо работающая связь – залог Победы над фашистской Германией. Такой самоотверженной работы страна ждет от всей армии связистов, как борющихся на фронте, так и работающих в тылу. Они делают общее дело, они вместе куют победу над врагом!» [9]. Почтальоны пользовались всеобщей любовью, бойцы их по-дружески называли «представителями с Большой земли» [5]. Многие военные почтальоны пали смертью храбрых, выполняя свой долг. Более 300 военных связистов, доставлявших почту в полевых условиях во время Великой Отечественной войны, были удостоены звания Героя Советского Союза. В 2015 г. в Воронеже был установлен памятник, увековечивший подвиг фронтового почтальона в годы войны. Прототипом для этого памятника стал погибший на Воронежском фронте почтальон 333-го стрелкового полка 6-й Краснознаменной стрелковой дивизии ефрейтор И.И. Леонтьев.

Победные дни также стали большим испытанием для фронтовой почтовой службы, ведь когда было объявлено о капитуляции нацистской Германии во все концы Советского Союза полетели письма и открытки с поздравлениями. Люди спешили поделиться своей радостью со всем миром. Справиться с таким потоком посланий было очень сложно, поэтому они приходили адресатам с опозданием.

В фондах Старооскольского краеведческого музея хранится письмо Иосифа Николаевича Гладкова, который геройски сражался на фронтах Великой Отечественной войны и дошел до Берлина. Письмо своим родителям в Старый Оскол он написал в День Победы – 9 мая 1945 года. В письме – желание как можно быстрее встретиться с родными, гордость за Победу и осознание выполненного долга: «Я честно провоевал всю войну...». Такой честностью перед собой и Родиной отличалось поколение Победителей. [10, с. 415]. Иосиф Николаевич писал: «Здравствуйте мои дорогие! Сейчас только что услышал по радио об окончании войны. Наконец-то мы дождались этого радостного дня. Даже не верится, что все военные невзгоды позади, впереди только радостная счастливая мирная жизнь.

А самое главное – жив, здоров и жаль только, что братишки не дождались этого радостного дня, как было бы хорошо съехаться всем трем в родное гнездышко и отпраздновать день Победы. Ну что поделаешь, надо радо-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

ваться будущему. Пройдет некоторое время, и я вновь увижу вас, стариков. Очень хочется побывать на Родине. Я уже Нине писал, что награжден за последние бои Орденом Отечественной войны I степени. Это большая награда. Гордитесь своим Асыкой.

Я честно провоевал всю войну, защищая Родину, и Родина меня не забыла и оценила. И так поздравляю вас, родные мои, с победным окончанием войны. Горячо целую вас всех. Ваш Асыка» [8].

Фронтовые письма, кажется, и сейчас пахнут порохом и дымом. Эти пожелтевшие треугольники бережат души, раны и воспоминания о войне, которую мы никогда не видели, но которая навечно вшита в нашу историческую память. Каждое фронтовое письмо – это не только судьба отдельного человека, но и история нашего Отечества, история земли русской.

Источники и литература

1. *Алексеевский В.* Письмо с фронта трудящимся Старооскольского района / В. Алексеевский // Путь Октября. 1944. 8 марта.
2. *Кабанов М.Д.* Об использовании материалов военно-полевой почты в филателистических разработках / М.Д. Кабанов // Советский коллекционер. 1986. № 24. С. 3–15.
3. *Псурцев Н.Д.* Развитие связи в СССР / Н.Д. Псурцев. М.: Связь, 1967. 478 с.
4. *Симонов К.М.* 100 суток войны / К.М. Симонов. М.: Вече, 2016. 488 с.
5. *Синегубов В.* Военно-морская почта в годы Великой Отечественной войны / В. Синегубов // Морской сборник. 1981. № 6. С. 60–61.
6. Старооскольский краеведческий музей (далее – СО КМ). Папка «Великая Отечественная война. Письма с фронта». КП-19666.
7. СО КМ. Папка «Великая Отечественная война. Письма с фронта». КП-19670.
8. СО КМ. Папка «Великая Отечественная война. Письма с фронта». КП-19671.
9. Фронту и тылу – образцовую связь! // Правда. 1941. 18 августа.
10. *Евсюков Е.Н.* Живая память Белгородчины / Е.Н. Евсюков. Старый Оскол: Ямская степь, 2023. 420 с.
11. *Шкуринская Е.В.* Солдатские письма с фронтов Великой Отечественной войны: поэтика, композиция // Молодой ученый. 2016. № 9(113). С. 1312–1316.

Пивоварова Лидия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС», Россия, г. Старый Оскол, lidia.pivovarova@yandex.ru

Pivovarova Lidiya N., Candidate of Sciences (History), Docent, Associate Professor at the Department of Humanities, Starooskolsky Technological Institute named after A.A. Ugarov (branch) National Research Technological University «MISIS», Russia, Stary Oskol, lidia.pivovarova@yandex.ru

УДК 930.2(093)"1941/45"

А.И. Першина

**«МЫ МНОГОЕ УЖЕ ИСПЫТАЛИ И ЕЩЕ,
ОЧЕВИДНО, ИСПЫТАЕМ...» (ПИСЬМА ЖИТЕЛЕЙ
БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК)**

Аннотация. В статье на основе изучения уникального сохранившегося в личном архиве комплекса писем семьи Полбенниковых, жителей Ленинграда, разлученных в годы Великой Отечественной войны блокадой и эвакуацией, показаны возможности его использования в исторических исследованиях, а также уровень информативности данных источников. Автором определен состав писем, частота их написания, а также круг проблем, затронутых в переписке. Показано, что этот и подобные эпистолярные комплексы представляют большой интерес для исследователей трагических и героических страниц, связанных с историей Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, фронтовые письма

A.I. Pershina

**"WE HAVE ALREADY EXPERIENCED A LOT AND WILL OBVIOUSLY
EXPERIENCE MORE..." (LETTERS FROM RESIDENTS OF
BLOCKADE LENINGRAD AS A HISTORICAL SOURCE)**

Abstract. The article, based on the study of a unique set of letters from the Polbennikov family, residents of Leningrad separated during the Great Patriotic War by the blockade and evacuation, preserved in the author's personal archive, shows the possibilities of its use in historical research, as well as the level of information content of these sources. The author determines the composition of the letters, the frequency of their writing, as well as the range of issues raised in the correspondence. It is shown that this and similar epistolary complexes are of great interest to researchers of tragic and heroic pages associated with the history of the Great Patriotic War and the blockade of Leningrad.

Keywords: Great Patriotic War, blockade of Leningrad, front-line letters.

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда по своему накалу и трагизму превосходят многие события, имевшие место в истории России и Советского Союза в XX в. Долгое время блокада Ленинграда являлась своеобразной «фигурой умолчания»: ее предпочитали не замечать, страна узнавала о ситуации в городе в основном от эвакуированных ленинградцев, и многие отказывались верить в то, о чем говорили спасенные из тисков голода люди. Ольга Федоровна Берггольц, которую сестра вывезла в марте 1942 г. по Дороге жизни в Москву, писала в своих дневниках: «Здесь не го-

ворят правды о Ленинграде...», «ни у кого не было даже приближенного представления о том, что переживает город. Не знали, что мы голодаем, что люди умирают от голода...», «запрещено слово дистрофия», «трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа всю правду о нас... для слова – правдивого слова о Ленинграде – еще, видимо, не пришло время... Придет ли оно вообще? Будем надеяться». [2, с. 77–78, 80, 81].

Тяжелым ударом для Ленинграда и для сохранения исторической памяти о блокаде стало «ленинградское дело», в рамках которого 5 марта 1953 г. был на долгие годы закрыт мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Среди многочисленных экспонатов было уничтожено значительное количество источников личного характера – дневники, письма, фотографии, воспоминания жителей блокадного города. Свидетельства каждодневного подвига тысяч людей исчезли.

В этом контексте необходимо отметить, что именно документы личного происхождения среди всего имеющегося в наличии исследователей истории блокадного Ленинграда сегодня документального комплекса занимают особое место. И это не случайно, ведь в тяжелейших условиях блокадного города люди продолжали вести дневники, писать письма, то есть делать все то, что они раньше делали в условиях мирной жизни. Многие из них считали, что эти занятия помогают им сохранить человеческое лицо, которое так легко можно было потерять в страшных блокадных условиях.

Данное исследование стало возможно благодаря неожиданной находке, сделанной знакомым автора при переезде. Среди документов предыдущей одинокой хозяйки квартиры, обнаружилась переписка между членами большой ленинградской семьи Полбенниковых периода блокады. Этот комплекс документов представляет интерес с точки зрения разнообразной информации, представленной в нем. В общей сложности он включает в себя 35 писем и почтовых карточек за период от 21 сентября 1941 г. до 15 мая 1945 г. Некоторые письма не датированы, однако анализ их содержания позволяет определить ориентировочное время написания каждого из них. Таким образом, к 1941 г. относятся 8 писем, к 1942-му – 6, 1943-му – 4, 1944-му – 11, к победному 1945 г. – 6.

Практически все письма из блокадного Ленинграда были прочитаны работниками отдела военной цензуры Наркомата обороны (с осени 1943 г. отдел вошел в состав Генерального штаба РККА [20, с. 206]), о чем свидетельствует соответствующий штамп «Просмотрено военной цензурой». Визуальный анализ писем говорит о том, что до октября 1941 г. такой штамп на имеющихся в нашем распоряжении письмах не встречался, либо был представлен на конвертах, которые не сохранились. О пристальном внимании к содержанию писем со стороны отдела нам говорит старательное закрашивание чернилами части текста, который, по мнению цензоров, не подлежит прочтению. Попытка прочитать этот текст с помощью современных электронных средств, к сожалению, пока не увенчалась успехом. В некоторых письмах цензор не утруждал себя закрашиванием текста, а попросту вырезал его.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

Большинство писем написаны чернилами фиолетового цвета, что свидетельствует о возможности их приобретения в пределах блокадного города. Однако письма, написанные в период с февраля по ноябрь 1943 г., выполнены простым карандашом.

Адресатами писем была семья Полбенниковых: мама – Нина Александровна (девичья фамилия Петухова), дети – Римма и Павел. С началом войны им удалось выехать в эвакуацию в Ярославскую область, остальные члены большой семьи, включая ее главу – Георгия Лукича, – остались в блокадном Ленинграде. Имеющаяся в нашем распоряжении переписка хранилась в небольшом чемоданчике в квартире Риммы Георгиевны.

Детальная работа с документами позволила составить портрет семьи Полбенниковых. Георгий Лукич по профессии был столяром, выходцем из Тульской губернии, Нина Александровна приехала в Петроград из Московской. Согласно сохранившейся выписке о браке, заключенном 21 мая 1925 г. жениху было 45 лет, невесте – 16. В 1926 г. в семье родилась дочь Римма, а в 1932 г. – сын Павел.

Из сохранившихся почтовых карточек и конвертов мы узнаем адрес довоенного проживания семьи Полбенниковых – Кировский проспект, д. 64, кв. 134 (ныне – Каменноостровский пр-т, жилмассив «Кемпжилстрой»¹) [1].

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют определить адресантов писем. До февраля 1942 г., то есть до своей смерти переписку вел Георгий Лукич, после – Анатолий Соколов, который продолжил поддерживать связь с эвакуированными родственниками своей жены. Во время работы с документами по поводу имени последнего возникли определенные трудности. Сам он подписывал письма в Ярославскую область как Анатолий, в ряде сохранившихся официальных послевоенных документов у Риммы Георгиевны его имя звучит как Алексей, в то время как жена и ее сестра называют его в письмах Леней. Кроме этого по два письма были написаны Серафимой Носковой (Петуховой) (сестрой Нины Александровны) и их мамой Вассой Семеновной Петуховой.

Полбенниковы Нина Александровна, Римма и Павел в самом начале войны выехали из города в эвакуацию с Московского вокзала Ленинграда, о чем свидетельствует сохранившийся посадочный талон.

Глава семьи Георгий Лукич остался в Ленинграде. К сожалению, в письмах не нашел отражения тот факт, почему он остался в городе, на тот момент ему уже исполнился 61 год, он пенсионер. Можно предположить, что в условиях военного времени семья переживала за возможную потерю жилплощади, поэтому Георгий Лукич принял решение остаться. Известно,

¹ Жилой массив возведен в 1933 г. товариществом ЖСК «Кемпжилстрой». Архитекторы Ф.З. Мазель и М.В. Полтавский. Пятиэтажные корпуса построены в формах конструктивизма для работников Центральной радиолaborатории, заводов «Электрон» и «Красногвардеец».

что выезд в эвакуацию зачастую означал вероятную передачу квартиры или комнаты нуждающимся людям, оставшимся в городе.

Из Ленинграда не уехали и родные сестры Нины – Соколова Мария Александровна (Маня), проживающая с мужем Анатолием Соколовым в доме № 6/8 на 7-й Красноармейской улице, и Сима Александровна (Серафима – Носкова С.А), проживающая по адресу Куйбышевская, дом № 14. След третьей сестры – Евдокии (?) Александровны (Дуни), – проживавшей в доме № 6 на Лодейнопольской улице, теряется до 1944 г. Впоследствии станет известно, что она эвакуируется со своим заводом в Сибирь, однако родственники об этом долго не знали.

Отъезд Полбенниковых в эвакуацию летом 1941 г. по-разному воспринимался членами семьи, оставшимися в Ленинграде. В письме, датированном 23 октября 1941 г. Анатолий Соколов поддерживает решение родственников уехать из города, однако, предчувствие скорой беды не оставляет его: «мы многое уже испытали и еще, очевидно, испытаем» [3]¹. Успокаивая Римму, он писал: «не раскаивайся об отъезде, если бы ты была здесь, то пережила больше невзгод, мы мало того, что не едим досыта, сидим в холоде, еще и каждую минуту можем ожидать...² от чего вы там пока спасены» [3].

Иного мнения об отъезде Полбенниковых родная сестра Нины Александровны – Сима. В письме, датированном 12 декабря 1943 г., она пишет: «если бы Вы были дома, конечно, папа бы остался жив, а то он, бедняжка, был очень заброшен. Ну теперь безвозвратно все прошлое, да, деточка моя, не будем вспоминать прошлое» [8]. Складывается впечатление, что этот укор был сделан намеренно, косвенно обвинив родных в смерти Григория Лукича.

Поскольку речь идет о рядовой переписке, то мы можем выделить несколько тем, которые волновали ленинградцев в осажденном городе. Красной нитью практически в каждом письме проходит тема голода, не менее важной является тема квартирного вопроса, особенно остро вставшая после смерти Георгия Лукича, с прорывом блокады Ленинграда родственники заговорили о возвращении Полбенниковых в город.

Уже в октябре 1941 г. жители города почувствовали на себе нехватку продовольствия, что подтверждается текстом письма «мы сидим на пайке, которого хватает маловато, но что поделаешь, всему этому виной Гитлер» [3].

И «как в воду глядел» Соколов, написав «в ноябре месяце можем и этого не получить». Нормы выдачи в ноябре 1941 г., как известно, снизились до критических 250 гр. хлеба для рабочих и 125 гр. для иждивенцев. Попытаться что-то купить на рынке «ничего решительно нельзя» [3].

¹ Здесь и далее фрагменты писем приводятся в соответствии с современной орфографией.

² Троеточие было поставлено самим автором письма, видимо, намекая на те невзгоды, с которыми уже пришлось столкнуться ленинградцам.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

В письмах, написанных семье в октябре 1941 г., глава семьи сокрушается, что не все написанное им доходит до Ярославской области. А дальше наступила первая тяжёлая блокадная зима, снижение норм выдачи хлеба, и здоровье Георгия Лукича начинает ухудшаться.

Следующее сохранившееся письмо датировано уже февралем 1942 г., в нем Соколов сообщает от смерти Георгия Лукича 4 февраля. Одним из ключевых вопросов становится решение квартирного вопроса и получения его детьми пенсии по потере кормильца. В квартире с Георгием Лукичом после отъезда семьи проживал брат Нины Александровны – Михаил Петухов – с женой Екатериной, которым Соколов, судя по переписке, не особо доверял. По какой причине семья брата жены Георгия Лукича стала жить вместе с ним неизвестно. Однако, этот факт очень настораживал сестер Нины Александровны. Анатолий сокрушался, «о том, что он (Георгий Лукич – *А.П.*) несколько дней болел и лежал в кровати дома нам никто не сказал... похоронил Лукича Михаил один, без нас, хотя договоренность была, что мы придем хоронить, а когда в назначенный день Дуня и Маня пришли хоронить, то Михаил с Катей его уже похоронили...» и добавляет «после смерти Георгия они почти месяц ели его продукты, а не позаботились ни сходить на завод, взять страховую книжку (о каком заводе идет речь нам неизвестно – *А.П.*), ни насчет получения пенсии...» [4].

В письме, написанном через несколько дней, 25 февраля 1942 г. Анатолий Соколов переживал и за сохранность вещей Полбениковых: «когда вы вернетесь, то возможно, многих вещей и не досчитаетесь... вещами кое-какими пользуется и приводит в негодность, а часть уже привели, невзирая на то, что вам будет дорога каждая вещь...» [5]. Решение проблемы Соколов видит в доверенности на имя одной из сестер, которую Нина Александровна должна написать. Об этом в следующем письме просит и сестра Дуня: «да, Нина, обидно, ходила я ходила к вам и всем делилась, но сейчас идешь и не знаешь, откроют или нет. Да, Нина, Катя забрала ото всего ключи, и мы не знаем, что где у тебя лежит» [6]. И дальше письмо продолжает А. Соколов, говоря о том, что деньги практически не имели ценности: «здесь, если чего продают на деньги, очень все ценят дешево, совсем даром, мы тоже все меняем на хлеб, на граммы, но не знаем, насколько нас хватит...» [6]. Далее часть письма вырезана цензором.

Георгия Лукича похоронили по одним данным 15-го, по другим – 16 февраля 1942 г на Серафимовском кладбище Ленинграда. Вероятно, брат Нины Александровны Михаил и его жена Екатерина сознательно оттягивали день похорон для того, чтобы получить дополнительные продуктовые карточки. В копии свидетельства о смерти, выданной в 1946 г., в графе причина смерти стоит самая распространенная среди ленинградцев блокадной поры формулировка «алиментарная дистрофия» [21].

Зима 1941–1942 гг. оставила неизгладимый след в душе ленинградцев, став настоящим потрясением для переживших её людей. Поэтому в своем письме, написанном в августе 1942 г., он со страхом ожидает прихода новой

зимы: «если зима будет такой же, как прошла, то, наверное, мы с вами больше не увидимся». Но в то же время удивительная сила духа присутствует в этом письме: «желаем Вам быть здоровыми, не падайте духом, как-нибудь переносите все трудности» [7].

Видимо, еще летом 1942 г. Нина Александровна высказывала в письмах желание вернуться домой. Однако, в письме от 2 августа 1942 г. Соколов сомневается, что Полбенниковым удастся быстро вернуться в Ленинград: «вы пока об этом и забудьте думать, потому что пока война не кончится, никого выехавших не пустят без разрешения». И снова призывает «не кайтесь, что вы не в Ленинграде, как вам ни плохо там, но все же, я думаю, лучше, здесь же очень плохо...» [7].

Борьба за жилплощадь эвакуированных родственников стала главным лейтмотивом писем 1942-го и начала 1943 г. По какой-то причине Нина Александровна не могла прислать необходимую доверенность, поэтому семья брата продолжала жить в квартире Полбенниковых. В письме, датированном 14 ноября 1943 г., Анатолий Соколов переживает, что писем из Ярославской области они не получали с марта. В начале января 1944 г. Соколов вновь поднимает вопросы о возвращении родственников из эвакуации и обеспечения ленинградцев продовольствием.

Однако вопрос возвращения в город также не был очень простым. Нина Александровна до войны нигде не работала, путь в город для таких семей был закрыт. Единственным выходом из сложившейся ситуации, предложенным Соколовым, было найти в Ярославской области агентов какого-нибудь ленинградского предприятия, которому требовались рабочие руки, и завербовать к ним. Это была единственная возможность вернуться в город.

Что касается продовольственной темы, то к январю 1944 г. к хлебу добавились консервированные фрукты, крупа, масло или заменяющий его яичный порошок, конфеты, немного мяса, яйца. Однако, несмотря на увеличение пайка, ситуация с продовольствием продолжала оставаться весьма сложной. В этом же письме Анатолий Соколов пишет: «вертимся, как белки в колесе, ум за разум заходит, вот сейчас пишу Вам это письмо, а мысли перебиваются, думаю о еде, а есть нечего, и эта история чуть ни ежедневно...». Пережитый голод сильно сказался на здоровье: «памяти у меня совершенно не стало... стал плохо видеть... мысли путаются» [9].

В конце мая 1944 г. впервые упоминаются коммерческие магазины: «тогда на рынке будет все подешевле», и огороды, которые «ленинградцы копают, только, конечно, не все, а кто может» [10]. Видимо, весной 1944 г. Соколовы впервые получили «земли под огород за Ленинградом», хотя первые огороды в городе появились еще весной 1942 г. Жизнь города изменилась со снятием блокады, это заметно по регулярным почтовым отправлениям.

В мае 1944 г. Соколов отмечает, что «по сравнению с прошлым годом нынче жизнь, конечно, повеселей, но все-таки еще до нормы далека. На рынках все есть, но теперь беда, что нет у нас денег. Были бы деньги, ко-

нечно, мы бы и не испытывали такого недоедания, но и так хорошо, хоть, что есть где купить, а то ведь было время, и за деньги ничего не было» [10].

Пережитые потрясения первой блокадной зимы вновь и вновь заставляли Анатолия Соколова возвращаться к ним в своих письмах: «мы пока что по сей день еще, как говорится, сыты не бываем, но, по сравнению, все же чувствуем себя против прошлого года бодрей, конечно, если б прожевать последние, как говорится, тряпки, то, возможно, и не ощущали такого, но этого страшно нежелательно, т[о] е[сть] еще думается придется, может, пожить» [11], или «живем мы все по старому, чувствуем себя хоть не в полной мере здоровыми, но, по сравнению с прошлым годом, покрепче, беда, что все сказывается несчастная голодовка, которую, очевидно, теперь не забудешь до смерти» [12]. Серафима Александровна продолжает эту тему: «...в некоторых случаях, порой кажется, что это был сон, кошмарный сон, и теперь, когда миновали угрозы ежеминутных опасностей, то право как-то кажется неправдоподобным прожитое» [14].

Проблемы со здоровьем у ленинградцев после перенесенной блокады становятся все ощутимее, в августе 1944 г. Анатолий пишет в Ярославскую область: «памяти, например, у меня совершенно не стало, другой раз думаешь одно, а на деле делаешь другое, на днях каким-то еще чудом чуть не лишился на 10 дней хлебной карточки, получив ее, вместо того, чтобы подальше убрать, я взял ее, скомкал в руке и бросил в печку, когда на второй день хватился ее, то везде переискал и как то случайно заглянул в печку, нашел ее смятой, потом стал плохо видеть без очков, теперь ни читать, ни писать не могу» [13].

Пережившие голод родственники большое внимание в своих письмах уделяют теме питания. Узнав о небольшом приусадебном хозяйстве у Полбенниковых, напутствуют Нину Александровну в конце лета 1944 г.: «Конечно, вы хорошо сделали, что не бросили свой огородец и пока его не уберете, верней, не снимите с него урожай, Вам не стоит покидать данную местность... Когда вздумаете ехать, то Маня говорит, что есть у Вас из посуды и вообще тряпок, ничего этого в Ленинград не везите, а лучше заблаговременно продайте или сменяйте на продукты, так как посуда в Ленинграде найдется» [11].

Жилищный вопрос, который вызывал столько волнений у сестер Нины Александровны зимой 1942 г. снова возник летом 1944 г. Брат Михаил с семьей продолжал проживать в квартире Полбенниковых, но сообщения об этом факте стали носить нейтральный оттенок. Он же и сообщил Соколовым, что управдом готов вселить в эту квартиру новых жильцов. Поэтому Анатолий снова стал торопить Нину Александровну, как можно скорее «нынче выбраться» в Ленинград, если не всем вместе, то хотя бы Римме. К сентябрю риторика меняется, и Соколов пишет: «за жилплощадь не беспокойтесь, вы всегда ее получите при возвращении в Ленинград... конечно, если есть возможность завербоваться, то вербуйтесь, если же это связано с очень большими трудностями, то, может, меньше трудностей для вас перезимовать, мы от вас очень далеко, поэтому судить положение Ваше не знаем

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

как и определенный совет давать то же не можем, поступайте сами как для Вас лучше. В Ленинград сейчас поехало очень много, вызовы на эвакуированных до особого распоряжения не принимают» [15].

Попытка Анатолия Соколова завербовать на работу Нину в свою артель инвалидов в начале 1945 г. не увенчалась успехом, так как не удалось получить необходимую справку от управдома.

Об улучшении жизни в Ленинграде с удовольствием отмечает Анатолий Соколов 28 ноября 1944 г.: «В Ленинграде теперь жизнь стала повеселей, на многих улицах стал даваться свет, так что хоть не на ощупь приходится ходить, как это было до этого года» [16].

Видимо, непросто складывалась жизнь семьи Полбенниковых в эвакуации, так как ленинградцы высказывали обеспокоенность положением родственников в Ярославской области: «Очень жаль вас дорогие, за вашу судьбу и нужду, в коей находитесь, но вы очень далеко от нас, будем надеяться, что в этом году как-нибудь да вы вернетесь к нам...» [17]. И нужно отдать должное сестрам Нины Александровны: несмотря на свое сложное положение, они стараются материально поддерживать эвакуированных родственников, посылая им денежные переводы.

Кроме того, интересной подробностью можно считать просьбы Риммы и Павла прислать им канцелярию: бумагу, карандаши, перья для письма из Ленинграда. К сожалению, перья до Риммы не дошли. Соколов ссылается в письме на постановление, по которому, кроме письма, в конверт запрещалось что-либо вкладывать.

В письме, датированном 4 февраля 1945 г. жители Ленинграда продолжали верить в лучшее: «жить, конечно, очень тяжело и даже неинтересно, но приходится бороться в надежде на будущее, лишений приходится переживать очень много, но ничего не поделаешь... может, доживем еще до счастливых дней, возможно, в недалеком будущем война кончится...» [18].

Последнее письмо датировано 15 мая 1945 г. В нем Анатолий Соколов сообщает о том, что 30 апреля в Ленинграде сняли светомаскировку: «на 1 мая никакой маскировки света уже не производилось, свет горел везде, как и до войны, конечно, только далеко не то, так как уличное освещение пострадало...» [19].

Интересны и его впечатления о майских днях 1945 г.: «8 мая днем по всему Ленинграду пошел разговор, что война кончилась (официально еще не было объявлено), вот мы все и ждали, что объявят, а прошел день, наступила ночь, все не объявляли, и только 9-го мая часов 2–3 ночи объявили по радио, что война с Германией закончилась. От радости я даже больше не мог и заснуть» [19].

Все долгих, сложных четыре года войны отразились в этих письмах. Блокада не сломила дух ленинградцев. Они имеют представление об истинных человеческих ценностях, так Серафима Александровна в своем письме дает племяннику очень дельный, на наш взгляд, совет: «...ты теперь один мужчина в семье, и поэтому разум твой нужен будет, учись, мой крошка...

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

Знай, мой родной, что жизнь гораздо интереснее, когда имеешь знания, и как она неинтересно темна, когда нет знаний» [8].

Таким образом, в изученном документальном комплексе писем семьи Полбенниковых блокада предстает перед нами глазами одной семьи, маленькая крупица которой вписана в трагедию и одновременно беспримерный подвиг большого города и всей страны. На примере этого уникального сохранившегося комплекса писем можно реконструировать не только жизнь отдельно взятой семьи в условиях блокады и эвакуации, но также и изучать различные аспекты жизни ленинградцев в блокадном городе. Это показывает, что письма и иные документы личного происхождения являются важным историческим источником для изучения трагических и героических страниц блокады Ленинграда.

Источники и литература

1. Жилмассив ЖСК «Кемпилстрой». Каменноостровский проспект, 64. URL: <https://www.citywalls.ru/house16173.html>
2. Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб.: Азбука-классика, 2010. 539 с.
3. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 23.10.1941 г. // Личный архив автора.
4. Письмо А. Соколова Полбенниковым [от 22.02.1942 г.] // Личный архив автора.
5. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 25.02.1942 г. // Личный архив автора.
6. Письмо А. и Е. Соколовых Полбенниковым от 08.03.1942 г. // Личный архив автора.
7. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 02.08.1942 г. // Личный архив автора.
8. Письмо С.А. Носковой Полбенниковым от 12.12.1943 г. // Личный архив автора.
9. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 03.01.1944 г. // Личный архив автора.
10. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 29.05.1944 г. // Личный архив автора.
11. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 03.07.1944 г. // Личный архив автора.
12. Письмо А. и Е. Соколовых Полбенниковым от 17.07.1944 г. // Личный архив автора.
13. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 09.08.1944 г. // Личный архив автора.
14. Письмо С.А. Носковой Полбенниковым [не позднее 12.08.1944 г.] // Личный архив автора.
15. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 04.09.1944 г. // Личный архив автора.
16. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 28.11.1944 г. // Личный архив автора.
17. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 03.01.1945 г. // Личный архив автора.
18. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 04.02.1945 г. // Личный архив автора.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

19. Письмо А. Соколова Полбенниковым от 15.05.1945 г. // Личный архив автора.

20. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13(2-3). Приказы народного комиссара обороны СССР, 1943–1945 гг. М.: Терра, 1997. 456 с.

21. Свидетельство о смерти №2259, выданное НКВД по Ленинградской области Бюро АГС Приморского района (копия) // Личный архив автора.

Першина Алиа Ильдаровна, кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания, Лицей № 273 им. Л.Ю. Гладышевой г. Санкт-Петербурга, Россия, г. Санкт-Петербург, aliya.pershina.84@bk.ru

Pershina Aliya I., Candidate of Sciences (History), Teacher of History and Social Science, Lyceum № 273 named after L.Yu. Gladysheva of St. Petersburg, Russia, St. Petersburg, aliya.pershina.84@bk.ru

УДК 930.2(47).084.8

Р.И. Ларинцев, А.Н. Заблотский

**ДОКУМЕНТЫ НЕМЕЦКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В РУМЫНИИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ЮЖНОМ
УЧАСТКЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА**

Аннотация. В работе рассматривается ситуация с изучением истории Великой Отечественной войны после начала «архивной революции» в зарубежных военных архивах. Дан краткий анализ доступности зарубежных источников по истории Второй мировой войны в послевоенное время. Показываются новые возможности, появившиеся с расширением доступа для отечественных исследователей к массивам документов вермахта в американских и германских архивах. Конкретному рассмотрению подвергнут фонд 405 Национального архива США, в котором содержатся ранее не известные документы по истории начального периода войны на южном участке Советско-германского фронта. Рассказано о содержании фондов и даны примеры уточненной трактовки локальных событий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «архивная революция», фонд 405 НАРА, начальный период войны, южный участок советско-германского фронта.

R.I. Larintsev, A.N. Zablotsky

**DOCUMENTS OF THE GERMAN MILITARY MISSION IN ROMANIA
AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE INITIAL PERIOD
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE SOUTHERN
SECTION OF THE SOVIET-GERMAN FRONT**

Abstract. The paper examines the situation with the study of the history of the Great Patriotic War after the beginning of the "archival revolution" in foreign military archives. A brief analysis of the availability of foreign sources on the history of the Second World War in the postwar period is given. The new opportunities that have appeared with the expansion of access for domestic researchers to the arrays of Wehrmacht documents in American and German archives are shown. The fund 405 of the US National Archives, which contains previously unknown documents on the history of the initial period of the war on the southern section of the Soviet-German front, has been subjected to a specific review. The content of the funds is described and examples of a refined interpretation of local events are given.

Keywords: The Great Patriotic War, "Archival Revolution", 405 NARA fund, the initial period of the war, the southern section of the Soviet-German front.

С началом «архивной революции» в американских и немецких архивах у отечественных исследователей появились новые возможности дальнейшего изучения истории Великой Отечественной войны с привлечением максимально большого объема архивных документов. Ни для кого не секрет, что невозможно полноценно изложить ни историю войны в целом, ни давать описание локальных ее событий, не исследуя и не сопоставляя данные обеих сторон. В этом отношении достаточно серьезной представляется проблема доступности сведений, причем не только и не столько для профессиональных историков или, например, сотрудников Института военной истории Министерства обороны РФ, которые априори, могли получить доступ к архивным делам, находящимся на специальном хранении, а с точки зрения такого, во многом специфического отечественного явления, как историк-любитель.

По степени доступности зарубежных источников по истории Второй мировой войны послевоенный период можно разделить на несколько этапов.

До середины 80-х гг. прошлого столетия основным источником сведений со стороны противника были публикации как переводные, так и оригинальные обобщающих или мемуарных работ, изданные за рубежом. Перечень этих работ был относительно невелик, при этом большинство монографий были написаны немецкими авторами, буквально две-три (хотя и очень информативные) были посвящены венгерским союзникам Гитлера и совершенно отсутствовали работы, посвященные действиям румынской и итальянской армий на советско-германском фронте. Хотя не только в пуб-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

лицитической литературе, но и в книгах специалистов постсоветского времени общим местом стала тотальная закрытость таких источников для непрофессионального историка, на самом деле на специальном хранении находились единичные издания. Причем зачастую вопрос выдачи или невыдачи иностранных книг решался на местном уровне. Один из авторов на собственном опыте убедился в этом. В студенческие времена в Центральной военно-морской библиотеке в г. Ленинграде оригиналы (не переводы) немецких обобщающих работ по истории боевых действий на море обычным посетителям не выдавали. А в читальном зале Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина эти же издания можно было прочитать совершенно свободно.

Сложно сказать, могли ли пользоваться профессиональные историки архивными документами, хранящимися в американских и западногерманских архивах. По крайней мере, ссылок на такие документы авторам не встречалось. Однако, в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина в Москве имелись описи трофейных дел Национального архива США, изданные в 1964 г. Для чего они были заказаны, авторы не знают и даже не решаются делать какие-то предположения.

В постсоветский период ситуация существенно изменилась, так как заинтересованным отечественным исследователям стали доступны архивные документы вермахта из трофейных фондов, хранящихся в виде микрофильмов в Соединенных Штатах, а также оригиналы, возвращенные в Западную Германию в середине 60-х гг. прошлого столетия. Однако, российские исследователи были ограничены двумя факторами. Первый – финансовый. Так, стоимость заказа копий микрофильмов в США постоянно росла (за десять лет примерно в четыре раза, без учета роста курса доллара), а заказ документов в Германии был сопряжен с определенными техническими трудностями. Второй – невозможность точно определить объем содержащейся в том или ином деле информации из-за краткости доступных описаний фондов (об этом и пойдет речь в основной части статьи). Оба эти фактора делали невозможным сплошную обработку какого-либо фонда, а уж тем более заказ копий архивных дел не совсем понятного содержания. А выборочное изучение источников всегда оставляет возможность для неправильной интерпретации каких-либо событий.

В 2022–2023 гг. в архивах Соединенных Штатов и Германии произошла настоящая «архивная революция», подобная той, которая началась в архивах Министерства обороны Российской Федерации еще в 2014 г. с созданием электронной базы документов «Подвиг народа» / «Память народа». В открытый доступ американскими и немецкими архивистами были выложены электронные копии документов вермахта за 1939–1945 гг. Теперь отечественный исследователь имеет возможность просматривать целые массивы документов, выявляя те дела, целесообразность заказа которых ранее вызывала определенные сомнения. И, как оказалось, некоторые из таких «сомнительных» фондов содержат ценную информацию, позволяющую дополнить известную

нам картину событий Великой Отечественной войны. Правда, процесс «революции» в зарубежных архивах не завершен, но основная масса документов (уровня группа армий / дивизия) уже выложена в открытом доступе.

Одним из таких ранее «сомнительных» архивных собраний стал фонд 405 Национального архива США [1]. Формально он состоит из трех частей: документов военно-воздушных округов, зенитной артиллерии люфтваффе (в Германии значительная часть зенитной артиллерии входила в структуры военно-воздушных сил) и документов немецкой военно-воздушной миссии в Румынии. Первые две части фонда менее интересны для отечественного исследователя, поскольку события на советско-германском фронте представлены фрагментарно. Более значима третья часть, так как Румыния являлась третьим по размеру вооруженных сил союзником Германии на европейском театре военных действий и крупнейшим – на восточном фронте.

Фонд 405 предоставляет нам возможность ознакомиться, во-первых, с аспектами военного и экономического сотрудничества Третьего рейха и королевской Румынии. Так, в одном из дел содержатся сводные данные о румынском военном производстве в четвертом квартале 1941 – первом квартале 1942 г. и планах на 1942 г. [4, f. 4905637-4905639]

Во-вторых, и это, наверное, одно из основных достоинств этого фонда, мы получаем возможность расширить свои знания непосредственно о ходе боевых действий с участием румынских войск в летней кампании 1941 г. До настоящего времени эта тема плохо подкреплена документами собственно румынского происхождения. Румынские архивы большинству историков (причем, кажется, даже и румынским) не доступны. А трофейные документы, как в Национальном архиве США (отделы связи вермахта при румынских соединениях), так и в трофейном фонде ЦАМО РФ (фонд 500) еще не оцифрованы. Правда, подробные сведения сохранились только за начальный период войны, что не может не вызывать сожаления.

В-третьих, еще большую ценность представляют документы штаба связи 4-го воздушного флота при военно-воздушных силах Румынии, которые также являются частью фонда 405. Штаб возглавлял полковник Бассенге. Этот орган был сформирован 20 июня 1941 г. и предназначался для координации действий ВВС Германии и Румынии. Независимо от этой структуры в Румынии работала также и германская военно-воздушная миссия под руководством генерал-лейтенанта Шпейделя, которой были подчинены части Люфтваффе на территории союзника. Ее документы широко представлены в фонде 405.

Ни для кого не является секретом тот факт, что архивы военно-воздушных сил Германии сохранились, в отличие от сухопутных войск и военно-морского флота, довольно плохо. Оперативная документация, описывающая ход боевых действий, практически отсутствует. Содержание фонда 405 частично закрывает эти лакуны, по крайней мере, для южного участка советско-германского фронта. Работа штаба Бассенге должна была базироваться на взаимной информации союзников. В связи с этим штаб ежедневно полу-

чал от командования 4-го воздушного флота люфтваффе оперативные и разведывательные сводки с указанием хода и результатов боевой деятельности немецкой авиации в южном секторе советско-германского фронта, которые затем транслировались румынскому авиационному командованию.

Таким образом, документы «штаба Бассенге» представляют собой текущую переписку, то есть позволяют взглянуть на ситуацию в режиме реального времени. Не менее ценными, чем оперативные сводки, являются информационные сообщения разведывательного отдела штаба 4-го воздушного флота, где содержится информация о действиях советской авиации. В них достаточно подробно перечисляются (в большинстве случаев с указанием времени суток) налеты советской авиации в полосе от реки Десна до Черного моря, иногда с указанием результатов авиаударов.

Кроме того, эти информационные разведывательные материалы включают в себя сведения, касающиеся донесений немецкой и румынской агентуры, действующей в советском, иногда, в очень глубоком, тылу (например, в Пермской области), материалы допроса советских пленных, перехваты службы радиоразведки, описания отдельных эпизодов боевых действий, по каким-то причинам показавшихся важными для немецкого командования. Так, например, подробно описаны диверсионные акты, проведенные осенью 1941 г. в г. Старая Русса с использованием техники особой секретности (радиомины). Или эмоционально окрашенные, не смотря на деловой стиль документа, описания героической гибели советских бронепоездов 8-го отдельного дивизиона бронепоездов на подступах к Таганрогу в середине октября 1941 г.

Следует отметить, что оперативные сводки 4-го авиационного корпуса имеются за указанный период и в делах 11-й полевой армии группы армий «Юг» (с июня 1941 г. до начала января 1942 г. практически без лакун и, частично, за март – апрель 1942 г.) [3]. Однако, документы из фонда 11-й армии существенно уступают по подробности сводкам, сохранившимся в фонде 405 Национального архива США.

Вот конкретный пример.

Мы, как исследователи, занимающиеся, в том числе, и вопросами потерь люфтваффе на восточном фронте, постоянно сталкиваемся со следующей проблемой. Имея данные, что в такой-то день был потерян немецкий самолет, мы не знаем, когда точно это произошло: утром, днем или вечером. В сводных ведомостях потерь люфтваффе, которые получили среди историков название «сводки генерал-квартирмейстера люфтваффе», содержится упоминание об уничтоженном на аэродроме Чаплинка (Северная Таврия) 16 октября 1941 г. немецком истребителе из состава 8-го отряда 77-й истребительной эскадры [1, s. 47]. В этот день удары по Чаплинке или находившимся рядом целям наносили как самолеты морской авиации, так и ВВС 51-й отдельной армии, защищавшей Крым как днем, так и ночью. Новые материалы позволяют установить, что результативный налет был произведен в ночь с 15 на 16 октября 1941 г. [6, f. 4893059] А уже обратившись к отече-

венным архивным материалам, мы можем установить и конкретные подразделения, участвовавшие в налете.

Кроме того, штаб Бассенге в период борьбы за Одессу регулярно информировал командование 4-го ВФ и другие структуры вермахта о действиях румынской авиации. Ежедневно составлялись донесения, в которых подробно описывались налеты ударной авиации, проведенные воздушные бои, достигнутые результаты и потери. Хорошо известная историкам авиации книга-двухтомник, посвященная начальному периоду войны и являющаяся основным источником по действиям румынской авиации, значительно уступает документам штаба Бассенге по подробности изложения [8].

В указанных документах также содержатся данные о составе румынской авиации на каждый (за небольшим исключением) день. Такие же донесения, хотя и со значительно меньшей степенью подробностей, составлялись и по результатам наземных боев. Однако и здесь возможны неожиданные архивные находки. Так в одном из донесений содержится интересная информация о трофеях, захваченных Приморской армией 2 октября 1941 г. во время контрудара в районе Дальника, а также об их дальнейшей судьбе [5, f. 4891293]. Эта информация, по нашим сведениям, никогда еще не использовалась ни в российских, ни в зарубежных публикациях.

Несмотря на то, что большинство документов интересующих нас дел касаются авиации, в фонде отложились и материалы немецкой миссии сухопутных войск в Румынии, получаемые в ходе служебной переписки. Так, представляет интерес оценка начальника этой миссии генерала Гауффе положения под Одессой от 10 октября 1941 г. Менее чем за неделю до успешной эвакуации частей Приморской армии ни немцы, ни румыны даже не подозревали о проводимых мероприятиях [4, f. 4887806]. В результате эвакуация прошла относительно успешно, а материалы 405-го фонда сохранили оживленную переписку, в которой различные немецкие командные инстанции выясняли, кто в этом виноват.

Таким образом, на примере фонда 405 Национального архива США мы имеем возможность увидеть, что использование полнокompлектных фондов трофейных, а не, как ранее, выборочных документов, позволяет значительно расширить наше представление о событиях Великой Отечественной войны, дополнить уже известную ранее информацию новыми фактами.

Источники и литература

1. Bundesarchiv-Militararchiv. RL 2 III/1178 S. 47.
2. National Archives and Record Administration (NARA). T. 321, roll 358–364.
3. NARA. T. 405, roll 1–64.
4. NARA. T. 405, roll 49, fram 4887806.
5. NARA. T. 405, roll 51, fram 4891293.
6. NARA. T. 406, roll 53, fram 4893059.
7. NARA. T. 405, roll 62, fram 4905637–4905639.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

8. *Denes B.* From Barbarossa to Odessa. The Luftwaffe and Axis allies strike south-east, June-October 1941 / B. Denes, D. Karlenko, J.-L. Roba. Hinkley: Midland, Vol. 1, 2007. P. 1–96, Vol. 2, 2008. P. 97–192.

Ларинцев Роман Иванович, преподаватель, Техникум судостроения и машиностроения, Россия, г. Северодвинск, larinczev2010@yandex.ru

Заблотский Александр Николаевич, ведущий специалист, Таганрогский авиационный научно-технический комплекс им. Г.М. Бериева, Россия, г. Таганрог, fareast68@gmail.com

Larintsev Roman I., Lecturer, College of Shipbuilding and Mechanical Engineering, Russia, Severodvinsk, larinczev2010@yandex.ru

Zablotsky Alexander N., Leading Specialist, Taganrog Aviation Scientific and Technical Complex named after G.M. Beriev, Russia, Taganrog, fareast68@gmail.com

УДК 930.2(47).084.8

Е.А. Макарова

**17-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ (ВТОРОГО
ФОРМИРОВАНИЯ) В БИТВЕ ЗА МОСКВУ:
ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ, ЛЮДИ И СУДЬБЫ**

Аннотация. Одной из наиболее сложных проблем, возникающих при изучении участия дивизии в битве за Москву, является проблема источников. Документы дивизии неоднократно за годы войны уничтожались. Содержание тех из них, что доступны, в частности советские документы оперативного характера, требуют аналитической проверки на достоверность. В статье представлен источниковедческий анализ боевого приказа, автором которого маргинальная историография (публицистика) полагает командование 17-й стрелковой дивизии. Рассматривая вопрос о достоверности его содержания, автор приходит к заключению, что документ не может быть источником фактических данных. Развитие событий на рубеже р. Протвы было иным. Восстановить действительный их ход позволяют оперативные документы противника.

Ключевые слова: битва за Москву, оборона на р. Протва, 17-я стрелковая дивизия, полковник П.С. Козлов, подвижная оборона, источниковедческий анализ, достоверность источника.

E.A. Makarova

17th INFANTRY DIVISION (2nd FORMATION) IN THE BATTLE FOR MOSCOW: THE PROBLEM OF SOURCES, PEOPLE AND DESTINIES

Abstract. One of the most difficult problems that arise when studying the division's participation in the Battle of Moscow is the problem of sources. The division's documents were destroyed several times during the war. The contents of those that are available, in particular Soviet documents of an operational nature, require analytical verification for authenticity. The article presents a source analysis of the combat order, the author of which historiography believes the command of the 17th infantry division. Considering the question of the reliability of its content, the author comes to the conclusion that the document cannot be a source of factual data. The development of events at the turn of the Protva River was different. The enemy's operational documents allow to restore their actual course.

Keywords: the battle for Moscow, defense on the Protva river, 17th infantry division, Colonel P.S. Kozlov, mobile defense, order, source analysis, reliability of the source.

Цель представляемого исследования – показать, насколько методы источниковедения при анализе документов позволяют реконструировать события, которые в известной историографии и публицистике воспроизводились до сих пор без критической оценки источников. Этим обуславливается актуальность работы, где мы пытаемся разрешить противоречивость содержащейся в доступных документах информации и показать, как данный феномен отразился на судьбах конкретных людей, а также представлении боевого пути 17-й сд в битве за Москву в отечественной историографии. Работа над статьей велась при поддержке независимого исследователя А.А. Милютина, поделившегося архивными материалами и выполнившего перевод немецких оперативных документов.

На момент выхода к рубежу р. Протва и получения боевой задачи к вечеру 17.10.1941 г. 17-я сд находилась в стадии формирования, имела примерно 40 % бойцов от штата и фактически представляла собой по численности личного состава некомплектный полк активных штыков. Основу ее составлял 1312-й сп, два других – 1314-й и 1316-й полки со своими тыловыми службами в численном отношении равнялись примерно батальонному составу. Дивизия была не слажена и практически небоеспособна. 1312-й сп оказался растянутым по фронту протяженностью около 25 км: от с. Спас-Загорье до с. Высокиничи. На основании приказа командарма от 18.10.1941 г. дивизии были подчинены 49-й батальон охраны штаба и сводный стрелковый батальон из бывшей 148-й танковой бригады. [11, л. 2]. Полковник П.С. Козлов также включил в состав 1312-го сп роту 2-го Люберецкого полка, бойцов из строительного батальона, прибывшего на рубеж для строительства укреплений, а также роту бойцов истребительного батальона с. Высокиничи [3]. Однако

этих сил для сдерживания массированного удара превосходящего по численности и вооружению противника было недостаточно. «Воевали наши военачальники не дивизиями, а их номерами. А когда поставленные задачи не выполнялись, потому что, кроме номеров, не было ни людей, ни боеприпасов, они искали и обязательно находили крайнего» [8, с. 231].

В период с 18 по 21 октября 1941 г. 1312-й сп 17-й сд вел бои, в том числе рукопашные, в районе между Протвой и Нарой. 1316-й сп оборонял с. Угодский Завод со стороны с. Белоусово. 1314-й сп принял в бой у д. Боево. Под натиском противника, несколько дней ведя подвижную оборону, отходили к р. Нара. Потеряв практически весь личный состав и немногочисленную артиллерию, вечером 21 октября остатки дивизии вышли к с. Тарутино. И вместо приказа комфронта сосредоточиться в районе с. Вороново (армейский тыл), снова вступили в бой, поддерживая части 53-й сд [21, л. 2].

В деле оперативного отдела штаба 43-й армии имеется на хранении заверенный Военной Прокуратурой 43-й армии письменный приказ № 04 от 19.10.1941 г. на отход с рубежа на р. Протве с указанием московского времени – 18:30, – авторство которого приписывается командованию 17-й сд [10, л. 1–1об]. Его источниковедческий анализ является задачей для реализации цели, заявленной при постановке проблемы исследования.

Приказ – это официальный письменный документ. Согласно Полевому Уставу РККА от 1939 г., письменный боевой приказ – основное средство передачи высшими начальниками своего решения. Полевой Устав 1939 г. предполагает также и устный приказ (распоряжение), который передавался устно – то есть по телефону, телеграфу, путем посылки в части командиров штаба, а при совместном нахождении – лично командиром или командирами штаба. И он мог быть таковым в том случае, если издание письменного приказа не обеспечивало войскам необходимого времени для подготовки его выполнения [5, с. 34–37].

Ветераны 17-й сд, участники боев на рубеже рр. Протвы и Нары, единогласно утверждали об устном приказе командования дивизии на отход. Причем, понималось под «устным» приказание командира, отданное без письменного его подтверждения. Это обстоятельство зафиксировано и в историческом формуляре дивизии [19, л. 10]. С учетом того, что 19–21.10.1941 г. частями дивизии велись непрерывные боевые действия, письменного приказа на отход могло в действительности и не быть, и возможно имело место устное распоряжение командования дивизии. В то же время, говоря об устном приказе, никто из них не мог точно указать его дату.

В связи со свидетельствами ветеранов об отсутствии письменного приказа, данный документ был подвергнут комплексному исследованию, с применением методов вспомогательных исторических дисциплин.

Документ представляет собой машинописный текст на стандартном листе формата А4 и составлен по форме, соответствующей установленным правилам [6, с. 28–57] Шрифт пишущей машины, на котором он выполнен, отличен от шрифта аппарата, на котором печатались документы 17-й сд. Но

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

на этом моменте мы не акцентируем внимания, так как приказ, возможно, мог быть отпечатан не в штабе дивизии. Однако какие-либо подписи тех, кто должен был их поставить под приказом – командира дивизии, начштаба дивизии, ее комиссара, – отсутствуют. Вместо них приказ визирует печать Прокуратуры 43 А с подписью не устанавливаемого без дополнительных данных должностного лица.

Отсутствие на приказе виз командования дивизии, или уполномоченного должностного лица для этого заставляет усомниться в подлинности и достоверности документа. Ибо наличие хотя бы одного бесспорного признака, позволяющего подозревать подлинность источника на основе результатов анализа приемов и техники его изготовления и содержания, в большей мере свидетельствует о его фальсификации, чем о его подлинности [2, с. 207].

Говоря о достоверности источника, мы имеем в виду степень соответствия информации, заложенной в нём, отображаемому явлению. Предполагая, таким образом, не абсолютное (100 %) соответствие, а относительное.

Исследуемый документ исполнен с претензией на соблюдение внешних признаков достоверности. То есть оформлен так, как типичный боевой приказ. Однако отсутствие на нем делопроизводственных пометок, таких как: когда и кем приказ был получен приказ, кто с ним ознакомлен, отметки о вручении, заставляет усомниться в оригинальности текста. Кроме того, нами отмечается и грубая ошибка, допущенная составителями документа. Не указаны звания командира (полковник), военкома (бригадный комиссар) и начштаба (майор) дивизии, тогда как в аналогичных документах, включая приказы по личному составу 17-й сд и отдельные ее документы в делах оперотдела 43-й армии, звания обозначены.

Это обязательные признаки, которыми должен обладать документ. Кроме того, на приказе отсутствуют специальные отметки в левом нижнем углу, характерные для документов такого рода. А именно: количество отпечатанных экземпляров и инициалы лица, печатавшего приказ. Это позволяет предполагать, что перед нами копия с оригинала. Причем, копия заверенная, то есть документ, точно повторяющий оригинал и имеющий определенные реквизиты заверяющего лица.

Однако, чтобы рассматривать этот документ как копию приказа № 04, необходимо присутствие на самом документе пометки «копия», которая там отсутствует. Как и отсутствует дата заверения документа. Их отсутствие предполагает, что приказ фактически является не копией, а подлинником.

Но если это действительно так, то подлинник должен храниться в документах штаба 17-й сд, а в оперотделе штаба 43-й А – второй экземпляр приказа. В этом случае на нем должны быть в обязательном порядке подписи авторов приказа, то есть командира, военкома и начштаба дивизии. А если бы копия снималась с экземпляра оперотдела штаба 43-й армии или с экземпляра, направленного в подчиненные части, то в деле должен был находиться документ, который обычно заверял начальник оперотдела штаба 17-й сд майор Тимаков или другое уполномоченное для этого лицо. Однако

такого экземпляра приказа № 04 в деле оперотдела армии нет. Кроме того, на экземпляре оперотдела должна была бы стоять пометка с датой и временем его получения из 17-й сд, а также регистрационный номер входящего документа. Вместо этого присутствует пометка начштаба армии Боголюбова: «в дело».

Интересна в составе сплошного текста пометка начштаба 17-й сд с пояснением: «Выход из боя начался». В связи с ней встает вопрос: когда она была сделана, и почему начштаба дивизии Маслеников не заверил лично документ, позиционируемый как приказ № 04 за авторством командования дивизии.

Вызывают определенные вопросы печать как Военной прокуратуры неизвестной воинской части, так и не расшифрованная подпись военного юриста. Причем расшифровка подписи всегда должна присутствовать на заверяемых документах. В рассматриваемом приказе она остается анонимной, что также заставляет усомниться в достоверности документа. В процессе исследования установлено, что печать принадлежит военной прокуратуре 43-й армии. По финансовым документам Военной прокуратуры армии также идентифицирована и личность военюриста [4].

Атрибуция печати и личности военного следователя позволяет очертить круг лиц, которых можно считать одними из авторов исследуемого документа. О них и их мотивах мы скажем далее. Пока же заметим, что означенная печать подтверждает не подлинность написанного в «приказе», и авторство командования 17-й сд, но заверяет подпись самого следователя и его автограф: «с подлинным верно».

То, что в делах оперотдела 43-й А хранится не аутентичный приказ командования 17-й сд, показывает пример снятия в этот же день для Военной прокуратуры 43-й А копии с оригинала приказа № 33/оп Штарма 43-й армии от 18 октября [11, л. 2]. На экземпляре приказа № 33/оп, хранящемся в деле оперотдела штаба 43-й армии, была оставлена отметка о снятии копии для военной прокуратуры. Ничего подобного на приказе № 04 не наблюдается.

Изучив большую часть массива по направлению проблемы имеющих на хранении в настоящее время в Центральном архиве Министерства обороны РФ документов, а также, помня акты, свидетельствующие как об утрате, так и о намеренном уничтожении документов дивизии и армии, можно с большой долей вероятности утверждать, что исследуемый приказ не является случайной делопроизводственной ошибкой. Факты уничтожения дел целиком и отдельных документов зафиксированы в 17-й, 312-й дивизиях, в 43-й армии [12, л. 1].

С учетом указанных в приказе частей, должно было быть не менее пятнадцати его экземпляров. Однако в делах дивизии и подчиненных ей частей подлинного экземпляра не имеется, как нет его и в делах 148-го мсб. И если по боевым частям еще можно предположить, что документы могли быть утрачены в боях, то совершенно точно известно, что документы политотдела были уничтожены все за период с 15.10 по 15.11.1941 г. [13, л. 201] До-

кументы 1312-го и 1314-го сп начинаются только с 24–25 октября. То есть по сути, уничтожены были еще не архивные материалы, но текущая документация.

На сегодня не выявлено больше ни одного экземпляра приказа № 04 из полутора десятков возможных. Проведенное исследование дает нам основание заключить, что данный приказ – имеющая подлинное содержание «подделка по форме». Этот, представляющий собой по форме боевой приказ единичный источник, – подлинный, аутентичный времени исследуемых событий. Но в то же время не достоверный, так как являет классический случай фальсификации по типу так называемого интеллектуального подлога [5а, с. 16].

Приписываемое командованию 17-й сд авторство приказа № 04 также вызывает сомнения. Комиссар дивизии С.И. Яковлев никогда не подписал бы подобного приказа об отводе дивизии с занимаемых рубежей, если бы на это отсутствовала санкция высшего командования. Тенденции к такому отношению у него просматривались уже в сентябре 1941 г. «С резкой критикой, как этого требовал приказ т. Сталина № 270 от 16 августа 1941 года, в адрес группы коммунистов штаба, вышедших из окружения, выступил член Военного совета бригадный комиссар Яковлев. Он обозвал этих коммунистов "сволочами и мерзавцами" и во всеуслышание обвинил их в трусости. В ответ на выступление начальника артиллерии армии, генерала Тарановича, который говорил о проявлении особого внимания к каждому окруженному, в заключительном слове Яковлев, никого не стеснясь, оскорбил генерала Тарановича, оказавшегося волей случая в окружении, обозвав его "генералишкой", а командира запасного полка выматерил» [14, л. 340].

Это делает возможным предположение, что в силу собственной принципиальности не мог комиссар подписать приказа об отходе без санкции вышестоящего командования. Ибо, вероятно, не мог не понимать, какие последствия для него лично могли последовать. А если действительно подписал, то, вероятно, санкция вышестоящего командования на отвод к новым рубежам имела место. Как показывают документы, уточняющие его дальнейшую судьбу в период 21.10–15.12.1941 г., похоже, приказа он не подписывал. В ноябре 1941 г. состоял в резерве кадров 17-й сд, получал денежное содержание, соответствовавшее должности комиссара дивизии [20, л. 123].

Мы склонны полагать, что приказ № 04 является документом следственной фальсификации, созданным не ранее 4 ноября 1941 г. Когда командира дивизии П.С. Козлова обвинили в «самовольном оставлении р. Протвы» и невыполнении приказа вышестоящего штаба. Косвенно на это указывает в своих воспоминаниях Б.И. Алексеев, тогдашний прокурор 43-й А. Вместо рассмотрения всех обстоятельств дела с обязательным заключением оперативно-тактической экспертизы, он «усмотрел в действиях Козлова и Яковлева, подписавших приказ об отходе дивизии с позиций без боя, признаки конкретного преступления». И «возбудив уголовное дело», Алексеев,

«после возвращения от командующего, поднял весь личный состав прокуратуры. К утру следующего дня расследование было завершено» [9, л. 186].

То есть предположение, что исследуемый документ, возможно, созданный 4 ноября 1941 г., может является плодом коллективного творчества оперативного отдела штаба 43-й А и сотрудников ее прокуратуры, не безосновательно. Прокурор 43-й А нигде не упоминает, ходатайствовал ли он о назначении по данному делу оперативно-тактической экспертизы перед командованием фронта. Без ее заключения расследование завершённым быть не могло никак.

Фальсификация документов в процессе «следствия» явление довольно распространенное для того времени. Она осуществлялась путем составления протоколов следственных действий, которые фактически не совершались, ложных по содержанию письменных доказательств; проявлялась в виде внесенных ложных сведений в документы. То есть это явление типичное: когда фальсифицировалось само основание признания предмета (документа) доказательством.

Приказ № 04, вероятно, тот самый случай искусственного созданного доказательства для подтверждения виновности командования 17-й сд. Когда не соответствовавшие действительности сведения составили подлинный по форме «боевой приказ».

В данном случае мотивы фальсификации доказательств «преступления командования 17-й сд» не имеют правового значения. Причина же для фальсификации доказательства «оставления без боя» дивизией рубежа обороны у командования 43-й А имела: избежать личной ответственности за сдачу 37-го УРа противнику и прорыв обороны на ключевом для 43-й армии Подольском направлении до р. Исты. Ответственность эта была обозначена перед командармом штабом Западного фронта еще 15.10.1941 г.: «Имейте в виду, что Подольское направление у Вас главное, от которого зависит устойчивое положение всей армии» [15, л. 32–34об.].

Предположение о приказе как искусственно созданном доказательстве, возможно даже из раннего штабного проекта, подтверждается анализом внутреннего его содержания относительно массива параллельных источников. Согласно оперативным документам противника, события в полосе обороны 17-й сд развивались иначе, нежели это предписывалось в анализируемом источнике.

С утра 19 октября 107-й пехотный полк 34-й пд Вермахта двумя отрядами захватил две переправы (мостки) через р. Протва и небольшой плацдарм, бой за который переходил в рукопашные схватки. Немцы вынуждены были перейти к обороне в виду постоянных контратак бойцов 1312-го сп [24, f. 0487]. На следующий день, после полудня 20 октября, введя в бой еще один, 253-й пп, они смогли преодолеть сопротивление и продвинуться вперед. «В упорных ближних боях на построенных позициях напротив моста Овчино» к 13:00 (мск) 253-му пп удалось выйти на окраину Черной Грязи, а к 15:40 (мск) захватить ее [24, f. 0489; 19, f. 0382]. Захваченный плацдарм и

ввод дополнительных сил позволил противнику усилить напор на оборонявшийся здесь 1312-й полк. С наступлением темноты 253-й пп занял д. Лыково на Старой Калужской дороге, о чем сообщил в докладе, последовавшем в 19:45 (мск): «Передовой полк Лыкова занял. Там отходит противник, упорно обороняясь» [25, ф. 0383]. Можно предположить, что к исходу этого дня штаб 17-й сд дивизии переместился из Угодского Завода в с. Тарутино.

С утра 21 октября противник возобновил наступление, введя в бой еще один, 80-й пехотный полк и разведывательный батальон. Дополнительно передовой 253-й пп был усилен батареей штурмовых орудий 177-го дивизиона. Построив временный мост в д. Н. Слободка вместо взорванного саперами 17-й сд, он переправил по нему «StuG III», которые решили исход боя в пользу 34-й пд. «Танкам врага удалось зайти во фланг обороны и со стороны д. Ильинское отрезать третий батальон. <...> Под натиском врага подразделения полка с боем начали отходить на новый рубеж. К вечеру снаряды иссякли, в том числе и на левом фланге. Один из батальонов 1312-го сп был окружен и с боем вышел из окружения», – сообщал позднее начальник политотдела 17-й сд старший батальонный комиссар Грачев в политдонесении [13, л. 1–2].

Далее продвижение противника (253-го пп), преследовавшего отходившие от р. Протвы части 17-й сд, отмечено дневными боями у д. Боево и д. М. Литашево в 12:30 (по мск) по Старой Калужской дороге. В КТБ 34-й пд сообщается, что «сильный противник, который попытался отойти из Угодского Завода через Боево, нанес батальону серьезные потери, но все равно удалось от противника отбиться и двигаться дальше». «Противник был отброшен в М. Литашево, благодаря личной инициативе НШ 3-й батареи 177-го д[ивизио]на штурмовых орудий и головной роты 253-го пп, которая на штурмовых орудиях ехала» [24, ф. 0490].

Ветеран дивизии, боец батальона связи П.Г. Васильев в своих воспоминаниях сохранил описание этого отхода: «Отступая, 17-я дивизия многократно наносила встречные удары. Ее части просачивались в порядки наступающих немецких частей, наносили фланговые удары, иногда заходили в тыл небольших наступающих немецких частей» [1, с. 297].

Следовательно, в 18:50 20 октября части 17-й сд находились в 17 км от р. Нары и вели бой у д. Лыково на Старой Калужской дороге. Утром 21.10.1941 г. они еще сдерживали противника в районе д. Боево – М. Литашево на расстоянии 10 км от с. Тарутино. Практически это была подвижная оборона, факт которой абсолютно опровергает достоверность содержания приказа № 04, по делопроизводственной форме воспроизводившего приказ соединению на марш (отход) в отсутствии всякого соприкосновения с противником. То есть документ мог быть ранее подготовлен и дивизионными штабистами под иные задачи вышестоящего командования. У командарма были планы об отводе 17-й сд на рубеж р. Нары у с. Тарутино, однако, не одобренные комфронтом [15, л. 289–292об., 297–298об.].

То, что наступавшего противника сдерживали бойцы 1312-го сп 17-й сд, подтверждается отсутствием других организованных частей и соединений на этом участке фронта. Журнал боевых действий 312-й сд каких-либо боестолкновений с немцами, отходящими от Малоярославца и Детчино, на восточном берегу Протвы в период с 19–22 октября не зафиксировал. Немецкие документы, сообщая о пленных, указывают на их принадлежность к 1312-му сп.

В тексте источника также упомянуты номера частей, приказ на марш которым отдает командование 17-й сд. В частности, 2-му Люберецкому полку, находившемуся в д. Лыково и участие в боях 18–19.10.1941 г. не принимавшему, предписывалось отойти в с. Тарутино к 23 часам 19 октября. Между тем, из докладной записки командира данного полка полковника Ф. Волкова известно, что никакого приказа он от командования 17-й сд не получал, находился в прямом подчинении штарма. Причем связь со штабом дивизии из д. Лыково у полковника была регулярная и качественная. И когда соседние части перешли к подвижной обороне, самостоятельно принял решение без боя отойти за р. Нара: «прикрыть переправы через р. Нара в районе Марфино, о чем лично был информирован представитель штарма полковник Баланцев» [16, л. 89–91].

В утреннем, 19.10.1941 г., донесении штадива в штаرم ничего не сообщалось о том, что в полосе дивизии находится 301-й пульбат, хотя упоминались различные части, отходившие от г. Малоярославца. Документов об участии пульбата в боевых действиях не сохранилось. По обрывочным сведениям известно, что направлен он был в 37-й УР, по состоянию на 17.10.1941 г. находился в д. Немцево. А 18 октября, вероятно, был задержан командованием 17-й сд и положен в оборону в районе с. Белоусово. Об ее организации там 19.10.1941 г. известно из упомянутого выше донесения штадива. «В 9.00 вновь стало известно, что автоматчики при поддержке танкеток прорвались и заняли Белоусово, приняты меры по ликвидации прорвавшихся групп» [11, л. 17–18].

На данном участке оборону занимал 1316-й сп (батальон). Поэтому сомнительно, что 301-й опб принимал участие в отражении продвижения противника со стороны Белоусово на Угодский завод. В рапорте еще от 12.10.1941 г. в штаб фронта комбат писал об отсутствии вооружения у личного состава пульбата и просил отвести часть в тыловой район.

Сводный батальон от 148-й тбр и 49-й батальон охраны штаба были приданы дивизии накануне, 18 октября. Утром 19.10.1941 г. командование 17-й сд получило приказ снять с рубежа обороны батальон 148-й тбр и отправить его в Тарутино для организации опорного пункта ПТО. Однако батальон с утра 19 октября уже вступил в боевое соприкосновение с противником и вел бой у д. Ивановка и с. Высокиничи на рубеже Протвы. Вместо него в с. Тарутино задействовали личный состав 301-го опб, который «передал всех вооруженных людей, имеющихся в то время в батальоне, в количестве 150 ч/к вооруженных бойцов, и кроме того 100 бойцов в качестве санитаров. Остальная часть невооруженных бойцов отведена по приказанию ко-

мандира 17-й сд в село Лопасня» [11, л. 3]. Таким образом, если приказ № 04 и был бы отдан в 18:30 19 октября, то в нем 301-й опб уже не мог упоминаться, как получивший конкретную боевую задачу еще накануне утром.

Не мог централизованной колонной отступить, как это предписывалось приказом, и батальон 148-й тбр, совместно с 3-м батальоном 1312-й сп сутки отбивавший фланговые атаки со стороны д. Грибовки. Вечером их бойцы с отрядом прибывшего из г. Серпухова комбрига Фирсова вели наступательный бой против разведбата 17-й пехотной дивизии вермахта, в котором участвовал танк Д. Лавриненко, взяли трофеи. «Противник из с. Тиньково был выгнан на высоту за Тиньковым, где они уже успели окопаться, нам занять не удалось, т[ак] к[ак] с его стороны был слишком интенсивный огонь из ручных пулеметов и автоматов. Последовало приказание отойти к с. Высокиничи». Тогда же из 10-й роты была отправлена разведка на противоположный берег Протвы, находившаяся там до рассвета 20 октября [23, л. 29–30].

Очевидно, что 3-й батальон 1312-го сп, действовавший совместно со сводным батальоном 148-й тбр у с. Высокиничи, только после 17 часов 21 октября отошел со своего рубежа, сдав его подошедшим частям 49-й армии. О чем свидетельствует запись информации в журнале боевых действий 60-й сд, сообщенной комбатом батальона 148-й тбр – о силах противника, наступавшего на районный центр: «до полка пехоты с четырьмя танками» [17, л. 49]. Только к исходу дня они с остатками 3-го батальона 1312-го сп вышли за р. Нара у д. Мелихово, соединившись с частями 43-й армии [18, л. 26].

Также с боями, а не упорядоченным маршем в колонне, не одномоментно, отходил и 980-й арtpолк. Военком полка Г. Ситник вспоминал: «На рубеже р. Протва полк отбил атаку танков, подбив два из них у д. Черная Грязь. <...> Под напором правого фланга превосходящих сил противника при массированных бомбардировках дивизия вынуждена была отступать. Отступление было организованное, с боями на каждом удобном рубеже между реками Протва и Нара» [7, л. 96].

В приказе упоминается военинженер 3-го ранга И.Ф. Голоднев как начальник автоколонны. Это единственная упомянутая фамилия в документе, что вызывает вопросы. В 17-ю сд он был зачислен приказом по личному составу № 6 от 15.10.1941 г., но по каким-то причинам в должность не вступил. Проверка по бухгалтерским документам дивизии показала, что такого командира в октябре в числе ее личного состава не было, заработной платы за октябрь он не получал, строка с его фамилией в ведомости зачеркнута [20, л. 69]. Предположительно, был вписан туда в период переформирования 17-й сд, когда в ее состав влили остатки частей 211-й сд, но объяснить упоминание этой фамилии в приказе № 04 возможным не представляется. В ноябрьских финансовых дивизионных ведомостях эта фамилия отсутствует, начальником АБТС дивизии числится капитан Г.А. Курбан [20, л. 116]. Из данных учетно-послужной картотеки установлено, что И.Ф. Голоднев с сентября до 3 октября 1941 г. был начальником АБТС в 211-й стрелковой дивизии, а после

выхода из окружения в октябре, возможно, после непродолжительного пребывания в резерве кадров фронта, оказался в штате 24-й армии [22].

Вероятно, этот факт также может указывать на недостоверность содержания источника, так как воентехник наверняка не присутствовал физически 19 октября на этом театре военных действий.

Из вышеизложенного следует, что фактически выход из боя осуществлялся в условиях непосредственного соприкосновения с превосходящим по силам противником, а не вне соприкосновения с ним, как это представляется содержанием приказа № 04. Части 17-й дивизии реализовывали по факту подвижную оборону, сдерживая наступающего противника, но не совершали комбинированный марш на конечный рубеж отхода. Предположительно, командование дивизией могло отдать приказ именно на подвижную оборону, основой которой и на линии боевого соприкосновения были подразделения 1312-го сп как относительно укомплектованного. Однако в результате сожжения документов дивизии в ноябре 1941 г. по распоряжению штаба 43-й армии, документальное подтверждение существования такого приказа найти не представляется возможным. В архивном фонде оставлен только изучаемый источник.

Источниковедческий анализ документа ни одним исследователем до настоящего времени не проводился. В публицистике последнего десятилетия (маргинальной историографии), акцент делается только на содержательной составляющей источника в ущерб изучению условий его возникновения, без учета специфики и исторического контекста, в ходе которого он появился. Данное обстоятельство не позволяет краоведам и публицистам определить адекватное значение источника в ряду других документов. Следствием этой ошибки стала невозможность качественно оценить ими степень его достоверности. Научного исследования по теме до сих пор нет. Некритическое восприятие содержания документа в среде краеведов и публицистов сформировало представление о том, что дивизия ушла с рубежа р. Протвы без боя, сдав плацдарм противнику. В действительности развитие событий на изучаемом направлении 18–21 октября 1941 г. было иным, что подтверждается первичными документами противника, тогда как сохранившиеся советские источники о событиях этого периода в основном вторичны, с четко прослеживающейся генетической связью.

Таким образом, в приказе № 04 имеется существенное расхождение между его характером, формой и содержанием и характером, формой и содержанием других источников этого вида и этого времени, несомненно, аутентичных, но дискредитирующих источник. Форма и содержание документа должны соответствовать общему развитию событий. Источник должен укладываться в хронологические и фактические нормы, которые установлены. При анализе содержания приказа данные расхождения, свидетельствующие о недостоверности содержания документа, проявляются со всей очевидностью. Приказ не является источником фактических данных, что очевидно при более детальном изучении событий октября 1941 г., произошедших в полосе действий 43-й А.

Источники и литература

1. *Васильев П.Г.* Не сломлены крылья мои...: Годы учения. Капкан политических репрессий. Хождение по тюрьмам. Записки ополченца: эскизы прозы / П.Г. Васильев. М.: Звонница, 2000. 352 с.
2. *Козлов В.П.* Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке / В.П. Козлов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 224 с.
3. *Макарова Е.А.* Полковник П.С. Козлов: личность в контексте битвы за Москву / Е.А. Макарова // *Studia Humanitatis*. 2020. № 3. С. 2. <https://doi.org/10.24411/2308-8079-2020-00011>
4. *Милютин А.А.* Об оттиске печати на приказе № 04 17-й сд от 19.10.41. [Электронный ресурс] / А.А. Милютин // Живой Журнал. Aldr_m [блог]. 03.08.2018. URL: <https://aldr-m.livejournal.com/24659.html> (дата обращения 16.12.2024).
5. *Полевой Устав РККА (ПУ-39).* Проект. Государственное Военное Издательство Наркомата Обороны Союза ССР. М., 1939. 179 с.
- 5а. *Романова В.В.* Служебный подлог: учебное пособие / В.В. Романова. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2017. 56 с.
6. *Сборник форм боевых документов. Ч. 1. Формы приказов и приказаний /* под набл. ред. п-ка Д.В. Шебалина. М.: Военное издательство Народного Комиссара Обороны Союза ССР, 1941. 249 с.
7. *Ситник.* Битва под Москвой. Воспоминания участника / Ситник // Музей памяти Лопасненского края. Колл. «Документы. Письма». Оп. 1. Д. 236. «Сборник воспоминаний ветеранов 17-й стрелковой дивизии Народного ополчения Москворецкого района г. Москвы». М.: НИИВТ, 1984. Машинопись с редакторской правкой В.В. Степанова. 131 с.
8. *Смыслов О.С.* Расстрелять перед строем... / О. Смыслов. М.: Вече, 2013. 304 с.
9. *Ушаков С.Ю.* Фронт военных прокуроров: когда расстреливали прокуроров. Рассказы о военных прокурорах / С.Ю. Ушаков, А.А. Стукалов. М.: ГИПП «Вятка», 2000. 224 с.
10. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 398. Оп. 9308. Д. 8
11. ЦАМО РФ. Ф. 398 Оп. 9308. Д. 5.
12. ЦАМО РФ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 63.
13. ЦАМО РФ. Ф. 1082. Оп. 1 Д. 71.
14. ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 21.
15. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 113.
16. ЦАМО РФ. Ф. 398. Оп. 9308. Д. 71.
17. ЦАМО РФ. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 10.
18. ЦАМО РФ. Ф. 6022. Оп. 1. Д. 4.
19. ЦАМО РФ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 8.
20. ЦАМО РФ. Ф. 1082. Оп. 2. Д. 67.
21. ЦАМО РФ. Ф. 1166. Оп. 1. Д. 14.
22. ЦАМО РФ. Картотека личных дел. Голоднев Иван Филиппович. Учетно-послужная карта.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

23. Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4611. Оп. 1. Д. 4ф.

24. National Archives and Records Administration (далее – NARA). T315. R-876.

25. NARA. T315. R-877.

Макарова Елена Александровна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Россия, Ставрополь, msdno17@yandex.ru

Makarova Elena A., Candidate of Sciences (History), independent researcher, Russia, Stavropol, msdno17@yandex.ru

УДК 94(100)"1939/45"

Л.А. Тёрушкин

**«ОТОМСТИ ЗА ВСЕХ...». СУДЬБЫ ЕВРЕЕВ СССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ПО ПИСЬМАМ И ДНЕВНИКАМ**

Аннотация. В статье рассматривается и анализируется семейная и фронтовая переписка периода Второй мировой войны в контексте изучения истории Холокоста и преступлений нацизма на оккупированной Германией территории СССР. Письма солдат и офицеров Красной армии, их родных и близких, письма местных жителей, переживших оккупацию в 1941–1944 гг. до сих пор еще обнаруживаются в семейных архивах. Эти документы отражают чувства справедливой мести, содержат исключительно важные сведения о преступлениях германского оккупационного режима, имена, даты и места гибели жертв этих преступлений. Поиск и изучение подобных эго-документов представляет значительный интерес для исследователей. Для Архива Центра «Холокост» – это особое направление деятельности.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Красная армия, преступления нацизма, оккупационный режим, Холокост, евреи, семейная переписка, эго-документы, личные архивы.

L.A. Terushkin

**«AVENGE OF EVERYONE...». THE FATES OF JEWS
IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
ACCORDING TO LETTERS AND DIARIES**

Abstract. The article examines and analyzes family and front-line correspondence from the period of World War II in the context of studying the history of the Holocaust and the crimes of Nazism in the territory of the USSR occupied by Germany. Letters from

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

soldiers and officers of the Red army, their relatives and friends, letters from local residents who survived the occupation in 1941–1944 are still being found in family archives. These documents reflect feelings of just revenge, contain extremely important information about the crimes of the German occupation regime, the names, dates and places of death of the victims of these crimes. The search for and study of such ego-documents is of considerable interest to researchers. For the Archive of the Center, the «Holocaust» is a special area of activity.

Keywords: World War II, Great Patriotic War, Red Army, Nazi crimes, occupation regime, Holocaust, Jews, family correspondence, ego documents, personal archives, revenge.

Спустя 80 лет после освобождения Аушвица Красной армией, Победы над германским нацизмом и его союзниками историки, политики, общественные организации и частные лица продолжают размышлять и спорить. Спорят о причинах, о том, кто и какую меру ответственности несет за гибель десятков миллионов людей. Молодым поколениям людей в России и в других государствах необходимо рассказывать, как стали возможны нацизм и его преступления. Спустя более 30 лет после распада СССР и образования на постсоветском пространстве новых государств, далеко не вся информация о преступлениях нацизма доступна и изучена, единые оценки трагического прошлого не выработаны, а собранные сведения требуют углублённого анализа и осмысления. В современных реалиях попыток пересмотра итогов Второй мировой, реабилитации и глорификации нацистских преступников и тех, кто с ними активно сотрудничал, – тем более.

Критике и переоценке подвергаются старые, давно введенные в научный оборот источники. И одновременно продолжают обнаруживаться, буквально в наши дни, новые источники. В том числе и личного происхождения, которые в силу ряда причин доступны не были.

Последние два-три десятилетия память о войне подвержена некоторому «угасанию». Тому есть понятные причины – ушли поколения участников тех событий. Памяти о трагедии войны все более навязчиво противостоят псевдообразы, тиражируемые массовой «культурой». Современное образование часто не в состоянии этой тенденции противостоять и само становится жертвой подобных проявлений. Стоит учитывать, что наука и образование вынуждены развиваться в условиях «войн памяти», которые только обостряются. А местами уже сочетается с реальными вооруженными конфликтами.

И темы, которыми мы с коллегами в России и за рубежом занимаемся – история Холокоста, преступлений нацизма, повседневной жизни на фронте, в тылу и на оккупированной территории, – изучаются весьма интенсивно, но сегодня подвергаются как мифологизации, так и попыткам отрицания, замалчивания.

На протяжении многих десятилетий война рассматривалась в значительной степени только, как столкновение армий, фронтов, дивизий, то есть

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

с военно-политической или стратегической точек зрения. За десятками и сотнями тысяч танков, самолетов, орудий терялся человек – тот самый, который шел в атаку, сидел в окопе, лечился в госпиталях, переживал гибель близких... Обычный «человек на войне».

Повседневная жизнь на фронте и в тылу, на оккупированной территории и сегодня остается очень актуальной и далеко еще неисследованной темой. А что касается евреев в республиках и регионах СССР, членов смешанных семей, родственников, друзей, соседей разных национальностей (евреи к 1941 г. уже давно не жили «закрытой группой»), то тут история повседневной жизни, даже выживания, представляет огромный интерес для исследователей.

Трагедия Холокоста долгое время доминировала в истории евреев Европы 30–40-х гг. прошлого века. Это заметно и сегодня в исследованиях многих коллег. Но в СССР все было несколько иначе. Холокост, гибель и спасение евреев, участие в спасении представителей разных народов, фронт, тыл, эвакуация тесно, неразрывно переплетены в судьбах многих семей и даже поколений.

Почти 35 лет Научно-просветительный Центр «Холокост» (далее – НПЦ «Холокост») собирает по всему миру, изучает и издает (выпущено уже 7 сборников) [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11] письма, дневники периода Второй мировой и Великой Отечественной войны, последних предвоенных и первых послевоенных лет. Эти эго-документы используются в мемориальных, образовательных, выставочных проектах.

Есть среди них письма, отправленные с фронта в Казань. Хотелось бы на основании личных свидетельств, написанных «здесь и сейчас» – в окопе, в эшелоне, в гетто затронуть трагические и героические страницы, вернуть забытые судьбы. Тем более, что чаще всего нам доступны письма или личные документы тех, кто с войны не вернулся. Эти письма хранили как реликвию, особенно бережно. Необходимо погружаться в микро-историю, анализировать и понимать человеческие чувства и поступки в то, буквально, «нечеловеческое» время.

Переписка воинов Красной армии еврейского происхождения с их родными и товарищами по оружию – главный массив сохранившихся в семейных и личных архивах писем. Личные и семейные архивы привлекают наше особое внимание потому, что этим документам буквально грозит утрата, исчезновение. Писали фронтовики о том, что видели и чувствовали, о чём не могли не писать. Никто не мог быть уверен, что успеет рассказать об увиденном и пережитом лично, потом, по возвращении – никто не знал, что ждет завтра или через час.

Из письма лейтенанта Шаи (Александра) Когана (1905–1944) жене – Г.С. Струлёвой и дочерям Евгении и Марине, эвакуированным в Казань.

13 февраля 1944 г. «...мы заняли большую деревню, ибо она вся спалена, она ещё и теперь горит вовсю. Теперь 2 часа ночи, сижу в немецком блиндаже. Это впервые за всё время, что ночую в помещении. Немцы нам

оставили немного рому, лимонов. Передел я бельё шёлковое, новое, и думаю заснуть часа в 3, если только будет тихо. Кушаю один раз в день, а то бывает, что пока принесут обед, ухажу дальше, и так остается... Целую крепко. Привет всем домашним» [9, с. 283].

Письмо старшего сержанта Колоскова от 14 февраля 1944 г.: «Здравствуйте, Галина С[ергеевна]. Во-первых, приятно получить от мужа письмо, да ещё любимого, но неприятно получить такие вести, какие пишу я и посылаю вам в одном письме. Сообщаю вам, что ваш муж, а может быть, брат Коган Ш.Г. погиб при выполнении боевого задания в борьбе с немецкими оккупантами 12-II-44 г. 3 ч. 00 м. после пол часа, как он писал вам письмо. Прошу вас не расстраиваться, а быть героиней в упрек погибшего вашего мужа. С боевым приветом. Документы и фотокарточки будут высланы в следующем письме. 14-II-44 г. Колосков» [9, с. 284]. Вот так, просто и без особых слов написал товарищ, скорее всего, подчиненный погибшего.

В сентябре 2024 г. москвичка С. Пужицкая обратилась в Архив НПСЦ «Холокост»: «В нашей семье хранятся письма с фронта Исаака Юделеви́ча Мазо, моего деда. Он успел написать жене Фаине Мазо всего восемь писем и погиб осенью 1941 г. под Москвой. Эти письма – отражение трагической истории одной из миллионов семей, которых коснулась война. В 1930 г. Исаак и Фаина поженились, молодые переехали в Минск. 22 июня 1941 г. застало Исаака, Фаину и Бориса, их 11-ти летнего сына Бориса в Минске, 4-х летняя дочь Лара находилась на даче с детским садом. Минск бомбили с первого дня. Город был в огне. Исаак пошел добровольно в военкомат 23 июня и 24 июня ушел на фронт.

Проводив мужа, Фаина бросилась за дочерью в деревню Ратомку, но ей сказали, что железнодорожные пути разбиты. Фаина отправилась туда пешком, на полпути она встретила беженцев, которые сообщили, что в Ратомку путь отрезан – там немецкий десант. На тот момент Смолевичи, где жили родители, братья, сестры Исаака и Фаины, тоже были захвачены немцами.

В последствие Фаина вспоминала свое душевное состояние – муж ушел на фронт, дочь потеряна, путь к родителям отрезан, город в огне. Она собрала все фотографии и документы, взяла за руку сына и отправилась на вокзал с намерением искать дочь. По пути ее остановила соседка, уговаривая остаться, не покидать Минск. Фаина стояла на вокзале в полной растерянности, когда к ней подбежала незнакомая женщина и спросила, не может ли она присоединиться к поезду, увозящему эвакуированных детей в тыл, так как не достаёт сопровождающего персонала. Фаина согласилась, было все равно, куда ехать, и они с сыном Борисом присоединились к составу с вопросом, не прибыл ли к ним эвакуированный детский сад из Минска. Поезд был в пути месяц, прибыл в город Хвалы́нск Саратовской области, где Фаине сообщили, что в деревне Печуровка размещен детский сад, эвакуированный из Минска, но какой именно – неизвестно. Чтобы доехать до Печуровки нужны были деньги, которые закончились. Фаина бросилась в местный военкомат, где рассказала, что ее муж на фронте (в качестве единствен-

ного доказательства предъявила совместную с Исааком фотографию, где он в военной форме), что она бежала от немцев, что ей не на что добраться до места, где находится потерянный ребенок. В военкомате ей выдали не деньги, а так называемую «литеру», которая помогла им с сыном добраться до Печуровки. Там она нашла дочку. Фаина принимает решение ехать в Казань, где живут родственники Исаака, а именно – Моисей Мазо, будучи инвалидом без ног, имея трех несовершеннолетних детей, приютил у себя летом 1941 г. три семьи, бежавшие от фашистов, в их числе Фаину Мазо с двумя детьми. Так началась жизнь в эвакуации. По прибытии в Казань Фаина написала письмо своему старшему брату Макс, проживающему в Москве, где сообщила, что она в Казани с обоими детьми у Моисея Мазо. В это же время Исаак прибыл в Москву по поручению командования части, где встретился с Максом. От него он получил счастливую весть о том, что Фаня и дети живы! Первое письмо И.Ю. Мазо начинается именно с этих слов: «Сегодня у меня самый счастливый день в жизни – я узнал, что вы живы!». Последнее письмо пришло в конце сентября 1941 г. После этого письма перестали приходить. На все запросы был один ответ – в списках убитых и раненых Исаак Мазо не значится. Лишь в 1945 г. была назначена пенсия на детей, из чего следовало, что Исаак считается погибшим. Уже в 1942 г. дошли слухи, что все родственники, оставшиеся в Смоленичах, погибли. Впоследствии выяснилось, что из большой семьи Рольбиных выжили Фаня, ее братья: Макс, живший в Москве, Залман и Абрам Рольбины, которые были на фронте с первых дней войны; из семьи Мазо осталась в живых лишь одна родная сестра Исаака, которая успела эвакуироваться.

Фаина и дети остались жить в Казани. В 1948 г. Фаина поехала в Минск с надеждой вернуться. Но дом был разрушен, родные мертвы. Фаня встретила знакомую, которая рассказала, что бывшая соседка Исаака и Фани, которая уговаривала ее не уезжать из Минска, оказалась женой полицая и полностью обчистила квартиру Мазо. По воспоминаниям Фани, у нее потемнело в глазах, когда она зашла в дом бывшего полицая – было чувство, что она зашла в свою довоенную квартиру, абсолютно вся обстановка вплоть до куклы дочери находилась здесь! Фаня поняла, что вернуться в Минск не сможет – слишком больно и невыносимо тяжело» [2, с. 2–3]. Такое короткое, но такое драматичное изложение одной семейной истории, всего за несколько лет. Из письма лейтенанта Мазо от 3 сентября 1941 г. Отправлено в Казань из Гжатского района Смоленской области:

«Шлю Вам салют сердечный, пламенный, боевой привет. Сегодня у меня самый счастливый день за время с начала войны. Я через 70 дней разлуки узнал, что все Вы живы и здоровы. Только – что мне принесли сразу 3 открытки 2 твои – Фанечка и одну от Моисея. Первое мое слово – это сердечная благодарность дяде Моисею и тете Зине за оказанное содействие тебе и детям материально и морально. Я надеюсь, если жив останусь отблагодарить их как подобает. Отомстим за все и за нарушенную спокойную

жизнь, за издевательство над нашими близкими и родными. За великое горе, которое переживает наш народ из-за этих варваров-разбойников.

...Бомбежки и пожары в Минске – это ноль против того, что было дальше, но писать ничего не могу. Милая, обними и приласкай наших деток Борьку и Ларочку за меня. Я при виде детей возраста нашей Ларочки или Борьки со спокойствием не могу пройти. На днях я был в Гжатске, узнал, что там есть дети 5–6 лет, находящиеся без родных на воспитании у местных жителей. Осмотрел всех, но Ларочки нет, какое переживание сама знаешь. В Можайске на вокзале такому мальчишку как наш Борька я дал 10 руб, у него отец на фронте, а мать убита, я плакал, видя такого мальчика в тяжелом положении. Кроме ненависти к Гитлеровской сволочи у меня на душе ничего нет. Мне жизни не жалко, если это пойдет на дело уничтожения фашизма. Фанечка! Прошу пиши, как доехала до Казани, пиши обо всем подробно, не бойся меня волновать, я рад плакать от счастья того что ты жива и здорова несмотря на все прошедшие, тяжелые переживания. Боренька! К тебе обращаюсь. Ты умный хороший мальчик. Знай, что только мама может создать для тебя жизнь. Слушай ее во всем. Учись хорошо, помогай маме, ухаживай за Ларочкой, а я постараюсь бить и расстреливать фашистов, а потом вернусь к Вам. Ларочка! Доченька! Я приду. Я сначала убью фашистов, которые тебя пугали взрывами снарядов и бомб, которые заставляли нас бросить нажитое за многие годы. Фанечка! Прошу сфотографируйтесь все вместе и отошлите мне фото. Пусть моим взглядом на Вас вспоминаются наши лучшие годы и возрастает ненависть к фашистам. Я сфотографируюсь и пришлю Вам карточку, как только представится возможность. Пишу в лесу в землянке, кругом мешают. Извините за неаккуратность местами логическую несвязанность» [3, с. 1–2].

Во многих письмах есть строки о судьбе еврейского населения оккупированных территорий (не только о родственниках). Впрочем, о преступлениях нацизма писали представители разных национальностей. Одни из них упоминали о жертвах среди «советских граждан» или «местных жителей», другие прямо писали, что «убивали евреев». Очень многие советские солдаты и офицеры разных национальностей имели еврейских родственников, друзей, соседей. Нацисты на оккупированной территории СССР уничтожали и полукровок. И «особое» отношение нацистов к евреям ни для кого не было секретом, но вызывало порой ещё «особую» ненависть к оккупантам.

Некоторые из фронтовиков узнали о массовых казнях евреев уже в начале осени 1941 г. Но тогда информации было ещё очень мало. А вот с весны 1943 г., когда шло освобождение западных и южных областей РСФСР, Белоруссии, Литвы, Латвии, подробности гибели родных воины Красной армии узнавали, стараясь посетить лично свои родные места. Как правило, они старались выяснить все подробности гибели близких. Или постараться получить сведения от товарищей-земляков.

«Освобождённые сёла Карелии... Увы, нас никто не благодарит. Где люди? Лес и запустение. От всего веет ненавистью. И мы начинаем ненави-

деть так, как только способны» – писал в своем дневнике в июне 1944 г. ответственный секретарь газеты «Гвардеец» Карельского фронта Григорий Рабинович (Горский) [11, с. 234].

Многие авторы писем, которые мы изучаем, погибли в боях в конце войны. Но успели оставить как подробные описания, так и всего несколько строчек о том, что увидели и слышали.

Именно личные впечатления фронтовиков, посетивших места казни, либо получивших сведения от уцелевших соседей и родственников, а затем пересказавших это в своих письмах, – одна из важнейших характерных черт переписки периода Великой Отечественной войны как источника о Холокосте и преступлениях нацизма.

Открытка, присланная Доре Рудой и ее сестре Зине мужем их сестры Жени Рудой, Иваном Шуляковским: «Здравствуйте девочки! Очень трудно мне Вам сообщать, что Ваших дорогих родителей и Бети нет в живых. Фашистские мерзавцы их умертвили сразу же с занятием гор. Речицы. Крепитесь, родные. Пусть Ваши сердца еще больше ожесточатся в священной ненависти к заклятым врагам. Слез не надо. Не слезами надо мстить врагу. Придет время, отомстим за все. Всего доброго. Всегда Ваш Ваня. 16 января 1944 г.» [11, с. 5 илл.]. Родители, о которых идет речь выше, – Давид и Хана Рудые погибли с их младшей дочерью Бетей, 1926 г.р. осенью 1941 г. Иван Шуляковский ранее уговаривал их эвакуироваться, но они отказались. Иван успел вывезти Женю и дочь Галочку, 1939 г.р. (умерла в эвакуации) и еще одну сестру – Сарру Рудую. Лейтенант Шуляковский умер от ран в ноябре 1945 г. в Германии.

Очень важные свидетельства – переписка родственников, часто разбросанных войной по всему СССР. Уцелевшие разыскивали своих родных, пытались узнать об их судьбе, о месте гибели и захоронения.

Исаак Игдалов с первых дней войны участвовал в боевых действиях в качестве старшего техника-лейтенанта в составе 72-го скоростного бомбардировочного полка и подвижных мастерских 14-й Воздушной армии на Северо-Западном, Ленинградском и 3-м Прибалтийском фронтах. У Исаака было три брата – Михаил, Абрам (Аркадий), Пинхус (Павел), сестры Вера и Роза.

В начале сентября 1941 г. возле усадьбы «Голубая дача» в д. Борки под Невелем (ныне – Псковской области) оккупантами были расстреляны жена И. Игдалова Елена с двухлетней дочерью Аней, младшая сестра Вера с мужем и пятилетним сыном и другие родственники.

Младший брат Абрам (Аркадий) Игдалов (1916–1993) воевал на Ленинградском и 2-м Прибалтийском фронтах. В 1941–1944 гг. – старший сержант, командир отделения разведки взвода управления командующего артиллерией 268-й стрелковой дивизии. Родители Игдаловых: отец – Самуил Давидович, краснодеревщик, и мать – Геня Залмановна в 1941–1944 гг. находились в эвакуации в Свердловской области вместе с дочерью – Розой (1921–1995).

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

Из письма А.С. Игдалова старшему брату от 15 ноября 1943 г.: «...Тебе, конечно, очень тяжело будет это перенести, но крепись, как я, сообщая, что получил письмо из Невеля из горсовета, что Вера, Леночка и Анечка расстреляны немцами 25 августа 1941 г. (*ошибка в датировке – Л.Т.*) Писала, которая видела сама.

Нам остаётся мстить и мстить. Я читал это письмо, у меня и у моих бойцов были слёзы в глазах. Такие мерзавцы эти звери... я думаю, что домой не писать лучше. Пусть не знают, ведь старики не перенесут» [9, с. 251].

И все чаще в письмах встречается слова «мстить». Стоить отметить, что еврейская религиозно-культурная традиция сформировала отрицательное отношение к мести. Но после того, что люди узнавали и видели своими глазами, даже представители старшего поколения, даже люди религиозные не могли не требовать мести.

Позволю себе почти полностью процитировать два письма из семьи Войскунских.

В 2019 г. в сборнике «Сохрани мои письма...» [9, с. 45–78] были опубликованы письма 1940–1945 гг. Евгения Львовича Войскунского (1922–2020) – фронтовика, военного корреспондента, известного советского и российского писателя-фантаста. С 2022 г. семейный архив Войскунских его сын и невестка начали постепенно передавать в Архив НПЦ «Холокост», комментируя и поясняя судьбы авторов документов, упомянутых в текстах лиц.

1938 и 1944 годы... Сегодня хорошо известно, что было в судьбах евреев между этими датами.

В семье Соломона (Бенциона) Войскунского и Рахили Войскунской (Коварской) было 8 детей: девочки Звия, Батя, Лея и Суламифь, мальчики Лев (Лейба-Вульф), Яков, Шмуэль, Гершль-Юдель. В живых остались трое старших: Звия (уехала в Палестину еще до Первой мировой войны), Лев и Яков. Семья Войскунских зарабатывала огородничеством и жила бедно, поэтому старшие сыновья – Лев и Яков – переехали в Россию в 1912 г. для обучения фармацевтике, получили профессию, были призваны в армию в 1914 г., позже со своими семьями осели в Баку.

Из семьи на улице Лынтупской (ныне – Лентупио) в Свенцянах выжили двое: сын Шмуэля – Гриша (Гершль), 16 лет, покинувший семью до прихода германских войск и добравшийся до Таганрога. Оттуда снова успел спастись (германские войска заняли город в октябре 1941 г.), жил в Баку и Ташкенте.

Спасся и сын Бати – Яков/Ромуальд (родился в феврале 1943 г. в оккупации), которого удалось передать в польскую семью до гибели родителей. О его жизни писал Е.Л. Войскунский [1, с. 10].

Письмо Соломона и Рахили Войскунских написано на идиш и отправлено из Свенцяна не позднее 2 июня 1938 г., а пришло в Баку 13 июня 1938 г. Адрес получателя указан и на русском языке, и на польском, со значительным влиянием литовского. На нем же указан и адрес отправителя. В 1938 г. Свенцяны были еще в составе Польши. Письмо на адрес Льва Войскунско-

го, но ясно, что родители пишут семьям Льва и Якова. Дочерьми в начале письма названы жены братьев Войскунских. В тексте упомянуты дочь Лея, сыновья Шмуэль и Гершль. Как раз фраза «мы сидим на коште у Гершла» означает, что младший сын не имеет собственной семьи и обеспечивает родителей вместе с незамужними сестрами.

Можно понять чувства и боль родителей, которые почти два десятилетия, не могли увидеть своих детей и их семьи. А еще и не получали писем. До жителей Польши доходила информация, что в СССР было опасно иметь родственников за границей, тем более, поддерживать с ними отношения, переписываться. Старики Войскунские об этом догадывались. Их догадку подтверждает Шмуэль Хаим (скорее всего сосед или знакомый).

Письмо Соломона и Рахили Войскунских сыну Льву в Баку: «Дорогой сын и дочери, будьте здоровы! (в оригинале «живите» – *Л.Т.*) Как ваше здоровье? Скоро год, как мы не слышали от вас ничего. Мы хотели бы только знать (фраза повторяется дважды – *Л.Т.*), как здоровье ваше и наших любимых внучат. Те же ли места у вас? Большого мы у вас не требуем. Не постигло ли вас какое-то несчастье, что вы нам ничего не пишете. Мы с мамой тут уже гости. Нам уже немного страдать. Знайте, что я живу уже 45-й год (тут явная описка, если учесть, что старшему из сыновей уже было 48 лет – *Л.Т.*), мама на два года младше. В мои годы, это значит хорошо пожил, потому что умирают моложе нас. То, что вы не пишете, забирает у нас последние остатки здоровья. Если бы мы знали, что у вас нельзя писать, я бы вас совсем не просил писать, но мы видим, что многие получают письма из России, это нас очень огорчает. Я не знаю, почему Лейб каждые 2 недели получает письма от Шмуэля Хаима. Он пишет небольшие письма, он пишет о здоровье и на каком месте он находится. Мы тоже не требуем от вас писать большее. Пишите нам, дорогие дети, то, о чем мы просим вас писать. А если нельзя, то мы вас не просим. Если у вас из-за нас будут неприятности, то мы уже поймем. Если мы от вас в течение месяца не получим письмо, значит нельзя писать письма из России, тогда мы уже не будем просить от вас писем, потому что вы ведь, наверное, хотели бы написать, и мы уже во все не будем ждать писем от вас. Шмуэль Хаим тоже упоминает, когда пишет отцу, что он вам столько раз писал. И вы ему ни разу не ответили.

Что мне вам написать? Наше здоровье по нашему возрасту. Ноги не хотят ходить, уши не хотят слышать, руки для работы совсем не двигаются. Так мы живем. Мы сидим на коште у Гершла. Он нас кормит. Сколько он зарабатывает, отдает в дом, чтобы прожить.

Привет вам от мамы. Отдельно целуем наших любимых внучат. Пусть будут здоровы на долгие годы. Сердечный привет вам от Леи с Гершлом. Они желают всем вам здоровья и счастья. Оставайтесь все здоровы и счастливы, как вам всем этого желаем. Ваши родители» [4, л. 1–2].

Яков Соломонович Войскунский (1892–1991) родился в Свенцянах (ныне Швенчёнис, Литовская Республика). Вместе с братом Львом (1890–1956) участвовал в Первой мировой войне. Участник Великой Отечествен-

ной войны с 29 июня 1941 г. Майор медицинской службы. После войны работал врачом в г. Горький.

Письмо Я. Войсунского семье брата Льва в Баку от 1 июля 1944 г. интересно прежде всего тем, что подробно описывает на основании свидетельств трех чудом выживших жизнь в оккупации и гибель почти 3 тыс. евреев [12, с. 891]. Роды одной из уцелевших в лесу, спасенная польской семьей ее дочь (Яков еще не мог знать о похожей судьбе спасенного Якова/Ромуальда), участие в казнях местных жителей – страницы трагической хроники.

«28/VII был в Свенцянах. В тот же день я написал некоторые подробности происходящих несчастий. Т[ак] к[ак] я не уверен, дойдет ли оттуда письмо, то повторяю еще раз то, что там писал. Въехал я, Лева, в город по Годутишской улице. Я гнал машину, в надежде что-нибудь или кого-нибудь застать. Первое что бросилось в глаза – это сожженные и разрушенные дома, окаймлявшие базар. По развалинам 2-х этажных домов аптеки и О. Коварского я узнал свою улицу и повернул машину туда. Начиная от аптеки и до конца улицы – сплошные развалины – клетки среди разрушенных стен и разрушенные печи. Я выхожу из машины, оглядываюсь и нахожу стены нашего дорогого домишки. По бокам конечно, такие же разрушенные дома Абр-Калмана и Тильши.

Кто это копошится у развалин нашего дома? На мой вопрос, где хозяйка домика она – старая полька – отвечает: "Я". – "Ну, а где же семья Войсунских?" – "Да их давно увезли". – "Куда и когда?" – "Еще в 1941 г. в Новосвенцяны". – "Ну и что с ними?" – "Да кто знает, говорят разное". – "А есть ли кто-нибудь, кто знает их или помнит?" – "Стариков нет, да вообще из еврейского населения никого в городе нет. Но на днях вернулась из партизанских лесов одна девушка – дочь бывшего соседа Вашего". И вот мне представляется внучка Берла дер Дубелцера. Это дочь его сына Лейбы. Мы его великолепно знали. Завидев меня, эта девушка, найдя сходство мое с отцом, расплакалась и затем рассказала жуткую историю гибели нашего семейства и всего еврейского населения, около 3 тысяч человек.

В конце июня [19]41 г. были арестованы все мужчины (она говорит о нашей улице), в том числе Гриша и муж Леи. Их повели на полигон в Новосвенцяны (ныне – Швенчёнэляй – Л.Т.) в гетто. Туда свозили впоследствии и из окрестных местечек. Она узнала, что всех расстреляли. Через 2–2½ месяца буквально все еврейское население было изгнано из домов своих и с маленькими узелками всех повели в это же гетто. Там их морили голодом и мучили 10 дней, а затем всех убили, расстреляли, – и стариков, и старух, и детей. Подробности, которые эта девушка передает, были ей сообщены очевидцами и писать жутко. Словом, управляли расправой немцы, а практически осуществляли, бросая в яму и не дострелянных, а просто раненных женщин и вместе с ними живых детей – местные профашистски настроенные литовцы. Они же выдавали немцам и тех обреченных, которые во время марша пытались скрываться в домах или закоулках. Везде были созданы

гетто, кончавшиеся поголовно резней. Она мне дала адреса некоторых лиц в Поставах и Свири, и я уже написал и просил сообщить подробности событий в этих пунктах.

В то время, когда я разговаривал с ней, вошла еще одна партизанка (они вместе 3 года были в лесах) Рива Фейгель. Помнишь, Лева, на базаре на углу Годутишек был посудно-фаянсовый магазин Фейгель. У нее своя история. В момент нашествия тевтонов у нее была семимесячная беременность. Где то, как зверь в лесу, она разрешилась, и ребенка оставила в одном польском доме. Сама же вынуждена была пребывать в лесах. Она работала в партизанском отряде. Материнское сердце страдало не за себя, а в стократ более за дорогого ребенка. И в первые дни освобождения Свенцяна она, как бешенная львица, бросилась на розыски. Ребенок цел. Я осматриваю эту 3-летнюю, говорящую по-польски, забитую девочку. Она жалуется на то, что "мама" крепко ("кепско") била и боится, как бы опять ее не отослали к той "матери". Но она избегает пока и эту свою настоящую страдальницу мать. Ясно, что ее крестили (обгишмад)» (идиш – *Л.Т.*) [11, с. 392–394]. Имеется ввиду, что сделали vykrestom чтобы выдать за польского ребенка и спасти.

«Эта Рива Фейгель (девичья фамилия), передает те же самые подробности. Наконец появляется и третья, Цынман. Она теперь Темпельман. Она скрывалась где-то с мужем в м. Видзы. Рассказы те же. В результате резни погибло все еврейское население и осталось 20–25 человек из работавших в партизанских отрядах. Это было, Лева, в 1941 г. Нет у нас больше в Свенцянах и вообще на западе никого.

Прошло 3 года. В еврейских домах жили новые "хозяева" – черносотенные, бандитские элементы из местных националистов – литовцев (почему-то их называют "ди литвинер"). Красная армия тряхнула плечами и двинулась на запад. Немцы перед уходом аккуратно обходили все дома и поджигали, не считаясь с тем, что в них жили уже не семиты, а быть может их холоуи. И вот, ни одного дома на всем базаре, на всем пространстве до реки, включая и обе синагоги. На месте города руины. С какими глубоко любящими чувствами рассказывают эти спасенные о нашей семье. "Это такие добрые – и отец и старуха мать, и как они всю жизнь мучились и частенько голодали: не бывало часто и хлеба. Мама на старости возилась в этой печке (мы в развалинах), выпекала хлеб и продавала; но это лишь никчемный ее труд; она всегда и везде говорила о двух сыновьях в России; а какой прекрасный был Гриша... А каким славным был муж Леи. Они жили бедно, но мило, хорошо, никогда не было жалоб на нужды, на тяготы в жизни. "Да, боже мой, как Вы похожи на своего отца". Со счастливой улыбкой говорят о спасшемся в Советском Союзе Грише. Он часто приезжал в Свянцианы, катался на велосипеде и был предметом веселья и радости для молодежи. Наша обязанность холить его как зеницу ока. Едва ли есть надобность сообщать ему о трагедии. Я обходил город; я десятки раз приходил в свой б[ывший] домик и подолгу простаивал, как пригвожденный. Зияет подвал с полками в стене. На стенах остатки обгорелой электроарматуры.

Все. 29/VII я уехал в свое расположение в 100 км к северу ... мы уже опять продвинулись на запад. Будьте бодры. Горю ничем помочь нельзя, только кровь Гитлера и всех его сподвижников могут частично лишь утешить. Крови Германии, больше крови немца!» [11, с. 394, 395].

Особая группа писем – сообщения соседей, друзей о гибели родственников, ответ на запросы с фронта, из эвакуации. Им отвечали порой на обороте писем-запросов, бумаги не хватало. Иногда это короткие ответы – «их расстреляли». Встретилась даже фраза «семья репрессирована немцами, как евреи» [11, с. 208]. Именно такой ответ на обороте своего письма-запроса в Пятигорск о судьбе родных (отца, сестры, племянника и дяди) получил командир стрелкового взвода Л.А. Тракинер в феврале 1943 г. Вся семья была вывезена в г. Минеральные Воды и расстреляна 9 сентября 1942 г. вместе с 7 500 других жертв [12, с. 590].

Иногда это довольно подробные описания жизни или скорее выживания при нацистском «новом порядке», с подробностями преступлений, именами спасшихся и погибших, датами (тут бывают, конечно, ошибки) и местами (на сегодняшний день – забытыми) расстрелов и казней, с указанием участников этих преступлений. Иногда одним письмом повествование не ограничивалось, переписка с подробностями трагических событий продолжалась многие месяцы. Вот фрагмент переписки Домны Крижановской из Киева с Э. Шкловер. Письма отправлены в эвакуацию в село Павловка Куйбышевской (ныне – Самарской) области.

«5 марта 1944 г. Уважаемая т[оварищ] Шкловер Э.И.

Это письмо пишет вам жилец г. Киева Красноармейской ул. № 6 кв. 67 Крижановская Домна Д. Вы спрашиваете об своих родственниках Финкельштейн Рахиль и Бася. Сообщаю вам, что они при ок[к]упации города остались в Киеве и 28 сентября 1941 г. был издан приказ, чтобы все евреи явились на Лукьяновское кладбище в Бабий Яр с драгоценными вещами, откуда больше не возвратились и погибли от руки врага» [11, с. 388].

Вероятно, был запрос от Э.И. Шкловер о судьбе Финкельштейн (Карташевской) Рахили, ее мужа – Авраама Финкельштейна, дочь – Раи Финкельштейн (Карташевской), а же Финкельштейн Баси Мовшевы, ее отца и брата. К сожалению, всю переписку восстановить не удалось, как и подробности о судьбе адресата.

Обрывочные сведения – часто единственный источник о судьбе жертв, месте и дате их гибели. Эти свидетельства предшествовали расследованиям, проводимым Чрезвычайной Государственной комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, СМЕРШ, армейскими политотделами и юристами. Мелкими населенными пунктами все эти органы просто не могли (не успевали) заниматься. Не было возможности и задачи учесть подробности гибели каждой семьи, имя каждой жертвы. Тем более, что в большинстве случаев из этих семей никого не осталось. Поэтому поиск и изучение переписки военных (и предвоенных, и первых

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

послевоенных) лет, необходимы для увековечивания памяти о героях и жертвах.

Хотелось бы еще коснуться таких источников, как фотографии и военные дневники. Благодаря коллегам из Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны удалось изучить и опубликовать дневник Давида Кеймаха.

В сентябре 1941 г. Д.И. Кеймах – комиссар разведывательно-диверсионного отряда, действовавшего до 15 февраля 1942 г. в тылу противника в Белоруссии (отряд «Бати»). Псевдоним Д.И. Кеймаха в этом рейде – «Дмитрий Корниенко». В марте 1942 г. вновь заброшен в тыл противника. В сентябре 1942 г. Д.И. Кеймах командовал отрядом «Дима». В мае – сентябре 1943 г. Д.И. Кеймах – один из руководителей операции по уничтожению генерального комиссара Генерального округа Белоруссия Вильгельма Кубе [1, с. 401, 488–489]. 13 сентября 1943 г. капитан Д.И. Кеймах вылетел в Москву для отчёта по операции. Самолёт был сбит авиацией противника близ г. Великие Луки.

Дневник Кеймаха представляет собой хронику действий партизан за октябрь 1941 – январь 1942 г. Но там есть записи не только о боевых действиях.

«20 ноября 1941 г.

По данным населения им известно следующее: в сентябре около Крупки (ныне – в Минской области – *Л.Т.*) немцы вырыли огромную яму, бросали живьём детей до 4 лет, остальных расстреливали, раненые и мертвые падали в яму, и всё было зарыто. Очевидцы передают, что в течение некоторого времени земля "дышала" [10, с. 147]. Сегодня мы знаем, что 18 сентября 1941 г. там были расстреляны евреи – узники лагеря для лесозаготовителей. По разным данным, от 912 до 1 900 человек. Акцию провели тайлькоманда ЕК-8 из Борисова и 354-й пехотный полк вермахта [12, с. 481].

Запись не ранее 7 января 1942 г. около деревни Молодой. Тут на Рождество открыли церковь, где должно было быть богослужение. Церковь была окружена немцами и с народа снимали получше валенки, варежки и другие тёплые вещи.

Немцы поймали еврейку Мирскую, крещёную, с двумя детьми до 10 лет и расстреляли их; повесили на воротах в деревне Нешково одного еврея» [10, с. 148].

И сегодня письма и дневники помогают не только восстановить детали трагедий далёкого прошлого, но в них мы находим имена жертв и спасшихся, имена тех, кто помогал евреям выжить – фактически, кандидатов на звание Праведника Народов Мира.

Безусловно, приведенные выше письма – малый процент колоссального потока переписки той эпохи. Но в ряду свидетельств о преступлениях нацизма, они должны занимать особое место. Они содержат вполне достоверную информацию вплоть до мелких деталей – имена погибших, место и время гибели, места захоронения, которые были утрачены или забыты спус-

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

тя десятилетия. Есть имена коллаборационистов (местных полицаяв), участвовавших в преступлениях вместе с оккупантами. Давно уже нет в живых авторов этих писем, но их свидетельства продолжают храниться у потомков адресатов вместе с уцелевшими фотографиями. Семейная история и переписка долгое время были почти единственными источниками фиксации памяти о фактах и местах уничтожения еврейского населения СССР.

Переписка военных лет является практически единственным источником, который, в наименьшей степени подвержен влиянию субъективных факторов, если сравнивать с официальными документами и воспоминаниями послевоенного периода. Именно в переписке, созданной «здесь и сейчас», по горячим, порой кровавым следам, отражены факты, подробности и чувства очевидцев и участников событий, которые в дальнейшем выпали из памяти, трансформировались под влиянием времени, коллективной памяти, идеологических установок. Свидетельства о преступлениях нацизма, об уничтожении еврейского населения, запечатлённые в письмах и дневниках, являются одним из самых убедительных аргументов в противостоянии со сторонниками отрицания Холокоста, реабилитации нацистских преступников.

Изучение источников личного происхождения, разумеется, параллельно с другими источниками, их сравнительный анализ напоминают, что война стала поворотным моментом в судьбе каждого её участника и свидетеля: воина и тыловика, узника концлагеря или гетто, беженца, ребёнка и взрослого. Погружение в микро-историю в контексте глобальных трагических событий в истории страны, народа – еще одна важная цель изучения семейной переписки.

Источники и литература

1. Альтман И.А. «В результате резни погибло все еврейское население» / И.А. Альтман, Л.А. Терушкин // Научно-информационный бюллетень «Холокост». 2022. № 95 (3). URL: https://holocf.ru/wp-content/uploads/2023/01/Холокост_95.pdf
2. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Евреи – участники Великой Отечественной войны». Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 1384.
3. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Евреи – участники Великой Отечественной войны». Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 1387.
4. Архив НПЦ «Холокост». Личный фонд. Е.Л. Войскунского. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 244.
5. Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин. М.: Центр и Фонд «Холокост»; изд. «МИК», 2007. 320 с.
6. Сохрани мои письма... Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2 / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин, И.В. Бродская. М.: Центр и Фонд «Холокост»; изд. «МИК», 2010. 328 с.
7. Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3 / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин, Е.В. Тестова. М.: Центр «Холокост»; изд. «Полимед», 2013. 288 с.

**Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны:
новые подходы и направления научного поиска**

8. Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4 / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин. М.: Центр «Холокост»; изд. «Полимед», 2016. 288 с.

9. Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 5 / сост. Р.Е. Жигун, Л.А. Тёрушкин; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр «Холокост»; изд. «Полимед», 2019. 368 с.

10. Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 6 / сост. И.А. Альтман, Р.Е. Жигун, Л.А. Тёрушкин; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр «Холокост»; изд. «Полимед», 2021. 384 с.

11. Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 7 / сост. И.А. Альтман, Р.Е. Жигун, Л.А. Тёрушкин; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр «Холокост»; изд. «МИК», 2024. 415 с.

12. Холокост на территории СССР: энциклопедия / гл. ред. И.А. Альтман. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); НПЦ «Холокост», 2009. 1143 с.

Тёрушкин Леонид Абрамович, заведующий архивным отделом, Научно-просветительский центр «Холокост», Россия, г. Москва, arch-holofond@mail.ru

Terushkin Leonid A., Head of the Archival Department, Scientific and Educational Center "Holocaust", Russia, Moscow, arch-holofond@mail.ru

РАЗДЕЛ 2

Борьба с врагом на фронте и в тылу

УДК 94(47).084.8

В.С. Христофоров

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И РАЗВЕДКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945): ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ НАРРАТИВЫ

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны советские дипломаты и разведчики, используя различные формы и методы работы, решали сходные задачи по добыванию важной политической информации в стране пребывания. Сотрудники разведки активно использовали возможности советских организаций, находящихся за рубежом (посольства, консульства, торгпредства), что обеспечивало им дипломатический иммунитет и широкие возможности для работы. Основные усилия советской дипломатии и разведки были сосредоточены на формировании антигитлеровской коалиции, открытии второго фронта и создании благоприятных внешних условий для скорейшего разгрома врага. Важное место в работе советских дипломатов и разведчиков занимали вопросы организации международных переговоров, в том числе по выводу из войны Румынии и Финляндии. Своевременно принимавшиеся меры советскими дипломатами и разведчиками способствовали успешным наступательным действиям частей и соединений Красной армии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дипломаты, внешняя политика, разведчики, отечественные спецслужбы.

V.S. Khristoforov

SOVIET DIPLOMACY AND INTELLIGENCE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945): HISTORICAL AND MODERN NARRATIVES

Abstract. During the Great Patriotic War, Soviet diplomats and intelligence officers, using various forms and methods of work, solved similar problems of obtaining important political information in the host country. Intelligence officers actively used the capabilities of Soviet organizations located abroad (embassies, consulates, trade mis-

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

sions), which provided them with diplomatic immunity and broad opportunities for work. The main efforts of Soviet diplomacy and intelligence were focused on the formation of the anti-Hitler coalition, the opening of a second front and the creation of favorable external conditions for the speedy defeat of the enemy. Of great importance in the work of Soviet diplomats and intelligence officers were issues of organizing international negotiations, including the withdrawal of Romania and Finland from the war. Timely measures taken by Soviet diplomats and intelligence officers contributed to the successful offensive actions of the Red Army units and formations.

Keywords: Great Patriotic War, diplomats, foreign policy, intelligence officers, domestic special services.

В годы Великой Отечественной войны ГКО и СНК СССР принимали различные организационные меры военно-дипломатического и специального характера, направленные на организацию взаимодействия и координацию работы внешнеполитического ведомства и отечественных специальных служб (разведки и контрразведки), основной задачей которых было противодействие подрывной деятельности спецслужб Германии и ее союзников Болгарии, Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии. Органы госбезопасности СССР вели разработку специальных служб противника, его разведывательных и диверсионных школ, осуществляли агентурное проникновение в них.

Деятельность советских дипломатов и разведчиков за границей порой трудно отличить, это связано с тем, что они решают сходные задачи, применяют в своей работе аналогичные методы сбора информации (наблюдение, интервью, беседа, изучение биографий). Вместе с тем при организации легальной разведывательной работы за границей сотрудники разведки активно использовали возможности советских организаций, находящихся за рубежом (посольства, консульства, торгпредства, представительства Интуриста, ТАСС, ВОКС, РОКК, Инторгкино и др.), что обеспечивало им хорошее прикрытие, а при занятии определенных должностей дипломатический иммунитет и широкие возможности.

По линии названных организаций направлялись кадровые работники разведывательных подразделений, а также привлекались к разведывательной работе наиболее подходящие лица из сотрудников зарубежных советских организаций.

Советские послы, посланники и консулы знали только резидентов разведывательных органов по месту своего пребывания, остальные работники разведки перед ними не расшифровывались. Советским посланникам и консулам предписывалось оказывать необходимое содействие и помощь работникам разведывательных органов для успешного выполнения ими задач в условиях их работы за границей. В штатах советских организаций за границей дополнительно вводились должности стажеров, на которые назначались работники разведывательных органов.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Советские разведчики выезжали за границу и в составе различных комиссий и делегаций, на учебу в различные учебные заведения. Разведывательным структурам разрешалось привлекать к выполнению специальных заданий отдельных известных ученых, писателей, художников, артистов, направляя их за рубеж по линии Академии наук, Союза советских писателей, Комитета по делам искусств и других организаций.

И дипломаты, и разведчики активно работали по добыванию важной политической информации в стране пребывания, что создавало предпосылки для межведомственной конкуренции. Завеса секретности и определенные трудности в доступе к архивам советских спецслужб привели к тому, что некоторые страницы отечественной истории до сих пор содержат «белые пятна».

В центре нашего исследования будут разведывательные структуры Наркоматов внутренних дел и госбезопасности, Главного управления контрразведки «Смерш», а также Наркомат иностранных дел (НКВД) СССР, советские дипломатические представительства за рубежом, Союзные контрольные комиссии (СКК).

Историографию по теме деятельности советских дипломатов и сотрудников специальных служб в военные годы условно разделим по нескольким направлениям.

Следует отметить, что самая многочисленная группа научных работ связана непосредственно с боевыми действиями Красной армии. Эти сюжеты хорошо освещены в многотомных изданиях, посвященных Второй мировой и Великой Отечественной войнам [4; 5; 6; 22; 23] и мы на них не будем останавливаться, так как они находятся за пределами нашего исследования.

Для нас наибольший интерес представляют научные работы, посвященные советской внешней политике и деятельности советских дипломатов в годы Великой Отечественной войны [21; 41; 42, с. 217–240]. Большинство работ, включенных в эту группу, детально рассматривают усилия советских дипломатов в военные годы по организации и проведению трех конференций с участием лидеров великих держав СССР, Великобританией и США (Тегеран, 1943; Крым, 1945; Потсдам, 1945). В научных трудах детально изучены вопросы сотрудничества и взаимодействия стран антигитлеровской коалиции, рассмотрены проблемы с затягиванием открытия «второго фронта», подготовки и подписания международных двусторонних договоров о действиях союзников против агрессии, мерах по сплочению сил антигитлеровской коалиции [8; 9].

В научных работах проанализированы детали подготовки и проведения переговоров, а затем и подписания соглашений о перемирии с Румынией, Финляндией, дипломатические усилия, принимавшиеся Советским Союзом по выводу из войны Болгарии, сложные и противоречивые венгерские вопросы, советско-чехословацким отношениям, внешнеполитические маневры вокруг решения вопроса о будущем Польше [39], отношений СССР и Югославии. В научных трудах, написанных в период 1945–1991 гг., присутству-

ет ярко выраженная идеологическая составляющая, тем не менее они представляю научное и историческое значение, так как вопросы советской внешней политики и дипломатии в годы войны представлены достаточно объективно [41, с. 248–252; 43, с. 20–49].

В отдельную группу мы выделим научные труды о деятельности советских спецслужб в 1941–1945 гг. Следует отметить, что это наименее изученная в отечественной историографии тема, так как до 1990-х гг. ввиду закрытости архивов исследования практически не проводились. Тем не менее, в отечественной историографии появились научные труды, посвященные деятельности советских спецслужб: «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» [7, с. 469–565], «Лубянка» [26], «Смерш» [44], работы А.А. Здановича, С.А. Кузевой, В.Г. Макарова и других авторов [13; 15, с. 167–199; 18; 19, с. 187–230; 24; 25, с. 25–31; 28, с. 18–25; 29; 46; 47, с. 34–52; 48, с. 42–52].

Отдельно следует отметить научные труды, посвященные работе советских спецслужб среди иностранных военнопленных, представлявших интерес для органов госбезопасности, а также военнослужащих Красной армии, оказавшихся в плену или окружении противника [49, с. 65–72; 50, с. 11–16].

Зарубежная научная и общественно-политическая литература, посвященная деятельности советских спецслужб, немногочисленна [17, с. 25–44; 30; 38; 40]. Основным недостатком работ иностранных авторов является, то, что они, зачастую, написаны на основе данных, полученных от советских перебежчиков, достаточно субъективны, в них много неточностей, а порой они слишком идеологизированы.

Источники. При проведении нашего исследования использован широкий корпус источников из ведомственных архивов и материалов, опубликованных в сборниках, посвященных деятельности советской разведки и контрразведки в военные годы [27, с. 406–520; 33; 34; 35].

Документы и материалы, связанные с расследованием советскими спецслужбами обстоятельств смерти Гитлера опубликованы в двух сборниках [1; 45].

В документах, введенных в научный оборот, содержится уникальная информация по истории советских спецслужб, их организационной структуре, особенностях работы в различных иностранных государствах, основных результатах деятельности, особенностях отношений между СССР с одной стороны и Германией, Болгарией, Венгрией, Румынией, Японией – с другой.

Еще одним важным источником стали мемуары участников и очевидцев описываемых событий. Так, в мемуарах Н.В. Новикова [32, с. 244–255], Чрезвычайного и полномочного посланника СССР в Египте (1943–1944), проанализирована обстановка на переговорах по заключению перемирия между СССР, США и Великобританией с одной стороны и Румынией – с другой, проходивших весной 1944 г. в Каире, а затем в Москве в сентябре месяце. В мемуарах фронтовых контрразведчиков В.И. Баранова, А.М. Гуськова, Л.Г. Иванова и других авторов содержатся разносторонние данные о

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

деятельности советской военной контрразведки в рассматриваемый нами период [2; 16; 29].

Важные документы о «дипломатии и освободительной миссии Красной армии в Центральной и Восточной Европе» хранятся в Архиве внешней политики МИД России. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне МИД России подготовил историко-документальное издание «На дипломатических фронтах. 1941–1945» [31], в которое вошли уникальные документальные источники и научно-справочный аппарат.

После нападения нацистской Германии на СССР основные усилия советской дипломатии и разведки были сосредоточены на создании благоприятных внешних условий для скорейшего разгрома врага. Важными направлениями деятельности советских дипломатов и разведчиков в годы Великой Отечественной войны стали их усилия по формированию антигитлеровской коалиции, открытию второго фронта, организации, проведение важных советско-британских, советско-американских двусторонних переговоров, а также встреч министров иностранных дел трех стран (СССР, США, Великобритании), выстраиванию внешнеполитических отношений с Болгарией, Польшей, Турцией, Швецией, Японией, по выводу из войны Румынии и Финляндии, поставок вооружения и военных материалов, отказа от ведения сепаратных переговоров с противником.

Существенную часть деятельности дипломатов в годы войны составляли подготовка и проведение конференций министров иностранных дел и лидеров трех великих держав (СССР, Англии и США), на которых обсуждались стратегические военно-политические вопросы, а также проблемы послевоенного устройства мира. Каждодневная кропотливая, системная работа советских дипломатов и, особенно, разведчиков порой остается незаметной и неисследованной. Например, организация визитов в СССР в военные годы делегаций политиков и дипломатов из Великобритании, в том числе во главе с Черчиллем, Польши, Румынии, Финляндии, Франции. Каждый такой визит требовал не только согласования сложных дипломатических вопросов, но и сопровождался негласной работой советских спецслужб, добывавших разностороннюю информацию об истинных планах и намерениях членов иностранных делегаций, их позиции на переговорах, возможности пойти на уступки или жесткого отстаивания своих интересов. Работа советских дипломатов и разведчиков проходила в жесточайших условиях, часто с риском для жизни и всегда без права на ошибку.

Необходимо обратить внимание на то, что НКВД СССР дважды в военное время (в 1941 и 1944 гг.) подвергался реорганизации, коснувшейся, в основном, европейских и американского отделов. В результате их структура и функциональное назначение были преобразованы с учетом новых реалий, складывавшихся в тот период в международных делах. Общее число сотрудников НКВД в 1942 г. составляло всего 522 человека. Отечественные органы государственной безопасности трижды подвергались структурной трансформации (в феврале и июле 1941 г., а также в апреле 1943 г.), в про-

цессе которых были проведены масштабные реорганизации, связанные с реорганизацией разведывательных и контрразведывательных структур [13, с. 63–88; 44, с. 11–25, 61–80].

Советская разведка. С первых дней Великой Отечественной войны главными задачами советской внешней разведки, а именно 1-го управления (ведение разведки за рубежом, начальник – П.М. Фитин) и 4-го управления (разведывательно-диверсионная деятельность в тылу противника, начальник – П.А. Судоплатов) НКВД–НКГБ СССР были: добывание военно-политической информации о планах германского командования, военном и экономическом потенциале Германии и ее союзников (Болгарии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Японии). В поле зрения советской разведки были страны, остававшиеся нейтральными – это Турция, Швеция, Иран, Афганистан. Важно было не допустить их перехода в стан противника.

В предвоенные и военные годы в зарубежных странах, таких как Афганистан, Болгария, Великобритания, Венгрия, Египет, Иран, Италия, Китай, Румыния, Турция, Финляндия, Франция, Швеция, Япония действовало более 90 «легальных» и нелегальных резидентур советской внешней разведки.

В годы Второй мировой войны своеобразными центрами дипломатической и разведывательной работы стали Лондон, Стокгольм, София и Каир. В Лондоне находились многие эмигрантские правительства европейских государств (Бельгии, Голландии, Греции, Норвегии, Польши, Чехословакии и Югославии), национальные спецслужбы этих государств располагали разведывательными возможностями по добыванию ценной политической и военной информации. Официальный представитель советской внешней разведки И.А. Чичаев, работавший с осени 1941 г. столице Англии, наладил доверительные отношения с представителями многих разведок европейских стран и через них добывал ценную информацию.

Стокгольм, как столица нейтральной Швеции, также позволял дипломатам и разведчикам разных стран, в том числе находившихся в противоположных и воюющих друг с другом блоках государств, поддерживать официальные и неофициальные контакты. В Стокгольме с участием советских дипломатов и разведчиков велись переговоры о выводе из войны Румынии и Финляндии. София была важным местом, где советские разведчики и дипломаты, находившиеся в Болгарии легально, добывали важную информацию о главном противнике в Великой Отечественной войне – нацистской Германии. Каир, ставший местом, где находились некоторые эмигрантские правительства (например, Греции, Югославии), привлекал внимание как место для ведения закулисных переговоров о выходе из войны Румынии, там поддерживались неофициальные контакты советских разведчиков и дипломатов с представителями иностранных государств, воюющих против СССР, на них оказывалось влияние в контексте склонения к выходу из войны союзников Германии.

Болгария занимала особое место среди стран союзников Германии. В 1939–1940 гг. Германия и СССР вели дипломатическую и политическую

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

борьбу за Болгарию, которая завершилась в пользу Третьего рейха. 1 марта 1941 г. Болгария подписала Тройственный пакт. Несмотря на присоединение Болгарии к державам оси и предоставление вермахту своей территории в качестве плацдарма для агрессии против соседних государств – Югославии и Греции, царь Борис, учитывая русофильство болгарского народа, сохранил дипломатические отношения с Советским Союзом, что было важно для Москвы [10, с. 110–112].

По мнению Ф. Папена, многочисленная советская дипломатическая миссия в Софии, остававшаяся там до 1944 г., была едва ли не лучшим советским центром сбора разведывательной информации. Гитлер прилагал большие усилия, чтобы закрыть советское посольство в Софии [37].

Несмотря на жесткий контрразведывательный режим, тотальную слежку за сотрудниками советского посольства в Софии, резидентура внешней разведки, возглавляемая Б.П. Осокиным, продолжала свою работу, добывая информацию из близкого окружения царя Бориса, посольства Германии и союзных ей стран о планах и намерениях германского командования и болгарского руководства.

Во время Второй мировой войны между Германией и ее союзниками с одной стороны и государствами участниками антигитлеровской коалиции – с другой – велась не прекращавшаяся борьба за Турцию. Каждая из сторон пыталась оказывать влияние на внешнюю политику Турции и стремилась включить ее в сферу своих интересов.

Советская разведка получала важную информацию в Стамбуле и информировала руководство СССР о развитии англо-турецких отношений. Турецкое правительство заверяло премьер-министра и МИД Великобритании в том, что Англия может продолжать полагаться на Турцию и рассматривать ее как препятствие против продвижения Германии. Турецкое руководство убеждало Великобританию в том, что оно будет выполнять условия англо-турецкого союзного договора и функции буфера между Германией и Ближним Востоком, сохранять дружеские чувства по отношению к России и не иметь никаких враждебных замыслов против нее [51, л. 26–28].

Важные источники добывания информации политического и военного характера были у советской разведки в Великобритании, спецслужбы, которые имея доступ к материалам шифрпереписки германского военного командования, тщательно скрывали это. Именно поэтому советская разведка стремилась добывать эти материалы агентурными методами. Задача была в значительной степени решена через агентов советской внешней разведки, имевших доступ к секретной переписке, в которой раскрывалась осведомленность германского командования о состоянии войск Красной армии.

12 июля 1942 г. резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил о результатах переговоров в Вашингтоне Черчилля и Рузвельта, на которых было принято решение отложить сроки открытия 2-го фронта [51, л. 26–28].

Информация советской разведки о стратегических планах вермахта в 1942–1943 гг. в ГКО шла непрерывно. Советская разведка и контрразведка

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

успешно решили задачу по информированию ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования. Однако, как пишет в своих мемуарах Маршал Советского Союза А.М. Василевский, «обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара на юге не были учтены» [3, с. 208].

В целях улучшения зарубежной работы советских разведывательных органов ГКО 5 июля 1943 г. принял постановление, в котором были уточнены их полномочия: Главное разведывательное управление Красной армии вело разведку в целях добывания сведений о военных планах, вооруженных силах, военной технике, транспорте и военном потенциале иностранных государств; 1-е (разведывательное) Управление НКГБ СССР (политическая разведка) – получение сведений о внешней и внутренней политике иностранных государств, их политическом и экономическом положении, политических партиях и общественно-политических деятелях, достижениях и изобретениях в области науки и техники; Разведывательное управление НКВМФ СССР – добывание информации о военно-морских силах, базах, портах, состоянии военно-морской промышленности и техники иностранных государств; Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии – военно-разведывательную работу в войсках противника на временно оккупированной территории СССР.

Основная задача всех видов разведки – работа против Германии, Японии, Италии. Руководителям разведывательных резидентур ставилась задача вести работу и добывать информацию не только по стране своего пребывания, но и по одной или нескольких из названных стран.

В целях организации взаимодействия между органами разведки различных ведомств, имевших полномочия вести работу за рубежом, обобщения и анализа полученной ими информации, в 1944 г. была создана Группа по разведке, которую возглавил Ф.И. Голиков, а в ее состав вошли: начальник Главного разведывательного управления Красной армии И.И. Ильичев, начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии Ф.Ф. Кузнецов, начальник 1-го управления НКГБ СССР П.М. Фитин, начальник 4-го управления НКГБ СССР П.А. Судоплатов и начальник Разведывательного управления Главного штаба ВМФ М.А. Воронцов.

Важную роль советская разведка сыграла в достижении победы Красной армии в Курской битве. Благодаря информации разведки советскому командованию удалось правильно определить направление главного удара противника и детально раскрыть замысел немецких сил, а также получить данные о составе группировки вражеских войск, плане операции «Цитадель» и времени ее начала.

В начале апреля 1943 г. советская разведка сообщала о стратегических замыслах германского командования. Данные, поступающие от советской разведки, свидетельствовали о подготовке генеральным штабом вермахта крупномасштабной войсковой операции. Информация о передислокации живой силы противника, а также количестве и качестве техники, прибывав-

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

шей в район предстоявшей операции, с высокой степенью вероятности свидетельствовали о приближении сроков наступления германских войск.

Последующие события показали, что советская разведка весной и летом 1943 г. работала эффективно, а ее информация была ценной и своевременной. Резидентуры советской разведки в Лондоне, Стокгольме, Нью-Йорке, Анкаре и оперативные группы разведки НКГБ СССР, действовавшие на территориях, оккупированных противником, добывали достоверную информацию об активизации деятельности германских разведывательных служб в районе Курского выступа, о сосредоточении частей и соединений германской армии на линии Орел – Курск – Белгород и стратегических планах противника.

Наступательные операции частей и соединений Красной армии по освобождению ранее оккупированных советских территорий (РСФСР, Белоруссии, Молдавии, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии), а затем территорий стран Европы (Румынии, Польши, Болгарии, Югославии, Венгрии) привели к изменению военно-политической, стратегической и оперативной обстановки на западном театре военных действий и сопровождалось военными, дипломатическими и специальными мероприятиями СССР, что потребовало внесения изменений в работу советских дипломатов и разведчиков.

13 мая 1944 г. правительства СССР, Великобритании и США предприняли дипломатический демарш, обратившись к Болгарии, Венгрии, Румынии и Финляндии с заявлением, в котором прозвучали призывы выйти из войны на стороне Германии, прекратить с ней всякое сотрудничество, принять меры по оказанию сопротивления германским войскам. Цель демарша была в том, чтобы уменьшить число жертв войны и сократить путь к победе союзных войск.

В связи с вступлением частей Красной армии на территорию иностранных государств советское правительство предпринимало важные дипломатические шаги, издавая постановления, публиковавшиеся в печати и направляя ноты – официальные дипломатические обращения к правительствам иностранных государств. Так, 2 апреля 1944 г. В.М. Молотов от имени советского правительства сделал заявление о выходе Красной армии на государственную границу между СССР и Румынией и начале полного восстановления советской государственной границы [14, с. 105].

Советская внешняя политика на болгарском направлении в военные годы была направлена на недопущение военных действий между СССР и Болгарией, обеспечение внешних условий для скорейшего разгрома гитлеровских войск на Балканах и всестороннюю поддержку правительства болгарского Отечественного фронта.

Советское правительство в январе, марте, апреле и мае 1944 г. направляло ноты, пытаясь принудить болгарское правительство разорвать союз с Германией, требовало прекратить строительство военно-морских судов для Германии и исключить возможность использования немецкими вооруженными силами болгарской территории, портов Варна и Бургас и аэродромов

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

против СССР. В мае Москва потребовала от Софии восстановить работу советского консульства в Варне, а также открыть новые консульства в Бургасе и Русе. Советский дипломатический демарш оказал сильное влияние на политическое развитие Болгарии и вызвал кризис правительства.

Советское правительство в ноте от 5 сентября 1944 г. объявила войну Болгарии, мотивировав свое решение тем, что болгарское правительство на протяжении длительного времени оказывало содействие и пособничество Германии, что расценивалось как фактическое ведение войны в лагере Германии против СССР.

Перед тем как советские войска 8 сентября пересекли границу Болгарии, командующий 3-м Украинским фронтом маршал Ф.И. Толбухин обратился с воззванием, в котором говорилось о том, что Красная армия не намерена воевать с болгарским народом, так как считает его братским народом. 9 сентября советское правительство согласилось с просьбой Болгарии начать переговоры о перемирии.

15 октября 1944 г. в Москву прибыла болгарская делегация, принявшая участие в переговорах. Как докладывала советская контрразведка, для болгарской стороны спорным был вопрос о контрибуции. Болгарская делегация надеялась на помощь и советы Димитрова. Еще одним вопросом, который беспокоил болгарскую делегацию, был вопрос о возможной советизации их страны. Переговоры завершились подписанием 28 октября соглашения о перемирии между правительствами СССР, Великобритании и США с одной стороны и правительством Болгарии – с другой стороны.

Главными центрами ведения переговоров в 1944 г. стали Стокгольм и Каир. В Стокгольме предпринимались попытки установить контакты с советскими дипломатами в целях организации переговоров об условиях выхода Финляндии и Румынии из войны. МИД Швеции пытался организовать переговоры между дипломатами СССР и Финляндии, а представители румынской оппозиции обращались к английским дипломатам в Стокгольме быть посредниками в переговорах с СССР о выходе Румынии из войны. И финскую, и румынскую стороны, в первую очередь, интересовали условия выхода из войны, будущие границы и вопросы репараций.

В связи с вступлением Красной армии на территорию иностранных государств ГКО в 1944 г. принимает ряд постановлений: 10 апреля в связи с вступлением в Румынию; 31 июля – Польшу, 27 октября – Венгрию, 7 сентября – о завершении операции по занятию намеченных болгарских населенных пунктов. Содержания постановлений ГКО в связи с вступлением Красной армии на территорию Польши, Румынии или Венгрии по своему смыслу мало чем отличались друг от друга, в них предусматривался комплекс мероприятий военного, политического, дипломатического и экономического характера. В документах отмечалась военная необходимость вступления советских войск на территорию иностранных государств, основной целью которого была ликвидация сопротивления войск противника [12, с. 494–497].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

По мере приближения частей и соединений Красной армии в 1944 г. к границам Румынии, румынские политики и члены правительства стали искать возможности вступления в переговоры.

Сторонники румынского короля Михая 23 августа 1944 г. совершили переворот, в результате которого Румыния перешла на сторону союзников по антигитлеровской коалиции. Антонеску и его ближайшие соратники были арестованы. 25 августа румынский посланник в Анкаре Крецеану вручил советскому послу в Турции Виноградову ноту, в которой новое правительство Румынии сообщило о готовности подписать перемирие. Переговоры о перемирии с Румынией прошли в Москве 10–12 сентября 1944 г. при участии представителей СССР (В.М. Молотов), США (посол У. Гарриман), Великобритании (посол А. Керр) с одной стороны, и делегации румынского правительства, с другой и завершились подписанием соответствующего соглашения.

Советской контрразведкой на территории Румынии было выявлено и взято под наблюдение 1255 участников различных националистических организаций, официальных сотрудников и агентов сигуранцы, полиции и других негативно настроенных лиц, в том числе 298 немцев, проживавших на занятой частями Красной армии территории Румынии [52, л. 163].

31 августа 1944 г. в Бухарест, по поручению Военного совета 2-го Украинского фронта прибыли генерал-лейтенанты И.З. Сусайков и А.Н. Тевченко. Они приняли меры к задержанию маршала Антонеску, а также Михая Антонеску, корпусных генералов Василиу и Пантази и доставили их на командный пункт фронта.

14 октября союзное советское верховное командование взяло под стражу маршала Иона Антонеску и его жену Марию, генералов Константина З. Василиу, Константина Пантази и Константина Тобеску, профессора Михая Антонеску, Георге Алексиану и Раду Лекка. Все они были доставлены в Москву, где оставались в распоряжении контрразведки «Смерш» до весны 1946 г.

Для организации контрразведывательной работы ГУКР «Смерш» за границей были сформированы специальные оперативные группы из опытных сотрудников военной контрразведки и следственного аппарата, находившиеся в первых рядах наступавших частей и соединений Красной армии (в Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии), либо выезжавшие на территорию иностранных государств в составе Союзной контрольной комиссии (в Румынию, Финляндию). Так, в Польшу во главе оперативной группы убыл заместитель начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенант П.Я. Мешник, в Югославию – заместитель начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенант Н.Н. Селивановский, помощник начальника ГУКР «Смерш» генерал-майор П.П. Тимофеев убыл в Румынию, помощник начальника ГУКР «Смерш» генерал-майор С.Ф. Кожевников – в Финляндию, М.И. Белкин – в Венгрию [53, л. 53].

Обстановка в Венгрии с лета 1943 г. и ранней весной 1944 г. вплоть до ее оккупации германской армией, несмотря на сильное влияние немцев и их пропаганды, как отмечалось в донесениях в НКВД СССР, оставалась весьма благоприятной и для союзников, и для Советского Союза [11, с. 97].

В 1942–1944 гг. Венгрия была единственной воюющей на стороне Германии страной Европы, где не стояли немецкие войска и находили убежище тысячи беженцев от фашизма из разных стран мира.

В октября 1944 г. в Москве заместитель начальника Генштаба Красной армии Ф.И. Кузнецов, а затем и начальник Генштаба А.И. Антонов провели переговоры с венгерской делегацией во главе с генералом Г. Фараго. 8 октября делегацию принял Молотов, вручивший венграм предварительные условия перемирия. В ходе переговоров венгерская делегация пыталась уклониться от объявления войны Германии, а также выразила пожелание, чтобы румынские, югославские и словацкие войска не переходили румынские границы. После длительного обсуждения, что, по мнению советской контрразведки, было вызвано венгерской тактикой выжидания, 11 октября венгерская делегация подписала документ о предварительных условиях перемирия. Советские условия были приняты [11, с. 143–144].

Дальнейшие события в Венгрии разворачивались по худшему сценарию, и подписание перемирия было отсрочено на три месяца.

Лишь 24 декабря 1944 г. Временное национальное правительство Венгрии отменило все договоры с нацистской Германией, прервало с ней дипломатические отношения и объявило ей войну.

Венгерская делегация под руководством министра иностранных дел Я. Дёндёши отправилась в Москву, где 18 января 1945 г. приняла условия трех союзных держав. 20 января 1945 г. в Москве представители СССР, США, Великобритании и Венгрии подписали соглашение о перемирии.

После вступления частей Красной армии на территорию Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии органами контрразведки «Смерш» начался розыск и задержание «активных участников антисоветских белогвардейских организаций – «Русского общевойскаского союза» (РОВС), «Национальной организации русских разведчиков» (НОРР), «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП), «Российского фашистского союза» (РФС) и других националистических организаций и фашистских партий.

Так, были задержаны бывший член Болгарского регентского совета Кирилл князь Преславский, а также бывшие министры и руководящие военные деятели Болгарии. В декабре 1944 г. специальным поездом под усиленной охраной и в сопровождении помощника начальника Главного управления контрразведки «Смерш» генерал-майора Розанова были отправлены в Москву арестованные, как преступники войны, бывшие руководители болгарского правительства и члены регентского совета. 3 января 1945 г. бывшие члены болгарского фашистского правительства были переданы уполномоченному Болгарского правительства [53, л. 241–242; 54, л. 15; 55, л. 1–39].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

В Югославии сотрудниками контрразведки «Смерш» были арестованы и этапированы в Москву исполнительный секретарь НТСНП М.А. Георгиевский, считавшийся идеологом этого Союза, поддерживавшего связи с разведками Германии, Польши, Румынии, Финляндии, а также политический деятель периода царской России В.В. Шульгин.

Управлением «Смерш» 3-го Украинского фронта на территории Венгрии были задержаны бывший премьер-министр венгерского правительства генерал-полковник Лакатош, бывший личный советник регента Хорти адмирал Дитрих, бывший государственный секретарь министерства хозяйства Венгрии Мочари и бывший госсекретарь министерства продовольствия Киш.

Подводя итоги нашему исследованию, отметим, что во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) советское военно-политическое руководство принимало меры военно-дипломатического и специального характера, направленные на организацию взаимодействия и координацию работы внешнеполитического ведомства и отечественных специальных служб (разведки и контрразведки).

Основными задачами советского внешнеполитического ведомства, а также советской разведки и контрразведки было обеспечение внешних условий: для вывода Болгарии, Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии из войны и освобождения народов европейских стран от оккупации нацистской Германией; скорейшего разгрома германских армий в европейских странах; создания условий формирования народно-демократических правительств в странах Восточной Европы (Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии).

Внешнеполитические усилия СССР, а также деятельность советской разведки и контрразведки, способствовали успешным наступательным действиям частей и соединений Красной армии. Успехи советской дипломатии и спецслужб, вывод из войны ряда стран Европы помогли сохранить сотни тысяч жизней советских военнослужащих и сократить сроки освобождения европейских стран, а также способствовали расширению советского влияния в странах Восточной Европы, созданию пояса безопасности из стран, выбравших после войны путь социалистического развития.

В области контрразведки была создана стройная система оперативно-розыскной работы, направленной на выявление, розыск и задержание сотрудников и агентов немецких спецслужб и их союзников как на территории СССР, так и на территории иностранных государств, освобожденных войсками Красной армии. Оперативный розыск велся непрерывно, и в нем участвовали сотрудники контрразведки «Смерш» НКО и контрразведки «Смерш» НКВД, территориальных органов госбезопасности, военнослужащие войск НКВД по охране тыла фронтов и пограничных войск НКВД.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Источники и литература

1. Агония и смерть Адольфа Гитлера / сост. В.К. Виноградов, Я.Ф. Погоний, Н.В. Тепцов. М.: Издательский дом «Звоница», 2000. 464 с.
2. Баранов В.И. СМЕРШ. Будни фронтового контрразведчика / В.И. Баранов. М.: Эксмо, Яуза, 2008. 121 с.
3. Василевский А.М. Дело всей жизни / А.М. Василевский. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1976. 607 с.: ил.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
9. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
10. Великая Отечественная война. 1941 год: исследования документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2011. 755 с.
11. Великая Отечественная война. 1944 год: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: ЦГА Москвы, 2014. 704 с.
12. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. Вып. 2. М.: Историческая литература, 2015. 768 с.
13. Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: исторические очерки и архивные документы. М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы; ОАО «Московские учебники», 2010. 224 с.
14. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1946. Т. 2. 688 с.
15. Военный контрразведчик Н.Н. Селивановский. М.: Издательский дом Руденцовых, 2023. 232 с.
16. Гуськов А.М. Под грифом правды: исповедь военного контрразведчика: Люди. Факты. Спецоперации / А.М. Гуськов. М.: Русь, 2004. 495 с.
17. Животич А. Югославо-советские военные противоречия (1947–1957): искушения союзничества / А. Животич. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 233 с.
18. Зданович А.А. «Смерш» на пути к Победе / А.А. Зданович. М.: Крафт+, 2014. 256 с.
19. Зданович А.А. Контрразведывательное обеспечение операции «Багратион» / А.А. Зданович // Великая Отечественная война. 1944 год: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: ЦГА Москвы, 2014. С. 187–230.
20. Иванов Л.Г. Правда о «Смерше» / Л.Г. Иванов. М.: Яуза, 2023. 320 с.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

21. История внешней политики СССР 1917–1945 гг.: в 2 т. Т. 1 (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1986. 536 с.
22. История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. Освобождение территории СССР и европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии. М.: Воениздат, 1978. 576 с.
23. История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. Разгром фашистской Германии. М.: Воениздат, 1979. 544 с.
24. *Колпакиди А.И.* КГБ: спецоперации советской разведки / А.И. Колпакиди, Д.П. Прохоров. М.: Олимп, 2000. 624 с.
25. *Кузьева С.А.* В тени операции «Багратион». Военные контрразведчики за линией фронта / С.А. Кузьева // Военно-исторический журнал. 2015. № 11. С. 25–31.
26. Лубянка: из истории отечественной контрразведки. Изд. 3-е доп. М.: Изд-во Главархива Москвы; Московские учебники и картолитография, 2007. 368 с.
27. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 // Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М.: МФД; Материк, 2006. 640 с. (Россия. XX век. Документы).
28. *Макаров В.Г.* Деятельность опергрупп «Смерш» при освобождении стран Европы (на примере Краковской опергруппы) / В.Г. Макаров // Военно-исторический архив. 2018. № 1. С. 18–25.
29. *Макаров В.Г.* Смерш: война в эфире, 1942–1945 / В.Г. Макаров, А.В. Тюрин. М.: Русский путь, 2018. 888 с.
30. *Мондич М.* СМЕРШ (Год в стане врага) / М. Мондич. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. 212 с.
31. На дипломатических фронтах. 1941–1945. М.: Кучково поле, 2020. 312 с.
32. *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата (Записки о 1938–1947 годах) / Н.В. Новиков. М.: Политиздат, 1989. 399 с.
33. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. V, кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 г.). М.: Кучково поле, 2007. 728 с.
34. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. V, кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). М.: Кучково поле, 2007. 896 с.
35. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. VI: Победа (1 января – 9 мая 1945 г.). М.: Кучково поле, 2014. 560 с.
36. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 4. 1941–1945 годы. М.: Международные отношения, 2003. 696 с.
37. *Папен Франц фон.* Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947 / Ф. фон Папен; пер. М. Барышникова. М.: Центрполиграф, 2005. 320 с.
38. *Полмар Н.* Энциклопедия шпионажа / Н. Полмар, Т.Б. Аллен; пер. с англ. В. Смирнова. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999. 816 с.
39. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с.
40. *Синевирский Н.* СМЕРШ (Год в стане врага) / Н. Синевирский. Мюнхен: Издательский дом Грани, 1948. 139 с.
41. *Сиполс В.Я.* На пути к великой победе: советская дипломатия в 1941–1945 гг. / В.Я. Сиполс. М.: Политиздат, 1985. 495 с.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

42. СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933–1945 / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 349 с.
43. Советская дипломатия в Великой Отечественной войне // Международная жизнь. 2020. № 5. С. 20–49.
44. «Смерш»: исторические очерки и архивные документы. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Главархив Москвы; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2005. 343 с.
45. Тайна смерти Гитлера. Главные документы НКВД, Смерш, КГБ. М.: Издательский дом «Комсомольская правда», 2020. 288 с.
46. Христофоров В.С. СССР – Финляндия: противостояние 1941–1944 гг. / В.С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2018. 440 с.
47. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. Документы архивов ФСБ России / В.С. Христофоров // Новая и Новейшая история. 2010. № 5. С. 34–52.
48. Христофоров В.С. Материалы Центрального архива ФСБ России периода Великой Отечественной войны / В.С. Христофоров // Вестник архивиста. 2005. № 3. С. 42–52.
49. Христофоров В.С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии 1941–1944 гг. / В.С. Христофоров // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–72.
50. Христофоров В.С. Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных / В.С. Христофоров // Отечественные архивы. 2001. № 6. С. 11–16.
51. Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России). Ф. Зос. Оп. 9. Д. 12.
52. ЦА ФСБ России. Ф. 14ос. Оп. 1. Д. 9.
53. ЦА ФСБ России. Ф. 14ос. Оп. 1. Д. 11.
54. ЦА ФСБ России. Ф. 14ос. Оп. 1. Д. 12.
55. ЦА ФСБ России. Д. Н-17675. Т. 1.

Христофоров Василий Степанович, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Россия, г. Москва, xvsarhiv@rambler.ru

Khristoforov Vasily S., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Law), Full Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, xvsarhiv@rambler.ru

УДК 94(47).084.8+355.48(47).084.8

Е. Ф. Кринко

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И НАСЕЛЕНИЯ В ХОДЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ НИЖНЕГО ДОНА И ДОНБАССА В 1943 г.¹

Аннотация. Советские войска освободили Нижний Дон и Донбасс от оккупации в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне. Победы Красной армии в 1943 г. во многом опирались на поддержку населения Ростовской, Ворошиловградской и Сталинской областей. В статье рассматриваются: мобилизация жителей Донбасса и Нижнего Дона в действующую армию после освобождения; сотрудничество советских войск с партизанами; участие граждан в создании оборонительных сооружений и других военных объектов; шефская помощь над госпиталями; сбор средств на создание военной техники; захоронение останков советских военнослужащих и другие формы взаимодействия Красной армии и населения прифронтовых территорий. Однако в документах отмечаются и негативные практики такого взаимодействия. Статья основана на архивных документах, документальных публикациях и воспоминаниях очевидцев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, освобождение Донбасса и Нижнего Дона, Ростовская область, Ворошиловградская (Луганская) область, Сталинская (Донецкая) область, Красная армия.

E. F. Krinko

THE INTERACTION BETWEEN THE RED ARMY AND THE POPULATION DURING THE LIBERATION OF THE LOWER DON AND DONBASS IN 1943²

Abstract. Soviet troops liberated the Lower Don and Donbass from occupation during a radical turning point in the Great Patriotic War. The victories of the Red Army in 1943 were largely based on the support of the population of the Rostov, Voroshilovgrad and Stalin Oblast. The article examines: mobilization of residents of the Donbass and Lower Don into the active army after liberation; cooperation of Soviet troops with partisans; participation of citizens in the creation of defensive structures and other military facilities; patronage assistance over hospitals; fundraising for the creation of military equipment; burial of the remains of Soviet servicemen and other forms of interaction between the Red Army and the population of frontline territories. However, the documents

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01642 «РККА и население Нижнего Дона и Донбасса в оборонительных и наступательных операциях 1942–1943 гг.», <https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

² The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01642 “The Red Army and the population of the Lower Don and Donbass in defensive and offensive operations of 1942–1943”, <https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

also note negative practices of such interaction. The article is based on archival documents, documentary publications and eyewitness accounts.

Keywords: Great Patriotic War, liberation of Donbass and Lower Don, Rostov Oblast, Voroshilovgrad (Luhansk) Oblast, Stalin (Donetsk) Oblast, Red Army.

Во время коренного перелома в Великой Отечественной войне началось освобождение советских территорий. В ходе Среднедонской (16–30 декабря 1942 г.), Ростовской (1 января – 18 февраля 1943 г.), Ворошиловградской (29 января – 18 февраля 1943 г.) и Донбасской (13 августа – 22 сентября 1943 г.) наступательных операций советские войска освободили территории Ростовской, Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской Народной Республики) и Сталинской (в настоящее время – Донецкой Народной Республики) областей. Победы советских войск опирались на поддержку населения Нижнего Дона и Донбасса. Однако вопросы взаимодействия Красной армии и населения в ходе освобождения Нижнего Дона и Донбасса в 1943 г. остаются недостаточно изученными, а их описания порой сводятся лишь к некоторым наиболее известным фактам (О взаимодействии Красной армии и населения Донбасса и Нижнего Дона в начальный период войны см.: [11]).

В первую очередь, следует отметить *пополнение личного состава воинских частей Южного и Юго-Западного фронтов*, понесших значительные потери в предыдущих боях, за счет жителей освобожденных территорий Нижнего Дона и Донбасса. Помимо тех, кто достиг призывного возраста за время нацистской оккупации, среди них было немало бывших военнослужащих действующей армии, отставших от своих частей по тем или иным причинам в ходе тяжелых оборонительных боев 1941–1942 гг. Сразу после освобождения в районах и городах Ростовской, Ворошиловградской и Сталинской областей начался учет и призыв военнообязанных. Для полного учета военнообязанных местные власти проводили «списочный учет всех мужчин рождения с 1925 по 1887 год включительно и всех женщин, ранее состоявших на военном учете (медработники, телеграфисты и др.), до 50-летнего возраста путем подворного обхода всех населенных пунктов» [9, с. 259].

Призыв военнообязанных осуществлялся в ускоренном порядке как непосредственно частями действующей армии, так и через полевые военкоматы. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 089 от 9 февраля 1942 г. обязал военные советы действующих армий для пополнения своих частей «призывать в порядке мобилизации» граждан «освобождаемых от оккупации территорий в возрасте от 17 до 45 лет из числа лиц, не призывавшихся в Красную Армию». Запасные полки должны были осуществлять «отсев, призыв и боевую подготовку этих контингентов в полосе действия своих армий», формировать и направлять в части маршевые подразделения [15, с. 88–89].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Уроженец села Головатовка Азовского района Ростовской области А.Т. Костюков (1911–1943) был призван в Красную армию еще в начале войны, но в ходе тяжелых оборонительных боев за Донбасс попал в окружение. По сведениям членов семьи, находился в плену или скрывался от врага на временно оккупированной территории. Вторично был призван в 50-й запасной стрелковый полк. Пройдя подготовку, стал артиллеристом, младшим сержантом. Позже награжден медалью «За отвагу» за участие в боях на Миус-фронте [10].

Судя по воспоминаниям, в тот же 50-й запасной стрелковый полк после освобождения родного города был призван и таганрожец Г.К. Черчемболиев (1926 г.р.): «Записали в запасной полк, 50-й Азовский запасной стрелковый полк. Записали, побыли там <...> дня четыре, наверное, может даже пять, приняли присягу, потом, в конце, дали обмундирование». Служба в полку подтверждается записью в его красноармейской книжке с указанием в качестве подразделения 3-й роты 1-го батальона, даты призыва 3 сентября и даты принесения присяги – 5 сентября 1943 г. Но красноармейской формы защитного цвета не хватило, и ему выдали синюю милицескую: «Обмоток мне не хватило, я без обмоток шел в ботинках <...> такие галифе, вроде бы, но только милицеская гимнастерка, бушлат дали, уже ж холода были. Бушлат старый, вот, и пиютку, по-моему, дали мне». Еще выдали саперную лопатку, противогаз, котелок, позже он получил и оружие [14].

Тем же, кого призывали сразу в действующие части, не всегда хватало и этого. По словам Е.П. Анкудинова, служившего в то время в звании сержанта в роте автоматчиков 70-го гвардейского стрелкового полка 24-й гвардейской стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии: «Обмундировывать всех мобилизованных было не во что. Мы сами давно не получали нового обмундирования (за исключением какой-то случайной выдачи нижнего белья), ходили кто в чем». В результате «мобилизованные были одеты в свою домашнюю одежду. Бывшие морячки, сохранившие свою морскую форму или взятую из запятанных запасов, были в ней или частично в ней, а частично уже в гражданской. Местные же жители в подавляющем своем большинстве были одеты в свою, преимущественно изготовленную из своих материалов, одежду» [1].

Наряду с мужчинами призывали и женщин, но на добровольной основе. Так, в постановлении бюро Ворошиловградского обкома КП(б)У о проведении добровольного набора женщин в ряды Красной армии от 13 июня 1943 г. говорилось: «В соответствии с письмом Военного Совета Южного фронта предложить облвоенкомату (тов. Уленкову) провести добровольный набор женщин, годных к службе в РККА, в количестве 1500 человек». Секретарей городских и районных комитетов КП(б)У обязали «оказать горрайвоенкоматам всемерную помощь в проведении этой работы» [12, с. 220].

Всего по имеющимся данным только в Ростовской области в феврале 1943 г. на фронт были призваны около 80 тыс. человек. Летом 1943 г. в Сталинской области передовыми частями было призвано и мобилизовано

12 860 человек. В сентябре 1943 г. из Донбасса в соединения Южного фронта влилось 120 тыс. человек [3, с. 537]. Очевидно, что эти цифры нуждаются в уточнении.

Жители Нижнего Дона и Донбасса принимали непосредственное участие в освобождении своей малой родины не только в составе частей и соединений Южного и Юго-Западного фронтов. Массовый *подъем сопротивления противнику на оккупированных территориях* стал одним из значимых факторов не только успеха советских войск на Нижнем Дону и в Донбассе, но и Победы в Великой Отечественной войне в целом. Только в Сталинской области во время наступления советских войск в августе 1943 г. действовало 75 партизанских отрядов, организаций и групп коммунистического подполья [8, с. 9].

Партизаны и подпольщики собирали и передавали командованию Красной армии разведывательную информацию, а с переходом советских войск в наступление участвовали в боях за освобождение населенных пунктов. Так, партизанский отряд Славяносербского района Ворошиловградской области освобождал свой район вместе с частями Красной армии с боями, после чего большинство бойцов пополнили ее ряды [12, с. 174]. В справке Ворошиловского райкома КП(б)У отмечалось, что организованный в феврале 1943 г. в селе Городище партизанский отряд под командованием А. Пискунова выполнял задания армейского командования, включая сбор разведывательной информации, уничтожил немецкий поезд с боеприпасами, живой силой и техникой, а затем вывел из окружения советских военнослужащих: «Когда воинские части оказались в селе Городище в окружении немецких войск, партизанский отряд с помощью населения укрывал командиров и бойцов Красной Армии в шахтах, снабжал их продуктами питания, боеприпасами. Одновременно переодевали их в гражданскую одежду и группами выводили за линию фронта. Таким образом за 5–6 дней были выведены все командиры и бойцы Красной Армии» [12, с. 165–166]. Участвовали в освобождении Ростова-на-Дону, согласовывая свои действия с представителями армейского командования, бойцы городского отряда Югова (М. Трифонова). 25 радиограмм о расположении аэродромов, складов боеприпасов и горючего, о скоплении и численности войск противника в городе Сталино (Донецке) передали Красной армии радисты диверсионной группы А.С. Бизюкова [8, с. 158]. Партизанский отряд под командованием В.Я. Грицаенко по приказу командира 148-го гвардейского стрелкового полка 50-й дивизии участвовал в разведке и в боях за освобождение Петровки, Александровки, Новомихайловки, Никольского, Васильевки и других населенных пунктов. За проявленные при этом доблесть и мужество командование полка объявило благодарность всему личному составу отряда [8, с. 161].

Немаловажной для Красной армии была и *помощь населения в оборонительном строительстве*. Как правило, в историографии отмечается роль гражданского населения в создании оборонительных рубежей на юге страны в начальный период Великой Отечественной войны [см.: 2, с. 30–48 и др.].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Однако и после зимней кампании 1942/1943 гг., когда советские войска освободили большую часть территории Ростовской и Ворошиловградской областей, а фронт стабилизировался в очередной раз вдоль реки Миус, продолжилось создание укреплений с привлечением местных жителей [9, с. 302–303]. Так, райисполком Семикаракорского района Ростовской области 3 апреля 1943 г. принял решение, в котором говорилось: «На основании постановления Военного совета Южного фронта от 29 марта сего года № 0068 на территории Золотаревского сельского совета необходимо провести оборонительные сооружения». Председателей Золотаревского и Старокузнецовского сельских советов обязали создать трудовой батальон. При направлении на работу мобилизованные обязаны были «иметь продукты питания для людей, фураж для лошадей не менее, как на 10 дней», а также каждый «железную лопату и на каждые 10 человек – топор, лом». На уклонявшихся от работ предлагалось «в суточный срок оформлять материалы и передавать в райпрокуратуру для привлечения их к ответственности по закону военного времени» [9, с. 295].

Красносулинский горисполком 4 мая 1943 г., учитывая «особую важность срочного строительства оборонительных сооружений в районе города Красный Сулин», принял решение: «Мобилизовать в порядке трудовой повинности в военное время 2500 человек в распоряжение УПС на строительство оборонительных сооружений из числа трудоспособного населения города и пригорода в возрасте: мужчин от 16 до 55 лет, женщин в возрасте от 16 до 45 лет». Мобилизации на оборонительные работы не подлежали «инвалиды 1 и 2 групп, беременные женщины на 6-м месяце беременности, женщины, имеющие детей до 8-летнего возраста при отсутствии других членов семьи, могущих обеспечивать уход за детьми, а также все рабочие и служащие шахтоуправления и железнодорожного транспорта». Все мобилизованные граждане должны были явиться «к месту работы обязательно, имея при себе лопату и на каждые 2–3 человека лом или кирку». Начальника городского отдела милиции обязали «направить своих работников в участки города для оказания помощи уполномоченным исполкома горсовета по мобилизации и принятию мер к лицам, уклоняющимся от работ на строительстве оборонительных сооружений». Заведующего городским отделом здравоохранения – «организовать медобслуживание работающих на строительстве непосредственно на участке работ». Продолжительность рабочего дня устанавливалась с 7 до 19 часов с часовым перерывом на обед. Все мобилизованные граждане, работавшие на строительстве оборонительных сооружений, обеспечивались «оплатой труда согласно существующим нормам и расценкам, хлебом по 800 грамм на человека с первого дня работы и котловым довольствием» [9, с. 308–309].

Наряду с оборонительными рубежами строились и другие военные объекты. Бюро Чертковского райкома ВКП(б) и райисполкома 17 апреля 1943 г. приняло решение «О мобилизации населения на спецстроительство аэродрома в слободе Анно-Ребриково». В соответствии с решением Ростовского обкома ВКП(б) и облисполкома от 28 марта 1943 г. мобилизации под-

лежали «в порядке платной трудповинности 400 человек сроком на 10 дней с 17 по 27 апреля включительно из колхозов района». Все они должны были прибыть в слободу Анно-Ребриково 18 апреля, «имея при себе штыковые лопаты и продукты питания на указанный срок» [9, с. 303].

В решении исполкома Подгорненского совета Ремонтненского района Ростовской области «О содержании военной дороги Ремонтное – Киевка» отмечалось: «В данное время армейская дорога имеет большое значение для снабжения нашей доблестной Красной армии войсками, питанием, снаряжением, обмундированием и т.д., а поэтому дорога должна очищаться во время снежных заносов для бесперебойного движения автомашин, на это нужно мобилизовать все трудоспособное население, за исключением людей, находящихся на постоянных работах, рабочих и служащих». Исполком постановил: «Разбить участок дороги по колхозам и закрепить за каждым колхозным участком ответственных бригадиров. Иметь в каждом колхозе тягачи, на расстоянии 2 км – один тягач. Иметь списки в каждом колхозе количества трудоспособных, тягловой силы и инвентаря: лопат, ломов. Провести беседы-собрания с трудоспособным населением о значении армейской дороги в зимний период» [9, с. 240]. О необходимости ремонта и содержания в порядке дорог принимали соответствующие решения и в других районах Дона [9, с. 237]. Президиум Цимлянского райисполкома 25 мая 1943 г. принял решение «О строительстве переправ через реку Дон», аргументируя его тем, что «в условиях военного времени переправы через реку Дон имеют большое значение для своевременного снабжения частей Красной армии необходимыми боеприпасами и продовольствием» [9, с. 322].

Важной формой взаимодействия населения с Красной армией являлась *помощь раненым и больным советским военнослужащим*. Так председатель Тарасовского райисполкома Несвитов и секретарь райкома ВКП(б) Слепченко предписывали председателю совета Михайловскому 25 февраля 1943 г.: «В сл. В-Тарасовка расположен госпиталь № 278, где находятся бойцы и командиры нашей доблестной Красной армии. Райисполком и райком ВКП(б) считают, что необходимо взять шефство над госпиталем колхозами нашего совета. Это обязывает Вас провести разъяснительную работу по этому вопросу среди населения и держать повседневно связь». Предлагалось также «организовать работу по сбору подарков ко Дню 1 Мая» [9, с. 266]. Местные органы власти рекомендовали председателям сельских советов, колхозов, директорам МТС, руководителям предприятий и организаций «взять шефство над госпиталями, оказывая им необходимую практическую помощь», в том числе, обеспечить топливом на осенне-зимний период [9, с. 250, 307–308, 340 и др.]. За счет местных органов власти проводился ремонт предназначенных для госпиталей помещений, у жителей собирали недостающие инвентарь, белье и постельные принадлежности [9, с. 270]. За госпиталями закрепляли жителей конкретных домов с назначением «ответственных по вызову и прикреплению на постоянное обслуживание» [9, с. 284–285]. Многие жители ухаживали за ранеными советскими военнослужащими и по собственной инициативе, в том

числе, отдавая им свою кровь [7, с. 23; 12, с. 223–224; и др.]. Однако движение доноров все еще остается недостаточно изученным сюжетом истории Великой Отечественной войны.

Формами помощи частям и соединениям Красной армии стали *сбор трофейного имущества*, а также наведение общего порядка на освобожденной территории, *захоронение останков советских военнослужащих, уборка трупов вражеских солдат и животных* [9, с. 296–297, 304, 305 и др.]. Эти мероприятия были важны в санитарно-гигиеническом отношении, имея целью не допустить возникновения и широкого распространения инфекционных заболеваний. Имели они и морально-политическое значение. Нередко само командование советских частей и соединений обращалось к гражданским властям с подобными просьбами. Так, политотдел 18-го стрелкового корпуса 24 марта 1943 г. обратился к Ворошиловградскому обкому КП(б)У с просьбой об увековечивании памяти героев, павших при освобождении Ворошиловграда, включая проведение следующих мероприятий: «а) поставить памятник на братской могиле погибшим героям за Ворошиловград; б) назвать улицы, площади, культ[урно]-массовые учреждения именами героев, павших смертью храбрых; в) организовать посылку писем от трудящихся Ворошиловграда семьям погибших» [12, с. 216].

В свою очередь, местные органы власти понимали необходимость принятия соответствующих мер и стремились контролировать их выполнение [9, с. 305 и др.]. В принятом 7 июля 1943 г. постановлении исполкома Новосветловского районного Совета депутатов трудящихся и бюро райкома КП(б)У о приведении в порядок могил воинов Красной армии и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками, говорилось: 1) до 10 июля «принять меры и привести в порядок и надлежаще оформить братские и одиночные могилы бойцов, командиров, политработников Красной Армии, партизан и партизанок»; 2) предложить «завести в сельсоветах и при райисполкоме Книгу почета памяти погибших в боях с немецкими захватчиками»; 3) обязать «председателей сельисполкомов и секретарей парторганизаций в ближайшее время на каждой могиле сделать таблички с надписью: фамилия, имя, отчество, год рождения, откуда родом, или установить памятники, пусть даже в далекой степи. Все могилы должны быть огорожены, вокруг них посажены деревья, цветы». О подвигах погибших воинов предлагалось «рассказывать молодежи, воспитывая подрастающее поколение в духе глубокой ненависти к захватчикам» [12, с. 220–221].

Освобожденные территории Нижнего Дона и Донбасса понесли в период оккупации значительные материальные потери. Поэтому они не сразу могли оказать содействие частям Красной армии в их снабжении вооружением, боеприпасами, обмундированием и другим военным имуществом, а также продуктами питания и фуражом, поскольку сами не имели их в необходимом количестве. Тем не менее, практически сразу после освобождения начался *сбор средств на приобретение военной техники и подарков для Красной армии*. Постановление бюро комитета ВЛКСМ Тарасовского рай-

она Ростовской области «О сборе средств на постройку эскадрильи боевых самолетов "Донской казак" среди населения колхозов и совхозов, освобожденных от немецких оккупантов» было принято уже 4 февраля 1943 г., менее, чем через три недели после его освобождения (15 января), а соответствующее постановление комитета ВКП(б) и исполкома Литвиновского района (в настоящее время – в составе Белокалитвенского района Ростовской области) – 13 февраля 1943 г. или через два дня после освобождения (11 февраля) [9, с. 243–244, 249].

Указанными формами не ограничивается широкий спектр взаимодействия Красной армии и населения в условиях наступательных боевых операций на Нижнем Дону и Донбассе в 1943 г. Следует особенно отметить различные неофициальные практики помощи жителей красноармейцам и командирам, выражавшиеся в первую очередь в *предоставлении им продуктов питания, ночлега, стирке обмундирования и решении других хозяйственно-бытовых задач* [1 и др.].

В свою очередь, советские военнослужащие и сами при наличии возможности оказывали помощь жителям освобожденных территорий. В воспоминаниях и документах военных лет нередки, например, упоминания об оказании населению *продовольственной помощи* со стороны воинских частей Красной армии. В частности, подполковник Л.А. Мильченко, в 1943 г. командовавший стрелковой ротой 1040-го стрелкового полка 295-й стрелковой дивизии, вспоминал, что когда вместе со своей частью вошел в родной город Сталино, то, после встречи с матерью: «В нашем дворе мы быстренько развернули полевую кухню и накормили жителей» [7, с. 117].

Не менее важной, чем материальная помощь, была и *психологическая поддержка*, выражавшаяся в совместно испытываемом и военнослужащими, и жителями чувство радости от освобождения отдельных населенных пунктов, ставшем общим местом многих воспоминаний, наряду с описанием официальных торжественных митингов в честь данных событий. По словам Г.К. Черчемболиева, после освобождения Таганрога: «Митинг был, и так все радовались, вроде бы свои пришли, но оно и действительно так, все-таки немцы – это чужой народ, чужой язык, а это свои, красноармейцы. Обнимаются – это, действительно было, встречали, наши зашли!» [14]. Капитан запаса В.П. Конышев вспоминал: «Мариуполь был освобожден. Повсюду жители радостно встречали своих освободителей» [7, с. 139].

Эта радость усиливалась от встреч с родственниками, близкими, соседями и просто земляками [7, с. 139 и др.]. Когда часть А.Г. Малхасяна наступала по территории Ростовской области недалеко от его родного села Большие Салы Мясниковского района, он отпросился у командира роты, чтобы навестить близких. Первым на его пути оказался дом учителя: «Я захожу, а одетый в валенках, ну, одетый тепло – брюки ватные, шинель, мы же не раздевались. Захожу, шапку натянул на глаза, первым делом хозяйке: "Дайте воды". Хозяйка дает мне кружку воды. Я смотрю, я всех знаю, хозяйку знаю, хозяина хорошо знал. Думаю, чем закончить разговор и говорю:

"Хозяйка, дайте еще стакан воды". А одна девочка, дочь говорит: "Что же этот солдат с утра такое ел, что столько воды пьет?" А другая говорит: "Слушай, а он на армянина похож". Я значит, приподнял шапку, а хозяйка: "Андраник! Андрей!" Она обнимает, целует» [13].

Радость омрачали людские потери и материальные разрушения, понесенные освобожденными территориями в период оккупации. По словам Л.А. Мильченко: «Свидание с матерью было и радостным, и горьким: за годы оккупации она овдовела, а я осиротел: моего отца, парторга шахты № 5-6, а затем шахты № 7-8, оставленного партийными органами для подпольной работы в тылу, фашисты расстреляли...» [7, с. 117]. Приход советских войск спасал от новых потерь и разрушений, в том числе, от действий немецких факельщиков, поджигавших предприятия, учреждения и жилые дома перед отступлением частей вермахта [7, с. 124 и др.]. Военнослужащие Красной армии также участвовали в *расследовании военных преступлений оккупантов и их пособников, способствовали восстановлению органов советской власти.*

Однако взаимодействие с Красной армией в условиях наступательных операций 1943 г. на Нижнем Дону и в Донбассе не всегда носило позитивный характер для жителей прифронтовых территорий и сопровождалось для них не только потерями от бомбежек и артиллерийских обстрелов, но и многочисленными ограничениями. Так, 28 марта 1943 г. Ростовский обком ВКП(б) и облисполком приняли постановление «О поддержании должного порядка в городах и населенных пунктах прифронтовой полосы». В принятых на его основе постановлениях районных исполкомов и райкомов партии ставились следующие задачи: «Довести до сведения население района, что на территории Ростовской области с 25 марта сего года введен строгий режим в части передвижения гражданского населения из одного населенного пункта в другой». Населению запрещалось «предоставлять жилье или ночлег кому бы то ни было (как военным, так и гражданским) без разрешения председателей сельсовета и колхоза, а в местах расположения воинских частей без разрешения коменданта» [9, с. 304, 305].

В источниках отмечаются и случаи недоброжелательного отношения со стороны отдельных советских командиров и бойцов по отношению к жителям освобожденных территорий. Подобные примеры, в частности, приводит в своих воспоминаниях украинский советский кинорежиссер и писатель А.П. Довженко. Ссылаясь на разговор с другим советским писателем В.Б. Шкловским, он писал, что «в боях погибает огромное множество мобилизованных на Украине освобожденных граждан. Их зовут, кажется, чернорубашечниками. Они воюют в домашней одежде, безо всякой подготовки, как штрафные. На них смотрят, как на виновных» [6, с. 273 и др.]. Встречались и факты мародерства, а также различных злоупотреблений со стороны некоторых военнослужащих по отношению к населению. Но советское командование пресекало подобные случаи, наказывая нарушителей воинской дисциплины по законам военного времени.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

В свою очередь, у части жителей существовали антисоветские настроения, в том числе, вследствие широкого распространения нацистской пропаганды и сотрудничества с противником в условиях оккупации. Выявление пособников нацистов и расследование совершенных в период оккупации военных преступлений происходили чрезвычайно сложно и не всегда сопровождалось привлечением к ответственности виновных лиц [4 и др.]. Случались и судебно-следственные ошибки, но эти вопросы нуждаются в дополнительном изучении, предполагающем введение в научный оборот более широкого комплекса источников, в том числе, из фондов архивов органов государственной безопасности, пока еще недостаточно доступных исследователям. В любом случае, данные негативные явления нельзя считать определяющими тенденциями для рассматриваемой проблемы.

Таким образом, взаимодействие Красной армии и населения в условиях освобождения Нижнего Дона и Донбасса в 1943 г. происходило в различных формах. Идейной основой для их реализации выступали патриотические чувства большинства жителей, переживших нацистскую оккупацию и встречавших советские войска как своих освободителей и защитников. Немаловажную роль играли и мобилизационные механизмы, использовавшиеся государственными органами, партийными, комсомольскими организациями и другими структурами, определявшими и регламентировавшими формы содействия Красной армии. Однако в процессе взаимодействия вырабатывались и его неформальные практики, носившие как позитивный, так и негативный характер.

Источники и литература

1. Анкудинов Евгений Петрович. Хроники // ArtOfWar. URL: https://artofwar.ru/a/ankudinow_e_p/xroniki.shtml (дата обращения: 26.12.2024).
2. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2016. 456 с.
3. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.
4. *Воронин К.В.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по расследованию нацистских преступлений и установлению материального ущерба, нанесенного захватчиками в период оккупации Ростовской области (1941–1943 гг.): дис. ... канд. ист. наук / К.В. Воронин. Ростов-на-Дону, 2024. 235 с.
5. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-4451. Оп. 1. Д. 6.
6. *Довженко О.П.* Дневниковые записи: 1939–1956 / О.П. Довженко. Харьков: Фолио, 2013. 879 с.
7. Донбасс. Год 1943: Воспоминания участников Донбасской наступательной операции в годы Великой Отечественной войны. Донецк: Донбасс, 1980. 191 с.
8. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов и материалов. Донецк: Донбасс, 1982. 310 с.
9. И помнит мир спасенный...: сборник документов архивов Ростовской области. Ростов-на-Дону; Белгород: КОНСТАНТА, 2020. 648 с.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

10. Костюков Алексей Тихонович // Бессмертный полк Азова и Азовского района. URL: <https://azovlib.ru/2016-12-13-08-28-07/2-uncategorised/2783-2019-07-04-07-29-38?ysclid=m6dqu67vz5334286531> (дата обращения: 29.12.2024).

11. *Кринко Е.Ф.* Красная армия и население в боевых операциях начального периода Великой Отечественной войны в Донбассе и на Нижнем Дону: основные формы и практики взаимодействия / Е.Ф. Кринко // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 3. С. 572–588. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.303>

12. Луганщина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сборник материалов и документов. Донецк: Донбасс, 1969. 380 с.

13. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Респондент: Малхасян Андрей Георгиевич, 1921 г.р. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Запись 16 октября 2012 г., г. Ростов-на-Дону.

14. ПМА. Респондент: Черчемболиев Георгий Корнеевич, 1926 г.р. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Запись 30 апреля 2013 г., г. Ростов-на-Дону.

15. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5–2). М.: ТЕРРА, 1996. 624 с.

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Россия, г. Ростов-на-Дону, krinko@ssc-ras.ru

Krinko Evgeny F., Doctor of Sciences (History), Deputy Director for Research, Chief Researcher, Federal Research Centre of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Rostov-on-Don, krinko@ssc-ras.ru

УДК 94(47).084.8

У.Б. Очиров

ФЕНОМЕН ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЯХ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена добровольчества в национальных кавалерийских дивизиях в период Великой Отечественной войны. Во многих случаях военкоматы не учитывали такую категорию как добровольцы, поэтому оценивать феномен добровольчества в национальных кавалерийских дивизиях приходится по косвенным признакам. Сведения о большом количестве добровольцев и повсеместном стремлении бойцов выступить на фронт имеются как в официальной документации, так и в воспоминаниях ветеранов. Высокую степень добровольчества в национальных кавалерийских дивизиях подтверждают такие признаки, как полная укомплектованность (даже с излишком) рядового состава, большое количе-

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

ство партийных и советских чиновников (в том числе высокопоставленных) в рядах этих соединений, низкий процент дезертирства. Национальный состав и корпоративная спайка обусловили высокий боевой дух и стойкость необстрелянных бойцов в первых боях с превосходящими силами противника.

Ключевые слова: Красная армия, Великая Отечественная война, кавалерия, национальные дивизии, добровольчество.

U.B. Ochirov

THE PHENOMENON OF VOLUNTEERISM IN NATIONAL CAVALRY DIVISIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of volunteerism in national cavalry divisions during the Great Patriotic War. In many cases, military enlistment offices did not take into account such a category as volunteers. Therefore, the phenomenon of volunteerism in national cavalry divisions has to be assessed indirectly. Information about the large number of volunteers and the widespread desire of fighters to go to the front is available both in official documentation and in the memoirs of veterans. The high degree of volunteerism in the national cavalry divisions is confirmed by such signs as the full complement (even with an excess) of rank-and-file personnel, a large number of party and soviet officials (including high-ranking ones) in the ranks of these formations, and a low percentage of desertions. The national composition and corporate identity led to the high morale and resilience of the untrained fighters in the first battles with superior enemy forces.

Keywords: Red Army, Great Patriotic War, cavalry, ethnic military unit, volunteerism.

Красная армия изначально задумывалась большевиками как интернациональная, и национальные соединения в ней не предусматривались. Сразу подчеркну, что под национальными воинскими формированиями в данной статье имеются ввиду части и соединения, получившие этот статус по решению командования Красной армии. Однако реальность внесла свои коррективы. С первых дней командованию РККА пришлось задействовать латышские стрелковые полки, сведенные весной 1918 г. в Латышскую дивизию.

Национальные формирования и в советской кавалерии оказались с самого начала, с июня 1918 г., когда руководство РККА осознало необходимость кавалерийских соединений и отдало приказ о формировании первых трех кавдивизий (далее – кд), в том числе «Тургайской» (из добровольцев-казахов), которая по мнению Всероссглавштаба «явится фактически туземною» [27, л. 11]. Сформировать это соединение не удалось, однако командование РККА стало выдвигать новые проекты по созданию национальных кавдивизий. Дело в том, что формирование таких соединений требовало намного больше времени, чем пехотной дивизии, из-за необходимости обучить кавалериста хорошо владеть конем. Для того чтобы сократить этот пе-

риод, была сделана ставка на использование опытных кавалеристов царской армии или жителей степных регионов с развитым коневодством, традиционно хорошо владевших конем. При этом к казакам советская власть относилась с недоверием, хотя попытки создания казачьих соединений имели место, и больше доверяла национальным регионам, получившим автономию благодаря национальной политике большевиков. Были проекты создания Калмыцкой, Башкирской, 1-й и 2-й Кавказских, Немецкой кд, не говоря уже об отдельных кавалерийских бригадах (далее – кбр) и кавалерийских полках (далее – кп). В реальности в бой вступили Башкирские кбр и кп (без учета стрелковых частей), два Калмыцких кп, Немецкая кбр, Киргизский (Казахский) кп и др. [22] В ноябре 1920 г. на Южном фронте была сформирована 2-я Туркестанская кд из Киргизской (Казахской) и Узбекской кбр [10, с. 132].

После Гражданской войны практика формирования национальных частей и подразделений была продолжена, в том числе и в кавалерии. Основной причиной создания национальных формирований являлся языковой барьер между командно-начальствующим составом (как правило, русскоязычным) и рядовым составом, плохо владеющих русским языком. Для преодоления этого барьера было нужно, чтобы командно-начальствующий состав владел языком подчиненных (то есть, как правило, относился к той же национальности). Здесь могли переводить специальную литературу, издавать газеты, создавать национальные школы или курсы подготовки. К середине 1930-х гг. в составе кавалерии Красной армии числились два туркменских, два узбекских, армянский, грузинский, казахский, киргизский, таджикский, хорезмский кавалерийские полки, входившие в состав 17-й Кавказской, 18-й Туркменской, 19-й Узбекской, 20-й и 21-й Туркестанских горно-кавалерийских дивизий, а также Бурят-Монгольская и горских национальностей кбр [12, с. 152]. Свое национальное подразделение было с 1926 г. и у калмыков – эскадрон 30-го Саратовского кп 5-й Ставропольской кд имени М.Ф. Блинова [14, с. 171].

Однако в ходе Большого террора национальные элиты почти всех союзных и автономных республик были разгромлены по обвинению в создании националистических организаций. Значительная часть национальных командных кадров была уничтожена, а к национальным частям и соединениям возникло недоверие. В 1938 г. руководство Красной армии стало направлять призывников из союзных и автономных республик в другие военные округа, и эти формирования утратили свой национальный состав [3, с. 207–209].

К началу войны в составе Красной армии было лишь три национальных соединения – территориальные стрелковые корпуса, реорганизованные из армий стран Прибалтики после их присоединения к СССР. Однако в первые дни войны 29-й литовский корпус оказал слабое сопротивление врагу, большая часть его личного состава просто разбежалась. К советским частям вышло всего 2 тыс. бойцов из этого соединения. В результате немцы уже 23

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

июня вошли в Вильнюс, а 28 июня, обогнув фланг Западного фронта, замкнули первый «котел» фронтового масштаба, окружив три советские армии [13, с. 407–410]. После такого «дебюта» командование вывело латышский и эстонский корпуса в тыл, где они частично использовались в составе рабочих колонн. К представителям прибалтийских национальностей руководство Красной армии относилось с большим недоверием, отказывалось от их призыва. В результате в бой с противником вступили несколько латышских и эстонских рабочих батальонов и полков, большей частью не имевших даже обмундирования и не прошедших обучения и сколачивания (фактически ополченцы). Руководство Латвийской ССР, обиженное такой «латышебоязнью», добилося решения Государственного Комитета Обороны (далее – ГКО) № 383 от 3 августа 1941 г. о создании новой 201-й Латвийской стрелковой дивизии [25, л. 182].

Почти одновременно аналогичную инициативу реализовали и в кавалерии, генерал-инспектором которой в тот период был генерал-полковник Ока Городовиков. Большую роль в этом процессе сыграл земляк Городовикова полковник В.А. Хомутников, о котором расскажем подробнее.

Василий Алексеевич Хомутников (1891–1945) являлся калмыком-казачком Денисовской (Бокшракинской) станицы Войска Донского. В 1912 г. был мобилизован во 2-й Донской казачий полк, окончил учебную команду. За успехи по службе произведен в старшие урядники. Участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом, был серьезно отравлен газом. В 1917 г. был избран командиром сотни, участвовал в штурме Зимнего дворца.

В декабре 1917 г. Хомутникова с группой донских казаков-большевиков послали на Дон для ведения агитации. Выполнял особые задания правительства Донской советской республики, был командиром эскадрона и заместителем командира 1-го Донского казачьего кп. После перехода полка к белым Хомутников с остатками полка был влит в отряд им. С. Разина. В июне 1918 г. он выдвинул перед РВС 10-й армии идею создания калмыцкой национальной части, активно агитировал и призывал земляков на военную службу. Однако в 10-й армии реализовать эту идею не удалось из-за недоверия некоторых руководителей. В мае 1919 г. Хомутников был переведен в 11-ю армию, в формируемую Калмыцкую кд командиром эскадрона. Однако вскоре РВС 11-й армии без разрешения командования приказал расформировать Калмыцкую кд. Остатки соединения были выведены в тыл, где, наконец, удалось наладить работу по формированию этих частей с учетом их национальных особенностей.

Хомутников был назначен командиром 1-го Калмыцкого кп, с которым в сентябре 1919 г. вошел в состав Сводно-конного корпуса Б.М. Думенко. Хомутников многократно отличился, был дважды ранен, его представили к ордену Красного Знамени. Весной 1920 г. 1-й Калмыцкий полк был выделен как отдельный и стал активно использоваться для борьбы с бандитизмом на Кавказе. В начале 1921 г. большая часть командиров 1-го Калмыцкого кп во

главе с Хомутниковым была направлена в Монголию для участия в революции в качестве советников формирующейся Монгольской народно-революционной армии. Хомутников неоднократно выполнял особые задания военной разведки, за выполнение которых в 1925 г. был награжден орденом Красного Знамени. В 1924–1926 гг. он обучался на кавалерийских курсах усовершенствования командного состава (вместе с ним учились 4 будущих «Маршала Победы» – И.Х. Баграмян, А.И. Еременко, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский), по окончании которых был назначен командиром полка. В 1927–1929 гг. Хомутникова вновь направили в спецкомандировку в Монголию, где он был ранен (в 4-й раз) [22, с. 81–100].

В 1930–1933 гг. Хомутников являлся военным комиссаром Калмыцкой автономной области, в 1933–1938 гг. – председателем Калмыцкого облисполкома, Калмыцкого ЦИК, Верховного совета Калмыцкой АССР¹. На этих постах он неоднократно выступал с инициативой создания национального Калмыцкого кп, но успеха не имел [29, с. 49]. Очевидно, что Хомутников считал важным наличие национальной воинской части для калмыцкого народа. Следует учесть, что калмыков после войны начали призывать на военную службу только в 1927 г. после неоднократных ходатайств КалмЦИК, усмотревшего в этом ущемление национальных прав [2, с. 73]. В 1938 г., в ходе Большого террора Хомутникова сняли с должности, исключили из партии, многих приближенных к нему людей арестовали. Заместитель наркома НКВД М.П. Фриновский обратился к И.В. Сталину с санкцией на арест бывшего лидера Калмыкии. Вождь разрешил арест Хомутникова, однако в случае его выдвижения в Верховный Совет СССР приказал повременить с арестом: «с ним можно расправиться после выборов, назначив новые выборы» [9, с. 23]. Однако на деле «расправились» с Фриновским, а Хомутников сумел ускользнуть от чекистов и выехать в Москву, где при помощи М.И. Калинина и других товарищей добился восстановления в партии в сентябре 1939 г. [9, с. 18]. В Калмыкию, впрочем, он не вернулся, а остался жить в Москве.

В начале войны несколько молодых калмыков – ученых и аспирантов, – находившиеся тогда в Москве, движимых патриотическими чувствами, пришли к Хомутникову с просьбой, чтобы он помог им поскорее записаться в армию и уйти на фронт. Однако Хомутников стал уговаривать их не спешить, так как он планировал обратиться к Городовикову с инициативой создания Калмыцкой воинской части, и калмыки с высшим образованием, окончившие аспирантуру, являлись готовыми офицерами и политработниками для нее [23, с. 220–221].

Инициатива Хомутникова была поддержана генерал-инспектором кавалерии. 16 августа 1941 г. вышла директива заместителя наркома Е.А. Ща-

¹ В 1935 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в автономную республику, а после принятия новой конституции в 1936 г. ЦИК по всей стране были заменены на Верховные советы.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

денко № Орг/4/539151 о создании Особого Калмыцкого кп, вскоре получившего № 189. Полк комплектовался призывниками 1-й категории из Калмыкии, уже имевшими опыт службы в РККА, что позволило им быстро завершить формирование и сколачивание. Инспекция кавалерии назначила командиром 189-го кп полковника В.А. Хомутникова [5, с. 142–143]. Однако в сентябре 189-й кавполк передали в состав 70-й Ставропольской кавдивизии [14, с. 117], а Хомутников получил новое назначение и убыл в Новосибирск, где стал командиром 230-го кп 75-й кд [21, с. 104].

В ноябре 1941 г. 70-я кд убыла на фронт и сразу приняла участие в боях за Ростов-на-Дону. Командование высоко оценило действия кавалеристов в этом сражении. Затем были бои на Миус-фронте, рейд в Барвенково-Лозовской операции и «котел» под Харьковом, в котором 70-я кд погибла. Из окружения смогли выйти лишь небольшие группы и «одиночки».

Генерал-инспектор кавалерии решил повторить этот эксперимент в более широком масштабе. В ряде национальных районов СССР оказались значительные контингенты людей, по разным причинам не учтенных военкоматами, но стремящихся добровольно вступить в ряды Красной армии. 13 ноября 1941 г. ГКО принял постановление № 894сс о формировании национальных соединений (20 кавдивизий и 15 стрелковых бригад) в ряде союзных и автономных республик Средней Азии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Приуралья. В постановление вкралась ошибка: сумма кавдивизий, распределенных по регионам, оказалась равна 19 [26, л. 85]. Поэтому сначала формировались 19 кавдивизий: 97-я, 98-я Туркменские, 99-я, 100-я, 101-я, 102-я, 103-я Узбекские, 104-я Таджикская, 105-я, 106-я Казахские, 107-я, 108-я, 109-я Киргизские, 110-я, 111-я Калмыцкие, 112-я, 113-я Башкирские, 114-я Чечено-Ингушская, 115-я Кабардино-Балкарская кд. Лишь в январе 1942 г. пришел приказ о формировании двадцатой кавдивизии – 96-й Казахской [11, с. 23].

Как видно, призыв осуществлялся среди таджиков, тюрко-монгольских и кавказских народов, у которых издревле имелись навыки владения конем. При этом мобилизация проводилась не во всех регионах, относящихся к таким этносам. В документе отсутствовали закавказские республики, Северная Осетия, Дагестан, Татарстан, Бурятия и др. На мой взгляд, это было вызвано тем, что в указанных регионах в 1920-е – 1930-е гг. имелись территориальные воинские соединения, активно привлекавшие на службу местное население и обеспечивающие тем самым высокую степень охвата их мобилизационного учета.

Командование понимало основную проблему национальных соединений – языковой барьер, поэтому уже во втором пункте постановления № 894сс был указан путь ее решения: «Начальствующим составом обеспечить по возможности также из местных национальностей, недостающих пополнить русскими» [26, л. 85]. К формированию этих соединений предъявлялись достаточно жесткие требования: партийно-комсомольская прослойка должна была достигать 25 %, возраст бойцов – не более 40 лет, а в строевых

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

частях – не более 35 лет. Предписывалось «отбор личного состава произвести особо тщательно, дивизии комплектовать исключительно проверенными стойкими и преданными Советской власти гражданами» [16, л. 21].

Особое отличие этих соединений состояло в том, что, хотя набор в них осуществлялся через военкоматы, а формирование, вооружение и обучение шло по штатам и уставам Красной армии, эти дивизии и бригады до их принятия Наркоматом обороны содержались за счет бюджетов республик, получали «обмундирование, людское и конское снаряжение, седла, продфуражное и прочее довольствие, конский состав, холодное и частично огнестрельное оружие за счет ресурсов союзных и автономных республик» [26, л. 85–85об.].

Стремление руководства страны таким образом сэкономить средства на формировании таких соединений кажется понятным, но в реальности эта экономия оказалась серьезной ошибкой. Военные округа, которые должны были предоставить командные кадры и вооружение, такие соединения оснащали по остаточному принципу. В результате национальные соединения по несколько месяцев не получали вооружения и не могли завершить процесс обучения. Кроме того, они испытывали значительный дефицит техники, оснащения и снаряжения военного образца. Их пытались частично заменить гражданскими образцами (тачанки, седла и т.д.), но они не были приспособлены к нагрузкам военного времени. Большинство соединений не имели даже военного обмундирования и были вынуждены проходить обучение в той одежде и обуви, в которой пришли в военкоматы. В ряде кавдивизий была нехватка конского состава, так как большую часть лошадей уже мобилизовали в Красную армию.

Серьезные проблемы национальные соединения испытывали с командно-начальствующим составом, особенно с младшим. Хотя эти кавдивизии имели значительный процент офицеров¹-«националов», но полностью покрыть штатную потребность не удалось, так как с 1938 г. национальные соединения в Красной армии отсутствовали, и подготовка национальных военных кадров целенаправленно не велась. Заметный урон командно-начальствующему составу нанесли репрессии. В итоге к началу 1941 г. в Красной армии (во всех родах войск) было, например: калмыков – 100 офицеров, 61 курсант и слушатель; кабардинцев и балкарцев – 130 офицеров, 103 курсанта и слушателя; киргизов – 39 офицеров, 99 курсантов и слушателей; туркменов – 90 офицеров, 74 курсанта и слушателя; узбеков – 307 офицеров, 529 курсантов и слушателей [3, с. 398–399]. Незначительным было количество офицеров-«националов» и в запасе. Например, в Среднеазиатском военном округе на 1 июня 1941 г. насчитывалось командиров запаса: 280 казахов, 248 узбеков, 90 туркмен, 48 таджиков, 27 киргизов [18, с. 130].

¹ Здесь и далее автор допускает модернизацию термина: под «офицерами» подразумеваются все лица старшего и среднего командно-начальствующего состава Красной армии, хотя они стали офицерами только в 1943 г.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Следует учитывать, что штатная численность кавдивизий к концу 1941 г. составляла 3 498 чел. (в том числе 257 – командно-начальствующего состава), а с января 1942 г. она увеличилась до 4 494 чел. (в том числе 402 – командно-начальствующего состава).

Инспекция кавалерии провела большую работу по укомплектованию кавдивизий офицерами-«националами»: собирала их по всем фронтам, создавала специальные курсы в училищах, рекомендовала повышать кадровых старшин и сержантов, имеющих боевой опыт, но этого было недостаточно. Из 33 командиров национальных кавдивизий¹ только три имели отношение к соответствующим республикам: командир 97-й Туркменской кд лезгин генерал-майор Я.К. Кулиев (в детстве переехавший в Среднюю Азию), заместитель командира, с августа 1942 г. – командир 110-й Калмыцкой кд донской калмык-казак полковник В.А. Хомутников, командир 112-й Башкирской кд татарин, родившийся в Башкирии, полковник, затем генерал-майор М.М. Шаймуратов [15, с. 182–184]. Неслучайно именно эти командиры пользовались высочайшим авторитетом у подчиненных, которые даже сочиняли о них песни. Формально к командирам-«националам», понимающим язык подчиненных, можно отнести командира 102-й Узбекской кд армянина Т.П. Гайкозяна и командира 114-й Чечено-Ингушской кд осетина Х.-У.Д. Мамсурова. Однако оба они не имели современного командного опыта: Гайкозян был в запасе 18 лет, а знаменитый диверсант Мамсуров лишь два года командовал эскадронам и дивизионом до 1935 г. Неудивительно, что все кавдивизии пришлось доукомплектовывать комсоставом других национальностей. Так, в 96-й Казахской кд было только 20 командиров-казахов из требуемых 111 [18, с. 130], а в 110-й Калмыцкой кд в июне 1942 г. (пополненной из расформированной 111-й кд) из 424 лиц командно-начальствующего состава было 67 калмыков [20, с. 25].

Еще хуже обстояло дело с сержантским составом – становым хребтом армии. На учете в инспекции кавалерии их не было, специальные школы отсутствовали. Командиры, имеющие опыт военно-педагогической работы, создавали внештатные школы для подготовки младшего начальствующего состава, но они были не везде. Зато рядовым составом почти все кавдивизии были укомплектованы полностью и даже с избытком (см. *таблицу 1*).

Новые штаты (на 4,5 тыс. чел.) до некоторых соединений были доведены с опозданием. Например, в 110-й и 111-й Калмыцких кд об увеличении штата почти на 1 тыс. чел. узнали лишь 23 февраля 1942 г. За две недели вновь образовавшийся дефицит рядового состава был восполнен, даже с избытком.

¹ Здесь не учитываются временные назначения, сделанные ЦК и обкомами, а также не установленные мною первые командиры 115-й кд.

**Раздел 2. Борьба с врагом на фронте
и в тылу**

Таблица 1

**Сведения об укомплектованности личного состава 20 национальных
кавалерийских дивизий по состоянию на 25 февраля 1942 г.***

Номер кавдивизии	Место фор- мирования	Комначсостав		Младший начсостав		Рядовой состав		Партий- но-ком- сомоль- ская про- слойка, в %
		Всего, чел.	В %	Все- го, чел.	В %	Все- го, чел.	В %	
По штату полагалось		411	100	696	100	3 373	100	
96-я Казахская	Усть-Каме- ногорск	341	83	200	29	3 855	114	39
97-я Туркмен- ская	Мары	304	74	710	102	3 764	112	25
98-я Туркмен- ская	Чарджоу	265	64	299	43	3 829	114	27
99-я Узбекская	Ташкент	318	77	374	54	3 771	112	45
100-я Узбекская	Самарканд	341	83	274	39	3 805	113	42
101-я Узбекская	Бухара	300	73	97	14	4 216	125	43
102-я Узбекская	Наманган	309	75	369	53	3 443	102	39
103-я Узбекская	Андижан	300	73	140	20	3 966	118	39
104-я Таджик- ская	Сталинабад	312	76	392	56	3 424	102	39
105-я Казахская	Джамбул	329	80	288	41	3 955	117	48
106-я Казахская	Акмолинск	293	71	252	36	3 917	116	50
107-я Киргиз- ская	Фрунзе	306	74	283	41	3 656	108	20
108-я Киргиз- ская	Токмак	297	72	523	75	3 321	98	38
109-я Киргиз- ская	Ош	294	72	403	58	3 340	99	35
110-я Калмыц- кая	Малые Дербеты	246	60	159	23	2 982	88	20
111-я Калмыц- кая	Башанта	247	60	140	20	3 136	93	18
112-я Башкир- ская	Дема	332	81	461	66	3 695	110	12
113-я Башкир- ская	Благовещен- ский завод	355	86	397	57	2 991	89	12
114-я Чечено- Ингушская	Грозный	255	62	191	27	3 902	116	18
115-я Кабарди- но-Балкарская	Нальчик	287	70	360	52	3 733	111	41

* Составлено по [32, л. 196–218].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Есть немало свидетельств (как официальных документов, так и воспоминаний очевидцев) о том, что в национальные кавдивизии шел широкий приток добровольцев. На мой взгляд, избыток рядового состава и высокая доля партийно-комсомольской прослойки в этих соединениях как раз это подтверждают. Однако в документах военкоматов категория «добровольцы» отсутствовала, так как это был фактически реликт периода Гражданской войны, неактуальный для 1940-х гг. Все призванные могли разделяться по степени годности к военной службе, по военно-учетной специальности и т.д., но не по принципу добровольности. Поэтому одни военкоматы учитывали всех добровольцев, другие – учитывали только тех добровольцев, которые не относились к призываемым категориям, третьи – не учитывали вовсе.

Население указанных регионов в большинстве своем с энтузиазмом откликнулось к идее формирования национальных соединений. Многие «националы» хотели служить именно там, особенно в кавалерийских дивизиях, так как для кочевников и горцев служба в коннице была более почетной. Колхозы и совхозы, районные и региональные власти оказывали таким частям особую поддержку, отдавая для них все самое лучшее. Например, в Калмыкии на собрании в совхозе № 107 «Тангчин зянг» Приютненского улуса А. Бембинов заявил: «Я, как член Ленинского комсомола, добровольно вступаю в Калмыцкую кавалерийскую часть и призываю всех комсомольцев Калмыкии и членов профсоюза последовать моему примеру». К нему присоединились комсомолец Г. Шуваров, коммунист Д. Кентулов и др. Коллектив совхоза решил подготовить для калмыцких частей лучших лошадей, упряжь и седла [7, с. 31]. Среди добровольцев оказались даже ветераны Гражданской войны из национальных 1-го и 2-го Калмыцких полков М.И. Брыков, Ц.-М. Очиров, Б. Маштыков и др., хотя они не подлежали призыву по возрасту [7, с. 32].

При расформировании 111-й Калмыцкой кд ее командование дало такую характеристику призываемому контингенту: «в период формирования партийные и советские организации Калм[ыцкой] АССР провели большую работу по мобилизации сил и средств для формирования частей. Было действительно создано любовное отношение, чувствовалась гордость и честь принадлежности к части, с одной стороны, и патриотические чувства к созданию этой части на территории Калмыцкой АССР, с другой стороны...

Этим лишь можно объяснить высокое политико-моральное состояние соединения, его изо дня в день растущую боевую выучку при наличии целого ряда недостатков арт[иллерии], прод[овольствия], фуража и обозно-вещевого снабжения, так как все эти отрасли находились в стадии разрешения.

Но личный состав уяснил и правильно оценил сложившуюся обстановку, грязь по колено, он в валенках, но он не ропщет, а отдается всей единой цели как бы скорей овладеть боевой подготовкой, таких примеров тысячи.

Все это цементировало, организовывало, сливало в единую крепкую семью – это были замечательные люди.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Население, в подавляющем большинстве, ценило, лелеяло каждого бойца и командира. Это видно из расквартирования Начсостава и тысячи подарков, преподнесенных бойцам, начиная от теплых вещей и кончая продуктами питания и т.п. ...

О политико-моральном состоянии людей можно судить по тем фактам, что в период расформирования люди отправлялись пешим порядком по бездорожью в валенках, а подчас в поршнях и т.п. Прибыли без единого отстающего и в пути следования фактов морального явления с их стороны зарегистрировано не было» [17, л. 8–9].

А вот строки из рапорта командования 114-й Чечено-Ингушской кд после ее расформирования: «Политико-моральное состояние красноармейского и начальствующего состава дивизии в основном было здоровое. ... рядовой и младший начсостав полностью прошел программу политических занятий, утвержденную ГлавПУРККА для бойцов и младших командиров КА – в среднем на посредственно.

Подавляющее большинство рядового состава дивизии пришло в Красную армию добровольно с непоколебимым желанием до конца биться на поле сражения с немецкими захватчиками. В подтверждение этого можно привести большее количество заявлений красноармейцев с просьбой о направлении на фронт после того, как им стало известно о расформировании дивизии.

Многие из оставшихся после формирования отдельного кавполка и кавдивизиона бойцы, не желая оставаться в тылу, приходили к командованию и требовали включения их в список бойцов перечисленных выше национальных частей, что говорит о желании чеченцев и ингушей "за исключением некоторой несознательной части", участвовать в отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков» [34, л. 247].

Аналогичные свидетельства можно увидеть в очерке о 115-й кд, написанном очевидцем еще в годы войны: «Все советские, партийные и общественные организации Кабардино-Балкарии приняли самое горячее участие в создании своей национальной дивизии. Каждый район, колхоз (аул) послали в эту дивизию лучших своих людей и снабдив их хорошим конским составом. Каждый район буквально состязался в подборе конского состава...

День 12 апреля 1942 г.¹ ... был днем большого национального праздника... трудящиеся Кабардино-Балкарии целыми колхозами, группами и одиночками съезжались, чтобы посмотреть на своих сыновей, мужей и братьев – одетых в национальные воинские костюмы, вооруженных, гордо стоявших в рядах взводов, эскадронов и полках... колхозники в это время длинной лентой в несколько рядов под наблюдением почетных и убеленных сединами стариков-джигитов устанавливали столы, заставляли эти столы самими разнообразными яствами, открывали бочки с разными винами, готовили

¹ В этот день вручались шефские боевые знамена от республики дивизии, полкам и дивизиону.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

общие круговые чаши. Каждый колхоз, один перед другим старались показать и выложить на столы самое лучшие, что они привезли для угощения молодых бойцов-джигитов...

Старики-джигиты группами обсуждали тот или иной вид посадки бойцов, состояние коней, горделиво посматривая на военный вид своих сынов, матери теплыми глазами смотрели на своих сыновей, жены и девушки весело переговаривались между собой, искали глазами своих любимых» [8, с. 399–400].

Во многих соединениях бойцы стремились скорее выступить на фронт. Например, в акте принятия 105-й Казахской кд от 26 июня 1942 г. указывалось: «Политико-моральное состояние дивизии в основном здоровое. Бойцы, командиры и политработники горят желанием скорее попасть на фронт» [31, л. 207]. А вот что писал об аналогичной ситуации начальник политотдела 97-й Туркменской кд майор Попов: «Приказ о выезде дивизии на фронт личный состав 97 кавдивизии воспринял с большим удовлетворением и радостью...

Горя желанием как можно скорее попасть на фронт, бойцы и командно-начальствующий состав дивизии в пути следования выражали глубокое сожаление по поводу крайне медленного продвижения эшелонов. Бойцы при всяком случае задавали вопрос: «Когда же повезут нас побыстрее?»

Восхищаясь успехами частей Красной Армии на фронтах Отечественной войны, бойцы и командиры заявляли: «Для еще более быстрых наступательных действий фронту нужны резервы. А нас везут очень медленно. Этак мы и до лета не догоним сравнительно быстро удаляющийся фронт. Надо убыстрить темпы нашего передвижения».

Подобных высказываний по дивизии много. Успехи Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими разбойниками поднимают моральный дух личного состава и умножают подобного рода высказывания.

В общем политико-моральное состояние личного состава дивизии в основном вполне здоровое и устойчивое» [8, с. 456].

Еще одним признаком высокой степени добровольчества является тот факт, что ряд крупных партийных и советских чиновников, в том числе секретари обкомов, наркомы и руководители крупных ведомств, сняли с себя «бронь», чтобы поступить на службу в национальные кавалерийские дивизии.

Так, в числе военнослужащих 110-й Калмыцкой кд оказались заместитель председателя Верховного Совета Калмыцкой АССР и нарком торговли Павел Кубенков, управляющий конторой Сельхозбанка Михаил Онгульдусhev, управляющий конторой Госстраха Эренцен Моголцыков, лектор Калмыцкого обкома ВКП(б) Борис Китаев, инструкторы того же обкома Манджи Андраев и Александр Жемчуев, секретарь райкома ВЛКСМ Василий Лиджиев, заведующие отделами райкомов ВКП(б) Басанг Дорджинов и Петр Кушнарeв, инструктор райкома Иван Пашенко, председатель Бюдермис-Кебютковского сельсовета Петр Катушев, замполит МТС Баку Шурганов, заместитель директора МТС Эрдни Мулаев и др. [19, с. 202–245]. Даже

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

военком Приютненского районного военкомата капитан А.К. Темиров добился своего перевода в 111-ю кд.

Партийные и советские чиновники Башкирии почти полностью укомплектовали партийно-политический аппарат 112-й и 113-й Башкирских кд. Например, военкомом 112-й кд стал 1-й секретарь Баймакского райкома ВКП(б) Мубаряк Назыров, военкомом 113-й кд – 3-й секретарь Башкирского обкома ВКП(б) Галиян Галиев, начальником политотдела 112-й кд – начальник Управления трудовых резервов Башкирской АССР (до этого занимал пост 1-го секретаря Башкирского обкома ВЛКСМ) Ахмет Абдуллин, начальником политотдела 113-й кд – нарком просвещения Башкирской АССР Магариф Хасанов, военкомом штаба 112-й кд – председатель комитета Осоавиахим Башкирской АССР Давлет Ариткулов, военкомом 275-го кп – начальник Управления кинофикации при Совнаркоме Башкирской АССР Сагит Алибаев (в 1937–1938 гг. был наркомом просвещения), военкомом 294-го кп – 1-й секретарь Макаровского райкома ВКП(б) Хайрулла Ахметов, военкомом 313-го кп – заведующий отделом Башкирского обкома ВКП(б) Байгужа Саитгалеев и т.д. [1; 6].

Среди чиновников, снявших себя с себя «бронь» и вступивших в национальные кавдивизии, можно выделить следующих высокопоставленных партийных и советских работников:

заведующий отделом ЦК КП(б) Таджикистана (в 1937–1938 гг. – 3-й секретарь ЦК), политрук Раджаб-Али Джалилов – военком 104-й Таджикской кд;

1-й секретарь Тянь-Шаньского обкома КП(б) Киргизии Мусабек Бошкоев – военком 108-й Киргизской кд;

1-й секретарь Актюбинского обкома КП(б) Казахстана, старший политрук Ибрагим Хасанов – военком 269-го кп 106-й Казахской кд;

2-й секретарь Акмолинского обкома КП(б) Казахстана, старший политрук Сагадат Кулмагамбетов – начальник политотдела 106-й Казахской кд;

3-й секретарь Башкирского обкома ВКП(б), батальонный комиссар Галиян Галиев – военком 113-й Башкирской кд;

секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) до направления на курсы при Военно-политической академии был батальонный комиссар Махти Селяев – начальник политотдела 115-й кд;

2-м секретарем Ошского окружкома КП(б) Киргизии до направления на курсы при Военно-политической академии был Юлдаш Амраев – военком конно-артиллерийского дивизиона 109-й Киргизской кд;

заместитель председателя Совнаркома Чечено-Ингушской АССР, политрук Муслим Гайрбеков – военком 114-й Чечено-Ингушской кд;

нарком пищевой промышленности Туркменской ССР, батальонный комиссар Кулам Кулиев (брат Якуба Кулиева) – военком 97-й Туркменской кд;

нарком коммунального хозяйства Узбекской ССР, старший политрук Имамкул Искандаров – начальник политотдела 100-й Узбекской кд;

нарком легкой промышленности Казахской ССР, старший политрук Нуркан Сеитов – военком 106-й Казахской кд;

нарком просвещения Башкирской АССР, старший политрук Магариф Хасанов – начальник политотдела 113-й Башкирской кд [6, 24, 28].

Одно время в 114-й кд служил председатель Совнаркома Чечено-Ингушской АССР батальонный комиссар Супьян Моллаев [24, с. 159].

Конечно, были в соединениях и профессиональные политработники, в том числе нетитульной национальности, никак не связанные с республиками, однако видно, что бывшие чиновники составляли значительную часть партийно-политического аппарата.

Наконец, о высоком боевом духе национальных кавдивизий говорят низкие показатели дезертирства. Например, из 97-й Туркменской кд, выступившей на фронт, на пути движения от Сталинабада до Капустина Яра дезертировало всего 33 чел. (1 из них убит), а еще 14 чел. отстали [8, с. 457]. В 110-й Калмыцкой кд за более чем полгода формирования оказалось 11 дезертиров, причем в некоторых случаях дезертирством классифицировали очевидные «самоволки». Например, в мае 1942 г. во время марша на фронт двое военнослужащих 273-го кп (один из них был коноводом начальника Особого отдела 110-й кд) сбежали в «самоволку» в родной хутор, мимо которого они проходили. После возвращения «самовольщиков» отдали под трибунал, который приговорил их к отправке на фронт. Поскольку 110-я кд и так шла на фронт, то обоих бойцов вернули в полк, но поставили под надзор [19, с. 262].

Больше всего дезертирство было распространено в 114-й Чечено-Ингушской кд, но следует учесть, что большая часть побегов началась не до, а после расформирования соединения, когда командование демобилизовало последние наборы, что вызвало вполне понятное возмущение у добровольцев и призывников первых наборов. В декабре 1941 г. из 114-й кд дезертировали 26 чел., в январе – 247, в феврале – 201, всего 454 чел., из которых 101 добровольно вернулся в часть, 61 – задержан [4, с. 31]. Очевидно, что значительная часть «дезертиров» на самом деле сбежали в «самоволку», после которой возвращались. Бойцы сбежали к родственникам из-за нехватки еды, одежды, плохого санитарного обслуживания и т.п.

Таким образом, национальные кавдивизии имели значительный процент добровольцев и партийно-комсомольской прослойки, что обусловило мотивированность личного состава. Если учесть, что они были к тому же «земляческими» и мононациональными как минимум на две трети, то можно не сомневаться в том, что в соединениях была сильная корпоративная спайка и, следовательно, высокий боевой дух.

К сожалению, руководство страны не оценило потенциал этих соединений и огромные усилия, затраченные регионами на их формирование. В марте 1942 г. Ставка ВГК двумя директивами расформировала 36 кавдивизий, в том числе 12 национальных [33, л. 48–49, 65–67]. В июле 1942 г. Сталин расформировал еще 22 кавдивизии, в том числе 5 национальных [30, л. 48–49], уком-

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

плектованных отборным личным составом, рвущимся на фронт, но так и не получившим до конца вооружение. При этом обученных кавалеристов направляли не только на доукомплектование кавалерийских частей, но и в пехоту, артиллерию, воздушно-десантные войска без учета их национальности, поэтому перед ними вновь вставала проблема языкового барьера.

Только три национальные кавдивизии выступили на фронт: 110-я Калмыцкая, 112-я Башкирская, 115-я Кабардино-Балкарская, а также 255-й Чечено-Ингушский кавполк. Национальный состав и корпоративная спайка обусловили высокий боевой дух и стойкость необстрелянных бойцов в первых боях с превосходящими силами противника. Воины национальных соединений массово проявили стойкость и мужество, поскольку понимали: здесь они сражаются не только за себя и товарищей, но и за свой народ и свою республику, что заметно усилило их мотивацию в борьбе с врагом.

Источники и литература

1. *Ахмадиев Т.Х.* Башкирская гвардейская кавалерийская: боевой путь Башкирской 112-й – 16-й гвардейской кавдивизии. 1941–1945 гг. / Т.Х. Ахмадиев. Уфа: Китап, 1999. 368 с.
2. *Безугольный А.Ю.* «Источник дополнительной мощи Красной армии...» Национальный вопрос в военном строительстве в СССР. 1922–1945 / А.Ю. Безугольный. М: РОССПЭН, 2016. 271 с.
3. *Безугольный А.Ю.* Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование / А.Ю. Безугольный. М.: Центрполиграф, 2021. 511 с.
4. *Безугольный А.Ю.* Опыт формирования и боевого применения горских кавалерийских частей в годы Великой Отечественной войны / А.Ю. Безугольный // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. С. 29–32.
5. *Бембеев В.Ш.* Человек из легенды / В.Ш. Бембеев. М.-Элиста: Контекст, 1991. 187 с.
6. *Бикмеев М.А.* Легендарная 16-я (112-я) гвардейская Башкирская кавалерийская дивизия / М.А. Бикмеев. Уфа: БИРО, 2005. 192 с.
7. В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 239 с.
8. Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. М.: Издательский центр «ВОЕВОДА», 2015. 544 с.
9. Выдающийся сын калмыцкого народа. Элиста: Герел, 2012. 24 с.
10. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. 703 с.
11. *Джунисбаев А.* Кавалерийские соединения Казахстана в годы войны (1941–45): по материалам 81-й, 96-й и 105-й кавалерийских дивизий / А. Джунисбаев, К. Алдажуманов, С. Шилдебай // Электронный научный журнал «Edu.e-history.kz». 2020. № 4(24). С. 1–32.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

12. *Дриг Е.Ф.* Войска Семена Михайловича. История организационного строительства стратегической конницы РККА / Е.Ф. Дриг. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. 208 с.
13. *Егоров Д.Н.* Июнь 1941. Разгром Западного фронта / Д.Н. Егоров. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 800 с.
14. *Илишкин Н.У.* Родина помнит / Н.У. Илишкин, Ю.О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 220 с.
15. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Кринко. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. 428 с.
16. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018.
17. НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1123.
18. Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти / отв. ред. М.А. Липкин, Б.Г. Аяган. М.: Изд-во «Весь Мир», 2021. 764 с.
19. *Очиров У.Б.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии / У.Б. Очиров, С.А. Заярный. Т. 1. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 520 с.
20. *Очиров У.Б.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии / У.Б. Очиров, С.А. Заярный. Т. 2. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 524 с.
21. *Очиров У.Б.* Солдатский долг / У.Б. Очиров // В.А. Хомутников: Жизнь и деятельность. Элиста: РИА «Калмыкия», 2018. С. 81–126.
22. *Очиров У.Б.* Формирование национальных кавалерийских дивизий РККА: замысел и реализация (1919–1920 годы) / У.Б. Очиров // Новый исторический вестник. 2021. № 4. С. 26–49.
23. *Очиров У.У.* Навечно в памяти народной (к 40-летию Великой Победы) / У.У. Очиров // Один из патриархов калмыковедения: к 100-летию У.У. Очирова / сост. У.Б. Очиров, С.Э. Лиджи-Горяева. Элиста: НПП «Джангар», 2011. С. 220–223.
24. «Пропавшая» дивизия // Архивный вестник Чеченской республики. 2016. Вып. 3. С. 158–166.
25. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 5.
26. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85–85об.
27. Российский государственный военный архив. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 13.
28. *Татаров А.А.* 115-я кавалерийская. Факты, цифры, истории героев / А.А. Татаров. Нальчик: Центр социокультурных проектов «Мирт», 2023. 46 с.
29. *Хомутников В.А.* Военные калмыцкие части в боях за Советы / В.А. Хомутников. Элиста: Калмиздат, 1964. 63 с.
30. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 4. Оп. 11. Д. 68.
31. ЦАМО РФ. Ф. 43. Оп. 11537. Д. 22.
32. ЦАМО РФ. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 30.
33. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126.
34. ЦАМО РФ. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте
и в тылу

Очиров Уташ Борисович, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующий отделом военной истории, Калмыцкий научный центр РАН, Россия, г. Элиста, utash-ochirov@yandex.ru

Ochirov Utash B., Doctor of Sciences (History), Docent, Chief Resercher, Head of the Department of Military History, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Elista, utash-ochirov@yandex.ru

УДК 94(41/99).084.8

Ф.Л. Синицын

**ИНОСТРАННЫЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ,
СОЗДАННЫЕ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, 1941–1945 гг.**

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны в одном строю с частями Красной армии стояли формирования, созданные из числа граждан иностранных государств. Уже в первые дни войны советское правительство выразило принципиальное согласие приступить к формированию на территории СССР «национальных комитетов и национальных частей». В августе 1941 г. началось создание польской армии, однако оно окончилось неудачей. Опыт создания чехословацких формирований, напротив, с самого начала был достаточно успешным. В первый период войны началось создание французских воинских формирований. На втором этапе были созданы польская дивизия имени Тадеуша Костюшко, румынская дивизия «Тудор Владимиреску», югославский пехотный батальон. На заключительном этапе войны развивалось также советско-норвежское и советско-венгерское военное сотрудничество. Несмотря на имевшиеся идеи о создании воинских формирований из военнопленных немцев, итальянцев, французов, испанцев, такие формирования созданы не были.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военное строительство, воинские формирования, Красная армия, СССР.

F.L. Sinitsyn

**FOREIGN MILITARY FORMATIONS CREATED IN THE USSR
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR, 1941–1945**

Abstract. During the Great Patriotic War, formations created from among citizens of foreign countries stood in ranks of the Red Army. Already in the early days of the war, the Soviet government expressed its agreement to begin forming ‘national committees and national units’ on the territory of the USSR. In August 1941, the creation of the Polish army began, but it ended in failure. The experience of creating Czechoslovak formations, on the contrary, was quite successful from the very beginning. Also, in the first period of

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

the war, the creation of French military formations began. At the second stage, the Polish Division named after Tadeusz Kosciuszko, the Romanian Tudor Vladimirescu Division, and the Yugoslav infantry battalion were created. At the final stage of the war, Soviet-Norwegian and Soviet-Hungarian military cooperation developed. Despite the existing ideas about the creation of military formations from among German, Italian, French and Spanish prisoners of war, such units were not created.

Keywords: Great Patriotic War, military construction, military units, Red Army, USSR.

В годы Великой Отечественной войны в одном строю с частями Красной армии стояли формирования, созданные из числа граждан иностранных государств. Впервые история таких формирований была комплексно исследована в 2022–2023 гг. российскими историками в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом. Обобщенные результаты этого исследования, ранее изданного в виде коллективной монографии и других научных публикаций [2; 12; 15; 16; 19], представлены в настоящей статье (с некоторыми дополнительными данными).

Создание иностранных воинских формирований в СССР в годы Великой Отечественной войны, в основном, представляло собой политическую импровизацию советского руководства. Однако этот процесс не был и абсолютно спонтанным – в частности, когда в 1940 г. началось неофициальное восстановление отношений между СССР и Чехословацким правительством в изгнании, было возобновлено и сотрудничество в сфере разведки (разведслужбы в условиях отсутствия дипотношений играли важную политико-дипломатическую роль). В апреле 1941 г. в Москву прибыла чехословацкая военная миссия во главе с полковником Г. Пикой. Хотя она имела неофициальный характер, это был значительный шаг вперед в развитии военного сотрудничества между двумя странами [12, с. 252].

Основными участниками процесса создания иностранных воинских частей в СССР были Генеральный штаб Красной армии, Уполномоченный Ставки Верховного Главнокомандования по иностранным формированиям в СССР, Наркомат обороны, Наркомат иностранных дел, Наркомат внутренних дел СССР, а также другие органы власти союзного, регионального и местного уровня. В этом процессе также играли важную роль Исполком Коминтерна, заграничные бюро компартий соответствующих стран и Всеславянский антифашистский комитет, которые обеспечивали для иностранных войск, созданных в СССР, антинацистскую и патриотическую политико-идеологическую основу.

Первый этап создания иностранных воинских формирований на территории СССР: июнь 1941 г. – март 1943 г.

Уже в первые дни войны, 3 июля 1941 г. советское правительство выразило принципиальное согласие приступить к формированию на территории СССР «национальных комитетов и национальных частей» из представите-

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

лей зарубежных славянских народов, пострадавших от гитлеровской агрессии, — поляков, чехословаков и югославы. Соглашения, обозначившие параметры будущих воинских формирований, были подписаны с представителями польского правительства в эмиграции 14 августа 1941 г., с чехословацкими представителями — 27 сентября 1941 г. Кроме того, в августе 1941 г. прошли переговоры между советским посольством в Лондоне и представителями комитета «Свободная Франция» (во главе с Ш. де Голлем). В сентябре 1941 г. Ш. де Голль выразил готовность «бороться на стороне СССР и его союзников до достижения окончательной победы над общим врагом и оказать СССР в этой борьбе всестороннюю помощь и содействие всеми имеющимися в моем распоряжении средствами» [12, с. 389–390].

В августе 1941 г. началось создание польской армии, на должность командующего которой был назначен генерал В. Андерс. В армию направлялись интернированные в 1939 г. на советской территории польские граждане, а также добровольцы-поляки из числа советских граждан. К 25 ноября 1941 г. в армии числилось 40 961 чел. Однако с осени 1941 г. в отношениях между советским и польским командованием стала нарастать напряженность. Польское командование стало обсуждать возможность отвода польских войск в глубокий тыл в случае стратегического успеха вермахта на Восточном фронте. Тем не менее, советское руководство продолжало рассчитывать на польскую армию [19, с. 60–62].

Ко второй половине февраля 1942 г. численность армии В. Андерса достигла 75 тыс. чел. Весной того же года советская сторона вновь поставила вопрос о выдвижении армии на фронт, однако польское командование затягивало решение о боевом применении армии, выдвигая новые причины ее «неготовности». В итоге, в июне 1942 г. Андерс высказал требование о полной переброске созданной в СССР польской армии в Иран, под контроль Великобритании. Советское руководство было вынуждено согласиться с этим требованием. К началу сентября 1942 г. эвакуация польской армии из СССР была завершена. В дальнейшем эта армия была рассредоточена британским командованием на территории от Ирака до Египта, где выполняла охранные функции [19, с. 62–63].

Опыт создания чехословацких формирований, напротив, с самого начала был достаточно успешным. Согласно подписанному в сентябре 1941 г. соглашению, создаваемые в СССР чехословацкие воинские формирования, как «часть вооруженных сил суверенной Чехословацкой Республики», предназначались «для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии». Командиром создаваемого батальона был назначен подполковник Л. Свобода. Первые военнослужащие начали прибывать в место формирования — г. Бузулук — в феврале 1942 г. К началу 1943 г. личный состав батальона включал 974 чел. Батальон был полностью обеспечен вооружением, имуществом связи, инженерным, химическим имуществом, зимним обмундированием и боеприпасами. 22 января 1943 г. И.В. Сталин приказал отправить чехословацкий батальон в распоряжение

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

командующего войсками Воронежского фронта. 1 марта 1943 г. батальон прибыл в район Харькова [18, с. 94–95].

8 марта 1943 г. чехословацкие воины приняли свой первый бой у с. Соколово с 60 танками противника и автоматчиками. На следующий день батальон совместно с частями 25-й стрелковой дивизии перешел в атаку на Соколово, а затем держал оборону против германских войск. За участие в боях у Соколово надпоручик О. Ярош получил звание Героя Советского Союза (посмертно), Л. Свобода был награжден орденом Ленина (они были первыми иностранцами, удостоенными этих наград). Советские ордена и медали получили еще 85 воинов батальона. Потери за время марша, боев и выхода из боя составили убитыми – 153, ранеными – 92, пропавшими без вести – 122, больными – 33 чел. [9, с. 282]. Вермахт потерял в боях с батальоном около 300 солдат и офицеров, 22 танка и 6 бронетранспортеров [11, с. 45].

В этот же период началось создание французских воинских формирований. 25 ноября 1942 г. было подписано соглашение между представителями командования Красной армии и «Сражающейся Франции» об участии французских военно-воздушных частей в операциях на территории СССР. Советское командование предоставляло французской истребительной эскадрилье материальную часть и, в случае необходимости, дополнительный персонал. Непосредственное командование эскадрилей осуществлял французский командир [12, с. 395–396].

В конце ноября 1942 г. в СССР прибыл личный состав эскадрильи «Нормандия» – 14 летчиков и 58 человек технического состава. В состав эскадрильи были включены также 17 советских авиатехников. Командиром эскадрильи был назначен майор Ж.Л. Тюлян. Формирование и обучение «Нормандии» проходило на аэродроме в Иваново. Боевую подготовку эскадрилья завершила в марте 1943 г. [12, с. 398–399].

25 марта 1943 г. эскадрилья «Нормандия», имея на вооружении 12 самолетов Як-1, убыла на фронт в состав 1-й воздушной армии Западного фронта. Первый вылет эскадрильи состоял в прикрытии бомбардировщиков, «работавших» по железнодорожному мосту на дороге Смоленск – Спас-Деменск. 5 апреля 1943 г. эскадрилья вступила в первый бой. Дебют был удачным – пилоты эскадрильи А. Прециози и А. Дюран открыли счет сбитым самолетам противника [12, с. 399].

Второй этап: апрель 1943 г. – начало 1944 г.

После того, как весной 1943 г. был создан Союз польских патриотов в СССР (далее – СПП), руководство Советского Союза увидело возможность возобновления инициативы по созданию польских воинских формирований. 6 мая 1943 г. Государственный Комитет Обороны удовлетворил ходатайство СПП о создании на территории Советского Союза польской пехотной дивизии. Ее командиром был назначен З. Берлинг. Дивизия получила имя польского народного героя Тадеуша Костюшко [2, с. 1327–1328].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

10 августа 1943 г. 1-я пехотная дивизия была развернута в армейский корпус двухдивизионного состава, усиленный артиллерийской и танковой бригадами, авиационным полком и другими частями. К осени 1943 г. 1-я пехотная дивизия была полностью укомплектована и оснащена значительно лучше советских стрелковых дивизий, имея в своем составе 12 144 человека, части усиления, в том числе штатный танковый полк (32 средних и 7 легких танков). В октябре 1943 г. состоялось «боевое крещение» 1-й польской пехотной дивизии в районе пос. Ленино, Ползухи и Тригубово Могилевской обл. в рамках Оршанской наступательной операции. В конце декабря 1943 г. в СССР приступили к формированию 3-й польской пехотной дивизии [12, с. 161, 164–165].

В апреле 1943 г. ГКО принял решение о формировании на базе чехословацкого батальона 1-й чехословацкой пехотной бригады штатной численностью 2 581 чел. В октябре 1943 г. чехословацкая бригада была отправлена на фронт. Она была включена в состав 51-го корпуса 38-й армии 1-го Украинского фронта и 22 октября заняла позицию в районе Лютежа (примерно в 30 км к северу от Киева). В сражение за Киев бригада вступила 5 ноября 1943 г. Ее задачей было прорвать гитлеровскую оборону и продвигнуться через центр города к его южным пригородам, что и было достигнуто утром следующего дня [12, с. 272, 275–276].

После нескольких недель строительства оборонительных сооружений в суровых зимних условиях у Василькова и Фастова чехословацкая бригада в январе 1944 г. участвовал в боях у Руды и Белой Церкви, затем заняла оборонительные позиции юго-западнее г. Жашков (Черкасская обл.). С 16 по 28 января чехословацкие воины в ходе ожесточенных боев отражали тяжелые атаки вермахта в районе населенного пункта Бузовка. В марте 1944 г. чехословацкие части выдвинулись на освобожденную Волинь [12, с. 276].

В апреле 1943 г. по инициативе Военного совета 1-й воздушной армии было решено перевести эскадрилью «Нормандия» в 303-ю истребительную авиадивизию. Для освоения необходимых навыков ведения воздушного боя и перенятия опыта советских истребителей эскадрилья была подчинена 18-му гвардейскому истребительному авиаполку. В апреле–мае 1943 г. пилоты эскадрильи провели 10 воздушных боев, в которых сбили 8 самолетов противника. В начале июня в эскадрилью прибыло пополнение – 12 летчиков под командованием майора П. Пуйяда [12, с. 400].

19 июля 1943 г. Штаб ВВС Красной армии издал директиву о реорганизации авиаэскадрильи «Нормандия» в истребительный авиационный полк. В его состав вошли три истребительные эскадрильи – «Руан», «Гавр», «Шербур» – и учебно-тренировочная эскадрилья «Канн» [12, с. 400].

В июле 1943 г. полк «Нормандия» принял участие в Курской битве. Только за четыре дня боев французские летчики провели 112 боевых вылетов и сбили 17 самолетов противника. Интенсивная боевая работа привела к росту потерь. В двух эскадрильях, участвовавших в боях, в строю осталось восемь пилотов. Осенью 1943 г. полк «Нормандия» принял участие в боях

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

на центральном участке советско-германского фронта. К ноябрю полк сбил 12 немецких самолетов, однако в строю к этому времени оставалось 9 пилотов [12, с. 400–401].

В феврале 1943 г. среди пленных румынских военнослужащих, находившихся в СССР, возникли идеи о формировании в составе Красной армии добровольческого подразделения. Советское руководство удовлетворило просьбу военнопленных, и 4 октября 1943 г. было принято постановление ГКО о формировании на территории СССР румынской пехотной дивизии. Общая численность дивизии была определена в 9 380 чел. Тем же постановлением командиром дивизии был утвержден подполковник Н. Камбря. В итоге в дивизию, которая получила официальное наименование 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия «Тудор Владимиреску», было зачислено 9 847 чел. Личный состав дивизии был поставлен на все виды довольствия военнослужащих Красной армии [16, с. 238].

Летом 1943 г. несколько сот пленных югославов, ранее воевавших в составе вермахта и армий сателлитов, обратились к Советскому правительству с просьбой направить их в созданную в СССР чехословацкую воинскую часть [25, с. 56] или непосредственно в Красную армию [22, л. 79]. В ответ на такую инициативу постановлением ГКО от 17 ноября 1943 г. было приказано сформировать отдельный югославский пехотный батальон общей численностью 1 200 чел. Формирование 1-го югославского батальона началось 20 ноября 1943 г. в Карасевских лагерях недалеко от Коломны. Командиром батальона был назначен М. Месич [12, с. 323, 330].

Третий этап: начало 1944 г. – май 1945 г.

13 марта 1944 г. на основе 1-го польского армейского корпуса стала формироваться 1-я польская армия (командующий – З. Берлинг) [8, л. 6–7]. Замысел развертывания корпуса в армию принадлежал Берлингу и разрабатывался им совместно с Генеральным штабом Красной армии. 4 апреля того же года З. Берлинг вновь обратился к И.В. Сталину с предложением дальнейшего расширения формирования польских войск как «важнейшей военно-политической задачи». Сталин разрешил формирование 5-й и 6-й польских пехотных дивизий, танкового корпуса, авиационной и зенитно-артиллерийской дивизий, тяжелой гаубичной и истребительно-противотанковой бригад и еще целого ряда отдельных частей и подразделений разных родов войск [12, с. 168–169].

К моменту окончания формирования и передачи 1-й польской армии в оперативное подчинение 1-му Белорусскому фронту в ее составе числились около 52 тыс. чел. К 1 июня 1944 г. численность польской армии удвоилась, достигнув 113 тыс. чел. Армия была хорошо оснащена военной техникой, вооружением и транспортом [12, с. 170–171].

К декабрю 1944 г. созданные в СССР польские части насчитывали уже 10 пехотных дивизий, 5 танковых бригад, 1 авиадивизию и 3 авиабригады, 1 артиллерийскую дивизию и 12 артиллерийских, зенитных и минометных

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

бригад, много других частей и соединений. 20 февраля 1945 г. в состав 1-го Белорусского фронта вошла 2-я польская армия в составе пяти пехотных дивизий и частей усиления. К концу войны штатная численность польских частей достигла огромных величин – 446,2 тыс. чел., а списочная – 304 тыс. чел. [12, с. 175].

3 апреля 1944 г. был существенно повышен ранг чехословацких формирований – был издан приказ И.В. Сталина о создании 1-го чехословацкого армейского корпуса (далее – ЧАК). К 1 июня 1944 г. в составе корпуса находились 12 771 чел. [8, л. 26], к сентябрю 1944 г. – 16 678 чел. (вместе со слушателями офицерских курсов) [32, с. 85].

Красная армия вышла к границам Чехословакии 11 апреля 1944 г., после чего участие чехословацких частей в освобождении страны как главная цель их создания приблизилось к своему воплощению в жизнь. К августу 1944 г. планы освобождения страны обрели конкретику – в Словакии силами местных антифашистов и советских партизан было решено поднять восстание. Главной формой советской помощи восстанию стала Восточно-Карпатская (Карпато-Дуклинская) военная операция, которую СССР срочно решил провести по просьбе чехословацкой стороны [21, л. 47]. Однако с самого начала боевые действия разворачивались неудачно. 20 сентября 1944 г. первые части советских войск и ЧАК вступили на чехословацкую землю [26, с. 226]. 6 октября 1944 г. наступавшие советские и чехословацкие войска, наконец, овладели Дуклинским перевалом. Карпато-Дуклинская операция Красной армии продолжалась до 28 октября 1944 г., то есть до времени военного поражения Словацкого национального восстания [17, с. 85, 88].

С началом освобождения Чехословакии появилась возможность мобилизовать на ее территории большой контингент военнослужащих. Командование ЧАК с согласия руководства 4-го Украинского фронта начало частичную мобилизацию на освобожденной территории Словакии. К началу апреля 1945 г. было призвано 500 офицеров и около 10 тыс. солдат. В последние месяцы войны закономерным образом росла численность личного состава Чехословацкого корпуса – на 1 января 1945 г. в нем состояло 18 785 чел., в начале апреля – 31 725 чел. (из них на фронте – 18 097 чел.), к 1 мая 1945 г. – 47 570 чел. [8, л. 28, 35; 30, с. 339–340].

5 апреля 1945 г. новое правительство Чехословакии в Кошице приняло программу, закрепившую создание новой армии Чехословакии [14, с. 76] на основе 1-го чехословацкого армейского корпуса [20, л. 3]. 15 мая 1945 г. 1-й чехословацкий армейский корпус был преобразован в 1-ю чехословацкую армию [25, с. 63].

В ноябре 1943 г. было принято решение о выводе французского авиаполка «Нормандия» с фронта и сосредоточении его на аэродроме Клоково (в районе Тулы). Здесь «Нормандия» находилась более шести месяцев, с 6 ноября 1943 г. по 25 мая 1944 г. За это время в полк прибыло новое пополнение. В благоприятных условиях летчики полка занимались боевой подготовкой и осваивали новую технику [12, с. 401–402].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

К боевой работе полк приступил 23 июня 1944 г., когда началась операция «Багратион». До конца июля 1944 г. полк произвел 600 боевых вылетов, провел 6 воздушных боев, в которых было сбито 9 самолетов противника – 8 истребителей и транспортный самолет Ju-52. За этот же период полк потерял одного пилота и три самолета. В августе 1944 г. полк совершил 486 самолетовылетов и провел 4 воздушных боя, в которых было сбито 2 истребителя Fw-190 и подбит бомбардировщик Ju-87. Собственные потери полка составили 3 пилота и 4 самолета. В сентябре 1944 г. полк совершил 1 060 самолетовылетов и провел 59 воздушных боев, в которых было сбито 110 и повреждено 8 самолетов противника. При этом потери полка составили всего один самолет поврежденным. К началу ноября 1944 г. наступление войск 3-го Белорусского фронта было завершено, а вместе с ним снизилась и интенсивность боевой работы «Нормандии». Заслуги полка были по достоинству оценены советским командованием. Приказом Верховного Главнокомандующего от 28 ноября 1944 г. за боевые заслуги при освобождении Литвы и форсировании реки Неман полку было присвоено почётное наименование «Неманский». Два летчика полка – лейтенант М. Альбер и лейтенант Р. де ля Пуап – были удостоены высокого звания Героя Советского Союза [12, с. 407–408].

К 1 января 1944 г. личный состав Югославского батальона насчитывал 782 чел. [3, с. 54], к концу февраля – 1 248 чел. [5, с. 268]. 19 мая 1944 г. И.В. Сталин дал указание: «Удовлетворить ходатайство югославского командования о выводе на фронт части подполковника Месич». Одновременно было дано распоряжение «развернуть эту часть в бригаду». Штат бригады был установлен в 1 887 чел. [28, л. 35, 52]. Боевой подготовке бригады было уделено самое серьезное внимание, и оно продолжалось до самого ее отъезда на фронт.

1 августа 1944 г. Югославская бригада прибыла в распоряжение войск 2-го Украинского фронта и была включена в их состав [29, с. 147]. Во время Ясско-Кишиневской операции (20–29 августа 1944 г.) бригада находилась в резерве командующего фронтом [5, с. 268]. 6 сентября 1944 г. Красная армия вышла на румыно-югославскую границу. 28 сентября советские войска пересекли границу Югославии [6, с. 85, 92]. 6 октября югославская бригада перешла на территорию Югославии и была передана из состава Красной армии в НОАЮ [31, с. 88].

Формирование 1-й югославской бригады происходило попутно с обучением на территории СССР других югославских военнослужащих. К 1 апреля 1945 г. число обучающихся в СССР югославских военных составляло 3 126 чел. [29, с. 155–156]. В апреле 1945 г. в СССР были отправлены 1 122 курсанта, в мае – еще 1 060 чел. [10, с. 42], а всего в 1945–1947 гг. – 3 696 офицеров и 1 439 сержантов [27, с. 78]. Кроме того, 90 югославских мальчиков были приняты в суворовские военные училища [10, с. 43]. Большинство направленных в СССР югославских военнослужащих успешно завершили обучение.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

В марте 1944 г. министром иностранных дел Норвежского правительства в изгнании Т. Ли на встрече с послом СССР при союзных правительствах В.З. Лебедевым был поднят вопрос о сотрудничестве норвежских войск и Красной армии на поле боя. В ноябре 1944 г. из Великобритании в Мурманск прибыли норвежский отряд и норвежская военная миссия (всего – 282 чел.). 8 ноября 1944 г. отряд норвежских военнослужащих под командованием полковника А. Даля был передан в оперативное подчинение 14-й армии Карельского фронта. Морем он был переброшен в Петсамо, где был преобразован в роту и использовался для организации войсковой разведки советской 114-й стрелковой дивизии на территории Норвегии [12, с. 416–418].

В начале ноября 1944 г. советское командование по указанию командующего Карельским фронтом К.А. Мерецкова предложило местным властям в освобожденных норвежских городах и поселках приступить к организации двух отрядов по 400 чел., укомплектованных местными жителями. В большинстве населенных пунктов в тылу советских войск гарнизонную службу несли именно такие отряды. К концу декабря 1944 г. были сформированы две роты из мобилизованных и добровольцев. В середине января 1945 г. был сформирован первый норвежский батальон. 13 февраля 1945 г. распоряжением заместителя наркома обороны Н.А. Булганина норвежские отряды численностью до 2 тыс. чел. были приняты на довольствие за счет ресурсов 14-й армии [12, с. 419–421].

Распоряжением Генерального штаба Красной армии от 28 марта 1944 г. 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия «Тудор Владимиреску» была передана в состав 2-го Украинского фронта, войска которого в это время вступили на территорию Румынии. К 7 мая 1944 г. дивизия завершила сосредоточение в районе севернее г. Ямполь (Винницкая обл.). 20 августа 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов перешли в наступление. Стремительное наступление советских армий привело к свержению режима маршала Й. Антонеску 23 августа 1944 г. На следующий день Румыния вышла из войны против СССР, а 25 августа – официально объявила войну Германии [16, с. 239].

На помощь румынской армии были брошены войска 2-го Украинского фронта, в том числе и дивизия «Тудор Владимиреску». 28 августа 1944 г. по приказу генерала армии Р.Я. Малиновского была создана подвижная группа в составе двух стрелковых дивизий 53-й армии – 233-й и 375-й, 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии и 12-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады с задачей преследования разбитых германских войск и занятия Бухареста к исходу 31 августа [16, с. 239].

Затем дивизия «Тудор Владимиреску» принимала участие в боевых действиях на территории Венгрии. С 20 декабря 1944 г. дивизия совместно с советскими войсками участвовала в боевых действиях по разгрому германо-венгерской группировки на севере Венгрии в горах Матра. В 1945 г. советское командование продолжало использовать румынские войска на второстепенных участках советско-германского фронта. Зимой и весной 1945 г.

дивизия «Тудор Владимиреску» участвовала в боях за освобождение Чехословакии [16, с. 240].

27 февраля 1944 г. лидер венгерских коммунистов, находившихся в СССР, М. Ракоши обратился с письмом к В.М. Молотову с предложением о формировании дивизии из военнопленных венгерской армии. Однако решение этого вопроса затянулось. Только в декабре 1944 г., когда уже началось освобождение территории Венгрии, Государственный Комитет Обороны принял постановление о формировании на 2-м Украинском фронте 1-й добровольческой венгерской пехотной дивизии. Дивизия должна была быть сформирована в г. Дебрецене, численностью 14 тыс. чел. [15, с. 666].

В это время в составе войск 2-го Украинского фронта уже действовало первое венгерское воинское формирование – отряд железнодорожных войск численностью 4 388 чел. Кроме того, началось формирование 3-й венгерской железнодорожной бригады. Эти соединения занимались восстановлением железнодорожных путей и коммуникаций в тылу 2-го Украинского фронта и неоднократно отмечались в приказах советского командования. В мае 1945 г. обе железнодорожные бригады были переданы Временному национальному правительству и вошли в состав инженерных войск венгерской армии [12, с. 499–500].

Строительство новой Венгерской армии началось после 20 января 1945 г. Было решено, в первую очередь, сформировать две пехотные дивизии. На формирование дивизий был направлен личный состав 1-й добровольческой венгерской пехотной дивизии, которая комплектовалась бывшими венгерскими военнопленными. В конце апреля 1945 г. 1-я и 6-я пехотные дивизии были направлены на фронт в оперативное подчинение 3-го Украинского фронта, действовавшего в Австрии. Дивизиям не пришлось участвовать в боевых действиях против германских войск. После капитуляции нацистской Германии венгерские соединения были привлечены к ликвидации отдельных немецких и «нилашистских» отрядов, отказавшихся сложить оружие, и во второй половине мая 1945 г. обе дивизии возвратились в Венгрию [15, с. 667–668].

Невоплощенные идеи

С самого начала войны Коминтерн привлек к участию в борьбе с гитлеровской агрессией иностранных коммунистов, находившихся в СССР. Из их числа набирали группы разведчиков и диверсантов, которых затем советские спецслужбы готовили и забрасывали в тыл врага: за годы войны почти во все оккупированные страны Европы было направлено несколько тысяч человек [1, с. 453, 476]. Так, работала спецшкола, в которой для заброски в партизанские отряды обучались 250 испанских республиканцев. 14 мая 1943 г. о результатах борьбы испанцев в составе советских партизанских отрядов и специального батальона, действовавшего в тылу врага, руководству Коминтерна докладывал полковник И.Г. Старинов [13, с. 232].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Кроме того, Коминтерном был предложен план создания «интернациональных бригад» (по примеру формирований, участвовавших в 1936–1938 гг. на стороне республиканцев в гражданской войне в Испании). По некоторым сведениям, в июне 1941 г. Г. Димитров предлагал правительству СССР «сформировать специальную бригаду, включив в нее политэмигрантов – испанцев, французов, англичан, немцев, поляков, итальянцев и других», в том числе «для непосредственного участия в военных операциях на фронте». Бригада сформирована не была [1, с. 453, 476], однако образ интербригад в дальнейшем использовался в советской пропаганде, направленной на мотивацию военнопленных к вступлению в иностранные воинские части, создававшиеся в СССР [25, л. 125–126].

Циркулировали также идеи о создании воинских формирований из военнопленных немцев, итальянцев, французов, испанцев. Так, 800 немцев, взятых Красной армией в плен в районе Курска, Белгорода и Харькова, направили письмо на имя руководства Национального комитета «Свободная Германия», в котором просили «считать их готовыми выступить на борьбу против фашизма за свободную демократическую Германию». Всего от немцев было получено 920 коллективных и индивидуальных заявлений с ходатайством о создании воинской части для вооруженной борьбы против гитлеризма (подписали 3 505 чел.). Кроме того, около 2 тыс. военнопленных французов подали заявления о желании сражаться на стороне Красной армии. Многочисленные заявления о создании воинских частей для вооруженной борьбы против гитлеровцев получены от военнопленных итальянцев (2 657 чел.), венгров (499 чел.), австрийцев (198 чел.), испанцев (34 чел.) [24, л. 76–77, 80–81].

Так, среди итальянцев антигитлеровские настроения усилились после высадки союзников на юге Италии. Как сообщал в ноябре 1943 г. начальник Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных И.А. Петров, «политические настроения абсолютного большинства военнопленных итальянцев характеризуются положительной оценкой происшедших в Италии событий», и эти настроения «направлены против немцев, за участие в борьбе на стороне объединенных наций». 238 военнопленных итальянцев лагеря № 165 в принятой резолюции просили «Правительство Советского Союза разрешить формирование гарибальдийских батальонов из итальянских офицеров и солдат», чтобы «отправить на любой фронт, где ведется борьба за свободу и уничтожение гитлеризма». С просьбой направить на фронт против немцев подали индивидуальные заявления 86 итальянцев в лагере № 137, 25 чел. – в лагере № 64. Была поставлена задача вести «разъяснительную и политико-воспитательную антифашистскую работу» с целью «воспитания из числа военнопленных итальянцев преданных друзей Советского Союза, последовательных до конца антифашистов, готовых вести решительную борьбу всеми средствами против гитлеровской Германии» [25, л. 120–121]. Однако на практике воинские формирования из военнопленных немцев, итальянцев, французов, испанцев созданы не были.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Источники и литературы

1. *Байерляйн Б.* «Предатель – ты, Сталин!»: Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941): утраченная солидарность левых сил / Б. Байерляйн. М.: РОССПЭН, 2011. 678 с.
2. *Безугольный А.Ю.* 1-я польская пехотная дивизия из интернированных и ссыльных поляков: от формирования до «битвы под Ленино» (май–октябрь 1943 г.) / А.Ю. Безугольный // *Historia Provinciae – журнал региональной истории.* 2023. № 4. С. 1320–1359.
3. Боевой и численный состав иностранных военных формирований в Красной армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Институт военной истории МО РФ, 2009. 105 с.
4. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1944. 803 с.
5. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Справочно-статистические материалы). М.: Воениздат, 1963. 624 с.
6. *Гиренко Ю.С.* Советско-югославские отношения: страницы истории / Ю.С. Гиренко. М.: Международные отношения, 1983. 192 с.
7. Документальная коллекция Научно-исследовательского института военной истории Военной академии генерального штаба Вооруженных Сил РФ (далее – Документальная коллекция НИИВИ ВАГШ ВС РФ). Ф. 202. Оп. 244. Д. 5.
8. Документальная коллекция НИИВИ ВАГШ ВС РФ. Ф. 244. Оп. 287. Д. 87.
9. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4, кн. 1. М.: Наука, 1981. 424 с.
10. *Животич А.* Советско-югославские военные противоречия (1947–1957): искушения союзничества / А. Животич. М.: РОССПЭН, 2019. 229 с.
11. Зарождение народных армий стран – участниц Варшавского Договора, 1941–1949 гг. М.: Наука, 1971. 391 с.
12. Иностранные войска, созданные Советским Союзом для борьбы с нацизмом. Политика. Дипломатия. Военное строительство. 1941–1945 / А.Ю. Безугольный, Ф.Л. Сеницын, С.Ю. Кондратенко, М.В. Медведев. М.: Центрполиграф, 2023. 543 с.
13. История Коммунистического интернационала, 1919–1943: документальные очерки. М.: Наука, 2002. 413 с.
14. *Картавый С.Н.* Создание в СССР иностранных военных формирований и подготовка для них офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук / С.Н. Картавый. Ярославль, 2000. 236 с.
15. *Кондратенко С.Ю.* Венгерские добровольческие антифашистские вооруженные формирования в годы Великой Отечественной войны / С.Ю. Кондратенко // *Вестник РУДН. Серия: История России.* 2023. № 4. С. 656–669.
16. *Кондратенко С.Ю.* Румынская добровольческая дивизия «Тудор Владимиреску» в Красной армии: участие в боевых действиях и морально-психологическое состояние / С.Ю. Кондратенко // *Мир оружия: история, герои, коллекции: сб. материалов X научно-практ. конф. Тула: Тульский гос. музей оружия,* 2023. С. 237–241.
17. *Марьина В.В.* В Словакию через Карпаты: к 70-летию Словацкого национального восстания и Карпато-Дуклинской операции Красной армии / В.В. Марьина // *Россия XXI.* 2014. № 3. С. 58–91.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

18. *Марьина В.В.* Чехословацкие воинские части в СССР. 1941–1945 годы / В.В. Марьина // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 83–106.
19. *Медведев М.В.* История польской армии В. Андерса в СССР в 1941–1942 годах: особенности формирования и проблемы сотрудничества / М.В. Медведев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 59–64.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 775.
21. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1357.
22. РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 29.
23. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4п. Оп. 2а. Д. 3.
24. РГВА. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1.
25. *Семиряга М.И.* Формирование иностранных воинских частей на территории СССР в годы Великой Отечественной войны / М.И. Семиряга // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 54–69.
26. *Сиполс В.* Великая Победа и дипломатия. 1941–1945 / В. Сиполс. М.: Новина, 2000. 382 с.
27. *Тимофеев А.Ю.* Война после войны: движение сопротивления на Балканах, 1945–1953 гг. / А.Ю. Тимофеев, О. Драгишич, Д. Тасич. М.: Вече, 2010. 394 с.
28. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 580.
29. *Шинкарев И.И.* Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны / И.И. Шинкарев. М.: Б.и., 1966. 260 с.
30. *Maršalek Z.* “Česká”, nebo “československá” armáda? Národnostní složení československých vojenských jednotek v zahraničí v letech 1939–1945 / Z. Maršalek. Praha: Academia, 2017. 525 s.
31. *Pojić M.* Hrvatska pukovnija 369. na istočnom bojištu 1941–1943: ratni dnevnik / M. Pojić. Zagreb: Hrvatski državni arhiv, 2007. 366 s.
32. *Za svobodu Československa: Kapitoly z dějin Československé vojenské jednotky v SSSR za Druhé světové války. Svazek druhý.* Praha: Naše vojsko, 1961. 623 s.

Синицын Фёдор Леонидович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Россия, г. Москва, permcavt@gmail.com

Sinitsyn Fedor L., Doctor of Sciences (History), Docent, Leading Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, permcavt@gmail.com

УДК [94+355.425.4(091)](=512.145)(476)"1941/44"

А.М. Литвин

**ТАТАРЫ, УРОЖЕНЦЫ И ЖИТЕЛИ ТАТАРСТАНА –
УЧАСТНИКИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ
В ПАРТИЗАНСКОЙ И ПОДПОЛЬНОЙ БОРЬБЕ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ 1941–1944 гг.**

Аннотация. В статье приводятся краткие сведения о татарах, уроженцах и жителях Татарстана, принимавших участие в советско-финляндской войне 1939–1940 гг., партизанах Беларуси. Приведенные примеры свидетельствуют, что сыновья Татарстана были представлены как среди рядового, так и командно-политического состава партизанских формирований (соединений, бригад (полков) и отрядов), действовавших на территории Беларуси в 1941–1944 гг. Называются причины, вследствие которых они оказались на оккупированной территории БССР. Приведены примеры их боевых подвигов, вклада в организацию и руководство борьбой в тылу врага.

Ключевые слова: Советско-финляндская война 1939–1940 гг., партизанские формирования, соединение, бригада (полк), отряд (батальон), Герой Советского Союза, Белорусский штаб партизанского движения, оккупированная территория Беларуси, 1941–1944.

А.М. Litvin

**TATARS, NATIVES AND RESIDENTS OF TATARSTAN –
PARTICIPANTS OF THE SOVIET-FINNISH WAR
IN THE PARTISAN AND UNDERGROUND STRUGGLE
ON THE TERRITORY OF BELARUS 1941–1944**

Abstract. The article contains many short stories of those participants of the Soviet-Finnish war (1939–1940) who had become commanders partisan formations, brigades (regiments) and detachments obeyed to Belarusian headquarters of the partisan movement and acted in the territory of Belarus. Those persons were between the first partisan commanders and organizers of the partisan movement. Some partisan formation were named after perished veterans. The results of this research enreach our understanding of the contribution of participants in the Soviet-Finnish war to the partisan struggle on the territory of Belarus in 1941–1944.

Keywords: Soviet-Finnish war 1939–1940, partisan formations, formation, brigade (regiment), detachment (battalion), Hero of the Soviet Union, Belarusian headquarters of the partisan movement, occupied territory of Belarus, 1941–1944.

Вступление. В нынешнем году прогрессивная общественность бывшего Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции отмечает 80-летние юбилеи победоносного окончания Великой Отечественной и Второй

мировой войны. В ряду юбилейных дат 2025 г. находится и 85-летний юбилей завершившейся 13 марта 1940 г. Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., которая по ряду причин долгое время была одной из наиболее слабо освещенных в отечественной и зарубежной историографии. Одной из причин было то, что последовавшие вскоре события Великой Отечественной войны всецело затмили своими масштабами, трагизмом, мужеством и героизмом ту «зимнюю», по весьма меткому выражению А. Твардовского, «незнаменитую войну». Это обстоятельство определило отношение к ней официальной идеологии в советский период, войну всячески стремились замолчать и поскорее забыть. Поэтому преобладающая часть населения, за исключением непосредственных участников боевых действий, знала об этой войне очень мало. Не было сведений об участии в боевых действиях жителей Беларуси и военнослужащих Белорусского особого военного округа (далее – БОВО), об их послевоенной судьбе. Всего за время войны из БОВО в состав действующей армии на советско-финляндский фронт были направлены управления трех стрелковых (3-й, 10-й, 23-й) и одного кавалерийского (3-го) корпусов. Всего из БОВО было направлено 10 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии, одна авиадесантная (214-я) и одна танковая (29-я) бригады, шесть отдельных артиллерийских полков Резерва Главного Командования (198-й, 116-й, 124-й, 136-й, 375-й, 402-й), 31-й скоростной бомбардировочный полк ВВС БОВО и ряд других воинских частей и подразделений. Вклад воинов БОВО и наших соотечественников в Советско-финляндскую войну был весьма значителен. По нашим подсчетам, в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. приняло участие более 100 тыс. белорусов и уроженцев Беларуси, а также воинов БОВО. Почти 10 тыс. из них погибли, пропали без вести, умерли от ран. Десятки тысяч получили ранения, обморожения разной степени, стали инвалидами и преждевременно ушли из жизни [20, с. 36–38, 91, 92].

Целью данного исследования является выявление сведений о татарах, уроженцах и жителях Татарстана – участниках Советско-финляндской войны, показать их роль и место в организации и развитии партизанской и подпольной борьбы на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. В данной статье акцентируется внимание на лицах, занимавших руководящие командно-политические должности в партизанских формированиях, действовавших на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. Сформулированная нами цель обусловила выбор метода исследования и набор источников. В качестве основного источника для подготовки данной статьи послужили документы Национального архива Республики Беларусь (далее – НА РБ), опубликованные на сайте Partizan.by [27] (наградные листы, личные листки по учету партизанских кадров, представления на присвоение очередных воинских званий), сведения из других документов НА РБ (служебные характеристики, списки личного состава, учетные карточки партизан); материалы документальных, энцикло-

педических и справочных изданий, сведения из опубликованной литературы [2; 3; 4; 9; 13; 24; 26].

Основная часть. В связи с 80-летними юбилеями освобождения Беларуси и Победы в Великой Отечественной войне, а также с 85-летием окончания Советско-финляндской войны как одного из маркеров состояния и боевой готовности Красной армии установление персонифицированных сведений об участниках «зимней войны», принимавших участие в партизанской и подпольной борьбе, приобретает особое значение. После окончания Советско-финляндской войны на территорию Беларуси в основном возвратились посланные объединения, соединения и части, за исключением 4-й стрелковой Смоленской Краснознаменной дивизии имени Германского пролетариата и 52-й стрелковой дивизии. Первая в середине апреля 1940 г. эшелонами из Ленинграда была отправлена в Закавказский военный округ, где вошла в состав 3-го стрелкового корпуса, управление которого также не вернулось в БОВО [20, с. 49, 54; 23, с. 540]. Вторая была оставлена в Ленинградском военном округе в районе г. Мурманска, где она отличилась во время боев, продвинувшись глубже всех на территорию Финляндии, понеся при этом наименьшие потери (63 человека) [23, с. 542; 34, с. 78; 37, с. 75, 79].

Кроме того, в 1940–1941 гг. на территорию Беларуси прибыл ряд дивизий и воинских частей, принимавших участие в Советско-финляндской войне из других военных округов: 17-я, 24-я, 37-я, 42-я, 49-я, 55-я, 56-я, 75-я, 85-я, 86-я, 155-я стрелковые дивизии, а также ряд отдельных частей и подразделений, в которых служили татары и Татарстанцы [23, с. 541, 542, 544].

К сожалению, мы не имеем возможности назвать количество татар, уроженцев и жителей Татарстана, которые были отправлены из БОВО для участия в Советско-финляндской войне и вернувшихся на территорию Беларуси после ее окончания, как и не можем назвать их общую цифру на лето 1941 г. Общее представление о количестве военнослужащих татар в РККА и войсках БОВО на 7 февраля 1939 г. дают сведения Всесоюзной переписи 1939 г., при проведении которой военные переписывались (учитывались) в составе постоянного населения по месту нахождения своих частей. В целях секретности все военнослужащие учитывались по категории «Нераспределенные по отраслям народного хозяйства» [33, л. 1–132; 8; 28, с. 18; 31, л. 68–72]. Итоговые данные по СССР составили 2 107 822 чел., в том числе 2 106 764 мужчин и 1 038 женщин. Основную часть военнослужащих составляли русские (1,4 млн чел., 58 %), украинцы (0,4 млн чел., 21 %), белорусы (0,07 млн чел., 3,5 %), татары (40 тыс., 2 %). Общее число военнослужащих БОВО по данным на 21 февраля 1939 г. составляло 206 798 чел. [8, с. 244; 32, л. 3–43]. По подсчетам белорусского историка М.И. Старовойтова татары среди военнослужащих составляли 3 579 чел. (1,73 %). Из них 1 045 военнослужащих татар проживали в городах и 2 534 – в сельских населенных пунктах [35, с. 8–15; 36, с. 157–165].

Следует отметить, что по данным переписи 1939 г. численность всего переписанного населения в БССР составила 5 568 994 чел. (в том числе

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

сельское население – 4 193 674 чел., городское – 1 375 117 чел.). Из них 2 697 126 составляло мужское и 2 871 869 – женское население. К татарам, вместе с военнослужащими, было отнесено 7 664 чел., что составляет 0,14 % населения. Из них 3 849 чел. в составе городского (0,28 %) и 3 815 чел. (0,09 %) – в составе сельского населения. Среди них мужчин 5 778 чел. и 1 886 женщин [36; 39, с. 251]. Белорусский историк С.В. Грибова выявила 97 представителей из числа белорусских татар, участвовавших в партизанском движении, что соответствует 1 % от общего числа татарской общности БССР и составляет около 0,03 % от партизан Беларуси из числа местных жителей, 17 % партизан из числа местных татар были отмечены правительственными наградами [12, с. 55–60].

Осенью 1939 г. в связи с началом Второй мировой войны и освободительным походом Красной армии на территорию Западной Беларуси в округе были сформированы новые дивизии, сюда был передислоцирован ряд воинских соединений и частей из других военных округов. В условиях массовых мобилизаций осени 1939 – зимы 1940 г. численность личного состава округа возросла к маю 1940 г. почти до 433 тыс. чел. В результате проведенного затем увольнения приписного состава численность сухопутных войск округа к началу ноября 1940 г. сократилась до 355 107 чел. [23, с. 14] По данным на 22 июня 1941 г. численный состав войск Западного особого военного округа насчитывал 673 472 чел. [23, с. 560; 21]

С началом Великой Отечественной войны в состав Западного фронта были включены 18-я и 154-я стрелковые дивизии из Приволжского военного округа. Несомненным является то, что в составе войск Западного фронта летом 1941 г. находились тысячи представителей татарского народа, уроженцев и жителей Татарстана. Многие из них погибли в боях, умерли от ран, попали в плен. Тысячи участников «зимней войны» сражались в партизанских формированиях и подполье Беларуси, были удостоены высоких государственных наград. Отметим, что среди 88 Героев Советского Союза, удостоенных этого высокого звания за участие в партизанском движении и подполье Беларуси, 10 человек (11,36 %) являлись участниками Советско-финляндской войны. Это командиры партизанских бригад Ф.И. Павловский, Ф.Ф. Дубровский, В.И. Ливенцев, Ф.М. Синичкин, В.А. Квитинский, командиры партизанских отрядов С.А. Ваупшасов, Г.А. Токуев, командиры разведывательной и диверсионных групп К.С. Гнедаш и Ф.И. Ковалев. Последним в это число был включен легендарный партизанский разведчик и один из организаторов Минского патриотического подполья, уроженец Беларуси и житель Казани И.К. Кабушкин.

Об Иване Константиновиче Кабушкине, 110-ю годовщину со дня рождения которого и 50-летие присвоения ему высшей награды СССР – золотой медали Героя Советского Союза и ордена Ленина общественность наших стран отмечает в этом году, написано, сказано и показано много. Он прожил короткую, но очень яркую жизнь героя-патриота. Но до сих пор его жизненная история, его деятельность как подпольщика и партизанского разведчика,

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

ставит перед исследователями ряд вопросов, которые нуждаются в дополнительном изучении. Это касается расхождений в публикациях и энциклопедических изданиях (в том числе интернет изданиях) относительно его участия в довоенных конфликтах. В одних называется только Советско-финляндская война [3, с. 261; 16, с. 201] в других (Энциклопедия Татарстана) называется также участие в польском походе Красной армии (1939) [39], в третьих называется также участие в боях на Халхин-Голе (1939). В повести Ш. Ракипова утверждается, что первое боевое крещение И. Кабушкин получил в 1938 г. на озере Хасан [30].

Имя И.К. Кабушкина стало широко известно в 60-е – 80-е гг. прошлого столетия, когда после опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. о присвоении ему звания Героя Советского Союза (посмертно) за особые заслуги и мужество, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, в печати появился ряд публикаций историка В.С. Давыдовой, известных журналистов и писателей И. Новикова, С. Аслезова, Ш. Ракипова и др. [1; 16; 25; 30]

Он родился 15 февраля 1915 г. в д. Малаховцы Барановичского района Брестской области в семье белорусского крестьянина Константина Кабушко. Во время Первой мировой войны сотни тысяч жителей белорусских губерний, в том числе и семья Кабушко, покинули родные места и отправились на восток, стали беженцами, находили приют на бескрайних просторах России. В дороге заболел и вскоре умер отец. Мать, Ирина Лукинична, с шестимесячным Иваном и двухлетним Николаем после долгих мучений добралась до г. Чебоксары, а через два года переехала в г. Казань, где и прошли детские и юношеские годы Ивана, которого, как и старшего Николая, при поступлении в школу записали Кабушкиным. После окончания 7-летки Иван окончил курсы водителя трамвая и два года работал по специальности, а затем, в 1935 г. был призван на срочную службу в Красную армию. Принимал участие в событиях на оз. Хасан, в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Известно, что с октября 1940 г. лейтенант И.К. Кабушкин служил помощником начальника 31-го полевого автомобильного хлебозавода (ПАХ) 86-й стрелковой дивизии.

В первые дни Великой Отечественной войны дивизия была разгромлена, и И.К. Кабушкин в числе многих тысяч окруженцев попал в плен. С помощью минчан ему удалось выбраться из лагеря военнопленных в районе парка Челюскинцев. С осени 1941 г. он сразу же включился в антифашистскую подпольную борьбу. Только за октябрь – ноябрь 1941 г. группа патриотов под его

Рис. 1. И.К. Кабушкин [11]

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

руководством уничтожила 8 автомашин, 16 гитлеровцев, 1 бензоцистерну, несколько легковых машин. С февраля по май 1942 г. был помощником командира по разведке 208-го партизанского отряда. С мая 1942 г. Кабушкин возглавил оперативную группу Минского подпольного горкома партии по борьбе с вражескими агентами и провокаторами. Выполняя задания Минского подпольного горкома КП(б)Б и командования партизан, И.К. Кабушкин был известен подпольщикам по подпольным кличкам (Жан, Бабушкин, Сашка, Назаров). Он всегда действовал стремительно, смело, был неуловим для врагов. Выполняя задания, он добывал оружие, боеприпасы, медикаменты, устраивал побеги советских военнопленных, выводил из города людей в партизанские отряды. Принимал активное участие в издании и распространении нелегальной литературы. Схвачен немцами 4 февраля 1943 г. Зверские пытки и истязания не сломили волю патриота. Он был замучен в нацистских застенках 4 июля 1943 г. [1, с. 134–145; 13, с. 247; 22, с. 201]

Во многом остается тайной, как случилось, что простой казанский парнишка Иван Кабушкин, неуловимый и нестигаемый Жан, стал героем, профессионалом тайной, невидимой войны?

Рис. 2. Мемориальная доска
И.К. Кабушкину на здании
трамвайного депо
в г. Казани [11]

Нельзя не согласиться с мнением историка спецслужб Николая Смирнова: «Жан оказался мастером конспирации, склонным к риску. Этому не учат молодых командиров Красной армии, этого не было и в его прошлой жизни. Да, что касается маскировки, перевоплощения – это, конечно, был мастер-самородок. Когда голову ему перекрашивали в черный цвет, очки темные он надевал, менял походку, жесты, одежду, то мгновенно старел лет на пятнадцать. Финская война, которую он прошел перед этим, и где сила, численное превосходство далеко не всегда приносили успех, научила Кабушкина многому; это многое отпечаталось, отложилось и потом ему пригодилось в подполье. <...> Все его самые большие достижения были не в том, сколько, кого и чего он уничтожил. Может, кто-то уничтожил и больше – дело не в

этом. А в том, что он наладил, и при нем стала бесперебойно работать связь между партизанами и подпольем. И все знали, что этот канал связи был надежным, никто на нем не провалился, не попался» [5].

Именем И.К. Кабушкина названы улицы в г. Минске, Барановичах, названа деревня в Барановичском районе, поставлен памятник в поселке Мирный Барановичского района. В Казани его имя носит одна из улиц. Согласно постановлению Кабинета Министров Республики Татарстан от 31 августа

2009 г., трамвайному депо № 1 МУП «Метроэлектротранс» присвоено имя Героя Советского Союза Ивана Константиновича Кабушкина [13, с. 247; 22, с. 201; 17]

Яркой страницей в историю Великой Отечественной войны Советского Союза вошла героическая оборона Брестской крепости. Имя майора Петра Михайловича Гаврилова сегодня широко известно в мире. Он родился 17 июня 1900 г. в деревне Альвидино Лаишевского уезда Казанской губернии (ныне – в составе Пестречинского района Республики Татарстан Российской Федерации) в крестьянской семье крещеных татар. В кадровом составе Красной армии с 1918 г. Участник боевых действий в годы Гражданской войны. После окончания в 1939 г. Военной академии им. М.В. Фрунзе принимал участие в Советско-финляндской войне. С 22 июня 1941 г. командир 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии, части которой дислоцировались в Брестской крепости, возглавлял оборону Восточного форта Брестской крепости. 23 июля получил тяжелое ранение и в бессознательном состоянии попал в плен. Из плена был освобожден в мае 1945 г. После войны жил в Краснодаре. Звание Героя Советского Союза было присвоено 3 января 1957 г. Являлся почетным гражданином г. Бреста. Умер 26 января 1979 г. [10, с. 214–226; 9, с. 300]

В Беларуси также чтят и помнят имя и подвиг уроженца Казани, русского по национальности, командира 2-го стрелкового батальона 437-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии, прибывшей в Беларусь в первые дни войны из Приволжского военного округа, капитана Федора Алексеевича Баталова (11.09.1900 – 08.1941). Он с 18 лет посвятил себя службе в Красной армии. Боевой опыт приобретал в боях в годы Гражданской и Советско-финляндской войн. Особо отличился в июле 1941 г. во время знаменитого контрудара корпуса генерала Л.Г. Петровского в районе г. Жлобина и Рогачева. Его батальон 15 июля 1941 г., сломив упорное сопротивление противника, занял северное и южное депо ст. Жлобин, а затем в течение трех дней выбил гитлеровцев из деревень Заградье, Заводная и Придорожье. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 г. он в числе первых на Западном фронте и первым из татарстанцев был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Имя Ф.А. Баталова носит улица в г. Жлобине [13, с. 53; 22, с. 37–38].

В Беларуси чтят и помнят уроженца и жителя Татарстана, одного из первых организаторов и руководителей партизанского движения на территории нынешней Брестской области, участника партизанской борьбы с 1 августа 1941 г., командира партизанской группы, с мая 1942 г. командира партизанского отряда им. Н.А. Щорса, а с апреля 1943 по июль 1944 г. начальника штаба партизанского соединения Брестской области, которое в 1944 г. включало в себя 11 партизанских бригад и 12 отдельно действующих партизанских отрядов, общей численностью более 13 тыс. партизан, Павла Васильевича Пронягина [26, с. 118, 123, 149].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Павел Васильевич Пронягин родился 28 января 1916 г. в с. Антоновка Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне – в составе Камско-Устьинского района Республики Татарстан) в крестьянской семье. Имел двух братьев и трех сестер. В 1939 г. студентом математического факультета Казанского университета был призван в РККА. Службу проходил в 107-м полку 55-й стрелковой дивизии в г. Курске. В 1940 г. направлен на курсы младших лейтенантов в Казанское пехотное училище им. Верховного Совета Татарской АССР, по окончании которых в июне 1941 г. лейтенант П.В. Пронягин прибыл для прохождения дальнейшей службы в 26-й мотострелковый полк 26-й танковой дивизии, который располагался в районе д. Станьково западнее Минска. Свой первый бой с немецкими захватчиками командир взвода разведки лейтенант Пронягин принял 26 июня 1941 г. западнее г. Барановичи. Через два дня танки генералов Г. Гота и Г. Гудериана соединились восточнее Минска и замкнули кольцо окружения войск Западного фронта. В огромных котлах западнее Минска (Белостокском и Новогрудском), оказались сотни тысяч солдат и офицеров 3-й, 10-й, 13-й и 4-й армий фронта. Вырваться из окружения удалось не всем. Более 374 тыс. бойцов и командиров попали в плен. Многие, в том числе и П.В. Пронягин, оказавшись на оккупированной территории перешли к партизанским действиям.

В своей книге воспоминаний, вышедшей в Минске в 1971 г., П.В. Пронягин подробным образом рассказывает о начале партизанской жизни, о том как зарождалось и ширилось партизанское движение на территории западных областей Беларуси, которые до 1939 г. находились в составе Польши по условиям Рижского мирного договора 1921 г., о роли в организации партизанской борьбы местных жителей, бывших подпольщиков, членов КПЗБ, советских активистов, которые совместно с воинами-окруженцами с первых дней войны вступили в вооруженную борьбу с захватчиками. Автор рассказывает о тесной связи, о поддержке партизан местным населением, о боевом пути отряда им. Н.А. Щорса, называет десятки своих боевых товарищей, проявивших в боях мужество, отвагу и самопожертвование [29].

За боевые подвиги в годы борьбы с оккупантами П.В. Пронягин награжден орденом Красного Знамени (1944) и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени (1944). После освобождения территории Брестской области П.В. Пронягин вернулся к своей педагогической деятельности. Два года был директором школы в г.п. Высокое, возглавлял Брестский отдел народного образования, завершил учебу на физмате Казанского университета. Вернулся на родину, но через некоторое время опять возвратился в места, где прошли его боевые годы, к своим партизанским друзьям. Многие годы возглавлял средние школы в Березовском и Барановичском районах, а выйдя на пенсию, переехал в Брест. За весомый вклад в борьбу с немецкими оккупантами и последующее восстановление и развитие региона 27 июня 1974 г. ему присвоено звание «Почётный гражданин города Бреста». За спасение евреев Слонима и Коссово П.В. Пронягину в Израиле присвоено звание Праведник народов мира. Павел Васильевич Пронягин умер 1 декабря

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

1997 г. На доме, где он жил (ул. Кирова, 13), установлена мемориальная доска. В Бресте и Косово его именем названы улицы.

Свой рассказ об известных в Беларуси татарах, организаторах и руководителях партизанского движения мы продолжим на примере А.Х. Бляшева, внесшего весомый вклад в организацию и руководство партизанской борьбой на территории Беларуси. С октября 1943 по июль 1944 г. он являлся начальником штаба партизанской бригады им. Ф.Э. Дзержинского, созданной в октябре 1943 г. и действовавшей в Любчанском районе Барановичской области. Бригада соединилась с частями Красной армии 12 июля 1944 г. в составе 5 отрядов общей численностью 1 052 партизана [26, с. 56, 57].

Рис. 3. А.Х. Бляшев [6]

Жизненный путь Абдурахмана Хасановича Бляшева является одним из ярких примеров выполнения патриотического долга представителем татарского народа, выросшего и сформировавшегося в годы советской власти. Он родился в 1914 г. в селе Азеево Тамбовской губернии (ныне – в составе Ермишенского района Рязанской области) в крестьянской татарской семье. До 1930 г. учился в неполной средней школе (окончил 7 классов), затем два года работал бригадиром по борьбе с вредителями сельского хозяйства в г. Термезе, с 1932 по 1936 г. учился в техникуме защиты сельскохозяйственных растений в г. Ташкенте. В 1936 г. стал курсантом Ташкентского военного училища им. Ленина, после окончания которого до октября 1939 г. был командиром взвода 612-го стрелкового полка в г. Коврове, а затем по январь 1940 г. повышал квалификацию на курсах «Выстрел». С января по апрель 1940 г. лейтенант А.Х. Бляшев в должности командира роты 612-го стрелкового полка 144-й стрелковой дивизии принимает участие в боях на Петрозаводском направлении во время Советско-финляндской войны. С апреля 1940 по июнь 1941 г. – командир учебной роты 612-го стрелкового полка 144-й стрелковой дивизии в г. Владимире. С конца июня по август 1941 г. принимал участие в боевых действиях в районе Чаусы – Кричев – Студенец. 6 августа в районе Студенец попал в окружение. При прорыве из окружения, не доходя г. Рославля, 9 августа попал в плен. Находился в лагере военнопленных в Орше, а затем в Молодечно, из которого сбежал 3 сентября 1941 г. После побега из плена скрывался в д. Латушки Дзержинского района. В ноябре вступил в подпольную группу из 3-х человек, возглавляемую батальонным комиссаром С.А. Рыжаком.

В январе 1942 г. пополненная партизанская группа во главе с батальонным комиссаром С.А. Рыжаком вышла в лес и приступила к партизанским

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

действиям. В марте к ним присоединилась группа А.Г. Мурашова, организованная подпольщиками д. Боровое. В апреле 1942 г. по решению Дзержинского антифашистского комитета обе группы объединились в партизанский отряд, который получил название 125-й партизанский отряд им. И.В. Сталина. В мае в отряд влилась группа подпольщиков ТЭЦ-2 г. Минска, во главе с Н.И. Ярославцевым. С апреля по июнь командиром отряда был С.А. Рыжак (погиб). В 125-м отряде им. И.В. Сталина лейтенант А.Х. Бляшев был назначен начальником боепитания. Отвечал за обеспечение отряда оружием, боеприпасами.

В ноябре 1942 г. на основании приказа по Особому соединению партизанских отрядов 125-й отряд им. И.В. Сталина был развернут в бригаду им. И.В. Сталина в составе отрядов им. Ф.Э. Дзержинского, им. А.В. Суворова и «Большевик». Примечательно, что командир отряда С.А. Рыжак, а также заменивший его С.П. Смирнов, комиссар А.Г. Мурашов и командир 125-й бригады им. И.В. Сталина П.И. Гулевич, командование отряда «Большевик» – командир И.С. Ирхин и заменивший его после гибели в декабре 1942 г. А.Е. Макеев, начальник штаба А.И. Гавриш и заменивший его в октябре 1943 г. И.И. Иванов, командир отряда им. А.В. Суворова Н.П. Рыжкован, комиссар А.В. Клевко, командир отряда им. Ф.Э. Дзержинского К.Ф. Шашкин, комиссар Е.П. Ляхов и начальник штаба А.Х. Бляшев – являлись участниками Советско-финляндской войны. Каждый из перечисленных выше командиров 125-й бригады им. И.В. Сталина заслуживает отдельного повествования.

В наградном листе на представление А.Х. Бляшева к награждению правительственной наградой, подписанной начальником Белорусского штаба партизанского движения (далее – БШПД) П.З. Калинин, отмечалось: «является одним из организаторов партизанского отряда имени Сталина. Участвовал в ряде боевых действий. 15 апреля 1942 г. с группой 7 чел., в которую входил тов. Бляшев, открыл Дзержинскую тюрьму, где было много немцев и полицейских. 2 мая 1942 г. в бою под д. Бакиново лично убил двух гитлеровцев. Вел бой под м. Налибоки против карательного отряда, где проявил исключительную храбрость и геройство. В бою под Комолово при уничтожении блок-поста (ДОТ) одним из первых подбежал к зданию и забросал гранатами противника. Также отличился в боях при уничтожении полицейских участков в м. Рубежовичи и полицейских из м. Ивенец. 14 февраля 1943 г. с отрядом под командованием штаба был полностью уничтожен эшелон противника с материалами, состоящий из 45 вагонов. Уничтожен паровоз и сожжены все вагоны. Много работал по обеспечению бригады оружием. Достоин правительственной награды – ордена Красной Звезды».

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

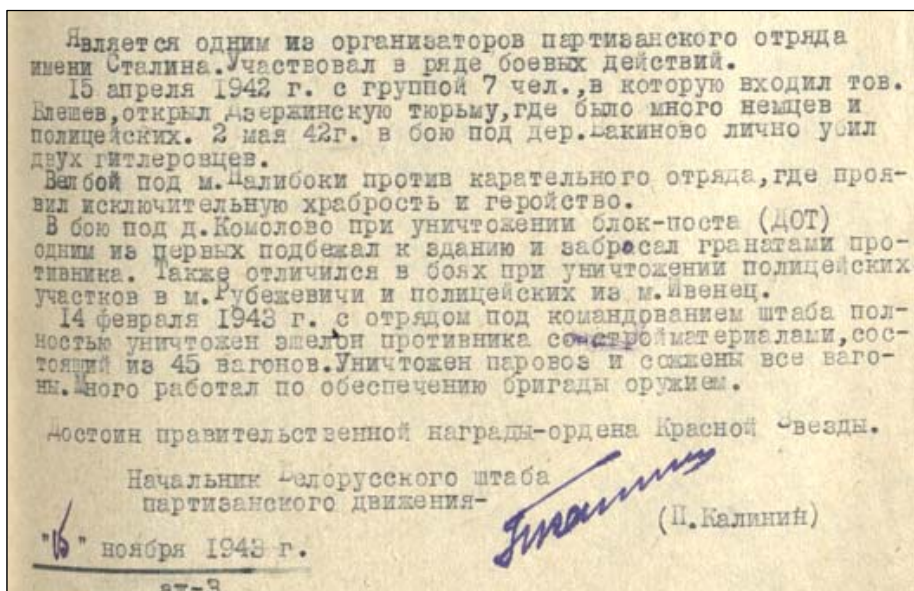

Рис. 4. Из наградного листа А.Х. Бляшева на награждение орденом Красной Звезды. 15 ноября 1943 г. [7, документ № 4]

Приведем выдержку из боевой характеристики, подписанной командиром Барановичского партизанского соединения Героем Советского Союза В.Е. Чернышевым в связи с аттестацией в 1944 г. А.Х. Бляшева на присвоение воинского звания подполковника: «В ноябре – декабре месяце 1941 г. – активный подпольщик, искусный конспиратор, подготовлял кадры для отряда, проводил агентурную работу, направленную на срыв мероприятий немецких властей, призывал население в листовках к вооруженной борьбе против немецких поработителей. Показал себя стойким, до конца преданным партии Ленина-Сталина большевиком, целеустремленным, неустрашимым командиром» [7, документ № 20].

А.Х. Бляшев после войны работал заведующим общим отделом исполкома Барановичского областного совета депутатов трудящихся. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Ленина, медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В Беларуси хорошо известно имя славного представителя татарского народа комиссара партизанской бригады имени Г.К. Жукова Барановичской области с октября 1943 по июль 1944 г., Ахмета Зиганшиновича Гайсарова, уроженца села Большие Кайбицы Свияжского уезда Казанской губернии (ныне – в составе Кайбицкого района Республики Татарстан). Он родился 7 ноября 1906 г. в семье крестьянина бедняка. Отец с 1909 по 1919 гг. работал

чернорабочим в Надеждинском заводе и Богословских угольных копях. Умер в 1921 г. Мать была домохозяйкой, умерла в 1922 г. В семье было 5 детей, три брата и сестра. Трудовую деятельность начал с 1917 г. В 1932 г. он окончил Татарский коммунистический университет. Участник Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Накануне Великой Отечественной войны инструктор отдела политпропаганды 86-й стрелковой дивизии. В июне 1941 г. участвовал в обороне г. Белостока. С марта 1943 г. в рядах партизан: рядовой, командир взвода разведки, комиссар отряда им. Н.Н. Воронова. С декабря 1943 г. одновременно 2-й секретарь Столбцовского подпольного райкома партии. В 1944–1977 гг. на партийной, административно-хозяйственной работе в Барановичской и Гродненской области Белорусской ССР. Награжден орденом Красной Звезды, медалями [3, с. 134; 4, с. 134].

Имя следующего татарстанца – Петра Федоровича Захарова, – с первых дней оккупации сражавшегося в рядах белорусских партизан, достойно того, чтобы его знали и помнили на родине. Он являлся начальником штаба Добрушской партизанской бригады им. И.В. Сталина, сформированной 27 июля 1943 г. по распоряжению Уполномоченного ЦК КП(б)Б и БШПД на базе отдельного отряда им. В.М. Молотова Гомельской области, штаб которого возглавлял П.Ф. Захаров.

Петр Федорович Захаров родился в апреле 1916 г. в с. Пальчиково Мензелинского уезда Уфимской губернии (ныне – в составе Заинского района Республики Татарстан) в русской семье крестьянина-бедняка. Когда Петру исполнилось 5 лет, умер отец. На иждивении матери остались три сына – старший Василий 1907 г.р., Илья 1910 г.р. и Петр. В автобиографии, написанной осенью 1943 г. П.Ф. Захаров пишет: «Мать с началом организации колхозов, вступила в колхоз, где вместе со старшим братом работала до 1940 г., а затем перешла на иждивение среднего сына... Василий до Отечественной войны работал в колхозе, а в июне 1941 г. был призван в ряды Красной армии, в конце 1941 г. при обороне Москвы погиб... Илья работал в Красной армии и до июня 1941 г. был зам. начальника по политической части Куйбышевской медицинской академии. Я в настоящее время никаких сведений о нем не имею» [15, документ № 28].

Как видно из автобиографии, П.Ф. Захаров в 1925 г. пошел в школу и после окончания 8 классов в сентябре 1934 г. поступил на ускоренный курс финансового техникума при Татарском наркомате финансов, где проучился до мая 1935 г. После окончания учебы направлен в Татнаркомфин в г. Казань на должность инспектора-бухгалтера по госдоходам. В сентябре 1937 г. призван на службу в РККА. В мае 1938 г. окончил полковую школу при 86-й стрелковой дивизии и до октября 1938 г. служил помощником командира взвода отдельной пулеметно-зенитной батареи 86-й стрелковой дивизии. С октября 1938 по апрель 1939 г. курсант интендантских курсов при складе Наркомата обороны № 180. С апреля по октябрь 1939 г. – начальник секретного сектора 86-й стрелковой дивизии. С октября 1939 по ноябрь 1940 г. – помощник начальника штаба отдельного автмотобатальона 86-й

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

стрелковой дивизии. В этой должности, техник-интендант первого ранга П.Ф. Захаров принимал участие в боевых действиях на советско-финляндском фронте. С ноября 1940 по май 1941 г. – помощник, а с мая – начальник 4-й части 47-го танкового полка 29-й мотострелковой дивизии.

С 30 июня по 5 июля 1941 г. с группой командиров и бойцов выходил из окружения из района г. Дзержинска в Кличевский район Могилевской области, где в Кличевских лесах они создали партизанский отряд и действовали до сентября 1941 г. В сентябре отряд перешел в Хотимские леса и действовал до сентября 1942 г. П.Ф. Захаров занимал должности командира отделения, а затем начальник разведки Хотимского партизанского отряда, начальника штаба отряда капитана Коленченко. В сентябре 1942 г. отряд был вытеснен карателями на территорию Орловской области. В апреле 1943 г. в район Клетни по заданию БШПД была десантирована инициативная группа (4 чел.) во главе с И.П. Кривенченко, которая, прибыв на территорию Добрушского района Гомельской области, к маю численно выросла и оформилась в партизанский отряд им. В.М. Молотова, который до 27 июля действовал самостоятельно. Начальником штаба отряда со времени его организации был П.Ф. Захаров. Бригада соединилась с частями Красной армии 27 сентября 1943 г. в составе двух отрядов общей численностью 771 партизан [26, с. 387].

Из наградного листа командования бригады на представление П.Ф. Захарова к награждению орденом Красного Знамени отмечалось: «Тов. Захаров активно помогал организовывать Хотимский партизанский отряд. Будучи командиром отделения разведки со своим отделением подорвал 4 воинских эшелона на линии ж.д. Унеча – Орша с техникой, боеприпасами и живой силой... с 5 мая 1943 г., являясь начальником штаба бригады, проявил себя как хороший организатор и руководитель, способный зажигать инициативу бойцов, умело организуя снабжение и доставку подрывных средств для диверсионных групп бригады» [15, документ № 1].

Приказом войскам Западного фронта № 406 от 23 марта 1943 г. П.Ф. Захарову присвоено воинское звание капитан административной службы. В ноябре 1943 г. БШПД аттестован на присвоение воинского звания «капитан». Награжден орденом Красного Знамени. Сведений о его послевоенной жизни нами пока не обнаружено.

Следует вспомнить имя еще одного татарстанца Н.Н. Беззубова. Осенью 1942 г. из Москвы в район Пуховичей Минской области совершил боевой рейд кавалерийский партизанский отряд под командованием легендарного партизана времен Гражданской войны на Дальнем Востоке А.К. Флегонтова. Он был сформирован из добровольцев Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР и партизан Подмосковья. Среди них был и уроженец Татарстана младший лейтенант Николай Николаевич Беззубов. Он родился в 1911 г. в с. Черемшан Бугульминского уезда Самарской губернии (ныне – в составе Черемшанского района Республики Татарстан). Русский, окончил 7 классов, кандидат в члены ВКП(б),

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

младший лейтенант. В Красной армии с 1933 по 1935, с 1939 по 1941 гг. Участник Советско-финляндской войны.

В январе – феврале 1943 г. являлся командиром партизанского отряда «Разгром», с октября 1943 по июнь 1944 г. – командир партизанского отряда «Боевой» партизанской бригады «За Родину» им. А.К. Флегонтова [26, с. 136, 497]. Награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны I степени.

Начальником штаба партизанского отряда им. К.Е. Ворошилова бригады им. Ф.Э. Дзержинского Барановичской области с февраля по июль 1944 г. был Абдрахман Яилович Курмашов [26, с. 58]. Из партизанских документов известно, что он родился в 1904 г. в д. Тоштоял Уржумского уезда Вятской губернии (ныне – в составе Параньгинского района Республики Марий Эл), татарин, член ВКП(б), в Красной армии с 1926 г., воинское звание капитан. Принимал участие в войне «против финнов в 1939–1940 гг., против немцев в 1941 г. <...> До войны начальник штаба мотоциклетного полка в г. Волковыск, чл[ен] ВКП(б). В партизанском отряде с 12 сентября 1943 г.» [19, документы № 1–2]. Приведем выдержки из боевой характеристики на начальника штаба отряда им. Ворошилова, подписанной командованием бригады им. Ф.Э. Дзержинского 13 июля 1944 г.: «В партизанский отряд прибыл 12 сентября 1943 г. из гор. Минск, где проживал, попав в окружение в первые месяцы под Зельвой. (Из под Зельвы был переброшен больным в Минск). До ноября [19]43 г. служил в отряде рядовым. В ноябре [19]43 г. назначен командиром 2-й стрелковой роты отряда имени Ворошилова. На этой должности организовал и руководил ротой на боевых операциях в начале декабря [19]43 г. в районе местечка Делятичи, на шоссейных дорогах Новогрудок – Вселюб – Вересково против полиции и немцев. Руководил боем роты 2.3.44 года в д. Лещенка Любчанского района с казаками, прибывшими для ограбления населения. В бою 5 марта [19]44 г. с казаками гарнизона в д. Большие Воробеичи его рота первая овладела гарнизоном и взяла в плен 12 казаков и захватила трофеи <...> Работая начальником штаба, разрабатывал и проводил боевые операции отряда. 20.6.44 г. при организации "концерта" на ж.д. Лида – Молодечно по уничтожению ж.д. рельс командовал штурмовой группой отряда. За хорошее выполнение задания от командования бригады получил поощрение. <...> Отряд, где начальником штаба капитан Курмашов ... имеет спущенных под откос 16 вражеских эшелонов. В результате взрывов уничтожено и повреждено: паровозов – 13, вагонов с живой силой, боеприпасами и фуражом – 88, платформ с техникой – 28, автомашин – 20, танков – 8, орудий разного калибра – 16. <...> Отрядом за это время организовано и принято до 37 боев с фашистами. В боях убито гитлеровцев – 215, ранено – 101, взято в плен – 158. В бою и службе дисциплинированный, исполнительный и тактически грамотный командир» [19, документ № 3]. Как ранее отмечалось, командир бригады К.Ф. Шашкин, комиссар Е.П. Ляхов и начальник штаба А.Х. Бляшев являлись участниками Советско-финляндской войны.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте
и в тылу

197

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

На начальника штаба отряда имени Ворошилова, бригады имени Дзержинского, капитана Курмашева Абдурахмана Яловича, год рождения 1904, татарин, член ВКП/б/, уроженец Марийской области, Паральгинского Района, д. Таштал, До войны -- начальник штаба 16 мотоциклетного полка, город Волковыск.

В партизанский отряд прибыл 12 сентября 1943 г. из гор. Минск, где проживал, попав в окружение в первые месяцы войны под Зельвой /из под Зельвы был переброшен больным в Минск/.

До ноября 43 г. служил в отряде Рядовых. В ноябре 43 г. назначен командиром 2-й стрелковой роты отряда имени Ворошилова. На этой должности организовал и руководил ротой на боевых операциях в начале декабря 43 г. в районе местечка Делятичи на шоссе на дорогах Новогрудок -- Всеполюе, Всеполюе -- Вереское -- против полиции и немцев. Руководил боем роты 2.3.44 года в д. Лещенка, Любчанского района, с казаками, прибывшими для ограбления населения. В бою 5 марта 44 г. с казачьим гарнизоном в д. Большие Воробейчи его Рота первая овладела гарнизоном и взяла в плен 12 казаков и захватила трофеи. В марте месяце 44 г. командованием бригады назначен на должность начальника штаба отряда имени Ворошилова. Работа начальником штаба, разрабатывал и проводил боевые операции отряда. 20.6.44 г. при организации "концерта" на ж.д. Лида -- Молодечно по уничтожению ж.д. Рельс командовал штурмовой группой отряда. За хорошее выполнение задания от командования бригады получил поощрение. Организовал "концерт" по уничтожению ж.д. Рельс 28.6.44 г. на ж.д. Лида -- Барановичи.

Отряд, где начальником штаба капитан Курмашев, за время своего существования имеет спущенных под откос 16 воинских вражеских эшелонов. В результате взрывов уничтожено и повреждено: паровозов -- 13, вагонов с живой силой, боеприпасами и фуражом -- 88, платформ с техникой -- 23, автомашин -- 20, танков -- 3, орудий -- 1, равнокалиберных -- 16. При крушении убито гитлеровцев -- 638, ранено -- 42, уничтожено электростанций -- 1, взорвано автомашин на шоссе на дорогах -- 14, уничтожено ж.д. постов -- 3, уничтожено деревянных мостов -- 5, танкеток -- 3, бункеров -- 1, бронемашин -- 2, телеграф, телефон, линии связи -- 11, 5 км. Отрядом за это время организовано и проведено до 37 боев с фашистами. В боях убито гитлеровцев -- 215, ранено -- 10, взято в плен -- 153.

В бою и в службе дисциплинированный, исполнительный и тактически грамотный командир.

Командир бригады имени Дзержинского	Комиссар бригады
КАПИТАН <i>Курмашев</i> / ПАЦЕЛИН /	КАПИТАН <i>Яков</i> /
Начальник штаба бригады имени Дзержинского	
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ <i>Бляшев</i> /	БЛЯШЕВ /
15.7.44 года.	

Рис. 5. Боевая характеристика на начальника штаба отряда им. Ворошилова бригады им. Дзержинского капитана А.Х. Курмашова.
15 июля 1944 г. [19, документ № 3]

И В ТЫЛУ

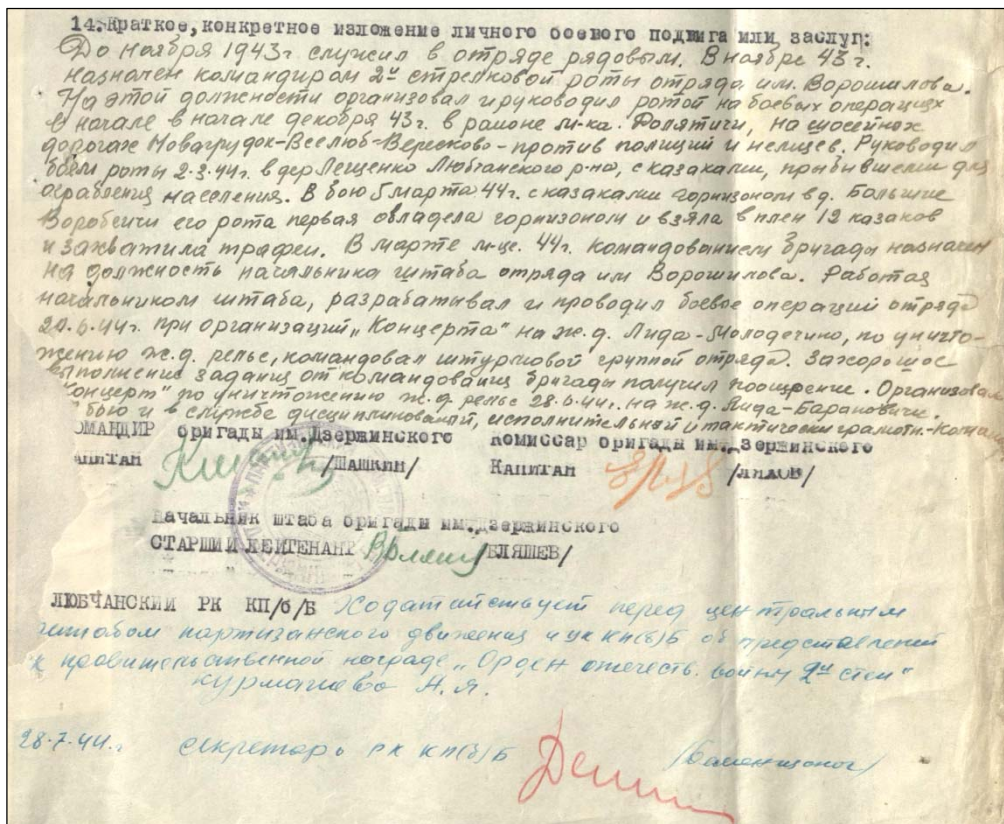

Рис. 6. Из наградного листа А.Х. Курмашова на награждение орденом Отечественной войны II степени. Июль 1944 г. [19, документ № 2]

Приказом уполномоченного ЦК КП(б)Б и БШПД по Щучинской партизанской зоне партизанский отряд «Победа» (471 чел.) в декабре 1943 г. выделен из Ленинской партизанской бригады Барановичской области (командир Ф.И. Синичкин) и развернут в партизанскую бригаду «Победа» в составе 3 отрядов им. А.В. Суворова, им. В.М. Молотова и им. С.М. Буденного. Командиром бригады был назначен командир отряда «Победа» П.И. Булак. Начальником штаба партизанского отряда им. С.М. Буденного, сформированного в декабре 1943 г. из партизан 145-й роты отряда «Победа», с декабря 1943 по июль 1944 г. был младший лейтенант Степан Афанасьевич Фролов [26, с. 52].

О нем нам известно, что он родился в 1912 г.¹ в г. Казани, русский, беспартийный, участник Советско-финляндской войны. Командир взвода 246-го

¹ В приказе Управления кадров Красной армии от 31 июля 1943 г. № 0734/пр. указано, что пропавший без вести помощник командира роты 246-го отдельного стрелкового батальона, младший лейтенант С.А. Фролов был 1913 года рождения (см.: Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 48. Л. 320об.) (прим. ред.).

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

отдельного стрелкового батальона 47-го стрелкового корпуса. За успешное выполнение заданий Наркомата обороны («в войне с белофинами») награжден денежной премией [38, документ № 1]. В партизанском отряде с 15 июня 1943 г. В наградном листе на представление С.А. Фролова к награждению медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, подписанном командованием отряда и утвержденном командованием бригады и Уполномоченным ЦК КП(б) и БШПД С. Шупеней 15 июля 1944 г. отмечается: «Участвовал: при взрыве враж[еских] эшелонов на ж.д. магистрали Зельва – Езерница. Результат: уничтожено 1 паровоз, 12 вагонов с живой силой, где уничтожено до 300 гитлеровцев, 2 платформы с техникой. Руководил группой подрывников по взрыву ж.д. рельс. Результат: взорвано 95 рельс на ж.д. Слоним – Зельва. <...> Участвовал в минировании Виленского шоссе. Результат: взорвана 1 автомашина, убито 2 гитлеровца и 7 ранено. Руководил группой партизан по уничтожению телефонно-телеграфной связи на Виленском тракте Слоним – Козловщина, в результате уничтожено до 3 км связи. Связь была приостановлена на 3-е суток. <...> Участвовал в бою-засаде на Виленском тракте. Результат: сожжено 2 автомашины с продуктами, убито 6 гитлеровцев, ранено 7, взято в плен 2. Участвовал в прорыве двух блокад. Проявил мужество и отвагу. Достоин к предоставлению к правительственной награде» [38, документ № 1]. В графе «Постоянный домашний адрес представляемого к награде и его семьи» указано: «г. Казань ул. Максима Горького, д.№ 1/3, кв.14». Других сведений о С.А. Фролове нами пока не обнаружено. В этом же отряде командиром отделения разведки был татарин, старший сержант Халилов Борис Аджигитович, 1919 г.р., уроженец г. Астрахани, прибывший в отряд в апреле 1943 г. из вражеского плена. Представлен к награждению медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Начальником штаба партизанского отряда «1-й антифашистский» (с июля 1944 г. – отряд им. В.И. Чапаева) с мая по июль 1944 г. был старший сержант Н.Х. Шагеев. Отряд сформирован в мае 1944 г. в Скидельском районе на базе инициативной группы А.Е. Ковалева – Б.Л. Мигурского, выделенной в феврале 1944 г. отрядом им. Г.И. Котовского бригады Александра Невского [26, с. 111]. Николай Харитонович Шагеев родился в 1910 г. в г. Нижнем Новгороде, татарин. В Красной армии с 1933 по 1938 г. и с февраля 1939 по 1941 г. Участник боев на р. Халхин-Гол и Советско-финляндской войны. В боях под Белостоком на р. Нарев был контужен. В партизанском отряде им. Г.И. Котовского с января 1942 г. Приведем выдержку из наградного листа на представления его к правительственной награде: «Тов[арищ] Шагеев в отряде с самого начала его организации. За время своей деятельности в партизанах, под его руководством, спущено под откос 3 вражеских эшелона: Рожанка – Мосты сентябрь 1942 г., Зельва – Слоним – август 1942 г., Лида – Барановичи – с живой силой и техникой. Взорвано 3 жел[езно]дор[ожных] моста: Зельва – Слоним, р. Ис – у г. Слонима, Лида – Барановичи мост. Взорвано 50 жел[езно]дор[ожных] рельс и уничтожено 3 км телефонной связи. Несколько раз участвовал в боях. Тов[арищ] Шагеев

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

вполне заслуживает представления его к правительственной награде орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ. Начальник Белорусского штаба партизанского движения П. Калинин» [40, документ № 1]. Он представлялся к награждению орденом Красного Знамени (дважды), медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Награжден орденом Славы III степени (1948).

Командиром взвода, а затем роты отряда «Красногвардейский» Ленинградской партизанской бригады Барановичской области был техник-интендант 2 ранга Спиридон Спиридонович Кузнецов (1914, г. Казань, Татарская АССР), русский, образование неполное среднее, работал автомехаником в Казани. В Красной армии с 1936 г., окончил курсы АБТС при 86-й стрелковой дивизии, принимал участие в Советско-финляндской войне в должности помощника командира танковой роты 109-го разведбатальона 86-й стрелковой дивизии. В этой же должности принял участие в боях на территории Беларуси 22–23 июня 1941 г. В партизанском отряде с 7 ноября 1942 г. Адрес семьи: г. Казань, ул. Островского, д. 28, кв. 1. Награжден орденом Красной Звезды (1948).

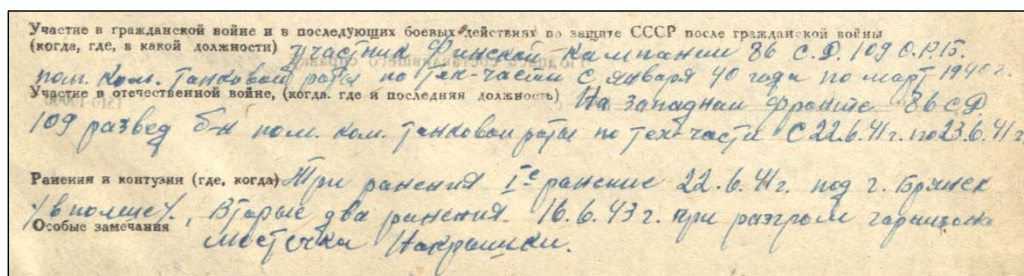

Рис. 7. Из справки С.С. Кузнецова [18, документ № 5]

И завершим наш обзор рассказам о еще одном татарстанце, командире хозяйственного взвода партизанского отряда имени Н.Т. Шиша Пинской области Степане Васильевиче Жаркове. Он родился в 1909 г. в с. Старое Иванаево Чистопольского уезда Казанской губернии (ныне – Чистопольского района Республики Татарстан) в русской крестьянской семье. Образование начальное. Член ВКП (б) с 1937 г. После смерти отца в 1920 г. до июня 1929 г. жил и работал в хозяйстве родителей. В июне 1929 г. всей семьей (3 чел.) вступил в колхоз, где до мая 1931 г. работал заместителем председателя колхоза. С мая 1931 по февраль 1934 г. проходил службу в РККА в особом батальоне 2306 в г. Сичан в должности «старшины хозяйственного взвода и заведующим пригородного хозяйства», окончил полковую школу младших командиров.

После демобилизации один год работал сотрудником НКВД водного транспорта в г. Чистополе (ВОХРе), с 1936 г. по июнь 1938 г. работал в совхозе имени Кирова Калининского района экспедитором (отправителем рабочих тягловой силы для военстроя на Дальний Восток, отправителем скота

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

на мясокомбинат им. Микояна в Москву). С июня 1938 по июнь 1939 г. заведовал магазином в Октябрьском районе Татарской АССР.

С июня 1939 по март 1940 г. вновь проходил службу в РККА. Принимал участие в Советско-финляндской войне на Карельском перешейке. Запись в Личном листе по учету кадров: «В 1939 году по мобилизации был призван на финский фронт, где был ранен. С февраля 1940 по апрель 1940 лежал в госпитале Белоострове. Отправлен в госпиталь, после чего был направлен домой» [14, документ № 17]. С мая 1940 по июнь 1941 г. работал экспедитором от колхоза имени Тельмана в Алексеевском районе Татарской республики. С 26 июня 1941 г. вновь в Красной армии. Принимал участие в оборонительных боях на левом берегу р. Днепр в районе г. Орша – Шклов в должности рядового-зенитчика 208-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии. 22 июля 1941 г. был контужен и при отходе своей части попал в плен. В плену находился в концентрационных лагерях в Борисове и Минске.

При отправке в Германию в августе 1941 г. сбежал с поезда вблизи Варшавы и скрывался за рекой Буг в Люблинском районе. С ноября 1941 по апрель 1942 г. работал у хозяина с. Мукоши Любельского района Пинской области. С апреля 1942 по май 1944 г. в партизанском отряде помощник командира отряда по хозяйственной части, старшина. В наградном листе на представление к ордену Красной Звезды, подписанном начальником БШПД П.З. Калининым 24 ноября 1943 года отмечалось: «В партизанах с начала развития партизанского движения. Участвовал во многих боях с немецко-фашистскими захватчиками (Валовель, Ветлы, Ленино, Лунин, Погост, Синкевичи), где проявил исключительную отвагу. При разгроме ст. Синкевичи т. Жарков уничтожил 4-х немцев. Наскочив на немецкую засаду у д. Липники был ранен, но не уходил с поля боя. Он один отбил атаку 16 фашистов и вышел из окружения. В тяжелое для отряда время он бесперебойно обеспечивал продуктами отряд. Участвовал в ряде засад на немцев и спуске под откос эшелонов. За доблесть и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками, достоин правительственной награды ордена Красной Звезды» [14, документ № 1].

В апреле 1944 г. командованием бригады аттестован на присвоение воинского звания старший лейтенант. В этом же месяце был направлен для лечения в советский тыл. Сведения о семье: жена Карташова Мария Григорьевна. Дети – Вениамин, Рима, Степан от 6 до 10 лет. Награжден медалью «Партизану Отечественной войны» II степени. В июне 1943 г. командованием отряда был представлен к награждению орденом Ленина. Командование бригады и подпольный обком заменили награду орденом Красной Звезды.

Выводы. Краткий обзор сведений об участниках Советско-финляндской войны – татарах, уроженцах и жителях Татарстана – на примере командного состава партизанских формирований Беларуси позволяет сделать вывод о том, что они сыграли, несомненно, важную роль в организации и руководстве партизанской борьбой, истинное значение которой ещё нуждается в дальнейшем изучении и освещении.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Приобретенный ими опыт участия в боевых действиях, а также военные знания и подготовка, сказывались на мотивации их выбора продолжения борьбы в условиях оккупации, а личное мужество, отвага и героизм являлись примером для остальных партизан, особенно тех, кто не имел военной подготовки.

Приведенные нами примеры показывают, что среди партизан Беларуси – участников Советско-финляндской войны – были лица как старшего и среднего начальствующего состава (командиры и политработники), так и младшего (сержанты и старшины), а также рядовые бойцы кадрового и призывного состава.

Выявление и дальнейшее персонифицированное изучение судеб татар, уроженцев и жителей Татарстана – участников партизанской и подпольной борьбы в Беларуси будет способствовать не только более полному освещению проблем истории партизанской борьбы, участия в ней представителей разных национальностей, но и способствовать укреплению дружественных связей между нашими народами.

Источники и литература

1. *Аслезов С.* Разведчик Жан / С. Аслезов // Люди легенд. Очерки о партизанах и подпольщиках – Героях Советского Союза. Т. 4. М.: Политиздат, 1971. С. 134–145.
2. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: Энцыкл. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал.рэд.) і інш. Мінск: Гал. рэд. БелСЭ, 1990. 680 с.
3. Белорусская ССР. Краткая энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Биографический справочник / редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред) и др. Минск: Изд-во «Бел.Сов.Энциклопедия» им. П. Бровки, 1981. 740 с.
4. Биографический справочник. Т. 5. Минск: Белорусская советская энциклопедия имени Петруся Бровки, 1982. 737 с.
5. *Бирин М.* Иван Кабушкин: казанский вагоновожатый держал в страхе предателей и оккупантов Беларуси / М. Бирин // Деловая электронная газета «Бизнес-Онлайн». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/443139> (дата обращения: 24.12.2024)
6. Бляшев Абдурахман Хасанович // Информационная система «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero41773182/> (дата обращения: 24.12.2024)
7. Бляшев Абдурахман Хасанович // Партизаны Беларуси: специальный проект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Республики Беларусь. URL: <https://partizany.by/partisans/27694/> (дата обращения: 24.12.2024)
8. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., Наука, 1992. 256 с.
9. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1. М.: Воениздат, 1987. 911 с.
10. Героическая оборона. Сборник воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне – июле 1941 г. 2-е изд., доп. Минск: Госиздат БССР, 1963. 598 с.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

11. Герой Советского Союза Кабушкин Иван (к 100-летию со дня рождения) // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны: официальный сайт. URL: https://www.warmuseum.by/news/lyudi_i_sudby/geroy-sovetskogo-soyuza-kabushkin-ivan-konstantinovich/?sphrase_id=72000 (дата обращения: 24.12.2024)

12. Грибова С.В. Участие белорусских татар в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны / С.В. Грибова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2017. № 9. С. 55–60.

13. Давыдова В.С. В битве за Отечество / В.С. Давыдова // Герои подполья. 4-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1972. 479 с.

14. Жарков Степан Васильевич // Партизаны Беларуси: специальный проект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Республики Беларусь. URL: <https://partizany.by/partisans/25320/> (дата обращения: 24.12.2024)

15. Захаров Петр Федорович // Партизаны Беларуси: специальный проект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Республики Беларусь. URL: <https://partizany.by/partisans/29905/> (дата обращения: 24.12.2024)

16. Их именами названы...: энцикл. справочник / редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) и др. Минск: БелСЭ, 1987. 711 с.

17. Кабушкин Иван Константинович // Tatarica. Татарская энциклопедия. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novejshee-vremya/personalii/kabushkin-ivan-konstantinovich> (дата обращения: 24.12.2024)

18. Кузнецов Спиридон Спиридонович // Партизаны Беларуси: специальный проект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Республики Беларусь. URL: <https://partizany.by/partisans/48738/> (дата обращения: 24.12.2024)

19. Курмашов Абдрахман Яилович // Партизаны Беларуси: специальный проект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Республики Беларусь. URL: <https://partizany.by/partisans/52447/> (дата обращения: 24.12.2024)

20. Литвин А.М. На той войне незначенитой: советско-финляндская война и Беларусь (1939–1940 гг.) / А.М. Литвин. Минск: Беларус. Навука, 2010. 656 с.

21. На земле Беларуси: канун и начало войны: боевые действия советских войск в начальный период Великой Отечественной войны / В.В. Абатуров и др.; науч. ред. В.В. Абатуров. Минск: БЕЛТА, 2006. 576 с.

22. Навечно в сердце народном: справочник / гл. ред. И.П. Шамякин. 3-е изд. доп. и испр. Минск: Беларус. Сов.Энциклопедия, 1984. 607 с.

23. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 – 1941 г.): документы и материалы / сост.: В.И. Адамушко и др. Минск: НА РБ, 2007. 622 с.

24. Никто не забыт. Татары в партизанских отрядах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / под ред. М.С. Хакимова. М.: Авторская книга, 2014. 242 с.

25. Новиков И. Неуловимый Жан / И. Новиков // Дорога в бессмертие. Минск: Беларусь, 1967. С. 56–81.

26. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А.Л. Магнаенков, А.Л. Горелик., Е.П. Маркова и др. Минск: Беларус, 1983. 765 с.

27. Партизаны Беларуси: специальный проект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Республики Беларусь. URL: <https://partizany.by/partisans/29905/> (дата обращения: 24.12.2024)

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

28. *Подъячих П.Г.* Всесоюзная перепись населения 1939 года (методология и организация проведения переписи и разработки итогов) / П.Г. Подъячих. М.: Госстатиздат, 1957. 109 с.

29. *Пронягин П.В.* У самой границы / П.В. Пронягин; лит. запись А.М. Припотнева. Минск: Беларусь, 1979. 207 с.

30. *Ракипов Ш.* Откуда ты Жан?: повесть / Ш. Ракипов. Минск: Юнацтва, 1985. 238 с.

31. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 277.

32. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 282.

33. РГАЭ Ф. 1562. Оп. 336. Д. 913.

34. *Соколов Б.В.* Тайны финской войны / Б.В. Соколов. М.: Вече, 2009. 416 с.

35. *Старовойтов М.И.* Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны / М.И. Старовойтов // Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. 2018. № 1. С. 8–15.

36. *Старовойтов М.И.* Этносоциальный и демографический состав населения Витебской и Полесской областей перед Великой Отечественной войной (по материалам всесоюзной переписи 1939 года) / М.И. Старовойтов // Этот день мы приближали как могли.: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны (Минск, 7–8 мая 2015 г.): в 2 ч. Ч. 1. / редкол.: В.Г. Гусаков (гл. ред.) и др. Минск: Беларуская навука, 2016. 517 с.

37. Тайны и уроки зимней войны, 1939–1940 / под общ. ред. В.А. Золотарева. СПб.: Полигон, 2002. 532 с.

38. Фролов Степан Афанасьевич // Партизаны Беларуси: специальный проект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Республики Беларусь. URL: <https://partizany.by/partisans/69782/> (дата обращения: 24.12.2024)

39. Хрестоматия по истории Беларуси: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 2, кн. 1. 1917–1945 гг. / сост.: Я.И. Трещенок и др.; под науч. ред. Я.И. Трещенка, М.И. Старовойтова. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. 447 с.

40. Шагеев Николай Харитонович // Партизаны Беларуси: специальный проект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Республики Беларусь. URL: <https://partizany.by/partisans/24371/> (дата обращения: 24.12.2024).

Литвин Алексей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий центром военной истории, Институт истории НАН Беларуси, Республика Беларусь, г. Минск, ajlit@tut.by, voenhistbel@mail.ru

Litwin Aleksey M., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Military History Center, Institute of History of the Belarus National Academy of Sciences, Belarus, Minsk, ajlit@tut.by, voenhistbel@mail.ru

УДК 94(476.5)"1944"

Е.И. Кухарчук

**УЧАСТИЕ 334-й ВИТЕБСКОЙ ОРДЕНА СУВОРОВА ВТОРОЙ
СТЕПЕНИ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ОСВОБОЖДЕНИИ
г. ВИТЕБСКА БЕЛОРУССКОЙ ССР (22–26.06.1944 г.)**

Аннотация. Статья посвящена участию 334-й Витебской ордена Суворова второй степени стрелковой дивизии в освобождении г. Витебска Белорусской ССР (22–26.06.1944 г.). Рассмотрены отдельные аспекты формирования и боевого пути дивизии. Проанализированы биографические сведения командно-начальствующего состава. Сделан вывод, что 334-я стрелковая дивизия сыграла значительную роль в освобождении г. Витебска Белорусской ССР, вписав яркие страницы в Отечественную историю.

Ключевые слова: операция «Багратион», Витебская операция, 334-я стрелковая дивизия, формирование, боевой путь, героизм, поощрения.

Е.И. Kukharchuk

**PARTICIPATION OF THE 334th VITEBSK ORDER OF SUVOROV
SECOND DEGREE INFANTRY DIVISION IN THE LIBERATION
OF VITEBSK, THE BELARUSIAN SSR (22–26.06.1944)**

Abstract. The article is devoted to the participation of the 334th Vitebsk Order of Suworov second degree infantry division in the liberation of Vitebsk, the Belarussian SSR (22–26.06.1944). The certain aspects of the formation and combat path of the division have been considered. The biographies of the commanding officers have been analyzed. In conclusion, the 334th infantry division played a significant role in the liberation of the city of Vitebsk of the Belarussian SSR, fitting bright pages in history.

Keywords: operation «Bagration», Vitebsk operation, 334 infantry division, combat path, heroism, encouragement.

Введение

В 2024 г. Республика Беларусь отметила свое 80-летие со дня освобождения от немецко-фашистских захватчиков. За годы Великой Отечественной войны Белорусская ССР понесла огромные людские потери: установлено, что за 1 100 дней оккупации страны погиб каждый третий ее житель, уничтожено 12 348 сел и деревень, из них не менее 288 повторили трагическую судьбу деревни Хатынь, то есть были сожжены полностью и не возродились после войны [12]. Одна из кровавых страниц Отечественной истории тесно связана с реализацией немецкого плана «Ост» на территории Витебщины, где с июля 1941 г. по июль 1944 г. погибло 151 451, угнано в немецкое раб-

ство 68 434 чел. [2, с. 15] В самом Витебске, насчитывавшем к началу войны около 200 тыс. жителей, в день его освобождения оказалось всего 118 чел.

Положить конец «новому порядку» в областном центре Белорусской ССР было определено проведением Витебской операции, которая вошла в историографию Великой Отечественной войны как составная часть крупной стратегической наступательной операции «Багратион», ставшей вершиной военного искусства военачальников Красной армии. Окружение и уничтожение немецкого агрессора в Витебске было произведено силами общевойсковых соединений (1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов) в исключительно короткие сроки, одним из которых являлась 334-я Витебская ордена Суворова второй степени стрелковая дивизия (далее – 334-я дивизия), отличившаяся в овладении северной столицы Белорусской ССР [16, с. 50].

Цель публикации заключается в выявлении особенностей формирования 334-й стрелковой дивизии и раскрытия ее роли в боевых действиях по освобождению Витебска. В качестве исследовательских задач назначены наиболее дискуссионные вопросы истории дивизии. Во-первых, проследить механизм формирования и боевой путь дивизии. Во-вторых, раскрыть особенности участия дивизии в освобождении г. Витебска. В-третьих, проследить судьбу командно-начальствующего состава дивизии.

Решению поставленных задач способствовало использование разнообразных источников – документальных, мемуарных, картографических. Для решения исследовательских задач использовались специальные исторические (историко-системный, историко-сравнительный) и междисциплинарные (картографический, биографики) методы исследования.

Формирование и боевой путь дивизии к июню 1944 года

В соответствии с Постановлением Государственного Комитета Обороны от 11 августа 1941 г. № 459сс «О формировании стрелковых и кавалерийских дивизий» утверждено, что организационно-штатная структура дивизии должна быть представлена: людей – 11 447, винтовок – 8 844, пулеметов станковых – 108, пулеметов ручных – 162, минометов 50 мм – 81, грузовых автомобилей – 192, лошадей – 2 698 и другое [20].

С 29 августа 1941 г. в Казани началось формирование дивизии, возглавить которую, было приказано Н.М. Мищенко [16, с. 50], начальником штаба дивизии назначен Ю.З. Новиков, комиссаром – Ф.Л. Уваров, политический отдел возглавил В.Я. Москвин [20].

Более подробно остановимся на командире дивизии Николае Михайловиче Мищенко (рис. 1), который возглавлял соединение с 1 сентября 1941 г. по 9 мая 1944 г. Он родился 24 июня 1899 г. в с. Карпёнка Новоузенского уезда Самарской губернии (ныне – в составе Кранокутского района Саратовской области Российской Федерации). В Красной армии с мая 1918 г. Окончил следующие учебные заведения: партийная школа при политотделе 1-й армии (1919 г.), 5-е Петергофские командные курсы (1922 г.), Военно-политический институт Красной армии им. Н.Г. Толмачева (1924 г.), сдал

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

экстерном экзамен за курс нормальной пехотной школы (1927 г.), курсы «Выстрел» (1931 г.), два курса заочного обучения Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе (1938 г.). Проходил службу на различных должностях от красногвардейца в Карпёнской красногвардейской дружине (с января 1918 г.) до командира 267-й стрелковой Сивашской дважды Краснознаменной дивизии 51-й армии (1945 г.). В ходе Витебско-Оршанской и Полоцкой наступательных операций находился в 51-й гвардейской стрелковой дивизии и участвовал с ней в уничтожении витебской группировки противника. В послевоенное время зачислен в распоряжение Военного совета Московского военного округа, затем назначен старшим преподавателем тактики курсов «Выстрел» (1946 г.), с ноября 1948 г. переведен на должность областного военного комиссара Николаевской области Украинской ССР, с апреля 1951 г. исполнял должность военкома Одесского областного военного комиссариата. 20 мая 1958 г. уволен в запас. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями [18].

7 ноября 1941 г. дивизия передислоцирована в с. Ковернино Горьковской области, где продолжились мероприятия по ее формированию: поступление личного состава из Горьковской, Ивановской и Ярославской областей. С 1 декабря 1941 г. дивизия входит в состав 24-й армии Московской зоны обороны [16, с. 50; 18], прикрывая подступы к Москве с Наро-Фоминского направления. Стоит отметить, что сформированная дивизия состояла на 83 % из необученного рядового состава и имела недостаточно времени на мероприятия боевого слаживания.

19 декабря 1941 г. по приказу штаба 24-й армии и Штаба обороны Московской зоны дивизия начала погрузку частей и подразделений в район Осташков, где вошла в состав 27-й армии [28, л. 1], которая после будет преобразована в 4-ю ударную армию. В течение декабря 1941 г. части дивизии находились в пути движения к новому месту дислокации, а прибывший личный состав занимался мероприятиями боевой и политической подготовки по спущенной программе [28, л. 2–3].

Во исполнение боевого распоряжения № 0040 Штаба 4-й ударной армии части дивизии с 18:00 6 января 1942 г. находились в движении в направлении районов: Зехново, Озерки, Сыродел, Опокин, Крестки [28, л. 3], после чего головные колонны главных сил маршем прошли и заняли новые исходные рубежи, готовясь к предстоящей атаке. 9 января 1942 г. в 9:30

Рис. 1. Мищенко Николай Михайлович (1899–1969 гг.), гвардии генерал-майор [17]

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

1124-й и 1126-й стрелковые полки дивизии после артподготовки начали наступление на фронте: Польки, Лапино и к 14:00 вышли на фронт: Колобово, Ручьево, Волго и далее юго-восточный берег оз. Волго, освободив 8 населенных пунктов [28, л. 4]. Стоит отметить, что противник оказывал упорное сопротивление в населенных пунктах, осуществляя частые контратаки, но, несмотря на сложную обстановку, дивизия продолжала выполнять боевую задачу. Потери дивизии за 3 дня кровопролитных боев составили 268 чел. убитыми, 785 ранеными [28, л. 5].

В дальнейшем боевые действия разворачивались в районе н.п. Шуваево, который противник оставил 16 января 1942 г. Стремительно продвигаясь за отходившими частями врага, дивизия вышла к 17 января 1942 г. от н.п. Шуваево на н.п. Ранцево. К 21 января 1942 г. дивизия, продвигаясь дальше на юг, вышла к н.п. Хмелевка. Отходя немецкие части сжигали деревни. Утром 24 января 1942 г. части дивизии окружили н.п. Нелидово и к 25 января 1942 г. деревня была очищена от противника. Стоит констатировать тот факт, что потери противника составили до 400 чел., а также захвачено 250 автомашин, 49 мотоциклов, 25 орудий, 1 300 винтовок, продовольственные, вещевые склады и горючее [28, л. 8–10]. За период трехнедельного наступления дивизия смогла преодолеть свыше 100 км и освободила 302 населенных пункта [16, с. 31].

С февраля 1942 г. по октябрь 1943 г. дивизия в составе Калининского фронта вела боевые действия под г. Велиж. 8 октября 1942 г. отмечалась

Рис. 2. Герой Советского Союза
Гайко Андрей Самойлович [7]

первая годовщина со дня формирования дивизии, на торжественном собрании которого присутствовал командующий 4-й ударной армии генерал-лейтенант Курасов. С ноября 1943 г. дивизия входит в состав 1-го Прибалтийского фронта и освобождает территорию Белорусской ССР. Сохранились сведения о подвиге Героя Советского Союза Андрея Самойловича Гайко (рис. 2), отличившегося на северо-западе от Витебска зимой 1943 г. Так, 26 декабря 1943 г. в бою в районе д. Поленки со своим взводом в количестве 7 человек в течение четырех часов ожесточенного боя отразил 10 контратак противника и удерживал свои позиции. Из личного состава трое были убиты, трое получили тяжелые ранения, Андрей Самойлович, оставшись один, засев за станковый пулемет, до последнего патрона вел огонь по противнику, героически погиб на поле сражения [7].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

В мае 1944 г. командование дивизии (10.05–15.07.1944 г.) принимает на себя гвардии полковник В.Т. Гнедин. Представляется целесообразным остановиться на биографии Гнедина Василия Тихоновича (рис. 3), который руководил дивизией непосредственно в ходе освобождения г. Витебска от немецко-фашистских захватчиков. Он родился 23 ноября 1902 г. в г. Дорогобуж Смоленской губернии (ныне – Смоленской области Российской Федерации). В Красной армии с октября 1919 г. Окончил следующие учебные заведения: 45-е пехотные командные курсы (1921 г.), Высшую пограничную школу НКВД (1927 г., 1935 г.), ускоренный курс Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (1944 г.). Проходил военную службу на различных должностях от политбойца (1919 г.) до командира 166-й стрелковой дивизии (1944 г.), с которой участвовал в Рижской и Мемельской наступательных операциях, где был тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь. После выздоровления с февраля 1945 г. в распоряжении Военного совета 1-го Белорусского фронта, а с апреля – начальника отдела по руководству военными комендатурами 1-го Белорусского фронта. Руководя 334-й стрелковой дивизией в Витебско-Оршанской, Полоцкой и Шауляйской наступательных операциях неоднократно отмечался в лучшую сторону, а дивизия получила почетное наименование «Витебская». В послевоенное время исполнял должность военного коменданта района Митте г. Берлина. С февраля 1947 г. продолжил службу на должности начальника отдела городского хозяйства Управления военного коменданта г. Берлина. Будучи в этой должности, заболел и был эвакуирован в госпиталь в Москву, где 4 октября 1947 г. умер. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями [14].

Рис. 3. Гнедин Василий Тихонович (1902–1947 гг.), гвардии полковник [13]

К началу июня 1944 г. укомплектованность дивизии составляла 3 999 чел. [25] и дивизия была передана из 92-го в 60-й стрелковый корпус, командование которого осуществлял генерал-майор А.С. Люхтиков.

Подготовка дивизии к освобождению Витебска

Витебск, как и ряд других городов Белоруссии, был объявлен А. Гитлером укрепленным районом, или как фигурирует в некоторых источниках, – крепостью. Генерал-фельдмаршал Э. Буш в своем приказе от 23 мая 1944 г. потребовал удерживать город «при любых обстоятельствах» [24, с. 287]. Это было обусловлено тем, что удержание г. Витебска как стратегического объекта позволяло обеспечивать взаимодействие между группами армий «Центр» и

«Север». С учетом этого, противник оборудовал на подступах к городу несколько рубежей: первый – прикрытый сплошными комбинированными проволочными и минно-взрывными заграждениями на удалении 10–15 км от г. Витебска, а также второй – в 7–10 км от переднего края, перед которым имелись заграждения, противотанковые рвы и минные поля. Последняя линия траншей была открыта непосредственно на окраинах города.

Освобождение областного центра Белорусской ССР осуществлялось в рамках крупнейшей стратегической наступательной операции Красной армии «Багратион», оперативный план которой начал разрабатываться Генштабом в апреле 1944 г. Общий замысел операции состоял в сокрушении флангов немецкой группы армий «Центр», окружении основных ее сил восточнее г. Минска и полном освобождении Белоруссии [1, с. 295].

План операции «Багратион» был утвержден Верховным главнокомандующим 30 мая 1944 г. В соответствии с планом предполагалось осуществить одновременный прорыв обороны противника на шести участках фронта; окружить и уничтожить его фланговые группировки в районах гг. Витебска и Бобруйска; развить наступление на каунасском, минском и брестском направлениях с целью завершения разгрома группы армий «Центр» и выхода на рубеж Даугавпилс, Каунас, Белосток, Брест, Люблин [23].

Ночью 31 мая 1944 г. после завершения отработки и подписания частных директив И.В. Сталиным и Г.К. Жуковым они были направлены командующим фронтам [10, с. 61–63]. В частности, в соответствии с директивой № 220114 1-му Прибалтийскому фронту предусматривалось:

«Во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить Витебско-лепельскую группировку противника и выйти на южный берег р. Западная Двина в районе Чашники, Лепель, для чего силами 6-й гвардейской и 43-й армий прорвать оборону противника в районе юго-западнее г. Городка, нанося один общий удар в направлении населенных пунктов Бешенковичи, Чашники.

Ближайшая задача – форсировать р. Западная Двина и овладеть районом Бешенковичей. Частью сил во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта разгромить витебскую группировку противника и овладеть г. Витебск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на г. Лепель, прочно обеспечивая главную группировку фронта с полочского направления ...» (рис. 4).

На основании полученной директивы генерал армии И.Х. Баграмян принял решение прорвать оборону врага на смежных флангах 6-й гвардейской и 43-й армий на участке шириной 25 км. После – ввести в прорыв 1-й танковый корпус, которым нанести удар в направлении населенных пунктов Сиротино, Бешенковичи, форсировать р. Западная Двина и тем самым нарушить важное для немецких войск взаимодействие между группами армий «Север» и «Центр». Одновременно правофланговыми соединениями 43-й армии совместно с 39-й армией 3-го Белорусского фронта окружить и уничтожить витебскую группировку противника [21, с. 252].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

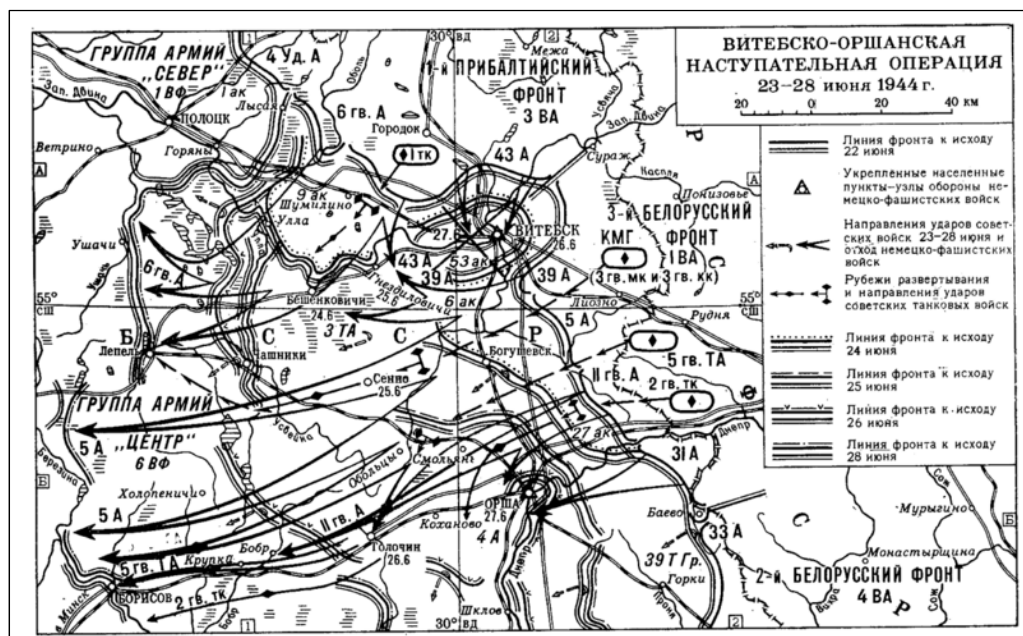

Рис. 4. Витебско-Оршанская наступательная операция
(23–28 июня 1944 г.) [11]

Наступление 43-й армии в составе восьми стрелковых дивизий (306-й, 179-й, 357-й, 145-й, 235-й, 156-й, 204-й и 334-й) со средствами усиления должно было нанести главный удар своим правым флангом в общем направлении населенных пунктов Шумилино, Кутино в течение трех дней. В частности, дивизии, в соответствии с боевым приказом, на первый день операции ставилась задача прорвать оборону противника на фронте н.п. Козоногово, лес южнее н.п. Заболотники и к исходу первого дня наступления главными силами выйти на рубеж Рябушково, Язвино.

В начале мая 1944 г. личный состав дивизии принял пополнение и приступил к боевой подготовке. Обучение личного состава осуществлялось в обстановке приближенной к боевым условиям. Это было обусловлено тем, что необходимо в кратчайшие сроки подготовить подразделения к стремительной атаке, прорыву главной полосы обороны противника на всю ее глубину. Для реализации этих задач в каждом полку один из батальонов готовился как штурмовой. Из воспоминаний командира 1124-го стрелкового полка дивизии Г. Поршнева: «В нашем полку таким батальоном был определен первый, командиром которого назначили капитана Н.П. Луговского, офицера с большой практикой и жизненным опытом» [9, с. 28–29].

В целях наилучшего качества боевой подготовки занятия в частях дивизии проводились по программе штурмовых батальонов. В каждом полку были выделены штурмовые батальоны. Занятия проводились в условиях,

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

приближенных к боевой обстановке с боевой стрельбой, с танками, с формированием водной преграды. Основное внимание на занятиях уделялось отработке техники передвижения на поле боя и техники атаки, организации взаимодействия стрелковых подразделений со специальными родами войск. Весь офицерский состав частей, до командиров рот и батарей включительно, небольшими группами выезжал на рекогносцировку района предстоящих действий. Не оставалась в стороне и партийная деятельность дивизии. Так, майор Раевый, возглавлявший партийно-политический аппарат, в кратчайшие сроки распределил коммунистов и комсомольцев по подразделениям дивизии.

В третьей декаде мая 1944 г. личный состав дивизии осуществлял разведку обороны противника, перегруппировку войск, подготовку к наступательной операции: окончательное уточнение группировки немецко-фашистских войск и вскрытие их системы огня.

Реализация этих задач отражена в воспоминаниях Героя Советского Союза В. Хазиева: «Я начал ходить в разведку. Хорошо помню эпизод, когда мы взяли первого "языка", да не одного, а сразу двоих. Легко сказать – "взяли". Опасно было и нелегко далась эта "добыча". Через бесконечные траншеи и проволочные заграждения пришлось на себе тащить пленных. И не как попало, а бережно, чтобы на допросах были разговорчивыми [9, с. 136–137]. Все разведывательные данные своевременно обрабатывались, обобщались и передавались в штабы армий.

При подготовке к прорыву войск основные усилия были направлены на то, чтобы научить мастеровито и своевременно преодолевать лесисто-болотистую местность, водные преграды, маневрировать в бою и в кратчайшие сроки развивать успех прорыва в тактической глубине обороны противника. В частности, с учетом того, что личному составу дивизии предстояло форсировать водный рубеж – р. Западная Двина, – в период с 5 по 7 июня 1944 г. Военным Советом 43-й армии было проведено показательное учение на тему «Наступление усиленного стрелкового батальона с форсированием водной преграды», где были задействованы командир дивизии и его заместители. Стоит добавить, что при подготовке личного состава учитывался опыт предыдущих наступательных операций. В ночь на 9 июня 1944 г. дивизия передислоцировалась в район н.п. Большое Романово, где продолжала занятия [27, л. 266].

С 19 по 22 июня 1944 г. в ночное время дивизия перегруппировалась и заняла исходное положение северо-западнее г. Витебска [9, с. 266–271]. Для выполнения боевой задачи по прорыву обороны противника дивизия была сосредоточена в полосе протяженностью по фронту до 1,5 км. Усилена 1204-м самоходным артиллерийским полком, 39-й танковой бригадой, 588-м минометным полком. Непосредственно против дивизии стоял батальон 56-й пехотной дивизии (до 600 чел.), поддерживаемый артиллерией и минометами [9, с. 132].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Особое внимание уделялось мероприятиям по обеспечению скрытности подготовки операции, обеспечение которой было достигнуто следующими принятыми мерами:

1. Передвижение частей производилось только в ночное время.
2. Дневное движение было запрещено даже для небольших команд и отдельных автомашин.
3. На дорогах через каждые 200 м. были выставлены посты регулировщиков.
4. Выезжавшие на рекогносцировку офицеры были переодеты в форму сержантов и солдат.

21 июня 1944 г. Маршал Советского Союза А.М. Василевский представил И.В. Сталину письменный доклад о готовности к операции «Багратион».

По состоянию на 22 июня 1944 г. боевой состав дивизии состоял из стрелковых полков (1122-го, 1124-го, 1126-го), артиллерийских (908-й артиллерийский полк, 280-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион), инженерных (477-й отдельный саперный батальон), химических (423-я отдельная рота химзащиты) частей, разведывательных подразделений (407-я отдельная разведрота), а также приданных частей (39-я танковая бригада, 558-й минометный полк, 1203-й самоходно-артиллерийский полк, 23-й отдельный штурмовой инженерно-саперный батальон). Всего 4 483 человека, из них активных штыков – 2 695; автоматов – 831, пулеметов станковых – 73, пулеметов ручных – 153; артиллерии (стволов) – 84, минометов – 125; танков и самоходных орудий – 66 единиц [27, л. 271].

Участие дивизии в Витебской наступательной операции

Начало боевых действий датируется 22 июня 1944 г., когда силами 7-й стрелковой роты 1126-го стрелкового полка осуществили короткую артиллерийскую подготовку с разведывательной целью [27, л. 266] и продолжили разведку боем из района колхоза им. Ворошилова с направления отметки 160,4. Пройдя через проходы в проволоке, проделанные огнем артиллерии, рота немедленно начала вести бой, в ходе которого заняла первую линию траншей, а затем значительную часть второй линии. Противник, стремясь восстановить положение, предпринял 6 контратак, которые активно были поддержаны сильным артиллерийским огнем. Рота потеряла до 50 % личного состава убитыми и ранеными, после трех часов боев была вынуждена отойти в свое расположение. В результате проведенной разведки боем было уничтожено до 50 солдат противника и захвачен в плен ефрейтор Курт Бранних. Потери дивизии за 22 июня составили: 28 убитых, 58 раненых человек [27, л. 269].

Утром 23 июня 1944 г. артиллерия начала пристрелку, которая длилась 2 часа, после чего стрелковые подразделения перешли в наступление по фронту населенных пунктов Новая Игуменщина, Ужлятино в общем направлении на н.п. Шумилино. Прорвав сильно укрепленный оборонительный рубеж немцев, продвинулась и к исходу дня овладела рубежом насе-

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

ленных пунктов севернее Лесковичи, Непор [27, л. 266]. Потери дивизии за 23 июня составили: 5 убитых, 55 раненых человек [27, л. 270].

Личный состав дивизии героически проявил себя в боях по прорыву глубокоэшелонированной обороны противника северо-западнее г. Витебска. Так, 23 июня 1944 г. командир стрелкового взвода 1122-го стрелкового полка дивизии лейтенант М.Т. Кузнецов (рис. 5) во главе своего взвода ворвался в траншею противника, где в рукопашной схватке лично уничтожил трех солдат агрессора. Позже, Михаил Тихонович за героический подвиг, проявленный при форсировании р. Западная Двина, будет удостоен высшей награды – звания Героя Советского Союза [6].

Рис. 5. Герой Советского Союза Кузнецов Михаил Тихонович [6]

После ночных боев к 6 часам 24 июня 1944 г. отдельными частями дивизии вышли к р. Западной Двине [27, л. 266]. В течение дня части корпуса очищали от остатков противника северный берег реки на фронте от н.п. Улазовичи до н.п. Новки и вели бои за переправы, а также вели подготовку к форсированию реки с помощью подручных средств. Несмотря на директивные требования А. Гитлера удерживать витебский плацдарм «любой ценой», 24 июня 1944 г. немецкое командование, ввиду вероятной угрозы окружения, отдает приказ об отходе в западном направлении, однако окружение группировки противника уже было осуществлено, в последующем расширено. Потери дивизии за сутки составили 109 чел., ранено 457 чел. [27, л. 270].

25 июня 1944 г. личный состав 334-й дивизии приступил к форсированию р. Западной Двины на подручных плавсредствах (лодки, бочки, бревна из разобранных домов и др.). Успешно выполнив задачу и завоевав плацдармы на левом берегу реки, части дивизии повели дальнейшее наступление на противника. Сохранились сведения о героических примерах форсирования водной преграды.

Так, замполит 1-го батальона М.Ф. Шварцман одним из первых переправился через реку, после чего организовал бой за расширение плацдарма, принял часть огня на себя, тем самым облегчил переправу другим подразделениям. Погиб при атаке западной окраины н.п. Гнездиловичей. Героически погиб в этом бою Герой Советского Союза командир 1-го батальона капитан Н.П. Луговский. Еще одним примером беззаветного служения Отечеству является пулеметчик 1124-го стрелкового полка дивизии Р. Азимов, который переправившись через реку со своим пулеметом, открыл огонь по противнику, не давававшему возможности переправиться пехоте. Одним из первых встретился с войсками 3-го Белорусского фронта [8].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Необходимо отметить, что на протяжении боя отличились коммунисты. Так, помощник командира взвода сержант И.П. Медведев совместно с Титовым и Елкиным первыми вступили на правый берег реки. Обнаружив огневую точку, красноармеец обошел ее и атаковал ее с тыла, в результате чего уничтожил 7 солдат противника и два пулемета [9, с. 34].

В середине дня 25 июня 1944 г. 1124-й стрелковый полк овладел н.п. Будилово и Гнездиловичи, перерезав шоссе Витебск – Бешенковичи, и соединился с 19-й гвардейской дивизией 3-го Белорусского фронта, завершив окружение Витебской группировки противника [19, с. 393]. За сутки дивизия потеряла 5 человек, 21 был ранен [27, л. 270].

К 6 часам 26 июня 1944 г. Витебск был полностью освобожден (рис. 6). В этот день приказом Верховного Главнокомандующего войскам, участвовавшим в освобождении города, была объявлена благодарность и в г. Москве в честь освобождения северной столицы Белорусской ССР дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий [15].

Рис. 6. Воины Красной армии салютуют в честь освобождения г. Витебска от немецко-фашистских захватчиков [3]

В течение 26 июня 1944 г. части дивизии уничтожали разрозненные группы противника, в результате чего были убиты до 700 солдат и офицеров, разбито 5 ручных пулеметов и 1 орудие 75 мм, пленены 125 солдат и офицеров (рис. 7). Потери дивизии составили: 32 убитыми, 83 ранеными. Всего с 23 по 26 июня 1944 г. дивизия овладела 53 населенными пунктами [27, л. 270].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Рис. 7. Пленные немецкие солдаты и офицеры
проходят по ул. г. Витебска [4]

После освобождения г. Витебска, дивизия с 27 по 30 июня 1944 г. преследовала противника и к исходу 30 июня 1944 г. вышла на рубеж населенных пунктов Зерченичи, Судиловичи, Замошье [27, л. 266]. Захваченный при разгроме витебской немецкой группировки командир 53-го армейского корпуса, генерал пехоты Гольтвицер при допросе характеризовал операцию так: «Это была красивая и талантливая военная операция».

За героизм, проявленный при форсировании р. Западной Двины из состава войск 6-й гвардейской и 43-й армий (рис. 8) были представлены к званию Героя Советского Союза: 6 генералов, 58 офицеров, 79 сержантов и рядовых [26, л. 243–244]. В частности, из состава дивизии высшей наградой были удостоены: капитан Н.П. Луговской (посмертно), майор М.Ф. Шварцман (посмертно), старшина А.И. Исипин, сержант И.П. Медведев, командир отделения С.Т. Бреусов, лейтенант М.Т. Кузнецов (посмертно), красноармейцы Р. Азимов, В. Хазиев, П.Е. Кондратенко и А.И. Белов [8; 9, с. 36; 16; 19].

В соответствии с Приказом Верховного Главнокомандующего от 10 июля 1944 г. № 0193 за прорыв Витебского укрепленного района немецко-фашистских захватчиков и овладение г. Витебска дивизии было присвоено почетное наименование «Витебская» [22]. В дальнейшем она участвовала в освобождении Белорусской, Латвийской и Литовской республик, в январе 1945 г. в Восточно-Прусской наступательной операции в районе Мазурских озер, во второй половине февраля – марте 1945 г. в уничтожении противни-

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

ка юго-западнее г. Кёнигсберга, за что была удостоена ордена Суворова II степени [16, с. 50].

Рис. 8. Бойцы 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта под командованием Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта А.П. Белобородова, награжденные за освобождение г. Витебска [5]

Заключение

Таким образом, боевой путь дивизии, сформированной в Казани в августе 1941 г. полон ярких героических примеров беззаветного служения Отечеству. Получив боевое крещение у оз. Волго, части дивизии в дальнейшем освобождали территории советских республик и европейских стран. Особое место в ее истории занимает участие в Витебской операции, в результате которой дивизия за четыре дня боев (22–26.06.1944 г.) преодолела более 30 километров, форсировала р. Западную Двину и соединилась с войсками 3-го Белорусского фронта, наступающим юго-западнее г. Витебска, завершив тем самым окружение Витебской группировки противника и освобождение северной столицы Белорусской ССР от немецко-фашистских захватчиков.

За героизм, проявленный при форсировании р. Западной Двины, 10 воинов Красной армии удостоены звания Героя Советского Союза. За освобождение г. Витебска дивизии присвоено наименование «Витебская», а за уничтожение группировки противника в г. Кёнигсберге награждена орденом Суворова II степени и впредь она именуется как «334-я Витебская ордена Суворова второй степени стрелковая дивизия».

Источники и литература

1. Баграмян И.Х. Так шли мы к победе / И.Х. Баграмян. М.: Воениздат, 1977. 608 с.
2. Без срока давности. Беларусь / А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев, Т.В. Бувеч и др. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 2020. 935 с.
3. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов (далее – БГА КФФД). Арх. № 0-055582.
4. БГА КФФД. Арх. № 0-061671.

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

5. БГА КФФД. Арх. № 0-071527.
6. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны» (далее – БГМ ИВОВ). КП 34171/001.
7. БГМ ИВОВ. КП 40721.
8. БГМ ИВОВ. НВ 5388/003.
9. В боях и походах: боевой путь 334-й Витебской ордена Суворова стрелковой дивизии / сост. К. Иванов, Б. Курбанов, М. Митрофанов. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: Татарское книжное издательство, 1985. 286 с.
10. Великая Отечественная война, 1941–1945. Документы и материалы. Т. VIII. Освобождение Белоруссии. М.: Росперспектива, 2015. 694 с.
11. Витебско-Оршанская наступательная операция // Витебская энциклопедия. URL: http://www.evitebsk.com/w/index.php?title=Витебско-Оршанская_наступательная_операция&oldid=38808 (дата обращения: 18.04.2023).
12. Генеральная прокуратура Республики Беларусь: [сайт]. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru> (дата обращения: 13.11.2024).
13. Гнедин, Василий Тихонович // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=8531218&oldid=139142760> (дата обращения: 02.12.2024).
14. Гнедин Василий Тихонович // Информационная система «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander2861/>
15. Загад Вярхоўнага Галоўнакамандуючага // Савецкая Беларусь. 1944. 29 чэрвеня.
16. Кабирова А.Ш. Нам жить и помнить. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / А.Ш. Кабирова, Е.Г. Кривоножкина, А.С. Бушуев. Казань: Фолиант, 2016. 248 с.
17. Мищенко Николай Михайлович // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=8685433&oldid=139143028> (дата обращения: 02.12.2024).
18. Мищенко Николай Михайлович // Информационная система «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander4312/> (дата обращения: 02.12.2024).
19. Освобождение Беларуси. 1943–1944 / В.В. Абатуров и др. Минск: Беларуская навука, 2014. 943 с.
20. Постановление Государственного Комитета Обороны от 11 августа 1941 г. № ГКО-459сс «О формировании стрелковых и кавалерийских дивизий» // Солдат.ru: [сайт]. URL: <https://www.soldat.ru/doc/gko/text/0459.html> (дата обращения: 15.11.2024).
21. Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 1. М.: Воениздат, 1956. 534 с.
22. Сборник приказов Народного комиссара обороны СССР (1941–1944) о присвоении наименований частям, соединениям и учреждениям Красной Армии. М.: Б.и., 1945. 444 с.
23. Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. 982 с.
24. Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта / В. Хаупт. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 302 с.
25. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 235. Оп. 2078. Д. 59.
26. ЦАМО РФ. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 35.
27. ЦАМО РФ. Ф. 949. Оп. 1. Д. 52.

28. ЦАМО РФ. Ф. 1648. Оп. 1. Д. 13.

Кухарчук Евгений Игоревич, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Институт пограничной службы Республики Беларусь, Республика Беларусь, г. Минск, kuharevgen3359@gmail.com

Kukharchuk Evgeniy I., Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Border Service of the Republic of Belarus, Republic of Belarus, Minsk, kuharevgen3359@gmail.com

УДК [94(47)+355.422(091)].084.8

А.А. Игонин

БОЕВОЙ ПУТЬ 262-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ВОСТОЧНО-ПРУССКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1945 г.

Аннотация. В статье на основе опубликованных архивных документов воссоздан боевой путь 262-й стрелковой дивизии в ходе Восточно-Прусской стратегической наступательной операции 1945 г. Описано участие дивизии в боях во взаимодействии с соседними дивизиями, другими соединениями, выявлена её роль в наступательных действиях на разных этапах операции с января по апрель. Приведены данные о численности дивизии, артиллерийском вооружении, указаны проблемы стрелковой дивизии Красной армии на завершающем этапе войны. Приведено краткое описание участия в операции родственников автора статьи, воевавших в составе дивизии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Восточно-Прусская операция, 262-я стрелковая дивизия, Кёнигсберг, Земландская группа войск.

А.А. Igonin

THE COMBAT PATH OF THE 262nd RIFLE DIVISION IN THE EAST PRUSSIAN STRATEGIC OFFENSIVE OPERATION OF 1945

Abstract. Based on published archival documents, the article recreates the combat path of the 262nd Rifle Division during the East Prussian Strategic Offensive operation in 1945. The division's participation in battles in cooperation with neighboring divisions and other formations is described, and its role in offensive operations at various stages of the operation from January to April is revealed. The data on the division's strength and artillery armament are given, and the problems of the Red Army rifle division at the final

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

stage of the war are indicated. A brief description of the participation in the operation of the relatives of the author of the article, who fought in the division, is given.

Keywords: Great Patriotic War, the East Prussian operation, the 262nd rifle division, Königsberg, the Zemland group of Forces.

К началу Восточно-Прусской операции 262-я стрелковая дивизия входила в состав 113-го стрелкового корпуса 39-й армии и состояла из 940-го, 945-го и 950-го стрелковых, 788-го артиллерийского полков, 315-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, 428-го отдельного саперного батальона, 684-го отдельного батальона связи, специальных и тыловых подразделений. Общая численность дивизии составляла 5 043 чел., из них 3 136 – личный состав стрелковых полков [5, л. 33–34]. По этому показателю дивизия была типичным стрелковым соединением Красной армии на завершающем этапе войны. Командовал дивизией генерал-майор Захарий Никитович Усачёв.

В боевом пути 262-й стрелковой дивизии в Восточно-Прусской операции можно выделить следующие этапы:

- Тильзитская операция, бои по прорыву немецкой обороны в районе Пилькаллен¹ – Лазденен² в период 13–18 января 1945 г.;
- продвижение к г. Кёнигсбергу³ и Земландскому полуострову⁴, преследование отступающих немецких войск в период 18–31 января 1945 г.;
- бои у г. Кёнигсберга в феврале – марте 1945 г.;
- наступательные действия в период штурма Кёнигсберга 6–9 апреля и участие в Земландской операции 13–25 апреля 1945 г.

Восточная Пруссия была старой немецкой провинцией, центром королевства Пруссия и издавна имела многочисленные военные укрепления. В XX в. в эпоху индустриальной войны область имела для Германии большое экономическое, политическое и военно-стратегическое значение и потому строительство оборонительных сооружений здесь велось особенно интенсивно. На пути 39-й армии и, соответственно, 262-й стрелковой дивизии находился один из крупных укрепрайонов – «Ильменхорст» в районе г. Инстербурга⁵. Кроме того, особенности местности в Восточной Пруссии создавали трудности для наступающей стороны – многочисленные леса, реки, озёра (например, знаменитые Мазурские озёра), и использовались противником для обороны. Хотя, в полосе наступления 39-й армии и 262-й стрелковой дивизии местность вплоть до Кёнигсберга характеризовалась спокойным, ровным рельефом с невысокими холмами и сетью дорог с при-

¹ Ныне – п. Добровольск Калининградской области (прим. ред.).

² Ныне – г. Краснознаменск Калининградской области (прим. ред.).

³ Ныне – г. Калининград (прим. ред.).

⁴ Ныне – Калининградский полуостров (прим. ред.).

⁵ Ныне – г. Черняховск Калининградской области (прим. ред.).

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

легающими к ним населёнными пунктами, однако эта местность была изрезана оросительными каналами, которые затрудняли движение техники, служили противотанковыми рвами, а также местами покрыта большими лесными массивами, которые, впрочем, позволяли скрытно перемещать войска обеим сторонам. Крупной водной преградой на пути к Кёнигсбергу была р. Дайме шириной 40 м и с обрывистыми берегами, однако, как мы увидим, немцам не удастся задержать наши войска на этом рубеже на сколько-нибудь продолжительное время. В первые дни боёв опасность представляли высоты севернее и восточнее Пилькаллен, с которых просматривалась глущина нашей обороны.

В журнале боевых действий 262-й стрелковой дивизии перед началом наступления отмечалось, что «Тильзитская операция характерна тем, что в ходе её нашим войскам предстояло в короткий срок сломить сильно укреплённую, глубоко эшелонированную неприятельскую оборону, созданную немцами ещё во времена Фридриха Великого и доусовершенствованную в течение последних трёх лет» [5, л. 6]. Но и Красная армия за время оперативной паузы с октября 1944 г. подготовилась к наступлению на Кёнигсберг – были накоплены боеприпасы, собраны большие силы артиллерии крупных калибров. Артиллерия 262-й стрелковой дивизии на начало операции с учётом зарядов на депо огневых припасов была обеспечена боеприпасами к 82-х и 120-мм миномётам от 1,9 до 2,13 боекомплектов соответственно, к 45-мм, 76-мм и 122-мм орудиям – 1,45, 2,14–2,22 и 2,12 боекомплектами соответственно [5, л. 38], то есть в большей степени были обеспечены снарядами орудия и миномёты тех калибров, которые могли эффективно бороться с укреплениями.

Для каждого стрелкового полка была создана подвижная артиллерийская группа; каждая включала два 45-мм орудия, одно 76-мм полковое и три 76-мм дивизионных орудия (за исключением 945-го стрелкового полка, которому придали шесть 76-мм ДА) и по две 122-мм гаубицы, итого по 8 орудий в двух полках и в одном 11 орудий. Эти группы строились в два эшелона и под прикрытием друг друга продвигались вперёд вместе с атакующей пехотой [5, л. 11].

В Тильзитской операции 113-й стрелковый корпус был вспомогательной группировкой главного удара 39-й армии, который наносил 5-й гвардейский стрелковый корпус. В полосе наступления корпуса 262-я дивизия имела задачу сковывания противостоящего противника, в то время как главный удар наносил сосед слева – 192-я стрелковая дивизия. Затем вторым темпом вслед за 192-й должна была перейти 338-я стрелковая дивизия с задачей свернуть оборону немцев к северу. 262-я дивизия по мере развития успеха соседей должна была постепенно наращивать активность и уничтожать немецкую оборону, быть готовой отрезать пути отхода Лаздененской группировки немцев в западном направлении. Прорвать оборону на всю глубину противостоящих немецких 56-й и 69-й пехотных дивизий предполагалось в первый день операции [5, л. 9об.–10].

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Наступление армии началась в 11:00 13 января. 262-я стрелковая дивизия в первый день операции действовала согласно своему плану – спустя два часа после начала атаки небольшими группами с целью сковать противостоящие войска, уточнить систему обороны, расположение огневых точек. Атаки 940-го и 945-го стрелковых полков оказались неудачными, группы попали под перекрёстный огонь пулемётов, миномётов и артиллерии и были вынуждены отойти на исходные позиции. Атака группы 950-го стрелкового полка достигла некоторого успеха – немцы были выбиты из участка первой траншеи; последовавшая контратака немцев силой до роты при поддержке артиллерии и миномётов была связана боем взводом младшего лейтенанта Городникова, погибшего там. Остатки группы отошли на исходное положение. Действия разведгрупп ночью также были безуспешны. Потери дивизии за сутки составили 9 чел. убитыми и 22 ранеными [5, л. 17–17об.].

Наступление армии и главных сил 113-го стрелкового корпуса в первый день также не достигли поставленных целей, что было связано с рядом обстоятельств. Плотный туман не позволил действовать авиации и снизил эффективность артподготовки. Немецкое командование заранее знало о месте и времени начала наступления, что позже стало известно из показаний пленных. Пауза после артподготовки дала возможность немцам подвести резервы. Это обусловило трудности при прорыве обороны на направлении 39-й армии и 262-й стрелковой дивизии в частности [5, л. 17]. Полностью взломать оборону удалось лишь к исходу дня 17 января, когда 16 января главные силы армии взяли г. Пилькаллен, а на следующий день завершили прорыв обороны на всю тактическую глубину.

В то же время 262-я стрелковая дивизия продолжала выполнять задачу по сковыванию противника. 14 января были проведены атаки силами штрафной роты и разведгруппами стрелковых полков. Можно выделить успешные действия 940-го стрелкового полка 16 января, когда при поддержке артиллерии полк овладел населённым пунктом Раджен¹, за который далее в течение дня завязались ожесточённые бои. Немцы контратаковали при поддержке 5 САУ (согласно журналу боевых действий дивизии это были «Фердинанды»). Третья контратака принесла немцам успех, положение было восстановлено. 17 января в связи с прорывом 39-й армии на главном направлении и сломом немецкой обороны на фронте 262-й стрелковой дивизией противостоящие части начали отход, и командир дивизии приказал перейти в наступление основными силами [5, л. 18–18об.]

В последующие дни части дивизии вместе с соседями преследовали отступающие силы противника, встречая лишь местное сопротивление. Можно выделить бой за железнодорожную станцию близ Гросс-Йодупенен²

¹ Ныне не существует, территория расположена в Багратионовском районе Калининградской области (прим. ред.)

² Ныне п. Чарново Вельке на территории Голдапского повята Варминско-Мазурского воеводства Польши (прим. ред.)

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

18 января. Станция имела укрепления, две линии траншей, пулемётные точки. Непосредственно на станцию наступал 940-й стрелковый полк. Атака в лоб успеха не принесла, и командир полка принял решение обойти станцию с севера, где уже развивал наступление северный сосед 950-й полк. Обход осуществлял стрелковый батальон майора Будакова. Бой за станцию продолжался около 4 часов, в числе потерь немцев упоминаются 5 САУ [5, л. 18об.–20].

В период 20–26 января дивизия получала задачи по продвижению на 20–30 км в сутки. 26 января была форсирована река Дайме, на которой немцы не успели выстроить оборону по причине стремительного продвижения соединений Красной армии и большого перевеса в силах. На день 26 января дивизии ставилась задача проникнуть на глубину 36 км. По пути части дивизии сбивали небольшие группы прикрытия. На несколько часов препятствием для 940-го стрелкового полка стал населённый пункт Тимздорф, за который завязался бой, немцы использовали миномёты и 75-мм орудия, а 950-й стрелковый полк отразил атаку пехоты при поддержке четырех танков. В ходе боя за населённый пункт Зилькайм¹ погиб командир 945-го стрелкового полка, майор М.А. Эндрексон [5, л. 23].

В последние дни января дивизия приближалась к Кёнигсбергу, сопротивление немцев постоянно усиливалось. 39-я армия наступала севернее города, в дальнейшем армия станет частью Земландской группы войск. 30 января завязались тяжёлые бои за станцию Нессельбек², где располагается одноимённый замок. Штурмовые группы дивизии действовали при поддержке самоходных артиллерийских установок. Долговременные огневые точки (далее – ДОТ) немцев приходилось брать штурмом – их обстреливали самоходки, группы пехоты врывались в траншеи, забрасывали ДОТы гранатами. За день боёв части дивизии захватили 4 ДОТа и два форта, 65 пленных [5, л. 24–24об.]. В течение 31 января и 1 февраля дивизия обороняла занятые позиции. 113-й стрелковый корпус захватил железнодорожную станцию Метгетен³, позиции у которой к 4 февраля были переданы 262-й стрелковой дивизии. Таким образом, была захвачена железная дорога Кёнигсберг – Пиллау [5, л. 26–26об.]. В начале февраля для дивизии наступило относительное затишье, бойцы дивизии совершенствовали укрепления, вели разведку местности, позиций противника, отражали атаки. Соединения 3-го Белорусского фронта вышли к Кёнигсбергу с севера, востока, юго-востока. Основные события развивались к югу от Кёнигсберга: в течение февраля – марта 3-й и 2-й Белорусские фронты проводили операцию по разгрому Хайльсбергской группировки немцев.

¹ Ныне – п. Петрово Калининградской области (прим. ред.)

² Ныне – п. Орловка Калининградской области (прим. ред.)

³ Ныне – микрорайон им. А. Космодемьянского в г. Калининграде (прим. ред.).

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

В течение февраля 262-я стрелковая дивизия оборонялась на своём участке в районе ст. Метгетен, Пруд Филиппа¹, Транквитц² северо-западнее Кёнигсберга. Большую часть месяца дивизия отражала периодические атаки немцев, проводила разведку позиций. В этот период основной проблемой стрелковых дивизий была недостаточная укомплектованность стрелковых рот, их численность колебалась от 30 до 55 чел. На 5 февраля 262-я дивизия насчитывала 3 775 чел. [2, приложение № 2] Недостаток «активных штыков» вынуждал проводить частые перегруппировки, не позволял поддерживать достаточную плотность боевых порядков. 19 февраля немцам удалось отбить железную дорогу Кёнигсберг – Пиллау и создать коридор на северном берегу залива Фриш-Гаф между Земландской группировкой и гарнизоном Кёнигсберга. На участке 262-й стрелковой дивизии удар был нанесён в стык 940-го и 945-го стрелковых полков [6, л. 143; 7, л. 64об.]. Наступление оказалось неожиданным и при этом хорошо подготовленным с точки зрения оснащения бронетехникой и артиллерией.

В марте, как и вся Земландская группа войск, 262-я стрелковая дивизия обороняла занимаемые рубежи, готовилась к наступлению на немецкие войска на Земландском полуострове. Пополнялись стрелковые части. Обе стороны вели бои малыми группами за улучшение позиций – местные высоты, населённые пункты. На 10 марта дивизия насчитывала 3 363 чел. [3, приложение № 3] Позиции дивизии располагались в районе Транквитц, Пруд Филиппа северо-западнее Кёнигсберга.

В начале апреля 262-я стрелковая дивизия вместе с другими дивизиями 113-го стрелкового корпуса (192-й и 338-й) усиленно готовилась к решающему наступлению. На 5 апреля дивизия насчитывала 3 565 чел. личного состава. Артиллерия дивизии состояла из двенадцати 120-мм миномётов, тридцати 82-мм миномётов, восьми 122-мм гаубиц, двадцати девяти 76-мм дивизионных и полковых орудий, шести 45-мм орудий. Численность стрелковых рот колебалась от 43 до 82 стрелков, а в среднем в стрелковой роте было 58 стрелков. Для сравнения, в 192-й стрелковой дивизии средняя численность стрелковой роты была 67 стрелков, а в 338-й дивизии – 62 стрелка (эти дивизии находились в первом эшелоне), а 262-я дивизия в начале операции была в резерве командира корпуса [4, л. 10–10об.]. Также 113-й стрелковый корпус поддерживали 378-й гвардейский тяжёлый самоходно-артиллерийский полк и 927-й самоходно-артиллерийский полк [4, л. 8]. Всего к началу наступления в полосе корпуса была достигнута плотность артиллерии всех калибров 210–220 стволов на 1 км фронта [4, л. 6]. В первые дни апреля, в период подготовки к наступлению, стрелковые части, штурмовые группы пехоты интенсивно тренировались; как это часто бывало в Красной армии, в тылу были созданы учебные поля, приближенные к реальной обороне немцев [4, л. 3].

¹ Ныне пруд расположен в центральном районе г. Калининграда (прим. ред.).

² Ныне – микрорайон Западное в г. Калининграде (прим. ред.).

113-й стрелковый корпус должен был наступать с исходных позиций в районе Медникен¹, Варген², фольварк Бакельфельд³ на железнодорожную станцию Метгетен, через которую проходила единственная пригодная к эффективному использованию дорога, в том числе железная дорога, связывавшая гарнизон Кёнигсберга с земландской группировкой немцев, потерянная в результате немецкого контрудара в феврале. 262-я стрелковая дивизия в начале операции оставалась в резерве. Взятые пленные показали, что немецкое командование на этом направлении готово к наступлению и проводит мероприятия по усилению обороны, в частности, сокращает полосы обороны своих частей. В журнале боевых действий корпуса отмечаются плохие погодные условия – дожди, которые ухудшают состояние грунтовых дорог, что влияет на эффективность снабжения, и туман, мешающий действиям авиации и артиллерии (схожая ситуация была 13 января в начале Тильзитской операции). В целом, можно сказать, что 113-й стрелковый корпус должен был выполнить главную задачу по отрезанию гарнизона Кёнигсберга – захватить крупную железнодорожную станцию и узел дорог между немецкими группировками, и резервная 262-я дивизия сыграет в этом решающую роль [4, л. 7–9].

Наступление 113-го корпуса началось одновременно со штурмом Кёнигсберга главными силами 3-го Белорусского фронта 6 апреля 1945 г. В первый же день дивизии корпуса первого эшелона прорвались к окраинам станции Метгетен и завязали бой. Выше мы уже говорили о значении этого населённого пункта – связь с войсками в Кёнигсберге, – поэтому немцы стремились удержать его всеми силами. В обороне немцы располагали более чем 30 танками и САУ, артиллерией от 75 до 150 мм, 81-мм миномётами. В течение 6–7 апреля на северных подступах к Метгетен и близлежащим строениям, предприятиям, малым населённым пунктам, 192-я и 338-я стрелковые дивизии практически не имели продвижения, были вынуждены отражать постоянные контратаки немцев при поддержке артиллерии, танков и САУ. Отдельно упоминается применение немцами огнемётов. Советские САУ действовали в тех условиях местности и интенсивности боя по-разному: 378-й тяжёлый самоходно-артиллерийский полк, вооружённый СУ-152, не смог оказать действенной помощи атакующей пехоте, поскольку самоходки часто вязли в грязи и не были достаточно маневренны. Зато СУ-76, которыми был вооружён 927-й самоходно-артиллерийский полк, имели лучшую подвижность и часто эффективно поддерживали стрелковые части в борьбе с танками и огневыми точками противника [4, л. 12–24].

8 апреля в бой была введена 262-я стрелковая дивизия. После часовой артиллерийской и авиационной подготовки тремя дивизиями корпус возобновил наступление, овладел рядом опорных пунктов, но был противником

¹ Ныне – п. Дружное Калининградской области (прим. ред.).

² Ныне – с. Котельниково Калининградской области (прим. ред.).

³ Ныне – п. Кузнецкое Калининградской области (прим. ред.).

выбит. Собственно 262-я дивизия начинала свою атаку при поддержке 927-го самоходно-артиллерийского, гаубичного артиллерийского и миномётного полков на фронте в 1 км в направлении опорного пункта Стрельбище, Метгетен, Модиттен¹, иначе говоря, в центре боевых порядков корпуса, справа действовала 192-я стрелковая дивизия, слева – 338-я. Стрельбище удалось занять, один из полков вышел к станции Метгетен, но, будучи вырвавшимся вперёд и попав под фланкирующий огонь, был вынужден отойти [4, л. 28–31]. В течение суток дивизия отражала контратаки немцев при поддержке танков и САУ. Следует сказать, что для удержания станции Метгетен в эти дни к ней немцы перебросили с соседнего участка часть 5-й танковой дивизии и другие подразделения.

9 апреля стал решающим днём не только для гарнизона Кёнигсберга, но и в бою за станцию Метгетен. Успех дня был заложен в ночь с 8 на 9 апреля, когда 262-я дивизия заняла северную часть железнодорожной станции, соседние дивизии также имели продвижение и заняли ряд опорных пунктов. Днём немцы предприняли ряд контратак, но все они были отбиты – всё же силы немцев таяли, нельзя забывать и об успехах соседей – 5-го гвардейского стрелкового корпуса западнее и 43-й армии восточнее, ближе к Кёнигсбергу. К исходу дня дивизии корпуса полностью овладели станцией Метгетен, было захвачено 128 пленных, а потери противника за сутки оценивались в 450 солдат и офицеров [4, л. 32–36].

В этих боях действия пехоты, подготовка бойцов для штурмовых действий накануне наступления оценивались хорошо. Отмечалась плохая маскировка пехотинцев, особенно при передвижении, из-за чего стрелковые роты несли излишние потери от огня противника. Высоко оценивались действия артиллерии – от её действий немцы понесли наибольшие потери, особенно в технике. 927-й самоходно-артиллерийский полк «являлся грозой для пехоты и пехотных огневых средств противника. В отдельных случаях своими действиями воодушевлял пехоту и, постоянно находясь в её боевых порядках, содействовал продвижению» [4, л. 35]. Отметим, что СУ-76, самые массовые самоходки в Красной армии, действуя совместно с пехотой, позволяли преодолевать заградительный огонь противника.

Оставался последний рывок – ликвидация Земландской группы немецких войск. 113-му стрелковому корпусу, в частности, предстояло наступать на Фишхаузен². В период 10–12 апреля корпус готовился к наступлению. 262-я стрелковая дивизия на 12 апреля имела численность 3 252 чел., в стрелковых ротах в среднем было по 37 стрелков [4, л. 46–46об.].

Наступление на Фишхаузен оказалось стремительным: сказывались положение обороняющихся, превосходство Красной армии в огневых средствах, успешное продвижение на соседних направлениях. В первый день на-

¹ Ныне не существует, территория в составе центрального района г. Калининграда (прим. ред.).

² Ныне – г. Приморск Калининградской области (прим. ред.).

ступления 262-я стрелковая дивизия находилась в резерве корпуса. Корпус задачу первого дня выполнил – провёл успешную атаку от исходных позиций западнее Зеераппен¹ на Линденау, прорвал оборону немцев и к исходу 13 апреля занял позиции. На второй день операции для развития успеха с рубежа Линденау в бой была введена 262-я стрелковая дивизия. На темпах продвижения сказывалась низкая численность «активных штыков». Кроме того, критически были оценены действия артиллерии: при большом расходе боеприпасов противнику наносился сравнительно низкий урон, расчёты часто отставали от своих стрелковых частей, имели место случаи огня по своим, как например в 262-й стрелковой дивизии, когда истребительно-противотанковый артиллерийский полк обстрелял боевые порядки 940-го стрелкового полка. В течение 15 апреля корпус продолжал наступление, в том числе ночью. Завязались бои за Гросс-Блюменау², 262-я дивизия наносила главный удар на правом фланге корпуса, достигла реки Форкенер-Флисс³ на северной окраине Гросс-Блюменау, но форсировать её с ходу не удалось. В течение дня шли бои за этот и прилегающие населённые пункты. Главной проблемой была малочисленность стрелковых частей [4, л. 49–73].

В течение 16–17 апреля 113-й стрелковый корпус продвигался вперёд и вёл бои с арьергардами отступающих немецких частей. К исходу 16 апреля дивизии корпуса подошли к Фишхаузену. 262-я дивизия, действуя на правом фланге корпуса, охватывала город с севера и начинала штурм также с севера. К исходу дня 17 апреля Фишхаузен был полностью под контролем дивизий корпуса, причём 262-я дивизия располагалась в городе, а 338-я и 192-я дивизии – в соседних населённых пунктах. С захватом Фишхаузена корпус прекратил боевые действия. Боевой путь 262-й стрелковой дивизии в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции и в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. был завершён [4, л. 74–78].

В 262-й стрелковой дивизии на протяжении всей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. воевали прадед и прабабушка автора статьи – Алексей Никонорович и Анастасия Петровна Жук. Службу в этой дивизии Алексей Никонорович начал в 1941 г., командовал различными артиллерийскими частями дивизии, а Анастасия Петровна – в 1943 г. в 323-м отдельном медико-санитарном батальоне дивизии. До войны Алексей Никонорович учился в лесотехническом техникуме в Саратове. Службу в Красной армии начал в 1939 г., был участником Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Анастасия Петровна в предвоенные годы окончила медицинский институт в Куйбышеве (ныне – г. Самара), затем училась в Москве – образование определило и будущую военную специальность.

¹ Ныне – п. Люблино Калининградской области (прим. ред.).

² Ныне – в составе п. Кремнёво Калининградской области (прим. ред.).

³ Ныне – р. Нельма (прим. ред.).

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

Рис. 1. А.Н. Жук (со снарядом в центре) с сослуживцами
в районе г. Инстербурга, весна 1945 г. Личный архив автора

Рис. 2. А.П. Жук (нижний ряд, четвёртая справа) с сослуживцами.
Без даты. Личный архив автора

21 января 1945 г. Алексей Никонорович был награждён орденом Александра Невского. В тот период он был в звании майора, командовал 315-м отдельным истребительно-противотанковым дивизионом. Приведём описание подвига из наградного листа: «В период организации прорыва сильно

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

укреплённой обороны немцев в Восточной Пруссии тов[арищ] Жук лично организовал разведку и изучение цели для орудий прямой наводки своего дивизиона, чем обеспечил их надёжное подавление в период артобстрела. Лично находясь в боевых порядках пехоты вместе с орудиями своего движения, командуя подвижной наступательной артиллерийской группой 950[-го] с[трелкового] п[олка], обеспечил продвижение пехоты, подавив все ОТ (огневые точки), мешающие её продвижению, проявив при этом мужество и отвагу. Дивизион под командованием Жук все поставленные перед ним задачи выполнил хорошо» [1].

Анастасия Петровна в период боёв в Восточной Пруссии боевых наград удостоена не была, но в другие периоды была награждена медалью «За боевые заслуги», орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Алексей Никонорович, кроме ордена Александра Невского за годы войны был награждён медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды.

262-я стрелковая дивизия была «обычной дивизией Великой войны». В период Восточно-Прусской операции она зачастую находилась в резерве корпуса, но наносила решающий удар, как, например, в боях за станцию Меттетен 6–9 апреля. На начальном этапе операции в январе 1945 г. дивизия успешно выполняла задачу сковывания двух немецких пехотных дивизий, проводила атаки, захватывала опорные пункты, которые впоследствии немцы были вынуждены отбивать контратаками с привлечением крупных сил. В период операции дивизия получила большой опыт штурмовых действий пехоты при поддержке орудий и миномётов разных калибров, во взаимодействии с самоходными орудиями; бойцы и командиры дивизии штурмовали опорные пункты, траншеи, ДОТы, действовали среди многочисленной застройки, характерной для местности вокруг Кёнигсберга. Действия дивизии были отмечены командованием 113-го стрелкового корпуса, в частности, согласно журнала корпуса, по итогам боёв в апреле «наиболее успешно в проведённых операциях действовали 262[-я] с[трелковая] д[ивизия], 927[-й] с[амоходно-]а[ртиллерийский] п[олк]» [4, л. 84].

Источники и литература

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1295. URL.: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvigchelovek_nagrazhdenie23744407/?static_hash=5c9bae7db21b159bf2ae8dc272ca6d3cv1 (дата обращения: 20.12.2024).

2. ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 865. URL.: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=151200007&backurl=division%5C262%20%D1%81%D0%B4::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Cjbd::page%5C32&division=262%20%D1%81%D0%B4 (дата обращения: 11.12.2024).

3. ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 867. URL.: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150902251&backurl=division%5C262%20%D1%81%D0%B4::use>

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Cjbd::page%5C28&division=262%20%D1%81%D0%B4 (дата обращения: 10.12.2024).

4. ЦАМО РФ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 229. URL.: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130020216> (дата обращения: 13.12.2024).

5. ЦАМО РФ. Ф. 1551. Оп. 1. Д. 33. URL.: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150102608&backurl=division%5C262%20%D1%81%D0%B4::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Cjbd::page%5C3 (дата обращения: 01.12.2024).

6. ЦАМО РФ. Ф. 7591. Оп. 193426. Д. 15. URL.: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133215881&backurl=division%5C262%20%D1%81%D0%B4::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Cjbd::page%5C3 (дата обращения: 05.12.2024).

7. ЦАМО РФ. Ф. 7597. Оп. 166427. Д. 1. URL.: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133215882&backurl=division%5C262%20%D1%81%D0%B4::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Cjbd::page%5C3 (дата обращения: 07.12.2024).

Игонин Артём Андреевич, аспирант кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; главный архивист сектора использования архивных документов, Ульяновский городской архив, Россия, г. Ульяновск, rublyov2017@yandex.ru

Igonin Artem A., Post-graduate student at the Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov; Chief Archivist at the Archive Documents Use Sector, Ulyanovsk City Archive, Russia, Ulyanovsk, rublyov2017@yandex.ru

УДК 355.48(470+430+44)"1941/45"

Н.В. Башкирева

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКИХ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье представлен обзор боевых действий частей Красной армии против французских коллаборационистов, состоявших на службе в вермахте («Легион французских добровольцев против большевизма» в качестве 638-го пехотного полка) и войсках СС (Французская штурмовая бригада СС; 33-я гренадерская дивизия (позже – штурмовая бригада) СС «Шарлемань»), на различных участках советско-германского фронта в 1941–1945 гг.: в период Московской битвы (части 5-й армии); Белорусской наступательной операции «Багратион» (части 5-й гвардейской танковой армии); Львовско-Сандомирской наступательной операции (части

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

38-й армии и 5-й гвардейской армии); Восточно-Померанской наступательной операции (32-я кавалерийская дивизия, части 19-й армии, 1-й гвардейской танковой армии и 3-й Ударной армии); Берлинской наступательной операции (части 1-й гвардейской танковой армии, 8-й гвардейской армии, 5-й Ударной армии). Продемонстрированы факты разгрома советскими войсками французских легионеров, эсэсовцев и так называемых «malgré-nous» из Эльзаса и Лотарингии. Показаны примеры героизма советских солдат.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советско-германский фронт, французские коллаборационисты

N. V. Bashkireva

COMBAT OPERATIONS OF THE RED ARMY UNITS AGAINST FRENCH COLLABORATIONISTS FORMED ON THE SOVIET- GERMAN FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article provides an overview of the fighting of Red Army units against French collaborators who served in the Wehrmacht (the Legion of French Volunteers against Bolshevism as the 638th Infantry Regiment) and the Waffen-SS (the French SS Assault Brigade; the 33rd Grenadier Division (later the SS Charlemagne Assault Brigade), in various sectors of the Soviet-German front in 1941–1945: during the Battle of Moscow (units of the 5th Army); the Belarusian offensive Operation Bagration (units of the 5th Guards Tank Army); the Lviv-Sandomierz offensive operation (units of the 38th Army and the 5th Guards Army); the EasternThe Pomeranian Offensive (32nd Cavalry Division, units of the 19th Army, 1st Guards Tank Army and 3rd Shock Army); the Berlin Offensive (units of the 1st Guards Tank Army, 8th Guards Army, 5th Shock Army). The facts of the defeat of French legionnaires, SS men and the so-called "malgré-nous" from Alsace and Lorraine by Soviet troops are demonstrated. Examples of heroism of Soviet soldiers are shown.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet-German front, French collaborators.

Восемьдесят лет назад Советский Союз одержал Великую Победу над гитлеровской Германией, освободив европейские страны от нацистского рабства. Заплаченная советским народом цена за мирную свободную жизнь была поистине колоссальной. При этом СССР воевал не только против Германии и ее сателлитов, но и столкнулся с рядом национальных коллаборационистских формирований, вступивших в ряды «крестоносцев» Гитлера для совместной борьбы с большевизмом. В ряду пособников нацистской Германии оказались и французы как попавшие в немецкую армию добровольно, так и будучи мобилизованными. Несмотря на то, что в последние два десятилетия в отечественной исторической науке исследование европейского военного коллаборационизма в годы Второй мировой войны вышло на качественно новый уровень, ряд сюжетов остается недостаточно изученным. К таковым относится и история боевых действий частей Крас-

ной армии против французских воинских формирований на советско-германском фронте, что обуславливает актуальность ее анализа.

С начала нападения гитлеровской Германии на СССР вплоть до ее капитуляции части Красной армии встретились с французскими солдатами в немецкой форме на нескольких участках фронта. Первое боевое столкновение произошло уже на начальном этапе войны – в конце ноября – начале декабря 1941 г., когда части 32-й Саратовской Краснознаменной стрелковой дивизии 5-й армии Западного фронта нанесли существенный урон французскому добровольческому легиону, потерявшему в боях у Нарских прудов до половины личного состава.

Легион французских добровольцев против большевизма (далее – ЛФД) был сформирован в Париже летом 1941 г. по инициативе ультраправых организаций. Не будучи государственной структурой, тем не менее, ЛФД был поддержан коллаборационистским правительством Петена и стал, в определенной степени, иллюстрацией военно-политического сотрудничества вишистской Франции и нацистской Германии. Легион был включен в состав германской армии в качестве 638-го пехотного полка.

Уже в конце октября порядка 2,5 тыс. французских легионеров отправились на советско-германский фронт с целью принять участие в наступлении группы армий «Центр» на Москву [18, р. 96]. Путь от Смоленска до места дислокации 7-й пехотной дивизии 7-го армейского корпуса 4-й армии, действовавшей в полосе Наро-Фоминск – Кубинка и в подчинение которой поступили два батальона ЛФД, оказался крайне тяжелым – французский полк лишился части личного состава уже на марше. 1 декабря французские легионеры приняли участие в немецком наступлении на Кубинку в составе 61-го пехотного полка, выйдя в район д. Дютьково [10, л. 137].

Две роты французов предприняли атаку на Дютьково, однако попали под мощный обстрел: в указанном районе находился 154-й гаубичный артиллерийский полк 32-й стрелковой дивизии [16, л. 60б.] и действовала 26-я отдельная рота фугасных огнеметов. Рота гитлеровцев, практически уничтоженная советскими огнеметчиками при попытке вечером 1 декабря занять деревню, с большой долей вероятности была преимущественно французской. В отчете о боевых действиях 26-й роты фугасных огнеметов 1–2 декабря 1941 г. в районе Дютьково, Акулово, содержащем описание боя [13, л. 149] национальная принадлежность противника не указана, однако эпизод применения Красной армией огнеметов при обороне Дютьково нашел отражение в воспоминаниях легионеров: «Русские открыли такой шквальный огонь, что до деревни так и не удалось добраться, и у тех, кто еще был в состоянии идти, был только один выход – поспешно отступить. Около ста человек были выведены из строя, ранены или убиты» [цит. по: 18, р. 101].

Предпринимаемые в последующие три дня попытки частей вермахта прорвать линию обороны 32-й стрелковой дивизии успехом не увенчались. Французы продолжали нести потери, причем в большей степени не от боев-столкновений, а от артиллерийского огня и обморожений. По словам фран-

цузского солдата-перебежчика, за это время легион потерял до 60 % личного состава [11, л. 175]. По подсчетам исследователей, численный состав французских подразделений сократился на 20–40 % от первоначальной численности [18, р. 108].

Начало контрнаступления Красной армии вкупе с большими потерями, понесенными французскими солдатами, предопределило судьбу 638-го пехотного полка – было принято решение о его замене на линии соприкосновения с советскими войсками немецкими подразделениями и отправке в тыл на переформирование. 6–8 декабря оба батальона французских комбатантов были выведены с фронта [10, л. 109]. По мнению историка К. Бенэ, в общей сложности за время участия в Московской кампании потери Легиона французских добровольцев составили: 800 чел. – из-за болезней и обморожений, 50 – убитыми, 120 – ранеными [18, р. 110] – это порядка 40 % от общего числа французских военнослужащих, отправившихся повторять путь «Великой Армии» Наполеона. В последующие два года переформированным частям Легиона предстояло влиться в состав тыловых охранных дивизий группы армий «Центр» и участвовать в антипартизанских операциях на территории Смоленской, Брянской областей РСФСР, а также Белоруссии.

Пока французские добровольцы несли охрану дорог на оккупированных территориях СССР и боролись с советскими партизанами, в фактически аннексированных рейхом французских районах Эльзасе и Лотарингии началась мобилизация в вермахт. В августе 1942 г. здесь была введена воинская повинность, а жителям предоставлено германское гражданство [3, с. 380–381]. Мобилизация, осуществляемая насильственным путем, по подсчетам французских историков, за 1942–1944 гг., затронула 130 000 эльзасцев-мозельцев [17, р. 29]. По понятным причинам существовал запрет использовать этих солдат, называемые на родине «*malgré-nous*» – «против нашей воли», на службе в частях, расположенных во Франции, Бельгии и Голландии, а также имелось предписание не перебрасывать их на Запад. Поэтому в начале 1943 г. эти французские солдаты немецкой армии, стали прибывать на советско-германский фронт.

При этом немцы не очень-то доверяли своим новым «соотечественникам» – в приказе начальника генштаба Верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля (весна 1943 г.) в отношении мобилизованных французов указано: «Обращаться с этими солдатами следует, в принципе, также как с солдатами из старых германских областей. Однако, необходимо, чтобы командиры частей обратили особое внимание на их воспитание, так как у них отсутствуют многие предпосылки для выполнения своего долга в том виде, как это требуется от немецкого солдата» [2, л. 160]. Немецкое командование избегало концентрации большого числа французских военнослужащих в частях – в запасных частях их количество не должно было превышать 8 %, в строевых – 5 %. Эльзасцы, лотарингцы и люксембуржцы распределялись в строевых частях не больше, чем по 1–2, редко по 3 чел. на отделение. В штабах, обозах и частях обслуживания они не использовались.

Существовал запрет ставить совместно двух французских солдат на пост, посылать в патруль или в разведку.

Впоследствии из-за нехватки людского ресурса число мобилизованных французов в немецких частях возросло. Так, в ноябре – декабре 1943 г. количество эльзасцев, лотарингцев и люксембуржцев в частях, противостоящих 1-му Белорусскому фронту, резко повысилось. В составе пополнений, полученных в первом квартале 1944 г. 35-й танковой дивизией, 267-й и 134-й пехотными дивизиями их число составляло 20, 25 и 50 % соответственно. Прибывшая в феврале в 18-ю моторизованную дивизию учебная рота в количестве 150 чел. полностью состояла из эльзасцев и лотарингцев [2, л. 159–160об.].

Действительно, стоит констатировать, что «malgré-nous» были не самими преданными фюреру солдатами – переходы их на сторону Красной армии и добровольная сдача в плен были не редким явлением, о чем свидетельствуют воспоминания самих эльзасцев, документы советских частей, учетные дела военнопленных. Однако было бы абсолютно неверно утверждать, что все мобилизованные французы сдались в плен при первой же возможности. Сосредоточенные в специальном лагере № 188 под Тамбовом несколько тысяч французов полноценно воевали на разных участках советско-германского фронта. Например, один из таких эльзасских солдат, взятый в плен в районе Сталино [5, л. 2], описывал Донбасскую наступательную операцию советских войск: «Последние несколько недель мы все время отступали под неудержимым натиском Красной армии. Как противостоять напору этого огромного красного спрута?...» [1, с. 138]. Француз Риб в мемуарах отмечал, что попал в советский плен в районе польского города Бомст после ожесточенного 30-минутного боя [4, с. 24, 103]. Эльзасец Ги Мумину (псевдоним – Ги Зайер) открыто заявил, что надел немецкую униформу с гордостью, воспринимая службу в германской армии как долг [7]. А мобилизованный в марте 1943 г. француз Р. Вебер, награжденный за боевые заслуги Железным крестом II степени, был взят в плен при капитуляции 9 мая 1945 г. [6, л. 1–1об.]. Приведенные примеры, отнюдь, не единичны, так что опрометчиво считать мобилизованных французов не причастными к действиям нацистов на советско-германском фронте.

В июне 1944 г. частям Красной армии вновь пришлось столкнуться с солдатами французского 638-го пехотного полка. Отметившись участием в преступлениях против мирных жителей на территории Белоруссии и понеся значительные потери от столкновений с партизанами, французские легионеры в июне получили приказ о смене. Однако начало советской стратегической наступательной операции «Багратион» застало их у м. Бобр на одноименной реке – на пути наступления частей 5-й гвардейской танковой армии на Борисов.

Батальону французского полка во взаимодействии с немецкой ротой и при поддержке четырех «Тигров» [18, р. 152] ставилась задача удерживать переправу на р. Бобр, прикрывая тем самым дорогу на Минск и отход ос-

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

новых сил вермахта из-под Орши. 27–28 июня здесь развернулись ожесточенные бои. При попытке 3-го батальона 19-й гвардейской танковой бригады 3-го гвардейского танкового корпуса 27 июня прорваться через гитлеровский заслон героически погиб оперуполномоченный отдела контрразведки «СМЕРШ» гвардии лейтенант Василий Михайлович Чеботарев – оказавшись в окружении и вступив в неравный бой, он смог уничтожить до 10 гитлеровцев. Посмертно В.М. Чеботареву было присвоено звание Героя Советского Союза [8, л. 30].

Этот эпизод нашел отражение в воспоминаниях французских солдат, указывающих, что «Тиграми» было уничтожено несколько «Шерманов» [20, р. 318–319] – из всего корпуса только 19-я танковая бригада имела в составе танки М4-А2 и МК-9 [15, л. 374]. Легионер Рюско отмечал, что, по завершении танкового боя, французский разведотряд, приблизившись к советским танкам, вступил с экипажами в перестрелку, убив нескольких красноармейцев [20, р. 204]. Французские легионеры, выдержав за 36 часов пять атак советских танкистов и пехоты, и, понеся ощутимые потери, 28 июня были заменены двумя немецкими полками [18, р. 152–153]. К вечеру этого дня 3-я гвардейская танковая бригада полностью овладела м. Бобр [14, л. 156–157].

Помимо вермахта, французские добровольцы принимались и в войска СС. При этом, в отличие от немецкой армии здесь из них создавались национальные формирования – Французская штурмовая бригада СС (неофициально – «Франкрейх») и 33-я гренадерская дивизия СС «Шарлемань». С первым из них Красная армия столкнулась в ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции в августе 1944 г. Фактически разгромленная в боях с частями 38-й армии и 5-й гвардейской армии в районе Санок и на р. Вислока, французская эсэсовская бригада была выведена с фронта [18, р. 259–271].

Осенью 1944 г. было сформировано новое французское подразделение войск СС – бригада «Шарлемань». Перед отправкой на советско-германский фронт в феврале 1945 г. она была преобразована в дивизию. Части Красной армии встретились с ее полками в ходе Восточно-Померанской наступательной операции. 24–26 февраля развернулись ожесточенные бои в районе Хаммерштайн¹. Уже в первый день части 19-й армии нанесли существенный урон 57-му пехотному полку 33-й дивизии СС – французы потеряли 30 % личного состава [12, л. 3]. В целом же в указанном районе «Шарлемань» лишилась полутора тысяч солдат [19, р. 486]. 26 февраля части дивизии, отступая на запад, заняли Нойшеттин², откуда на следующий день были выбиты 32-й кавалерийской дивизией. В начале марта французы заняли оборону в г. Керлин³ с целью обеспечения отхода немецких войск к Кольбергу⁴ [18,

¹ Ныне – г. Чарне в Поморском воеводстве Польши (прим. ред.).

² Ныне – г. Щецинек в Западно-Поморском воеводстве Польши (прим. ред.).

³ Ныне – г. Карлино в Западно-Поморском воеводстве Польши (прим. ред.).

⁴ Ныне – г. Колобжег в Западно-Поморском воеводстве Польши (прим. ред.).

р. 304]. Здесь они столкнулись с наступающими частями 8-го гвардейского механизированного корпуса 1-й гвардейской танковой армии и фактически были разгромлены [9, л. 105]. Остатки дивизии к 10 марта достигли побережья Балтийского моря, где в составе боевой группы фон Теттау в результате ожесточенных боев с частями 79-го стрелкового корпуса 3-й Ударной армии, прорвались к немецким частям. Фактически в Померании дивизия «Шарлемань» прекратила свое существование.

Последним боевым применением остатков французских солдат рейха стало участие штурмовой бригады СС «Шарлемань» в составе дивизии СС «Нордланд» в обороне Берлина в апреле – мае 1945 г. В Нойкёльне французы участвовали в боях с частями 1-й гвардейской танковой армии, в Темпельхофе – частями 8-й гвардейской армии. Лишившись более половины личного состава, французские эсэсовцы к вечеру 26 апреля отступили в центральный сектор обороны Берлина, где к утру 28 апреля заняли позиции на подступах к рейхсканцелярии. Под нажимом танковых бригад 1-й гвардейской танковой армии, а затем сменивших их в полосе обороны остатков дивизии СС «Нордланд» стрелковых дивизий 5-й Ударной армии, французы отходили все ближе к цитадели Гитлера. 1 мая позиции все еще сопротивляющихся французов располагались на Вильгельмштрассе в 500 метрах от рейхсканцелярии. 2 мая два десятка оставшихся в живых французских солдат были взяты в плен красноармейцами [18, р. 337]. Так бесславно завершилось участие французов в войне против СССР на стороне нацистской Германии.

Подводя итог, следует констатировать, что история боевых действий частей Красной армии против французских воинских формирований на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны включает в себя несколько ключевых событий. При этом фактически ни один из крупных боев с участием французов не завершился их победой, выявив их низкую боеспособность и слабый боевой дух. Тогда как солдаты Красной армии проявили героизм, встав на защиту не только своей Родины, но и покоренных нацистами народов Европы.

Источники и литература

1. Даннер Л. Как я был на войне / Л. Даннер // Солдаты поневоле: эльзасцы и Вторая мировая война / сост., пер. с фр. Л. Шендеров-Фок. СПб.: Культ-информ-пресс, 2018. С. 106–179.
2. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 37.
3. Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 8 т. Т. 5 / науч. ред. Н.С. Лебедева; авт. предисл. Н.С. Алексеев. М.: Юридическая литература, 1991. 672 с.
4. Риб Ж. Мой дневник плена / Ж. Риб // Солдаты поневоле: эльзасцы и Вторая мировая война / сост., пер. с фр. Л. Шендеров-Фок. СПб.: Культ-информ-пресс, 2018. С. 20–105.
5. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 474п. Оп. 1. Д. 257.
6. РГВА. Ф. 465п. Оп. 1. Д. 400791.

**Раздел 2. Борьба с врагом на фронте
и в тылу**

7. *Сайер Г.* Последний солдат Третьего рейха. Дневник рядового вермахта. 1942–1945 / Г. Сайер. М.: Центрполиграф, 2002. URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/sajer/index.html>
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2483.
9. ЦАМО РФ. Ф. 299. Оп. 3070. Д. 827.
10. ЦАМО РФ. Ф. 460. Оп. 5049. Д. 7.
11. ЦАМО РФ. Ф. 460. Оп. 5049. Д. 12.
12. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12486. Д. 167.
13. ЦАМО РФ. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 261.
14. ЦАМО РФ. Ф. 3067. Оп. 1. Д. 10.
15. ЦАМО РФ. Ф. 3401. Оп. 1. Д. 1.
16. ЦАМО РФ. Ф. 10733. Оп. 1. Д. 3.
17. *Baty R.* Tambov camp sovietique 1942–1946. Les archives sovietiques parlent / R. Baty. T. 1. Strasbourg, 2011. 256 p.
18. *Bene K.* La collaboration militaire francaise dans la Seconde Guerre mondiale / K. Bene. Talmont-Saint-Hilaire: Editions Codex. 2012. 591 p.
19. *Giolitto P.* Volontaires français sous l'uniforme allemand / P. Giolitto. Paris: Perrin. 2007. 559 p.
20. *Rusco P.* Stoi: 40 mois de combat sur le front russe / P. Rusco. Paris, 1988. 287 p.

Башикирева Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России, Воронежский государственный педагогический университет, Россия, г. Воронеж, nat.val.saf@mail.ru

Bashkireva Natalia V., Candidate of Sciences (History), Docent, Head of the Department of Russia History, Voronezh State Pedagogical University, Russia, Voronezh, nat.val.saf@mail.ru

РАЗДЕЛ 3

Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

УДК [94+338.312(091)](470.23-25).084.8

Е.Е. Красноженова

РОЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ БЛОКАДЫ (1941–1944 гг.)¹

Аннотация. В статье рассмотрена работа промышленных предприятий Ленинграда в условиях блокады. Показано, что они столкнулись с трудностями, связанными с недостатком рабочих кадров вследствие мобилизаций на фронт, дефицитом сырья и оборудования, отсутствием электроэнергии и отопления, значительными разрушениями производственных мощностей и голода. Для повышения производительности труда ведущие оборонные предприятия города перешли на 11-часовой рабочий день и ввели обязательные сверхурочные работы. В целях обеспечения промышленности блокадного Ленинграда квалифицированными кадрами на предприятиях организовывалось производственное обучение для рабочих, развивались стахановское движение и социалистическое соревнование. К производственной деятельности в условиях блокады привлекались женщины и подростки.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, Великая Отечественная война, промышленные предприятия, рабочие кадры.

Е.Е. Krasnozhnova

THE ROLE OF LENINGRAD INDUSTRY ENTERPRISES IN ENSURING LABOR PRODUCTIVITY UNDER THE BLOCKADE (1941–1944)²

Abstract. The article considers the work of industrial enterprises of Leningrad under the blockade. It is shown that they faced difficulties connected with the lack of workers

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00518, <https://rscf.ru/project/25-28-00518/>

² The study was supported by the Russian Science Foundation № 25-28-00518, <https://rscf.ru/project/25-28-00518/>

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

due to mobilizations to the front, shortage of raw materials and equipment, lack of electricity and heating, significant destruction of production facilities and hunger. To increase productivity, the leading defense enterprises of the city switched to an 11-hour working day and introduced mandatory overtime. In order to provide the industry of besieged Leningrad with qualified personnel, the enterprises organized industrial training for workers, developed the Stakhanov movement and socialist competition. Women and teenagers were involved in production activities under the blockade.

Keywords: Leningrad, blockade, Great Patriotic War, industrial enterprises, labor cadres.

Важную роль в Победе под Ленинградом сыграли промышленные предприятия города, обеспечивавшие всем необходимым фронт и население. Этим определяется актуальность темы исследования, обусловившая научный интерес к ней. Заметный вклад в историографию проблемы исследования внесли труды А.Р. Дзенiskeвича [2], М.В. Ходякова [8], А.В. Зотовой [3; 4], П.П. Данилова [1], С.В. Кулика [5], А.М. Рябкова [7], посвященные работе отдельных предприятий города, организации труда в условиях крайне ограниченных ресурсов.

В условиях приближения немецко-фашистских войск к Ленинграду и угрозы его полного окружения началась мобилизация рабочих на фронт и подготовка к эвакуации предприятий. В ходе массовой мобилизации и эвакуации промышленности Ленинграда численность промышленных рабочих сократилась на 70 %.

В условиях блокады на промышленных предприятиях Ленинграда приостановили или резко сократили выпуск гражданской продукции и начали выполнять фронтовые заказы. На выпуск товаров для фронта переходили и те городские предприятия, которые в довоенное время производили продукцию для нужд мирного времени. Многочисленные фабрики текстильной и швейной промышленности стали шить военное обмундирование и белье. Обувные фабрики, кроме изготовления армейской обуви, осваивали и производство боеприпасов. Так, на обувной фабрике «Скороход» было организовано производство армейской обуви, выпускались пулемётные ленты и снаряды.

Производственный процесс осложнялся постоянными авиационными налетами и артиллерийскими обстрелами. Крайне обострилась кадровая проблема. На фронт, в ряды народного ополчения, на строительство оборонительных укреплений ушло много опытных рабочих. Часть лучших производственников эвакуировалась вместе с предприятиями. В условиях дефицита рабочих кадров решением Ленинградского горкома ВКП(б) от 22 июня 1941 г. оборонные предприятия Ленинграда переводились на 11-часовой рабочий день. В их числе – Кировский завод, завод имени Ленина, станкостроительный завод «Ильич», завод «Красный инструментальщик», завод имени Карла Маркса, завод Макса Гельца и ряд других промышленных предприятий города [15, л. 10–10а].

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

Одним из первых шагов к повышению производительности труда стало введение сменного графика работы. Это позволяло максимально использовать рабочее время, а также обеспечивало возможность отдыха для рабочих, что было особенно важно в условиях физического истощения.

13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Мобилизации подлежали все неработающие мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45. В военных условиях усилился приток женщин на производственные предприятия Ленинграда. Если в 1940 г. среди рабочих ленинградской промышленности было 47 % женщин, то в блокаду число их на предприятиях города достигало 75–80 % от общего числа рабочих. Так, в составе рабочих машиностроительных предприятий было 21 820 женщин, или 74 % к общему числу рабочих. Наибольший процент женщин в составе рабочих отмечался на заводах Наркомсредмаша – 94 %, на заводах химической и резиновой промышленности – 88 %. Женский труд вытеснял мужской и на заводе им. Лепсе, где число женщин-рабочих возросло до 63 % [13, л. 35]. На Государственном оптико-механическом заводе № 349 число женщин возросло с 44 до 70 % [9, л. 4]. Наименьший процент наблюдался на заводах цветной металлургии (56 %) и на заводах танкопрома (57 %). Женщины становились сталеварами, машинистами паровых молотов, осваивали иные профессии.

Изменения произошли и в возрастном составе рабочих. Мобилизация и уход в армию привели к уменьшению числа мужчин в возрасте от 18 до 49 лет. Одновременно возрос удельный вес младших и старших возрастных групп. Удельный вес подростков до 14 лет, занятых на производстве, был незначительным, 16–17-летние составляли 6,4 % рабочих, 18–25-летние – 16,6 %, лица старше 50 лет – 11 % [5, с. 155]. На оборонных предприятиях города, благодаря «бронированию», оставался больший процент мужчин, квалифицированных специалистов, меньше изменялся возрастной состав рабочих кадров.

Тяжелые условия труда и низкая квалификация рабочих, пополнявших трудовые кадры предприятий, вызвали резкое снижение выработки. Необходимо отметить и условия крайнего голода, массового заболевания алиментарной дистрофией и физической слабости рабочих производственных предприятий Ленинграда.

Особенно остро ощущалась нехватка квалифицированных специалистов. Так, на Пролетарском заводе из 106 необходимых квалифицированных специалистов имелось лишь 16. На «Электросиле» число рабочих 6-го и 7-го разрядов сократилось вдвое [2, с. 157]. На предприятиях не доставало сталеваров, литейщиков, прокатчиков, вальцовщиков.

Во второй половине 1942 г. и в 1943 г. на ленинградских предприятиях использовался индивидуальный способ повышения квалификации рабочих, который осуществлялся без отрыва от производства. Так, в марте 1942 г.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

индивидуальное обучение было организовано на Ижорском заводе, его прошли 131 чел. [16, л. 59–60].

Начиная с 1944 г. проблема высококвалифицированных кадров в промышленности города получает особое значение в связи с решением задач восстановления и развития промышленности страны, возрождением народного хозяйства. 22 декабря 1943 г. бюро городского комитета партии приняло постановление «О подготовке квалифицированной рабочей силы на промышленных предприятиях города Ленинграда». В постановлении отмечалось, что снижение уровня производственной квалификации рабочих становится препятствием дальнейшего развития промышленности. В сложившихся условиях огромное внимание уделялось развитию производственного обучения рабочих.

На предприятиях Ленинграда было развернуто техническое обучение. В городе были открыты школы мастеров социалистического труда первой и второй степени, курсы повышения квалификации конструкторов и технологов [13, л. 27]. В Кировском районе в 1944 г. квалификацию повысило 7 200 рабочих [12, л. 6].

Эффективным методом обучения новичков был индивидуально-бригадный метод. Подготовкой квалифицированных кадров занимались кадровые рабочие, инженерно-технические работники, мастера и бригадиры.

Обучение рабочих и повышение их квалификации осуществлялось предприятиями Ленинграда и в 1944 г. За год строительные организации городского хозяйства подготовили 8 500 рабочих. Но, несмотря на это, уровень квалификации оставался недостаточным, а производительность труда – очень низкой.

В первую очередь рабочей силой укреплялись предприятия, работавшие непосредственно для фронта. Это осуществлялось за счет отраслей, обслуживавших нужды тыла и населения города.

Рабочие всех предприятий были охвачены производственно-техническим обучением. На предприятиях была восстановлена обязательная производственная подготовка для всех новых рабочих, введена периодическая проверка технических знаний каждого рабочего, широко развернулась техническая пропаганда и популяризация передового опыта. Опытные мастера занимались обучением пришедшей на производство молодежи.

Важнейшим условием роста и совершенствования военного производства явилось дальнейшее развертывание социалистического соревнования, в которое включились производственные коллективы всех действующих заводов и фабрик. В 1941 г. в Ленинграде зародилось движение за ремонт и изготовление оружия в свободное от работы время. Летом 1942 г. на заводе им. И.Е. Егорова возникло движение за ведение «личных счетов». В Московском районе города первыми его поддержали трудящиеся Карбюраторного завода и фабрики «Скороход» [2, с. 129].

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

На предприятиях возникло движение за быстрое и высококачественное выполнение фронтовых заказов. Важнейшие заказы фронта выполняли рабочие Кировского, Ижорского и других предприятий.

Распространение различных форм социалистического соревнования в военных условиях было вызвано нехваткой рабочих рук, дефицитом высококвалифицированных кадров, необходимостью полностью и эффективно использовать производственное оборудование и станки. В 1943 г. на предприятиях города число соревнующихся бригад возросло с 9 700 до 16 тыс. Всё это обеспечило дальнейший рост производства. Несмотря на многочисленные трудности, производительность труда на предприятиях города в 1943 г. выросла на 60 % [14, л. 15].

В борьбе за выполнение социалистических обязательств возникли новые формы соревнования. Приток молодежи на заводы вызвал необходимость организации отдельных производственных групп, состоявших целиком из юношей и девушек. Распространенной формой организации подготовки молодых рабочих стала комсомольско-молодежная фронтовая бригада. Коллективы, добившиеся наилучших показателей, получали право называться фронтовыми.

В Ленинграде фронтовые бригады получили широкое распространение только с весны 1942 г. Одну из первых таких бригад на Кировском заводе организовала Мария Забирохина. Коллектив бригады выполнял дневные задания на 200–300 % и первым на заводе получил звание фронтовой бригады [2, с. 128].

В годы Великой Отечественной войны в ленинградской промышленности продолжались движения за совмещение профессий, за выполнение двух и трех норм («двухсотники» и «трехсотники»). Так, Т.П. Рыхлова, настройщица деревоотделочных станков Государственного оптико-механического завода № 349 освоила профессию плотника и маляра. [9, л. 10–12]. Работницы цеха № 2 того же завода М.В. Гапонова и В.Н. Товкусова освоили специальность литейщика и выполняли производственные нормы на 200 %. [10, л. 4]. За подобные производственные показатели работницы были удостоены денежной премии. Система премий имела огромное стимулирующее значение для работников, перевыполнявших нормы выработки.

Весной 1942 г. в ходе завершения перестройки народного хозяйства страны на военные рельсы и начавшегося подъема промышленного производства началось Всесоюзное социалистическое соревнование за максимальное увеличение выпуска продукции для фронта.

Па заводах машиностроительных наркоматов имелось 14 096 стахановцев, что составило 49 % от общего состава рабочих. На этих же заводах трудилось 286 чел. многостаночников, или около 1 % от общего числа рабочих.

Повышению производительности труда, восстановлению довоенной технологии производства и распространению производственного опыта способствовало соревнование за звание лучшего по профессии. Были использованы и практиковавшиеся еще до войны общественные смотры организации

труда. Так, в декабре 1943 г. смотр организации труда и оборудования успешно провели на Кировском заводе.

На многих промышленных предприятиях Ленинграда нашло отклик агарковское движение, суть которого сводилась к укрупнению мелких бригад и участков с целью высвобождения квалифицированных рабочих и мастеров. Так, на Кировском заводе удалось высвободить для восстановления цехов 373 рабочих [2, с. 172].

Многостаночничество в условиях восстановления промышленности Ленинграда получило развитие лишь в текстильном производстве. В годы блокады почти все рабочие текстильной промышленности были распределены по другим отраслям промышленности, а оборудование фабрик почти не вывозилось из Ленинграда и не эксплуатировалось в годы блокады из-за высокой энергоемкости. Поэтому небольшому коллективу квалифицированных рабочих пришлось обслуживать больше станков, чем предусматривалось нормой. Так, на ткацкой фабрике «Рабочий» в первой половине 1944 г. 269 рабочих перешли на многостаночное обслуживание [11, л. 114]. В металлообрабатывающей промышленности, наоборот, ощущалась острая нехватка оборудования и станков, поэтому данная форма социалистического соревнования здесь развития не получила.

В 1943 г. промышленными предприятиями Ленинграда было достигнуто увеличение производительности труда на одного рабочего. Отдельные заводы превысили уровень производительности 1940 г. Выработка на одного рабочего по заводам Наркомата боеприпасов в 1940 г. составляла 1 415 руб., а в 1943 г. – 1 990 руб., по заводам химической промышленности – 2 261 и 2 850 руб. соответственно. В целом по заводам среднемесячная выработка на одного рабочего составляла 1 900 руб. в месяц. Это означало, что производительность труда в Ленинграде составила 90 % от довоенной [11, л. 114]. Темпы роста производительности труда на заводах Наркомата станкостроения составили 108 % к плану, на заводах Наркомата минометного вооружения – 104 % к плану, а на заводах резиновой промышленности план роста производительности труда выполняется лишь на 84,6 % [11, л. 114].

Во второй половине апреля 1944 г. общегородской профсоюзный актив обсудил постановление XII пленума ВЦСПС «О работе профсоюзных организаций по дальнейшему развертыванию социалистического соревнования». Производственные коллективы принимали на себя обязательства перевыполнить планы выпуска продукции, повысить производительность труда, восстановить оборудование и производственные помещения, провести техническое обучение и повысить квалификацию рабочих. Большое внимание стало уделяться повышению разрядов рабочих.

На предприятиях города развернулось рационализаторское движение. В несколько раз увеличился приток рационализаторских предложений. Только на судостроительных заводах рабочие и инженеры внесли около 300 предложений, способствовавших увеличению объема и ускорению темпов производства [6, с. 18].

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

Таким образом, основным источником роста промышленного производства стало повышение производительности труда. Улучшение снабжения предприятий топливом и электроэнергией позволило вернуться к механизированному производству. Повышению производительности способствовали начатая в 1942 г. массовая подготовка квалифицированных рабочих, а также социалистическое соревнование на предприятиях оборонной промышленности города.

Источники и литература

1. Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941 г. – декабрь 1943 г.) / П.П. Данилов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 40–48.
2. Дзенискевич А.Р. Накануне и в дни испытаний. Ленинградские рабочие в 1938–1945 гг. / А.Р. Дзенискевич. Л.: Наука, 1990. 197 с.
3. Зотова А.В. Военная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны / А.В. Зотова // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 3. С. 103–110.
4. Зотова А.В. Местная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны / А.В. Зотова // Управленческое консультирование. 2014. № 1. С. 109–116.
5. Красноженова Е.Е. Восстановление и техническая модернизация предприятий Ленинградской промышленности (1942–1945 гг.) / Е.Е. Красноженова, С.В. Кулик // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 168–172.
6. Манаков Н.А. В кольце блокады: хозяйство и быт осажденного Ленинграда / Н.А. Манаков. Л.: Лениздат, 1961. 215 с.
7. Рябков А.М. О работе промышленных предприятий Ленинграда в 1941 году / А.М. Рябков // Технологос. 2021. № 2. С. 14–29.
8. Ходяков М.В. Кондитерское производство в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. / М.В. Ходяков // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 812–839.
9. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 1788. Оп. 27. Д. 190.
10. ЦГА СПб. Ф. 2187. Оп. 7. Д. 23.
11. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 25. Оп. 13а. Д. 57.
12. ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 13. Д. 5174.
13. ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4884.
14. ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4886.
15. ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2а. Д. 140.
16. ЦГА ИПД СПб. Ф. 2600. Оп. 2. Д. 1.

Красноженова Елена Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, г. Санкт-Петербург, eleena@inbox.ru

Krasnozhnova Elena E., Doctor of Sciences (History), Docent, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia, St. Petersburg, eleena@inbox.ru

УДК 94(47+57).084.8+338.45(94).084.8

В.И. Петров

РЫБНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Созданные рыболовные тресты с середины 1930-х гг. стали основой для функционирования рыбной промышленности страны в 1941–1945 гг. Несмотря на сокращение промыслов, рыбопромышленная деятельность в период Великой Отечественной войны была достаточно значимой для страны. В условиях военного времени было принято единственно правильное решение – сохранить континентальный вылов рыбы и сосредоточить промысел, в первую очередь, на Дальнем Востоке и в Сибири. В начале войны рыбаки-промысловики вместе со всем советским народом поднялись на защиту Родины. Каждый второй работник отрасли ушел на фронт, а лучшие рыбопромысловые суда были переданы ВМФ, но фронту и стране требовалось продовольствие. К началу 1943 г. рыбная отрасль СССР консолидировалась, чтобы нарастить улов. Уже к 1944 г. вылов рыбы по стране составлял 75 % от довоенного.

Ключевые слова: районы вылова рыбы, артели, рыбколхозы, плавбазы, тресты, цехи по переработке рыбной продукции.

V.I. Petrov

THE FISHING INDUSTRY OF THE USSR ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The established fishing trusts from the mid-1930s became the basis for the functioning of the country's fishing industry in 1941–1945. Despite the reduction in fishing, the importance of fishing activities during the Great Patriotic War was quite significant for the country. In wartime conditions, the only correct decision was made – to preserve the continental fishing and concentrate fishing, primarily in the Far East and Siberia. At the beginning of the war, fishermen, along with the entire Soviet people, rose up to defend their homeland. Every second worker in the industry went to the front, and the best fishing vessels were transferred to the Navy, but the front and the country needed food. By the beginning of 1943, the fishing industry of the USSR was consolidating in order to increase its catch. By 1944, the country's fish catch was 75 % of the pre-war level.

Keywords: fishing areas, artels, fish farms, floating bases, trusts, workshops for processing fish products.

Для развития промышленного рыболовства и переработки рыбы в СССР в довоенное время ключевое значение имело постановление СНК СССР, принятое в июле 1930 г. «О пятилетнем плане рыбной промышленности СССР». Надо отметить, что развитие рыбной промышленности в стране осуществлялось по двум главным направлениям: морское и речное

(внутриконтинентальное) рыболовство. В 1930 г. «Главрыба» была преобразована во «Всесоюзное государственное объединение рыбной промышленности и хозяйства» («Союзрыба») Наркомснаба СССР. На следующий, 1931 г., по совместному распоряжению И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе Совнарком принял постановление «О мероприятиях по расширению добычи рыбы» [8, с. 102]. Теперь рыбная промышленность оказалась в подчинении Наркомата внешней и внутренней торговли под руководством А.И. Микояна. В 30-е гг. XX в. большой прогресс произошёл в развитии морского рыболовства страны. Так, на судовых верфях СССР по отечественным проектам было начато сооружение траулеров со стальным корпусом. Траулеры были мощнее сейнеров и могли протягивать сети (тралы) на достаточных для успешного улова глубинах и площадях [1, с. 87]. Но, надо сказать, рыбу на переработку в 1930-х и в 1940-х гг. от морских судов принимали купленные за границей плавбазы, которые имели морозильные установки и конвейеры первичной обработки рыбы. За золото и валюту были приобретены рефрижераторные плавбазы «Пищевая индустрия» и «Комсомолец Арктики» [5, с. 173]. Несмотря на активное развитие морского рыболовства, всё же главную часть рыбной продукции страна получала от промысловиков речного и другого рыболовства внутри континента. Так продолжалось и в годы Великой Отечественной войны. Основными районами вылова рыбы оставались Аральское, Каспийское и Чёрное моря [6, с. 32]. Если сравнить добычу осетровых в 1940 г. с началом XX в., то надо отметить, что осетровые породы рыбы оказались уже истреблены, поголовье ценных рыб существенно пострадало: в 1940-е гг. вылов осетровых упал до 3 тыс. т, в год, то есть в 13 раз меньше. После начала войны важное, фактически главное, значение стали иметь Сибирь и Дальний Восток как основные территории добычи и переработки рыбы.

Необходимо отметить, что для освоения новых промысловых районов накануне Великой Отечественной войны большую роль сыграли созданные в 1930-е гг. государственные моторно-рыболовецкие станции, которые возникли на Дальнем Востоке и на севере страны. На таких станциях рыбаки-колхозники использовали траловый лов рыбы, такие способы, как кошельковый и дрейфтерный (окружной невод и свободно дрейфующие установленные сети). Помимо таких рыбозаготовительных колхозов создавались опытно-научные исследовательские рыбные станции, которые также выполняли план по вылову. Число рыболовецких плавсредств (самоходного плавсостава) к 1941 г. выросло в 6 раз по сравнению с 1931 г. (то есть за 10 лет). В 1935 г. рыболовецких паровых и моторных судов различного тоннажа в стране насчитывалось 3 180 [19, с. 147].

Надо отметить, что ежегодные планы правительства по добыче рыбы не выполнялись. Тем не менее, уровень добычи не уступал довоенному даже при сокращении бассейнов вылова. Удовлетворительный уровень вылова рыбы по стране в годы Великой Отечественной войны был заложен своевременным созданием промысловой рыбной разведки по инициативе

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

А.И. Микояна [8, с. 104]. Установление взаимодействия промышленности с научно-изыскательной деятельностью позволила создать новую отрасль – промысловую разведку. Уже в 1935–1938 гг. мурманские рыбаки и научные сотрудники Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии (ПИНРО) (Ю. Марти, Б. Мантейфель, К. Лямин) обнаружили концентрацию сельди («полярный залом») в северо-восточной Атлантике и Баренцевом море. После этого последовало распоряжение наркомата пищевой промышленности за подписью А.И. Микояна. В результате в 1938 г. в Мурманске была создана первая в СССР Северная промысловая разведка, для которой было выделено 7 траулеров из объединения «Мурманрыба» и звено так необходимых гидросамолетов [5, с. 175]. В речных акваториях (бассейнах) промысловая разведка в это время была возложена на моторно-рыболовные станции [5, с. 175].

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла кардинальные изменения в работу рыбной промышленности страны. Потеря акваторий и рек в связи с оккупацией противником ряда территорий в сочетании с передачей судов для использования их в боевых действиях, в обороне. С 1941 г. и, фактически, до освобождения от оккупации были исключены из планирования ведомства рыболовецкие предприятия таких районов, как Балтийское море, Азово-Черноморский бассейн и Северный промысловый район. Помимо этого, эвакуация миллионов людей на Урал и в Сибирь привела к перераспределению продовольственных поставок в СССР. Потеря важных западных и юго-западных продовольственных районов страны предъявила новые требования к обеспечению армии и населения продуктами питания.

Трудность обеспечения снабжением продовольствием состояла не только в том, что в первые месяцы были потеряны важнейшие продовольственные районы, но и в том, что надо было снабжать продуктами питания более 17 млн чел., доставленных по эвакуации из западных районов страны в области глубокого тыла [13, с. 401]. В этих условиях было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» [9]. Согласно требованиям постановления, уже 21 февраля 1942 г. было образовано Главное управление рыбной промышленности Сибири (Главсибрыбпром) в г. Новосибирске. Руководителем Главсибрыбпрома был назначен заместитель наркома рыбной промышленности СССР А.А. Сбродов. «Главсибрыбу» предоставили монопольное право промышленной эксплуатации всех водоемов Сибири. Для этого была создана сеть государственных рыбопромышленных трестов.

Немалое значение для развития рыбной промышленности имели эвакуированные предприятия с Запада, с Северного и Черноморского побережья. Велика в этом роль созданного 24 июня 1941 г. при ЦК ВКП(б) и СНК СССР Совета по эвакуации под руководством Н.М. Шверника, А.Н. Косыгина и А.И. Микояна. Для целей рыбопереработки в Сибири и на Дальнем Востоке с 1941 по 1944 гг. были построены 12 крупных консервных заводов,

два стеклотарных, налажено производство жестяных банок под консервирование рыбы и паштетов [13, с. 132–136].

Несмотря на сокращение количества рыболовецкого флота и кадровые нехватки в ряде регионов в годы Великой Отечественной войны, лов рыбы в 1943 г. начал превосходить довоенный уровень. Так, в рыбной отрасли Сибири в 1943 г. уровень добычи рыбы вырос фактически в 3 раза [16, с. 177]. В этом же году рыболовы Камчатки в два раза увеличили объемы вылова рыбы по сравнению с 1940 г. В военные годы большая часть рыболовных судов использовались для военно-транспортных нужд или просто вышли из строя от долгой эксплуатации или под ударами противника. Несколько сотен рыболовецких судов из числа всех оставшихся на плаву в конце 1945 г. уже были предъявлены к списанию из-за выхода из строя [4, с. 73]. Так, только речной рыбный флот страны списал по полной негодности по состоянию на 1 января 1946 г. 40% плавсредств из Речного реестра СССР по причине запрета эксплуатации. Остальная же часть нуждалась в капитальном или восстановительном ремонте.

Важно, что в годы войны были сохранены конструкторские организации министерства, хотя и много кадров было потеряно в связи с призывом на фронт.

С началом Великой Отечественной войны рыбаки вместе со всем советским народом поднялись на защиту Родины. Каждый второй работник отрасли ушел на фронт, а лучшие рыбопромысловые суда были переданы ВМФ. Мы помним незабываемый подвиг сторожевого корабля «Туман» – бывшего рыболовного траулера «Лебедка» на Баренцевом море [3, с. 18]. 10 августа 1941 г. «Туман» вступил в неравную схватку с тремя фашистскими миноносцами. Траулер погиб, но в итоге было уничтожено 3 немецких миноносца и рыбаки-герои оказались мужественнее профессиональных военных моряков Германии [3, с. 57–58].

Говоря о кадровых рыбаках, ушедших в военный флот, можно привести биографии многих моряков, зачисленных в ВМФ СССР с началом войны. Примечателен боевой путь рыбака-североморца дважды Героя Советского Союза Александра Шабалина. Первой Звездой Героя Советского Союза капитан-лейтенант Шабалин был награжден в феврале 1944 г. На тот момент количество потопленных им в Баренцевом море кораблей противника насчитывало 7 единиц, включая 4 транспорта, 2 боевых корабля и 1 подводную лодку [18, с. 202–203].

В вопросе кадрового обеспечения отрасли высока была роль Центрального технико-конструкторского бюро Министерства речного флота (ныне – ОАО «Инженерный центр судостроения» в г. Санкт-Петербурге). Набор рыбаков велся из «непризывного состава». В рыбные промысловые бригады включались пенсионеры, лица допризывного возраста. Но костяк бригад составляли опытные рыбаки, получившие бронь (по 1–2 человека от бригады) от призыва в ряды Красной армии. Комплектовались новые рыболовецкие бригады [5, с. 176]. В качестве примера создания новых рыболовецких

артелей и хозяйств приведём период развития «Байкалрыбтреста» весной и летом 1942 г.

Рыбная промышленность Бурятии в 1942 г. развивалась в рамках плановых директив Постановления СНК СССР от 06.01.1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». Байкальский государственный рыбный промышленный трест был создан по распоряжению наркома рыбной промышленности и в соответствии с приказом Наркомрыбпрома РСФСР № 4 от 10.02.1942 г. на базе Бурят-Монгольского и Иркутского трестов местного подчинения в г. Улан-Удэ. А уже в апреле 1942 г. правительством был утвержден типовой Устав рыбного промышленного треста правительство утвердило типовой Устав, в соответствии с которым трест признавался самостоятельным производственным объединением, действующим на основе хозяйственного расчета. В структуре «Байкалрыбтреста» весной 1942 г. были созданы 4 рыбных завода (Баргузинский, Верхнеангарский, Дубининский и Улан-Удинский), 3 моторорыбные станции (Нижнеангарская, Кударинская, Усть-Баргузинская), одна база активного лова «Мысовая», 25 рыболовецких артелей, Байкальская судостроительная верфь, 27 рыбоприёмных и перерабатывающих пунктов, 5 цехов копчения рыбы, 10 цехов по изготовлению рыбных концентратов, 2 холодильника, один рыбоконсервный завод. В целом, невзирая на тяжесть военного времени, капитальные вложения в рыбную промышленность Бурятии в 1942–1944 гг. выросли до 18,2 млн руб. [2, с. 132].

В военные годы, в связи с нехваткой рабочей силы, вплотную приступили к механизации основных процессов добычи и обработки рыбы, что способствовало увеличению вылова рыбы в водоемах республики. Так, среднегодовой лов в оз. Байкал и его озерно-речной системе в 1938–1945 гг. составил 10,1 тыс. т, из них сиговых 6,3 тыс. т и частиковых 3,3 тыс. т. Официальная добыча в 1942 г. по Байкальскому рыбтресту составила 14,1 тыс. т [2, с. 131]. Прирост добычи по сравнению с 1941 г. составил 63,4 %, наибольший объем добычи рыбы в оз. Байкал приходился при этом на 1941–1943 гг. [19, с. 148]

То есть только за 1942 г. на Байкале рыбная промышленность получила такой мощный импульс развития, который, безусловно, был достигнут в тяжелейших условиях жизни работников отрасли, при полной самоотдаче и напряжении человеческих сил. Работа велась круглосуточно в многосменном режиме при жёсткой дисциплинарной ответственности для всех как рядовых, так и руководящих работников [19, с. 148].

Непосредственно на месте лова было организовано обучение новых кадров навыкам вылова рыбы с соблюдением технологических норм и правил безопасности на рабочих местах. Рыболовецкий труд был физически тяжелым и достаточно опасным, поэтому подготовка требовала от новых кадров серьёзного отношения и ответственности. Морской вылов сопряжен был с более серьёзными рисками, чем речное рыболовство. Но при угрозе авиационных налетов противника и речные бригады подвергались обстрелам.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

Немалую роль в комплектовании рыболовецких бригад играла практика привлечения женщин к работе на промысловом лове рыбы. Так, часто самые передовые по объёму добычи бригады состояли более чем наполовину из женщин. Почти полностью женский по составу рыболовецкий колхоз «Имени 3-й пятилетки» (Камчатский край) за второй квартал 1943 г. сдал более 400 центнеров рыбы, что было больше плана в 2 раза. С 1940 по 1945 г. рыбколхозы Камчатского края увеличил добычу рыбы с 3 840 до 6 707 центнеров рыбы [1, с. 88].

Основная доля нагрузки по добыче рыбы легла на предприятия Дальнего Востока, Урала, Сибири. Надо отметить, что в названных регионах каждый второй работник рыбодобывающей отрасли ушёл на фронт, однако вылов рыбы увеличился в 2–3 раза с 1940 по 1944 г. При меньшем числе занятых в отрасли в целом по стране удалось сохранить уровень ежегодного вылова в 1,1 млн т. Так, например, в Ханты-Мансийском национальном округе в 1943 г. выловили 311 тыс. центнеров рыбы, в сравнении со 135,8 тыс. ц в 1940 г. [1, с. 85].

На Южном Урале на сентябрь 1941 г. действовали два рыбных треста (Челябинский и Чкаловский). Третий крупный трест был создан в 1943 г. Тресты подчинялись Наркомату рыбной промышленности РСФСР и включали в себя рыбные заводы и питомники. За колхозами закреплялись специализированные колхозы и рыботорварные фермы обычных коллективных хозяйств. К концу 1941 г. тресты состояли из 13 рыбных заводов, а общее количество рыбных заводов на территории Южного Урала достигло 17. Уловы рыбаков Южного Урала полностью направлялись на нужды армии и госпиталей.

Улов рыбы-сырца в рыболовных хозяйствах Южного Урала в годы Великой Отечественной войны, ц*

Тресты	1941	1942	1943	1944	1945
Курганский	–	–	6 095	5 776	4 243
Челябинский	20 427	26 212	23 353	22 284	14 837
Чкаловский	4 638	8 354	9 938	9 098	5 482
Всего	25 065	34 566	39 386	37 158	24 562

* Источник: [4, с. 243].

На обеспечение питанием тыловых частей Красной армии, размещенных в регионе, только за первое полугодие 1942 г. Чкаловский рыболовный трест направил 159,5 ц рыбной продукции в военные училища и в госпитали региона [10]. Рыбаки Южного Урала за период с 1941 по 1945 гг. сдали для нужд населения, армии и промышленности 160 737 ц рыбы. Большое количество рыбы было добыто подсобными хозяйствами различных оборонных организаций и предприятий Чкаловской (ныне – Оренбургской) области.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

Рыбные консервы предназначались для комплектования пайков военнослужащим, раненым бойцам, курсантам военных училищ и т.д. «Среднему и вышеначальствующему составу» действующей армии, кроме летного и технического, получающего летный паек, отпускался бесплатный фронтовой паек с добавлением в сутки на человека: масла или сала – 40 гр., печенья – 20 гр., рыбных консервов – 50 гр., папирос – 25 шт., или табака – 25 гр., спичек – 10 коробков (в месяц) [12, л. 120, 121].

Таким образом, развитие рыбной промышленности в СССР во второй половине 1930-х гг. заложило основу для стабильного функционирования отрасли в годы Великой Отечественной войны. Вылов и переработка рыбы в годы войны тружениками рыбной промышленности внесли неоценимый вклад в обеспечение армии и народа необходимыми продуктами питания. Руководство государства обеспечило эвакуацию и быстрое создание новых артелей, рыбколхозов, плавбаз, трестов, цехов по переработке рыбной продукции, консервных заводов на внутриконтинентальных бассейнах СССР и на морях страны. Рыбодобывающая, рыбоперерабатывающая промышленность СССР достойно выдержала испытания и выступала как серьёзный экономический резерв государства, который в годы нашествия нацистской Германии помогал найти дополнительные ресурсы для выхода страны из испытания.

Источники и литература

1. *Алексеева Л.В.* Рыбное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) / Л.В. Алексеева. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – 142 с.
2. *Аргунова Ю.Ю.* Осетровый промысел на Байкале в XIX – первой половине XX века / Ю.Ю. Аргунова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С. 128–132.
3. *Баданин А.В. (епископ Митрофан).* Подвиг «Тумана». Люди и судьбы / А.В. Баданин. СПб.: Ладан, Североморск: Из-во Североморской епархии, 2016. 60 с. (Кольский патерик: Книга VI).
4. *Бахтияров Р.С.* Рыболовство в СССР в годы Великой Отечественной войны / Р.С. Бахтияров, А.В. Фёдорова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2018. № 2(70). С. 241–243.
5. *Бреславец И.Н.* Генезис форм организации промышленного рыболовства / И.Н. Бреславец // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2010. Т. 13, № 1. С. 171–177.
6. *Виноградов С.В.* Рыбный промысел на Каспийском море в годы Великой Отечественной войны: значение и результаты / С.В. Виноградов, Ю.Г. Ещенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3(56). С. 30–34.
7. Государственный архив Оренбургской области. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 61.
8. *Микоян А.И.* В первые месяцы Великой Отечественной войны / А.И. Микоян // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 93–104.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

9. О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке. Постановление СНК СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 19. URL: <https://base.garant.ru/71436242/?ysclid=m4ibzelc27259963946> (дата обращения: 10.12.2024).

10. Речной реестр СССР. URL: <https://russianships.net/register> (дата обращения: 14.12. 2024).

11. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 84.

12. РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 270.

13. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг./ под ред. И.А. Гладкова. М.: Наука, 1970. 502 с. (Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах / АН СССР. Ин-т экономики).

14. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Воениздат, 1977. 559 с.

15. *Чадаев А.Я.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А.Я. Чадаев. М.: Мысль, 1985. 494 с.

16. *Чернявский У.Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения (1941–1945 гг.): снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.) / У.Г. Чернявский. М.: Наука, 1964. 208 с.

17. *Цыбенков Б.А.* Развитие экономики Бурятии в военный период / Б.А. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2020. № 4(40). С. 146–157. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2020-40-146-157>

18. Шабалин А.О. Огненные мили / А.О. Шабалин // Корабли-герои: книга о кораблях-героях, о командирах, капитанах и матросах, не вернувшихся с курса, о верности флагу / ред.-сост. А.С. Елкин. М.: Изд-во ДОСААФ, 1970. С. 202–203.

19. *Шигин В.* Сталин и ВМФ СССР. 1941–1953 / В. Шигин. М.: Вече, 2021. 544 с.

Петров Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет, Россия, г. Москва, history.vladimir@yandex.ru

Petrov Vladimir I., Candidate of Sciences (History), Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University, Russia, Moscow, history.vladimir@yandex.ru

УДК [94(476) + 555.244.211(476)(091)]"1941–1944"

Т.В. Бувевич

**ВИТЕБЩИНА, ОПАЛЕННАЯ ВОЙНОЙ:
ПРЕДВОЕННОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ,
ЭВАКУАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ИЮЛЕ 1941 ГОДА
И ИТОГИ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1944)**

Аннотация. В статье дается характеристика экономики Витебской области (Республика Беларусь) накануне Великой Отечественной войны (1941 г.). Рассматривается советская нормативная база (июнь – июль 1941 г.), регулировавшая процесс вывоза объектов экономики из районов СССР, находящихся под угрозой оккупации. Приводятся сведения об объемах эвакуации промышленных предприятий с территории Витебской области в июле 1941 г. в советский тыл. В результате автор приходит к выводу, что удалось эвакуировать незначительную часть объектов промышленного производства и сельского хозяйства Придвинского региона. Массовая эвакуация населения не предусматривалась, организованным порядком смогло выехать менее четверти процента от довоенного количества жителей области. И если экономические потери региона в послевоенный период удалось не просто восполнить, но и значительно развить социально-экономическую сферу, то человеческие потери восстановить пока не удалось.

Ключевые слова: Витебская область, Витебщина, Придвинский край, Великая Отечественная война, экономика, население, эвакуация, геноцид белорусского народа.

T.V. Buyevich

**VITEBSK REGION, BARNED BY WAR: PRE-WAR ECONOMIC
DEVELOPMENT, EVACUATION MEASURES IN JULY 1941
AND THE RESULTS OF THE NAZI OCCUPATION (1941–1944)**

Abstract. The article provides a description of the economy of the Vitebsk region (Republic of Belarus) on the eve of the Great Patriotic War (1941). The Soviet regulatory framework (June – July 1941) that regulated the process of evacuation of economic facilities from the regions of the USSR that were under threat of occupation is considered. Information is provided on the volume of evacuation of industrial enterprises from the territory of the Vitebsk region in July 1941 to the Soviet rear. As a result, the author comes to the conclusion that it was possible to evacuate an insignificant part of industrial production and agricultural facilities of the Dvina region. Mass evacuation of the population was not envisaged; less than a quarter of one percent of the pre-war population of the region was able to leave in an organized manner. And if the economic losses of the region in the post-war period were not only replenished, but also significantly developed the socio-economic sphere, then the human losses have not yet been restored.

Keywords: Vitebsk region, Vitebsk oblast, Pridvinsky region, Great Patriotic War, economy, population, evacuation, genocide of the Belarusian people.

Витебская область, или как ее еще именуют Витебщина, является самым северным регионом Беларуси. На северо-западе граничит с Латвией, на западе – с Литвой, на севере и востоке – с Российской Федерацией. Третье распространенное название Витебщины – Придвинский край (Придвинье), основано на том, что 80 % площади рек, которые текут на территории области, относятся к бассейну Западной Двины [7]. Придвинье – колыбель белорусской государственности. Именно здесь в IX в. появилось Полоцкое княжество – первое государственное образование в рамках современных белорусских территорий [10].

Накануне Великой Отечественной войны Витебская область занимала территорию в 28,3 тыс. кв. км, а ее население составляло 1 млн 293 тыс. чел. [4, л. 2]. Если сравнивать с нынешней территорией, то за послевоенный период она увеличилась более, чем на 71 %, и сегодня составляет 40,1 тыс. кв. км [10].

На 1 января 1941 г. в состав области входило 20 районов: Бешенковичский, Богушевский (в настоящее время территория в составе Витебского, Сенненского и Оршанского районов), Ветринский (ныне – в составе Полоцкого и Ушачского районов), Витебский, Городокский, Дриссенский (ныне – Верхнедвинский), Дубровенский, Лепельский, Лиозненский, Меховский (в 1958–1962 гг. – Езерищенский; ныне в составе Городокского района), Оршанский, Освейский (ныне – в составе Верхнедвинского района), Полоцкий, Россонский, Сенненский, Сиротинский (ныне – Шумилинский), Суражский (ныне – в составе Витебского и Городокского районов), Толочинский, Ушачский, Чашникский [1].

22 июня 1941 г. германские войска пересекли границу СССР. Началась Великая Отечественная война советского народа против нацистской Германии. Уже через два дня 24 июня 1941 г. постановлением Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)) и Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации [16]. 25 июня 1941 г. организована Центральная эвакуационная комиссия при СНК БССР во главе с председателем СНК И.С. Былинским [9, с. 84]. При наркоматах и в ведомствах были созданы специальные бюро и комиссии, на железнодорожных узлах и крупных станциях работали уполномоченные по эвакуации. Совет по эвакуации определял места, куда должны были перевозиться предприятия.

Беларусь в числе первых советских республик подверглась ударам врага. И хотя Витебщина является самой крайней северо-восточной границей республики, и от западной границы Беларуси до западной границы области

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

расстояние составляет около 500–600 км, но уже в конце июня противник вел здесь активное наступление.

Сложность положения Витебщины состояла в том, что указания, поступавшие от центральных органов власти, попросту не успевали за стремительно развивающимися событиями. При этом следует учитывать, что население не имело права покидать предприятия, разговоры о необходимости эвакуации даже в конце июня 1941 г. пресекались местными органами власти.

27 июня 1941 г. началась оборона подступов к г. Полоцку. И именно в этот день принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» [15]. В нем было определено, что в первую очередь эвакуации подлежали ценности, имеющие государственное значение, а именно:

а) важнейшие промышленные ценности (оборудование – важнейшие станки и машины), ценные сырьевые ресурсы и продовольствие (цветные металлы, горючее, хлеб);

б) квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники.

Осуществление эвакуации было возложено на местные органы Советской власти. Необходимо также иметь в виду, что каких-либо заблаговременно подготовленных эвакуационных планов фактически не существовало.

Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. призывала население при вынужденном отходе Красной армии «угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего» [8]. В этот же день немецкие самолеты бомбили г. Лепель, он был оккупирован уже 3 июля. В этот же день начались бои за Полоцк. Центр области – Витебск пал к 11 июля.

И в этот день 11 июля 1941 г. под грифом «совершенно секретно» вышло постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № ГКО-99 «Об эвакуации промышленных предприятий» [14].

Оккупация Витебской области продолжалась. 16 июля советские войска оставили гг. Оршу и Полоцк; 8 июля полностью были захвачены Шумилинский район и г. Толочин, 9 июля – Бешенковичский и Городокский, 10 июля – Сенненский, 13 июля – Верхнедвинский, 17 июля – Россонский и Лиезненский, 20 июля – Чашникский и Дубровенский районы. По сути, к 20 июля вся территория области оказалась захваченной нацистами.

Стоит отметить, что в межвоенный период Витебщина являлась наиболее развитым промышленным регионом БССР. Согласно сведениям из служебного издания СНК БССР, подготовленного в 1942 г. под названием «Состояние народного хозяйства и культурного строительства Витебской области Белорусской ССР к началу Отечественной войны», в предвоенный 1940 г. промышленность Витебской области насчитывала 8 908 крупных и

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

мелких предприятий со стоимостью основных фондов 438,7 млн руб. и численностью рабочих 74 136 чел. [4, л. 2об].

Наибольший удельный вес приходился на текстильную промышленность (24,2 %). Второе место занимала металлообрабатывающая (16,8 %), третья – швейная (12,5 %) промышленность.

Текстильная промышленность Витебской области была представлена предприятиями по первичной обработке льна; трикотажным, хлопчатобумажным, шерстяным, ватным, льнопрядильным, ткацким и производствами и фабриками нетканых материалов. Размещение предприятий по первичной обработке сырья было дисперсным и тяготело к местам его производства. Развитие текстильной промышленности происходило на базе местного сырья – льна, по выращиванию которого Придвинье и сегодня является основным регионом. К 1940 г. было построено 42 механизированных завода по первичной обработке льна. Самым крупным был Оршанский льнокомбинат, предприятие союзного значения, в составе которого объединились чесальная, прядильная, ткацкая и отделочная фабрики. Еще две крупные льнопрядильные фабрики действовали в г. Витебске (им. Кагановича) и д. Высочаны Лиозненского района (им. Карла Маркса). Трикотажные фабрики им. Коммунистического интернационала молодежи (далее – фабрика им. КИМ) и Клары Цеткин в 1940 г. произвели 73 млн пар чулочно-носочных изделий и свыше 13 млн шт. трикотажного белья, что составляло почти 15 и 7 % соответственно от общесоюзного производства этих изделий (Подсчитано по: [18]).

Металлообрабатывающие предприятия в основном располагались в гг. Витебске и Орше. Витебская очковая фабрика была единственным предприятием в СССР по производству оптических очков и защитных приспособлений по технике безопасности, оптических приборов для боевой техники. Игольный завод располагал годовой мощностью для производства 1 млн патефонных и 350 млн ручных игл. Оршанские заводы «Красный Октябрь» (г. Барань Оршанского района) и «Красный борец» (г. Орша) также были широко известны в Советском Союзе.

В годы первой пятилетки в г. Витебске было построено предприятие союзного значения – швейная фабрика «Знамя индустриализации» со средним объемом выпуска продукции в конце 1930-х гг. на 40–45 млн руб. в год. Также здесь работали обувная фабрика «Красный Октябрь» (г. Витебск), витебский щетинно-щеточный комбинат. Последний являлся наиболее механизированным предприятием в СССР. В Витебской области была построена первая в БССР Белорусская государственная районная электростанция, которая обеспечивала электроэнергией гг. Витебск, Оршу, Могилев, Шклов и весь Оршанский район.

Это только небольшой обзор состояния промышленности Придвинского края накануне войны. Что же удалось эвакуировать?

По сути, предпочтение было отдано флагманам производства. Вывезли оборудование швейной фабрики «Знамя индустриализации» (в г. Саратов). В этот же город переехал станкостроительный завод «Коминтерн». Также в

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

Саратовскую область эвакуировали махорочную фабрику, которая не только была запущена в рекордно короткие сроки, но и в период войны являлась одним из основных источников поставки махорки на фронт.

Вывезли две витебские обувные фабрики «Красный Октябрь» и «Прогресс» в г. Кунгур (ныне Пермский край) и в г. Уфу. Стоит отметить, что фабрика «Прогресс» больше не вернулась в г. Витебск. Еще одно предприятие, которое так и не вернулось из эвакуации, – витебский щетинно-щеточный комбинат, который вывезли в г. Борогодск. Старейшее витебское предприятие – Лenoпрядильный комбинат оказался в Костроме и Бийске.

Гордость витеблян, одно из главных предприятий первых пятилеток – трикотажная фабрика им. КИМ уехала в г. Ульяновск. Уникальная игольная фабрика оказалась в Тамбове. Станкостроительный завод им. Кирова вывезли в Елец Воронежской области, а затем – г. Чкалов (ныне – Оренбург). В Казахстан (в г. Актюбинск) выехал ликеро-водочный завод. В Пензенскую область – 2-й государственный пивоваренный завод им. А. Бебеля. В Вологду эвакуировали очковую фабрику. В Татарскую АССР в г. Зеленодольск были отправлены фанерный завод (не восстановлен после войны) и инструментальная фабрика.

Из высших учебных заведений удалось эвакуировать только одно – Витебский государственный медицинский институт (в г. Ярославль). Уникальные коллекции музеев, библиотек, научные фонды вузов остались под оккупацией и фактически были уничтожены к концу войны. Всего же удалось вывезти оборудование 28 витебских заводов, фабрик, учебных заведений и т.п.

Помимо витебских, удалось эвакуировать часть предприятий из других регионов области. Всего из региона выехало 34 предприятия и оборудование фабрично-заводских училищ (ФЗУ), в том числе и оборудование единственной довоенной в республике электростанции «БелГРЭС» уехало в гг. Саратов и Кирово-Чепецк Кировской области, где стали использоваться на местных энергопредприятиях.

Советские учреждения практически не эвакуировались, за исключением ценностей из банков. Кроме того, перегнали в тыл 130 тыс. голов крупного рогатого скота из 311,4 тыс. довоенного стада и 100 тыс. овец и коз из 319,5 тыс. довоенных голов. Железнодорожным транспортом вывезли 120 тонн зерна.

Но самое тяжелое, что обнаружены сведения только о 3 297 планово эвакуированных жителях, что составляет менее четверти процента от довоенного количества жителей. Безусловно, имела место и самостоятельная эвакуация (беженство). Но сведений об ушедших в тыл жителях пока обнаружить не удалось и вряд ли когда-то удастся. Война повлекла за собой массовую гибель населения. Например, из 180 тыс. довоенных жителей областного центра – Витебска на центральную площадь в день освобождения 26 июня 1944 г. советских солдат вышло встречать сего 118 человек [11]. В течение июня 1944 г. в город вернулась часть населения, и оно увеличилось до, ориентировочно, 800 человек [5]. Но и эта цифра составляла менее пол-

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

процента от довоенного объема. Постепенно население возвращалось. К июлю вернулось около 4 тыс. чел. С июля 1944 г. по май 1945 г. число витеблян выросло с 4 553 до 50 695 чел. (от 2,5 до 28 % от довоенной численности) [2, л. 1; 15, л. 9].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать выводы, что эвакуировать из Витебской области в 1941 г. смогли лишь незначительную часть предприятий. Из 8 908 крупных и мелких предприятий в тыл вывезли полностью или частично оборудование 62 объектов (менее 1 %). Население планово практически не эвакуировалось.

Нацистская оккупация 1941–1944 гг. полностью уничтожила экономику региона. Жилой фонд области был разрушен. Уничтожены система образования, здравоохранения, стерты с лица земли культурно-массовые учреждения, исторические памятники. Утрачен значительный пласт культурно-исторического наследия. Например, из довоенных фондов Государственного архива Витебской области безвозвратно погибла четверть фондов.

И если экономические потери удалось не просто восполнить, но и в 1950–1970-е гг. значительно развить социально-экономическую сферу, то генофонд нации понес столь значительные потери, что восстановить их пока не удастся. В послевоенный период Придвинье ни разу не смогло достичь довоенной численности населения, даже несмотря на то, что, как уже отмечалось, территория области выросла на 71 %. На 1 января 2024 г. население всей области составляло 1 081 911 чел. (на территории 40,1 тыс. кв. км) [10], тогда как на 1 января 1941 г. на Витебщине проживало 1 293 000 чел. (на территории 28,3 тыс. кв. км) [4, л. 2].

В апреле 2021 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь было возбуждено и в настоящее время продолжает расследоваться уголовное дело по фактам совершения нацистскими преступниками и их пособниками геноцида мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

В 2022 г. принят Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа», который предусматривает юридическое признание геноцида белорусов, совершенного нацистскими преступниками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (до 1951 г.).

По результатам расследования уточнена цифра погибших мирных граждан и военнопленных на территории республики в период оккупации: их количество составило более 3 млн мирных граждан и военнопленных. Ранее считалось, что в БССР погиб каждый четвертый (всего 2,5 млн чел.). При этом следует иметь в виду, что Витебщина явилась наиболее пострадавшим регионом.

До 2021 г. считалось, что в республике было разрушено и сожжено более 9 200 сел и деревень, в том числе 5 295 населенных пунктов нацисты уничтожили вместе со всем или частью населения [6, с. 3].

Материалами уголовного дела подтверждено уничтожение не менее 12 348 сел и деревень, в том числе не менее 288 деревень были сожжены

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

полностью вместе с жителями и не возродились после войны. Их называют «сестры Хатыни». Среди них основная часть приходится на территорию Витебской области [12; 17]. В регионе зарегистрировано свыше 1 500 захоронений жертв войны, из них более 300 – захоронения мирных граждан [13].

Источники и литература

1. Административно-территориальное деление Беларуси. URL: <https://archives.gov.by/home/genealogiya/administrativno-territorialnoe-delenie-belarusi> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГА ВО). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 162.
3. ГА ВО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 435.
4. ГА ВО. Ф. 102-п. Оп. 3. Д. 2.
5. ГА ВО. Фонд пользования. Киножурнал «Освобождение Витебска», представленный для использования Белорусским государственным архивом кинофото-фонодокументов в рамках проекта «Открытый киноархив. Этот день мы приближали, как могли». Идентификационный номер 1.
6. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people: информационно-аналитические материалы и документы / под общ. ред. А.И. Шведа. Минск: Беларусь, 2022. 175 с.
7. Глобус Беларуси. Архитектурные и иные достопримечательности Беларуси. Витебская область. URL: https://globustut.by/area_pl_viteb.htm (дата обращения: 12.12.2024).
8. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. № П509 партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 6. М.: Политиздат, 1971. С. 17–19.
9. *Иоффе Э.* К вопросу об эвакуации населения БССР в 1941 г. / Э. Иоффе // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 28. Мінск: Беларус. навука, 2013. С. 83–89.
10. Исторический экскурс, интересные факты. Витебская область. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/regions/vitebskaya> (дата обращения: 29.11.2024).
11. История древнего Витебска. URL: https://vitebsk.gov.by/ru/new_3-ru/ (дата обращения: 20.10.2024).
12. Карты сожженных деревень, лагерей смерти и мест уничтожения (захоронения) населения. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside/karta-sozhzhennykh-dereven-/> (дата обращения: 29.12.2024).
13. Никто не забыт, ничто не забыто. В прокуратуре Витебской области обсуди́ли предварительные результаты работы по расследованию фактов геноцида на территории Витебщины в годы войны. 20.07.2021. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/sobytiya-i-meropriyatiya/nikto-ne-zabyt-nichto-ne-zabyto-v-prokurature-vitebskoj-oblasti-obsudili-predvaritelnye-rezultaty-ra/> (дата обращения: 29.12.2024).
14. Постановление Государственного Комитета Обороны от 11 июля 1941 г. № ГКО-99сс. URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/0099.html> (дата обращения: 25.11.2024).
15. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. № 1767-770сс «О порядке вывоза и размещения людских континентов и ценного имущества» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

16. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 июня 1941 г. № 1767-748сс «О создании Совета по эвакуации» // В штабах Победы. 1941–1945: Документы в 5 кн. Кн. 1. 1941. «Вставай страна огромная». М.: Науч.-полит. кн., 2020. С. 70.

17. Публичная кадастровая карта. Сожженные деревни. URL: <https://map.nca.by/laayers> (дата обращения: 29.12.2024).

18. Трикотажная промышленность СССР // Большая советская энциклопедия. URL: <http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-T/T13442.shtml> (дата обращения: 12.12.2024).

Бувич Татьяна Владимировна, заместитель директора, Государственный архив Витебской области, Республика Беларусь, г. Витебск, buevitchgavt@vitebsk.by

Buevich Tatyana V., Deputy Director, State Archives of the Vitebsk Region, Republic of Belarus, Vitebsk, buevitchgavt@vitebsk.by

УДК 656.2(093).084.8

Г.В. Алексушин

СОЗДАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ВОЛЖСКОЙ РОКАДЫ

Аннотация. В статье проанализированы причины и процесс строительства Волжской рокады в годы Великой Отечественной войны. На основе изучения документов центральных и местных органов власти предложена новая основная причина строительства рокады, а также изучен ход строительства. Показана роль Волжской рокады в обеспечении успеха Красной армии в битве за Сталинград. Приведены оценки и показана значимость Волжской рокады в системе железнодорожного транспорта в Поволжье в годы войны.

Ключевые слова: Волжская рокада, железная дорога, Сталинград, Великая Отечественная война.

G.V. Aleksushin

CREATION AND SIGNIFICANCE OF THE VOLGA ROCKADE

Abstract. The article analyzes the construction process during the Great Patriotic War of the Volga Ring Road. A new main reason for the construction of the rockade has been proposed. The process of rockade construction is investigated. The role of the Volga Rockade in securing the Battle for Stalingrad is studied. Estimates are given and the significance of the rockade is shown.

Keywords: Volga rockade, railway, Stalingrad, Great Patriotic War.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

Создание Волжской рокады вдоль левого берега р. Волги было запланировано решением Государственного комитета обороны (далее – ГКО) от 23 января 1942 г. №1190с [10]. Предполагалось открыть движение не позже августа 1942 г. Но одного из её создателей, руководителя БАМПроекта генерал-майора Фёдора Алексеевича Гвоздёвского вызвали в Москву из Великодворья по поводу будущей стройки ещё 15 января до принятия решения [3, с. 2]. С ним уехала группа специалистов – Юровский, Цвелодуб, Жигин, Баранов и помощницы Зинаида Михайловна Ключкова и Ева Зельмановна Вайншток. Они разместились в Москве в здании БАМПроекта. По сути, они и подготовили решение ГКО, потратив на это всего неделю. Срочность была такая колоссальная, что ещё до утверждения ГКО проекта решения Главное управление ЖелДорСтроя направило на участок Саратов – Сталинград (а затем – в Свияжск и Ульяновск) стройматериалы и механизмы, оборудование и транспорт из Томска, Тайшета, Известковой, Комсомольска и Северо-Печорской магистрали.

Такая поспешность была вызвана, на взгляд автора, начавшимися и быстро разраставшимися в объёмах поставками ленд-лиза через Иран (23,8 % от всего объёма) [1, с. 7]. 13 октября 1941 г. ГКО издал два первых Постановления по этому поводу: №790с «Проект директив по транспортным вопросам Ирана» [8, л. 128–131; 18, л. 174–180] и №791с «О советской делегации в смешанной комиссии по транспортным вопросам Ирана» [9, л. 132; 18, л. 181]. Эти документы предполагали существенно увеличение пропускной способности Трансиранской магистрали. И именно Волжская рокада должна была стать продолжением имевшихся и строившихся в Закавказье железных дорог с центром страны.

Волжская рокада не стала единственным ответом Наркомата путей сообщения на нужды южного комплекса железных дорог. Строили и усиливали немало железнодорожных веток, которые в совокупности дали большой эффект в сражениях 1942–1943 гг. Но именно Волжская рокада сыграла основную роль в Сталинградской битве и подготовке Курской битвы.

Приказом наркома путей сообщения от 25 января 1942 г. по решению ГКО от 23 января создали в Камышине (затем – в Бальцере и Саратове с Саратовским управлением) трест «ВолгоЖелДорСтрой» во главе с Ф.А. Гвоздёвским. В состав треста вошли:

1) Сталинградское отделение (начальник Сталинградского исправительно-трудового лагеря (далее – ИТЛ) М.В. Филимонов, переформирован из Прикаспийского ИТЛ; отделения № 1–6 со штабами в дд. Иловля, Александровка, Зензеватка, Гусевка, Соломатино и Лебяжье; управление в г. Бальцер, главный инженер Н.А. Мирзоев).

2) Саратовское отделение (начальник Саратовского ИТЛ В.А. Барбанов (создан из железнодорожных лагерей Дальнего Востока и Саратовского строительства ямных ёмкостей; отделения № 7–12 со штабами в дд. Крафт, Каменка, Grimm, Денгоф, Синенькие и Багаевка; управление в райцентре Ольховка); главный инженер А.А. Бурдаков).

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

3) Приволжская экспедиция Главного управления лагерей железнодорожного строительства (далее – ГУЛЖДС) НКВД из лучших работников БАМПроекта (начальник – инженер П.К. Татаринцев; создана из Северо-Двинской, Закаспийской (в феврале переброшена под Сталинград [6, л. 7об., 8]) с двумя районами:

- южным (А.П. Смирнов, М.И. Хомчик и А.Д. Жигин, при Сталинградском (с 15 июня Нижневолжском) ИТЛ);
- северным (А.В. Юровский и Г.Н. Шелепугин, при Саратовском ИТЛ) [3, с. 3].

Позже появились экспедиции – Дашкесанская (9–12 февраля срочно переброшена на ст. Камышин [7, л. 18, 18об.]), Полярная (и Томское отделение) для участка Саратов-Сталинград, Вольская (бывшая Приволжская) для линии Саратов-Вольск [5, с. 30].

Использовали для строительства всё, что могли найти – так, подписанным М. Сабуровым Распоряжением СНК СССР №1516-р от 29 января НКПС разрешили взять на стройку линии Кизляр-Астрахань 2 экскаватора из имевшегося на станции Тбилиси оборудования без документов [2, л. 346].

Постановлением ГКО №1286сс [11, л. 59–86; 20, л. 1–35] от 15 февраля «О строительстве железнодорожных линий Свияжск-Ульяновск и Саратов-Сталинград» (по сути, два участка Волжской рокады) поручили «...Народному Комиссариату Внутренних Дел производство изысканий, составление проекта и строительство ж.д. линии Свияжск-Ульяновск. Эта линия является северным звеном меридиональной ж.д. магистрали, которая должна пройти правым берегом Волги через Ульяновский узел – Сызрань – Вольск – Саратов – Камышин и на юге примкнуть к Сталинградскому узлу». И сразу к строительству привлекли НКВД [4], установив сроком окончания работ декабрь 1942 г.

На это постановление вышел приказ Наркома путей сообщения от 22 февраля о создании Волжского управления строительства (начальник Афанасьев, главный инженер Н.К. Гильнер) и Свияжской экспедиции (ранее Амурская Ленинградского отделения, Н.И. Маккавеев и А.В. Фёдоров) [3, с. 3] для линии Свияжск – Ульяновск).

Всего Волжская рокада включала 6 звеньев (992 км, 791 искусственное сооружение, объём земляных работ 15 646, м³; срок стройки – 15 месяцев) [26, л. 25–27]:

1) Ульяновск – Свияжск (северное), 3-е отделение НКВД или Волжский ИТЛ (протяженность – 202 км, включая 165 искусственных сооружений; объём земляных работ – 4 041,8 м³; срок стройки – 5,5 месяцев);

2) Ульяновск – Сызрань (протяженность – 150 км., включая 130 искусственных сооружений; объём земляных работ – 1 889 м³; срок стройки – 7 месяцев);

3) Сызрань – Сенная (протяженность – 169 км, включая 119 искусственных сооружений; объём земляных работ 1 908 м³; срок стройки – 6 месяцев);

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

4) Саратов – Сенная (протяженность – 135 км., включая 103 искусственных сооружения; объем земляных работ – 1 897 м³; срок стройки – 15 месяцев);

5) Саратов – Петров вал, Саратовский ИТЛ (Саратов – Камышин) (протяженность – 200 км, включая 167 искусственных сооружений; объем земляных работ – 3 070 м³; срок стройки – 5 месяцев;

6) Петров вал – Иловля, Сталинградский ИТЛ (протяженность – 136 км, включая 107 искусственных сооружений; объем земляных работ – 2 841 м³; срок стройки – 4 месяца.

Неясно, откуда некоторые исследователи берут протяжённость участка Саратов – Сталинград в 337 км. [28, с. 83], когда дорога Саратов – станция Иловля была 336 км., а между Иловлёй и Сталинградом дороги не было.

Для реализации этого масштабного плана 22 февраля приказом Наркома внутренних дел Л.П. Берии № 00372 было создано Управление строительства ВолжЛага. Во главе Управления был поставлен все тот же Ф.А. Гвоздёвский, который, будучи заместителем начальника ГУЛДЖС НКВД СССР, организовал Свияжскую экспедицию БАМПроекта. Управление Волжского ИТЛ, созданного из СорокоЛага, разместили в Казани, еще 6 строительных подразделений перевели в Татарскую АССР, сняв их вместе с личным составом и имуществом со строительства железной дороги Сорокская – Обозерская [4, с. 222]. Ещё один ИТЛ был расположен под Сызранью.

Прибывавшие с Дальнего Востока в Саратов, Камышин и Бальцер строительные организации усилили строителями Прикаспийского строительства №1003 Главгидростроя и 30 тыс. бойцов стройбатов 5-й сапёрной армии [3, с. 4], строившими оборонительные сооружения под Сталинградом (позже на стройку привлекут ещё около 40 тыс. строителей из Комсомольска из треста Нижнеамурстрой). В оба лагеря весной входили 13 строительных отделений, 27 батальонов и 5 рот, десятки отдельных строительных колонн и боеучастков.

Заключённых на строительных объектах распределили в подразделения по штату военно-строительных организаций Наркомата обороны: отделение (до 3 тыс. чел.) из 3 батальонов; батальон (800–1000 чел.) из 3 рот; рота (300–330 чел.) из 3 взводов; взвод (100–110 чел.) из 3 бригадных отделений; бригадное отделение (35–40 чел.).

Ф.А. Гвоздёвский с секретарём обкома ВКП(б) А.С. Чуяновым выехали из Сталинграда в направлении Камышина по берегу р. Волги. До Дубовки он обнаружил приемлемый для железной дороги профиль, но дальше по линии трассы были огромные овраги с большими перепадами высот на устьях речек, впадающих в Волгу. Предполагались проблемы с водой для стройки. Потому Гвоздёвский начал прорабатывать прокладку дороги по долине р. Иловли. Экспедиции под руководством А.П. Смирнова и П.К. Татаринцева в феврале – марте провели изыскательские работы, предложив трассировку от станции Иловля вдоль реки до пересечения линии Камышин – Тамбов, далее на Багаевку и Саратов по берегам степных рек. Такой вариант

решал ряд задач. Во-первых, благодаря близости рек решалась проблема обеспечения паровозов водой. Во-вторых, значительно более ровный ландшафт на этом участке позволял сократить производство земляных работ. В-третьих, густонаселенность этих районов Сталинградской области и бывшей республики немцев Поволжья позволяли решать проблему обслуживания железнодорожных путей и перегонов, мостов, разъездов и станций. В-четвертых, опустевшие после депортации немцев Поволжья села могли быть использованы для размещения строителей-железнодорожников. Кроме того, станция Гумрак могла оказаться в зоне боёв, а новый вариант предполагал безопасное полукольцо Поворино – Иловля – Петров вал (Камышин) – Балашов.

3 марта Постановление ГКО № 1375сс [12, л. 27–45; 21, л. 16–59] «Об обеспечении строительства железнодорожной линии Саратов – Ульяновск» объединило три участка Волжской рокады, а 7 марта обком ВКП(б) утвердил новый вариант строительства. Затем уже 10 марта руководству прилежавших к трассе сельских районов обкомами были направлены распоряжения о мобилизации колхозников в качестве военно-трудовой повинности для выполнения земляных работ и подвоза материалов. В результате удалось провести первые подъездные грунтовые дороги, а также укрепить существовавшие.

16 марта вышло Постановление ГКО № 1461с [13, л. 176–187; 22, л. 21–34] «О материальном обеспечении строительства железнодорожных линий Свияжск – Ульяновск и Саратов – Сталинград», а на следующий день аналогичным постановлением № 1467с [14, л. 193; 22, л. 48–51] ГКО утвердило новую трассу железнодорожной линии Сталинград – Камышин – по сути, участок Волжской рокады Петров вал – Иловля с двумя участками подхода – Камышин – Петров вал и Сталинград – Иловля.

В распутицу и весенний паводок до 24 апреля перевели десятки тысяч рабочих на станцию Иловля. Трассировщики и геологи без плавсредств, болотных сапог и брезентовой одежды пересекали р. Иловля и её притоки. Не раз ночевали прямо в поле. Для связи с ними штаб использовал всадников, которые переправлялись, держась за сёдла [3, с. 6].

Материалы для верхнего строения пути по распоряжению начальника ГУЛЖДС НКВД СССР Н.А. Френкеля и приказу ГКО, в основном, сняли со 180-километровой ветки БАМ – Тында и ветки Известковая – Ургал БАМ, строительство которых начали в 1930-е гг. Везли рельсы с креплениями стрелочных переводов, элементы и металл мостов, катушки проводов, телеграфные аппараты, семафоры, цемент и арматуру, а также другое оборудование, необходимое для строительства и функционирования магистрали. Также снимали рельсы с трамвайных линий городов (в Саратове полностью сняли линию от 10-й Дачной до Кумысной поляны, на время разобрали кольцо маршрута № 13 от железнодорожного вокзала до Управления РУЖД и до Затона). Благодаря этому, а также с учетом того, что большинство рельсопрокатных заводов в военный период было переведено на выпуск

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

боевой техники, и для их обратного перепрофилирования требовалось не менее квартала, было сэкономлено большое количество времени.

Поставки с Дальнего Востока осуществлялись на правах воинских эшелонов, что означало беспрепятственное первоочередное прохождение на всем пути следования. Однако этого не хватило, чтобы полностью реализовать проект строительства Волжской рокады: были лишь закрыты потребности участка Иловля – Петров вал. Участок дороги от Петрова вала до Саратова собирали из плетей, снятых в западных районах страны накануне наступления немцев. Для возведения остальной части трассы ГКО распорядился закупить в США 1 200 км рельсов с креплениями.

К 1 мая 1942 г. штаб Сталинградского управления переехал из Сталинграда в д. Ольховка, где уже находился штаб Южного района экспедиции с проектными группами. Создавать земляные карьеры и резервы начали 10 мая сразу после спада воды. Вначале работали только тачками и перекидкой грунта: отправленные со строительства № 107 в Азербайджане лошади и грабарки поступили только в конце мая, когда земляное полотно в основном закончили [3, с. 6]. Приведённая А.В. Захарченко цифра в 196 тыс. м земли [4, с. 41], вынужденной заключёнными и мобилизованными работниками на северном звене рокады, несоразмерна более достоверной, по которой весь объём земляных работ на всей Волжской рокаде (а не на одном звене) составил 15 646,8 м³.

Постановление ГКО от 4 июня 1942 г. № 1857сс [15, л. 24–25; 23, л. 132–136] было создано для строительства железнодорожной линии Сталинград – Саратов – Сызрань – Ульяновск – Свияжск – то есть, Волжской рокады. В документе было указано актуальное состояние привлекаемых для стройки резервов. Показательны своими цифрами справки куйбышевского обкома ВКП(б) о выполнении работ к 18 июня на железных дорогах Сызрань – Ульяновск и НКПС № 62 к 20 июля [27, л. 78–82, 91–93].

К лету противник перерезал все железные дороги к Сталинграду на правому берегу р. Волги. В условиях продолжавшегося наступления частей вермахта на Сталинград снабжение города резко ухудшилось, а после захвата противником правого берега р. Дон у станицы Клетской артиллерия стала обстреливать и станцию Иловля. В этой ситуации правительство 6 июля сократило срок ввода участков железной дороги Иловля – Петров вал до 1 сентября, а Саратов – Петров вал – до 15 сентября (сначала до 1 декабря, позже – до 1 октября). Чтобы ускорить процесс возведения рокады в Камышине в середине июля 1942 г. был развернут проверочно-фильтрационный лагерь для красноармейцев, находившихся в плену или окружении. Большинство из 65 тыс. штрафников также были задействованы в укладке железнодорожных путей.

Постановление ГКО от 20 июля 1942 г. № 2065с [16, л. 120, 120об.; 24, л. 112–115] форсировало строительство железной дороги Саратов – Сталинград – роль рокады в обеспечении намечавшейся битвы за Сталинград возрастала очень быстро. Открыть временное движение по нему пред-

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

полагалось уже в августе: Петров вал – Сталинград – 10-го числа, Петров вал – Саратов – 15-го. Все грузы в адрес строившейся дороги приравняли к военным.

22 июля немецкая авиация начала постоянные налёты на строящуюся трассу, поэтому дальнейшие работы по ее возведению были сопряжены не только с трудностями, но и с риском для жизни.

7 августа, на 103-й день после начала земляных работ, первый поезд прошёл по звену Иловля – Петров вал на 3 дня раньше запланированного срока, и работники Юго-Восточной железной дороги (начальник дороги А.П. Молчанов), и личный состав органов военных сообщений Сталинградского фронта организовали одностороннее замкнутое движение 50 поездов на север друг за другом по маршруту Поворино – Арчеда – Иловля – Петров вал – Балашов, значительно ускорив движение воинских поездов – с 16 до 22 поездов в сутки. Строители подвозили песчаный балласт машинами, грабарками и тачками. С 20 августа на Волжской рокаде была задействована паровозная колонна особого резерва (ОРКП-8).

С завершением основного строительства южного участка рокады Приказом наркома внутренних дел СССР от 10 сентября 1942 г. № 0367 Управление ВолгоЖелДорСтроя, Нижневолжский и Саратовский ИТЛ были преобразованы в единое Управление Приволжского ИТЛ (ПриволжЛag) с центром в г. Саратове, работавшее до декабря 1944 г.

11 сентября 1942 г. на участке Петров вал-Саратов, где для снижения расхода материалов было возведено 167 искусственных сооружений вместо 188, предусмотренных проектом, был пущен первый состав. С этого момента продолжалось сквозное движение поездов.

С 24 сентября началась временная эксплуатация принятого приёмной комиссией на «отлично» 23 сентября участка Иловля – Петров вал в составе Рязанско-Уральской и Юго-Восточной железных дорог.

Для такой скорости стройки при пересечении логов вместо мостов и труб делали укладку на земляной отсыпке, понижали насыпи. Уже в феврале – марте 1943 г. в таких местах доводили рокаду до стандартов. Вокзалы и здания строили каркасно-обшивными и деревоземляными [3, с. 8].

Постановлением ГКО от 25 сентября 1942 г. № 2341с [17, л. 10; 25, л. 43–46, 61] НКВД поручили достройку железнодорожной линии Саратов – Вольск. К достройке рокады подключили СаратовЛag, объединив южный и северный участки с передачей стройорганизаций НКПС ПриволжЛагу НКВД (Приказ НКВД от 29 сентября 1942 г.). Всего в сентябре на этом участке создали 3 отделения длиной вдоль трассы на 27–55 км каждое, их штабы разместили в населённых пунктах Тарханы, Н. Алексеевка и Сидонское.

Звено Свияжск – Ульяновск НКВД передал в НКПС 10 октября. Рабочее движение по всему маршруту было открыто 15 октября с ограниченной до 30 км/час скоростью движения (так как балластировку ещё не завершили). Также сдали в эксплуатацию: звенья Саратов – Петров (23 октября), Саратов – Вольск (25–26 октября). Вся рокада принята в работу 1 ноября

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

1942 г. До рабочего состояния почти 1000-километровая магистраль была доведена за полгода при ограниченных ресурсах и под бомбёжками врага, разрушавшими уже построенное.

После сдачи в эксплуатацию северного звена Свияжск – Ульяновск НКВД проводил «доделочные работы», создав в 1943 г. малочисленные подразделения с 6-ю производственными колоннами общей численностью от 219 до 280 чел. На дороге Свияжск – Ульяновск трудились только мобилизованные немцы и вольнонаёмные.

По частям недостроенной Волжской рокады из Сталинграда эвакуировали 600 паровозов и 26 тыс. вагонов с заводским оборудованием, ранеными и беженцами – около 400 тыс. чел., в том числе эвакуировали на Урал 25 тыс. рабочих Сталинградского тракторного завода с семьями. Также организовали отправку в глубокий тыл раненых солдат и офицеров, медицинского и обслуживающего персонала сталинградских госпиталей, их оборудования. За июль и первую половину августа только из одной Сталинградской области вывезли около 30 тыс. вагонов хлеба.

Навстречу к передовой перебрасывали резервы. По директиве Ставки Верховного Главнокомандования в считанные дни на фронт отправили сформированную в районе Сталинграда резервную армию, занявшую оборону в большой излучине р. Дон, и одной из первых встретившую врага.

Запуск Волжской рокады – беспрецедентный результат в создании железных дорог своего времени в мире. «Сооружение Волжской рокады обеспечило резервами и вооружением всю Сталинградскую битву, ознаменовавшую собой коренной перелом в ходе войны» – отметил маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

Источники и литература

1. *Алексушин Г.В.* Иностранные посольства в Куйбышеве – столице СССР / Г.В. Алексушин. Самара: Эдельвейс. 2012. 63 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 24.
3. *Жигин А.Д.* Волжская рокада: [машинописная рукопись] / А.Д. Жигин. М, 1978. 17 с. // Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского.
4. *Захарченко А.В.* Экономическая деятельность НКВД-МВД СССР в Поволжье в 1937–1953 гг.: историческое исследование: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А.В. Захарченко. М., 2014. 515 с.
5. *Захарченко А.В., Солдатова О.Н.* Волжская рокада и железнодорожное строительство в Поволжье в годы Великой Отечественной войны / А.В. Захарченко, О.Н. Солдатова. Самара: Ас Гард, 2014. 264 с.
6. Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в Самаре). Ф. Р-571. Оп. 3-6. Д. 86.
7. РГА в Самаре. Ф. Р-571. Оп. 3-6. Д. 97.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12.
9. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12.

**Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое
обеспечение нужд обороны**

10. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 20.
11. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21.
12. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 23.
13. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 24.
14. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 24.
15. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 38.
16. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 45.
17. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 58.
18. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 22.
19. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 34.
20. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 37.
21. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 40.
22. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 43.
23. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 67.
24. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 80.
25. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 95.
26. Российский государственный архив экономики. Ф. 8203. Оп. 1. Д. 84.
27. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 656. Оп. 33. Д. 226.
28. *Тесельская И.П.* Железнодорожный транспорт советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук / И.П. Тесельская. Владивосток, 2012. 214 с.

Алексушин Глеб Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, логистики и рекламы, Самарский государственный экономический университет, Россия, г. Самара, gva3@yandex.ru

Aleksushin Gleb V., Doctor of Sciences (History), Docent, Professor at the Department of Marketing, Logistics and Advertising, Samara State University of Economics, Russia, Samara, gva3@yandex.ru

УДК 94(470.4).084.8+338.47(093).084.8

О.А. Гоманенко

**КАПИТАЛЬНЫЕ ВЛОЖЕНИЯ В РЕЧНОЙ
ФЛОТ СССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛЖСКИХ ПАРОХОДСТВ)**

Аннотация. Во второй половине 1930-х гг. проходило капитальное строительство на волжском водном транспорте, что было связано с проводившейся в то время реконструкцией. Материальная база всей речной инфраструктуры нуждалась в коренной модернизации. Однако капитальные вложения были не достаточны, особенно для наращивания перевозок. С началом Второй мировой войны реконструкция

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

водного транспорта затормозилась. Это сказалось на развитии речного флота и его работе в начале Великой Отечественной войны. Переход на военные рельсы затянулся, так как волжская речная инфраструктура не была приспособлена к военным условиям. После Сталинградского сражения начался длительный период восстановления, продлившийся вплоть до конца 1940-х гг.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Верхневолжское речное пароходство, Средневолжское речное пароходство, Нижневолжское речное пароходство, капитальные вложения.

O.A. Gomanenko

CAPITAL INVESTMENTS IN THE USSR RIVER FLEET IN THE SECOND WORLD WAR (ON EXAMPLE THE VOLGA STEAMSHIP LINES)

Abstract. In the second half of the 1930s capital construction in the Soviet river transport industry took place. This was due to the reconstruction carried out at that time. The material base of all river infrastructure needed radical modernization. However, capital investments especially for increasing transportation were not sufficient. With the beginning of the Second World War, the reconstruction of water transport slowed down. This affected the development of the river fleet and its work in the initial period of the Great Patriotic War. The transition to military rails delayed. The Volga river infrastructure was not adapted to military conditions. After the Battle of Stalingrad a long period of recovery began, which lasted until the end of the 1940s.

Keywords: Second World War, Upper steamship line, Middle steamship line, Lower Volga steamship line, capital investments.

В 1934 г. на Волге были организованы три самостоятельных пароходства – Верхневолжское, Средневолжское и Нижневолжское. В 1939 г. они вошли в состав Московско-Волжско-Камского Центрального управления речного флота (далее – МВКЦУРФ). На волжские пароходства приходилась треть всех грузопассажирских перевозок в стране. Проходившее в течение второй половины 1930-х гг. капитальное строительство на речном флоте СССР имело ряд трудностей, которые с началом Второй мировой войны усугубили его положение. Основная проблема заключалась в недостаточных капиталовложениях в водный транспорт, который к тому времени существенно отставал от железнодорожного. Для увеличения перевозок материальная база всей речной инфраструктуры, в том числе волжской, нуждалась в полном обновлении. Крайне необходим был новый флот, модернизация и строительство пристанских объектов, в том числе вокзалов.

Помимо финансовых трудностей пароходства Волги сталкивались с просчетами планирования. Так, план капитального строительства Верхневолжского речного пароходства (далее – ВВРП) в 1939 г. изменялся более 10

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

раз. В итоге при относительно удовлетворительном финансировании ВВРП выполнило задание нового строительства на 85 %. При этом недоосвоение средств приходилось преимущественно на береговые объекты. Такая же ситуация повторилась и в 1940 г. [10, л. 186–187]. Главным объектом капитального строительства ВВРП в 1939 г. оставался Горьковский порт. Половина инвестиций приходилась именно на него, хотя требовалось на 40 % больше [1, с. 84].

В 1939 г. почти на 17 % снизились капитальные вложения по Наркомату речного флота (далее – НКРФ) по сравнению с 1938 г. Однако в 1940 г. они увеличились почти в два раза за счет строительства нового флота, но при этом остались на уровне 1937 г. За вторую половину 1930-х гг. треть всех инвестиций в водный транспорт СССР приходилась на судостроение [5, л. 26]. Непосредственно в 1940 г. половина капитальных вложений шла на постройку флота [1, с. 85].

Строительством новых судов занимались как промышленные предприятия, входившие в систему НКРФ, так и Наркомата тяжелой промышленности (далее – НКТП). Например, в 1940 г. для МВКЦУРФ судостроительные заводы НКРФ поставили лишь несколько новых единиц самоходного флота и сотню деревянных барж, предприятия НКТП – только одну металлическую баржу. Волжские пароходства особенно нуждались в пополнении баланса грузопассажирскими судами, однако в 1940 г. так их и не получили [4, л. 67–67об.]. В целом же за этот год по стране численность речного флота как самоходного, так и несамоходного возросла [2, л. 2а].

К началу Второй мировой войны очевидным стало значительное отставание речного транспорта от железнодорожного, удельный вес которого был существенно выше водного. С 1938 г. капвложения в речной флот снизились, а с началом войны фактически были перенаправлены на строительство военных судов, относящихся к образованному в 1939 г. Наркомату судостроительной промышленности. Сокращение финансирования гражданского флота частично было связано с завершением строительства ряда новых объектов в пароходствах. Однако необходима была модернизация устаревающей материально-технической базы, от чего зависело увеличение перевозок. Без нового флота и соответствующего пристанского хозяйства наращивать грузопассажирские перевозки стало затруднительно. С 1940 г. произошло снижение перевозок по стране, волжские пароходства перевозили уже не третью, а пятую часть от всех речных отправок СССР.

Однако, несмотря на сокращение капвложений, на 1940 г. устанавливались дополнительные лимиты на текущий и средний ремонт пристанского и вокзального хозяйства к открытию навигации. Четверть приходилась на Московско-Волжско-Камское Центральное управление речного флота, половина инвестиций отводилась трем волжским пароходствам. Больше всего финансирования на пристанский ремонт получило Нижневолжское речное пароходство (далее – НВРП) [3, л. 33–34].

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

К началу Великой Отечественной войны капвложения сократились еще больше. Например, по ВВРП в 1941 г. было запланировано на капитальное строительство на 37 % ниже, чем в 1939 г. [1, с. 85]. Все это сказалось на работе волжских пароходств в начале войны и затянуло перевод на военные рельсы, что впоследствии отразилось в большей степени на Нижневолжском речном пароходстве.

С началом Великой Отечественной войны план капитальных работ в целом по НКРФ на 1941 г. был пересмотрен и уменьшен. Часть строек была приостановлена. В результате годовое задание по капвложениям в речной транспорт СССР было выполнено на 43 %, в том числе на треть по сверхлимитным стройкам и приостановленным объектам. Война усугубила проблемы по капстроительству, с которыми сталкивался речной транспорт. Недостатки финансирования и планирования влекли за собой недостаточное снабжение стройматериалами, удорожание строительства, что впоследствии тормозило введение в действие завершенных объектов [5, л. 133–134].

МВКЦУРФ справилось с заданием капитальных работ 1941 г. почти на 41 % (практически как и по всему Наркомату речного флота). Половина вложений НКРФ 1941 г. отводилась судостроению, по МВКЦУРФ даже чуть больше. Однако ввод в эксплуатацию нового флота был в 2,5 раза ниже запланированного. По Московско-Волжско-Камскому Центральному управлению речного флота – всего три единицы. Почти 14 % нового несамоходного флота перешло в МВКЦУРФ. При этом вводившиеся в волжских пароходствах в эксплуатацию семь новых судов начинали строить от одного до четырех лет назад [1, с. 86].

В 1941 г. плановое капстроительство на волжском речном транспорте уменьшилось, особенно на Верхней Волге. Почти 50 % капитальных вложений отводилась как на судостроение, так и на восстановительный ремонт флота. Задание капитальных работ по ВВРП и НВРП на начало сентября 1941 г. было выполнено на 40 %, как и в целом по стране. Что касается Средневолжского речного пароходства (далее – СВРП), то его показатель понизился до 10 % из-за приостановленного строительства, которое не считалось [5, л. 99–101].

В военную навигацию 1941 г. грузовые перевозки по стране и по Волге (за исключением СВРП) значительно уменьшились. Понижилось и пассажирообращение, но доля перевезенных волжским речным транспортом пассажиров по НКРФ увеличилась на 10 % по сравнению с предыдущим годом из-за эвакуации. Особенно показательна ситуация на пристанях НВРП, где к концу 1941 г. сосредоточилось огромное количество эвакуированного населения. Волжский речной транспорт, в том числе нижневолжский в техническом плане оказался не подготовленным к войне. Материальная база не позволяла наращивать перевозки, особенно военных грузов. В связи с этим перевод речного транспорта, особенно Нижней Волги, на военный лад проходил еще год, фактически до Сталинградского сражения. Устаревшие флот

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

и береговое хозяйство, не приспособленные к военным условиям, требовали времени для перестройки своей деятельности.

План капстроительства на речном транспорте СССР в 1942 г. был в два раза меньше прошлогоднего и на 14 % выше фактически выполненных работ в прошлом году. Перераспределение средств шло в пользу тыловых районов. Соответственно на Московско-Волжско-Камское Центральное управление речного флота пришлось наименьшие инвестиции. Больше всех капитальных вложений в 1942 г. отводилось Северному, потом – Восточному и Южному ЦУРФ. По-прежнему половина финансирования приходилась на судостроение, но из-за военных действий ввод в эксплуатацию нового флота протекал еще медленнее, чем год назад. Так, в 1942 г. по самоходному флоту СССР ввели в действие менее половины запланированного, что в четыре раза меньше, чем в 1941 г. По несамоходному – на четверть меньше задания и прошлого года. Но уже на 1943 г. планировалось увеличить строительство новых самоходных судов до уровня 1941 г., а несамоходных – до показателей 1937 г. [6, л. 65, 66, 68, 69].

Одновременно с 1943 г. началось восстановление разрушенного хозяйства речного транспорта. Общая сумма ущерба только по флоту НКРФ СССР превышала 1 млрд рублей [2, л. 15]. Больше всего ущерба из волжских пароходств было причинено НВРП, 90 % которого было фактически уничтожено. Верхневолжское и Средневолжское пароходства преимущественно имели потери только судов. Поэтому до конца войны капитальное строительство на Волге фактически сводилось к восстановительным работам.

В 1943 г. план капитальных работ по НКРФ был почти в полтора раза ниже 1942 г., и речной транспорт СССР справился с ним более чем на 60 %. На МВКЦУРФ, к которому относились волжские пароходства, приходилось менее трети инвестиций, с которыми Управление справилось на 68 %. Задание по внеплановым вложениям НКРФ перевыполнило на 14 %, а МВКЦУРФ, наоборот, справился только на 78 %. В результате фактическая доля внеплановых вложений по Московско-Волжско-Камскому Центральному управлению речного флота составила пятую часть от всего речного флота страны [7, л. 234–237].

Постепенно стали увеличиваться как плановые, так и фактические показатели по капвложениям. В 1944 г. в два раза возросло задание по капитальному строительству НКРФ. Несмотря на то, что речной флот страны с ним не справился, итоговые показатели в два раза превысили прошлогодние. На Московско-Волжско-Камское Центральное управление речного флота приходилась четвертая часть капвложений. По факту план был выполнен почти на 40 % и на 8 % превысил итоги 1943 г. Задание по внеплановому строительству по НКРФ не увеличилось относительно 1943 г. и было перевыполнено на четверть. МВКЦУРФ почти справилось с внеплановым строительством 1944 г. [8, л. 238–241].

В последний военный год план капитальных работ по НКРФ по сравнению с 1944 г. повысился незначительно, но справился речной транспорт

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

СССР с ним на 90 %. Пятая часть вложений отводилась Московско-Волжско-Камскому Центральному управлению речного флота, которое выполнило план почти на 80 %. Внеплановое строительство увеличилось в 1,3 раза по сравнению с предыдущими годами. В итоге в целом по стране и по МВКЦУРФ по этому показателю план был перевыполнен почти на четверть и треть, соответственно [9, л. 293–295].

Таким образом, проводившееся во второй половине 1930-х гг. капитальное строительство на водном транспорте СССР имело ряд трудностей. Прежде всего для модернизации речной инфраструктуры требовались значительные капиталовложения, которые с началом Второй мировой войны резко сократились. Волжские речные пароходства в техническом плане не были готовы к работе в военной обстановке, что обусловило затяжной переход на военные рельсы. Инвестиции перераспределялись в пользу тыловых регионов. После Сталинградской битвы капитальные вложения постепенно росли и поступали на восстановление разрушенного речного хозяйства Волги.

Источники и литература

1. Гоманенко О.А. Капитальное строительство на речном транспорте СССР к началу Великой Отечественной войны (на примере волжских пароходств) / О.А. Гоманенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 2. С. 81–90. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.7>
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 2. Д. 356.
3. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9469. Оп. 1. Д. 68.
4. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 11.
5. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 15.
6. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 31.
7. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 468.
8. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 494.
9. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 517.
10. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 571.

Гоманенко Олеся Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, Россия, г. Волгоград, gomanenko.olesya@mail.ru

Gomanenko Olesya A., Candidate of Sciences (History), Docent, Associate Professor at the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Russia, Volgograd, gomanenko.olesya@mail.ru

**ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ВЛАДИВОСТОКСКИХ ПОРТОВИКОВ
И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В ДЕЛЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПОСТАВОК ПО ТИХООКЕАНСКОМУ ЛЕНД-ЛИЗУ**

Аннотация. Один из важнейших факторов, обеспечивших Победу советского народа в Великой Отечественной войне, – трудовой героизм работников всех отраслей военной экономики. В свою очередь ключевой связующей тыла и фронта являлся транспорт, на плечи которого была возложена беспрецедентная по своему масштабу логистическая задача. Статья посвящена деятельности Владивостокского морского торгового порта, ставшего в годы Великой Отечественной войны ключевым центром в системе приема союзнических поставок по программе ленд-лиза. Автором раскрываются некоторые трудности и особенности работы портовой инфраструктуры в условиях военного времени, а также результаты труда владивостокских портовиков и железнодорожников, направленного на своевременное и непрерывное снабжение тыловых предприятий и фронта стратегически важными грузами, поступавшими в Советский Союз по тихоокеанскому коридору ленд-лиза.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, ленд-лиз, транспорт, Владивостокский порт.

I.A. Gudkov

**THE LABOR FEAT OF VLADIVOSTOK PORT
AND RAILWAY WORKERS IN ENSURING SUPPLIES
UNDER THE PACIFIC LEND-LEASE**

Abstract. One of the most important factors that ensured the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War was the labor heroism of workers in all branches of the military economy. In turn, the key link between the rear and the front was transport, which was entrusted with an unprecedented logistical task. The article is devoted to the activities of the Vladivostok Commercial Seaport, which became a key center in the system of receiving allied supplies under the Lend-Lease program during the Great Patriotic War. The author reveals the main difficulties and features of the work of the port infrastructure in wartime conditions, as well as the heroic results of the work of Vladivostok port workers and railway workers aimed at timely and continuous supply of rear enterprises and the front with strategically important cargoes arriving in the Soviet Union via the Lend-Lease Pacific corridor.

Keywords: The Second World War, the Great Patriotic War, lend-lease, transport, Vladivostok port.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

История Великой Отечественной войны является одной из самых обсуждаемых и дискуссионных тем в современной историографии. При всем колоссальном интересе исследователей, политиков и рядовых граждан к предпосылкам и причинам войны, дипломатическим отношениям и последствиям установившегося после ее завершения миропорядка, одной из важнейших проблем остается экономика победы: факторы, обеспечившие ее достижение. Среди них видное место занимает тематика союзнической помощи СССР по ленд-лизу.

Ключевая роль в организации и осуществлении союзнических поставок отводилась транспорту. Советские транспортные предприятия, в особенности железнодорожного и морского транспорта, обеспечивали не только потребности фронта, но и нужды промышленности, сельского хозяйства, внешней торговли и прочих сфер жизни общества и государства, что вынуждало их работать на пределе своих возможностей. Особенно тяжело пришлось дальневосточным транспортникам, перед которым на протяжении долгого времени не ставились задачи подобных масштабов, однако в годы войны именно на их плечи выпала стратегическая задача по обеспечению большей части поставок по ленд-лизу. Флагманом всей транспортно-логистической цепи Тихоокеанского ленд-лиза стал Владивостокский морской торговый порт, в задачи которого входили не только разгрузка, но также комплектация и своевременная отправка союзнических грузов на фронт и предприятия страны.

Завоевание Владивостоком позиции ключевой транспортной артерии в поставках в СССР по ленд-лизу стало возможным благодаря выгодному, исключительно в контексте геополитической ситуации на момент разгара Второй мировой войны, географическому положению. На смену удобному и короткому маршруту северных конвоев (на Мурманск и Архангельск) по причине прямой военной угрозы пришел длинный и труднопроходимый Тихоокеанский, что вынуждало в кратчайшие сроки организовать и обеспечить материально принципиально новую транспортно-логистическую схему по доставке товаров с Западного побережья США и других стран-союзников в порты Дальнего Востока. При этом грузы необходимо было не только доставить порт, но и отправить по железной дороге через всю страну в целости и комплектности на предприятия промышленности и в действующую армию. От своевременности налаживания этой системы напрямую зависели не только сроки, но и объемы поступления важнейших для советской экономики грузов. Дальневосточный транспорт был вынужден в кратчайшие сроки ликвидировать все от него зависящие технические и организационные недостатки в своей работе.

Войну портовое хозяйство Владивостока встретило неподготовленным. В новых условиях, когда основной функцией порта становилась скоростная обработка большого числа неравномерно прибывающих судов, а также своевременная погрузка и отправка импортных грузов по железной дороге, затруднявшаяся сохранившимся местным грузооборотом, требовалась зна-

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

чительная переориентация и реконструкция его материально-технической базы. В первые годы войны поставки не достигали больших объемов и не были систематическими. Так, существовала определенная «отсрочка» для организации эффективной работы и совершенствования погрузочно-разгрузочного комплекса, проводившаяся в порту с первых дней войны и вплоть до самого ее завершения.

Когда же «тихоокеанский коридор» заработал в полном объеме (к началу 1943 г.), торговый порт Владивостока столкнулся с резким увеличением количества поступающих грузов. Так, в 1944 г. грузооборот достиг 2 959,1 тыс. т, что на 170,1 % превосходило объемы 1941 г., тогда как доля импорта возросла пятикратно, достигнув 2 564,4 тыс. т (86,7 %), что отражало характер и масштаб изменений, произошедших в условиях военного времени. Если в 1941 г. среднемесячный процент импорта в общем грузообороте едва достигал 30 %, то к 1944 г. составлял в среднем более 70 %. Всего через причалы Владивостока за пять лет войны прошло 7 201,9 тыс. т различных импортных грузов (72,3 % от его общего объема грузооборота), что по разным оценкам составляло от 47 до 69 % всех поставок по ленд-лизу [4, л. 26; 5, л. 26; 6, л. 44, 141].

Осложняла создававшуюся ситуацию хроническая (для всех отраслей промышленности и транспорта Дальнего Востока) проблема кадрового дефицита, ставшая в военное время особенно острой. Несмотря на то, что к декабрю 1943 г. в общее количество работников порта достигло 6 448 чел., из которых 2 531 (39,3 %) были задействованы на погрузочно-разгрузочных операциях, что было в 2,5 раза больше, чем в декабре 1942 г., обеспеченность рабочими руками порой не превышала и половины от требуемой [2, л. 5–6].

Основным источником для увеличения контингента грузчиков и механизаторов во Владивостокском торговом порту стало прикомандирование кадровых работников Архангельского и Мурманского портов, ставшее возможным после снижения объема поставок арктическими конвоями. Однако к 1944 г. ресурс был исчерпан, и проблему приходилось решать с помощью демобилизованных, а также жителей г. Владивостока. Естественно, полностью перекрыть потребности порта мобилизация граждан не могла. По этой причине во Владивостокском порту как в одном из главных транспортных центров, от деятельности которого зависело более половины поставок по ленд-лизу, изыскивались различные методы повышения эффективности работы. В условиях «завала» Владивостока импортными грузами, объемы поступления которых в отдельные месяцы превышал квартальные довоенные нормативы, добиться успешной обработки колоссального количества прибывающих судов можно было лишь путем интенсификации труда и улучшением производительности механизмов.

Стоит отметить, что вопросы о мероприятиях органов власти, руководителей предприятий и работе самих производственных коллективов, направленных на повышение производительности труда в условиях военного

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

времени, в последнее время становятся одним из развивающихся направлений в современной отечественной историографии [8; 10]. Центральной темой в изучении трудовой мобилизации в годы Великой Отечественной войны стал вопрос функционирования механизмов стимулирования труда в советской экономике. Мнения исследователей на этот счет расходятся. Некоторые считают, что советское законодательство в области принудительных аспектов труда являлось крайне эффективным, особенно в условиях необходимости решения задач военного времени [1]. Другие авторы, напротив отмечают второстепенность принудительных методов по сравнению с системой различных стимулов, которые и являлись источником основной мотивации трудящихся [9].

Одним из главных способов увеличения производительности труда в условиях военного времени во Владивостокском порту стало усовершенствование процесса погрузочно-разгрузочных работ. Первое – внедрение методов разгрузки судов «борт-вагон» и на два борта одновременно – разгрузка судна непосредственно в вагоны (минуя склады), при этом с двух бортов одновременно (с использованием плавучих кранов, барж и понтонов). Безусловно, такой вариант позволял значительно сократить время обработки судов, а также устранить лишние перевалки. Это давало возможность качественнее использовать имеющуюся рабочую силу. При варианте «борт-вагон» с одним и тем же количеством рабочих порт имел возможность обработать в среднем на 30 % больше грузов. Так, перевалка одной тонны груза по классическому варианту «борт-склад-вагон» обходилась порту в 1942 г. по зарплате одному грузчику в 3 руб. 42 коп., а с применением метода «борт-вагон» – 2 руб. 54 коп., (35 % экономия) [2, л. 5]. Кроме снижения затрат на рабочую силу, такой вариант работы с грузом уменьшал расход электроэнергии и затраты за хранение грузов на складе, а непосредственная погрузка грузов сразу в вагоны сокращала время простоев подвижного состава, так как грузы комплектовались одномоментно, что устраняло необходимость их дополнительного поиска и комплектации на складах.

Вторым направлением в усовершенствовании погрузочно-разгрузочных работ стал скоростной метод разгрузки судов. В отличие от метода «борт-вагон», который можно назвать скорее техническим нововведением, скоростной метод являлся результатом комплексной модернизации и совершенствования производственно-управленческой деятельности во Владивостокском морском торговом порту. Заключался он в четкой организации труда, грамотной расстановке механизмов, а также в повседневном соревновательном подходе к работе и повышением трудовой дисциплины. Организовать погрузочно-разгрузочные работы по скоростному методу во Владивостоке порту удалось лишь с конца 1944 г. Почти три года понадобилось руководству порта для выведения уровня механизации, численности рабочего контингента и уровня его квалификации до необходимых показателей. Это способствовало улучшению работы порта. В дни скоростной разгрузки судов, в конце первого полугодия 1945 г., порт обрабатывал в сутки по

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

14,1 тыс. т, при этом более 40 % тоннажа с применением метода «борт-вагон» [7, л. 63].

Важным элементом работы Владивостокского морского торгового порта стало совершенствование его организационной структуры. Одной из главных проблем порта в годы войны являлась низкая квалификация основной части рабочей силы. Большие усилия прилагались администрацией порта в деле обучения погрузочно-разгрузочным работам вновь прибывших в порт грузчиков. Так как времени на классическое обучение не было, новых работников прикрепляли к рабочим колоннам опытных грузчиков, для инструктажа и практического обучения в ходе выполнения совместных работ. О результатах подобных мероприятий говорит статистика. В 1942 г. недавно привлеченная рабочая сила выполняла планы на 25–40 %, а после прикрепления этот показатель вырос до 55–103 %. Причем разукрупнение бригад грузчиков в начале 1943 г. привело к росту показателей выполнения плана до 120–140 % [3, л. 39].

Помимо этого в комплекс мероприятий администрации порта по усовершенствованию производственного процесса входили также: выделение внутри производственных районов погрузочно-разгрузочных участков с целью более оперативного руководства этими процессами; организация стивидорных бригад в составе 3–4 стивидоров во главе со старшим стивидором для контроля за выполнением погрузочно-разгрузочных работ и предотвращения порчи груза; введение разрядов для грузчиков по их квалификации и дифференциация заработной платы; введение аккордной системы оплаты труда за обработку судов, а также дифференцированного питания грузчиков, механизаторов и др. в зависимости от выполнения трудовых норм [3, л. 40].

Важную роль в мобилизации рабочих коллективов на производстве в условиях военного времени играло социалистическое соревнование – соревнование по производительности труда между предприятиями, цехами, бригадами и отдельными рабочими. Получившие большое развитие в годы предвоенных пятилеток, в годы Великой Отечественной войны оно обрело новые черты и формы, обусловленные военной обстановкой, такие как, например, фронтовые комсомольско-молодежных бригады. В целях еще большего повышения производительности труда, помимо Всесоюзного социалистического соревнования во Владивостокском порту были организованы собственные внутренние соревнования: на звание фронтовой и лучшей бригады грузчиков; лучшего плавучего крана; лучшего причала; лучшего фронтового буксира; лучшего общежития; и лучшей бригады строителей. Итоги соревнований подводились ежемесячно.

Проблему недостаточного количества работников, задействованных на погрузочно-разгрузочных операциях, решали также и путем улучшения качества выполнения работ. Наряду с масштабными практиками по рационализации производственной деятельности и повышения квалификации трудящихся, широкое распространение в порту получило стахановское движение. Если в 1942 г. среднемесячный процент стахановцев в порту составлял

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

27,7 %, то уже к концу 1944 г. увеличился до 51,4 % [3, л. 27–30; 7, л. 73–74]. При этом данный показатель не являлся лишь прямым следствием роста контингента рабочей силы и объема работ. До середины 1942 г. в зачет шли исключительно количественные показатели работы грузчиков, тогда как в дальнейшем ориентиром стало ее качество: трудовая дисциплина и безаварийность. При этом, согласно отчетным документам, к концу каждого военного года процент ударников неуклонно возрастал.

Таким образом за годы Великой Отечественной войны арсенал способов мобилизации рабочих коллективов в рамках советской экономики значительно расширился. Вместе с существовавшими еще в довоенное время и хорошо отлаженными массовыми движениями стахановцев и ударников, чрезвычайная обстановка породила целый ряд новаторских решений. Расширялось социалистическое соревнование, колоссальную популярность получила борьба за высокопроизводительный и сверхурочный труд, производственная инициатива вышла на совершенно новый уровень. Владивостокский морской торговый порт не стал исключением из этой тенденции. Война поставила дальневосточный транспорт в тяжелейшие условия и, безусловно, от уровня заинтересованности и мотивации рядовых рабочих зависел весь производственный процесс.

О важности труда владивостокских портовиков говорит и уровень внимания, оказанный порту в годы Великой Отечественной войны со стороны высшего руководства. Только за 1943–1945 гг. Государственный комитет обороны не менее 17 раз специальными постановлениями обязывал Наркоматы морского флота и путей сообщения принять срочные меры к устранению и недопущению задержек в работе Владивостокского железнодорожного узла.

Масштаб стратегических задач, которые ставились перед морским и железнодорожным транспортом Дальнего Востока в военное время, вместе с фактором географической удаленности, хроническим кадровым дефицитом и недостаточно развитой материально-технической базой вынуждали его работать на пределе своих возможностей практически постоянно. Такие условия ставили руководство порта перед необходимостью неустанной работы по поиску и внедрению эффективных новаторских методов организации работы порта, в первую очередь на погрузочно-разгрузочных работах. Непрекращающаяся рационализаторская деятельность, трудовые подвиги, а также выработка эффективных механизмов взаимодействия транспортных предприятий позволили справиться с поставленными перед Владивостокским торговым портом задачами военного времени.

В годы Великой Отечественной войны за Владивостокским торговым портом был прочно закреплен статус ведущего порта в системе поставок по ленд-лизу. Через его причалы прошли миллионы тонн продовольствия, топлива, сырья и оборудования для промышленных и транспортных предприятий страны. Именно во Владивосток доставлялись тысячи вагонов и локомотивов из США, которые ставились на рельсы напрямую с корабельных

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

палуб. В этой связи организация эффективной и бесперебойной работы Владивостокского морского торгового порта становилась одним из факторов исправного функционирования советской военной экономики. В этом ключе героические усилия дальневосточных моряков и портовиков, направленные на своевременный прием и отправку важнейших стратегических грузов на фронт и предприятия страны, внесли неоценимый вклад в приближение победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. *Гончаров Г.А.* Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1945–1945 гг.) / Г.А. Гончаров // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 6. С. 183–186.
2. Государственный архив Приморского края (далее – ГА ПК). Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 9.
3. ГА ПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 34.
4. ГА ПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 44.
5. ГА ПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 466.
6. ГА ПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 61.
7. ГА ПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 75.
8. *Соколов А.К.* Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) / А.К. Соколов // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74–99.
9. *Сомов В.А.* Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной Войны / В.А. Сомов // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8, № 2. С. 163–174.
10. *Тяжельникова В.С.* Отношение к труду в советский и постсоветский период / В.С. Тяжельникова // Социально-экономическая трансформация в России. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 2001. С. 99–124.

Гудков Илья Артурович, кандидат исторических наук, старший преподаватель департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Россия, г. Владивосток, gudkov.ia96@gmail.com

Gudkov Ilya A., Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer at the Department of History and Archeology of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Russia, Vladivostok, gudkov.ia96@gmail.com

УДК 94(47).084.8+631(093).084.8

М.Ю. Мухин

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ОСВОБОЖДЁННЫХ ОТ ЗАХВАТЧИКОВ ТЕРРИТОРИЙ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты восстановления сельского хозяйства временно оккупированных регионов СССР в период 1943–1945 гг. Необходимость резкой интенсификации аграрного сектора советской экономики потребовала форсированного восстановления сельскохозяйственных возможностей освобождённых регионов ещё до завершения боевых действий. В рамках данного исследования специальное внимание уделено оценке потерь сельскохозяйственных предприятий, проблемам энергообеспеченности аграрного сектора, а также вопросам возрождения растениеводства и животноводства. Автор приходит к выводу, что уже в 1944 г. на освобождённые регионы приходилось свыше 50 % государственных заготовок зерна, более 75 % сахарной свеклы, приблизительно 25 % скота и птицы, до 33 % молочных продуктов. Таким образом, сельское хозяйство освобождённых краёв и областей внесло немаловажный вклад в общую победу СССР.

Ключевые слова: сельское хозяйство, восстановление экономики, Великая Отечественная война, история животноводства, история сельского хозяйства.

М. Yu. Mukhin

RESTORATION OF AGRICULTURE ON THE TERRITORIES OF THE USSR LIBERATED FROM INVADERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR²

Abstract. The article examines the main aspects of the restoration of agriculture in the temporarily occupied regions of the USSR in the period 1943–1945. The need for a sharp intensification of the agricultural sector of the Soviet economy required the accelerated restoration of the agricultural capabilities of the liberated regions even before the end of hostilities. In this study, special attention is paid to the assessment of losses of agricultural enterprises, problems of energy availability in the agricultural sector, as well as issues of the revival of crop production and livestock farming. The author concludes that already in 1944, the liberated regions accounted for over 50 % of state grain procurement, more than 75 % of sugar beets, approximately 25 % of livestock and poultry, and up to

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

² The article was prepared within framework of the project by the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences on writing a multi-volume academic work “History of Russia from Ancient Times to the Present Day”. It was published for testing purposes.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

33% of dairy products. Thus, agriculture of the liberated territories and regions made a significant contribution to the overall victory of the USSR.

Keywords: agriculture, economic recovery, Great Patriotic War, history of animal husbandry, history of agriculture.

Великая Отечественная война стала, безусловно, одним из важнейших событий отечественной истории. История тех лет может рассматриваться с точки зрения дипломатических и политических процессов, с точки зрения истории боевых действий и истории культуры, несомненно, важны и перспективны исследования в области истории повседневности и исторической демографии. Однако, думается, одним из ключевых аспектов истории времён военного лихолетья является анализ экономических процессов и феноменов, характерных для периода 1941–1945 гг. Следует признать, что экономическая история Великой Отечественной войны включает в себя целый веер крайне важных и интересных для изучения сюжетов и проблем. Мы позволим себе сосредоточить своё внимание в данном исследовании лишь на одном из аспектов истории экономики того периода. Общеизвестно, что 1945–1950-е гг. традиционно рассматриваются как период послевоенного восстановления. Собственно говоря, это вполне справедливо и обосновано. Однако не следует упускать из вида, что начало экономического восстановления СССР было положено ещё задолго до завершения военных действий. История восстановления всей экономической сферы Советского Союза весьма широка, и не может быть даже кратко освещена в единственной публикации, поэтому мы позволим себе сосредоточить своё внимание только на восстановлении сельского хозяйства районов, пострадавших от вражеской оккупации.

Масштабы разрушений. В годы войны СССР утратил порядка 30 % своего национального богатства. С учётом ущерба, причинённого как государственному имуществу, так и частным хозяйствам, суммарные потери от прямого уничтожения и разграбления имущества составили 679 млрд руб. При разбивке по категориям пострадавших хозяйствующих субъектов этот ущерб распределялся следующим образом: государственным предприятиям и учреждениям – 287 млрд руб.; колхозам – 181 млрд руб.; кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям – 19 млрд руб.; сельским и городским жителям – 192 млрд руб. [2, с. 687]. Помимо этого, советские исследователи считают необходимым учитывать и не прямые потери, обусловленные реалиями военного времени: прямые военные расходы и дополнительные расходы, вызванные войной и перестройкой народного хозяйства; потери продукции и народного дохода в районах, подвергавшихся оккупации, вследствие прекращения там производства; уменьшение народного дохода во время и после войны в связи с потерями в людях, вследствие военных операций и в связи с гибелью и истреблением оккупантами части населения СССР [3, с. 158].

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

За годы войны оккупанты полностью или частично разрушили 1 710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, свыше 6 млн зданий, оставив без крыши над головой приблизительно 25 млн чел. Чудовищный урон был нанесён советской экономике в целом и в том числе – аграрному сектору: было разорено 98 тыс. колхозов, 1 876 совхозов, 2 890 машино-тракторных станций [15, с. 17]. Оккупанты уничтожили или конфисковали 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн голов свиней, 27 млн голов овец и коз [3, с. 582–583].

Вопрос скорейшего восстановления разрушенной экономики западных областей Советского Союза имел для СССР крайне важное значение, причём его важность была многоаспектна. С одной стороны, разумеется, советское руководство было заинтересовано в воссоздании промышленности, сельского хозяйства и жилого фонда в освобождённых регионах с точки зрения облегчения тягот, обрушившихся на гражданское население. С другой стороны, ввод в эксплуатацию производственных мощностей освобождённых регионов был важен в свете продолжающейся войны и необходимости обеспечивать действующую армию всем необходимым.

Критически важной для Советского Союза задачей было восстановление в освобождённых регионах сельского хозяйства. Представление о том, насколько значима для СССР, только в отношении аграрного сектора экономики, была временная утрата западных областей, даёт нижеследующая *таблица 1*.

Таким образом, в результате оккупации, Советский Союз утратил территории, на которые приходилось более половины отечественного животноводства и земледелия. Боевые действия и оккупационная политика нацистов привели к утрате значительной части производственного потенциала сельского хозяйства освобождённых регионов. По итогам работы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР было установлено, что на территориях, подвергшихся в 1941–1944 гг. оккупации, было полностью или частично сожжено и разрушено более 70 тыс. сёл и деревень; гитлеровцы реквизировали или уничтожили 137 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов, около 4 млн плугов, борон и других приспособлений для обработки почвы, 265 тыс. посевных и посадочных, 885 тыс. уборочных, сортировочных и других сельскохозяйственных машин. Особенно плохо было с тягловой силой – всего было потеряно свыше 7 млн голов лошадей, а с учётом того, что колхозы и совхозы западных областей практически полностью лишились автомобилей, компенсировать нехватку лошадей автомобильным транспортом было невозможно.

**Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое
обеспечение нужд обороны**

Таблица 1

**Удельный вес территорий, подвергшихся оккупации,
в сельскохозяйственном производстве***

	СССР (по состоянию на 1940 г.)	В том числе, районы, под- вергшиеся ок- купации в 1941–1944 гг.	Удельный вес ок- купированных районов по отно- шению к СССР, %
Валовая продукция сельского хозяйства (в ценах 1926/27 г.), (млрд руб.) <i>В том числе:</i>	19,7	10,7	54,3
<i>продукция земледелия</i>	<i>13,3</i>	<i>7,3</i>	<i>54,9</i>
<i>продукция животноводства</i>	<i>6,4</i>	<i>3,4</i>	<i>53,1</i>
Посевные площади всех сельскохозяйственных культур (млн га) <i>В том числе:</i>	150,4	70,8	47,1
<i>зерновые культуры</i>	<i>110,5</i>	<i>48,0</i>	<i>43,4</i>
<i>технические культуры</i>	<i>11,8</i>	<i>6,2</i>	<i>52,5</i>
Валовый сбор зерновых культур (млн т)	95,5	49,8	52,1
Валовый сбор сахарной свёклы (фабричной) (млн т)	18,0	15,5	86,1
Валовый сбор подсолнечника (млн т)	2,6	1,9	73,1
Производство мяса (в убойном весе, млн т)	4,7	2,6	55,3
Производство молока (млн т)	33,6	19,2	57,1
Тракторов в сельском хозяйстве (тыс.)	530,8	207,1	39,0
Грузовых автомобилей в сельском хозяйстве (тыс.)	228,2	98,2	43,0

* Источник: [9, с. 85].

Вообще в животноводстве сложилась крайне напряжённая ситуация – в ходе оккупации было утрачено свыше 17 млн голов крупного рогатого скота, более 20 млн свиней, около 28 млн овец и коз, порядка 110 млн голов домашней птицы [15, с. 429, 438, 439; 6, с. 302–303]. В отдельных регионах ситуация была ещё тяжелее, переходя уже в откровенно катастрофический уровень относительных потерь. Так, в Краснодарском крае к весне 1943 г. тяглового скота осталось только 37 % от довоенного уровня [7, с. 59]; в Одесской области после изгнания оккупантов сохранилось лишь 10 % от довоенного уровня крупного рогатого скота, а свиней, овец и птицы – ещё меньше [4, с. 435–436]. В результате резкого снижения энерговооружённо-

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

сти аграрного сектора и общего разорения сельской местности, значительные площади, которые ранее использовались для земледелия, оказались к моменту освобождения заброшенными.

Проблема энерговооружённости аграрного сектора. Разумеется, первоочередной задачей восстановления сельского хозяйства являлось резкое повышение энерговооружённости, то есть реанимация системы МТС и насыщение аграрного сектора средствами механизации. В ходе оккупации парк тракторов и грузовых автомобилей областей, попавших в зону оккупации, подвергся чудовищному опустошению. Если на конец 1940 г. в этих областях числилось 207 тыс. тракторов и 98 тыс. грузовиков, то к декабрю 1943 г. их осталось 77 и 26 тыс. соответственно [9, с. 125]. Так как в советском сельском хозяйстве тех лет применялось большое количество разных типов тракторов с существенным разбросом мощности их двигателей, арифметическое сравнения количества тракторов в штуках не всегда адекватно передаёт ситуацию с энерговооружённостью аграрного сектора. В этом плане более иллюстративна динамика суммарной мощности моторов, установленных на основных типах сельскохозяйственной техники освобождённых районов и областей (см. таблицу 2).

Таблица 2

Суммарная мощность моторов основных классов техники в сельском хозяйстве освобождённых районов и областей, на конец года, тыс. л.с.*

	1940	1943	1944	1945
тракторы	6 734	2 493	3 799	4 069
комбайны	2 021	800	1 085	1 054
автомобили	4 930	844	908	1 084
Электроустановки и другие механические двигатели	422	174	243	254
Рабочий скот (в пересчёте на механическую силу)	4 597	739	2 287	2 246

* Источник: [9, с. 123].

Если в январе 1943 г. в освобождённых районах Советского Союза действовало 394 МТС, то уже в начале 1944 г. их было 1 702, на 1 октября 1944 г. – 3 080 и на начало 1945 г. – 3 102 из 3 150 МТС, имевшихся до войны [6, с. 317–318]. Формально колхозы являлись кооперативами, а машинно-тракторные станции – государственными учреждениями, но в реалиях СССР это деление носило сугубо условный характер. На практике колхозы были крайне заинтересованы в скорейшем восстановлении МТС, поэтому нередко принимали участие в восстановлении машинно-тракторных станций методом «народной стройки». Так, например, в 1945 г. таким методом восстанавливалось около 400 МТС [6, с. 318]. С другой стороны, следует учитывать, что количество восстановленных МТС лишь в очень малой степени позволяет судить о реальной насыщенности сельского хозяйства необходимой техникой.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

Так, в мае 1944 г. газета «Правда» сообщала, что даже там, где МТС восстанавливались быстро, они могли выполнить лишь до 40 % основных полевых работ на селе [13], а в большинстве областей, освобожденных от оккупантов, доля полевых работ, выполненных силами МТС, была еще ниже [6, с. 337]. Основным источником поступления сельскохозяйственной техники основных классов в МТС освобождённых районов стал завоз из тыловых районов техники довоенного производства (см. таблицу 3).

Таблица 3

Поставки основных классов сельскохозяйственной техники в МТС, колхозы и совхозы освобождённых от оккупации областей СССР в 1943–1945 гг.*

	Всего, тыс. шт.	Отношение к наличию на момент освобождения, %
Тракторы:		
Завезено из тыловых районов	27,6	31
Поставлено новых	6,9	8
Зерноуборочных комбайнов:		
Завезено из тыловых районов	2,1	8
Поставлено новых	0,4	

* Источник: [9, с. 87].

Разумеется, такая изношенная, в основной своей массе, техника, не могла кардинально решить проблему тяговооружённости сельскохозяйственного сектора освобождённых областей.

Как уже говорилось выше, поголовье лошадей за годы военного лихолетья в западных областях СССР резко сократилось. Если на январь 1941 г. в областях, позднее подвергшихся оккупации, числилось 10,5 млн голов лошадей, то к январю 1944 г. в наличии в этих областях находилось лишь 1,1 млн лошадей [9, с. 118]. Но, кроме этого, надо учитывать и то обстоятельство, что качество этого поголовья так же существенно ухудшилось. Скажем, в Белоруссии почти 70 % сохранившихся в колхозах и совхозах лошадей были старше 15 лет, часто страдали хроническим истощением и различными заболеваниями. Однако нехватка тракторов, комбайнов и грузовиков безальтернативно вела к ситуации, когда именно лошадь являлась основной тягловой силой на селе. К 1945 г. в Белорусской ССР на одну «рабочую» лошадь приходилось 24,5 гектара пашни в день, притом, что в 1940 г. на одну «рабочую» лошадь приходилось только 8,2 гектара [11, с. 131]. Помимо собственно сельского хозяйства, лошади массово применялись на вывозке леса, различных заготовительных работах, ремонте дорог и т.п. – всё это ещё больше повышало нагрузку на одну «рабочую лошадь».

Такая ситуация нередко вынуждала идти на различные импровизации, в общем-то, нехарактерные для развитого сельского хозяйства. Скажем, во время пахотных работ, которые всегда требовали максимальной мобилизации всей тягловой силы, достаточно широко начали применяться коровы.

Так как обучить корову правильно ходить в упряжке достаточно трудно, хлеборобам пришлось разработать собственную методику надлежащей дрессировки. Впоследствии бывший главный агроном Бегомльского района Минской области С.К. Соловьева вспоминала: «Коров в упряжке приучали постепенно. Каждой по мерке старались изготовить хомут, впрягали вначале на 2–3 часа, затем на более длительное время. Помню, как мучились наши колхозницы, пока научили коров слушаться, правильно ходить. Часто бедное животное прямо в упряжке ложилось на борозду, и нужно было немало сил и настойчивости, чтобы заставить такую корову встать...» [11, с. 132]. Так как заданий по мясу и молоку с колхозов так же никто не снимал, использовать для пахотных работ старались или личных, или низкопродуктивных коров [14].

Стремясь максимально заинтересовать колхозников в новом начинании, ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали совместное постановление «О плане сельскохозяйственных работ на 1943 год» в котором, наряду с другими положениями, предписывалось правлениям колхозов установить норму выработки при использовании коров на полевых работах в размере трети от норм выработки на лошадях, а колхозникам, работавшим на своих коровах, начислять трудодни в двойном размере и обеспечить коров фуражом [12, с. 25]. В результате в ряде регионов, переживших оккупацию, в посевные компании 1943–1945 гг. именно крупный рогатый скот стал основной тягловой силой. Так, например, в Курской области к весне 1943 г. колхозники подготовили к посевным работам 174 тыс. коров. При этом коровы использовались не только на вспашке и бороновании, но также при транспортировке зерна, воды, горючего и других хозяйственных работах. Это неудивительно, если учесть, что суммарная численность «рабочих» коров на Курщине в 1943–1944 гг. была в 6 раз больше количества уцелевших лошадей [1, с. 436]. В Ростовской области на весну 1943 г. на полевых работах было занято вдвое больше коров, чем лошадей (80 тыс. на 40 тыс.) [10, с. 79]. На Кубани осенью 1944 г. насчитывалось 54 тыс. «рабочих» лошадей, поэтому только на работах по транспортировке собранного зерна в качестве тягловой силы пришлось задействовать более 60 тыс. коров [6, с. 338]. В Полтавской, Винницкой и Запорожской областях в 1944 г. приблизительно 40 % всех полевых работ было выполнено на коровах.

Впрочем, использование крупного рогатого скота в качестве тягловой силы было ещё не самым тяжёлым аспектом сельскохозяйственной повседневности освобождённых районов тех лет. К сожалению, местами не хватало даже коров, поэтому в ряде областей РСФСР пришлось делать ставку на ручную обработку земли. Лопатами вскапывались приусадебные участки; залежные земли, которые не могли вспахать слабосильные лошади и коровы; косогоры и прочие неудобья, где лошадь не могла пахать по определению. Скажем, на Смоленщине весной 1944 г. колхозницы (мужчин в этом регионе на селе практически не осталось) вскопали вручную 45 тыс. гектар, что составляло 11 % от всей вспаханной площади [2, с. 693].

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

Надо отметить, что в ходе Великой Отечественной войны бывали ситуации, когда в прифронтовых районах на помощь колхозникам приходили части действующей армии. Маршал Советского Союза И.С. Конев в своих мемуарах писал: «Урожай 1943 г. в Харьковской, Полтавской, Днепропетровской и части Кировоградской областях был на редкость богатым. Отступающие гитлеровцы не успели его полностью уничтожить, а население не в силах было убрать. Поэтому по решению Военного совета фронта к уборке урожая были привлечены войска и транспорт тыловых частей и учреждений. Нужно было видеть, с каким горячим энтузиазмом работали на полях наши воины» [8, с. 74]. Весной 1944 г. части 1-го Украинского фронта привлекались к посевной компании, специально для нужд колхозов командование фронта выделило 455 т горючего. В постановлении военного совета фронта говорилось: «Военный совет фронта считает, что это задание не исчерпывает всех возможностей частей и подразделений по оказанию помощи совхозам и колхозам и единоличным крестьянским хозяйствам в проведении весеннего сева, и обязывает военные советы армий и политические отделы изыскать другие источники дополнительной помощи местным органам власти в проведении весеннего сева» [16, с. 74–75].

Возрождение растениеводства. Помимо проблемы с тягловой силой, крайне остро стоял вопрос с семенным материалом. Так, в 1943 г. на левобережной Украине семенной фонд яровых культур составлял менее половины от уровня 1941 г., причём по некоторым позициям (бобовые и семена трав) семян не было вообще [16, с. 351]. Отмечалось, что некоторые районы не имеют семенного фонда вовсе и без немедленного выделения семенного фонда, безусловно, сорвут сев даже на уже вспаханных полях. Причём такое положение дел весной 1943 г. было характерно не только для левобережья Украины, но практически для всех освобождённых от оккупантов областей и районов Советского Союза. Пытаясь исправить положение, СНК СССР и ЦК ВКП(б) 21 августа 1943 г. издали совместное постановление, предписывавшее выделить освобождённым областям 120 тыс. тонн семян озимых культур, но этого количества семян могло хватить лишь на 20 % посевов озимых [6, с. 339]. Было очевидно, что остальные 80 % следует как-то изыскать на местах. Где-то удавалось выкрутиться за счёт колхозного зерна, спрятанного от оккупантов, где-то приходилось обращаться к личным запасам колхозников. Бывали прецеденты, когда зерно для сева передавала колхозникам армия, захватившая посевной материал в качестве трофеев [16, с. 74]. Но, разумеется, все эти частные случаи не могли переломить ситуацию кардинально. Основным источником покрытия нехватки семенного фонда в годы войны оставалась межколхозная, межрайонная и межобластная взаимопомощь [6, с. 339]. Существенного улучшения с семенным фондом удалось добиться лишь к весне 1945 г.

В 1945 г. удельный вес посевной площади по сравнению с уровнем 1940 г. в освобожденных регионах в целом, сравнился с аналогичным показателем в масштабах всего Советского Союза. Если в среднем по СССР в

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

1945 г., по сравнению с 1940 г., использовалось 75,6 % пашни, то в Белоруссии использовалось 73,7 % пашни, а на Украине – 75,6 % [6, с. 342]. Таким образом, титанические усилия по восстановлению сельского хозяйства западных областей СССР начали приносить конкретные, ощутимые, плоды.

С другой стороны, надо учитывать, что, во-первых, до восстановления довоенной площади пашни было ещё далеко, а во-вторых, практически везде на освобождённых территориях урожайность была существенно ниже, чем в 1940 г. [6, с. 342]. Истощение и засорение земель за 1941–1944 гг., когда мелиорацией никто не занимался, нехватка удобрений и агротехнического оборудования, нарушение порядка севооборота, дополнительно усугубляли вышеописанные проблемы с тяговооружённостью и семенным материалом. Наконец, нельзя упускать из вида и то, что сельское хозяйство освобождённых от оккупантов областей испытывало перманентную нехватку рабочих рук.

Возрождение животноводства. С очень большим трудом шло возрождение животноводства. Из 24,4 млн голов крупного рогатого скота, бывшего в наличии в районах, подвергшихся оккупации на начало 1941 г., в январе 1944 г. насчитывалось лишь 6,4; из 18,8 млн свиней осталось лишь 1,2, из 26,6 млн овец и коз – лишь 5,7 млн голов [9, с. 118]. По сути, основным источником восстановления колхозных стад стали реэвакуация скота, централизованные государственные поставки и шефская помощь восточных регионов страны.

Таблица 4

Помощь скотом в 1943–1944 гг. колхозам и совхозам областей, освобождённых от оккупации*

	Всего, тыс. голов	Отношение к наличию на момент освобождения, %
Крупный рогатый скот	744	46
Свиньи	88	22
Овцы и козы	1307	41
Лошади	126	7

* Источник: [9, с.87].

Как видим из *таблицы 4*, приблизительно половина коров была завезена в освобождённые районы СССР из восточных областей Советского Союза. Скажем, уже к 25 января 1944 г. для колхозов Украины в тыловых областях СССР было собрано 650 овец, 1 221 коза, 58 лошадей [5, с. 672]. Разумеется, в масштабах республики это была капля в море, однако скорость¹, с которой была собрана первая часть животноводческой помощи освобож-

¹ Напомним – освобождение левобережной Украины пришлось на осень–зиму 1943 г., а освобождение правобережной Украины – и вовсе на зиму–весну 1944 г.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

дёнными областям, показывает, насколько серьёзно относились к этой проблеме в руководстве страны.

Наряду с доставкой скота из восточных регионов страны для возрождения животноводства в освобождённых от оккупантов областях широко применялась контрактация молодняка в личных хозяйствах местных колхозников. Скажем, в 1943 г. колхозы освобождённых районов получили 1 723,2 тыс. голов скота, из них 48,7 % пришлось на контрактацию молодняка и закупки скота в районах своих же областей, не подвергавшихся оккупации, а ещё 51,3 % скота было получено за счёт реэвакуации и закупок в восточных регионах Советского Союза [6, с. 343]. Разумеется, по мере продвижения фронта на запад удельный вес закупок в восточных регионах и реэвакуации возрастал, так как освобождённые области больше не могли рассчитывать на закупки в своих не подвергавшихся оккупации районах.

Наиболее быстро поголовье скота росло, как правило, в первые месяцы после освобождения от неприятеля. В этот период оказывались задействованными сразу все каналы поступлений скота – и реэвакуация, и помощь со стороны государства, и шефская помощь, и частичное возвращение угнанного оккупантами скота, и получение скота по контрактации и в виде приплода. Скажем, в освобождённых областях Украины за несколько месяцев колхозное стадо выросло в 5–7 раз [6, с. 334]. Однако в дальнейшем прирост численности крупного рогатого скота происходил уже преимущественно за счёт естественного воспроизводства, а так как нехватка кормов и плохие условия содержания вели к росту падежей и яловости, темпы такого естественного прироста были невелики, что и предопределило сравнительно медленный рост стада в 1945 г., по сравнению с лавинообразным ростом численности годом ранее.

При этом надо учитывать, что личное хозяйство колхозников и (там, где они ещё сохранялись) единоличников пострадало в значительно меньшей степени, чем хозяйство колхозное, и в отношении животноводства эта разница была наиболее чётко выраженной. Скажем, в Белоруссии общественные стада колхозов и совхозов были утрачены практически полностью, однако около 40 % колхозников смогли уберечь часть личного скота [11, с. 128]. Советское руководство хорошо понимало важность привлечения личных стад к возрождению животноводства освобождённых областей, поэтому всячески стимулировали контрактацию молодняка материально. Например, до войны за сданную колхозу тёлку, помимо денежного вознаграждения, колхознику начисляли 10 трудодней. С учётом того, что на трудодень в 1930-е гг. нередко ничего кроме «палочек» не начислялось, стимулирующее значение такого поощрения было невелико. С 1943 г. колхозник за сданную тёлку получал, дополнительно к 10 зачётным трудодням и денежной выплате, по килограмму зерна и по 10 килограмм грубых кормов за каждый килограмм живого веса телёнка, а за контрактацию телёнка старше полугода личное хозяйство такого колхозника вовсе освобождалось от мясопоставок. Эти меры привели к существенному росту заинтересованности советских колхозников в контрактации

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

молодняка; всего за 1943–1945 гг. крестьяне западных областей СССР продали колхозам 4,5 млн телят и коров [6, с. 343].

В целом, предпринятые меры позволили наращивать численность крупного рогатого скота в колхозах и совхозах достаточно быстро. Например, в Курской области с декабря 1943 г. по декабрь 1945 г. численность колхозного стада возросла с 82,6 до 217,1 тыс. голов крупного рогатого скота, в Орловской – с 65,4 до 100,2 тыс., Калининской – с 301,4 до 345,7 тыс., Ростовской – с 207,4 до 344,2 тыс., Краснодарском крае – со 181,5 до 273,2 тыс. голов и т.д. Всего по 16 освобожденным областям и краям РСФСР (включая бывшие в частичной оккупации) колхозное поголовье крупного рогатого скота за 1944–1945 гг. увеличилось с 2 137,8 до 2846,7 тыс. голов [6, с. 343].

Подводя итоги, следует признать, что в результате принятых мер западные области Советского Союза уже в годы Великой Отечественной войны стали крупным поставщиком продовольствия и сельскохозяйственного сырья во всесоюзном масштабе. Скажем, только в 1944 г. на эти области пришлось свыше 50 % государственных заготовок зерна, более 75 % сахарной свеклы, приблизительно 25 % скота и птицы, до 33 % молочных продуктов [9, с. 219]. Разумеется, восстановить сельскохозяйственное производство в довоенных масштабах к 1945 г. не удалось, и валовая продукция аграрного сектора освобождённых районов составляла лишь чуть более половины от уровня 1940 г. [17, с. 191], но, с учётом истощения внутренних резервов сельского сектора восточных областей СССР, это был очень существенный, а главное – крайне своевременный вклад западных областей Советского Союза в дело общей победы.

Источники и литература

1. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1970. 466 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
3. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. Вознесенский. М.: Госполитиздат, 1947. 192 с.
4. Из истории Одесской партийной организации. Одесса: Маяк, 1964. 588 с.
5. История Новороссии. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 862 с.
6. История советского крестьянства. Т. 3. М.: Наука, 1987. 447 с.
7. Капустин П.И. К вопросу о первоочередных задачах восстановления экономики Краснодарского края в 1943–1945 гг. / П.И. Капустин // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 59–61.
8. Конев И.С. Записки командующего фронтом / И.С. Конев. М.: Воениздат, 1981. 518 с.
9. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Информационно-издательский центр, 1990. 236 с.
10. Негодаев В.Ф. Истоки возрождения / В.Ф. Негодаев. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1979, 127 с.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

11. Олехнович Г.И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны. 1941–1945. Минск: Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1982. 172 с.
12. Партийное строительство. 1943. № 5/6.
13. Правда. 1944. 22 мая.
14. Правда. 1944. 27 мая.
15. Сборник сообщений чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1946. 457 с.
16. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: документы и материалы. Т. 3. Киев: Наукова думка, 1980. 591 с.
17. Страна Советов за 50 лет: сборник стат. материалов. М.: Статистика, 1967. 351 с.

Мухин Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Россия, г. Москва, mukhin@mail.ru

Mukhin Mikhail Yu., Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, mukhin@mail.ru

УДК 94(470.41).084.8+631(093).084.8

В.П. Мотревич

СОВХОЗЫ ТАТАРСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО ДАННЫМ СВОДНЫХ ГОДОВЫХ ОТЧЁТОВ)

Аннотация. На основе разработок сводных годовых отчётов совхозов Татарской АССР исследовано состояние материально-технической базы и кадрового потенциала советских хозяйств, развитие основных отраслей совхозного производства, производство ими сельскохозяйственной продукции и сдача этой продукции государству. В исследовании показано, что низшая точка сокращения аграрного производства в совхозах ТАССР была достигнута не в 1943 г., как это было в сельском хозяйстве страны в целом, а только в 1944 г. К особенностям совхозного производства в исследуемом регионе относится и значительная разница в состоянии отраслей совхозного производства, что особенно заметно при анализе результатов сдачи его продукции государству. Это свидетельствует, по-видимому, о значительном административном давлении на хозяйства и усилении контроля за распределением получаемой продукции. В работе делается вывод, что значение совхозов для сельского хозяйства Татарии в годы Великой Отечественной войны было весьма невелико в силу как малочисленности советских хозяйств, так и маломощности их ресурсной базы.

**Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое
обеспечение нужд обороны**

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Татарская АССР, совхозы, земледелие, посевы, зерновые, животноводство, скот, сельскохозяйственная продукция.

V.P. Motrevich

**STATE FARMS OF THE TATAR ASSR
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(ACCORDING TO CONSOLIDATED ANNUAL REPORTS)**

Abstract. Based on the developments of the consolidated annual reports of the state farms of the Tatar ASSR, the state of the material and technical base and personnel potential of Soviet farms, the development of the main branches of state farm production, their production of agricultural products and the delivery of these products to the state are studied. The study shows that the lowest point of reduction in agricultural production in the state farms of the TASSR was reached not in 1943, as it was in agriculture in the country as a whole, but only in 1944. The peculiarities of the state of state farm production in the region under study include a significant difference in the state of the branches of state farm production, which is especially noticeable when analyzing the results of the delivery of its products to the state. This evidences, apparently, a significant administrative pressure on farms and increased control over the distribution of products. The paper concludes that the importance of state farms for agriculture in Tatarstan during the Great Patriotic War was very small due to both the small number of state farms and the low power of their resource base.

Keywords: Great Patriotic War, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, state farms, agriculture, crops, cereals, animal husbandry, livestock, agricultural products.

Введение

Аграрная история СССР в годы Великой Отечественной войны достаточно активно изучалась советскими историками, результатом стал выход ряда крупных монографий, посвящённых как советскому крестьянству, так и функционированию в те годы сельскохозяйственных предприятий [2; 5; 6]. Исследовательская работа в этом направлении была продолжена и в постсоветские годы, хотя и не так активно [7–10]. Различные направления аграрной проблематики военных лет разрабатывались и на региональном уровне, особенно на материалах Сибири и Урала [1; 3; 4; 12; 13; 15; 23; 25]. В то же время во многих регионах изучение истории крестьянства и сельского хозяйства военных лет и в настоящее время находится в зачаточном состоянии. Среди таких регионов Татарская АССР – нынешняя Республика Татарстан.

По данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. большую часть (78,9 %) жителей Татарской АССР составляли сельчане [16, с. 16]. Большинство сельских жителей были заняты в аграрном производстве, к тому же практически все они имели индивидуальное хозяйство. Подсобные сельские хозяйства были и у значительной части горожан. С началом Вели-

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

кой Отечественной войны в связи с интенсивным развитием огородничества число таких горожан в республике, как и в стране в целом, существенно возросло. Таким образом, в рассматриваемые годы важнейшей отраслью экономики Татарской АССР было сельское хозяйство, обеспечивающее население продовольствием, а промышленность – сырьём.

Основными производителями сельскохозяйственной продукции в республике в те годы были колхозы. По данным Центрального статистического управления Госплана СССР в 1940 г. в Татарии колхозы произвели почти $\frac{3}{4}$ (72,5 %) продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении в ценах 1926/27 г. Ещё 19,7 % пришлось на хозяйства колхозников. Доля хозяйств рабочих и служащих, единоличников, а также государственных предприятий (в основном совхозов) в производстве сельскохозяйственной продукции составила соответственно 2,3; 0,3 и 5,2 % в стоимостном выражении [17, л. 39, 40]. В результате незначительных масштабов производства история советских хозяйств в Татарской АССР фактически оказалась вне поля зрения исследователей. Так, в посвящённых аграрной истории Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны работах А.Ш. Кабировой, Е.Г. Кривоножкиной и И.И. Ханиповой о существовании в республике совхозов даже не упоминалось [11; 14].

Вместе с тем, в архивах отложились многочисленные и весьма разнообразные документы по истории совхозов. В данной работе в качестве основного источника использованы разработки сводных годовых отчётов советских хозяйств. Это весьма информативный источник, содержащий несколько сотен показателей функционирования совхозов в разрезе республик, краёв и областей Советского Союза, в том числе и Татарской АССР. Анализ сводных годовых отчётов позволяют всесторонне характеризовать материально-техническую базу советских хозяйств, показать обеспеченность и состав кадров, исследовать состояние совхозного производства и определить результаты их деятельности.

Материально-техническая база

В 1941 г. в республике имелось 55 советских хозяйств, их земельный фонд был равен 261,5 тыс. га, в том числе пашня 159,1 тыс. га, стоимость основных средств составляла 86,1 млн руб. [17, л. 39, 40; 18, л. 15]. С началом войны количество совхозов в тыловых областях СССР уменьшилось, поскольку часть их была передана промышленным предприятиям, организациям и учреждениям в качестве подсобных хозяйств. В результате в 1942 г. число совхозов в республике сократилось до 39, в 1943 г. – до 38, а в 1945-м их осталось всего 34. Соответственно, снизилось и число занятых работников: их среднегодовое число в совхозах уменьшилось почти на треть: с 15 тыс. в 1941 г. до 10,8 тыс. в 1945 г. [18, л. 15, 18; 22, л. 25, 34].

Важнейшее условие функционирования сельскохозяйственного производства – состояние и рациональное использование его материально-технической базы. В 1941 г. в совхозах республики насчитывалось 867 тракто-

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

ров, из них 804 были колёсными и 63 гусеничными. В парке колёсных тракторов преобладали СТЗ-ХТЗ 15/30, которых насчитывалось 752 единицы. Парк гусеничных машин состоял из 20 тракторов ЧТЗ «Сталинец» с дизельным двигателем и 19 тракторов с лигроиновым двигателем. Кроме того, в составе тракторного парка имелось 18 СХТЗ–НАТИ с керосиновым двигателем и 6 газогенераторных тракторов ХТЗ–Т2Г. В совхозах было также 68 комбайнов, из них 26 15-футовых, 40 – 20-футовых и два типа «Северный». Автомобильный парк был представлен 109 грузовыми автомобилями, в основном бензиновыми «полуторками» ГАЗ-АА (63 машины) и трехтонными ЗИС-5 (26 машин). Кроме того, за совхозами числилось 24 легковых автомобиля и 3 пикапа разных марок. Совхозы располагали двигателями внутреннего сгорания. Среди них – один газогенераторный двигатель, 31 керосиновый и бензиновый, 78 дизельных и нефтяных [18, л. 31, 36]. В целом техника в совхозах была устаревшей как физически, так и морально.

С началом войны произошла перестройка сельского хозяйства применительно к условиям военного времени. Производство тракторов, сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним было прекращено. В результате на протяжении 1942–1943 гг. тракторный парк совхозов новыми машинами не пополнялся. Более того, часть тракторов, в основном гусеничных, из совхозов была передана в РККА. Если в 1941 г. в совхозах республики имелось 63 гусеничных трактора, более мощных и современных, по сравнению с колёсными, то в 1943 г. их осталось 39 [18, л. 31; 19, л. 23; 20, л. 92]. В целом на протяжении всех лет войны число тракторов в совхозах Татарской АССР ежегодно уменьшалось. Сокращение тракторного парка привело к снижению его мощности. Если в 1941 г. суммарная мощность тракторного парка в совхозах республики составляла 14,5 тыс. л.с., то в 1945 г. – только 8,5 тыс. (таблица 1).

Таблица 1

Машинно-тракторный парк совхозов Татарской АССР в 1941–1945 гг.*

Показатели	1941	1942	1943	1944	1945
Тракторы, шт.	867	796	566	503	501
мощность, л.с.	14 450	12 304	9 301	8 394	8 473
выработка, га	239	—**	196	210	207
объем работ, га	228 280	—**	121 263	112 864	117 101
Комбайны, шт.	268	227	218	198	198
Грузовые авто, шт.	109	76	49	85	90

* Составлено по: [18, л. 31; 19, л. 23; 20, л. 92; 21, л. 38, 71; 22, л. 26, 46].

** Нет сведений.

С началом войны многократно усилился дефицит запасных частей для тракторов, производство которых в стране уменьшилось в разы. Из-за недостатка запасных частей и слабой ремонтной базы техника часто простаивала. В условиях военного времени произошло резкое сокращение фондов

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

не только запасных частей, но и горюче-смазочных материалов. Возникли большие проблемы и с кадрами механизаторов, которых с началом войны стали массово призывать в РККА. На место опытных трактористов, комбайнеров и ремонтников стали приходить юноши и девушки, квалификация которых была явно недостаточной.

Дефицит горюче-смазочных материалов в сочетании с изношенностью техники, нехваткой запчастей и снижением квалификации механизаторских кадров приводил к ухудшению использования машин. Результатом стало сокращение производительности тракторного парка, пик которого пришёлся на 1943 г. (*таблица 1*). Невысокой производительностью тракторного парка была и в соседних областях Поволжья. Так, в 1942 г. среднегодовая выработка в совхозах в расчёте на 15-сильный трактор в совхозах Ульяновской области составляла 223 га «мягкой пахоты», в Саратовской – 208 га и в Сталинградской области – 229 га, при средней выработке по совхозам РСФСР в 220 га [19, л. 22].

При характеристике материально-технической базы совхозов большое значение имеет анализ объёма работы тракторного парка, выраженного в гектарах условной «мягкой пахоты». За 1941–1944 гг. масштабы тракторных работ в совхозах Татарской АССР сократились в два раза: с 228,3 до 112,9 тыс. га «мягкой пахоты». Однако, поскольку одновременно произошло и сокращение числа советских хозяйств, то необходимо использовать сведения о выполненных работах в расчёте на одно хозяйство. Анализ показывает, что если в 1941 г. в среднем на один совхоз тракторы вырабатывали 4 150,5 га, то в 1944-м – 3 319,5 га условной пахоты. Тем самым объём работ в расчёте на одно хозяйство сократился в 1,3 раза. На заключительном этапе войны в стране улучшилось положение с запасными частями и горючим, более стабильными стали кадры механизаторов. В результате выработка в расчёте на 15-сильный трактор и объём выполняемых ими работ в совхозах стали возрастать (*таблица 1*).

Из-за отсутствия запасных частей заметно сократился и работающий комбайновый парк, его выработка в расчёте на комбайн уменьшилась с 211 га в 1941 г. до 144 га в 1943 г. Очень существенно, с 58,9 до 32,3 тыс. уменьшилась и убираемая ими площадь [18, л. 30; 20, л. 87]. Это означало, что значительную часть посевов колосовых убирали конными машинами и вручную. Аналогичная ситуация сложилась и в других районах страны. В 1942 г. во многих совхозах Красноярского края, Пензенской, Омской и Челябинской областей, а также Татарской АССР и Казахстана конными машинами и вручную было скошено до 40 % уборочных площадей зерновых [5, с. 29].

Важнейший элемент проведения сельскохозяйственных работ – транспорт. После начала войны поставки автомобилей для сельского хозяйства в стране не осуществлялись – они возобновились только в 1944 г. Стали поступать они и в совхозы Татарии. Динамика наличия грузовых автомобилей в совхозах приведена также в *таблице 1*. Данные таблицы свидетельствуют, что в 1941–1943 гг. материально-техническая база советских хозяйств в рес-

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

публике была значительно ослаблена, её постепенное восстановление началось только на заключительном этапе войны.

Земледелие

Главная отрасль сельского хозяйства – земледелие, важнейший показатель его развития – размеры и структура посевных площадей. Данные сводных годовых отчётов совхозов за 1941 г. свидетельствуют, что земельный фонд 55 советских хозяйств в Татарской АССР составлял 261,5 тыс. га. Большую часть его – 159,1 тыс. га, то есть 60,8 % – занимала пашня. Луга занимали 35,5 тыс. га, 27,1 тыс. га составляли выгоны, 3,7 тыс. га перелог и залежи, 0,3 тыс. га сады и ягодники и 35,8 тыс. га приходились на прочие угодья. Посевы в 1941 г. составили 135,5 тыс. га, большую часть их занимали зерновые. Основными зерновыми культурами были овёс (35 457 га), озимая рожь (22 265 га), яровая пшеница (16 844 га), яровой ячмень (6 512 га) и озимая пшеница (127 га). Ещё 8 707 га занимали посевы прочих зернобобовых культур. После зерновых по размерам посевов следовали кормовые культуры, картофель и овощи. 647 га были заняты техническими культурами, 93 % которых составляли посевы подсолнуха [18, л. 15–19].

В последующие годы в совхозах происходило снижение масштабов земледелия, что проявилось в сокращении в 1945 г. посевов зерновых в 2,2 раза (см. *таблицу 2*). При этом уменьшение посевов произошло, в первую очередь, за счёт изменения числа самих совхозов. В расчёте же на одно хозяйство площади посевов зерновых за годы войны сократились на четверть (на 25,1 %). Если в 1941 г. на одно хозяйство в среднем приходилось 1 634,8 га посевов зерновых, то в 1942 г. – 1 847,6 га, 1943-м – 1 300,3 га, 1944-м – 1 292,8 га, а в 1945-м – 1 224 га [18, л. 22; 19, л. 19; 20, л. 22; 21, л. 20; 22, л. 28, 31].

Таблица 2

Структура посевов в совхозах в Татарской АССР в 1941–1945 гг., га*

Культуры	1941	1942	1943	1944	1945
Зернобобовые	89 912	72 058	49 410	43 954	41 615
Картофель	2 983	1 848	1 952	1 593	1 549
Овощи	801	265	384	354	453
Технические	647	856	1 029	411	233
Кормовые	41 193	31 468	23 954	21 288	23 807
Всего	135 536	106 495	76 729	67 600	67 657

* Составлено по: [18, л. 22; 19, л. 5, 8; 20, л. 73, 76; 21, л. 20; 22, л. 28, 31].

Важнейшую роль в земледелии играет агротехника, уровень которой в условиях войны значительно ухудшился. К тому же в силу ослабления материально-технической базы и убыли значительной части совхозных кадров в условиях военного времени засеянные площади часто не успевали убирать. Так, в 1942 г. площадь посевов зерновых, с которой была обмолочена продукция, составила 62 тыс. га. Это означало, что свыше 10 тыс. гектаров

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

зерновых ушли под снег. Из данной ситуации были сделаны соответствующие выводы и в следующем 1943 г. площади под посевами зерновых существенно сократились. В результате на совхозных полях в республике остались необранными всего 432 га [19, л. 5; 20, л. 76].

Ухудшение агротехники привело к значительному снижению урожайности. Если в 1941 г. урожайность зерновых в совхозах республики составила 10 ц с га, то в 1942 г. – всего 4,3 ц (см. *таблицу 3*). При этом необходимо отметить, что урожайность зерновых в колхозах республики была ещё ниже, составив в 1942 г. 3,7 ц с га [2, с. 424]. В целом для земледелия республики 1942 г. оказался крайне неудачным: урожайность не только зерновых, но и картофеля, овощей также заметно снизилась. В последующие годы урожайность зерновых и картофеля в совхозах республики стала постепенно возрастать (см. *таблицу 3*).

Таблица 3

Урожайность сельскохозяйственных культур в совхозах Татарской АССР в 1941–1945 гг., ц/га*

Культуры	1941	1942	1943	1944	1945
Зерновые	10	4,3	5,5	5,9	6,4
Картофель	34	22	39	44	37
Овощи	75	65	66	68	41

* Составлено по: [18, л. 22; 19, л. 5, 8; 20, л. 73, 76; 21, л. 20; 22, л. 28, 31].

В результате сокращения посевов и снижения урожайности уменьшились и валовые сборы. Данные табл. 4 свидетельствуют, что уже в 1942 г. по сравнению с предыдущим годом валовой сбор зерновых, картофеля и овощей в совхозах республики уменьшился в разы. В 1942 г. в среднем на одно советское хозяйство сокращение вала по зерну составило 42,7, по картофелю – 43,1 и по овощам – 59,9%. В последующие годы производство зерновых осталось на уровне 1942 г., а картофеля и овощей заметно возросло.

Таблица 4

Валовой сбор сельскохозяйственных культур в совхозах Татарской АССР, ц*

Культуры	1941	1942	1943	1944	1945
Зерновые	660 370	268 096	268 471	252 516	260 507
Картофель	101 697	41 014	72 444	70 783	57 204
Овощи	60 339	17 145	25 267	30 081	185 16

Составлено по: [18, л. 22; 19, л. 5, 8; 20, л. 73, 76; 21, л. 20; 22, л. 28, 31].

Таким образом, в военные годы условия функционирования земледелия в совхозах республики, как и в целом по стране, многократно ухудшились. Из-за ослабления материально-технической базы и сложного положения с кадрами, особенно механизаторскими, в совхозах сократились посевные

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

площади, снизились урожайность и валовые сборы. Тем не менее, за годы войны совхозы Татарской АССР собрали 1 710 тыс. ц зерновых культур, 343,1 тыс. ц картофеля и 151,3 тыс. ц овощей (см. таблицу 4).

Животноводство

В тесной взаимосвязи с земледелием находится другая ведущая отрасль сельского хозяйства – животноводство, дающая наиболее ценные, высококалорийные продукты питания. Однако в совхозах, как и во всем сельском хозяйстве ТАССР, доминировало растениеводство. На долю животноводства приходилось чуть больше 1/4 производимой сельскохозяйственной продукции в стоимостном выражении. Аналогичная ситуация в совхозной системе была и в целом по стране. В 1940 г. в хозяйствах государственного сектора сельского хозяйства страны доля животноводства в валовой продукции отрасли (в стоимостном выражении) составляла 25,4 %, а в совхозах Татарской АССР – 27,8 % [17, л. 38, 39]. Накануне войны в 1940 г. в совхозах республики имелось 25,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 20,3 тыс. свиней, 17,8 тыс. овец и коз, 9,5 тыс. лошадей, многие хозяйства разводили птицу и имели пасеки [17, л. 17, 19].

Таблица 5

Численность скота и птицы в совхозах Татарской АССР в 1941–1945 гг.*

Показатель	1941	1942	1943	1944	1945
Крупный рогатый скот	22 231	14 778	11 425	10 294	10 355
в т.ч. коровы	9 030	5 786	4 108	3 757	3 774
Овцы и козы	16 663	12 689	6 276	6 532	3 280
Свиньи	14 300	5 347	4 613	4 409	5 236
Лошади	6 746	6 484	4 974	3 939	4 029
Птица	25 746	27 485	11 593	21 076	20 899
Пчелы (семьи)	3 605	2 998	2 869	2 590	2 639

* Составлено по: [18, л. 25, 28; 19, л. 14, 17; 20, л. 83, 88; 21, л. 28, 31; 22, л. 37, 40].

Начавшаяся война нанесла тяжёлый удар по животноводству. В колхозах и совхозах сократилась кормовая база, стало хуже ветеринарное обслуживание, широко распространёнными оказались эпизоотии. Это в первую очередь сказалось на приплоде скота, который на протяжении войны заметно сократился. Данные о движении скота свидетельствуют, что если в 1941 г. в республике в расчёте на 100 коров годовой приплод в среднем составлял 85 телят и 13 поросят на свиноматку, то в 1943 г. соответственно 71 телёнок и 7 поросят. За эти годы с 340 до 933 случаев увеличился вынужденный забой крупного рогатого скота, чаще всего по причине отсутствия необходимых для его содержания кормов [18, л. 25, 28; 20, л. 83, 88].

Сокращение приплода и увеличение забоя скота отрицательно отразились на численности стада (см. таблицу 5). По сравнению с 1941 г. количество крупного рогатого скота в расчёте на один совхоз уменьшилось в

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

1943 г. с 404 до 300 голов, овец и коз – с 303 до 165, а свиней даже с 260 до 121. Такое сокращение свиноголовья в совхозах было связано, прежде всего, с острой нехваткой кормов. Уменьшение численности птицы с 468 до 305 голов также стало результатом недостатка зернофуража.

В историографии традиционно считается, что самым тяжёлым для животноводства был 1943 г. Действительно, на этот год в стране пришёлся пик падения численности поголовья в совхозах всех систем. В Татарской АССР сокращение поголовья крупного рогатого скота, в том числе коров, а также свиней и лошадей продолжилось и в 1944 г. Судя по данным *таблицы 5*, положение в животноводстве республики стало улучшаться только в 1945 г., когда численность поголовья стала постепенно возрастать. В 1945 г. увеличилась и продуктивность скота, возросли надой молока на фуражную корову, настриг шерсти на одну овцу (см. *таблицу 6*).

Таблица 6

Продукция животноводства в совхозах Татарской АССР в 1941–1945 гг.*

Показатель	1941	1942	1943	1944	1945
Всего надоено молока, ц	192 914	89 518	66 233	47 539	52 192
Удой на 1 корову, л	1 719	—**	1 251	1 189	1 357
Всего настриг шерсти, ц	480	378	—**	115	118
Настриг на 1 овцу, кг	2,7	—**	—**	1,8	2,0
Продукция яиц, тыс. шт.	—**	1 363	1073	556	—**
Продукция меда, ц	336	373	148	174	540

* Составлено по: [18, л. 25, 28; 19, л. 14, 17; 20, л. 83, 88; 21, л. 28, 31; 22, л. 37, 40].

** Нет сведений.

Аналогичная тенденция отмечается и в отношении сдаваемого государству скота, его упитанность в конце войны стала постепенно возрастать. Так, в 1941 г. средний вес сдаваемого государству совхозами республики одной головы крупного рогатого скота составлял 306 кг. Затем их средний вес на протяжении трёх лет ежегодно уменьшался, составив в 1942 г. 265 кг, в 1943-м – 238, а в 1944-м – всего 182 кг. Аналогичная картина наблюдалась и при сдаче государству свиней: в 1941 г. средний вес одной головы был равен 100 кг, в 1943-м – 44, а в 1944-м – 34 кг. Сдача государству тощего скота увеличивала расход совхозного стада, что вело к его быстрому сокращению. В 1945 г. в отношении сдаваемого скота произошли изменения, свидетельствующие об улучшении дел в совхозном животноводстве: средний вес одной головы крупного рогатого скота, сдаваемого государству, составил 248 кг, свиньи – 69 кг [18, л. 25; 19, л. 4; 20, л. 80; 21, л. 28; 22, л. 37].

Сдача сельскохозяйственной продукции государству

Сокращение поголовья скота и снижение его продуктивности серьёзно отразились на получаемой животноводческой продукции в совхозах. Так, если в 1941 г. в совхозах республики было надоено 192,9 тыс. ц молока, то в

**Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое
обеспечение нужд обороны**

1942 г. – 89,5 тыс., в 1943 г. – 66,2 тыс., а в 1944 г. – всего 47,5 тыс. ц. Параллельно происходило сокращение настрига шерсти, уменьшалась продукция птицеводства и пчеловодства (см. *таблицу 6*). Некоторое увеличение производства животноводческой продукции наблюдалось только в 1945 г.

Таблица 7

**Сельскохозяйственная продукция, сданная государству совхозами
Татарской АССР в 1941–1945 гг., в зачётном весе, ц***

	1941	1942	1943	1944	1945
Зерновые	208 535	101 916	147 692	122 607	143 829
Скот и птица**	22 884	27 592	10 583	3 884	6 337
Молочные продукты***	143 189	64 957	48 130	34 582	38 664
Шерсть	476	389	207	101	105

* Составлено по: [18, л. 6; 19, л. 2; 20, л. 73; 21, л. 14; 22, л. 4].

** Скот и птица в живом весе.

*** Молочные продукты в переводе на молоко.

Сокращение производства сказалось на товарности хозяйств. При этом если сдача зерновых государству в расчёте на одно хозяйство даже несколько возросло, то сдача продукции животноводства сократилась в разы: скота и птицы в 2,2 раза, молочных продуктов в переводе на молоко в 2,3, а шерсти даже в 2,8 раза (см. *таблицу 7*). Тем не менее, даже в этих условиях совхозы Татарской АССР за годы Великой Отечественной войны сдали государству 724,6 тыс. ц зерновых, 71,3 тыс. ц скота и птицы в живом весе, 329,5 тыс. ц молочных продуктов в переводе на молоко и 1 278 ц шерсти.

Заключение

Данные об аграрном производстве в Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны свидетельствуют, что основным производителем сельскохозяйственной продукции в республике являлись колхозы. В 1945 г., например, на их долю пришлось 59,6 % произведённой продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении в ценах 1926/1927 гг. Далее следовали индивидуальные хозяйства колхозников (28,1 %). На долю хозяйств рабочих и служащих пришлось 5 % продукции, единоличников – 0,5 %. Суммарная стоимость продукции государственных хозяйств (совхозы и подсобные хозяйства предприятий, организаций и учреждений) равнялась 14 382,8 тыс. руб., что составило 6,8 % от произведённой в республике [22, л. 1]. Таким образом, роль и значение совхозов для сельского хозяйства Татарии были весьма невелики в силу как малочисленности советских хозяйств, так и маломощности их ресурсной базы.

Материалы сводных годовых отчётов советских хозяйств в ТАССР показывают наличие в годы войны в них тех же тенденций, что и в совхозах других тыловых районах страны. Среди них – ослабление материально-технической базы хозяйств, сокращение числа занятых в них работников да и

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

числа самих советских хозяйств, существенное снижение качественных показателей сельскохозяйственного производства и, как следствие, уменьшение получаемой продукции и сдачи её государству. К особенностям совхозного производства в Татарской АССР следует отнести особенности его динамики. Своей низшей точки сокращение производства достигло не в 1943 г., как это было в сельском хозяйстве страны в целом, а в 1944 г. И только в последнем военном году в совхозах намечилось некоторое улучшение. К особенностям следует отнести и значительную разницу в состоянии отраслей совхозного производства, что особенно заметно при анализе результатов сдачи его продукции государству. Расчёты показывают, что если сдача продукции животноводства совхозами Татарской АССР сократилась в разы, то сдача зерновых в расчёте на одно хозяйство даже несколько возросла, несмотря на сокращение их посевов. Последнее свидетельствует о значительном административном давлении на хозяйства и усилении контроля за распределением получаемой продукции.

Источники и литература

1. *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны / В.Т. Анисков. Новосибирск: ИИ СО РАН, 1993. 245 с.
2. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Арутюнян. М.: АН СССР, 1963. 459 с.
3. *Ахмадиева Н.В.* Башкирская деревня в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Н.В. Ахмадиева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 180 с.
4. *Бахтияров Р.С.* Животноводство на Южном Урале в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Р.С. Бахтияров, А.В. Федорова. Оренбург: ОГАУ, 2019. 207 с.
5. *Зеленин И.Е.* Совхозы в СССР (1941–1950) / И.Е. Зеленин. М.: Наука, 1969. 344 с.
6. История советского крестьянства: в 5 т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. М.: Наука, 1987. 447 с.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
9. *Вылцан М.А.* Крестьянство России в годы большой войны, 1941–1945. Пиррова победа / М.А. Вылцан. М.: РНФ, 1995. 79 с.
10. *Жевалов С.А.* Поставки сельхозпродукции в Советском Союзе в период Великой Отечественной войны / С.А. Жевалов. Ч. I. М.: Родина, 2023. 444 с.
11. *Кабилова А.Ш.* Аграрное производство и крестьянство Татарстана в годы военного лихолетья (1941–1945 гг.) / А.Ш. Кабилова // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5(60). С. 82–85.
12. *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Г.Е. Корнилов. Свердловск: УрГУ, 1990. 224 с.
13. *Кошкина А.О.* Сельское хозяйство и крестьянство Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. Йошкар-Ола: Б. и., 2010. 247 с.

**Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое
обеспечение нужд обороны**

14. *Кривоножкина Е.Г.* Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.) / Е.Г. Кривоножкина, И.И. Ханипова. Казань: Центр инновац. технологий, 2011. 461 с.

15. *Мотревич В.П.* Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2021. 700 с.

16. Население СССР (Численность, состав и движение населения) 1973. Стат. сб. М.: Статистика, 1975. 207 с.

17. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 323. Д. 48.

18. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59.

19. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 298.

20. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 545.

21. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 791.

22. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1257.

23. *Уваров С.Н.* Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск: ИГСХА, 2014. 172 с.

24. *Ханипова И.И.* Татарстанские деревни и села как источник трудовых мобилизаций (1930–1950-е гг.) / И.И. Ханипова // Развитие региональных исследований в Российской Федерации: особенности и основные направления. Сб. ст. Казань: ИТЭР АН РТ, 2018. С. 177–184.

25. *Хисамутдинова Р.Р.* Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы / Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. 300 с.

Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Россия, г. Екатеринбург, vladimir.motrevich@mail.ru

Motrevich Vladimir P., Doctor of Sciences (History), Full Professor, Professor at the Department of History of State and Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Russia, Yekaterinburg, vladimir.motrevich@mail.ru

УДК 94(470.5)"1941/45":342.542.5(470.5)(093)

Р.Р. Хисамутдинова

ЖЕРТВЕННОСТЬ ТРУДОВОГО ПОДВИГА СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается состояние материально-технической базы сельского хозяйства, полеводства и животноводства в годы Великой Отечественной войны на примере Уральского региона. Показано, что колхозная система, созданная в результате сталинской модернизации деревни, оказалась хорошо приспособленной для нужд обороны и выдержала испытание войной. Раскрыт жертвенный подвиг сельского населения, которое смогло в условиях войны накормить многомиллионную Красную армию и городское население, хотя само испытывало трудности с продовольствием.

Ключевые слова: советское крестьянство, трудовой подвиг, жертвенность, Великая Отечественная война.

R.R. Khisamutdinova

SACRIFICE OF THE SOVIET PEASANTRY LABOR FEAT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. This article examines the state of the material and technical base of agriculture, field cropping and livestock farming during the Great Patriotic War using the Ural region as an example. It is shown that the collective farm system created as a result of Stalin's modernization of the village turned out to be well suited for defense needs and withstood the test of war. The sacrificial feat of the rural population is revealed, which was able to feed the multi-million Red Army and the urban population in war conditions, although it itself experienced difficulties with food.

Keywords: Soviet peasantry, labor feat, sacrifice, Great Patriotic War.

В 1930-е гг. в Советском Союзе сформировалась мобилизационная модель функционирования страны, которая получила распространение на все сферы экономики и общественной жизни и в полной мере была реализована в условиях Великой Отечественной войны. Колхозная система, созданная в результате сталинской модернизации деревни, оказалась хорошо приспособленной для нужд обороны. Она облегчила мобилизацию всех сил и средств на борьбу со злейшим врагом и позволила по низким закупочным ценам, фактически бесплатно изымать у колхозов сельскохозяйственную продукцию в течение всей войны (почти 50 % и выше валового сбора зерновых поступала в закрома страны), даже ту часть продукции, которая была необходима для простого воспроизводства. В предвоенные годы в колхозах

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

и совхозах была создана неплохая материально-техническая база сельского хозяйства, определенных успехов достигли земледелие и животноводство, что именно и позволило выдержать суровые испытания военных лет.

Война же крайне тяжело отразилась на состоянии производительных сил сельского хозяйства. Она не только ослабила, но и подорвала материально-техническую базу сельского хозяйства. Дело не в потере лишь важнейших хлебных районов и огромного количества техники, находившейся в западных областях страны, – невосполнимые потери понесли и тыловые районы, в том числе и Уральский регион. Сократилась не только материально-техническая база сельского хозяйства Урала в связи с мобилизацией в армию автотранспорта (парк грузовых автомобилей сократился почти в 3,6 раза; наибольшее сокращение наблюдалось в Удмуртской АССР – в 6,0 раз, и в БАССР – в 5,2 раза) и гусеничных тракторов (парк тракторов сократился на 17,2 % по сравнению с довоенным периодом, а оставшаяся техника устарела и морально, и физически) [16, с. 38], но также уменьшилась и тяговая сила в колхозах из-за мобилизации конского поголовья на фронт. Возникла необходимость использования иных резервов производства (простейших машин и орудий труда – серпов и кос, – с привлечением к полевым работам коров колхозников и др.), вообще уменьшились трудовые ресурсы деревни (на 40 %) в связи с отсутствием брони в деревне до конца 1943 г. С проведением в течение войны трудовых мобилизаций в промышленность, мобилизации сельской молодежи в учебные заведения системы трудовых резервов (РУ, ЖУ и школы ФЗО), которые готовили молодых рабочих кадров массовых профессий для промышленности, остро встала проблема максимального вовлечения в сельскохозяйственное производство всего трудоспособного сельского населения, подростков и даже детей, эвакуированных граждан и горожан в период весенне-полевых и уборочных работ. По этой же причине упал уровень квалификации механизаторов, так как на смену мобилизованным приходили женщины и подростки, которые проходили краткосрочные курсы трактористов, комбайнеров или обучение в поле.

При решении этих проблем партия и правительство опирались на патриотизм колхозников, который в действительности был, их массовый трудовой героизм, использовали по возможности экономические рычаги, прибегали к организационно-правовым и даже репрессивным мерам. Произошли ужесточение административных методов управления сельским хозяйством, сформировавшихся еще в 1930-е гг., подмена советских и хозяйственных органов партийными структурами, милитаризация труда в сельском хозяйстве, как и в промышленности. Однако тяжелые условия войны невозможно было компенсировать только этими мерами, поэтому основные производственные показатели сельского хозяйства повсеместно упали.

Прежде всего, как и в большинстве тыловых районов Союза, общая площадь посева сократилась на Урале, особенно в сельскохозяйственных

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

регионах (в Башкирии – на 32,6 %, в Чкаловской области – на 38,6 %), хотя в начале войны был принят курс на расширение посевных площадей в тыловых районах на востоке, что явилось попыткой восполнить потерянные посевные площади на западе страны. В условиях военного времени на Южном Урале не было условий для расширения посевов. При нехватке рабочей силы и сокращении механизации полевых работ расширение посевов зерновых в колхозах и совхозах на Урале привело к отрицательным последствиям, еще более усилив негативное влияние войны. Очевидно, что в условиях региона надо было не расширять посевную площадь, а попытаться сохранить имеющуюся [10, с. 536].

Накануне войны почти половина всех посевных площадей (49,2 %) и посевных площадей зерновых (49,5 %), а также 43,2 % валового сбора зерновых Урала приходились на долю Чкаловской области и Башкирии. Именно они являлись основными производителями и поставщиками хлеба государству в регионе. Их доля в общих хлебозаготовках региона в годы войны составляет 41 % [16, с. 40].

Наряду с сокращением посевных площадей изменилась и специализация земледелия, структура посевов. Изменение в структуре посевных площадей в БАССР и Чкаловской области, как и в других близких к ним экономических районах, произошло в трех направлениях.

Во-первых, сократились площади под зерновыми – яровыми в пользу озимых и многолетних трав, а также крупяных и овощных культур. Так, в Башкирии за годы войны площадь всех зерновых сократилась на 38 %, яровой пшеницы – почти в три раза. В Чкаловской области площадь зерновых уменьшилась на 42,3 %, яровой пшеницы – на 39 %. Сокращение площади зерновых удалось приостановить в совхозах Башкирии и Чкаловской области лишь в последний год войны, а в колхозах этот процесс продолжался до конца войны.

Во-вторых, выросли посевные площади картофеля, который считался по праву вторым хлебом на столе советских людей, и овоще-бахчевых культур особенно в индустриальных областях Урала. Однако этот рост носил специфический характер. Например, посевы картофеля и овощных культур увеличились в БАССР на 44 тыс. га и в Чкаловской на 10 тыс. га за счет создания подсобных хозяйств при промышленных предприятиях, расширения коллективных и индивидуальных огородов рабочих и служащих, за счет приусадебных хозяйств колхозников. Только в овощеводческих совхозах и подсобных хозяйствах крупных предприятий Башкирии посевы картофеля и овощей увеличились с 4,4 тыс. га в 1940 г. до 25,6 тыс. га в 1945 г., а в Чкаловской области – с 7,3 тыс. до 20,1 тыс. га соответственно [11, с. 62; 13, с. 63].

В-третьих, сократились посевы технических культур. Например, в Чкаловской области в 2,6 раза, а в Башкирии незначительно (всего на 4 тыс. га).

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

Если изменения в полеводстве – основе сельскохозяйственного производства Южного Урала – изобразить в виде кривой, то первые три года войны (1941–1943 гг.) она в Чкаловской области ползла вниз, а с 1944 г. резко поднялась вверх. Этот подъем продолжался и в 1945 г. В БАССР картина была несколько иная. Кривая ползла вниз до 1943 г., в 1944 г. она держалась на том же уровне, а в 1945 г. пошла вверх. Но урожайность и валовые сборы в колхозах Башкирии все годы были выше, чем в Чкаловской области.

Рост сельскохозяйственного производства в 1944–1945 гг. нельзя объяснить одними погодными условиями. Немаловажную роль сыграло и изменение сельскохозяйственной политики партии и правительства: проводился курс не на расширение посевных площадей, как было в начале войны, а на усиление агротехнических мероприятий и укрепление материально-технической базы за счет прекращения мобилизации рабочей силы из деревни, ослабления налогового пресса, списания значительной части недоимок, которые росли в условиях войны как снежный ком. Местные партийные и советские органы приобрели к этому времени определенный опыт работы в экстремальных условиях войны, проявили более четкое и оперативное руководство сельским хозяйством, а также смогли максимально мобилизовать, не в ущерб военному производству, предприятия городов на оказание шефской помощи сельскому хозяйству и привлечь эвакуированных на сельхозработы, а также горожан в пик уборки урожая. Также следует отметить, что новые победы Красной армии в 1944–1945 гг., в свою очередь, вызвали трудовой подъем среди сельского населения, которое видело и чувствовало приближающееся окончание войны.

Сравнивая состояние сельского хозяйства двух сельскохозяйственных регионов Урала – БАССР и Чкаловской области, – следует выделить более устойчивый характер полеводства в Башкирии, хотя и здесь оно пришло в упадок.

И все же в соотношении двух основных отраслей сельского хозяйства – полеводства и животноводства – наибольшие издержки войны пали на полеводство. Животноводство оказалось более устойчивым, поскольку оно в основном базировалось на физическом труде, не испытывало большой текучести кадров, так как решающей силой здесь оставались женщины. Кроме того, и материальные стимулы труда в животноводстве, в сравнении с полеводством, являлись более эффективными. Что касается плановых показателей, то они не выдерживались не только в полеводстве, но и в животноводстве. Фактически в годы войны, по мнению крупного аграрника В.Т. Анискова, была введена новая разновидность подразверстки, которая не учитывала того тяжелого положения в сельском хозяйстве, которое сложилось в годы войны. Государству необходимо было получить определенное количество сельскохозяйственной продукции для обеспечения Красной армии и

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

городского населения, исходя из этого, государство спускало планы заготовок, не учитывая реальные возможности села.

Из трех секторов – колхозного, совхозного и личного подсобного хозяйства – животноводство больше всего пострадало в колхозно-кооперативном секторе. Максимальное сокращение в колхозах произошло по таким видам скота, как конское поголовье и свинопоголовье. Причины сокращения конского поголовья очевидны – мобилизация в армию и высокие физические нагрузки при резком ухудшении содержания лошадей. Главная причина сокращения свинопоголовья – нехватка кормофуража, которого стало намного меньше. Поголовье крупного рогатого скота уменьшилось в колхозах БАССР на 41,7 %, лошадей – на 58,3 %, свиней – на 70,2 %; в колхозах Чкаловской области соответственно – на 22,1 %, 42,3 % и 68 %. Как свидетельствуют эти данные, колхозное животноводство Чкаловской области оказалось более устойчивым, чем Башкирии. Хотя коневодство, да и в целом животноводство, лучше было развито в БАССР. Это объясняется физико-географическими условиями, национальными традициями, степенью механизации производства, различной помощью областям со стороны государства и, конечно же, уровнем руководства.

Колхозы Башкирии, по сравнению с Чкаловской областью, имели максимальное количество лошадей. И хотя к концу войны конепоголовье в колхозах Башкирии сократилось более чем наполовину, лошадей она имела почти в два раза больше, чем колхозы в Чкаловской области. Это в значительной мере компенсировало нехватку тракторов и не привело к такой глубокой запущенности полеводства. В целом повсеместно происходил процесс сокращения общественного скота вплоть до 1944 г. включительно. Лишь в последнем военном году этот процесс сократился.

Анализируя уровень развития сельскохозяйственного производства колхозного и совхозного секторов, следует отметить то, что производственные итоги колхозов по их основным тенденциям на различных этапах войны были почти одинаковы с совхозным производством, а по некоторым показателям колхозы имели даже более благоприятные результаты. Через два года после начала войны в совхозах Чкаловской области поголовье крупного рогатого скота уменьшилось в 1,3 раза, овец и коз – в 1,8 раз, свиней – в 5 раз, а в колхозах соответственно – в 1,3; 1,4; 4 раза. Сокращение посевных площадей зерновых и бобовых культур в совхозах в 1,8 раза (в колхозах – в 1,4) привело в 1943 г. к резкому, более ощутимому, чем в колхозах, уменьшению валовых сборов (в 5,4 раза против 4 в колхозах). Хотя урожайность в совхозах всегда была выше, чем в колхозах [17, с. 193]. Это объясняется также тем, что в условиях войны часть совхозов была передана промышленным предприятиям как подсобные хозяйства.

Положительная динамика в колхозах и совхозах проявилась в 1944 г., причем в совхозном полеводстве она оказалась более ощутимой. В резуль-

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

тате валовый сбор зерновых и заготовка хлеба здесь почти удвоились по сравнению с 1943 г. При этом восстановительные тенденции в животноводстве проявлялись значительно медленнее, чем в полеводстве, как в совхозах, так и в колхозах. В этом также проявилась однотипность главных закономерностей хозяйственного развития, свойственная всему сельскохозяйственному производству.

Совхозы Чкаловской области, в отличие от совхозов Башкирии, занимали значительный удельный вес в сдаче государству сельскохозяйственных продуктов. За годы войны они сдали государству в общей сдаче по области 17 %, в то время как совхозы БАССР – лишь 8,1 %.

Главным итогом всей производственной деятельности тружеников сельского хозяйства военных лет стало обеспечение основных потребностей страны в сырье и продовольствии. Патриотический подъем жителей села и жертвенность их трудового подвига, наряду с большими мобилизационными возможностями колхозно-совхозного строя в целом, при организованной направляющей деятельности партийных и советских органов позволили бесперебойно снабжать фронт, а также, хотя и нормировано, распределять продовольствие среди городского населения. За 1941–1944 гг. колхозы и совхозы страны поставили государству 4 264 млн пудов зерна, что втрое больше, чем было заготовлено и закуплено в дореволюционной России за 1914–1917 гг. (139 млн пудов), и в 4,5 раза больше заготовок молодой Советской республики за 1918–1921 гг. (920 млн пудов) [14, с. 384]. При этом 6 % (около 256 млн пудов) всего военного хлеба страны дали БАССР и Чкаловская область.

Однако все эти успехи были достигнуты за счет жертвенного подвига крестьянства. Мизерная оплата труда колхозников и работников совхозов приводила к крайне низкому уровню жизни сельских жителей. Колхозники являлись самой бедной группой советского населения. В отличие от городского населения на них не распространялась карточная система. Основным источником жизнеобеспечения являлось их приусадебное хозяйство, за счет которого колхозники выживали. Основной кормилицей оставалась корова, поэтому колхозники изо всех сил старались её сохранить. Зимой коров ночью заводили даже в дом, пытаясь спасти от голодных волков, которые в годы войны бегали по сельским улицам и нападали не только на животных, но и на людей, и пускали коров под нож, когда было нечего есть. Это был один из признаков того, что деревня подошла к рубежу продовольственного кризиса и стояла у порога голода. Размеры приусадебных участков в условиях войны расширились в нарушение устава сельскохозяйственной артели, на что председатели колхозов закрывали глаза, понимая, что колхозники получали за выработанные трудовые мизерную оплату.

С помощью чрезвычайных мер организационного и правового характера государству в целом удалось обеспечить функционирование сельского хозяй-

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

ства и снабдить население необходимым минимумом продовольствия, хотя локальные очаги голода были в 1943–1944 гг. на Урале и в других регионах, получила распространение септическая ангина – болезнь голодных людей.

Трудовой подвиг крестьянства в годы войны носил жертвенный характер. Крестьянство все годы войны не имело какого-либо гарантированного государством снабжения – карточный паек не полагался вовсе, а товары промышленного производства поступали на село в крайне ограниченном количестве. Но и во втором случае они попадали опосредованно через колхозный рынок и путем прямого обмена с городским населением [1, с. 104].

Тяжелое материальное положение колхозников, прежде всего, отразилось на их питании, хотя казалось, в том числе руководству, что неразрывная часть с землей поможет им продержаться безбедно. Так оно и было около года, когда еще сохранялись отцовские довоенные запасы. Скудных припасов хлеба лишь у немногих хватало до начала лета.

По воспоминаниям А.Н. Суздалевой: «В первый год войны хлеб еще был, а потом совсем не стало. "Хлеб" заквашивали из вареной картошки, добавляя немного муки: овсяной, просяной или ржаной. Весной искали на огородах мерзлую картошку, измельчали ее, сушили. На пасху к этой смеси добавляли молотые зерна лебеды и пекли куличи. Летом делали лепешки из крапивы, свекольной ботвы, лебеды – посыпали их овсяной мукой. Лепешки получались неприятного вида – почти черные и горчили. Их в руки брать не хотелось, но ели. Съедобной травы вокруг сел не оставалось, приходилось ходить за нею в горы, овраги» [3].

С крестьянского стола почти совсем исчезли сахар, кондитерские изделия. Мясо лишь «для запаха» шло только на первое – в основном, когда не доилась корова и во время напряженных весенне-летних полевых работ и сенокоса. Шли в ход всякого рода заменители: вместо сахара вымоченный сахарин, за другие сладости сходил обжаренная и пареная свекла, а заваркой вместо чая служили настои из листьев и трав [2, с. 383].

Как вспоминает Т.Я. Тенякова, жительница села Емельяновка Матвеевского района Оренбургской области, «особенно трудной была зима 1942–1943 гг. Лето и осень были дождливыми. Корм весь сопре. Урожай зерновых и картофеля не убрали полностью, поэтому зимой голодали и люди, и скот. Наши лошади от истощения еле доходили до колодца. Мы слезами обливались, глядя на животных, когда они грызли от голода деревянные колоды. От истощения лошади падали, а мы, девчонки, пытались их поднять. За зиму вся солома с крыш была снята и скормлена скоту. Но все-таки люди и животные выжили, дождались весны, зеленой травы» [4].

Молоко использовалось в основном для выпечки блинов, приготовления творога, иногда готовили на нем каши. Круп было мало. Манки не было совсем. Рис и гречку привозили, но редко. Больше всего варили полевую

кашу – варили картошку, затем в эту же воду добавляли пшено. Когда все разваривалось, толкли и ели.

Фрукты в еде почти отсутствовали, так как не выращивали плодовые деревья. Из овощей сажали огурцы, капусту, морковь, свеклу, позже – помидоры. Ели их в свежем и соленом виде. Салаты в то время не делали. Солили все в кадушках. У большинства хозяек можно было найти в погребах и соленые огурцы. Кроме еды жители с. Емельяновки готовили и свои напитки. Охотнее всего пили квас. Делали свекольные напитки (свеклу нарезать мелко, залить водой и поставить в печку, когда закипит – вытащить, остудить). Пили чай из зверобоя, мяты, шалфея. Делали кислое молоко [5].

Из воспоминаний С.Т. Тажиева, жителя поселка Первенец Оренбургского района Оренбургской области: «Жили мы в землянке, она состояла из одной комнаты, в которой находилась печка и нары. Печку топили вручную. С начала войны освещали землянку с помощью горелок на керосине, но в 1942–1943 гг. керосин, свечи стали дефицитом, поэтому использовали коптилку (в горелку наливали масло растительное, скручивали фитиль с ваты, его маслом пропитывали и поджигали, шел черный дым, поэтому и называли коптилкой)» [6].

Электрического освещения в селах не было. Электрификация сельского хозяйства в Чкаловской области и в Башкирии началась только после войны. Помещения освещали керосиновые лампы без пузыря, «самодельные масляные лампы» (делали из картофеля пузырьки, наливали в них керосин, а затем скручивали фитиль и опускали туда, так получалось некое подобие лампы), при которых пряли и вязали. Это был единственный источник света, не считая отблеска огней печи. Однако редко в крестьянском доме горела керосиновая лампа, да и то по особым случаям, поскольку не было керосина [18, с. 62–63].

Большой проблемой в войну были спички. Люди ходили по селу «за жаром»: брали полено и шли к тем, у кого шел дым из трубы, отдавали дрова, взамен брали угольки и быстрее домой, чтобы развести огонь. В домах было холодно: на заготовку дров не хватало сил. Топили дровами, бурьяном, соломой, объедками, оставшимися от скота. Все, что росло по берегам рек, вырубалось на топку [3].

К 1943 г. заметно ухудшилась одежда крестьян. Многое поизносилось, лучшее было отдано для армии, а затем – для населения первых освобожденных районов. В жаркое лето прожить было легче – в ход пускались прежние обноски любого размера, хранившиеся до поры отцовские вещи, старые гимнастерки. Выменянные и приобретенные на «барахолке» вещи стали главным источником пополнения крестьянского «гардероба» [1, с. 117–118].

Одежду делали из конопли, льна и шерсти. Всю зиму ткали, пряли, вязали для фронта и для себя. Обувь не было. Носили лапти. Весной на них

одевали деревянные колодки. Зимой в морозы лапти носили с шерстяными носками и портянками. В 40-градусные морозы у женщин кожа на ногах лопалась, и сочилась кровь, но надо было идти и работать. Лапти берегли, потому как они были дорогие. Фасон был разный. Были лапти татарские и мордовские. Мордовские были дороже, чем татарские. Не каждый мог сплести лапоть. Их покупали в Пономаревке и Абдулино [3].

Сельские жители были одеты очень плохо, из-за отсутствия возможностей покупать новую одежду приходилось донашивать довоенную одежду и перешивать старые отцовские вещи, за старшими донашивали младшие, сменной одежды не было, ходили в гимнастерках и шинелях, которые обменивали на продукты или покупали на базаре [18, с. 59, 60].

А.П. Лукьянцева из с. Крючковка Беляевского района Оренбургской области вспоминает: «...А бабы у нас как ходили: пятки на валенках порвутся, брали солому, скручивали и затыкали дырки. Если старый валенок кто даст, то зашивала сама» [7].

Магазины в войну были в деревне, но там почти ничего не было, если и был товар, то очень мало, и денег не было. Давали в первую очередь тем, кому было слишком тяжело. Иногда привозили бушлаты, шинели с мертвых фронтовиков, грязные, с кровью. Вот их и покупали [8].

В годы войны среди сельского населения распространилась лютая болезнь военного времени – септическая ангина, которая унесла тысячи жизней в области. В. Воронцов из Новосергиевского района вспоминает: «Весной 1944 г., как только стаял снег, жители сел вышли семьями на проталины собирать перезимовавшие хлебные колоски. Их сушили, размалывали на ручных мельницах. Но кошмарным оказался такой колосок, потому что осень 1943 г. была дождливой, снег укрыл колосья влажными. И на них образовалась плесень. Хлеб из такого зерна есть было нельзя – он вызвал септическую ангину» [15, с. 29].

Лидия Степановна Федосеева-Сковородникова, которая в годы войны жила в с. Степановка Ташлинского района Чкаловской области, вспоминала, что в 1943 г. полсела умерло от этой болезни. Могилу рыли одну на всех. В их семье было 8 детей. Заболели все, в том числе и мама. Температура сильно высокая была, поэтому человека обкладывали льдом. Четверо детей умерло, остальных отходили. Её девятилетняя сестренка лежала вся в крови (человек заживо гниёт при этой болезни – *Р.Х.*), не за что было браться, поэтому вырезали дерюгу, на которой она лежала, так ее и похоронили [9].

Пик заболевания приходится на весну и лето 1944 г. Так, в Чкаловской области септическая ангина была обнаружена еще в 1942 г. в 19 из 50 сельских районов, в 1943 г. – в 30, а в 1944 г. – в 47 из 50 районов [12, л. 37], а в Башкирии – в 59 из 62 сельских районов. Эта болезнь в 1944 г. получила распространение и в других тыловых регионах страны, поэтому на государ-

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

ственном уровне было принято два постановления по борьбе с септической ангиной в июне 1944 и в апреле 1945 г. [19, с. 195, 200, 203].

Таким образом, бесспорным является то, что во время войны «сверхцентрализм» и государственное принуждение сыграли положительную роль в мобилизации ресурсов села, концентрации усилий и, в конечном счете, стали одними из главных факторов Победы. Однако достигнуто это была за счет колоссальных усилий крестьянства и огромных жертв среди населения. Также следует отметить, что в период войны партийные и советские органы накопили немало ценного опыта по руководству сельским хозяйством. Применение таких методов руководства, как оперативность, требовательность, высокая ответственность, инициатива в использовании имеющихся ресурсов, умение быстро находить решение непредвиденных задач, преодолевать трудности при любых обстоятельствах актуальны и сегодня.

Источники и литература

1. *Анисков В.Т.* Война и судьбы российского крестьянства / В.Т. Анисков. Вологда; Ярославль: Б.и., 1998. 286 с.
2. *Анисков В.Т.* Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 499 с.
3. Архив Р.Р. Хисамутдиновой. Воспоминания А.Н. Суздалевой, жительницы с. Кульчум Матвеевского района Оренбургской области. Записано Русяевым И.Л. в 2012 г.
4. Архив Р.Р. Хисамутдиновой. Воспоминания Т.Я. Теняковой, жительницы с. Емельяновка Матвеевского района Оренбургской области. Интервью взято С.Р. Теняковой 30 июня 2012 г.
5. Архив Р.Р. Хисамутдиновой. Воспоминания коренных жителей с. Емельяновка Матвеевского района Оренбургской области А.М. Колоколовой, Т.А. Шевляковой. Записаны 9 апреля 1994 г. учащимися 8 класса О. Дериглазовой, Л. Несеровой, Т. Прохоровой, Л. Теняковой, О. Сулеймановой.
6. Архив Р.Р. Хисамутдиновой. Интервью С.Т. Тажиева, жителя пос. Первенец Оренбургского района Оренбургской области. Взято внучкой, студенткой 4 курса исторического факультета ОГПУ Д.М. Тажиевой в 2012 г.
7. Архив Р.Р. Хисамутдиновой. Интервью А.П. Лукьянцевой, жительницы с. Крючковка Беляевского района Оренбургской области. Записано студенткой 4 курса исторического факультета ОГПУ М.В. Савенковой в 2012 г.
8. Архив Р.Р. Хисамутдиновой. Интервью В.А. Бабичевой, жительницы с. Емельяновка Матвеевского района Оренбургской области. Записано студенткой 4 курса исторического факультета ОГПУ С.Р. Теняковой 20 июля 2011 г.
9. Архив Р.Р. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.С. Федосеевой-Сковородниковой, записанные автором в поезде Москва – Орск 2 октября 2000 г.
10. *Мотревич В.П.* Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.
11. Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР: стат. сб. Уфа: Госстатиздат, 1959. 169 с.

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

12. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 371. Оп. 8. Д. 137.
13. Оренбургская область за 50 лет Советской власти: стат. сб. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1976. 138 с.
14. Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1970). 2-е изд. М.: Политиздат, 1973. 592 с.
15. Федорова А.В. В тылу как на фронте (Оренбургская деревня в годы Великой Отечественной войны) / А.В. Федорова // Великая Отечественная и Южный Урал 1941–1945 гг.: сб. статей и материалов. Оренбург: ДиМур, 1995. С. 25–32.
16. Хисамутдинова Р.Р. Жертвенный подвиг уральского крестьянства во имя Победы / Р.Р. Хисамутдинова // Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Материалы Всероссийской научной конференции 27 мая 2009 г. М.: ИПЦ «Маска», 2009. С. 38–46.
17. Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Южного Урала (Башкирской АССР и Чкаловской области) в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1988. 264 с.
18. Хисамутдинова Р.Р. Великая Отечественная война и повседневная жизнь сельского населения Чкаловской (Оренбургской) области / Р.Р. Хисамутдинова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2011. № 1. С. 56–68.
19. Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. 300 с.

Хисамутдинова Равиля Рахмьяновна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, г. Оренбург, hisamutdinova@inbox.ru

Khislamutdinova Ravilya R., Doctor of Sciences (History), Full Professor, Head of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University, Russia, Orenburg, hisamutdinova@inbox.ru

РАЗДЕЛ 4

Демографические процессы в годы войны и их последствия

УДК 94(=512.145)"18/19"

А.Ю. Безугольный

ТАТАРЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ, СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР В ЗЕРКАЛЕ ВОЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ (ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. – 1945 г.)

Аннотация. Статья посвящена анализу документации военных ведомств Российской империи, Советской России и Советского Союза в области учета личного состава вооруженных сил. Он позволяет проследить количественные параметры участия представителей татарского этноса в военной организации Отечества. Весьма подробная статистика личного состава периода Великой Отечественной войны позволяет сделать обоснованные наблюдения по поводу качественных характеристик военной службы татар в Красной армии в их временной динамике: выявить распределение татар по родам войск, темпы продвижения татар по службе, масштабы потерь и т.д. Рамки анализа охватывают период с конца XIX в. по 1945 г.

Ключевые слова: Учетно-статистические материалы, военное ведомство, татары, Великая Отечественная война

A.Yu. Bezugolny

TATARS IN THE ARMED FORCES OF IMPERIAL RUSSIA, SOVIET RUSSIA AND THE USSR IN THE MIRROR OF MILITARY AND CIVIL DEMOGRAPHIC STATISTICS (LAST QUARTER OF THE 19th CENTURY – 1945)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the documentation of the military departments of the Russian Empire and Soviet Russia and the Soviet Union in the field of personnel accounting of the armed forces. It allows us to trace the quantitative parameters of the participation of the Tatar ethnic group in the military organization of the Fatherland. Very detailed statistics of the personnel of the Great Patriotic War period make it

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

possible to make reasonable observations about the qualitative characteristics of the military service of Tatars in the Red Army in their time dynamics: to identify the distribution of Tatars by military branches, the rate of promotion of Tatars, the scale of losses, etc. The scope of the analysis covers the period from the end of the 19th century to 1945.

Keywords: Accounting and statistical materials, military department, Tatars, the Great Patriotic War.

Татарский этнос издавна занимает видное место в военной организации Отечества и внес достойный вклад общее дело Победы над нацистской Германией. В настоящее время этот общепринятый и неоспоримый тезис можно лишний раз подтвердить документальными статистическими материалами органов государственной власти и военного управления, которые выявлены в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Следует оговориться об особенностях презентации татар в статистических, учетных и иных материалах военного ведомства: за редчайшими исключениями весь массив татарского населения страны подавался как единая этническая общность; выделить в ней татарские субэтноты и даже отдельные тюркоязычные этносы, как например, крымских татар в предвоенный и военный период нельзя.

Из *таблицы 1*, составленной на основе материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г., видно, что многочисленное татарское население проживало во многих регионах, прежде всего, Российской Федерации.

Таблица 1

Численность мужского татарского населения по Всесоюзной переписи населения 1939 г., тыс. чел.*

Административно-государственный субъект	Мужское население
Татарская АССР	658,0
Башкирская АССР	367,0
Крымская АССР	106,3
Челябинская область	57,9
Свердловская область	41,4
Горьковская область	40,8
Москва и Московская область	33,3
Всего по РСФСР	1882,5
Всего по СССР	2103,2

* Сост. по: [3; 4].

Как видно, в пределах национальной республики проживало не более трети татарского населения страны, при этом в самом Татарстане численность татар лишь немногим превышала численность русского населения.

Смешанное проживание на территории всей страны обусловило высокую адаптированность татарского населения к русской культуре и в среднем хорошее знание русского языка.

Это исторически сложившаяся данность. Не случайно татары, наряду с башкирами, – единственные мусульманские народы России, которые призывались в ряды Русской императорской армии в мирное и военное время без ограничений [1, с. 248]. Уже в 60–70-х гг. XIX в. татары в абсолютных значениях были представлены среди нижних чинов в диапазоне от 11,2 до 14,5 тыс. чел, что составляло от 1,8 до 2 % от общего числа нижних чинов Русской армии мирного времени [5, с. 200–201; 6, с. 304–305; 7, с. 234–235; 8, с. 256–257; 9, с. 266–267]. По переписи населения 1897 г. подданных, назвавших татарский язык родным, в Российской империи числилось 1,98 млн человек или 3,2 % населения [11, табл. XIII]. Русскому правительству одной из главных целей привлечения к военной службе так называемых инородцев виделось обрусение, понимавшееся и буквально (освоение русского языка, культуры, поведенческих моделей, отказ от собственной этнической идентичности), и символически (обретение национального достоинства, приобщение к русской истории, как к собственной) [10, с. 303–304]. В этнокультурном единообразии виделся залог стабильности и прочности воинского коллектива. Ставя цель на русификацию, царская военная администрация не поддерживала национальные формирования, ибо в них не происходило искомого радикального отрыва инородцев от национально-культурного субстрата.

В годы Гражданской войны татары воевали по все стороны фронта, но если говорить о советской власти, то они принимались в ряды Красной армии на равных с русскими и другими славянами и составляли достаточно значительную прослойку. По первой переписи РККА, состоявшейся в августе 1920 г. на 2,9 млн военнослужащих Красной армии числилось 96,5 тыс. татар или 3,4 % [15, л. 25об.–26об., 30об.–31]. Советские власти настаивали на сохранении традиции всеобщего призыва на военную службу татар. Обсуждая этот вопрос с Реввоенсоветом Республики, начальник штаба Сибирского военного округа Е.О. Монфор и военком Кригер сообщали свое мнение: «Татары всегда призывались и всегда были хорошими солдатами...» [14, л. 212].

В Татарстане в годы Гражданской войны весьма активно формировались татарские части Красной армии, более того, значительную часть войны именно в Казани располагался штаб центрального органа мусульманских воинских формирований – Центральный мусульманский комиссариат (Муском), преобразованный позднее в Центральную мусульманскую военную коллегию. И хотя ЦМВК своим названием провозглашала интерес ко всем мусульманским народностям, на деле, она работала прежде всего среди татар и башкир, а, например, на Кавказе не имела никакого влияния.

По переписи РККА 1926 г., характерной тем, что в отличие от переписи 1920 г., Красная армия находилась в наислабейшем положении и насчитывала

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

лишь 514,6 тыс. человек списочного состава, численность татар составляла 11,6 тыс. человек, или 2,3 % личного состава [16, л. 31–32]. Притом, что удельный вес татарского населения среди населения СССР составлял 2 %.

В 1920-х гг. и в первой половине 1930-х гг. в Советском Союзе активно реализовывалась программа коренизации местных кадров, суть которой состояла в вытеснении русских, олицетворявших в недавнем прошлом «нацию угнетателей», с административных руководящих постов всех отраслей государственного управления, из культурно-образовательной сферы и т.п. и замена их местными кадрами. В области военного строительства эта позитивная дискриминация проявилась в формировании национальных частей. По пятилетнему плану национальных формирований, принятому в 1925 г., намечалось формирование татарской территориальной, то есть, сокращенного штата стрелковой дивизии с кавалерийским полком [12, с. 306]. В последующем план сократился до одного стрелкового полка и одного кавалерийского эскадрона. К началу 1930 г. существовал один стрелковый полк – 100-й татаро-башкирский, а также 13 татарских рот в составе обычных, так называемых номерных дивизий Красной армии.

В марте 1938 г. национальное военное строительство было свернуто в связи с переходом Красной армии на экстерриториальный принцип комплектования: теперь воинские части комплектовались людским контингентом из одного военного округа, а проходили службу они в другом округе. Это нужно было для того, чтобы создавать крупные группировки в западных военных округах в связи с усилением военно-политической напряженности на европейской границе Советского Союза. Территориальным формированиям, к каковым типологически относились и национальные, в этой концепции не было места.

Вторая половина 1930 – начало 1940-х гг. – это время многократного наращивания численности Красной армии (с 800 тыс. чел. в 1935 г. до 4,2 млн чел. в начале 1941 г.). На этом фоне происходило значительное усиление призыва татар в ряды Красной армии: с 1938 по 1941 г. их представительство утроилось (в 1938 г. – 25,2 тыс. человек или 2,08 % среди всего личного состава Красной армии; в 1941 г. – 71,7 тыс. человек или 1,99 %). Впрочем, здесь не было никакой аномалии: аналогичный по темпам прирост численности военнотружущих показывали многие другие этносы, в том числе поволжские – мордвины, чуваша и др. Такой взрывной прирост численности коррелировал со столь же взрывным приростом численности самой РККА накануне войны.

В целом представительство татар в армии большую часть межвоенного периода несколько отставало от их представительства среди населения. Это было связано с тем, что Красная армия преимущественно пополнялась за счет славянского элемента и особенно – русских. Лишь непосредственно перед войной резко вырос масштаб приема в армию граждан неславянских национальностей, за счет чего удельный вес русских перед войной сократился с 70 % до 56 %. Стали призываться в армию те этносы, которые преж-

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

де в обязательном порядке не призывались ни в Красную, ни в Русскую императорскую армию, например, узбеки, туркмены, азербайджанцы и многие другие. Там прирост численности составлял сотни процентов за один год. На этом фоне с татарами не происходило никаких аномалий: их трехкратный прирост был пропорционален трехкратному росту численности всей Красной армии в предвоенные годы.

Данных о национальном составе мобилизованных летом 1941 г. гражданах Советского Союза на данный момент не обнаружено. Но все что известно об обстоятельствах ведения учета личного состава советских Вооруженных сил в первые месяцы войны, подталкивает к мысли о том, что таковой не велся. Первые точные сведения о национальном составе Красной армии относятся только к середине 1942 г.

Существенным обстоятельством национальной политики первого периода войны было вынужденное возвращение в ноябре 1941 г. к массовому строительству национальных частей, связанному, прежде всего, с большим притоком в армию мобилизованных нерусских бойцов, не владевших русским языком. Национальные формирования, где языком делового общения был бы родной язык, должен был сгладить эту проблему. Хотя это происходило далеко не всегда из-за острой нехватки командных кадров соответствующей национальности. По постановлению Государственного Комитета Обороны № 894 от 13 ноября 1941 г. и ряду последовавших затем отдельных решений ГКО, Ставки Верховного Главнокомандования и наркома обороны СССР было сформировано в общей сложности 53 соединения: стрелковые и кавалерийские дивизии, стрелковые бригады. В числе прочих формировалось две кавалерийских дивизии ближайших соседей Татарской АССР – в Башкирской АССР.

В каком положении в этом раскладе оказались татары? В Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны национальных частей и соединений не формировалось. Причину этому следует искать в том, что возврат к национальным формированиям был вынужденным шагом и диктовался, прежде всего, острой необходимостью принятия срочных мер к преодолению языкового барьера. Этот, сугубо прагматический мотив был первым и единственным в принятии такого решения. Очевидно, что татарское население Советского Союза в начале 1940-х гг. не испытывало проблем с общением на русском языке, в связи с чем не было нужды формировать для них части, в которых бы в качестве основного языка общения использовался бы татарский язык. Ни о каком возрождении политического курса позитивной дискриминации по типу коренизации 1920-х гг., речи на этот раз не шло.

Воинские части Красной армии комплектовались татарами на общих основаниях. Их представительство в рядах Красной армии на протяжении всей Великой Отечественной войны было близко к усредненному демографическому показателю – их удельному весу среди населения Советского Союза по Всесоюзной переписи 1939 г.

**Раздел 4. Демографические процессы в годы войны
и их последствия**

Таблица 2

**Численность и удельный вес народов Поволжья в рядах
Красной армии в годы Великой Отечественной войны***

	01.01.1941		01.07.1942		01.01.1943		01.07.1943		01.01.1944	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Татары	71702	1,99	243039	2,49	229196	2,55	276422	2,39	243157	2,16
Чуваши	28970	0,8	92413	0,95	80485	0,89	91420	0,79	80232	0,71
Мордвины	25341	0,7	85251	0,87	80557	0,9	92211	0,8	80322	0,71
Марийцы	8700	0,24	33182	0,34	27826	0,31	31074	0,27	26409	0,23
Удмурты	10101	0,28	33439	0,34	34087	0,38	34764	0,3	29392	0,26
Башкиры	14301	0,37	45556	0,47	40368	0,45	49322	0,43	41323	0,37

Окончание Таблицы 2

	01.07.1944		01.01.1945		В % по переписи 1939 г.	В % по расчётным данным ЦСУ СССР на 22.06.1941 г.
	Чел.	%	Чел.	%		
Татары	217438	1,82	227076	1,85	2,53	2,23
Чуваши	74662	0,62	74939	0,61	0,8	0,71
Мордвины	76842	0,64	74541	0,61	0,85	0,75
Марийцы	24324	0,2	23500	0,19	0,28	0,25
Удмурты	26469	0,22	25822	0,21	0,36	0,31
Башкиры	38784	0,32	36680	0,3	0,49	0,44

* Сост. по: [17, л. 2, 21; 18, л. 35; 19, л. 29–48; 20, л. 27–46; 21, л. 1–8об; 22, л. 1–17; 13, л. 28].

Данные *таблицы 2* говорят о том, что мобилизационная нагрузка на все поволжские народы заметно выросла в первый период войны, превысив их удельное представительство среди населения СССР (по расчету численности населения на 22 июня 1941 г., составленном ЦСУ СССР). Максимум этот показатель достиг в начале 1943 г. и затем неуклонно сокращался, вернувшись в конце войны к довоенным показателям: 1,8–1,9 %. По состоянию на 10 октября 1945 г. в составе Красной армии числилось 157,2 тыс. татар или 1,82 % всего личного состава [23, л. 75об.]. Такую же динамику показывали многие народы, которые в начале войны испытали повышенную мобилизационную нагрузку. Пополнение Красной армии в последний период войны шло в основном за счет мобилизации на освобождаемых территориях, а также за счет возвращения в строй раненых военнослужащих.

**Раздел 4. Демографические процессы в годы войны
и их последствия**

Эту долю татар в рядах советских Вооруженных сил можно считать нормой в рассматриваемый исторический период, охватывавший первую половину XX в.

Если дополнительно проанализировать их удельный вес в стрелковых соединениях, а также среди раненых и больных, то выяснится тенденция к снижению их удельного веса в последний период войны (*таблица 3*). Как и в случае с русскими, их сокращение компенсировалось ростом представительства «западных» народов (украинцев, белорусов, молдаван, уроженцев Прибалтики).

Таблица 3

**Изменение удельного веса народов Поволжья среди раненых, больных
и среди личного состава стрелковых дивизий в 1943–1945 гг., в %***

Национальности	Раненые и больные по Красной армии в целом			В стрелковых соединениях (по А.П. Артемьеву)			Среди населе- ния на 1939 г.
	01.01.1943	01.07.1943	01.01.1944	01.01.1943	01.07.1943	01.01.1944	17.1.1939
Татары	3,0	2,66	2,41	2,69	2,58	1,83	2,53
Чуваши	1,0	0,78	0,64	0,90	0,79	0,58	0,8
Мордвины	0,78	0,62	0,52	0,95	0,82	0,62	0,85
Марийцы	0,35	0,27	0,21	0,31	0,28	0,19	0,28
Удмурты	0,4	0,32	0,22	0,30	0,28	0,20	0,36
Башкиры	0,58	0,46	0,44	0,60	0,57	0,35	0,49

* Сост. по: [17, л. 2, 21; 18, л. 35; 19, л. 29–48; 20, л. 27–46; 22, л. 1–17; 2, с. 58].

Нетрудно заметить, что среди раненых и больных татар было больше, чем среди военнослужащих в целом. Это коррелирует с их большим представительством в пехоте, которая несла самые тяжелые потери. Имеющаяся статистика позволяет также определить представительство татар не только по родам войск, но и по составам военнослужащих: рядовой, младший начальствующий (сержантский) и командно-начальствующий (офицерский) составы. Например, к январю 1943 г., когда татар было среди раненых 3,0 % среди рядового состава пехоты 3,2 % [19, л. 29]. 43,4 % всех рядовых военнослужащих татарской национальности служили в пехоте. Этот удельный вес был выше, чем у русских (38,8 % рядовых русской национальности служили в пехоте) или у украинцев (38,4 %) [19, л. 29].

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

Если продолжать вести речь о потерях, то восстановить безвозвратные потери среди татар на основе имеющейся источниковой базы представляется возможным только теоретически. Дело в том, что в книгах учета безвозвратных потерь, которые вели штабы соединений и отдельных частей, национальность погибшего или пропавшего без вести не указывалась. Возможен подсчет по военкоматскому учету всего бывшего постсоветского пространства, однако, по понятным политическим причинам многие уголки исчезнувшей огромной страны в настоящее время не доступны для российского исследователя. Единственная категория потерь известна наверняка: это репатриированные бывшие военнопленные Красной армии. Всего на родину вернулось 1825 тыс. человек, причем национальность около 1,6 млн человек была зафиксирована органами репатриации. Среди них было 32,2 тыс. татар, которые составили те же 2 % от всех репатриированных советских военнослужащих, чья национальность установлена.

Отдельно следует сказать о командно-начальствующем составе татарской национальности. Традиционно в советской армии основу командного состава составляли лица трех восточнославянских национальностей – русские, украинцы и белорусы, а также евреи. Этому способствовали относительно высокий уровень общего среднего образования, а также единая культурно-языковая платформа на основе русского языка. Что касается татар, то никаких политических ограничений для поступления их в военно-учебные заведения не существовало. Относительно высокий среди народов РСФСР образовательный уровень татарских юношей позволял им поступать в военные училища всех родов войск. По состоянию на январь 1941 г. татары составляли 1,2 % всех курсантов или 2819 человек [17, л. 2, 21].

Тем не менее, представительство начсостава (0,87 %) у татар отставало от представительства среди рядового состава (2,35 %), хотя не так радикально, как, например, у народов Средней Азии, где эта разница между численностью рядовых бойцов и командиров достигала 10 и более раз, что становилось большой проблемой при формировании национальных частей. Если на 1 января 1943 г. у русских на 1 командира приходилось 2,2 младших командиров и 7,7 рядовых, то у татар эта пропорция составляла 1 : 2,7 : 17; у азербайджанцев – 1 : 2,6 : 32; у казахов – 1 : 4,1 : 37,5; у узбеков – 1 : 4,8 : 59 [подсчитано по: 19, л. 29, 33, 37]. Общая численность офицеров-татар на эту дату составляла 9804 человека [19, л. 37]. По этому показателю они занимали пятое место после русских, украинцев, евреев и белорусов.

К концу войны немало татар выросли до званий старшего офицерского состава: 47 полковников, 134 подполковника и 540 майоров.

В целом учетно-статистические материалы военного ведомства позволяют более точно и объемно представить участие татарского народа в Великой Отечественной войне, оценить специфику их боевой службы. Весьма подробная статистика личного состава этого периода позволяет сделать обоснованные наблюдения по поводу качественных характеристик военной службы татар в Красной армии в их временной динамике: выявить распре-

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

деление татар по родам войск, темпы продвижения татар по службе, масштабы потерь и т.д.

Источники и литература

1. Антонович А. Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью / А. Антонович // Военный сборник. 1909. № 11. С. 241–274.
2. Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны / А.П. Артемьев. М.: Мысль, 1975. 199 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения СССР и союзных республик по национальности и полу // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39_gs.php/
4. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php/
5. Ежегодник русской армии за 1869 г. СПб., 1869.
6. Ежегодник русской армии за 1874 г. СПб., 1874.
7. Ежегодник русской армии за 1877 г. СПб., 1877. Ч. 1: 1877 г.
8. Ежегодник русской армии за 1878 г. СПб., 1878. Ч. 2: 1878 г.
9. Ежегодник русской армии за 1879 г. СПб., 1879. Ч. 2: 1879 г.
10. Лапин В.В. Армия как имперский интеграционный механизм / В.В. Лапин // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2019. № 1(21). С. 302–313.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905.
12. Реформа в Красной Армии. 1923–1928 гг.: документы и материалы: в 2 кн. Кн. 1. М.: Летний сад, 2006. 720 с.
13. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65.
14. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 11. Оп. 8. Д. 692.
15. РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432.
16. РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3.
17. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 7. Оп. 26. Д. 123.
18. ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181.
19. ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220.
20. ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 234.
21. ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 317.
22. ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 366.
23. ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 32. Д. 12.

Безугольный Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Россия, г. Москва, abesul11@gmail.com

Bezugolny Alexey Yu., Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, abesul11@gmail.com

УДК 314.04:323.11(091)

С.А. Кропачев

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РОССИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье анализируются национальные и административно территориальные особенности развития России накануне Великой Отечественной войны. Многонациональный состав Красной армии, дружба народов стали важнейшим источником победы над врагом. По размеру территории и численности населения РСФСР была самой большой республикой СССР. Количество русских в РККА в годы войны варьировалось от 56 до 70 %. Именно ресурсы Российской Федерации: население, территория, военно-промышленный потенциал, аграрный сектор, русский характер, сыграли решающую роль в разгроме фашизма.

Ключевые слова: Россия, РСФСР, канун войны, национальный состав, административно-территориальное деление, источники победы.

S.A. Kropachev

NATIONAL RESOURCES OF RUSSIA ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article analyzes the national and administrative territorial features of Russia's development on the eve of the Great Patriotic War. The multinational composition of the Red Army and the friendship of peoples became the most important source of victory over the enemy. In terms of territory and population, the RSFSR was the largest republic of the USSR. The number of Russians in the Red Army during the war ranged from 56 to 70 %. It was the resources of the Russian Federation: the population, the territory, the military-industrial potential, the agricultural sector, the Russian character that played a decisive role in the defeat of fascism.

Keywords: Russia, RSFSR, the eve of the war, national composition, administrative-territorial division, sources of victory.

Великая Отечественная война была столкновением не только машин, но, прежде всего, человеческих ресурсов. Именно от людей, их менталитета, идеалов, характера, боевой подготовки, опыта, знаний и умений в конечном счете зависел исход войны. Перепись 1937 г. зафиксировала в СССР 162 039 470 чел. [3, с. 47] Это было почти на 19 млн меньше, чем ожидало советское руководство. Фактический ежегодный прирост населения составлял не 3,37 млн (на что рассчитывали советские статистики) и даже не 3 млн (о чем неоднократно говорил Сталин), а всего 1,41 млн чел. Что было крайне мало и никак не отражало успехов «социалистического строительства»

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

[6, с. 19]. В Российской Федерации, на январь 1937 г., проживало 103 967 924 чел. [3, с. 45]

Проведенная через два года Всесоюзная перепись 1939 г. зарегистрировала в СССР 170 557 098 чел. Что более «устраивало» советское руководство. Современные исследования говорят о том, что материалы переписи были сфальсифицированы. На самом деле, в СССР проживало от 168,1 до 168,9 млн чел. То есть меньше на 1,6–2,4 млн чел. Это относительно немного, и материалы переписи могут быть использованы, «но при условии коррекции» [6, с. 21–22]. В РСФСР на январь 1939 г. проживало 109 397 463 чел. С учетом коррекции, предложенной В.Б. Жиромской, эти данные могут быть уточнены и составят 107,8 млн чел. [1, с. 26–27]

В 1930-е гг. в РСФСР прошли крупные административно-территориальные реформы. Они существенно повлияли на уклад жизни народов и изменили границы субъектов республики. Эта тема имеет самостоятельное научное значение, поэтому назовем лишь наиболее значимые территориальные преобразования этих лет. В 1936 г. из состава РСФСР вышли Казахская АССР, вместе с Кара-Калпакской автономной областью, и Киргизская АССР, преобразованные в союзные республики. В 1930-е гг. продолжилось создание национальных округов в местах компактного проживания малочисленных северных народов. Всего к концу десятилетия в составе РСФСР насчитывалось десять национальных округов: Агинский Бурят-Монгольский (создан в 1937 г.), Коми-Пермяцкий (1925 г.), Корякский (1930 г.), Ненецкий (1929 г.), Таймырский (Долгано-Ненецкий, 1930 г.), Усть-Ордынский Бурят-Монгольский (1937 г.), Ханты-Мансийский (1930 г.), Чукотский (1930 г.), Эвенкийский (1930 г.), Ямало-Ненецкий (1930 г.). Они входили в состав Читинской, Молотовской (Пермской), Камчатской, Архангельской, Иркутской, Омской (затем Тюменской) областей и Красноярского края.

Был повышен статус ряда национальных автономий. Несколько автономных областей были преобразованы в автономные республики: Коми (Зырянская) АО в Коми АССР, Вотская АО в Удмуртскую АССР, Марийская АО в Марийскую АССР, Калмыкская АО в Калмыкскую АССР, Кабардино-Балкарская АО в Кабардино-Балкарскую АССР, Северо-Осетинская АО в Северо-Осетинскую АССР, Мордовская АО в Мордовскую АССР. Чеченская и Ингушская АО были объединены в Чечено-Ингушскую АССР. Всего в РСФСР к концу 1930-х гг. насчитывалось 17 АССР и 6 АО (Адыгейская, Карачаевская, Черкесская, Ойротская, Хакасская, Еврейская).

В 1930-е гг. были проведены реорганизации краев, являвшихся крупными административными единицами. 10 января 1934 г. Северо-Кавказский край был разделен на собственно Северо-Кавказский и Азово-Черноморский край. 13 марта 1937 г. Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевский (ныне – Ставропольский) край. 13 сентября 1937 г. Азово-Черноморский край был разделен на Краснодарский край и Ростовскую область. 28 сентября 1937 г. из Западно-Сибирского края были выделены Но-

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

вои́бсирская о́бласть и А́лтайский кра́й. 20 октября 1938 г. из Дальне-Восто́чного кра́я были выделены Хаба́ровский и Примо́рский кра́я. Огромные административные единицы – Западно-Сибирский и Дальневосточный края – перестали существовать. К концу 1930-х гг. в РСФСР насчитывалось шесть краев – Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Орджоникидзевский, Приморский и Хабаровский. В них в качестве автономий входили области, автономные области и национальные округа.

В Российскую Федерацию также входило 35 областей (бывших губерний). Четыре области (Амурская, Нижнеамурская, Камчатская и Сахалинская) являлись частью Хабаровского, а Уссурийская область – Приморского краев. Карта Российской Федерации была весьма обширной и разнообразной. Республика состояла из 76 административных единиц: 6 краев, 35 областей, 17 автономных республик, 6 автономных областей, 10 национальных округов, двух городов федерального подчинения, – Москвы и Ленинграда.

Таким же разнообразным, как и административно-территориальное деление, был национальный состав всех субъектов РСФСР. Как известно, перепись населения 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этносов. Были учтены даже самые малые национальные единицы [8, с. 156; 5, с. 75, 79]. Перепись 1937 г. выявила данные по 109, перепись 1939 г. – по 57 этносам [3, с. 20; 4, с. 57, 58, 246].

На наш взгляд, существует несколько причин, повлиявших на сокращение количества национальностей, которые нашли своё отражение в переписях. Первая причина – бюрократическая. Чиновники механически присоединяли этнические группы с очень малым числом представителей, «в целях экономии места», к более крупным родственным единицам. Не учитывалось, что даже малые этносы могут являться и являются носителями уникальных языков, исторических знаний, культурных традиций, религиозных верований. Вторая причина заключалась в продолжавшихся процессах ассимиляции и этнической интеграции. После 1917 г., впервые за более чем два столетия истории России, русские стали составлять большинство населения [9, с. 154, 156]. Ассимиляция малых народов осуществлялась, как правило, в пользу русского этноса, языка и культуры. Была ещё одна, самая важная, причина уменьшения численности этносов и отражения этого процесса в переписях. Речь идет о сокращении количества аборигенных народов российского Севера (север европейской части страны, Сибирь и Дальний Восток). Народы Севера в подавляющем большинстве не были знакомы с элементарными правилами гигиены и существовали в условиях антисанитарии. Эпидемии инфекционных болезней вспыхивали среди них постоянно. В.А. Исупов прямо пишет о том, что в 1930-е гг. «численность аборигенных народов российского Севера сокращалась – по сути, они вымирали» [6, с. 121]. За 10 лет, между переписями 1926 и 1937 гг., сократилась или не выросла численность таких этносов как удэ (удехе), каряки, чукчи, саами (лопари), ханты, мансы и др. [5,

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

с. 81–82; 3, с. 86–87; 2, с. 12, 20]. К счастью, этот процесс не стал необратимым, его удалось остановить в последующие годы.

В 1930-е гг. большинство населения РСФСР составляли русские. Их количество все время росло в абсолютном и процентном отношениях. Если по переписи 1926 г. в республике проживало 74 042 тыс. (73,4 %), то в 1937 г. – 85 361 тыс. (82,1 %), в 1939 г. уже 90 306 тыс. (82,5 %) [2, с. V; 3, с. 88; 4, с. 59]. За двенадцать лет количество русского населения увеличилось на более чем 16 млн чел. Русские проживали повсеместно. Наиболее высокий их процент фиксировался в Центрально-Промышленном, Западном и Северном регионах. По переписи 1939 г. русские составляли большинство населения в 54 из 66 областей, краев, автономных республик, автономных областей и городов федерального подчинения РСФСР [4, с. 59–68]. Именно русский этнос в годы Великой Отечественной войны составлял большинство в Вооруженных Силах. С января 1941 г. по июль 1943 г. удельный вес русских среди всех народов СССР в рядах Красной армии вырос с 56,4 до 70,2 %, то есть на 13,8 %. В абсолютном значении этот прирост выразился цифрой в 6 070,9 тыс. чел. (с 2 033,8 тыс. до 8 104,7 тыс. чел.). За два с половиной года прирост численности русских в рядах РККА составил 398,5 % [8, с. 84].

Русские и другие народы сражались героически. Для оценки стойкости и мужества войск в войне используется отношение числа погибших воинов к числу сдавшихся в плен. Чем больше это отношение, тем более стойкой считается армия. Так, в самое тяжелое для страны время, с 22 июня по 31 декабря 1941 г., коэффициент стойкости (погибшие/пленные) Красной армии составил 0,34. Это было выше стойкости польской армии в сентябре 1939 г. более чем в два раза, французской армии в мае – июне 1940 г. более чем в пять раз и выше стойкости гитлеровской армии в последние 10 месяцев войны в 1,4 раза [7, с. 257].

Интересно, что в официальных немецких документах периода войны, а затем в мемуарах фашистских генералов и военачальников армий союзных держав, несмотря на многонациональный состав Красной армии, она называлась русской армией, а советские воины – русскими солдатами.

Вторым по численности народом, населявшим республику в конце 1930-х гг., являлись татары. Под этим собирательным термином понимались не только казанские татары, но и иные этнические группы: крымские, астраханские, пермские, сибирские, чепецкие, касимовские и другие татары. Численность татар все время росла, в том числе и за счет включения в данную этническую группу родственных народов. В 1926 г. татар (без близких народов) насчитывалось 2 846 тыс. чел. В 1937 г. в состав татар включили бухарцев и кряшенов, и их численность выросла до 3 087 тыс. По переписи 1939 г. татары-мишари (мишари), тептяри, нагайбаки, кряшены были также определены как татары. Их количество составило 3 901 тыс. чел. (3,6 % от общего числа населения) [2, с. 14; 3, с. 89, 312; 4, с. 59, 246]. Они перегнали

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

украинцев, которые долгие годы составляли вторую по численности этническую группу, после русских.

Это произошло за счет резкого сокращения украинцев на территории РСФСР. Если в середине 1920-х гг. их насчитывалось 7 873 тыс., то во второй половине 1930-х соответственно 3 087 тыс. (1937 г.) и 3 359 тыс., 3,1 % (1939 г.) [2, с. 2; 3, с. 8; 4, с. 59]. Сокращение произошло в 2,5 раза, украинское население России уменьшилось на 4,5 млн человек. Это явление требует объяснения и комментариев. Тем более, что масштабных изменений границ после 1926 г. между РСФСР и Украинской ССР, не было.

Украинцы в 1920-е гг. на территории России проживали компактными ареалами. В трёх приграничных губерниях – Брянской (в 1937–1944 гг. входила в Орловскую область), Воронежской и Курской по переписи 1926 г. их насчитывалось 1 762 043 чел. В Северо-Кавказском крае – 3 106 766, Казахской и Киргизской АССР – 924 950, Сибирском и Дальневосточном краях – 1 142 613 украинцев. Резкое уменьшение их численности во второй половине 1920-х – 1930-е гг. наводит на грустные выводы.

Именно в это время в СССР прошла коллективизация, раскулачивание крестьян и их депортация, от голода погибли миллионы человек. Это были также годы массовых политических репрессий. Голод и террор не спрашивали национальности. От них пострадали представители многих этносов. Только на Северном Кавказе, где компактно проживали украинцы, от голода в начале 1930-х гг., по оценке специалистов, погибло около 1 млн чел. [8, с. 275]. Поэтому первая причина, объясняющая резкое сокращение украинцев в эти годы, состоит в крайне драматичных экзогенных факторах. В 1936 г., как известно, из состава РСФСР вышли Казахская и Киргизская АССР, преобразованные в союзные республики. Около 1 млн украинцев, таким образом, были переведены на статистический учет в других субъектах. Была и третья причина, повлиявшая на сокращение численности украинцев. В 1920-е гг. на Юге страны проводилась так называемая украинизация населения. Искусственное насаждение украинского языка и культуры отчасти совпадало с традициями сельского населения кубанских станиц, которое самоидентифицировало себя с украинским этносом. Это проявлялось в языке, элементах материальной культуры, в том числе в жилище, в одежде, пище, изделиях народных промыслов. По переписи 1926 г. в Армавирском, Кубанском и Черноморском округах Северо-Кавказского края (большая часть будущего Краснодарского края, образованного в 1937 г.) проживало 1 324 450 украинцев. Через двенадцать лет их в Краснодарском крае «осталось» лишь 149 874 чел., или 4,7 %. [2, с. 71, 74, 77; 4 с. 59]. Тогда как украинцы в середине 1920-х гг. составляли более 37 % населения Северо-Кавказского края [2, с. 71–81]. Они за это время «превратились» в русских. Политика украинизации была прекращена.

Белорусы, третий восточнославянский народ, также потерял свою численность. Но сокращения были не такими существенными, как у украинцев.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

В 1926 г. в РСФСР проживало 638 тыс., в 1937 г. – 349 тыс., в 1939 г. – 458 тыс. белорусов (0,4 %) [2, с. 2; 3, с. 88; 4, с. 59]. Уменьшение числа белорусского этноса произошло на 28–45 %.

Увеличилось население коренных народов Поволжья. К концу 1930-х гг., после татар, самыми многочисленными народами были – мордва (мордовцы, мордвины) – 1 376 тыс. (1,2 %), чуваша – 1 346 тыс. (1,2 %), башкиры – 825 тыс. (0,7 %), удмурты (в том числе бесермяне) – 600 тыс. (0,5 %), марийцы – 476 тыс. (0,4 %) чел. [4, с. 59]. На Северном Кавказе крупным народом были чеченцы, они вместе с ингушами составляли этническую группу вайнахов, которая насчитывала 491 тыс. чел. (0,4 %). Крупными этносами являлись осетины – 196 тыс. (0,2 %), кабардинцы – 161 тыс. чел. (0,1 %). Самой полиэтнической республикой оставалась Дагестанская АССР. Десятки аборигенных народов были объединены в собирательную группу «народности Дагестана». Она насчитывала 707 тыс. (0,6 %) чел. В Сибири крупными этносами являлись якуты – 242 тыс. (0,2 %), буряты – 221 тыс. (0,2 %) чел. Зыряне и пермяки в переписи 1939 г. были объединены в один этнос «коми» и насчитывали 415 тыс. чел. (0,4 %). Почти на 400 тыс. за двенадцать лет увеличилось количество евреев (включая крымских и горских). Они насчитывали 957 тыс. чел. (0,9 %). Крупными этносами являлись немцы – 862 тыс. (0,8 %), карелы – 250 тыс. (0,2 %), финны (собственно финны и финны ленинградские) – 139 тыс. (0,1 %), казахи – 357 тыс. (0,3 %), поляки – 147 тыс. (0,1 %), эсты – 132 тыс. (0,1 %) чел. и др. [4, с. 59]

Большинство населения РСФСР в конце 1930-х гг. составляли восточноевропейские народы – русские, украинцы, белорусы. Их доля составляла 86 % от общей численности населения республики. Они были представлены во всех областях, краях, автономных республиках и областях, национальных округах и городах федерального подчинения. Несколько народов также проживали во всех субъектах федерации. Это татары (казанские), евреи, поляки, немцы и цыгане. Такое распределение по территории РСФСР данных этносов объясняется разными причинами, прежде всего, историческими. Немцы и поляки являлись потомками переселенцев XVIII – XIX вв., осваивавших огромные территории Российской империи. Так, немцы, как и представители других европейских народов – чехов, словаков, эстонцев и др., – проживали компактно (колониями), в сельской местности и занимались сельским хозяйством. Поляки, как правило, проживали в городах и являлись специалистами (инженеры, врачи, учителя). Цыгане, которые вели кочевой образ жизни, присутствовали практически во всех регионах страны. Большая часть цыган перешла на оседлость только в 1950-е гг. Евреи после отмены «черты оседлости» в 1917 г. массово начали переселяться, прежде всего, в города. По переписи 1939 г. они занимали вторые места, вслед за русскими, в Москве и Ленинграде среди всех национальностей, обитавших в мегаполисах. В этих двух городах проживало 47 % евреев, от общей численности данного этноса России [4, с. 59, 63]. Присутствие в большинстве

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

регионов евреев, как и татар, говорит о высоких адаптационных качествах этих народов.

РСФСР по размеру территории и численности населения накануне Великой Отечественной войны являлась самой большой республикой СССР. Именно ресурсы Российской Федерации (население, территория, русский характер, военно-промышленный потенциал, аграрный сектор) сыграли решающую роль в победе над фашизмом.

Источники и литература

1. *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. / Н.А. Араловец. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.
2. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. 138 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.
5. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
6. *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки / В.А. Исупов. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
7. *Литвиненко В.В.* Цена войны людские потери на советско-германском фронте / В.В. Литвиненко. М.: Вече, 2015. 304 с.
8. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование/ отв. ред. Е.Ф. Кринко. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. 428 с.
9. *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / Ю.А. Поляков. М.: Наука, 1986. 272 с.

Кропачев Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Россия, г. Москва, rektor@eipk.info

Kropachev Sergey A., Doctor of Sciences (History), Docent, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, rektor@eipk.info

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОЦЕССОВ ЭВАКУАЦИИ И РЕЭВАКУАЦИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация. В статье проанализированы процессы эвакуации и реэвакуации населения Куйбышевской области, а также связанные с ней социально-демографические проблемы. Особое внимание уделено особенностям этого процесса, связанным с тем, что Куйбышев фактически становится военной столицей, в которой были размещены органы центрального государственного и партийного управления, дипломатический корпус. Это привело не только к уплотнению, но и массовому переселению горожан, подобное которому не пережил ни один город страны. Ещё одной особенностью стало наличие в городе одного из наиболее крупных лагерей системы ГУЛАГ – Безымянлага, на территории которого сложилась уникальная ситуация совместного нахождения эвакуированных и заключённых. Реэвакуация породила комплекс противоречий как на уровне органов управления, так и эвакуированных.

Ключевые слова: эвакуация, государственные органы, реэвакуация, социально-демографическая ситуация.

A.I. Repinetsky

**SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS OF THE PROCESSES
OF EVACUATION AND RE-EVACUATION
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON
THE MATERIALS OF THE KUIBYSHEV REGION)**

Abstract. The article analyzes the processes of evacuation and re-evacuation of the population of the Kuibyshev region, as well as the socio-demographic problems associated with it. Particular attention is paid to the peculiarities of this process associated with the fact that Kuibyshev actually became a military capital, in which the central state and party administration, the diplomatic corps were located. This led not only to densification, but also to a mass resettlement of citizens, the likes of which no other city in the country has experienced. Another feature was the presence in the city of one of the largest camps of the Gulag system – Bezymyanlag, on the territory of which a unique situation of joint presence of evacuees and prisoners has developed. The re-evacuation gave rise to a complex of contradictions, both at the level of the governing bodies and the evacuees.

Keywords: evacuation, state bodies, re-evacuation, socio-demographic situation.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

Великая Отечественная война поставила задачу перестройки экономики страны на военные рельсы. Важным аспектом её решения стала эвакуация промышленных предприятий из западных районов страны, оказавшихся под угрозой оккупации. 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации. На него возлагалось руководство «эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудование предприятий и других ценностей» [22].

Регламентировало порядок эвакуации постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июня 1941 г., требовавшее вывоза из районов, находящихся под угрозой оккупации, в первую очередь детских учреждений, квалифицированных кадров рабочих и служащих, лиц пожилого возраста, женщин с детьми, промышленного оборудования, цветных металлов, горючего, хлеба и других ценностей, необходимых для укрепления военной мощи страны [21].

Изменение пространственной организации производства определил «Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и 1942 г.», утверждённый 16 августа 1941 г. Он предусматривал перемещение военного производства с западных районов страны в Поволжье, на Урал, в Западную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию [25, с. 44–48]. По решению Государственного Комитета Обороны (далее – ГКО) в Поволжье было эвакуировано 226 промышленных предприятий, что составило 15 % от их общей численности. На территории Куйбышевской (ныне – Самаркой) области было размещено 125 промышленных предприятий (55,3 % от их численности в Поволжье). 40 наиболее крупных промышленных предприятий были эвакуированы в г. Куйбышев [3, с. 440].

Вместе с промышленными предприятиями прибывали и их работники с семьями. Эта мера имела двоякую цель – спасти советских граждан от нацистского геноцида и как можно быстрее запустить производство на эвакуированных предприятиях. Совет по эвакуации разработал положение о перемещении в тыл рабочих, служащих и их семей. Каждый работник имел право взять 100 кг груза на себя и по 40 кг на каждого члена семьи. Перевозка людей и грузов осуществлялась за счёт государства, на время эвакуации за работниками полностью сохранялась средняя заработная плата. Помимо этого, эвакуированные получали подъёмные из расчёта: месячный оклад – работнику предприятия, как правило, главе семьи, четверть оклада – жене и одну восьмую оклада на каждого неработающего члена семьи [17, с. 140–141].

Военная обстановка корректировала эвакуационные планы. В реальности количество вещей было ограничено. Это определялось как сжатыми сроками эвакуации, так и отсутствием транспорта для перевозки груза. Даже семьям руководителей предприятий разрешили взять вещи весом не более 4 кг на человека [19]. Среди населения господствовала уверенность, что эвакуация продлится несколько месяцев. Эти настроения были закономерным итогом государственной пропаганды, утверждавшей, что Красная армия бы-

стро разобьёт любого агрессора и перенесёт военные действия на его территорию. Поэтому большинство эвакуированных прибывало на новое место жительства имея только ручную кладь и без зимних вещей.

Летом-осенью 1941 г. в города Куйбышевской области постоянно прибывали эшелоны с оборудованием и работниками эвакуированных предприятий. Так, в сентябре 1941 г. в Куйбышев прибыли из Москвы 1 500 вагонов и два каравана барж со станками и оборудованием, а также 6 тыс. рабочих, служащих и членов их семей Первого подшипникового завода [34, л. 947]. В начале августа в Сызрань вместе с оборудованием Людиновского локомотивного завода приехали 3 500 работников и 7 000 членов их семей [11, с. 43]. На 1 января 1942 г. только на станцию Безымянка г. Куйбышева, принимавшей эвакуированные предприятия, прибыло 49 тыс. рабочих и служащих, не считая членов их семей [7, с. 99].

Судьба Куйбышева в годы Великой Отечественной войны уникальна. С одной стороны, он был одним из центров эвакуации промышленности и размещения предприятий ВПК, а с другой – с середины октября 1941 г. до конца августа 1943 г. город выполнял роль военной или временной столицы страны. 15 октября 1941 г. ГКО СССР принял постановление «Об эвакуации столицы СССР из Москвы». Оно гласило: «Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии ГКО постановил: 1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев. 2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, также Правительство во главе с Молотовым (Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке). 3. Немедленно эвакуироваться органам Наркомата Обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба в г. Арзамас» [28, л. 155].

Принятие постановления кардинально изменило ситуацию с эвакуацией. В Куйбышев были эвакуированы часть аппарата ЦК ВКП(б) во главе с секретарём ЦК А.А. Андреевым; Аппарат первого заместителя председателя СНК СССР Н.А. Вознесенского; ЦК ВЛКСМ; Центральный Совет Профсоюзных Союзов; Центральная комиссия по руководству связями тыла с фронтом; Комиссия партийного контроля; Госплан СССР; Генеральный штаб Красной армии; 15 наркоматов оборонной промышленности; информационное агентство СССР; редакции газет «Правда», «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», печатавшиеся на 16 языках союзных республик; семьи высших руководителей государства, в том числе семья И.В. Сталина, полководцев и героев гражданской войны, элита советской культуры.

Эвакопункты зарегистрировали около 300 тыс. чел., въехавших с промышленными предприятиями и по эвакуационным удостоверением, более 80 тыс. служащих государственных учреждений, около 15 тыс. деятелей культуры и членов семей высшего государственного, партийного и военного руководства [33, л. 142, 143].

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

В Куйбышев были эвакуированы 13 дипломатических и 2 военные миссии. В город въехало более 300 дипломатов и иностранных корреспондентов. Для размещения государственных органов и их сотрудников требовались благоустроенные помещения, а согласно международному праву посольства должны были находиться в отдельно стоящих зданиях с прилегающей территорией.

Серьёзной проблемой для местных властей явилось обслуживание транзитных пассажиров. Куйбышев стал основным транзитным пунктом для эшелонов, следующих в Среднюю Азию, Казахстан и на Южный Урал. В первые недели войны пассажиропоток станции Куйбышев составлял от 17 до 22 тыс. чел. в сутки, к концу лета он увеличился до 30 тыс. чел. Помимо эвакуированных с предприятиями в город пребывали толпы беженцев. 85 % беженцев прибыли из Украинской и Белорусской ССР [39, с. 36, 54].

Было ещё одно обстоятельство, делавшее историю Куйбышевской области в военные годы отличной от других регионов страны. В городе размещался одно из наиболее крупных подразделений ГУЛАГа в Европейской части страны – Безымянлаг. К началу Великой Отечественной войны в лагере содержалось 100,7 тыс. заключённых, численность которых возрастала. Фактически на территории Куйбышева располагался ещё один город. «Население» Безымянлага по численности превосходило такие областные центры как Рязань, Вологда, Брянск, ряд столиц автономных республик [5, с. 27–29].

На строительных площадках Безымянки, где возводился комплекс авиационных заводов, совместно трудились рабочие эвакуированных авиапредприятий и заключённые Безымянлага. В районе Безымянки жилой площади практически не было. В связи с этим было принято беспрецедентное решение разместить эвакуированных работников на территории лагеря, используя лагерные бараки. Бараки для заключённых и вольнонаёмных отличали колючей проволокой, но это не спасало от их общения. Оно приводило к эксцессам, связанным как с воровством вещей и документов, так и к установлению дружеских и даже любовных отношений [10, с. 236, 245, 246]. Эвакуированным рабочим, оказавшимся в большинстве без тёплой одежды, последняя была выдана со складов Безымянлага.

Сложилась парадоксальная ситуация, о которой вспоминали работники предприятий Безымянки. Утром на работу двигалась многотысячная толпа людей, одетая в одинаковые ватники и штаны. На проходной проходила сортировка, для которой был избран оригинальный и радикальный способ: работники снимали шапки и имеющие шевелюру шли в одну сторону, лысые, а под ними подразумевались заключённые – в другую [1, с. 326].

Наплыв эвакуированных привёл к резкому обострению продовольственной, жилищной проблем и медицинского обслуживания населения. Для решения жилищной проблемы власти прибегли к широко применявшейся в годы войны практике уплотнения. Владельцам квартир оставлялось не более 5 кв. м. на человека, а подселенцам – 2 кв. м., но и этот минимум выдерживался не всегда [40, л. 38, 39]. Уплотнение происходило не только за счёт

эвакуированных, но и местных жителей. При освобождении зданий для размещения посольств, наркоматов, государственных служащих, советской элиты их жильцы выселялись, и становились подселенцами. Так, благоустроенный трёхэтажный дом в центре города был отдан руководству и солистам Большого театра. Это не могло не вызвать недовольства жителей. Уже к концу осени 1941 г. жилплощади для уплотнения практически не осталось.

Не менее остро стояла и продовольственная проблема. Пекарни области работали круглосуточно, выпекая достаточное количество хлеба. Но часть хлеба направлялась в действующую армию, госучреждения, детские дома и учебные заведения трудовых резервов. Куйбышевский горисполком ежедневно фиксировал недостаток хлеба для населения [36, л. 305]. В воспоминаниях о годах войны постоянно сквозит тема голода. Приведём одно из них. В.Ф. Феденко, фрезеровщик моторостроительного завода № 24 вспоминал: «Все продукты по карточкам, на которые в заводской столовой [давали] крапивный суп и перловую кашу-размазню. ... При выполнении сменного задания нам давали талоны УДП (усиленное диетпитание), по которым нам давали тарелку ячневой каши с чайной ложкой растительного масла... Вот так и жили всю войну...» [38, с. 553].

Отсутствие возможности решить продовольственные и жилищные проблемы потребовало от власти принятия жёстких административных мер. 20 октября 1941 г. Куйбышевский горисполком принял решение запретить въезд в город не прописанным, кроме командированных. Въезд эвакуированных также был ограничен. Исключение было сделано для прибывающих с предприятиями или имевших эвакуационные удостоверения [41, л. 33].

Эти меры ограничили, но не смогли остановить рост населения областной столицы. 28 октября 1941 г. статистическое бюро Куйбышевского области сообщило, что население г. Куйбышева составило 700 тыс. чел. [35, л. 106], что почти в два раза превысило довоенный уровень.

Наибольшая численность эвакуированных, въехавших в область, пришлась на первый военный год. По этому показателю Куйбышевская область заняла пятое место среди регионов РСФСР и второе место в Поволжье, уступив Саратовской области [13, с. 131]. Особенно резко возросла численность городского населения. За годы войны оно выросло с 624 тыс. до 1 205 тыс. чел. [20, с. 131].

Навстречу огромному потоку въезжавших в область двигался гораздо меньший людской поток, её покидавших. В основном это были мобилизованные и добровольцы, направлявшиеся на фронт. Из Куйбышевской области было мобилизовано 380 220 человек, что составило 21,4 % её довоенного взрослого населения [2, с. 58].

Помимо военнообязанных на восток выезжали квалификационные работники для строительства и введение в строй предприятий ВПК. Направление работников на эвакуированные предприятия началось с 1942 г. Так, по распоряжению СНК СССР в конце января 1942 г. Четвертый государственный подшипниковый завод (далее – 4 ГПЗ) отправил 430 рабочих на Са-

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

ратовский подшипниковый завод, а весной оборудование и работники 4 ГПЗ были направлены на подшипниковые заводы Свердловска и Томска [4, с. 168].

Промышленные работники направлялись и в Куйбышев. После ввода в строй авиационных заводов в Куйбышев по распоряжению Наркома внутренних дел были направлены около тысячи высококвалифицированных рабочих с заводов Поволжья и Урала. Их приезд контролировал лично Л.П. Берия [4, с. 22, 23].

Население области столкнулось и с депортацией. 21 ноября 1941 г. СНК СССР принял распоряжение о переселении немцев в отдалённые районы страны, а 27 ноября соответствующее постановление приняло Особое совещание исполкома Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся. Переселение прошло в один день – 5 декабря 1941 г. Из сёл Кошкинского района было выселено 1 677 немецких семей с общим контингентом 7 025 чел. [37, с. 353–354]

После разгрома немецких войск под Москвой начинается постепенное возвращение в столицу правительственных учреждений, а затем и дипломатических миссий, которое растянулось до конца лета 1943 г. Последними в августе 1943 г. Куйбышев покинули дипломатические миссии.

Начало реэвакуации связано с освобождением временно оккупированных территорий. Она проходила двумя способами: организованным и стихийным. Для осуществления государственной реэвакуации требовались вызов работника от местных органов региона, справка НКВД о возможности возвращения на старое место жительства. Реэвакуации не подлежали работники оборонной промышленности и сотрудники НКВД. На местные органы власти возлагалась доставка багажа реэвакуированных на железнодорожные станции.

Опыт войны свидетельствовал, что сосредоточение промышленных предприятий в западных регионах страны чревато негативными последствиями. Это обстоятельство определило решение оставить крупные промышленные предприятия в местах их нового размещения. Фактически полной реэвакуации из Куйбышевской области подверглось только одно крупное предприятие – московский завод «Инжектор», возвратившийся в конце 1942 г. из Сызрани в город Люблино Московской области

Архивные материалы и воспоминания свидетельствуют, что эвакуированное население к возможности возвратиться на старое место жительства отнеслось неоднозначно. Часть эвакуированных стремилась вернуться в места прежнего проживания, используя для этого любые средства. По далеко не полным данным самостоятельно из области выехали 15 тыс. чел. [46, л. 23, 25].

Реэвакуация проходила в более спокойной обстановке, но не избежала негативных явлений, связанных с резким ростом инфекционных заболеваний, превысивших показания первых месяцев войны [26, л. 27]. Это вполне объяснимо тем, что в реэвакуацию направлялись люди, пережившие все тя-

готы войны. Их ослабленный организм не мог сопротивляться инфекционным заболеваниям.

Но многие эвакуированные не желали этого переезда – зачастую на старом месте не осталось никого их близких, а на новом месте они были обеспечены работой, пугала и сложность вторичного переселения. Большое значение на принятие решения о возвращении на прежнее место жительства оказало Постановление СНК СССР от 16 февраля 1942 г. «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток». Оно предусматривало передачу помещений, где до войны жили эвакуированные, в распоряжение местных советов. Это действие не распространялось на частные домовладения. Имущество, находящееся в этих помещениях, могли забрать родственники эвакуированных [23]. Оно остановило многих желающих вернуться на прежнее место жительства, тем более, что многие эвакуированные к этому времени получили собственное жильё (с конца 1942 г. в городе началось массовое жилищное строительство).

Процесс организованной реэвакуации населения начался с зимы 1942 г. и активизировался после принятия Постановления СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации». Над освобождёнными областями было установлено шефство тыловых районов. Куйбышевская область должна была осуществлять шефство над Смоленской, Орловской, Сталинградской областями [24].

В эти области направлялась техника, скот и по специальной разнарядке рабочая сила. В ней чётко указывались профессии лиц, направляемых в освобождённые районы. Так, в январе 1943 г. в Украинскую ССР требовалось направить директоров МТС, агрономов, механиков, бригадиров тракторных бригад, комбайнёров, трактористов, бухгалтеров. Всего в январе 1943 г. в освобождённые районы было направлены 774 специалиста сельского хозяйства: в Украинскую ССР – 616 чел., Сталинградскую область – 109, Краснодарский край – 49 [11, с. 127]. В ноябре на Украину дополнительно было направлено 80 механизаторов [11, с. 178]. Для восстановления Сталинградского тракторного завода из области весной 1943 г. было направлено 500 комсомольцев [32, л. 5]. Руководство области стремилось выполнить разнарядку за счёт эвакуированных, но это удавалось далеко не всегда.

Освобождённым районам требовались не только работники для восстановления промышленности и сельского хозяйства, но и другие специалисты. Особенно востребованы были учителя – в период оккупации большинство детей не училось, а многие учителя как представители советской интеллигенции подверглись репрессиям. Первый выезд 60 учителей состоялся в начале 1943 г. в Смоленскую область. В 1944 г. из Куйбышевской области в освобождённые районы выехало 349 учителей. География их направления была широка: в Москву – 134 учителя, в Московскую область – 56, в Ленинградскую – 50, в Смоленскую – 23, в Орловскую – 13, в Курскую – 2, в Во-

ронежскую – 15, в Калининскую – 4, в Сталинградскую – 48, в Крымскую АССР – 4 [7, с. 226, 251]. Эта помощь оказывалась в условиях острой нехватки учителей в самой Куйбышевской области. До начала 1943 г. в армию ушло 2 600 учителей, 368 были выдвинуты на партийную и комсомольскую работу, 950 – мобилизованы на промышленные предприятия [12, с. 131]. Помощь освобождённым территориям оказывалась и в последующие годы.

Великая Отечественная война кардинально изменила демографическую ситуацию в стране. Массовое движение населения привело к росту инфекционных заболеваний. По РСФСР инфекционными заболеваниями было охвачено 30 % эвакуированных. Нарком здравоохранения Г.А. Митерёв отмечал: «Огромные массы людей двинулись в Приволжскую, Сибирскую Уральскую области и среднеазиатские республики. Это обстоятельство явилось одним из факторов, способствующих росту сыпнотифозных заболеваний» [18, с. 10].

Причинами столь резкого роста числа инфекционных заболеваний помимо скученности населения стал дефицит медицинского персонала и лекарств. К ноябрю 1941 г. медицинская промышленность по сравнению с предвоенным периодом выпустила всего 8,4 % лекарственных средств, 44 % хирургических инструментов [3, с. 440]. Имеющиеся лекарственные средства направлялись в первую очередь в военные госпитали. На оккупированной территории осталось 70 % имевшихся в СССР к началу войны санитарно-бактериологических станций [14, с. 108], к концу 1941 г. на 35 % сократилась численность предприятий фармацевтической промышленности [26, л. 2].

Первые массовые заболевания дизентерией среди населения Куйбышева были зафиксированы летом 1941 г. Численность заболевших по сравнению с весной выросла в 9 раз, летальность составила 12,4 %. Это грозило остановкой промышленных предприятий. Помимо этого, во втором полугодии 1941 г. был зафиксирован рост более чем в 2 раза заболевших брюшным тифом, корью и дифтерией, коклюшем. [42, л. 1, 2; 2, с. 21–23]. В начале января 1942 г. на население обрушился сыпной тиф. В Куйбышеве заболевания сыпным тифом возросло в 7 раз [30, л. 204].

Проблема санитарного состояния города усугублялась несовершенной системой водоснабжения. Изношенное оборудование, резко возросшая нагрузка, вызывавшая постоянные поломки, нехватка хлора и коагулянта для очистки воды приводили к периодическим перебоям водоснабжения.

Ещё одной серьёзной проблемой, оказывавшей негативное влияние на здоровье горожан, стало отсутствия топлива. Имеющиеся запасы направлялись на нужды промышленности. Зимой 1943 г. в городе практически не отапливались жилые дома, а температура на улице опускалась до минус 40 градусов. Трубы в зданиях с центральным отоплением замёрзли [9, л. 8, 49об.]. Эвакуированная в Куйбышев из Воронежа А.В. Данилова вспоминает: «...нас поселили в какой-то барак, где было ужасно холодно. А утром, проснувшись, спавшие у стены, не могли оторваться от неё – наша одежда примерзала к стене у окна» [38, с. 553]. Только страшная усталость орга-

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

низма давала возможность уснуть. Но холод приводил к росту простудных и обострению хронических заболеваний.

К голоду, холоду, болезням, бытовой неустроенности необходимо добавить и психологический аспект – сложная ситуация на фронтах, опасение за судьбу фронтовиков и оставшихся на временно оккупированных территориях ослабляли жизненные силы организма.

Рост смертности начал фиксироваться уже с первых месяцев войны. В 1941 г. более 2/3 смертей пришлось на его вторую половину. В первый год войны убыль населения в тыловых районах в какой-то степени компенсировался рождением детей, зачатых в конце 1940 г. и первой половине 1941 г. Однако в отличие от других регионов в Куйбышевской области уровень смертности превысил рождаемость уже во второй половине 1941 г.

Этот процесс проходил несмотря на то, что область приняла большое количество эвакуированных. Но и они не могли компенсировать крупномасштабные военные мобилизации и повышенную сверхсмертность. Смертность мужчин превышала смертность женского населения. Данная тенденция прослеживается на протяжении всего периода войны. В 1942 г. – самом тяжёлом в годы войны – смертность мужчин в возрасте 15–39 лет составила 33,4 % от их численности, в то время как у женщин – 21,8 %. На одну умершую женщину приходилось 1,8 умерших мужчины [43, л. 2об.].

Более высокая смертность мужчин является демографической закономерностью [15, с. 115–117]. Главными причинами сверхсмертности мужского населения в годы войны стали социальные факторы. Мужчины в первый период войны составляли основу промышленных рабочих, работая на пределе сил. Мобилизация забирала самых здоровых и крепких мужчин, ослабляя жизнестойкость оставшегося мужского контингента.

Основными болезнями, приводившими к летальному исходу, были заболевания органов дыхания, сердечно-сосудистой системы, острые желудочно-кишечные заболевания. Они занимали первые три места по числу умерших. Высок был и производственный травматизм.

Особенно высокая смертность была в раннем детском возрасте и у трудоспособного населения. Почти половина смертей в 1942 г. пришлась на возраст до 5 лет. Неокрепший детский организм не выдерживал тягот военного времени. К 15 годам уровень смертности снижался, а в возрасте 15–19 лет возрастал. В этом возрасте подростки начинали трудовую деятельность на производстве. Работа на пределе сил подтачивала неокрепший организм.

Война привела к высокой младенческой смертности, особенно в первый месяц жизни. Основной её причиной стали преждевременные роды. Ослабленный организм матерей не мог полноценно вынести весь срок беременности. В первые два года войны на них пришлось 59,8 % всех смертей [30, л. 44, 69].

Одним из проявлений демографического кризиса стало падение рождаемости. С весны 1942 г. этот процесс приобрёл катастрофические размеры. Уровень рождаемости сократился почти в два раза, достигнув самого

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

низкого уровня в 1943 г. В этот год рождались дети, чьё зачатие пришлось на самый тяжёлый год войны – 1942 г. По сравнению с 1941 г. уровень рождаемости в области сократился в 2,4 раза. С 1944 г. рождаемость как в стране, так и в области, повысилась, но её уровень так и не достиг предвоенных показателей. В 1945 г. младенцев родилось в 1,8 раза меньше, чем в 1941 г. [8, л. 44] Падение рождаемости в годы войны имело тяжёлые демографические последствия, которые и в настоящее время негативно влияют на демографическое развитие страны.

Сверхсмертность сельского населения, помимо общих причин, была связана с эпидемией септической ангины, охватившей ряд сельских регионов страны, в том числе и Куйбышевскую область. Заболевание, имевшее высокую летальность, вызывало употребление в пищу перезимовавшего в поле и проросшего зерна. Болезнь начиналась с разложения полости рта, которое охватывало весь организм. Куйбышевская область была на одном из первых мест по уровню заболевания септической ангиной.

Высокая смертность от этого заболевания отмечена в 1942 и 1943 гг. Принятые меры – охрана не убранных осенью полей, организация медицинской помощи заболевшим, перепашка полей с неубранным зерном, выдача дополнительного питания больным, – не привели к прекращению эпидемии [31, л. 4об.]. С особой жестокостью эпидемия ударила по детям, которых весной голод гнал на поля [6, с. 3]. Только к 1945 г. эпидемию удалось остановить.

Булат Окуджава в знаменитом стихотворении «До свидания, мальчики» пишет: «Ах, война, что ты, подлая, сделала: / Вместо свадеб – разлуки и дым, / Наши девочки платица белые / Раздарили сестрёнкам своим». Война нанесла сильный удар по семейно-брачному состоянию населения. С каждым военным годом увеличивалась численность вдов. В сельской местности неполная семья, состоящая из матери и несовершеннолетних детей, стала преобладающей. Резко возросла численность семей, состоящих из родителей, потерявших детей [20, с. 249].

В условиях войны и связанных с ней страданий количество заключённых браков сократилось. Крайне негативно на этот процесс влиял постоянно увеличивающийся дисбаланс половой структуры населения со значительным преобладанием женского населения. Но и в эти трудные времена любовь не ушла из жизни людей. Молодость брала своё. Молодые люди влюблялись, заключали браки.

Всего за годы войны в городской местности Куйбышевской области было заключено 20 166 браков. Наибольшее их количество было заключено в последний год войны – 8 595 [47, с. 174], что составило 42,6 % всех браков, заключённых в годы войны. Более половины из них было оформлено во второй половине 1945 г., когда началась массовая демобилизация военнослужащих. Как правило, это были отложенные браки.

Параллельно шёл и процесс роста разводов. За годы войны было расторгнуто 1 998 браков [47, с. 174]. Война поломала многие семьи, и зачас-

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

тую официальный развод только юридически подтверждал распад семьи, происшедший в военные годы.

Резкое ухудшение демографической ситуации в стране вызывало естественное беспокойство правительства. Особенно волновала ситуация в сельской местности. К 1943 г. трудовые ресурсы городов фактически были исчерпаны. Оставалась российская деревня, население которой не только кормило страну и её вооружённые силы, но было основным источником пополнения армии, промышленности, ремесленных училищ. 21 октября 1943 г. СНК СССР издал распоряжение о проведении единовременной переписи сельского населения по полу и возрасту [43, л. 2].

Результаты переписи вскрыли демографическую катастрофу в сельской местности. Всего в Куйбышевской области было учтено 1 679 128 сельских жителей, из них: мужчин – 639 911, женщин – 1 039 217. Мужское население деревни составило всего 38,1 %. Ещё большие проблемы обнажились при анализе возрастно-полового состава сельского населения.

Катастрофическая убыль мужчин повлияла на половозрастной баланс населения. Более половины мужского населения были детьми и подростками, доля которых составила 51,6 %. У женщин удельный вес этих возрастов составил 32,4 %. При этом численность этих возрастных групп была примерно одинакова с небольшим преобладанием женского населения.

Особенно трагичным был дисбаланс мужского и женского населения в возрастных группах 18–24 лет, в которой численность женщин превысила численность мужчин в 4,1 раза и в возрастной группе 25–49 лет, в которой женщин насчитывалось в 3,7 раза больше мужчин. Война буквально выкосила мужское население деревни.

Удельный вес последующих возрастных групп был практически равен значен с небольшим преобладанием доли женского населения: 15,6 % у мужчин и 16,6 % у женщин [43, с. 3, 4].

Демографическое эхо войны продолжает оказывать негативное влияние на демографическое развитие страны. Демографы отмечают усиление социально-демографических проблем в периоды, когда экономически самостоятельным населением становятся «дети войны», «дети детей войны» и т.д. Можно восстановить экономику, возродить разрушенные города и сёла, но восстановить уничтоженный человеческий потенциал, невозможно.

В современных условиях история стала ареной идеологической борьбы. Попыткам массовой фальсификации истории должны быть противопоставлены достоверные исторические факты, сохранение исторической памяти об этом переломном рубеже отечественной и всеобщей истории.

Источники и литература

1. Безымянка. Строки, опалённые войной: книга воспоминаний ветеранов Кировского района г. Самары / гл. ред. И.И. Кашеев. Т. 3. Самара: Б.и., 2002. 792 с.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

2. Бушуева О. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны / О. Бушуева. Самара: РЕАВИЗ, 2012. 187 с.
3. Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
4. Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сборник документов / научн. ред. Л.В. Храмов. Самара: Самарский дом печати, 2005. 303 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия / отв. ред. Ю.А. Поляков. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 207 с.
6. Галимов Ш. Ядовитый каравай / Ш. Галимов // Волжская коммуна. 2004. 28 августа.
7. Годы, опалённые войной: Куйбышевская область. 1941–1945 гг. Хроника событий / отв. сост. А.Г. Удинцев. Самара: ОФОРТ, 2010. 345 с.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. А-374. Оп. 13. Д. 459
9. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 1414.
10. Захарченко А.В. Строго секретно. Особстрой-Безымянлаг. 1940–1946 (Из истории лагерей НКВД СССР в Куйбышевской области) / А.В. Захарченко, А.И. Репинецкий. Самара: НТЦ, 2008. 551 с. <https://doi.org/10.55.355/snv202312310>
11. Здесь тыл был фронтом: сборник документов и материалов / научн. ред. Л.В. Храмов. Самара: Парус, 2000. 351 с.
12. История Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. (1911–2011) / под ред. И.В. Вершинина. Самара: ПГСГА, 2011. 416 с.
13. История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век (1918–1998) / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. М.: Наука, 2000. 232 с.
14. Исупов В.А. Смертность населения в тыловых районах России в 1941–1942 гг. / В.А. Исупов // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: сб. научных трудов / под ред. Ю.А. Полякова. М.: ИРИ РАН, 1994. С. 95–114.
15. Ключкова М.С. Демография / М.С. Ключкова. М.: РИОР, 2011. 285 с.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференция и пленумов ЦК / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. Т. 7. М. Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1978. 574 с.
17. Куманёв Г.А. Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери / Г.А. Куманёв // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 137–146.
18. Митерёв Г.А. Инфекции периода войны / Г.А. Митерёв // Война и здоровье человечества. М.: Знание, 1965. С. 8–20.
19. На их плечах держалось небо. URL: <https://www.kp.ru/best/samara/samaracosmos-viktor-litvinov/?ysclid=lxluedg3xn2655095> (дата обращения: 06.02.2024).
20. Население России в XX веке. Исторические очерки / отв. ред. Ю.А. Поляков. Т. 2. 1940–1959 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 415 с.
21. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. № 1767-770сс «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». URL: <https://www.prilib.ru/item/1348686?ysclid=mlaprrdae2837978337>

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

22. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О создании Совета по эвакуации» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300180> (дата обращения: 11.09.2024).

23. Постановление СНК СССР от 16 февраля 1942 г. «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/311412-ob-osvobozhdenii-zhiloy-ploschadi-mestnyh-sovetov-i-predpriyatii-zanimavsheysya-ranee-rabochimi-i-sluzhaschimi-evakuirovannymi-na-vostok-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-soyuza-ssr-ot-16-fevralya-1942-g-locale-nil-208> (дата обращения: 12.03.2024).

24. Постановление СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации». «Электронная библиотека исторических документов // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/242731-o-vozvrate-kolhozam-skota-evakuirovannogo-v-vostochnye-rayony> (дата обращения: 15.02.2024).

25. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. 754 с.

26. Российский государственный архив в г. Самаре (РГА в г. Самаре). Ф. Р-186. Оп. 1-6. Д. 86.

27. РГА в г. Самаре. Ф. Р-364. Оп. 1-1. Д. 51.

28. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. Р-664. Оп. 2. Д. 23.

29. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 254.

30. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 793.

31. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 6. Д. 132.

32. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 7. Д. 19.

33. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 20. Д. 17.

34. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 153.

35. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 772.

36. СОГАСПИ. Ф. 1870. Оп. 1. Д. 2.

37. Самарское Поволжье в XX веке: сб. документов и материалов. Самара: Самарский научный центр РАН, 2000. 504 с.

38. Строки, опалённые войной. Воспоминание ветеранов г. Самары / гл. ред. И.И. Кашеев. Т. 3. Самара: Самарский дом печати, 2002. 792 с.

39. *Федотов В.В.* Эвакуированное население в Среднем Поволжье в период Великой Отечественной войны. (1941–1945) / В.В. Федотов. Самара: Самарский гос. технический ун-т, 2009. 155 с.

40. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА СО). Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 38.

41. ЦГА СО. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 52.

42. ЦГА СО. Ф. Р-2521. Оп. 10. Д. 37.

43. ЦГА СО. Ф. Р-2521. Оп. 10. Д. 102.

44. ЦГА СО. Ф. Р-2521. Оп. 10. Д. 106.

45. ЦГА СО. Ф. Р-2064. Оп. 2. Д. 198.

46. ЦГА СО. Ф. Р-4072. Оп. 1. Д. 10.

**Раздел 4. Демографические процессы в годы войны
и их последствия**

47. *Шматов Е.И.* Города Среднего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Е.И. Шматов. Самара: Самарская гос. акад. путей сообщения, 2006. 178 с.

Репинецкий Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, г. Самара, a.repinetsky@yandex.ru

Repinetskiy Alexander I., Doctor of Sciences (History), Full Professor, Professor at the Department of Russian History and Archaeology, Samara State University of Social Sciences and Education, Russia, Samara, a.repinetsky@yandex.ru

УДК 94(470)"1941/45"

М.Н. Потемкина

**ПЕРЕМЕЩЕНИЕ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ ИЗ ПРИФРОНТОВОЙ ЗОНЫ
В ТЫЛ В 1941–1942 гг.: ЭВАКУАЦИЯ ИЛИ МОБИЛИЗАЦИЯ?**

Аннотация. Изучение исторического опыта эвакуации рабочих промышленных предприятий в условиях военных конфликтов или стихийных бедствий представляет актуальность для решения задач сегодняшнего дня. В статье проанализированы нормативные документы, регламентировавшие эвакуационных перемещений работников вместе с промышленными предприятиями. Показано, что для этой категории населения эвакуация носила обязательный характер. Выявлены случаи негативного восприятия эвакуационных мероприятий рабочими заводов в прифронтовых городах. Сделан вывод о сходстве и различии статуса эвакуированного и мобилизованного.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, работники промышленных предприятий, мобилизация.

М.Н. Potemkina

**MOVEMENT OF INDUSTRIAL WORKERS
FROM THE FRONT-LINE ZONE TO THE REAR
IN 1941–1942: EVACUATION OR MOBILIZATION?**

Abstract. The study of the historical experience of evacuation of industrial workers in the context of military conflicts or natural disasters is relevant for solving the problems of today. The article analyzes the regulatory documents that governed the evacuation of workers together with industrial enterprises. It is shown that for this category of the popu-

lation evacuation was mandatory. Cases of negative perception of evacuation measures by factory workers in front-line cities are revealed. A conclusion is made about the similarities and differences in the status of the evacuee and the mobilized.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation, industrial workers, mobilization.

Вторая мировая война стала крупнейшей катастрофой XX в. Поскольку война носила затяжной и тотальный характер, то победа в ней определялась не только в ходе военного противостояния армий, но и в противостоянии экономических потенциалов. Одним из источников эффективного функционирования военной экономики стала эвакуация промышленных предприятий вместе с рабочей силой из прифронтовой зоны в восточные регионы СССР.

Проблема эвакуации людских ресурсов в первый период Великой Отечественной войны стала предметом специального рассмотрения к началу 1980-х гг. [6] При рассмотрении эвакуационных процессов в отечественной историографии социальная группа «работники промышленных предприятий», как правило, не выделялась в отдельную категорию [5]. В современной исторической науке существует немало исследований, посвященных эвакуации и эвакуированному населению на материалах конкретных регионов (Урал, Сибирь, Татарская ССР) [4; 11; 12]. Отсутствие специального исследования, проясняющего особенности эвакуации работников промышленных предприятий в 1941–1942 гг. продиктовало научную актуальность данной работы.

Источниковую основу исследования составили опубликованные законодательные акты, документы, извлеченные из Российского архива новейшей истории, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации.

Среди миграционных потоков принципиально большое значение для бесперебойной работы оборонных заводов имела эвакуация квалифицированной рабочей силы в тыловые регионы страны. Поскольку эвакуационные мероприятия не были подготовлены, то механизм вывоза людей из прифронтовой зоны в тыловые районы страны пришлось формировать методом проб и ошибок уже после начала войны. В первые дни войны была начата эвакуация в тыл промышленного оборудования, сырья, материальных и культурных ценностей, населения. 24 июня 1941 г. для организации процесса эвакуации и осуществления координации различных ведомств по реализации эвакуационных мероприятий постановлением ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР при СНК СССР был создан Совет по эвакуации. В составе Совета были сформированы 10 групп, 4 из которых должны были контролировать эвакуацию промышленных объектов. При перебазировке промышленных предприятий предполагалось перемещение рабочей силы.

Общая стратегия перемещения материальных и людских ресурсов была изложена в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

«О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» [9, с. 208]. В постановлении были обозначены органы, ответственные за принятие решений об эвакуации и за обеспечение перемещения в тыловые регионы страны. Первоочередной категорией населения, подлежащей эвакуации, были определены «квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями».

Регламентирующими порядок эвакуации документами стали три секретных Постановления СНК Союза ССР от 5 июля 1941 г., одно из которых за № 1821-815сс касалось конкретно эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий. В соответствии с этим документом, в ходе организации эвакуации населения работники промышленных предприятий выделялись в отдельную категорию и были лишены права самостоятельно принимать решение об эвакуации. Осуществление эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий и их семей и обеспечение их в пути питанием и прочим возлагалось на народные комиссариаты и директоров предприятий. Местному военному командованию и наркомату путей сообщения вменялось в обязанность направлять рабочих и служащих эвакуированных предприятий, по возможности, одновременно с эвакуацией оборудования [2, л. 34].

Проведенный анализ архивных источников позволяет констатировать, что, по сравнению с другими категориями эвакуировавшегося населения для работников промышленных предприятий эвакуация носила обязательный характер, но они имели ряд льгот и преимуществ. Невозможность отказа от эвакуации при перемещении предприятия была законодательно закреплена постановлением СНК СССР от 23 июля 1941 г. «О предоставлении Совнаркомом республик и край(обл)исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу». В документе было прописано, что отказ от эвакуации должен трактоваться как самовольный уход, а виновные подлежали судебной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. [8, с. 83–84].

В то же самое время, работники, эвакуирующиеся вместе с предприятиями, имели определенную степень защищенности: они сохраняли место работы, каждый работник предприятия при эвакуации имел право взять 100 кг груза на себя и по 40 кг – на каждого члена семьи, имели право на компенсационные выплаты в размере месячного оклада на главу семьи – работника предприятия, 1/4 – на его жену, по 1/8 на каждого из остальных членов семьи, работникам сохранялся трудовой стаж, за период эвакуационных перемещений и до пуска предприятия на новом месте работнику выплачивалась зарплата по среднему показателю, по прибытию на новое место предприятие должно было обеспечить работникам жилье. Перевозка людей и грузов производилась за счет государства.

Все вышеназванные нормативно-правовые документы практически ставили инженерно-технические кадры, рабочих и служащих эвакуируемых предприятий в статус мобилизованных. Этот термин уже встречался в по-

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

становлениях центральной власти об эвакуации конкретных заводов с июля 1941 г.: «Установить обязательный перевод кадров с перебрасываемых заводов в порядке мобилизации» [9, л. 103],

В ходе перебазирования в силу ряда причин (мобилизация в действующую армию, гибель под бомбежками, нехватка времени и транспортных средств и др.) в эвакуацию отправлялась только часть работников, приоритет отдавался инженерно-техническим кадрам и высококвалифицированным рабочим. Следует отдельно сказать о членах семей работников промышленных предприятий. В документах отдельных наркоматов был определен порядок перевозки кадров: в первую очередь – рабочие, инженерно-технические работники, служащие со своими цехами, во вторую очередь – семьи, после вывоза всего имущества завода [13, л. 88–90]. Учитывая сложную военную обстановку на прифронтовой территории, члены семей работников не всегда могли быть эвакуированы.

Эвакуация осуществлялась всеми видами транспорта: железнодорожным, авиационным и речным, но основная тяжесть перевозок легла на железные дороги [10]. Ветеран Кировского завода Василий Гусев вспоминал, что вывозили их из Ленинграда на самолетах ночью: из 14 самолетов долетело 11, обстреляли и самолет, в котором летел Василий, двух человек ранило. А потом ещё 29 суток добирались до Челябинска на поезде [7]. Как правило, рабочие ехали в тех же эшелонах, в которых перевозилось оборудование завода. Тем более, что из работников завода назначались ответственные за сохранность промышленного оборудования в пути.

По мере приближения линии фронта в октябре 1941 г. было принято решение о демонтаже оборудования предприятий города Иваново и подготовке его к эвакуации. Эвакуационные мероприятия были начаты в обстановке секретности, рабочим местное начальство ничего не объясняло. В условиях отсутствия информации по городу стали распространяться слухи о бегстве из города руководителей фабрик и партийных чиновников. Рабочие боялись остаться без средств к существованию, если оборудование вывезут, а предприятия взорвут. Вот типичные высказывания рабочих: «Все главные сбежали из города, а мы остаёмся одни», «Наркомат текстильной промышленности, НКВД, обком вывезли свои семьи, а наши остались» [14, л. 127].

На Меланжевом комбинате, на фабриках им. Дзержинского и им. Балашова и частично на некоторых других 19–20 октября 1941 г. произошли массовые беспорядки: рабочие разбивали упаковки с оборудованием, бросали работу, избивали начальство и т.д. [14, л. 127]. Ситуация была взята под контроль после разъяснительной работы, ареста зачинщиков беспорядков, наказания местных руководителей, допустивших массовые беспорядки в городе.

При подготовке к эвакуации тульских заводов некоторая часть работников, подлежавших отправке, пытались остаться на прежнем месте: кто-то стремился оборонять родной город с оружием в руках, кто-то не хотел бросать нажитое имущество. Для обеспечения отъезда рабочих в районы эва-

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

куации руководство заводов и органы милиции применило административно-карательные меры. Постановление городского комитета обороны от 10 ноября 1941 г. определяло: «Уклонившихся от эвакуации и выезда по месту работы считать дезертирами, вражескими пособниками, тормозящими развертывание и выпуск вооружения для Красной армии. Злостных дезертиров арестовывать и предавать суду военного трибунала» [3, с. 294].

Эвакуация проходила в сложной военной обстановке, сочетавшей в себе проявления стихийности и организованности и сопровождалась как мерами самоотверженности людей, так и протестными практиками.

Сопоставим понятия «эвакуация» и «трудовая мобилизация».

Трудовая мобилизация – это принудительное привлечение населения к широкому спектру работ на основе нормативно-правовых актов при чрезвычайной ситуации или в военное время. Иногда трудовая мобилизация связана с перемещением граждан в другой регион, например мобилизация трудоспособного населения из Среднеазиатского военного округа для работы на промышленных предприятиях и стройках Урала и Сибири. Но эти перемещения происходили внутри территории глубокого тыла, а эвакуация производилась из прифронтовой зоны, угрожаемой оккупацией противником.

Но, если «мобилизация» (в документах военного времени используется также термин «трудовая повинность») может рассматриваться как процесс, то термин «мобилизованный» можно трактовать как определенный социальный статус, характеризующийся некоторыми правами и обязанностями.

Что касается эвакуированных работников, чье перемещение происходило вместе с предприятиями, то, с правовой точки зрения, все они стали мобилизованными в соответствии принятыми в декабре 1941 – феврале 1942 г. нормативно-правовыми документами. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» закреплял для постоянной работы работников оборонных отраслей экономики и отраслей, обеспечивающих военное производство. Самовольный уход квалифицировался как дезертирство, рассматривался военными трибуналами и должен был караться тюремным заключением от 3 до 8 лет [15, с. 247–248]. В феврале 1942 г. мобилизации было подвергнуто всё трудоспособное городское население [1, с. 184], а это значит, что в эту категорию попали работники и всех остальных эвакуированных промышленных предприятий.

В заключение отметим, что из всех категорий эвакуированных, правовое положение работников эвакуировавшихся промышленных предприятий было изначально ближе всего к положению мобилизованных в ракурсе запретов на свободу передвижения.

Источники и литература

1. *Гончаров Г.А.* Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны / Г.А. Гончаров // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 6, ч. 1. С. 183–186.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-259сч. Оп. 40. Д. 3022.
3. *Данилов В.Н.* Война и власть: чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны / В.Н. Данилов. Саратов: Изд-во Поволж. фил. Рос. учеб. центра, 1996. 391 с.
4. *Кабирова А.Ш.* Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.) / А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 507 с.
5. *Куманев Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 гг. / Г.А. Куманев // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.
6. *Лихоманов М.И.* Партийное руководство эвакуацией в период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. / М.И. Лихоманов, Л.Т. Позина, Е.И. Финогенов. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1985. 169 с.
7. *Нахтигаль Т.* Василий Васильевич Гусев / Т. Нахтигаль // За трудовую доблесть. 1985. 8 января.
8. Постановление СНК СССР от 23 июля 1941 г. «О предоставлении Совнаркомом республик и край(обл)исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу» // Трудовое законодательство военного времени. М.: Профиздат, 1942. С. 83–84.
9. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.
10. *Потемкина М.Н.* Дорога в эвакуацию: опыт реконструкции железнодорожных перевозок населения в условиях Великой Отечественной войны / М.Н. Потемкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4(34). С. 107–118.
11. *Потемкина М.Н.* Эваконаселение в уральском тылу (1941–1948 гг.) / М.Н. Потемкина. Магнитогорск: Магнитогорский гос. ун-т, 2006. 264 с.
12. *Романов Р.Е.* Социально-трудовые перемещения эваконаселения в Западно-сибирском тылу (1941–1945): ограничения и стимулы / Р.Е. Романов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 146–156.
13. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 46. Д. 32.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 573.
15. Указ Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2. С. 247–248.

Потемкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова; ведущий научный сотрудник, Центр экономической и социальной истории, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Магнитогорск, mpotemkina@mail.ru

Potemkina Marina N., Doctor of Sciences (History), Full Professor, Professor at the Department of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University; Leading Researcher, Center for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Magnitogorsk, mpotemkina@mail.ru

УДК 94(470.34)"1941/45"

Н.В. Чернышева

**РЕЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ОБЛАСТЕЙ
И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА**

Аннотация. Цель статьи – на основе материалов Волго-Вятского региона дать характеристику процесса реэвакуации населения в период Великой Отечественной войны. Автор кратко останавливается на историографии вопроса, категориях реэвакуированного населения и на самом процессе реэвакуации. На период войны приходится два этапа реэвакуации: декабрь 1942 – осень 1943 гг. и зима 1943–1944 гг. – май 1945 г. Эвакуированные составляли около 6,0–6,4 % населения Волго-Вятского региона. С начала 1943 г. и до июня 1945 г. из региона реэвакуировалось большинство прибывшего по эвакуации населения (432,6 тыс. чел.).

Ключевые слова: реэвакуация, население, Волго-Вятский регион, Великая Отечественная война.

N.V. Chernysheva

**RE-EVACUATION OF THE POPULATION DURING THE GREAT
PATRIOTIC WAR: THE EXPERIENCE OF THE REGIONS
AND AUTONOMOUS REPUBLICS OF THE VOLGA-VYATKA REGION**

Abstract. The purpose of the article is to characterize the process of re-evacuation of the population during the Great Patriotic War based on the materials of the Volga-Vyatka region. The author briefly dwells on the historiography of the issue, the categories of the re-evacuated population and the process of re-evacuation itself. There are two stages of re-evacuation during the war: December 1942 – autumn 1943 and 1943–1944 – May 1945. The evacuees constituted about 6.0–6.4% of the population of the Volga-Vyatka region. From the beginning of 1943 until June 1945, the majority of the evacuated population (432.6 thousand people) were re-evacuated from the region.

Keywords: re-evacuation, population, Volga-Vyatka region, Great Patriotic War.

На сегодняшний день тема реэвакуации населения в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы по-прежнему остается недостаточно изученной. Последние десятилетия крен в этом направлении смещен в сторону региональных исследований, что во многом объективно. Источниковая база, на наш взгляд, позволяет наиболее полно и всесторонне изучить данную проблему именно с привлечением региональных источников, причем, с двух сторон: с места эвакуации и места возвращения эвакуированных. Это создает определенные трудности для исследователей. Цель статьи – на основе материалов Волго-Вятского региона дать характеристику процесса реэвакуации населения в период Великой Отечественной войны.

В историографии вопроса можно выделить два исследовательских этапа: советский и постсоветский. В советский период преимущественно о реэвакуации упоминали в контексте эвакуационных процессов, уделяя особое внимание вопросам перемещения, хозяйственного устройства эвакуированного населения и партийного контроля [2; 12; 14]. В постсоветский период тема эвакуации и реэвакуации рассмотрена более детально в сборнике, посвященном итогам юбилейной конференции «Людские потери СССР в период Второй мировой войны», а также в работе «Население России в XX веке: в 3-х томах. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки» [13; 15]. Проблемы эвакуации и реэвакуации населения рассмотрены в отдельных статьях и иного рода исследованиях Г.А. Куманевым, М.Н. Потемкиной, П.П. Даниловым и др. [8; 11; 19–20]

В 2000-е гг. было издано несколько работ регионального характера, затрагивающих демографические аспекты эвакуации и реэвакуации [1; 25; 27]. Исследователями рассмотрены процессы приема и размещения эвакуированных, представлен анализ взаимоотношений с местным населением, условий труда.

Демографические аспекты эвакуации и реэвакуации населения (численность и состав эвакуированных и реэвакуированных, в том числе трудовых ресурсов, прибытие и размещение, отчасти национальный состав и иные) представлены в трудах С.О. Козурман, Г.Е. Корнилова, Л.И. Снегиревой, М.Н. Потемкиной [9–10; 18; 24].

Оценки масштабов эвакуации населения в тыл существенно разнятся и определяются авторами в размерах от 6 до 25 млн чел. По данным Переселенческого управления при СНК СССР за 1943 г. реэвакуировалось в освобожденные районы около 1 млн чел., за 1944 г. – более 2 млн чел., за 1945 г. – более 1 млн 200 тыс. чел., за 1946 г. – 441 729 чел. [3, л. 15]

Реэвакуация – процесс вывоза эвакуированного населения, а также материальных и нематериальных ценностей в районы прежнего местонахождения. Реэвакуация как процесс тесно связан с эвакуацией.

М.Н. Потемкина выделяет 4 этапа реэвакуации, два из которых, как отмечалось выше, приходились на период военного времени. Декабрь 1942 – осень 1943 гг. – реэвакуация носила персональный характер, проходила параллельно с эвакуацией. Зима 1943–1944 гг. – май 1945 г. – реэвакуация, в

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

основном, носила организованный и массовый характер. Май 1945 – лето 1946 г. – массовая реэвакуация в мирное время, реализовывалась планомерно. Лето 1946 – 1948 г. – разрешено свободное передвижение, реэвакуация приобретала самостоятельный характер [20, с. 309].

Планы реэвакуации на втором этапе предусматривали не только отправку в установленные сроки контингента с конкретных станций в определенные регионы, но и предусматривали подготовительные мероприятия (обеспечение питанием, медицинским обслуживанием, выдачу денежного пособия, организацию провоза багажа и т.д.).

Говоря о формах реэвакуации можно выделить плановую и внеплановую. К первой относился контингент эвакуированного населения, который перемещался в обратном порядке под контролем государственных и партийных структур. Ко второй – самостоятельно перемещающиеся и незаконно реэвакуированные [9, с. 119].

В то же время, разграничить реэвакуационные потоки можно путем выделения направлений: реэвакуация партийных, советских и комсомольских кадров; реэвакуация специалистов народного хозяйства; массовая реэвакуация населения; частная реэвакуация.

Условием массовой реэвакуации населения было освобождение территорий СССР от оккупации. Зимой 1943 г. началась разработка единого долгосрочного плана восстановительных работ, включавшего механизмы реэвакуации. В 1943–1944 гг. принимается ряд нормативно-правовых актов, направленных на регулирование хозяйственной деятельности на освобожденных территориях, а также определение положения реэвакуированных граждан [16; 21–22]. Реэвакуированным устанавливались компенсации и гарантии, утвержденные постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1931 г. [17].

До начала 1943 г. данные о количестве эвакуированного в Волго-Вятский регион контингента не являются полными. Во всяком случае пик эвакуации пришелся на 1942 г., однако в течение года ситуация в территориальных образованиях не была однородна. Например, в Горьковской области к 1 мая 1942 г. размещалось 143,8 тыс. эвакуированных, а к 1 декабря 1942 г. – 185,8 тыс. В Кировской области к 1 января 1942 г. – 231,5 тыс., а к августу 1942 г. – 177,8 тыс. В Волго-Вятский регион эвакуированные прибывали преимущественно из Центральной России, Северо-Западного района РСФСР, Карело-Финской ССР, БССР, УССР, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. В Горьковскую область прибывало население столицы и Московской области, в Кировскую область – г. Ленинграда и Ленинградской области. География вселения в дальнейшем будет влиять на обратный миграционный поток.

В Горьковскую область эвакуировалось 100 заводов, высшие учебные и научные заведения, учреждения культуры и др. В Кировскую область прибыло 115 эвакуированных предприятий и учреждений. В Марийскую АССР

**Раздел 4. Демографические процессы в годы войны
и их последствия**

– 27 промышленных предприятий, в Мордовскую АССР – 17. В Чувашскую АССР основной поток эвакуопредприятий прибыл летом 1941 г. – 28.

В регион прибывали детские дома и интернаты. В Горьковской области разместили детей 86 детских домов и интернатов и 72,9 тыс. детей, прибывших с родителями [26, с. 77]. В 1941 г. в Кировскую область прибыло 205 детских интернатов, в том числе 65 школьных, 16 дошкольных и 123 смешанных с общим количеством 22 855 чел. По состоянию на 25 ноября 1942 г. в Марийской АССР действовало 22 детских эвакуированных учреждения с количеством 2 415 воспитанников. В Мордовской АССР располагалось более 20 детских учреждений (около 3 тыс. детей). За 1941–1942 гг. в Чувашскую АССР было эвакуировано 3 детдома (388 чел.), 3 спецшколы-интерната для глухонемых и слепых (219 чел.) и 9 интернатов-яслей (493 чел.) [29, с. 334–337].

К 1 января 1943 г. в Волго-Вятском регионе числилось 554,0 тыс. эвакуированных. Наибольшее количество размещалось в Кировской и Горьковской областях. Среди эвакуированных треть составляли дети (178,7 тыс. чел. или 32,3 %). Почти 3/4 эвакуированных размещалось в сельской местности (см. *таблицу 1*).

Таблица 1

**Эвакуированный контингент в территориальных образованиях
Волго-Вятского региона по данным учета на 1 января 1943 г., тыс. чел.***

Территориальные единицы	Эвакуировано населения	в том числе детей	Прожило в городской местности	Прожило в сельской местности
Горьковская область	186,2	81,9	60,6	125,6
Кировская область	198,6	21,6	48,8	149,8
Марийская АССР	28,7	13,0	8,3	20,4
Мордовская АССР	69,7	31,2	7,1	62,6
Чувашская АССР	70,8	31,0	17,6	53,2

* Источник: [3, л. 152].

Первоочередность отдавалась реэвакуации предприятий. Сельские эвакуированные были привязаны к уборке урожая и другим сельхозработам. Данное обстоятельство учитывалось при определении сроков реэвакуации.

Весной 1944 г. СНК РСФСР было введено ограничение на массовое возвращение эвакуированного населения в районы, освобожденные от немецкой оккупации [6, л. 19]. На конец декабря 1941 г. в Волго-Вятском регионе проживало 484,1 тыс. эвакуированных, к началу 1943 г. их насчитывалось 554,0 тыс., через год – 395,1 тыс., а к июню 1945 г. – 132,4 тыс. [3, л. 152; 4, л. 6–7; 5, л. 32; 7, л. 100–102]. Следовательно, за 2,5 года из региона реэвакуировался основной поток – 421,6 тыс. чел.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

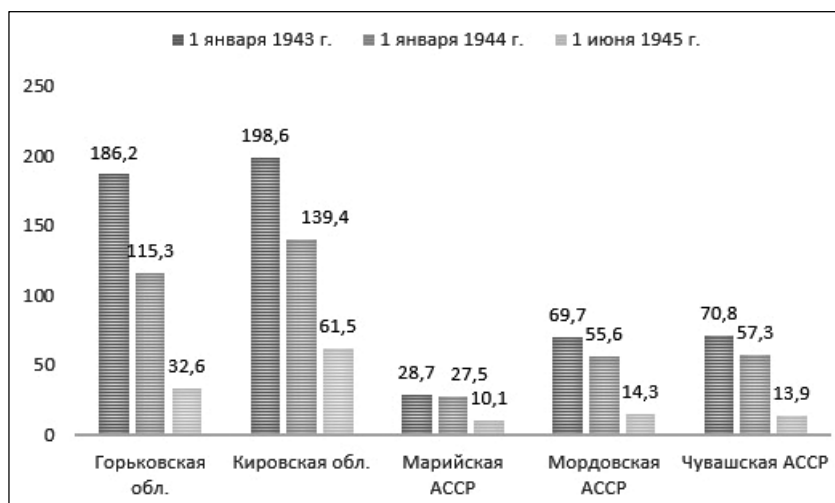

Рис. 1. Численность эвакуированного населения в Волго-Вятский регион (1943–1945 гг.), тыс. чел.
Источник: [3, л. 152; 4, л. 6–7; 5, л. 32; 7, л. 100–102]

До начала 1944 г. из Волго-Вятского региона реэвакуации подлежало, в основном, городское население. В сельской местности реэвакуация осуществлялась медленнее. Наиболее интенсивно население реэвакуировалось в первой половине 1945 г. и к 1 июня 1945 г. в Горьковской области оставалось 17,5 % (32,6 тыс.), в Кировской области – 30,9 % (61,5 тыс.), в Марийской АССР – 35,2 % (10,1 тыс.), в Мордовской АССР – 20,5 % (14,3 тыс.), в Чувашской АССР – 19,6 % (13,9 тыс.) эвакуированных [29, с. 357].

В октябре – ноябре 1944 г. и марте – апреле 1945 г. в Карело-Финскую ССР организовали отправку 91 790 эвакуированных, в том числе из Горьковской области – 430 чел., Кировской области – 13 500 чел., Мордовской АССР – 714 чел., Чувашской АССР – 1 802 чел. [6, л. 37]. В эти же сроки реэвакуировалось население в Эстонскую ССР в количестве 12 879 чел., в том числе из Горьковской области – 494 чел., Кировской области – 544 чел., Марийской АССР – 740 чел., Мордовской АССР – 24, Чувашской АССР – 1 200 [6, л. 92–93]. Жители Ленинградской и Калининской областей были реэвакуированы в августе 1944 г. в количестве 29 892 чел. и 2 793 чел. соответственно.

Ряд сведений о реэвакуации предприятий, организаций и учреждений позволяют судить об организации процесса возвращения. В начале 1944 г. началась подготовка к реэвакуации Военно-морской медицинской академии из г. Кирова в г. Ленинград. В г. Ленинград возвращались преподаватели, курсанты, а также материальная база учебного заведения [28, с. 200–203].

Осенью 1944 г. в город на Неве вернулась Государственная академическая капелла им. Глинки.

Часть производства и работников оставалась на местах и не была реэвакуирована. Например, заводы «Красный Инструментальщик», завод № 266, завод № 32, Шинный завод остались в Кировской области и являлись одними из крупнейших предприятий области.

В частном порядке граждане обращались в облисполкомы и совнаркомы автономных республик с просьбами о возвращении. В региональных архивах сохранились подобного рода обращения эвакуированных.

Несмотря на попытки организовать процесс реэвакуации и обеспечить санитарно-эпидемиологический контроль за перемещающимися, на местах было немало трудностей: транспорт задерживался, часть граждан снимали с эшелонов по причине болезни, сложности были и с доставкой эвакуированных к местам отправления.

О подобной ситуации в Наркомат здравоохранения РСФСР докладывали сотрудники Горьковского областного отдела здравоохранения: «Отправка в Ленинградскую и Калининскую области задерживается из-за отсутствия и недостаточной подготовки вагонов. На 1 октября 1944 г. из области отправлено 3,5 тыс. чел., когда по плану 10 тыс. Задержка отправки от 5 до 8 дней. Это создает опасное медицинское состояние... За это время у части реэвакуированных обнаружены вши» [6, л. 64–64об.].

3 сентября 1944 г. Государственный Комитет Оборона принял Постановление № 6496с «Об ограничении в 1944 г. реэвакуации в г. Ленинград учреждений, институтов, предприятий и рабочей силы» [23, л. 21–29]. До 1 января 1945 г. вводились ограничения на прибывающий контингент – общая численность населения города не должна была превышать 950 тыс. чел. В г. Ленинграде не было возможности в такие сжатые сроки обеспечить прибывающее население жильем и решить коммунальные трудности. Кроме того, замораживались уже принятые постановления на реэвакуацию предприятий и учреждений и прибывающих с ними рабочих и служащих отдельных наркоматов и ведомств.

В районах принятия реэвакуированных действовали эвакупункты. В их задачу входила организация медицинского осмотра прибывших, их санитарная обработка, а в необходимых на то случаях изоляция и госпитализация заболевших, организация питания. Прибывшим должно было предоставляться жилье и в течение 25 дней организовывалось медицинское наблюдение [6, л. 3, 31–33]. В условиях нехватки медицинского персонала, разрушенных городов и сел существовало немало трудностей с реализацией данных решений.

Таким образом, эвакуационно-реэвакуационные процессы в годы войны протекали с определенной периодичностью. На территорию Волго-Вятского региона были эвакуированы крупные промышленные предприятия, учреждения науки, культуры и образования, социальные учреждения, наркоматы и ведомства, часть которых не подлежала реэвакуации.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

Резэвакуация проводилась как в плановом порядке, так и самостоятельно. В некоторых случаях государство вводило ограничения на возвращение, которое должно было соответствовать плану восстановительных работ на освобожденных территориях. С начала 1943 г. до лета 1945 г. большинство контингента, размещенного в регионе, было резэвакуировано.

Источники и литература

1. *Афанасьева Ю.Л.* Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны (на примере Курской области): дис. ... канд. ист. наук / Ю.Л. Афанасьева. Курск, 2002. 209 с.
2. *Белоносов И.И.* Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1945 гг. / И.И. Белоносов // Эшелоны идут на Восток. История перебазирования производительных сил СССР в 1941–1945 гг.: сб. науч. статей. М.: Наука, 1966. С. 15–30.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. А-327. Оп. 2. Д. 18.
4. ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404.
5. ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 423.
6. ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 2342.
7. ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 481.
8. *Данилов П.П.* Эвакуация населения из Ленинграда в 1941–1943 гг. / П.П. Данилов // Отечественная история. 2006. № 3. С. 55–64.
9. *Козурман С.О.* Формы резэвакуации населения из Саратовской области в годы Великой Отечественной войны / С.О. Козурман // Известия Саратовского государственного университета. Серия: История, международные отношения. 2011. Т. 11. № 1. С. 113–120.
10. *Корнилов Г.Е.* Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны / Г.Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 112–121.
11. *Куманев Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 гг. / Г.А. Куманев // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.
12. *Лихоманов Н.И.* Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) / Н.И. Лихоманов., Л.Т. Позина, Е.И. Финоянов. Л.: ЛГУ, 1985. 168 с.
13. Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сб. статей. СПб.: Блиц, 1995. 190 с.
14. *Мунчаев Ш.М.* Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны / Ш.М. Мунчаев // История СССР. 1975. № 3. С. 133–141.
15. Население России в XX веке: в 3-х т. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2002. 463 с.
16. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 14-ти томах. Т. 6. 1941–1954 гг. 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П.Н. Федосеева и К.У. Черненко. М.: Политиздат, 1971. С. 465.
17. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 23 ноября 1931 г. № 23 / 937 «О компенсациях и гарантиях при переводе, приеме вновь и направлении на работу

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

в другие местности». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4426#0929519009458308> (дата обращения: 22.08.2022).

18. *Потемкина М.Н.* Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны / М.Н. Потемкина // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. Сб. статей X Уральского демографического форума. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. С. 139–140.

19. *Потемкина М.Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы / М.Н. Потемкина. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 265 с.

20. *Потемкина М.Н.* Эвакуационно-резэвакуационные процессы и эвакуационное население на Урале в 1941–1948 гг.: дис. ... д-ра ист. наук / М.Н. Потемкина. Екатеринбург, 2004. 466 с.

21. Решение СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 16 августа 1944 г. «О компенсации при возвращении работников из эвакуации к месту прежней работы» // Указатель важнейших решений партии и правительства во время Великой Отечественной войны / сост. Е.Н. Морозова, Ю.К. Стрижков. Вып. 2. М.: Институт истории СССР, 1980. С. 250.

22. Решение СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 23 января 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов» // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов: в 4-х т. Т. 2. 1929–1945 гг. М.: Госполитиздат, 1957. С. 746–750.

23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 301.

24. *Снегирева Л.И.* Резэвакуация детей и детских учреждений из Западно-Сибирского региона (1942–1945 годы) / Л.И. Снегирева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 8. С. 157–169.

25. *Снегирева Л.И.* Резэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Л.И. Снегирева, Т.А. Сафонова // Вестник ТГПУ. Гуманитарные науки. 2004. Вып. 4. С. 22–30.

26. *Федотов В.В.* Эвакуированное население в Горьковской области (1941–1945 гг.) / В.В. Федотов // Манускрипт. 2019. № 6. Т. 12. С. 76–80. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.14>.

27. *Федотов В.В.* Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности: дис. ... канд. ист. наук / В.В. Федотов. Самара, 2004. 201 с.

28. *Чернышева Н.В.* Кировская область и эвакуация из Ленинграда / Н.В. Чернышева // Побратимы / отв. ред. Ю.З. Кантор. М.: Полит. энциклопедия, 2019. С. 181–210.

29. *Чернышева Н.В.* Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук / Н.В. Чернышева. СПб., 2023. 516 с.

Чернышева Наталья Викторовна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела исторической демографии, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия, г. Москва, natiche84@mail.ru

**Раздел 4. Демографические процессы в годы войны
и их последствия**

Chernysheva Natalia V., Doctor of Sciences (History), Docent, Chief Researcher at the Department of Historical Demography, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, natiche84@mail.ru

УДК 314.148(47+57)"1939/45"

А.С. Бушув

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПОТЕРЬ КРАСНОЙ АРМИИ
СРЕДИ УРОЖЕНЦЕВ РСФСР В ХОДЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОЛЬШИ
И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ**

Аннотация. В статье рассмотрены особенности демографического состава боевых потерь Красной армии, понесенных в ходе освобождения Польши на Сувалкском направлении летом 1944 – зимой 1944/1945 гг. Изучено соотношение потерь военнослужащих разных возрастов с соответствующими возрастными группами довоенного населения по результатам Всесоюзной переписи населения 1939 г. в регионах РСФСР, уроженцами которых являются погибшие. Установлен объем влияния потерь РККА на деформацию возрастной структуры разных регионов. Показано, что потери завершающего этапа Великой Отечественной войны наиболее сильно сократили поколение мужчин, которым в 1939 г. было от 13 до 24 лет. В региональном разрезе зафиксирована повышенная потеря мужчин молодых возрастов в Сибири, Поволжье и на Северном Кавказе, мужчин среднего возраста – в Центральном Черноземье и Волго-Вятском регионе, старших возрастов – в Северо-Западном, Центральном и Центрально-Черноземном районах.

Ключевые слова: боевые потери, Красная армия, демографический состав потерь, возрастно-половая структура населения, РСФСР.

A.S. Bushuev

**DEMOGRAPHIC COMPOSITION OF RED ARMY LOSSES AMONG
NATIVES OF THE RSFSR DURING THE LIBERATION OF POLAND
AND THEIR CONSEQUENCES IN THE REGIONAL SECTION**

Abstract. In the paper the features of the demographic composition of the Red Army combat losses incurred during the liberation of Poland in the Suwalki direction in the summer of 1944 – winter of 1944/1945 are examined. The ratio of losses of servicemen of different ages with the corresponding age groups of the pre-war population was studied based on the results of the All-Union Population Census of 1939 in the regions of the

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

RSFSR, natives of which were the deceased. The volume of influence of the Red Army losses on the deformation of the age structure of different regions was established. It is shown that the losses of the final stage of the Great Patriotic War most significantly reduced the generation of men who were from 13 to 24 years old in 1939. In the regional context, an increased loss of young men was recorded in Siberia, the Volga region and the North Caucasus, middle-aged men in the Central Black Earth Region and the Volga-Vyatka region, and older men in the North-West, Central and Central Black Earth Regions.

Keywords: combat losses, Red Army, demographic composition of losses, age and sex structure of the population, RSFSR.

Исследование демографических последствий Великой Отечественной войны тесно связано с изучением безвозвратных боевых потерь Красной армии, понесенных ею в 1941–1945 гг., поскольку от масштабов этих потерь напрямую зависит возможность установления не только численности населения страны и ее регионов, но и специфики его возрастно-полового состава и других характеристик. В этом направлении за долгие годы, прошедшие с окончания военных действий, многое уже сделано исследователями. Ряд ученых внесли значимый вклад в изучение боевых потерь и демографических последствий войны как на общероссийском [5; 12–13; 16; 18], так и на региональном уровне [3–4; 7–10; 14; 17].

С учетом того, что общая картина потерь по Советскому Союзу и РСФСР за годы войны уже сложилась, определенный интерес представляет изучение и уточнение различных аспектов этой проблемы. Для выяснения демографических последствий Великой Отечественной войны большое значение могут иметь потери, понесенные в различных боевых операциях на разных этапах войны.

Одним таких этапов войны является начало освобождения стран Восточной Европы от нацистской оккупации, когда летом 1944 г. Красная армия, освободив территорию Советской Белоруссии, вышла на рубежи государственных границ СССР. На подступах к Восточной Пруссии, продвигающиеся в западном направлении подразделения Красной армии столкнулись с особенно ожесточенным сопротивлением врага. Численность войск вермахта в 1,5 раза превосходила численность наступающих подразделений 3-го Белорусского фронта [1, с. 120], оборона немецких войск была глубоко эшелонирована, а пересеченная местность затрудняла маневры наступающей армии. Проведенная Красной армией в этих условиях Гумбинненская стратегическая наступательная операция, по данным группы Г.Ф. Кривошеева, оказалась одной из самых кровопролитных среди всех стратегических наступательных и отдельных войсковых операций РККА осени 1944 г. (среднесуточные потери РККА превысили 5,3 тыс. чел) [16, с. 298–317].

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

Многие из красноармейцев, погибших в этих и других близлежащих боях, оказались захороненными на воинском кладбище в Сувалках, которое удалось исследовать автору [11, с. 17–34]. Уточнение и изучение списка погибших из 951 красноармейца, являющихся уроженцами 57 регионов РСФСР, позволило установить их социально-демографический состав, что позволяет обратиться к вопросу о возможном влиянии этих потерь на послевоенные демографические процессы в указанных регионах.

Центральный и Центрально-Черноземный районы дают почти половину всех погибших под Сувалками, Волго-Вятский район с Поволжьем – пятую часть, на Уральский регион приходится каждый десятый погибший, а Сибирь дает седьмую часть бойцов. В меньшем количестве представлены уроженцы Северного Кавказа (4,6 %) и Северо-Запада РСФСР (3,3 %).

Треть захороненных на кладбище в Сувалках уроженцев РСФСР (128 чел.) родились в областях Центрального региона – Смоленской, Московской области и г. Москве, Калининской (ныне – Тверской), Рязанской, Калужской, Брянской и Тульской, Владимирской и Ивановской, Ярославской областях.

Центральное Черноземье (52 чел.) представлено Орловской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Белгородской и Липецкой областями.

Уроженцы Поволжья (49 чел.) родились в Татарской АССР (ныне – Республика Татарстан), Пензенской, Саратовской, Куйбышевской (ныне – Самарской), Сталинградской (ныне – Волгоградской) областях.

Из Западно-Сибирского региона (46 чел.) здесь оказались уроженцы Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской, Томской и Омской областей.

Уральский район (40 чел.) представлен Башкирской АССР и Свердловской обл., Челябинской, Тюменской и Чкаловской (ныне – Оренбургской), Молотовской (ныне – в сост. Пермского края) областями.

Волго-Вятский район (37 чел.) представлен Горьковской (ныне – Нижегородской) и Кировской областями, Мордовской, Марийской и Чувашской АССР.

Численность уроженцев остальных районов РСФСР среди захороненных на кладбище в Сувалках красноармейцев существенно ниже: Северо-Кавказский район – 18 чел., Северо-Западный район – 13 чел., Восточно-Сибирский район – 8 чел., Дальневосточный район – 1 чел. [11, с. 35–37].

Важной характеристикой демографического состава бойцов Красной армии в годы Великой Отечественной войны является их возраст. Наличие сведений о годе рождения и дате гибели позволяют вычислить этот возраст для подавляющего большинства рассматриваемого контингента. Год рождения известен у 943 захороненных в Сувалках красноармейцев, дата гибели – у всех. Таким образом, на основе изучения 99,2 % массива можно сделать вполне достоверные выводы о возрастном составе погибших.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

Прежде чем охарактеризовать возрастной состав солдат и офицеров, упокоенных на данном кладбище, остановимся на их распределении по годам рождения (рис. 1).

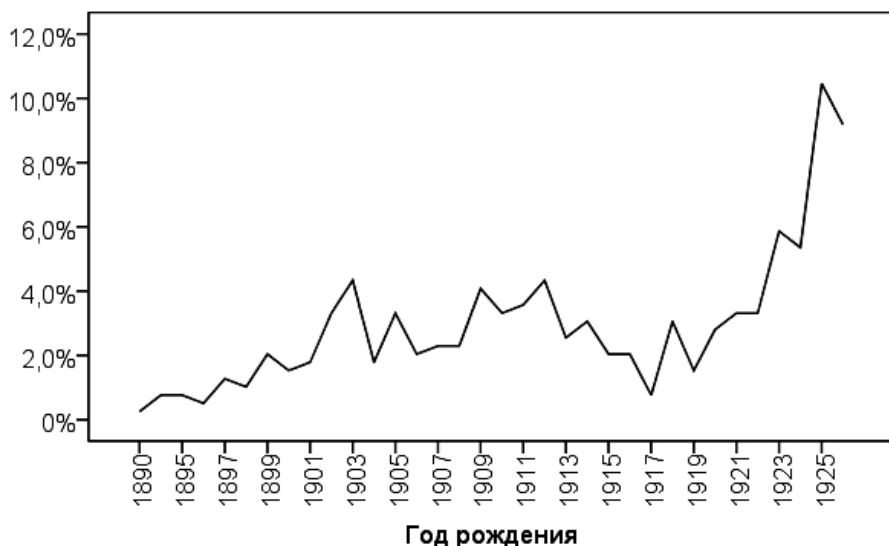

Рис. 1. Распределение захороненных в Сувалках уроженцев РСФСР по годам рождения. Сост. по: [2]

Как видно из приведенного выше графика, в Сувалках захоронены военнослужащие уроженцы РСФСР с 1890 по 1926 гг. рождения. Таким образом, вариационный размах составил 36 годовых интервалов. Наиболее часто встречается 1925 г. — год, когда родился каждый десятый из похороненных здесь солдат. Трагедия войны тяжело прошла по ним, ведь в 1944 г. им только исполнилось по 19 лет. Второй по частоте год — 1926-й, а вместе они охватывают каждого пятого солдата. Также многочисленны уроженцы 1923–1924 гг., что существенно отразилось на возрастном составе безвозвратных потерь Красной армии на этом участке фронта.

Рассматривая возрастной состав погибших в сгруппированном по стандартным 5-летним группам виде (*таблица 1*), можно увидеть, что почти каждый пятый боец (19,4 %) погиб здесь в возрасте 18–19 лет, половина до 30 лет (49,5 %), а четыре пятых (79,9 %) погибли в возрасте до 40 лет. Средний возраст погибших здесь красноармейцев — 29,8 лет, медианный возраст — 30,0 лет.

**Раздел 4. Демографические процессы в годы войны
и их последствия**

Таблица 1

**Возрастной состав захороненных в Сувалках в сравнении с возрастом
мужского населения РСФСР по данным переписи 1939 г., %***

Возрастные группы	Возраст погибших в Сувалках		Возраст мужчин РСФСР по данным ВПН в 1939 г.**	Разница
	на момент гибели (1944– 1945 гг.)	на момент проведения ВПН 1939 г.		
19 лет и младше	19,4	40,3	26,3***	–14,0
20–24 года	20,4	9,4	13,8	4,4
25–29 лет	9,7	16,8	17,6	0,8
30–34 года	17,1	14,0	15,4	1,4
35–39 лет	13,3	12,8	11,7	–1,1
40–44 года	13,3	5,6	8,6	3,0
45–49 лет	5,9	1,0	6,7	5,7
50 лет и старше	1,0	–	–	–
Всего	100,0	100,0	100,0	–

* Подсчитано по: [2; 6, с. 53–56, 58–60; 15].

** При расчете доли возрастных групп населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. учтено мужское население только тех регионов, уроженцы которых есть в составе погибших и захороненных в Сувалках военнослужащих РККА. См. подробнее: [11, с. 287–289]. В расчетах применена корректировка численности мужского населения указанных регионов, предложенная В.Б. Жиромской [6, с. 58–60].

*** Доля группы лиц в возрасте 19 лет и младше рассчитана с учетом только мужчин в возрасте 13–19 лет на момент проведения ВПН в 1939 г., которым в 1944 г. исполнилось 18 лет.

Для установления степени влияния этих безвозвратных потерь на демографическую ситуацию в регионах РСФСР, уроженцами которых являются погибшие, пересчитаем их возраст не на момент гибели, а на период проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г. Произведенный пересчет показал, что превышение среди погибших доли самой молодой категории мужчин в возрасте до 19 лет включительно (от 13 до 19 лет) над долей этой же категории среди мужского населения РСФСР по данным переписи населения 1939 г. составляет 14,0 %. Такого заметного разрыва по другим возрастам не наблюдается, а их доля среди погибших при освобождении Сувальщины с незначительными отклонениями совпадает с долей мужского населения РСФСР. Тесная взаимосвязь между указанными показателями подтверждается также высоким значением коэффициента корреляции Т-в Кендалла (0,905).

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

Таким образом, наибольшие потери пришлось на самый молодой и перспективный с точки зрения демографического потенциала возраст – на только что оказавшихся на фронте и не самых опытных солдат. Утрата большого количества молодых мужчин, многие из которых еще не успели обзавестись семьями, оказала в последующем негативное влияние на возрастную-половую структуру, брачность населения и рождаемость в послевоенной РСФСР.

В связи с этим важно дополнительно рассмотреть вопрос о региональной специфике произошедших демографических утрат. Для этого сделаем аналогичный пересчет возраста на 1939 г. для уроженцев каждого региона. Обобщенные в рамках девяти макрорегионов РСФСР данные о соответствующем возрасте представлены на *рис. 2* (за исключением Дальневосточного района, поскольку оттуда известен лишь один уроженец). На представленном графике можно видеть разброс возрастов (от минимального к максимальному – по крайним отрезкам), медианный возраст (по линии в середине каждого из прямоугольников), а также возрастной разброс половины наблюдаемой совокупности по каждому региону – два средних квартиля по возрасту (один выше медианы, другой – ниже) – по крайним линиям прямоугольников.

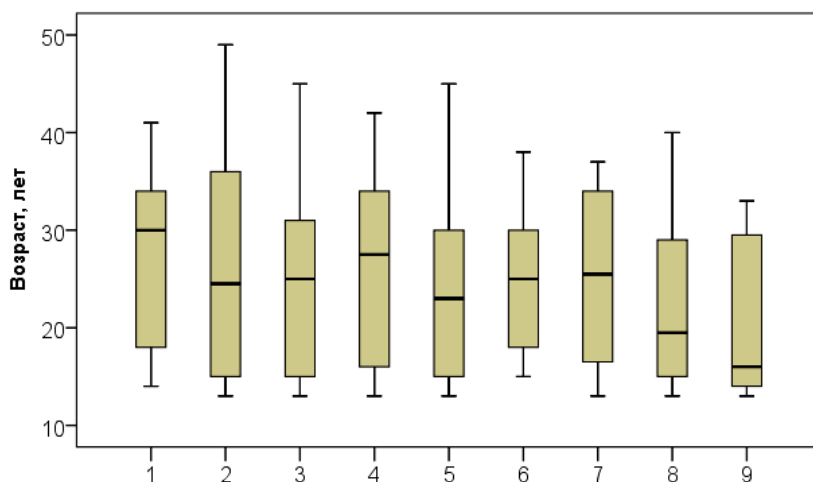

Рис. 2. Возрастная дифференциация захороненных в Сувалках уроженцев РСФСР по регионам рождения по возрасту в 1939 г. Сост. по: [2]

1 – Северо-Западный р-н, 2 – Центральный р-н, 3 – Волго-Вятский р-н,
4 – Центрально-Черноземный р-н, 5 – Поволжский р-н, 6 – Северо-Кавказский р-н,
7 – Уральский р-н, 8 – Западно-Сибирский р-н, 9 – Восточно-Сибирский р-н

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

Как видим из представленного графика, наибольший вариационный размах по возрасту захороненных в Сувалках красноармейцев на момент проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г. дают области центральной России и Волго-Вятского района с Поволжьем. Чуть меньший вариационный размах по возрасту зафиксирован в Северо-Западном районе РСФСР, Центральном Черноземье и Западной Сибири. Уроженцы Северного Кавказа (с Крымской АССР), Урала и Восточной Сибири демонстрируют большую однородность возрастного состава.

При этом выбытие в среднем самых молодых бойцов характерно для сибирского региона (медианный возраст на 1939 г. составляет 16 лет для Восточной Сибири, 19,5 лет – для Западной). Медианный возраст для Центрального, Северо-Кавказского, Волго-Вятского районов, Поволжья и Урала находится в пределах от 23 до 25,5 лет. Уроженцы Северо-Западного и Центрально-Черноземного районов демонстрируют наиболее старший возраст с медианой в 30,0 и 27,5 лет соответственно.

В трех из пяти областях Северо-Западного района медианный возраст уроженцев превысил 30-летнюю отметку. Новгородская (включая территорию современной Псковской области) дала наиболее возрастных солдат (медиана 34,5 и 36,0 лет соответственно). Самыми молодыми мобилизованными из Северо-Западного района РСФСР оказались уроженцы Архангельской области (медиана – 16 лет).

В половине областей центральной России (Калининская (ныне – Тверская), Московская, Ярославская, Калужская, Брянская, Тульская) и Центрального Черноземья (Воронежской, Курской, Белгородской) медианный возраст находился в пределах 25–29 лет. В трех регионах – Владимирской, Смоленской областях и г. Москве – медиана колебалась от 14 до 18 лет. В Центральном Черноземье вообще не оказалось областей с медианным возрастом до 20 лет. В Рязанской, Ивановской и Костромской областях, а также Орловской области медиана превысила 30 лет, а в двух областях (Костромской и Орловской) составила 36 лет.

В Волго-Вятском районе медиана колеблется от 14 лет в Марийской АССР (ныне – Республика Марий Эл) до 28,5 лет в Кировской области. Причем медианный возраст погибших большинства (четырёх из пяти) областей этого района находится в пределах 23–28,5 лет.

В Поволжье медианный возраст начинается с 19 лет в Татарской АССР (ныне – Республика Татарстан) и заканчивается 32,5 годами в Ульяновской области. При этом более чем в 70 % поволжских областей, включая Пензенскую, Сталинградскую (ныне – Волгоградскую), Саратовскую, Астраханскую, Куйбышевскую (ныне – Самарскую), медианный возраст уроженцев, сложивших свои жизни на Сувальщине, составил от 20,5 до 28,5 лет.

Уроженцы Урала показали более старший возрастной состав, так как в четырех из восьми регионов (Курганской, Молотовской (ныне – Пермский край), Чкаловской (ныне – Оренбургской) областях и Башкирской

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

АССР (ныне – Республика Башкортостан)) медиана находится в пределах от 25 до 33 лет.

В Сибири преобладают регионы с медианным возрастом уроженцев 15–24 лет (Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская и Омская области в Западной Сибири, Иркутская область и Бурят-Монгольская АССР (ныне – Республика Бурятия) – в Восточной). Наиболее старшие уроженцы этого района оказались выходцами из Томской (медиана 27,5 лет) и Читинской (медиана 33,0 года) областей.

Нельзя не отметить, что не во всех из названных регионов степень тесноты взаимосвязи возраста погибших в Польше солдат с довоенным возрастным составом их жителей достаточно значима. Расчеты коэффициентов корреляции Т-б Кендалла показали, что достаточно значимая связь фиксируется в Западной Сибири (0,976), Волго-Вятском районе (0,878) и Поволжье (0,823). Здесь мы можем говорить о том, что довоенный возрастной состав населения указанных регионов существенно влиял на пополнение армии. Чуть более слабая связь фиксируется в Центральном Черноземье, на Северном Кавказе (по 0,781) и Урале (0,751). В центральных, северо-западных районах РСФСР и в Восточной Сибири такая связь продолжает ослабевать (0,651; 0,451; 0,620 соответственно). Очевидно, здесь усиливается влияние других факторов на формирование воинских контингентов, включая добровольное и принудительное (в том числе мобилизационное) перемещение больших масс населения.

Рассмотрев в целом средневозрастную картину, обратимся более детально к возрастной структуре погибших на Сувальщине солдат и офицеров Красной армии и соотношению возрастных групп как среди них на момент проведения переписи населения 1939 г., так и среди жителей регионов, уроженцами которых они являются. Относительные данные о долях различных возрастных групп по макрорегионам РСФСР приведены в *таблице 2*.

Как можно увидеть из представленных здесь данных, доля погибших при освобождении Польши мужчин, которым в 1939 г. было от 13 до 19 лет во всех регионах существенно превышает долю юношей аналогичного возраста в мужском населении. Это превышение составляет 4,8 % на Урале, 5,2 % в Центральном Черноземье, растет до 14,5–15,2 % на Северо-Западе, в Центре и Поволжье, до 20,5–21,0 % на Северном Кавказе и в Западной Сибири и доходит до 38,1 % в Восточной Сибири. Здесь превышение доли самой младшей возрастной группы связано с молодым пополнением, которое пришло в войска 3-го Белорусского фронта после понесенных в ходе освобождения Белоруссии значительных потерь. Таким образом, во всех указанных регионах происходит интенсивное вымывание наиболее молодых мужчин, которым к моменту окончания Великой Отечественной войны должно было бы исполниться от 19 до 25 лет.

**Раздел 4. Демографические процессы в годы войны
и их последствия**

Таблица 2

**Возрастной состав потерь на Сувальщине в сравнении
с составом жителей макрорегионов РСФСР на 1939 г.***

Районы РСФСР		до 19 лет включи- тельно	20– 24 года	25– 29 лет	30– 34 года	35– 39 лет	40– 44 года	45– 49 лет
Северо- Западный р-н	Сувалки	38,5	7,7	0,0	30,8	15,4	7,7	0,0
	ВПН- 39**	23,3	14,0	18,9	16,2	11,6	8,7	7,3
Центральный р-н	Сувалки	41,4	8,6	14,8	9,4	14,8	9,4	1,6
	ВПН- 39**	26,9	13,4	17,3	15,0	11,7	8,7	7,0
Центрально- Черноземный р-н	Сувалки	34,6	7,7	15,4	21,2	15,4	5,8	0,0
	ВПН- 39**	29,4	12,8	15,6	14,6	12,1	8,9	6,6
Северо- Кавказский р-н	Сувалки	44,4	5,6	22,2	11,1	16,7	0,0	0,0
	ВПН- 39**	23,4	14,0	18,8	16,2	12,0	9,0	6,6
Волго- Вятский р-н	Сувалки	37,8	5,4	27,0	13,5	10,8	2,7	2,7
	ВПН- 39**	27,9	13,4	17,2	15,2	11,6	8,1	6,7
Поволжский р-н	Сувалки	40,8	10,2	22,4	8,2	8,2	8,2	2,0
	ВПН- 39**	26,0	13,8	17,2	15,8	12,1	8,8	6,2
Уральский р-н	Сувалки	30,0	17,5	15,0	22,5	15,0	0,0	0,0
	ВПН- 39**	25,2	14,2	18,1	16,3	11,7	8,2	6,4
Западно- Сибирский р-н	Сувалки	50,0	13,0	15,2	13,0	6,5	2,2	0,0
	ВПН- 39**	29,5	13,9	16,9	14,6	10,9	8,0	6,2
Восточно- Сибирский р-н	Сувалки	62,5	0,0	12,5	25,0	0,0	0,0	0,0
	ВПН- 39**	24,4	17,3	19,1	14,3	10,6	7,9	6,3

* Подсчитано по: [2; 6, с. 53–56, 58–60; 15].

** При расчете доли возрастных групп населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. учтено мужское население только тех регионов, уроженцы которых есть в составе погибших и захороненных в Сувалках военнослужащих РККА. См. подробнее: [11, с. 287–289]. В расчетах применена корректировка численности мужского населения указанных регионов, предложенная В.Б. Жиромской [6, с. 58–60].

*** Доля группы лиц в возрасте 19 лет и младше рассчитана с учетом только мужчин в возрасте 13–19 лет на момент проведения ВПН в 1939 г., которым в 1944 г. исполнилось 18 лет.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

Вторая возрастная группа красноармейцев со схожей тенденцией повышенного вымывания – солдаты старше 35 лет на момент гибели в 1944–1945 гг. (1909 г.р. и ранее) В период проведения переписи населения 1939 г. им было от 30 до 39 лет. В боях на подступах к Восточной Пруссии летом – осенью 1944-го – зимой 1944/1945 гг. погибло на 10,5% больше таких солдат, чем за все годы войны в Красной армии. Если вымывание 35–39-летних происходило более равномерно в разных регионах (от 3,1 % в Центральном, 3,3 % в Центрально-Черноземном и Уральском, 3,8 % в Северо-Западном до 4,7 % в Северо-Кавказском районах), то с 30–34-летними другая ситуация. Наиболее интенсивно эта возрастная группа понесла утраты среди уроженцев Северо-Западного (14,6 %) и Восточно-Сибирского (10,7 %) регионов, чуть менее интенсивно в Центральном Черноземье (6,6 %) и на Урале (6,2 %). В остальных регионах РСФСР безвозвратные демографические утраты этой возрастной группы не превышают ее долю среди довоенного населения.

Учитывая это, можно констатировать, что налицо существенная деформация в структуре мужского населения рассматриваемых регионов РСФСР. В целом по РСФСР доля мужчин, которым на момент переписи 1939 г. было от 13 до 24 лет, в 1,3 раза выше среди погибших по сравнению с долей лиц этого же возраста среди мужского населения. Доля 25–34-летних соответствует их доле в мужском довоенном населении (коэффициент 1,0), а доля 35–49 летних даже ниже и составляет среди погибших 0,6 от аналогичной доли в довоенном населении РСФСР.

Вместе с тем, нельзя не отметить и региональную специфику этой деформации. Как уже было отмечено выше, доля молодых возрастов среди погибших особенно высока в восточных районах страны, поэтому по Сибири превышение доли 13–24-летних даже выше среднероссийского и составляет 1,5 раза. В Поволжье и на Северном Кавказе она соответствует среднероссийскому превышению (1,3 раза). По Волго-Вятскому и Центрально-Черноземному районам доля лиц этого возраста среди погибших соответствует их доле среди довоенного мужского населения. В остальных регионах – деформация доли лиц этого возраста находится в пределах среднероссийских показателей. Повышенная утрата мужчин, которым на момент переписи 1939 г. было от 25 до 34 лет, зафиксирована лишь в Центральном Черноземье (1,2 раза) и Волго-Вятском регионе (1,3 раза). В регионах центральной России, напротив, доля потерь среди мужчин этого возраста была даже ниже среднероссийской (отношение составило 0,7 раза). Соотношение потерь в старших возрастах, превышающих среднероссийский уровень отмечается в Северо-Западном, Центральном и Центрально-Черноземном районах, а в остальных регионах – в пределах среднероссийского уровня за исключением лишь Сибири, где превышение доли лиц этого возраста в потерях над их долей в довоенном населении ниже среднероссийской.

Таким образом, выполненное исследование, хотя и носит несколько ограниченный характер ввиду учета потерь на отдельном участке фронта в

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

относительно короткий период времени, но дает содержательный материал для размышлений о вкладе разных периодов Великой Отечественной войны в демографические деформации, произошедшие в структуре населения регионов РСФСР по ее завершении. Благодаря этому впервые удалось установить степень тесноты взаимосвязи довоенного населения регионов с потерями армии на завершающем этапе войны, а также масштабы влияния этих потерь на изменение возрастно-половой структуры населения соответствующих регионов РСФСР.

Источники и литература

1. *Алексеев М.* Начало боев в Восточной Пруссии / М. Алексеев // Военно-исторический журнал. 1964. №10. С. 119–122.
2. *Бушуев А.С.* Красноармейцы, погибшие в 1944–1945 гг. и захороненные на кладбище в Сувалках (Польша): св-во о гос. регистрации базы данных № 2024624163 РФ: № 202463857: заявл. 10.09.2024: опубли. 20.09.2024.
3. *Бушуева О.Ю.* Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук / О.Ю. Бушуева. Казань, 2010. 194 с.
4. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М.: РОССПЭН, 2019. 767 с.
5. Гриф секретности снят: потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. 416 с.
6. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
7. *Иванов А.А.* Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук / А.А. Иванов. Казань, 2001. 94 с.
8. *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) / В.А. Исупов. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 378 с.
9. *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Г.Е. Корнилов. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. 223 с.
10. *Кривоножкина Е.Г.* Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук / Е.Г. Кривоножкина. Казань, 2001. 299 с.
11. На Сувалкском рубеже...: книга памяти красноармейцев, погибших в 1944–1945 гг. и захороненных в Сувалках (Польша) / сост., авт. предисл. и указ. А.С. Бушуев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 400 с.
12. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Кринко. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. 248 с.
13. Населения России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.
14. *Очир-Горяева В.Н.* Безвозвратные потери участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., призванных из Калмыцкой АССР, по данным Книг Памя-

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

ти: историко-статистическое исследование: дис. ... канд. ист. наук / В.Н. Очир-Горяева. Элиста, 2024. 192 с.

15. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607.

16. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. 607 с.

17. *Скворцова Л.Г.* Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук / Л.Г. Скворцова. Саранск, 2004. 221 с.

18. *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование) / Б.Ц. Урланис. М: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 565 с.

Бушувев Алексей Сергеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань, a.bushuev81@gmail.com

Bushuev Aleksei S., Candidate of Sciences (History), Academic Secretary, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan, a.bushuev81@gmail.com

УДК 314.148(470.5)

Н.В. Хомякова

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности демографических процессов на Урале. Показано, что на Урале, как и в целом по стране, наблюдается сокращение численности населения в годы войны. На основании данных архивов проанализированы показатели общего коэффициента рождаемости и коэффициента смертности в послевоенные годы. Отмечается, вместе с ростом рождаемости в стране обостряются социальные проблемы, связанные с охраной материнства и детства. Доказано, что социально-экономические сложности послевоенного времени вызывали рост смертности населения от «социальных» болезней, а высокий уровень младенческой смертности снижал общую положительную динамику естественного прироста населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Урал, коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, воспроизводство населения, младенческая смертность.

N.V. Khomyakova

**SOCIO-DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BASED ON MATERIALS FROM THE URALS)**

Abstract. The article examines the features of demographic processes in the Urals. It is shown that in the Urals, as well as in the whole country, there was a decrease in the population during the war years. Based on the data from the archives, the indicators of the total fertility rate and mortality rate in the post-war years were analyzed. It is noted that along with the increase in the birth rate in the country, social problems related to the protection of motherhood and childhood are becoming more acute. It is proved that the socio-economic difficulties of the post-war period caused an increase in mortality from “social” diseases, and a high infant mortality rate reduced the overall positive dynamics of natural population growth.

Keywords: Great Patriotic War, Ural, fertility rate, mortality rate, population reproduction, infant mortality.

Ни для кого не секрет, что победа СССР в Великой Отечественной войне далась тяжелой ценой. Война отразилась на судьбах миллионов людей, оставив после себя тяжелую память. Социально-демографические последствия войны еще долго ощущались в жизни советского государства.

Оценить прямые людские потери военного времени непросто. Как известно, Сталин не разрешил провести после войны перепись или хотя бы упрощенный учет населения СССР, из-за этого очень важная информация о демографических итогах войны была безвозвратно утрачена. Однако последствия демографических потрясений не затухают очень долго, возрастная пирамида хранит память о них многие десятилетия [3, с. 10].

В разное время демографические проблемы анализировали Е.М. Андреев [1], Е.А. Кваша [9], В.Б. Жиромская [7], Р.С. Ротова [11], Б.Ц. Урланис [19]. Региональный аспект демографической политики нашел отражение в серьезных исследованиях Г.Е. Корнилова [10], Е.Г. Богдановой [2], В.А. Журавлевой [8], Р.Р. Хисамутдиновой [20].

Для оценки человеческих потерь во время войны на Урале обратимся к данным Всесоюзной переписи населения, прошедшей в СССР в 1939 г. Статистические данные свидетельствуют о сокращении общей численности населения Урала за период с 1939 по 1945 гг. По итогам переписи 1939 г. на Урале (без учета Курганской области, образованной в 1943 г.) проживало 13 455 670 чел. [подсчитано по: 4], а на 1 июня 1945 г. (вместе с Курганской областью) – 12 895 800 чел. [подсчитано по: 10, с. 30].

Даже с учетом эвакуации с оккупированных территорий, численность населения Чкаловской (ныне – Оренбургской) области сократилось на

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

53 666 чел., Челябинской области – на 877 553 чел., Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – БАССР) – на 519 269 чел., Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики (далее УАССР) – на 170 350 [подсчитано по: 4; 10, с. 30]. Эвакуация промышленных предприятий на Урал, мобилизация, перестройка экономики на военный лад не могли не сказаться на структуре населения: происходит увеличение численности горожан при одновременном уменьшении сельских жителей. Так, в Молотовской области (ныне – в составе Пермского края) численность городского населения увеличилась на 280 812 чел., а сельское население уменьшилось на 318 730 чел., в Свердловской области, соответственно, на 465 112 и 13 021 чел., в Чкаловской области – на 189 073 и 242 741 чел., в БАССР – на 173 981 и 693 250 чел. [подсчитано по: 4; 10, с. 30].

Воспроизводство населения, восстановление его численности стало одной из первостепенных задач социальной политики советского государства в послевоенные годы. И эта задача успешно решалась. К 1950 г., по сравнению с 1945 г., население Урала увеличилось на 8 % (с 12 895 800 до 13 921 642 чел.) [подсчитано по: 10, с. 30; 6, л. 11, 96, 140, 151, 158, 175]. Рост населения был характерен для всего уральского региона, но наибольший прирост наблюдался в УАССР. В 1949 г., по сравнению с 1945 г., население Удмуртии выросло на 19,1 % и в абсолютном выражении составило 1 249 362 чел. [10, с. 30; 6, л. 140]. В 1950 г. в структуре населения Урала продолжает преобладать сельское население, но за 5 послевоенных лет городское население на Урале увеличилось еще на 8,4 %.

Увеличение численности населения Урала, несмотря процессы реэвакуации, было связано с начавшейся демобилизацией, проводимой социальной политикой государства, что в конечном итоге привело к увеличению рождаемости населения. Отчетливо прослеживается зависимость рождаемости от процесса демобилизации, рассчитанной на два с половиной года – с июля 1945 по март 1948 г. Переход страны к мирной жизни и возвращение мужчин с фронта привели к резкому скачку рождаемости в 1946 г., и вплоть до начала 1950-х гг. наблюдалось увеличение этого показателя как в РСФСР, так и на Урале (при этом надо учитывать, что на уровень рождаемости повлиял голод 1946–1948 гг., который сопровождался общим ухудшением экономической и демографической ситуации по всей стране, в том числе на Урале) [20, с. 149].

Чтобы понимать интенсивность процесса воспроизводства населения воспользуемся таким показателем, как коэффициент рождаемости, который будем высчитывать как отношение числа родившихся на тысячу жителей к средней численности населения. Конечно, стоит учитывать, что этот показатель достаточно грубый, но, тем не менее, он может дать общее представление об уровне рождаемости и о динамике воспроизводства населения.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

Коэффициент рождаемости в 1945 г. в целом по Уралу составил 14,6 ‰, а в разрезе отдельно взятых регионов Урала можно наблюдать уровень рождаемости от очень низкого до низкого: в Молотовской области коэффициент был 15,1 ‰, в Свердловской и Челябинской областях составлял 15,4 и 16,5 ‰ соответственно, в Удмуртской и Башкирской автономных республиках – 16,7 и 12,4 ‰ соответственно, в Чкаловской и Курганской областях – 13,7 и 13,8 ‰ соответственно [подсчитано по: 10, с. 30; 5, л. 7, 54, 87, 99, 103, 112, 189]. Полученные данные позволяют нам сделать вывод, что во всех регионах Урала, исходя из шкалы коэффициентов рождаемости Б.Ц. Урланиса, коэффициент рождаемости в 1945 г. был очень низким, за исключением Челябинской области, где он был просто низким. При этом вне зависимости от экономической специфики региона рождаемость в городской местности превышала рождаемость на селе: в Молотовской области показатели составляли 15,6 и 14,7 ‰, в Свердловской области, соответственно, – 15,7 и 14,9 ‰, в Челябинской области – 16,7 и 16,1 ‰, в УАССР – 22,2 и 14,4 ‰, в БАССР – 16,8 и 11,2 ‰, в Чкаловской области – 20,2 и 10,9 ‰, в Курганской области – 18,4 и 12,78 ‰ [подсчитано по: 10, с. 30; 5, л. 7, 54, 87, 99, 103, 112, 189].

Период с 1945 по 1949 гг. характеризуется достаточно активным процессом воспроизводства населения. На Урале коэффициент рождаемости поднялся на высокий уровень и в 1949 г. составил 34,1 ‰, что в 2,3 раза выше показателя 1945 г. [подсчитано по: 6, л. 11, 96, 140, 151, 158, 175; 17, л. 44, 50, 69, 81, 86, 95]. В Молотовской области коэффициент рождаемости увеличился в 2,6 раза (38,6 ‰), в Свердловской – в 2,4 раза (37,5 ‰), в Челябинской и Курганской областях – в 2,2 раза (35,9 и 30,2 ‰ соответственно), в УАССР – в 2,1 раза (35,1 ‰), в БАССР – в 2,8 раза (34,7 ‰), в Чкаловской области – в 2 раза (27,2 ‰) [подсчитано по: 6, л. 11, 96, 140, 151, 158, 175; 17, л. 44, 50, 69, 81, 86, 95]. Причины роста рождаемости и интенсивности процесса воспроизводства населения видятся в следующем:

1) Страна возвращалась к мирной жизни, мужчины возвращались с фронта, образовывались новые семьи.

2) Несмотря на то, что война оказала существенное влияние на соотношение полов в советском обществе, часть женщин рожали без официально зарегистрированных отношений – «для себя». Этому способствовали и новеллы в законодательстве, введенные ранее: запрет абортс с 1936 г. и отсутствие алиментных обязательств, введенных указом от 8 июня 1944 г.

3) Разработанный комплекс мер государственной поддержки для одиноких и многодетных матерей, предусматривал не только финансовую, правовую помощь, но и рост количества детских учреждений, что позволяло матерям с меньшими проблемами заниматься общественно-трудовой деятельностью.

4) Немаловажное значение имело увеличение количества родовспомогательных учреждений, как следствие, совершенствование медицинской помощи роженицам и сокращение материнской смертности.

Стоит согласиться с мнением, высказанным Б.Ц. Урланисом, что увеличение детской смертности также является фактором, способствующим увеличению рождаемости, так как смерть одного ребенка компенсировалась рождением другого. Уровень младенческой смертности на Урале был достаточно высоким. Архивные данные свидетельствуют о том, что в общем количестве всех умерших процент детей, не доживших до одного года, был существенным. В 1945 г. в г. Свердловске смертность младенцев составила 13,4 % от общего количества умерших, в г. Челябинске – 14,9 %, в г. Чкалове (ныне – г. Оренбург) – 14,03 %, в г. Уфе – 9,2 %, в г. Кургане – 12,1 %, в г. Молотове – 13,4 %, в г. Ижевске – 15,7 % [подсчитано по: 12, л. 50, 93, 113; 13, л. 67, 83, 89, 93]; в 1947 г. – 33 %, 33,6 %, 30,7 %, 24,4 %, 34,2 %, 30,9 %, 33,1 % соответственно [подсчитано по: 14, л. 51, 95, 125; 15, л. 25, 59, 65, 69]; в 1951 г. – 25,6 %, 31,9 %, 20,8 %, 23,4 %, 28,6 %, 25,8 %, 32,8 % [подсчитано по: 17, л. 51, 91, 113; 18, л. 35, 83, 89, 93]. На уровень смертности младенцев влияло множество факторов – это и здоровье их матерей, и материальное благополучие, и условия жизни, и состояние здравоохранения. Понятно, что в разоренном войной государстве не хватало ресурсов, восстановление всех сфер общественной жизни проходило медленно, поэтому, на наш взгляд, смерть младенцев так же можно отнести к страшным социальным последствиям войны.

Стоит отметить, что женское репродуктивное здоровье является главным фактором, способным обеспечить будущее страны, так как именно этот фактор оказывает большое влияние на рождаемость. Но война стала той причиной, которая породила массу проблем в послевоенной системе охраны материнства и детства. Среди них наиболее существенными были увеличение количества беременностей женщин вне брака, как следствие, рост количества аборт, увеличение заболеваний, передающихся половым путем, гендерные диспропорции и стресс, связанный с неустроенной личной жизнью, «осколочные» семьи.

Интенсивный процесс рождаемости с одновременным процессом появления детей в неполных семьях имел и еще одну негативную сторону: через определенное время это приведет к увеличению числа безнадзорных детей на улицах страны, которые будут заниматься бродяжничеством, торговлей, хулиганством. Матери-одиночки, занятые на производстве, будут не в состоянии воспитывать своих детей, а образовательные учреждения в послевоенные годы не смогут эту функцию выполнить в полном объеме, и, как правило, дети будут предоставлены сами себе, у многих из них счастливого детства не будет.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

Для понимания протекания процессов естественного прироста населения обратимся к анализу такого показателя как общий уровень смертности, который рассчитывается как отношение числа умерших людей за год к средней численности населения.

Коэффициент смертности в 1945 г. в целом по Уралу находился на низком уровне и составлял 9,6 ‰, а в разрезе отдельных регионов Урала он был представлен следующими показателями: в Молотовской области коэффициент смертности достигал 13 ‰, в Свердловской – 11,8 ‰, в Челябинской – 9,6 ‰, в УАССР – 14,6 ‰, в БАССР – 6,6 ‰, в Чкаловской области – 7,8 ‰, в Курганской области – 10 ‰ [подсчитано по: 10, с. 30; 5, л. 7, 54, 87, 99, 103, 112, 189]. Исходя из специальной шкалы характеристики уровня смертности, полученные данные позволяют сделать вывод, что в промышленных регионах Урала, кроме Челябинской области, коэффициент смертности был средним, а в сельскохозяйственных, кроме Удмуртии, – низким. При этом смертность в городской местности превышала смертность на селе: в Молотовской области коэффициент смертности составлял 10,4 и 14,9 ‰, в Свердловской – 11,3 и 12,6 ‰, в Челябинской области – 9,9 и 8,9 ‰, в УАССР – 14,5 и 14,6 ‰, в БАССР – 12,4 и 11,2 ‰, в Чкаловской области – 12,4 и 6,6 ‰, в Курганской области – 12,1 и 9,5 ‰ [подсчитано по: 10, с. 30; 5, л. 7, 54, 87, 99, 103, 112, 189].

За период с 1945 по 1949 гг. на Урале коэффициент смертности вырос в 1,2 раза и в 1949 г. он уже составил 11,7 ‰. Средний уровень коэффициента смертности фиксируется в Молотовской области – 14,4 ‰, в Свердловской – 12,7 ‰, в Челябинской – 11,8 ‰, в УАССР – 13,8 ‰, в Курганской области – 11,9 ‰. Низкий уровень смертности отмечен в Чкаловской области, где он составил 8,8 ‰ [подсчитано по: 6, л. 11, 96, 140, 151, 158, 175; 16, л. 44, 50, 69, 81, 86, 95].

Полученные данные, к сожалению, позволяют констатировать, что в первые послевоенные годы смертность среди населения, пусть и невысокими темпами, увеличивается. Причины этого процесса кроются и в огромных материальных потерях, восполнить которые быстро невозможно, поэтому послевоенная система здравоохранения не справлялась в полной мере с возложенными на нее задачами, и в несбалансированной политике советского государства, нашедшей отражение в четвертом пятилетнем плане, и в засухе и голоде 1946–1948 гг.

Кроме того, среди причин послевоенной смертности можно назвать и огромный ущерб здоровью населения, нанесенный войной. Доказательством этого факта служит анализ статистики причин смерти. Архивные данные свидетельствуют, что в структуре причин смерти в региональных столицах Урала в послевоенные годы преобладала смертность от болезней, тесно связанных с социальными причинами. Плохие материально-бытовые условия, плохое питание с низким содержанием белка и витаминов, нехватка одежды

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

и обуви вели к распространению таких заболеваний как туберкулез, воспаления, в том числе и крупозное воспаление легких, которые давали наибольшую летальность среди больных. Так, в 1945 г. в г. Чкалове 19 % от общего числа умерших умерли от туберкулеза и 8,8 % – от воспалений, в г. Челябинске, 14,9 и 18,2 % соответственно, в г. Уфе – 18,5 и 12,1 % соответственно, в г. Свердловске – 16,6 и 10,4 %, в г. Молотове (ныне – г. Пермь) – 22 и 10,4 %, в г. Кургане – 21 и 8,8 %, в г. Ижевске – 20,6 и 14,6 % [подсчитано по: 12, л. 49, 104, 114; 13, л. 68, 84, 89, 94]. В 1951 г. в г. Чкалове, соответственно, – 11,8 и 7,9 %, в г. Челябинске 11,3 и 6,7 %, в г. Уфе – 14,7 и 12,7 %, в г. Свердловске – 8,5 и 12,7 %, в г. Молотове – 9,1 и 12,3 %, в г. Кургане – 13,5 и 19,5 %, в г. Ижевске – 10,3 и 17,2 % [подсчитано по: 17, л. 113, 114, 51, 58, 91, 92; 18, л. 35, 36, 83, 84, 89, 90, 93, 93].

Активные миграционные процессы, рост промышленного производства, неудовлетворительное санитарное состояние городов на Урале, плохое питание приводили к желудочно-кишечным заболеваниям, таким как тиф, дизентерия, гастроэнтероколит, токсическая диспепсия. В 1945 г. от брюшного, сыпного, возвратного тифа в г. Чкалове умирало 1,3 % от общего количества умерших, 4,6 % – от дизентерии, 2,6 % – от острого гастроэнтероколита и токсической диспепсии, в г. Челябинске – 0,8; 0,5 и 8,5 % соответственно; в г. Свердловске – 0,3; 3,3 и 2,3 % соответственно, в г. Молотове – 0,9; 0,6 и 4,4 %; в г. Кургане – 1,1; 0,5 и 2,9 %, в г. Ижевске – 0,4; 0,5 и 5,7 % соответственно [подсчитано по: 12, л. 49, 104, 114; 13, л. 68, 84, 89, 94]. В 1951 г. в структуре причин смерти от желудочно-кишечных заболеваний значительно выросло количество смертей среди заболевших от дизентерии, токсической диспепсии и гастроэнтероколита, в г. Чкалове от тифа умирало 0,1 % от общего количества умерших (–1,2 %), 9,4 % – от дизентерии (+4,8 %), 4,4 % – от острого гастроэнтероколита и токсической диспепсии (+1,8 %), в г. Челябинске, соответственно, – 0,1 % (–0,7 %), 0,1 % (–0,4 %) и 4 % (–4,5 %); в г. Свердловске – 0,07 % (–0,27 %), 8,4 % (+5,1 %), 1,6 % (–0,7 %), в г. Молотове – 0,4 % (–0,5 %), 8,8 % (+8,2 %), 5,2 % (+0,8 %); в г. Кургане – 0,1 % (–1 %), 0,1 % (+0,4 %), 10,8 % (+7,9 %), в г. Ижевске – 0,1 % (–0,3 %), 8,6 % (+8,1 %), 6,9 % (+1,2 %) [подсчитано по: 17, л. 113, 114, 51, 58, 91, 92; 18, л. 35, 36, 83, 84, 89, 90, 93, 93]. Такую картину роста смертности от желудочно-кишечных заболеваний давала младенческая смертность, так как в большинстве случаев желудочно-кишечные заболевания были связаны с алиментарными факторами, вызванными погрешностями в питании младенцев.

Воспроизводство жизни – это главный вопрос развития любого общества. В целом, анализируя демографические процессы на Урале, стоит отметить, что коэффициент естественного прироста населения демонстрировал, что страна оправляется от потерь, численность населения восполняется: если в 1945 г. коэффициент естественного прироста составил 5 ‰, то в

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

1951 г. – 22,4 %. Но тяжелые социально-экономические условия жизни, вызванные войной, определяли продолжительность жизни и состояние здоровья населения, что отрицательно сказывалось на общей динамике увеличения численности населения в послевоенном обществе.

Источники и литература

1. *Андреев Е.М.* Особенности показателей младенческой смертности в России / Е.М. Андреев, Е.А. Кваша // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2002. № 4. С. 15–20.
2. *Богданова Е.Г.* Демографические процессы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Е.Г. Богданова. Оренбург, 2012. 235 с.
3. *Вишневский А.Г.* Демографические последствия Великой Отечественной войны / А.Г. Вишневский // Демографическое обозрение. 2016. № 3(2). С. 6–42. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1752>.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР по союзным республикам, краям, областям и автономным республикам // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1.php (дата обращения: 22.12.2024).
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 354.
6. ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 757.
7. *Жиромская В.Б.* Проблемы демографического развития России в XX веке / В.Б. Жиромская // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 285–310.
8. *Журавлева В.А.* Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2016. 36 с.
9. *Кваша Е.А.* Младенческая смертность в России в XX веке / Е.А. Кваша // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–75.
10. *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
11. Особенности демографического развития СССР / Р.С. Ротова, И.В. Калинин и др.; под ред. Р.С. Ротовой. М.: Финансы и статистика, 1982. 232 с.
12. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 579.
13. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 580.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 700.
15. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 701.
16. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 841.
17. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 963.
18. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 964.
19. *Урланис Б.Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б.Ц. Урланис. М.: Госстатиздат, 1963. 137 с.

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

20. *Хисамутдинова Р.Р.* Младенческая смертность на Урале в послевоенные годы / Р.Р. Хисамутдинова, Н.В. Хомякова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2021. № 2(38). С. 147–157.

Хомякова Надежда Викторовна, кандидат исторических наук, первый заместитель директора по учебной работе, Бузулукский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета, Россия, г. Бузулук, zam@bgti.ru

Khomyakova Nadezhda V., Candidate of Sciences (History), First Deputy Director for educational work, Buzuluk Institute of Humanities and Technology (Branch) of Orenburg State University, Russia, Buzuluk, zam@bgti.ru

РАЗДЕЛ 5

Власть, общество, личность в экстремальных обстоятельствах: социальные аспекты

УДК 94(470.63).084.8+36(470.63).084.8

В.В. Василенко, К.А. Ушмаева

РАССЕЛЕНИЕ, ТРУДОУСТРОЙСТВО, БЫТОВОЕ И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ЭВАКУИРОВАННОГО НА СТАВРОПОЛЬЕ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на основе архивных материалов, официальных делопроизводственных документов и источников личного происхождения рассматриваются некоторые аспекты повседневной жизни эвакуированных на Ставрополье людей в период Великой Отечественной войны. Реконструируются условия проживания, быт, питание, деловые и трудовые практики, условия медицинского обеспечения и образования. Уделяется внимание эмоционально-психологическому состоянию эвакуированных граждан. Приводятся ранее не известные факты региональной истории, подтверждающие теоретические выводы социологии. На территории края авторы выделяют два периода эвакуации, а также разные социальные слои в социальной группе эвакуированного на Ставрополье гражданского населения. На фоне типичного для времени тяжелого положения эвакуированных описывают особенности повседневной жизни, обусловленные аграрной специализацией экономики южного региона страны, преобладанием сельского населения и др.

Ключевые слова: эвакуация, Ставрополье, Орджоникидзевский край, эвакуанселение, повседневность, социальная теория, исторический факт.

V.V. Vasilenko, K.A. Ushmaeva

RESETTLEMENT, EMPLOYMENT, DOMESTIC AND MEDICAL CARE OF THE POPULATION EVACUATED TO STAVROPOL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article, based on archival materials, official records and sources of personal origin, examines some aspects of the daily life of people evacuated in the Stavropol Territory during the Great Patriotic War. Describe living conditions, everyday life,

food, work, medical care and education. They pay attention to the emotional and psychological state of the evacuees. Previously unknown facts of regional history are given, confirming the theoretical conclusions of sociology. On the territory of the region, the authors single out two periods of evacuation, as well as different social strata in the social group of the civilian population evacuated in the Stavropol Territory. On the photo of the difficult situation of the evacuees typical of the time, they describe the features of everyday life due to the agrarian specialization of the economy of the southern region of the country, the predominance of the rural population, etc.

Keywords: evacuation, Stavropol Territory, Ordzhonikidze Territory, evacuation, everyday life, social theory, historical fact.

Геополитическая напряженность, нарастающая военная эскалация заставляют обращаться к событиям Второй мировой, Великой Отечественной войны – одного из самых трагических периодов российской истории. Чтобы понимать суть происходящего на наших глазах завершения периода однополярного мироустройства, формировать образ будущего и строить прогнозы необходимо изучить прошлое. Так рассуждал социолог П.А. Сорокин, в самый разгар Второй мировой войны обратившийся к изучению 1800 войн в истории человечества. Он сформулировал закономерности, которые проявляются в любом обществе в условиях военного времени. Созданная им интегральная методология позволяет из анализа настоящего понять прошлое, отмечая, что «сходные причины в сходных условиях порождают сходные следствия ... в целом неповторяющаяся (во времени и пространстве) жизнь человека или неповторяющийся процесс состоит в огромной части из повторяющихся» [52, с. 3–4].

Историческая гипотеза, согласно Дж. Тошу, является конкретным применением теории [57, с. 185]. Таким образом, отталкиваясь от социальной теории как научной гипотезы, авторы статьи поставили задачу выявить исторические факты и на их основе сформировать знание об особенностях повседневной жизни людей, эвакуированных на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны. Прояснить условия проживания, организацию быта, питания, гигиену, труд и профессиональную деятельность, медицинское обслуживание, обучение и др. Подчеркнем, процесс эвакуации нами рассматривается как типичное явление, как атрибут военного времени и причина вынужденной горизонтальной и вертикальной мобильности людей, оказавшихся в иных, отличных от привычной обыденности, условиях жизни с учетом локальной специфики.

Исследование базируется на материалах архивов Ставропольского края, официальной делопроизводственной документации, источниках личного происхождения, преимущественно коммуникативного характера. Многие документы были засекречены и только в последние годы введены ставропольскими историками в научный оборот и опубликованы [2; 3; 4; 5; 25; 32; 34; 35].

Географические рамки исследования ограничены территорией Ставропольского (до 1943 г. – Орджоникидзевского) края, в рассматриваемый период включавшего также Черкесскую и Карачаевскую автономные области, Дагестанскую автономную республику. Хронологические границы определяются датами начала и окончания Великой Отечественной войны, в пределах которых выделены два этапа (волны) эвакуации. Первый этап (с июня 1941 г. по июль 1942 г.), когда из прифронтовых районов в край ввозили эвакуированное население и материальные ресурсы, и второй (с июня по август 1942 г.), когда с территории края вывозили стратегические запасы продовольствия, сырья, оборудования, материальные ценности и людские ресурсы, в том числе советских граждан немецкой национальности.

Процесс эвакуации мирного населения, материальных и культурных ценностей с территорий, находящихся под угрозой захвата [35, с. 54] в отечественной историографии советского периода рассматривался с точки зрения формационного подхода, как часть перестройки экономики на военный лад [1; 6; 8; 26; 27; 28; 29]. В современной российской историографии эвакуацию как уникальное историческое явление, не имеющее аналогов в мировой истории, исследуют с разных сторон [30; 33; 37; 40; 41; 44; 50]. Антропологический поворот в истории породил всплеск интереса к разным аспектам повседневности военного времени. Сформировалось целое направление военной антропологии, в котором от анализа войны на макроуровне, субъектами которого являются государство и блоки государств как военные, политические и экономические агенты, к социально-антропологическому анализу действий непосредственных участников войны [48, с. 192]. Наметилась устойчивая тенденция к анализу на уровне региональной истории, в локальном пространственном контексте [1–3; 5–8; 29; 31; 33–34; 47; 49–50; 54; 58–59].

Возвращаясь к методологии исследования, отметим, что в целях «насыщенного описания» истории повседневности, стратегии выживания людей в экстремальной ситуации авторы обратились к наработкам А. Людке, рассматривающего войну как «казус в истории» с типичными формами деятельности людей, «усредненной нормой поведения» [38, с. 30]. В структуре повседневности учитывали уровни удовлетворения телесных или физиологических потребностей, гигиену; трудовые и деловые практики, среди которых – повседневная хозяйственная, профессиональная, производственная и иная деятельность, варианты проведения свободного от работы времени отдыха (за исключением праздников и отправления религиозных культов), зафиксированные российским культурологом В.Д. Лелеко [32]. Следуя, за А.С. Лаппо-Данилевским и Ж. Ле Гоффом старались учитывать субъективный фактор, чувств и эмоции людей [36] или «чужую одушевленность».

Уже 24 июня 1941 г. в Советском Союзе был образован Совет по эвакуации, в срочном порядке развернувший крупномасштабный процесс эвакуации человеческих и материальных ресурсов из прифронтовых областей и районов страны, наиболее подверженных угрозе военного вторжения. Ре-

шения о перемещении ресурсов принимались исходя из театра военных действий и интересов государственной безопасности. Приоритет отдавался крупным предприятиям оборонной промышленности, детским учреждениям (ясли, сады, летние лагеря, школы, детдома, интернаты), семьям «категории риска» (начсостава, сотрудников НКВД, ВМФ, партработников), военнослужащих, сотрудникам научных и культурных организаций, персональным пенсионерам, домам престарелых и инвалидов [29, с. 175].

На Ставрополье из западных областей УССР и БССР, Московской и Ленинградской областей шли эшелоны с людьми. Часть эвакуированных прибывали транзитом и далее через Закавказье и Каспий следовали в Среднюю Азию или Сибирь. Организовано эвакуируемые при отправлении получали путевые квитанции или рейсовые карточки, официально приобретая новый социальный статус. Маршрут следования определялся в зависимости от категории эвакуированных граждан и региональных факторов пункта назначения [35, с. 54].

Из Сталина, Днепропетровска, Запорожья в Орджоникидзевский край вывозили материальные ценности колхозов, запасы зерна, скот и др. Приезжали официально эвакуированные людские ресурсы, кадры организаций из Москвы, Ленинграда и др. В документах упоминается о прибытии в 1939 г. политических беженцев «военно-партийных кадров компартии Испании» и членов их семей [10, л. 20]. В 1942 г. из Ростова-на-Дону, подвергнувшись вторичной эвакуации, в край прибыли польские граждане. Со стороны руководства расчет делался на аграрную специализацию экономики края, имеющийся резерв продовольствия, благоприятный для земледелия климат. Крупные промышленные предприятия на территорию края не перемещали. Кавказские железные дороги были перегружены, так как перемещали стратегически значимые производства «Майкопнефти» и «Грознефти». К 9 ноября 1941 г. по Орджоникидзевской дороге на Закавказье потупило 16 208 вагонов, в том числе 10 758 с промышленным оборудованием и материалами. Кроме того, в край шел неконтролируемый поток самостоятельно эвакуируемых граждан. Спасаясь от фашистских погромов, на территорию края въезжали еврейские беженцы¹.

Организованные эвакуированные следовали по Владикавказской железной дороге (от Ростова-на-Дону до Владикавказа), прибывали на железнодорожную станцию Невинномысская. Согласно Решению Орджоникид-

¹ Во время оккупации осенью 1942 г. фашисты расстреляли еврейское население. В Приказе № 64 Ессентукского городского управления об отправке эвакуированных граждан на прежнее место жительства, на основании распоряжения германского командования от 4 октября 1942 г. № 673/49 предписывалось всех эвакуированных граждан, прибывших из мест, «освобожденных германскими войсками», «отправить по железной дороге, гужевым транспортом или пешком, если недалеко, на место своего прежнего жительства». Исполнение приказа бургомистр г. Ессентуки возлагал на полицию, аппарат домоуправления и частных домовладельцев.

зевского крайисполкома обеспечение организованно эвакуированных в край возлагалось на председателей местных советов городов и районов края. Предписывалось в срочном порядке подготовить дома, квартиры и комнаты, организовать транспорт для перевозки от железнодорожных станций к местам назначений, выдавать единовременное пособие по 100 руб. В обязанности Крайторготдела входило снабжение прибывающих необходимым количеством продуктов питания, одеждой и обувью [24, л. 48–48об.].

2 июля 1941 г. на территорию края въехали первые 900 чел. эвакуированных. Ко 2 августа из прифронтовых областей было вывезено 45 тыс. чел. В Невинномысском районе оставались 208 семей, 900 семей разместили в Петровском, 599 семей – в Старомарьевском районе. С октября 1941 г. начали прибывать эшелоны с эвакуированными из Ленинграда. Тех, кто выезжал организованно, с предприятиями и учреждениями размещали в развернутых эвакуопунктах с санпропусками и столовыми. Согласно краевому плану, людей переправляли на подводах в близлежащие города и села. В феврале 1942 г. планировалось разместить в Невинномыске 900 чел., в Ворошиловске – 2 700 чел. Большую часть контингента отправляли в города Кавказских Минеральных Вод (далее – КМВ). В Пятигорск – 2 600 чел., в Кисловодск – 3 600 чел., в Ессентуки – 2 250 чел., в МинВоды – 1 350 чел., в Железноводск – 450 чел., в Горячеводск – 900 чел. В восточные районы края, в Георгиевск и Буденновск – 1 800 и 900 чел. соответственно. В Микоян-Шахар, Черкесск, Моздок – по 900 чел. В села Ипатово, Петровское, Изобильное, Новоалександровское – по 450 чел. [10, л. 29].

Крайторготдел осуществлял круглосуточную выпечку хлеба и раздачу его эвакуированным. Для приезжающих расширили торговую сеть. К 25 июня 1941 г. в крае функционировали 163 ларька, 49 буфетов, 6 лотков с продуктами питания. Например, в Александровском районе работали 10 ларьков, в Дмитриевском – 11, в Моздокском – 22 ларька и 18 буфетов. В отчетах руководители районов и сельпо докладывали о бесперебойной работе ларьков и буфетов и отсутствии жалоб со стороны покупателей и воинских частей. Одновременно в местные органы власти шли жалобы на нехватку продуктов питания, предметов первой необходимости. В первые несколько дней после прибытия в пункт назначения эвакуированные, обладающие рейсовыми карточками, в райторготделах и сельпо получали хлебный паек и пропуск на однократный прием пищи в общих столовых. Приехавшие из крупных городов жаловались на плохую работу местных столовых и бань [19, л. 28–31]. Через несколько дней после приезда семьи эвакуированных переводили на самообеспечение. Продукты питания распределялись по карточкам на общих основаниях, учитывая статус и предусмотренные льготы, наравне с местным населением.

В довоенный период Ставрополье славилось обильными урожаями пшеницы, перевыполнением пятилеток по животноводству. В аграрном регионе преобладало сельское население, и большая часть эвакуированных распределялась в села. Испанских политэмигрантов расселили в Георгиев-

ске и селе Владимировка, поляков – в станице Расшиватской и др. В селах специально для эвакуированных организовывали подсобные хозяйства, где совместно выращивали плодовоовощные культуры и разводили продуктивный скот. Старались использовать кадровый потенциал эвакуированного из Ленинграда Ветеринарного института¹ [14, л. 11–16]. В городах для эвакуированных нарезали огороды. Те, кто приезжали после окончания посевной, лишались возможности вырастить урожай овощей. Из-за низкого уровня агрокультуры и отсутствия специальных знаний у горожан производительность труда была низкой, семенного материала не хватало. Излишки продуктов труда местные сельские жители старались запастись, обменивали эвакуированным на вещи. Неработающих эвакуированных, обладающих льготами, сельские жители считали «нахлебниками», упрекали их в лени и высокомерии. Отказывались продавать запасы овощей, муки, мёда и др.

Потребительская корзина сельских жителей и в довоенный период не была разнообразной, а в связи с переизбытком населения на территории края с началом эвакуации сразу же возник острый дефицит товаров. Из-за нехватки всех видов транспорта в торговые сети потребкооперации доставку товаров систематически задерживали. Составы шли на фронт с боеприпасами или на Урал с предприятиями оборонной промышленности. В первые же дни войны весь автопарк передали на нужды Красной армии. Так, из Ворошиловской автобазы крайпотребсоюза из имеющихся 16 автомашин отдали 12, оставшиеся 4 были неисправны и непригодны к эксплуатации. В срочном порядке переходили на тягловую силу, использовали лошадей, волов и др.

Спички, мыло и соль из торговых сетей исчезли. Цены на эти товары первой необходимости подскочили в 3–5 раз. Переведенные на самообеспечение эвакуированные, вопреки информации из справок местного партийного руководства о полном обеспечении этими продуктами, жаловались на то, что не имеют возможности приготовить горячую пищу, помыть голову и постирать одежду.

Местное население по отношению к приезжим проявляло братскую заботу [11, с. 39, 43], гуманизм и милосердие. Люди старались поделиться всем, чем могли: одеждой, постельным бельём, бытовой утварью, средствами гигиены. Приглашали эвакуированных домой и оставляли переночевать, брали детей на воспитание. В черкесских и кабардинских аулах прятали евреев от фашистов, их детей принимали в семьи, записывали под своими фамилиями [7]. Факты усыновления известны в г. Пятигорске, куда прибыли 500 детей-сирот из Ленинграда [38, с. 4].

В первые дни войны жители края развернули сбор необходимых для красноармейцев теплых вещей, белья и т.п. К 1 ноября 1941 г. на склады края поступили 20 тыс. меховых полушубков, 11 тыс. жилетов, 45 тыс. валенок, 60 тыс. меховых рукавиц, 50 тыс. шерстяных перчаток и варежек, по

¹ Около 30 чел., в том числе профессора Д.С. Руженцев, В.И. Полтев, Г.П. Зеленый, С.В. Афанасьев и др.

75 тыс. носочно-чулочных изделий и шерстяных портянок, 50 тыс. теплого белья (рубашек и кальсон), 45 тыс. пар шапок, 3 тыс. ватных курток, 5 тыс. ватных шаровар, свитеров, фуфаяк и джемперов, 3 тыс. одеял, 40 тыс. полотенец, 30 тыс. наволочек, 8 тыс. простыней и др. Местные жители организовывали квартальные комитеты, занимались сбором и раздачей одежды, обуви, белья, посуды, мыла и др. Например, в Ворошиловске действовало 177 комитетов, было собрано 3 600 вещей. После освобождения края от оккупантов 5 тыс. чел. приняли участие в восстановлении разрушенных общественных зданий.

Жилья для эвакуированных не хватало. Льготные категории эвакуированных, семьи военнослужащих претендовали на более или менее комфортные условия проживания. Им выделяли общежития, коммунальные квартиры или подселяли к местным жителям, в том числе к семьям красноармейцев. Скученность и отсутствие элементарных бытовых условий вызывали конфликты между местными и приезжими. Так, в заявлении местной жительницы А.П. Махиной, супруг которой сражался на фронте, а она проживала с дочерью на площади 22 кв. м, описывается типичный для того времени случай. Она просила райжилсовет Ворошиловского горкома партии пересмотреть вопрос о подселении к ним эвакуированной семьи (мать и трое малолетних детей). Объясняла, что квартира состоит из одной перегороженной комнаты и темного коридорчика, эвакуированная семья въехала со своей мебелью. Заявитель высказывала понимание «важности размещения эвакуированных людей, пострадавших от гитлеровских мерзавцев», и сообщала, что готова принять «... одинокого бездетного человека, который бы не стеснил её до такой степени, как теперь» [20, л. 36].

Семьи начсостава военнослужащих, сотрудников НКВД направляли на КМВ. Там на базе санаториев и пансионатов размещали эвакуогоспитали, больницы, вузы. В Пятигорск в феврале 1942 г. из Ленинграда прибыли около 2 600 чел. эвакуированных [10, л. 29], среди которых были студенты и профессорско-преподавательский состав Инженерно-экономического, Химико-фармацевтического, Горного, Военно-механического, Планового, Педагогического, 1-го и 2-го Медицинского, Театрального институтов, Института иностранных языков [15, л. 90–91об.]. В докладной записке, направленной 16 марта 1942 г. секретарем Пятигорского горкома ВКП(б) Л.Я. Бороховым и председателем Пятигорского горисполкома В.Н. Воробьевым секретарю крайкома М.А. Сулову, сообщалось о полном отсутствии свободных площадей в городе. С июля 1941-го по январь 1942 г. эвакуированным семьям было выделено 82 квартиры и изолированных комнат для 321 чел. В муниципальном фонде по уплотнению расселили 4 124 семьи (12 420 чел.). По уплотнению в частном секторе разместили 934 семьи (2 145 чел.). Таким образом, к марту 1942 г. 14 886 чел. удалось обеспечить жильем. К 1 января 1942 г. в Пятигорске оставалось не менее 6 000 чел.¹ С

¹ Незначительная часть эвакуированного населения покинула г. Пятигорск.

1 января по 25 февраля 1942 г. дополнительно в порядке уплотнения были расселены еще 279 семей (735 чел.). И если до войны в Пятигорске в среднем на 1 чел. приходилось 7,1 кв. м, то в 1942 г. – по 5,4 кв. м. При этом не менее 20 % жилой площади представляли собой неотапливаемые комнаты, мансарды, подвалы, непригодные для использования в зимнее время. Таким образом, на одного человека приходилось фактически 3,6 кв. м, а в некоторых случаях – 3,3 кв. м. Следующие из Ленинграда в Пятигорск еще 400 эвакуированных не имели никаких шансов получить жилье. Л.Я. Борохов и В.Н. Воробьев просили секретаря крайкома М.А. Суслова принять решение об ограничении въезда в перенаселенный и без того город [10, л. 29].

Аналогичная ситуация складывалась в Кисловодске, куда в феврале 1942 г. из Ленинграда приехали 3 600 чел., в том числе студенты и сотрудники Технологического института им. Молотова, Химико-технологического, Авиационного, Стоматологического, Ветеринарного, Холодильного институтов, Институтов связи, Водного транспорта, Советской торговли, Точной механики и оптики, Педагогического института им. Герцена, 1-го медицинского. В Ессентуки было эвакуировано 2 250 чел. [11, л. 29] – Электротехнический, Инженерно-строительный, Педагогический институт им. Покровского, Финансово-экономический, Педиатрический институт, Институт Механизации сельского хозяйства и Лесотехническая академия. В Железноводск – институт киноинженеров. В Минеральные Воды – Текстильный институт. В Горячеводск – Театральный институт [15, л. 90–91об.].

Несогласованность в планировании эвакуации эвакуогоспиталей и гражданского населения на КМВ вызвали большую нагрузку и трудноразрешимые проблемы. Разместить всех эвакуированных в социальном жилье не получалось. Самостоятельно эвакуированные были вынуждены арендовать жилье, арендная плата на которое резко выросла. Рассчитывались личными вещами, предметами декоративно-прикладного характера. На имя председателя Ворошиловского горисполкома А.Н. Попова 20 апреля 1942 г. было направлено заявление Л.И. Друккер, в котором описывалось «ужасное положение... матери с грудным ребенком на руках, который перенес два раза воспаление легких» [24, л. 24–27].

В сельских поселениях также не хватало жилья. Эвакуированных размещали по 9–13 чел. в одной комнате площадью 10–15 кв. м., где не было никакой мебели [10, л. 20]. О тяжелом положении поляков содержится информация в докладной записке по результатам проверки на местах размещения эвакуированных, вызванной жалобами местного населения [10, л. 20]. Документ был составлен председателем крайисполкома А.А. Барановым 14 ноября 1944 г. и направлен заместителю Председателя СНК СССР В.М. Молотову. В нем указывалось, что в Каменнобродском, Расшиватском, Каменнобалковском и Ульяновском совхозах выявлен недостаток жилых площадей для эвакуированных, отсутствие ремонта в них, проблемы с подвозом топлива, нехватка обуви и одежды [10, л. 20]. Поскольку польские

граждане приехали в сельскую местность после завершения посевной, они не имели огородов и остро нуждались в продовольственном обеспечении.

Льготное снабжение эвакуированных определенных категорий осуществлялось по установленным нормам, через военторги, где по сниженным ценам продавали муку, растительное масло, крупу и др. [12, л. 31]. Реальность была таковой, что продуктов питания не хватало, также как и продовольственных товаров первой необходимости, теплой одежды, обуви, постельного белья и др. Почти все без исключения эвакуированные жаловались на отсутствие топлива, дров.

Сохранились фронтовые письма жен красноармейцев на фронт, в которых повсеместно описывалось бедственное положение в тылу [22, л. 2–3]. Военная цензура отслеживала всю военную корреспонденцию, выявленные факты нарушения прав эвакуированных семей военнослужащих сразу же доводили до органов местной власти, по месту временного жительства корреспондентов направляли проверки и принимали меры.

В докладной записке заместителя УНКВД по Орджоникидзевскому краю майора госбезопасности В.Н. Панкова секретарю ВКП(б) М.А. Сулову, датированной 31 декабря 1941 г., подтверждалось тяжелое материальное положение семей военнослужащих и правомерно поступающих в этой связи жалобах [22, л. 2–3].

Материальное положение эвакуированных семей военнослужащих было тяжелым. До 1 января 1942 г. производилась частичная выплата аванса, а с 1 января вопрос о дальнейших выплатах находился на рассмотрении в центре. К февралю 1942 г. на территории краев и областей Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО) свыше 7 тыс. семей не имели денежных аттестатов. Военный Совет оказывал им материальную помощь в размере 100–150 руб. 30 августа 1941 г. было принято распоряжением Наркомата торговли СССР обеспечить всем краям и областям эвакуированных семей, в первую очередь находящихся в сельских местностях, наравне с сельской интеллигенцией. В ходе выездных проверок в села выяснялось, что семьи военнослужащих должного снабжения не получили. Сохранилось письмо члена Военного Совета СКВО комиссара Смирнова в адрес секретаря крайкома ВКП(б) М.А. Сулова о мерах по улучшению условий жизни эвакуированных семей начсостава. Например, в Благодарненском районе Орджоникидзевского края 160 семей получили пособие по 10 тыс. руб., в оказании другой помощи им отказали. Нормы пайка на сахар систематически занижались, совсем не выдавали мыло, соль, дрова. Не оказывали помощь в трудоустройстве, детей в сады и ясли не брали. Многие находились на иждивении у родственников. Выше приведены в качестве примера типичные случаи [24, л. 4–3].

Все это накладывало отпечаток на эмоционально-психологическое состояние людей. По пути следования подвергаясь непрекращающимся бомбежкам, люди испытывали шок и боль от ран. Многие были контужены, теряли слух, зрение и чувствительность. При виде убитых и раненых их одо-

левало чувство страха, скорби из-за гибели родных. Люди впадали в состояние апатии, вялости, физической слабости и слабости духа. Страдала не только психика, но физическое состояние. В пути люди переохлаждались, заражались паразитами, испытывали нервное напряжение, что сказывалось на состоянии здоровья. Нехватка питьевой и горячей воды, продуктов питания, гигиенических средств, медикаментов, а также плохие санитарные условия, сопровождавшие людей в дороге, способствовали распространению инфекционных болезней. Распространялись заболевания желудочно-кишечного тракта, диарея, аменорея, сыпной тиф, холера, оспа и др. Многие нуждались в экстренной медицинской помощи. В письме под грифом «совершенно секретно» краевые органы власти извещались о прибытии в ближайшее время поезда с 23 тыс. ленинградцев, в том числе категорий «кадры сотрудников», в каждом эшелоне по 900 чел. Необходимо было подготовить для них койко-места так как «эвакуированные по состоянию здоровья (упадок питания) требуют особого ухода и питания, их необходимо поместить под наблюдение врачей в течение первых полутора-двух недель после прибытия, возможно госпитализировать. После оказания необходимой медицинской помощи местные власти могут их расселять в обычном порядке и трудоустраивать.

Не хватало самого необходимого. Так, один из заявителей от полной безысходности просил: «выделите хоть что-нибудь». На документе стоит виза о проверке общежития и о «полном отсутствии мыла у всех эвакуированных» [24, л. 8–9]. Диспансеризацию проводили на общих основаниях в медицинских учреждениях системы краевого здравоохранения. Пожилые страдали сердечными приступами и нервными расстройствами, необходимой медпомощи не получали. Больницы и госпитали были переполнены ранеными красноармейцами, не хватало перевязочного материала, медикаментов и др. Инфраструктура в селах была слабо развита, и сельскому населению приходили на помощь врачи из числа эвакуированного контингента – на дому оказывали квалифицированную медицинскую помощь, проводили экстренные хирургические операции, спасали жизни детей.

Выжить без работы в годы войны было невозможно. Эвакуированным высококвалифицированным специалистам, служащим трудоустроиться по профессии было сложно. Во многих документах речь идет о том, что многие «из приезжих хотели устроить себя по специальности или получить работу более подходящую». Промышленных предприятий в крае было недостаточно, рабочих мест не хватало. В краевом центре функционировали гормолзавод, биофабрика, пищекомбинат, металлообрабатывающий завод «Красный металлист», швейная и обувная фабрики. В органах местного управления и организациях старались работать по совмещению на нескольких должностях. Недостаточное питание, нервное и физическое переутомление снижали работоспособность. Имеющийся еще с довоенного периода дефицит кадров на селе, усугубился вследствие военной мобилизации. Восполнить его за счет эвакуированных женщин, детей и стариков не получалось.

Среди эвакуантов велся строгий учет профессий и трудоспособности: из приехавших 87 чел. поляков только 31 мужчина и 29 женщин были трудоспособны. Среди них 3 бухгалтера, 3 учителя, ветеринар, медсестра, 2 закройщика, 5 портных и сапожник. Женщины, способные работать на комбайнах и тракторах, подлежали учету. Но заменить ушедших на фронт мужчин по разным причинам они не могли. В многочисленных обращениях и заявлениях эвакуированных излагались причины, по которым они не могли работать в поле. У них не было обуви и теплой одежды. Те, кто приехал из крупных городов, были не удовлетворены, так как приходилось заниматься неквалифицированным физическим трудом. Чтобы не допустить социального недовольства Управление государственных трудовых резервов рекомендовало на местах учитывать этот факт [16, л. 101–105]. К директорам совхозов и колхозов шли письма с фронта, где просили освободить женщин с грудными детьми на руках, пожилых матерей от тяжелой физической работы [18, л. 19]. На сбор урожая отправляли всех без исключения студентов эвакуированных вузов, учащихся школ, стариков [14, л. 20–23].

В то время, когда в местной прессе звучал призыв: «Победа куется не только на поле брани, но и у станка, за рулем трактора и штурвалом комбайна. Это надо помнить ежечасно, ежеминутно. Ни малейшего ослабления трудового фронта! Таков лозунг сегодняшнего дня» [46, с. 1], представители эвакуированного населения страдали от отсутствия работы по профессии, от невозможности своим трудом вносить личный вклад в будущую победу над врагом. В органы местной власти направляли жалобы и заявления с просьбой о содействии в трудоустройстве или переброске их в другой, более экономически благоприятный район, в Дагестан или Азербайджан.

Причину существующей в крае проблемы с трудоустройством эвакуированных представители власти видели в нехватке профессиональных кадров на местах, в низком уровне компетенций заведующих и инструкторов рай- и горотделов соцобеспечения. Судя по письмам, эвакуированные не располагали дипломами и аттестатами, забывали их взять или утрачивали по пути следования. Эвакуированная из Крыма Т.А. Гладкова написала 26 апреля 1942 г. И.В. Сталину и попросила оказать содействие в трудоустройстве на Ставропольскую швейную фабрику [21, л. 138–139об]. Согласно визы на документе, отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения крайисполкома поручил Ворошиловскому эвакупункту принять меры к трудоустройству Т.А. Гладковой [21, л. 136, 137, 139].

Нарушение трудовой дисциплины расценивалось как преступление. С фронта на имя директоров колхозов и совхозов шли письма с просьбами освободить от тяжелой физической работы их жен с грудными детьми на руках, престарелых матерей. Просили выделить их семьям дрова, продукты питания, перевести в более благоустроенное жилье, разрешить возникшие конфликты с соседями, разыскать пропавших во время эвакуации родственников и др. В упоминаемой выше докладной записке майора госбезопасности В.Н. Панкова сообщалось о жалобах военнослужащих «на бездушное

отношение отсутствие заботы в семьях красноармейцев» [23, л. 2–3об]. Сохранилось письмо от 24 февраля 1942 г., направленное из Ворошиловска эвакуированной Ф.Я. Яновер в адрес Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина. Начинается оно с воодушевлением: «Дорогой товарищ Калинин», далее излагается просьба помочь в трудоустройстве. Сложившаяся ситуация описывалась следующим образом. Имея профессию телефонистки, она с двумя маленькими детьми не могла третий месяц устроиться на работу. Сообщала о «безвыходном положении», так как «была везде, и никто [не оказал] никакого содействия, как жене мобилизованного в РККА». Письмо Ф.Я. Яновер завершалось следующей фразой: «Ведь я хочу жить и растить своих детей. Растить поколение нашей дорогой родины. Я думаю, дорогой товарищ Калинин, что вы мне дадите ответ, как быть» [23, л. 2–3об]. Письмо Ф.Я. Яновер было направлено для рассмотрения в Ворошиловский горисполком. В информации от 23 марта 1942 г. секретарь горисполкома Новиков сообщил Президиуму, что Ф.Я. Яновер устроена на работу с 19 февраля 1942 г. официанткой в ресторан № 1 [23, л. 178].

Несмотря на все усилия со стороны органов центральной и местной власти, эвакуированные, особенно самостоятельно приехавшие, оказывались в крайне бедственном положении. Без жилья, средств существования, работы, хлебных карточек, медицинской помощи и др. Наиболее болезненно это всё сказывалось на детях. Дети, не имея обуви и одежды, по состоянию здоровья не могли посещать школу. В заявлении жены красноармейца С.Н. Гиммельфарб, поданном на имя председателя Ворошиловского горисполкома А.Н. Попова сообщалось, что она не получает денежные средства за пропавшего без вести мужа. Просила оказать помощь в приобретении одной пары обуви для её сына – учащегося 3 школы, отправленного «совершенно босым» на сельхозработы, так как «при эвакуации не могла взять больше одной пары обуви». Купить за 800 руб. на рынке пару обуви она не могла [23, л. 180–180об.].

Самым незащищенным слоем оказались женщины с малолетними детьми, им трудно было «пробить тяжелую стену жизни без помощи» [24, л. 69–69об.], добиться справедливости. Например, супруга служащего РККА Р.М. Луцкая вместе с 2-х летней дочерью и престарелой матерью эвакуировались в Ворошиловск из Запорожья 10 августа 1941 г. В своем заявлении на имя М.А. Суслова она указывала на свое тяжелое положение и отсутствие помощи со стороны и просила оказать «содействие достать чего-нибудь для ребенка и матери из мануфактуры, обуви и продуктов питания» [24, л. 69–69об.]. Решением Ворошиловского горисполкома 27 апреля 1942 г. Р.М. Луцкой было выделено единовременное денежное пособие в 100 руб. [24, л. 70–73].

Еще в начале войны в радиообращении к советскому народу Председателя Государственного комитета обороны И.В. Сталина 3 июля 1941 г. звучал призыв при вынужденном отступлении Красной армии «угонять весь передвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паро-

воза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. <...> Все ценное имущество ... которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться» [9].

Второй этап эвакуации материальных и людских ресурсов совпал с начальным периодом битвы за Кавказ летом 1942 г. Фашистская армия для продолжения захватнической мировой войны нуждалась в пополнении ресурсов, она прорывалась к нефтяным месторождениям на Кавказе. Не хватало времени и транспорта. Второй этап проходил стихийно, с большими потерями [45]. В колхозах и совхозах помогали из числа ранее эвакуированного населения опытные руководители, партийные кадры. Вывоз продовольственных фондов, промышленных ресурсов, топливных запасов, денежных активов осуществлялся круглосуточно. Часть эвакуонаселения пешком перемещалось в тыловые районы. Попадая по дороге под обстрелы, люди гибли, уничтожалось поголовье скота. Огромные потери скрывались, в отчетах крайисполкома показатели вывезенных ресурсов за пределы края умышленно завышались. Все, что не успевали погрузить и увезти, сжигали. Исследователи отмечают, что, несмотря на имеющийся на тот момент опыт первой волны, эвакуация была организована хуже, чем в соседнем Краснодарском крае [45].

Одновременно на территорию края из Ростовской области въезжали ранее эвакуированные из Москвы и Московской области. Контролировать неорганизованный поток людских ресурсов было невозможно. По данным современных исследователей около 80 млн чел. не смогли покинуть территорию края, оказавшись на оккупированной немцами территории.

В этот период было принято простое решение начать эвакуацию этнических немцев. В инструкциях крайкома и крайисполкома ВКП(б) по переселению колхозников немецкой национальности, которую направляли в районы, 24 января 1942 г. предписывалось обеспечить составление по каждому колхозу, из которых выселены колхозники немецкой национальности, инвентаризационно-заключительных балансов, строгую сохранность всего принятого имущества и других материальных ценностей и др. На деле учет не велся, повсеместно имущество расхищалось.

С одной стороны советские люди массово проявляли мужество и героизм, с другой – возрос уровень преступности. Таким образом, проявлялась обозначенная П.А. Сорокиным нравственная поляризация общества, когда одни деградируют – нравственно, умственно и биологически; другие закаляются и сохраняют несокрушимую целостность своей личности, в нравственном и духовном отношении становятся еще сильнее [52; 53; 54; 55]. В ряде документов отмечаются участвовавшие факты «воровства различных вещей в домах с целью их обмена или продажи... особенно районных центрах». Повсеместно отмечалось расхищение коллективного имущества, запасов фуража, зерна, крупного рогатого скота и др. особенно, во время второй волны эвакуации, когда эвакуировали колхозников – этнических немцев. Согласно принятому в крае постановлению, оставшийся рабочий и продуктивный скот, передавался в общественное хозяйство переселяемым кол-

хозам в кредит, с обязательным погашением стоимости скота согласно оценке в течение пяти лет. Жилые и надворные постройки советских граждан – этнических немцев стоимостью до 5 тыс. руб. передавали бесплатно вселяемым колхозникам для личного пользования. В тех случаях, когда стоимость передаваемых жилых и надворных построек превышала 5 тыс. руб., колхозникам выдавали кредит на оплату соответствующей суммы, сроком на 3 года.

Продовольственные, семенные и фуражные фонды (после погашения обязательств перед государством) новые колхозы получали в бывших немецких колхозах в порядке ссуды. Колхозы и колхозники, вселяющиеся на земли бывших немецких колхозов, должны были «принадлежащие им постройки сдавать местным органам власти по акту». Однако инвентаризация и передача имущества немецких колхозников происходила стихийно, оно массово расхищалось и присваивалось. Во время немецко-фашистской оккупации под угрозой расстрела оставшееся имущество немецких колхозников местное население продолжало расхищать. Собирали зрелые и невызревшие плоды, овощи, воровали лошадей, волов, коров, овец, свиней, кур и др. [17, л. 135]. В Минводском и Советском районах после освобождения от фашистско-немецких захватчиков были вскрыты факты крупных хищений и разбазаривания имущества, вывезенных с территории края этнических немцев [17, л. 135]. Например, в пункте «Заготзерно» станции Рогатая Балка после отхода немцев были обнаружены остатки большого количества овса. При инвентаризации на учет было поставлено примерно на 60 т меньше реального количества запасов. По данным прокурора Ставропольского края Н.Л. Зарубина, предоставленным в распоряжение секретаря крайкома ВКП(б) М.А. Сулова, выявлен факт организованного хищения около 2 000 пудов зерна. В совершении преступления обвинялись пять председателей и пять завхозов колхозов, один председатель сельского исполкома, шесть работников «Заготзерна» и четыре не установленных личности. По делу к уголовной ответственности привлекли 21 чел., 17 чел. арестовали. Установлено, что в совершении преступления участвовали работники милиции и военнослужащие 427-го автобатальона.

Нарушение трудовой дисциплины в условиях военного времени приравнивалось к преступлению. Сохранились заявления граждан, справки, составленные по результатам проверок, в которых обосновывались объективные причины, по которым эвакуированные не могли выходить на работу в колхозах и совхозах. В большинстве это были отсутствие обуви и одежды, необходимость ухода за грудными детьми, болезни.

Работники умственного труда жаловались на снижение способности сконцентрироваться, аккуратно выполнять работу, совершать интеллектуальную деятельность. В документах отмечалось снижение успеваемости среди школьников. Чтобы помочь семье получать карточки на хлеб, подростки устраивались на работу, школу не посещали. Для эвакуированных детей невозможность обучения была связана с элементарным отсутствием

обуви и одежды. Например, Лысогорскую начальную и среднюю школу из 223 учеников посещали 100 чел. Объяснялось такое положение дел со стороны руководства следующим образом: «не освобождение учащихся от колхозных работ, отсутствие обуви, недостаточная массово разъяснительная работа учителей с родителями, депутатов совета, отсутствие наглядных пособий, классных досок, незаконченный текущий ремонт, нехватка учебников, письменных принадлежностей, нерегулярное отопление школ, отсутствие в школах воды и техник». Не хватало и преподавательского состава (учителей географии, истории, ботаники, иностранного языка), учителя недостаточно обеспечивались продуктами питания, топкой, керосином, что отражалось на учебно-воспитательном процессе [16].

Эвакуированные вузы продолжали работать. За время оккупации фашисты замучили и расстреляли 33 научных сотрудника – 9 профессоров и столько же доцентов, а также 15 ассистентов. Угнали в Германию 95 преподавателей (в том числе 19 профессоров, 36 доцентов, 40 ассистентов). В документах оккупационного периода 58 чел. из эвакуированных в край ленинградских вузов «добровольно завербовались для работы на предприятиях Германии».

Гражданское население вступало в местные группы самозащиты. Люди на добровольных началах проходили в свободное от работы время дополнительное обучение (по 2 ч. в день), организованное районными советами. Медико-санитарное звено курировали Союз Красного Креста и Красного полумесяца. Их силами ликвидировали последствия воздушных налетов, тушили пожары, разбирали завалы, возводили оборонительные сооружения, оказывали доврачебную помощь пострадавшему населению, охраняли оставшееся после эвакуации имущество людей и организаций. С января 1943 г. после освобождения от немецко-фашистских оккупантов участвовали в восстановлении полноценной жизни общества. Восстанавливали городские коммуникации, перезахоранивали убитых фашистами жителей края и др.

Особенно тяжело в постоккупационный период приходилось сельским жителям края, оставшимся без запасов зерна и поголовья скота, утраченных во время второй волны эвакуации.

Дети возвращались к нормальному обучению. Восстанавливали материальную базу образовательных организаций. Согласно одному из сохранившихся документов, в одной из сельских школ после оккупации были выжжены полы в 3-х классных комнатах, сожжены 5 оконных рам, разрушены 3 печи и др. В одной только школе убытков на сумму 1 380 000 руб. [14, л. 13–16]. Директора школ обращались в райисполкомы с просьбой о помощи в приобретении учебников, наглядных пособий и письменных принадлежностей для учащихся. Краевые власти находили средства и для финансирования эвакуированных в край вузов, в том числе для поддержания их научно-исследовательской деятельности [14, л. 11–16].

Таким образом, повседневная жизнь эвакуированного населения в корне отличалась от привычного образа жизни. Люди испытывали серьезные

ограничения в удовлетворении первичных витальных потребностей. Вместе с тем население добровольно принимало ограничения, воспринимая условия войны как необходимость и тяжелые условия труда как средство скорейшей победы над врагом.

Подводя итог, отметим, что в результате перемещения эвакуированного населения в горизонтальной плоскости – из крупных городов в небольшие населенные пункты и села – происходило изменение социального положения по вертикали, что влекло за собой неизбежные ограничения нормального, привычного хода жизни. Сложившаяся в годы войны новая социальная группа эвакуированных была неоднородной по своему составу, в ней выделялись разные слои, в том числе малая группа, наделенная определенными льготами. Это семьи начсостава, эвакуируемые в первую очередь, работники оборонных предприятий, редкие специалисты, деятели культуры и др.

Хаотичность осуществляемой эвакуации, размеры которой уже в начале осени 1941 г. сильно превысили запланированные, способствовала тому, что люди, перемещенные из других областей, часто были лишены последнего – еды, одежды, обуви, постельных принадлежностей, дров и угля на зиму, средств гигиены. И местные власти, на плечи которых была возложена обязанность по обеспечению эвакуированного населения вещами, жильем и работой, не справлялись с потоком людей, оказавшихся на Ставрополье в крайне бедственном положении. Наиболее незащищенной стала категория эвакуированных с малыми детьми, к переживанию и лишениям которых добавлялись страх и тревога за здоровье и пропитание детей.

Необходимо сказать, что Ставрополье как аграрный регион не случайно становится перевалочным пунктом и местом скопления как эвакуированных по плану, так и беженцев, в том числе большого количества еврейского населения, поляков, этнических немцев. Возможности сельского хозяйства помогли избежать тотального голода массово эвакуированных людей. Хотя, с другой стороны, возможность трудоустройства для квалифицированных рабочих здесь, где промышленность была слабо развита, была недостаточной или отсутствовала вовсе.

Большинство патристически настроенных, дисциплинированных эвакуированных граждан добровольно подчинялось многочисленным изменениям в образе жизни и повседневности. Местное население сознательно снижало свой уровень жизни, чтобы повысить эффективность сбора средств для победы над врагом, часто жертвовало последним для прибывших из других регионов граждан, принимало в семьи детей блокадного Ленинграда и укрывало еврейское население. Вместе с тем, в обществе проявилась поляризация: если одни, жертвуя последним, делились тем немногим, что имели, другие стремились извлечь прибыль, действуя по принципу «моя хата с краю». В обществе военного времени, скученно живущем на небольшой территории, случались, и нередко, случаи криминального характера, часты были разного рода девиации как следствие тяжелых условий быта, так и неразберихи, творившейся на местном уровне власти. Случались и конф-

ликты на национальной почве как результат сложившейся социальной напряженности. Причинами конфликтов, как свидетельствует анализ источников, становились неоднозначно оцениваемые меры региональных властей по расселению эвакуированных, обеспечению их питанием и другими необходимыми вещами за счет и часто в ущерб местному населению. При «подселении в порядке уплотнения» страдали, по сути, обе стороны, и в некоторых случаях терпеть было невозможно, что провоцировало конфликты и многочисленные «письма во власть», отложившиеся в архивах.

В июне – июле 1945 г. начался процесс реэвакуации. Составлялись списки желающих вернуться на прежнее место жительства, которые согласовывались в органах местной власти. После этого люди получали моблистки и извещения об отъезде, в милиции выписывались по месту жительства, сдавали продовольственные и промтоварные карточки на себя и иждивенцев в карточное бюро, получали рейсовые карточки или справки о снятии со снабжения и отправлялись в обратный путь. Однако часть людей по тем или иным причинам уже не хотели возвращаться домой, «прижившись» на новом месте. В служебных документах обнаружены отказы в возвращении в Ленинград эвакуированным определенных профессий, прежде всего они касались врачей, медсестер, бухгалтеров, инженеров-технологов, инженеров-экономистов, учителей, художников, артистов.

Источники и литература

1. *Акулов М.Р.* Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны / М.Р. Акулов. Ставрополь: Ставроп. гос. пед. ин-т, 1967. 332 с.
2. *Андрюенко М.В.* Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: дис. ... канд. ист. наук / М.В. Андрюенко. Пятигорск, 2005. 171 с.
3. *Аурон Я.* Подвиг милосердия. Спасение детей из блокадного Ленинграда в черкесском ауле Бесленей. Взгляд спустя 75 лет / Я. Аурон, А.Д. Охтов. М.–Черкесск–Иерусалим: Б.и., 2018.
4. *Аурон Я.* Эвакуация и спасение: ленинградские блокадные дети в черкесском ауле Бесленей / Я. Аурон, А.Д. Охтов // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы.* 2018. № 1. С. 49–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evakuatsiya-i-spasenie-leningradskie-blokadnye-deti-v-cherkesskom-aule-besleney> (дата обращения: 01.01.2024).
5. *Беликов Г.* Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943 / Г. Беликов. Ставрополь: Фонд духов. просвещения, 1998. 151 с.
6. *Беликов А.М.* Тяжелую промышленность – в глубокий тыл // *Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сборник статей и воспоминаний.* М.: Наука, 1966. С. 31–53.
7. *Беленко М.П.* Эвакуация гражданского населения в среднеазиатские республики СССР в годы Великой Отечественной войны / М.П. Беленко // *Исторический курьер.* 2019. № 4(6). Статья 9. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-09.pdf> (дата обращения: 21.11.2024).

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

8. *Белоносков И.И.* Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. // Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сборник статей и воспоминаний. М.: Наука, 1966. С. 15–30.

9. Выступление И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. [Электронный ресурс] URL: <https://razbyka.ru/otechnik/6/1941-god-v-dvuh-knigah-dokumenty-kniga-vtoraja> (дата обращения: 20.09.2024).

10. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 57.

11. ГАИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 251.

12. ГАИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 238.

13. ГАИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 290.

14. ГАИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 339.

15. ГАИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 584.

16. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГА СК). Ф. Р-5314. Оп. 1. Д. 1.

17. ГА СК. Ф. Р-2590. Оп. 1 Д. 13.

18. ГА СК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 16.

19. ГА СК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 72.

20. ГА СК. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 110.

21. ГА СК. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 103.

22. ГА СК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 24.

23. ГА СК. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 88.

24. ГА СК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 24.

25. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 годах: сборник документов / сост. В. Белоконов, Т. Колпикова, Г. Никитенко. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. 696 с.

26. *Ешпанов В.С.* Проблема эвакуации человеческих и промышленных ресурсов по линиям Оренбургской железной дороги в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / В.С. Ешпанов // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1. С. 174–179.

27. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. 1917–1945 гг. СПб.; М.: Петербургский университет путей сообщения, 1997. 416 с.

28. *Клименко К.* Уральский промышленный район / К. Клименко. М.: Госплан-издат, 1945. 69 с.

29. *Ковалев И.В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / И.В. Ковалев. М.: Наука, 1981. 480 с.

30. *Копылов Ф.В.* Повседневная жизнь эвакуированного гражданского населения в прифронтовых городах Вологодской области и тыловом Урале в годы Великой Отечественной войны: сравнительный анализ / Ф.В. Копылов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4. С. 54–58.

31. *Куманев Г.А.* Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945 гг. / Г.А. Куманев. М.: Наука, 1988. 367 с.

32. *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре / В.Д. Лелеко. СПб.: СПбИК, 2002. 320 с.

33. *Линец С.И.* Город во мгле... (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации. Август 1942 г. – январь 1943 г.) / С.И. Линец. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 138 с.

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

34. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.) / С.И. Линец. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 492 с.

35. *Линец С.И.* Трагические страницы истории Ставрополя: эвакуация 1942 года / С.И. Линец // Научный вестник Академии информационных технологий в образовании, науке, и курортологии. 2000. № 2/5. С. 3–8.

36. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр., общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послеслов. А.Я. Гуревича. М.: Прогресс-Академия, 1992. 372 с.

37. *Липатов Н.П.* Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): очерки истории строительства / Н.П. Липатов. М.: Изд-во Академия наук СССР, 1960. 283 с.

38. *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона и др.; под общ. ред. с предисл. С.В. Журавлева. М.: РОССПЭН, 2010. 268 с.

39. *Малышева Е.М.* В борьбе за победу: (социальные отношения и экономическое сотрудничество рабочих и крестьян Северного Кавказа в годы войны 1941–1945) / Е.М. Малышева. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1992. 415 с.

40. *Микоян А.И.* В первые месяцы Великой Отечественной войны / А.И. Микоян // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 103–104.

41. *Мозохин О.Б.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны / О.Б. Мозохин // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2018. № 1(12). С. 20–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evakuatsiya-naseleniya-obektov-promyshlennosti-i-kulturnyh-tsennostey-iz-prifrontovoy-zony-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 01.01.2024).

42. *Петренко Т.А.* Эвакуационный процесс на Ставрополье летом 1942 года: успехи и трудности: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т.А. Петренко. Пятигорск, 2004. 27 с.

43. *Потемкина М.Н.* Историческое пространство эвакуации (1941–1945 гг.) / М.Н. Потемкина // Проблемы истории, филологии и культуры. 2012. С. 124–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-prostranstvo-evakuatsii-1941-1945-gg> (дата обращения: 01.09.2024).

44. *Потемкина М.Н.* Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941–1945 гг.) / М.Н. Потемкина // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 С. 219–226.

45. *Потемкина М.Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы / М.Н. Потемкина. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-т, 2002. 264 с.

46. Самоотверженно трудиться на своем посту // Молодой ленинец. 1941. 24 июня.

47. *Селюнин В.А.* Промышленность и транспорт Юга России в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук / В.А. Селюнин. Ростов-на-Дону, 1997. 519 с.

48. *Сенявская Е.С.* Человек на войне или тернистый путь к военной антропологии / Е.С. Сенявская // Исторический вестник. 2018. Т. XXIV. С. 10–43.

49. *Смоляков В.Н.* Под игом. Левокумье в годы оккупации (август 1942 – январь 1943) / В.Н. Смоляков. М.: Евгазия+, 2003. 296 с.

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

50. *Снегирева Л.И.* Эвакуация населения из Сталинграда в Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны (1942 г.) / Л.И. Снегирева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 3(192). С. 174–185.

51. *Сорокин П.А.* Границы и предмет социологии / П.А. Сорокин // Новые идеи в социологии. Социология: ее предмет и современное состояние. Вып. 1. СПб., 1913. С. 59–108.

52. *Сорокин П.А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / П.А. Сорокин. М.: Академия, 2003. 684 с.

53. *Сорокин П.А.* Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию / П.А. Сорокин // Экономист. 1922. № 2. С. 77–107.

54. *Сорокин П.А.* Социальная мобильность / П.А. Сорокин; пер. с англ. М.В. Соколовой; под общ. ред. В.В. Сапова. М.: Академия; LVS, 2005. 558 с.

55. *Сорокин П.А.* Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода. Эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / П.А. Сорокин; пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова; отв. ред. И.А. Федоров. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2012. 336 с.

56. *Тальцев А.Н.* Повседневная жизнь советского общества в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ставрополя): дис. ... канд. ист. наук / А.Н. Тальцев. Владикавказ, 2024. 202 с.

57. *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош. М.: Весь мир, 2000. 296 с.

58. *Уваров С.Н.* Эвакуированное население в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны / С.Н. Уваров, Д.В. Репников // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. Т. 26, вып. 1. С. 112–120.

59. *Федотов В.В.* Эвакуированное население Сталинградской области в 1941–1948 годах / В.В. Федотов // Научный диалог. 2019. № 3. С. 307–321.

60. *Эвартс Э.* «Курляндский котёл» 1944–1945: повседневность в условиях блокады / Э. Эвартс, Ю. Павлович // Журнал российских исторических исследований. 2014. № 1(5). С. 109–115.

61. *Ясинов В.Р.* Повесть о Левокумье / В.Р. Ясинов. М.: Воскресенье, 2003. 239 с.

Василенко Виктория Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор Высшей школы креативных индустрий Северо-Кавказского федерального университета; профессор Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, Россия, г. Ставрополь, vasilvika@yandex.ru

Ушмаева Ксения Алексеевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, Россия, г. Ставрополь, 89187507385@yandex.ru

Vasilenko Victoria V., Doctor of Sciences (History), Docent, Professor at the High School of Creative Industries, North-Caucasus Federal University; Professor, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia, Stavropol, vasilvika@yandex.ru

Ushmaeva Ksenia A., Doctor of Sciences (History), Docent, Professor at the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia, Stavropol, serovenientibus@yandex.ru

УДК 94(470.332).084.8

К.В. Купченко

ЭВАКУАЦИЯ И РЕЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на основе актуальных источников и привлеченных материалов центральных и региональных архивов рассматриваются малоизученные аспекты эвакуации и реэвакуации промышленных и гражданских учреждений, проведенных в период Великой Отечественной войны в Смоленской области. В работе определяются масштабы и специфика эвакуационных и реэвакуационных мероприятий, проводимых в регионе. Автор указывает, что в отличие от приграничных областей эвакуация на Смоленщине была проведена в больших объемах, хотя и отмечались определенные организационные недоработки и несогласованности. Реэвакуация вывезенных объектов начала осуществляться сразу же по мере освобождения районов области. В то же время, часть эвакуированных в начале Великой Отечественной войны объектов не была возвращена на территорию региона.

Ключевые слова: Смоленская область, война, эвакуация, реэвакуация.

К.В. Купченко

EVACUATION AND RE-EVACUATION OF INDUSTRIAL AND CIVIL INSTITUTIONS IN THE SMOLENSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article presents, based on current sources and attracted material from central and regional archives, aspects of evacuation and conducted during the Great Patriotic War in Smolensk region. The work identifies the scope and specificity of evacuation and recovery activities in the region. The author states that, unlike in the border areas, the evacuation on Smolensk was carried out in large quantities, although there were certain organizational shortcomings and inconsistencies. The evacuation of the removed facilities began immediately as the regions were liberated. At the same time, some of the objects evacuated at the beginning of the Great Patriotic War were not returned to the region.

Keywords: Smolensk region, war, evacuation, re-evacuation.

В истории Великой Отечественной войны вопросы эвакуации и реэвакуации, потребовавших огромных усилий населения, а также четкости, слаженности и оперативности в работе партийных, советских и хозяйственных органов, занимают особое место. Данные процессы, реализованные на территории Смоленской области, подвергшейся нападению и оккупации в начальный период агрессии нацистской Германии против Советского Союза, стали важнейшей задачей, напрямую связанной с выживанием страны в военное время.

Уже 23 июня 1941 г. решением Обкома ВКП(б) и Облисполкома была создана специальная комиссия по эвакуации жителей Смоленска и всего государственного имущества. 27 июня 1941 г. были вывезены материальные ценности из Смоленского отделения госбанка, авиационного завода № 35, запасы зерна. По поручению Смоленского обкома 28 июня 1941 г. из города стали убывать в тыл военные училища, штабы Западного фронта и Западного военного округа [17].

Однако, учитывая, что Смоленщина не относилась к прифронтовой полосе в семьдесят пять километров [15, с. 207], предполагавшей первоочередные мероприятия по эвакуации, в области смогли приступить к плановой масштабной отправке людей, организаций, имущества с некоторой задержкой, что приводило к определенной несогласованности в деятельности ведомств, нехватке времени для принятия конструктивных решений и потерям имущества.

В Смоленской области 8 июля 1941 г. постановлением бюро обкома ВКП(б) и облисполкома был создан областной комитет по эвакуации населения, имущества и скота во главе с заместителем председателя облисполкома А.Г. Соколовым [13, с. 24]. В первую очередь, предстояло вывезти промышленные предприятия.

Основными районами эвакуации из Смоленщины были обозначены регионы Поволжья, Урала, Западной Сибири, республики Средней Азии.

Уже к июлю 1941 г. были полностью заняты немцами 19 и частично 7 западных районов области, где остались не вывезенными многие предприятия, в первую очередь, легкой и перерабатывающей промышленности (льнозаводы и спиртзаводы) [7, л. 246]. Противнику досталось оборудование и имущество коммунальных служб занятых населенных пунктов, включая Смоленск [8, л. 10, 14], не убранный с полей урожай.

После захвата гитлеровцами Смоленска 16 июля 1941 г. областные партийно-советско-хозяйственные учреждения были перемещены в Вязьму (в восточном районе области), и город стал выполнять функции областного центра и важной тыловой базы Западного фронта.

В то же время, благодаря Ельнинской наступательной и Вяземской оборонительной операциям, сорвавшим планы противника на блицкриг и значительно замедлившим темпы его наступления, эвакуация на Смоленщине, в отличие от приграничных территорий, была проведена фактически в запланированных объемах. Правда, отмечались случаи несогласованности,

отмены вывоза имущества некоторых учреждений. Например, планируемая эвакуация Смоленского пединститута в Сталинград была отменена буквально за несколько дней до захвата областного центра противником под предлогом предотвращения паники среди населения. В результате часть преподавательского состава, студентов были вынуждены выбираться из города и добираться до нового места размещения (в Саратов) самостоятельно. Большая часть имущества института была утеряна во время оккупации [14, с. 145–155]. Кроме того, проведение эвакуации в условиях активных боевых действий, недостаточное количество железнодорожных вагонов (по данным на 15 августа 1941 г. из Смоленской области было отправлено 19 359 вагонов грузов, из которых в 10 479 перевозили имущество предприятий [6, л. 47], но и этого количества оказалось недостаточно), нехватка времени для демонтажа и вывоза оборудования влекли вынужденное уничтожение ценного имущества.

Из-за катастрофической нехватки при перемещении промышленных объектов в тыл не были отправлены тысячи тонн готовой продукции, полуфабрикатов, сырья прежде всего металлургических предприятий области и достались противнику [12, с. 54].

Тем не менее, к 15 сентября 1941 г. из Смоленской области было вывезено 46 основных предприятий с оборудованием и частью персонала: Смоленский завод № 35 Наркомата авиационной промышленности (в г. Куйбышев), Думиничский чугунолитейный завод «Революционер» (в г. Борисоглебск, Воронежской области), Кировский чугунолитейный завод (на Катав-Ивановский комбинат Южно-Уральской железной дороги), Рославльский вагоноремонтный завод (на Отрожский вагоноремонтный завод им. Тельмана в г. Воронеж), Смоленский завод им. Калинина по производству дорожных машин, Вяземский кожевенный завод (в г. Семипалатинск), Вяземская льночесальная фабрика (в г. Киров), три маслозавода (в Таджикскую ССР и Саратовскую область), строительная площадка № 198/1 Наркомата авиационной промышленности (в г. Горький) и др. [6, л. 3, 43, 47]

Несмотря на перечисленные выше трудности, все крупные предприятия и учреждения Смоленска, Сухиничей, Думиничей, Рославля, Вязьмы, Дзержинска, Гжатска были вывезены, а неподдающееся транспортировке имущество было уничтожено. Только из Ярцева было вывезено менее половины предприятий [4, л. 4].

Всего к 3 октября 1941 г. из Смоленской области было эвакуировано железнодорожным транспортом 25 тыс. вагонов с людьми, оборудованием и материальными ценностями [20, с. 37].

Помимо промышленных предприятий были эвакуированы Смоленский педагогический и медицинский институты (в г. Саратов), сельскохозяйственный институт (в г. Чебоксары), Западная зональная станция по льну (в Горьковскую область). Удалось вывезти в Новосибирск большую часть наиболее ценных коллекций смоленского музея.

Так же из области эвакуировались продовольствие и имущество сельскохозяйственных предприятий в Горьковскую, Ярославскую, Рязанскую, Кировскую области, в Мордовскую и Марийскую АССР. Однако, в связи с острой нехваткой транспортных средств (из имеющихся к 1941 г. 5 000 тракторов почти половина из них была мобилизована в армию), эвакуация техники и скота осуществлялась преимущественно своим ходом.

Необходимо отметить, что на ход вывоза имущества, оборудования предприятий, материальных ценностей влиял ряд факторов: скорость продвижения немецких войск, важность эвакуированных объектов, и даже инициатива отдельных руководителей.

Однако, процесс вывоза имущества, оборудования организаций сопровождался и негативными моментами, неизбежными в условиях военных действий. Фактически, эвакуация на Смоленщине проводилась часто буквально в непосредственной близости прямых боев с противником. Однако, в ряде районов области не удалось эвакуировать мелкие и средние предприятия перерабатывающей промышленности [10, л. 7, 8].

По состоянию на 15 сентября 1941 г. в оставшихся не занятыми противником районах области осталось не вывезенными 89 небольших предприятий, дорабатывавших имеющееся сырье, либо обеспечивавших своей продукцией части Красной армии, либо на их перемещение не хватало подвижного состава. Несмотря на сведения, указанные в подготовленной обкомом справки о том, что «вывезены все вяземские заводы» [6, л. 3, 35, 43, 60] с семьями рабочих, значительное количество эшелонов, покинувших город непосредственно перед его захватом противником, были разбомблены и уничтожены вражеской авиацией [6, л. 60; 3, л. 13].

По разным причинам (начавшееся в начале октября 1941 г. очередное наступление противника, отсутствие необходимого горючего, почти 2 000 тракторов и 146 тыс. лошадей было оставлено в незанятых противником районах для завершения уборочных работ [6, л. 60; 3, л. 48]) определенную часть техники и тягловой силы колхозов и совхозов эвакуировать не удалось.

Определенная часть (до 20 %) перегоняемого скота в процессе перемещения терялась. Причины: неквалифицированность погонщиков и самовольное оставление ими вверенного скота, рассеивание стад вражеской авиацией и их перехват противником на маршруте следования [5, л. 57].

В условиях продолжающегося наступления противника, оставления территорий, идущей эвакуации правоохранительными органами были выявлены факты неисполнения Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» [19, л. 51–52], Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об уборке безнадзорных посевов колхозов, совхозов и других организаций» [18, л. 211] и др.

Так, в спецсообщениях начальника Управления НКВД по Смоленской области председателю Смоленского облисполкома отмечались и факты откровенного вредительства руководящих лиц колхозов, не принявших должных мер к уборке и вывозу урожая, оставляя его гнить на полях. Так, к

20 июля 1941 г., было вывезено только 0,4 % хлеба от планируемого к вывозу из Смоленской области [2, с. 221]. В связи с этим определенная часть хлебных запасов области досталась противнику. Среди самих колхозников фиксировались антисоветские высказывания, дезорганизовавшие уборочные работы и сеявшие панику среди населения [9, л. 40, 40об.].

Отдельным спецдонесением областного НКВД отмечалось невыполнение руководителями областных учреждений распоряжения руководства страны об уничтожении имущества на оставляемых советских территориях при невозможности его вывоза. Указывалось, что при отходе Красной Армии и занятии части территории Смоленской области немцами, в ряде занятых районов остались невывезенными и неуничтоженными запасы продовольствия (тонны сыра, сливочного масла, муки, сахара, патоки), склады зерна, тракторные парки (на оккупированной территории области осталось 600 тракторов [16, л. 5]), оборудование и скот. Остались действующими электростанции, водопроводы, бани, телефонные станции с имеющимся на них оборудованием: трансформаторы, генераторы, насосы и т.д. В кассах учреждений остались значительные суммы наличных денег. Отмечалось, что все оставленное имущество, продовольствие, технику и ценности противник использует в своих целях [9, л. 5–8]. По всем фактам преступного оставления врагу материальных ценностей было проведено расследование. Виновные были привлечены к ответственности.

К 12 октября немцами были заняты все города и районные центры Смоленской области, оккупация которых продолжалась от 4 до 29 месяцев. Но уже в конце 1941 г. началось освобождение Смоленщины от немецко-фашистских войск [11].

Буквально сразу же с началом освобождения области стала осуществляться и реэвакуация вывезенных объектов. А работники Вяземского кожевенного завода, не дожидаясь возвращения имущества и оборудования из эвакуации, наладили обработку кожи в цехах кустарным способом [20, с. 119].

Приоритет в возобновление деятельности организаций был отдан разрушенным предприятиям и учреждениям, обеспечивающим нужды обороны, строительного комплекса, жилищно-коммунального хозяйства, мелким производствам местной пищевой, перерабатывающей промышленности. Сразу после освобождения было принято решение о восстановлении хлебозаводов и о строительстве новых комбикормовых заводов в Вязьме и Смоленске. В военные и первые послевоенные годы промышленность Смоленщины по-прежнему ориентировалась на использование местной сырьевой базы.

Восстанавливались заведения, осуществлявшие подготовку кадров: Смоленский коммунально-строительный техникум, медицинский институт, Смоленский педагогический институт, педагогические училища в Смоленске, Духовщине, Соболево (Монастырщинский район), Гжатске.

Возвращена из эвакуации часть коллекций смоленского музея. К сожалению, не вывезенные экспонаты, представлявшие определенную художест-

венную ценность, были расхищены оккупантами, и судьба большей части из них до сих пор не известна.

Отметим, что реэвакуация не носила зеркального характера относительно вывоза имущества и организаций. Часть оборудования не возвращалась в места довоенного размещения и направлялась в другие районы. Так, Западная зональная станция по льну, эвакуированная из Батищево в Горьковскую область, была реэвакуирована в Шокино Кардымовского района.

Ряд предприятий восстанавливался на новых площадках (Смоленский мелькомбинат). Отдельные предприятия сменили специализацию: завод в Вачково (Кардымовский район) с производства сгущенного молока перешел на изготовление молока сухого, Вяземский чугунолитейный механический завод перешел на производство оборудования для прачечных.

Основанием для этого послужили незавершенность освобождения области, разорённость сельского хозяйства, приоритет в развитии на тот момент других отраслей и масштабы разрушений.

В то же время часть вывезенных в начале Великой Отечественной войны объектов не была возвращена решениями партийных и хозяйственных властей по причине отсутствия необходимых мощностей для их размещения, либо нецелесообразности их восстановления на территории региона.

Ещё в 1943 г. было принято решение не восстанавливать часть крупных предприятий, работающих на привозном сырье: Смоленский фанерный завод, Милягинская бумажная фабрика (Всходский район), стеклозавод «Красное знамя» (Стадолиценский район), Вяземская льночесальная фабрика. Их оборудование из эвакуации так и не было возвращено. Из пяти вывезенных маслобойных заводов было решено восстановить только два (в Вязьме и Рославле).

Кроме того, из-за разрушения и разорения зданий всех высших учебных заведений, большинства средних специальных учебных заведений, часть эвакуированных учреждений так и не возобновили свою деятельность на территории Смоленской области.

Так, стала невозможна из Чебоксар реэвакуация сельскохозяйственного института, поскольку его здание было взорвано во время войны. При активном содействии партийных органов Смоленский сельхозинститут возродил свою деятельность в регионе только в 1974 г. Не были восстановлены учительский институт, животноводческий техникум, медицинская школа в Дорогобуже, учительский институт в Вязьме, Белорусский педагогический техникум в Рудне. Не состоялась реэвакуация и восстановление деятельности трех средних военных учебных заведений.

В заключение отметим, что проводимые на территории Смоленской области эвакуационные мероприятия позволили сохранить хозяйственный потенциал для последующего развития экономики военного времени. Однако, реэвакуация не была реализована в полном объеме, и регион смог восстановить довоенный экономический потенциал и частично культурный по-

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

тенциал только к началу 1960-х гг. Но демографический потенциал область не смогла восстановить и к концу 1980-х гг.

Источники и литература

1. *Аникеев А.А.* Использование фашистской Германией аграрно-экономических ресурсов оккупированных государств Европы в годы Второй мировой войны / А.А. Аникеев // Из истории экономической политики Европейских капиталистических государств в новое и новейшее время. Ростов-на-Дону: РГПИ, 1987. С. 46–64.
2. Вывоз хлеба из прифронтовых районов. Справка Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву. Не позднее 26 июля 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 221.
3. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИ СО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 699.
4. ГАНИ СО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 741.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 6822. Оп. 1. Д. 511.
6. Государственный архив Смоленской области (далее – ГА СО). Ф. Р-2361. Оп. 5с. Св. 3. Д. 12.
7. ГА СО. Ф. Р-2361. Оп. 5с. Св. 3. Д. 15.
8. ГА СО. Ф. Р-2361. Оп. 5с. Св. 3. Д. 18.
9. ГА СО. Ф. Р-2361. Оп. 5с. Св. 3. Д. 25.
10. ГА СО. Ф. 2573. Оп. 1. Д. 239.
11. *Зорохович Я.С.* Смоленская область (очерк экономики) / Я.С. Зохорович. Смоленск: Смолгиз, 1948. 160 с.
12. *Комаров Д.* Эксплуатация советской экономики немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) / Д. Комаров. Смоленск: СГПУ, 2001. 190 с.
13. *Комаров Д.Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной. Смоленск: «Свиток», 2015. 365 с.
14. *Купченко К.В.* Повседневность Смоленского государственного пединститута им. К. Маркса в период Великой Отечественной войны (по воспоминаниям современников) / К.В. Купченко, Н.В. Никитина // Технологос. 2020. № 3. С. 145–155.
15. Ответ на телеграмму из Киева. Телеграмма Государственного Комитета Оборона. 10 июля 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 207.
16. Очерки истории Смоленской организации КПСС. М.: Московский рабочий, 1970. 576 с.
17. Первые дни войны. Воспоминания коменданта г. Смоленска Ф.М. Багреева // ГАНИ СО. Ф. 142. Оп. 2.
18. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 августа 1941 г. № 1989 «Об уборке безнадзорных посевов колхозов, совхозов и других организаций» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195.
19. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. № 1767-770 сс «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 6.
20. Смоленская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. М.: Московский рабочий, 1977. 448 с.

Купченко Константин Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и математических наук, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, г. Смоленск, konstan1977@yandex.ru

Kupchenko Konstantin V., Candidate of Sciences (History), Docent, Associate Professor of Humanities and Mathematics, Smolensk State Agricultural Academy, Russia, Smolensk, konstan1977@yandex.ru

УДК 364-787.24(470.42).084.8

Р.В. Шайдуллин, А.Ю. Пичугин

ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. Статья посвящена изучению отдельных аспектов социально-экономического положения семей военнослужащих в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны. Проанализированы меры социальной помощи, действовавшие в отношении семей военнослужащих, практиковавшиеся на территории региона в военное время, а также учтены проблемные аспекты, связанные как с уровнем и качеством жизни населения, так и с должностными нарушениями и злоупотреблениями государственных служащих районных и сельских органов власти. Кроме того, рассмотрены отдельные проблемы, связанные с трудоустройством семей фронтовиков в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Ульяновская область, семьи военнослужащих, социальная помощь, трудоустройство.

R. V. Shaydullin, A. Yu. Pichugin

STATE OF MILITARY FAMILIES IN THE ULYANOVSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Abstract. The article is devoted to the study of certain aspects of the socio-economic state of military families in the Ulyanovsk region during the Great Patriotic War. The social assistance measures applied to military families that were practiced in the region during the war were analyzed, and problematic aspects related to both the standard and quality of life of the population, as well as official violations and abuses by civil servants of district and rural authorities were taken into account. In addition, certain problems related to the employment of families of front-line soldiers during the war years are considered.

Keywords: The Great Patriotic War of 1941–1945, Ulyanovsk region, military families, social assistance, employment.

В годы Великой Отечественной войны, когда военнослужащие Красной армии сражались с врагом на фронте, их семьи находились в тылу и порой испытывали трудности и лишения. В этой ситуации особенно актуализировался вопрос социальной поддержки семей военных. Вместе с тем по различным объективным и субъективным причинам зачастую имела место волокита с оформлением документов семьям военнослужащих на получение пенсий, пособий и других материальных благ. Планомерная и более полноценная работа в сфере социального обеспечения семей военнослужащих началась только в феврале – марте 1943 г., после создания отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и утверждения их штатов при областных, районных и городских исполкомах.

Этому способствовали не только ревизии деятельности социальных служб на местах, но и различные формы привлечения их нерадивых работников к административной и уголовной ответственности. В результате за несколько месяцев 1943 г. значительно выросла численность семей военнослужащих, подлежащих охвату по линии государственных структур социального призрения. К примеру, в ходе дополнительной проверки отделами по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих уже в первые месяцы их работы в РСФСР было выявлено около 112 тыс. семей фронтовиков, не получавших пособия. Кроме того, более чем у 62 тыс. семей был увеличен размер пособий. Всего за 1943 г. по РСФСР объем выплаченных пособий и пенсий составил 6,7 млрд руб. [18]

Именно в этот период семьи военнослужащих по своему материальному достатку были разделены на несколько категорий: «не нуждавшиеся», «средне нуждавшиеся», «остро нуждавшиеся». В результате значительная часть материальных ресурсов была направлена на социальное обеспечение «остро нуждавшихся» семей военнослужащих, испытывавших острую потребность в продовольствии, предметах одежды, обуви, а также в трудоустройстве, жилье и различных формах трудовой помощи.

С этой целью в дни декадника помощи семьям военнослужащих (15–25 марта 1943 г.) в Ульяновской области была проведена масштабная работа по проверке социально-экономического состояния семей военнослужащих и форм помощи, оказываемых им различными государственными, хозяйственными и общественными структурами. В ходе проверки было выявлено 142,1 тыс. «остро нуждавшихся» семей военнослужащих. Но самым прискорбным было то, что из них только 59,2 % получали пособие. К 30 сентября 1943 г., после более глубоких обследований работы социальных структур, общее количество семей военнослужащих увеличилось до 150 394, из которых 82 % были отнесены к категории «остро нуждавшихся» [14, л. 2, 16]. Из них 130 641 семья получала пособие и 10 143 семьи – пен-

сию [15, л. 38, 40]. За 10 месяцев 1943 г. в Ульяновской области было выплачено пенсий и пособий на сумму 77,5 млн руб., предоставлены льготы по денежным платежам 83 233 семьям военнослужащих и погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Были также трудоустроены 41 524 члена семей военнослужащих [13, л. 107, 108].

Причем в ходе проверки было установлено, что не все семьи фронтовиков получали положенные им по закону пособия и пенсии. Во время проведения переучета в 1943 г. были выявлены 1 879 семей, имевших право на пособие, но не получавших его в течение продолжительного времени. В то же время 2 261 семья, утратившая право на получение пособий, его получала. Проверкой правильности получения льгот, предоставляемых колхозникам по денежным платежам и государственным поставкам сельскохозяйственных продуктов, были обнаружены 1 343 факта неправильного обложения семей военнослужащих [15, л. 39, 42].

В течение всего периода войны в Ульяновской области продолжалась работа по уточнению и дополнению списка семей военнослужащих, а также остро нуждавшихся в социальной помощи. С учетом обобщения опыта практической реализации, изучения обращений от фронтовиков и членов их семей, других предложений продолжалась работа по совершенствованию форм социального обслуживания этой категории населения. Самыми приоритетными в этой работе были следующие моменты: совершенствование подходов к формированию единого регионального стандарта мер поддержки участников войны и членов их семей; решение проблемных аспектов правоприменительной практики по предоставлению социальной помощи фронтовикам и членам их семей; улучшение системы назначения и выплаты пенсий и пособий. Такое повышенное внимание к социальному обеспечению семей фронтовиков было связано с необходимостью минимизации существующего риска при выполнении военнослужащими своих обязанностей.

В годы Великой Отечественной войны немало в этом отношении сделал военный отдел Ульяновского обкома ВКП(б), который часто проводил инспекционные поездки в сельские районы по проверке работы социальных служб и социально-экономического состояния семей фронтовиков. По итогам обследования деятельности отделов государственного обеспечения за 1944 г. областной военный отдел констатировал, что, несмотря на определенные успехи в их работе по назначению и выдаче пособий и пенсий, им не удалось минимизировать недостатки в деле помощи семьям фронтовиков. По предварительным подсчетам ревизоров областного военного отдела из 160 тыс. семей военнослужащих, проживавших на территории Ульяновской области, 85,6 % относились к категории «остро нуждавшихся». Причем почти все семьи военнослужащих испытывали острую нужду в денежных средствах, продуктах питания, одежде, обуви [3, л. 83]. Не лучше обстояли дела с заботой о семьях фронтовиков, потерявших кормильца. В апреле 1945 г. в Ульяновской области таких семей военнослужащих насчитывалось 26,9 тыс., из них только 79,6 % получали государственную пенсию [3, л. 50].

К октябрю 1945 г. в области проживало 32 185 семей погибших фронтовиков, в том числе 3 433 семьи начсостава [15, л. 56]. Значительная часть офицерских семей нуждалась в социальной помощи, особенно жители сельских районов. Почти 80 % таковых проживало в сельской местности.

В суровых условиях Великой Отечественной войны мобилизация в действующую армию значительной части трудоспособного населения аграрной Ульяновской области (примерно 258 тыс. чел. [8, л. 135]) негативно повлияла не только на экономику региона, но и на материальное положение ее жителей, особенно семей военнослужащих. Среди главных причин ухудшения материального положения населения следует назвать также снижение производства товаров широкого потребления, урожайности хлебов и товарности животноводства, резкое увеличение численности социальных иждивенцев в лице семей фронтовиков и лиц, пропавших без вести, инвалидов войны, детей-сирот, родителей, потерявших кормильца, массовый приток в область эвакуированных граждан из оккупированных и прифронтовых территорий (свыше 140 тыс. чел. [1, л. 6]).

Все это значительно увеличило материальные затраты на содержание сильно расширившегося контингента социальных иждивенцев. Особенно остро стоял вопрос снабжения семей военнослужащих продовольствием, поскольку с усилением налогового пресса на сельских тружеников в форме повышенных натурального и подоходного налогов, а также других платежей и трудовых повинностей упала заинтересованность селян в конечном продукте. Это привело к значительному снижению производительности труда в колхозно-совхозном производстве и уменьшению объемов выпускаемой сельскохозяйственной продукции.

Особенно тяжелым было положение населения, эвакуированного в сельские районы. От общей численности эвакуированных (85 тыс. чел.) до 40 тыс. проживало в сельских поселениях [20, с. 6]. Им требовалась особая социальная забота, поскольку они приехали на новое место почти без багажа. Для налаживания их быта на местах тратилась значительная часть государственных и общественных средств. Это происходило в условиях, когда из года в год падали урожаи зерновых и уменьшались объемы поставок хлеба государству. К примеру, в 1941 г. аграрный сектор области сдал государству 245 тыс. т, в 1942 г. – 198, в 1943 г. – 116 тыс. т [19]. Значительное снижение валового сбора зерна и сокращение поголовья скота не могло не сказаться и на уровне доходов тружеников сельского хозяйства. К примеру, если в 1941 г. в среднем на один трудодень член колхоза получал 1,5 кг зерна, то к 1943 г. – только 0,3 кг [17, с. 115], то есть его объем сократился в пять раз. Колхозники, получавшие по трудодням в среднем по 210 г зерна, при условии его продажи на рынке могли рассчитывать на ежемесячный доход в размере менее 40 руб. [2, л. 65] В результате колхозники, составлявшие подавляющее большинство населения области, оказались самой незащищенной категорией народонаселения, в том числе и семьи военнослужащих.

Об этом свидетельствует и усиление в годы Великой Отечественной войны административно-трудового прессы на колхозное крестьянство. В 1942 г. был увеличен обязательный минимум трудодней для колхозников: для каждого трудоспособного члена артели в Ульяновской области он составлял 120 трудодней. Для членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет минимум был установлен в 50 трудодней. При этом областной исполком имел право этот минимум повысить на 20 %. Причем трудоспособных колхозников, не выработавших без уважительных причин обязательный минимум трудодней, могли привлечь в судебном порядке к исправительно-трудовым работам в колхозах на срок до шести месяцев с удержанием до 25 % из оплаты трудодней в пользу хозяйства. Кроме того, трудоспособных членов колхозов, не выработавших в течение года обязательного минимума трудодней, могли исключить из колхозов и лишить их приусадебного участка. Председателей и бригадиров за уклонение от предания суду трудоспособных колхозников, не выработавших минимума, в свою очередь могли привлечь к административной, отчасти и к уголовной ответственности [11, л. 354, 355, 357].

Депрессивное состояние аграрного сектора Ульяновской области в годы войны не способствовало серьезным подвижкам по улучшению продовольственного положения семей военнослужащих, что вынуждало использовать в качестве продуктов питания условно съедобные суррогаты и субпродукты. В результате полуголодное местное население не могло оказать существенную помощь эвакуированным гражданам. И со стороны государства эта категория населения не получала должной денежной и материальной помощи. Их жизнь осложнялась и тем, что размер назначаемых пособий или пенсий был значительно меньше средней зарплаты по промышленности. К примеру, средняя зарплата рабочих промышленных предприятий Ульяновской области к 1943 г. составляла 359 руб., а размер пособия не превышал 119 руб., пенсии – 103 руб. [5, л. 65] Размеры пенсий и пособий, получаемых этой категорией населения, в условиях жесточайшей военной разрухи, инфляции и дороговизны были ничтожными и не обеспечивали ей даже скудное существование.

Об этом ярко свидетельствуют условия проживания эвакуированных семей военнослужащих в Сурском районе, которые с первых дней своего пребывания на территории района терпели серьезную нужду. Так, инструктором военного отдела Сурского райкома ВКП(б) Кулагиной 24 сентября 1941 г. были обследованы 17 семей командного состава Красной армии, проживавшие в районном центре. Из них пять семей проживало в очень плохих условиях, 12 семей – в плохих условиях. Семья Харченко, состоявшая из пяти человек, не имела одежду, нуждалась в белье, теплых нательных вещах и обуви; хлеб семья получала только на иждивенцев, а супруге фронтовика хлеб не выдавали, мотивируя это тем, что она может работать, хотя у нее на руках был трехмесячный ребенок. Семьи Павлова, Соколова, Герасимова проживали в одной квартире, не имели мебели, нуждались в

белье, теплой одежде и обуви; хлеб им выдавали только по 200 г на иждивенцев, не обращая при этом внимания на нетрудоспособность взрослых ее членов. Семья Рыбина, где был двухлетний мальчик и в ближайшее время должен был родиться ребенок, не имела нательной одежды, совершенно не располагала теплой одеждой и обувью [6, л. 30]. Все обследованные семьи нуждались в постельных принадлежностях, дровах и керосине. Исходя из сложившейся ситуации, инструктор Кулагина просила вопрос о выделении помощи этим семьям обсудить на бюро райкома, поскольку районные собес и исполком дружно отказывали им в выдаче одежды, обуви, топлива, а также не соглашались ставить на снабжение хлебом взрослых нетрудоспособных членов семей [6, л. 30].

Подобные факты равнодушного отношения к семьям военнослужащих в Ульяновской области в годы войны встречаются повсеместно. Это обстоятельство также усугублялось серьезными правонарушениями руководителей различных властных инстанций, в первую очередь, районных и низовых звеньев органов власти. Даже к концу войны не смогли покончить с этим, поскольку они уже приобрели не только глубинный, но и организованный характер. К примеру, за пять месяцев 1945 г. районными органами социальной службы было переплачено 57 560 руб. и недоплачено 35 244 руб. [12, л. 173,175]. Все эти нарушения в то время объяснялись некачественной работой комиссий, занимавшихся назначением государственных пособий и пенсий семьям военнослужащих. Особо большие нарушения в работе комиссий наблюдались в Мало-Кандалинском, Николаевском, Ново-Малыклинском, Сурском и Чердаклинском районах Ульяновской области. В отчетах проверочных комиссий отмечались различные неправомерные действия местных районных и сельских работников. В составе их преступных деяний были и хищения денежных и материальных средств, предназначенных для помощи семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны. Среди этих правонарушителей были и работники отделов государственного обеспечения, так, ими в Сурском районе в январе – феврале 1945 г. было похищено 15 075 руб., в Ново-Малыклинском районе за 11 месяцев 1945 г. – свыше 46 тыс. руб. [15, л. 176].

Условием для появления этих правонарушений были различные приписки, занижения и умалчивание данных о семьях военнослужащих, завышения и занижения размеров помощи этой категории населения, а также разворовывание государственных и общественных материальных ресурсов. В них активное участие принимали различные теневые дельцы, обогащавшиеся за счет семей военнослужащих и инвалидов. За годы войны в различных структурах власти, связанных с распределением государственных денежных и материальных средств, сложилась своеобразная прослойка предприимчивых управленцев, сращенная с местными дельцами, которая начала верховодить в социальной сфере, в том числе при назначении и выплате пенсий и пособий семьям военнослужащих. При их непосредственном участии районные и низовые структуры власти научились правильно и в нужном политическом кон-

тексте отчитываться перед вышестоящим руководством. Об этом наглядно свидетельствуют отчеты районных отделов по государственному обеспечению о материальном положении семей военнослужащих, предоставленные в апреле 1945 г. в Ульяновский обком ВКП(б), большинство из которых было составлено в позитивном ключе, поскольку руководители исполкомов районов и городов отчитывались по тем показателям, по которым наметилась определенная положительная подвижка. Так, Богдашкинский райком ВКП(б) отчитался данными о проверке материально-бытовых условий семей Героев Советского Союза, проживавших на территории района. В своем отчете райком отметил, что все семьи имеют хороший материальный достаток, жены трудоустроены, а их дети посещают школу; дома с надворными постройками отремонтированы силами колхозов и сельсоветов. По аттестату семьи ежемесячно получают по 800 руб., а их дети – пайки из сельпо и райцентра, а также помощь колхозов и заграничные подарки, выдаваемые отделом по государственному обеспечению. В то же время в районе было много остро нуждавшихся семей военнослужащих, до которых часто не доходила положенная социальная помощь. В Жадовском районе на 1 апреля 1945 г. проживало 5 010 семей военнослужащих, из которых 274 – семьи начсостава. В отчете за апрель 1945 г. руководители райкома отрапортовали, что все семьи военнослужащих полностью обеспечены землей под огороды; на посев в 1945 г. они получили 11 тыс. руб. (в среднем по 300 руб. на семью), 2,5 т проса и ржи и 8 т семян картофеля [7, л. 7, 8, 9].

Многие радужные отчеты районных и сельских властных структур подвергались критике со стороны областных и районных властей. Однако лишь в редких, исключительных случаях в отношении составителей подобных отчетов применялись какие-либо серьезные карательные меры. В основном разбирательства по их делам заканчивались вынесением определенных партийных взысканий, чаще всего замечаний, выговором или административными оргвыводами в форме перевода с одной должности на другую. В годы войны они были «нужными людьми», работавшими в общей системе координат ветвей власти. Одновременно к концу войны произошло сращивание областных и районных, районных и сельских органов власти, руководители которых всячески поддерживали друг друга, поскольку большинство из них различными узами было связано между собой. И в результате часто они были вынуждены закрывать глаза на противоправные действия своих подчиненных, предоставляя им тем самым иммунитет от партийных, административных и судебных преследований, поскольку их материальные интересы ставились выше потребностей семей военнослужащих.

Из редких отчетов местных властей можно узнать истинное положение фронтовиков и членов их семей, их жизненные невзгоды. В то же время все это нашло отражение в итоговых документах различных проверочных комиссий областного военного отдела, отчасти и его районных структур. В них факты представлены более наглядно и объективно. В этом плане наглядным примером является итоговый отчет работы комиссии областного

военного отдела по Барановскому району, который свидетельствует, «что из-за отсутствия детских садов и яслей многодетные матери почти все без исключения работали только во время сезонных полевых работ. В результате они имели минимум трудодней, а следовательно, остро нуждались как в продуктах, так и в различных предметах одежды. Обследованием 16 сельсоветов района было установлено, что из 225 семей к маю 1945 г. 210 не имели хлеба. Кроме того, они остро нуждались в одежде и обуви. Из-за отсутствия теплой одежды и обуви дети не посещали школу» [8, л. 14].

Из содержания отчета видно, что положение более 200 семей военнослужащих было плачевным, они нуждались не только в товарах фабрично-заводского производства, но и в хлебе. В итоге они голодали, вместо хлеба употребляли в пищу различные условно съедобные суррогаты.

Барановский район в плане трудоустройства семей фронтовиков не был исключением. Эта проблема была актуальной и для других районов, и требовалось ее незамедлительное решение, особенно в отношении семей фронтовиков, эвакуированных из западных регионов страны. К 1943 г. численность эвакуированных граждан в области достигла 85 тыс. человек [20, с. 6]. Их доля в общей численности населения выросла с 16,8 % в 1941 г. до 19,3 % в 1944-м [12, л. 8], что значительно осложнило трудоустройство членов семей военнослужащих. Но, несмотря на это, по состоянию на 1 июня 1943 г. из общего числа проживавших в Ульяновской области трудоспособных членов семей военнослужащих, составлявшего 112 601 чел., на предприятия, в учреждения, совхозы и колхозы были трудоустроены 106 027 чел. Причиной отсутствия работы у оставшихся 6 574 чел. в основном стали трудности с устройством в детские учреждения малолетних детей. Хотя для создания условий по трудоустройству в июне 1943 г. в области было организовано 1 468 детских площадок с охватом в весенне-летний сезон 65 007 детей, а также расширена сеть детских учреждений на 427 мест. Данные детские весенне-летние площадки были временной мерой, но все же они позволили трудоустроить в колхозы и совхозы 2 713 членов семей фронтовиков [2, л. 40]. В августе 1945 г. из 2 278 нетрудоустроенных членов семей военнослужащих свыше 70 % являлись матерями двух и более несовершеннолетних детей в возрасте до 8 лет [5, л. 95]. На 1 декабря 1945 г. было трудоустроено 5 114 трудоспособных членов семей фронтовиков, но в то же время более 3 тыс. числились безработными [10, л. 26].

Решение непростой в условиях военного времени задачи по оказанию содействия эффективному трудоустройству фронтовиков и членов их семей требовало комплексного подхода, включающего систему мер стимулирования работодателей к созданию рабочих мест (субсидии, льготы по имущественному и земельному налогам), разработку методических рекомендаций с перечнем рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности, установление квоты для приема на работу участников войны, а также определение прав и обязанностей работодателей и их ответственности за неисполнение обязанностей по квотированию рабочих мест и переобучению

членов семей военнослужащих на специальности, востребованные в том или ином районе или населенном пункте Ульяновской области. По данным 1944 г., процент переобученных членов семей военнослужащих в области был ничтожно малым. В среднем в одном районе новые специальности приобрели 15–20 человек [4, л. 27]. От этого больше всего страдали эвакуированные семьи с дипломами о высшем и среднем профессиональном образовании, проживавшие в сельской местности.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны система социальных гарантий фронтовикам и членам их семей представляла собой «живой организм», который требовал постоянного развития с учетом накопленного опыта, новых рисков и возможностей. Забота о семьях фронтовиков в годы Великой Отечественной войны стала важнейшей задачей как для советских, так и для партийных органов власти. Об этом свидетельствует широкий перечень форм социальной помощи, реализуемых и контролируемых этими структурами на территории Ульяновской области в изучаемый период. Все это определенно позволило не только выжить, но и расширить возможности по трудоустройству семей участников войны и поддержать их в трудной жизненной ситуации. Однако из-за депрессивного состояния аграрного сектора экономики области, связанного с ним сокращения сельскохозяйственных продовольственных и сырьевых ресурсов и их дефицита, дороговизны социальные выплаты и различные формы материальной помощи были не в состоянии гарантировать достойный уровень текущего потребления для наиболее уязвимых представителей этой категории населения. Такое положение вещей с практической точки зрения не способствовало широкому развитию системы социальной поддержки путем учета местного опыта внедрения ее новых инструментов, гарантировавших семьям военнослужащих определенный уровень доходов.

Источники и литература

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 128.
2. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 197.
3. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 281.
4. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 29.
5. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 60.
6. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 273.
7. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 280.
8. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 432.
9. ГАНИ УО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 565.
10. ГАНИ УО. Ф. 425. Оп. 1. Д. 245.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199.
12. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГА УО). Ф. Р-2507. Оп. 1. Д. 4.
13. ГА УО. Ф. Р-2507. Оп. 1. Д. 6.

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

14. ГА УО. Ф. Р-2507. Оп. 1. Д. 11.
15. ГА УО. Ф. Р-3038. Оп. 4. Д. 21.
16. ГА УО. Ф. Р-2520. Оп. 7. Д. 16.
17. *Забалухина Н.В.* Симбирский – Ульяновский край в новейшей истории России. 1917–1991 гг. Люди. События. Факты / Н.В. Забалухина, А.Г. Пашкин. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. 202 с.
18. *Перов Г.* Забота советского народа о семьях военнослужащих / Г. Перов // Правда. 1944. 28 февраля.
19. Ульяновск в годы войны [Электронный ресурс]. URL: <https://годы-и-люди.рф/entry/6823> (дата обращения: 20.10.2024).
20. Эвакуация: трудный путь к Победе / авт.-сост. Г.А. Демочкин, науч. и археогр. ред. Р.В. Ильязова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2020. 256 с.

Шайдуллин Рафаиль Валеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий центром энциклопедистики, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань, srv60@yandex.ru

Пичугин Аркадий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры тактики, Казанское высшее танковое командное ордена Жукова Краснознаменное училище, Россия, г. Казань, arcad1977@yandex.ru

Shaydullin Rafail V., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Encyclopedia Center, M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan, srv60@yandex.ru

Pichugin Arkady Yu., Candidate of Sciences (History), Associate Professor at the Department of Tactics, Kazan Higher Tank Command Order of Zhukov Holding of the Order of the Red Banner School, Russia, Kazan, arcad1977@yandex.ru

УДК 94(470.41).084.8

Ф.Г. Миниханов

**ПОМОЩЬ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАЙОНА ТАТАРСКОЙ АССР
ФРОНТУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. В статье на большом фактическом материале, в том числе с использованием воспоминаний участников событий тех лет, исследуется трудовой подвиг жителей Алексеевского района Татарской АССР, их вклад в Победу в Великой Отечественной войне. Особое внимание уделено показу беспримерного подвига земляков, в том числе родственников, которые трудились на промышленных предприятиях района и республики, на полях и фермах, на строительстве и транспорте.

Ключевые слова: Алексеевский район, Татарская АССР, Великая Отечественная война, тыл, сельское хозяйство, помощь фронту, Победа.

F.G. Minikhanov

ASSISTANCE OF ALEXEYEVSKY DISTRICT OF THE TATAR ASSR TO THE FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article, using a large amount of factual material, including the memories of participants in the events of those years, examines the labor feat of residents of the Alekseevsky district of the Tatar ASSR, their contribution to the Victory in the Great Patriotic War. Particular attention is paid to showing the unparalleled feat of fellow countrymen, including relatives who worked in industrial enterprises of the district and the republic, in the fields and farms, in construction and transport.

Keywords: Alekseevsky district, Tatar ASSR, Great Patriotic War, rear, agriculture, assistance to the front, Victory.

80 лет отделяет нас от последних сражений Великой Отечественной войны. Несмотря на это нельзя забывать ни о героическом участии народов нашей страны в борьбе с нацизмом, угрожавшим всему человечеству, ни о миллионах жертв, погибших на фронте и в тылу, ни о разрушенных городах и селах. Также нельзя забывать и о тружениках тыла, вынесших на своих плечах тяжелое бремя военного лихолетья. Они всегда будут отзываться в наших сердцах болью и горечью невосполнимых потерь. Поэтому не иссякает интерес историков и широкой общественности к изучению этого трагического и одновременно героического периода нашей истории.

Война длилась четыре года. Страна жила и боролась 1 418 дней и ночей. Требовалось невиданное напряжение сил. Главным лозунгом дня стал лозунг «Все для фронта, все для Победы!». Татарская АССР (ныне – Республика Татарстан) в годы Великой Отечественной войны стала одной из крупных тыловых баз страны: в республику было эвакуировано свыше 70 фабрик и заводов из центральных и западных районов. В Казани разместились 33 института АН СССР и её Президиум, Наркомат финансов СССР, Госбанк и ряд других ведомств. Татарская АССР приняла в годы войны 226 тыс. эвакуированных, в том числе 15 тыс. детей-сирот. Здесь было развернуто свыше 50 эвакуогоспиталей, в которых за годы войны прошли курс лечения 334 тыс. раненых воинов, из них 207 тыс. возвратились в строй. Эвакуированные предприятия и гражданское население размещались также в Чистополе, Елабуге, других городах и районах республики [5, с. 357].

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для уроженцев Алексеевского района Татарской АССР, которые, как и жители всей страны, испытали боль и горечь утрат, радость больших и малых побед, проявили величайшее напряжение сил. Над каждым домом кружила беда.

Скорбным потоком шли похоронки, отнимая у людей надежду. Горе, которое принесла война, коснулось каждой семьи. Победа была достигнута ценой тяжелейших, невосполнимых потерь: более 12 тыс. чел. были призваны на фронт из Алексеевского района. Погибли и пропали без вести 7 907 мобилизованных солдат [2, с. 8].

И в тылу люди делали невозможное. Старики, женщины, подростки и дети, встали на рабочие места ушедших на фронт мужчин. Положение в сельском хозяйстве района, как и всей республики, было непростым. Большая часть мужчин призывного возраста была мобилизована в действующую армию. Кроме того, для нужд Красной армии и промышленности была мобилизована значительная часть имевшихся в наличии автомашин, тракторов, рабочих лошадей. При этом установленные планы сдачи сельхозпродукции были высокими, и для их выполнения жителям района приходилось работать без выходных по 12–14 часов в сутки.

Алексеевцы одними из первых поддержали почин колхозников с. Конь Пестречинского района ТАССР, которые после мобилизации более 100 мужчин обратились к женщинам и колхозникам пожилого возраста с просьбой выйти в поле вместо ушедших на фронт односельчан. На призыв откликнулись все, кто по состоянию здоровья мог работать. На сходе селян было заявлено, что «несмотря на преклонный возраст, они готовы работать за ушедших на фронт мужей и сыновей» [6, с. 179].

В целях создания условий труда для женщин, в Алексеевском районном центре, в селах, деревнях открывались сезонные детские сады и ясли. В трагическое военное время женщины проявили исключительный трудовой героизм в цехах промышленных предприятий, на колхозных полях и фермах, заменив своих отцов и мужей, братьев и сестер, ушедших на фронт защищать Родину.

О неимоверных усилиях этих тружениц говорит хотя бы тот факт, что к концу войны машинно-тракторная станция (далее – МТС) района, где женщины составляли значительную часть сотрудников, повысив ряд важных показателей, обслуживала в общей сложности 27 колхозов и обрабатывала более 31 300 гектаров пахотных земель. К концу Великой Отечественной войны женщины составляли ощутимую долю трудового коллектива МТС: 37 % в аппарате (10 женщин из 27 работников), 69 % среди трактористов (52 из 75), 80 % комбайнеров (4 из 5). Кроме того, 3 женщины занимались ремонтом сельскохозяйственной техники. Передовиками в своей профессии были трактористы Мария Атланова (с. Балахчино), Фаима Гиметдинова, Зувайря Сафина, Саня Хисмеева (с. Средние Тиганы), Екатерина Дворецкая (с. Алексеевское) и др. [3, с. 9]. По сведениям жителей района, «нередко бывали случаи, когда при простое техники из-за нехватки запасных частей, трактористки сами вручную рыхлили землю для посева» [2, с. 9].

Многие сельские Советы и колхозы также возглавляли женщины. Среди них такие самоотверженные труженицы, как Т.М. Кудряшова (с. Саба-

кайка), В.В. Прыткова (с. Левашево), О.А. Маничева (с. Остолопово), М.Г. Бакишева (с. Лебяжье), Е.М. Максимова (с. Солонцы) и др. [2, с. 9].

Как вспоминал уроженец села Балахчино краевед В.И. Абрамов, «лето и осень 1941 г. были тяжелы и морально, и физически. В период летней военной кампании Красная армия понесла самые большие людские потери за всю войну. Утром приходили похоронки, и все село оплакивало погибших» [3, с. 9].

Особенно труден для сельчан был первый год войны. Практически все «они трудились вручную. В основном работали серпами, косами и жатками. Из-за погодных условий успели сжать, связать снопы, уложить в скирды только в октябре. А молотили уже с наступлением морозов» [2, с. 8–9].

Осенью в Алексеевский район стали прибывать первые эвакуированные из зон боевых действий. К декабрю 1941 г. численность эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Выборга, Калинин, а также Эстонии, Белоруссии и Украины, сосредоточенных в районном центре достигала уже 600 чел. Часть эвакуированных была размещена в селах района – Билярске (135 чел.) и Сахаровке (40 семей). Приютившие их сельчане старались оказывать им посильную помощь: делились продуктами питания, одеждой, привозили дрова, помогали адаптироваться к сельской жизни. Особо нуждавшимся выдавались денежные пособия, размеры которых составляли от 50 до 300 руб. [3, с. 9].

Жителям деревень и сел района самим было трудно. Люди работали от восхода солнца до вечерних сумерек. Жили впроголодь, постоянное недоедание изматывало людей. Несмотря на острую нехватку самого необходимого, «отдельные граждане и трудовые коллективы оказывали регулярную помощь фронту: отправляли посылки бойцам, широко практиковалось донорство, надомные работники шили кисеты» [3, с. 10]. Колхозницы до глубокой ночи вязали для солдат теплые носки, шапки, варежки, подшлемники. Труженики предприятий района помогали фронту сверхурочными сменами. Например, рабочие Алексеевского завода «Сухое молоко» изготавливали и отправляли на фронт сухие сливки, сухое молоко, солод, яичный порошок, сухой творог и другую продукцию [1, с. 157–158].

Алексеевский промышленный комбинат занимался деревообработкой, заготовкой пиломатериалов, в том числе заготовок из березы, шедших на изготовление прикладов для винтовок и автоматов. В Билярске силами работников потребкооперации шла заготовка сухих овощей и картофеля для бойцов [3, с. 10].

С первых дней войны повсеместно использовался детский труд. Все четыре военных года дети и подростки помогали колхозникам убирать урожай, шефствовали над животноводческими фермами, обучались работе трактористов, комбайнеров. В самом начале войны в связи с нехваткой рабочих рук в промышленности и сельском хозяйстве был разрешен труд несовершеннолетних. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, руководителям предприятий было разрешено привлекать к работе лиц, не достигших 16-летнего возраста [7, с. 37], рабочий день которых формально

составлял не более 6 часов. Однако, как вспоминал мой дядя Минниханов Гамир Хафизович 1929 г.р. [3, с. 71], они «работали по 10–12 часов, наравне со взрослыми».

Школьники под руководством учителей трудились на заготовке лекарственных растений: собирали почки березы, крушины, дикорастущие ягоды и плоды. Также для нужд оборонной промышленности в районе заготавливались технический дуб и луб, корневая кора. В 1943 г. при Алексеевском лесхозе были открыты мыловарня, мастерская по изготовлению саней и пледов из лыка, сапожная мастерская, прядильно-ткацкий, спичечный, валяльный и овчинный цеха, а также мыловарня [3, с. 10]. Успехи района в заготовке технического сырья были отмечены на высоком уровне, а Алексеевский лесхоз получил в награду грузовую машину [2, с. 10].

По воспоминаниям ветеранов-односельчан, колхозники, регулярно участвовали в доставке продуктов питания для казанских госпиталей, заготовке дров для железных дорог и специальных объектов, а также корма для лошадей. Так, 2 ноября 1942 г., для погрузки сена для нужд фронта на баржу в с. Саконы были мобилизованы 210 пеших и 67 конных работника из сел Остолопово, Саконы, Куркуль, Лебяжье, Алексеевское, Степная Шентала [подсчитано по: 2, с. 10].

Жители района направлялись на работы и в другие места по мере необходимости. Так, осенью 1941 г. был сформирован батальон женщин и 16-летних подростков, которых отправили в Казань на строительство авиационного завода, а затем на возведение оборонительных укреплений в Буинский и Апастовский районы. По документам артели «Ударница» в декабре 1941 г. на оборонные работы только из ее коллектива было направлено 19 человек, в феврале 1942 г. – 14 человек [3, с. 10]. Для жителей района случались и «дальние командировки», так в 1942–1943 гг. молодых женщин мобилизовали на торфо-лесоразработки в Подмосковье.

Осенью 1941 г. для строительства оборонительных рубежей на Волге (Казанский обвод) был создан строительный батальон из 1000 чел., который имел в своем распоряжении 500 лошадей. Возглавил его заместитель председателя исполкома райсовета депутатов трудящихся А. Сахаров [1, с. 147]. Мобилизованные на различные строительные работы в республике и за ее пределами трудились в тяжелейших условиях. Особенно тяжело было строителям Казанского обвода. Норма выработки на стройке «составляла 1,6–1,7 кубометра грунта на человека. Механизированной техники не хватало, средства взрывания до второй половины декабря не поступили вовсе. Поэтому использовались материалы, которые мобилизованные приносили с собой. В основном это были лопаты, ломы, кирки, топоры, пилы» [4, с. 22]. В рассказах участников строительства отчетливо видно, в каких сверхнапряженных, подчас каторжных условиях приходилось им работать. «Мороз был жуткий, доходил до 35–40 градусов. Оттаивали землю кострами, затем долбили сантиметр за сантиметром тяжелыми ломом...». [цит. по: 4, с. 22].

Однако самым насущным и наиболее болезненным вопросом на возведении Казанского обвода являлась «организация питания работающих: снабжение продуктами осуществлялось с большими перебоями, хлеб вовремя не подвозился, не хватало даже питьевой воды» [4, с. 22].

Несмотря на трудовой героизм большинства мобилизованных на эти работы местных жителей, труд в столь тяжелых условиях выдерживали не все. Даже несмотря на угрозу уголовного наказания за дезертирство, некоторые мобилизованные потере здоровья предпочитали бегство. Следует отметить, что дезертиры осуждались по законам военного времени [4, с. 22–23].

В районе, как и по всей республике, проводилась военная подготовка населения на курсах Всеобуча, Осоавиахима, Общества Красного Креста и Красного Полумесяца по программам «Готов к санитарной обороне» и «Будь готов к санитарной обороне». Кроме того, в районе силами школы колхозной молодежи проводилось обучение девушек и юношей профессиям трактористов и комбайнеров, работали школы ФЗО. Так, с 1 по 15 ноября 1942 г. в Алексеевском районе ТАССР было привлечено к учебе 60 юношей и девушек. Допризывники обучались основам военной подготовки в Доме обороны районного центра [3, с. 11].

Учителя и школьники с началом посевной кампании до окончания уборочной страды работали на заготовке кормов и уборке овощей. Силами сельского актива и комсомольцев проводились декадники заготовки дров для семей военнослужащих и эвакуированных.

Алексеевцы ковали Победу и своими сбережениями, отданными на военные нужды в форме подписки на государственные военные займы, бескорыстно вносили личные ценности в фонд обороны, собирали в действующую армию посылки с вещами и продуктами. В этом проявлялось единство армии, флота и народа. В беседах с работниками почтовой службы в с. Сахаровка автор этих строк узнал, что жители района почти ежедневно отправляли бойцам на фронт письма и посылки.

Всего за годы Великой Отечественной войны колхозы и совхозы Алексеевского района Татарской АССР сдали государству 1 млн 713 тыс. 762 пуда хлеба [3, с. 11]. В фонд обороны только в 1943 г. жители района собрали 1 млн 475 тыс. 185 руб., в том числе на строительство танков – 547 466 руб., на строительство самолетов – 927 719 руб. [2, с. 11–12]. И все это – результат героического труда тружеников тыла, который утверждает точность и справедливость фразы: Победа на фронте ковалась в тылу. Низкий поклон всем, чей изнурительный, тяжелейший труд приблизил нашу победу в те опаленной войной годы. Низкий поклон и безграничная благодарность всем труженикам, героям тыла д. Степная Шентала, особенно горжусь моими родственниками, ковавшими нашу общую Победу: Миннихановой Гайнией Тухватулловной, 1905 г.р. (бабушка по отцовской линии); Миннихановой Зайтуной Заббаровной, 1914 г.р., Миннихановой Нагимой Габдулахатовной, 1914 г.р. (тетя), Миннихановым Гамиром Хафизовичем, 1929 г.р. (старший брат отца) [3, с. 71–72], Низамовой Мунаварой Низамов-

ной, 1910 г.р. Низамовой Нафисой Низамовной, 1914 г.р. (бабушка по материнской линии), Сайфутдиновой Закией Миннихановной, 1928 г.р. (тетя) [3, с. 113, 197].

С каждым годом все меньше становится число участников и ветеранов войны. По данным Музея родного края им. В.И. Абрамова пгт. Алексеевское на 5 февраля 2025 г., в Алексеевском районе проживают две участницы: Гунина Анна Тимофеевна, Носова Анна Петровна и 75 ветеранов – тружеников тыла Великой Отечественной войны. У каждого из них – своя история горьких потерь, ратного и трудового подвига. Наша благодарность вам безгранична. Ваша преданность Родине – пример для всех поколений.

Источники и литература

1. Алексеевский район: история и современность. Казань: Матбугат йорты, 2000. 280 с.
2. Герои тыла Республики Татарстан. Алексеевский район. Т. 1: А–К. Казань: Книга Памяти, 2020. 384 с.
3. Герои тыла Республики Татарстан. Алексеевский район. Т. 2: Л–Я. Казань: Книга Памяти, 2020. 400 с.
4. *Кабилова А.Ш.* Нам жить и помнить. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А.Ш. Кабилова, Е.Г. Кривоножкина, А.С. Бушуев. Казань: Фолиант, 2016. 247 с.
5. Татарская энциклопедия: в 6 т. Т. 1: А–В. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. 672 с.
6. Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Казань: Редакция «Книга Памяти» при КМ РТ, 2009. 447 с.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет: в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 37–38.

Миниханов Фидайль Гимранович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник центра энциклопедистики, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань, fidail1956@mail.ru

Minikhanov Fidail G., Candidate of Sciences (History), Docent, Senior Researcher at the Encyclopedia Center, M. Khasanov Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan, fidail1956@mail.ru

УДК 355.4521(470.41)(091).084.4

Л.Т. Нигъмәтзянова

ВКЛАД НАРОДОВ ТАТАРСТАНА В СТРОИТЕЛЬСТВО КАЗАНСКОГО ОБВОДА

Аннотация. В статье рассматривается подвиг народов, проживавших на территории Татарской АССР – ныне Республики Татарстан, в деле строительства Казанского обвода как части Волжского оборонительного рубежа, а также их неоценимый вклад в Победу в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Волжский оборонительный рубеж, Казанский обвод, строительство укреплений, мобилизация населения.

L. T. Nigmyatzyanova

CONTRIBUTION OF THE TATARSTAN PEOPLES TO THE CONSTRUCTION OF THE KAZAN PERIMETER

Abstract. The article examines the feat of the peoples living on the territory of the Tatar ASSR – now the Republic of Tatarstan, in the construction of the Kazan perimeter (*Kazan obvod*) as part of the Volga defensive line, as well as their invaluable contribution to the Victory in the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Volga defensive line, Kazan Perimeter, construction of fortifications, mobilization of the population.

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории России, но мало известно о вкладе различных народов в ее победу. Одним из ярких примеров такого содействия является участие граждан Татарской АССР в строительстве Казанского обвода, являвшегося частью большого Волжского оборонительного рубежа [1, с. 100]. В период 1941–1945 гг. народы, проживавшие на территории Татарской АССР (ныне – Республики Татарстан), активно принимали участие в создании оборонительных сооружений, обеспечив надежную защиту столицы республики.

Героический подвиг татарстанских рабочих, инженеров и строителей заслуживает особого внимания и признания. Их труд и самоотверженность были ключевыми факторами успеха в строительстве оборонительной линии, способствовавшей отражению агрессии врага. В данной статье рассмотрим значимость усилий татарстанцев в создании Волжского оборонительного рубежа и их неоценимый вклад в Победу СССР в Великой Отечественной войне.

История строительства Казанского оборонительного сооружения, или как его еще называли в народе – Казанского обвода, – в годы Великой Отечественной войны началась спустя несколько месяцев после начала войны, с наступлением войск нацистской Германии на территорию Советского Сою-

за. Долгие годы тема этого строительства была закрыта для исследователей. Ученые стали к ней всерьез обращаться только в 2000-е гг., когда документы по военному строительству были рассекречены. Историографический обзор изучения темы представлен в статье Е.Г. Кривоножкиной [3, с. 7], поэтому здесь мы не будем на этом останавливаться.

Решение о строительстве на территории республики оборонительных рубежей, как и во всем Поволжском регионе, было принято Государственным комитетом обороны СССР 13 октября 1941 г., когда войска вермахта продвигались к Москве, и столица готовилась к обороне. Тогда еще не был известен исход московской битвы, поэтому необходимо было готовиться к удержанию противника на новых рубежах в случае поражения советских войск под Москвой.

Казанский обвод как часть Волжского оборонительного рубежа должен был стать одним из важнейших оборонительных сооружений на пути продвижения гитлеровских войск вглубь страны. На его строительство были направлены многочисленные трудовые ресурсы, включая народы Татарстана [2, с. 19–23]. Республика внесла свой вклад в создание укреплений, рытье окопов, установку заграждений и прокладку минных полей на линии фронта. Все народы ТАССР активно участвовали в подготовке и обороне рубежа, противостоя врагу, несмотря на трудности и опасности.

Строительство осуществлялось в тяжелых условиях: под угрозой возможных налетов и обстрелов противника. Однако духовная сила и патриотизм позволили неуклонно продолжать выполнение своего долга перед Родиной. Результатом таких усилий стало создание прочного оборонительного рубежа, который при необходимости сыграл бы важную роль в исходе сражений Великой Отечественной войны.

Казанский оборонительный рубеж стал прочным барьером для вражеских войск, целью которого было предотвращение наступления фашистов на центральные регионы Советского Союза. Самоотверженный труд народов Татарстана был одной из ключевых составляющих успеха Красной армии в обороне от вражеской агрессии.

Подлинный подвиг тружеников Казанского оборонительного рубежа остается важной частью истории этого периода и напоминанием о высоких духовных и моральных качествах народов Татарстана. Их вклад в строительство и оборону рубежа играл непреходящую роль в сохранении независимости и свободы нашей Родины.

Основная задача, возлагавшаяся военным командованием страны на этот оборонительный рубеж, заключалась в том, чтобы не пустить противника на территорию крупного промышленного центра, которым являлась Казань, а также воспрепятствовать дальнейшему его продвижению в дальний тыл [3, с. 9]. По предполагаемой схеме строительства оборонительная трасса должна была пройти по территориям Марийской, Чувашской и Татарской автономных республик. На территории Татарской АССР оборонительный рубеж располагался полукольцом вокруг Казани [1, с. 101]. Он

проходил от с. Покровское на берегу Волги через станцию Урмары, районные центры – села Кайбицы и Апастово – к г. Куйбышеву. 22 октября 1941 г. бюро Татарского обкома ВКП(б), на основе присланного аналогичного документа Куйбышевского обкома ВКП(б), издало постановление о немедленном начале работ по сооружению рубежа на всем его протяжении, обратив первоочередное внимание на возведение противотанковых препятствий [3, с. 19]. Возведение первой очереди Казанского обвода предполагалось завершить к 1 декабря 1941 г.

Непосредственно за организацию строительных работ ответственным был назначен председатель СНК ТАССР С.Х. Гафиатуллин, утвержденный в должности заместителя начальника 4-го Управления оборонительных работ Наркомата обороны СССР. На территории республики были созданы пять военно-полевых строителей, которые возглавляли также представители высшего руководства республики – заместители председателя СНК ТАССР Ф.М. Ковальский и З.В. Тинчурин, секретари Татарского обкома ВКП(б) А.Г. Барышников, Р.Г. Хамидуллин, И.М. Ильин, заместитель наркомата внутренних дел ТАССР С.С. Киселев и др. [3, с. 9].

Мобилизацию населения на строительные работы, начатую уже 25 октября 1941 г., предполагалось провести в трехдневный срок. При этом явившиеся на работу должны были быть «одетыми по-зимнему. ...иметь при себе запасную смену белья, полотенце, рукавицы, варежки, постельные принадлежности, котелок или миску, ложку и кружку» [3, с. 20]. Республиканским наркоматам предписывалось создать на местах строительства сеть предприятий торговли, общественного питания, медицинского и культурного обслуживания. Прокурору ТАССР Д.Н. Исупову указывалось организовать уголовное преследование лиц, уклоняющихся от мобилизации или противодействующих ей.

В первую очередь на строительство обвода направлялись жители тех районов, по территории которых проходил оборонительный рубеж, – это Апастовский, Большеетарханский¹, Буинский, Кайбицкий, Тетюшский районы. Народы Татарстана, включая русских, татар, чувашей, удмуртов и другие этнические группы, активно участвовали в строительстве Казанского оборонительного рубежа. Рабочие коллективы различных национальностей совместно трудились на строительных площадках, поднимая фортификационные сооружения, копая окопы, укрепляя оборонительные линии. Благодаря их упорному труду и преданности Отчизне были созданы мощные укрепленные точки, обеспечивавшие тыловую безопасность и оборону советских войск. Особую роль в строительстве Казанского оборонительного рубежа сыграли женщины. Они не только принимали активное участие в работе, но и оказывали поддержку своим мужам, отцам и братьям, находившимся на

¹ Район был упразднен 12.10.1959, а его территория передана в состав Тетюшского района Республики Татарстан [3, с. 405].

фронте. Женщины работали на равных с мужчинами, занимаясь физическим трудом и поддерживая боевой дух коллективов [4].

Всего по республике предполагалось мобилизовать около 281,9 тыс. чел., в том числе 92,5 тыс. чел. из Казани и Зеленодольска, 189,3 тыс. – из 36 сельских районов. Кроме людской силы предполагалось вовлечь в строительные работы более 12 тыс. лошадей, 162 трактора, 71 автомашину [2].

Работы по строительству оборонительного рубежа велись в трудных условиях и под угрозой вражеских атак. Жители городов, сел и деревень Татарстана, в том числе труженики тыла, женщины, старики и дети, оказывали неоценимую помощь в подготовке укреплений, строительстве окопов и бункеров.

В это время жертвы были неизбежны, и многие жители Татарстана пожертвовали своими жизнями. Из-за спешки и нерадивости, которые имели место при мобилизации людей, многие оказались без теплой одежды и инструментов. Началась тяжелая изнурительная работа десятков тысяч человек, среди которых 70–75 % составляли женщины. Несмотря на изменения положения на фронте, включая успехи советских войск под Москвой, сооружение Волжского оборонительного рубежа было продолжено.

Официальной датой окончания строительства оборонительного рубежа под Казанью можно считать 11 февраля 1942 г., когда Государственная приемочная комиссия приняла Казанский обвод по акту [1, с. 110]. Строительство этого гигантского оборонительного рубежа, на котором в середине октября 1941 г. было занято 1 107 тыс. чел., стало героической и одновременно трагической страницей истории республики военных лет. Мужчины и женщины, старики и дети, воины и труженики тыла – все они стояли на защите своей Родины и проявили высокий дух самопожертвования.

Общая протяженность построенных противотанковых препятствий составила 331 км. Было сооружено 392 командных, командно-наблюдательных пункта, 931 дерево-земляная огневая точка, 98 скрытых огневых точек, 419 землянок [1, с. 107]. Казанский обвод поддерживался в постоянной боевой готовности до тех пор, пока фашистские войска угрожали Поволжскому региону.

Самоотверженный труд и профессионализм народов Татарстана в строительстве Казанского обвода были высоко оценены руководством и командованием Красной армии. Благодаря усилиям всех участников рубеж был готов к встрече с врагом.

Значение вклада народов Татарстана в строительство и укрепление Казанского обвода как части Волжского оборонительного рубежа в годы Великой Отечественной войны было основополагающим. Их труд, самоотверженность и патриотизм сыграли ключевую роль в обеспечении обороноспособности Советского Союза в трудные военные годы и заслужили высокое признание и уважение со стороны всего советского народа. Вклад народов Татарстана в строительство этого оборонительного рубежа был огромным, и многие жители проявили высокий патриотизм и готовность пожертвовать

своими силами и жизнями ради общего дела. Возведение Казанского обвода стало своеобразным символом единства и солидарности всего советского народа в борьбе против нацизма.

Таким образом, военные подвиги и жертвы жителей Татарстана в годы Великой Отечественной войны во время строительства Казанского оборонительного рубежа заслуживают особого уважения и признания. Их самоотверженность, мужество и патриотизм останутся в памяти поколений как яркий пример верности и героизма в сложные времена и как важный вклад в общую победу над нацизмом.

Источники и литература

1. Кабирова А.Ш. Комиссия принимает строительные работы рубежа «Казанский обвод» с оценкой «хорошо» (Строительство Волжского оборонительного рубежа на территории ТАССР) / А.Ш. Кабирова // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2016. № 1/2. С. 99–111.
2. Кабирова А.Ш. Нам жить и помнить. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А.Ш. Кабирова, Е.Г. Кривоножкина, А.С. Бушуев. Казань: Фолиант, 2016. 248 с.
3. Кривоножкина Е.Г. К 75-летию Казанского оборонительного сооружения: история вопроса / Е.Г. Кривоножкина // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2017. № 3/4. С. 6–22.
4. Насибуллина А.Б. Казанский оборонительный рубеж в воспоминаниях участницы строительства – жительницы села Кирби Республики Татарстан / А.Б. Насибуллина // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции / сост. и отв. ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитонов. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2021. С. 184–187.
5. Татарская энциклопедия: в 6 т. Т. 1: А–В. Казань: ИТЭ АН РТ, 2002. 672 с.
6. Халитова И. «Казанский обвод»: подвиг в тылу / И. Халитова // Казанские истории [электронный ресурс]. URL: <https://history-kazan.ru/velikaya-pobeda/16197-kazanskij-obvod-podvig-v-tylu> (дата обращения: 26.12.2024).

Нигъмәтзянова Лилия Талгатовна, старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань, ln105@mail.ru

Nigmyatzyanova Lilia T., Senior Researcher, M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan, ln105@mail.ru

УДК 94(47).084.8

А.Б. Насибуллина

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУДЕБ: ВКЛАД СЕЛЬСКОЙ
УЧИТЕЛЬНИЦЫ МАРЗИИ ВАФИНОЙ В ПОБЕДУ**

Аннотация. Статья посвящена жизнедеятельности Марзии Вафовны Вафиной, сельской учительницы, директора школы, труженицы тыла Великой Отечественной войны. На примере изучения биографии М.В. Вафиной делается вывод о необходимости продолжения исследований о вкладе учительства в победу, воспитание у молодежи в годы войны чувства патриотизма и гражданской ответственности.

Ключевые слова: Вафина Марзия Вафовна, сельская учительница, Великая Отечественная война, труженики тыла, село Кирби, Лаишевский район, Республика Татарстан.

A.B. Nasibullina

**THE GREAT PATRIOTIC WAR THROUGH THE PRISM
OF HUMAN DESTINIES: THE CONTRIBUTION OF RURAL
TEACHER MARZIA VAFINA TO THE VICTORY**

Abstract. The article is devoted to the life of Marzia V. Vafina, a rural teacher, school principal, and home front worker of the Great Patriotic War. Based on the example of studying the biography of M.V. Vafina, it is concluded that it is necessary to continue research on the contribution of teaching to victory, fostering a sense of patriotism and civic responsibility among young people during the war years.

Keywords: Marzia V. Vafina, rural teacher, Great Patriotic War, home front workers, Kirby village, Laishevsky district, Republic of Tatarstan.

В 2025 г. наша страна отмечает 80-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Этот юбилей Великой Победы дает нам возможность еще раз обратиться к рассмотрению многих аспектов истории военных лет. Одним из таких недостаточно изученных на сегодняшний день аспектов остается тема патриотического служения педагогов в годы войны.

На протяжении Великой Отечественной войны, несмотря на все трудности, школы стали важным институтом, на который в том числе были возложены функции поддержания в народе веры в победу над врагом и воспитания будущих защитников Родины. Эта героическая страница в истории советского образования является примером мужества, самоотверженности и непреклонного стремления к сохранению культурных и образовательных традиций в самые тяжелые времена. «Призывы к учительству активно со-

действовать развитию отечественного просвещения, направить все физические и духовные силы на сохранение человеческого потенциала в тяжелейших условиях военного времени были не единовременной агитационной кампанией, а тщательно продуманной линией социальной политики советского государства», – пишет профессор А.В. Овчинников в своей статье [9, с. 11].

Местные органы власти всячески поддерживали активную работу педагогов. Несмотря на ограниченность материальных ресурсов, они искали различные возможности оказания помощи учителям и школам. В результате в республике удалось не только сохранить, но и расширить существующую сеть учебных заведений с 3,5 тыс. в 1940/41 учебном году до 3,7 тыс. школ в 1944/45 гг. [4, с. 193]

Признанием вклада педагогов в приближение Победы в Великой Отечественной войне стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1944 г. «О награждении орденами и медалями учителей школ РСФСР» [10]. Были награждены орденами Ленина – 205 чел., Трудового Красного Знамени – 1 421 чел., «Знак Почета» – 982 чел.; медалями «За трудовую доблесть» – 1 317 чел., «За трудовое отличие» – 1 302 чел. [10] Государственная власть высоко оценила работу российского учителя, тем самым утверждая, что он выполнил миссию, поставленную перед ним историей.

В последние годы наблюдается стойкая тенденция к углубленному исследованию исторической роли педагогов в годы войны. Ученые продолжают традицию соединения конкретно-исторического анализа с тщательной работой над региональными источниками. Это позволяет не только восстановить картину того времени, но и понять, как именно работали учителя, какие меры они принимали для поддержания духа патриотизма среди своих учеников и как взаимодействовали с государственными органами власти. Наглядным примером деятельности простого сельского учителя в годы войны является биография моей бабушки – Марзии Вафовны Вафиной.

М.В. Вафина родилась в 1921 г. в с. Татарские Саралы Лаишевского района ТАССР. За отличную учебу по решению педагогического совета ее дважды досрочно переводили в следующий класс, поэтому школу она окончила на два года раньше своих сверстников. Хотела продолжить образование в педагогическом училище, но ее не приняли из-за юного возраста. Поэтому брат помог ей получить новое свидетельство о рождении, согласно которому она стала на два года старше. По окончании Чистопольского педагогического училища (1938 г.) Марзие по документу было 19, а на самом деле – 17 лет. Ее направляют в Кирбинскую школу учителем начальных классов, одновременно на Марзию Вафовну возлагают обязанности старшего пионервожатого [3]. На 1938 г. в с. Кирби было 27 пионеров. Стараниями М. Вафиной регулярно проводились сборы, походы, различные игры. Детей постепенно стала привлекать деятельность новой организации. В 1939 г. в составе пионерской организации было уже 130 детей [5].

Из с. Кирби на фронт в годы Великой Отечественной войны было призвано около 310 чел. [1, с. 173]. Мужество и героизм проявляли и фронтовики, и труженики тыла. Тыл был не менее значим и важен для победы. Женщины, старики, дети и вместе с ними учителя самоотверженно трудились в тылу. Марзия Вафина была одной из тех, кто своим трудом приближал победу в тылу, личным примером воодушевлял учащихся на трудовые подвиги.

Приведем некоторые записи из сохранившегося дневника тогда еще учительницы начальных классов и пионервожатой М.В. Вафиной:

«1941 год. Началась уборочная пора. Сотни колхозников борются за выполнение задач, поставленных Отечественной войной. Лозунг "Всё для фронта, всё для победы над врагом, каждый килограмм собранного зерна – удар по врагу" в практическом действии.

<...>

Пионеры поддерживали не только колхоз, но и фронт. Они ходили по домам и собирали шерсть, вязали варежки, носки, вышивали платочки и посылали красноармейцам.

<...>

Помимо подготовки платков, носков, варежек, мы организовывали концерты, собранные благодаря им деньги отправляли на фронт. Много замечательных дел совершали советские школьники. Страна жила одной целью – одержать победу. Цель была общая для всего народа – и все дела были общие.

<...>

В годы войны, после выхода книги А.П. Гайдара "Тимур и его команда", появились пионеры-тимуровцы. Они помогали вдовам, их дома помечали красными звездочками. Женам красноармейцев приносили хлеб, кололи дрова, ходили за водой, сидели с их ребятами. На протяжении долгих военных лет не утихал боевой задор школьников села Кирби. Всех добрых дел их не перечесать. Возможно, в дни Победы пионеры не осознавали своей причастности к приближению этого светлого для всей страны праздника – они просто делали то, что считали своим долгом» [2].

В марте 1942 г. Марзию Вафину назначают директором Кирбинской школы, и работает она на этой должности до июля 1945 г. [1, с. 118] С ее слов мне известно о тяжелом положении жителей села, в том числе школьников и педагогов, в то время они испытывали недостаток продовольствия. Возле учебного заведения располагался небольшой огород, где выращивались картофель и некоторые овощи. Количество учеников в классах сократилось более чем вдвое, однако вопросы, связанные с образованием, оставались в центре внимания государственных органов. Бабушка, чтобы привлечь детей в школу, поговорила с председателем колхоза и попросила картошку для школьников. Каждый день пришедшим на занятия детям выдавали по две вареные картофелины.

В 1943 г. из-за ранения в село возвращается Хабибулла Нигматов и назначается военруком [7; 8], в 1945 г. он становится директором Кирбинской школы. Бабушку переводят учительницей 5–7-х классов. Позже она стала женой военрука Хабибуллы. Вместе они вырастили шестерых детей. В 1967 г., когда дедушка умер, самому младшему сыну было всего семь лет, поэтому заботы о детях полностью легли на плечи бабушки. Она проработала в Кирбинской школе 40 лет [6, с. 91].

Бабушка много рассказывала о лишениях в годы Великой Отечественной войны, ждала своего без вести пропавшего единственного брата. На мой вопрос: «Что было важно для каждого во время войны?» – отвечала: «Важна была вера в то, что война скоро закончится, вернутся родные и всё встанет на свои места».

Она была членом КПСС, была награждена «Медалью материнства» I и II степеней, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

На примере судьбы М.В. Вафиной можно видеть, что в годы войны педагоги не просто выполняли свои профессиональные обязанности, но и активно участвовали в жизни общества, организуя различные мероприятия, направленные на воспитание чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодежи. Они были не только учителями, но и наставниками, которые помогали детям осознать важность их вклада в общее дело защиты Родины. Можно с уверенностью сказать, что усилия современных исследователей по изучению роли учительства в военные годы позволяют сохранить и приумножить память о тех, кто, несмотря на тяжелые условия, продолжал выполнять свою миссию – обучать и воспитывать молодежь, формируя тем самым будущее нашей страны.

Источники и литература

1. *Галимуллина Г.Х.* Хәерби авылы тарихыннан сәхифәләр = Страницы истории села Кирби / Г.Х. Галимуллина, А.Б. Насибуллина. Казань: ИТЭР АН РТ, 2019. 500 с.
2. Дневник М.В. Вафиной. Рукопись. Казань. 42 с. // Личный архив А.Б. Насибуллиной.
3. Документы семьи Нигматовых // Личный архив А.Б. Насибуллиной.
4. *Кабирова А.Ш.* Нам жить и помнить. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А.Ш. Кабирова, Е.Г. Кривоножкина, А.С. Бушуев. Казань: Фолиант, 2016. 248 с.
5. *Насибуллина А.Б.* История пионерского движения в селе Кирби Лаишевского района Республики Татарстан / А.Б. Насибуллина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 4-1. С. 26–30.
6. *Насибуллина А.Б.* Семья Нигматовых в истории села Кирби Лаишевского района Республики Татарстан / А.Б. Насибуллина, Г.Х. Галимуллина // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения:

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

материалы Всерос. науч. конф. (г. Чебоксары, 1 апреля 2019 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 89–93.

7. Нигматов Хабибулла Нигматович [Электронный ресурс] // ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/sm-person_guk2897217/ (дата обращения: 01.04.2024).

8. Нигматов Хабибулла Нигматович [Электронный ресурс] // ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat32609763/ (дата обращения: 01.04.2024).

9. Овчинников А.В. Власть и учительство России в годы Великой Отечественной войны / А.В. Овчинников // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1, № 2(66). С. 7–17.

10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1944 г. «О награждении орденами и медалями учителей школ РСФСР» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=37262#03634024596482679> (дата обращения: 25.12.2024).

Насибуллина Алсу Булатовна, научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань, bulat.alsu1971@yandex.ru

Nasibullina Alsu B., Researcher, M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan, bulat.alsu1971@yandex.ru

УДК 314.6(091).084.8

Н.А. Кныш

РОДИТЕЛЬСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Аннотация. Родительство в годы Великой Отечественной войны рассматривается в рамках ситуационного подхода. Фокусной точкой выступает проблема родительского выбора в экстремальной ситуации войны. Какие комбинации возможных решений и действий были доступны родителям? Какие родительские практики конфигурирует военное время? Можно ли говорить о нормативных моделях принятия родительских решений в военные годы? Ситуационный подход концентрируется на том, что оптимальность выбора определяется конкретной ситуацией и не существует единого для всех «наилучшего» выбора. Показана диверсификация родительских решений и практик, когда проживание и переживание родителями военного времени создавало совокупность многочисленных переменных внешней и внутренней среды, влияющих / определяющих на тот или иной выбор родителей. Сформирован инструментарий и ориентиры исследовательской программы изучения родительства в контексте войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, родительский выбор, ситуационный подход.

N.A. Knysh

PARENTHOOD DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: SITUATIONAL APPROACH

Abstract. Parenthood during the Great Patriotic War is considered within the framework of a situational approach. The focal point is the problem of parental choice in an extreme situation of war. What combinations of possible solutions and actions were available to parents? What parenting practices does wartime configure? Is it possible to talk about normative models of parental decision-making during the war years? The situational approach focuses on the fact that the optimal choice is determined by the specific situation and there is no single "best" choice for everyone. The article shows the diversification of parental decisions and practices, when living and experiencing wartime by parents created a set of numerous variables of the external and internal environment that influence/determine a particular choice of parents. The tools and guidelines of the research program for the study of parenthood in the context of war have been formed.

Keywords: Great Patriotic War, parenthood, parental choice, situational approach.

Фокусируясь на проблеме родительского выбора в экстремальной ситуации Великой Отечественной войны, автор предлагает рассмотреть возможность применения для исследования выбора и моделей поведения родителей инструментария ситуационного подхода, используя наработки по нему как из теории и практики управления, так и социальной психологии. Ситуационный подход не отрицает одновременную работу в связке с другими подходами, что дополняет и усиливает познавательные возможности изучения выбранного объекта и предмета.

В рамках решения поставленной методологической задачи сделаем отсылку к работам общепризнанного авторитета с точки зрения формирования основ ситуационного подхода в управлении М.П. Фоллетт [15] и работам психологов по ситуационному подходу Л.Росса и Р.Нисбетта [11], В.А. Петровского [10] и Н.В. Гришиной [1; 2; 3; 4]. Представленный материал является результатом первых исследовательских попыток автора подступить к теме родительства в контексте войн, когда происходит усиление влияния ситуационных факторов на жизнедеятельность человека. Задача заключается в разработке инструментария и ориентиров исследовательской программы изучения родительства в контексте войны. Автор будет признателен за рекомендации и замечания, которые можно написать на указанную в конце статьи почту.

Итак, ситуационный подход, обеспечивающий взаимодополнение и преодоление крайностей объективизма-субъективизма, позволяет рассматривать процесс выбора или выработки родительских стратегий в единстве

объективных и субъективных факторов, описываемых через центральные категории подхода – «ситуация» и «ситуационность», при которых человек выступает действующим лицом. Ситуация в данном случае – это совокупность условий, в которых предстоит действовать человеку, и конкретный набор обстоятельств и единство субъективных и объективных факторов, которые влияют на человека в данное конкретное время. А ситуационность – проявленность ситуации и ее признаков в жизни человека. Из этих элементов выстраивается когнитивный конструкт: субъект – обстоятельства – процесс выработки решений жизненных задач, детерминированных обстоятельствами и действиями самого субъекта.

Для нас важно, исходя из значения обозначенных категорий и конструктов, что действия людей определяются контекстом, в котором эти действия осуществляются. Контекст Великой Отечественной войны для института родительства крупными мазками можно нарисовать как картину непосредственно военных действий на протяжении нескольких лет, оккупации советских территорий, массового уничтожения населения, массового ухода мужчин на фронт, снижения уровня жизни населения, изменения привычного уклада жизни. Подробное описание этого военного контекста в данном случае опустим, отсылая читателя к теории войн [5; 6] и многочисленной историографии Великой Отечественной войны.

Первый, исходный, главный, основополагающий и предопределяющий выбор стоял не только перед родителями, но и перед ними в том числе, когда ты встраиваешься (или не встраиваешься) в ситуацию и всю свою жизнь подчиняешь одной цели – сделать все возможное для скорейшей победы над врагом. И уже из этой позиции определялись дальнейшие жизненные стратегии. Одни родители уходили на фронт, другие – оставались в тылу. А оставаться в тылу значило, наряду с выполнением общественно трудовых функций, выполнять и родительские функции – растить, воспитывать и учить детей, а порою просто суметь сохранить им жизнь. И из этой ситуации «сохранить жизнь» принимались многие решения. И комбинации возможных и доступных родителям решений и практик, которые конфигурировало военное время, были разными. Отцы – фронтовики. Отцы и матери фронтовиков. Матери, оставлявшие детей родственникам и уходившие на фронт. Родители героя и родители предателя. Родители как жители оккупированных территорий. Родители, эвакуировавшиеся с детьми и эвакуировавшие детей одних. Уход родителей вместе с детьми в партизаны и др. И далеко не всегда понятна логика того или иного выбора. И ставя вопрос – а можно ли говорить о нормативных моделях принятия родительских решений в военные годы? – пока оставляю его открытым.

Источники личного происхождения [7; 8; 9; 14; 16; 17] и историография Великой Отечественной войны демонстрирует диверсификацию родительских моделей и практик, что связано и с разными формами жизни семей в военное время. Одна из типичных, когда отец уходит на фронт, и мать одна остается с детьми. Война изменила распределение родительских функций,

связанных с воспитанием, между матерью и отцом. Изменила война и саму социальную роль родителя в ряду других ролей и во взаимодействии с ними в воюющем социуме. Изменила она и роль женщины в семье. Трансформируются гендерные обязанности родителей в отношении себя и детей, что вызвано новыми стратегиями выживания в социально-экономических условиях военного времени. Другой вопрос, насколько быстро менялись представления об этом и отношения к этому в обществе? [12]

Проживание и переживание родителями военного времени, когда судьба помещает обычные характеры перед немислимыми до этого дилеммами, создавало совокупность многочисленных переменных внешней и внутренней среды, определяющих тот или иной выбор родителей. Не исключается, что родителям приходилось перебирать многочисленные комбинации возможных действий для того, чтобы найти правильное действие для данной ситуации в данное время и в данном месте. При этом разные факторы могли находится как в каждой отдельной семье, так и в окружающей среде. Не существует единой «лучшей» стратегии выживания для всех. Самой эффективной стратегией выживания в каждой конкретной ситуации являлась та стратегия, которая более всего соответствовала конкретной данной ситуации. Что не исключало и тех историй, в которых родительские практики давали примеры надситуативной активности родителей.

В этом обилии внутренних и внешних факторов военного времени, в их сочетании и взаимодействии была заложена неопределенность заведомо «правильного» решения. Принятые решения имели как положительные, так и отрицательные последствия. Это была ситуация постоянного балансирования, предполагающая и потери, когда это необходимо, для достижения основной цели – выжить самому (это ли главное было для родителей) и спасти своих (только ли своих) детей.

Есть ли единый универсальный набор навыков родительства, который позволял делать оптимальный выбор во всех ситуациях в условиях войны? Ситуационный подход с точки зрения теории управления концентрируется на том, что оптимальность выбора определяется конкретной ситуацией и не существует единого для всех «наилучшего» выбора. Самым эффективным родительским выбором в годы войны является тот, который более всего соответствует данной конкретной ситуации. Задача родителя – найти и суметь реализовать этот выбор. И при этом важно, что на кону – жизнь ребенка, своя жизнь, будущее страны, остаться человеком и готовность ради этого пожертвовать своей жизнью? Точно одно. Личные истории родительства показывают всю трагичность войны не только в глобальных разрушительных масштабах, но и локально на уровне отдельной судьбы человека, и этих судеб миллионы. Истории родительства в годы Великой Отечественной войны – это истории про любовь и ненависть, про смелость и трусость, про подвиг и предательство, про самопожертвование и эгоизм – про жизнь, которая продолжается и на войне. И каждый приближал Победу уже тем, что

выживал там, где выжить, казалось, было невозможно. И выживал не любой ценой, а сохраняя себя и своих детей, свою честь, достоинство и убеждения.

Источники и литература

1. *Гришина Н.В.* Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход / Н.В. Гришина // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/860-grishina30.html> (дата обращения: 01.12.2024).
2. *Гришина Н.В.* Ситуационный подход и его эмпирические приложения / Н.В. Гришина // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/760/771> (дата обращения: 10.12.2024).
3. *Гришина Н.В.* Ситуационный подход: исследовательские задачи и практические возможности / Н.В. Гришина // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. Вып. 1. С. 58–68.
4. *Гришина Н.В.* Ситуационный подход к анализу и разрешению конфликтов / Н.В. Гришина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. 2012. Вып. 3. С. 3–7.
5. *Куманьков А.Д.* Война, или В плену насилия / А.Д. Куманьков. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 164 с.
6. *Куманьков А.Д.* Война в XXI веке / А.Д. Куманьков. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 296 с.
7. Не гаснет памяти свеча: сб. писем-воспоминаний детей погибших защитников Отечества. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2005. 224 с.
8. Память сердца. Отчет детей перед погибшими и ушедшими родителями / сост. Л.П. Котляренко. Челябинск: Челябинский дом печати, 2016. 304 с.
9. Письма с войны: сборник документов из фондов КОГБУ «ГАСПИ КО». Киров: Б.и., 2018. 253 с.
10. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией / В.А. Петровский. М.: Смысл, 2010. 559 с.
11. *Росс Л.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт; пер. с англ. В.В. Румынского, под редакцией Е.Н. Емельянова; В.С. Магуна. М.: Аспект-Пресс, 1999. 429 с.
12. *Савичева Ю.О.* Родительство в годы Великой Отечественной войны: гендерный аспект (на материалах Челябинской области) / Ю.О. Савичева // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1(45). С. 154–164. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/10_45_2023.pdf
13. Ситуационные исследования: по материалам Всероссийского семинара / под общ. ред. Н.М. Солодухо. Казань: Изд-во Казанского государственного технического университета. 2015. 184 с.
14. Судьбою не облаканные дети: письма детей погибших защитников Отечества, спустя шесть десятилетий. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2005. 364 с.
15. *Фоллетт М.* Отдача распоряжений / М. Фоллетт // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 74–86.

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

16. Фронтовые письма – нервы войны: научно-публицистическое издание, посвященное 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2015. 224 с.

17. Фронтовые письма – потомкам: тематический сборник. Кирово-Чепецк: Б.и., 2005. 45 с.

Кныш Наталья Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия, г. Омск, nknisch@mail.ru

Knysh Natalia A., Candidate of Sciences (History), Associate Professor at the Department of National History, Sociology and Political Science, Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk, nknisch@mail.ru

УДК 94(470.324).084.8+376.64(091).084.8

А.В. Перегудов

**«МНОГО ОСТАЛОСЬ ДЕТЕЙ-СИРОТ ЧЕРЕЗ ФАШИСТОВ».
ПРОБЛЕМА БЕСПРИЗОРНОСТИ И ПУТИ ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. Вниманию читателей предлагается сюжет, посвящённый проблеме беспризорности детей в условиях оккупации и в послеоккупационное время на примере отдельно взятого региона. Решением этой важной задачи занимались не только в бюрократических кабинетах органов власти, но и комсомольские работники на местах. Благодаря проявленной активности, настойчивости и равнодушию, им удалось в кратчайшие сроки организовать фонд помощи сиротам и детям фронтовиков, ставший главным источником широкой и разнообразной поддержки подрастающего поколения в условиях военного времени.

Ключевые слова: война, оккупация, беженцы, беспризорность, комсомол, Воронежская область.

A.V. Peregudov

**"THERE ARE MANY ORPHANED CHILDREN LEFT BECAUSE
OF THE NAZIS." THE PROBLEM OF HOMELESSNESS AND WAYS
TO OVERCOME IT OVER THE GREAT PATRIOTIC WAR YEARS**

Abstract. Readers are offered a story dedicated to the problem of child homelessness under occupation and in the post-occupation period using the example of a particular region. This important task was solved not only in the bureaucratic offices of the authori-

ties, but also by Komsomol workers in the field. Thanks to their activity, perseverance and caring attitude, they managed to organize a fund for orphans and children of veterans in the shortest possible time, which became the main source of wide and diverse support for the younger generation in wartime conditions.

Keywords: war, occupation, refugees, homelessness, Komsomol, Voronezh region.

Вероломное нападение врага и его стремительное продвижение вглубь территории СССР летом – осенью 1941 г. стало настоящим шоком для переживавших эти события современников. «Немцы берут Россию, как масло режут», – ёмко выразился один из них [13, с. 270]. К числу наиболее уязвимых категорий населения в годы войны относились дети и подростки. Например, в блокадном Ленинграде зимой 1942–1943 гг. фиксировались случаи их частой пропажи. Являясь физически наименее развитыми и, как следствие, не способными оказать сопротивление взрослым, они подвергались нападениям со стороны людоедов [13, с. 391–392]. Из дневников блокадников известно, что ещё в начале 1942 г. несколько женских организаций Ленинграда обратились к правительству с петицией, в которой просили «ради погибающих детей сдать город немцам», ссылаясь на практику международных отношений, в частности объявление Парижа «свободным городом» [11, с. 206]. По вполне понятным причинам советским гражданам не могла быть известна директива штаба военно-морских сил Германии от 29 сентября 1941 г. об уничтожении Ленинграда как не представлявшего никакого интереса для дальнейшего существования. Город предполагалось стереть с лица земли [9, л. 312–314].

Многочисленные людские жертвы привели к очередному обострению детской беспризорности. Эта проблема была давней головной болью советской власти. Начиная со времён Гражданской войны, с переменным успехом предпринимались многочисленные попытки её ликвидации. Стимулируя, координируя и направляя в нужное русло общественную и частную инициативу, а также задействовав репрессивный аппарат, государству удалось-таки во второй половине 1930-х гг. официально провозгласить победу над беспризорностью.

Масштабные военные действия на густонаселённой территории европейской части СССР, колоссальные потери среди военнослужащих и мирного населения в первые дни и месяцы войны, зверства в отношении обывателей выбросили на улицы, оставив без родителей и без всяких средств к существованию огромную массу подрастающего поколения. Вынужденные остаться на оккупированной территории дети и подростки подвергались большому риску: они становились жертвами насилия и погибали, их угоняли на принудительные работы в Германию [1, с. 4], заставляли шпионить [2, с. 242–243]. «Я видел разрушенные немцами деревни, слышал рассказы жителей о чёрных днях оккупации. Много пришлось нам всем пережить», –

вспоминал вынужденный сменить ручку и перо на военную форму студент Воронежского госуниверситета В. Транин [3, л. 7].

Беспризорники, в большинстве своём вступившие на преступный путь существования, очень быстро превратились в серьёзную проблему для самих гитлеровских войск. С её решением на оккупированной территории они не церемонились, избрав варварские методы. К примеру, в Минске в сентябре 1942 г. они провели облаву, в ходе которой около вокзала и в развалинах домов им удалось задержать порядка 100 беспризорных детей, которые впоследствии были расстреляны [12, с. 229].

Ожесточённые военные действия привели в движение огромные людские массы, вынуждая их эвакуироваться и спасаться бегством из привычных мест проживания. Неконтролируемая миграция способствовала появлению большого количества беженцев, балансировавших на грани выживания. Среди них наиболее незащищёнными оказались дети, не способные в силу возраста самостоятельно трудиться и зарабатывать на пропитание. Это вынуждало их обращаться за помощью. Так, в декабре 1942 г. эвакуированные из Старого Оскола Курской области в Воронежскую область дети Заварзины (5 человек – 12, 11, 8, 4, 2 лет), вместе с которыми была ещё одна девочка-сирота, посредством газетной публикации обращались к пионерам и школьникам Москвы. «Мы еле успели спастись от гитлеровских бандитов. Всё наше имущество сожгли немцы, а что успели захватить с собой, пришлось бросить в дороге, так как мама получила осколочное ранение, и 45 километров нам пришлось идти пешком. Папа наш на фронте, но мы о нём ничего не знаем уже 7 месяцев. Мама сейчас учительствует, у неё очень плохое здоровье, болят лёгкие, кашляет кровью. Зарплату ей не платят три месяца, да и папино пособие выплачивают не аккуратно, но нам здесь никто не помогает», – слёзно жаловались они в своём письме [4, л. 79]. Дети просили о самом необходимом: поношенных вещах, сменном белье и платьях, которые помогли бы им закончить учебный год. «Нам не дают покоя вши, мыла мы давно уже не видим». 8-летний Юра из-за отсутствия одежды и обуви вынужден был бросить ходить в школу. Остальные ходят, но в дырявых галошах и в летних прохудившихся пальто. Порой им тоже приходится пропускать занятия, чтобы идти к колхозникам с просьбой дать что-нибудь покушать. По признанию детей, спят они на школьной доске и укрыться им нечем.

«Скоро Новый год. Мы часто вспоминаем, как проводили этот день дома, когда не было войны, папа был дома, а теперь у нас нет никого. Мы потеряли всех родных, потеряли папу, остались в изодранном белье. Часто у нас нечего кушать, а мама всё время болеет, ходит грустная и часто плачет». Мотивом, побудившим обратиться детей Заварзиных за помощью в Москву, стали читаемые ими многочисленные заметки в газетах об оказываемой пионерами и школьниками помощи пострадавшим детям. «Мы твёрдо уверены в том, что вы откликнетесь на наше письмо, у нас горячее желание учиться, помогать старшим в тылу, чтобы скорее разгромить немецких бандитов», – заключали они [4, л. 79].

В не подвергшихся оккупации районах, например, таких, как Алешковский на северо-востоке Воронежской области, ситуация была тяжёлой по-своему. Здесь повсеместно процветала крайняя бедность. В 1943 г. из-за отсутствия одежды и обуви многие дети не могли посещать школу. В докладной записке районного секретаря ВЛКСМ Галаниной сообщалось о 280 детях-сиротах, «не имеющих родителей, отцы которых находятся в рядах РККА. У некоторых есть родители – мать, но живут очень плохо, ибо многосемейное положение не даёт возможность обеспечить детей всем необходимым, а главное питанием и одеждой» [4, л. 30]. Дети фронтовиков, таким образом, были обречены на полуголодное и нищенское существование.

Возможно, прозвучавший от детей-беженцев через прессу упрёк в отсутствии помощи на местах, а возможно, освобождение Воронежа и 30 районов области от оккупации в начале 1943 г. побудили-таки местные власти выйти из летаргического сна и активизировать деятельность по оказанию помощи сиротам и детям фронтовиков. 19 февраля 1943 г. было принято решение обкома ВКП(б) о борьбе с беспризорностью и безнадзорностью и обкома ВЛКСМ о помощи детям-сиротам, пострадавшим в Отечественную войну в районах области. Как видно из многочисленных документов, отложившихся в архивах, практическую работу по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью на местах осуществлял комсомол. Для комсомольских организаторов это составляло наиболее важную часть работы в годы Великой Отечественной войны.

Одной из форм помощи стало создание детских учреждений. «Много осталось детей-сирот через фашистов. Для этих детей создаются детские дома, где они воспитываются», – можно прочитать в отчётах местных властей [4, л. 32об.]. В Алешковском районе организовали детский дом на 50–60 человек. «Доведено до каждого колхоза задание по сбору продуктов питания, белья, посуды для детского дома. Мы в свою очередь, – писала секретарь РК ВЛКСМ Галанина, – дали развёрстку на сбор продуктов по комсомольским организациям. Все работники учреждения отчисляют двухдневный заработок» [4, л. 30].

В Россошанском районе инициаторами учреждения детского дома в апреле 1943 г. стали местные комсомольцы и школьники. Они первыми начали сбор вещей, денег, продуктов питания, продолженный впоследствии на всей территории области. Комсомольская организация взяла детский дом в Россоши на своё полное содержание¹. Он получил гордое имя Отечественной войны.

Детский дом разместился в двухэтажном крытом железом здании, имеющем 10 жилых комнат. К нему примыкали два деревянных крытых соломой дома-флигеля, рассчитанных ещё на 5 жилых комнат. Рядом находись

¹ В скором времени местные комсомольские организаторы открыли ещё один детский дом в Кантемировском районе, также содержавшийся за счёт добровольных пожертвований.

три сарая (два деревянных с соломенной крышей и один кирпичный с черепицей) и кирпичный подвал [4, л. 9]. По признанию комсомольских организаторов, им приходилось начинать буквально с пустого места, не было абсолютно ничего. Например, к помещению, в котором предполагалось разместить детский дом, было страшно подойти, поскольку всё было захлавлено [4, л. 32об.].

Большим подспорьем для улучшения питания воспитанников являлось наличие при детском доме подсобного хозяйства в виде двух лошадей, двух коров, поросят, фруктового сада и 9 гектаров земли [4, л. 18, 21]. «За всем хозяйством смотрят исключительно дети. Они ухаживают за коровами, поросятами и лошадьми; выращивают редиску, лук, помидоры, капусту и морковь. Соревнуются друг с другом. Их разбили на участки и каждый ухаживает за своим» [4, л. 32]. Помимо прочего, воспитанниками организуются вечера самодеятельности. Заведующей детским домом стала Е.П. Калашникова, писавшая о себе в 1943 г.: «Я молодой администратор, работаю с большим желанием, стараюсь, чтобы детям было всё, чтобы они чувствовали семейную заботу <...> Я сделаю всё, что в моих силах, для того, чтобы дети не чувствовали войны» [4, л. 7об.].

Однако проведённая в 1944 г. росошанскими властями ревизия детского дома имени «Отечественной войны» выявила существенные недочёты в его функционировании и злоупотребления со стороны руководящего состава. Имели место типичные проблемы для подобного рода учреждений: воровство, перерасход продуктов, вызванный питанием при детском доме сотрудников и их детей, отсутствие какой бы то ни было политической работы в летнее время. Наиболее тяжёлые обвинения касались завышенных штатов воспитательного и технического персонала (22 человека на 80 воспитанников), часть из которых являлись родственниками заведующей, и того факта, что большинство из них проживали ранее на оккупированной территории. Судя по всему, это бросало тень на их политическую благонадежность. А бухгалтер Шестаков был и вовсе «немецким прислужником, работавшим в паспортном столе при немецкой магистратуре» [5, л. 23–25].

Тогда же было установлено, что секретарь Росошанского районного комитета ВЛКСМ Подхормозин не только не осуществлял должного контроля за деятельностью комсомольского детского дома, но и вместо оказания помощи «тащил оттуда продукты». Из детского учреждения им были взяты «1 кг сахара, 1 кг сливочного масла, 40 штук яиц и 1 итальянский костюм» [4, л. 65]. К большому сожалению, преступное равнодушие к нуждам детей и воровство из детских домов не удавалось изжить десятилетиями.

Наряду с организацией детских домов, комсомольских секретарей области обязали взять на учёт всех сирот, а также приступить к сбору продуктов питания и вещей по имеющейся в каждом райкоме ВЛКСМ развёрстке. Выявленных и поставленных на учёт детей следовало не только накормить и одеть, но и обустроить. В условиях крайне ограниченных ресурсов, понимая невозможность создания большого количества детских домов и размещения

в них сотен детей, пытались задействовать привычные формы общественной помощи: патронат, усыновление, трудоустройство в колхозах [4, л. 11]. Все они с той или иной успешностью применялись на практике борьбы с беспризорностью в 1920–1930-е гг.

Как и в любой деятельности, здесь не обходилось без трудностей, связанных, например, с отсутствием подвод, из-за чего собранные в райкомах продукты питания и вещи оказывалось порой невозможно доставить до местонахождения детских учреждений. Это в свою очередь приводило к неприятным последствиям. Так, в мае 1943 г. секретарь Борисоглебского райкома ВЛКСМ Прокофьева сообщала, что собранные для воронежского детского дома «продукты лежали в райкоме в течение месяца. За это время испортилось 210 кг картофеля и 32 яйца» [4, л. 53]. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в Борисоглебске имелся собственный детский дом, однако в условиях жёсткой централизации распоряжения из областного центра о сдаче в таком случае продуктов туда, не поступало. В конечном счёте оставшиеся продукты всё-таки передали в местный детский дом.

В условиях транспортных затруднений большую роль стала играть помощь нуждающимся детям на местах. «В сильно пострадавших от немецких варваров сёлах» Лискинского района при сельских советах в 1943 г. организовали детские столовые. В Колыбельском сельсовете на 300 человек, в Щучанском – на 315. Оба села «находились на передовой. Здесь много детей-сирот, т[ак] к[ак] отцы на фронте, а матерей расстреляли, замучали» [4, л. 62–62об.].

Обогретые заботой и внимательным отношением со стороны взрослых, дети отвечали искренней взаимностью. Колхоз имени «12 лет Октября» Екатериновского сельсовета подвергся оккупации. «Немцы убили двух матерей, мужья на фронте. У одной 4 человека, у второй 3 человека детей». Всех их «взяла на своё обеспечение комсомольская организация. Комсомольцы собрали из своих запасов и у колхозников 150 кг картофеля, собирают молоко, пошили одежду. И эти сироты-маленькие от секретаря комсомольской организации не отходят», – сообщали из Лискинского райкома ВЛКСМ [4, л. 62–62об.].

Инициатива воронежских комсомольцев по созданию детского дома для сирот и детей фронтовиков, а также развернувшаяся деятельность по сбору и оказанию помощи для них стала известна далеко за пределами области. Это нашло горячий отклик на фронте. В адрес обкома ВЛКСМ в большом объёме стали поступать письма с передовой от бойцов Красной армии, в которых выражалась «благодарность от всей глубины фронтовой души», передавалось «фронтовое спасибо». Многие фронтовики в силу разных причин не имели регулярной связи с семьёй, щемящее чувство тоски и ностальгии заполняло их сознание: «Давно мы не видим своих родных, любимых, дорогих сердцу людей, – признавались они. – Проклятый Гитлер оторвал нас от дома, заставил взяться за оружие. <...> В часы передышки,

на привалах, каждый из нас вспоминает свой дом, своих жён, детей, матерей» [6, л. 9].

Уверенность в опеке детей доставляла им глубокое удовлетворение («...Как приятно и радостно узнать, что о наших детях вы проявили такую заботу! Этим вы оказали нам неоценимую поддержку. Мы спокойны за своих детей. Вы им заменили отцов») и вдохновляла на новые подвиги («Эта приятная новость освобождает мысль о судьбе моих детей, детей моего товарища по оружию, с которым ходил в бой, иду сегодня, пойду завтра»; «Мы клянёмся вам, что в ответ на вашу заботу о наших детях, мы будем драться ещё лучше. И пусть дрожит Гитлер и его приспешники в своей берлоге!») [6, л. 9, 16, 25, 35, 36].

Письма фронтовиков содержали не только слова благодарности, но и сопровождалась финансовыми пожертвованиями, поступавшими на счёт воронежского комсомола. Так, в марте 1944 г. комсомольцы и молодёжь Северного флота перевели на нужды детей 200 тыс. руб. [6, л. 7]. Из гвардейской части (указан лишь № полевой почты) собрали и перевели 18 тыс. руб. [6, л. 16] и т.д. В скором времени это позволило существенно расширить сферу и виды оказываемой помощи.

24 июня 1944 г. в газете «Известия» за подписью секретаря Воронежского обкома ВЛКСМ И.С. Смирнова было опубликовано обращение к И.В. Сталину. В нём говорилось о достигнутых воронежским комсомолом успехах в выполнении долга перед защитниками родины. Окружая «лаской, заботой и вниманием детей фронтовиков и сирот, родители которых погибли от рук ненавистных фашистских палачей», им удалось собрать в фонд помощи для них «2 864 400 руб., 3 416 пудов продуктов, 5 000 различных детских вещей. 12 тыс. детей фронтовиков получили от комсомольских организаций подарки продуктами и вещами. На собранные комсомольцами средства в области содержатся 10 детских домов, в которых воспитываются 800 детей фронтовиков. 350 учащихся школ получают комсомольские стипендии. Летом текущего года 20 тыс. ребят нашей области будут отдыхать в пионерских лагерях и на оздоровительных площадках, 350 детей по путёвкам комсомольских организаций побывают в детских санаториях» [10, с. 2]. Здесь же был помещён ответ руководителя СССР: «Прошу передать комсомольцам Воронежской области <...> мой горячий привет и благодарность Красной армии» [10, с. 2].

Всесоюзная известность, обрётённая воронежским комсомолом после публикации в центральной прессе одобрительной оценки И.В. Сталина, имела и обратную сторону. Всё чаще в адрес комсомольского руководства от фронтовиков стали поступать письма с просьбой оказать посильную материальную помощь конкретно их семье, «дабы этим, — писал один из них, — дать возможность благополучно дожидаться моим детям окончательной победы над ненавистным врагом нашей Родины, немецкими захватчиками» [6, л. 41].

Аккумулированные на счетах комсомола многочисленные денежные суммы позволили развернуть работу по проведению на территории области

оздоровительных мероприятий. Поскольку летом 1943 г. они почти не проводились, в 1944 г. комсомольским организациям «пришлось много поработать в деле создания баз для лагерей и их оборудования» [7, л. 18]. Летом 1944 г. в области работало 42 лагеря. Как правило, они были небольшими (на 50–60 человек) со смешанным контингентом отдыхающих. Оздоровительными мероприятиями в общей сложности удалось охватить 21 091 ребёнка, 19 891 (94 %) из которых являлись детьми фронтовиков, инвалидами Отечественной войны и сиротами [7, л. 34об.]. Комсомольские организаторы оказывали практическую помощь в организации лагерей, а райкомы ВЛКСМ подбирали кадры пионервожатых и начальников лагерей, участвовали в подготовке помещений. Один из элементов воспитательной работы в пионерских лагерях включал организацию костров и вечеров встреч с участниками Отечественной войны. К примеру, в Острогожском районе «в день открытия лагеря вечером был организован пионерский костёр, где старший лейтенант т. Егоров рассказал ребятам много интересных эпизодов из фронтовой жизни. Ребята в свою очередь рассказали, как много они пережили, находясь в оккупации у немцев» [7, л. 13].

Пионерские лагеря размещались относительно недалеко от городской черты, преимущественно в живописной местности рядом с лесом. В часы общественно-трудовых работ это позволяло заниматься сбором лекарственных трав и растений (корень валерианы, зверобой, ромашка, шиповник и др.) для последующей их сдачи в аптеки. В Острогожском районе пионерлагерь разместился на территории совхоза Госпллодопитомника в зданиях школы и клуба посреди фруктового сада, поэтому наряду с лекарственными травами дети собирали ягоды для плоδοкомбината (950 кг смородины), а также винного завода (700 кг смородины и 525 кг вишни) [7, л. 13]. Помимо собирательства ребята оказывали помощь семьям фронтовиков в доставке топлива, работе на огороде (в частности, прополке) и прочих домашних делах. Также дети принимали активное участие в сельскохозяйственных работах – в колхозах Землянского района они собрали 1 900 кг колосьев [7, л. 39].

Вследствие хорошего питания (например, 275 кг сухофруктов в качестве подарков из Узбекистана), разумной физической нагрузки, подвижной деятельности и нахождения на свежем воздухе, дети поправляли здоровье, прибавляя в весе в среднем до 800 граммов [7, л. 35].

В самом Воронеже и других городах области при школах в летний период учреждались детские оздоровительные площадки, включавшие такие важные элементы, как питание, воспитание, игры. На ночь родители забирали детей по домам.

Летом 1944 г. по бесплатным комсомольским путёвкам отправились поправлять здоровье в Чертовицкий и Графский туберкулёзный санатории 350 детей фронтовиков, сирот и особо нуждающихся [7, л. 1об.].

В годы Великой Отечественной войны сиротами остались сотни и тысячи детей по всей Воронежской области. Крайнюю нужду испытывали бесчисленные семьи фронтовиков. В условиях обострившейся в регионе бес-

призорности и безнадзорности комсомольские организации взяли шефство над решением этих проблем, выступив, таким образом, проводниками политики советских и партийных органов власти на местах. Приступить к оказанию реальной помощи детям, в которой нуждались в той или иной степени, без преувеличения абсолютно все, но особенно, в пострадавших от оккупации районах, удалось лишь ранней весной 1943 г. Достигнутый в этом году коренной перелом и дальнейшее продвижение Красной армии на запад, позволило начать постепенное восстановление разрушенного хозяйства и искоренение социальных язв, оставшихся «в наследство» от периода оккупации. Деятельность комсомольских организаторов опиралась на накопленный в 1920–1930-х гг. опыт борьбы с беспризорностью, практически полностью копируя его. В кратчайшие сроки детей-сирот поставили на учёт, организовали для них сбор продуктов питания и вещей, развернули оказание помощи на местах, задействовали общественную инициативу в вопросах их дальнейшего обустройства, учредили детские дома. Особого внимания заслуживает активно развернувшаяся кампания по сбору добровольных пожертвований, внушительная сумма которых уже к лету 1944 г. позволила наметить и реализовать более широкую и разнообразную программу помощи нуждающимся детям. На территории области действовали десятки загородных пионерских лагерей и городских школьных площадок, направленных на проведение оздоровительных мероприятий.

Конечно, большую роль в оказании помощи детям играл личностный фактор. Кадры решают очень многое. Среди комсомольцев встречались как искренне помогавшие сиротам, от которых те потом в знак благодарности не отходили ни на шаг, так и те, кто без зазрения совести обворовывал их в детских домах. При схожих возможностях некоторые пионерские лагеря и школьные площадки признавались образцовыми, а в некоторых дети были предоставлены сами себе, они нарушали дисциплину, их плохо кормили, вследствие чего родители были вынуждены забирать их раньше установленного срока. Откровенно говоря, воронежский комсомол в годы войны переживал не лучшие времена. Наряду с высокой текучкой кадров, имели место случаи недостойного поведения на оккупированной территории (юноши и молодые люди служили полицейскими, девушки вступали в интимную связь с немцами и принимали от них подарки, кто-то шпионил) [8, л. 7]. Тем не менее, именно благодаря активной деятельности подавляющего числа неравнодушных комсомольцев, немногим старше по возрасту своих сверстников, переживших вместе с ними эти ужасные события, а также благодаря откликам воинов Красной армии и других тружеников тыла, попавшие в беду дети могли ощутить ласку, почувствовать заботу, внимание и во многом обрести вторую семью.

Источники и литература

1. *Аброськин С.В.* Зверства фашистов в Воронежской области / С.В. Аброськин. М.: Госполитиздат, 1943. 47 с.
2. *Бернштейн С.* Воспитанные при Сталине. Комсомольцы и защита социализма / С. Бернштейн. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 302 с.
3. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). Ф. 8. Оп. 2. Д. 144.
4. ГАОПИ ВО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 150.
5. ГАОПИ ВО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 311.
6. ГАОПИ ВО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 303.
7. ГАОПИ ВО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 308.
8. ГАОПИ ВО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 167.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 166.
10. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1944. № 149(8451). 24 июня. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6150366/pages/2> (дата обращения: 26.12.2024).
11. *Криптон К.* Осада Ленинграда / К. Криптон. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 251 с.
12. Сообщения Советского информбюро. Т. 3 (июль – декабрь 1942 г.). М.: Совинформбюро, 1944. 434 с.
13. *Шапорина Л.В.* Дневник: в 2 т. / Л.В. Шапорина. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 585 с.

Перегудов Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории исторического факультета, Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж, Peregudoff@mail.ru

Peregudov Aleksandr V., Candidate of Sciences (History), Docent, Associate Professor at the Department of Political History of the Historical Faculty, Voronezh State University, Russia, Voronezh, Peregudoff@mail.ru

УДК 94(470.324).084.8+614.2(470.324)(091).084.8

В.В. Бахтин

**ЛЕЧЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВОРОНЕЖА В ПЕРИОД
ЧАСТИЧНОЙ ОККУПАЦИИ ГОРОДА ЛЕТОМ 1942 ГОДА**

Аннотация. В статье рассматривается возникновение, функционирование, уничтожение лечебных учреждений города Воронеж в период частичной оккупации правобережной части летом 1942 г. Персонал и пациенты лечебных заведений не смогли полностью эвакуироваться и оказались в зоне оккупации. Первоначально оккупационные власти предприняли попытку создания отдела здравоохранения при военной комендатуре. Однако вскоре армейское командование приняло решение о

тотальном выселении населения из города и ликвидации лечебных учреждений. Тяжелобольные, лица с инвалидностью, люди пожилого возраста были под предлогом эвакуации вывезены в Песчаный лог на окраине города и расстреляны.

Ключевые слова: здравоохранение, война, геноцид, оккупация, Воронеж.

V.V. Bakhtin

MEDICAL INSTITUTIONS OF VORONEZH DURING THE PARTIAL OCCUPATION OF THE CITY IN THE SUMMER OF 1942

Abstract. The article examines the emergence, functioning, and destruction of medical institutions in Voronezh during the partial occupation of the right-bank part in the summer of 1942. The staff and patients of medical institutions were unable to fully evacuate and ended up in the occupation zone. Initially, the occupation authorities attempted to create a health department at the military commandant's office. However, soon the army command decided on the total eviction of the population from the city and the liquidation of medical institutions. The seriously ill, people with disabilities, and the elderly were taken to a Sandy log on the outskirts of the city under the pretext of evacuation and shot.

Keywords: healthcare, war, genocide, occupation, Voronezh.

Тема здравоохранения в условиях нацистской оккупации в советский период в силу целого ряда обстоятельств вне сферы научных интересов историков, практически неизученной она остается и в современной исторической науке. Однако в связи с рассекречиванием архивных документов периода Великой Отечественной войны появляется возможность изучения истории функционирования лечебных учреждений на оккупированной территории, что представляет несомненный научный интерес.

Воронеж – областной центр, крупный экономический и культурно-научный центр Центрального Черноземья с развитой системой органов здравоохранения. В начале Великой Отечественной войны в городе была развернута целая сеть госпитальных учреждений. К июню 1942 г. на территории области находились и осуществляли лечение раненых советских воинов 47 эвакогоспиталей на 18 250 коек [1, с. 75], из них 24 эвакогоспиталя функционировали в самом Воронеже [15]. Кроме того, на базе клиник Воронежского мединститута и многих городских больниц с целью оказания специализированной помощи воинам действующей армии и военнослужащих гарнизонов были развернуты оперативные койки.

28 июня 1942 г. в ходе операции «Блау» вермахт начал наступление на курском направлении. Город подвергался массированным атакам нацистской авиации, которые приводили к массовым жертвам среди горожан. Раненные направлялись в различные лечебные учреждения. 4 июля 1942 г. началась эвакуация лечебных учреждений, которая проходила при постоянных ожесточенных бомбежках с воздуха. Из некоторых госпиталей эвакуация ране-

ных осуществлялась пешим порядком. На момент вторжения частей вермахта в город часть медицинского персонала и пациентов лечебных учреждений как военнослужащих, так и гражданских не была эвакуирована. Точных данных об их числе нет.

Документы чрезвычайной государственной комиссии содержат фрагментарные сведения о некоторых лечебных заведениях. В акте Коминтерновского районного Совета депутатов трудящихся г. Воронежа от 28 февраля 1944 г. содержится информация по крупнейшему лечебному учреждению – Воронежской областной клинической больнице, которая оказалась на линии огня и была захвачена 7 июля 1942 г. передовыми частями вермахта. В акте указано, что в ней находилось 60 тяжелораненых, «которые не могли быть эвакуированы в связи тяжелым состоянием» [5, л. 19]. Однако в акте не указано общее число пациентов и медперсонала, которые были на момент ее захвата. Также приведены два факта расстрела военнослужащими пациентов, в том числе несовершеннолетнего мальчика.

17 июля 1942 г. больничный комплекс был отбит советскими войсками. В акте фиксировалось, что «немцы, отступая от больницы, подожгли ее и все больные, за малым исключением, сгорели. В числе сгоревших, как установлено очевидцами, сгорела девочка 14 лет Черникова Татьяна Ивановна» [5, л. 19].

Дополнительные сведения об условиях нахождения пациентов больницы и их спасения содержатся в нескольких источниках, в том числе и германских. Так, германский военный корреспондент Густав Штебе в очерке «Offensive und Abwehr un Woronesh»¹ писал: «Больница, выдержавшаяся в течение шести часов жесточайший бой, была переполнена больными, из которых некоторые только на днях перенесли операции, женщинами и детьми, тяжело больными и беспомощными людьми» [5, л. 13–14]. Также он приводит факты расстрела пациентов мужского отделения больницы.

В рапорте начальника Острогужской оперативной группы УНКВД по Воронежской области младшего лейтенанта госбезопасности М.М. Назарьева заместителю начальника УНКВД области капитану государственной безопасности В.С. Соболеву сообщалось: «с 5 июля 1942 г. в больнице находилось 175 больных, которым давали кушать один раз в день супу без хлеба, а два последних дня до освобождения не давали ничего, больные не могли получить даже воды... немцы в помещении больницы над головами больных установили пулеметные гнезда и вели огонь, не обращая внимания на больных. У одного больного, фамилия неизвестна, один из немцев потребовал документы, но он с ним отказался разговаривать, тогда этот немец взял его и пристрелил. Немцы на больных не обращали никакого внимания, и больные у них служили как оборонительное сооружение. При отходе немцев из областной больницы, а отходили они очень быстро (прыгали со второго этажа), они подожгли помещение, не обращая внимания на то, что в

¹ «Нападение и защита в Воронеже» – прим. ред,

последнем находилось 175 больных. Наши красноармейцы из огня спасали больных и дали им после спасения покушать» [7, с. 53–54].

В докладной записке и.о. начальника Политуправления Воронежского фронта С.С. Шатилова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову от 16 августа 1942 г. сообщалось: «Чудовищные преступления фашистских разбойников обнаружены недавно на территории Областной больницы г. Воронежа, когда оттуда был выбит враг.

В подвалах больничных корпусов обнаружено было свыше 500 заживо сожжённых больных и раненых красноармейцев, и местных граждан.

Перед взором наших бойцов были обугленные остатки наших братьев и сестер, отцов и матерей. Их стаскивали сюда в эти подвалы с коек больных, изнеможённых, беспомощных – облив керосином, зажгли. А гитлеровские палачи упивались стонами, воплями, предсмертными криками своих жертв» [3].

Приведенные фрагменты архивных документов сообщают различные цифры погибших и спасенных пациентов Воронежской областной клинической больницы. Профессор Воронежского медицинского института А.Г. Русанов в дневнике оставил запись 5 февраля 1944 г.: «В подвале еще до сих пор не убраны трупы, торчат ноги в обуви. Гимнастерки... санитарка ... рассказывает, что в больнице остались еще 150 больных, которых не успели вывезти и унести в подвал от бомбежки» [12, с. 250]. В мемуарных источниках также приводятся сведения о сотнях пациентах больницы, которые оказались в зоне боевых действий. В частности, связистка 121-й стрелковой дивизии Е.И. Крестникова, вспоминала, что после освобождения территории больницы в июле 1942 г. из подвалов вышло несколько сот женщин и детей, больных и раненых [11, с. 114].

Сведения о тяжелораненых военнослужащих, которые не были эвакуированы из города, содержатся и в книге о 232-й стрелковой дивизии. Группа военнослужащих вместе с санинструктором Ниной Рубцовой была захвачена в плен и помещена в здание школы: «Нина решила тщательно осмотреть школу. Не может быть, чтобы ничего госпитального не осталось... Открыла двери класса на втором этаже – в нос ударил зловонный запах. На нескольких койках, на полу лежали раненые бойцы. Большинство без сознания. Или на грани беспамятства» [10, с. 39]. В железнодорожной больнице не смогли эвакуировать около 20 тяжелобольных [16, с. 512].

Воронеж был частично захвачен войсками вермахта, которым удалось установить контроль над правобережной частью города. Большая часть медицинского персонала и тяжелых пациентов оказалась не эвакуированной и осталась в оккупированной части города. Левобережная часть города и район Сельскохозяйственного института в правобережной части города контролировали советские войска.

Медицинский персонал, который остался в городе, продолжал оказывать медицинскую помощь пациентам лечебных учреждений. Некоторые из них приходили в ближайшие больницы для спасения пациентов. Директор института переливания крови Ф.П. Верховых с сотрудниками не сумели

эвакуироваться и остались в городе. Он и его сотрудники стали оказывать помощь оставшимся тяжелооболочным в железнодорожной больнице [16, с. 127]. Он возглавил больницу, так как был самым опытным и обладал высшей квалификацией по сравнению с другими работниками.

Самостоятельно возник и комплекс лечебных учреждений на улице 20-летия Октября. В военный госпиталь в школе № 29 стали помещать раненых военнопленных. Медицинскую помощь им оказывала первоначально санитарка Н. Рубцова, затем прибыла новая партия красноармейцев вместе с санитаркой Н. Сусловой. Они с участием местных жителей организовали заботу о раненых. Фактически госпиталь был превращен в лагерь для военнопленных. Его обнесли колючей проволокой, но охрана отсутствовала. Первоначально санитаркам удалось привлечь к работе хирурга, который, однако, пропал через несколько дней. Проблему удалось решить, когда вскоре пришла врач Р.М. Мухина, которая возложила на себя обязанности главного врача и сумела привлечь местные медицинские кадры из числа гражданского персонала [10, с. 39].

В первые дни оккупации германские оккупационные власти предприняли попытку создания гражданской администрации. На должность бургомистра был назначен некий Михайлов (до настоящего времени сведения о нем отсутствуют) [13, л. 74]. При военной комендатуре был создан отдел здравоохранения, который возглавил хирург Казимир (Козьма) Семенович Спалек. Родился он в 1907 г. в г. Калиш Калишской губернии (город до 1917 г. входил в состав Российской империи, ныне – в составе Польши). В 1934 г. он окончил лечебный факультет Воронежского медицинского института, в 1941 г. аспирантуру по специальности «хирургия». С начала войны был призван на фронт, служил в медсанбате 19-й стрелковой дивизии 24-й армии Западного фронта. В октябре 1941 г. попал в окружение под Вязьмой. Из лагеря для военнопленных поступил на службу в местную больницу. Летом 1942 г., через неделю после захвата правобережной части Воронежа, прибыл в город. В первые дни своего пребывания на должности организовал в городе амбулаторию, к работе в которой привлек воронежских врачей [14].

Врач Р.М. Мухина самостоятельно или по распоряжению К. Спалека организовала на улице 20-летия Октября в нескольких сотнях метров от госпиталя Дом инвалидов, в который было помещено около 500 чел. с инвалидностью и престарелых.

Лечебные учреждения подвергались грабежу со стороны военнотружающих вермахта, так в 10-х числах июля в железнодорожную больницу прибыли солдаты и ограбили имущество, медицинский инвентарь, белье и прочее. После этого Ф.П. Верховых послал в комендатуру жалобу на грабеж больницы. Из комендатуры получил объявление с надписью на немецком языке: «Входить в здание и брать что-либо воспрещается» за подписью местного коменданта, которое было вывешено на двери больницы [2, с. 512].

Спалек как заведующий отделом здравоохранения при комендатуре осуществил регистрацию врачей и медицинского персонала, которые получили

право проживания в городе и свободного перемещения в нем. Периодически происходили совещания, на которых до врачей доводились приказы и распоряжения германского командования. Одно таких из распоряжений касалось перевода пациентов железнодорожной больницы в роддом на улице 20-летия Октября, что и было и выполнено. Часть больных была перевезена медицинским персоналом на лошади, а часть – перенесена на носилках [2, с. 512].

В конце июля 1942 г. была организована сеть медицинских учреждений, находившихся в ведении здраводела при германской комендатуре, в которую входили:

1. Госпиталь для гражданского населения и военнопленных на улице 20-летия Октября в здании школы № 29 (главный врач – Р.М. Мухина).

2. Хирургическая больница на улице 20-летия Октября в здании родильного дома (заведующий – Ф.П. Верховых).

3. Дом инвалидов на улице 20-летия Октября в жилом доме (заведующий – А.И. Белянкин).

Функционировала и городская больница имени Г.В. Плеханова (Плехановская), которая имела особый статус и не находилась в юрисдикции К. Спалека. Больница, вероятно, была переоборудована под германский военный лазарет, к работе в нем были привлечены и воронежские врачи [2, с. 512]. В материалах Воронежской чрезвычайной государственной комиссии отложились свидетельские показания пациентки больницы А.А. Лебедевой, где сообщалось следующее: «7 июля в 10 часов утра к нам больным пришла дежурный врач, фамилию не помню, и заявила, что нам, что, хотя мы и тяжело больны, мы должны очистить больницу хоть ползком, ибо сейчас нет советской больницы, а есть немецкая» [4, л. 2]. Дополнительной информации о функционировании «немецкой» больницы в региональных архивах не выявлено.

20 июля 1942 г. генерал 2-й армии вермахта Г. фон Зальмут подписал приказ № 2 по боевой группе «Блюм» 17, который предусматривал очистку Воронежа от гражданского населения. Город был разделен на несколько зон, и началась тотальная зачистка жилых кварталов от гражданского населения 581-м батальоном полевой жандармерии [9, с. 87].

В город прибыла «Sipo S.D. Sonderkdo. 4a» (зондеркоманда полиции безопасности и СД 4а), которая принимала участие в выявлении и уничтожении евреев, коммунистов и советских активистов. Лечебные учреждения Воронежа перешли под контроль СД. Главный врач Р.М. Мухина была отстранена от должности как еврейка, но она продолжала работать в госпитале. Вместо нее назначили врача Г.В. Мышкину.

17–18 августа 1942 г. солдаты зондеркоманды расстреляли врача Р.М. Мухину, профессора медицинского института В.М. Вержбловского и всех пациентов еврейской национальности [2, с. 531].

В августе 1942 г. из города было насильственно выселено все гражданское население, но лечебные учреждения на улице 20-летия Октября еще оставались. 27 августа 1942 г. в госпиталях была объявлена эвакуация. Во

двор госпиталя въехали две грузовые машины, крытые брезентом. Прибывший с ними германский офицер объявил, что госпиталь эвакуируется в села Орловка и Хохол, и предложил больным грузиться в машины. Тех, кто не мог передвигаться, выносили на носилках. Машины, покинув госпиталь, остановились на окраине Воронежа у Песчаного лога. О том, что там произошло станет известно по показаниям пациентки госпиталя Анны Поповой, выжившей во время расстрела [6, с. 8].

Согласно показаниям шофера Зондеркоманды 4а Ивана Бойко, приказ об уничтожении лиц с инвалидностью и раненых отдал штурмбаннфюрер СС Вальдемар фон Радецкий (Waldemar von Radetzky), которого осудили на 20 лет на процессе по Айнзацгруппам в 1948 г. в Германии за его участие в убийстве евреев на территории Украины. В 1951 г. он был выпущен на свободу и дожил до 1990 г., так и не понеся наказания за преступления, совершенные в Воронеже. Бойко показал: «Поскольку в г. Воронеже осталось много больных и инвалидов, которые двигаться к селу Хохол не могли, кроме того, в Воронежском доме инвалидов находилось 500 человек, то им, по распоряжению РАДЕЦКОГО, подали автомашины и заявили, что их вывозят в тыл подальше от фронта. Все больные – инвалиды и дряхлые старики – поспешили выехать, однако их вывезли в пещеру на краю города Воронежа, по дороге в направлении к станции Латная, где всех их расстреляли немецкие офицеры: ЛИНД Эдуард, ЦИМЕРМАН, ФЕЛЬКЕР, ЭДИК, "ЧЕРНЫЙ" и другие» [16, с. 94].

В октябре 1943 г. Воронежской чрезвычайной государственной комиссией на месте расстрела из могилы-ямы было эксгумировано 450 трупов, в том числе 35 детских [6, с. 18].

Лечебные учреждения в оккупированном городе функционировали в период с июля по август 1942 г. Врачи в оккупированной части Воронежа организовали функционирование стационарных лечебных заведений, в которых оказывали необходимую медицинскую помощь гражданскому населению и военнопленным. Германское военное командование, издав приказ о тотальном выселении жителей Воронежа, определили и судьбу персонала лечебных учреждений. Трудоспособные были угнаны в оккупированные районы Курской и Воронежской областей, а тяжелобольные, нетрудоспособные старики и лица с инвалидностью были уничтожены. По разному сложилась судьба руководителей лечебных учреждений: врач Р.М. Мухина была расстреляна зондеркомандой, врачи Ф.П. Верховых, Г.В. Мышкина – выселены в Курскую область, К.С. Спалек работал заведующим амбулаторией в оккупированном районном центре Землянке Воронежской области. В послевоенный период Ф.П. Верховых будет работать в Воронежском медицинском институте, К.С. Спалек и Г.В. Мышкина будут арестованы и осуждены на различные сроки по 58-й статье Уголовного кодекса как немецкие пособники, а впоследствии – реабилитированы.

Источники и литература

1. Астапова Л.И. Деятельность эвакогоспиталей по лечебно-эвакуационному обеспечению советских войск в годы Великой Отечественной войны: на материалах Воронежской области. Июнь 1941 – декабрь 1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Л.И. Астапова. Воронеж, 2006. 271 с.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Воронежская область: сб. архивных документов / сост.: Н.Г. Воротилина и др. М.: Фонд «Связь Эпох»; Воевода, 2020. 573 с.
3. Докладная записка и.о. начальника Политуправления Воронежского фронта С.С. Шатилова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову о преступлениях немецких оккупантов, совершенных в отношении гражданского населения Воронежской области // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 91. Л. 153–154.
4. Документы по расследованию злодеяний фашистов в Ворошиловском р-не г. Воронежа // Государственный архив Воронежской области (далее – ГА ВО). Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 7. 3 л.
5. Материалы злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников по Коминтерновскому р-ну г. Воронежа // ГА ВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 36. 62 л.
6. Не быть в забвенье имени героя...: 80-летию освобождения Воронежа от гитлеровских полчищ посвящается: Очерки. Воспоминания. Б.м.: б.и., 2023. 190 с.
7. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 3, кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 г. М.: Русь, 2003. 716 с.
8. Перевод брошюры немецкого военного корреспондента Густава Штебе о наступлении на Воронеж и его защите // Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 19. 20 л.
9. Плохотнюк Г.В. Насильственное выселение мирных жителей из г. Воронежа летом 1942 г. / Г.В. Плохотнюк // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. Вып. 19. Воронеж: Фортуна, 2021. С. 83–94
10. Пронин Ф. Право на память / Ф. Пронин, В. Белозерцев. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1976. 171 с.
11. Ради жизни на земле. Воронеж: Цетрально-Черноземное книжное издательство, 1970. 379 с.
12. Русанов А.В. Одна на всех война (Великая Отечественная война в мемуарах семьи Русановых) / А.В. Русанов, Т.Н. Русанова. Воронеж: Научная книга, 2020. 343 с.
13. Сообщение 4-го Управления НКВД СССР наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии о положении в оккупированной части г. Воронеж и на территории Воронежской области от 14 августа 1942 г. // Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 8. Л. 73–77.
14. Спалек К.С. // Архив УФСБ России по Тамбовской области. Д. Р.-6216.
15. Справочник дислокации госпиталей РККА в 1941–1945 годах. URL: <https://www.soldat.ru/hospital.html?ysclid=m6sd617jjo577698720> (дата обращения: 12.12.2024).
16. Филоненко С.И. Война на воронежской земле. 1942–1943 гг. в документах Красной армии, вермахта и войск сателлитов. В 5 т. Т. 5. Воронеж: Кварта, 2019. 416 с.

Бахтин Виктор Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко, Россия, г. Воронеж, bakhtin2009@yandex.ru

Bakhtin Viktor V., Candidate of Sciences (History), Docent, Associate Professor at the Department of Pedagogy and Humanities, Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Russia, Voronezh, bakhtin2009@yandex.ru

УДК 94(47).084.8+339.194(091).084.8

Х.Б. Бабаджанов

ЧЕРНЫЙ РЫНОК В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН-УЧАСТНИЦ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на примерах Германии и Англии рассмотрено влияние черного рынка на повседневную жизнь населения стран-участниц Второй мировой войны. Проанализированы социально-экономические условия и факторы появления черного рынка, установлены участники и организация чёрного рынка в этих странах. Охарактеризована эффективность борьбы с нелегальной торговлей. Констатируется факт взаимоотношений деятельности чёрного рынка с органами контроля.

Ключевые слова: Вторая мировая война, чёрный рынок, экономические преступления, торговля.

Kh.B. Babadjanov

BLACK MARKET IN THE EVERYDAY LIFE OF THE POPULATION OF THE COUNTRIES PARTICIPATING IN THE SECOND WORLD WAR

Abstract. The article examines the impact of the black market on the everyday life of the population of the countries participating in the World War II using examples from Germany and England. The socio-economic conditions and factors of the emergence of the black market are analyzed, the participants and organization of the black market in these countries are identified. The effectiveness of the fight against illegal trade is characterized. The fact of the relationship between the activities of the black market and control bodies is stated.

Keywords: Second World War, black market, economic crimes, trade.

«Настоящая война – это праздник для рынков. Органические рынки, тщательно названные профессионалами "черными" появляются повсюду. Чеки, стерлинги, марки продолжают движение как в классическом балете...», – писал Томас Пинчон в своём постмодернистическом романе «Радуга тяготения» [5, р. 105].

Действительно, во время войн процветал рынок, называемый «черным». Нехватка продукции и стремление к государственному регулированию цен создали необходимые условия для возникновения и развития черного рынка. Как бы ни боролись против него государства в любой исторической эпохе, черный рынок всегда возникал при проявлении специальных условий. Военное время с такими его особенностями, как нехватка товаров, инфляция, нарушение экономических отношений, создавало широкие возможности для процветания черного рынка. Чем сложнее было положение снабжения и формальной торговли, тем более был развит черный рынок.

В некоторых исследованиях черный рынок называют «стихийным» или «диким» рынком, что не всегда корректно. Чёрный рынок имеет участников, которые выполняют конкретные роли и свою собственную структуру. В целом, с точки зрения функционирования и структуры черный рынок имеет все элементы формального рынка. Торговля, считавшаяся законной в мирное время, может переместиться в сегмент черного рынка из-за правовых ограничений в период войны. В мирное время на черном рынке осуществляется торговля товарами, запрещенных законом и представляющими общественную опасность (например, наркотики). Эта деятельность в основном осуществляется представителями криминальных или маргинальных групп.

Поэтому ассортимент товаров чёрного рынка в основном состоял из товаров широкого потребления, которые никак не были связаны с криминалом. В таблице 1 представлена информация, о доле товаров и услуг в сделках на черном рынке Берлина в годы Второй мировой войны. Как видим в таблице, наиболее важными товарами были продукты питания и текстиль, с общей долей 46 %. Третье место занимают табачные изделия, поскольку они использовались не только как потребительский товар, но и как валюта. В категорию услуг, например, входили услуги портного, причем услуги оплачивались натурой. В то же время низкий показатель «традиционных товаров» криминалитета – оружие и наркотики – вовсе не свидетельствует о сокращении общего объема продажи этих товаров. Просто из-за большого количества операций по продаже «новых товаров» чёрного рынка, «старые товары» чёрного рынка остались на вторых ролях.

Таблица 1

**Доля товаров и услуг в сделках на черном рынке Берлина
в годы Второй мировой войны, в %***

Товары и услуги	Доля на черном рынке
Продукты питания и продовольственные карточки	23
Одежда и ткани	23
Табак	19
Услуги	13
Ювелирные изделия	3
Наркотики и оружие	3
Иностранная валюта	3
Другое	13

* Источник: [9, р. 99].

В других странах, которые вели войну, продукция, реализуемая на чёрном рынке, почти совпадала. Так, в Манчестере на черном рынке велась торговля в основном текстилем, обработанными пищевыми продуктами и одеждой [8, р. 8].

В военное время участниками чёрного рынка могли стать представители почти всех социальных групп населения. Как правило, черный рынок представляет собой бартер, в котором продукты питания обмениваются преимущественно на товары широкого потребления. В таких условиях черный рынок выступает в роли механизма адаптации к сложившимся условиям для отдельного человека. Для кого-то черный рынок является источником постоянного или дополнительного дохода, а для кого-то – средством поиска дефицитного продукта.

Законный и незаконный (черный) рынок по сути во многом схожи, но следует отметить несколько особенностей последнего. Основная разница заключалась не в экономических, а в социальных факторах. Поскольку черный рынок является незаконной формой торговли, его участники могли быть подвергнуты определенному наказанию (административному и уголовному). Поэтому между участниками черного рынка формируются своеобразные доверительные отношения и они, в отличие от законного рынка, являются закрытыми.

Торговцы чтобы начать свою деятельность сперва должны были установить контакт и построить сеть клиентуры. В отличие от легального рынка торговцы на чёрном рынке имели свою узкую клиентскую сеть. Таким образом, чёрный рынок не только стал площадкой, на которой люди торгуют, но и местом сложного взаимодействия и тайного социального общения. Основными участниками, если быть точнее, участницами незаконной торговли были женщины. Сельские женщины обменивали продукты питания на мы-

ло, ткани и другие предметы широкого потребления. Например, в годы войны в Берлине среди торговцев чёрного рынка было очень много женщин в возрасте 40–50 лет [9, р. 70].

Каждое государство, особенно в период войны, борется с проявлениями чёрного рынка. В книге Мальте Циренберг (Malte Zierenberg) «Чёрный рынок Берлина: спекулянты, нелегальные сети и городское пространство немецкой столицы» анализируется кейс Марты Реббьен, арестованной за незаконную торговую деятельность [9].

55-летняя Марта Реббьен, бывшая безработной официанткой на момент своего ареста 9 ноября 1944 г. в течение как минимум четырех лет вела незаконную торговую деятельность в Берлине. Материалы следствия, представленные в протоколах допросов, позволяют определить характерные признаки черного рынка Берлина. Следователи были заинтересованы, прежде всего, в установлении личности участников и количестве проданных ими товаров. В результате расследования берлинская полиция получила информацию о более чем 60 нелегальных торговцах и конфисковала товары на сотни рейхсмарок [8, р. 48].

Наказание за торговлю на черном рынке теоретически могло быть суровым, вплоть до смертной казни. Однако в реальности чаще всего применялись штрафы, размер которых исчислялся исходя из средней зарплаты и был в основном незначительным. Известны и случаи отправки пойманных с поличным покупателей в действующую армию. Всего за годы войны в Германии за спекуляцию было возбуждено около ста тысяч уголовных дел [9, с. 42].

Начавшаяся война резко изменило систему снабжения продовольствием населения Британских островов. До войны была сформирована система, по которой различные виды продовольственной продукции доставлялись в Англию по морю из колоний, разбросанных по всему миру. С началом войны английские торговые суда стали активно потопляться вражеским флотом и авиацией, что резко сократило импорт продовольствия на Британские острова. В этих условиях система снабжения Англии переживала сложный процесс трансформации и вынуждена была опираться на свои внутренние возможности и ресурсы.

Параллельно с перестройкой системы снабжения Англии стал бурно развиваться и чёрный рынок. Правонарушения проникли во все звенья цепочки поставок и распределения торговли продовольственными товарами. В определенном смысле эти правонарушения питали деятельность черного рынка. Кроме продукции ферм, чёрный рынок пополнялся незаконно добытой продукцией (поддельные купоны, воровство, добавление воды в продукцию, обвес и т.д.).

С целью борьбы с нелегальной торговлей был создан карательный аппарат. Министерство продовольствия стало главным государственным органом, ведущим борьбу с незаконным товарооборотом продуктов питания.

Непосредственно борьбой с черным рынком на местах занималась Исполнительная организация при министерстве. Основной задачей организации было предотвращение мелких правонарушений и расследование крупных случаев незаконных действий.

Деятельность Исполнительной организации строилась на трех уровнях:

- 1) полиция и общественные активисты, действующие на уровне страны;
- 2) 19 региональных отделений, взаимодействующих с местными властями;
- 3) около 1 500 местных продовольственных комитетов [10, p. 161].

Кроме этого, распределение продовольственных продуктов регулировалось Оборонным (общим) регламентом 1939 г. Статья 55 этого документа охватывала среди прочего распределение продовольствия и предоставляла правительству полномочия приобретать и контролировать распределение продовольствия и любых предметов, имеющих важное значение для благосостояния общества или национальной обороны [7, p. 9].

Имея огромный административный ресурс вышеуказанные органы не смогли добиться успеха в борьбе с незаконной торговлей. По данным Министерства продовольствия Англии, между 1939 и 1940 гг. было зарегистрировано 10 598, в 1941-м – 29 328, в 1942 г. – 33 811 случаев незаконного товарооборота [7, p. 51]. Только в Манчестере в 1939–1945 гг. за нарушения статьи 55 было задержано и привлечено к судебной ответственности нижеприведенное количество людей (см. таблицу 2).

Таблица 2

Судебные преследования по статье 55 в Манчестере в 1939–1945 гг.*

Год	Задержано	Привлечено к ответственности
1939	0	0
1940	73	71
1941	237	231
1942	451	414
1943	483	409
1944	390	355
1945	327	288
Всего	1967	1768

* Источник: [8, p. 16].

К середине войны деятельность черного рынка стала приспособливаться к различным ограничениям и наказаниям со стороны властей. Система могла ответить на развитие черного рынка лишь увеличением штата проверяющих с сомнительными результатами. Меры наказания таких правонарушений не были достаточно строгими. Например, в 1941–1942 гг. в Англии за

незаконную торговую деятельность назначались наказания в виде штрафов в размере до 5 фунтов стерлингов, а арест практически не применялся [10, р. 166].

Сложная система борьбы с чёрным рынком, которая действовала в Англии в годы войны, постепенно становилась неуклюжей и нелепой. Иногда ситуация доходила до абсурдов. В 1942 г. на благотворительном аукционе была продана банка сладостей за 79 500 фунтов стерлингов, деньги от продажи которой предназначались для помощи фронту. Официальные лица Минпродовольствия, узнав об этом, оштрафовали владельца аукциона за нарушение предела максимальной цены на продукцию.

Приведем ещё несколько примеров бессмысленной практики борьбы с нелегальной торговлей. В Британии считалось незаконным делиться продуктами питания, приобретенными по карточкам, с соседями или родственниками (кроме близкого члена семьи), но приготовленные блюда или выпечку из этих продуктов, можно было подарить (например, соседу нельзя было давать муку, но можно было поделиться в нем хлебом из этой же муки) и т.д. [10, р. 174–175]

У правительства Англии не было альтернативных механизмов экономического воздействия, кроме административных мер по борьбе с черным рынком. Несмотря на усилия правительства, рост числа случаев незаконного обмена и развитие черного рынка были признаками безнадежности в организации продовольственной торговли.

С установлением нацистского режима в Германии с лозунгом «пушки вместо масла» началось интенсивное перевооружение. Особенно, внедрение в жизнь четырехлетнего плана в 1936 г. стало важным событием в экономической политике Германии, поскольку экономическая подготовка фашистского режима к войне усугубила условия на рынке потребительских товаров. Военные расходы Германии с 1934 по 1939 г. составили 59,1 % всех бюджетных расходов, а государственный долг увеличился до 43,3 % от де-нег, находившихся в обращении [3, с. 74].

Рост военных расходов привел к сокращению обеспечения населения продовольственными продуктами. В отличие от других западноевропейских стран, трудности с продовольствием в Германии возникли еще до начала Второй мировой войны. Средняя семья немецкого рабочего в 1936 г. тратила на продукты питания от 43 до 50 % своего дохода, когда британская – только 30 %. К осени 1937 г. потребление мяса у среднестатистического немца сократилось на 17 %, молока – на 21 % [4, с. 143].

Начало войны еще более усугубило дефицит продовольственного снабжения населения. Сельское хозяйство Германии примерно до зимы 1941/1942 гг. имело возможность в достаточном количестве обеспечить население картофелем и свининой, до 1943 г. – пшеницей [5, р. 636].

Сельское хозяйство быстро деградировало, и уже к концу 1941/1942 хозяйственного года запасы зерна и жиров сократились до минимума. С этого времени население Германии и ее вооруженные силы стали, что называется, перебиваться с хлеба на воду, то есть с трудом дотягивать от одного урожая до другого [2, с. 453]. В этих условиях мелкие фермерские хозяйства перешли практически на натуральное хозяйство и в основном стали производить продукцию для собственного потребления. Малое количество излишних продуктов поставлялось на черный рынок, где они стоили намного дороже. Несмотря на введение жесткого наказания за незаконную торговлю в военное время (в первый раз – тюремное заключение, в третий – концентрационный лагерь), черный рынок процветал. Незаконную деятельность с продажей продуктов питания были вовлечены и члены нацистской партии [5, р. 637].

Имело место покровительство официальных лиц деятельности чёрного рынка с целью получения материальной выгоды. Все слои общества, у которых были хоть какие-то лишние деньги и нужный товар, пользовались услугами нелегальных торговцев. Это могла быть мать-одиночка, которая обменивала домашний сервис на хлеб или молоко для своих детей. Или это мог быть высший партийный функционер, который ужинал в модном берлинском ресторане Хорчер, закусывая игристое шампанское вино чёрной икрой (которая тоже доставлялась нелегально).

Вторая мировая война отрицательно отразилась на продовольственном обеспечении населения воюющих государств. Основные ресурсы стран-участниц войны были направлены на нужды армии, поэтому образовался дефицит потребительских товаров. Была введена система распределения продуктов питания (карточки), которая не всегда удовлетворяла потребности населения. Ассортимент товаров снизился до базовых, что доставляло неудобства для состоятельной части населения. Эти обстоятельства послужили причиной для бурного развития чёрного рынка.

Страны боролись этим явлением и даже создавали систему контроля за нелегальной торговлей. Как показывает практика Англии и нацистской Германии в годы Второй мировой войны, борьба против чёрного рынка была неэффективной по ряду причин. Руководство этих стран могло не желать уничтожения этой области теневой экономики, ограничиваясь полумерами. Так как понимало, что черный рынок помогает в какой-то мере сгладить последствия имеющегося товарного дефицита.

Источники и литература

1. *Зимин И.* Черный рынок в нацистской Германии в годы Второй мировой войны / И. Зимин // История государства и права. 2017. № 6. С. 31–33.
2. *Итоги Второй мировой войны.* М.: Иностранная литература, 1957. 640 с.

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

3. *Кутарев О.* К вопросу о появлении четырехлетнего плана в фашистской Германии / О. Кутарев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 1. С. 73–78.
4. *Попов Г.* Продовольственное обеспечение населения нацистской Германии в начале Второй мировой войны (по материалам трофейных документов Российского государственного военного архива) / Г. Попов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5(55). С. 142–145.
5. *Pine L.* German Women and the Home Front in the Second World War: daily life, work and the impact of war / L. Pine // Women's History Review. 2017. Vol. 26, iss. 4: Home Fronts, Gender War and Conflict. P. 634–646.
6. *Pynchon T.* Gravity's Rainbow / T. Pynchon. New-York: The Penguin Press, 2012. 705 p.
7. *Spicer T.* Eat, Drink, and be Marry for Tomorrow We Die: British Food Situation and Public Reaction During World War II / T. Spicer // Historia. 2004. Vol. 13. P. 40–51.
8. *Tucker A.* Manchester's Black Market, 1939–1945. Dissertation for the degree of Master of Arts / A. Tucker. Manchester, 2020. 67 p.
9. *Zierenberg M.* Black market Berlin: profiteers, illegal networks, and urban space in the German capital, 1939–1950 / M. Zierenberg. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. 292 p.
10. *Zweiniger-Bargieowska I.* Austerity in Britain: Rationing, Controls and Consumption, 1939–1945 / I. Zweiniger-Bargieowska. New-York: Oxford University Press, 2000. 286 p.

Бабаджанов Хасан Бахтиёрович, PhD (история), доцент, главный научный сотрудник, начальник отдела военно-исторического общества «Аждодлар изидан» («По следам предков»), Государственный музей «Славы», Республика Узбекистан, г. Ташкент, bhasanb@inbox.ru

Babadjanov Khasan B., PhD (History), Docent, Chief Researcher, Head of the Department of the Military-historical Society «Ajdodlar izidan» («In our ancestors' footsteps»), State museum of «Glory», Republic of Uzbekistan, Tashkent, bhasanb@inbox.ru

УДК 94(470.23-25).084.8+338.439.6(470.23-25)(091).084.8

Н.В. Дмитриева

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Аннотация. Статья посвящена продовольственным выставкам, проводившимся в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. Автором отмечается, что подобные мероприятия организовывались в рамках агитационно-пропагандистской работы и могли носить просветительский характер. Вместе с тем, они выступали в качестве одной из форм неэкономического стимулирования для совершенствования работы пищевых предприятий и организаций общественного питания. Проводимые выставки часто коррелировали с принимаемыми ленинградскими властями мерами в области улучшения продовольственного снабжения населения. Впоследствии при разработке концепции выставки «Героическая оборона Ленинграда» в 1943 г., а затем переформатировании ее в музей в 1945 г., блок, посвященный выживанию города в условиях голода, будет отражать основные направления этих выставок.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, Великая Отечественная война, продовольственные выставки.

N.V. Dmitrieva

FOOD EXHIBITIONS OF SIEGED LENINGRAD

Abstract. The article is devoted to food exhibitions held in Leningrad during the Great Patriotic War. The author notes that such events were organised within the framework of agitation and propaganda work and could have an educational character. At the same time, they acted as a form of non-economic incentives to improve the work of food enterprises and catering organisations. The exhibitions often correlated with the measures taken by the Leningrad authorities to improve the food supply of the population. Subsequently, when the concept of the exhibition “Heroic Defence of Leningrad” was developed in 1943 and then reformatted as a museum in 1944, the block devoted to the city's survival in the conditions of famine would reflect the main directions of these exhibitions.

Keywords: Leningrad, siege, Great Patriotic War, food exhibitions.

Вопросы организации продовольственного снабжения Ленинграда в годы Великой Отечественной войны являются одними из центральных в общем исследовательском нарративе истории блокады. Специалисты изучают принципы организации нормированного снабжения населения города, контекст принятия управленческих решений в данном направлении, конкретные организационные мероприятия по преодолению последствий голода, способы поддержки и мотивации людей к дальнейшей борьбе за выживание в нечеловеческих условиях [2; 3; 14; 16; 17; 18 и др.]. За всеми приня-

тыми управленческими решениями стояла практика их реализации, обеспечение исполнения и оценка степени эффективности внедрения в жизнь.

Исследовательский интерес представляет вопрос о применении и адаптации методов стимулирования предшествующего мирного периода существования советского государства к условиям военного времени, когда были существенно ограничены материальные и человеческие ресурсы, происходила трансформация кадрового состава всех уровней, снижалась квалификация из-за частой смены привлекаемых специалистов, что было обусловлено уходом на фронт, высокой смертностью и уровнем заболеваемости в условиях голода. Исследователи отмечают, что в выступлениях председателя исполнительного комитета Ленинградского городского Совета П.С. Попкова в 1941–1942 гг. «разнообразие угроз в адрес подчиненных впечатляет: "судить будем беспощадно", "посажу", "надо потрясти кое-кого из председателей", "расстреляем"» [15, с. 18]. Несомненно, эти меры неэкономического стимулирования были не единственными, которые применяло ленинградское руководство для улучшения работы всех структур города, в том числе отвечавших за снабжение населения продовольствием. Эффективно использовались агитационно-пропагандистские методы, предприятия города продолжали участвовать в общесоюзных социалистических соревнованиях, проводились смотры и выставки достижений пищевой промышленности и предприятий общественного питания Ленинграда.

Впоследствии при разработке концепции выставки «Героическая оборона Ленинграда» в 1943 г., а затем при реформатировании ее в музей в 1945 г., блок, посвященный выживанию города в условиях голода, будет содержать основные направления этих выставок. В исторической науке проблема отражения событий Великой Отечественной войны в рамках отдельных выставок или в музейных экспозициях, создававшихся непосредственно в ходе события, стали объектом научного осмысления в постсоветский период [см., например: 1; 8; 9]. На предыдущем этапе изучения музейных вопросов в военное время исследователей в большей степени интересовали проблемы организации охраны музейных экспонатов на оккупированной территории Ленинградской области и в блокадном Ленинграде. Вместе с тем, традиции мемориализации событий Великой Отечественной войны закладывались еще до ее завершения.

Одна из таких выставок, например, состоялась в Ленинграде 6 мая 1942 г. Газета «Ленинградская правда» сообщала, что в Доме архитектора открыла свою работу выставка ленинградских архитекторов «Город Ленина в дни Великой Отечественной войны», на которой были представлены 100 рисунков и акварелей, запечатлевших современный архитектурный облик города. Данное мероприятие стало частью большой выставки, организованной Комитетом по делам искусств в Москве к 25-летию Октябрьской революции, включавшей раздел о Ленинграде в военное время [10, с. 2]. Однако

за рамками исследований остались производственные и пропагандистские выставки, посвященные продовольственному обеспечению населения осажденного города.

Подобного рода мероприятия в блокадном Ленинграде проводились как в закрытом формате, предназначенные для ограниченного круга лиц, так и в открытом, рассчитанные на широкого потребителя. В первом случае это были чаще всего производственные выставки, суть которых сводилась к контролю и организации работы предприятий. Продовольственные выставки открытого типа носили преимущественно агитационно-пропагандистский или просветительский характер. Достаточно часто, как будет показано ниже, они коррелировали с решениями ленинградских властей по улучшению продовольственного обеспечения населения.

После первой и самой сложной блокадной зимы 1941–1942 гг. ленинградскими властями предпринимается целый ряд мер, направленных на совершенствование работы предприятий общественного питания, поиск дополнительных продовольственных ресурсов, внедрение заменителей при производстве продуктов питания и т.п. 10 апреля 1942 г. было принято постановление бюро Ленинградского горкома ВКП(б), направленное на преодоление недостатков в системе общественного питания города. Среди предлагаемых мер были: «а) наиболее эффективно использовать продовольственные товары, привлекая дополнительные ресурсы за счет пищевых заменителей, посадки ранних овощей, а также сбора дикорастущих культур...; В области улучшения питания: в) организовать весенний сбор пищевых трав и дикорастущих культур, как-то: крапива, щавель, лебеда, сныть съедобная, кислица зубчатая, черемуха. Установить план заготовок указанных культур в 200 тн.; г) организовать посадку ранних овощей на базе имеющегося парникового хозяйства, использовав часть теплиц и оранжерей Ботанического сада и треста зеленых насаждений. Установить план товарного выхода ранних овощей в 1 500 центнеров» [2, с. 40].

Еще одним важным решением станет увеличение числа людей, переведенных на рационное питание, принятое Ленинградским горкомом ВКП(б) опросным голосованием от 6 июня 1942 г. Согласно этому решению Ленглавресторан совместно с райкомами ВКП(б) и исполкомами райсоветов депутатов трудящихся должны были «к 15 июля 1942 г. дополнительно охватить 200 тыс. чел. рационным питанием при отпуске пищи три раза в день, из них к 5 июня с.г. – 50 тыс., к 1 июля – 75 тыс. и к 15 июля – 75 тыс.» [2, с. 243]. В отчете Городского отдела торговли о работе с июня 1941 г. по сентябрь 1943 г. И.А. Андреенко сообщал, что охват населения рационным питанием был следующим: «май 1942 г. (момент организации) – 5 тыс. чел., июнь 1942 г. – 8 тыс. чел., июль 1942 г. – 100 тыс. чел. К концу 1942 г. на рационном питании состояло 138 тыс. чел., а на 1.IX.1943 г. – 190 тыс. чел.»

[13, с. 266]. Таким образом, достичь поставленных в 1942 г. задач удалось только к концу 1943 г.

В рамках реализации этих постановлений в мае – июне 1942 г. сотрудники Ленинградского государственного университета под руководством старшего научного сотрудника биологического факультета С.А. Гуцевич подготовили и провели выставку дикорастущих съедобных растений, на которой было представлено порядка 50 их разновидностей. В Музее СПбГУ сохранился журнал посещения выставки и тетрадь с отзывами о ней. В отзывах отмечалась необходимость распространения полезных сведений среди населения и неоднократно высказывалась просьба издать популярную брошюру с описаниями и рисунками трав [6]. Подобное издание, подготовленное С.А. Гуцевич в соавторстве с А.Н. Шивриной (сотрудницей санитарно-эпидемиологической лаборатории Краснознаменного Балтийского флота), увидело свет в том же 1942 г. В брошюре «Съедобные дикорастущие травы (Краткое описание и употребление их в пищу)» было представлено не только описание 50 экспонировавшихся на выставке растений Ленинградской области, но и их полезные свойства, содержание витаминов, необходимое количество в граммах для предотвращения заболеваний, например, цинги. В брошюре также приводились изображения описываемых трав и способы их употребления [7].

В том же 1942 г. оба знаковых решения Ленинградского горкома партии об организации питания населения Ленинграда найдут отражение в выставочной деятельности подчиненных Ленглавресторану трестов районных столовых. Выставки носили закрытый производственный характер и были направлены на отработку внедренных новшеств и их интегрирование в ежедневные практики.

В системе общественного питания блокадного Ленинграда при районных трестах столовых и при Управлении общественного питания создавались кулинарные советы, целью которых являлась организация «выпуска пищи высокой калорийности, внедрение новых блюд из приготовляемых новых видов продуктов, дикорастущей зелени, шрота, казеина и других видов продуктов, которые до войны не применялись в пищу» [23, л. 17]. Кроме того, они занимались организацией взаимодействия между столовыми для обмена опытом, подготовки поваров в связи с их общим сокращением из-за ухода многих на фронт. В 1943 г. насчитывалось 18 кулинарных советов: 3 городских и 15 районных [25, л. 5].

Одной из форм обмена опытом стало проведение производственных выставок, на которых столовые треста представляли готовые блюда. Для их оценки создавалось жюри, в состав которого включали представителей от руководства треста и поваров нескольких столовых. Одна из таких выставок прошла среди столовых Приморского района 10 августа 1942 г. Жюри, состоявшее из заместителя директора по кадрам треста Н.Т. Волковой, старшего кулинара-консультанта А.П. Панковой и руководящих поваров пяти

районных столовых (№ 1, 3, 10, 58, 69), оценивало блюда, приготовленные из дикорастущей зелени и дополнительных видов сырья [24, л. 15]. В качестве критериев оценки выступали их вкусовые качества, техника приготовления, раскладка по граммам, количество порций на выходе. В соответствии с номенклатурой на выставку было представлено 115 блюд от 40 столовых, 13 из которых выставили только по одному блюду. Наиболее разнообразное меню было представлено столовой № 58, состоявшее из 16 блюд. Все они удостоились оценки «хорошо» и, по мнению жюри, могли применяться для ежедневного меню [24, л. 9].

Из номенклатуры блюд можно выяснить, какие дикорастущие травы использовались в процессе приготовления: лебеда, одуванчики, мокрица, крапива. Среди ассортимента блюд, рекомендованных к выпуску в ежедневное меню, были, например, биточки из мокрицы, пироги с лебедой, салат из дикорастущей зелени, оладьи с аналогичным составом и др. Однако основой большинства представленных блюд выступал шрот – обезжиренные семена растений, из которых готовили запеканку, голубцы, биточки, лепешки и т.д. [24, л. 12, 13]. Несмотря на общие позитивные отзывы о приготовленных блюдах и их раскладке, было высказано мнение о необходимости проверки представленных блюд на калорийность [24, л. 1].

На заседании кулинарного треста 21 августа 1942 г., используя положительный опыт проведенной выставки, было принято решение 28 августа 1942 г. провести еще одну выставку блюд, в этот раз идущих по меню в день проведения мероприятия, для чего поварам столовых необходимо было предоставить блюда в трест столовых Приморского района к трем часам дня [24, л. 1]. Наряду с блюдами для экспонирования из столовых были изъяты пробы и на выставке они были сопоставлены. В выставке принимали участие все 42 столовые треста, из которых 16 были отмечены как положительные, 7 – отрицательные. Руководящий повар одной из столовых, оцененных отрицательно (Минина, столовая № 9), в качестве причины низкого качества приготовленных блюд (биточки и запеканка из шрота были полусырые) назвала отсутствие в столовой воды, титана и мясорубки [24, л. 3]. Минимальное количество блюд в меню составляло два (например, в столовой № 67 в него входили борщ и колбаса с картофелем), максимальное разнообразие – 18 – представила столовая № 75. В итоговом заключении жюри отмечалось, что «блюда, представленные на выставку, и экспонаты из столовых по оформлению в ряде столовых значительно выше, чем отпускаются потребителю» [24, л. 21]. Задача подобных выставок в конце лета – начале осени 1942 г. состояла в подборке блюд для формирования разнообразного питания столоующихся в условиях ограниченных ресурсов и установки руководства города на перевод максимального количества населения на рационное питание.

Выставочная деятельность кулинарных советов будет продолжена и в 1943 г. В докладной записке заместителя председателя Ленинградского об-

ластного комитета Союза работников общественного питания Денисовой о состоянии производственно-массовой работы за 10 месяцев 1943 г. отмечалось, что подобных производственных выставок было организовано 46, а количество представленных на них блюд колебалось от 50 до 150 [25, л. 6].

Однако в постановлении исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) от 19 декабря 1942 г. «Об улучшении дела общественного питания в городе» отмечалось, что «предприятия общественного питания еще далеко не полностью справляются с возложенными на них задачами. Ряд столовых работает исключительно плохо (низкое качество приготовления пищи, нет разнообразия меню, отсутствует столовый инвентарь, помещение содержатся в антисанитарном состоянии, обслуживающий персонал допускает грубость и небрежность в обслуживании столоующихся)» [2, с. 811]. Обращает на себя внимание, что за полгода реализации постановления об увеличении числа людей, переведенных на рационное питание, установленный 6 июня 1942 г. показатель в 200 тыс. чел. не был достигнут не только к 15 июля 1942 г., но и к завершению 1942 г. В области улучшения обслуживания столоующихся в декабрьском постановлении рекомендовалось «увеличить охват населения города трехразовым питанием, доведя контингент столоующихся в рационных столовых к 1 января 1943 г. от 100 до 200 тыс. чел.». Как уже было показано выше, согласно отчету И.А. Андреевского, к этой цифре удастся подойти только к сентябрю 1943 г. [2, с. 811].

Пищевые товары также включались в выставки товаров широкого потребления. Одна из них была организована в начале 1943 г. В соответствии с приказом № 8 от 11 февраля 1943 г. по отделу местной промышленности Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся выставка для посетителей должна была открыться не позднее 20 февраля 1943 г. В качестве одной из ее задач определялось «дальнейшее увеличение выпуска товаров широкого потребления за счет улучшения техники и технологии кустарного производства, так и путем изыскания и внедрения на предприятиях местной промышленности и промкооперации отходов и заменителей недостающих полноценных товаров» [27, л. 3]. Последнее было особенно важным и подчеркивалось в плане организации мероприятия несколько раз, так как предприятия Ленинграда вынуждены были работать в экстремальных условиях ресурсного дефицита. Выставка была рассчитана на шесть месяцев. В раздел «Прочие товары» была включена подгруппа «Пищевые товары», в состав которой входили сахарный сироп, сахарин, глюкоза, сладкий ароматический напиток, сладкое овощное повидло, сладкий кофе, сыр из казеина, кофе натуральный, студень и паста «кетчуп». Эти товары должны были предоставить артели Автора, им. Фрунзе, Медхимфарм, Вкуспром [27, л. 12]. В списке изделий ширпотреба, подлежащих экспонированию на выставке местной промышленности, были указаны заменители, которые применялись при

их производстве. Например, в натуральном кофе кофе-бобы и цикорий были заменены ячменем, в казеиновом сыре использовался казеин, предназначенный для технических целей (клей, пластмасса и др.), сахарный сироп изготовлялся из сахарной воды после стирки сахарных мешков с последующей очисткой и уплотнением, а в сладком повидле сахар заменен сахарным сиропом, фрукты заменены овощами (брюква, свекла, морковь и др.) самого низкого качества [26, л. 2].

4 декабря 1943 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление об организации выставки «Героическая защита Ленинграда», реорганизовав выставку «Великая Отечественная война советского народа» и дополнив ее новыми экспонатами [22, л. 4]. В январе 1944 г. было принято решение разместить ее в Соляном городке под названием «Героическая оборона Ленинграда». Согласно разработанному проекту выставка должна была включать 11 разделов, размещенных в хронологической последовательности. Продовольственное обеспечение жителей города нашло отражение в разделах 6 и 7. В шестом разделе «Оборона Ленинграда в период голодной блокады» тезисно было прописано, что должно быть отражено на стендах: «Преодоление трудностей голодной блокады. Мужество и стойкость ленинградцев. Помощь всей страны Ленинграду. Борьба за строительство ладожской "Дороги жизни". Провал гитлеровских расчетов захвата города при помощи голодной блокады» [19, л. 2]. В седьмом разделе «Ликвидация последствий голодной зимы и усиление оборонной мощи Ленинграда» должны были разместиться экспонаты, рассказывавшие о борьбе за здоровье людей, о развитии индивидуального и коллективного огородничества, подсобных хозяйств и совхозов [19, л. 2].

В замечаниях Комиссии о подборе, оформлении и расположении материалов и документов выставки, подготовленных 9 марта 1944 г., отмечалось, что необходимо показать поставку продовольствия извне и связь Ленинграда с фронтом: «как на самолетах ввозилось продовольствие, а обратно шло вооружение и вывозилось население», показать не только индивидуальное огородничество, но и подсобные хозяйства предприятий и учреждений [19, л. 5]. Последнее можно объяснить не только тем, что демонстрация введения несоциалистических форм хозяйствования могла вызвать вопросы у партийного руководства, но и уже имеющимся опытом проведения выставок подсобных хозяйств предприятий в 1943 г. Например, в тетради отзывов о выставке подсобных хозяйств Ленинского района, проходившей в сентябре-октябре 1943 г., отмечалось, что «выставка оформлена хорошо и производит сильное впечатление, вполне оправдывает свое назначение. Особенно сильное впечатление производит клубни картофеля ф[абрики]ки Гознак весом 5 и 4,1 кг» [21, л. 10].

30 апреля 1944 г. в 18.00 состоялось торжественное открытие выставки «Героическая оборона Ленинграда» [20, л. 2]. В 1945 г. был опубликован

очерк-путеводитель по выставке [5]. В нем содержалось описание 26 залов, сгруппированных в 10 отделов. Отдел VI «Ленинград в период голодной блокады» включал три зала, именно в них были расположены экспонаты, непосредственно связанные с проблемами голода и нормированного распределения продовольствия в городе [5, с. 56].

Нина Дмитриевна Худякова в рамках выставки «Героическая оборона Ленинграда» создавала и вела экспозицию зала «Голодная блокада». В своих воспоминаниях она отмечала, что это был один из самых волнительных для посетителей залов: «Помню: ведешь экскурсию, в зале – тишина, хотя кругом буквально толпа и куда ни бросишь взгляд – взволнованные, а то и заплаканные лица» [11, с. 219]. В витринах были показаны образцы пищевой промышленности того времени и всевозможные заменители пищевых средств. Отдельная витрина была посвящена нормам выдачи хлеба, его составу и количеству других выдаваемых продуктов: «В вертикальной витрине – направо от центрального стенда – показаны образцы продукции пищевой промышленности и всевозможные заменители пищевых средств. ... Широко употреблялось в пищу промышленное сырье: целлюлоза, альбумин, декстрин и другое» [5, с. 65]. В вертикальной витрине слева от центрального стенда в зале № 13 были представлены нормы выдачи хлеба, его состав и количество других продуктов: «На весах – кусок хлеба 125 граммов... Диаграмма на стекле показывает, как постепенно поднимается норма выдачи хлеба в связи с открытием и работой Ладужской трассы... Другая диаграмма показывает состав хлеба: только 50 % его составляла дефектная ржаная мука, остальные 50 % – различные примеси» [5, с. 66]. Именно этот ставший впоследствии каноническим вариант представления блокадного хлеба будет воспроизводиться в экспозиционном пространстве большинства музеев и выставок. В рамках выставки «Героическая оборона Ленинграда» он привлекал особое внимание посетителей: «Плотным полукольцом стоят люди у витрины, глядя сквозь отверстие заснеженного, замерзшего окна. Там, на весах, лежит маленький, двадцатипятиграммовый кусочек хлеба: блокадный хлеб, черный, жесткий, наполовину состоящий из примесей» [11, с. 219].

5 октября 1945 г. распоряжением Совета народных комиссаров выставка была преобразована в Музей обороны Ленинграда республиканского значения с сохранением в своем составе залов, посвященных голодной блокаде [24, л. 38]. Об этом свидетельствует опубликованный в 1948 г. после реконструкции 1946 г. новый путеводитель [12, с. 45].

Таким образом, в экстремальных условиях ресурсного дефицита выставочная деятельность использовалась для стимулирования работы предприятий, обмена опытом внедрения заменителей, повышения творческой инициативы не только руководителей, но и рядовых сотрудников предприятий, рядовых жителей города. Методики внеэкономического стимулирования

мирного времени активно применялись в условиях войны, несмотря на очевидное снижение уровня понятия «норма». Выставлялись лучшие достижения, велась просветительская работа, людей учили выживать в блокадных условиях. Продовольственные выставки часто являлись частью широко спектра мер, направленных на практическую реализацию управленческих решений ленинградского руководства по изменению системы снабжения населения. Особо следует отметить, что за весь блокадный период былработан опыт репрезентации методов выживания ленинградцев в условиях катастрофически ограниченного обеспечения продовольственными ресурсами, который найдет отражение в музейных экспозициях, часть из которых сохранилась до сегодняшнего дня.

Источники и литература

1. *Амосова А.А.* Способы интерпретации блокадной и фронтовой повседневности в экспозициях и выставках исторических музеев Ленинграда – Санкт-Петербурга в 1940–1990-е гг. / А.А. Амосова, А.К. Черчинцева // Вопросы музеологии. 2021. Т. 12, № 2. С. 187–205.
2. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К.А. Болдовский. Ч. II. Март–декабрь 1942 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. 1261 с.
3. *Болдовский К.А.* Продовольственное положение блокадного Ленинграда в докладах А.А. Жданова И.В. Сталину. 1941–1942 гг. / К.А. Болдовский // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 4. С. 1022–1037.
4. *Болдовский К.А.* Руководящие органы блокированного Ленинграда: полномочия и сферы компетенции / К.А. Болдовский // Труды Института истории обороны и блокады Ленинграда. 2023. № 1. С. 96–109.
5. Выставка «Героическая оборона Ленинграда»: очерк-путеводитель / сост. Т.С. Александрова, В.П. Ковалев, Н.И. Удимова, П.Р. ШEVERДАЛКИН, З.А. ЭДЕЛЬШТЕЙН; под рук. Л.Л. Ракова. Л.; М.: Искусство, 1945. 130 с.
6. Выставка дикорастущих съедобных растений. URL: <https://www.izi.travel/ru/93e0-blokadnyu-universitet/ru#/browse/acb616a7-7fd5-436d-b7f3-0e520fd55961/ru> (дата обращения: 13.12.2024).
7. *Гуцевич С.А.* Съедобные дикорастущие травы (Краткое описание и употребление их в пищу) / С.А. Гуцевич, А.Н. Шиврина. Л.: Лениздат, 1942. 56 с.
8. *Кантор Ю.З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. / Ю.З. Кантор. М.: РОССПЭН, 2017. 326 с.
9. *Кантор Ю.З.* Отражение событий Великой Отечественной войны в музеях РСФСР в 1941–1945 г. / Ю.З. Кантор // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 3(142). С. 8–22.
10. Ленинградская правда. 1942. 6 мая.
11. Музей Ленинградской Победы / ред. Ю.Л. Буянова. СПб.: Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, 2019. 271 с.

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

12. Музей обороны Ленинграда. Путеводитель. Л.; М.: Искусство, 1948. 200 с.
13. Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб.: Лики России, 1995. 640 с.
14. *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде / Г.Л. Соболев. Кн. 1. Июнь 1941 – май 1942. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 696 с.
15. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: сборник документов / отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб.: Изд-во «Арт-Экспресс». 2018. 640 с.
16. *Твердюкова Е.Д.* Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения СССР. 1941–1947 гг. / Е.Д. Твердюкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2010. № 2. С. 32–40.
17. *Ходяков М.В.* Введение карточной системы в осажденном Ленинграде летом 1941 г. / М.В. Ходяков // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 766–778.
18. *Ходяков М.В.* Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде / М.В. Ходяков // Российская история. 2019. № 3. С. 163–166.
19. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГА ИПД СПб). Ф. 25. Оп. 10. Д. 467А.
20. ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 468.
21. ЦГА ИПД СПб. Ф. 409. Оп. 24. Д. 25.
22. ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 179.
23. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 2548. Оп. 2. Д. 24.
24. ЦГА СПб. Ф. 2548. Оп. 2. Д. 38.
25. ЦГА СПб. Ф. 2548. Оп. 2. Д. 55.
26. ЦГА СПб. Ф. 5008. Оп. 1. Д. 214.
27. ЦГА СПб. Ф. 5008. Оп. 1. Д. 346.

Дмитриева Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург, e-kafedra@yandex.ru

Dmitrieva Natalia V., Candidate of Sciences (History), Docent, Associate Professor, Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg, e-kafedra@yandex.ru

УДК 355.58(575.1)(091).084.8

Ш.М. Рахимов

РАБОТА ОСОАВИАХИМА УЗБЕКИСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО ПОДГОТОВКЕ НАСЕЛЕНИЯ К ЗАЩИТЕ ОТ ВОЗДУШНОГО И ХИМИЧЕСКОГО НАПАДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы деятельности Осоавиахима и организации обучения гражданского населения основам противовоздушной и химической обороны в Узбекской ССР в годы Великой Отечественной войны. Показано, что в трудных условиях военного времени, при хронической нехватке профессиональных инструкторских кадров планы обучения населения хотя и выполнялись не полностью, но проводимая работа укрепляла местную систему противовоздушной и химической обороны.

Ключевые слова: Осоавиахим, Великая Отечественная война, ПВХО, население, самооборона.

Sh.M. Rakhimov

WORK OF THE OSOAVIAKHIM OF UZBEKISTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR TO PREPARE THE POPULATION FOR PROTECTION FROM AIR AND CHEMICAL ATTACKS

Abstract. In the paper the activities of Osoaviakhim (Society for the Promotion of Defense, Aviation and Chemical Construction) and the organization of training the civilian population in the basics of air defense and chemical defense in the Uzbek SSR during the Great Patriotic War are examined. It is shown that in difficult wartime conditions, with a chronic shortage of professional instructors, the plans for training the population, although not fully implemented, but the work carried out strengthened the local air defense and chemical defense system.

Keywords: Osoaviakhim, Great Patriotic War, PVKhO (Air and Chemical Defense), population, self-defense.

Во время любых войн большое значение имеет защита гражданского населения от возможных ударов противника в тыл. Это обусловлено тем, что более половины всех безвозвратных потерь практически в любых войнах в истории составляли потери среди гражданского населения. В XX веке благодаря развитию авиации, воюющие стороны получили возможность несмотря на наличие надежной системы противовоздушной обороны (далее – ПВО), уничтожать расположенные вдали от линии фронта важные стратегические объекты и мирное население. В полной мере это относится и к периоду Великой Отечественной войны.

Чтобы потери среди мирного населения были меньше, оно должно иметь элементарные представления об обороне, особенно о противовоздушной и противохимической обороне. Война не обходится без жертв, но потери уменьшаются, когда население учится защищать себя и других от ударов вражеской авиации. Главный враг во время авиаудара – растерянность и паника. Они обязательно возникнут там, где люди не знают методов и средств самообороны и не знают обязанностей по противовоздушной обороне. Целью обучения населения противовоздушной и противохимической обороне (далее – ПВХО) является формирование навыков правильных действий по сигналам воздушной и химической тревоги в городах, селах, на заводах, в школах, колхозах, жилых массивах и др.

В годы Великой Отечественной войны этому уделялось большое внимание. В целях подготовки населения к ПВХО и организации отрядов самообороны, 2 июля 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Организация такой важной задачи возлагалась на Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (далее – Осоавиахим) [4].

В Постановлении предусматривалась подготовка населения в возрасте от 16 до 60 лет к обязательной ПВХО, а также привлечение женщин в возрасте до 50 лет и мужчин в возрасте от 16 до 60 лет к участию в группах самообороны на предприятиях, в учреждениях и жилых домах. Также было отмечено, что обучение рабочих и служащих осуществляется на рабочем месте, учащихся – по месту учебы, а остальных граждан – по месту жительства. Осоавиахиму было поручено обучение населения нормам «Готов к противовоздушной и противохимической обороне» и подготовка в жилом секторе личного состава групп самообороны.

Добровольное общество Осоавиахим, образовавшееся в межвоенный период в результате слияния добровольных обществ содействия обороне, отличается тем, что в годы Великой Отечественной войны оно усовершенствовало и хорошо наладило работу по подготовке резервов для вооруженных сил.

Как отмечал председатель ЦС Осоавиахима СССР генерал-майор авиации П. Кобелев, согласно постановлению правительства, Осоавиахим, наряду с пропагандой военных знаний, подготовкой пилотов, ворошиловских стрелков, парашютистов, наездников, снайперов, радистов, водителей, автоматчиков, пулеметчиков и других готовил население к всеобщей обязательной защите от воздушного и химического ударов противника. Накануне войны тридцать восемь миллионов советских граждан изучали в Осоавиахиме правила защиты от воздушного нападения. Позже была организована работа по обучению трудящихся защите своих городов и домов от воздушного и химического нападения [2].

В годы войны нагрузка, возложенная на Осоавиахим, была значительно увеличена и, помимо подготовки военных специалистов в качестве резерва

Красной армии, он также непосредственно занимался подготовкой населения к противовоздушной и химической защите, а также организацией групп самообороны.

На основании Постановления Совнаркома СССР № 1812, было издано Постановление Совнаркома Узбекской ССР № 63 от 2 июля 1941 г. Целью Постановления было подготовить население всей республики к противовоздушной и химической обороне, подготовить инструкторов, которые будут обучать людей по нормам ПВХО, состав руководителей отрядов самообороны, а также подготовить в колхозах и домоуправлениях группы самообороны.

Газета «Қизил Ўзбекистон» («Красный Узбекистан») 5 июля 1941 г. писала, что для подготовки населения к обороне от воздушных ударов и химических атак противника областные, городские и районные партийные комитеты совместно с исполкомами Советов депутатов трудящихся должны:

«1. Усилить ... органы Осоавиахима и Обществ Красного Полумесяца сильными кадрами, способными обеспечить оперативное проведение мероприятий оборонно-массовой работы...

2. Командиров запаса следует набрать в двухдневный срок для обучения населения противовоздушной обороне и организации отрядов самообороны непосредственно на предприятиях, заводах, железнодорожном транспорте, МТС, в колхозах, ремесленных артелях, кварталах и домах» [2].

Совнарком Узбекистана утвердил и практические меры, постановления и распоряжения Центрального Совета Осоавиахима, ЦК Общества Красного Полумесяца и Народного комиссариата внутренних дел Узбекской ССР по выполнению этого постановления [2].

Народному комиссариату внутренних дел поручалось ежедневно контролировать ход подготовки населения к противовоздушной обороне. Местные власти были обязаны оказывать содействие НКВД в проведении контроля.

Хотя вероятность нанесения авиационных ударов и применения химического оружия со стороны противника были значительно выше в прифронтовой зоне, выполнение требований приказа являлось обязательным условием для всех республик. Кроме того, никто не гарантировал, что республики Средней Азии не будут подвергнуты ударам с воздуха.

Поэтому ЦС Осоавиахима УзССР своим приказом № 90 от 3 июля 1941 г. призвал к скорейшему и качественному выполнению требований Постановления Совнаркома СССР. По данному приказу был разработан ряд мероприятий по организации подготовки населения, которые были одобрены СНК УзССР и опубликованы в печати [4, л. 30].

Срок обучения населения к ПВХО был установлен на два месяца, затем был продлен до 1 декабря 1941 г. С начала войны план подготовки населения к ПВХО менялся дважды: первый раз, с учетом данных переписи населения 1939 г. – 4 066 996 чел., в том числе детей в возрасте от 8 до 16 лет – 1 076 600 чел., во второй раз, с учетом отсутствия документов, подтверждающих прохождение обучения у большинства эвакуированных, план был

доведен до 4 621 362 чел. Полученное контрольное задание было разослано ЦС Осоавиахима УзССР областным организациям, которые в свою очередь планировали задания для городских, районных организаций и первичных организаций Осоавиахима [4, л. 30].

С 10 июля 1941 г. по 1 мая 1942 г. было установлено контрольное задание подготовить 7 229 групп, но штабами МПВО было укомплектовано и передано на обучение в Осоавиахим только 6 572 группы. В разрезе областных организаций задание распределялось так: по Ташкентской области – 1 385 групп, по Ферганской – 819, по Андижанской – 6 405, по Наманганской – 547, по Самаркандской – 883; по Бухарской – 1 009, по Сурхандарьинской – 561; по Харезмской – 509, по Каракалпакской АССР – 171 группа [4, л. 40].

В годы войны работа групп самозащиты проходила в тесной связи с организациями Осоавиахима и штабами местной противовоздушной обороны. Проводилась практическая работа по проверке боевой готовности групп и совершенствования занятий и навыков личного состава.

В процессе проверки готовности групп самозащиты, практических учений и смотров выявились группы с отличными показателями. Например, группа самозащиты первичной организации завода 702 показала хорошую выучку и слаженность в работе, боевую готовность к действию в любой момент. По жилому сектору г. Ташкента лучшей была признана группа самозащиты домоуправления № 89, начальником которой была домохозяйка, самостоятельно проводившая занятия по подготовке личного состава. Отличную оценку получила группа самозащиты Ташкентского универмага во главе с Рогожиной, где отлично работало химическое и санитарное звено. Хорошо работала группа самозащиты домоуправления № 8 г. Ферганы, начальник которой Захарова также регулярно проводила занятия сама [4, л. 41].

Несмотря на усилия, приложенные сотрудниками Осоавиахима и местной противовоздушной обороной, не везде задачи выполнялись как этого требовало военное время. В результате проверки готовности и качества подготовки состава групп наряду с хорошими выявлялись различные недостатки, в том числе неполную укомплектованность личным составом и др. Во многом этому способствовали недостаточный контроль и отсутствие командиров.

В областях Узбекистана, наряду с заготовкой продуктов и их отправкой для нужд фронта, население не ослабляло обучения на курсах ПВХО. Так, к 15 июля 1941 г. в областях УзССР было создано 2 316 кружков ПВХО, охватывающих 103 338 чел. На 24 июля 1941 г. на курсах ПВХО было занято уже 721 185 чел. [1, с. 17]

К 31 июля 1941 г. в Узбекской ССР была развернута достаточная сеть подготовки населения к ПВХО: 1 млн 695 тыс. чел., что составляло около половины населения, прошли военную подготовку и подготовились к войне. Органами здравоохранения, Красного Креста, Красного Полумесяца было

организовано 1 789 санитарных кружков, 1 200 санитарных постов. Число доноров достигло 3 555 чел. [3, с. 103]

Закончив основную подготовку населения в 1943 г., согласно указанию Центрального Совета Осоавиахима СССР от 31 января 1943 г. № 167, организации Осоавиахима Узбекистана начали переподготовку населения, обученного в 1941–1942 гг., по дополнительной 6-часовой программе. Однако переподготовка проходила медленно, контрольные задания недовыполнялись. Это можно объяснить такими фактами, как текучесть инструкторов в связи с эвакуацией, большой занятостью населения в сельском хозяйстве, отсутствием необходимых материалов по дополнительной программе [4, л. 41]. Всего за годы войны по плану должно было пройти переподготовку 3 700 000 чел., а фактически прошли ее лишь 3 101 212 чел., то есть план был выполнен на 83,8 % [4, л. 43].

Для качественного обучения населения и его широкого охвата необходим был качественный инструкторский состав. Но фактически в тот момент в республике не имелось достаточного количества инструкторских кадров, и требовалась подготовка инструкторов.

С первых дней боевых действий на советско-германском фронте гитлеровская авиация с самыми совершенными для своего времени самолетами завоевала господство в воздухе. Западные районы СССР подверглись беспощадным бомбардировкам. Это обеспокоило руководителей правительства. Защита населения и объектов от воздушного и химического нападения противника считалась одной из главных задач. Но в начале войны не хватало инструкторов для обучения населения способам защиты от воздушного нападения и школ для подготовки инструкторов ПВХО. Поэтому согласно приказу Преседателя ЦС Осоавиахим СССР № 43 от 9 июля 1941 г. в УзССР было организовано 15 школ инструкторов ПВХО по областям: Ташкентской – 3, Самаркандской, Сурхандарьинской, Бухарской, Ферганской – по 2, Наманганской, Андижанской, Хорезмской и Каракалпакской АССР – по 1.

Также были проблемы с укомплектованием созданных школ кадрами и обеспечением материально-технической базы. Так, если на момент создания школы были укомплектованы квалифицированным персоналом, то с их уходом на фронт в школы были привлечены общественные инструкторы [4, л. 43]. Кроме того, возникали трудности, вызванные нехваткой учебно-наглядных пособий для практического обучения, отсутствием соответствующих помещений и оборудованных классов. Но, несмотря на это, школы занимались подготовкой инструкторов ПВХО, начсостава для групп самозащиты и проводили среди населения лекции, беседы, организовали выставки, уголки, практические учения и др.

В этих условиях план подготовки инструкторов ПВХО был выполнен на 88,5 % (подготовлено 501 197 инструкторов из 566 571, предусмотренного по плану), а план подготовки руководителей групп самообороны – на 394,5 % (подготовлено 151 025 чел. при плане в 38 285 чел.) [4, л. 43].

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

В ходе наступательных операций враг был отброшен от Москвы, «блицкриг» вермахта провалился, главная угроза государству была ликвидирована. Поэтому многие школы подготовки инструкторов ПВХО, организованные как вынужденная мера, стали закрываться одна за другой. Так, согласно указанию ЦС Осоавиахима СССР от 3 февраля 1942 г. 7 школ в республике было ликвидировано, и осталось только 8 школ – в Ташкенте, Фегане, Андижане, Намангане, Самарканде, Бухаре, Термезе и Нукусе. С 1 сентября 1944 г. были расформированы и остальные школы, и в республике осталась только одна школа ПВХО [4, л. 43].

Все проводимые мероприятия по ПВХО внедрялись в массы путем разъяснительной работы среди населения, и эту большую работу проводили активисты-общественники Осоавиахима. На предприятиях, учреждениях, учебных заведениях, колхозах и домоуправлениях проводились читки газет и литературы, проводились различные беседы, устраивались вечера вопросов и ответов на оборонные темы и темы, связанные с ПВХО, транслировались лекции по радио о средствах нападения и средствах индивидуальной и коллективной защиты, о боевых отравляющих веществах, о пользовании противогазами, демонстрировались кинофильмы.

В результате всей проводимой работы и мероприятий по выполнению Постановления СНК СССР организации Осоавиахима Узбекистана закончили обязательную подготовку в августе 1943 г. обучив 4 472 266 чел., из них 1 111 475 чел. детей. Из общего количества было подготовлено только в 1941 г. 3 850 265 чел., о чем свидетельствует акт приема правительственной комиссии от 11 августа 1943 г. [4, л. 36].

В результате на всех производственных предприятиях республики была значительно улучшена оборонная работа, построены новые оборонительные сооружения, приведены в порядок старые подвалы, приспособленные под бомбоубежище, построены автомойки, складские здания, дезстанции и гаражи, улучшена светомаскировка служебных зданий. С первых дней войны в республике были построены бомбоубежища. В июле 1945 г., после того как увеличилось число командиров, уволенных в запас по состоянию здоровья, вышел приказ командующего Среднеазиатским военным округом, в котором указывалось о выделении для обучения допризывников лучших командиров и политработников запаса.

В целом первый год войны для организаций Осоавиахима Узбекистана явился годом напряженной работы: с одной стороны в 1941 г. впервые перед Осоавиахимом была поставлена задача охвата военным обучением миллионов трудящихся, с другой – необходимо было быстро и решительно перестроить всю работу, подчинив ее интересам войны, нуждам и запросам фронта. Можно считать, что Осоавиахим УзССР сумел дать сотням тысяч людей элементарные навыки по одной из военных специальностей, в том числе по ПВХО.

В суровые годы войны народ Узбекистана, наряду с производством сельскохозяйственных продуктов, заготовкой мяса и мясных продуктов для

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

нужд фронта, пошивом теплой одежды, гимнастерок, изготовлением обуви для личного состава действующей армии, производством самолётов и их двигателей, оружия, боеприпасов, снарядов, авиационных бомб, заботой об эвакуированных жителях и детях, приемом эвакуогоспиталей и многими другими задачами, научился противостоять авиационным и химическим атакам, которые могли быть нанесены противником. В организованных группах самообороны были освоены методы защиты себя, своего дома, заводов и фабрик. Все это является примером великого мужества нашего трудолюбивого народа в годы войны.

Источники и литература

1. *Ефимов В.И.* Патриотический подвиг трудящихся Узбекистана в годы Великой Отечественной войны / В.И. Ефимов. Ташкент: Фан, 1972. 220 с.
2. Кизил Ўзбекистон (Красный Узбекистан). 1941. 5 июля.
3. *Мизарбаев А.Я.* Советы Узбекистана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А.Я. Миразбаев. Ташкент: Фан, 1985. 156 с.
4. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. 1824. Оп. 2. Д. 149.

Рахимов Шароф Муродович, ведущий научный сотрудник, Государственный музей «Славы», Республика Узбекистан, г. Ташкент, bhasanb@inbox.ru

Rakhimov Sharof M., Leading Researcher, State museum of «Glory», Republic of Uzbekistan, Tashkent, bhasanb@inbox.ru

УДК 94(470.4)"1943/44"

О.С. Левина

**ШЕФСКАЯ ПОМОЩЬ ОБЛАСТЕЙ ПОВОЛЖЬЯ
ОСВОБОЖДЕННЫМ РЕГИОНАМ СТРАНЫ В 1943–1944 гг.**

Аннотация. Большое значение для восстановления освобожденных от немецко-фашистских захватчиков областей страны имела шефская помощь тыловых регионов. Она выражалась в различных формах: от сбора вещей и продовольствия до отправки в ту или иную область специалистов народного хозяйства и рабочих. Существенную помощь оказали регионы Поволжья. Они брали шефство над районами Воронежской, Ростовской, Смоленской, Сталинградской и других областей, освобожденных от врага, помогая их восстанавливать. Предприятия отправляли стройматериалы, станки и иное промышленное оборудование, запасные части к тракторам и машинам, инструменты, колхозы – продовольствие. В Поволжье развернулось движение по сбору одежды, белья, предметов домашнего быта и культуры для на-

селения освобожденных территорий. В нем участвовало всё население – от школьников и студентов до людей преклонного возраста. Автор на основе анализа архивного материала и исследовательской литературы, приходит к выводу, что помощь освобожденным регионам была действительно всенародным почином, и сыграла решающую роль в их восстановлении.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, восстановление, жители, колхозы, область, помощь, промышленные предприятия.

O.S. Levina

PATRONAGE ASSISTANCE FROM THE VOLGA REGIONS TO THE LIBERATED REGIONS OF THE COUNTRY IN 1943–1944

Abstract. The patronage assistance of the rear regions was of great importance for the restoration of the regions of the country liberated from the Nazi invaders. The assistance was expressed in various forms: from collecting things and food to sending economic specialists and workers to one or another region. The Volga regions provided significant assistance. They took patronage over the regions of Voronezh, Rostov, Smolensk, Stalingrad and other regions, that had been liberated from the enemy, helping to restore them. Enterprises sent building materials, machine tools and other industrial equipment, spare parts for tractors and machines, tools. Collective farms sent food. In the Volga region, there was a movement to collect clothing, linen, household items and artefacts for the population of the liberated territories. All the population took part in it – from school-children and students to the elderly. Based on an analysis of archival material and research literature, the author comes to the conclusion that assistance to the liberated regions was truly a nationwide initiative and played a decisive role in their restoration.

Keywords: Great Patriotic War, restoration, residents, collective farms, region, assistance, industrial enterprises.

После освобождения Красной армией захваченных немецкими войсками территорий РСФСР, началось их восстановление. В этом приняли участие все тыловые регионы страны. Первыми к оказанию помощи освобождённым регионам приступили поволжские области: Астраханская, Горьковская, Куйбышевская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Татарская АССР. Они помогали не только своим соседям – Сталинградской и Воронежской областям, – но и другим. Образно говоря лидерами среди областей-доноров, были промышленно более развитые Горьковская, Куйбышевская, Саратовская области и Татарская АССР. В первую очередь отправлялись стройматериалы, промышленное оборудование и станки, инструменты, продовольствие. Освобождённые регионы остро нуждались не только в инженерах, врачах, но и просто в рабочих руках. Естественно, наиболее внимание уделялось Сталинградской области, как сильнее других пострадавшей от боевых действий. В восстановлении города, его промышленности и сельского хозяйства, инфраструктуры принимали участие многие регионы

СССР, но наиболее активно и в большем объёме – области Поволжья, что объясняется их территориальной близостью, а, следовательно, меньшими логистическими трудностями при доставке грузов и рабочих кадров. Впрочем, они оказывали помощь и более далёким областям, например, Смоленской и Орловской.

Восстановление Сталинграда началось сразу же после разгрома и сдачи в плен немецких войск, окружённых в городе. Промышленные предприятия Куйбышевской области только за один 1943 г. отправили для его жителей 31 вагон «разного оборудования и предметов ширпотреба» [4, л. 29]. Для Смоленска за этот же период куйбышевцы подготовили «в порядке шефской помощи 14 эшелонов, из них со скотом 13, промоборудованием и промтоварами – 1, в вагонном исчислении – 700 вагонов» [4, л. 31]. Воронежская область получила от них вагон хозяйственного мыла, вагон крупы и вагон канцелярских принадлежностей [4, л. 30]. Предприятия Саратовской области к 1 апреля 1943 г. направили в Сталинградскую область целый эшелон (55 вагонов) «строительных материалов и разного оборудования» [26, с. 2]. Всего же за 7 месяцев 1943 г. саратовцы, согласно приведённым М.И. Юраго данным, дали Сталинграду 51,1 т сортового железа и стали, 68 тыс. штук кирпича, 482,5 т извести, 217 т мела, 119 т алебаstra, 317 куб. лесоматериалов, 5 тыс. м проводов и кабелей и много других материалов [27, с. 43]. Жители Саратова старались максимально расширить ассортимент продукции, изготавливаемой для освобождённых районов. Выступая 3 марта 1943 г. на собрании Саратовского городского партийного актива парторг завода № 306 Наркомата авиационной промышленности А.П. Кишен отметил: «Развернулось движение по оказанию братской помощи городу-герою Сталинграду. Укомплектована бригада слесарей, которая поедет в Сталинград для работы по восстановлению Сталинграда. Мы изготавливаем в неурочное время для Сталинграда миски, ложки, кровати, таким образом, мы дадим до 4 000 предметов широкого потребления» [14, л. 10об.].

Не менее масштабную помощь Сталинграду оказали заводы и фабрики Татарской АССР. Уже в конце марта 1943 г. из Казани в Сталинград прибыл первый эшелон из 62 вагонов со строительными материалами и различным оборудованием. Его сопровождали 156 инженеров и рабочих [23, с. 15]. В сентябре 1943 г. татарстанцы отправили два эшелона состоявших из 45 и 107 вагонов соответственно – со станками, электрооборудованием, кирпичом, цементом, известью, мелом, досками, промышленными инструментами, сельхозинвентарем, скотом, продовольствием в подшефную Орловскую область [6, с. 276].

Учитывая катастрофическую нехватку специалистов рабочих профессий в освобождённых регионах, Ульяновский облисполком 15 июня 1943 г. принял решение направить в Сталинград «на восстановление его жилищно-коммунального хозяйства 70 рабочих разных специальностей» и 270 комсомольцев на восстановление тракторного завода [24, с. 272].

Пензенская область к началу 1944 г. поставила подшефным регионам, освобожденным от немецких войск, 749 тракторов и 103 комбайна [7, с. 145], а пензенские жестянщики, в свободное от основной работы время, изготовили для сталинградцев и ростовчан несколько сотен кружек, мисок и ложек [3, л. 16]. Заводы и фабрики г. Горького и районных центров области развернули движение за обеспечение Сталинграда станками и сельскохозяйственными инструментами. Только рабочие Выксунских металлургических заводов Горьковской области отправили в Сталинград 20 т кровельного железа, 20 т труб, 5 тыс. лопат и 5 вагонов лесоматериалов [11, с. 2].

Астрахань помогала Сталинградской области в восстановлении речных судов и обеспечивала поставки рыбы. Рыболовецкие хозяйства региона также снабжали своей продукцией Воронежскую, Смоленскую и Орловскую области. Но только этим они не ограничивались. Например, рыбокомбинат «Оранжевый» поставлял в Сталинград консервы и сухари, а также сухой спирт. Астраханские школьники собрали и отослали своим сталинградским сверстникам к сентябрю 1943 г. 22 789 учебников, 16 762 экземпляра художественной литературы, 17 000 письменных принадлежностей. В одном лишь Красноярском районе Астраханской области собрали 2 022 книги, 1 117 школьных учебников, 1 200 перьев, 240 ручек, 50 линеек и кисточек для рисования, более 500 карандашей [25, с. 148]. Астраханские и саратовские речники прилагали все усилия для своевременной доставки грузов в Сталинград. Их труд был отмечен правительственными наградами.

Поволжские колхозы, в основном, отправляли населению освобожденных территорий мясомолочную продукцию, а также крупный рогатый скот и домашнюю птицу. Так, куйбышевские колхозники сформировали для жителей Сталинграда, фигурально выражаясь, «скотный эшелон», состоявший из 705 голов крупного рогатого скота, 2 396 овец, 287 свиней и 540 штук домашней птицы [4, л. 29]. Помимо продуктов питания сельчане собирали и различные вещи – одежду, обувь, постельные принадлежности, домашнюю утварь. 2 января 1943 г. секретарь Ворошиловского райкома ВКП(б) Саратовской области в телеграмме на имя И.В. Сталина сообщал: «В ответ на успешные боевые действия Красной армии, колхозники и все трудящиеся района начали проводить в жизнь еще одно патриотическое дело – по инициативе колхозников и колхозниц колхоза им. Штейнгардта, во всем районе развернулся сбор одежды, обуви и различной домашней утвари для населения тех районов Сталинградской области, которые сейчас Красная армия освободила от немецко-фашистских оккупантов» [15, л. 23]. Сельские жители отправляли в освобожденные регионы не только продовольствие и скот, но и предметы домашнего бытового обихода. Так, колхозники Базарно-Карабулакского, Балаковского и Татищевского районов Саратовской области собрали для сталинградцев 5 тыс. стаканов, 1 тыс. металлических ложек, 200 мисок, 200 водопроводных кранов, 100 дверных ручек и несколько тысяч единиц различной посуды [20, с. 127].

Активно проходил и сбор денежных средств на восстановление разрушенных фашистами городов. Например, к 28 марта 1943 г. в Саратовской области «по неполным данным» было собрано 500 тыс. руб. [20, с. 128]. К 30 июня 1943 г. по Куйбышевской области в фонд восстановления Сталинграда поступил 1 млн 210 тыс. руб. [8, с. 373] В Балтасинском районе Татарской АССР только за один день собрали 180 тыс. руб. для освобожденных районов Орловской области [22, с. 138]. Однако, следует отметить, далеко не всегда на местах соблюдался принцип добровольности пожертвований освобождённым регионам страны. А.Ш. Кабирова приводит примеры административного нажима районных и сельских властей на рядовых граждан в Татарской АССР [6, с. 269–271].

В освобожденные от оккупации области направлялись не только стройматериалы, промышленное оборудование, одежда, бытовые вещи, но и медицинские инструменты, лекарства, перевязочный материал. Из Куйбышевской области в Сталинград за 1943 г. поступило 11 комплектов аптечного оборудования, медпрепаратов и инструментов на 12 113 руб. Саратов направил в город 78 врачей, для налаживания в нем системы медицинского обслуживания населения [1, с. 48–49]. Аптекоуправление Казани отправило для медучреждений и аптек Орловской области «1 тонну йодной настойки, 200 тыс. трубочек витамина "С", 75 тыс. трубочек кальцекса, 20 килограммов стрептоцида, ревень в таблетках, большое количество различных капель, настоек и т.п.», а коллектив фармацевтического комбината Бауманского района города – «4 тонны различных медикаментов» [22, с. 129, 130]. Из Астрахани и Ульяновска в Сталинград было поставлено медицинское оборудование для врачебно-приёмных пунктов и амбулаторий. Профессорско-преподавательские коллективы мединституты Казани, Куйбышева, Саратова делились опытом со своими сталинградскими коллегами, помогали им налаживать медицинское обслуживание населения. Широко развернулось в поволжских областях движение по сбору лекарственных растений, из которых фармацевтической промышленностью страны производились мази, отвары, настойки и иные лекарственные препараты. Конечно, большая их часть поступала в тыловые и прифронтовые госпитали, но некоторая часть отправлялась и в освобождённые районы.

В движение по оказанию помощи освобождённым районам активно включились комсомольские и пионерские организации, творческие коллективы, учреждения культуры и образования. Комсомольцы г. Энгельса Саратовской области организовали коллектив художественной самодеятельности в составе 8 чел. и «дали несколько концертов для трудящихся города, средства от которых в сумме 15 тыс. рублей послали в фонд восстановления героического Сталинграда» [16, л. 166]. Коллектив Куйбышевского государственного драматического театра имени А.М. Горького «собрал и внёс на восстановление Сталинграда пятьдесят тысяч рублей» [18, л. 111]. Сотрудники дома-музея Н.Г. Чернышевского отправили в Сталинград несколько посылок с книгами и периодическими изданиями для комплектования бу-

дущих библиотек. В октябре 1943 г. в филиал государственного фонда при пензенской областной библиотеке имени М.Ю. Лермонтова поступило от районных, сельских, школьных библиотек и населения 19 тыс. книг для Курской и Орловской областей [9, с. 82]. Горожане жертвовали книги и журналы из своих домашних библиотек. «В дар Сталинграду» передали свою семейную библиотеку супруги В.Н. и О.М. Трудневы из Куйбышева. В телеграмме от 31 января 1943 г. на имя И.В. Сталина они просили принять от них «небольшую библиотеку в хорошем переплёте для города имени Сталина – Сталинграда» [17, л. 147].

В оказании помощи освобождённым районам активное участие принимали учащиеся школ. Они собирали книги, открытки, детские журналы, тетради, канцелярские принадлежности. Школьники Вязовской и Кистендейской средних школ Саратовской области подготовили для своих воронежских, ростовских и сталинградских сверстников канцелярские принадлежности и 300 тетрадей [2, л. 92]. Ученики пензенских школ отправили в Сталинград и Воронеж несколько посылок с карандашами, линейками и блокнотами [3, л. 16]. Нередко в посылки вкладывались записки и целые письма с пожеланиями своим ровесникам скорейшего налаживания мирной жизни, здоровья, успешной учёбы.

Одним из патриотических движений, охвативших всё Поволжье, стал сбор одежды, обуви, игрушек для детей освобождённых регионов. Приоритет отдавался теплым вещам. В колхозе имени А.М. Штейнгарта Ворошиловского района Саратовской области для населения Сталинградской области всего за два дня января 1943 г. было собрано 1 350 различных детских вещей, а всего трудящиеся этого района за 1943 г. «собрали 21 тысячу вещей, одежды, обуви и предметов домашнего обихода, и передали их для детей, освобожденных от немецкого ига районов Сталинградской области» [15, л. 23; 18, л. 165]. «Движение по сбору вещей приняло в районе широкий размах. В нем участвуют колхозы, колхозники, рабочие, служащие и учащиеся», – сообщали областному совету районные власти в январе 1944 г. [5, л. 24]. В колхозе имени И.В. Сталина Соседского района Пензенской области «не осталось ни одного колхозника, который не принял бы участие в этом благородном патриотическом деле», – говорится в докладе первого секретаря райкома партии от 4 мая 1943 г. [3, л. 9]. Члены производственной артели «Красный химик» г. Пензы сделали и отправили детям Орловской области 300 разных игрушек [10, с. 206].

Советско-партийные работники стремились, фигурально выражаясь, втиснуть патриотическое движение по оказанию помощи освобождённым регионам в директивные рамки, регулируя и активизируя его. Так, саратовские обком и исполком областного Совета депутатов трудящихся на совместном заседании 23 января 1943 г. приняли постановление значительно активизировать оказание помощи районам, освобождённым от немецкой оккупации: «Обязать горкомы, райкомы ВКП(б) и ВЛКСМ, исполкомы Советов трудящихся, партийные и комсомольские организации на всех предпри-

ятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах и МТС, среди рабочих, колхозников, служащих и всех трудящихся развернуть массовую политическую работу по оказанию широкой помощи трудящимся освобождённых районов Воронежской области от немецкой оккупации» [13, л. 145]. Аналогичное постановление 11 марта 1943 г. принял и татарский республиканский парт-актив, обязав городские и районные комитеты ВКП(б) вовлечь «всё население города и района в активное участие помощи героическому городу Сталинграду» [12, л. 88].

Не всегда местные власти оперативно могли отправить собранную помощь в тот или иной освобождённый район. Колхозники Ульяновской области в январе 1944 г. собрали для Курска 3 206 центнеров картофеля и 1 815 центнеров зерна, а также 515 голов крупного рогатого скота, 2 698 овец, 865 свиней, но из этого было отправлено: зерна всего 51 центнер, картофеля – 570 центнеров, овец – 1 000 голов и свиней – 100 голов [24, с. 280]. Как следует из служебной записки заведующего организационно-инструкторским отделом Ульяновского обкома ВКП(б) Бабушкина, причиной тому стало «не предоставление железной дорогой вагонов» [24, с. 281]. Сложности в отношении своевременной отправки продовольствия приводили к его потерям, поскольку отсутствие надлежащих условий хранения способствовало порче продовольственных продуктов, или же началу этого процесса, вызывавшего порчу их уже в дороге. Так, колхозники Родничковского района Саратовской области в первой половине февраля 1943 г. приготовили к 25-летию Красной армии 23 посылки для отправки на фронт, но из-за нерасторопности местных властей посылки пролежали на складе около трёх недель. По истощившему от них неприятному запаху стало ясно, что продукты испортились. Пришлось их вскрыть и передать продукты подсобному хозяйству местного райпотребсоюза для откорма свиней [21, с. 165]. Срыв поставок продуктов питания вызывал закономерное недовольство и возмущение тех, кто его сдавал.

Отличительной чертой движения по оказанию помощи освобождённым от неприятеля регионам являлась несколько меньшая степень участия в нём населения. Основная нагрузка легла на заводы и фабрики, колхозы, учреждения культуры и образования. В первую очередь было необходимо отстраивать разрушенные города, восстанавливать заводы и фабрики, жилищно-коммунальное хозяйство, социальную инфраструктуру. Логично предположить, что у значительной части населения поволжских областей попросту не осталось, после пожертвований в фонд обороны, бойцам и офицерам на фронт, раненым в госпиталях, столько вещей и продуктов, которые можно было бы отдать для населения освобождённых территорий. Но, несмотря на это, жители Поволжья старались помочь, чем только могли, населению освобождённых регионов.

Источники и литература

1. *Винокуров Г.А.* Аптечные и медицинские работники Поволжья в военные годы / Г.А. Винокуров, В.Г. Винокуров // Советское здравоохранение. 1985. № 8. С. 47–49.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2866.
3. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 892.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9504. Оп. 1. Д. 19.
5. Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 240.
6. *Кабирова А.Ш.* Всенародное движение в помощь фронту в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) / А.Ш. Кабирова // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: подвиг народа и уроки истории: сб. статей по материалам Международной научной онлайн конференции (г. Казань, 20–21 октября 2020 г.) / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 265–278.
7. *Кашаев П.В.* Пенза – город трудовой доблести / П.В. Кашаев, В.В. Кондрашин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 135–153.
8. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Документы и материалы / сост. Ф.П. Захарова, П.И. Клашникова, Ф.А. Каревский и др. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1966. 447 с.
9. *Мочалов В.А.* Вдохновляющим словом / В.А. Мочалов // Пензенская область в годы Великой Отечественной войны / под ред. Г.В. Мясникова. Саратов: Приволжское книжное изд-во. (Пензенское отделение), 1985. С. 76–97.
10. Пензенская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов и материалов / под ред. Н.В. Христофорова. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1964. 299 с.
11. Помощь героическому городу // Известия. 1943. 16 апреля.
12. Протокол заседания бюро Татарского обкома ВКП(б) 11 марта 1943 г. о создании республиканской комиссии по оказанию помощи г. Сталинграду и Сталинградской области // Виртуальная историко-документальная выставка «Документы Великой Отечественной войны» [Электронный ресурс]. URL: https://ga.tatarstan.ru/internet-vistavki.htm?pub_id=2841509 (дата обращения: 24.11.2024).
13. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 1067.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1626.
15. РГАСПИ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 19.
16. РГАСПИ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 143.
17. РГАСПИ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 173.
18. РГАСПИ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 239.
19. РГАСПИ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 358.
20. Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. / сост. Г.А. Дзякович, З.И. Жаровская, А.Г. Копылова и др. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969. 262 с.
21. *Смотров В.В.* Жизни не щадили для победы / В.В. Смотров // Балашовские ветераны о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. К 60-летию Великой Побе-

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

ды / под ред. Л.М. Кузевановой. Балашов: Издательство «Сателлит», 2005. С. 152–170.

22. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (Сборник документов и материалов) / вступ. статья Х.Г. Гимади. Казань: Татгосиздат, 1948. 167 с.

23. Татарстан – Сталинграду: сб. документов и материалов / сост. А.А. Иванов, Л.В. Горохова, Н.В. Юсупова, В.В. Иванова. Казань: Книга Памяти, 2009. 255 с.

24. Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.): документы и материалы / сост. Н.И. Хренов, Г.И. Белов и др. Саратов: Приволжское книжное изд-во. (Ульяновское отделение). 1974. 308 с.

25. *Храмков Л.В.* Советы депутатов трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Л.В. Храмков. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1973. 220 с.

26. Эшелоны прибывают в Сталинград // Труд. 1943. 1 апреля.

27. *Юраго М.И.* Всенародная помощь фронту / М.И. Юраго. Саратов: Саратовское областное издательство, 1944. 51 с.

Левина Оксана Сергеевна, старший научный сотрудник отдела экспозиции, Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов, serg.lewin@yandex.ru

Levina Oksana S., Senior Researcher at the Exposition Department, N.G. Chernyshevsky Museum Estate, Russia, Saratov, serg.lewin@yandex.ru

РАЗДЕЛ 6

Наука и высшее образование в годы Великой Отечественной войны

УДК [94(47)+001.89(091)].084.8

И.В. Быстрова

АКАДЕМИЯ НАУК СССР И ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТ ПО УРАНУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Основным мотивом развития работ по урану в СССР в годы Великой Отечественной войны была угроза создания атомного оружия главным противником – гитлеровской Германией. В июле 1940 г. Президиум АН СССР создал комиссию по исследованию проблемы урана, в которой участвовали представители различных отраслей науки – В.Г. Хлопин, В.И. Вернадский, А.Ф. Иоффе. Последний предложил поручить работы над проблемой урана молодому энергичному физiku И.В. Курчатову, который впоследствии стал научным руководителем атомного проекта. В первый год в силу чрезвычайных условий войны все работы по урану были прекращены, и возобновлены только в конце сентября 1942 г., когда была создана спецлаборатория атомного ядра АН СССР в г. Казани, куда с началом войны были эвакуированы академические институты. Новый этап начался с постановления ГКО от 11 февраля 1943 г., когда спецлаборатория была переведена в Москву, научное руководство было поручено И.В. Курчатову. 20 мая 1944 г. Курчатов доложил И.В. Сталину о возможности создания атомного оружия; к работе был подключен будущий главный конструктор первой советской атомной бомбы Ю.Б. Харитон и другие ученые. За годы войны советские физики решили основные научные проблемы, связанные с атомным оружием, создали первый циклотрон и подготовили к пуску экспериментальный ядерный реактор.

Ключевые слова: проблема урана, спецлаборатория атомного ядра, оборонные работы, циклотрон, атомная бомба.

I.V. Bystrova

THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR AND ORGANIZATION OF WORKS ON URANIUM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The main motive of development of works on uranium during the Great Patriotic War was the threat that the main enemy – Hitlerite Germany – will create the atomic weapons. In July 1940 Presidium of the Academy of sciences created the Commission on research of the problem of uranium, in which representatives of different branches of science participated – V.G. Khlopin, V.I. Vernadaskii, A.F. Ioffe. Ioffe proposed to entrust the works on uranium to young energetic physicist I.V. Kurchatov, who became later scientific leader of Soviet atomic project. In the first year of the war due to extraordinary conditions all works on the uranium were stopped, and they were resumed only in the end of September 1942, when Special laboratory of the atomic nucleus was created in Kazan', where all the Academic institutes were evacuated at the start of the war. The new stage started from GKO decision of 11 February 1943, when Special laboratory was transferred to Moscow, scientific leadership was entrusted to Kurchatov. On May 20 1944 Kurchatov reported to I.V. Stalin on the possibility of creation the atomic weapon; the future chief constructor of the first Soviet atomic bomb Yu.B. Khariton and other scholars were involved in the work. During the war the Soviet physicists decided the main scientific problems, connected with the atomic weapons, created the first cyclotron and prepared experimental nuclear reactor to be launched.

Keywords: problem of uranium, Special laboratory of the atomic nucleus, defensive works, cyclotron, the atomic bomb.

Основным мотивом развития работ по урану в СССР в годы Великой Отечественной войны была угроза создания атомного оружия главным противником – гитлеровской Германией. В докладной записке И.В. Курчатова В.М. Молотову с анализом разведматериалов с предложениями об организации работ по созданию атомного оружия в СССР от 27 ноября 1942 г. в частности подчеркивалось: «... ввиду того, что возможность введения в войну такого страшного оружия, как урановая бомба, не исключена, представляется необходимым широко развернуть в СССР работы по проблеме урана и привлечь к ее решению наиболее квалифицированные научные и научно-технические силы Советского Союза» [1, с. 277].

Первооткрывателями радиоактивности были французские ученые. Французский физик Антуан Анри Беккерель (1852–1908) открыл радиоактивность в 1896 г., занимаясь изучением солей урана. В 1911 г. он получил Нобелевскую премию по физике вместе с Пьером и Марией Кюри «в знак признания его выдающихся заслуг, выразившихся в открытии самопроизвольной радиоактивности». Среди пионеров в изучении этой тематики были Эрнест Резерфорд, Джеймс Чедвик (Великобритания), Нильс Бор (Дания), Отто Ган (Германия, последний открыл вместе с Ф. Штрассманом деление ядер урана в 1938 г., в 1944 г. получил Нобелевскую премию по химии), Эн-

рико Ферми (Италия), Лео Сцилард (Венгрия). Физик Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958), лауреат Нобелевской премии по химии совместно с Ирен Жолио-Кюри (1935) «за выполненный синтез новых радиоактивных элементов», участвовал в движении Сопротивления во Франции, был членом Коммунистической партии, автором Стокгольмского воззвания о запрещении ядерного оружия. Летом 1945 г. он активно предлагал Академии наук СССР сотрудничество в ядерной области.

В СССР изучение атомной тематики началось несколько позже. К числу пионеров в этой области относился физик Игорь Васильевич Курчатов (1903–1960), в будущем ставший научным руководителем советского атомного проекта, один из создателей первой советской атомной бомбы, испытанной 29 августа 1949 г. Академик АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР. В 1925 г. И.В. Курчатов стал научным сотрудником Физико-технического института в Ленинграде (ныне – Физико-технический институт имени А.Ф. Иоффе РАН). В эти работы был вовлечен также русский и советский физик Абрам Федорович Иоффе (1880–1960), автор выдающихся работ в области физики полупроводников, организатор Физико-технического института, один из инициаторов создания Лаборатории № 2 АН СССР. В «детском саду папы Иоффе» (так современники шутливо называли ЛФТИ) он занимался диэлектриками, сегнетоэлектричеством, а к 1932 г. стал наиболее активным среди ученых-физиков, занимающихся вопросами атомного ядра.

В военные годы И.В. Курчатов участвовал в создании техники размагничивания кораблей для защиты флота от немецких магнитных бомб. В 1943 г. был поставлен во главе Лаборатории № 2 АН СССР и стал научным руководителем атомной программы СССР.

Главным конструктором первой советской атомной бомбы стал Юлий Борисович Харитон (1904–1996), который сделал свои первые открытия еще в предвоенные годы. Он окончил Петербургский университет, с 1921 г. учился в аспирантуре Физико-технического института. Занимался вопросами молекулярной физики, радиоактивности, положил начало изучению цепных реакций в стране. В 1926–1928 гг. был в командировке в Кевендишской лаборатории в Кембридже у Э. Резерфорда и Дж. Чедвика. В 1931–1946 гг. возглавлял лабораторию взрывчатых веществ Института химической физики АН СССР, основал советскую школу физики взрывов. В 1939–1941 гг. Ю.Б. Харитон и Я.Б. Зельдович осуществили расчет цепной реакции деления урана в реакторе, предложили в качестве замедлителей нейтронов тяжелую воду и углерод, описали условия возникновения ядерного взрыва; совместно с И.И. Гуревичем уточнили критическую массу урана-235.

В начале 1942 г. Харитон был направлен Наркоматом боеприпасов в НИИ-66, где занимался проблемами боевого применения кумулятивных гранат и снарядов. С 1944 г. работал в Лаборатории № 2 АН СССР, возглавлял сектор № 3, созданный для конструирования атомной бомбы.

В 1946 г. был создан филиал Лаборатории № 2 – КБ-11 (Арзамас-16) – первый центр создания атомной бомбы, научным руководителем которого стал Ю.Б. Харитон. Руководил центром создания атомного оружия в течение 46 лет. Получил научное звание академика, Трижды Герой Социалистического Труда.

В тревожные предвоенные годы Президиум Академии наук СССР признал необходимым развитие работ по «практическому использованию внутриатомной энергии». В постановлении АН СССР от 12 июля 1940 г. указывалось: «Учитывая, что положительное решение вопроса о техническом использовании внутриатомной энергии хотя и сопряжено с рядом очень больших трудностей, которые, как нам кажется, не имеют однако принципиального характера... должно в корне изменить прикладную энергетику. Мы полагаем, что Академия наук должна уже сейчас принять ряд мер, которые обеспечили бы Советскому Союзу возможность не отстать в разрешении этой важнейшей задачи от зарубежных стран...

1. Срочно приступить к выработке методов разделения изотопов урана и конструированию соответствующих установок, для чего поручить Комиссии по изотопам совместно с Комиссией по атомному ядру в двухмесячный срок наметить учреждения и лиц, а также определить размеры необходимых... специальных ассигнований и потребное количество драгоценных и цветных металлов.

2. Форсировать работу по проектированию сверхмощного циклотрона Физического института Академии наук... по достройке циклотрона Физико-технического института и постройке помещения и оборудования... к уже работающему циклотрону Радиевого института...» [1, с. 121–122].

Протоколом № 21 заседания Президиума АН СССР о создании Комиссии по проблеме урана и организации работ от 30 июля 1940 г. предусматривалось: «1. В целях ... развития в Академии наук СССР работ по изучению урана и возможному использованию его внутриатомной энергии образовать при Президиуме АН СССР комиссию по проблеме урана.

Поставить в качестве основных задач перед комиссией:

А) определение тематики научно-исследовательских работ институтов АН СССР в области изучения урана;

Б) организацию разработки методов разделения или обогащения изотопов урана и исследований по управлению процессами радиоактивного распада;

В) осуществление ... общего руководства научно-исследовательскими работами АН СССР по проблеме урана.

2. Утвердить Комиссию по проблеме урана в следующем составе:

- 1) В.Г. Хлопин – академик, председатель комиссии;
- 2) В.И. Вернадский – академик, зам. председателя комиссии;
- 3) А.Ф. Иоффе – академик, зам. председателя комиссии;
- 4) А.Е. Ферсман – академик;
- 5) С.И. Вавилов – академик;

<...>

10) П.Л. Капица – академик;

11) И.В. Курчатов – старший научный сотрудник Радиевого института АН СССР;

<...>

14) Ю.Б. Харитон – старший научный сотрудник Института химической физики АН СССР...

...4. В целях создания государственного фонда урана организовать изучение урановых месторождений, для чего считать необходимым командировать на главнейшие месторождения урана в Средней Азии осенью текущего года бригаду АН СССР...» [1, с. 127–128].

Особенностью организации работ по проблеме урана в этот период было активное участие в этом деле не физиков, а видных академических ученых других специальностей. К ним относились Виталий Григорьевич Хлопин (1890–1950), ученый-радиохимик, профессор, действительный член АН СССР, один из создателей и директор Радиевого института (1936–1946), разработчик метода промышленного получения радиотория (получил Сталинскую премию 3-й степени в 1943 г.) и Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), естествоиспытатель, создатель научных школ минералогии и геохимии, действительный член Петербургской академии наук (1912), один из создателей и руководителей Радиевого института в 1922–1939 гг., инициатор исследований по проблеме урана, создания Урановой комиссии.

Постановление вызвало критику со стороны А.Ф. Иоффе. Он выступил со своими предложениями по организации и кадровому составу участников работ по изучению проблем атомного ядра. В записке секретарю Президиума АН СССР П.А. Светлову «О положении проблемы использования внутриатомной энергии урана» от 24 августа 1940 г. А.Ф. Иоффе предлагал: «...1. Основными специалистами, к которым прежде всего следует обратиться, являются: И.В. Курчатов (ЛФТИ) и его сотрудники Флёрв и Петржак, Зельдович и Харитон (ЛИХФ).

...Возможность технического использования энергии урана нельзя считать исключенной при настоящем состоянии наших знаний. Для форсирования этой проблемы необходимы следующие мероприятия:

1. Изучение поглощения и рассеяния нейтронов углеродом и некоторыми другими ядрами. Это следует поручить ЛФТИ, ускорив окончание и пуск циклотрона.

2. Получение нескольких сот килограммов чистого урана (РИАН и один из химических институтов).

3. Выяснение наивыгоднейшего метода получения больших количеств тяжелого водорода (Зельдович – ЛИХФ при участии А.И. Бродского – Днепропетровск).

4. Постановка производства тяжелого водорода (ЛИХФ).

5. Заблаговременная подготовка опыта цепной реакции урана (ЛФТИ).

... Общее руководство всей проблемой в целом следовало бы поручить И.В. Курчатову как лучшему знатоку вопроса, показавшего на строительстве циклотрона выдающиеся организационные способности» [1, с. 135].

С началом Великой Отечественной войны работы по проблеме урана были фактически прекращены. И.В. Курчатов вспоминал о работе физиков по проблеме урана накануне и в начале войны. В своей записке В.М. Молотову о работе Лаборатории № 2 за первое полугодие 1943 г., 30 июля 1943 г. он в частности писал: «До войны над проблемой урана у нас работала небольшая группа физиков (в Ленинграде и Харькове) – специалистов по атомному ядру, которая нашла две схемы использования энергии урана: одну – для осуществления бомбы, другую – для осуществления котла. Обе схемы требовали выделения урана-235, находящегося в количестве около 1 % в обычном уране, т[о] е[сть] решения сложнейшей задачи разделения тяжелых изотопов... С началом войны работа над проблемой урана у нас вовсе остановилась в связи с эвакуацией научных институтов из Ленинграда и Харькова, потерей научно-технической базы и переходом ученых на другую тематику» [1, с. 348].

По вопросу эвакуации отвечавший за этот вопрос вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт обратился к заместителю председателя СНК А.Н. Косыгину о необходимости эвакуации ЛФТИ и ИХФ 6 июля 1941 г.: «Независимо от решения общего вопроса о целесообразности или нецелесообразности эвакуации Академии наук СССР в целом, прошу *отдельно* и возможно срочно решить вопрос о следующих двух институтах Академии наук, находящихся в Ленинграде:

- 1) Физико-технический институт (директор – акад. Иоффе),
- 2) Институт химической физики (директор – акад. Семенов).

Эти институты работают целиком *на оборону*, выполняя очень ответственные научно-технические задания. В этом деле они являются головными институтами Академии.

В Ленинграде их работа сейчас, по сообщениям академиков, менее продуктивна (отвлечение более половины сотрудников), вследствие чего решение *срочных* оборонных задач задерживается.

Эти институты могут быстро, в три-четыре дня, развернуть свою работу в Свердловске, где есть аналогичный им Физико-технический институт Уральского филиала Академии наук» [1, с. 234].

Академия наук и физические институты были эвакуированы в Казань согласно решению Правительства от 16 июля 1941 г. В тяжелейших условиях начального периода войны все учреждения АН СССР переводились на «оборонную работу». В постановлении Президиума АН СССР от 23 июля 1941 г. говорилось: «обязать все отделения и научные учреждения немедленно пересмотреть и перестроить тематику и методы исследовательских работ, всю творческую инициативу научных работников в первую очередь на выполнение задач по укреплению военной мощи нашей социалистической Родины» [1, с. 236].

Раздел 6. Наука и высшее образование в годы Великой Отечественной войны

В письме О.Ю. Шмидту от 4 сентября 1941 г. академик П.Л. Капица сообщал о создании под его председательством Физической комиссии при Уполномоченном по науке Государственного комитета обороны (далее – ГКО) С.В. Кафтанове, в которую вошли академики Вавилов, Семенов, Соболев, член-корреспонденты Алиханов, Христианович, профессор Хайкин, военинженер Н.И. Москвин (секретарь комиссии). Задачей комиссии была организация «оборонной работы по физике», для чего Капица просил академические институты высылать в комиссию свои предложения по оборонным проектам [1, с. 237].

По сообщению А.Ф. Иоффе в письме первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданову от 14 сентября 1944 г., «в период блокады оставшаяся в Ленинграде часть института (ЛФТИ – И.Б.) обслуживала нужды Ленинградского фронта и Балтийского флота. Так, напр[имер], работы по ледовым переправам были использованы для Ораниенбаумской операции, при освобождении Шлиссельбурга, а вывод флота из Невы в Кронштадт проводился при участии Физико-технического института. Вам также известно, что широко использованные Ленинградским фронтом установки для обнаружения самолетов (Рус-2) и противоминная защита кораблей флота были разработаны институтом к началу войны. Часть его сотрудников и основное оборудование находились в Казани...» [2, с. 112–113].

Один из довоенных руководителей Урановой комиссии В.Г. Хлопин на запрос заместителя начальника 2-го Управления Главного разведывательного управления (далее – ГРУ) Генштаба Красной армии А.П. Панфилова об использовании ядерной энергии в военных целях, 10 июня 1942 г. отвечал: «В ответ на запрос ГРУ в АН от 7 мая 1942 г. "в связи сообщениями о работе за рубежом над проблемой использования для военных целей ядерного деления урана прошу сообщить, насколько правдоподобными являются такие сообщения": Академия наук не располагает никакими данными о ходе работ в заграничных лабораториях по проблеме использования внутриатомной энергии, освобождающейся при делении урана...»

Что касается институтов АН СССР, то проводившиеся в них работы по этому вопросу временно свернуты как по условиям эвакуации этих институтов из Ленинграда, где остались основные установки (циклотрон РИАНа), так и потому, что, по нашему мнению, возможность использования внутриатомной энергии для военных целей в ближайшее время (в течение настоящей войны) весьма мало вероятна» [1, с. 265].

При таких настроениях и обстоятельствах в течение первого года Великой Отечественной войны работы по урану были практически прекращены. Возобновление этих работ произошло только 27 сентября 1942 г. В записке заместителя председателя Совета народных комиссаров В.М. Молотова И.В. Сталину о проектах распоряжений по возобновлению работ в области использования атомной энергии от 27 сентября 1942 г. говорилось: «Вношу на Ваше утверждение проекты распоряжения Государственного комитета обороны "Об организации работ по урану", внесенные Академией

наук (т. Иоффе) и Комитетом по делам высшей школы при Совнаркоме СССР (т. Кафтановым)...

Академия наук, которой эта работа поручается, обязана к 1 апреля 1943 г. представить в Государственный комитет обороны доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива» [1, с. 268].

Распоряжением ГКО «Об организации работ по урану» от 27 сентября 1942 г. предусматривались следующие основные направления работы: «Президиуму Академии наук СССР:

а) организовать при Академии наук специальную лабораторию атомного ядра;

2. Академии наук СССР (акад. Богомолец) организовать под руководством проф. Ланге разработку проекта лабораторной установки для выделения урана-235 методом центрифугирования;

Народному комиссариату финансов СССР передать к 1 ноября 1942 г. Академии наук СССР один грамм радия для приготовления постоянного источника нейтронов и 30 граммов платины для изготовления лабораторной установки центрифуги...» [1, с. 269].

Этап работы спецлаборатории атомного ядра, прошедший в Казани, был кратким, но он позволил сохранить основной костяк ученых-специалистов и разработки в этом направлении.

Новый этап в развитии работ по урану начался после принятия распоряжения ГКО о дополнительных мероприятиях в организации работы по урану от 11 февраля 1943 г., которым, в частности, предусматривалось: «1. Возложить на тт. Первухина М.Г. и Кафтанова С.В. обязанность повседневно руководить работами по урану и оказывать систематическую помощь спецлаборатории атомного ядра Академии наук.

Научное руководство работами возложить на профессора Курчатова И.В.

2. Разрешить президиуму Академии наук СССР перевести группу работников спецлаборатории атомного ядра из г. Казани в г. Москву для выполнения наиболее ответственной части работ по урану.

3. Обязать Наркомтяжмаш (т. Казакова) закончить изготовление лабораторной установки центрифуги и сдать ее Академии наук не позднее 1 апреля 1943 г....

10. Обязать Ленсовет (т. Попкова) обеспечить монтаж и отправку в Москву оборудования циклотрона Ленинградского физико-технического института...» [1, с. 306–307].

Состояние работы спецлаборатории характеризовалось в докладной записке Курчатова В.М. Молотову о работе Лаборатории № 2 за первое полугодие 1943 г., 30 июля 1943 г.: «Над проблемой урана сейчас работают не только те кадры специалистов, которые занимались ураном и до войны (проф. Курчатов, проф. Харитон, н.с. т. Флеров, н.с. т. Петржак), но и ряд

крупных работников, занятых ранее другими вопросами (чл.-кор. Алиханов и его группа, чл.-кор. Христианович, проф. Кикоин, проф. Корнфельд, проф. Померанчук, проф. Давыдов, доцент Курчатов...).

Задачи первой очереди решены.

Остановленная войной работа по проблеме возобновилась в Союзе в объеме, значительно большем, чем в 1941 году: положено начало серьезной работе по разделению изотопов.

Необходимо... подчеркнуть, что мы сделали только первый шаг и находимся в начале большого и трудного пути.

Как по числу и квалификации кадров, так и по материально-технической вооруженности исследований по проблеме урана, наша страна остается далеко позади Америки, Англии и Германии. Проблемой урана у нас занято сейчас около 50, а в Америке – около 700 научных сотрудников. В Америке работает... 10 мощных циклотронов (с электромагнитами 50–100 тонн), наш же единственный действующий циклотрон РИАНа законсервирован в Ленинграде, а строительство небольшого (с электромагнитом 20 тонн) циклотрона будет закончено Лабораторией только к концу 1943 года» [1, с. 370–372].

Перспективы дальнейшей работы И.В. Курчатов оценивал следующим образом: «Развитие работ требует дальнейшего привлечения ученых страны к исследованиям как непосредственно над проблемой урана, так и над смежными вопросами (физика ядерного ядра, химия урана, деление изотопов), с одной стороны, и решения следующих... задач, с другой стороны:

- 1) накопление в 1944–1945 годах в СССР 100 тонн урана;
- 2) получение в 1945 г. в СССР урана-235 в количестве 200–300 килограммов;
- 3) накопление в СССР к 1946 г. тяжелой воды в количестве 2–3 тонн.

... Перечень мероприятий

2. Поручить Наркомвнешторгу выяснить к 1 сентября 1943 г. возможность закупки в Америке 100 тонн урана...» [1, с. 373–374].

Последнее предложение выглядело особенно утопичным, в свете жесточайшего режима секретности, установленного в Манхэттенском проекте по созданию атомного оружия в США. Поставлять уран в СССР американцы отказались.

Интересно, что и в этот период вопрос о возможности создания урановой бомбы все еще оставался для советских ученых открытым. 11 февраля 1943 г. ГКО вторично потребовал дать определенный ответ: «Обязать руководителя спецлаборатории атомного ядра проф. Курчатова И.В. провести к 1 июля 1943 г. необходимые исследования и представить Государственному комитету обороны к 5 июля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива» [1, с. 306].

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

Однако такой ответ был дан только 20 мая 1944 г. Из докладной записки И.В. Курчатова И.В. Сталину 20 мая 1944 г.: «Изучение секретных материалов работ иностранных ученых, теоретические расчеты и опыты, проведенные в лаборатории № 2 Академии наук СССР, показали, что распространенное у нас мнение о невозможности технического решения проблемы урана является неверным.

В настоящий момент твердо определились пути использования внутриатомной энергии как для осуществления атомной бомбы, так и для осуществления атомных котлов» [2, с. 74].

Что же было реально сделано в направлении создания атомного оружия до окончания Великой Отечественной войны?

В докладной записке И.В. Курчатова В.М. Молотову о пуске циклотрона Лаборатории № 2, от 8 сентября 1944 г. констатировалось: «Я рад сообщить Вам, что наша Лаборатория закончила строительство циклотрона и пустила его в ход в конце августа этого года. Создание этой установки является небольшим достижением в свете тех задач, которые Вы нам поручили, но коллектив Лаборатории воодушевлен первыми достигнутыми успехами» (по воспоминаниям Л.М. Неменова, циклотрон «М-1» сразу стал использоваться для получения плутония) [2, с. 111–112].

В записке В.А. Махнева Л.П. Берии о сроках создания атомной бомбы от 28 апреля 1945 г. указывались следующие сроки: «Академик Курчатов высказывает следующие соображения о возможных сроках опытного применения урана-235:

I. *Получение урана-235* будет происходить на диффузионном заводе Лаборатории № 2... завод этот намечено спроектировать в 1945 году, построить – в 1946 г. и *пустить* – в 1947 г.

II. *Получение опытных образцов атомных бомб* ... возможно в 1947 г. ... В 1947 г. можно изготовить от 2 до 25 опытных бомб.

III. *Атомный котел «уран–тяжелая вода»*, при помощи которого будет ежедневно получаться 50 грамм плутония-239..., и 50 тысяч квт энергии, намечено спроектировать в 1945 году и *пустить* – в 1946–1947 гг. Для пуска потребуется 102 тонны металлического урана (намечено получить в 1945 году 0,5 тонны и в 1946 г. – построить завод мощностью в 50 тонн).

Кроме того, потребуется 5 тонн тяжелой воды, которой в 1945–46 гг. на Чирчикской установке НКХП мы сможем получить не более 1,5 тонн... *Пустить этот котел можно не ранее 1948 года.*

IV. *«Атомный котел «уран–графит»* намечено спроектировать и построить в 1946 г. Этот котел должен ежедневно выделять из обычного урана 100 г плутония-239 и 100 тысяч киловатт энергии.

V. Для пуска котла потребуется 600 тонн высококачественных графитированных электродов... и 50–100 тонн металлического урана (сейчас из-

Раздел 6. Наука и высшее образование в годы Великой Отечественной войны

готовляются лишь опытные партии на заводах Наркомцветмета), что *возможно получить не ранее 1947 года*» [2, с. 277].

Намеченные сроки реализации отдельных объектов оказались нереальными, большинство указанных Курчатовым объектов было пущено позже, а первый образец атомной бомбы был получен и прошел успешные испытания не в 1947, а в 1949 г. Первые образцы металлического урана были получены уже после победы над Германией. Из письма наркома цветной металлургии П.Ф. Ломако Л.П. Берии о получении первых образцов металлического урана, от 11 июня 1945 г.: «Во исполнение постановления ГКО... от 8 декабря 1944 г. Государственным научно-исследовательским институтом редких металлов Наркомцветмета проведены научно-исследовательские работы по получению металлического урана и в мае–июне с.г. получены первые образцы металла высокой чистоты» [2, с. 319].

Напомним, что в США, в рамках Манхэттенского проекта в годы Второй мировой войны разрабатывались первые образцы ядерного оружия. Атомная бомба была впервые испытана в Нью-Мексико в июле 1945 г., о чем в СССР был получен подробный доклад. Необходимость срочно ускорить советскую атомную программу для ликвидации ядерной монополии США, привела к созданию чрезвычайных органов 20 августа 1945 г. – Спецкомитета при ГКО-СНК-Совете министров (во главе с Л.П. Берией) и 30 августа – Первого главного управления (во главе с Б.Л. Ванниковым). Советский атомный проект вошел в качественно новую фазу. Однако научный задел был уже выполнен советскими учеными и конструкторами в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 1. Ч. 1. 1938–1945. М.: Наука, Физматлит, 1998. 431 с.
2. Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2. Ч. 2. 1938–1945. М.: Наука, 2002. 797 с.

Быстрова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Россия, г. Москва, irin-bystrova1@mail.ru

Bystrova Irina V., Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, irin-bystrova1@mail.ru

УДК [94(47)+001.89(091)].084.8

А.В. Захарченко

**ПОМОЩЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ
ВОЕННО-ВОЗДУШНЫМ СИЛАМ КРАСНОЙ АРМИИ
И АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. Одной из проблем в изучении деятельности научно-исследовательских институтов в годы Великой Отечественной войны выступает их кооперация с промышленностью и вооруженными силами. Историки предпочитают рассматривать производственные и научно-технические аспекты данной темы отдельно. В статье раскрываются механизмы функционирования системы научных учреждений НИИ Наркомата авиационной промышленности по разработке и внедрению в серийное производство усовершенствованных образцов боевых самолетов. Показано влияние экспертного сообщества специалистов НИИ на принятия органами власти решений по руководству наукой и промышленностью на примере постановлений Государственного Комитета Обороны. На основе анализа архивных материалов раскрыто взаимодействие коллективов ученых и инженерно-технических специалистов с военно-воздушными силами Красной армии на фронте и в тылу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, научно-исследовательские институты, авиационная промышленность, аэродинамика, Центральный аэрогидродинамический институт.

A.V. Zakharchenko

**ASSISTANCE OF RESEARCH INSTITUTES TO THE RED ARMY
AIR FORCE AND THE AVIATION INDUSTRY
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract. One of the problems in studying the activities of research institutes during the Great Patriotic War is their cooperation with industry and the armed forces. Historians prefer to consider the production and scientific and technical aspects of this topic separately. The article reveals the mechanisms of functioning of the system of scientific institutions of the Research Institute of the People's Commissariat of the Aviation Industry for the development and mass production of improved models of combat aircraft. The influence of the expert community of Scientific Research Institute specialists on the decision-making by government authorities on the management of science and industry is shown on the example of resolutions of the State Defense Committee (GKO). Based on the analysis of archival materials, the interaction of teams of scientists and engineering specialists with the Red Army Air Force at the front and in the rear is revealed.

Keywords: The Great Patriotic War, scientific research institutes, aviation industry, aerodynamics, Central Aerohydrodynamic Institute.

Вклад в Победу специалистов отраслевых научно-исследовательских институтов (далее – НИИ) измеряется многими тысячами спасенных жизней бойцов Красной армии, получавших современное вооружение и боевую технику, которая усилиями ученых, конструкторов, инженеров постоянно совершенствовалась. На сегодняшний день в историографии пока не подготовлено комплексного исследования на эту тему, более того, сюжет по истории оборонной промышленности и отдельных ее отраслей развивается самостоятельно. В результате мы имеем два разных историографических сюжета. Один из них – индустриальный, представленный исследованиями по отраслям и отдельным предприятиям [9; 10; 12; 43]. Другой – научно-технический, содержание которого напрямую связано с историей научно-исследовательских институтов, обеспечивавших науки фундаментальными исследованиями, а промышленность прикладными разработками [2; 3; 7; 8; 42].

Надо сказать, что в последние годы проблема организации научных учреждений и их работа на оборонную сферу в годы Великой Отечественной войны нашла отражение в публикациях таких историков, как Н.Ф. Банникова, В.Н. Парамонов, М.И. Савицкий, О.Н. Солдатова, К.С. Тамбовцев, Г.А. Широков. В фокусе их внимания поставлены проблемы реорганизации структуры научных учреждений, изменение содержания исследований в направлении прикладных разработок, связанных с потребностями фронта, использование зарубежных технологий и их внедрение в промышленности [1; 11; 41; 44].

Новизна нашего исследования определяется поставленной целью – проанализировав содержание прикладных разработок отечественных НИИ показать их связь с авиационным производством и фронтовыми частями.

Корпус источников представлен несколькими документальными комплексами. В первую очередь, это документы отраслевых НИИ – Центрального аэрогидродинамического института (далее – ЦАГИ), Всесоюзного института авиационных материалов (далее – ВИАМ), Института летных исследований (с 1943 г. – Лётно-исследовательский институт, далее – ЛИИ). Основная масса таких материалов – аналитические отчеты по результатам испытаний самолетов, отдельных узлов и авиационных материалов в лабораториях институтов, а также общие отчеты по научной работе. Указанные документы находятся на хранении в Российском государственном архиве в г. Самаре. Процесс внедрения технических решений, разработанных НИИ для авиационной промышленности представлен в документах саратовского авиазавода № 292 (архив автора) и казанского завода № 387 (Государственный архив Республики Татарстан, далее – ГА РТ). Общий вектор научно-технической политики государства в области производства боевой авиатехники в годы Великой Отечественной войны представлен постановлениями Государственного Комитета Оборона (далее – ГКО), документы которого, хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Направления работы таких научно-исследовательских институтов авиационной промышленности, как ЦАГИ, ЛИИ, ВИАМ были связаны с испытаниями самолетов, взаимодействием с фронтовыми частями ВВС и с авиазаводами, проведением теоретических исследований.

В июле 1941 г. ЦАГИ и ЛИИ были частично эвакуированы в Казань и Новосибирск, где организовали свои филиалы.

Часть испытаний институты проводили, опираясь на запросы заказчика – Военно-воздушных сил Красной армии (далее – ВВС КА). Из воинских частей в Наркомат авиационной промышленности (далее – НКАП) с самого начала войны направлялись жалобы на те или иные технические неисправности с требованиями их устранения [16, л. 45–121]. Материалы расследований аварий тщательно изучались специалистами институтов, проводились испытания серийных моделей в аэродинамических трубах, готовилась дополнительная справочная информация для конструкторских бюро (как разработчиков новой техники) и для авиазаводов (как ее серийных производителей).

Летом – осенью 1941 г. коллективом лаборатории № 5 ЦАГИ в составе Я.И. Балакирева, Е.А. Покровского, А.П. Матвева под руководством профессора А.Н. Журавченко, и Института летных исследований, где испытания курировали заместители начальника института А.В. Чесалов и М.А. Тайц, проводились испытания истребителя ЛаГГ-3. Специалисты определяли характер срыва в штопор самолета¹ с различных режимов полета. Самолет тестировали летчики-испытатели П.Е. Логинов и В.Л. Расторгуев. Результаты испытаний были не утешительны: «Истребитель ЛаГГ-3, – указывал итоговом отчете А.Н. Журавченко, – крайне склонен к срыву в штопор даже на небольших высотах, что делает пилотирование на нем в боевых условиях крайне затруднительным» [20, л. 42.]. В связи с выявленными недостатками конструкторскому бюро (далее – ОКБ) С.А. Лавочкина рекомендовали усовершенствовать систему управления рулем высоты, уменьшив давление на ручку управления за счет установки контрбалансира.

Опыт воздушных боев ставил перед советскими КБ и НИИ проблему повышения боевых качеств самолетов за счет внесения изменений в конструкцию. После проведения государственных испытаний по истребителю Як-1, 26 июля 1942 г. выходит постановление ГКО о модернизации самолета. Пушечное вооружение (пушка ШВАК калибра 20 мм) оставалось прежним, но два пулемета ШКАС менялись на пулемет системы Березина калибра 12,7 мм. Усиливалась бронезащита летчика (устанавливалась верхняя стальная бронеплита и два бронестекла спереди и сзади сидения пилота) [38, л. 100].

Задача увеличения скорости и маневренности боевых самолетов, в первую очередь истребителей, стояла перед советскими конструкторскими бюро и отраслевыми НИИ Наркомата авиапрома на протяжении всей войны. Как свидетельствуют постановления ГКО, Сталин требовал от конструкторо-

¹ Штопор самолета – неуправляемое движение самолета по спиральной траектории малого радиуса.

ров и инженеров оперативного решения данной проблемы. Например, как только стало понятно, что новая версия немецкого истребителя Me-109F по ряду летных характеристик превосходит отечественные аналоги, 13 марта 1942 г. последовало постановление ГКО о повышении в кратчайший срок скорости серийных истребителей Як-1, Як-7, ЛаГГ-3 путем форсирования двигателей М-105П, М-107. Испытания самолетов с форсированными двигателями ОКБ В.Я. Климова проводилась профильными авиационными НИИ – Центральным институтом авиационного моторостроения (далее – ЦИАМ) и ЛИИ совместно с заводами № 115 и № 26 (основной производитель двигателей В.Я. Климова) [37, л. 64–65].

Исследования по аэродинамике истребителей конструкции С.К. Лавочкина были продолжены и в 1942 г. на серийном самолете Ла-5. В процессе дальнейшего взаимодействия с ОКБ Лавочкина в ЦАГИ рекомендовали главному конструктору внедрить в серию проведенные на испытуемом самолете улучшения аэродинамики [29, л. 1а, 19–21.].

Аналогичные исследования с целью увеличения предельной скорости проводились ЦАГИ в 1942 г. и по истребителю Як-1 [23, л. 22, 23, 27]. Серийный экземпляр этого самолета был взят у саратовского завода № 292 (основного производителя) и 20–26 июля испытан в аэродинамической трубе Т-101. Обобщением результатов и выработкой рекомендаций занималась лаборатория № 1 ЦАГИ под руководством доктора технических наук, профессора И.В. Остославского [21, л. 1, 30; 22, л. 3, 31, 101].

По окончании всех работ в ЦАГИ, улучшенный образец был передан для контрольного испытания в ЛИИ НКАП, по результатам которого и устанавливалась достигнутая скорость. Успех специалистов ЦАГИ был подтвержден: как указывал 13 ноября 1942 г. в итоговом отчете по летным испытаниям инженер ЛИИ А.А. Лапин, «во всех случаях результаты, полученные из испытаний в аэродинамической трубе, совпали с результатами испытаний в ЛИИ». Все рекомендованные заводу № 21 мероприятия, как отмечали специалисты ЦАГИ, были реализуемы в серийном производстве, а самолет мог быть представлен заводу в качестве аэродинамического эталона [22, л. 9, 35].

В течение 1942 г. проходили испытания усовершенствованного самолета биплана – У-2, который адаптировали под ночной бомбардировщик. Для этой цели заведующий Физического института АН доктор физико-математических наук С.Л. Мандельштам предложил установить на самолет оптическое посадочное устройство [35, л. 7, 8]. В отзыве о полетах летчики отмечали, что от пилота не требуется никакой специальной тренировки в выполнении посадок ночью [35, л. 9, 10]. В итоге, в заключении специалистов лаборатории № 5 Института летных исследований НКАП, Физического института Академии наук рекомендовалось предъявить посадочное устройство на государственные испытания [35, л. 2].

НИИ играли свою роль и при внедрении производственных стандартов в авиастроении. Так, 13–14 ноября 1942 г. в Наркомате авиапромышленно-

сти состоялось совещание по вопросу стандартизации и внесения изменений в конструкцию авиационных винтов. В совещании принимали участие представители главных управлений Наркомата авиационной промышленности, ЦАГИ и Технического совета НКАП. На совещании был утвержден в качестве стандарта перечень винтов, разработанных в ЦАГИ к серийным истребителям Як-1, Як-7, ЛаГГ-3, Ла-5, штурмовикам Ил-2, бомбардировщикам Ил-4, Пе-2, ТБ-3, военно-транспортным самолетам ЛИ-2 [17, л. 1, 3].

Война поставила вопрос о необходимости одновременно с высокими скоростными показателями обеспечить истребители хорошими маневренными и взлетно-посадочными свойствами. С этой целью в ЦАГИ, наряду с экспериментальными работами, проводились теоретические исследования, которые касались таких вопросов аэродинамики истребителя, как рациональные удельные нагрузки на крыло и безопасность полета истребителя [23, л. 5].

Большое значение для выработки решений по развитию авиапромышленности имели исследования ЦАГИ по определению трендов дальнейшего совершенствования боевой авиации. Работу института в этом направлении курировал начальник лаборатории № 1, а в 1943–1945 гг. – заместитель начальника ЦАГИ по аэродинамике И.В. Остославский – выдающийся специалист в прикладной аэродинамике самолета. В годы войны И.В. Остославский был признанным специалистом в области аэродинамики воздушных винтов – по этой теме в 1943 г. он защитил докторскую диссертацию [3, с. 55]. Усилия коллектива лаборатории № 1 были направлены на теоретические и экспериментальные исследования по проблемам аэродинамики фюзеляжей, самолетов и двигательных установок. Для проведения исследования лаборатория располагала уникальным оборудованием – аэродинамическими трубами: Т-101 и Т-104 [18, л. 3]. В конце 1942 г. лаборатория под руководством Остославского подготовила отчет, в котором были сформулированы идеи на ближайшую перспективу (несколько лет) по аэродинамике истребителей. Отчет являлся итогом изучения в течение 1942 г. большого массива материала, полученного по результатам теоретических и практических исследований в авиационной сфере. Сам И.В. Остославский являлся руководителем коллектива, занимавшегося изучением аэродинамических свойств истребителей ОКБ Лавочкина. Помимо И.В. Остославского в группу входили А.И. Сильман, Е.И. Колосов, В.Н. Матвеев, Д.В. Халезов и др. [23, л. 2, 3, 6]

Опираясь на предыдущий опыт экспериментальных и теоретических исследований, проведенных в институте, Остославский подчёркивал, что невозможно добиться серьезных успехов по скорости истребителя при увеличении мощности мотора, если не уделять при этом должного внимания габаритам самолета и двигателя, особенно их весу [23, л. 12, 16]. Основным смыслом облегчения веса истребителей Остославский видел в улучшение их маневренности и взлетно-посадочных свойств. Именно в этом направлении и были сориентированы заводы-производители. Характерный пример – са-

ратовский авиационный завод № 292, являвшийся в годы войны основным производителем истребителей Як-1. В течение 1942 г. на заводе провели 6 технических изменений по увеличению скорости самолета: с него снимались детали, не влиявшие на технические данные, устанавливалось облегченное оперение. В конечном итоге вес серийного Як-1 саратовского производства снизился на 51 кг. С сентября 1942 г. завод стал выпускать первые партии модернизированных Як-1 [5, л. 18–20; 6, с. 69; 43, с. 165].

Рекомендации ЦАГИ о снижении полетного веса истребителей с целью повышения скорости и маневренности, были приняты в НКАП и доложены руководству страны. Результатом этого стало постановление ГКО 15 ноября 1942 г. № 2514 «Об улучшении летных и эксплуатационных данных самолета Ла-5». Конструктору С.А. Лавочкину и директору горьковского авиазавода № 21 С.И. Агаджанову было предписано к 17 ноября 1942 г. представить на испытание в НИИ ВВС облегченный самолет Ла-5 весом в 3 200 кг вместо веса опытного образца в 3 380 кг [39, л. 182]. Сам Лавочкин, как видно из документа, уже работал над этим и внес предложение снизить вес до 3 100 кг.

Во исполнение упомянутого постановления ГКО от 15 ноября, в ЦАГИ было проведено очередное испытание Ла-5 в аэродинамических трубах, что позволило выявить значительные резервы скорости. Все результаты работы специалистов были рассмотрены и дополнены специальной комиссией, назначенной наркомом А.И. Шахуриным. В комиссию входили специалисты – доктора и кандидаты наук из ЦАГИ, ЦИАМ, Института летных исследований. Комиссия пришла к выводу: снижение скорости истребителя во фронтовых условиях происходит в том числе и по причине нарушения правил эксплуатации. Комиссия рекомендовала руководству ВВС Красной армии силами командированных летчиков и ведущих конструкторов «провести широкую разъяснительную работу по эксплуатации самолета Ла-5, обеспечивавшую использование всех его ресурсов» [28, л. 3, 12–14].

Еще одно из направлений работы ЦАГИ – исследования по улучшению управляемости самолетов в кризисных ситуациях – при уходе в штопор. В 1942 г. такие работы проводились по безопасности штопора самолета Як-7 в лаборатории № 5 ЦАГИ старшим инженером Е.А. Покровским. Заключение по отчету с рекомендациями было направлено заводу-изготовителю. Анализ проводился на основе результатов сравнения Як-7 с ЛаГГ-3 и проведенного расчета в штопор методами, разработанными профессорами А.И. Журавченко и В.С. Пышновым. Е.А. Покровский отмечал, что Як-7 должен быть безопасным в штопоре и в этом компоненте превосходит ЛаГГ-3 [27, л. 1, 2, 4, 9].

Вопросы безопасности полетов были в повестке работы ЦАГИ на протяжении всей войны. Во многом это было связано с ускоренным внедрением новых образцов боевых самолетов еще в 1940–1941 гг., в которых конструктивные недостатки изначально не были устранены. Как следствие – аварии и катастрофы как при боевых, так и при учебных и испытательных полетах, в которых гибли в том числе и опытные летчики [19, л. 78–115].

В связи с тем, что основной фронтовой бомбардировщик Пе-2 накануне войны был принят на вооружение в ускоренном порядке, как и другие самолеты, с фронта приходила информация о разрушении отдельных деталей и узлов в процессе эксплуатации машин. В этой связи силами лаборатории № 3, которая занималась в ЦАГИ вопросами прочности авиационных конструкций [18, л. 8], проводились статические испытания и расчеты с целью установить фактическую прочность самолета Пе-2 по сравнению с требованиями 1941 г.

Согласно отчету, который по результатам испытаний подготовили сотрудники лаборатории № 3 А.И. Макаревский и М.А. Француз, было выявлено слабое место среди агрегатов бомбардировщика – шасси, которое при боковых нагрузках не удовлетворяло требованиям прочности [26, л. 1, 21].

В ноябре 1942 г. специалисты лаборатории № 3 ЦАГИ продолжили работать над проблемными вопросами технических характеристик Пе-2. Н.В. Лебедевым – начальником научной группы лаборатории № 3 ЦАГИ – был проведен анализ аварий этого самолета. При изучении материалов аварий Н.В. Лебедев обратил внимание на то, что в большинстве заключений комиссий и отдельных экспертов вся вина перекладывалась на летчиков, не справившихся с управлением самолетом [24, л. 2]. Однако, не отрицая долю вины пилотов, Лебедев настаивал на корректировке таких выводов, так как они применимы только при рассмотрении каждого случая в отдельности. При комплексном анализе аварий, когда одни и те же «ошибки летчика» повторяются, по мнению Лебедева причиной могла быть и сама машина, а также отсутствие в инструкциях по управлению самолетом соответствующих указаний летчику [24, л. 22].

В течение 1942 г. для дальнейшего усовершенствования Пе-2 в ЦАГИ продолжали испытывать этот бомбардировщик на прочность и другие показатели. В проведении испытаний по определению критической скорости с воздействием на крыло Пе-2 участвовали сотрудники 2-го отдела ЦАГИ Я.Н. Пархомовский, Л.С. Попов и начальник отдела М.В. Келдыш. Для эксперимента построили динамическую модель крыла в трубе. Результаты испытаний показали, что критическая скорость в отношении крыла на Пе-2 доходит до 950 км/ч [25, л. 2].

В 1944 г. группа Н.В. Лебедева в лаборатории № 3 ЦАГИ проводила анализ аварий самолетов УТ-2. По данным ВВС КА всего в летных школах и тыловых частях в течение 1944 г. произошло 15 катастроф и аварий самолета УТ-2 в результате нарушения прочности самолета в воздухе во время полета [30, л. 1]. В эту статистику не входили аварии, в которых была доказана вина летчика (в том числе и по причине вождения самолета в нетрезвом виде, что порой заканчивалось трагедией – гибелью нарушителя [31, л. 1–7, 10–17]). Задача, поставленная специалистами лаборатории № 3, заключалась в установлении причин данных нарушений. Первоначально был установлен завод, самолеты которого терпели наибольшее число аварий и катастроф: из трех производителей (заводы № 47, 501, 116) таковым оказался завод № 116,

причем основная часть аварий и катастроф приходилась на машины выпуска 1944 г., имевшие налет более 136 часов, 2/3 самолетов ломались в полете после прохождения ремонта. В большинстве случаев (13 из 15) у самолета в воздухе ломались крылья. Поскольку скорость самолета при этом не превышала 200 км/ч., специалисты лаборатории № 3 исключили из вероятных причин перегрузку самолета в полете. После того, как в ЦАГИ получили заключение ВИАМ по изученным фрагментам сломанных элементов крыла (лонжероны) и сопоставили их с другими данными аварийных материалов, в группе Лебедева сделали однозначный вывод: основной причиной недостатка прочности самолета УТ-2 является плохое качество древесины, из которой изготовлялись лонжероны крыла. Окончательно этот тезис был подтвержден испытаниями, которые специалисты под руководством Лебедева провели в лаборатории № 3 с данным самолетом [30, л. 2–5].

9 апреля 1943 г. в Наркомате авиационной промышленности состоялось обсуждение проблемы снижения скорости бомбардировщика Пе-2. Помимо начальников главных управлений НКАП в совещании приняли участие представители профильных институтов – заместитель начальника ЛИИ А.В. Чесалов, начальник ЦАГИ С.Н. Шишкин, а также директор казанского завода № 22 В.А. Окулов. От заказчика (ВВС) присутствовали заместитель главного инженера ВВС Красной армии генерал-майор А.А. Лапин и заместитель Главного управления заказов ВВС генерал майор Я.Л. Бобиков [17, л. 14]. Выступления участников были связаны с одним вопросом – почему серийные бомбардировщики Пе-2 показывают скорость, далекую от заложенной в них ОКБ. И если установка дополнительного вооружения и оборудования на бомбардировщике как причина снижения скорости возражений не вызывала, то факты отступления от технологии сборки в пользу сокращения времени на выпуск самолета вызвали нарекания. Начальник ЦАГИ С.Н. Шишкин выразил общее мнение своего института о том, что достичь максимальной скорости Пе-2 в 540 км/ч вне лабораторных условий невозможно, однако скорость в 515–520 км/ч можно рассматривалась как вполне реальную, при условии следования заводом-производителем рекомендациям специалистов ЦАГИ [17, л. 14]. Все замечания по повышению качества сборки Пе-2 на заводе № 22 были включены в качестве обязательных требований в проект приказа НКАП.

О результатах работы НИИ в сфере модернизации авиационной техники можно судить и по проектам приказов Наркомата авиапромышленности, которые готовились в апреле 1943 г. в ЦАГИ и представлялись руководству наркомата на утверждение. Один из таких проектов – «Об улучшении летных качеств самолетов Пе-2, выпускаемых в серийном производстве заводом № 22» [17, л. 5]. Содержание приказа и последующая дискуссия по скорости самолета, развернувшаяся на совещании в НКАП, еще раз возвращали к вопросу о спешке, в которой основной советский фронтовой бомбардировщик принимался на вооружение. Специалисты ЦАГИ констатировали снижение максимальной скорости Пе-2 по сравнению с опытными образцами. Помимо

установки более мощного вооружения, дополнительного оборудования, среди причин, ухудшивших аэродинамику самолета, были названы и технические действия на самих заводах – отказ от шпатлевки, введение мелкого раскроя листов, низкое качество подгонки узлов и т.д. [17, л. 1–3].

Другие апрельские проекты ЦАГИ, которые были положены в основу приказов НКАП, были посвящены истребителям Як-1, Ла-5 и штурмовику Ил-2 и имели своей целью добиться повышения максимальной скорости самолетов за счет более качественной сборки и технических улучшений, которые можно было реализовать на заводах вне лабораторных условий. Все проекты приказов являлись следствием испытаний в ЦАГИ и ЛИИ и разработанных на их основе рекомендаций производителям.

Для помощи по внедрению рекомендаций в процесс сборки самолетов Пе-2, Як-1, Ла-5, Ил-2, ЦАГИ командировал на заводы-производители группы специалистов с необходимой технической документацией. За качество рекомендаций ЦАГИ отвечал персонально начальник Института С.Н. Шишкин, чья подпись стояла под списком технических улучшений от Института, включенных в приложения к приказам [17, л. 6, 9–11, 13, 17–20, 23–26].

Итогом совместной работы конструкторских бюро, профильных НИИ и заводов-производителей следует считать принятие на вооружение модернизированных боевых самолетов. Так, в результате проведенных силами ЦАГИ и ОКБ Лавочкина аэродинамических и конструктивных улучшений истребителя Ла-5 с серийным мотором АШ-82 ФН, которые были подтверждены летными испытаниями в ЛИИ НКАП, этот модернизированный самолет был переименован в Ла-7 и принят в серийное производство постановлением ГКО 15 марта 1944 г. Самолет был вооружен двумя пушками ШВАК 20 мм, развивал скорость у земли 630 км/ч, а на высоте 6 000 м – 685 км/ч [40, л. 177]. На премирование конструкторов, инженеров, техников, научных работников, отличившихся при постройке улучшенного опытного самолета Ла-7 выделялось 700 тыс. руб., из которых ОКБ Лавочкина получило 500 тыс., ЦАГИ и ЛИИ НКАП – по 100 тыс. руб. [40, л. 178].

Самолетостроительный завод № 387 в Казани в 1943 г. получил техническую документацию и рекомендации НИИ и ОКБ для серийного выпуска модернизированного У-2. Была налажена сборка У-2ВС – ночного бомбардировщика и У-2НК – ночного артиллерийского корректировщика. В сборочных цехах на него стали устанавливать выхлопной коллектор с глушителем, что обеспечивало относительно бесшумный полет на высоте 200–300 м, радиостанцию, ночной прицел, посадочную фару [4, л. 1].

Помимо проведения испытаний, направленных на модернизацию боевых самолетов, и обеспечения авиационных заводов необходимой технической документацией и специалистами, научно-технические институты Наркомата авиационной промышленности оказывали непосредственную поддержку заводам в тылу и авиационным частям на фронте. Специалисты ЦАГИ, ЛИИ, ВИАМ регулярно направлялись в воинские части, помогая военным в обслуживании и ремонте авиационной техники, делясь опытом в

использовании новых технологий. Например, в 1942 г. бригады ВИАМ обслуживали 16 ремонтных точек на Южном, Западном и Калининском фронтах, обучали технический персонал методам сварки лафета зенитных орудий, отремонтировали и восстановили более 20 самолетов, десятки моторов и других агрегатов. В 1942 г. помощь от ВИАМ в технологии термической обработки деталей, контроля качества, внедрения заменителей получили 11 заводов Наркомата авиапромышленности [13, л. 65–66]. Усилиями коллектива института на самолетостроительных заводах в Новосибирске и Саратове было внедрено производство фибровых бензобаков вместо металлических, что позволило не только сэкономить металл, но и повысить живучесть самолета. С этой же целью ВИАМ провел испытания по специальной экранированной броне, выдерживавшей попадание 23-мм авиационной пушки, а в 1944 г. разработал новые хромоникелевые жароупорные сплавы, применявшиеся в производстве авиационных моторов [14, л. 1–25]. Моторостроительные заводы № 29 в Молотове, № 16 в Казани, № 24 в Куйбышеве и № 26 в Уфе внедрили эти сплавы в производство без изменения принятой технологии наплавки клапанов в моторах [15, л. 104–107].

На протяжении всей войны Институт летных исследований (с 1943 г. – Летно-исследовательский институт, ЛИИ) находился в кооперации с военными представителями ВВС КА [34, л. 14–18]. Всего за 1942 г. ЛИИ в той или иной форме принимал участие в испытаниях 10 опытных машин и 11 крупных серийных модификаций самолетов. Еще 50 машин испытывались с целью определения скоростных показателей. В течение 1943 г. по 9 модифицированным типам самолетов (истребители ЛаГГ-3, Ла-5, Як-1, Як-9, Як-7, бомбардировщики Пе-2, Ил-4, штурмовик Ил-2, транспортный Як-6) было проведено 25 испытаний, что позволило впоследствии улучшить аэродинамические характеристики последних серий машин. В частности, по Як-1 и Ла-5 была установлена возможность увеличить дальность этих самолетов на 10–15 % – рекомендации по данному вопросу были переданы в НИИ ВВС. Работа велась в кооперации с ЦАГИ [32, л. 8–51; 33, л. 2–18; 36, л. 27–30].

Как показал анализ архивных документов, в годы Великой Отечественной войны коллективы НИИ Наркомата авиационной промышленности вели напряженную работу по изысканию резервов для совершенствования боевой техники. Опираясь на созданную в предвоенный период материально-техническую базу, они готовили аналитические материалы о тенденциях развития боевой авиации; смогли провести десятки важных экспериментов на прочность самолета и его отдельных узлов; находили ресурсы для повышения скорости истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков, их управляемости; изучали вопросы, связанные с улучшением безопасности полетов. Однако, самым важным, на наш взгляд, являлась отработка оси взаимодействия по линии НИИ – промышленность – фронт. Именно она позволила быстро внедрять полученные результаты по совершенствованию боевой авиации в серийное производство и обеспечивать фронт.

Источники и литература

1. Банникова Н.Ф. Вклад НИИ в техническое оснащение Советских вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны / Н.Ф. Банникова // Великая Победа в памяти народа: материалы Всероссийской научной конференции 4–5 мая 2010 г. Т. 1. Самара: СФ МГПУ, 2010. С. 122–125.
2. Бюшгенс Г.С. Развитие аэродинамики и динамики летательных аппаратов в ЦАГИ / Г.С. Бюшгенс, Р.И. Штейнберг. М.: Изд. отд. ЦАГИ, 1968. 51 с.
3. Бюшгенс Г.С. ЦАГИ – центр авиационной науки / Г.С. Бюшгенс, Е.Л. Бедржицкий. М.: Наука, 1993. 272 с.
4. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-7483. Оп. 1. Д. 50.
5. ЗАО «Саратовский авиационный завод». Индекс 7055. Д. 13. Л. 18–20 (Архив автора).
6. Левин И.С. Грозные годы / И.С. Левин. Саратов: Приволж. книж. изд-во, 1984. 134 с.
7. Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Б.В. Левшин. М.: Наука, 1966. 188 с.
8. Майкапар Г.И. Большие аэродинамические трубы ЦАГИ в годы Великой Отечественной войны / Г.И. Майкапар // Ученые записки ЦАГИ. 1998. Т. XXIX, № 3-4. С. 3–6.
9. Мухин М.Ю. Поколение 0. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы СССР в области реактивной авиации в годы Великой Отечественной войны / М.Ю. Мухин. М.: Институт российской истории РАН, 2019. 235 с.
10. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны / М.Ю. Мухин. М.: Вече, 2011. 352 с.
11. Парамонов В.Н. Вклад НИИ в укрепление и развитие военно-экономического потенциала СССР в 1941–1945 гг. / В.Н. Парамонов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Исторические науки. 2015. № 3(98). С. 219–225.
12. Подрепный Е.И. Особенности формирования авиастроительного комплекса Горьковской области в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.) / Е.И. Подрепный, И.А. Калмыков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5-6. С. 90–99.
13. Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре). Ф. Р-124. Оп. 1-6. Д. 124.
14. РГА в г. Самаре. Ф. Р-124. Оп. 1-6. Д. 174.
15. РГА в г. Самаре. Ф. Р-124. Оп. 1-6. Д. 207.
16. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 1-6. Д. 26.
17. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 1-6. Д. 32.
18. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 1-6. Д. 133.
19. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 26.
20. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 127.
21. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 136.
22. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 137.
23. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 146.
24. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 153.
25. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 156.

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

26. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 165.
27. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 176.
28. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 196.
29. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 199.
30. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 275.
31. РГА в г. Самаре. Ф. Р-217. Оп. 3-1. Д. 276.
32. РГА в г. Самаре. Ф. Р-220. Оп. 1-6. Д. 5.
33. РГА в г. Самаре. Ф. Р-220. Оп. 1-6. Д. 10.
34. РГА в г. Самаре. Ф. Р-220. Оп. 4-1. Д. 7.
35. РГА в г. Самаре. Ф. Р-220. Оп. 4-1. Д. 14.
36. РГА в г. Самаре. Ф. Р-465. Оп. 3-6. Д. 12.
37. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2 Д. 42.
38. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 83.
39. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 110.
40. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 295.
41. *Савицкий И.М.* Организация взаимодействия науки и оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / И.М. Савицкий // Историко-экономические исследования. 2017. Т. 18. № 1. С. 73–99.
42. Самолетостроение в СССР. 1917–1945: в 2-х кн. Кн. 2. (1939–1945). М.: Изд. отдел ЦАГИ, 1994. 472 с.
43. *Серазетдинов Б.У.* К вопросу о развитии авиационной промышленности Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны / Б.У. Серазетдинов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23(161). История. Вып. 33. С. 125–134.
44. *Солдатова О.Н.* Изучение и использование советскими специалистами зарубежного опыта в период становления и развития отечественной авиации (по документам РГАНТД) / О.Н. Солдатова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 6. С. 165–170.

Захарченко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва, zaharchenkoav@gmail.com

Zakharchenko Akeksi V., Doctor of Sciences (History), Docent, Professor at the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow, zaharchenkoav@gmail.com

УДК 061.62(47)(091)"1942"

О.Н. Солдатова

**О РАБОТЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ КОМИССИИ АН СССР
ПО МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
И ПРИКАМЬЯ НА НУЖДЫ ОБОРОНЫ. 1942 г.**

Аннотация. Целью работы энергетической секции, возглавляемой академиком Г.М. Кржижановским, являлось изучение и исследование возможностей и путей мобилизации энергетических ресурсов и резервов отдельных районов Среднего Поволжья для укрепления энергетической базы этих районов и тем самым – энергоснабжения размещенных в них предприятий оборонной промышленности. В 1942 г. для комплексного подхода и решения были выбраны Казанский промышленный узел и территории Татарской, Марийской и Чувашской АССР. Одновременно были проведены работы по систематизации местных энергоресурсов Татарии для решения вопроса о возможной их роли в топливном балансе республики в целом и Казанского узла в частности. Параллельно с вопросом мобилизации энергетических резервов крупной централизованной энергетики были рассмотрены вопросы, связанные с задачей укрепления местной энергетики и энерговооруженности сельского хозяйства данных республик, преимущественно на базе усиления использования местных гидроресурсов. Работа секции была высоко оценена правительственными органами Татарии, партийными и общественными организациями, а результаты рекомендованы к использованию в других промышленных центрах и энергетических системах.

Ключевые слова: энергетические ресурсы, Казанский промышленный узел, Марийская АССР, Татарская АССР, Чувашская АССР, сельское хозяйство.

О.Н. Soldatova

**ON THE WORK OF THE ENERGY SECTION OF THE COMMISSION
OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES FOR THE MOBILIZATION
OF RESOURCES OF THE MIDDLE VOLGA AND KAMA REGIONS
FOR DEFENSE NEEDS. 1942**

Abstract. The objective of the energy section headed by Academician G.M. Krzhizhanovsky was to study and research the possibilities and ways of mobilizing energy resources and reserves of individual regions of the Middle Volga to strengthen the energy base of these regions and thereby the energy supply of the defense industry enterprises located there. In 1942, the Kazan industrial hub and the territories of the Tatar, Mari and Chuvash ASSRs were selected for an integrated approach and solution. At the same time, work was carried out to systematize local energy resources of Tatarstan to resolve the issue of their possible role in the fuel balance of the Republic as a whole and the Kazan hub in particular. In parallel with the issue of mobilizing energy reserves of a large centralized energy system, issues related to the task of strengthening local energy and energy availability in agriculture in these republics were considered, primarily on the basis of

increased use of local hydro resources. The work of the section was highly appreciated by the government bodies of Tatarstan, party and public organizations, and the results were recommended for use in other industrial centers and energy systems.

Keywords: energy resources, Kazan industrial hub, Mari ASSR, Tatar ASSR, Chuvash ASSR, agriculture.

В период Великой Отечественной войны Академия наук СССР всемерно содействовала разгрому врага. В трудных условиях военного времени были развернуты исследовательские работы, связанные с изысканием новых сырьевых ресурсов отдельных регионов СССР на нужды обороны страны. Уже 10 июля 1941 г. был создан Научно-технический комитет при Государственном комитете обороны СССР, наделенный большими полномочиями. В состав комитета вошли многие крупные ученые. Для наиболее эффективного использования усилий ученых создавались специальные комиссии АН СССР. Одной из таких комиссий была Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны, созданная в июне 1942 г. в Казани. В ее работе принимали участие свыше 300 сотрудников академических и местных научных учреждений. Комиссия состояла из восьми секций: нефтяной, энергетической, минерально-сырьевой, химической, водохозяйственной, сельскохозяйственной, зооветеринарной и экономической.

Деятельность Комиссии отражена в отечественной историографии с различной степенью освещенности [2; 5; 7; 8]. Больше внимание исследователями уделено деятельности нефтяной секции [1; 3; 4].

Целью данной статьи является анализ работы энергетической секции Комиссии на ее начальном этапе. Председателем секции был назначен академик Г.М. Кржижановский, его заместителем – профессор Б.А. Телешев. В работе секции принимали участие такие видные ученые, как академики М.В. Кирпичев и К.И. Шенфер, член-корреспондент К.А. Круг, профессора М.А. Стырикович, М.Б. Равич, Л.К. Рамзин, М.Г. Чиликин, Л.С. Эйгенсон, доктор экономических наук Л.А. Мелентьев и другие научные сотрудники Энергетического института АН СССР (далее – ЭНИИ). Всего около 40 чел.

Изучение научного отчета секции, находящегося на постоянном хранении в Российском государственном архиве в г. Самаре в фонде ЭНИИ им. Г.М. Кржижановского [6], показало, что ее деятельность, сразу же после образования, была посвящена изучению энергетических ресурсов и резервов Казанского промышленного узла, Татарии, Чувашии и Марийской АССР с целью укрепления энергетической базы и улучшения энергоснабжения находящихся здесь оборонных предприятий.

В основу всего исследования секции было положено изучение топливно-энергетического баланса Казанского промышленного узла с целью разработки мероприятий, необходимых для усиления энергетической базы этого узла к зиме 1942–1943 гг. и перспективного развития Казанской энергетической системы в дальнейшем. Для выявления возможности использова-

ния местных энергетических ресурсов во втором полугодии 1942 г. была проведена работа по систематизации имеющихся по ним материалов в Татарской, Марийской и Чувашской республиках.

Самостоятельным разделом работы секции стало изучение вопросов, связанных с укреплением энерговооруженности сельского хозяйства в этих же республиках, преимущественно путем повышения использования местных гидроресурсов.

При изучении энергетики Казанского промышленного узла контурами, определяющими границы этого узла, стала Казанская энергетическая система, являвшаяся основным костяком энергоснабжения Казанского узла, получившего в обороне страны большое значение и развитие. Топливо-энергетический баланс Казанского промышленного узла был типичным для ряда промышленных центров Советского Союза. В то же время задачи по рациональному построению топливо-энергетического баланса такого узла были достаточно сложны и многие из них еще не были методически разработаны. Поэтому проведение научного исследования Казанского промышленного узла как с точки зрения разрешения актуальных вопросов непосредственно для него самого, так и с точки зрения возможного обобщения полученных выводов и решений для использования их в других районах страны, было очень важным.

К началу войны топливо-энергетический баланс Казанского промышленного узла характеризовался значительным преобладанием промышленного электро- и теплопотребления, удельное значение которого достигало 90 %; преобладанием в топливном балансе дальнепривозного, главным образом твердого, топлива; значительным развитием теплофикации. Коэффициент централизации теплоснабжения достигал 50 %. Все электрические станции Казанской энергосистемы были теплофикационными.

Укрепление топливо-энергетического баланса узла, с учетом указанного, выдвигало перед энергетической секцией задачи высвобождения дальнепривозного жидкого топлива и максимального внедрения местного; мобилизации имеющихся энергетических резервов (электроэнергии и топлива) и повышения имеющейся мощности энергоустановок; рационализации эксплуатации и повышения надежности энергоснабжения; определения правильных путей развития энергосистемы в связи с общим ростом энергопотребления.

В военное время особое значение приобретала экономия электроэнергии, тепла и топлива. Помимо общего снижения за счет экономии расхода топлива по узлу, экономия электроэнергии давала снижение электрических нагрузок и тем самым приводила к разгрузке имеющейся мощности электрических станций.

Поэтому еще в феврале 1942 г. по инициативе и при активном содействии горкома ВКП(б) на промышленных предприятиях, в первую очередь крупных заводах, в Казани широко развернулась работа по выявлению наличных резервов экономии и установлению путей и мероприятий для сни-

жения расходов электроэнергии, тепла и топлива. Возглавляемая активом энергетиков при горкоме ВКП(б) во главе с научными работниками Энергетического института АН СССР, она стала носить систематический характер. В течение года на бюро горкома периодически заслушивались итоги работы, которая закончилась в IV квартале 1942 г. социалистическим соревнованием за экономию электрической и тепловой энергии и топлива между предприятиями Казанского промышленного узла. В результате за три квартала года была достигнута общая экономия электроэнергии в 10,6 млн кВт. ч и экономия топлива, включая экономию по выработке электроэнергии, около 10–11 тыс. тонн условного топлива [6, с. 146]. Полученная экономия была достигнута в результате проведения ряда конкретных мероприятий по рационализации энергохозяйства и по улучшению и видоизменению технологии в направлении перехода на менее энергоемкие процессы и операции. Проведенный этап работы, закрепивший определенные достижения, послужил основой для дальнейшего, еще более широкого продолжения работы в этом направлении в 1943 г.

В целях мобилизации резервов мощности на действующих энергоустановках было обращено внимание на возможность фактического повышения располагаемой мощности отдельных агрегатов и на улучшение режимов их работы, а тем самым – на повышение эффективности их использования. Перед энергетической секцией стояли задачи выработки предложений по экономии тепла за счет снижения расхода пара в технологических аппаратах и максимального возврата конденсата на ТЭЦ, а также борьбы с утечками горячей воды на предприятиях, пользующихся централизованным теплоснабжением для отопления и вентиляции. В I квартале 1942 г. величина утечки достигала 10 %. В результате специально проведенной под руководством Энергетического института АН работы удалось добиться значительного повышения культуры эксплуатации тепловых сетей и снижения утечек горячей воды в среднем до 3,8 %. Такое снижение потерь горячей воды обеспечивало соответствующее снижение расхода тепла на ТЭЦ. Общая экономия топлива за счет снижения в расходе тепла, включая и указанное выше улучшение эксплуатации тепловых отопительных сетей, составила за 1942 г. 1 750 тонн условного топлива [6, с. 19–20].

Проведенным исследованием режима работы турбогенераторов с отбором пара и конденсацией на одной из ТЭЦ была установлена возможность повышения, при определенных режимах, располагаемой мощности таких турбогенераторов как в тепловой, так и в электрической части на 15 % и более, причем по тепловой части это достигалось работой по определенному режиму регулирования тепловой нагрузки, а в электрической части – за счет использования теплового запаса машины как при нормальной, так и особенно при пониженной температуре охлаждающего воздуха.

Возможность получения дополнительной мощности была установлена также в связи с неполным использованием мощности ТЭЦ Марийского бумажного комбината, работавшей только на покрытие нагрузки своего по-

ребителя, в то время как по пропускной способности электрических связей ТЭЦ могла отдавать в систему до 30 % своей установленной мощности, покрывая 7–8 % общей выработки энергии в системе [6, с. 146].

В связи с вводом новой мощности на одной ТЭЦ путем установки турбины с противодавлением при недостаточном наличии подготовленного теплового потребителя для загрузки отбора пара из противодавления турбины была проведена работа по реконструкции тепловой схемы ТЭЦ и схемы теплоснабжения потребителей (перевод части отопительной нагрузки с пара на горячую воду). В результате была установлена возможность повысить загрузку этой турбины на 10–12 %. Изучением вопроса о возможной мобилизации энергетических резервов было выявлена возможность увеличения располагаемой мощности Казанской энергосистемы на 12–15 % без значительных капиталовложений [6, с. 147].

Проведенная энергетической секцией работа по рационализации эксплуатации теплофикационных систем не только послужила основой для экономии тепла и топлива в Казанской энергосистеме, но и имела более широкое общее значение для использования в других системах. Так, Наркоматом электростанций материалы и выводы из этой работы были положены в основу инструктивных указаний для находящихся в его ведении энергетических систем, а Госпланом СССР было предложено НКЭС на основе этой работы составить руководящие указания по режимам эксплуатации теплофикационных систем.

Не меньшее значение в деле укрепления энергетической базы Казанского узла имел вопрос максимального вытеснения дальнепривозных мазута и угля и внедрения местных видов топлива.

В части вытеснения жидкого топлива на основе специально проведенных обследований наиболее крупных его потребителей были выявлены конкретные мероприятия для решения этой актуальной задачи. Так, по заданию уполномоченного Госплана СССР и Татарского обкома ВКП(б) энергетической секцией Комиссии для крупнейшего потребителя мазута была разработана схема снижения расхода мазута более чем на 50 % путем замены его торфом, частично углем и частично дровами. Это предложение, поддержанное Госпланом СССР, легло в основу постановления СНК СССР и уже в 1942 г. в значительной части осуществлялось.

Анализ наличия местных энергетических ресурсов показал, что в Татарии отсутствуют запасы местных топлив в масштабах, которые могли бы обеспечить топливную базу для энергетических установок Казанского узла. Для оценки возможной роли местных энергетических ресурсов в топливном балансе Казанского промышленного узла, Татарской, Марийской и Чувашской АССР энергетической секцией Комиссии был изучен и систематизирован имеющийся материал по различным видам местных энергоресурсов: торфу, бурому углю, сланцам и лесу.

Исследования залежей торфа в Татарской АССР показали, что хотя они и были достаточно велики по своим потенциальным запасам, но крайняя

раздробленность залежей затрудняла возможность их промышленной разработки и создавала большие транспортные трудности. Так, из общего числа 1 088 торфяных болот только 50 болот имели запас торфа-сырца более 1 млн куб. м [6, с. 147]. Качество торфа этих болот было низким, и он характеризовался повышенной зольностью. Из всех болот Татарской АССР для нужд Казанского промышленного узла можно было использовать только два болота, непосредственно тяготеющих к Казани, – Кизическое и Борисоглебское. Первое – с запасом в 10 млн куб. м сырца, второе – с запасом около 2 млн куб. м сырца, уже разрабатываемые и подлежащие в дальнейшем более интенсивному использованию для нужд Казанского промышленного узла. Отмечалось еще торфяное болото Кулегаш в районе г. Мензелинска – самое крупное болото в Татарии с общим запасом около 37 млн куб. м сырца. Оно в перспективе могло стать базой для районной электроцентрали, которая могла бы принять на себя энергетическое обслуживание Мензелинского промышленного района.

Казанский промышленный узел, находившийся в северо-западной части Татарии, по своему расположению тяготел к запасам, в значительной своей части размещенным в юго-западных районах Марийской АССР. По запасам торфа Марийская АССР являлась весьма богатой и располагала общим запасом торфа в 1 401 млн куб. м сырца, в том числе в болотах с площадью более 100 га – 545,9 млн куб. м. Залежи торфа высокого качества были сконцентрированы в 20 крупных болотах с запасом свыше 10 млн куб. м в каждом [6, с. 94]. Наиболее подходящими к использованию для нужд Казанского узла торфяными залежами энергетической секцией были определены Арбанское болото близ Йошкар-Олы и группа торфяных болот около железнодорожной станции Шелангер, поэтому развертывание добычи торфа на этих болотах в 1943 г., хотя бы для частичного удовлетворения потребности Казанского узла, стало весьма актуальной задачей.

Кроме той роли, которую должны были играть торфяные ресурсы Марийской АССР для Казанского промышленного узла, эти ресурсы должны были служить и основной энергетической базой для промышленности Марийской республики. В частности, Шамьяро-Куплангский торфяной массив мог явиться базой для постройки районной электрической станции, которая питала бы одновременно Йошкар-Олинский узел и другие районы Марийской АССР, а также Чебоксарский узел и Казанский узел, являясь, таким образом, опорным энергетическим пунктом межреспубликанского значения. Постройка такой электроцентрали оправдывалась и развитием в перспективе электрического баланса Казанского промышленного узла, с учетом роста его потребности в электроэнергии и высокого уровня уже достигнутого охвата тепловых нагрузок потребителей этого узла.

Для этой же цели предполагалось мобилизовать группу торфяных болот Чувашии, расположенных на левом берегу Волги напротив Чебоксар (Заволжские болота), с доставкой торфа водным путем. По запасам торфа Чувашия была значительно беднее Марийской АССР. Площадь болот, пред-

ставлявших промышленный интерес, с запасом торфа-сырца в каждом не менее 1 млн куб. м исчислялась в 1905 г. с общим запасом торфа-сырца в 52,246 млн куб. м [6, с. 99]. Однако в Чувашской АССР имелись отдельные крупные торфяные болота с высоким качеством торфа, как, например, болото Дрянное с запасом около 35 млн куб. м сырца [6, с. 100]. Торфяные залежи Чувашской АССР должны были служить основной базой местных энергоресурсов для республики с максимальным развитием добычи торфа. Кроме того, болото Дрянное могло быть частично использовано для удовлетворения нужд в местном топливе Казанского промышленного узла.

В порядке дальнейшего усиления роли торфа в топливном балансе Казанского узла добычу торфа на этих болотах необходимо было всемерно расширить и создать транспортные условия для его вывозки к потребителям. В 1942 г. добыча торфа на этих торфяных болотах была увеличена, что позволило на некоторых (единичных) предприятиях перевести работу местных котельных с угля на торф. Однако масштабы такого перевода промышленных котельных на торф были совершенно недостаточными с точки зрения необходимости максимального внедрения местного топлива. Для практического разрешения вопроса освоения торфа как местного топлива взамен дальнепривозного угля необходимо было своевременно решить и технический вопрос о переводе работы мощных котлов ТЭЦ Казанской энергосистемы, работающих на пылевидном топливе, на торф. Проведенная предварительная работа показала техническую возможность решения этой задачи без особых технических трудностей.

Месторождения другого вида местного топлива – бурых углей – были известны только в Татарии. Из известных 10 месторождений к 1942 г. было обследовано и начато разработкой Голюшурминское и возобновлена добыча на Юски-Текерменском месторождении. Бурые угли были низкосортные, с высоким содержанием балласта.

Голюшурминское месторождение в основном входило в состав Удмуртской АССР и захватывало территорию Татарии лишь частично. Его уголь отличался высокой зольностью (до 51 %) при относительно меньшей влажности (23 %), доставка его в Казань была возможна только водным транспортом через пристань «Ижевский источник», находящуюся на расстоянии 5–6 км от детально разведанного участка. Добыча Голюшурминского угля в 1942 г. составляла всего лишь около 10 тыс. тонн в год.

Юски-Текерменское месторождение находилось в Мензелинском районе Татарии у д. Верхний Текермень в непосредственной близости к шоссе Набережные Челны – Мензелинск. Связь с Казанью была возможна только по водному пути через пристань Набережные Челны. Юски-Текерменский уголь отличался высокой влажностью (до 60–65 %) при относительно меньшей зольности (28 %). Эти угли могли служить топливом для котельных и отдельных видов печей. В дальнейшем добыча этих углей должна была получить соответствующее развитие и должны были быть проведены работы по

наиболее эффективному их использованию. В 1943 г. на месторождении намечалась закладка двух шахт общей производительностью 30 тыс. тонн в год.

Запасы сланцев, имеющих в Татарии и Чувашии, для развития Казанского промышленного узла особого интереса не представляли. Работы, проведенные энергетической секцией Комиссии, показали, что сланцы в Татарской АССР не разрабатывались. Относительно разведанными являлись только Бессоновский и Кадышевский участки с низким качеством сланца, а по остальным имелись лишь данные об их геологических запасах. В связи с этим необходимо было ускорить разведывательные работы с целью установления наилучших по качеству месторождений сланца, которые могли бы поступить в опытную эксплуатацию. В этом случае до начала разработки сланцевых месторождений Татарии должен был быть разрешен вопрос о возможности комплексного их использования в интересах хозяйства республики.

Сланцы Чувашии были низкого качества. К 1942 г. в разработке находилось только Буинское месторождение в районе разъезда Буинск на железной дороге Канаш – Рузаевка, имевшее общий промышленно разведанный запас, по данным Центральной комиссии запасов полезных ископаемых за 1939 г., в 21,9 млн тонн [6, с. 104]. Добываемый сланец не имел широкого промышленного использования, и единственным его потребителем являлась электрическая станция самого рудника. В связи с напряженным положением с топливом со всей остротой стояла задача, выдвинутая постановлением правительства еще до войны, об использовании Буинского сланца для Канашского вагоноремонтного завода. В результате специального исследования этого вопроса заводу были даны все необходимые указания о мероприятиях по освоению этого нового для него вида топлива и, в частности, предложено начать со сжигания сланца в куске в смеси с подмосковным углем для определения возможного процента примеси сланца.

Еще одним видом местного топлива для Казанского промышленного узла были дрова, которые в основном использовались для коммунального хозяйства и децентрализованных котельных промышленных предприятий. Общая потребность в дровах по Казанскому узлу оценивалась примерно в 2,5–3 млн куб. м. Основной трудностью снабжения дровяным топливом были транспортные условия и отсутствие механизации заготовок и основных погрузочно-разгрузочных работ. Эти трудности усугублялись недостаточно рациональным распределением лесосечного фонда для Казанского узла. Значительная часть древесины заготавливалась в бассейне Волги ниже Казани и в бассейнах рек Камы и Вятки. По транспортным условиям это приводило к необходимости дополнительных перегрузок леса с плотов на баржи, дополнительных операций по обсушке леса и к дополнительной загрузке водного транспорта.

Чтобы избежать указанных неоправданных затруднений, энергетической секцией Комиссии была предложена более рациональная схема сплава леса из Марийской АССР для Казанского узла. Основную часть древесины,

заготовленной в лесных массивах республики, предлагалось доставлять весенним сплавом по рекам Марийской АССР и далее по Волге с заведением в пойму р. Казанки, то есть непосредственно в Казань. Древесину же, заготавливаемую в лесах Татарии, направлять сплавом по Каме и вниз по Волге в нижележащие районы, куда сейчас направлялся проходящий мимо Казани лесосплав из Марийской республики. Такой порядок предлагалось ввести и твердо закрепить в самое ближайшее время.

Однако и при проведении этих мероприятий состояние дровяного баланса Казанского узла оставалось еще достаточно напряженным. Проведенные расчеты указывали на нецелесообразность как по ресурсам, так и по условиям заготовок и транспорта, ориентировать топливный баланс Казанского узла на значительно более широкое внедрение дровяного топлива. В частности, сравнительными расчетами была выявлена большая трудоемкость заготовки дров по сравнению с заготовкой торфа. Так, если при отсутствии механизации заготовка дров и торфа по трудоемкости была примерно равноценна и требовала 1,5–2 чел.-дней на 1 куб. м эквивалентной древесины (включая транспортные расходы), то при механизации заготовок и добычи аналогичные затраты составляли для дров 0,5–1,0 чел.-день на 1 куб. м, а для торфа – 0,10–0,25 чел.-дня на 1 куб. м [6, с. 7].

Отсюда вытекало, что и по условиям размещения энергоресурсов, и по соображению трудоемкости топливный баланс Казанского промышленного узла в части освоения местных видов топлива надо было ориентировать на широкое внедрение торфа, оставляя расход дровяного топлива примерно на существующем уровне.

При рассмотрении задачи максимального внедрения местного топлива и, в частности, роли дровяного топлива в Казанском промышленном узле энергетической секцией Комиссии было обращено внимание на использование местного топлива ТЭЦ Марийского бумажного комбината. Эта ТЭЦ являлась единственной из энергетических систем Казанского узла, которая работала на местном топливе, сжигая под котлами отходы деловой древесины и древесную щепу. В то же время использование установленной мощности ТЭЦ из-за дефицита дровяного топлива было совершенно неудовлетворительным. Так, в течение 1942 г. ТЭЦ работала только на покрытие потребности в тепловой и электрической энергии своего потребителя, загружаясь при этом лишь на 40 % установленной мощности, и совершенно не отдавала избыточную электроэнергию в общую систему, с которой была связана. При полном обеспечении ТЭЦ дровяным топливом, а в перспективе и использовании для этой цели торфа, становилось возможным повышение загрузки ТЭЦ, которая могла бы не только полностью покрывать потребность своего потребителя, но и систематически отдавать определенную избыточную мощность в Казанскую энергетическую систему. Проведение обследования режима работы ТЭЦ показало, что она могла бы принимать на себя около 6–7 % совмещенного максимума электрической нагрузки и порядка 8 % общего производства электрической энергии [6, с. 8]. Отдача мощности этой ТЭЦ в систему одновременно

улучшала бы распределение потоков мощности и приводила к улучшению режимов напряжения в системе и к снижению потерь в линиях электропередачи. Докладная записка по этому вопросу от энергетической секции Комиссии была направлена в Госплан СССР.

Практически во второй половине 1942 г. по линии вытеснения жидкого топлива были использованы все пути: замена мазута, сжигаемого под котлами, углем путем соответствующего переоборудования топок котлов; прямой перевод нагревательных печей с мазута на уголь; сжигание отбросных скрубберных газов¹ в технологических печах; сооружение газогенераторных установок на дровах, находившихся в стадии наладочной эксплуатации, для перевода отдельных печей на газовое топливо; опытное сжигание в нагревательной печи коллоидального топлива. В перспективе особое внимание должно было быть уделено вытеснению мазута, сжигаемого в печах, газовым топливом, получаемым из местных видов топлива, со сжиганием последнего по методу беспламенного горения.

Что касается вытеснения дальнепривозного угля, то в тех условиях это было возможно лишь в децентрализованных котельных отдельных промышленных предприятий, где уголь был заменен, преимущественно лишь частично, дровами и в меньшей степени – торфом. Освоение торфа крупными энергетическими установками ввиду отсутствия их реальных запасов в зиму 1942–1943 гг. ставило вопрос о срочном разрешении этой задачи с тем, чтобы частично разрешить ее уже в 1943 г.

С учетом всего прежнего опыта освоения местных топлив и того факта, что развертывание торфодобычи не могло достичь в 1943 г. таких масштабов, которые соответствовали бы потребности в торфе крупных энергетических установок узла, особое значение приобретало разрешение технической задачи комбинированного сжигания торфа и угля на этих установках. Такое комбинированное сжигание облегчило бы постепенное внедрение торфа в топливный баланс, а предварительные соображения по этому вопросу показывали возможность технического разрешения этой задачи.

Кроме того, энергетической секцией Комиссии для укрепления энергетической базы Казанского узла был проведен цикл работ по выявлению причин аварийности и ликвидации аварийных очагов в котельных отдельных теплоэлектроцентралях. Они были связаны с борьбой с ошлакованием при работе ТЭЦ на различных видах угля и пережогом наиболее нагруженных в тепловом отношении труб, с улучшением циркуляции воды в котлах и водного режима котлов. По этим вопросам секцией были разработаны конкретные мероприятия, реализация которых незамедлительно началась в 1942 г. или по условиям эксплуатации предполагалась в течение 1943 г. За счет принятых мер КПД котлов удалось поднять с 77–79 до 82,5–85 % [6, с. 33].

¹ Скруббер – устройство, используемое для очистки твердых или газообразных сред от примесей в различных химико-технологических процессах.

Большим самостоятельным разделом работы энергетической секции в повышении уровня эксплуатации Казанской энергосистемы стали исследования по улучшению режимов эксплуатации теплофикационных систем отдельных ТЭЦ, как водяных с преимущественно отопительно-вентиляционной нагрузкой, так и паровых с преимущественно технологической нагрузкой. В результате исследований был разработан и внедрен новый метод эксплуатации водяных теплофикационных систем, позволивший значительно повысить качество теплоснабжения потребителей с одновременным получением экономии электроэнергии и топлива. Этот вопрос в условиях высокого уровня развития теплофикации в Казанской энергосистеме имел особое значение. По теплофикационной системе с паровой нагрузкой был разработан ряд мероприятий по повышению возврата конденсата, что являлось особо важным для таких систем, и по поддержанию постоянства параметров пара у потребителей. Также был разработан вопрос о повышении использования мощности устанавливаемой на данной ТЭЦ турбины с противодавлением. Этот метод был принят Наркоматом электростанций и Госпланом СССР. На основе материалов, полученных в Казанской энергосистеме, был составлен инструктивный материал для других теплофикационных систем Союза.

При рассмотрении путей укрепления энергетического баланса Казанского промышленного узла был затронут и вопрос о перспективном увеличении мощности Казанской энергосистемы в связи с ожидаемым ростом потребления электроэнергии. На основе анализа имеющихся данных вместо ранее намечавшегося был выдвинут новый вариант размещения новой мощности, удовлетворявший в максимальной степени требованиям, которые ставились условиями оптимизации развития энергосистемы. Они сводились к обеспечению в системе замкнутых локальных электробалансов, что повышало надежность электроснабжения и снижало потери в линиях электропередачи, к близости новой мощности к местоположению местных топливных ресурсов, наличию на месте ввода новой мощности подготовленной тепловой нагрузки для выработки электроэнергии по комбинированному циклу и обеспеченности выбранной площадки благоприятными условиями водоснабжения. Новый вариант предусматривал ввод новой мощности в связи с ожидаемым ростом электрической нагрузки в этом районе.

Отдельно энергетической секцией Комиссии было проведено изучение местных гидроресурсов на предмет их использования для повышения энергооборуженности сельского хозяйства, которое помимо тракторов и комбайнов располагало многочисленными стационарными силовыми установками различного типа и назначения. Обстановка военного времени потребовала срочной и коренной перестройки всей энергетической базы сельского хозяйства, в первую очередь – в направлении сокращения потребления жидкого топлива. Наравне с мероприятиями по вытеснению жидкого топлива на подвижных силовых установках путем перехода на газогенераторы и по переводу стационарных нефтяных двигателей на газ широкое применение в

стационарной энергетике должны были получить гидросиловые установки, использующие местные гидроресурсы.

В Татарии, имеющей развитое сельское хозяйство, а также частично в Марийской и Чувашской АССР работа по использованию энергии малых рек для повышения энерговооруженности сельского хозяйства в 1942 г. была весьма актуальной. На многочисленных стационарных силовых установках в сельских местностях Татарии целиком базировалось продовольственное и фуражное мукомолье, значительная часть молотбы хлебов, почти вся обдирка круп, первичная обработка шерсти, почти всё машинное орошение и водоснабжение населенных пунктов и ферм, ремонтно-механические мастерские и другие вспомогательные производства. Гидросиловое хозяйство Татарской АССР было развито достаточно широко и в ряде случаев стояло выше среднего уровня для всего СССР. Число малых гидросиловых установок разнообразных типов и назначения достигало 1 300 с суммарной мощностью порядка 12 000 л.с. Плотность размещения гидросиловых установок в Татарской АССР была высокой – одна установка приходилась на 60 кв. км, что было в 10 раз выше среднего значения этого показателя по стране.

Несмотря на широкое распространение малых гидросиловых установок, возможности для строительства новых вододействующих установок на небольших речках и ручьях были далеко не исчерпаны. Это диктовало необходимость более широкого оснащения сельского хозяйства механизированной базой, прежде всего – путем более полного использования для различных нужд уже действующих водосиловых мельничных и других гидромеханических установок. С другой стороны, необходимо было реализовать все предпосылки для строительства новых небольших водяных установок усовершенствованного типа для универсального применения в сельском хозяйстве. Высокая эффективность использования силового оборудования существующих водяных установок для различных сельскохозяйственных операций подтверждалась практическим опытом. На отдельных мельницах от водяных колес практически уже приводились помимо жерновов крупорушки, шерстобойки и другие машины. В этих случаях готовые приводные устройства могли быть немедленно использованы для приведения в движение молотилок, веялок и сортировок. Весьма несложным делом было и приспособление заново водяных мельниц для молотбы хлебов и других сельскохозяйственных операций. В тех случаях, когда мельницы не были заняты помолом зерна, предполагалось использовать их водяное колесо для привода других сельскохозяйственных машин, но для этого нужно было разработать рациональную установку второго водоколесного устройства открытого типа, специально предназначенного для привода различных сельскохозяйственных машин.

Гидросиловые установки небольшой мощности предлагалось выполнять в виде простой компактной установки, оборудованной многооборотной водяной турбиной малой мощности. Такие турбинные установки, как показал опыт, не требовали дорогого отепляющего строения и могли работать круглый год под открытым небом. Выполнить такую турбинную установку

вполне можно было местными силами и средствами из доступных материалов с использованием отработанных деталей тракторов и других сельскохозяйственных машин.

В порядке местной инициативы в Акташском районе¹ Татарской АССР был разработан и осуществлен новый тип весьма рациональной и экономичной небольшой гидротурбинной установки. Нескольким другим типом такой установки с пропеллерной гидротурбиной был разработан в колхозе «Восход» Марийской АССР. Оба типа были освоены местными силами и средствами и дали в эксплуатации хорошие результаты. Весь накопленный в результате специально проведенных обследований опыт по созданию новых рациональных типов водосиловых установок и по использованию существующих вододействующих установок был проанализирован и обобщен энергетической секцией Комиссии. Она же оказывала систематическую научно-техническую и организационно-техническую помощь в этом важном вопросе на местах в отдельных районах Татарской, Марийской и Чувашской АССР. Итоги этой работы были доложены Наркомату земледелия СССР, который их одобрил и принял к широкому использованию.

Таким образом, работа, проведенная энергетической секцией Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны в 1942 г., осуществлялась с определенной целеустремленностью, вытекавшей из принятой и утвержденной программы.

Основными объектами исследования являлись Казанский промышленный узел с целью укрепления его энергетической базы и три республики Среднего Поволжья – Татарская, Марийская и Чувашская АССР – с целью оценки их местных экономических ресурсов с точки зрения возможной мобилизации этих ресурсов для нужд энергетики данного района Среднего Поволжья. Самостоятельной задачей являлось исследование вопросов местной энергетики, подчиненное задаче повышения энерговооруженности сельского хозяйства.

Таким образом, при разрешении отдельных разделов программы и дополнительно возникавших в процессе исследования вопросов энергетической секцией Комиссии преследовалась цель не только получить конкретное решение поставленных задач применительно к условиям, имеющим место в отношении выдвинутых объектов исследования, но и на основании дополнительного научного анализа и обобщения сделать выводы, имеющие более широкое научное и техническое значение, которые могли быть использованы при решении подобных вопросов в других регионах страны.

По итогам работы энергетической секции в 1942 г. ряд разработанных и проведенных в жизнь мероприятий по топливно-энергетическому балансу Казанского промышленного узла был высоко оценен правительственными

¹ Район в 1959 г. будет расформирован, а его территория разделена между Альметьевским, Заинским, Сармановским, Первомайским (ныне – Черемшанский) районами (прим. ред.).

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

органами Татарии, партийными и общественными организациями Казани и рекомендован к использованию в других промышленных центрах и энергетических системах. В то же время исследование местных энергетических ресурсов Татарской, Марийской и Чувашской АССР показало, что ресурсы Татарии не могут служить серьезной базой для крупных энергетических установок Казанского промышленного узла – такой базой должны были стать ресурсы Марийской и Чувашской АССР, а также что возможности действующих малых гидросиловых установок для нужд сельского хозяйства республик еще не исчерпаны и существуют условия для постройки новых. Высокая эффективность их использования подтверждалась практическим опытом. Итоги работы были одобрены и приняты к широкому использованию Наркоматом земледелия СССР.

Источники и литература

1. Будков А.Д. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны / А.Д. Будков, Л.А. Будков; под ред. И.Я. Вайнера. М.: Недра, 1985. 248 с.
2. Ибрагимов Ф. Энергетика Татарстана в годы Великой Отечественной войны / Ф. Ибрагимов // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2004. № 1. С. 42–44.
3. Курятников В.Н. К вопросу о создании нефтяной базы в Урало-Поволжье / В.Н. Курятников // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып.: Новейшие гуманитарные исследования. 2006. С. 206–213.
4. Курятников В.Н. Нефть для Победы / В.Н. Курятников // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 5(96). С. 143–147.
5. Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны / Б.В. Левшин; отв. ред. М.П. Ким. М.: Наука, 1983. 382 с.
6. Российский государственный архив в г. Самаре. Ф. Р-249. Оп. 1-1. Д. 287.
7. Широков Г.А. Научно-мобилизационные проекты ученых Поволжья в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Г.А. Широков // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. Т. 9, № 2. С. 404–411.
8. Широков Г.А. Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: дис. ... д-ра ист. наук / Г.А. Широков. Самара, 2005. 485 с.

Солдатова Ольга Николаевна, доктор исторических наук, заместитель директора, Российский государственный архив в г. Самаре, Россия, г. Самара, soldatova-rga@mail.ru

Soldatova Olga N., Doctor of Sciences (History), Deputy Director, Russian State Archives in Samara, Russia, Samara, soldatova-rga@mail.ru

УДК [93/94+387.1](091)(470.41-25).084.8

Л.А. Бушueva

**«ЭВАКУИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ»: НАУЧНАЯ
И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЭВАКУИРОВАННЫХ ИСТОРИКОВ В КАЗАНИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность историков различных научно-образовательных учреждений, находившихся во время Великой Отечественной войны в эвакуации в Казани. Проанализирована их работа в крупных республиканских вузах – Казанском государственном университете и Казанском педагогическом институте, изучены условия, в которых ученые вели учебную работу, их взаимодействие с местным преподавательским сообществом и студентами. В работе также рассмотрены основные организационные формы и направления научной деятельности эвакуированных историков в Казани, показано, что, несмотря на тяготы военного времени, взаимодействие с приезжими специалистами благотворно сказалось на научном развитии местных историков, а в некоторых случаях способствовало продвижению их академической карьеры.

Ключевые слова: эвакуация, Институт истории АН СССР, Казанский университет, Казанский педагогический институт, Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны.

L.A. Bushueva

**"EVACUATED HISTORY": SCIENTIFIC AND TEACHING
ACTIVITIES OF EVACUATED HISTORIANS IN KAZAN
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract. In the paper the activities of historians from various scientific and educational institutions who were evacuated to Kazan during the Great Patriotic War are studied. Their work in large republican universities – Kazan State University and Kazan Pedagogical Institute – is analyzed, the conditions in which scientists conducted educational work, their interaction with the local teaching community and students are studied. The paper also the main organizational forms and areas of scientific activity of evacuated historians in Kazan are examined. It is shown that, despite the hardships of wartime, interaction with visiting specialists had a beneficial effect on the scientific development of local historians, and in some cases contributed to the advancement of their academic careers.

Keywords: evacuation, Institute of History of the USSR Academy of Sciences, Kazan University, Kazan Pedagogical Institute, Tatar ASSR during the Great Patriotic War.

В годы Великой Отечественной войны Казань являлась одним из крупнейших в стране центров эвакуации ведущих научных учреждений СССР. Эвакуационный процесс и деятельность приехавших в Татарскую АССР

ученых давно являются предметом изучения исследователей, однако в их работах основное внимание сосредоточено на представителях естественных дисциплин [16, с. 177–197; 21]. Между тем, в республике в годы войны находился и целый ряд известных ученых в области гуманитарных наук. Условия, в которых они оказались, будучи в Казани, направления их исследовательской работы, взаимодействие с местным научным сообществом и студентами по-прежнему остаются в полной мере не изученными. Об эвакуированных гуманитариях писали свидетели тех событий – историки Г.Н. Вульфсон и Н.П. Муньков, являвшиеся в годы войны студентами историко-филологического факультета Казанского университета [5; 6]. Основываясь на их воспоминаниях, состояние историко-филологического факультета Казанского университета охарактеризовали И.М. Ионенко и В.А. Попов [20, с. 44–46], а также авторы истории Казанского университета [30].

В трудах российских исследователей, занимающихся историей советских академических учреждений, Казань периода Великой Отечественной войны предстает, главным образом, в качестве «перевалочного пункта» на пути ученых в Ташкент – город, где базировался Институт истории АН СССР [19, с. 23–32; 26]. Однако в последние годы вышли исследования, посвященные пребыванию отдельных историков в эвакуации в Казани [25], и опубликованы письма ученых военных лет, позволяющие внести важные дополнения в картину пребывания академического сообщества в Татарской АССР [2]. В данной работе мы попытаемся реконструировать деятельность эвакуированных историков в казанских научно-образовательных центрах – Казанском государственном университете (далее – КГУ) и в Казанском педагогическом и учительском институте (далее – КГПИ), а также рассмотреть их влияние на академическую и образовательную среду Татарской республики.

Состояние исторической науки и образования в Казани накануне Великой Отечественной войны имело ряд особенностей, связанных событиями предшествующих десятилетий. До революции 1917 г. их центром являлся Казанский университет. Здесь преподавали такие ученые, как М.М. Хвостов, Д.А. Корсаков, Н.А. Фирсов, В.К. Пискорский и др. Работы этих ученых сделали казанскую историческую школу частью мировой историографии [4; 32]. Однако большевистские эксперименты в области гуманитарного образования привели к закрытию исторического факультета университета в 1921 г. и лишили казанских историков институциональной базы. В 1920-х гг. некоторые из них получили возможность преподавать на общественно-экономическом отделении Восточного педагогического института. К началу 1930-х гг. специалистов «старой школы» и здесь практически не осталось. Они или переехали в другие научные центры, или их вытеснило новое поколение «выдвиженцев» [3, с. 131–132]. В результате казанские историки лишились «живой преемственности», а научные и преподавательские традиции оказались прерванными [18, с. 12].

Восстановление исторического образования в Татарской республике началось в 1934 г., когда в Казанском государственном педагогическом инс-

титуте был открыт исторический факультет. Тогда же в Учительском институте заработало историческое отделение с двухгодичным сроком подготовки учителей [28, с. 55]. В Казанском университете историческое образование было восстановлено на пять лет позже – в 1939 г. Всего за два года до начала Великой Отечественной войны здесь открыли исторический факультет, а в 1940 г. его соединили с филологическим факультетом. В КГУ работала всего одна историческая кафедра, объединяющая специалистов по отечественной и всеобщей истории. В КГПИ были две исторические кафедры: истории отечества и всеобщей истории. Состав преподавателей этих подразделений сформировался из выпускников Восточного педагогического института (В.И. Адо, Р.Ш. Тагиров, Х.Г. Гимади) и приехавших в Татарскую АССР воспитанников столичных вузов. Так, первый декан историко-филологического факультета КГУ А.П. Плакатин являлся выпускником Московского университета, заведующий кафедрой истории СССР Е.И. Устюжанин – воспитанником Ленинградского педагогического института, а его преемник В.Н. Донской – выпускником Ленинградского университета.

Начавшаяся Великая Отечественная война едва не прервала возрождение высшего исторического образования в республике, так как многие преподаватели и студенты ушли на фронт, в том числе А.П. Плакатин, Е.И. Устюжанин, В.Н. Донской. Однако летом 1941 г. эвакуационный совет при СНК СССР принял решение, которое оказалось судьбоносным для Казани как для научно-образовательного центра. Сюда запланировали перебазировать 33 из 85 научных учреждений Академии наук СССР [30, с. 224]. Исторические институты, например, Институт истории АН СССР, первоначально не вошли в их число. Их сотрудников планировали перевезти в Томск или Среднюю Азию, но вскоре подготовку к эвакуации в Сибирь приостановили, и уже летом 1941 г. первые специалисты выехали в Казань. Среди них был директор Института истории АН СССР академик Б.Д. Греков, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский и др. [26, с. 139] Их прибытие в столицу Татарской республики красочно описывали Г.Н. Вульфсон и Н.П. Муников: «прошло какое-то мгновение после того, как остановился поезд, и вот уже около нас стояли вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт с его легендарно бородой ... академик Б.Д. Греков с седой благородной шевелюрой, академик Е.В. Тарле в коротком и несколько старомодном демисезонном пальто и шляпе; высокий и прихрамывающий член-корреспондент АН СССР профессор А.В. Ефимов, видный историк нового времени... С острыми глазами и матовым лицом член-корреспондент АН СССР Е.А. Косминский, талантливый историк-медиевист... профессор Б.Ф. Поршнев с несколько утомленным, но очень пронизательным взглядом» [6, с. 49–50].

К сожалению, в исследовательской литературе, посвященной Татарской АССР в военный период, нет данных о количестве прибывших в Казань историков [16; 21] Но можно сказать, что кроме сотрудников Института истории АН СССР (Б.Д. Греков, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, Д.М. Петрушевский, Е.А. Косминский) в числе эвакуированных в Казань,

были специалисты Московского университета (С.Д. Сказкин, А.В. Ефимов), Московского института философии, литературы и истории (далее – МИФЛИ) (Б.Ф. Поршнев, Н.А. Сидорова), Института мирового хозяйства и мировой политики (Л.Н. Иванов), сотрудники ленинградских учреждений – Ленинградского отделения института истории (Е.В. Тарле, М.В. Левченко, С.Н. Валк), Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР (С.Е. Малов).

Учебный процесс военного времени

Эвакуированные гуманитарии оказались в Казани в несколько худших условиях, чем их коллеги-естественники, что прослеживается в источниках личного происхождения. Так, по словам Б.Д. Грекова, здесь фактически «не было никакой организованной группы историков» [2, с. 251]. Это же отмечал и С.К. Богоявленский, писавший, что главы Президиума Академии наук СССР «мало скрывали, что историками они не интересуются, а для них дороже физики и химики, работающие на оборону» [25, с. 113]. Во-вторых, Президиум Академии наук СССР формально не запрещал сотрудникам гуманитарных подразделений работать в местных научно-образовательных учреждениях, но фактически это сотрудничество не поощрял. Так, академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР А.М. Деборин на одном из собраний гуманитариев заявлял, что эвакуированные специалисты должны сосредоточиться на выполнении утверждённой программы Академии наук СССР, «а помощью казанцам каждый может заниматься на свой страх и риск вне, так сказать, служебного времени» [25, с. 113].

Руководство Академии наук негативно относилось прежде всего к тем, кто устраивался подрабатывать в местные высшие учебные заведения. Как отмечал С.К. Богоявленский, совместительство не допускалось «и, следовательно, университетские лекции, хотя бы при почасной оплате», не поощрялись [25, с. 113]. Поэтому в Казанском университете и педагогическом институте на основные должности поступили преподаватели Московского университета и МИФЛИ, заменив ушедших на фронт казанцев, а ученые из академических институтов работали здесь в качестве внештатных сотрудников. Так, член-корреспондент АН СССР, профессор Московского университета Алексей Владимирович Ефимов возглавил кафедру всеобщей истории в Казанском педагогическом институте. Профессор МИФЛИ Б.Ф. Поршнев – историк, социолог, специалист по истории народных движений Франции – стал заведующим кафедрой истории КГУ [23].

В конце 1941 г. в состав кафедры истории КГПИ кроме заведующего А.В. Ефимова входили академик Е.В. Тарле, Б.Ф. Поршнев, В.Т. Дитякин – «старый казанец», выпускник Казанского университета, уехавший в 1930-е гг. в Москву, где работал в Коммунистической академии, Н.А. Сидорова, Е.Е. Юровская и три казанских историка – М.Д. Бушмакин, В.И. Адо, Р.Ш. Тагиров [14, л. 4]. На кафедре истории КГУ работали Б.Ф. Поршнев, А.В. Ефимов, В.П. Дитякин, М.В. Левченко – известный специалист по исто-

рии Византии, и казанские ученые – М.Д. Бушмакин, А.В. Рогинская, В.П. Пономарев, И.И. Лукомская. В качестве почасовиков для чтения лекций сюда привлекали профессора С.Н. Валка, члена-корреспондента АН СССР Л.Н. Иванова [8, л. 2]. В обоих вузах внештатным преподавателем являлся академик Б.Д. Греков [14, л. 4]. Именно он одним из первых среди приехавших стал вести занятия для казанских студентов. Академик читал лекции по истории Древней Руси. В письме к историку А.И. Яковлеву он отмечал: «Я по необходимости втянут в жизнь Университета. Тут есть ист[орический] фак[ультет], но сил совсем недостаточно. Считаю своим долгом помочь» [2, с. 252]. В итоге перед казанскими студентами предстала «мощная когорта историков-исследователей, и почти всех их посчастливилось услышать на лекциях. Не было на историческом отделении историко-филологического факультета ни одного профессора – вдруг такие крупные имена здесь, в Казани, в нашем университете!», – писал Г.Н. Вульфсон [5, с. 66].

Однако из-за сложных обстоятельств военного времени учебный процесс в вузах постоянно прерывался. В сентябре 1941 г. учащихся отправляли на спецработы в совхозы и колхозы, а вскоре занятия полностью отменили из-за начала строительства Волжского оборонительного рубежа, который должен был пройти по территории Татарской АССР [24, с. 8]. Уже в конце октября 1941 г. студенты и преподаватели казанских вузов выехали на его строительство и находились там до января 1942 г. [30, с. 225–226]. Согласно отчету о деятельности кафедры истории КГПИ, составленному профессором А.В. Ефимовым, в педагогическом институте с сентября по декабрь 1941 г. до февраля 1942 г. было всего 9 учебных дней [14, л. 1].

Полноценные учебные занятия в КГУ возобновились только с 5 января 1942 г., а в КГПИ с февраля 1942 г. И далеко не все студенты смогли продолжить обучение. В Казанском педагогическом институте из 66 чел., числившихся на историческом факультете, занятия посещало всего 22 студента [13, л. 7]. Остальные были мобилизованы в Красную армию или отправлены на производство. Часть студентов прекратила занятия по семейным обстоятельствам, так как члены их семей были призваны на фронт, и им пришлось пойти работать [14, л. 2]. В КГУ были нередки случаи, когда преподаватели читали лекции всего для одного-двух слушателей [8, л. 5]. Но заведующий кафедрой истории Казанского университета Б.Ф. Поршнев настаивал на заседаниях кафедры, что лекции и семинары необходимо вести при любом числе студентов.

Преподаватели вели лекции и семинары в тяжелых условиях. Студенты КГУ вспоминали о холодных аудиториях, в которых невозможно было находиться без верхней одежды: «Как сейчас видится сгорбленная фигура профессора М.В. Левченко в больших старых валенках, в потертом полушубке с поднятым воротником и в каракулевой шапке "гоголь", руки в больших несоразмерных рукавицах...» [5, с. 72]. У Казанского педагогического института и вовсе не было своих учебных зданий. Их отдали для нужд госпиталей. Вузу предоставили небольшие помещения в одном из домов по

улице Большая Красная, 63 и здание антирелигиозного музея по Банковской улице¹. Они, по словам администрации, никак «не могли удовлетворить потребности института» [14, л. 3].

И все же, несмотря на эти трудности, будущие историки испытывали настоящую радость от возможности учиться у знаменитых ученых. Как писал Г.Н. Вульфсон: «вот с этих январских дней 1942 года нам и посчастливилось слушать лекции академика Е.В. Тарле, члена-корреспондента Академии наук Е.А. Косминского, профессора Б.Ф. Поршнева, члена-корреспондента Академии наук Л.Н. Иванова, профессора М.В. Левченко, профессора В.Т. Дитякина» [5, с. 71]. Кроме маститых академиков, большую учебную нагрузку в университете и педагогическом институте несли молодые преподаватели – Е.Е. Юровская, ставшая в последствии составителем известных учебных пособий по новой истории, Н.А. Сидорова – исследовательница истории Франции, ученица С.Д. Сказкина, а также переехавший в 1942 г. из Актюбинска в Казань Л.Е. Кертман. Они являлись специалистами по всеобщей истории, но из-за нехватки преподавателей также читали и курсы по истории СССР [13, л. 13].

Что касается содержания учебных программ, то здесь нужно отметить, что профессора и преподаватели исторических подразделений в этот период отказывались от узких спецкурсов. Педагогическая работа в вузах в годы войны была направлена на мобилизационные и идеологические цели и должна была сформировать у студентов установки на достижение Победы. Ученые выстраивали свои лекции таким образом, чтобы на всем протяжении любого курса «красной нитью проходила борьба славянских и других народов с германскими захватчиками». Поэтому на занятиях по истории СССР студентам много рассказывали о Ледовом побоище, Грюнвальдской битве, Ливонской и Семилетней войнах. Особого внимания заслуживала «Первая Отечественная война» [13, л. 8]. Лекции по истории наполеоновских войн читал академик Е.В. Тарле [11, л. 17]. Они производили неизгладимое впечатление на учащихся, приходящих в восторг от каждой встречи с академиком. Е.В. Тарле был также благосклонен к своим казанским слушателям. Именно они первые познакомились с разделом «Парижский мир 1856 г.» будущей книги о Крымской войне, которую Тарле писал в Казани [5, с. 71].

Кроме того, приехавшие ученые помогали своим новым воспитанникам в их научной работе, организовывали кружки и студенческие конференции. Студенты читали доклады о таких исторических фигурах, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Суворов, Михаил Кутузов. Так, Григорий Наумович Вульфсон, будучи участником кружка, делал доклад о Куликовской битве. Главным консультантом кружковцев был профессор Б.Ф. Поршнев [5, с. 73].

¹ Банковская улица – ныне улица Мусы Джалиля. Антирелигиозный музей располагался в здании закрытого в 1939 г. Петропавловского собора.

Таким образом, несмотря на то, что учебный процесс постоянно прерывался и проходил в тяжелых условиях, проезд столичных историков вызвал оживление в преподавательском процессе обоих вузов и задал высокие стандарты преподавания. Не случайно в одном из итоговых отчетов о деятельности КГПИ администрация констатировала, что качество преподавания отличалось высоким уровнем именно в 1941–1942 учебном году [14, л. 16].

Научная деятельность

Эвакуированные историки продолжали вести научную работу, хотя формы ее организации и направленность стали сильно зависеть от складывающихся в эвакуации условий. В историографических исследованиях довольно подробно освещены научная деятельность Е.В. Тарле в Казани и процесс написания академиком монографии «Крымская война» [31, с. 134–145], а также проанализированы исследования Б.Д. Грекова, посвященные волжским булгарам, написанные им в военный период [27, с. 478–479]. Здесь мы остановимся на исследовательской деятельности эвакуированных историков в рамках казанских научно-образовательных учреждений.

По свидетельству С.К. Богоявленского, уезжая в Казань, он получил «наставления начальства» помочь местным историкам. В «благодарность казанцам за радушный прием», ему предложили заняться написанием истории Татарской АССР [25, с. 113]. Просьбы о такого рода помощи были не случайны. В предвоенные годы в Казани открылся Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, включавший исторический сектор. В 1941 г. в его штате состояло всего два сотрудника – А.Н. Григорьев и А.А. Тарасов [1, с. 13, 215]. Они оба имели небольшой опыт исследовательской работы и специализировались по современной истории. Выпускник Кряшенского педагогического техникума и Восточного педагогического института А.Н. Григорьев работал над диссертацией «Кряшенский вопрос и его решение советской властью», а А.А. Тарасов изучал деятельность казанских большевиков накануне Октябрьской революции 1917 г. Однако задачи перед ними ставились поистине стахановские. Они должны были написать историю Татарской АССР с древнейших времен.

Неудивительно, что на приехавших москвичей и ленинградцев казанцы смотрели как на спасение. «Глубоко трогает меня отношение Казани к нам и, в частности, к историкам. Как радовались здесь возможности совместной работы!», – писал в связи с этим Б.Д. Греков С.В. Бахрушину [2, с. 251]. По-видимому, через Б.Д. Грекова институт сумел привлечь к работе Льва Черепнина. В это время он находился в Москве и работал в Историко-архивном институте, но имел с Татарским НИИЯЛИ трудовой договор, поэтому занимался историей Татарской республики [2, с. 254]. Б.Д. Греков также писал о трудностях института А.И. Яковлеву и С.В. Бахрушину, подчеркивая, что они нужны казанцам, в особенности С.В. Бахрушин «как специалист по Сибири и татарам» [2, с. 251]. Л.В. Черепнин действительно предоставил Татарскому НИИЯЛИ свои работы, посвященные присоеди-

нию Казани к Московскому государству. Однако они не были опубликованы, так как в 1944 г. Бюро Областного комитета ВКП(б) раскритиковало их за чрезмерно подробное описание борьбы и смены ханских династий и «бледный» показ социальных, классовых причин исторических событий [7, л. 61, 63].

В период эвакуации активно занимались научными исследованиями и преподаватели вузов. Осенью 1941 г. Главное управление учебных заведений Народного комиссариата просвещения РСФСР разослало в высшие учебные заведения письма, в которых требовало пересмотра научно-исследовательских планов в пользу «оборонных» тем или тем, «имеющих актуальное народохозяйственное или политико-воспитательное значение в период войны» [12, л. 4]. От «неактуальных» исследований следовало отказаться, предварительно известив об этом Наркомпрос [12, л. 6].

Ориентируясь на эти установки, университетская кафедра истории в конце 1941 г. подготовила научный план по трем направлениям: «1. Тематика актуально-политического значения, связанная с задачами разгрома фашизма, 2. Героическое прошлое русского народа, 3. История Западной Европы в Средние века и в Новое время» [8, л. 2]. Следуя этому плану, большинство преподавателей разрабатывали две и более исследовательские темы совершенно разной направленности. Так, профессор Б.Ф. Поршнев в рамках первого направления занимался темами «Тевтонско-пруссаческие традиции и фашистский империализм» и «Завоевательные авантюры и военные разгромы в истории Германии». Для пропагандистского сборника «Из героического прошлого русского народа» он готовил статьи «От Ледового побоища до Грюнвальдской битвы», и занимался разработкой проблематики «Генезис феодального хозяйства» [10, л. 2].

А.В. Ефимов работал над статьями «Стратегический план Кутузова в 1812 г.» и «Стратегия и тактика Суворова» для сборника о героическом прошлом русского народа, а также писал монографию об изучении западно-европейской истории в России [10, л. 3]. Исследовательский план византиниста М.В. Левченко состоял из двух далеких друг от друга тем: «Материалы для внутренней истории Византии V–VI веков» и «Русская армия и флот в Первую империалистическую войну» [8, л. 2].

Согласно указаниям Народного комиссариата просвещения РСФСР, преподаватели должны были заниматься научной популяризацией, поэтому в приоритете была работа над статьями для сборника «Из героического прошлого русского народа». В военный период ученых много привлекали к написанию агитационно-пропагандистских брошюр, широко распространявшихся среди населения. Запланированный сборник, по-видимому, был из числа подобной литературы. Кроме А.В. Ефимова и Б.Ф. Поршнева статьи для него писали В.Т. Дитякин, Е.Е. Юровская, М.Д. Бушмакин и другие казанские ученые [13, л. 2]. В итоге это издание вышло в Академии наук СССР, но работы казанских историков в него не включили.

Кроме написания агитационных текстов от ученых также требовали представлять результаты исследовательской работы на конференциях, сессиях и специальных расширенных заседаниях вузов. В этот период в КГУ и КГПИ регулярно проводили совместные научные мероприятия [14, л. 6]. Сюда также приглашали и эвакуированных ученых, не работавших в высших учебных заведениях Казани. Так, в отчете о сессии 1942 г. особо отмечали доклады академиков Н.С. Державина, С.П. Обнорского, члена-корреспондента АН СССР С.Е. Малова – востоковеда, бывшего казанца, работавшего здесь в 1910-е – начале 1920-х гг. [14, л. 9]. Эти мероприятия являлись важной формой взаимодействия научного сообщества. Они спланировали историков, волею случая оказавшихся в Казани и местных специалистов в цельное академическое пространство. Заведующий кафедрой всеобщей истории КГУ профессор Б.Ф. Поршнев красноречиво писал об одной из таких научных сессий: «Это был настоящий маленький праздник советской исторической науки... Сессия внесла оживление в их среду, так же, как и в среду нашего студенчества. Надо постараться в повседневной работе кафедры истории КГУ закрепить положительные результаты сессии, сохранить атмосферу интенсивной научной жизни» [11, л. 16]. Такие встречи не только стимулировали научное творчество, но и позволяли ученым вместе пережить горечь утрат военного времени. Так, казанцам запомнилось совместное заседание кафедры истории КГУ и кафедры истории КГПИ, посвященное памяти академика Д.М. Петрушевского, скончавшегося в Казани 12 декабря 1942 г. В заседании участвовал академик Е.В. Тарле и многие другие историки [15, л. 8].

Невзирая на сложные обстоятельства военного времени, Народный комиссариат просвещения РСФСР требовал от вузов подготовку научных кадров, а от преподавателей – писать и защищать диссертации. «Наиболее подробно должно быть в отчете отражено состояние повышения квалификации преподавателей и выполнение планов сдачи кандидатских испытаний, подготовки и защиты диссертации», – гласило наркомпросовское постановление от 21 января 1942 г. [12, л. 123]

По-видимому, благодаря приехавшим историкам процесс защиты диссертационных сочинений в Казани значительно упростился. Так, профессор М.В. Левченко в 1942 г. выступил рецензентом как минимум трех диссертаций, защищенных в Казанском университете [9, л. 3, 4, 6]. Общение с Б.Ф. Поршневым и Е.В. Тарле ускорило написание и защиту диссертационного сочинения М.Д. Бушмакина. В этот период историк закончил работу над кандидатской диссертацией на тему «Внешняя политика Генриха IV Бурбона» [13, л. 4]. Нужно отметить, что Управление высшей школой Наркомпроса РСФСР в 1942 г. признало тематику исследования М.Д. Бушмакина неактуальной, но ученый продолжал свои изыскания, планируя писать и докторскую диссертацию [12, л. 234].

В Казани состоялась судьбоносная встреча для молодого историка Льва Кертмана, ставшего впоследствии профессором Пермского университета и авторитетным англоведом. Приехав сюда весной 1942 г. к родителям, он

узнал, что здесь находится Е.В. Тарле. Кертману удалось встретиться с академиком. Он «попросил принять его и уделить минут двадцать, но они говорили часа два, и Тарле хорошо запомнил эту встречу с "мальчиком на костылях"» [22, с. 13]. Академик пригласил Кертмана в аспирантуру, и молодой историк, не раздумывая, переехал в Казань. В мае 1942 г. он поступил на работу в университет, а уже через полтора года защитил кандидатскую диссертацию, посвященную Т.Н. Грановскому [22, с. 13].

Продолжали работать над своими квалификационными сочинениями молодые столичные историки. Н.А. Сидорова занималась работой над будущей докторской диссертацией по истории Франции. Как и тему М.Д. Бушмакина, эту проблематику признали «неактуальной» [12, л. 234]. Однако Нина Александровна, находясь в Казани, продолжала свое исследование. Работать с источниками здесь у нее не было возможности, поэтому она составляла библиографию, изучала монографические работы французских и немецких авторов [13, л. 6]. Елене Ефимовне Юровской удалось завершить в Казани книгу «Семилетняя война и Парижский мир», закончить статьи «Франко-русские отношения при Петре I», «Взятие Берлина русскими войсками», несмотря на то, что она, как и другие преподаватели, была загружена учебными занятиями и пропагандистской деятельностью, читая лекции в госпиталях и на предприятиях на темы, далекие от своих исследовательских интересов [13, л. 2об.-3].

Эвакуированные специалисты начали уезжать из Казани уже конце 1941 г. Еще осенью город покинул С.Д. Сказкин, уехав вслед за Московским университетом в Ашхабад. В начале 1942 г. Б.Д. Греков, С.Б. Веселовский, С.К. Богоявленский были уже в Ташкенте вместе с основной группой эвакуированных сотрудников Института истории АН СССР. В январе – феврале 1942 г. из Казани уехал А.В. Ефимов, после чего кафедру всеобщей истории педагогического института возглавил М.Д. Бушмакин. Кафедры истории СССР и всеобщей истории КГПИ стали настолько малочисленными, что их пришлось объединить в одну. Здесь осталось всего семь человек: А.М. Абдрахимов, В.Д. Дитякин, М.Д. Бушмакин, Л.Е. Кертман, Н.Е. Козырев, Н.А. Сидорова и Е.Е. Юровская [13, л. 4]. Летом 1942 г. неожиданно для коллег из Казани уехала Н.А. Сидорова, а вслед за ней В.Т. Дитякин и Е.Е. Юровская. М.Д. Бушмакин, оставшись без ценных сотрудников, не без сожаления и с плохо скрываемой обидой писал в отчете об их отъезде: «Внезапный уход из института доцента Н.А. Сидоровой дезорганизовал работу... Самовольный отъезд доцента Юровской Е.Е., повлекший за собой издание приказа об ее отчислении, ... отъезд в Москву профессора В.Т. Дитякина во время летней сессии заочников, которым он должен был читать лекции..., также внесли известную дезорганизацию» [15, л. 20]. В воспоминаниях о Сидоровой известный советский историк-медиевист Е.В. Гутнова писала, что Нина Александровна увезла из Казани двух осиротевших детей-татар, одного из них забрали родственники, а другого она воспитывала сама [17, с. 330].

Ученые уезжали не только в силу личных обстоятельств. Объединения сотрудников, разбросанных по стране в годы эвакуации, требовали их руководители. Как пишет А.М. Скворцов: «руководство Академией наук стремилось воссоединить коллективы институтов, требуя, например, от историков ЛОИИ¹ переместиться в Ташкент» [29, с. 60]. В августе 1942 г. М.В. Левченко, ставший заведующим кафедрой истории после отъезда Б.Ф. Поршнева, ходатайствовал перед Президиумом Академии наук о возможности остаться в Казани, «поскольку столица Татарской АССР располагала богатой университетской библиотекой, позволявшей вести научные занятия». Однако руководство потребовало от него приехать в Ташкент [29, с. 60]. По-видимому, дольше всех в эвакуации в Казани прожил Е.В. Тарле, вернувшийся в конце лета 1943 г. не в Ленинград, а в Москву [31, с. 148]. В последующие военные годы в Казани оставались эвакуированные В.А. Голобуцкий, Л.Е. Кертман.

Таким образом, большинство эвакуированных историков являлись сотрудниками московских и ленинградских научно-образовательных учреждений, главным образом, подразделений Института истории АН СССР. Руководство Академией наук СССР рассматривало Казань в качестве кратковременного пункта размещения гуманитариев на пути в Среднюю Азию, поэтому оно мало занималось организацией их деятельности. Некоторые приехавшие специалисты, в том числе и ряд авторитетных историков, поступили работать в Казанский университет и педагогический институт. Для только что восстановленного в республике исторического образования они стали большим подспорьем. Несмотря на то, что прочитать систематические курсы для казанских студентов ученые не смогли в силу обстоятельств военного времени, их пребывание в вузах Казани благоприятно сказалось на возрождающемся историческом образовании и сильно повысило академические и преподавательские стандарты.

Эвакуированные историки в Казани продолжали вести исследовательскую работу. Наибольшей регламентации она подвергалась у преподавателей вузов. Согласно установкам Народного комиссариата просвещения РСФСР, они должны были заниматься в первую очередь «оборонной» проблематикой. Однако этот контроль носил скорее внешний характер. Ученые имели возможность продолжить свои довоенные изыскания, хотя и испытывали трудности из-за недостатка источникового материала. Взаимодействие с приезжими специалистами благотворно сказалось на научном развитии местных историков, а участие авторитетных столичных ученых в обсуждении и защите диссертационных сочинений в качестве оппонентов ускорило академические карьеры некоторых казанских специалистов.

¹ Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

Источники и литература

1. 50 лет поисков и открытий. Казань: Татарское кн. изд-во, 1989. 240 с.
2. Б.Д. Греков. Письма (1905–1952 гг.) / сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2019. 504 с.
3. Бушуева Л.А. Опыт подготовки научно-педагогических кадров историков в высшей школе Казани в 1920-е годы / Л.А. Бушуева // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2023. № 2. С. 124–134.
4. В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сб. научных статей / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 375 с.
5. Вульфсон Г.Н. Страницы памяти / Г.Н. Вульфсон; сост., подготовка текста и подбор иллюстраций Ю.А. Лексиной. Казань: Kazan-Kazan, 2010. 232 с.
6. Вульфсон Г.Н. Страницы памяти. Историко-филологический факультет (в годы Великой Отечественной войны) / Г.Н. Вульфсон, Н.П. Муньков // *Во имя Отчизны: Казанский университет в годы Великой Отечественной войны*. Казань: Издательство Казанского университета, 1975. С. 42–63.
7. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. П-15. Оп. 5. Д. 1143.
8. ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 15.
9. ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 17.
10. ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 19.
11. ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 22.
12. ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 2. Д. 43.
13. ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 2. Д. 59.
14. ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 2. Д. 60.
15. ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 2. Д. 68.
16. Гильманов З.И. Татария в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / З.И. Гильманов. Казань: Татарское кн. изд-во, 1977. 296 с.
17. Гутнова Е.В. Пережитое / Е.В. Гутнова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 464 с.
18. Ермолаев И.П. Кафедра отечественной истории до XX в. / И.П. Ермолаев, Е.А. Вишленкова // *Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета: сб. статей*. Казань, 1999. С. 11–15.
19. Институт российской истории РАН 1936–2021 гг. Очерк истории. Биобиблиографический словарь / отв. ред. Ю.А. Петров и А.А. Чернобаев. М.: Ин-т российской истории РАН, 2021. 656 с.
20. Ионенко И.М. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны / И.М. Ионенко, В.А. Попов. Казань: Б.и., 1985. 159 с.
21. Кабирова А.Ш. Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.) / А.Ш. Кабирова. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2015. 508 с.
22. Кертман Л.Л. Воспоминания дочери / Л.Л. Кертман // *Вестник Пермского университета. История*. 2017. Вып. 3(38). С. 7–17.
23. Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев: между русистикой и франковедением, или о роли случайности в судьбе историка / Т.Н. Кондратьева // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 3. С. 853–866.

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

24. *Кривоножкина Е.Г.* К 75-летию Казанского оборонительного сооружения: история вопроса / Е.Г. Кривоножкина // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2017. №3/4. С. 6–22.

25. *Мандрик М.В.* Из военных будней академиков Ю.В. Готье и Д.М. Петрушевского / М.В. Мандрик // От 1939-го до 1945-го: ученые и научные учреждения в годы Второй мировой войны: сборник статей с приложением «Бессмертный полк» / под ред. И.В. Тункиной, М.В. Поникаровской; сост. Л.Д. Бондарь, Н.В. Крапошина). СПб: Реноме, 2022. С. 110–132.

26. *Метель О.В.* Академическая наука в эвакуации: Институт истории АН СССР в 1941–1943 гг. / О.В. Метель // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 139–146.

27. *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.) / К.А. Руденко. Казань: Республиканский центр мониторинга качества образования, 2014. 767 с.

28. *Синицын О.В.* Исторический факультет Казанского государственного педагогического института / университета: тенденции становления, развития и взаимосвязи с вузами России / О.В. Синицын // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т. 13. № 1. С. 52–60.

29. *Скворцов А.М.* «Академия не потребует от Вас никакой работы, кроме работы над темой, которую Вы сами себе изберете»: антиковеды ЛОИИ в годы Великой Отечественной войны / А.М. Скворцов // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 1. С. 50–67.

30. *Телишев В.Ф.* Военное лихолетье: 1941–1945 гг. / В.Ф. Телишев // Очерки истории Казанского университета. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. С. 222–249.

31. *Чапкевич Е.И.* Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Е.В. Тарле / Е.И. Чапкевич. Орел: «Орел», 1994. 189 с.

32. *Шофман А.С.* Михаил Михайлович Хвостов / А.С. Шофман. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 112 с.

Бушueva Людмила Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань, bushueva9@mail.ru

Bushueva Liudmila A., Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan, bushueva9@mail.ru

УДК 001.89:061.62(571.513)

В.А. Кышпанак

**ФЛАГМАН НАУКИ В ХАКАСИИ
(К 80-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ХАКАССКОГО НИИЯЛИ)**

Аннотация. В статье рассматривается история образования в годы Великой Отечественной войны в Хакасской автономной области научно-исследовательского института языка, литературы и истории (1944 г.). Наряду с общеизвестными фактами создания первого в Хакасии научного учреждения, в работе приводятся малоизвестные и впервые публикуемые документы и факты об институте и о его сотрудниках.

Ключевые слова: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, образование, сотрудники, Хакасия.

V.A. Kyshpanakov

**FLAGSHIP OF SCIENCE IN KHAKASSIA
(ON THE 80th ANNIVERSARY OF THE KHAKASS RESEARCH
INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY)**

Abstract. The article examines the history of the formation of the Research Institute of Language, Literature and History (1944) during the Great Patriotic War in the Khakass Autonomous Region. Along with the well-known facts of the creation of the first scientific institution in Khakassia, the work provides little-known and first published documents and facts about the institute and its employees.

Keywords: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, education, employees, Khakassia.

Образование Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (далее – ХакНИИЯЛИ) неразрывно связано с периодом Великой Отечественной войны. В те суровые годы, когда шла смертельная битва с немецко-фашистскими захватчиками, когда на фронтах Великой Отечественной войны от Баренцева до Черного морей сражались посланцы всех республик, краев и областей Советского Союза, советское государство не забывало и такие, казалось бы, совершенно далекие от повседневных проблем дела, как образование новых научных учреждений гуманитарного направления в национальных районах страны. В ряду таких был и Хакасский НИИ языка, литературы и истории, созданный в 1944 г.

Историография о деятельности ХакНИИЯЛИ с момента его образования весьма обширна. К настоящему времени насчитывается свыше 80 работ по истории института, практически по одной публикации в год. Однако большая их часть носит обобщающий характер и посвящалась очередной

круглой дате. В данной публикации мы стремились избежать повторений известных фактов и больше сосредоточить внимание на малоизвестных или ранее не публиковавшихся сведениях из Национального архива Республики Хакасия (далее – НА РХ).

Наиболее значимыми были первые публикации о Хакасском НИИЯЛИ, посвященные его созданию, освещению основных научных направлений его работы, а поэтому, представляющие определенную историческую ценность потому, что были написаны современниками, сотрудниками института. К ним относятся, в частности, статьи Л.А. Алябьевой, в ту пору исполнявшей обязанности ученого секретаря ХакНИИЯЛИ [1, с. 135–150] и А.Ф. Устиновой, заведующей библиотекой [15, с. 151–153]. Чтобы лучше представить ситуацию первых лет работы института, созданного буквально на пустом месте, обратимся к ее характеристике, данной А.Ф. Устиновой: «Хакасский научно-исследовательский институт начал свою деятельность совершенно не имея книг. С открытием института началась работа по созданию библиотеки» [15, с. 151].

Уже практически с первых месяцев работы института в областной газете «Советская Хакасия»¹ стали появляться статьи о целях и задачах института, о предстоящей диалектологической экспедиции за авторством ученого секретаря ХакНИИЯЛИ Ц.Д. Номинханова и директора Н.Г. Доможакова. И в дальнейшем «Советская Хакасия», а также другая областная газета «Хызыл аал», выходящая на хакасском языке, стали трибуной для освещения научной деятельности института.

К 10-летию образования ХакНИИЯЛИ в газете «Советская Хакасия» вышла статья директора института Н.Г. Доможакова, в которой он подвел итоги этого периода. «По материалам института и при сотрудничестве с ним – говорилось в статье, – написано девять больших монографий, которые стали кандидатскими диссертациями» [11]. Были отмечены и другие достижения плодотворной работы ученых Хакасского НИИЯЛИ в области археологии, языкознания, эпического и музыкального творчества хакасов, прикладного искусства. За 10 лет институтом было издано 20 книг общим объемом около 200 печатных листов, среди которых видное место занимает труд основоположника советской антропологии А.И. Ярхо «Алтае-саянские тюрки». Говоря о «существенных недостатках» в работе института (которые не были конкретизированы), Н.Г. Доможаков подчеркнул, что их быстрейшему устранению будет способствовать «повседневная связь» с большим кругом ученых АН СССР, которые сотрудничают с институтом и пишут работы на самые трудные темы, «запутанные буржуазной лженаукой» [11].

Последняя ремарка, впрочем, была весьма характерна для советской науки 1950-х гг. в мрачные годы расцвета «лысенковщины» и гонений на «безродных космополитов», «генетиков» и «кибернетиков». Не мог (или не

¹ До середины 1950-х гг. название области писалось с двумя буквами «С» (прим. авт.).

смог?) избежать такой риторики и директор института Н.Г. Доможаков, автор единственного до сих пор хакасского романа «В далеком аале».

Последующие 1960-е гг. в истории ХакНИИЯЛИ были временем дальнейших успехов и достижений. В это десятилетие научная и педагогическая общественность Хакасии отметила две важные вехи в истории института – его 20-ти и 25-летие со дня образования, что было отражено в статьях директоров разных лет Д.И. Чанкова [17, с. 3–12] и С.П. Ултургашева [14, с. 6–19].

В 1980-е гг. выходят в свет две статьи В.А. Асочакова, директора института, с чьим именем были связаны годы наивысшего развития Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и качественного кадрового роста в 1970 – первой половине 1980-х гг. В них он подвел итоги научных исследований в ХакНИИЯЛИ за 40 лет его существования и охарактеризовал пути их развития [3, с. 9–15; 4, с. 133–142].

Так, периодически отмечая круглые даты и юбилеи, Хакасский научно-исследовательский институт незаметно подошел к рубежу тысячелетий – 2000 гг., а затем и перешагнул его, перейдя в новые временные координаты. Менялся состав научных сотрудников, ушло из жизни то поколение первопроходцев, фронтовиков – людей, создававших историю первого и до сих пор единственного в Хакасии целевого научного учреждения.

В 2000-е гг. публикации о деятельности Хакасского НИИЯЛИ выходили регулярно, приуроченные к очередной круглой дате его образования [2; 10; 11; 12; 13 и др.], однако и по форме, и по содержанию они мало чем отличались друг от друга.

К 75-летию ХакНИИЯЛИ (2019 г.) вышел в свет биобиблиографический справочник, в который включены сведения об ученых института, работавших на момент издания и ранее трудившихся в нем. Однако наряду с биографическими сведениями о тех сотрудниках, которые работали в институте с момента его основания и поэтому представляющими немалый интерес, в справочнике допущены неточности и приводятся неполные данные по их публикациям. Не указано также общее количество имен, приведенных в этом издании [16].

В настоящей статье на основе малознакомых широкому кругу научной общественности архивных документов об образовании ХакНИИЯЛИ, газетных публикаций периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет воссоздается та обстановка военного времени, в какой и были сделаны первые шаги в будущее Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Жаркое лето 1944 г. ... Красная армия вела наступательные бои в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине. Советским правительством уже были озвучены преступления гитлеровцев и громадные материальные потери от временной оккупации части территории СССР. Несмотря на продолжающуюся мобилизацию всех сил и ресурсов под лозунгом «Все для фронта – все для победы», самые тяжелые для экономики страны, населения 1942–1943 гг. остались позади, и в 1944 г. появились первые признаки

восстановления народного хозяйства. В этих условиях СНК РСФСР издает распоряжение от 31 июля за № 1786-р, которым разрешалось Хакасскому облисполкому «организовать с 1 августа 1944 г. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и израсходовать на его содержание в 1944 году 50 тысяч рублей /без зарплаты/ из средств бюджета области» с последующим поручением Наркомпросу РСФСР утвердить Положение об институте. Тем же распоряжением Хакасский облисполком обязывался представить на рассмотрение Государственной штатной комиссии при СНК СССР штаты Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, что и было сделано (см. *таблицу 1*). На основании данного распоряжения Совнаркома РСФСР, народный комиссар просвещения РСФСР В.П. Потемкин приказом от 23 августа 1944 г. № 572¹ поручил Управлению Высшей школы РСФСР разработать проект Положения о Хакасском НИИЯЛИ и после рассмотрения его Хакасским облисполкомом представить на утверждение [7, л. 44].

Рис. 1. Публикация об
образовании ХакНИИЯЛИ.
Советская Хакассия.
1944. 8 сентября

В областной газете «Советская Хакассия» от 8 сентября 1944 г. появилась небольшая заметка об открытии Хакасского НИИ языка, литературы и истории (рис. 1).

Интересно, что в протоколе № 24 заседания Хакасского облисполкома от 12 сентября 1944 г. говорится о решении открыть Хакасский научно-исследовательский институт по изучению языка, литературы и истории в г. Абакане с 1 октября 1944 г. [7, л. 23об.]. То есть, сообщение в «Советской Хакассии» об образовании института было анонсировано ранее решения облисполкома.

В том же решении исполкома областного совета по этому вопросу было принято 12 пунктов постановления, касающихся всех основных вопросов жизнедеятельности научного учреждения. Одним из них был вопрос об ученом совете института, в который вошли 19 человек, в том числе в него были включены первый секретарь Хакасского обкома ВКП(б) Ф.И. Афанасьев, председатель облисполкома Т.Н. Немежиков, будущий ректор Абаканского пединститута, а в ту пору заместитель заведующего отделом пропаганды обкома

¹ В справочнике «Ученые Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» ошибочно указана дата приказа № 572 – 29 августа [8, с. 3].

ВКП (б) Д.И. Нагрузов, вновь назначенный директор ХакНИИЯЛИ Н.Г. Доможаков, ученый секретарь института Ц.Д. Номинханов и др. Ввод в состав ученого совета института первых лиц автономной области показывает, насколько большое значение придавалось созданию такого учреждения в годы войны. Причем, аналогичные институты под тем же названием – НИИЯЛИ, были созданы в других национальных автономиях, в том числе и в Татарстане, Калмыкии, Туве и др. с той лишь разницей, что образование их происходило в силу разных исторических и иных обстоятельств в разные годы. Достаточно сказать, что такой крупный институт как КомиНИИЯЛИ был и вовсе создан в 1970 г.

Первое заседание Ученого Совета ХакНИИЯЛИ состоялось уже вскоре после его образования (рис. 2).

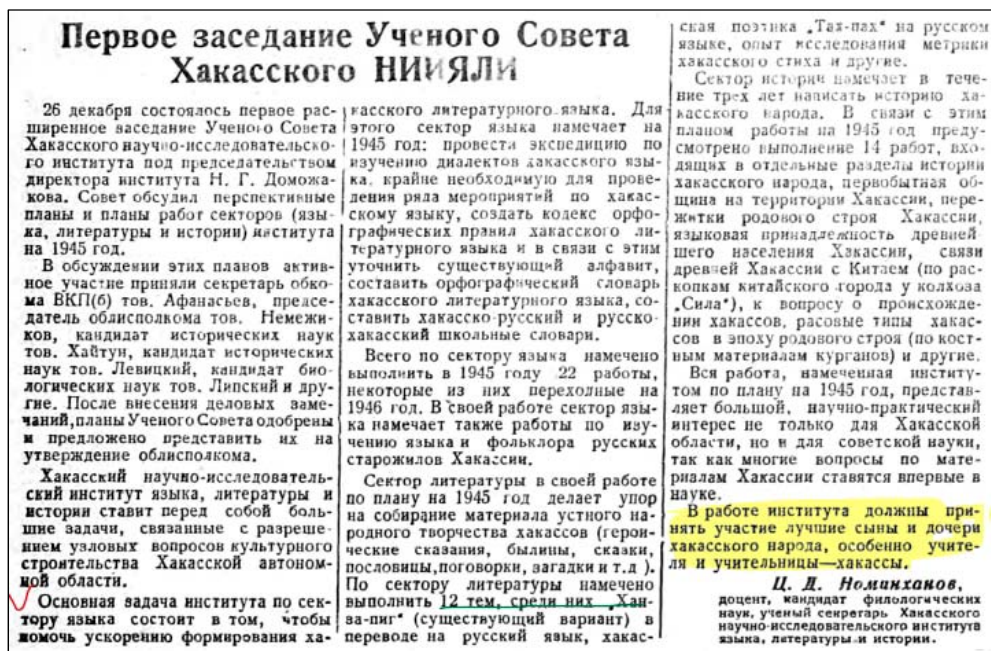

Рис. 2. Первое заседание Ученого Совета ХакНИИЯЛИ.
Советская Хакассия. 1944. 29 декабря

В его составе кроме указанных выше лиц были те ученые, которые в годы Великой Отечественной войны были эвакуированы в Хакасскую автономную область и активно включились в преподавательскую деятельность в стенах Абаканского учительского института и вновь образованного Абаканского государственного педагогического института. Некоторые из них успешно совмещали преподавательскую работу в этих учебных заведениях с научной работой в ХакНИИЯЛИ. В их ряду выделялась фигура А.А. Кенеля, музыканта и композитора, основоположника становления музыкального об-

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

разования в Хакасии, автора первой хакасской оперы «Чанар Хус». Кстати, мало кто знает, что А. Кенель был неплохим шахматистом, регулярно участвуя в чемпионате г. Абакана по шахматам и столь же регулярно занимал призовые места (рис. 3).

Эта небольшая газетная статья была написана первым ученым секретарем института Ц.Д. Номинхановым, как и последующие его публикации в областной прессе. Человек с трагической судьбой и её же волей оказавшийся вдали от своей исторической родины – Калмыкии, будучи кандидатом филологических наук и хорошо знавший бурятский и монгольские языки, он привнес многое в становление Хакасского НИИЯЛИ, в изучение диалектов хакасского языка, топонимики Хакасии. На первой научной конференции в марте 1945 г. в Абаканском пединституте Ц.Д. Номинханов выступил с докладом по топонимике Хакасии [10].

ТАБЛИЦА													
результатов Абаканского городского шахматного турнира													
№№ п/п.	Фамилия участников	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Набр. очков
✓ 1	Яворский	■	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	10
2	Сури	0	■	1	1	1	1	1	0	1	1	1	8
3	Зенцов	0	0	■	1	0	1	1	1	1	1	1	7
✓ 4	Кенель	0	0	0	■	1	1	1	1	1	1	1	7
5	Мельников	0	0	1	0	■	1	1	1	1	1	1	7
6	Левшин	0	0	0	0	0	■	1	1	1	1	1	5
7	Жеребцов	0	0	0	0	0	0	■	1	1	1	1	4
8	Хвостов	0	1	0	0	0	0	0	■	1	1	1	4
9	Шмаков	0	0	0	0	0	0	0	0	■	1	1	2
10	Козлов	0	0	0	0	0	0	0	0	0	■	1	1
11	Трояков	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	■	0

Рис. 3. Турнирная таблица
чемпионата г. Абакана
по шахматам.
Советская Хакасия.
1945. 11 мая

Ц.Д. Номинханов часто печатался в «Советской Хакасии», публикуя статьи не только по основной деятельности института, но и на более широкие темы (об академике Н.Я. Марре, в которой он выступил приверженцем так называемого «марризма» в вопросах о языке, что позднее, очевидно, сыграло негативную роль в его научной деятельности в Хакасском НИИЯЛИ).

Спустя несколько лет после его трудоустройства на работу в институт он стал подвергаться необоснованным гонениям и приказом директора Н.Г. Доможакова, от которого Ц.Д. Номинханов не раз получал благодарности, был уволен и в 1949 г. Он вынужден был уехать из Хакасии, как и другой его коллега и соратник по ссылке И.К. Илишкин, работавший в Абаканском пединституте, с которым они создали букварь для учащихся начальной школы [5]. Разумеется, Н.Г. Доможаков делал это не по собственной воле – отношения между ним и ученым секретарем были вполне нормальные, рабочие и, даже, дружеские. Причина была в том, что в стране в послевоенные годы опять сгустились тучи репрессий, но уже в большей мере идеологиче-

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

ских, начались гонения на интеллигенцию («дело врачей», травля «генетиков», торжество «лысенковщины», постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Звезда» и др.) и директор института по указке «сверху» вынужден был «реагировать» на общеполитическую обстановку в стране – ведь Ц.Д. Номинханов и И.К. Илишкин были калмыцкими спецпереселенцами.

Становление института проходило в трудные годы войны. В небольшом провинциальном городе, каким был Абакан в военное время, насчитывалось в 1944 г. на июнь месяц всего 43 711 чел. [6, л. 10]. Застройка города была практически вся одноэтажная из деревянных домов с приусадебными участками, с несколькими каменными зданиями в центре, одно из которых был Дом Советов, в котором располагались Хакасский обком ВКП(б) и Исполком областного совета. По сути, город представлял собой большой районный поселок без пассажирского автотранспорта и улиц с твердым покрытием. Институту было выделен отдельный одноэтажный дом с печным отоплением. Необходимой мебели для обустройства и работы не было – все приходилось буквально собирать по организациям, а столы заказывать на Абаканской мебельной фабрике.

Рис. 4. Дом, в котором находился ХакНИИЯЛИ до конца 1960-х гг.
Фото из личного архива Л.И. Белоусовой

Штатное расписание Хакасского НИИЯЛИ на 1944 г. (с момента образования) выглядело следующим образом (*таблица 1*).

Смета Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории состояла из следующих статей (*таблица 2*).

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

Таблица 1

Штатное расписание Хакасского НИИЯЛИ на 1944 г.*

Должность	Количество единиц
Директор	1
Помощник директора по админ.-хоз. части	1
Ученый секретарь	1 (доцент)
Зав. секторами (секторы языка, литературы и истории)	3
Старшие научные сотрудники (доценты и кандидаты наук)	6
Младшие научные сотрудники (без степеней и званий)	6
Библиотекарь	1
Управделами	1
Машинистка-переписчица (работающая на 2-х языках)	1
Бухгалтер-кассир	1
Уборщица	2
Дворник-истопник	2
Всего научных и административно-технических работников	26

* Источник: [7, л. 43].

Таблица 2

**Смета Хакасского НИИ языка, литературы и истории на 1944 г.
(без зарплаты)***

Статьи	Сумма, руб.
Наем помещения с отоплением, освещением и коммунальными услугами (по 1 тыс. руб. х 2,5 м-ца)	2 500
Оборудование (приобретение и прокат мебели и инвентаря)	12 000
Ремонт помещения	2 000
Канцелярские принадлежности (бумага, ручки, чернила и пр.)	2 000
Библиотека (приобретение книг, подписка)	25 000
Прочие хозрасходы	1 500
Проведение полевой работы диалектологической экспедиции	5 000
Всего	50 000

* Источник: [7, л. 43об.].

Как видно из сметы института, рассчитанной на период с момента образования института и до конца года, половину от всей суммы составляла статья по библиотеке на приобретение книг и подписку на них. Как уже отмечалось выше, при создании института библиотека была совершенно пуста, и библиотечный фонд формировался как за счет централизованных закупок, так и дарений от частных лиц, ученых, среди которых было немало весьма ценных изданий. В штате института было достаточно большое число технического персонала на небольшой по численности научный коллектив – 9 человек, ведь в доме, в котором он располагался не было централизованного водо- и тепло-

снабжения, канализации, как, впрочем, и в самом городе. Ну, а поскольку ежегодно г. Абакан испытывал большие проблемы с обеспечением топливом, отопление в длинные сибирские зимы в институте во многом зависело от руководства учреждения. Кроме того, в военное время, когда городское население области обеспечивалось продуктовыми карточками (а, следовательно, сотрудники института тоже), директор ХакНИИЯЛИ наряду с другими руководителями организаций города, входил в список номенклатурных работников и состоял на литературном снабжении продовольствием [7, л. 11об.].

Таковы были первые шаги в жизнь Хакасского научно-исследовательского института, сделанные им в суровые годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Алябьева Л.А.* Хроника. О работе института / Л.А. Алябьева // Записки. Выпуск II. Абакан: Хакасское областное государственное издательство, 1951. С. 135–150.
2. *Артамонова Н.Я.* К истории создания Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории / Н.Я. Артамонова // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. 1990. Вып. 3. С. 115–121.
3. *Асочаков В.А.* Научные исследования в Хакасском НИИЯЛИ и пути их развития / В.А. Асочаков // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1986. Вып. 3, № 14. С. 9–15.
4. *Асочаков В.А.* 40 лет Хакасскому НИИЯЛИ / В.А. Асочаков // Из истории советской Хакасии. Абакан: Хакасия, 1986. С. 133–142.
5. *Кышпанак В.А.* Калмыцкие спецпереселенцы на трудовом фронте в Хакасии в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время / В.А. Кышпанак // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1(41). С. 44–54.
6. Национальный архив Республики Хакасия (далее – НА РХ). Ф. 11. Оп. 1. Д. 104.
7. НА РХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 478.
8. Советская Хакасия. 1945. 23 марта. С. 4.
9. Советская Хакасия. 1955. 5 января. С. 2.
10. *Тугужекова В.Н.* К истории становления и развития Хакасского НИИЯЛИ (1944–1999 гг.) / В.Н. Тугужекова // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. 2000. Вып. XXI: Хакасия: история и современность. С. 5–11.
11. *Тугужекова В.Н.* ХакНИИЯЛИ – 55 лет / В.Н. Тугужекова // 55 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории: материалы региональной научной конференции (18–19 ноября 1999 г.). Абакан: Стрелка, 2001. С. 5–6.
12. *Тугужекова В.Н.* Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории: история и современность (к 60-летию со дня образования) / В.Н. Тугужекова // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. 2005. Вып. XXII. С. 5–9.
13. *Тугужекова В.Н.* К истории становления и развития хакасского НИИЯЛИ (1944–2014 гг.) / В.Н. Тугужекова // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

и истории (24–26 сентября 2014 г.). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2014. С. 6–13.

14. *Ултургашев С.П.* Научный центр Хакасской автономной области: к 25 летию ХакНИИЯЛИ / С.П. Ултургашев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. 1970. Вып. 15. С. 6–19.

15. *Устинова А.Ф.* Библиотека Хакасского научно-исследовательского института / А.Ф. Устинова // Записки. Вып. II. Абакан: Хакасское областное государственное издательство, 1951. С. 151–153.

16. Ученые Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (к 75-летию ХакНИИЯЛИ). Абакан: Журналист, 2019. 144 с.

17. *Чанков Д.И.* Путь, пройденный за 20 лет / Д.И. Чанков // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. 1965. Вып. 11. С. 3–12.

Кышпанакوف Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Хакассский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия, г. Абакан, kyshpanakovv@mail.ru

Kyshpanakov Vladimir A., Doctor of Sciences (History), Candidate of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russia, Abakan, kyshpanakovv@mail.ru

УДК [94(470.345)+001.89(091)].084.8

П.С. Учватов

**МОРДОВСКИЙ НИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. Статья посвящена работе Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры (современный НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия) в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Приводится краткий обзор научных исследований и основных направлений работы института на одном из самых сложных этапов его функционирования как научного учреждения. Отмечается, что одна из главных проблем, с которой сталкивался институт – нехватка кадров, – существовала еще в довоенное время, и с лета 1941 г. еще больше усугубилась. Уделено внимание условиям труда ученых, вынужденных работать в крайне стесненных обстоятельствах. В статье подчеркивается, что несмотря на кризис, связанный с войной и военным положением, институт продолжал действовать на протяжении большей части рассматриваемого периода (за исключением краткого времени с сентября 1941 г. по июнь 1942 г., когда он вынужденно прекращал свою работу). Ученые Мордовского НИИ социа-

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

листической культуры внесли свой вклад в общую Победу советского народа над врагом как на фронте с оружием в руках, так и в тылу, путем ведения патриотической и просветительской деятельности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыл, региональная наука, научное учреждение, Мордовская АССР.

P.S. Uchvatov

**MORDOVIAN RESEARCH INSTITUTE OF SOCIALIST
CULTURE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract. The article is devoted to the work of the Mordovian Research Institute of Socialist Culture (now the Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia) during the Great Patriotic War of 1941–1945. A brief overview of scientific research and the main areas of work of the Institute at one of the most difficult stages of its functioning as a scientific institution is given. It is noted that one of the main problems faced by the Institute – the shortage of personnel – existed even before the war, and since the summer of 1941 it has worsened even more. Attention is paid to the working conditions of scientists who were forced to work in extremely cramped circumstances. The article emphasizes that despite the crisis associated with the war and martial law, the Institute continued to operate throughout most of the period under review (with the exception of a short time from September 1941 to June 1942, when it was forced to cease its work). Scientists from the Mordovian Research Institute of Socialist Culture made their contribution to the overall Victory of the Soviet people over the enemy both at the front with weapons in hand and in the rear, through patriotic and educational activities.

Keywords: The Great Patriotic War, home front, regional science, scientific institution, Mordovian ASSR.

Научно-исследовательский институт социалистической культуры (далее – НИИСК) при Совете Народных Комиссаров (далее – СНК) Мордовской АССР был образован в 1932 г. как Институт мордовской национальной культуры. На раннем этапе его деятельность в основном была направлена на обобщение вопросов хозяйственного и культурного строительства недавно созданной мордовской автономии. С марта 1937 г. учреждение было переименовано в НИИ языка, литературы и истории, а с мая 1940 г. – в НИИСК. В данном статусе оно работало до очередной реформы в 1951 г., когда было преобразовано в НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров Мордовской АССР.

Становление института проходило в сложных условиях постоянной нехватки средств и структурных реорганизаций. Особенно пагубно сказались на работе учреждения репрессии второй половины 1930-х гг. Для лучшего понимания условий, в которых находились региональные ученые накануне и в начале Великой Отечественной войны, приведем здесь некоторые сведе-

ния, полученные во второй половине 1938 г. в ходе проверки учреждения. Так, НИИСК испытывал проблемы с комплектованием научными кадрами, а условия труда имевшихся работников характеризовались как «безобразно плохие». В здании института было всего две рабочие комнаты, в одной из которых размещались все три действующих научных сектора, в другой – три сектора аспирантов. Естественно, что в условиях такой стесненности сектора мешали друг другу в работе. Не лучше обстояло дело и с квартирным вопросом: на семью из трех человек приходилось около 6 кв. м жилой площади, а СНК республики не принимал мер к обеспечению ученых квартирами. В результате таких условий научные сотрудники подавали заявления об увольнении [11, л. 128]. Тем не менее, к началу войны дирекции института удалось постепенно улучшить организацию научной деятельности.

Комиссия СНК, проверявшая работу института в мае – июне 1941 г., наряду с недостатками выявила и определенные успехи, достигнутые научными секторами. Например, была завершена подготовка монографий об истории г. Саранска до 1861 г. и о революции 1905–1907 гг. на территории мордовского края, а также сборника документов по истории Мордовии. Велась работа над мордовско-русскими словарями, разрабатывались вопросы синтаксиса мордовских языков. Сотрудниками института создавались ценные связи с научными организациями из Москвы и регионов страны, совместно с учеными из центральных научных учреждений проводились археологические экспедиции [17, с. 57]. Начавшаяся война изменила все имевшиеся планы на дальнейшее развитие научных исследований.

С первых месяцев Великой Отечественной войны институт включился в общую работу по мобилизации и перестройке тыла. В соответствии с директивами советско-партийных органов, в республике организовывались группы самозащиты, широко разворачивалось обучение населения противовоздушной и противохимической обороне [5, с. 29–30]. В июле 1941 г. в НИИСК была создана группа самозащиты, включавшая звенья противохимической защиты, пожарное и медико-санитарное (с 16 июля были добавлены также звенья: охраны порядка и наблюдения, пожарно-аварийное). Общее руководство группой осуществлял директор института В.И. Самаркин [17, с. 58].

Сотрудники НИИ добровольно уходили на фронт защищать Родину. Среди участников войны были Л.С. Кавтаськин, И.М. Корсаков, Т.Е. Купряшкин, Ф.А. Макаров, А.И. Маскаев, П.Д. Степанов и другие ученые. В составе сформированной на территории Мордовии 326-й Рославльской стрелковой дивизии прошел боевой путь от Подмосковья до Эльбы заведующий сектора мордовских языков Н.Ф. Цыганов, служивший командиром взвода, начальником штаба артиллерийского полка. Он был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, медалями, удостоен многих грамот и благодарностей командования. После возвраще-

ния в Саранск снова устроился работать в институт, и в 1946–1948 гг. занимал пост его директора [8, с. 280–281]. Не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны талантливый историк и краевед С.П. Вернер (1903–1943), ученый секретарь института Ф.В. Сульдин (1900–1942), научный сотрудник сектора мордовских языков Л.П. Тарасов (1913–1942), научный сотрудник сектора истории НИИСК, затем декан Мордовского педагогического института Г.Н. Ярославцев (1902–1945). В 2022 г. в память о погибших воинах на фасаде здания НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия была установлена мемориальная доска.

Из-за мобилизации населения в Красную армию, а также тяжелейшего финансового положения, когда все средства направлялись в помощь фронту, ситуация с научными кадрами еще более усугубилась. В первые месяцы войны штат НИИСК подвергся сокращению; по этой причине коллектив были вынуждены покинуть сотрудники сектора истории Д.Г. Наумова и Н.П. Руткевич, сектора литературы и фольклора Ф.А. Макаров и К.Т. Самородов, сектора мордовских языков А.П. Ворожейкин и А.К. Имяреков [8, с. 268–269]. В сентябре 1941 г. институт был временно закрыт.

Его деятельность возобновилась в июне 1942 г., когда учреждение передали в ведение Наркомата просвещения республики. Приказом наркома от 29 июля 1942 г. новым директором была назначена Д.Г. Наумова [7, л. 20].

Условия труда ученых и работы института в целом оставались крайне тяжелыми, а кадров катастрофически не хватало, что сказывалось на качестве проводившихся исследований. К 1943 г. в НИИСК действовали два сектора (мордовских языков и литературы; истории). В учреждении осталось всего 3 научных работника, директор, заведующий библиотекой и технический персонал. В декабре 1943 г. в связи с увеличившимся объемом работы СНК республики постановил расширить штат института, восстановив должности ученого секретаря и заведующего хозяйством, а также увеличив число научных работников до 8 чел., включая двух заведующих секторами [12, л. 191, 198, 202].

Однако, несмотря на серьезные проблемы, даже в самые тяжелые годы научная работа НИИСК продолжалась. Так, в период Великой Отечественной войны защитили кандидатские диссертации работники института – историк Д.Г. Наумова (1941), языковеды А.К. Имяреков (1944) и М.Н. Колядёнков (1944). Во второй половине 1941 г. были подписаны в печать очередные «Записки» Мордовского НИИСК (4-й выпуск, «Язык и литература»), работа над которыми велась еще до войны. В рамках этого издания были опубликованы статьи известного финно-угроведа, доктора филологических наук, профессора Д.В. Бубриха, а также мордовских ученых – сотрудников и аспирантов института М.Н. Колядёнкова, А.И. Маскаева, М.И. Пигина [1]. В 1942–1943 гг. институтом были подготовлены «Очерки по истории мордовского народа XVIII в.», «Учебник мокшанского языка: грамматика и право-

писание. Часть 2», «Эрзянский советский фольклор», «Обучение русскому языку в мордовской школе: пособие для преподавателей мордовских школ», «Русско-мокшанский словарь для начальной школы», другие книги и брошюры [17, с. 60–61].

5 мая 1943 г. Мордовский обком ВКП(б) принял решение о начале работы по сбору материалов и составлении истории Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Координировать эту деятельность было поручено НИИСК, и в том же году сектор истории института подготовил план-проспект предполагаемой книги. Рукопись должна была содержать четыре основных раздела: роль трудящихся республики в первые годы войны; подборка писем с фронта и на фронт; очерки о героях фронта и тыла; сборник литературных и фольклорных произведений о войне. Несмотря на явные недостатки этого неопубликованного сборника, во многом связанные с дефицитом времени и непродуманностью отдельных его частей, профессор В.А. Юрчёнков справедливо отмечал, что «это была первая попытка осмысления истории Мордовии в годы Великой Отечественной войны, заложившая основы будущей историографии» [6, с. 15]. В 1944 г. вышла брошюра В.И. Самаркина «Мордовский народ в борьбе за Родину», в это же время сотрудником института Н.П. Руткевичем велась работа над книгой «Славные сыны Мордовии на фронтах Отечественной войны», изданной в 1946 г. Будучи продуктами своего времени, они решали определенные идеологические задачи и в первую очередь были призваны формировать у читателя чувство патриотизма, являясь не только научными, но и публицистическими изданиями. Тем не менее, в работах отмечались многочисленные примеры героизма на фронте и в тылу, добровольческого движения, трудового подъема населения и т.д., фактически это был первый опыт исследования вклада мордовского народа в борьбу против немецко-фашистских захватчиков [6, с. 15–16].

Стоит также отметить, что на протяжении военных лет учеными института велась важная просветительская работа, способствующая поддержанию патриотизма в тылу. Ими читались научно-популярные лекции по истории Мордовии, делались доклады в госпиталях и исторических кружках при школах, готовились статьи для республиканских газет [17, с. 61]. НИИСК поддерживал связь с подшефной Рославльской 326-й стрелковой дивизией, направляя письма служащим в ее составе уроженцам Мордовии и получая от них письма с фронта [8, с. 272].

17 апреля 1944 г. вопрос об институте рассматривался на заседании бюро Мордовского обкома партии, где было признано отсутствие нормальных условий для работы учреждения. Здание НИИ требовало капитального ремонта, ценные книги и архивные фонды хранились в сыром помещении и постепенно приходили в негодность. Кроме того, за последние годы НИИСК растерял научные кадры, а имевшийся штат не мог обеспечить ре-

шения всех задач, поставленных перед учреждением. Обком ВКП(б) постановил восстановить ранее действовавшие научные сектора (исторический, мордовских языков и литературы, экономический) и обозначил их конкретные задачи. Штат института следовало довести до 25 единиц, включая 18 чел. научного персонала [9, л. 184–185, 219].

В конце 1944 г. СНК Мордовской АССР признал, что институт фактически не справлялся с поставленными перед ним задачами по изучению культурного и экономического развития республики. Сказывался общий упадок, в который пришла научно-исследовательская деятельность за последние годы: подготовленные к выпуску труды часто имели низкий «идейный и политический уровень», институт утратил связи с центральными учреждениями и общественными организациями республики, неправильно планировал свою деятельность (при крайне ограниченных возможностях предполагалась разработка одновременно многих тем), не проводил работу по повышению квалификации и общекультурного развития своих сотрудников. Нехватка помещений, с которой НИИСК сталкивался и до войны, теперь усугублялась тем, что часть здания института оказалась занята сторонними учреждениями, в частности, была отдана под квартиру управляющего Мордовским спиртотрестом [13, л. 419–419об.]. «Институт не имеет собственного помещения, – указывалось в докладной записке заместителя заведующего отдела агитации и пропаганды Мордовского обкома ВКП(б), – коллектив научных работников размещается в двух небольших комнатах, куда можно расставить не больше 7–8 рабочих столов, не говоря уже об этажерках и шкафах для книг... Не имея места даже для расстановки письменных столов, научные сотрудники вынуждены ходить по учреждениям города (Мордгиз, пединститут, архив, радиокомитет) искать себе места для работы» [10, л. 3].

Уже после окончания войны, 1 июля 1945 г., директор НИИСК Г.Я. Меркушкин так описывал условия труда ученых в этот период: «Пять научных работников, в том числе и директор... не имеют квартир, ютятся со своими семьями в частных неблагоустроенных комнатухах или кухнях. В то же время пять комнат в помещении института занимает директор спиртотреста... В течение всей зимы и весны институт был лишен электрического света, а на квартире директора спиртотреста постоянно горел электрический свет. Торговые организации, как правило, обходят научных работников, объясняя это тем, что "упустили из виду"» [4].

Серьезным препятствием на пути эффективной организации научных исследований стала ведомственная подчиненность института Наркомату просвещения Мордовской АССР. Это решение, принятое в 1942 г., не оправдало себя и было признано ошибочным. Такое положение заметно сужало сферу деятельности НИИСК и отрывало его от решения многих актуальных задач, стоявших перед республикой. К тому же обком ВКП(б) признавал, что наркомат «недостаточно» руководил работой института и не кон-

тролировал выполнение планов [9, л. 184]. Косвенным подтверждением этого является то, что среди приказов и распоряжений по производственной деятельности Наркомата просвещения за 1942–1943 гг. не отложились документы, связанные с работой НИИСК, то есть фактически руководством институтом наркомат занимался «по остаточному принципу» [15; 16]. В связи с этим в декабре 1944 г. было принято решение о переподчинении института непосредственно СНК Мордовской АССР [13, л. 419–419об.].

Незадолго до этого, в сентябре того же года, сменилось руководство НИИ. Директором был назначен вернувшийся с фронта после тяжелого ранения молодой историк Г.Я. Меркушкин, в будущем известный в республике советский и партийный деятель, ректор Мордовского государственного университета. Его заместителем по научной работе, одновременно являвшимся ученым секретарем, был утвержден ранее исполнявший обязанности директора П.С. Шишканов.

Одной из главных задач, стоявших перед новым руководством института, было решение проблемы кадров. Учитывая крайне острый недостаток специалистов, с которым в то время сталкивались почти все республиканские организации и учреждения, новому директору, развернувшему энергичную деятельность, удалось достаточно быстро достичь определенных результатов. Так, в первый же год работы Г.Я. Меркушкина директором коллектив института был укреплен семью сотрудниками, включая фронтовиков И.М. Корсакова, А.И. Маскаева, П.Д. Степанова. В 1945 г. ученым секретарем НИИСК был назначен мордовский языковед С.Г. Потапкин, автор первых школьных учебников на мокшанском языке [8, с. 277]. Заведующими основными научными подразделениями работали В.И. Самаркин (сектор истории), М.А. Афанасьев (экономический сектор), кандидат филологических наук М.Н. Колядёнков (сектор мордовских языков, литературы и фольклора). Членами ученого совета института также являлись научные сотрудники: кандидат филологических наук А.К. Имяреков, кандидат исторических наук Д.Г. Наумова, Н.П. Руткевич, К.Т. Самородов.

С целью укомплектования НИИСК высококвалифицированными научными работниками и развития сотрудничества с ведущими учеными из других регионов страны начали возобновляться и укрепляться связи с Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, учреждениями Академии наук СССР, другими центральными научно-образовательными организациями. Примечательно, что в состав ученого совета института, утвержденного в январе 1945 г., вошли профессор Ленинградского государственного университета Д.В. Бубрих и профессор МГУ им. М.В. Ломоносова В.И. Лебедев [14, л. 241–242].

В соответствии с производственным планом, утвержденным постановлением СНК Мордовской АССР от 31 января 1945 г., перед институтом ставилось несколько основных направлений работы: изучение вопросов истории

мордвы и мордовского края; сбор и обработка материалов об участии трудящихся Мордовии в Великой Отечественной войне; исследование мокшанского и эрзянского языков, литературы и фольклора; изучение экономических и энергетических богатств Мордовии; разработка вопросов истории, языка, литературы и фольклора в плане применения в школьной практике [14, л. 191]. В последний период войны историками института велись исследования в рамках таких тем, как «Герои фронта и тыла по Мордовской АССР», «Промышленность на территории Мордовии в XVII–XIX вв.», «Участие мордовского народа в движении С. Разина» и т.д. Литературоведы начали работу над «Очерками по истории мордовской советской литературы», ими разрабатывались темы «А.И. Полежаев как переводчик», «Мордовская литература и критика», «Мордовский советский фольклор». Языковеды приступили к проектам «Имена прилагательные в эрзянском языке», «Предлоги в русском языке и послелог в мордовских языках», «Методика преподавания эрзянского языка в средней школе». В конце 1944 – начале 1945 г. сотрудников НИИСК также командировали в районы республики для сбора фольклорного материала о Великой Отечественной войне [17, с. 62–64].

Возобновилась и работа над периодическим изданием – «Записками» НИИСК: в конце 1944 – первой половине 1945 г. велась подготовка к печати двух номеров. В 1946 г. после большого перерыва они вышли в свет: в пятом выпуске «Записок» рассматривались вопросы мордовских языков и литературы [2], шестой был посвящен проблемам истории и археологии мордовского края [3].

Таким образом, с переходом к мирному послевоенному развитию в институте закладывались основы для дальнейшей научно-исследовательской деятельности, которая велась на протяжении последующих десятилетий. Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что научно-исследовательская работа сотрудников Мордовского НИИ социалистической культуры не прекращалась (не считая непродолжительного периода) и в годы Великой Отечественной войны, велась в условиях жесткой экономии средств и сокращения кадров. Во многом она основывалась на энтузиазме и упорном труде отдельных ученых – патриотов своей страны и малой родины, деятельность которых способствовала изучению истории и культуры Мордовии, была направлена на формирование и укрепление патриотизма народа, ведущего борьбу против фашизма.

Источники и литература

1. Записки Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры при СНК Мордовской АССР. Вып. 4. Язык и литература. Саранск: Изд-во МНИИСК, 1941. 146 с.

**Раздел 6. Наука и высшее образование в годы
Великой Отечественной войны**

2. Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 5. Язык и литература. Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1946. 108 с.
3. Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 6. История и археология. Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1946. 162 с.
4. Меркушкин Г. Исследовательский институт нуждается в помощи Г. Меркушин // Красная Мордовия. 1945. 1 июля.
5. Мордовия. 1941–1945: сб. док. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 752 с.
6. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Юрченкова. Саранск: НИИГН, 2005. 384 с.
7. Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. О-225. Оп. 3. Д. 119.
8. Продолжая славные традиции...: к 90-летию НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия / отв. ред.: Г.А. Куршева, Е.Н. Бикейкин. Саранск: НИИГН, 2022. 608 с.
9. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 862.
10. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 955.
11. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 554.
12. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 935.
13. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 991.
14. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1049.
15. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 483.
16. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 600.
17. Центр гуманитарных наук: история и современность / сост. Е.В. Глазкова, А.В. Чернов; отв. ред. В.А. Юрченков. Саранск: НИИГН, 2008. 424 с.

Учватов Павел Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, г. Саранск, uchvatov.pavel@yandex.ru

Uchvatov Pavel S., Doctor of Sciences (History), Leading Researcher at the Department of History, Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Russia, Saransk, uchvatov.pavel@yandex.ru

РАЗДЕЛ 7

Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

УДК 94(574.2)"1941/45"

А.С. Мусагалиева

ИСЛАМ В КАЗАХСТАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается роль и место ислама в Казахстане в годы Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено изменению политики или отношению государства к верующим мусульманам, в том числе разрешению на открытие мечетей и регистрацию мусульманских общин. В статье использованы документы Специального государственного архива Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, Государственного архива Павлодарской области и др. Многие документы до сих пор не введены в научный оборот.

Ключевые слова: религия, ислам, казахи, Великая Отечественная война.

A.S. Musagaliyeva

ISLAM IN KAZAKHSTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article examines the role and place of Islam in Kazakhstan during the Great Patriotic War. The main focus is on changing the policy or attitude of the state towards Muslim believers, including allowing mosques to open and registering Muslim communities. The article uses documents from the Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, the State Archive of the Pavlodar region, etc. Many documents have not yet been introduced into scientific circulation.

Keywords: Religion, Islam, Kazakhs, Great Patriotic War.

В первые годы Советской власти ислам в Казахстане был под запретом. На это была веская причина. Только в 1929–1930-х гг. были ликвидированы все 45 мечетей в Тайпакском районе Уральского округа, 14 мечетей в Бат-

паккаринском районе Кустанайского округа. Такое же положение было в целом ряде районов Семипалатинского округа. Потоки жалоб о закрытии мечетей без учета мнения и настроения народа шли из Туркестанского района, где мавзолее Ахмеда Ясави издревле являлся местом паломничества верующих [5, с. 293]. После этого протесты народа, вызванные экономическими проблемами, созданными новой властью, привели к актуализации религиозных идей, находившихся под запретом. Массовые восстания и протестные выступления в Казахстане начались после экономических преобразований, в том числе после конфискации, в период «ликвидации кулака как класса», седентаризации.

В восстаниях 1930-х гг. участвовало большое количество ишанов и мулл, ими была сформирована национальная армия сарбазов. Народ был настроен против безбожничества, запрета на религиозные суждения. Протестные выступления среди мусульманского духовенства были вызваны, в первую очередь, неприятием, объявленной новой властью идеологии атеизма, безбожничества. Повсеместно закрывались и подвергались разрушению мечети, а сами муллы становились «лишенцами». После этого около десяти лет религия находилась под полным запретом. В период Большого террора многие муллы были репрессированы.

Но с началом Великой Отечественной войны в Советском Союзе изменилось отношение государства к религии, в том числе в национальных республиках, в Казахстане. По мнению ученых, война послужила причиной пересмотра государственной политики в отношении религии с целью объединения народа, так как наиболее важным для государства было идейное перемирие [6, с. 31]. Казахи с другими мусульманами страны стали открыто проповедовать ислам.

Причины такого резкого изменения отношения власти к исламу учеными трактуются по-разному. По мнению казахстанского историка Г. Мухтаровой, это было связано с политикой немецкого командования. Она пишет, что «только год спустя после начала войны, когда стала очевидна политическая значимость конфессионального вопроса, руководство страны пересматривает отношение к религии и церкви. Его тревогу вызвала политика немецкого командования, которое высоко оценивало факторы многонациональности и многоконфессиональности СССР как стратегически важные для успеха военной операции против него» [8, с. 127]. Некоторые российские историки связывают это с выполнением условий по поставкам в рамках ленд-лиза: «в октябре 1941 года СССР получил от США для покупки оружия и необходимых материалов заём в 1 млрд долларов. Советское государство было вынуждено смягчить религиозную политику в связи с необходимостью подписания «Декларации 26 государств», упорно продвигаемой руководством США в качестве условия создания антигитлеровской коалиции» [7, с. 313].

Патриотическое поведение мусульман в годы Великой Отечественной войны (внутренний фактор) и изменение положения СССР на международной арене (внешний фактор) сыграли очень важную роль с точки зрения ослабле-

ния нажима власти на верующих [3, с. 155]. Мы согласны с мнениями данных ученых, в любом случае, в религиозной жизни мусульман произошли позитивные перемены. По мнению казахстанских историков, именно этот период стал важнейшим этапом для возрождения ислама в жизни советских тюркских народов.

Казахи активно участвовали в Великой Отечественной войне. Так, к началу войны количество казахов мужчин призывного возраста составляло 453 436 чел., из них в течение войны было призвано в Красную армию 336 693 чел., мобилизовано в рабочие строительные колонны – 86 022 чел. [13, л. 10]. Учитывая, что в конце 1930-х гг. численность казахов составляло около 2 млн чел., то почти 30 % населения были участниками данной войны, также в последующие годы их число выросло в связи пополнением молодежи.

Итак, в первый же месяц войны, 18 июля 1941 г., муфтий Центрального духовного управления мусульман Абдурахман Расулев, долгие годы игнорируемый правительством, обратился к мусульманам СССР: «Духовное управление мусульман призывает вас к защите Родины. В мечетях молитесь за победу Красной армии. Оказание помощи является духовной обязанностью мусульман». Воззвание прозвучало самостоятельно без санкции сверху, что до войны считалось нарушением закона о цензуре [8, с. 147]. После этого, мусульманское духовенство Казахстана стала активизироваться.

В конце 1941 г. муфтием А. Расулевым было выпущено и разослано мусульманскому духовенству и верующим обращение с призывом к мусульманам встать на защиту родины [14, л. 149]. Это обращение нашло широкий отклик и готовность верующих оказывать всемерную поддержку советскому правительству и Красной армии. Учитывая это, органы силовых структур не создавали препятствий распространению патриотического воззвания среди верующего населения. Данное обращение в значительной части способствовало парализации антисоветской активности мусульманского духовенства, а также создало перелом в настроениях мулл и верующих.

В Казахстане данное обращение было поддержано местным народом. Например, в Кувском районе Карагандинской области, прочитав обращение, мулла Ибрагимов сказал: «сидеть сложа руки сейчас нельзя, все силы надо приложить к тому, чтобы обеспечить нашу Красную армию теплой одеждой и продуктами» [11, л. 148].

Только в 1942 г. руководство страны обратило внимание на патриотическую позицию мусульман и санкционировало проведение чрезвычайного совещания представителей мусульманского духовенства европейской части РСФСР, Сибири и Казахстана в мае 1943 г. в Уфе. «Обращение представителей мусульманского духовенства к верующим по поводу немецко-фашистской агрессии» было подписано в числе других мухтасибом г. Семипалатинска А. Шамсутдиновым и Ж. Исанжановым. Обращение мусульманского духовенства 1942 г. положило начало новым отношениям государства и ислама [8, с. 147].

Мусульмане Казахстана на повестку дня поставили вопрос о необходимости открытия мечетей в регионах. 12 декабря 1942 г. в г. Алма-Ате группа верующих во главе с муллой Абсалимом Аминовым обратилась с просьбой в Верховный Совет Казахской ССР разрешить им открыть мечеть и заниматься совершением религиозных обрядов. Начальник секретно-политического отдела НКВД Казахской ССР Головкин в справке написал: «учитывая важность проводимой нами патриотической работы среди верующих мусульман, целесообразно разрешить открыть в городе Алма-Ата одну мечеть» [11, с. 146]. В городе более подходящими были две мечети: 1) бывшая уйгурская мечеть, расположенная по адресу: ул. Дзержинского, 57, она была занята под общежитие фельдшерской школы, площадью на 30 коек (при этом у фельдшерских школ в городе были еще два общежития); 2) бывшая дунганская мечеть по адресу: ул. Красноармейская, 3, которую забрали для нужд автошколы (занятия в автошколе проводятся в вечернее время).

Но к пониманию значимости религиозного фактора руководство страны пришло с запозданием, лишь в 1943 г. [8, с. 131]. Именно тогда было создано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ). В целом, управление мусульман СССР осуществляло четыре независимых друг от друга центра. При СНК СССР в мае 1944 г. был создан Совет по делам религиозных культов (СДРК) [10, с. 63].

До этого времени в Казахстане имелась только одна действующая община мусульман в г. Семипалатинске [15, л. 236]. В мечети служил известный мулла Абдулгаффар Шамсутдинов. Он был одним из наиболее одаренных ученых в казахских степях, постигших религиозную науку, и внес большой вклад в распространение ислама в Казахстане [10, с. 151]. Он родился в 1884 г. в татарской семье в Усть-Каменогорске. Обучался в Казанском медресе, стал первым кази от Казахской ССР при Среднеазиатском Духовном управлении мусульман [9, с. 26]. К сожалению, жизнь и деятельность этого выдающегося человека до сих пор не изучена.

Итак, в мае 1943 г. при Центральном духовном управлении мусульман г. Уфы состоялось совещание представителей мусульманского духовенства. Казахстан в нем представлял мулла А. Шамсутдинов. В октябре 1943 г. в Ташкенте состоялся первый съезд представителей мусульманского духовенства и верующих Центральной Азии. Казахстанскую делегацию возглавлял Абдулгаффар Шамсутдинов, на съезде его назначили председателем казахстанского казията при Среднеазиатском духовном управлении [14, л. 148]. После этого, представители мусульманского духовенства созывали на местах собрания верующих, на которых распространяли обращения ЦДУМ, призывали население к патриотизму и труду в тылу Красной армии. Съезд также подготовил обращение ко всем мусульманам Центральной Азии и Казахстана, которое было переведено на национальные языки тюркских народов. После съезда участники информировали народ о принятых решениях Среднеазиатского духовного управления.

После этого в Казахстане стали собирать материальную помощь от верующих для помощи фронту. На празднике «Курбан-айт», на богослужениях муллы зачитывали обращение Духовного управления мусульман. Например, в Карагандинской области мулла Картбеков сказал: «это обращение для нас, казахов, большая радость, мы победим Германию, обратимся ко всем мусульманам, чтобы они всегда были готовы пролить свою кровь за Советскую власть»; во время «Курбан-байрам» в г. Акмолинске перед многолюдным торжественным богослужением мулла Сатыбалдин заявил: «решениями съезда я доволен, потому что они направлены на то, как бы скорее покончить с врагом, разбить немцев. После войны должна быть хорошая жизнь»; имам Кулмагамбетов в г. Павлодаре перед 1 000 верующих обратился со следующими призывом: «Мусульмане, все вы знаете, что мы ведем борьбу с врагами нашей родины. Советское правительство, нам верующим разрешило молиться, я с уверенностью могу сказать, что среди Вас нет ни одного человека, который бы не имел в Красной армии сыновей, братьев и сестер, а поэтому нам, верующим, необходимо собрать средства в фонд обороны страны и, тем самым, помочь советскому правительству» [14, л. 151]. В те годы, после нескольких лет запрета, муллы и имамы пользовались большим авторитетом у народа.

Бывший бай и религиозный деятель Темиржан Биболов из колхоза «Ленин-Жол» Восточно-Казахстанской области внес на строительство танков 8 тыс. руб., его примеру последовали другие верующие Джанкалов и Атабаев, они внесли по 1 тыс. руб. В колхозе имени Джамбула этой области собрали 12 тыс. руб. в фонд обороны [14, л. 148].

Для сбора средств муллы использовали религиозные праздники, например, «Курбан айт», который был 7 декабря 1943 г. В Алма-Ате было проведено торжественное моление, в котором участвовало около 1 тыс. чел. Для проведения молебна горисполком предоставил помещение бывшей казахской мечети. Молебном руководил известный мулла А. Шамсутдинов, верующие внесли в фонд обороны 10 тыс. руб. В г. Караганде мулла Галиев собрал свыше 10 тыс. руб. В центре Жана-Аркинского района на молебен пришли до 300 чел. верующих, мулла Шокаев собрал свыше 10 тыс. руб. В г. Акмолинске состоялось многолюдное торжественное богослужение, после которого в Госбанк была сдана 21 тыс. руб. В г. Петропавловске в доме муллы Кашенова состоялось собрание, посвященное результатам работы съезда, около 70 чел., собрал 2 тыс. руб. В г. Павлодаре перед верующими (около 1,5 тыс. чел.) после совершения религиозного обряда имам Кулмагамбетов обратился к верующим, в Западно-Казахстанской области – мулла Лукпан Кульбараков [15, л. 147]. В результате в 1943 г. мусульманское духовенство Казахстана в фонд обороны страны отправило 300 тыс. руб.

24 марта 1944 г. Нарком государственной безопасности Казахской ССР А. Бабкин отправил докладную записку секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н. Скворцову о политическом настроении мусульманского духовенства и верующих Казахстана [14, л. 146]. В докладной записке отмечено, что в на-

чале войны особая активность мусульманского духовенства была в Южно-Казахстанской, Джамбулской, Семипалатинской, Западно-Казахстанской областях. Также особенно выделено возрастание и стремление верующих и духовенства к открытию мечетей и легализации религиозной деятельности.

Безусловно, после таких мероприятий люди хотели открыть мечети и свободно отправлять богослужение. Например, об этом писали в письмах муллы Нурмашев из Западно-Казахстанской области, Байконыров из колхоза «Жана-Арык» Актюбинской области, мулла Кокиев из г. Кызыл-Орда, имам Кулмагоматов из Павлодарской области [14, л. 146].

В сентябре 1944 г. Нарком государственной безопасности Казахской ССР С. Огольцов написал письмо секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н. Скворцову, в котором указал, что после съезда возросли стремления к открытию мечетей и легализации религиозной деятельности. Он отметил также, что верующие активно продолжали ходатайствовать об этом перед советскими органами [12, л. 11]. Поэтому Наркомат поставил вопрос об открытии в Казахстане 13 мечетей.

В 1944 г. была зарегистрирована еще одна мусульманская община. Таким образом, активно шла поддержка ислама [15, л. 236]. В этом же году председатель Совета по делам религиозных культов И.В. Полянский отправил письмо в Совет Народных Комиссаров СССР, в котором просил Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана дать разрешение выехать в Мекку [4, с. 34]. Из Казахской ССР был представлен только один человек.

17 сентября 1944 г. руководители мусульманских общин г. Павлодара Р. Кулмагамбетов и Х. Тарчаков написали заявление Павлодарскому облисполкому о разрешении на проведение айт-рамазана [2, л. 68]. Они отметили, что «будут молиться Богу и просить Аллаха победу над фашистами и собирать средства для фонда обороны». 19 декабря 1944 г. они еще раз написали письмо об открытии мечети и регистрации мусульманской общины и имама [2, л. 97]. В городе имелись два здания бывших мечетей, одно было переоборудовано, став филиалом Казахской государственной филармонии имени Джамбула, второе – деревянное – было передано в ведение облторга для оборудования под швейную мастерскую, но мастерская не работала. Верующие хотели возродить старую казахскую мечеть в городе. 22 декабря этого же года облисполком сделал заключение об открытии мечети в г. Павлодаре и отправил письмо в СНК Казахской ССР. 18 января 1945 г. заместитель председателя СНК КазССР А. Заговельева и уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СНК по КазССР Н. Сабитова поручили председателю Павлодарского облисполкома К. Макину предоставить сведения о действующих и закрытых молитвенных зданиях религиозных культов [1, л. 57]. 14 июня 1945 г. в городе мусульманская община составила договор о передаче в бессрочное бесплатное пользование здания мечети. После долгой переписки с вышестоящими органами власти 20 июня 1945 г. в Павлодаре была открыта мечеть.

Однако создание духовных управлений мусульман в Уфе, Баку и Ташкенте не повлекло за собой открытия аналогичных учреждений в Казахстане [5, с. 31]. Казахстанские мусульмане тесно работали с ними, но не спешили открывать такие организации у себя. По архивным документам можно установить, что в республике такой вопрос даже не поднимался. По нашему мнению, до войны ислам и ведущие ишаны, муллы были жестко репрессированы, поэтому в аулах остались только муллы.

Для религиозных деятелей Казахстана было важнее открытие мечетей и регистрация религиозных общин. После постановления СНК от 19 декабря 1944 г. № 1944 «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов», в 1945 г. молитвенные здания были открыты во многих городах Казахской ССР (Алма-Ате, Семипалатинске, Павлодаре, Уральске и др.), в 1948 г. – в Акмолинске, Джамбуле и Чимкенте. В итоге, в 1945 г. было 30 зарегистрированных молитвенных домов [5, с. 31]. В 1946 г. на руднике Семиз-Бугы в Карагандинской области мусульмане без разрешения и регистрации построили мечеть. Регистрацию не прошли, но существовали нелегально – 41 мусульманская община, в том числе в Южно-Казахстанской области – 20, в Северо-Казахстанской области – 6, Кустанайской – 5.

В 1945 г. в Казахстане открылось 7 мусульманских общин, в 1946 г. – 19 общин, в 1947 г. – 20 общин [15, л. 236]. Но уже в послевоенные годы появился запрет на такие организации. Иначе говоря, начались гонения на отдельные личности.

Таким образом, во время Великой Отечественной войны изменение политики государства в отношении религии благоприятно повлияло на жизнь и уmonoстроения народа. Поднялся и укрепился его дух, сильнее проявилось стремление помочь государству в войне, осуществить сбор многочисленных пожертвований на строительство танков и др. Вместе с тем, следует отметить, что этот период стал своеобразной «оттепелью» в истории ислама в советском Казахстане. В последующие годы, несмотря на атеизм в стране, вновь открытые мечети, узаконенные мусульманские общины продолжили свою работу.

Источники и литература

1. Государственный архив Павлодарской области (далее – ГА ПО). Ф. 646. Оп. 1. Д. 354.
2. ГА ПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 575.
3. *Гусева Ю.* Российский мусульманин в XX веке / Ю. Гусева. Самара: Офорт, 2013. 408 с.
4. Ислам и советское государство (1944–1990). Сборник документов. Вып. 3 / сост. Д.Ю. Арапов. М.: Изд. дом Марджани, 2011. 528 с.
5. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 4. Алматы: Атамұра, 2009. 768 с.

**Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы
Великой Отечественной войны**

6. *Мустафаева А.* Исторический обзор эволюции ислама в советском Казахстане / А. Мустафаева // Вестник Казахского национального университета. 2012. № 3. С. 31–36.

7. *Мухетдинов Д.В.* Патриотические обращения руководителей советских мусульман к единоверцам в годы Великой Отечественной войны / Д.В. Мухетдинов, В.А. Ахмадуллин, Ж.В. Ахмадуллина // Minbar. Islamic Studies. 2020 № 13(2). С. 307–329. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2020-13-2-307-329>

8. *Мухтарова Г.Д.* Ислам в советском Казахстане / Г.Д. Мухтарова. Актобе: NOBEL, 2007. 280 с.

9. *Оңғаров Е.А.* О 61 Қазақ мәдениеті және ислам құндылықтары / Е.А. Оңғаров. Алматы: «Көкжиек» баспасы, 2013. 272 б.

10. *Ораз С.* Ислам в Великой степи / С. Ораз. Астана, 2018.

11. Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (далее – СГА КНБ РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 8.

12. СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16.

13. СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 22.

14. СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 23.

15. СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 86.

Мусагалиева Арайлым Сабитовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, г. Астана, arai0410@mail.ru

Musagaliyeva Arailym S., Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of the Kazakhstan History, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan, Astana, arai0410@mail.ru

УДК 82-3(479.25).084.8

В.С. Давтян

**АРМЯНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. В статье проанализировано развитие армянской художественной литературы в период Великой Отечественной войны. Установлено, что основными темами армянской советской литературы военного времени стали подвиг народа в борьбе с фашизмом и роль советского солдата. Выявлено, что армянский исторический роман достиг особых высот в годы войны. Показано, что романы Д. Демирчяна («Вардананк», 1943 г.) и С. Зоряна («Царь Пап», 1944 г.) стали важными произведениями, отражающими героические события армянской истории, через которые показаны дух и воля армянского воина, борющегося за свою государственность и религию. Анализ этих произведений показал, что они сыграли ключевую роль в формировании армянской национальной идентичности в новых условиях. Выявле-

но, что романы «Вардананк» и «Царь Пап» стали духовными и политическими ориентирами для советских армян и отражают патриотические устремления армянского народа в условиях вновь обретенной государственности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Армения, исторический роман, «Вардананк», «Царь Пап».

V.S. Davtyan

ARMENIAN HISTORICAL NOVEL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. In the article the development of Armenian fiction during the Great Patriotic War is analyzed. It is established that the main themes of Armenian Soviet literature during the war were the people's feat in the fight against fascism and the role of the Soviet soldier. It is revealed that the Armenian historical novel reached particular heights during the war. It is significant that the novels of D. Demirchyan ("Vardanank", 1943) and S. Zoryan ("King Pap", 1944) became important works reflecting the heroic events of Armenian history, through which the spirit and will of the Armenian warrior fighting for his statehood and religion are shown. The analysis of these works showed that they played a key role in the formation of the Armenian national identity in the new conditions. It was revealed that the novels "Vardanank" and "King Pap" became spiritual and political reference points for Soviet Armenians and reflect the patriotic aspirations of the Armenian people in the conditions of newly acquired statehood.

Keywords: Great Patriotic War, Armenia, historical novel, "Vardanank", "King Pap".

Введение

Период Великой Отечественной войны стал важной вехой в развитии армянской художественной литературы. Литературные произведения военного времени достигли новых высот, отражая патриотический дух народа и его борьбу с фашизмом. Центральной темой армянской советской литературы в рассматриваемый период была героическая борьба народа за свободу и независимость, вдохновленная как современными, так и историческими примерами мужества. Особое место занимают произведения классиков армянской литературы, таких как Аветик Исаакян, Степан Зорян, Дереник Демирчян, Ованнес Шираз и др. Данные авторы воспевали подвиги советского солдата не только в своих стихах и беллетристике, но и в публицистике, активно выступая в периодической печати [7].

Армянская литература военного времени отражала глубоко укорененные в народной культуре представления о долге, чести и героизме. В контексте Великой Отечественной войны эта тема приобрела особую актуальность, ведь борьба против фашизма воспринималась не только как военный

конфликт, но и как битва за сохранение национальной идентичности и культуры.

Особенно значимыми в рассматриваемый период стали исторические романы. Две ключевые фигуры армянской художественной литературы – Дереник Демирчян и Степан Зорян – в годы войны опубликовали свои знаменитые произведения «Вардананк» и «Царь Пап», ставшие литературными памятниками армянской истории и источником вдохновения для современников.

Исторический роман как форма художественного осмысления войны

В XX в. армянская художественная литература сыграла ключевую роль в историческом осмыслении важнейших мировых событий, в том числе Великой Отечественной войны. В частности, армянский исторический роман стал способом сохранения национальной памяти, а также средством морального воспитания и формирования образа Героя в сознании народа. В этом контексте армянскими писателями были созданы значительные произведения, которые не только освещали роль армянского народа в ходе войны, но и отражали глубокие философские и моральные проблемы, связанные с войной, ее последствиями и человеческими переживаниями.

«Армянский народ за свою многовековую историю неоднократно подвергался нашествию иноземных захватчиков, – отмечала в своей передовой статье «Армянский народ – боевой участник освободительной войны Советского Союза» центральная газета «Правда» 25 августа 1941 г. – Армянский народ твердо занимает свое боевое место в общей борьбе всех народов Советского Союза... Армянский народ, как и все другие свободные и равноправные народы Советского Союза, воспринял нависшую над нашей страной смертельную опасность тем более глубоко, что в своей многовековой истории не раз подвергался нападению чужеземных насильников. Он знает, что такое резня, погромы, голод, насилие. Армянский народ не забыл физические истребления армян, организованные предшественником кровавого Гитлера – кайзером Вильгельмом в годы Первой мировой войны. Поэтому, когда кровавым пожаром вспыхнула война, начатая людоедом Гитлером против Советского Союза, весь армянский народ поднялся, как один, на защиту Родины...» [6].

Активное участие армянского народа в Великой Отечественной войне проявилось не только в призыве в армию более 600 тыс. чел., но и в массовом героизме на полях сражений в составе различного рода войск, во всех главных сражениях театров военных действий. Своим мужеством и отвагой армяне отличились в рядах защитников Москвы, Ленинграда, Севастополя и Одессы, в Сталинградской и Курской битвах, в битве за Кавказ, в боях за освобождение Керчи и Крыма, Украины, Белоруссии, Прибалтики, в боях за Карелию и Советское Заполярье. Они активно участвовали в освобождении от фашистского ига стран Юго-Восточной и Центральной Европы, в разгроме фашизма в Германии и Японии [2, с. 396].

После Великой Отечественной войны армянская литература стала важным звеном в формировании культурной идентичности. Армянский народ как часть советского государства активно участвовал в Великой Отечественной войне, и роль армянских солдат и офицеров в победе над фашизмом получила отражение в ряде литературных произведений.

Итак, в годы войны армянский исторический роман приобрел особое значение. Он стал средством выражения духа народа через образы исторических героев, чьи подвиги находили отклик в современных реалиях. Произведения Д. Демирчяна и С. Зоряна стали центральными в этом контексте.

«Вардананк» Дереника Демирчяна

Роман «Вардананк», опубликованный в 1943 г., посвящен героической борьбе армян под предводительством Вардана Мамиконяна (388–451 гг.) против персидского владычества в V в. [3] Д. Демирчян описывает сложные политические и духовные аспекты этой борьбы, показывая не только военное противостояние, но и культурное сопротивление армян захватчикам. Образ Вардана Мамиконяна стал символом стойкости и патриотизма, что более чем резонировало с настроениями армянского народа в годы войны.

Вардан Мамиконян – одна из ключевых фигур в истории армянского народа, роль которого неоценима в контексте армянской борьбы за независимость и сохранения культурной идентичности в условиях внешнего давления. Мамиконян стал известен благодаря своему лидерству в битве при Аварайре в 451 г., в которой армянские войска сражались против войск Сасанидского Ирана. Аварайрская битва стала поворотным моментом в истории армянского народа: под его руководством армяне, несмотря на значительное численное превосходство противника, сдерживали натиск персидских сил. В бою погибло 1 036 армян и более 3 500 персов. «Не то чтобы одна сторона победила, а другая проиграла, но когда храбрые выступили против храбрых, обе стороны потерпели поражение», – писал армянский историк V в. Егише [4].

После битвы при Аварайре повстанческое движение не утихло. Армяне укрепились в неприступных местах и начали обескровливать врага атаками. Партизанские бои вспыхнули в Арцахе, Тайке и Тморике. В этих боях сражались также жители тех губерний, которые не участвовали в восстании. В конце концов, персидский двор, оказавшийся в сложной ситуации, был вынужден снизить налоги, смириться с широкой автономией Армении и отказаться от программы принудительного религиозного обращения. Однако пленных духовных лидеров и служителей судили в Тизбоне. Первые были казнены, а вторые – отправлены в районы Средней Азии [1].

Павший в битве при Аварайре Вардан Мамиконян сыграл ключевую роль в защите армянской христианской веры в условиях давления со стороны Ирана, в котором зороастризм был государственной религией. Мамиконян активно поддерживал Армянскую Апостольскую Церковь и стремился

сохранить армянскую идентичность, несмотря на религиозное и политическое давление. Наследие Вардана Мамиконяна глубоко укоренилось в армянской культуре, он стал национальным героем, примером патриотизма и стойкости.

В своем романе Д. Демирчян искусно соединяет историческую точность с художественным вымыслом, создавая многогранные образы героев. Вардан Мамиконян предстает перед читателем не только как военачальник, но и как духовный лидер, способный объединить народ в непростое время. Его борьба за свободу и веру выступает центральной темой романа, символизируя стремление армян к сохранению своей идентичности. «И я спел – сильную или слабую, не важно (не беда!) – песню Вардананц, которую посвящаю всем освобожденным, освобождающимся и вступившим на путь освобождения народам...», – писал Демирчян [3].

Автор уделяет большое внимание описанию социальных и культурных реалий описываемой эпохи. Через призму противостояния армян и персов Демирчян демонстрирует сложные взаимоотношения между различными слоями общества, подчеркивая единство народа перед лицом внешней угрозы. В романе раскрыты внутренние конфликты, которые только усиливают драматизм повествования, делая произведение эмоционально насыщенным. Особое место в романе занимают сцены битв, описанные с эпической широтой и вниманием к деталям. Каждое сражение представлено не просто как военное событие, но и как акт самопожертвования во имя свободы.

Роман стал не просто литературным произведением, но и инструментом воспитания патриотизма. В условиях войны он обрел новое значение, вдохновляя советских армян на борьбу за свою страну.

«Царь Пап» Степана Зоряна

Роман «Царь Пап», опубликованный в 1944 г., стал одним из выдающихся произведений армянской литературы периода Великой Отечественной войны [5]. В нем рассказывается о событиях IV века – эпохе, когда Армения первой в мире приняла христианство в качестве государственной религии. Данная эпоха ознаменовалась не только религиозным и культурным подъемом, но и серьезными политическими угрозами, с которыми столкнулась армянская государственность.

Центральной фигурой романа является царь Пап (353–374 гг.) – противоречивый и многогранный герой, который воплощает всю сложность своей эпохи. С. Зорян представляет его как политического лидера, чьи решения определяют судьбу целого народа. Царь Пап – одна из ключевых фигур в истории армянского народа, сыгравший значительную роль в политической и религиозной жизни Армении в IV в. Его правление было отмечено решительными шагами в вопросах укрепления армянской государственности и защиты национальных интересов.

Пап был одним из выдающихся представителей династии Аршакидов и царствовал в период, когда Армения находилась под давлением двух империй – Византийской и Сасанидской. В этот период царство стремилось сохранить свою независимость в условиях постоянных внешних угроз. Одним из важнейших достижений правления Папа на этом пути стало укрепление армянской армии.

Однако наибольшее значение имеет правление царя Папа в контексте армянской христианизации. Он был одним из первых армянских правителей, который активно поддерживал христианство как государственную религию. В описываемый период Армения сталкивалась с религиозной конкуренцией между христианством и зороастризмом, а также с внешним давлением со стороны Сасанидского Ирана. Царь Пап поддерживал миссионерскую деятельность, направленную на распространение христианства, что способствовало дальнейшему укреплению христианской идентичности армянского народа.

Правление царя Папа также связано с важными политическими и дипломатическими маневрами, направленными на балансирование интересов Византии и Ирана. Победив вместе с римлянами персидских захватчиков в битве при Дзираве (371 г.), царь Пап все же осознает, что Рим будет оставаться союзником армян лишь до тех пор, пока он будет выполнять их условия. Это заставляет его пойти на установление связей с персами, что вызвало негодование в Риме.

Из-за независимой политики царя Папа Рим начинает против него гонения, одним из главных инициаторов которых был Теренций, командующий действовавшим в Великой Армении римским гарнизоном. Последний, по словам Аммиана, «был внешне человеком скромным и серьезным, но на протяжении всей жизни возбуждал дивизии». Действующая в Армении прогреческая партия начинает строить заговоры против царя Папа. Под предлогом переговоров римский император Валент (Валес) приглашает Папа в Тарс и пытается его арестовать, но ему вместе со своими 300 телохранителями удается бежать из заключения и вернуться в Армению. К этому времени здесь произошла смена командования римским гарнизоном. Полководцем был назначен Траян, которому удалось завоевать доверие Папа. В 374 г. он приглашает царя Папа на пир и убивает его.

Наследие царя Папа в армянской истории продолжает жить как символ политической мудрости, стремления к укреплению государственности и поддержания национальной идентичности. Его правление оказало глубокое влияние на дальнейшее развитие Армении и ее роль в христианском мире.

Одной из ключевых тем романа является противостояние с внешними силами, стремящимися подчинить Армению. С. Зорян искусно показывает дипломатическую борьбу и военные столкновения, подчеркивая роль Армении как защитницы христианской цивилизации на Востоке. Сцены переговоров, заговоров и битв насыщены драматизмом, а образы врагов – персид-

ских и римских властителей – контрастируют с высокими идеалами армянского народа.

Важным аспектом романа является отражение духовной борьбы. Принятие христианства как государственной религии стало поворотным моментом в истории Армении, и Зорян тщательно исследует, как это решение повлияло на общество. Он описывает сложные отношения между христианскими священнослужителями и языческими элитами, показывая, как религиозная идентичность становилась ключевым фактором объединения народа.

Писатель уделяет большое внимание личностному развитию царя Папа. В самом начале романа он изображен как молодой и амбициозный правитель, который стремится к славе и власти. Однако по мере развития сюжета царь осознает ответственность перед своим народом и переходит к более зрелому пониманию лидерства. Этот переход подчеркивается через многочисленные испытания, которые он преодолевает, включая предательство и потери.

Одной из главных особенностей романа является его символизм. Образ Армении представляется читателю как крепость, которая стоит на перекрестке цивилизаций и защищает свои ценности. Царь Пап становится олицетворением духа сопротивления и стремления к свободе. Его борьба за независимость перекликается с современными для Зоряна событиями – борьбой советского народа против фашизма.

Роман «Царь Пап», как и «Вардананк», стал важным источником вдохновения для армян в годы войны. Он напоминал читателям о величии их истории и силе национального духа. В условиях, когда Армения была частью Советского Союза, роман также способствовал укреплению чувства единства и патриотизма, показывая, что борьба за свободу – это универсальная ценность, актуальная для всех поколений.

Значение исторических романов в годы войны

Романы «Вардананк» и «Царь Пап» стали не просто литературными произведениями, но и важными культурными явлениями, отражающими многогранную связь между историческим опытом и современными вызовами. В годы Великой Отечественной войны эти произведения поддерживали патриотический дух народа, предоставляя читателям образы героического прошлого, которые могли служить моральной опорой в условиях тяжёлых испытаний, а также воспитывали чувство исторической преемственности и гордости за свое прошлое. Они напоминали, что борьба за свободу и независимость – это не только долг настоящего, но и наследие поколений. Романы служили своего рода символами сопротивления и борьбы за свободу, вдохновляя армянский народ к осознанию своей роли в общей победе советских народов над фашизмом.

Значимость этих романов выходит за рамки их художественной ценности. Они стали символами культурного и исторического сопротивления, их герои – примерами стойкости, а сюжеты – напоминанием о величии армянской исто-

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

рии. В годы войны они служили источником надежды, вдохновляя читателей на веру в собственные силы и готовность к жертвам ради общего блага.

Заключение

Армянский исторический роман в годы Великой Отечественной войны стал не только свидетельством высокого уровня художественного мастерства, но и важным инструментом формирования патриотизма и национального самосознания. Произведения Дереника Демирчяна и Степана Зоряна остаются значимыми не только для изучения истории армянской литературы, но и для понимания роли культуры в укреплении духа народа в условиях войны. Исторические романы, написанные в годы Великой Отечественной войны, продолжают оказывать влияние на армянскую литературу и культуру. Они стали не только литературным наследием, но и важным элементом национальной памяти. Сегодня эти произведения изучаются как пример того, как литература может отражать и формировать общественное сознание в трудные времена.

Источники и литература

1. *Акопян А.* Аварайрское сражение (историко-критический обзор) / А. Акопян // Историко-филологический журнал. 2003. № 1. С. 40–67. (на арм. яз.)
2. *Арутюнян К.А.* Участие армянского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / К.А. Арутюнян // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 5. С. 393–402.
3. *Демирчян Д.* Вардананк / Д. Демирчян. Ереван: Айастан, 1987. 1002 с. (на арм. яз.)
4. *Егише.* О войне Вардана и армянского народа / Егише. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1989. 448 с. (на арм. яз.)
5. *Зорян С.* Царь Пап / С. Зорян. Ереван: Луйс, 1989. 575 с. (на арм. яз.)
6. Правда. 1941. 25 августа.
7. *Худавердян К.С.* Армянская советская культура в годы Великой Отечественной войны / К.С. Худавердян. Ереван: АН АрмССР, 1985. 129 с.

Давтян Ваге Самвелович, доктор политических наук, профессор, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет, Республика Армения, г. Ереван, vahedavtyan@yandex.ru

Davtyan Vahe S., Doctor of Sciences (Politics), Full Professor, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University, Republic of Armenia, Yerevan, vahedavtyan@yandex.ru

УДК [94(470.41)+374.7(091)].084.8

И.В. Маслова

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И АГИТАЦИОННО-
ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ЕЛАБУГИ И ЕЛАБУЖСКОГО РАЙОНА ТАССР)**

Аннотация. В статье на основе анализа региональной периодической печати исследуются направления и методы организации культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской деятельности среди тылового населения Елабуги в годы Великой Отечественной войны. Прослеживаются изменения в характере политико-просветительской и агитационной деятельности учреждений культуры и партийных органов в Татарской АССР. Агитационно-пропагандистская деятельность проводилась в цехах предприятий, госпиталях, образовательных и государственных учреждениях. Агитаторы знакомили население с сообщениями Совинформбюро, постановлениями Государственного Комитета Оборона, сообщали о подвигах советских бойцов. Проводилась активная практическая работа по сбору средств и вещей для фронта. Руководство СССР поддерживало деятельность агитаторов публикуя на страницах газет списки книг и статей, которыми должны были руководствоваться агитаторы в своей работе с населением. Массовая культура, в первую очередь кино, работала на формирование патриотических настроений и обращение к героическому прошлому Родины, что способствовало сплочению соотечественников для Победы в войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, агитация, пропаганда, тыловая повседневность, Елабуга, Татарская АССР.

I.V. Maslova

**CULTURAL, EDUCATIONAL, AND PROPAGANDA ACTIVITIES
AMONG THE POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BASED ON THE MATERIALS OF ELABUGA
AND THE ELABUGA DISTRICT OF THE TASSR)**

Abstract. The article, based on the analysis of regional periodicals, examines the directions and methods of organizing cultural, educational, and propaganda activities among the rear population of Elabuga during the Great Patriotic War. Changes in the nature of political, educational, and propaganda activities of cultural institutions and party bodies in the Tatar ASSR are traced. Agitation and propaganda activities were carried out in the workshops of enterprises, hospitals, educational and government institutions. Agitators acquainted the population with the reports of the Soviet Information Bureau, the decrees of the State Defense Committee, and reported on the exploits of Soviet soldiers. Active practical work was carried out to collect funds and items for the front. The leadership of the USSR supported the activities of agitators by publishing lists of books and articles in newspapers, which

agitators were to use in their work with the population. Mass culture, primarily cinema, also worked to form patriotic sentiments and appeal to the heroic past of the Motherland, which contributed to the unification of compatriots for Victory in the war.

Keywords: Great Patriotic War, agitation, propaganda, everyday life in the rear, Yelabuga, Tatar ASSR.

В годы Великой Отечественной войны возросла роль культурно-просветительской и пропагандистской работы, направленной на подъем патриотизма среди населения, особенно молодежи. Несмотря на трудности военной повседневности активно работали учреждения культуры, музеи, избы-читальни, колхозные и профсоюзные клубы, библиотеки. В первые месяцы войны деятельность учреждений культуры была временно приостановлена, в связи с начавшимися процессами мобилизации и эвакуации.

Важным источником при исследовании массовой агитационно-пропагандистской деятельности, развернувшейся среди населения в тылу в годы Великой Отечественной войны, являются региональные газеты. Основным источником для подготовки этой статьи стали материалы газеты «Сталинский путь», которая выходила в Елабуге дважды в неделю тиражом 3,5 – 4 тыс. экземпляров.

С первых дней войны на первый план выходит агитационно-пропагандистская деятельность, направленная на создание атмосферы сопротивления врагу, подъем патриотизма и укрепления твердой веры в победу. С этой целью кардинальной перестройке подверглась идеологическая и культурно-просветительская работа. В Татарской АССР была выстроена сеть агитационной работы, включавшая в общей сложности к началу сентября 1941 г. 2 150 коллективов, в которых работали 27,2 тыс. агитаторов [7, с. 67].

Для проведения агитационно-массовой работы на предприятиях в колхозах и совхозах подбирали агитаторов из числа работников культуры, учителей, инженеров. С ними проводились специальные семинары, на которых секретари райкомов и обкомов коммунистической партии разъясняли специфику работы большевистских агитаторов в обстановке военного времени. В периодической печати подчеркивалось, что в условиях военного времени нужен новый тип агитатора – «агитатор-организатор, который не только разъяснял населению события текущего момента, их политическое значение, но и организовывал широкие массы на выполнение конкретных задач» [23]. Далее автор статьи дает конкретные практические рекомендации: «зачитывая сообщения Советского Информбюро или эпизоды о героизме бойцов Красной армии, о трудовых подвигах советских людей, надо одновременно анализировать работу своего предприятия, отмечать передовых и отстающих людей производств» [24].

В Елабуге в первые месяцы войны работал 21 агитационный пункт, в задачу которых входила пропаганда среди «неорганизованного» населения.

Одновременно на каждом предприятии и в каждом учреждении формировались группы агитаторов. Каждая первичная парторганизация должна была утвердить план агитационно-массовой работы и систематически заслушивать отчеты агитаторов.

Среди направлений работы агитаторов были выступление с докладами на собраниях, организация работы изб-читален, красных уголков, выпуск стенных газет, организация вечеров художественной самодеятельности на тему событий Великой Отечественной войны и трудового героизма.

Теоретическая часть агитационных бесед чаще всего была посвящена недопущению ложных слухов об обстановке на фронте, разоблачению шпионов и диверсантов, борьбе с дезорганизаторами в тылу. Содержание агитационных выступлений изменялось в зависимости от ситуации на фронте. Летом и осенью 1941 г. Красная армия терпела поражения поэтому главной задачей агитаторов, были разъяснительные беседы о причинах временных неудач на фронтах. Кроме того, необходимо было в кратчайшие сроки перестроить все отрасли народного хозяйства на военный лад, поэтому звучали призывы к увеличению продолжительности рабочего времени, повышению производительности труда и перевыполнению плановых заданий.

Приказами Народного комиссара просвещения РСФСР от 2 сентября 1941 г. № 656 «О работе политико-просветительских учреждений в военное время» и от 27 октября 1941 г. № 44-к «О работе массовых библиотек в военное время» было четко определено, как вести работу учреждениям культуры в условиях военного времени. В приказах подчеркивалось, что все учреждения культуры (библиотеки, клубы, музеи) становятся центрами агитационно-массовой и культурно-просветительной работы [22, с. 123]. Клуб колхоза «Сентяк» к декабрю 1941 г. стал центром массово-разъяснительной работы. В клубе ежедневно устраивали чтение сводок сообщений Информбюро, решений партии. Силами молодежи были оформлены выставки на темы: «Уничтожим танки врага», «На фронтах Отечественной войны» [8].

К весне 1942 г. на первый план в агитационной работе выходят призывы организованно и в срок провести посевную кампанию, цель которой «завоевание высокого урожая и полное обеспечение возросших потребностей страны и фронта» [19]. Учитывая, что колхозники летом большую часть времени проводили в поле, агитаторы выступали в перерывах работы полевых бригад, в домах колхозника, устанавливали стенды, на которых размещали листовки с сообщениями Советского информбюро, материалы о трудовом энтузиазме.

Трудовая мобилизация в условиях войны была нелегким испытанием, поэтому в задачи агитаторов входило разъяснение колхозникам норм выработки и оплаты труда. Актуальность подобных бесед возросла в связи с принятием 13 апреля 1942 г. Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б). «О повышении для колхозников обязательного минимума трудо-

дней» [17, с. 310–311]. Согласно этому постановлению, минимальное количество трудодней было повышено со 100 до 150 в год для взрослых и 50 трудодней для подростков от 12 до 16 лет. В довоенный период «для каждого трудоспособного колхозника в зависимости от зоны устанавливался обязательный минимум трудодней – 100, 80 и 60 трудодней в год» [12]. Следует отметить, что постановление 1942 г. устанавливало минимальную норму, невыполнение которой влекло за собой исправительно-трудовые работы сроком до 6 месяцев. Подавляющее большинство колхозников вырабатывали за год по три и даже четыре нормы. Например, в газете за 10 сентября 1943 г. сообщалось, что М.А. Терещенко из колхоза «Смычка» только за август выработала 90 трудодней [2].

Важность агитационно-пропагандистской работы доказывалась периодическими публикациями в газетах о том, что должен читать агитатор при подготовке к определенному периоду агитационной компании. Так, перед весенней посевной 1943 г. предлагался список из шести-семи постановлений СНК, ЦИК ВКП(б), а также речи партийных лидеров. Среди них речь М.И. Калинина на совещании комсомольского актива, опубликованная в газете «Правда» от 10 мая 1942 г. [26]

Агитационная работа включала призывы к сбору средств, продуктов и теплых вещей для нужд фронта. Например, жена врача В.К. Каллистова за первые два года войны внесла из личных сбережений на постройку боевой техники и подарки фронтовикам 11 тыс. руб. По ее инициативе жены военнослужащих собрали свыше 200 тыс. руб. на потребности фронта.

Ученые и преподаватели Елабужского института и эвакуированного в Елабугу Воронежского университета вносили свой вклад в пропагандистскую и просветительскую деятельность и в ноябре 1942 г. провели научную сессию, посвященную 25-летию Великой октябрьской социалистической революции. Сессия предусматривала проведение двух заседаний, на которых прозвучали доклады профессоров А.В. Венедиктова «Диктатура пролетариата в борьбе за командные высоты 1917–1918 гг.», Л.Б. Модзалевского «Патриоты в русской литературе», С.И. Ковалева «Задачи советской исторической науки в дни Отечественной войны» [14].

Планомерная работа руководства СССР по организации агитационно-пропагандистской работы в годы войны находила выражение в систематической (к 7 ноября и 1 мая) публикации в центральных и региональных периодических изданиях перечня лозунгов, которые должны были писаться в стенгазетах, на плакатах и транспарантах, звучать в сообщениях агитаторов. Эти лозунги можно условно разделить на следующие группы:

1) общенародные призывы к борьбе с фашизмом: «Смерть гитлеровским кровавым собакам, стремящимся поработить и ограбить народы Советского союза»;

2) интернациональные лозунги: «Привет порабощённым народам Европы, борющимся за свое освобождение!»;

3) воззвания к бойцам Красной армии: «Советские артиллеристы, минометчики, пехотинцы, кавалеристы, моряки! Уничтожайте кровавые банды Гитлера!»;

4) обращения к труженикам тыла: «Женщины и девушки овладевайте мужскими профессиями, заменяйте мужчин, ушедших на фронт» [11].

С 1942 г. агитационная работа стала дополняться досуговыми мероприятиями (концерты, спектакли), чтобы труженики могли отдохнуть. С этой целью создавались агитбригады – творческие коллективы, в составе которых были лектор-агитатор и артисты с номерами художественной самодеятельности. Активную работу проводили агитбригады Елабужского учительского института и педучилища [25]. Культурно-просветительские мероприятия стали проводиться в клубах города. 30 сентября 1942 г. в клубе «Текстильщик» состоялся вечер, посвященный героической борьбе партизан против немецко-фашистских захватчиков, на котором после теоретического доклада был показан концерт, организованный воспитанниками детского дома, среди которых были и эвакуированные дети.

В годы войны Елабуга стала местом эвакуации не только педагогических и научных коллективов советских университетов, но и деятелей культуры, среди которых преобладали писатели и поэты. Именно в кругу писателей родилась идея создать в городе литературный театр в помещении Пионерского клуба. «В планах театра – создание, постановка коротких пьес и интермедий на современные и злободневные темы. В работе находятся – лирическая комедия С. Болотина и Т. Сикорской «Тулупчик», одноактовая сценка тех же авторов "Чужой дом" <...> В каждой программе будут представлены различные эстрадные жанры (пение, инструментальная музыка, танцы, аттракционы и т.д.)» [23].

В июле 1942 г. в город с гастрольями приезжал Ленинградский областной драматический театр. Елабужским зрителям предлагалась к просмотру пьеса лауреата Сталинской премии К. Симонова «Парень из нашего города». Для маленьких зрителей ленинградские артисты привезли кукольные спектакли [6].

В Елабуге в 1941–1945 гг. продолжал работать кинотеатр. В первом квартале 1942 г. киносеансы посетили 39 451 чел. Репертуар фильмов, предлагаемых зрителям, также отражал настроения военного времени. Кино как вид массовой культуры активно использовалось советским правительством как средство пропаганды. Документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой» был снят по приказу Комитета по делам кинематографии при СНК СССР и вышел в прокат в феврале 1942 г. Эта кинокартина стала первым документальным наглядным подтверждением остановки германского blitzkriega Красной армией. Фильм был снят в октябре – январе 1942 г. ре-

жиссёрами И. Копалиным и Л. Варламовым. «На десятках тысяч метров пленки разворачивается эпопея исторической битвы за честь, свободу и независимость нашего народа» [18, с. 8]. Демонстрация фильма в кинотеатрах Москвы началась 18 февраля 1942 г. «Первый день фильм посмотрели 83 700 рабочих, служащих, бойцов, командиров и политработников Красной армии. Зрители восторженно встретили фильм» [1]. Показ фильма состоялся по всей стране. Например, в Елабуге в апреле 1942 г. фильм «Разгром немецких войск под Москвой» посмотрели 2 042 зрителя [13]. Фильм было решено использовать как пропагандистский не только в СССР, но и за рубежом. И к 1 октября 1942 г. состоялась премьера американской версии фильма, который получил название «Москва наносит ответный удар». В 1943 г. фильм получил премию «Оскар» Американской академии кинематографических искусств и наук [18, с. 38].

В условиях военной повседневности в тыловой Елабуге продолжал работать музей, который помимо экскурсионной работы занимался и выставочной деятельностью. В ноябре 1942 г. в музее проходила выставка картин и скульптуры [3], а в следующем году по инициативе заведующей музеем М. Суражевской была открыта выставка детского творчества школьного и дошкольного возраста. «Цель выставки – шире ознакомить население с детским творчеством, а также работой над воспитанием художественных и эстетических способностей ребенка путем общественного мнения стимулировать одаренных детей в их дальнейшем творчестве» [21]. Одна из заметок газеты стала свидетельством того, что фонды музея в августе 1943 г. пополнились редким экспонатом – зубом мамонта, который был обнаружен колхозницей П.Ф. Безгусковой в речке Керенайке [10].

Если в досуг горожан вносили разнообразие гастролы театров и премьеры кинофильмов, то в сельской местности жители сами организовывали культурный отдых. Повсеместно в колхозах действовали политические и творческие кружки. Например, в колхозе «Сентяк» в 1942 г. активно работала изба-читальня, где ежедневно организовывались чтение газет, сводок с фронта. К 1943 г. агитационно-пропагандистская деятельность была дополнена культурно массовой работой, что привлекло большое количество колхозной молодежи. К концу 1943 г. более ста молодых людей посещали два литературных, драматический и физкультурный кружки [15].

Контроль за агитационно-пропагандистской деятельностью учреждений культуры осуществляли заведующие отделов пропаганды и агитации при местных комитетах ВКП(б). Самой распространенной практикой пропагандирования, после деятельности агитаторов, была работа изб-читален, на базе которых читали доклады приглашенные лекторы, ежедневно проходили читки газет и журналов с разъяснением их содержания, пропагандировались идеи организации социалистического соревнования.

Об огромном внимании, уделяемом партией и правительством СССР агитационно-пропагандистской работе, свидетельствует серия книг «Библиотечка агитатора и пропагандиста», издаваемая Отделами пропаганды и агитации ВКП(б). В 1942 г. в этой серии вышла в свет книга И. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». В издании были собраны выступления вождя по радио 3 июля 1941 г., доклад к 24-й годовщине Октябрьской революции, речь на параде Красной армии 7 ноября 1941 г. и др. [20] По решению республиканского обкома ВКП(б) на местах должны были создаваться политические кружки по изучению книги Сталина. Цель деятельности подобных кружков в Елабужском районе была сформулирована на страницах газеты «Сталинский путь»: «Добиться, чтобы каждый советский патриот изучил выступления и приказы товарища Сталина в дни отечественной войны» [9]. В сентябре 1943 г. в Елабуге было учреждено 4, а в Елабужском районе 3 политкружка. Кружковцы, изучив книгу Сталина, должны были проводить разъяснительные беседы, читать лекции среди населения. Деятельность политкружков была четко организована: после объявления темы заседания, каждый член кружка должен был прочесть соответствующую работу Сталина и принять участие в обсуждении темы. Все присутствующие на заседании кружка должны были составлять конспекты. Так анализируя деятельность кружка в Тарловке, организованного в ноябре 1943 г. были выявлены недочеты: «Некоторые слушатели до сих пор не ведут конспектов» [5].

К лету 1943 г., когда стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советского командования, в агитационно-пропагандистской работе появились новые направления. Наряду с фронтовыми подвигами в агитационно-массовой работе стали уделять внимание пропаганде трудового подвига советского народа. Постановление X пленума Татарского обкома ВКП(б) от 7–8 июня 1943 г. в разделе «Мероприятия по организационно-партийной и политико-массовой работе» постановляет «организовать на страницах райгазет доски почета, на которых регулярно заносить передовые колхозы, бригады, звенья, лучших колхозников, бригадиров, комбайнеров и других стахановцев сельского хозяйства» [16]. С этого времени газета «Сталинский путь» систематически начала размещать на своих страницах «Доски почета», представлявшие собой текстовые материалы, выделенные в полную рамку, в верхней части которой размещался рисунок с портретом И. Сталина. В текстах помещались фамилии пяти – шести передовиков производства, с указанием их трудовых достижений. Например, на Доске почета, опубликованной в номере от 23 июля 1943 г. было записано: «По представлению РК ВКП(б) и райисполкома на районную Доску почета заносятся следующие передовики сельского хозяйства: <...> Андреева Евдокия Семеновна – колхозница колхоза "12 лет Октября", выжинаящая по 0,70 – 0,94 га при норме в 0,35 га» [4].

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

Подводя итоги отметим, что в условиях тыловой военной повседневности в СССР в 1941–1945 гг. культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской деятельности уделялось важное место. Приказами Народного комиссара просвещения РСФСР были определены направления политико-просветительской и агитационной деятельности учреждений культуры. В годы войны изменился характер деятельности музеев: экспозиционная и исследовательская деятельности уступили место массово-политической и пропагандистской работе. Большой вклад в расширение направлений и активизацию культурно-массовой работы вносили ученые, преподаватели, деятели культуры и искусства, эвакуированные в ТАССР.

Библиотеки и избы-читальни проводили мероприятия (читки газет, лекции, доклады), соответствовавшие целям укрепления морального духа населения. На каждом предприятии, государственном учреждении, в колхозах и артелях создавались бригады агитаторов. В условиях всеобщей трудовой мобилизации, когда у тружеников не было времени, а часто и возможности послушать донесения с фронта по радио именно агитаторы знакомили население с сообщениями Совинформбюро, постановлениями Государственного Комитета Обороны, сообщали о подвигах советских бойцов. Агитаторами и работниками учреждений культуры проводилась активная практическая работа по сбору средств и вещей для фронта.

Руководство СССР поддерживало деятельность агитаторов, публикуя на страницах газет списки книг и статей, которыми должны были руководствоваться агитаторы в своей работе с населением. Массовая культура, в первую очередь кино, также работала на формирование патриотических настроений и обращение к героическому прошлому Родины, что способствовало сплочению соотечественников для решения всенародной задачи: всё для фронта, всё для победы.

Источники и литература

1. 83 тысячи москвичей смотрели вчера фильм «Разгром немецких войск // Правда. 1942. 20 февраля.
2. 90 трудодней в месяц // Сталинский путь. 1943. 10 сентября.
3. Выставка картин и скульптуры // Сталинский путь. 1942. 13 декабря.
4. Доска почета // Сталинский путь. 1943. 23 июля.
5. За изучением книги товарища Сталина // Сталинский путь. 1943. 3 декабря.
6. К гастролям ленинградского областного драмтеатра // Сталинский путь. 1942. 23 июля.
7. Кабирова А.Ш. Нам жить и помнить. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.Ш. Кабирова, Е.Г. Кривоножкина, А.С. Бушуев. Казань: Фолиант, 2016. 248 с.
8. Клуб центр массовой работы колхоза // Сталинский путь. 1941. 28 декабря.
9. Костина П. Изучают книгу товарища Сталина / П. Костина // Сталинский путь. 1943. 23 сентября.

**Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы
Великой Отечественной войны**

10. *Лбовский А.* Редкая находка / *А. Лбовский* // Сталинский путь. 1943. 26 августа.
11. Лозунги ЦК ВКП(б) к XIV годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции // Сталинский путь. 1941. 2 ноября.
12. *Мотревич В.П.* Советский трудодень – зарплата «Крепостных» колхозников в условиях тоталитарного государства / *В.П. Мотревич* // Аграрный вестник Урала. 2013. № 3(109). С. 38–43.
13. На киносеансах // Сталинский путь. 1942. 12 апреля.
14. Научная сессия, посвященная XXV годовщине Октября // Сталинский путь. 1942. 7 ноября.
15. Подготовка к смотру // Сталинский путь. 1943. 25 декабря.
16. Постановление X пленума Татарского обкома ВКП(б) от 7–8 июня 1943 г. // Сталинский путь. 1943. 16 июля.
17. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М.: Сельхозгиз, 1948. С. 310–311.
18. «Разгром немецких войск под Москвой». Триумф по обе стороны океана. М.: ВГИК, 2017. 48 с.
19. *Рахмаева Т.* Работу агитколлективов на уровень сегодняшних задач / *Т. Рахмаева* // Сталинский путь. 1941. 2 апреля.
20. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза / *И.В. Сталин*. Пенза: издание газеты «Сталинское знамя», 1942. 77 с.
21. *Суражевская М.* Выставка детских работ / *М. Суражевская* // Сталинский путь. 1943. 7 января.
22. *Храмкова Н.П.* Деятельность культурно-просветительных учреждений Среднего Поволжья в 1941–1945 гг. / *Н.П. Храмкова, И.В. Пономаренко* // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 3. С. 123–129.
23. Хроника культуры // Сталинский путь. 1941. 5 декабря.
24. *Черняева А.* Агитационно-массовая работа в условиях войны / *А. Черняева* // Сталинский путь 1941. 27 ноября.
25. *Черняева А.* Агитмассовая работа на селе / *А. Черняева* // Сталинский путь. 1942. 10 мая.
26. Что читать агитатору о весенней посевной компании 1943 года // Сталинский путь. 1943. 2 мая.

Маслова Инга Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия, г. Елабуга, imaslovainga@gmail.com

Maslova Inga V., Doctor of Sciences (History), Docent, Professor at the Department of World and National History, Yelabuga Institute of the Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Yelabuga, imaslovainga@gmail.com

УДК 94(470.5)084.8

Б.П. Дементьев

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА – ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО
РЕШЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧ (НА МАТЕРИАЛАХ
УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)**

Аннотация. В статье проанализированы формы и методы митингов и собраний – специфика организации на отстающих участках производства, в связи с выпуском новой продукции; сменно-встречные собрания на производстве; единые политдни; реорганизация агитационных пунктов, функционирование мобильных бригад; тенденции агитационно-массовой работы по периодам войны; изменение соотношения между агитацией и пропагандой в течение войны; связь агитации с производственной работой.

Ключевые слова: митинги, собрания, агитация, пропаганда, производство.

B.P. Dementiev

**IDEOLOGICAL WORK IS AN EFFICIENT INSTRUMENT
FOR SOLVING MOBILIZATION TASKS (ON MATERIALS
FROM URAL REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR)**

Abstract. In article is analysed the forms and methods mass-meeting and meetings – specifics of organizations on lagging behind area production, in connection with issue of the new product; removable-counter meetings on production; the united politdays; the reorganization of the agitation points, operating the mobile crews; the trends agitation-mass work on period of the war; change the correlation between agitation and propaganda during war; the relationship to agitation with production work.

Keywords: mass-meetings, meetings, agitation, propaganda, production.

Специфика идеологической работы в годы Великой Отечественной – конкретность, предметность и оперативность. Необходимо было без общих слов, ориентируясь на работу не только цеха, бригады, но и отдельного рабочего, поставив и объяснив ему задачу, оперативно добиться результата.

В начале войны повсеместно проводились митинги и собрания трудящихся, населения с целью разъяснения текущего момента и мобилизации всех сил и средств тыла. Часто проводили митинги и собрания на отстающих участках производства, а также в связи с новыми заданиями по выпуску продукции для фронта. Так, на Воткинском машиностроительном заводе в Удмуртии работа двух сменных цехов шла замедленными темпами. Это угрожало срывом выполнения месячного плана. Администрация завода решила собрать митинг рабочих и служащих двух цехов. Агитаторы в своих вы-

ступлениях говорили о том, что выполнение правительственного задания находится под угрозой срыва и о мерах по ликвидации отставания. В своих выступлениях мастера, бригадиры, рабочие говорили о причинах недостатков в организации производственного процесса, давали обязательства выполнить задания, всеобщему осуждению подверглись бракоделы и недисциплинированные рабочие. После митинга были ликвидированы «узкие» места производства, улучшено обеспечение технологического процесса, организовано соревнование. В результате оба цеха вышли из прорыва и даже перевыполнили производственную программу [19, л. 17].

Одной из действующих форм идеологической работы являлись сменно-встречные собрания трудящихся. Почин этот возник на Урале по инициативе производственных организаций почти одновременно – на Магнитогорском металлургическом комбинате Челябинской области и Воткинском машиностроительном заводе в Удмуртии и получил широкое распространение на Урале. Эта форма агитации являлась весьма эффективной, так как здесь особенно тесно сочеталась агитационно-массовая работа с конкретными производственными задачами, стоящими перед данной производственной группой (бригадой), с задачами каждого труженика. Агитаторы совместно с рабочими на каждом участке собирались, как правило, за 30–40 мин. до начала смены для обсуждения предстоящей работы и принятия встречных обязательств. Здесь, перед тем, как начиналось обсуждение производственного задания, агитатор читал газету или проводил беседу, увязывая поставленный вопрос с задачами, стоящими перед данным коллективом. Здесь же разбирались факты нарушения трудовой и технологической дисциплины и меры по их преодолению [12, л. 78; 6, л. 25].

В Удмуртии спецификой сменно-встречных собраний было то, что они организовывались, как правило, по участкам для подведения итогов каждой смены (минут на 10–15). Выделялись стахановские образцы работы, вскрывались недостатки. Тут же выступали рабочие, вносили предложения, предъявляли требования к администрации, направленные на устранение недостатков [13, с. 3] Значение этих сменно-встречных собраний («летучек») было велико. Они еще больше сплачивали коллектив цеха, развивали критику и самокритику, втягивали каждого рабочего в активную производственную жизнь. Важно и то, что на этих собраниях агитаторы развертывали работу по принятию повышенных производственных обязательств, сбору средств в фонд обороны, теплых вещей, подписки на займы и т.д.

Действенной и специфической формой идеологической работы были единые политические дни. Появились они еще до войны, но в годы войны приобрели новые черты: стали более масштабными, оперативными, тематика агитаторами посвящалась мобилизационным задачам, важнейшим событиям на фронте и в тылу. Они проводились в масштабах предприятия, района, города, области. В ходе проведения политдней трудящиеся брали по-

вышенные обязательства по выпуску продукции, приобщались к агитационно-пропагандистской работе. В период подготовки и проведения единых политдней агитаторы развертывали активную массовую работу: проводились лекции, беседы, рабочие собрания, концерты художественной самодеятельности. К этому дню обычно приурочивался выпуск многотиражных, стенных газет, «боевых листков». Администрации помогали агитаторам и пропагандистам: подбирали докладчиков, составляли планы собраний, проводили инструктивные доклады.

В 1942–1943 гг. политдни стали отличаться значительной массовостью. В Челябинской области в тресте «Магнитострой» каждый политдень охватывал 3–3,5 тыс. рабочих. В Курганской области 20 июня 1943 г. был проведен политдень «Решающий момент Отечественной войны и задачи молодежи». В этот день по 22 районам области было прочитано 600 докладов, их прослушали 16 200 чел. К политдню было выпущено 200 специальных номеров стенгазет, «боевых листков» и фотомонтажей, организовано 100 кинофильмов и столько же вечеров самодеятельности. В Молотовской области (ныне – Пермский край) 24 марта 1943 г. был проведен политдень «Героический Сталинград», в котором участвовало более 60 тыс. чел. В Удмуртии только на Воткинском машиностроительном заводе в 1942 г. на политднях было сделано 1 070 докладов, которые прослушало свыше 100 тыс. рабочих и инженерно-технических работников завода. Проводились политдни агитаторами и пропагандистами регулярно, как правило, один – два раза в месяц [1, л. 59; 10, л. 57; 16, л. 23].

Областные, городские, районные администрации направляли и контролировали подготовку и проведение политдней. Так, с 20 января по 10 февраля 1942 г. на Свердловской железной дороге был проведен политдень на тему «Дисциплина на железнодорожном транспорте в военное время». В помощь политотделам отделений дороги для докладчиков и агитаторов, проводивших беседы («беседчиков»), политотдел дороги (далее – ПОДОР) разработал и направил методическое письмо и план практических мероприятий по проведению политдня. Для оказания практической помощи политотделам на местах для организации и проведения политдня были командированы инструкторы ПОДОРа. Из актива агитаторов в каждой организации были выделены ответственные лица за проведение политдня. В политотделах Свердловска, Тагила, Надеждинска, Кузино были проведены и утверждены политотделами около 200 докладчиков из числа руководящих административных и хозяйственных работников; с докладчиками были проведены инструктивные совещания. Докладчики, агитаторы были снабжены необходимыми материалами. Агитаторы по всей дороге организовали выпуск стенгазет и «боевых листков», посвященных политдню. Итогом явилось проведение по всей дороге в период политдня 221 собрания. Присутствовало 13 530 железнодорожников, в прениях по докладам выступило более

700 чел. В результате проделанной агитационно-массовой работы на дороге было организовано свыше 100 различных подразделений (новые цеха, путейские околотки, диспетчерские смены, кондукторские бригады). За период подготовки и проведения политдня на дороге укрепились трудовая дисциплина, повысилась производительность труда и в результате в целом улучшилась производственная работа [20, л. 114–121об.].

Ценность проводимых политдней состояла, прежде всего, в том, что наряду с ознакомлением с важнейшими политическими событиями, здесь выявлялись и обсуждались недостатки производственной работы, бытовых условий и другие вопросы. Административные и хозяйственные органы на местах учитывали эти вопросы и принимали меры к устранению недостатков. Сообщения об итогах политдней заслушивались в производственных коллективах всех уровней. И рабочие вносили предложения по устранению недостатков и совершенствованию производства [11, л. 39–50; 2, с. 4].

Эффективность политдней заключалась также и в том, что они охватывали агитационно-массовой работой коллективы в любое время суток – и в первую, и во вторую, и в третью смены. Эффективность заключалась еще и в том, что агитаторы, организуя предварительный сбор вопросов и учитывая выступления трудящихся, имели возможность выяснять настроения отдельных групп рабочих и служащих и развертывать агитационно-массовую работу более дифференцированно и целенаправленно.

В годы Великой Отечественной войны, особенно в первый период, в идеологической работе было изменено соотношение между агитацией и пропагандой. Обстановка войны выдвинула на первое место агитационную работу, которая охватывала своим влиянием широчайшие слои населения.

Для усиления агитационно-массовой работы среди трудящихся в августе 1941 г. парткабинеты, имевшиеся в городах и районных центрах, были реорганизованы в агитационные пункты. Эта реорганизация диктовалась военными условиями, была временной и позволяла достичь более тесной и постоянной связи с широкими массами. В агитпунктах читались доклады и лекции, проводились консультации для агитаторов и пропагандистов. Здесь же выдавались плакаты, лозунги, книги, брошюры, газеты.

Агитпункты создавались (кроме реорганизованных из парткабинетов) не только городские и районные, но и на бывших избирательных участках, в цехах заводов, на стройках, в учреждениях, на мобилизационных пунктах военкоматов. При каждом агитпункте имелся постоянный коллектив, который работал под руководством начальника (руководителя) пункта. Это давало возможность агитаторам на участке хорошо изучить население, которое они обслуживали, знать его интересы и запросы. Иногда организовывались «сдвоенные» агитпункты. Так, на железнодорожном вокзале Челябинска работало два агитпункта – для военных и для рабочих и служащих. Необходимость в

этом возникала из-за того, что в военном агитпункте ежедневно бывало очень большое количество людей – от 500 и более [5, л. 31; 21, с. 2].

Работа агитпунктов осуществлялась в следующих направлениях: 1) установление постоянной связи с наиболее подготовленными агитаторами, докладчиками, помощь этим агитаторам и докладчикам, подбор материалов для них; 2) помощь со стороны агитпунктов в организации работы в цехах предприятий, на бывших избирательных участках и в домоуправлениях; 3) помощь населению в овладении военными знаниями через лекции, доклады, консультации; 4) консультации по политическим и теоретическим вопросам; 5) культобслуживание коллективов, воинских частей.

Таких агитпунктов, у которых была бы эффективно поставлена работа по всем этим направлениям, в начале войны было еще очень мало. Некоторые проявляли себя больше в одном, некоторые в другом направлении, но это явление было временное. С укреплением агитпунктов и расширением запросов слушателей функции агитпунктов расширялись, налаживалась разнообразная работа. И число агитпунктов быстро росло. Уже в начале войны в Удмуртии их было 58, в Магнитогорске – 63, в Перми – более 200 агитпунктов [4, л. 3; 17, л. 2; 7, л. 246].

Для оперативного обслуживания трудящихся при агитпунктах создавались разъездные агитбригады, в состав которых входили агитаторы, артисты, члены самодеятельных драматических и хоровых кружков, музыканты. В целях активизации работы в агитпунктах привлекали внештатных работников, прежде всего молодежь. Уже к концу 1941 г. при агитпунктах Удмуртии работало 3 тыс. молодых активистов, а 10 тыс. – чтецами-агитаторами. Некоторые агитпункты организовывались на квартирах отдельных граждан, в частности, домохозяек. Такие агитпункты были особенно важны для привлечения к агитационно-массовой работе, активной общественно-политической жизни женщин, домохозяек [15, л. 9–11].

Коллективы агитпунктов проводили разнообразную работу. Здесь можно было прочитать свежие газеты, журналы, брошюры. Систематическое дежурство осуществляли молодые агитаторы. Так, агитаторы станции Пермь-II дежурили на агитпункте без перерыва с 8.00 до 24.00 (дежурство по 4 часа). Агитпункт г. Серова (Свердловская область) приглашал для проведения бесед работников прокуратуры и суда, которые разъясняли трудящимся различные правовые вопросы. Учителя школ проводили беседы о воспитании детей. Каждый посетитель из вывешиваемого плана мог узнать в какой день и час и на какую тему будет доклад или беседа и кто ее проводит [9, л. 11; 14, с. 3].

Коллективы агитпунктов проделывали большой объем оборонно-массовой работы. В агитпункте вагонного участка депо Курган уже в августе 1941 г. было оборудовано 8 фотомонтажей с более чем 400 фото на оборонные темы. Тут же имелись выставки образцов отравляющих веществ,

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

дегазационных материалов, средств противохимической и противовоздушной обороны, а также военно-санитарного дела [3, с. 4].

Спецификой работы агитпунктов (особенно сельских) было то, что они нередко давали консультации по различным вопросам и по телефону. Например, очень часто задавали вопрос: «Что сегодня сообщает Совинформбюро?» [8, л. 10]. В условиях удаленности населенных пунктов, весенне-осенней распутицы и нехватки газет такая оперативность была очень важна.

Характерными особенностями агитационно-массовой работы в годы войны являлись тесная связь агитации с организаторской деятельностью, широкое участие в агитационно-массовой работе лучших производственников. Война выдвинула на первый план агитатора нового стиля работы, особенность его состояла в том, что он был не только агитатором, но и организатором, то есть не только рассказывал, что необходимо делать, но и как это делать. Причем личным примером.

Многие агитаторы сочетали агитационно-массовую и стахановскую работу на производстве. Так, Н. Орлов (Ижевский машиностроительный завод), систематически выполняя более двух норм, совмещал это с обязанностями руководителя молодежного агитколлектива и три раза в месяц инструктировал молодых агитаторов. Его товарищи по работе, агитаторы Б. Денисов и Н. Лаптин были награждены грамотами за перевыполнение плана. Умело растила кадры, передавая им свой организаторский и производственный опыт, и агитатор Глазовского патронного завода № 544 Наркомата вооружения М. Минина. Она не только сама проводила читки и политинформации, но и привлекала к этому молодых рабочих. В результате вокруг нее постоянно находился актив способной молодежи. Не ограничиваясь устной агитацией, М. Минина разработала схему, в которой наглядно показала, во что выливается брак того или иного вида продукции, выпускаемой цехом. В итоге такой повседневной работы с молодежью ранее отстававшие Б. Ершов, Г. Смокин, А. Егоров стали стахановцами [18, л. 7, 10]. Таких примеров было множество.

Таким образом, многоплановая, повсеместная и скоординированная деятельность административных, общественных и хозяйственных организаций способствовала тому, что идеологическая работа в годы Великой Отечественной войны стала эффективным средством решения мобилизационных задач и приближала Победу.

Источники и литература

1. Государственный архив социально-политической истории Курганской области. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 1.
2. Звезда. 1943. 20 января.
3. Красный Курган. 1941. 16 апреля.

**Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы
Великой Отечественной войны**

4. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГА ЧО). Ф. 234. Оп. 15. Д. 39.
5. ОГА ЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 243.
6. ОГА ЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 244.
7. Пермский государственный архив социально-политической истории (далее – ПГАСПИ). Ф. 1. Оп. 22. Д. 339.
8. ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 102.
9. ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 107.
10. ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 138.
11. ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 149.
12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 381.
13. Удмуртская правда. 1942. 6 января.
14. Уральский рабочий. 1942. 27 марта.
15. Филиал Центрального государственного архива Удмуртской республики – Государственный архив общественно-политической истории (далее – Филиал ЦГА УР – ГАОПИ). Ф. 16. Оп. 21. Д. 80.
16. Филиал ЦГА УР – ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 21. Д. 110.
17. Филиал ЦГА УР – ГАОПИ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 309.
18. Филиал ЦГА УР – ГАОПИ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 310.
19. Филиал ЦГА УР – ГАОПИ. Ф. 724. Оп. 1. Д. 128.
20. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 37. Д. 169.
21. Челябинский рабочий. 1941. 13 сентября.

Дементьев Борис Петрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Пермь, b-demen@yandex.ru

Dementiev Boris P., Doctor of Sciences (History), Full Professor, Professor at the Department of History and Archeology, Perm State National Research University, Russia, Perm, b-demen@yandex.ru

УДК 94(47+575.2).084.8+316.4

Ш.Д. Батырбаева

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ
1940-х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Аннотация. Великая Отечественная война стала важным катализатором социально-экономических и культурных изменений в Киргизской ССР. В условиях мобилизации и эвакуации республика адаптировала свою образовательную, научную и медицинскую системы, что способствовало созданию новых академических и исследовательских центров. Развитие здравоохранения, размещение эвакуированных госпиталей и кадровые изменения в системе медицинского обслуживания позволили стабилизировать ситуацию в военный период. Культура и искусство приобрели новое содержание, способствуя идеологической мобилизации населения. Важную роль сыграло расширение позиций русского языка как средства коммуникации и интеграции. В целом, война не только обозначила серьезные вызовы, но и привела к значительным трансформациям общественной жизни, заложив основы для послевоенного развития республики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кыргызстан, мобилизация ресурсов, образование и наука, культура и общество.

Sh.D. Batyrbaeva

**SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS IN KYRGYZSTAN
OF THE 1940s IN THE CONTEXT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR:
CHALLENGES AND WAYS OF OVERCOMING THEM**

Abstract. The Great Patriotic War became a significant catalyst for socio-economic and cultural transformations in the Kyrgyz SSR. Amidst mobilization and evacuation, the republic adapted its educational, scientific, and medical systems, contributing to the establishment of new academic and research centers. The development of healthcare, the deployment of evacuated hospitals, and personnel restructuring in medical services helped stabilize the situation during the war. Culture and the arts took on new ideological and mobilization functions, reinforcing public morale and patriotic consciousness. The strengthening of the Russian language played a crucial role as a means of communication and integration. Overall, the war not only posed serious challenges but also led to profound societal transformations, laying the foundation for the republic's post-war development.

Keywords: Great Patriotic War, Kyrgyzstan, resource mobilization, education and science, culture and society.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала мощным катализатором социокультурных изменений в Киргизской ССР, определив дальнейший вектор ее развития. Исследование социокультурных трансформаций Кыргызстана военного периода остается актуальным направлением научного анализа. В отечественной историографии данная тема рассматривалась в различных аспектах, начиная с советского периода и продолжая в постсоветское время [1; 12; 26]. Вместе с тем, ряд вопросов все еще не достаточно глубоко разработан на сегодняшний день.

Одним из важнейших последствий социокультурных трансформаций периода войны стало расширение образовательных и культурных возможностей. Взаимодействие местной интеллигенции с прибывшими специалистами способствовало развитию науки, искусства и литературы, а также укреплению позиций русского языка в образовательной и административной сферах. Война потребовала и адаптации общества к новым формам организации труда и быта, что повлекло за собой рост коллективизма, повышение гражданской активности, но в то же время ослабление ряда традиционных структур. В этом контексте особое значение приобретает анализ условий, в которых происходило социокультурное развитие Киргизской ССР в 1940-е гг., а также факторов, определивших его направления.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оказала значительное влияние на демографическую ситуацию и социальные структуры Киргизской ССР. Война способствовала изменению численности и состава населения республики вследствие мобилизации, эвакуации, депортации и высокой смертности (*таблица 1*).

Общая численность населения Киргизской ССР с учетом эвакуированных и спецпереселенцев достигла 1 837,2 тыс. чел. (113,7 % к уровню 1941 г.). Численность городского населения увеличилась на 34,6 % (с 383,8 тыс. до 516,7 тыс.), тогда как сельское население выросло лишь на 7,2 % (с 1 232,0 тыс. до 1 320,5 тыс.) [4, с. 343]. Без учета эвакуированного и депортированного населения численность постоянного населения, проживавшего в республике к началу войны, сократилась на 9,7 % – с 1 615,8 тыс. до 1 469,0 тыс. чел. Основными причинами этого снижения стали мобилизация, боевые потери, ухудшение условий жизни и рост смертности. Сельское население уменьшилось на 16,9 % (с 1 232,0 тыс. до 1 023,9 тыс.), что объясняется мобилизацией значительной части сельских жителей в армию, приведшей к существенным демографическим потерям. В то же время численность городского населения увеличилась на 16 % (с 383,8 тыс. до 445,1 тыс.) в результате эвакуации промышленных предприятий, размещения эвакуированных рабочих и их семей, а также необходимости обеспечить функционирование военной промышленности.

Таблица 1

Сведения о национальном составе безвозвратных потерь по Кыргызстану*

Национальность	Численность по Всесоюзной переписи 1939 г.	Доля в общем населении, %	Потери в годы войны (1941–1945) в % к численности 1939 г.	Безвозвратные потери, чел.	Доля в общей численности погибших, %
Киргизы	754 323	51,73	7,2	54 297	35,21
Русские	302 916	20,77	11,5	34 836	22,59
Украинцы	137 299	9,42	5,76	7 906	5,13
Узбеки	151 551	10,39	4,85	7 332	4,76
Татары	20 017	1,37	5,67	1 135	0,72
Евреи	1 895	0,13	58,36	1 106	0,71
Таджики	10 670	0,73	4,62	493	0,32
Дунгане	5 921	0,41	4,59	272	0,17
Казахи	23 925	1,64	1,04	248	0,16
Уйгуры	9 412	0,65	2,37	223	0,15
Белорусы	1 520	0,10	8,68	132	0,09
Немцы	11 741	0,81	0,66	77	0,05
Калмыки	2 965	0,20	2,26	67	0,04
Азербайджанцы	7 724	0,53	0,8	62	0,04
Башкиры	870	0,06	6,78	59	0,04
Балкарцы	12	0,0008	–	51	0,03
Другие национальности	15 452	1,06	2,07	320	0,21
Дополнительные потери (по уточненным данным)	–	–	–	45 593	29,57
Итого	1 458 213	100,0	10,58	154 209	100,0

* Составлено по: [11; 3, с. 11; 8; 19, с. 80].

Ключевым фактором демографических изменений стала мобилизация более 360 тыс. жителей Киргизской ССР, из которых безвозвратные потери превысили 154 тыс. чел. Эти утраты оказали значительное влияние на этнодемографическую структуру республики. Согласно данным Книги памяти и других источников, средний уровень безвозвратных потерь составил 10,58 % от численности населения 1939 г., однако этот показатель значительно различался среди различных этнических групп. Русские понесли наибольшие относительные потери (11,5 %), что объясняется их высокой мобилизацией и активным участием в боевых действиях. Значительные потери также зафиксированы у белорусов (8,68 %), башкир (6,78 %) и татар (5,67 %), что отражает общую тенденцию массовой мобилизации среди этих народов в масштабе СССР. Безвозвратные потери среди киргизов в годы Великой Отечественной войны составили 7,2 % от их общей численности по

переписи населения 1939 года, при этом среди общего числа погибших (154 тыс. чел.) киргизы составили 35,21 %. Доля других национальностей варьировалась от 0,03 % (балкарцы) до 0,72 % (татары). Дополнительные потери составили 45 593 чел. (29,57 %), чьи данные о национальности еще требуют уточнения. В целом, поименное установление погибших в годы войны среди мобилизованных из Кыргызстана на сегодняшний день продолжается.

Такой уровень потерь среди киргизов объясняется рядом факторов, включая особенности мобилизационной политики в республике. Военная подготовка киргизского населения до 1939 г. была ограниченной, так как военное строительство в национальных республиках только начинало развиваться. В этот период создавались военные комиссариаты, а наборы в РККА проводились в небольших масштабах. После принятия закона о всеобщей воинской обязанности в 1939 г. призыв стал обязательным, однако киргизов в большом количестве направляли не в боевые части, а в трудовые батальоны. Часть призванных киргизов не проходила предварительной военной подготовки, что также ограничивало их участие в боевых действиях.

Еще одной из причин такого распределения стало незнание русского языка, что затрудняло их подготовку и интеграцию в армейские подразделения. Вместо этого значительная часть мобилизованных направлялась на тыловые работы, в том числе в трудовую армию. Так, из Киргизской ССР в промышленность в рамках трудовой армии с июня 1941 по 1 сентября 1944 г. было отправлено 58 419 чел. [4]

Демографические изменения периода войны оказали значительное влияние на общественные институты и формы коллективной идентичности. Эвакуация населения, мобилизация, депортации и изменения в структуре занятости обусловили трансформацию традиционных социальных ролей и межэтнических взаимодействий. В условиях реализации лозунга «Все для фронта, все для победы» эти процессы способствовали формированию новых моделей социально-экономических и межэтнических отношений, а также адаптации общества к экстремальным условиям военного времени.

Великая Отечественная война стала переломным моментом в трансформации социальной и экономической роли женщин в Киргизской ССР. Массовая мобилизация мужчин привела к острому дефициту рабочей силы, в результате чего женщины вынуждены были осваивать новые профессии и брать на себя ключевые производственные обязанности, что существенно изменило традиционное распределение труда [7; 10; 11; 15; 23]. В сельском хозяйстве, являвшемся основой экономики республики, женщины составили основную часть трудоспособного населения – их доля в аграрном секторе к 1944 г. достигла 68,3 %. Они осваивали профессии механизаторов, трактористов, комбайнеров, что позволило поддерживать устойчивость сельскохозяйственного производства. Несмотря на рост посевных площадей на 25 %, весенне-посевная кампания 1943 г. была проведена в срок, что способствовало увеличению урожайности.

Массовое вовлечение женщин в сельскохозяйственные работы требовало обеспечения ухода за детьми, что привело к необходимости создания колхозных яслей. По плану Наркомздрава и Наркомзема, к 1 июля 1944 г. должно было быть развернуто значительное количество сезонных колхозных яслей, но их создание столкнулось с трудностями. Так, во Фрунзенской области вместо 20 тыс. мест фактически было открыто только 10 432 (52 % от плана), в Иссык-Кульской области – 1 621 из 6 500 (25 %), в Тянь-Шанской – 1 183 из 4 500 (26 %), в Джалал-Абадской – 3 238 из 11 000 (29 %), а в Ошской – 4 800 из 14 000 (34 %) [32, л. 239]. Основной причиной отставания стала нехватка продовольствия, однако даже частично созданные ясли позволили многим женщинам продолжить работу в сельском хозяйстве, обеспечивая выполнение государственных планов поставок продовольствия.

Женщины внесли значительный вклад в промышленность, увеличив свою долю среди рабочих промышленных предприятий с 30 до 55,7 % к 1944 г., а в легкой промышленности – до 70–90 %. Число женщин, занятых в промышленности республики, увеличилось с 12 605 чел. (32,9 % от общего числа рабочих) на 1 октября 1941 г. до 22 285 чел. на 1 января 1944 г., что свидетельствует о значительном росте их роли в производстве. Они осваивали такие профессии, как бурильщики, литейщики, электросварщики, механики, заменяя мужчин, ушедших на фронт. Женщины также активно участвовали в строительстве стратегически важных объектов, таких как гидроэлектростанции и ирригационные системы, а в горнорудной отрасли заменили около 5 тыс. мужчин, обеспечивая добычу металлов, необходимых для военной промышленности. Их присутствие на транспорте и в энергетическом секторе также значительно возросло, что позволило сохранить стабильность работы критически важных отраслей [15].

Война способствовала расширению участия женщин в управленческой деятельности. Их число среди председателей колхозов, бригадиров и руководителей ферм значительно увеличилось, а в партийных и советских органах женщин стали активно выдвигать на руководящие должности. Это способствовало постепенному изменению гендерных стереотипов и закладывало основы для дальнейшего роста их общественной активности в послевоенный период.

Женщины Кыргызстана не только внесли значительный вклад в экономику, но и активно поддерживали фронт и тыл, демонстрируя высокий уровень самоотдачи и патриотизма. Они организовывали сбор теплых вещей, продуктов и медикаментов, а также жертвовали личные сбережения, драгоценности и облигации на нужды армии. Так, женщины Советского района Ошской области собрали 426 тыс. руб., а жительницы Фрунзе внесли значительные суммы на производство вооружения. Особое внимание уделялось заботе о сиротах и эвакуированных детях: с 1943 по 1945 гг. в республике усыновили 940 детей, под опеку взяли 1 416, а 618 детей патронировали. Токтогон Алтыбасарова, возглавив сельский совет в 16 лет, взяла под опеку

160 детей из блокадного Ленинграда, обеспечив им кров, питание и необходимую поддержку.

Многие женщины вносили личные пожертвования: 75-летняя колхозница Б. Бегалиева, мать 20 детей, передала 55 тыс. руб. на строительство танков, а Д. Джусувалиева, воспитывавшая 14 детей, пожертвовала 30 тыс. руб. За активную помощь армии женщины Советского района Ошской области были удостоены благодарности Наркомата обороны СССР [15; 19]. Их усилия не только укрепили экономику и социальную сферу республики в военное время, но и оказали влияние на изменение общественного сознания. Великая Отечественная война стала важной вехой в процессе трансформации социальной роли женщин в Киргизской ССР. Их массовое участие в экономике и общественной жизни способствовало пересмотру традиционных представлений о женском труде и статусе в обществе, что оказало влияние на дальнейшее развитие республики в послевоенные годы.

В годы Великой Отечественной войны женщины Кыргызстана активно включились в управленческую деятельность, особенно в сельском хозяйстве, где ощущалась острая нехватка кадров. В 1941–1942 гг. более 1 700 женщин прошли курсы подготовки председателей колхозов, бригадиров и работников животноводства. В результате к 1943 г. в республике насчитывалось 114 женщин-председателей колхозов, 1 181 бригадир и 1 022 заведующих фермами. Общая доля женщин среди руководителей в сельском хозяйстве выросла с 11,2 % накануне войны до 38 % к ее завершению.

Помимо сельского хозяйства, женщины начали занимать руководящие посты в партийных, советских и судебных органах, а также в промышленности. Принятое 7 мая 1942 г. постановление ЦК КП Киргизии способствовало их активному выдвижению на ответственные должности. Только в Ошской и Фрунзенской областях в 1942–1943 гг. на руководящие посты было назначено 1 427 женщин. Они возглавляли партийные комитеты, судебные учреждения и предприятия: Кулана Тактоманбетова стала секретарем Пржевальского горкома партии, Фатима Кадырбаева – председателем Верховного суда, а Надежда Баринаева руководила Фрунзенской табачной фабрикой, которая за годы войны значительно увеличила производительность и была неоднократно удостоена наград [7, с. 80; 15, с. 109].

Участие женщин в Великой Отечественной войне не только способствовало преодолению кадрового дефицита и укреплению тыла, но и привело к глубинным социокультурным трансформациям. В условиях тотальной мобилизации трудовых ресурсов они осваивали новые профессии, обеспечивали бесперебойную работу ключевых отраслей экономики и демонстрировали высокий уровень организованности, ответственности и самоотверженности. Несмотря на недостаточное развитие социальных инфраструктур, таких как колхозные ясли, женщины продолжали трудиться в сложных условиях, проявляя высокий уровень патриотизма. Их активное участие в общественной жизни и забота о наиболее уязвимых слоях населения способствовали изменению общественного сознания, размыванию традиционных гендерных

стереотипов и формированию нового типа гражданской идентичности. Они не только выполняли производственные задачи, но и сохраняли гуманизм, оказывая неоценимую поддержку тем, кто оказался в тяжелом положении.

Великая Отечественная война стала поворотным моментом в изменении статуса женщины в Кыргызстане, а их вклад в победу и развитие республики невозможно переоценить. Изменения, произошедшие в этот период, заложили основу для дальнейшего расширения их социально-экономических прав и возможностей, обеспечив их активное участие в общественной и политической жизни в послевоенные годы.

В годы Великой Отечественной войны дети Киргизской ССР столкнулись с многочисленными трудностями, обусловленными мобилизацией взрослого населения, нехваткой продовольствия и экономической нестабильностью. Массовый призыв мужчин на фронт привел к изменениям в семейной структуре: женщины стали основной рабочей силой в сельском хозяйстве и промышленности, а дети были вынуждены участвовать в трудовой деятельности. В соответствии с постановлением Коллегии Наркомпроса Киргизской ССР от 3 августа, в колхозах, совхозах и машинно-тракторных станциях трудилось около 60 тыс. школьников и 6 тыс. учителей, при этом нормы выработки учащимися превышались на 500–1000 %, что свидетельствует о значительных нагрузках, не учитывавших возрастные и физиологические особенности детей [27, л. 159–159об.].

В городах тяжелая санитарно-эпидемиологическая ситуация и нехватка продовольствия способствовали распространению инфекционных заболеваний. В целях минимизации негативных последствий указом СНК СССР от 15 июля 1943 г. в республике были созданы вечерние школы для подростков, совмещавших учебу с работой в промышленности. К 1944 г. подростки составляли 37 % от общего числа рабочих и служащих, а на шахтах республики работало более 500 подростков, что составляло 35 % всех горняков.

Недостаточное питание и нехватка медицинской помощи отрицательно сказались на здоровье детей, а уровень заболеваемости в отдельных регионах достиг критических значений. Несмотря на меры, направленные на улучшение питания и медицинского обслуживания, ограниченные ресурсы республики не позволяли в полной мере удовлетворить потребности детского населения. В сельской местности уровень детской смертности снизился с 11,4 до 6,25 %, в городах – с 22,8 до 12,3 %, а в промышленных центрах – с 23,9 до 11,88 %. Однако в областных центрах этот показатель оставался высоким: в Джалал-Абадской области – 27 %, в Ошской – 9,68 %. Введение дополнительных коек в детских больницах позволило снизить заболеваемость скарлатиной в три раза, дизентерией – на 67,9 %, коклюшем – на 60 %, однако нехватка медицинских кадров и медикаментов оставалась острой проблемой [32, л. 77].

Одним из последствий войны стало увеличение числа сирот, что потребовало создания государственной системы детских домов. Однако эти учреждения столкнулись с острой нехваткой продовольствия и удовлетво-

рительными санитарными условиями. Проверка, проведенная Наркоматом государственного контроля, выявила критическое недополучение продовольствия в доме ребенка № 51 во Фрунзе. Систематические нарушения, включая хищение продуктов, привели к высокому уровню детской смертности – 48 случаев за первое полугодие 1944 г. Несмотря на осведомленность руководства здравоохранения о катастрофической ситуации, необходимые меры своевременно не предпринимались. По итогам проверки виновные, в том числе заведующая учреждением, были привлечены к ответственности, а Наркомату здравоохранения Киргизской ССР было предписано усилить контроль над обеспечением детских домов [32, л. 170–171об.]. Несмотря на это, война способствовала формированию новых механизмов социальной помощи детям, а активное участие общества – женщин, комсомольцев, рабочих коллективов – позволило компенсировать некоторые пробелы государственной поддержки.

Мобилизация трудоспособного населения потребовала привлечения подростков к работе на предприятиях, в сельском хозяйстве и ремесленных училищах. Советские власти, несмотря на необходимость трудовой мобилизации, стремились сохранить образовательный процесс, однако сокращение числа школ и недостаток педагогических кадров значительно осложняли его реализацию. Трудовая социализация подростков способствовала их раннему вовлечению в производственную деятельность, однако негативно сказывалась на уровне образования и состоянии здоровья. В ряде случаев распределение детского труда не учитывало возрастные особенности: учащиеся средних классов привлекались к тяжелым работам, в то время как старшеклассники выполняли более легкие задания, что становилось предметом проверок со стороны государственных органов.

В годы Великой Отечественной войны особое внимание в Киргизской ССР уделялось вопросам, связанным с эвакуированными детьми. Республика приняла тысячи сирот и воспитанников детских домов из западных регионов СССР, что потребовало срочного решения вопросов их размещения, снабжения и медицинского обслуживания [7]. Государственные расходы на их содержание включали затраты на транспортировку, питание, санитарную обработку и обмундирование. Согласно архивным данным, общие расходы на содержание эвакуированных детей в детских домах Киргизской ССР составили 1 772,7 тыс. руб., включая 922,5 тыс. руб. на их текущее содержание и 399,8 тыс. руб. на приобретение теплой одежды.

Несмотря на ограниченные ресурсы, государство предпринимало усилия для обеспечения жильем, питанием и медицинской помощью эвакуированных детей, что позволило минимизировать последствия их дезорганизации и способствовало социальной адаптации. Обеспечение детей одеждой и обувью в условиях дефицита товаров первой необходимости стало серьезной проблемой. Согласно документам, Военторг удовлетворял потребности в швейных изделиях лишь на 10 %, в трикотажных – на 50 %, а в обуви – на 20 %. В связи с этим республиканские власти ходатайствовали о выделении дополни-

тельных средств в размере 225 тыс. руб. на закупку предметов первой необходимости для детей военнослужащих [36, л. 142]. Введение карточной системы и организация специальных столовых частично улучшили ситуацию, однако условия содержания детей удалось стабилизировать только к 1943 г., когда уровень смертности среди эвакуированных начал снижаться.

В условиях военного времени социально-экономическое положение населения Киргизской ССР значительно ухудшилось, что потребовало от государства введения механизмов регулирования и распределения ресурсов. Карточная система распределения продовольствия и товаров первой необходимости не смогла полностью удовлетворить потребности населения, особенно колхозников, которые были вынуждены полагаться на натуральное хозяйство и обмен. В городах для частичного решения проблемы был разрешен индивидуальный огородный участок, однако дефицит топлива, одежды и обуви продолжал оставаться острой проблемой, особенно среди семей фронтовиков и социально уязвимых групп [6].

Эвакуированное население, несмотря на предусмотренные компенсационные меры, сталкивалось с бюрократическими сложностями при получении материальной поддержки. Вопросы возмещения имущества и снабжения продовольствием находились в ведении союзных наркоматов, что замедляло процесс принятия решений [35, л. 128]. В условиях нехватки ресурсов особые трудности испытывали раненые военнослужащие и больные хроническими заболеваниями, чьи потребности в специализированном питании удовлетворялись лишь частично. Например, раненные военнослужащие, а также люди с хроническими заболеваниями (в частности, диабетики) обращались за выдачей сливочного масла, сахара, капусты и картофеля, но из-за нехватки фондов их потребности не всегда удовлетворялись [33, л. 10, 13, 18, 21–22, 56–57]. В ряде случаев обращавшиеся не получали продовольствия из-за отсутствия фондов. Так, заместитель директора объединенного издательства «Кызыл Кыргызстан» и «Советская Киргизия» Л.Н. Берхин, страдавший сахарным диабетом, просил выделить 100 кг капусты и 100 кг картофеля, но получил отказ по причине нехватки продовольственных запасов [32, л. 67].

Государственные механизмы распределения товаров не всегда срабатывали оперативно, что приводило к социальной напряженности и вынуждало граждан искать альтернативные пути выживания. Многие обращались в органы власти с просьбами о выдаче продовольствия, топлива или прикреплении к военторгам, однако из-за ограниченных фондов такие запросы удовлетворялись выборочно [35, л. 68, 131–131об.]. В этих условиях кыргызстанцы проявили солидарность, принимая эвакуированных в свои дома и оказывая им поддержку. Это взаимодействие способствовало укреплению межнациональных связей, что в дальнейшем стало важным фактором социальной консолидации общества в послевоенный период.

В годы Великой Отечественной войны здравоохранение Киргизской ССР столкнулось с серьезными вызовами, связанными с развертыванием госпиталей, массовой эвакуацией населения и кадровыми изменениями [14;

24; 25]. В республике было организовано 25 госпиталей, основная часть которых находилась во Фрунзенской области. Наплыв раненых и беженцев, особенно в 1941 г., значительно увеличил нагрузку на медицинские учреждения, что привело к вспышке инфекционных заболеваний. Однако благодаря принятым оперативным мерам удалось локализовать эпидемии и стабилизировать санитарную ситуацию.

С началом войны в республику стали прибывать эвакуированные специалисты, что способствовало росту численности врачей и среднего медицинского персонала. К 1942 г. число врачей в городах увеличилось более чем в два раза (с 548 до 1 264 чел.), а в сельской местности – с 312 до 414 чел. Однако с 1943 г. началась реэвакуация специалистов, что привело к сокращению числа врачей в городах до 964 чел., а в сельской местности – до 339 чел. Отток медицинских кадров (632 чел.) значительно превысил их приток (332 чел.), что вызвало кадровый кризис и возросшую нагрузку на оставшихся специалистов. Для адаптации к сложившейся ситуации были приняты меры по ускоренной подготовке новых медицинских кадров, активному привлечению женщин в медицинскую сферу и расширению участия коренного населения в здравоохранении. Развитие системы здравоохранения в военные годы прошло три этапа: приток специалистов в 1941–1942 гг., их активное задействование в лечебных учреждениях в 1942–1943 гг. и массовая убыль врачей с 1943 г. [32, л. 243]. Несмотря на временное усиление медицинской инфраструктуры за счет эвакуированных специалистов, война обострила проблему нехватки кадров, что потребовало стратегического подхода к развитию здравоохранения в послевоенный период.

В годы Великой Отечественной войны система образования Киргизской ССР претерпела значительные изменения, адаптируясь к военным условиям. Несмотря на мобилизацию части педагогов, эвакуацию учебных заведений и нехватку учебных материалов, образовательные учреждения продолжали работу, внося вклад в подготовку кадров для народного хозяйства и армии.

Эвакуация вузов и научных институтов в республику стала важным этапом в развитии науки и образования. В Киргизской ССР разместились Харьковский ветеринарный, медицинский и стоматологический институты, интегрированные в местные учебные заведения, а также Государственный институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта. Их преподаватели не только способствовали сохранению образовательного процесса, но и подготовили более 1 600 военных инструкторов, а также внесли вклад в развитие научных исследований [22]. Несмотря на материальные трудности, такие как нехватка продовольствия и оборудования, эвакуация способствовала укреплению научных и медицинских школ, многие преподаватели и студенты остались в республике после войны, усилив кадровый потенциал высшего образования [27, л. 37–39].

Общеобразовательные школы продолжали работу, несмотря на нехватку педагогов. В 1943/44 учебном году в республике насчитывалось 11,9 тыс.

учителей, 9 тыс. из которых были женщины. В этот период было открыто 24 новые школы, а число учащихся достигло 245 тыс. чел. Параллельно создавались краткосрочные курсы по подготовке механизаторов, трактористов, шахтеров и железнодорожников. Киргизский медицинский институт, сформированный на базе эвакуированных вузов, за годы войны подготовил 899 врачей, среди которых была первая хирург Средней Азии Киши Рыскулова.

Значимым событием в научной сфере стало открытие в 1943 г. Киргизского филиала Академии наук СССР, включавшего несколько исследовательских институтов. Его ученые разрабатывали лекарственные препараты на основе местных растений, а геологи выявили новые месторождения полезных ископаемых для оборонной промышленности.

Военная подготовка стала неотъемлемой частью образовательного процесса. В школах и вузах велась активная допризывная подготовка: за годы войны было обучено 17 тыс. пулеметчиков, 26 тыс. минометчиков, 209 тыс. гранатометчиков и 92 тыс. бойцов рукопашного боя. Кроме того, учитывая языковой барьер среди призывников, Совет Народных Комиссаров организовал ускоренные курсы русского языка для нерусскоязычного населения, издав учебники тиражом 200 тыс. экземпляров [12; 29, л. 81; 36, л. 175–177].

Таким образом, несмотря на военные трудности, система образования Киргизской ССР продолжала функционировать и развиваться. Эвакуация вузов способствовала укреплению научного потенциала, а военная подготовка и обучение специалистов обеспечили кадровые ресурсы для фронта и промышленности. Эти меры заложили основу для послевоенного восстановления экономики и дальнейшего развития научной и образовательной системы республики.

В годы Великой Отечественной войны культура и искусство Киргизской ССР сыграли важную роль в мобилизации населения, поддержании морального духа и формировании патриотического сознания [20; 21]. Учреждения культуры адаптировались к военным условиям, работая на нужды фронта и тыла. Театры республики организовали более 2,5 тыс. концертов и спектаклей, выступлений на заводах, в колхозах, госпиталях и на передовой. В репертуаре Киргизского театра оперы и балета и Киргизского драматического театра появились постановки, отражавшие героизм советского народа, включая «Чолпон» и «Ант» А. Токомбаева, «Месть» Р. Шукурбекова, а также произведения мировой классики.

Литература и печатные издания также служили инструментом пропаганды. Произведения Дж. Боконбаева, Т. Сыдыкбекова, А. Токомбаева прославляли подвиги советских солдат и тружеников тыла. В этот период расширялась библиотечная система: в ноябре – декабре Государственная публичная библиотека Киргизской ССР получила 98 тыс. книг и 26 тыс. журналов, включая научные издания.

Музыкальное искусство развивалось благодаря эвакуации ведущих коллективов, таких как Государственный симфонический оркестр СССР и театры Украины, Белоруссии и России. Эти коллективы интегрировались в

культурную жизнь республики, передавая свой опыт местным артистам. Концертные бригады гастролировали по стране, поддерживая боевой дух населения. Изобразительное искусство и агитация также стали важным элементом мобилизации. В Кыргызстане работала система «Окон КирТАГ» по аналогии с «Окнами ТАСС», в которой участвовали известные художники, включая Л.А. Ильину.

Государство осознавало значение культуры в военный период. В 1944 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял распоряжение о развитии национального искусства в Киргизской ССР, направив в республику 39 специалистов, музыкальные инструменты и средства для реорганизации киргизского отделения Московской консерватории в самостоятельное учебное заведение. В 1943 г. Наркомфин Киргизской ССР выделил 65 тыс. руб. на поддержку эвакуированных театров, включая Московский театр Революции и Севастопольский театр имени Луначарского. Работники культуры испытывали острую нехватку одежды, обуви и инструментов. Оркестранты, хористы и балетные артисты нуждались в сценических костюмах, а музыканты – в инструментах [31, л. 205–206об]. Тем не менее, артисты продолжали выступать в госпиталях, на передовой и в тылу, укрепляя боевой дух населения.

Таким образом, несмотря на все трудности, культура Киргизской ССР в военные годы не только сохранилась, но и приобрела новые формы, способствовавшие мобилизации общества, поддержке фронта и тыла, а также формированию национального единства. Искусство и литература стали мощным инструментом патриотического воспитания, обеспечивая поддержку военных и создавая основу для послевоенного возрождения культурной сферы республики.

В годы Великой Отечественной войны взаимодействие между фронтом и тылом в Киргизской ССР охватывало не только материальную поддержку армии, но и обеспечение морального единства военнослужащих с их семьями и гражданским населением. Одним из ключевых направлений тыловой помощи стало регулярное отправление подарков бойцам Красной армии. Эти поставки имели не только практическое, но и символическое значение, поскольку сопровождалась делегациями представителей республики, что подчеркивало моральную поддержку армии.

Наряду с материальной помощью важную роль играло обеспечение солдат информацией о положении их семей. Архивные документы фиксируют многочисленные обращения военнослужащих с просьбами выяснить судьбу родных. Например, красноармеец-гвардеец Н. Ипкаштыев более шести месяцев не получал известий от семьи, проживающей в Таш-Тюбинском районе. По его запросу политотдел армии обратился к местным властям, которые оперативно организовали отправку писем [36, л. 175–177]. Аналогичные обращения поступали в адрес руководства республики. Так, боец Турдукулов сообщал, что его 14-летняя сестра и 4-летний брат остались без средств к существованию после смерти родителей, но не получили государственной помощи [34, л. 138]. В другом случае солдат Ахмат Есенов

выражал обеспокоенность материальным положением своей семьи, отмечая, что отсутствие ясности в вопросе поддержки негативно сказывается на его моральном состоянии [34, л. 84, 99].

Государственные органы стремились контролировать ситуацию и официально обеспечивали исполнение социальных обязательств. В ответе Совета Народных Комиссаров Киргизской ССР бойцу Турдукулову сообщалось, что его семья обеспечена продовольствием, топливом и товарами первой необходимости, а колхоз выполняет все обязательства по поддержке фронтовиков. Однако административные отчеты не всегда отражали реальное положение дел, и дополнительные обращения солдат нередко становились поводом для пересмотра решений на местах. В целом, система тыловой поддержки в Киргизской ССР включала не только организацию материального снабжения армии, но и обеспечение военнослужащих информацией о положении их семей. Несмотря на существующие бюрократические сложности, обратная связь между фронтом и тылом играла важную роль в укреплении морального духа бойцов, обеспечивая их уверенность в защите родных. В целом политика тыловой поддержки отражала всенародную мобилизацию, способствовала консолидации общества вокруг общей цели Победы и укреплению национального единства в военные годы.

Великая Отечественная война стала переломным моментом в социально-культурном развитии Киргизской ССР, вызвав глубокие трансформации во всех сферах общества. Республика, несмотря на свой тыловой статус, оказалась вовлечена в масштабные процессы мобилизации населения, эвакуации промышленных и научных учреждений, а также перестройки общественной жизни. Эти изменения затронули не только демографическую картину региона, но и трансформировали традиционные социальные институты, изменили гендерные роли и способствовали интенсификации межэтнических контактов. Одним из ключевых последствий войны стало расширение образовательных и культурных возможностей. Эвакуация учебных заведений и научных кадров привела к формированию новых академических центров, включая Киргизский филиал Академии наук СССР (1943), что заложило основу для дальнейшего развития науки и высшего образования. Взаимодействие местной интеллигенции с прибывшими специалистами способствовало профессиональному росту и модернизации культурной среды республики. Русский язык укрепил свои позиции в образовательной и административной сферах, становясь средством коммуникации в условиях массовой мобилизации и эвакуации.

Война потребовала от общества адаптации к новым формам организации труда и быта, что привело к росту коллективизма и гражданской активности. Несмотря на тяжелые условия, республика продемонстрировала высокий уровень самоотверженности и сплоченности населения. Культурная жизнь не только не прервалась, но и приобрела новое содержание, став важным инструментом патриотического воспитания и моральной поддержки.

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

Таким образом, Великая Отечественная война стала не только испытанием для Кыргызской ССР, но и катализатором социально-экономических изменений. Вынужденная перестройка общества способствовала развитию новых моделей взаимодействия, интеграции республики в советское культурное и научное пространство, а также формированию моральных ценностей, укрепивших дух коллективизма. Эти процессы заложили основу для послевоенного развития Кыргызстана, продемонстрировав его способность адаптироваться к кризисным условиям и сохранять потенциал для дальнейшего роста.

Источники и литература

1. *Абытов Б.К.* Некоторые спорные проблемы Великой Отечественной войны / Б.К. Абытов // Известия вузов (Кыргызстан). 2015. № 5. С. 4–10.
2. *Алымкулов Н.А.* Ленинградский институт имени П.Ф. Лесгафта и другие эвакуированные высшие учебные заведения (ВУЗ) в Кыргызстане / Н.А. Алымкулов // Вестник физической культуры и спорта. 2020. № 2. С. 13–18.
3. *Алымкулов Н.А.* Подвиги татар Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны / Н.А. Алымкулов // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: подвиг народа и уроки истории: сборник статей по материалам Международной научной онлайн конференции (г. Казань, 20–21 октября 2020 г.) / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 107–120.
4. *Алымкулов Н.А.* Трудармейцы из Кыргызстана в Уральском регионе в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Н.А. Алымкулов // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2019. Материалы Международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. К 75-летию Победы» (ПермГАСПИ, 7–8 ноября 2019 г.). Сборник / под ред. С.В. Неганова. С. 30–35. URL: <https://www.permgaspi.ru/uploads/novread2019/novread2019.pdf> (дата обращения: 12.12.2024).
5. *Батырбаева Ш.Д.* Демографическое развитие Кыргызстана в 20–50-е годы XX в.: источники и методы их изучения: дис. ... д-ра ист. наук / Ш.Д. Батырбаева. Бишкек, 2005. 363 с.
6. *Бекбоева А.К.* Социальная защита семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на примере Кыргызстана) / А.К. Бекбоева, Н.У. Курбанова // Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны: сборник статей. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2021. С. 435–442.
7. *Бектурганова К.А.* Участие женщин в общественно-политической и культурной жизни Киргизии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / К.А. Бектурганова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2009. Т. 9, № 3. С. 79–83.
8. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=11 (дата обращения: 14.12.2024).
9. Дети и война: мы собирали шерсть овец с колючек облепихи. URL: <https://ru.sputnik.kg/20150426/1015259376.html> (дата обращения: 27.12.2024).

**Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы
Великой Отечественной войны**

10. *Джеенбекова С.С.* Повседневная жизнь кыргызстанцев в годы Великой Отечественной войны / С.С. Джеенбекова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21, № 2. С. 15–19.

11. *Джунушалиева Г.* Экономика Кыргызской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / Г. Джунушалиева. Бишкек, 2013. 412 с.

12. *Замирбек уулу Осук-Кумуш.* Военно-подготовительные курсы в Кыргызстане в годы Великой Отечественной войны / Замирбек уулу Осук-Кумуш // Салют, Победа!: сборник трудов Международной научно-практической военно-исторической конференции, 13 мая 2015 г., г. Юрга. Томск: Изд-во ТПУ, 2015. С. 332–334.

13. *Животовская Н.П.* Женщины Киргизии – патриотки своей Родины / Н.П. Животовская. Фрунзе: Кыргызстан, 1968. 64 с.

14. *Кошмурастов А.Г.* Здравоохранение юга Кыргызстана в первые годы советской власти и в годы Великой Отечественной войны / А.Г. Кошмурастов, К.А. Атаханов, А.С. Амиракунова // Медицина Кыргызстана. 2016. № 3. С. 39–49.

15. *Курбанова Н.У.* Вклад женщин-кыргызстанок в Победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / Н.У. Курбанова, А.К. Бекбоева // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2020. № 4. С. 104–109.

16. *Курбанова Н.У.* Кыргызстан – вторая родина детей эвакуированных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны / Н.У. Курбанова, А.К. Бекбоева // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2020. № 4. С. 91–104.

17. *Михайлова С.А.* Киргизия в годы Великой Отечественной войны / С.А. Михайлова // Война и мир в Отечественной и мировой истории: материалы Международной научной конференции: в 2 т. Т. 2. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2020. С. 650–653.

18. *Молдокматов А.* Третий подвиг / А. Молдокматов // Труд. 1972. 8 марта.

19. Память: Сводный том 1941–1945 / авт. колл.: В.Н. Андроников, М.А. Гареев ж.б.]; ред. кол.: Т.А. Токомбаев (төрага/предс.), ж.б. Бишкек: Кыргыз Республикасынын «Эскерүү китебинин редколлегиясы», Кыргыз энциклопедиясынын башкы редакциясы, 2012. 358 с.

20. *Нуралиева Н.Н.* Сценическая культура Киргизии в годы Великой Отечественной войны / Н.Н. Нуралиева // Вестник Ошского государственного университета. 2019. № 3. С. 160–164.

21. *Плоских С.В.* Страница истории культуры Кыргызстана. Асанхан Джумахматов – ветеран Великой Отечественной войны / С.В. Плоских // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21, № 2. С. 45–50.

22. *Тагаев М.И.* Физическая культура и спорт в Кыргызстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / М.И. Тагаев, С.С. Азизбаев // Человек и общество. 2018. № 1. С. 4–7.

23. *Татыбекова Ж.С.* Великий Октябрь и женщины Киргизстана / Ж.С. Татыбекова. Фрунзе: Кыргызстан, 1975. 144 с.

24. *Тургунбаев О.Т.* Санитарно-эпидемиологическая служба в Киргизской ССР (к 60-летию Великого Октября) / О.Т. Тургунбаев // Гигиена и санитария. 1977. № 11. С. 118–121.

**Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы
Великой Отечественной войны**

25. *Усупова Н.С.* Военные госпитали Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны / Н.С. Усупова, А.Т. Токтоналиева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3-3(90). С. 63–67.

26. *Утрекеева Д.А.* Историография Великой Отечественной войны в трудах кыргызских ученых периода независимости / Д.А. Утрекеева // Вопросы истории Кыргызстана. 2010. № 1. С. 213–216.

27. Центральный государственный архив Кыргызской Республики (далее – ЦГА КР). Ф. 350. Оп. 1. Д. 323.

28. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 391.

29. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 460.

30. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 461.

31. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 472.

32. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 592.

33. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 624.

34. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 625.

35. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 626.

36. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 12. Д. 443.

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна, доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского, цифрового и музейно-образовательного центра Института истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, Кыргызская Республика, г. Бишкек, shaira60@mail.ru

Batyrbaeva Shayirkul Dzh., Doctor of Sciences (History), Full Professor, Head of the Research, Digital, and Museum-Educational Center, Institute of History and Regional Studies, Balasagyn Kyrgyz National University, Kyrgyz Republic, Bishkek, shaira60@mail.ru

УДК 792.02(091).084.8

Т.С. Орлова

**ВЛИЯНИЕ ПЕРЕДВИЖНЫХ ТЕАТРАЛЬНО-КОНЦЕРТНЫХ
БРИГАД НА ПОДДЕРЖАНИЕ МОРАЛЬНОГО ДУХА
НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. Исследование посвящено анализу роли передвижных театрально-концертных бригад в поддержании морального духа войск и трудящихся тыла во время Великой Отечественной войны. В начале войны, 22 июня 1941 г., Малый театр под руководством Николая Анненкова стал первой такой бригадой, активно выступая в зоне боевых действий. Сразу после начала войны Центральный комитет профсоюза работников искусств призвал артистов к участию в фронтовой жизни,

что привело к формированию нескольких театральных групп, включая команду под управлением Владимира Филиппова. Эти коллективы проводили концерты в различных, зачастую экстремальных условиях – в лесах, на полях, военных кораблях и аэродромах, иногда даже под обстрелом. Артисты не просто поднимали боевой дух военнослужащих и мирных жителей, но и оказывали помощь раненым, а также занимались захоронениями погибших, что показывает глубокую интеграцию культурных работников в военную жизнь страны. Это исследование подчеркивает значимость культурных инициатив в укреплении внутреннего фронта и поддержании высокого морального духа во время кризиса, оказавшегося критическим для исхода военных действий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, передвижные бригады, артисты, коллективы.

T.S. Orlova

INFLUENCE OF MOBILE THEATER AND CONCERT BRIGADES ON THE MAINTENANCE OF MORALE ON THE FRONTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The study is devoted to the analysis of the role of mobile theater and concert brigades in maintaining the morale of troops and workers on the home front during the Great Patriotic War. At the beginning of the war, on June 22, 1941, the Maly Theater under the leadership of Nikolai Annenkov became the first such brigade, actively performing in the war zone. Immediately after the outbreak of war, the Central Committee of the Trade Union of Art Workers encouraged artists to participate in the front, which led to the formation of several theater groups, including a team under the direction of Vladimir Filippov. These groups performed concerts in various, often extreme conditions – in forests, fields, warships and airfields, sometimes even under fire. The artists not only boosted the morale of soldiers and civilians, but also helped the wounded and attended to the burials of the dead, demonstrating the deep integration of cultural workers into the country's military life. This study emphasizes the significance of cultural initiatives in strengthening the home front and maintaining high morale during a crisis that proved critical to the outcome of the war effort.

Keywords: Great Patriotic War, mobile brigades, artists, collectives.

В период с июня 1941 г. по май 1945 г. московские театры представили 473 тыс. спектаклей и концертов. В те тяжелые времена, когда люди с тревогой ожидали новостей о своих близких на фронте и не могли предугадать места будущих атак, театр служил убежищем от ужасов войны, даря моменты простого человеческого счастья. Особенно интересно, что в начале конфликта в сценических постановках преобладали произведения, направленные на вдохновение народа и укрепление веры в скорую победу.

К 1942 г. писатели и артисты, сохраняя свои первоначальные устремления, начали более глубоко погружаться в тематику войны, открыто демон-

стрируя всю тяжесть и страдания военного времени. Их цель заключалась в подготовке общества к предстоящим испытаниям, с которыми необходимо было столкнуться. В результате театр превратился не только в средство повышения боевого духа и укрепления веры в победу, но и в источник поддержки для тех, кто переживал невыносимые потери и трудности. В данном исследовании будет рассмотрено, каким образом театральные коллективы обеспечивали моральную поддержку населению, функционировали в условиях войны, и какие усилия предпринимали артисты и писатели для сохранения человечности, радости и веры в победу среди людей [1].

В 1941 г. на сценах московских театров было представлено около пятидесяти постановок. В их число входили такие произведения, как «Штраусиана» в Театре имени Станиславского, «Надежда Дурова» и «Машенька» в Театре имени Моссовета, «Мария Стюарт» в Театре Революции, «Адмирал Нахимов» в Камерном театре, а также «Сильва» в Московском театре оперетты и множество других спектаклей. В этот период были представлены как уже знакомые зрителям классические постановки, так и совершенно новые работы, такие как «Нашествие» Л. Леонова, «Фронт» А. Корнейчука и «Русские люди» К. Симонова. Это разнообразие программ отражало стремление театральных коллективов адаптироваться к военным условиям, предоставляя зрителям не только развлечение, но и необходимую эмоциональную поддержку в трудные годы войны [2, с. 146].

Во всех ведущих театрах Советского Союза действовали фронтовые бригады, в Москве их число превышало 700. Тем не менее, эти бригады не обладали устойчивым репертуаром, часто ограничиваясь различными сценическими номерами и короткими спектаклями. Несмотря на героизм и вдохновляющий характер таких выездов, театральные организации предприняли шаги вперёд, создав специализированные фронтовые театры и их филиалы. В этих учреждениях уровень репертуара, декораций и профессионализма существенно возрос. Первым таким фронтовым театром стала «Искра», сформированная на базе Театра имени Ленинского комсомола. Впоследствии были основаны фронтовые филиалы Государственного института театрального искусства (ГИТИСа), Малого театра и театра имени Вахтангова, что отражает постоянное развитие и адаптацию театрального искусства к военным условиям.

Независимо от местоположения, театральные коллективы неизменно находили путь к фронту, иногда устраивая представления даже в землянках. Фронтовые филиалы преодолевали расстояния различными способами: автобусами, грузовиками, пароходами и даже самолетами. В итоге, за годы войны в театрах служило свыше сорока тысяч артистов и сотрудников.

В эти тяжелейшие годы главному театру страны пришлось сталкиваться с непростыми испытаниями. Особенно печальным оказался первый год войны, когда приходилось смиряться с радикальными изменениями в положении страны. Тяжелые реалии военного времени бросали вызов не только физическим ресурсам театров, но и их духовному облику, требуя от артистов невероятной стойкости и преданности своему делу [4].

С началом войны была проведена своевременная эвакуация основных театральных коллективов Москвы и Ленинграда, значительная часть артистов вместе с семьями была переселена в г. Куйбышев. Однако оставшиеся в Москве исполнители Большого театра продолжали свои выступления в городе. Спектакли проходили преимущественно в дневное время, однако нередко были прерывания из-за воздушных налетов. В такие моменты зрители спускались в бомбоубежища, а по окончании тревоги возвращались для продолжения просмотра пьес. Таким образом, театр неизменно продолжал свою деятельность, несмотря на все трудности и опасности.

Для защиты культурного наследия Большой театр был замаскирован под обычные жилые здания. Однако 28 октября 1941 г. фашистский бомбардировщик сбросил на театр пятисоткилограммовую бомбу, нанеся значительный ущерб сооружению. Восстановительные работы проводились до сентября 1943 г., что свидетельствует о стойкости и преданности театрального коллектива сохранению культурных ценностей даже в условиях военного времени.

После завершения ремонтных работ театр вновь открыл свои двери и порадовал зрителей постановками оперы Михаила Глинки «Иван Сусанин» и произведением Александра Бородина «Князь Игорь». Эти спектакли были направлены на значительное укрепление боевого и морального духа гражданского населения в условиях продолжающихся военных действий [4].

21 июня 1941 г. труппа Малого театра под руководством Николая Александровича Анненкова проводила центральное выступление в Волынской области, на северо-западе Украины, неподалёку от Ковеля, где располагался гарнизон Рабоче-крестьянской Красной армии. У коллектива было запланировано несколько гастролей. Однако уже на следующий день, 22 июня 1941 г., с началом боевых действий Великой Отечественной войны, труппа оказалась в непосредственной зоне военных действий. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, было принято решение продолжить гастрольную деятельность. В результате этого актёры Малого театра стали первой фронтовой бригадой – мобильным театрально-концертным коллективом, который в годы войны представлял как собственные, так и совместные концертные программы в передовых районах и военизированных учреждениях тыла [1].

23 июня 1941 г. Пленум Центрального комитета Профсоюза работников искусств официально донёс своё решение до всех представителей творческих профессий. Вскоре после этого московская актёрская группа под руководством Владимира Филиппова стала одной из первых, кто сформировал фронтовую бригаду. Параллельно артисты Центрального театра Красной армии быстро откликнулись на призыв и создали свои собственные коллективы. В итоге было организовано девятнадцать подобных бригад. В период войны Киевский военный театр и Смоленский драматический театр временно переименовали себя в Театр Западного фронта, адаптируясь к военным условиям. Уже через месяц после обращения Пленума Центрального коми-

тета, фронтовые бригады приступили к активной деятельности, внося значительный вклад в поддержание морального духа войск и тыла.

Численность фронтовых бригад неуклонно возрастала, и вскоре они стали неотъемлемой частью повседневной жизни на передовой. Представления устраивались в лесных и открытых пространствах, на военных судах и аэродромах, в городах и селах, где временно размещались воинские подразделения, а также в госпиталях и пунктах эвакуации.

Совместно с фронтовыми солдатами и тружениками тыла, актёры, циркачи и музыканты вносили значительный вклад в скорейшее достижение победы, укрепляя моральный дух и стойкость солдат, командиров, медицинского персонала и всех тех, от кого напрямую зависел исход войны. В начале своего пути коллективы бригад обходились без использования реквизита и специализированного оборудования, полагаясь на минимальные ресурсы для организации выступлений.

Одним из ключевых аспектов влияния передвижных бригад было создание атмосферы единства и поддержки. Совместные концерты и спектакли способствовали укреплению солидарности среди военнослужащих, помогая им чувствовать себя частью большего сообщества. Актёры и музыканты, выступающие перед солдатами, не только развлекали, но и вдохновляли, напоминая о ценностях и целях, ради которых велась война. Через искусство они передавали надежду, оптимизм и уверенность в победе, что существенно повышало боевой дух и готовность к сопротивлению.

Кроме эмоциональной поддержки, передвижные бригады выполняли и практические функции. Многие артисты активно участвовали в сборе средств на закупку военной техники, медицинского оборудования и других необходимых ресурсов для армии. Такие инициативы демонстрировали солдатам, что искусство и творчество могут внести ощутимый вклад в общую победу, укрепляя веру в возможность достижения успеха даже в самых сложных условиях.

Технические и организационные трудности, с которыми сталкивались передвижные бригады, лишь подчеркивали их значимость и самоотверженность. Ограниченные ресурсы, необходимость быстрого развертывания и адаптации к различным условиям выступлений требовали от артистов гибкости и изобретательности. Несмотря на отсутствие полноценного реквизита и оборудования, коллективы находили способы эффективно использовать имеющиеся средства, создавая атмосферу праздника и радости даже в самых отдалённых и разрушенных местах фронта.

Вообще, репертуар был чрезвычайно важен, поскольку именно от него зависела сила воздействия концерта на зрителей. И, как правило, агитационный материал выступающих был весьма действенен: например, во время выступления в авиачасти, командир которой капитан Михайлов не так давно погиб смертью героя, артист Хазан прочитал о его подвиге стихотворение, после чего концерт пришлось прервать из-за начавшегося стихийного ми-

тинга, участники которого клялись отомстить фашистам за смерть своего командира-героя [3, с. 6].

Зона вокруг транспортного средства использовалась в качестве места для размещения зрителей. Фронтовики зачастую рассаживались полукругом непосредственно на земле, создавая неформальную атмосферу для восприятия представлений. По завершении концерта или спектакля бока кузова транспортного средства закрывались, и весь инвентарь, включая костюмы, грим и элементы декораций, которые постепенно становились более разнообразными, аккуратно укладывались внутрь. После этого автомобиль был готов к отправке на следующий пункт назначения. Все этапы работы театральных коллективов – от монтажа сцены до тщательной подготовки выступления – выполнялись непосредственно актёрами, так как они не могли позволить себе наличие дополнительного персонала [3].

Для экипажей, возвращавшихся с боевых вылетов, одна и та же программа могла звучать по несколько раз в день. Артисты, выступавшие на передовой, нередко оказывались под вражеским огнём, разделяя опасности вместе с солдатами. Народная артистка СССР Нина Сазонова, участница 10-й концертной бригады Центрального театра Красной армии, вспоминала один из таких случаев. Во время их выступления, когда она с Тосей Романовой исполняла песню, прозвучала команда: «Все на землю!» – крик, который навсегда остался в её памяти.

Приближаясь к месту выступления, немецкие бомбардировщики вызвали панику среди собравшихся. В тот момент солдаты, не раздумывая, защищали артистов своими телами, спасая жизни. В результате почти все участники 10-й концертной бригады погибли, оказавшись в окружении под Харьковом. Иногда, прибывая на площадку для представлений, члены труппы обнаруживали, что войска уже продвинулись дальше по линии фронта, и им приходилось отбывать вместе с последними санитарными эшелонами. В таких ситуациях они оказывали поддержку младшим медицинским работникам и сиделкам, брали на себя их обязанности из-за нехватки персонала, а также хоронили погибших товарищей. Несмотря на суровые условия фронтовой жизни, артисты не прекращали свои выступления, играя и исполняя песни, тем самым облегчая страдания тех, кто получил ранения или нуждался в моральной поддержке.

Помимо концертных бригад, на протяжении всего фронта активно функционировали мобильные театры. Главной особенностью этих театров было преимущественное использование одноактных пьес в их репертуаре. Изначально программы передвижных театральных бригад включали укороченные версии классических драматических произведений и работ советских авторов. Однако с течением времени начали создаваться пьесы, специально адаптированные для представлений на фронтах, что отражало потребности и реалии военного времени.

В течение войны было создано свыше 700 подобных пьес. Воспоминания известного советского сценографа и народного художника РСФСР Александра Павловича Васильева свидетельствуют о том, что вертикальные стойки декораций изготавливались с максимальной высотой 2 м 60 см, что позволяло актёрам, стоящим на табуретах, свободно достигать верхних частей. Эти стойки вместе с поперечными рейками различного размера соединялись в П-образную конструкцию и фиксировались полотном разной плотности. Такой метод организации декораций обеспечивал рациональное использование ограниченного пространства, поскольку не существовало возможности транспортировать громоздкую мебель и объёмные элементы декораций. Каждый сантиметр кузова автомобиля был тщательно задействован, что позволяло максимально эффективно использовать доступное пространство для передвижных театральных представлений.

В 1942 г. было принято решение учредить пять фронтовых театров под управлением Всесоюзного театрального общества, что способствовало дальнейшему развитию мобильных театральных коллективов и их приспособлению к военным условиям.

Среди выдающихся артистов военного времени выделялась актриса и певица Клавдия Шульженко, известная исполнением песни «Синий платочек». 9 мая 1945 г. она была награждена орденом Красной Звезды с указанием «За выдающиеся заслуги в области вокального искусства». В начале войны Шульженко находилась на гастролях в Ереване, но вскоре вернулась в Ленинград, где проживала на тот момент [5]. Когда впервые военная зима предоставила возможность эвакуироваться, Клавдия Шульженко отказалась покинуть Ленинград. В период блокады она провела более 500 концертов для жителей осажденного города, за что впоследствии была удостоена медали «За оборону Ленинграда». Эти факты подтверждаются отзывом майора Грунчика, героя Советского Союза, который остался после одного из её выступлений [5].

«Мы ничего не пожалеем для нашей победы, и если вы услышите о наших успехах, то помните, что в этом и ваша заслуга». По словам майора Грунчика, деятельность театра принесла значительно большую практическую пользу, чем если бы артисты непосредственно участвовали в боевых действиях на фронте. Шульженко и её коллеги внесли неоценимый вклад в поддержание морального духа солдат и гражданского населения, демонстрируя, что искусство способно оказывать существенное влияние на ход войны, укрепляя веру в победу и сплачивая людей в самые тяжёлые моменты конфликта [3, с. 10].

Спектакли вызывали у зрителей глубокое сопереживание происходящему на сцене, аналогично тому, как это происходило при выступлениях фронтовых бригад. В результате солдаты ощущали прочную и непрерывную связь своего военного быта с аспектами мирной жизни, от которых им приходилось отрываться. Тем не менее, поддержка, оказываемая представителями художественной сферы, выходила за рамки исключительно духовной помощи. Арти-

сты различных направлений, включая певцов, концертные коллективы, литераторов и художников, неустанно трудились над сбором средств для приобретения военной техники, необходимой для действующей армии.

В газете «Правда» регулярно публиковались ежедневные отчёты о привлечённых средствах. В качестве примера можно привести пожертвование народной певицы Лидии Руслановой, которая обеспечила 1-й Белорусский фронт двумя батареями «Катюш» и четырнадцатью ракетными установками. Представители Малого театра направляли собранные средства на закупку авиационной техники, тогда как коллектив Свердловского театра музыкальной комедии сосредоточился на приобретении танков. Леонид Утёсов, активно выступавший перед солдатами в годы войны, лично передал летчикам 1-го Украинского фронта два боевых истребителя. Вместе с военными участниками фронтовых театральных бригад прошли весь путь до Берлина, демонстрируя свою неизменную поддержку армии.

За неделю до завершения войны, 2 мая 1945 г., вторая группа второго фронтового театра Всесоюзного театрального общества исполнила в Берлине постановку «Так и будет» по пьесе Константина Симонова.

Воспоминания ветеранов часто содержат повторяющиеся сюжеты, рассказанные разными способами. Несмотря на разнообразие интерпретаций, основная идея остаётся неизменной. Солдаты вспоминают, как готовились к утреннему наступлению, внимательно следя за дорогой, ведущей в тыл, ожидая прихода колонны с боеприпасами. Однако ближе к вечеру вместо долгожданной военной колонны на пыльной дороге появлялся гражданский автобус – знак прибытия артистов.

Эта информация стремительно распространялась, и вскоре на специально оборудованной площадке собиралась аудитория всех, кто в данный момент не находился на посту. После выступлений солдаты отмечали, что наступление часто проходило успешнее, чем они ожидали. Возникает вопрос: каким образом это было возможно? Песни, стихи и спектакли, возможно, не могли заменить недостающие боеприпасы, но они неизменно обеспечивали солдатам значительный прилив сил, внутренней уверенности и готовности к сражению. Данная история изложена в отзыве на выступление фронтовой бригады Большого театра.

12 мая у стен Рейхстага в Берлине прошёл грандиозный концерт «Победа», в котором выступили известные советские артисты. Они прибыли специальным рейсом по приказу маршала Г.К. Жукова. Среди участников концерта были Клавдия Шульженко, Нина Русланова, Иван Козловский, Василий Петров и другие выдающиеся деятели искусства. Этот день символизировал не только окончание войны, но и завершение эпохи фронтовых театральных бригад и коллективов. История этих групп отражает коллективное сопротивление и единую победу над врагом, став важной частью общего нарратива о Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. Война – это все преходящее, а музыка вечна. Из истории концертных фронтовых бригад // История.РФ. URL: <https://histrf.ru/read/articles/voina-eto-vsio-priekhodiashchie-a-muzyka-viechna-iz-istorii-kontsiertnykh-frontovykh-brigad> (дата обращения: 25.12.2024).
2. Герасимова Н.П. Патриотическая деятельность московских театров в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук / Н.П. Герасимова. М., 1988. 218 с.
3. Попова В.В. Фронтовые и артистические бригады московских театров на фронте и в тылу / В.В. Попова // Universum. 2013. № 1. С. 1–12.
4. Роль театра в годы Великой Отечественной войны // Deziiign. URL: <https://deziiign.ru/project/ebbbad752b9d4838aba3ba570f69e380> (дата обращения: 21.12.2024).
5. «Синий платочек» по-волховски // Родина на Неве. URL: <https://rodinananeve.ru/sinij-platochek-po-volhovski/> (дата обращения: 24.12.2024).

Орлова Татьяна Сергеевна, преподаватель кафедры гуманитарных и инженерных дисциплин, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Россия, г. Санкт-Петербург, ots_prof3@mail.ru

Orlova Tatyana S., Lecturer at the Department of Humanities and Engineering Disciplines, St. Petersburg State Academy of Art and Design named after A.L. Stieglitz, Russia, St. Petersburg, ots_prof3@mail.ru

УДК [82-2+792](470.41)084.8

Г.И. Каюмова

**РОЛЬ ТАТАРСКОГО ТЕАТРА В ЖИЗНИ НАРОДА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА)**

Аннотация. С началом войны культура и учреждения культуры трансформировались, став мощным оружием в борьбе с фашизмом. Для деятелей культуры важной задачей стало поддержание морального духа как населения в тылу, так и бойцов на фронте. В данной статье рассматривается режиссерская и актерская деятельность Татарского академического театра во время Великой Отечественной войны. На основе изучения репертуара театра, особенностей театральных постановок военных лет показана трансформация культурного пространства и вклад театральных деятелей в культурно-просветительскую и пропагандистскую работу в годы войны.

Ключевые слова: Татарский академический театр, репертуар, режиссер, актер, Великая Отечественная война.

G.I. Kayumova

**THE ROLE OF THE TATAR THEATER IN THE LIFE
OF THE PEOPLE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BY THE EXAMPLE OF THE TATAR ACADEMIC THEATER)**

Abstract. With the outbreak of war, culture and cultural institutions were transformed, becoming a powerful weapon in the fight against fascism. For cultural figures, maintaining the morale of both the population in the rear and the soldiers at the front became an important task. This article examines the director's and actor's work of the Tatar Academic Theater during the Great Patriotic War. Based on the study of the theater's repertoire, the features of theatrical productions during the war years, the transformation of the cultural space and the contribution of theater figures to cultural, educational and propaganda work during the war are shown.

Keywords: Tatar academic theater, repertoire, stage manager, actor, Great Patriotic War.

Великая Отечественная война, страшная трагедия XX в., оставила глубокий след в истории человечества. Ее ужасы, потери, разрушения – все это наложило отпечаток на жизнь каждого. Война сломала судьбы миллионов, разорвала семьи, лишила людей близких и родных. Но помимо трагедии война выявила и лучшие качества людей – мужество, стойкость, самоотверженность. Мир культуры и искусства, который до войны кипел жизнью, наполнялся новыми идеями и произведениями, замер в одно мгновение. Писатели, художники, музыканты, актеры – все они, поглощенные своими творческими поисками, столкнулись с новой, суровой реальностью. Человеку пришлось полностью менять и образ жизни, и образ мышления, приспосабливаясь к современности, принимать срочные меры во всех сферах жизни из-за непрерывной смены событий. Литературные кружки, театральные студии, художественные выставки – все это отошло на второй план, уступив место суровой необходимости выжить, защитить свою Родину. Литература и искусство должны были служить мобилизацией населения на борьбу за страну, и уже в первые дни войны перед писателями и театрами была поставлена задача срочно подготовить военный репертуар. Писатели создавали произведения патриотического содержания, посвященные героям войны и тыла, на театральные подмостки выходили герои фронта, защитники Отечества, самоотверженные труженики тыла. Советский театр, в том числе и татарский, до последних дней войны старался быть рядом с народом. Татарские артисты оказывали культурное обслуживание на призывных пунктах, раненым в тылу, бойцам на фронтах, более того, помимо актерской работы

им нередко приходилось заниматься пропагандистской работой, агитаторством, оказывать раненым медицинскую помощь.

Среди татарских драматургов (М. Абдиев, А. Кутуй, Р. Ишмурат, А. Файзи, С. Баттал) и артистов (Г. Надрюков, Г. Газизов, Г. Юсупов, Х. Катиев, Х. Сабиров, Х. Султанов, Б. Шакирова, С. Амутбаев и др.) тоже были те, кто уходил на фронт. Некоторые из них так и не вернулись с войны.

В годы Великой Отечественной войны в Татарском академическом театре активную сценическую деятельность вели такие режиссеры и артисты, как Ш. Сарымсаков, Ш. Шамильский, Х. Уразиков, В. Бебутов, С. Валеев-Сульва, К. Тумашева, Г. Ибрагимова, М. Ильдар, И. Гафуров, Х. Абжалилов, Ф. Халитов, Р. Зиганшина, А. Масаутова, Р. Таминдарова, Н. Таждарова, Ф. Ильская, Н. Арапова, Г. Уральский, Г. Булатова, Камал III (К. Салахутдинов) и др. Репертуар театра, наряду со сценическими произведениями военной тематики, значительно обогащался за счет историко-драматических, национальных постановок, а также сочинений различного содержания русских и мировых классиков.

В эти годы татарскими драматургами был создан ряд пьес на военную тематику: «Возвращение» («Кайту», 1942), «Дочери Родины» («Ватан кызлары», 1941) Р. Ишмурата, «Знакомые люди» («Таныш кешеләр», 1942) Г. Насрия, «Священное поручение» («Изге эманэт», 1946), «Ночной сигнал» («Төнгә сигнал», 1941) Т. Гиззата, «Партизан Иван» (1942) М. Амира и др.

Писатели недостаточно были знакомы с жизненными ситуациями военного времени, и поэтому первые их сценические произведения были далеки от должного воплощения действительности, что приводило к литературному схематизму. Из-за этого не смогли долго продержаться в репертуаре театра. В 1941 г. в театре ставились спектакли «Парень из нашего города» («Безнең шәһәр егете») по пьесе К. Симонова (режиссер Е. Амантов), «Таймасовы» по пьесе Т. Гиззата (режиссер Ш. Сарымсаков). В них не освещена тема Великой Отечественной войны, но мастерски изображены патриотизм, героизм советского народа, ярко выражен дух времени. Кроме того, с большим успехом шли спектакли по пьесам Т. Гиззата «Наемщик», Х. Ниязи «Проделки Майсары» («Мәйсәрә хәйләләре»), Ш. Камала «Габбас Галин» и др.

В 1943 г. театр представил трагедию Н. Исанбета «Марьям» (режиссер Ш. Шамильский). Это было «первое оригинальное произведение, описывающее события войны» [4, с. 168]. Этот спектакль, посвященный борьбе нашего народа с фашизмом, полюбился зрителям и, несмотря на некоторые недостатки, шел на сцене с большим успехом. Роль Марьям исполнили известные и невероятно талантливые актрисы – народная артистка ТАССР и РСФСР Р. Зиганшина и народная артистка ТАССР, заслуженная артистка РСФСР Г. Ибрагимова. Умение актрис глубоко проникнуть в образ и во всех тонкостях осветить богатый внутренний мир смелой, сильной духом героини, вызвало среди широкой общественности глубокое уважение и любовь к этому персонажу.

В 1944 г. был поставлен спектакль «Минникамал» (режиссер Х. Уразиков) по одноименной драме М. Амира. Это произведение – «одно из самых сильных образцов драмы, изображающей героев тыла в период Великой Отечественной войны» [1, с. 353], его сценическая судьба была решена особенно удачно, она «стала одной из ведущих пьес в драматургии военного времени, спектакль, поставленный по ней, получил признание как самое успешное сценическое произведение того времени» [4, с. 169] и вообще с большим успехом ставился во всех татарских театрах.

Народная артистка ТАССР и РСФСР Г. Булатова – «актриса возвышенно-лирического плана» [9, с. 69] – и заслуженная артистка ТАССР М. Сульва – «очень земная, задушевная актриса, пользующаяся приглушенными тонами» [9, с. 69] – добились мастерства в создании неповторимо яркого, полнокровного, целеустремленного, совершенного образа главной героини Минникамал, в своих поступках руководствующейся общественными интересами, обе «представляют образ предприимчивой татарской женщины – государственного деятеля, хозяина своих слов, твердо верившей в свои силы, не теряющейся перед трудностями, как руководитель обладающей сильными организаторскими способностями, умеющей работать сама и заставлять других» [1, с. 355], духовная сила которой исходит от ее веры в народ, в его мощь и силу.

В роли Гильманова выступали народный артист ТАССР, РСФСР, СССР Х. Абжалилов и народный артист ТАССР Г. Зиятдинов, которые «стремились показать организующую, вдохновляющую силу партии» [9, с. 85], они создали жизненно убедительный образ секретаря райкома, один не похожий на другого, но игра каждого по-своему отличалась высоким профессионализмом. Народный артист СССР Ф. Халитов и народная артистка ТАССР, заслуженная артистка РСФСР Г. Камалова создавали реалистические образы духовных антиподов главной героини, «"антиколхозных элементов" Халима и Маймуни, привыкших жить за чужой счет и спекулирующих на ошибках Минникамал» [2, с. 265]. Ни один образ в спектакле не может остаться без внимания. Все артисты – Н. Таждарова (старуха Нафига), Г. Камская (Магинур), З. Басырова (Махмут), Р. Зиганшина (Гайни) и другие серьезно отнеслись к отведенной им роли и исполнили ее предельно ответственно.

В результате размышлений о прошлом, настоящем, будущем народа в годы войны встала задача создания историко-драматических произведений [4, с. 173]. Во всех национальных театрах (туркменском, узбекском, азербайджанском, башкирском, казахском и др.), в том числе и татарском, стали ставиться историко-биографические спектакли. В академическом театре ставились спектакли по пьесам: А. Файзи «Тукай» (режиссер Ш. Сарымсаков), посвященный великому поэту татарского народа, имеющий «историческую ценность и поэтическое вдохновение» [1, с. 486], Н. Брагина «Орджоникидзе», «Возвращенный город» («Кайтарылган шәһәр», режиссер В. Бебутов), драматурга М. Гали и режиссера Х. Уразикова «Каюм Насыри» (режиссер

Х. Уразиков), посвященный многогранной личности татарского народа – выдающемуся ученому-просветителю, историку, этнографу К. Насыри.

Татарские режиссеры и актеры выводят на национальную сцену сценические произведения татарских, русских и зарубежных классиков. К таким относятся комедия «Банкрот» Г. Камала (режиссер Х. Уразиков), не утратившая актуальности и по сей день, где «разоблачены жадности, пороки татарских купцов начала 20 в.» [7, с. 298; 5, с. 387], комедии «Хаджи эфенди женится» Ш. Камала (режиссер Ш. Сарымсаков), «Ходжа Насретдин» Н. Исанбета, «Собака на сене» Лопе де Вега (режиссер В. Бебутов), драмы «Искры» («Чаткылар») Т. Гиззата (режиссер Ш. Сарымсаков), «Гроза» А. Островского (режиссер В. Бебутов).

Сценические деятели, ставя спектакли по произведениям разных жанров, особенно комедии, стараются хоть на время отвлечь внимание народа от ужасов войны, пробудить в нем оптимистический настрой. «Хаджи эфенди женится» – одна из самых массовых постановок как на профессиональной театральной сцене, так и любительскими театральными коллективами в период советской власти. Эта комедия вновь и вновь привлекала к себе внимание деятелей татарского театра. Только в академическом театре им. Г. Камала она ставилась несколько раз. Наиболее удачным из них оказался вариант, поставленный Ш. Сарымсаковым в 1944 г.

Жизнерадостный и оптимистичный спектакль был благосклонно принят зрителями, жаждавшими перемен, и положительно оценен театральной критикой. Роль жадного, непристойного Юнуса-Хаджи, сыгранная народным артистом ТАССР, заслуженным артистом РСФСР З. Султановым в комедии, разоблачающей религиозный фанатизм и старые порядки, «стала настоящей легендой» [1, с. 529]. «Зрители дружно смеялись над похождениями разнузданного сластолюбца Хаджи абзый, набожностью прикрывавшего свою распущенность» [2, с. 84], – пишет В. Бебутов. Жизненными были и роли Г. Болгарской (Галима), Ф. Ильской (Камиля), Ф. Камаловой (Нагима), Камала Ш (Заяль), Ф. Халитова (Хуснутдин). Оптимистичная комедия «Ходжа Насреддин», «написанная на основе сюжетов популярных средневековых тюркских народных легенд об остроослове и мудреце Насретдине, который находит выход из любых ситуаций, защищает обездоленных и несправедливо обиженных, воплощает мудрость жизни, стойкость духа и веру в торжество добра» [8, с. 242; 6, с. 496], в годы Великой Отечественной войны был одним из наиболее полюбившихся театру спектаклей. Этот спектакль о легендарном Ходже Насретдине «предстал настоящим пиршеством жизни, народной мудрости и сочного, искрометного юмора» [2, с. 229]. Образ остроумного, жизнерадостного Ходжи Насретдина в исполнении Х. Абжалилова «становится олицетворением непобедимости народного духа, мудрости и жизнелюбия» [1, с. 31], пробуждая в человеке надежду на светлое будущее, дает ему жизненную силу.

Большой успех театру также принесла комедия испанского драматурга Лопе де Вега «Собака на сене», ставшая новым спектаклем для коллектива театра, в котором наряду с любовными интригами двух влюбленных душ разного социального происхождения освещались социальные и духовно-нравственные проблемы эпохи.

В последние годы войны очередным успехом театра стала трагедия У. Шекспира «Король Лир». Это сценическое произведение со сложным социально-общественным содержанием, наполненное философской глубиной, требует большого мастерства и силы воли как от режиссера, так и от актеров. Воплощая образ Лира, Х. Абжалилов делает все возможное, чтобы всесторонне осветить этого персонажа, и добивается успеха. Актеру удается сочетать глубокую тему познания Лиром окружающей его жестокой действительности с мотивом семейной драмы. «Сочетая философское и лирическое начала, актер до конца убедительно раскрывает свои переживания в процессе познания жизни, трагедию отца, обманутого любимыми дочерьми» [1, с. 31]. Сам Лир–Абжалилов «был добр, чадолюбив и, в известной степени, справедлив» [2, с. 254]. Актрисы, исполнявшие роли дочерей Лира: А. Масаутова (Гонерилья), Г. Булатова (Регана), Ф. Ильская (Корделия), – каждая глубоко проникает в суть образа, с психологической тонкостью освещая их характеры, мировоззрения, устремления. Камал III, сыгравший роль Эдгара, «с предельной достоверностью раскрывал образ в развитии – от беззаботного повесы до хлебнувшего лиха мудреца в финале» [2, с. 254].

Подводя итог, можно сказать, что в годы Великой Отечественной войны Татарский академический театр стал не только местом культурного досуга, но и важным инструментом моральной поддержки и воспитания патриотизма среди народа. Театр, как никогда, сблизился, слился с жизнью народа. С первых дней военного конфликта коллектив театра встал на защиту духовных ценностей, понимая, что искусство в такое тяжелое время должно поддерживать людей, помогать им справляться с тревогами и страхами, которые накрыли страну. Каждый спектакль, каждая постановка становились своеобразным откликом на происходящие события, отражая в себе надежды и страдания простых людей. Театр активно внедрял в свой репертуар произведения, которые не только развлекали, но и вдохновляли. В это сложное время особое внимание уделялось патриотическим темам, интернационализму и единству народов, что было крайне важно для сплочения общества. Пьесы о героизме советских солдат, о жизни в тылу, о любви и надежде стали основой репертуара. Эти спектакли не только поднимали дух зрителей, но и помогали сохранить веру в победу. Несмотря на все усилия, театру не удавалось избежать критики. Порой постановки не соответствовали высоким ожиданиям публики, и недостатки в исполнении становились предметом обсуждений. Тем не менее, это не останавливало коллектив. Каждый раз, получая обратную связь,

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

актеры и режиссеры стремились улучшать свои выступления, осваивать новые формы и жанры, чтобы быть ближе к зрителю.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в годы Великой Отечественной войны Татарский академический театр стал важным культурным и духовным оплотом, который, несмотря на трудности и вызовы времени, не только сохранял, но и приумножал культурные традиции, подерживая народ в его стремлении к победе.

Источники и литература

1. *Арсланов М.Г.* Татар театры: энциклопедик сүзлек-белешмә / М.Г. Арсланов. Казан: «Заман» нәшр., 2014. 584 б.
2. Галиясгар Камал исемендәге Татар дәүләт академия театры. Йөз ел: 2 т. Т. 1. Спектакльләр. Казан: Заман–Татар. кит. нәшр., 2009. 568 б. = Татарский государственный академический театр имени Галиасгара Камала. Сто лет: в 2-х т. Т. 1. Спектакли. Казань: Заман–Татар. кн. изд-во., 2009. 568 с.
3. *Илялова И. Г.* Камал театры артистлары = Артисты театра им. Г. Камала: биогр. белешмәлек / И. Илялова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 334 б.
4. Татар совет театры (очерктар). Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. 495 б.
5. Татар энциклопедиясе: 6 томда / баш мөх. М.Х. Хәсәнов, жав. мөх. Г.С. Сабиржанов. Т. 1: А–В. Казан: ТР ФАнec Татар энциклопедиясе институты, 2008. 720 б.
6. Татар энциклопедиясе: 6 томда / баш мөх. М.Х. Сәлахов, жав. мөх. Г.С. Сабиржанов. Т. 6: Тә–Ч. Казан: ТР ФАнec Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2019. 612 б.
7. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирьянов. Т. 1: А–В. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2002. 672 с.
8. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. А.М. Мазгаров, отв. ред. Г.С. Сабирьянов. Т. 6: У–Я. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2014. 720 с.
9. Татарский театр (новаторские искания татарского советского театра): сб. статей / редкол.: Ф.Н. Гиззатуллин, И.И. Илялова, Х.К. Махмутов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР, 1980. 228 с.

Каюмова Гульфия Ильдусовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань, guliya.kayumova@yandex.ru

Kayumova Guliya I., Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan, guliya.kayumova@yandex.ru

УДК 7.08(091).084.8

Н.В. Буянова

**УЧАСТНИКИ И СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ГРАФИЧЕСКИХ РАБОТАХ С.Б. ТЕЛИНГАТЕРА
(ИЗ СОБРАНИЯ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ)**

Аннотация. В статье описаны рисунки и зарисовки художника С.Б. Телингатера, участника Великой Отечественной войны, хранящиеся в фондах Государственной Третьяковской галереи. В начале Великой Отечественной войны С.Б. Телингатер записался в народное ополчение и вместе с 49-й армией прошёл через Россию, Белоруссию, Польшу до Германии. В течение четырех лет он работал художником, типографом, фотографом, техническим редактором во фронтовой периодической печати. В Третьяковской галерее хранятся материалы, которые Соломон Бенедиктович использовал при оформлении газет: шрифтовые композиции и буквы, зарисовки разрушений и батальных сцен, фотографии и фотомонтажи. Отдельного внимания заслуживают портреты офицеров, рядовых солдат и партизан, созданные Телингатером для специального раздела газеты, посвященного особо отличившимся бойцам. На протяжении войны художник старался направить все навыки и силы на поддержание боевого духа советской армии, стремился своим творчеством передать читателям уверенность в победе.

Ключевые слова: С.Б. Телингатер, фронтовые газеты, портреты солдат, Третьяковская галерея, графика.

N.V. Buianova

**PARTICIPANTS AND EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE GRAPHIC WORKS OF S.B. TELINGATER
(FROM THE TRETYAKOV GALLERY COLLECTION)**

Abstract. The article describes the drawings and sketches of the artist S.B. Telingater, a participant of the Great Patriotic War, stored in the funds of the State Tretyakov Gallery. At the beginning of the Great Patriotic War, Solomon Telingater enrolled in the militia, and with the 49th army went through Russia, Belarus and Poland to Germany. For four years, he worked as an artist, typographer, photographer, and technical editor in frontline periodicals. The Tretyakov Gallery houses materials that Telingater used in the design of newspapers: font compositions and letters, sketches of destruction and battle scenes, photographs and photomontages. He painted portraits of officers, ordinary soldiers and partisans for a special section of the newspaper dedicated to particularly distinguished fighters. Throughout the war, the artist tried to direct all his skills and strength to maintain the morale of the Soviet army, sought to convey confidence in victory to readers with his work.

Keywords: Solomon Telingater, frontline newspapers, portraits of soldiers, State Tretyakov Gallery, graphics.

Когда началась Великая Отечественная война, С.Б. Телингатер работал художественным редактором Государственного издательства политической литературы (Госполитиздат) [7, л. 3]. В опубликованных его сыном «Заметках об отце» раздел, посвященный жизни и деятельности Соломона Бенедиктовича в годы войны, неспроста назван «Мужество художника» [17, с. 179–182]. Несмотря на то, что из-за сильной близорукости Телингатер был признан негодным для службы в армии, в середине июля 1941 г. он записался добровольцем в народное ополчение и был распределен в полковую батарею 161-го полка 21-й Московской дивизии народного ополчения Киевского района. «Он не мог поступить иначе, поскольку ненавидел фашизм с юношеских лет» [17, с. 179], – писал Владимир Соломонович. В августе Телингатер был назначен художником дивизионной газеты «Боевое знамя», а в октябре переведен в Серпухов, где присоединился к редакции газеты 49-й армии «За Родину» (впоследствии «За советскую Родину»), в которой проработал до конца войны, и закончил ее в звании капитана артиллерийско-технической службы [6, л. 6]. На одной из фотографий, посланных жене с фронта, сделана запись: «Родная Полянка. Тебе всю жизнь нравились военные, наконец, твоя мечта осуществилась. Твой "командир" Моня» [21, л. 1об.].

Рис. 1. С.Б. Телингатер. 10 июля 1942 г.
[21, л. 3]. Фотограф П.А. Бляхин

Основной задачей Телингатера на протяжении 1941–1945 гг. была агитация, в его личных документах указано: «партипоручение – агитатор среди красноармейского состава и среди населения» [6, л. 6]. Инструментом этой работы была периодическая печать, а также листовки, в том числе на немецком языке, призывающие противника к немедленной капитуляции, и пропуск для перехода в плен.

Большую часть страниц газеты «За Родину» занимала информация о событиях на фронте и в тылу, о положении подразделений советской армии, о подвигах красноармейцев. Кроме того, было несколько разделов с приказами и распоряжениями верховного главнокомандующего, инструкциями по использованию тех или иных средств защиты, письмами к бойцам, стихотворениями, текстами песен и пр. Телингатеру нужно было продумать оформление каждого выпуска, создать для этих разных по стилю и смыслу

текстов визуальные образы. В ход шло все – разные шрифты, буквицы, орнаменты, заголовки, рисунки, карикатуры, фотомонтажи и коллажи.

В отделе рукописей Третьяковской галереи хранится личный фонд Соломона Телингатера, включающий чуть более полутора тысяч единиц хранения. Среди них особую ценность представляют материалы периода Великой Отечественной войны – письма, официальные документы, газеты, фотографии, записные книжки, блокноты, рисунки и пр. Небольшое количество произведений находится в отделе графики галереи. При работе над статьей также были использованы материалы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (далее – РГАЛИ) и из семейного архива наследников художника.

Графические работы С.Б. Телингатера из собрания Третьяковской галереи ранее не были изучены, не экспонировались на выставках и мало известны современным исследователям. При этом они являются интереснейшими памятниками периода Великой Отечественной войны, уникальными произведениями художника, прошедшего всю войну от Москвы до Берлина и запечатлевшего на бумаге события и героев тех лет. Позже, в творческих характеристиках Телингатера назовут «художник-корреспондент» [7, л. 37], ведь для выполнения своей задачи ему приходилось лично присутствовать на линии фронта, участвовать в боях, пробираться в тыл врага, жить в партизанских отрядах. В самом первом своем письме к родным с фронта Телингатер написал: «Я был в боевой обстановке. Я совершенно жив и здоров. Прodelал большой поход на машине. <...> Очень огорчен, что все рисунки мои, краски, бумагу... я потерял» [цит. по: 17, с. 181]. Эти подробности объясняют тот факт, что самые ранние рисунки Соломона Бенедиктовича во всех музейных и частных собраниях датируются только концом 1941 (единично) – началом 1942 г.

Как отмечает исследователь творчества Соломона Телингатера Д.В. Фомин, один из самых распространенных мотивов его графики в годы войны – это пейзажи, изображающие зверства врага, разрушения, пепелища целых деревень. Художник Д.А. Шмаринов писал: «Я видел его фронтовые рисунки тех лет – портреты бойцов, военные пейзажи, бытовые сцены – они поразили меня жизненной правдой, немногословной точностью выражения» [14, с. 5]. Именно правды ожидали читатели фронтовых газет от художника – свидетеля описанных событий.

Во время войны графика ценилась еще и за свою оперативность, рисунок с натуры практически играл роль документа (особенно, когда под рукой не было фотокамеры). Художнику приходилось рисовать наспех, картинка перед глазами стремительно менялась. С.Б. Телингатер писал: «Передвигаемся мы так много и так быстро, что я даже не успеваю делать элементарных набросков "на память". Очень досадно. А ведь ни разу в жизни не было у меня перед глазами столько своеобразного материала. <...> О своем на-

строении могу сообщить только то, что я так поглощен и в бытовом и в деловом отношении темпами нашего продвижения, что сейчас не только не могу собраться с мыслями, но даже исполнять элементарных бытовых обязанностей в отношении к самому себе» [11, л. 7об.].

В отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее – ГТГ) хранятся рисунки Соломона Бенедиктовича, которые иллюстрируют географию продвижения 49-й армии с начала 1942 по 1944 г. Самая ранняя работа относится к 10 января 1942 г., она сделана в д. Костино, под Серпуховом и подписана автором «Опушка леса». Но это не тот пейзаж, который можно было бы представить по названию – лес здесь на заднем плане, нарисован грубо, множеством штрихов и линий, а на переднем плане детально прорисованы противотанковые заграждения, занимающие две трети рисунка. Далее – Кондрово, город, оккупированный немецко-фашистскими войсками еще в октябре 1941 г. Телингатер, командированный туда для помощи местной редакции, 15 января 1942 г. нарисовал трогательную «Встречу с бойцами-освободителями». Начало февраля 1942 г. – Калужская область, Коммуна Савонина, где проходили решающие бои за Юхнов, на рисунке Телингатера – мемориал погибшему там лейтенанту. Март 1942 г. – Юхновский район, деревня Требушинки, «Фруктовый сад» – суровый пейзаж с черными, вероятно, обгоревшими и поломанными деревьями, из земли торчит винтовка; Новоуспенское – перевернутый разбитый автомобиль; Старое Уткино, один из самых частых мотивов среди графических работ Телингатера – печь с трубой, единственное уцелевшее напоминание о том, что раньше здесь стоял жилой дом. Маковцы, «Детский велосипед» – снова одиноко стоящая печь, а рядом с ней детский трехколесный велосипед. Стрекалово – «Школа», от которой остались лишь части бетонных стен. Барсуки – деревянная изба, разрушенная попаданием снаряда. Орловка и Церковщина, уже 1943 г. – тела поверженных врагов. Давыдово – пейзаж, на заднем плане виднеются несколько печных труб. Баскаковка – немецкий грузовик, взорванный партизанами. Лосево – редкие для творчества Телингатера тех лет цветные рисунки – голубое небо с облаками, желтеющие поля вдаль, но все еще не дают забыть о войне черные столбы, обугленные остатки скотного двора, возвышающиеся над землей. К 1944 г. относится лишь один пейзаж «Тигр» с подбитым немецким танком, сделанный в Замбруве на территории Польши, а также рисунок «Сколько еще осталось до Берлина», изображающий солдат с картой местности в руках.

Авторские названия рисунков («Фруктовый сад», «Велосипед» и др.) отсылают нас к довоенным будням. Художник как будто противопоставляет мирное прошлое картинам военного времени, вызывая еще более острое чувство утраты.

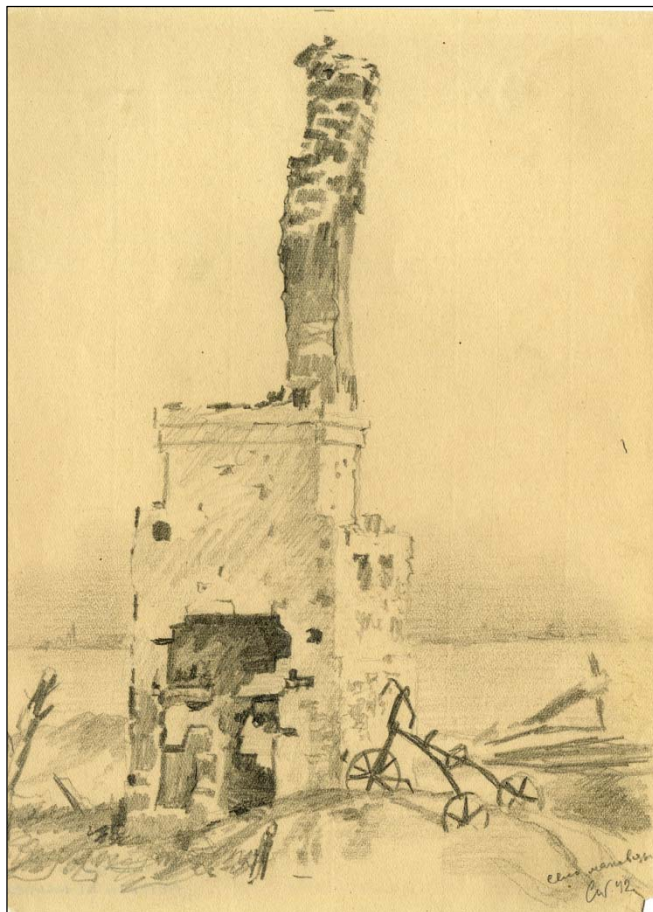

Рис. 2. С.Б. Телингатер. Детский велосипед [12, ед. хр. 25, л. 1].
Бумага, графитный карандаш. 1942

Если взглянуть на оперативные сводки, отражающие события примерно в то же время, в тех же местах, то сложно себе представить, как Телингатеру удавалось выполнять редакционные задания в условиях жесточайших сражений, налетов и пр. К примеру, из оперсводок: «...ведет наступление <...> с задачей отрезать пути отхода пр[отивни]ка из Стар[ого] Уткина и Слобода. Потери: <...> убитых и раненых – 295 чел.» [8, с. 73–74]; «...49 армия, нанося главный удар <...>, уничтожая пр[отивни]ка <...> в дальнейшем овладевает Юхнов» [8, с. 122].

Павел Андреевич Бляхин, писатель, литературовед, близкий друг семьи С.Б. Телингатера (скорее даже родственник, так как был женат на родной сестре жены Соломона Бенедиктовича, Фаине Григорьевне Беккер) с октября 1941 по апрель 1942 г. служил специальным корреспондентом газеты «За

родину». На протяжении почти всей войны он вел дневник, который был опубликован в 1966 г. (обложку книги делал С.Б. Телингатер) [2]. В личном фонде Бляхина в РГАЛИ хранится машинописный вариант этого дневника, без сокращений, там есть запись, сделанная в начале октября 1941 г.: «По приезде из Москвы, неожиданно встретил художника Телингатера. Он перешел из дивизионной части в нашу армейскую газету и уже приступил к работе. Рисует злые карикатуры» [3, л. 9]. Таким образом, Бляхин и Телингатер чуть больше полугода провели бок о бок, вместе жили, сражались с врагом, писали письма родным, вместе выполняли редакционные задания.

Рисунки С.Б. Телингатера как будто иллюстрируют дневниковые записи П.А. Бляхина – о чем пишет один, тоже самое рисует другой. Так, среди записей Павла Андреевича мы видим: «...наш домик подпрыгивал. Все выбежали на дворик, укрылись в ущелье. <...> Загорелось два здания. Есть жертвы. В типографии, где только что печатали газету, погиб мальчик. Тревога! Гудок. Опять самолеты. У самой типографии на мостовой лежит оторванная голова рыжей лошади, несколько мертвых цыплят, одна утка. Война!» [3, л. 2–3]. Схожие сюжеты есть в записной книжке Соломона Бенедиктовича [1, л. 7об.], а также на отдельном более позднем рисунке [12]. Во время войны животные несли службу рядом с солдатами, становились одушиной в тяжелой обстановке, нередко спасали жизни. Телингатер не раз изображал лошадей, собак, погибших при различных обстоятельствах, таким образом отдавая дань уважения их памяти. На одной из фотографий в фонде художника он стоит рядом с собакой, жившей некоторое время при редакции газеты.

В воспоминаниях сына художника, В.С. Телингатера, есть драматичный фрагмент об одной из коротких командировок Соломона Бенедиктовича домой, к родным: «...он показал мне два рисунка, на которых были изображены трупы красноармейцев, заживо сожженных фашистами. Я разрыдался, а мать корила отца. <...> "Ничего, – ответил отец, – пусть знает, что такое фашизм"» [Цит. по: 17, с. 181]. Похожие (или именно эти) рисунки хранятся в отделе рукописей ГТГ. Вероятно, именно такого рода произведения Телингатера Ю.И. Вишнякова, изучавшая графику художника из Фонда не книжных материалов Музея книги Российской государственной библиотеки, называет «не очень привлекательными внешне, но значимыми по смыслу и наполнению» [4, с. 65]. Действительно, такие зарисовки не вызывают интереса с точки зрения художественных или композиционных приемов, но они отражают реальные, происходившие ужасы войны.

Самый известный эпизод совместной работы Телингатера и Бляхина – это подготовка заметки о пулеметчике И.Ф. Пушкине, в одиночку убившем 16 немцев во время контратаки. «От меня, как всегда, требовался портрет героя, от Бляхина – очерк. А наш снайпер, разумеется, – на передовой» [цит. по: 16, с. 55], – вспоминал Соломон Бенедиктович. Трудность заключалась в том, чтобы добраться до островка, со всех сторон окруженного противником. «Артиллерия немного запоздала и дала залп, когда мы были уже на се-

редине реки и обстреливались автоматчиками справа. После залпа они замолкли и снова ожили, когда мы шли <...> по берегу. Грязь. Тьма. Где ползком, где вприсядку. Вел Телингатера за руку – в очках ничего не видит. В 40–50 м падали мины, ворчал пулемет. Над рекой вздымались фонтаны. <...> Три самолета кружили над нами. Бойцы предлагали скрыться в блиндаж, но Телингатер сказал: "Минуточку, только нос дорисую...". Пришлось обождать» [3, л. 21–22], – писал Павел Андреевич. Телингатер вспоминал об этом так: «В общем, пришлось помучиться, попереживать, но задание выполнили. А как же иначе?!» [цит. по: 16, с. 55–56].

Этот рисунок, вместе с несколькими десятками портретов рядовых солдат, офицеров, санитаров, врачей, летчиков, танкистов и многих других героев Великой Отечественной войны хранится в Третьяковской галерее. Все они были созданы Телингатером для специального раздела газеты «За Родину», рассказывающего об особо отличившихся красноармейцах.

Художники на фронте стремились сохранить для истории образы тех, кому они и будущие поколения обязаны жизнью. Портретные зарисовки С.Б. Телингатера, по мнению Т.Г. Малининой, изучавшей его работы из фондов Музея Победы, отличаются «влюбленностью художника в свои модели» [9, с. 20], «проникнуты сочувственным и бережным отношением» [9, с. 26].

Большая часть коллекции портретов – это погрудное профильное изображение, или погрудный портрет, развернутый анфас. Все работы выполнены графитным карандашом, лишь единицы полностью или частично раскрашены цветными карандашами или акварелью. Художник старался передать индивидуальность каждого персонажа, при этом без излишней героизации. Все портреты отличаются поразительной графической проработкой и трогательным вниманием к деталям.

Имея в запасе мало времени на работу с натуры, художник старался в первую очередь отразить очевидные особенности того или иного лица. Большой акцент делался на этнические черты («Портрет сержанта Ш. Идигенова», «Портрет ефрейтора А.Г. Марданова», «Портрет сержанта Ж. Баймуратова»), на возраст, на индивидуальные отличительные нюансы внешности. Так, портреты Л.Г. Корецкого и Н.А. Семенова(?) запоминаются зрителю густыми, закрученными «гусарскими» усами, которые однозначно являлись гордостью и узнаваемой чертой их владельца. Агитатор И.Т. Мельников привлекает внимание чрезвычайно длинными ресницами. Если мужчины в большинстве своем изображены в головных уборах, то немногочисленные женские портреты интересны вниманием к прическам: у старшего сержанта А.И. Николаевой волосы коротко стрижены, у старшего лейтенанта медслужбы Ф.А. Гайкиной – длинные и убраны в косу вокруг головы, у старшего сержанта медслужбы Н.А. Константиновой – рыжие (что отражено цветом) кудряшки.

Рис. 3. Телингатер С.Б. Портрет сержанта Н.А. Семенова(?)
[12, ед. хр. 106, л. 1]. Бумага, графитный карандаш. 1944

Примерно с начала 1944 г. Телингатер стал уделять большое внимание изображению орденов на мундирах, так как к этому времени у отличившегося красноармейца уже могло быть по пять – шесть, а то и больше важных наград, что необходимо было отразить на портрете для газеты.

Из большого количества лиц, изображенных Телингатером за годы службы, безусловно, выделяется И.В. Сталин. Карандашные портреты вождя были написаны художником трижды, в 1944 г. для газеты «За Родину». Первый – для новогоднего выпуска от 1 января 1944 г., второй – для праздничного Первомайского выпуска, и третий – к 7 ноября. В отделе рукописей ГТГ хранится портрет, иллюстрировавший опубликованный на первой полосе газеты Приказ Верховного главнокомандующего № 70 от 1 мая 1944 г.

Интересно, что всего на нескольких портретах присутствуют какие-либо дополнительные элементы, помимо самого изображенного лица. Это связано, прежде всего, с отсутствием у художника времени на доработку, внесение разнообразия в свои рисунки. К таким работам относятся, например, «Снайперы И.Г. Калашников и П.В. Махалов», изображенные с винтовками в руках, выглядывающими из укрытия в кустах. Точно также

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ — ДЕНЬ СМОТРА БОЕВЫХ СИЛ ТРУДЯЩИХСЯ!

За Родину

Смерть немецким оккупантам!

№ 101

1 МАЯ 1944 г. ПОНЕДЕЛЬНИК

ПРОЧТАЙ И ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ

П Р И К А З Верховного Главнокомандующего

1 Мая 1944 года.

№ 70.

Гор. Москва.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы, партизаны и партизанки! Трудящиеся Советского Союза! Братья и сестры, временно подпавшие под иго немецких угнетателей и насильственно угнанные на фашистскую каторгу в Германию!

От имени Советского Правительства и нашей большевистской партии приветствую и поздравляю вас с днем 1 Мая! Народы нашей страны встречают день 1 Мая в обстановке выдающихся успехов Красной Армии.

Со времени разгрома немецких дивизий под Сталинградом Красная Армия ведет почти непрерывное наступление. За это время Красная Армия прошла с боями от Волги до Серета, от предгорий Кавказа до Карпат, истребляла вражескую нечисть и выметала ее с советской земли.

В ходе зимней кампании 1943-44 гг. Красная Армия вытратила историческую битву за Днепр и Правобережную Украину, сокрушила мощные оборонительные укрепления немцев под Ленинградом и в Крыму, указав на стремительные действия преодолела немецкую оборону на военных рубежах — Южный Буг, Днепр, Прут, Серет. Почти вся Украина, Молдавия, Крым, Ленинградская и Калининская области, значительная часть Белоруссии очищены от немецких захватчиков. Родине возвращены металлургия Юга, руины Криворожья, Бури и Лисополь, плодородные земли между Днепром и Прутом. Из фашистского рабства вывожены десятки миллионов советских людей.

Выполнив великое дело освобождения родной земли от фашистских захватчиков, Красная Армия вышла к нашим государственным границам с Румынией и Чехословакией и продолжает теперь громить вражеские войска на территории Румынии.

Успехи Красной Армии стали возможны благодаря правильной стратегии и тактике советского командования, благодаря высокому моральному духу и наступательному порыву наших бойцов и командиров, благодаря хорошему оснащению наших войск передовыми советской военной техникой, благодаря возросшему искусству и выучке наших артиллеристов, минометчиков, танкистов, летчиков, связистов, саперов, пехотинцев, кавалеристов, разведчиков.

Этим успехам в значительной мере содействовали наши великие союзники, Соединенные Штаты Америки и Великобритания, которые дергают фронт в Италии против немцев и отвлекают от нас значительную часть немецких войск, снабжают нас весьма ценным стратегическим сырьем и вооружением, подвергают систематической бомбардировке военные объекты Германии и подкупают, таким образом, военную мощь немцев.

Но успехи Красной Армии могли бы оказаться непропорциональными или были бы сведены на нет после первого же серьезного контрудара со стороны противника, если бы Красную Армию не подпирала с тылу весь наш советский народ, вся наша страна. Красная Армия в бою за Родину проявила беспримерное героизм. Но советский народ не остался

в долгу перед Красной Армией. В трудных условиях войны советский народ добился решающих успехов в деле массового производства вооружения, огнеприпасов, обмундирования, продовольствия и специальной техники для фронта Красной Армии. За истекший год серьезно возросла мощь советской промышленности. В строй вступили сотни новых заводов, шахт, десятка электростанций, железнодорожных линий, мостов. Новые миллионы советских людей стали к станкам, овладели сложнейшими профессиями, стали мастерами своего дела. С честью выдержали испытание войны наши крестьяне, в трудных условиях военного времени, работают на полях, снабжая продовольствием нашу армию и население, поставили сырье нашей промышленности. А наша интеллигенция обогатила советскую науку и технику, культуру и искусство новыми выдающимися достижениями и открытиями. Неотемненные заступы в деле защиты Отечества имеют советские женщины, самоотверженно работающие в интересах фронта, мужественно переносящие все трудности военного времени, вдохновляющие на ратные подвиги воинов Красной Армии — освобоителей нашей Родины.

Отечественная война показала, что советский народ способен творить чудеса и выдержать победоносием из самых тяжелых испытаний. Рабочие,

колхозники, советская интеллигенция, весь советский народ преисполнены решимости ускорить разгром врага, полностью восстановить разрушенное немецким хозяйством, сделать нашу страну еще более сильной и защищенной.

Под ударами Красной Армии трещит и разваливается блок фашистских государств. Страх и смещение царя ныне среди румынских, венгерских, финских и болгарских союзников Гитлера. Теоретически гитлеровские сподручные, страны которых оккупированы и оккупированы немцами, не могут не видеть, что Германия проиграла войну. У Румынии, Венгрии, Финляндии и Болгарии есть только одна возможность избежать катастрофы: разрыв с немцами и выход из войны. Однако трудно рассчитывать на то, что нынешние правительства этих стран способны порвать с немцами. Надо полагать, что народам этих стран придется самим взять в свои руки дело своего освобождения от немецкого ига. И чем скорее народы этих стран побегут, в какой-либо степени заведя их гитлеровцев, тем быстрее прекратят они всякую поддержку своих немецких поработителей и их сподручных — квислингов, в своей собственной стране, тем меньше жертв и разрушений понесет эти страны от войны, тем больше они могут рассчитывать на понимание демократических стран.

В результате успешного наступления Красная Армия вышла на наши государственные границы на протяжении более 400 километров, освобождая от немецко-фашистского ига более 3/4 оккупированной советской земли. Дело состоит теперь в том, чтобы отыскать от фашистских захватчиков ВСЮ нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по ВСЕЙ

ЛИНИИ, от Черного моря до Баренцева моря.

Но наши задачи не могут ограничиваться разгромом вражеских войск из пределов нашей Родины. Немецкие войска напоятся теперь раны, который вынужден уподобляться к границам своей берлоги — Германии для того, чтобы залечить раны. Но раненый зверь, ушедший в свою берлогу, не перестает быть опасным зверем. Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасностей порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге. Преследует же врага, мы должны вызвать из немецкой неволи наших братьев полков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии.

Понятно, что эта задача представляет более трудное дело, чем изгнание немецких войск из пределов Советского Союза. Ее можно решить лишь на основе совместных усилий Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Северной Америки, путем совместных ударов с Востока — силами наших войск и с Запада — силами войск наших союзников. Не может быть сомнения, что только такой координированный удар может полностью сокрушить гитлеровскую Германию.

(Окончание см. на 2-й стр.)

Рис. 4. Газета «За Родину», оформленная С.Б. Телингатером.
1 мая 1944 г. [5, ед. хр. 877, л. 1]

изображены снайпер И.К. Лучкин и пулеметчик И.А. Суховерхов. Связист М.С. Орлов с катушкой кабеля пробирается ползком, радист П.В. Коченков настраивает радиопередатчик, сапер С.З. Прокопенко обезвреживает мину.

Крайне малочисленны портреты в полный рост. В собрании отдела рукописей ГТГ к таким относятся «Портрет истребителя Е. Попова» (1942), «Девушка снайпер на позиции» (1944), «Регулировщица» (1944) и несколько других.

Такое разнообразие изображенных лиц и рода их занятий еще раз подтверждает тот факт, что деятельность Соломона Телингатера в годы Великой Отечественной войны не была связана с работой в тылу, он постоянно подвергал себя невероятной опасности для выполнения редакционных заданий, лично присутствовал на линии фронта, сражался с врагом, на одной из фотографий, отправленных домой, есть подпись: «Родному Володе. Я стреляю из винтовки. Папа» [22, л. 1об.]. На обороте многих фронтовых рисунков Телингатера есть пометка «с натуры», означающая, что художник лично присутствовал при изображенных событиях. В том числе такая надпись есть на рисунке «Смелому танк не страшен», на котором солдат в одиночку бросается навстречу танку с одной гранатой в руках.

«Добытый материал надо было публиковать очень быстро, оперативно <...>, незамедлительно своими руками воплотить в печатную форму. Хорошо, когда при армейской типографии действовала цинкография. Но это было далеко не всегда. Чаше художнику приходилось срочно переводить рисунок на линолеум или цинк и самому готовить печатную форму» [15, с. 95–96], – вспоминал Телингатер. Кроме того, стоит сказать, что и так непростая редакционная и типографская «рутина» сопровождалась дополнительными трудностями, обусловленными военным временем и нахождением редакции газеты в непосредственной близости от боевых действий – обстрелы, скудное питание, холод, зачастую отсутствие простых бытовых удобств. Соломон Бенедиктович писал: «Короче говоря, более двух месяцев я почти не спал – дошел до крайнего физического переутомления. Сейчас понемногу отсыпаясь. Но "буйный" характер при внешнем спокойствии готовит мне очередные бессонные ночи...» [11, л. 3].

В марте 1942 г. художник тяжело перенес грипп, а поздней осенью надолго оказался в госпитале из-за туберкулеза, который серьезно отразился на здоровье Телингатера на всю оставшуюся жизнь. Весной 1944 г. он писал: «Про себя скажу, что я много сдал, особенно плохо хожу. Очевидно, я все же сильно устал. Но теперь, судя по событиям на юге, почему-то больше чем, когда бы то ни было раньше, верится в быстрое окончание» [11, л. 4об.]. Но все эти тяготы никак не повлияли на его творческий запал и стремление приложить все усилия для победы над врагом: «Сейчас 12 часов ночи. Моня работает за самодельным столом в блиндаже, а я пишу сие письмо» [20, л. 1об.] – писал П.А. Бляхин домой.

**Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы
Великой Отечественной войны**

Разумеется, не все рисунки Телингатера можно отнести к портретам или пейзажам населенных пунктов. Художник писал: «Делаю много, очень много эскизов и оригиналов, пока мне самому не нравится. Вы знаете мое упорство – продолжаю работать. Пользуюсь любым случаем – зарисовываю наблюдения, мысли, эпизоды» [11, л. 60б.]. Творчество художника в годы войны охватывает огромное количество тем. Например, сцены, отражающие деятельность медсестер, врачей («Фронтowej госпиталь», «В операционной»). Также нередко встречается мотив дороги – мосты, идущие вдалеке солдаты, беженцы, покидающие разрушенные поселения. Ближе к концу войны на рисунках все чаще встречаются поверженные тела врагов. Из письма С.Б. Телингатера к П.А. Бляхину от 4 февраля 1945 г.: «Не могу вам в письме описать всего, что здесь происходит. "Возмездие" – вот основная тема дня» [11, л. 9].

К сожалению, очень немногочисленны в нашем собрании карикатуры. Одна из самых интересных – «В осенний день ненастный...» 1944 г. На ней изображен Гитлер, стоящий под дождем и с мольбой протягивающий руки к уходящей от него женщине по имени Венгрия. Подписана работа так: «Не покидай меня, скажи, что это шутка».

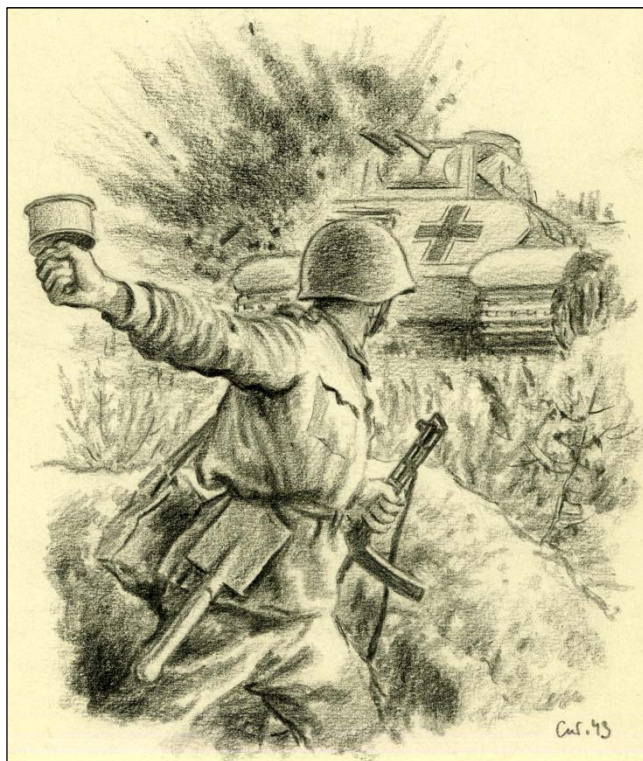

Рис. 5. Телингатер С.Б. Смелому танк не страшен [12, ед. хр. 56, л. 1].
Бумага, графитный карандаш. 1943

Отдельную группу представляют шрифтовые композиции и художественные элементы, разработанные Телингатером для оформления газеты «За Родину». Они являются как бы миниатюрами вышеперечисленных работ, так как тоже включают в себя изображения боевых действий и героев войны. Портрет сержанта медслужбы Н.С. Чекалиной стал прототипом для оформления заголовка рассказа о медсестрах «Аля». Рисунок «Смелому танк не страшен» использован дважды – как самостоятельная иллюстрация и как художественное дополнение к заголовку «Так началась дружба». Не менее ценны для изучения и простые буквенные композиции. Телингатер пробовал различные шрифты, штриховки, орнаменты для оформления лозунгов и цитат, строк из гимна и стихотворений, являвшихся неотъемлемой частью фронтовой периодической печати – «В атаку!», «По танкам – огонь!», «Знамя – наша святыня» и др.

В фонде Соломона Телингатера в отделе рукописей ГТГ хранятся и сами выпуски газеты «За Родину» с 1 января 1942 по 15 апреля 1945 г. [5]. Сопоставив рисунки художника (часть из них не были подписаны и датированы) с материалами из газет, некоторые произведения обрели не только датировку и название, но и ранее неизвестный смысл, за ними раскрылись целые истории. Так, неподписанный пейзаж с регулировщицей оказался иллюстрацией к целой странице газеты от 22 сентября 1943 г. под названием «За нами Десна!», посвященной форсированию р. Десны и освобождению городов Брянск и Бежица. Недатированный рисунок медали «За оборону Москвы» был найден в газете от 13 мая 1944 г. и иллюстрировал стихотворение М. Гольдберга «Ты насмерть стоял под Москвой не славы и почестей ради, не думал тогда о награде, – о Родине думал святой...». Рисунок со скорбящей над телом погибшего женщиной удалось найти в газете за 19 июля 1944 г. Он относится к разделу о Белорусском фронте и повествует о зверствах фашистов в д. Дубровичи.

Что же касается портретов, благодаря газете мы смогли немного узнать о большинстве изображенных героев. Год рождения, место (или места) учебы и работы до войны, род занятий и место службы в 1941–1945 гг., чем именно им удалось отличиться – все это является ценнейшим источником для изучения истории Великой Отечественной войны в целом, а также для частных исследований о конкретном человеке или семье. В процессе работы я обращалась к ресурсу «Память народа» [10], и для меня стало неожиданностью, что в некоторых карточках красноармейцев вместо фотографии – вырезка из газеты «За Родину» с портретом авторства С.Б. Телингатера. Конечно, в каких-то случаях реальный снимок просто там не размещен, но ведь для кого-то тот самый портрет из газеты является единственным дошедшим для наших дней изображением человека. Может, кому-нибудь удастся узнать среди запечатленных Телингатером солдат своего прадеда, или увидеть на его рисунках деревню, в которой он родился и вырос.

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

9 мая 1945 г. С.Б. Телингатер написал П.А. Бляхину самое короткое из всех писем за годы войны: «Поздравляю вас от всех моих лучших чувств С ПОБЕДОЙ, о которой мы с вами так долго вместе мечтали» [11, л. 10]. Война закончилась, художник был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, несколькими медалями. Но военная тема продолжалась в его жизни и творчестве – с июля 1945 г. Телингатер стал старшим художественным редактором Военного издательства.

Творческое наследие С.Б. Телингатера за годы войны можно назвать необъятным. Каждый портрет, пейзаж, карикатура, лозунг, каждая небольшая походная зарисовка в блокноте содержит целую историю. Художник своими глазами видел начало войны, все ужасы, что она принесла, лично участвовал в освобождении городов, застал день победы. В своих произведениях он отразил весь путь советского народа, деятельность фронта и тыла, подвиг простых солдат и генералов.

Сохранившийся почти без утрат архив художника-корреспондента является не только ценнейшим источником для изучения фронтовых будней, но и уникальным свидетельством того, какую роль мог сыграть художник в поднятии боевого духа современников и сохранении памяти о тех героических днях.

Источники и литература

1. Блокнот с рисунками и записями С.Б. Телингатера. [1941–1945] // Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее – ОР ГТГ). Ф. 257. Ед. хр. 178.
2. *Бляхин П.А.* Годы великих испытаний / П.А. Бляхин. М.: Советский писатель, 1966. 119 с.
3. *Бляхин П.А.* Годы великих испытаний. Военные дневники 1941–1944 // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2214. Оп. 2. Ед. хр. 33.
4. *Вишнякова Ю.И.* «... Он только что вышел из-под минометного огня...». Война в жизни и творчестве художника книги С.Б. Телингатера / Ю.И. Вишнякова // Румянцевские чтения – 2010: материалы Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 1. М.: Пашков дом, 2010. С. 64–69.
5. Газеты, оформленные С.Б. Телингатером. 1 января 1942 – 15 апреля 1945 // ОР ГТГ. Ф. 257. Ед. хр. 835–905.
6. Личное дело С.Б. Телингатера // РГАЛИ. Ф. 2907. Оп. 2. Ед. хр. 789.
7. Личное дело С.Б. Телингатера // РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 4. Ед. хр. 698.
8. *Михеенков С.Е.* Кровавый плацдарм: 49-я армия в прорыве под Тарусой и боях на реке Угре, 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2012. 316 с.
9. Память и время: из художественного архива Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / авт.-сост. и ред. Т.Г. Малинина. М.: Галарт, 2011. 455 с.
10. Память народа. Информационная система. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 09.12.2024).

**Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы
Великой Отечественной войны**

11. Письма С.Б. Телингатера к П.А. Бляхину // РГАЛИ. Ф. 2214. Оп. 2. Ед. хр. 90.
12. Рисунки С.Б. Телингатера. 1941–1945 // ОР ГТГ. Ф. 257. Ед. хр. 6–169.
13. Соломон Бенедиктович Телингатер. Графика. Выставка работ: книга, журнал, газета, акциденция, афиша, фотомонтаж, рисунок, шрифт / сост. Ф. Фишкова. М.: Советский художник, 1975. 43 л.
14. Соломон Бенедиктович Телингатер: художник книги: каталог выставки / сост. Е.В. Членова. М.: б. и., 1963. 31 с.
15. Соломон Телингатер: конструктор графических ансамблей. Альбом-каталог: книга, журнал, акциденция, фотомонтаж, афиша, рисунок, шрифт / сост. В.С. Телингатер. М.: Галарт, 2008. 198 с.
16. *Телингатер В.С.* «От Москвы до Бреста нет такого места...». К 60-летию Победы / В.С. Телингатер // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 54–56.
17. *Телингатер В.С.* Соломон Бенедиктович Телингатер: заметки об отце / В.С. Телингатер // Книга. Исследования и материалы. Сборник 78. М.: Терра, 2001. С. 164–192.
18. *Телингатер С.Б.* Воспоминания / С.Б. Телингатер; предисл. В.С. Телингатера // Библиофилы России. Т. 14. М.: Любимая Россия, 2018. С. 299–331.
19. *Фомин Д.В.* Становление мастера / Д.В. Фомин // Соломон Телингатер. Искусство шрифта / под ред. В. Телингатера. М.: Шрифт, 2015. С. 7–150.
20. Фотография П.А. Бляхина с запиской. 15 марта 1942 г. // ОР ГТГ. Ф. 257. Ед. хр. 1327.
21. Фотография С.Б. Телингатера с запиской. 10 июля 1942 г. // ОР ГТГ. Ф. 257. Ед. хр. 1234.
22. Фотография С.Б. Телингатера с запиской. 22 июля 1942 г. // ОР ГТГ. Ф. 257. Ед. хр. 1235.
23. Электронный архив работ художника Соломона Телингатера. URL: <http://telingater.togdazine.ru/> (дата обращения: 09.12.2024).

Буянова Наталья Васильевна, старший научный сотрудник отдела рукописей, Государственная Третьяковская галерея, Россия, г. Москва, buyanovaorgtg@gmail.com

Buyanova Natalia V., Senior Researcher, Department of Manuscripts, State Tretyakov Gallery, Russia, Moscow, buyanovaorgtg@gmail.com

УДК 7.077(091).084.8

С.В. Пономаренко

АЛЕКСЕЙ ПИЧУГИН: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Аннотация. В статье рассмотрен жизненный и творческий путь художника А.Г. Пичугина в годы Великой Отечественной войны, в том числе связанный с его службой в Красной армии и нахождением в немецком плену в 1941–1945 гг. В статье характеризуется его творчество и дается описание его произведения «Выход из окружения».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, шталаг, наивное искусство XX века, резьба по дереву, реставрация.

S.V. Ponomarenko

ALEKSEI PICHUGIN: LIFE AND ARTISTIC LEGACY

Abstract. The article examines the life and creative path of the artist A.G. Pichugin during the Great Patriotic War, including those related to his service in the Red Army and his time in German captivity in 1941–1945. The article characterizes his work and provides a description of his work “Escape from Encirclement”.

Keywords: Great Patriotic War, Stalag, 20th century naive art, wood carving, restoration.

Во втором квартале 2024 г. в реставрационную мастерскую Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» для проведения реставрационных работ и подготовки к выставке поступили 16 панно А.Г. Пичугина из фондовой коллекции «Предметы из дерева». В ноябре 2024 г. в п. Борисоглебский Ростовского района Ярославской области в музее «Дом крестьянина Ёлкина» состоялась выставка «Народная деревянная скульптура XX века», где были представлены работы четырех самодеятельных мастеров Ростовской земли: М.Д. Королева (1904–1997), Ф.А. Жильцова (1894–1981), С.Н. Дормидонтова (1901–1983) и А.Г. Пичугина (1909–1999).

Цель данной работы – составить краткую биографию А.Г. Пичугина на основе исследования архивных документов о фронтовом пути и заключении в немецком плену 1941–1945 гг., а также ввести в научный оборот его панно «Выход из окружения».

Алексей Гаврилович Пичугин известен как участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., педагог, художник наивного искусства, автор ряда произведений из фондовой коллекции Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». Родился Алексей Гаврилович 17 марта

1909 г.¹ в д. Жарец (Жирец) Смолинской волости Судогодского уезда Владимирской губернии (ныне – д. Жарцы в составе Вязниковского района Владимирской области) в старообрядческой семье.

С двенадцати лет он работал на стеклодувном заводе. Организовал ликбез в своей деревне, воодушевившись революционными идеями². В двадцатые годы XX в. учился на рабочем факультете в Москве. Вспоминал, что видел, как взрывали храм Христа Спасителя³. Окончив заочно Московский пединститут им. И.В. Сталина⁴, в 1932 г. был направлен в Борисоглебский район, где работал: с его слов, «поднимал» школы сёл Юркино, Вошажниково, Давыдово, Никола-Бой, Красный Октябрь [9].

Сведения о военной службе очень скупы. Известно, что он был призван 1 января 1941 г. Борисоглебским районным военкоматом, служил в 11-м отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе в составе 65-го стрелкового корпуса, вспоминал, что был зенитчиком-пулеметчиком. В первых сражениях 1941 г. войска Северо-Западного фронта противостояли массированному наступлению немецко-фашистской группы армий «Север», части сил группы армий «Центр» и 29 июня отошли к Западной Двине. Отсечённая от главных сил 8-я армия отступила к границе Эстонии. 11-я и 27-я армии вели бои с противником, наступавшим на Старую Руссу и поселение Холм к северу от Великих Лук, где попали в окружение [3] и 27 июля 1941 г. А.Г. Пичугин был взят в плен. Эта информация подтверждается сведениями Центрального архива Министерства обороны РФ, где обнаружен список лиц, освобожденных из немецкого плена в 1945 г. и находившихся на сборно-пересыльном пункте Наркомата обороны № 46 (рис. 1).

Этот документ представляет собой разворот тетради формата А4, где расчерчено 11 столбцов. Листы тетради были сшиты между собой, соответствующие отверстия просматриваются. В правом верхнем углу правой страницы изображена поздняя карандашная пометка с номером разворота «247». Сверху к тетради подклеен листок с названиями столбцов. Столбцы

¹ Точная дата рождения была неизвестна в литературе, ее удалось установить с помощью архивного документа [4], который будет описан ниже, и подтверждается сведениями немецкой базы данных военнопленных [1].

² Некоторые биографические факты были записаны со слов А.Г. Пичугина его современницей, ныне покойной, Натальей Владимировной Кузнецовой, преподавателем истории общеобразовательной школы с. Березняки Борисоглебского района Ярославской области, где ею был собран небольшой краеведческий музей.

³ Собор был взорван 05.12.1931 г., этот факт из воспоминаний говорит о его присутствии в Москве в это время.

⁴ Сведения взяты из музейных записей Н.В. Кузнецовой. В действительности в Москве пединститута имени И.В. Сталина не существовало. Можно предположить, что имеется ввиду Московский индустриально-педагогический институт им. Карла Либкнехта, существовавший в 1923–1943 гг., ныне Московский педагогический государственный университет, до 1997 г. носивший имя В.И. Ленина.

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

[illegible]

Рис. 1. Фрагмент списка бывших военнопленных Красной армии, освобожденных в 1945 г. с упоминанием А.Г. Пичугина [12, л. 247]

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

озаглавлены следующим образом: №, фамилия имя отчество, в какой части проходил службу до плена, военное звание, партийность, год рождения, какой местности уроженец, где и когда попал в плен, сколько дней находился в плену, когда (дата) и в какую часть направлен для прохождения дальнейшей службы.

В этом документе А.Г. Пичугин фигурирует под № 1212. О нем изложены следующие сведения: место службы: 11-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион 65-го стрелкового корпуса; рядовой; беспартийный; 1909 г.р.; Ивановская область, с. Жарец; призван: 1941 г. Борисоглебский РВК Ярославской области; попал в плен: 27.07.1941 г., станция Локня Великие Луки; был в плену 1941–1945 гг.; 2 июня 1945 г. направлен для прохождения дальнейшей службы в 210-й армейский запасной стрелковый полк.

В информационной системе «Память народа» имеется возможность отследить боевой путь участников Великой Отечественной войны с использованием карт. В данном разделе биографии А.Г. Пичугина ошибочно добавлены сведения о боевом пути другого человека. Указано о службе в 65-м стрелковом полку 43-й стрелковой дивизии и участии в семи сражениях. Первое – на территории г. Санкт Петербурга 22.06.1941–31.12.1941 г., шесть последующих проходили с 1 по 11 июля 1941 г. на северо-западе от Выборга. Можно сделать вывод, что эти сведения друг другу противоречат, так как упоминаются разные роды войск и в указанные даты в данных боевых действиях не мог участвовать один и тот же человек.

Сам Алексей Гаврилович вспоминал, что начался его плен с Митава (ныне – г. Елгава, Латвия). Исходя из этого и архивных данных, можно отследить путь его заключения следующим образом. В г. Митау (Митава на русский манер) с июля 1941 г. существовало два лагеря. В одном, по свидетельствам очевидцев, находились пленные моряки, поэтому мы его не рассматриваем и можно сделать вывод, что 27 июля 1941 г. Пичугин попал в лагерь на озере Паспа [2]. Военнопленные там содержались на земле под открытым небом. Выжившие в своих воспоминаниях пишут: «ели кору с деревьев, ложкой рыли углубления в земле, укрывались дёрном, а утром собирали тела тех, кто умер за ночь». Просуществовав около полугода, лагерь был упразднен, заключенные были переведены в Центральный лагерь Stalag 350/Z, базовый стационарный лагерь для всех категорий заключенных, в основном для рядового и сержантского состава. На территории лагеря имелись кухня, лазарет, одноэтажные отапливаемые бараки, но значительная часть военнопленных продолжала проживать на земле.

В государственном архиве Латвии сохранились документы, свидетельствующие о том, что предприятия и организации Елгавы запрашивали для работы способных к труду заключенных. Заключенные производили ремонт улиц, строительство, разгрузку чего-либо и т.д., после чего под охраной возвращались обратно в лагерь. Пичугин вспоминал: «возили закапывать воронки», вероятно, он был привлечен к работам дорожно-коммунального хозяйства. Там Алексей Гаврилович находился до весны 1942 г., после чего был переве-

**Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы
Великой Отечественной войны**

ден в лагеря Западной Германии Stalag XI A Altengrabow (д. Альтенграбов в земле Саксония). А 12 ноября 1942 г. был доставлен из Stalag XI A в Stalag XI B Fallingbostal¹ (г. Фаллингбостель, Нижняя Саксония, Западная Германия) о чем свидетельствует зеленая карточка учета, фиксирующая среди прочих сведения о перемещении между местами заключения (рис. 2).

Рассмотрим этот документ: он представляет собой небольшую страничку светло-зеленого цвета, по левому краю перфорация. Вертикально вдоль нее снизу вверх каллиграфическим почерком пером на немецком языке черным цветом написано «Pitschugin Aleksej». Надпись отделяется от текста всего документа вертикальной линией отреза. Далее следует основной текст документа, состоящий из следующих восьми пунктов, озаглавленных на немецком, ниже перевод на французский и на русский языки.

1. Name:	PITSCHUGIN
Nom	
Фамилия	Pitschugin
2. Vornamen:	ALEKSEJ
Prénoms	
Имя	Алексей Александрович
3. Geburtstag:	17 3 09
Date de naissance	
Дата рождения	
4. Geburtsort:	SHOREY Морей
Mon de naissance	
Место рождения	Хорей
5. Lager:	HR 605 Stalag XI B
Camp	
Лагерь	
5a. Im Lager eingeliefert am:	12 11 42 107. STAB
Dоставлен в лагерь (число)	
6. Dienstgrad:	OFFIZIER
Grade	
7. Truppenteil:	14. FELD REG
Unité	
Воинская часть	Батальон 8. XI АР
8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:	
Matricule du camp allemand	
Номер военнопленного в германском лагере	

Рис. 2. Зеленая карточка учета А.Г. Пичугина. 1942 г. [4]

¹ Со слов Пичугина, «Фаленбостен» на русский лад.

На немецком языке графы заполнялись от руки печатными буквами простым карандашом, пометки на русском – строчными, чернилами синего цвета двух оттенков разным почерком.

1. Фамилия: заглавные и строчные буквы чередуются «PiTSCHuGiN», «Пичугин».

2. Имя: «ALEKSEJ», русский аналог «Алексей Гаврилович».

3. Дата рождения: 17.3.09.

4. Место рождения: «SHOREZ» и два русских перевода «Жорец» «Хорец».

5. Лагерь: «KR GEE» поверх карандашной надписи стоит штамп со словом «Stalag», нижележащие буквы не читаются. Далее синим цветом подчеркнуты буквы «XIB» и сверху помечено «лаг.».

5а. Доставлен в лагерь (число): «12 11 42 von ST XIA», русские пометы: под предлогом «von» написано «лаг.» и подчеркнуто синим цветом «XIA».

6. «OFFIZIER», «офицер».

7. Военная часть: «11 FLAK REG» ниже штамп черного цвета с текстом «Eingang 8.XII. A» буква следующая после «A» не читается. Пометы на русском языке: отделено «FLAK REG» и два раза написано «зен. полк».

8. Номер военнопленного в лагере: карандашом красного цвета написано «XIA 13o 4o5».

Низ документа срезан, поэтому упоминание буквы «o» предположительно. В информационной системе «Память народа» указан лагерный номер «130405» с использованием цифры «0», но в документе видно, что это строчные буквы. Весь документ перечеркнут красным карандашом по диагонали слева направо.

Алексей Гаврилович вспоминал, что после Западной Германии его заключение продолжалось в Фишаменте (Австрия), где он выполнял грязную черную работу на авиационном заводе. В марте 1945 г. его в числе 3,5 тыс. пленных прогнали через Вену дальше от наступления советских войск, сжигая после них мосты, и в г. Энс он был освобожден американскими частями. Эти сведения автором пока не подтверждены.

На основе этого можно отследить на карте места боевого пути и заключения в плену следующим образом (рис. 3).

После Великой Отечественной войны, вернувшись на Ростовскую землю, Алексей Гаврилович 4 года проработал инспектором районного отдела народного образования, в 1949 г. поступил на работу в Краснооктябрьскую семилетнюю школу и возглавил ее.

По донесению об измене Родине и обвинению в антисоветской пропаганде 26 июля 1950 г. он был вновь арестован, так как знал немецкий язык и «попал в плен и не застрелился». Особым совещанием при Министерстве государственной безопасности СССР 10 февраля 1951 г. был осужден по статьям 58-1"б", 58-10, 58-11.

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

Рис. 3. Карта событий из жизни А.Г. Пичугина за период 1941–1945 гг.
Составитель С.В. Пономаренко. 2024 г.

Отбывал заключение в Озерном лагере (Озерлаг) в г. Тайшете [5]. С личных слов: «Протянулся он от Урала до Тихого океана», «выпустили 9 января 1956 г.». Реабилитирован 1 августа 1957 г. [10] Уголовное дело хранится в Государственном архиве Ярославской области, однако для личной выдачи оно не доступно в связи с законом о персональных данных.

Вернувшись в Ростов Великий, Алексей Гаврилович испытывал сложности с трудоустройством, вспоминал, что брали работать только каменщиком. Позже ему удалось устроиться в школу с. Погорелово. С 1963 г. начал работать директором и преподавателем немецкого языка в школе с. Березняки Борисоглебского района Ярославской области.

После выхода на пенсию в 1969 г. купил дом и начал вырезать из дерева первые работы для украшения помещения. Увлечшись, начал вести уроки труда, украшал творческими работами стены школьных классов и развернул вокруг себя активную художественную деятельность: участвовал в выставках, развивал как жанр наивное искусство. Алексей Гаврилович говорил:

**Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы
Великой Отечественной войны**

«меня вдохновляет работа, резьба. Она поддерживает мой дух, мое желание жить. Жизнь наша нелегкая. Чтобы тяжесть ее вытерпеть, надо искать отдохновения. И такое отдохновение должно даваться искусством!».

О его творчестве писали местные газеты, журналы «Огонек», «Семья и школа» [13]. Упоминается в книге «Мировая энциклопедия наивного искусства» 1985 г. [14, р. 173]. В 1991 г. о нем вышел сюжет в передаче «Сельский час».

Изучая фотоматериалы школьного музея с. Березняки, можно встретить фотографию Пичугина, запечатленного среди своих работ (рис. 4). На лацканах его пиджака просматриваются две награды. Обратившись к информационной системе «Память народа», можно сделать вывод, что справа находится Орден Отечественной войны II степени, которым Алексей Гаврилович был награжден 06.04.1985 г. [11] Награда, находящаяся на левом лацкане, имеет три тонкие одинаковые по ширине полосы двух чередующихся цветов на колоде, что по визуальным наблюдениям полностью соответствует внешнему виду медали «Ветеран труда». Архивные данные, подтверждающие факт награждения, в данный момент не найдены. Можно предположить, что у Алексея Гавриловича имелся приемлемый трудовой стаж для награждения данной медалью. Фотография на обороте не имеет подписи о дате съемке, только надпись от руки «был трудолюбив, честен и справедлив».

Рис. 4. А.Г. Пичугин на выставке среди своих работ [7].
Не ранее 1985 г.

В своем творчестве Пичугин обращался к простым понятным сюжетам, что свойственно наивному искусству. Изображал натюрморты с цветами, портреты современников, пейзажи, сцены сельского быта шестидесятых годов, иллюстрации к литературным произведениям и копии известных картин, иногда в нескольких экземплярах, например «Боярыня Морозова» или «Последний день Помпеи». Не имея художественного образования, при копировании развивал насмотренность и заимствовал различные художественные приемы, которые применял в своем творчестве. Объектом вдохновения могли служить фотографии в газете, репродукции в книгах, впечатления от посещения музея или кинотеатра.

За свою богатую творческую жизнь Алексей Гаврилович создал очень много произведений, как сам говорил, «для подарков хорошим людям». Его произведения находятся в частных коллекциях, в собственности музея Царицыно, музея Наивного искусства и др. В фондовой коллекции Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» имеется 43 единицы хранения, переданных Алексеем Гавриловичем в конце 1980-х гг.

Кроме радостных повседневных тем, в его творчестве присутствует также и военная тема. Как пример можно рассмотреть работу «Выход из окружения» из фондовой коллекции ГМЗ «Ростовский кремль» (рис. 5).

Рис. 5. Панно «Выход из окружения» 1985 г. ДБ-825, ГК-29762934.
Фото из рабочего архива С.В. Пономаренко. 2024 г.

Произведение представляет собой полихромный рельеф 47х32,5 см, выполненный в технике резьбы по дереву при помощи ручного столярного инструмента. Изображены солдаты Красной армии, сидящие у пенька на переднем плане. От всей композиции они скрыты кустами, за которыми изображена зеленая равнина, деревья и стремящимися к первому плану вражеские солдаты. Работа ремесленная с оригинальными стилистическими особенностями композиции. Стилистика изображения тяготеет к монументальности: предметы сгруппированы крупными массами, например, кроны деревьев, однообразные предметы, кусты, сгруппированы вокруг персонажей первого плана. Дальний план с изображением лугов и неба изображены просто, без детализации.

Цвета использованы локальные, яркие, открытые, редко наблюдаются смешивание нескольких оттенков в одном слое, иногда заметны светлые лессировки в несколько слоев поверх основного плотного цвета, например на изображении неба. Предметы первого плана имеют яркую односложную окраску локальным цветом, а второй план окрашен составным цветом из нескольких оттенков, разных по теплостудности.

Поверхность гладко не обработана, отстающие грубые волокна древесины не удалены, видны рабочие моменты и следы работы ручным столярным инструментом. Лаковое покрытие нанесено не везде.

Красочный слой хорошо сохранился, связь с основой отличная. Вздутий, растрескиваний и отставаний не наблюдается. Наблюдается потемнение лаковой пленки и незначительное естественное коробление основы с растрескиванием. Древесина использовалась любых доступных пород.

В целях подготовки к выставке были проведены консервационные мероприятия. Произведение было обеспылено, подобрана методика и удалены нестойкие поверхностные загрязнения. Произведению был придан экспозиционный вид. Работа велась под руководством по отработанным методикам [6].

Приведенные выше данные позволяют сделать следующие выводы.

Алексей Гаврилович Пичугин – самобытный русский художник. Его творчество пришлось на последние десятилетия существования советской власти. Стилистически его работы можно отнести к наивному искусству. Жизненный путь А. Г. Пичугина был непростым: строгое воспитание, полученное им в детстве, помогло ему выжить и сохранить рассудок в тяжелых условиях войны и лагерей. Ему посчастливилось работать, найти свой путь в искусстве и при жизни обрести известность.

Творчество А.Г. Пичугина востребовано в музейном сообществе и сегодня. Его работы до сих пор популярны у частных коллекционеров, экспонируются в областных и федеральных музеях, сведения об авторе упоминаются научными сотрудниками. В школе, где он работал, все еще действует музей, созданный преподавателем истории Н.В. Кузнецовой.

В докладе расширяются ключевые сведения его биографии. Впервые установлены данные о фронтовом пути, уточнены сведения о нахождении в немецком плену. Некоторые факты о жизни Алексея Гавриловича на дан-

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

ный момент не подтверждены. А именно: какой точно институт он закончил, факт заключения в концлагерях на территории Австрии и факт освобождения американскими военными, места трудоустройства, факт награждения медалью «Ветеран труда». Также вызывают сомнения неоднозначные сведения о его воинском звании. Работа над этой темой будет продолжена.

Источники и литература

1. База данных советских военнопленных // Центр документации Дрезден. Фонд Саксонских мемориалов = Documentationstelle Dresden. Stiftung Sächsische Gedenkstätten. URL: <https://ru.stsg.de/cms/node/11118?suchwort=Пичугин&beginn=Начальные20%буквы20%фамилии> (дата обращения: 10.11.2024).

2. Гуцин В. Шталаг 350/Z в Елгаве / В. Гуцин // Сайт краеведческого общества «Riga CV». URL: <https://www.rigacv.lv/node/678> (дата обращения: 10.11.2024).

3. Жилин П.А. На Северо-Западном фронте. 1941–1943 / П.А. Жилин. М.: Наука, 1969. 448 с.

4. Зеленая карточка. Пичугин А.Г. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Карточка военнопленных офицеров. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen272169696/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DПичугин%26first_name%3DAлексей%26middle_name%3DГаврилович%26date_birth_from%3D17.03.1909%26static_hash%3D250eda939b1a86438b59692eec765172b3573f3600cdbc1aa8742bd494516397v9%26group%3Dall%26ty_pes%3Dpamyat_commander%3Anagrad_y_nagrad_doc%3Anagrad_uchet_kartoteka%3Anagrad_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voenoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1%26grouppersons%3D1& (дата обращения: 22.10.2024).

5. Интерактивная карта советских лагерей. URL: <https://gulagmap.ru/> (дата обращения: 15.10.2024).

6. Личный архив С.В. Пономаренко. 2024 г.

7. Материалы музея общеобразовательной школы с. Березняки Борисоглебского района Ярославской области, собранные со слов Пичугина его современницей, преподавателем истории, ныне покойной, Натальей Владимировной Кузнецовой. Музей действует на момент 2024 г.

8. Материалы районной библиотеки п. Борисоглебский Ростовского района Ярославской области.

9. Никитина Т.Л. О творчестве А.Г. Пичугина / Т.Л. Никитина // Ростовский кремль: художественные коллекции. URL: https://vk.com/wall-222769465_872 (дата обращения: 17.09.2024).

10. Пичугин Алексей Гаврилович // Жертвы политического террора в СССР: сводная база данных. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2629611> (дата обращения: 15.10.2024).

11. Пичугин Алексей Гаврилович. Сведения о награждении орденом Отечественной войны II степени // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Юбилейная картотека награжденных. Шк. 47. Ящ. 12. URL:

**Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы
Великой Отечественной войны**

https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1519994663/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DПичугин%26first_name%3ДАлексей%26middle_name%3DГаврилович%26date_birth_from%3D1909%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennooplen%3Apotery_isklucheniye_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1%26grouppersons%3D1& (дата обращения: 12.10.2024).

12. Список военнопленных Красной армии, освобожденных Красной армией и находившихся на сборно-пересыльном пункте Наркомата обороны СССР № 46 (1945 г.) // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО). Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1461.

13. *Ходосова М.Н.* Музейные выставки: Народная деревянная скульптура XX века / М.Н. Ходосова // Официальный сайт Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». URL: https://www.rostmuseum.ru/museum/blog/narodnaya-derevyannaya-skulptura-khkh-veka/?sphrase_id=56208 (дата обращения: 18.10.2024).

14. World encyclopedia of naive art: a hundred years of naive art / eds. Oto Bihalji-Merin, Nebojsa-Bato Tomasevich. Scranton: Scala / Fill Wilson, 1985. 735 p.

Пономаренко Светлана Владимировна, лаборант реставрационной мастерской, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», Россия, г. Ростов Великий, ponomarenko1992-2010@mail.ru

Ponomarenko Svetlana V., Laboratory Assistant in the Restoration Workshop, Rostov Kremlin State Museum-Reserve, Russia, Rostov the Great, ponomarenko1992-2010@mail.ru

РАЗДЕЛ 8

Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

УДК 930.2"20"

О.Ю. Игошина

ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЗВОЗВРАТНЫХ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК КОММЕМОРАТИВНАЯ ПРАКТИКА XXI ВЕКА

Аннотация. Сохранение памяти о павших в годы Великой Отечественной войны – важнейшая задача нашего государства. Сегодня её реализуют не только ученые, программисты, поисковики, но и более широкие круги общественности. В своей работе мы рассмотрим направления исследования безвозвратных людских потерь в 1941–1945 гг. на современном этапе, которые позволяют назвать его коммеморативной практикой: издание Книг Памяти, создание различных баз и банков данных, их последующее использование в качестве исторических источников для подготовки научных трудов, проектную деятельность в образовательных учреждениях и в рамках семейной истории, а так же поисковое движение.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, людские потери, коммеморация, Книга Памяти, поисковое движение.

O.Yu. Igoshina

THE RESEACH OF IRRETRIEVABLE HUMAN LOSSES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A COMMEMORATIVE PRACTICE OF THE 21st CENTURY

Abstract. Saving the memory of the dead people during the Great Patriotic War is the most important task of our state. Today, it is realized not only by scientists, programmers, and searchers, but also by the broader public. In our work, we will consider the directions of research of irretrievable human losses in 1941–1945 at the modern stage, which make it possible to call it a commemorative practice: publishing Memory Books, creating different databases and databanks, their subsequent usage as historical sources for

the preparation of scientific papers, projects in educational institutions and within the framework of family history, as well as the search movement.

Keywords: The Great Patriotic War, human losses, commemoration, Book of Memory, search movement.

Коммеморация (от лат. *memorialis* – памятный) – сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого [30, с. 237]. Большую роль в этом процессе играют не только политические институты, но и историческая наука, которая формирует совокупность знаний и позволяет передать новым поколениям мировоззренчески-значимую информацию о прошлом через увековечение определенных событий. К традиционным коммеморативным практикам относят: поминальную (установление памятных дней), храмоиздательскую (строительство храмов в честь и в память о событиях и людях), топонимическую (именование городов, улиц, площадей и т.д.), реконструктивную (мероприятия, посвященные реконструкции исторических событий), художественную (создание художественных произведений), церемониальную (торжества и акции, связанные с ритуальными действиями в память о павших) и др. [30, с. 237–240].

Великая Отечественная война не имеет аналогов по масштабам последствий и людских жертв в отечественной истории, поэтому все виды увековечения павших в российском обществе не только представлены, но и активно культивируются спустя десятилетия после её окончания. Однако количественное определение безвозвратных людских потерь нашего государства в 1941–1945 гг. прошло долгий и извилистый путь. Обнародование данных, близких к истинным в 1990 г. [12], полученных учеными и военными в результате кропотливого труда [14] не только не сняло вопросы исследователей, а напротив, усилило интерес и остроту дискуссии.

Безусловно, проблема имеет не только научный, но и мемориальный смысл – почтить память всех павших поименно. Однако ни один исследователь, работающий в данном направлении, не осмелится утверждать, что полученные цифры окончательные и исчерпывающие. Непрерывающаяся источниковедческая, исследовательская, поисковая работа приближают нас к выполнению этого долга. Сегодня вряд ли найдется хотя бы один регион страны, где историки, краеведы, журналисты, музейные работники, школьные учителя или общественники-энтузиасты не попытались составить картину жертвенного подвига своих земляков. В своей работе мы рассмотрим направления данного явления, которые помимо научных целей преследуют мемориальные.

Издание мартирологов – Книг Памяти. На рубеже XX–XXI вв. в научную и общественную жизнь вошли мартирологи Великой Отечественной войны – Книги Памяти не вернувшихся с полей сражений. Они изданы во всех регионах и вошли в фонды государственных и частных библиотек по всей стране.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

История создания Книги Памяти, посвященной воинам, погибшим, умершим от ран и пропавшим без вести в годы Великой Отечественной войны, начинается в период Перестройки, с принятия в Политбюро ЦК КПСС постановления от 17 января 1989 г. «О Всесоюзной Книге Памяти» [17]. Позднее была принята нормативно-правовая база федеральной программы увековечения памяти погибших (Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 1993 г. «О подготовке к празднованию памятных дат Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», постановление Правительства Российской Федерации, распоряжения местных органов власти об издании Книг Памяти и др.).

Во всех российских регионах началась работа по созданию Всероссийской Книги Памяти. К 2002 г. было опубликовано около 900 томов. Однако их издание не прекратилось и по сей день. Наши соотечественники стремятся увековечить подвиг своих земляков [7, 33, 34], старших коллег [42] или участников освобождения определенной территории [26]. За каждым из этих томов стоит кропотливый, многолетний труд.

Вскоре после издания Книги Памяти, а иногда и параллельно с ней, началось научное изучение этих массовых источников, их анализ и перевод в электронный формат. В начале 2000-х гг. это был единственный в своем роде исторический источник по безвозвратным потерям, чей потенциал начал использоваться учеными по всей стране с применением количественных методов, а целенаправленное осмысление привело к подготовке и изданию диссертаций, монографий, статей, докладов.

Можно утверждать без преувеличения, что работы А.А. Иванова (Республика Татарстан) [16] и Л.Г. Скворцовой (Республика Мордовия) [41] стали не только одними из первых в этом направлении, но и эталонными. Они дали импульс аналогичным изысканиям в других областях, краях и республиках Российской Федерации [6].

Кроме того, появились научные исследования более узкой направленности. И.Л. Аравин на материалах Новосибирской области проанализировал основные параметры и характеристики призывного контингента региона, а также динамику потерь среди военнослужащих [1]. Г.В. Дьячков создал электронную просопографическую базу данных, которая позволила создать социокультурный образ Героя Советского Союза периода Великой Отечественной войны [15]. Е.Л. Храмковой и М.А. Дмитриевой разработана база данных, включающая сведения о женщинах – уроженках городов и сельских районов Куйбышевской (Самарской) области, призванных в РККА и погибших в годы Великой Отечественной войны [48].

Книга Памяти как исторический источник не устарела и к окончанию первой четверти XXI века. Её данные стали основой для серьезных работ в Республиках Калмыкия [9; 31] и Алтай [53].

Создание федеральных электронных баз и банков данных («Мемориал», «Подвиг народа» и объединивший их портал «Память народа» [19], а так же Всероссийский информационно-поисковый центр (далее – ВИПЦ) в г. Казани [11]), содержащих бесценные архивные документы, которые позволяют установить судьбу погибших или пропавших без вести родных, определить место их захоронения. Вслед за этим продолжилась и общественная работа в этом направлении как институционально оформленная в случае с ВИПЦ, представляющего на своем сайте возможность работы с поисковыми базами данных [11], так и общественная [3]. Методика их создания и потенциал описаны в научной литературе [5; 39; 46; 47; 49; 52].

Фонды военных архивов теперь общедоступны для всех и включение оцифрованных источников в научный оборот стало массовым явлением. Изучают потери среди уроженцев отдельных регионов, городов, сел и деревень [2; 22; 28; 32], боевой подвиг выпускников учебных заведений [20], воинских подразделений [21; 43; 50], участников отдельных боев, сражений и операций Красной армии [4; 25; 40; 45; 51] и других социальных групп [23; 44]. Исследовательская деятельность стала доступна не только профессиональным историкам, но и подрастающему поколению в рамках проектной деятельности в образовательных учреждениях [2; 29]. Так, в самарских школах осенью 2024 г. проходила акция «Школьная Книга Памяти», поучаствовать в которой мог любой учащийся, найдя запись о своих предках в указанных электронных ресурсах. Обращение к интернет-ресурсам стало так же неотъемлемой частью изучения семейной истории [27; 35; 47]. На наш взгляд, все это тоже – одно из звеньев коммеморативной практики.

По-нашему мнению, доступность и востребованность этих общенациональных информационных систем дает право назвать данное направление исследования безвозвратных людских потерь коммеморативной практикой. Динамика и число исследований говорят о том, что интерес к изучению безвозвратных людских потерь при помощи массовых источников не угасает. В наше общество пришло понимание, что в истории Великой Отечественной войны нет незначительного и неважного, особенно, если это касается жизни и гибели наших предков.

Еще одно коммеморативно-исследовательское направление – **поисковое движение**, получившее в XXI в. новое организационное оформление, информационное обеспечение, всестороннюю поддержку государства. Благодаря экспедициям поисковых отрядов, найдены и захоронены останки более 600 тыс. воинов, восстановлено более 35 тыс. имен погибших [36].

«Поисковое движение России» является массовым – оно насчитывает 1,5 тыс. отрядов и более 45 тыс. поисковиков всех возрастов. Региональные отделения открыты во всех субъектах Российской Федерации, а поисковые работы ведутся в 37 районах ведения боевых действий в годы Великой Отечественной войны [13, с. 55]. Результаты деятельности поисковиков освещаются в средствах массовой информации и социальных сетях [например: 37].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

С 1997 г. ВИПЦ в г. Казани проводит огромную работу по сбору, систематизации и составлению списков имен, возвращенных из небытия поисковыми отрядами [11]. Систематизированные сведения о вновь обретенных именах публикуются в многотомном издании «Имена из солдатских медальонов» [18]. Для получения дополнительных данных в этой работе используются информационные ресурсы электронных банков данных ОБД «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа». В дальнейшем обобщенная информация снова размещается на последнем портале, а так же на отдельном сайте ВИПЦ. Таким образом, поисковая работа имеет организованный, структурированный характер [38, с. 182].

Поисковое движение вызывает к жизни новые исследовательские проекты. Так, в Центре физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН осуществляется проект по восстановлению облика павших воинов Великой Отечественной войны с целью дальнейшего опознания их родственниками по сохранившимся в семье фотографиям [10, с. 65–81].

Таким образом, исследование безвозвратных людских потерь и поисковая работа являются явлением национального масштаба, что позволяет называть их настоящей коммеморативной практикой.

Источники и литература

1. *Аравин И.Л.* Мобилизационные людские ресурсы Новосибирской области и их использование в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (по материалам областной Книги Памяти): автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.Л. Аравин. Новосибирск, 2008. 26 с.

2. *Белина К.* Систематизация данных о погибших и пропавших без вести солдат-землеугодников на основе данных Книги Памяти Астраханской области и сайта ОБД «Мемориал» / К. Белина, О. Шершнева, А.И. Янцева // Современное решение психолого-педагогических и социально-экономических проблем образовательной деятельности: материалы межрегиональной научно-практической конференции / науч. ред. Т.В. Воронцова. Астрахань: Прикаспийский НИИ аридного земледелия, 2015. С. 201–220.

3. *Бушуев А.С.* Красноармейцы, погибшие в 1944–1945 гг. и захороненные на кладбище в Сувалках (Польша): св-во о гос. регистрации базы данных № 2024624163 РФ: № 202463857: заявл. 10.09.2024; опублик. 20.09.2024.

4. *Бушуев А.С.* Не дошедшие до Победы. Боевые потери РККА при освобождении Польши в 1944–1945 гг.: просопографический анализ / А.С. Бушуев // Военно-исторический журнал. 2024. № 1. С. 36–43.

5. *Бушуев А.С.* Опыт создания базы данных по боевым потерям Красной армии при освобождении северо-восточных районов Польши в 1944–1945 гг. / А.С. Бушуев // Творческое наследие академика И.Д. Ковальченко: взгляд из XXI в. (к 100-летию со дня рождения ученого). Материалы международной научной конференции VII научные чтения памяти академика И.Д. Ковальченко. СПб.: Алетейя, 2024. С. 273–279. (Труды исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 259. Сер. II: Исторические исследования. Вып. 179).

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

6. Бушуева О.Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. ист. наук / О.Ю. Бушуева. Казань, 2010. 194 с.

7. Ветераны, вы в памяти вечной!: городской округ Отрадный Самарской области: 70 лет Великой Победы / сост.: Г.Т. Гурьянова, И.Г. Верховцева. Похвистнево: б.и., 2015. 167 с.

8. «Во имя павших и живых во имя...». Книга памяти Казанского университета, 1941–1945 / сост. В.Ф. Телишев. Казань: КГУ, 2010. 122 с.

9. Воробьева В.Н. Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по месту службы и гибели / В.Н. Воробьева // Монголоведение. 2021. Т. 13, № 4. С. 713–729.

10. Восстановление облика защитников Ленинграда / Е.В. Веселовская, Ю.В. Рашковская, И.И. Метелкина [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 46. С. 65–83.

11. Всероссийский информационно-поисковый центр: сайт. URL: <https://v-ipc.org> (дата обращения: 16.10.2024).

12. Горбачев М.С. Уроки войны и победы / М.С. Горбачев // Известия. 1990. 9 мая.

13. Грибан И.В. Поисковое движение как инструмент государственной политики по сохранению памяти о Великой Отечественной войне / И.В. Грибан // Память поколений: Великая Отечественная война в образовании, музейном пространстве и социальных практиках: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф. с международным участием, Нижний Тагил, 29 мая 2020 г. / отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил: УГПУ, 2020. С. 54–62.

14. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. М.: Воениздат, 1993. 416 с.

15. Дьячков Г.В. Герои Советского Союза периода Второй мировой войны: социокультурный облик: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г.В. Дьячков. Тамбов, 2008. 25 с.

16. Иванов А.А. Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. в виде науч. доклада на соискание ученой степени д-ра ист. наук / А.А. Иванов. Казань, 2001. 95 с.

17. Иванов А.А. Поиск длиною в 20 лет / А.А. Иванов. URL: <https://kniga.tatarstan.ru/ivanov.htm> (дата обращения: 05.09.2024).

18. Имена из солдатских медальонов. Т. 11 / сост.: А.Ю. Коноплев, Р.Р. Салахияев, М.Ю. Салахияева, Т.Н. Кислицина. Казань: Отечество, 2023. 336 с.

19. Информационная система «Память народа 1941–1945 гг.» URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 19.12.2024).

20. Карташев А.В. Достоинно защищали Родину. Летный состав и выпускники Ворошиловского (Ставропольского) аэроклуба на фронтах Великой Отечественной войны / А.В. Карташев // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 23–29.

21. Катионов О.Н. Источники для выявления боевых потерь сибиряков в период боев на территории Белорусской ССР в 1944 г. / О.Н. Катионов // Актуальные проблемы источниковедения: мат-лы V Международной научно-практ. конф. к 110-

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. С. 318–322.

22. *Катионов О.Н.* Источники, уточняющие информацию об офицерах, погибших в годы Великой Отечественной войны (на примере 179 сд) / О.Н. Катионов, О.Н. Катионова, Р.Е. Волков // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2019. Т. 5. С. 38–44.

23. *Киселева Е.Л.* Судьбы военнопленных Второй мировой войны: круг источников расширен / Е.Л. Киселева // *Отечественные архивы*. 2012. № 1. С. 29–34.

24. *Кобраков Р.Д.* Технология поиска через сеть Интернет в боях с немецко-фашистскими захватчиками солдат Красной армии: на примере работы поисковых отрядов Смоленской области / Р.Д. Кобраков, Р.В. Стрелец // *Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны: проблемы исследования и сохранения исторической памяти: Международная научно-практ. конф.* / науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: ОГПУ, 2018. С. 124–128.

25. *Корсак А.И.* Братские могилы г.п. Боровуха-1: к вопросу об увековечении памяти советских солдат, погибших при освобождении Полоцкого района в июле 1941 г. / А.И. Корсак // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. № 1. С. 9–17.

26. На Сувальском рубеже...: Книга памяти красноармейцев, погибших в 1944–1945 гг. и захороненных в Сувалках, Польша / сост., авт. предисл. и указ. А.С. Бушуев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 400 с.

27. *Насибулина А.Б.* История моего деда, участника Великой Отечественной войны, сельского учителя Хабибуллы Нигматова / А.Б. Насибулина // *Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: историческая память и вызовы современности: сб. ст. I-й Международн. научно-практ. конф.* М.: Изд-во МИСИ – МГСУ, 2024. С. 167–172.

28. *Николаев В.В.* Демографические последствия Великой Отечественной войны для кумандинцев (по материалам Нижнененинского сельсовета) / В.В. Николаев // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2016. Т. 15, № 3: Археология и этнография. С. 157–164.

29. *Нуриева А.Х.* Реконструкция военной истории семьи на основе документов электронных банков данных об участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.Х. Нуриева // *Россия и мир: история и современность: тезисы IV Всероссийской конференции студентов и молодых ученых*. Сургут: Изд-во СГПУ, 2016. С. 53–55.

30. *Огоновская И.С.* Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // *Одна на всех трагедия и одна Победа: Международная научно-практ. конф. к 80-летию начала Великой Отечественной войны*. Оренбург, 28–29 мая 2021 г.: сб. ст. / науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 237–241.

31. *Очир-Горяева В.Н.* Безвозвратные потери участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., призванных из Калмыцкой АССР, по данным Книг Памяти: историко-статистическое исследование: дис. ... канд. ист. наук / В.Н. Очир-Горяева. Элиста, 2024. 192 с.

32. *Очиров У.Б.* Опыт составления базы данных для просопографического портрета безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих, призванных из одного региона (на примере Калмыцкой АССР) / У.Б. Очиров, В.Н. Воробьева // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16, № 1. С. 85–108.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

33. Памяти живые родники (Приютненский район Республики Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / сост. Н.В. Куникина, О.В. Чернышова. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 304 с.

34. *Пахолкова Т.В.* О создании Книги памяти села Гришкино / Т.В. Пахолкова // Великая Отечественная война в современном осмыслении: мат-лы региональной научно-практ. конф. Череповец: ЧГУ, 2015. С. 91–96.

35. *Поздняков А.А.* Семейная «Книга памяти» как структурная единица коллективной памяти о Великой Отечественной войне / А.А. Поздняков, Е.Л. Збе-ровская, О.Е. Кравчук // Великая Отечественная война: пространство исторической памяти и славы: мат-лы краевого молодёжного исследовательского проекта, посвящённого 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Красноярск: Б.и., 2021. С. 245–248.

36. Поисковое движение России: сайт. URL: <https://pf-поиск.pf> (дата обращения: 19.12.2024).

37. Региональное отделение Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» в Самарской области. URL: <https://vk.com/pdr63> (дата обращения: 19.12.2024).

38. *Салахияев Р.Р.* Деятельность поисковых отрядов Татарстана в преумножении положительного общественного имиджа республики / Р.Р. Салахияев // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: сб. ст. научной конф., Казань, 14 апреля 2021 г. Вып. 10. Казань: Ин-т татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ; изд-во АН РТ, 2021. С. 178–183.

39. *Салчинкина А.Р.* Электронные банки данных «Подвиг народа», «Мемориал» и «Память народа» в цифровой среде исторической науки / А.Р. Салчинкина // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год: Мат-лы Юбилейной научно-практ. конф., Краснодар, 6 апреля 2022 г. / отв. за выпуск А.Г. Кошаев. – Краснодар: КГАУ им. И.Т. Трубилина, 2022. С. 629–632.

40. *Сидорчук Е.А.* Обобщенные базы данных и электронные архивы как пример реализации современных электронных технологий в увековечении памяти участников Великой Отечественной войны (на примере защитников Севастополя) / Е.А. Сидорчук // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. М.: Изд-во ГУИ, 2017. С. 113–130.

41. *Скворцова Л.Г.* Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л.Г. Скворцова. Саранск, 2004. 24 с.

42. *Скоморощенко М.Н.* Виртуальная книга памяти работников государственных архивных учреждений Беларуси / М.Н. Скоморощенко // Юстиция Беларуси. 2022. № 6(243).

43. *Суетина Н.М.* Об установлении имен отдельных воинов 357-й стрелковой дивизии, погибших на фронтах Великой Отечественной войны / Н.М. Суетина // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2015. № 3. С. 130–140.

44. *Сумароков Л.И.* Курская страница мужества депутатов Верховного Совета Киргизской ССР в Великой Отечественной войне / Л.И. Сумароков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 1(41). С. 61–65.

45. *Ткаченко С.Н.* Проблема потерь личного состава Красной армии и флота в Керченско-Феодосийской десантной операции и боях на плацдарме (январь 1942 г.) / С.Н. Ткаченко // *Juvenis Scientia*. 2019. № 1. С. 31–35.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

46. *Тумаркин В.И.* Опыт создания публичных электронных банков архивных документов в Министерстве обороны России (ОБД «Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа») / В.И. Тумаркин // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 170–181.

47. *Хаванцева М.А.* Электронные источники информации о родственниках, воевавших в Великую Отечественную войну / М.А. Хаванцева, С.В. Прокопов // Севастополь – Сталинград: одна война, одна история. Севастополь: Рибест, 2018. С. 84–87.

48. *Храмкова Е.Л.* Уроженки Куйбышевской области, погибшие во время освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков в 1943–1944 гг. / Е.Л. Храмкова, М.А. Дмитриева // Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны: проблемы исследования и сохранения исторической памяти: Международн. научно-практ. конф., Оренбург, 30 ноября – 01 декабря 2018 г. / науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: ОГПУ, 2018. С. 243–247.

49. *Хубулова С.А.* К вопросу об информационных возможностях использования Книги Памяти РСО – Алалия / С.А. Хубулова, С.О. Кудзиева // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2023. С. 29–37.

50. *Цветков Н.А.* Боевая работа саперов 9-й штурмовой инженерно-саперной Новгородской бригады на Псковщине / Н.А. Цветков // VIII Псковские международные краеведческие чтения. Псков: Изд-во ПГУ, 2018. С. 79–86.

51. *Цуканов И.П.* Сохранение памяти о событиях Второй мировой войны: региональный аспект / И.П. Цуканов // История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти: сб. науч. ст. участников Международн. научно-практ. конф., посвященной 75-летию победы в Курской битве / гл. ред. В.В. Коровин. Курск: Университетская книга, 2018. С. 367–370.

52. *Щекотилов В.Г.* Использование географических информационных систем и баз данных в исследованиях по установлению места службы и гибели без вести пропавших воинов / В.Г. Щекотилов, В.Г. Шалаева, С.Н. Щекотилова // Историческая информатика. 2018. № 3. С. 123–145.

53. *Эшматова Г.Б.* История оценок людских потерь в Великой Отечественной войне / Э.Б. Эшматова // Горный Алтай и горно-алтайцы в годы Великой Отечественной войны: мат-лы круглого стола, посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Горно-Алтайск, 3 ноября 2020 г. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2020. С. 70–85.

Игошина Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Медицинский университет «РЕАВИЗ», Россия, г. Самара, igoshina_olga@inbox.ru

Igoshina Olga Yu., Candidate of Sciences (History), Docent, Associate Professor at the Department of Humanities, Medical university “REAVIZ”, Russia, Samara, igoshina_olga@inbox.ru

УДК [355.72(091)"1941/45"+718](470.41)

Р.Р. Салахиев

**УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ ВОИНОВ, УМЕРШИХ
В ЭВАКУАЦИОННЫХ ГОСПИТАЛЯХ
В ТАТАРСТАНЕ В 1941–1945 гг.**

Аннотация. В статье приводится описание работ, проводимых в Республике Татарстан по увековечению на мемориальных объектах памяти воинов, умерших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в эвакуационных госпиталях на территории республики. С 1994 г. подготовка данных об умерших воинах для увековечения осуществляется специалистами Региональной общественной молодежной организации «Объединение «Отечество» Республики Татарстан (РОМО «Объединение «Отечество» РТ) на основе постоянного исследования архивных документов. В работе анализируются организационные, материально-технические, этические аспекты, связанные с уточнением сведений, корректировкой неточностей и изготовлением новых мемориальных знаков. Работа по увековечению памяти воинов выполняется во взаимодействии с органами республиканской и местной власти, администрациями кладбищ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуационный госпиталь, воинское захоронение, поисковое движение, увековечение, Республика Татарстан, Казань, РОМО «Объединение «Отечество» РТ.

R.R. Salakhiev

**COMMEMORATION OF SOLDIERS WHO DIED IN EVACUATION
HOSPITALS IN TATARSTAN IN 1941–1945**

Abstract. The article provides a description of the activities carried out in the Republic of Tatarstan to commemorate soldiers who died during the Great Patriotic War of 1941–1945 in evacuation hospitals located on the territory of the republic. Since 1994, the preparation of data on deceased soldiers for commemoration has been conducted by specialists from the Regional public youth organization «Ob'edinenie "Otechestvo"» of the Republic of Tatarstan (ROMO «Ob'edinenie "Otechestvo"» RT) based on ongoing research of archival documents. The work examines organizational, logistical, and ethical aspects related to the clarification of information, correction of inaccuracies, and production of new memorial signs. The commemoration of soldiers is carried out in collaboration with republican and local authorities, as well as cemetery administrations.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation hospital, military burial, search movement, commemoration, Republic of Tatarstan, Kazan, ROMO «Ob'edinenie "Otechestvo"» RT.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

«Уважительное отношение к памяти погибших при защите Отечества или его интересов является священным долгом всех граждан», – говорится в преамбуле Закона Российской Федерации от 14 января 1993 № 4292-1 (ред. от 13 июня 2023 г.) «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». Одним из проявлений уважительного отношения к памяти погибших является сохранение воинских захоронений, установка мемориальных объектов. Несмотря на свою очевидность и бесспорность, данная задача обладает множеством особенностей, обусловленных различными факторами, связанными со значительным числом мест захоронения и количеством погребенных на них воинов, недостаточно документированным (слабо информативным) учетом воинских захоронений непосредственно после завершения военных действий, а также длительным временным интервалом, прошедшим со времени окончания войны. В данной статье аспекты установки мемориальных объектов на воинских захоронениях рассматриваются в части выявления наиболее полной достоверной информации о каждом военнослужащем и обеспечения ее фиксации на памятниках и мемориальных плитах. Хронологические рамки дат смерти похороненных на территории Татарстана военнослужащих охватывают 1941–1947 гг.

Целью настоящего исследования является систематизация и анализ практического опыта взаимодействия между общественными организациями и государственными учреждениями, направленного на обеспечение достоверности и точности информации, размещаемой на мемориальных объектах, посвящённых захоронениям военнослужащих.

Возникновение воинских захоронений в Татарстане связано с дислокацией на территории республики в годы Великой Отечественной войны эвакуационных госпиталей. В период максимального развертывания госпиталей на территории Татарской АССР работали 53 госпиталя с 35 669 койко-местами [10, л. 1], из них 41 госпиталь размещался в Казани, 12 – в районах республики. Примерное количество умерших в эвакогоспиталях воинов Красной армии можно оценить по отчётам Местного эвакуационного пункта № 48: так, в отчёте за 4 года войны говорится о 3 892 умерших [11, л. 10].

В настоящее время в Татарстане имеются 68 воинских захоронений периода Великой Отечественной войны в 27 муниципальных образованиях, включая могилы воинов-татарстанцев, чьи останки были найдены в послевоенные годы в ходе поисковых работ на местах боев и похоронены на родине в Татарстане. Алфавитный список умерших в госпиталях, погибших при исполнении воинского долга в годы Великой Отечественной войны и похороненных на территории Республики Татарстан, содержит сведения о 6 044 воинах [6, с. 2].

В годы Великой Отечественной войны на могилах умерших военнослужащих, как правило, устанавливались деревянные столбики или пирамидки с обозначением номера могилы, фамилии, инициалов умершего и даты смерти [9, л. 440–440об.]. Эти недолговечные надмогильные знаки и первичная информация на них до наших дней не сохранились.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Позже, вероятно в 1960-е гг., вместо них были установлены кирпичные надгробия с цветниками и жестяные таблички на них с нанесенными краской текстами. И материал табличек, и надписи краской недолговечны, поэтому в последующие годы, при обновлении обветшавших надписей, из-за их плохой читаемости, вносились ошибки, которые переносились затем и в официальные документы (списки в военкоматах и в учетные карточки воинских захоронений). Фотографии ряда таких надмогильных сооружений имеются в хранящихся в Вахитовском РВК г. Казани отдельных паспортах (учетных карточках) воинских захоронений.

В 1995 г. на самых крупных воинских захоронениях – на Арском и Архангельском кладбищах Казани кирпичные надмогильные сооружения были заменены на тумбы из цемента и мраморной крошки. Подготовку сведений для нанесения на новые таблички впервые выполнили поисковики РОМО «Объединение «Отечество» РТ, ими была проведена масштабная архивно-исследовательская работа [7]. На то время это были наиболее полные сведения о каждом умершем в Татарстане военном служащем, однако ограниченность материально-технических ресурсов и небольшая площадь мемориальной таблички позволили нанести на плиты только воинское звание, фамилию, инициалы и годы жизни похороненных. В 1995 г. поисковики не принимали непосредственного участия в процессе расстановки новых тумб на свои места, после окончания работ выявились небольшие отклонения от ранее составленной схемы. Совместно с работниками кладбищ смещенные тумбы затем были возвращены на зафиксированные до замены места. Важно было сохранить исходное расположение тумб, выполняющих функцию обозначения воинских могил, в том виде, в каком они были до замены, чтобы в будущем оно уже не искажалось.

Еще в 2012 г. начальник Управления по организации ритуальных услуг Исполнительного комитета г. Казани М.А. Ишкин на совещании в администрации города отметил, что большинство этих тумб на воинских захоронениях уже обветшало [4]. Но из-за необходимости значительных материальных средств, замена тумб на памятники из природного камня была отложена на многие годы. Все эти годы удается поддерживать должный вид мемориальных объектов локальными ремонтными работами, ежегодным обновлением краски надписей. Для сохранения должного внешнего вида мраморных тумб на центральном участке Арского кладбища они были установлены на бетонные ленточные основания. В 2015 г. по инициативе поисковиков РОМО «Объединение «Отечество» РТ на все мемориальные объекты на воинских захоронениях республики были прикреплены знаки с номером могилы и надписью «Охраняется государством».

В 2019 г. в Российской Федерации была разработана и утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 августа 2019 г. № 1036 Федеральная целевая программа «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 гг.» [8]. В рамках этой Программы в 2022 г. на Арском кладбище Казани были заменены на гранитные 312 над-

гробий воинских могил. Списки для увековечения на новых надгробиях были подготовлены специалистами РОМО «Объединение «Отечество» РТ и действующего в Казани Всероссийского информационно-поискового центра. В этом случае также была проведена большая архивно-исследовательская работа по уточнению сведений. В отличие от процесса замены надгробий в 1995 г., в 2022 г. специалисты РОМО «Объединение «Отечество» РТ на всех этапах работы были вовлечены в совместную работу с республиканскими ведомствами, напрямую работали с исполнителем, начиная с эскизов оформления надмогильных памятников и объема информации о погибшем, до учета последних уточнений в данных.

Одним из важных аспектов, возникающих в процессе замены памятных знаков и уточнения надписей на надгробиях воинских захоронений, является отсутствие подтверждающих архивных документов на некоторые фамилии. Но эти записи на основании каких-то данных давно попали на плиты, и простое их исключение может привести к этической конфликтной ситуации с родственниками воина, посещающими это захоронение. Например, в 2015 г. при замене мемориальной плиты на воинском захоронении на Татарском кладбище г. Агрыз из ранее имевшегося списка были исключены фамилии, на которых в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, в Архиве военно-медицинских документов, в списках умерших в эвакогоспитале № 2785 в г. Агрызе, в архиве управления ЗАГС РТ не были найдены подтверждающие записи. Но это стало неожиданностью для родственников Возмищева Геннадия Алексеевича. Оказалось, что Г.А. Возмищев 1925 г.р. был призван Кезским РВК Удмуртской АССР 19 октября 1943 г., признан годным к нестроевой службе [2], направлен для работы в промышленности [3] и служил на Центральной военной базе № 67 в г. Агрызе. 6 августа 1944 г. красноармеец Возмищев умер в железнодорожной больнице Агрыза и был похоронен на местном кладбище. Видимо, из-за смерти не в госпитале, а в больнице, он не попал в списки умерших по линии военного ведомства, в военные архивы. Необходимое извещение было найдено в архиве Кезского РВК Удмуртской Республики, сведения о Г.А. Возмищеве были добавлены на мемориальную плиту.

Такая непростая ситуация может возникнуть и при попытке удалить с кладбищ дублирующие друг друга надмогильные знаки. На кладбищах Казани есть ряд таких тумб с одинаковыми фамилиями, расположенных на разных участках кладбища, иногда даже на разных кладбищах города. Вероятно, такое положение сложилось давно при массовой замене надгробий, какие-то части списков оказались нанесенными на плиты повторно. Логично было бы убрать повторяющиеся тумбы, оставить только одну, но тут возникает такой этический момент как эмоциональная известность места расположения именно этой конкретной воинской могилы родственникам похороненных и гражданам, посещающим соседние родственные могилы. Исчезновение воинского памятного знака вызвало бы отрицательную общественную реакцию. Хотя, по существу, на другом участке кладбища находится

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

аналогичное захоронение, можно предположить, что для каждого человека, посещающего кладбище, эмоционально близким является именно то место, к которому он привык годами, которое считает верным. Поэтому в таких случаях правильным является сохранение всех имеющихся мемориальных знаков. Увековечение имен военнослужащих в нескольких местах является распространенной проблемой, что подчеркивают, в частности, поисковики Вологодской области, также занимающиеся уточнением и систематизацией сведений о воинах, захороненных на территории региона [5, с. 6].

Поспешность и недостаточная тщательность в изучении архивных материалов приводят к возникновению других ошибок, в частности, к ошибочному отнесению памятников, установленных в честь погибших земляков, к категории захоронений умерших военнослужащих. Например, в 2011 г. при очередном плановом обновлении учетных карточек воинских захоронений военным комиссариатом Московского и Кировского районов Казани такие памятники в поселках Залесный и Красная Горка были отнесены к воинским захоронениям. Недавний пример: в «Акте государственной историко-культурной экспертизы объекта Р.Ц.КУКМОР» от 6 декабря 2024 г. [1] также допущена принципиальная ошибка: мемориалу «Вечная слава павшим за свободу Родины» в г. Кукмор присвоен статус «Братская могила павших в Великой Отечественной войне».

Многолетний опыт поисковиков Татарстана в работе по поиску и уточнению сведений о воинах, умерших в годы Великой Отечественной войны и похороненных на территории республики, показывает, что подготовку данных для увековечения на воинских кладбищах невозможно выполнить только в рамках краткосрочных проектов как установление мемориальных знаков. Подобная работа может быть выполнена исключительно специалистами, обладающими значительным опытом систематизации архивных документов по воинским захоронениям и требует времени на исследование архивных документов. Анализ аналогичных проектов, реализованных в различных регионах Российской Федерации (таких как Вологодская, Ленинградская, Курская, Новгородская области), тоже демонстрирует, что на современном этапе подобные задачи под силу лишь представителям поискового движения, которые обладают глубокой заинтересованностью в достижении достоверных и точных данных о похороненных в своих регионах воинах.

Источники и литература

1. Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Братская могила павших в Великой Отечественной войне», XX в. (Республика Татарстан, Кукморский район, р.ц. Кукмор) в целях обоснования целесообразности включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации / эксперт: А.Ф. Мартынов; 03.09.2024–06.12.2024 (госконтракт от 03.09.2024 № 66/2024). URL: https://okn.tatarstan.ru/file/pub/pub_4399485.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

2. Возмищев Геннадий Алексеевич // Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1168120574> (дата обращения: 10.09.2024).

3. Возмищев Геннадий Алексеевич // Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1167951345> (дата обращения: 10.09.2024).

4. Доклад начальника Управления по организации ритуальных услуг Ишкина М.А. на аппаратном совещании 26 марта 2012 г. «О содержании мест захоронения в г. Казани». URL: <https://uchebana5.ru/cont/2895847.html> (дата обращения: 10.09.2024).

5. Дьяков А.И. Застывшие в граните. Реестр воинских захоронений периода Великой Отечественной войны на территории Вологодской области / А.И. Дьяков, Ю.В. Щёктова. Вологда: Арника, 2018. 488 с.

6. Коноплев А.Ю. Реестр воинских захоронений периода Великой Отечественной войны на территории Республики Татарстан / А.Ю. Коноплев, М.Ю. Салахиева, Р.Р. Салахиев. Казань: Отечество, 2015. 592 с.

7. Салахиев Р.Р. Формы и методы поиска сведений о военнослужащих, похороненных в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Республики Татарстан) / Р.Р. Салахиев, М.Ю. Салахиева // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сб. статей / отв. ред. А.Ш. Кабиров. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 659–668.

8. Федеральная целевая программа «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 годы» // Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://stat.mil.ru/commemoration/memorial/federalprogramm.htm> (дата обращения: 10.09.2024).

9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 135. Оп. 12767. Д. 254.

10. ЦАМО РФ. Ф. 157. Оп. 12788. Д. 15.

11. ЦАМО РФ. Ф. 157. Оп. 12788. Д. 90.

Салахиев Рафик Рашитович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань, rafikrs@mail.ru

Salakhiev Rafik R., Candidate of Sciences (Engineering), Leading Researcher, M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan, rafikrs@mail.ru

УДК [930+355.292.3](470.54)

Р.Л. Исхаков

ХАТЕР КИТАБЫ: КНИГА ВСЕНАРОДНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. В статье излагается опыт издания Всероссийской книги памяти в 1993–1995 гг. Сделана выборка по участникам Великой Отечественной войны – жителям Свердловской области. Показаны первые результаты издания Книги все-народной памяти в регионе.

Ключевые слова: Книга всенародной памяти, Свердловская область, военно-историческая антропология, биография.

R.L. Iskhakov

KNATER KITAB: THE BOOK OF NATIONAL MEMORY

Abstract. The article describes the experience of publishing the All-Russian Book of Memory in 1993–1995. A sample was made on participants of the Great Patriotic War – residents of the Sverdlovsk region. The first results of the publication of the Book of National Memory in the region are shown.

Keywords: The Book of National Memory, Sverdlovsk region, military historical anthropology, biographic.

Тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. продолжает оставаться актуальной и значимой в общественном дискурсе. С 1941 по 1945 гг. 376 тыс. свердловчан ушли на фронт (из них более 100 тыс. фронтовиков – из областного центра). Из них каждый третий не вернулся домой. На территории региона были сформированы и участвовали в войне 26 воинских подразделений – от сапёрных батальонов и полков связи до корпусов и дивизий – 112-я, 153-я, 170-я и 174-я уральские стрелковые дивизии. Из них 153-я и 174-я стали гвардейскими. С честью стояли за Родину свердловчане, которые воевали в частях 167-й стрелковой Сумско-Киевской дважды Краснознаменной дивизии. Не померкнет слава 363-й стрелковой дивизии, переименованной за боевые заслуги во 2-й гвардейский механизированный Николаевско-Будапештский Краснознаменный ордена Суворова корпус; 365-й стрелковой и 375-й стрелковой Харьковско-Бухарестской Краснознаменной дивизий. Подлинное мужество и отвагу проявили бойцы и офицеры легендарного Уральско-Львовского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова добровольческого танкового корпуса.

Президент Российской Федерации 23 апреля 2003 г. утвердил Перечень поручений по вопросам организации военно-мемориальной работы в Российской Федерации №пр-698 [21] и 22 января 2006 г. принял Указ № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» [29].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Важной предпосылкой для более глубокого и объективного изучения истории минувшей войны в 1990-х гг. стало постепенное рассекречивание архивных материалов. Это показал опыт издания в 1993–1995 гг. Всероссийской Книги Памяти – грандиозного печатного памятника, который увековечил поименно всех, кто отдал жизнь, защищая Отечество. Это уникальное издание объединяет более 900 томов республиканских, краевых, областных городов, Москвы и Санкт-Петербурга поименных Книг Памяти. В имевшиеся на начальном этапе списки было внесено еще около миллиона фамилий, установлены судьбы более 400 тыс. без вести пропавших. Выявлено также, что около 35 тыс. россиян, считавшихся погибшими, к счастью, оказались живы [1, с. 320–321].

Нами в ходе включенного наблюдения в 1992–1994 гг. во время работы в Среднеуральском книжном издательстве (г. Свердловск) была сделана сплошная выборка из Книги памяти Свердловской области. В мартиролог Книги Памяти внесены имена 7 240 солдат и офицеров татарского происхождения.

В Свердловской области проживают представители 164 народов. Татары – коренной народ Урала, согласно переписи населения, в Свердловской области занимают вторую строчку после русских. Кроме того, много семей с татарскими корнями, смешанных браков. Нами изучены хранящиеся в Центре документации общественных организаций Свердловской области документы, показывающие участие уральцев в Великой Отечественной войне, – в фондах Уральского истпарта (ф. 41), Нижнетегитльского истпарта (ф. 128), Уральской комиссии Академии наук СССР по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (ф. 520). В Государственном архиве административных органов Свердловской области находятся на постоянном хранении документы военных комиссариатов Среднего Урала [3, с. 54–64]. Только в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны 13 татар были отмечены званием Героя Советского Союза.

Поддерживая Указ Президента РФ о подготовке к празднованию 80-летия Великой победы, екатеринбургское издательство «ИнфоУрал» выступило с идеей создания Книги Всенародной Памяти татарских героев – «Хатер Китабы». Проект «Хатер Китабы» содержательно воплощает идеи «Бесмертного полка», движения «Свеча Памяти», «У Победы наши лица» и др., выполняет нравственные, мемориальные и патриотические задачи. Общие принципы массового мемориального проекта «Книга Всенародной Памяти» изложены на сайте <https://я-память.рф/>. За прошедшие 5 лет в Свердловской области удалось издать 9 полноформатных фолиантов в Алапаевском, Верхнетурунском, Верхотурском, Верх-Нейвинском, Волчанском, Ивдельском, Нижнетурунском, Новолялинском, Кушвинском городском округах, Байкаловском муниципальном районе. Три муниципальных команды, в том числе г. Екатеринбурга, приступив к проекту сравнительно поздно, скомплектовали собранные памятные материалы «Книги Всенародной Памяти» только на электронных страницах в Интернете.

«Нельзя научиться любить живых, если не умеешь хранить память о мертвых» – эти слова маршала К.К. Рокоссовского открывают каждый том книги «Память: Свердловская область». Составители книги решили вспомнить всех поименно.

Жителю г. Североуральска Хасану Заманову за героизм, проявленный при форсировании Днепра, присвоено звание Героя Советского Союза [30]. Рядовой Хасан Заманов служил стрелком в 465-м стрелковом полку 167-й стрелковой дивизии. Со своим батальоном форсировал Днепр 25 сентября 1943 г. севернее Киева, в течение месяца участвовал в ожесточенных боях по удержанию и расширению занятого плацдарма. В бою за пригород Киева Пуща-Водица был тяжело ранен. В конце войны, получив шестое ранение, Заманов был демобилизован.

При жизни, а умер он в 1956 г., так и не узнал о присвоении ему 10 января 1944 г. звания Героя. В архивах Министерства обороны СССР офицер Северного флота К.П. Прохатский нашел грамоту Героя Советского Союза на имя Хасана Саманова, которая не была вручена ни солдату, ни его родственникам. Судьба героя заинтересовала морского офицера. Были посланы запросы по разным адресам: в Казань [2, с. 194–197; 23, с. 83–114], Ижевск [19, с. 35–37; 20, с. 48–49; 26, с. 5–6; 28], Свердловск. Выяснилось, что в Указе об этом была искажена фамилия солдата¹. Именно поэтому грамота героя дошла до родных Хасана Заманова только в 1968 г. Награда вручена дочери Героя. В Североуральске на ул. Чайковского в честь Хасана Заманова возведен памятник.

Война затронула каждую семью. Как верстовые столбы военных дорог стоят пирамидки на солдатских могилах. В первые дни войны погиб в Брестской крепости Нурмухамат Ярмиев, призванный Красноуфимским РВК. 7 ноября 1941 г. – в день известного парада – под Москвой погиб рядовой Ахмат Насибулин, призванный на Великую Отечественную войну Нижнесергинским РВК. На Мамаевом кургане в Сталинграде 16 сентября 1942 г. погиб призванный на Великую Отечественную войну Нижнесергинским РВК сержант Х. Конзафаров.

На Пискаревском кладбище в г. Санкт-Петербурге захоронены умершие от ран Халиулла Насыбулин, призванный Первоуральским ГВК, Фархутдин Тинишев (Ревдинский ГВК), Ахунд Даярович Ахмеров (Серовский ГВК), Закир Галиевич Галиев (Сухоложский РВК), Фаат Шайдулович Кучев (Алапаевск), а также 20-летний рядовой Искандер Ибатулин, призванный на Великую Отечественную войну Ленинским РВК г. Свердловска (ныне – Екатеринбург).

В один день, 7 января 1942 г. погибли Айса и Рафик Аракаевы из Нижнесергинского района: общей для них и стала могила в д. Крупцово Ржевского района Калининской обл. В один день 21 июля 1943 г. погибли Аб-

¹ В Указе о награждении званием Героя Советского Союза указан как Саманов Хасан.

дулла и Гуам Валиулины, призванные Серовским ГВК. Оба захоронены в с. Городище Курской обл.

Четыре дня не дожидаясь Победы Минзе-Бой Валеев, призванный на Великую Отечественную войну Первоуральским ГВК. Он умер от ран в г. Эссен. В последние дни войны 30 апреля 1945 г. пал смертью храбрых в боях за независимость нашей Родины у села Хольва в Германии 46-летний рядовой Килимзян Сафин, призванный на Великую Отечественную войну Алапаевским РВК в том же 1945 г. В последний день 1945 г. умер от ран ефрейтор Борис Исмангулов, призванный на Великую Отечественную войну Артинским РВК.

22 февраля 1945 г., в канун Дня рождения Рабоче-крестьянской Красной армии умер от ран сержант Шариф Сафаров. Через два месяца придет Победа. Свердловск провожал его на фронт. Он был призван на Великую Отечественную войну Ленинским РВК г. Свердловска. Свердловск принял его раненого. Эвакогоспиталь № 3861 размещался в железнодорожной поликлинике по ул. Гражданской в Октябрьском поселке Свердловска.

В свердловской земле упокоилась душа бойца. Он захоронен на Ширококореченском кладбище г. Свердловска. Здесь же захоронены и умершие от ран рядовой Шаганбай Азимов, Ахмед Алимов, Шаршель Айтбазунов, призванные на Великую Отечественную войну Верх-Исетским РВК г. Свердловска. Захоронен на Ширококореченском кладбище Изятулла Ибатуллин (Артемовским РВК).

На Михайловском кладбище г. Свердловска захоронен умерший от ран в эвакогоспитале № 1707 (сейчас в этом здании размещен Институт естественных наук и математики Уральского федерального университета) рядовой Бутай Ишанов.

С середины 1990-х гг. стало оформляться новое для отечественной историографии научное направление – военно-историческая антропология [25, с. 135–145; 26, с. 5–6; 27; 28].

В проекте «Хатер китабы» каждая семья найдет своего героя. Примером этого может послужить накопленный нами опыт. В подготовленном нами биобиблиографическом справочнике приведены сведения об участии более 360 журналистов Свердловской области в Великой Отечественной войне [5]. Активное обращение к военно-антропологическому подходу представляет собой, на наш взгляд, запоздалое обращение к исследовательским лакунам. Еще в 1946 г., Илья Эренбург опубликовал в журнале «Новый мир» открытое письмо, в котором призвал составить сборники воспоминаний хотя бы о тех военных журналистах, которые отдали свою жизнь, выполняя служебный и гражданский долг [34, с. 10–11].

В выпуске военных изданий в действующей армии было занято более 10 тыс. чел. [31] Известно, что 1,5 тыс. сотрудников не дожили до Победы. В редакциях военных газет РККА служили свыше 4,5 тыс. военных журналистов [32], 280 писателей [33]. Есть и другие цифры. Редактор журнала «Новый мир», писатель и военный журналист К.М. Симонов в апреле

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

1955 г. сообщал в ЦК КПСС, что Союз советских писателей имел в своем составе свыше 700 писателей-фронтовиков [24].

В наших книгах [6; 14; 15] и 11 статьях, опубликованных во втором десятилетии XXI в. в Астрахани [4, с. 44–49], Донецке [16, с. 117–120], Екатеринбурге [8, с. 32–39], Йошкар-Оле [9, с. 156–168; 17, с. 154–166; 10, с. 50–66; 12, с. 296–315], Санкт-Петербурге [7, с. 72–80], Уфе [11, с. 157–168; 13, с. 83–93], Чите [18, с. 119–123] проанализирована широкая эмпирическая база.

Достойное место в колоннах «Бессмертного полка» Свердловской области занимают более 350 журналистов. Нас интересует превращение гражданских журналистов Урала в сотрудников военных газет и журналов, их боевой путь и жизненные коллизии.

Антропологический поворот актуально востребовал биографику – прикладную междисциплинарную науку, интегрально включающую решение проблем, связанных с историографическими, источниковедческими, теоретическими и методическими аспектами изучения и формирования биографии личностей [22].

Свердловские журналисты принимали активное участие на всех этапах величайшего сражения века. В 2023 г. исполнилось 80 лет снятия блокады Ленинграда, Сталинградской и Курской битвам, в которых принимали участие и уральцы. В обороне и снятии блокады Ленинграда участвовали Б.Л. Крупаткин, Н.Н. Мыльников, И.Л. Обертас, К.Ф. Реут, И. Старцев, В.А. Стариков, С.П. Сысков, Н.А. Тарасов, В.Н. Фоминых, З.А. Янтовский. Участвовали в Сталинградской битве В.Л. Занадворов, В.Я. Ильичев, С.А. Тельканов, Г.А. Харитонов, П.В. Яблонских. В Курской битве в составе подразделений Уральского добровольческого танкового корпуса участвовали С.Г. Александров, Я.Л. Маркулан, И.И. Павлова, Б.С. Рябинин, С.Н. Самсонов, С.А. Тельканов, В.М. Щептев.

Предстоит еще кропотливая поисковая работа...

Источники и литература

1. Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 2005. 335 с.
2. Герои Советского Союза – наши земляки / сост. З.И. Гильманов, А.К. Айнутдинов. Кн. 1. Казань: Татар. кн. изд-во, 1982. 214 с.
3. *Демаков И.Н.* Использование фондов военных комиссариатов Свердловской области, хранящихся в ГКУСО «ГАОСО» в целях информационного обеспечения потребностей общества / И.Н. Демаков // Помним. Чтим. Храним: сохранение документов военных комиссариатов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. как источников исторической памяти и культурного наследия: материалы I Оренбургской историко-архивной конференции им. А.В. Попова (со всерос. участием) / отв. сост. К.Ю. Попова. Оренбург: ОГАОО, 2023. С. 54–64.
4. *Исхаков Р.Л.* Антропологический поворот военного дискурса / Р.Л. Исхаков // Астраханские Петровские чтения: материалы VIII Международной научной кон-

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

ференции «Военный дискурс в исторической науке современной России» (г. Астрахань, 10–11 ноября 2023 г.) / отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, И.В. Торопицын, А.В. Олейников, А.О. Тюрин. Астрахань: Изд.: Сорокин Роман Васильевич, 2024. С. 44–49.

5. *Исхаков Р.Л.* Бессмертный полк: свердловские журналисты на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: биобиблиографический справочник / Р.Л. Исхаков; науч. ред. К.Д. Бугров, В.И. Шерпаев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025. 418 с.

6. *Исхаков Р.Л.* Выпускники Уральской школы журналистики / Р.Л. Исхаков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 166 с.

7. *Исхаков Р.Л.* Гвардейского сердца частица хранится в газетных строках: газеты гвардейских частей и соединений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Р.Л. Исхаков // Военная история России: материалы XIV Международной военно-исторической конференции (Санкт-Петербург, 18 ноября 2021 г.): сб. науч. статей / под ред. М.А. Королевой и др. СПб.: СПб ГБУ «Дзержинец», 2021. С. 72–80.

8. *Исхаков Р.Л.* Годы, отлитые в строки (советская военная печать периода Великой Отечественной войны) / Р.Л. Исхаков // Сынъ Отечества–XXI (Екатеринбург). 2005, № 1. С. 32–39.

9. *Исхаков Р.Л.* Дивизионная печать в механизме партийно-политической работы в годы Великой Отечественной войны / Р.Л. Исхаков // Регионы России в военной истории страны: сб. мат. межрегиональной научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2019 г.) / ред.-сост. О.А. Кошкина, Е.П. Кузьмин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2020. С. 156–168.

10. *Исхаков Р.Л.* «Забытый полк» военных журналистов: дорога из забвения / Р.Л. Исхаков // Регионы России в военной истории страны. Вып. III: сб. материалов III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Йошкар-Ола, 17–18 ноября 2021 г.) / ред.-сост. О.А. Кошкина, Е.П. Кузьмин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2022. С. 50–66.

11. *Исхаков Р.Л.* «К штыку приравнять перо...»: боевой путь газеты «Башкорт атлылар» / Р.Л. Исхаков // Медиапространство Российской Федерации: глобальный и национальный аспекты: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Уфа, 18 ноября 2020 г./ отв. ред. Р.Д. Мустафина. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 157–168.

12. *Исхаков Р.Л.* Оружие, которое бьет без промаха: сатира и юмор на войне / Р.Л. Исхаков // Регионы России в военной истории страны. Вып. VI: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 13–14 ноября 2024 г./ ред.-сост. О.А. Кошкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. С. 296–315.

13. *Исхаков Р.Л.* Победа, отлитая в строки: военные журналисты в боевом строю / Р.Л. Исхаков // Сборник материалов XX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 20-летию Башкирского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов (г. Уфа, 15 окт. 2020 г.). Уфа, 2020. С. 83–93.

14. *Исхаков Р.Л.* Прикосновение к харизме / Р.Л. Исхаков, М.В. Ситникова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 196 с.

15. *Исхаков Р.Л.* Рядовой армии «районщиков» / Р.Л. Исхаков. Екатеринбург: б.и., 2024. 238 с.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

16. *Исхаков Р.Л.* «С лейкой и блокнотом». Повседневность войны – газетной строкой / Р.Л. Исхаков // Известия военного образования Донецкой Народной Республики: сборник материалов международной научно-практической конференции «Философия на линии фронта – 2021: Феномен войны в новейшее время» / под общ. ред. М.Г. Тихонова. Донецк: ДОН ВОКУ, 2021. С. 117–120.

17. *Исхаков Р.Л.* Свердловские журналисты на фронтах Великой Отечественной войны / Р.Л. Исхаков // Регионы России в военной истории страны. Вып. V: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 15–16 ноября 2023 г. / ред.-сост. О.А. Кошкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 154–166.

18. *Исхаков Р.Л.* Слово тоже оружие: военные газеты в боях на Дальнем Востоке / Р.Л. Исхаков, С.С. Козьмин // Забайкалье в отечественной военной истории: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной присвоению г. Чите почетного звания РФ «Город трудовой доблести» / отв. ред. Е.В. Дроботушенко, Ю.Н. Ланцова. Чита: ЗабГУ, 2022. С. 119–123.

19. *Кулёмин И.Г.* Героев наших имена / И.Г. Кулёмин. 2-е изд. Ижевск: Удмуртия, 1975. 212 с.

20. *Кулёмин И.Г.* Герои Советского Союза – наши земляки / И.Г. Кулёмин, Л.Ф. Сентимова, Р.А. Ислентьева. Устинов: Удмуртия, 1985. 210 с.

21. Перечень поручений по увековечению памяти погибших при защите Отечества. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/copy/59760>

22. *Петровская И.Ф.* Биографика: введение в науку и обзорные источники биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов / И.Ф. Петровская. СПб.: Logos, 2003. 490 с.

23. *Ракипов Ш.З.* Хранить вечно / Ш.З. Ракипов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 272 с.

24. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30. Д. 92. Л. 56–61.

25. *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки / Е.С. Сенявская // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.

26. *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки / Е.С. Сенявская // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 5–6.

27. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

28. *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки / Е.С. Сенявская. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 209 с.

29. Указ Президента Российской Федерации от 22 января 2006 г. № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества»: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23367> (дата обращения: 12.12.2024).

30. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза генералам, офицерскому, сержантскому и рядовому составу Красной Армии» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 19 января (№ 3(263)). С. 1.

31. *Устюжанин В.* Низкий вам поклон, ветераны / В. Устюжанин // Московский комсомолец. 2010. 30 апреля.

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

32. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 32. Оп. 11296. Д. 670.

33. Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 213.

34. *Эренбург И.* Письмо в редакцию / И. Эренбург // Новый мир. 1946. № 10-11. С. 239.

Исхаков Рафаиль Лутфулович, кандидат филологических наук, доцент, доцент Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург, rafa-iskhakov@yandex.ru

Iskhakov Rafail L., Candidate of Sciences (Philology), Docent, Associate Professor at the Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russia, Yekaterinburg, rafa-iskhakov@yandex.ru

УДК 791.229(470.62)

Т.И. Юрина

**НОВОРОССИЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ 1942–1943 гг.
В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ФИЛЬМАХ**

Аннотация. Новороссийское противостояние 1942–1943 гг. относится к тем событиям Великой Отечественной войны, которое в представлениях наших современников чаще всего распадается на отдельные эпизоды разной длительности. Это вполне объяснимо той степенью внимания, которое уделялось в поздний советский период подвигу защитников Малой земли, семь месяцев оборонявшейся на южной окраине приморского города-порта вплоть до полного его освобождения (4 февраля – 16 сентября 1943 г.). Однако ничуть не менее значимым в истории битвы за Кавказ является первый период противостояния, ибо в ходе Новороссийской оборонительной операции (19 августа – 26 сентября 1942 г.) враг был остановлен в городской черте, на восточном берегу Цемесской бухты, и воспользоваться новороссийским портом вермахту не удалось. Общая длительность Новороссийского противостояния составляет 393 дня. Об этих событиях сложно говорить несколькими фразами, а популяризация знаний о них требует особо тщательного подхода. Существующие в Новороссийске уникальные традиции преломляются в различных формах исторической памяти и мемориальной культуре. Особую роль при этом все больше играет авторское документальное кино.

Ключевые слова: Новороссийское противостояние 1942–1943 гг., битва за Кавказ, документальное кино.

THE NOVOROSIYSK WITHSTAND OF 1942–1943 IN POPULAR SCIENCE HISTORICAL FILMS

Abstract. The Novorossiisk withstand of 1942–1943 refers to those events of the Great Patriotic War, which in the representations of our contemporaries most often breaks up into separate episodes of different duration. This is quite understandable by the degree of attention that was paid in the late Soviet period to the feat of the defenders of Malaya Zemlya, who defended for seven months on the southern outskirts of the seaside port city until its complete liberation (February 4 – September 16, 1943). However, the first period of confrontation is no less significant in the history of the battle for the Caucasus, because during the Novorossiysk defensive operation (August 19 – September 26, 1942), the enemy was stopped in the city limits, on the eastern shore of Tsemesskaya bay, and the Wehrmacht failed to use the Novorossiysk port. The total duration of the Novorossiysk withstand is 393 days. It is difficult to talk about these events in a few phrases, but the popular. The unique traditions existing in Novorossiisk are reflected in various forms of historical memory and memorial culture. A special role is increasingly played by the author's documentary films.

Keywords: the Novorossiisk withstand of 1942–1943, the Battle for the Caucasus, documentary films.

Новороссийск, которому нет и 200 лет – город молодой по историческим меркам. Но за этот короткий срок он трижды был разрушен, и дважды – до основания. Последний раз – во время Великой Отечественной войны, оказавшись на крайнем левом фланге советско-германского фронта. Бои за Новороссийск начались 19 сентября 1942-го, а завершились 16 сентября 1943 г. 393 дня длилось Новороссийское противостояние. Такое понятие было введено нами при защите соответствующего диссертационного исследования почти четверть века назад [14]. Используя эту формулировку, мы отдаем дань уважения и признательности участникам Новороссийской оборонительной операции, героям позиционных боев, героям артиллеристам, партизанам и подпольщикам, героям февральских десантов, защитникам Малой земли, беспримерному подвигу участников апрельских воздушных боев. Ну и конечно, чтим героических советских летчиков, моряков, танкистов и пехотинцев, полностью освободивших город в сентябре 1943 г. во время Новороссийско-Таманской наступательной операции.

Возвращаясь к началу боёв за Новороссийск, уточним военно-историческую обстановку. Планируя наступление летом 1942 г., Гитлер намеревался выйти к Волге в районе большой излучины, перерезав основную коммуникационную линию, идущую с севера на юг, и захватить Кавказ. Весьма откровенное признание по этому поводу сделал в своих послевоенных воспоминаниях находившийся в американском плену бывший начальник гене-

рального штаба гитлеровских войск генерал Курт Цейтцлер, писавший, что «Гитлер хотел через Кавказ послать высокоподвижные соединения в Индию» [8, с. 153]. В одной из бесед с Геббельсом Гитлер заявил, что в этот раз он хочет своевременно занять «зимние квартиры». В результате летней операции предполагалось «создать на Востоке гигантскую оборонительную линию ("Восточный вал")», чтобы затем приостановить поход на восток и через Сирию – Египет нанести удар по Англии. Геббельс писал в своих дневниках, что на Востоке дело спокойно может дойти до 100-летней войны, которая не будет доставлять Германии никаких забот: она будет противостоят России, как Англия – Индии» [17, с. 36–37].

Главное стратегическое направление – захват нефтяных месторождений Кавказа – определяло построение войск. Южная их граница оказывается поделённой надвое, на группу армий «А» (под руководством Листа, ориентир на Кавказ) и группу армий «Б», ответственной во главе с генералом Вайхсом за взятие Сталинграда и прикрытие группы армий «А» со стороны северных, подмосковных сил Красной армии. В группе армий «Б» было значительное число войск стран-сателлитов, и она во многом смотрелась как некая вспомогательная сила, пособляющая кавказскому авангарду германской армии. Наступал пик германских военных усилий в мировой войне [11, с. 377]. Таким образом, Сталинград рассматривался Гитлером лишь как начало кампании 1942 г. Кроме того, «Гитлер по секрету велел Клейсту, командующему самой южной армией, не беспокоиться по поводу Сталинграда и двигаться сразу на Кавказ» [9, с. 485].

Сущность стратегического плана на летнюю кампанию 1942 г. официально изложена в директиве № 41 от 5 апреля 1942 г.: «Главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград..., а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ». В директиве № 45 от 23 июля 1942 г. было сказано еще более определенно: «Важнейшей задачей группы армий "А" – овладеть всем восточным побережьем Черного моря, тем самым, выведя из строя черноморские порты и черноморский флот противника» [17, с. 179].

«Для этой цели предполагалось захватить районы Новороссийска и Туапсе. Имелось ввиду также, как только обозначится успех продвижения главных сил группы армий "А", переправить через Керченский пролив соединения 11 армии» [4, с. 48], как констатировал маршал Гречко.

Еще более конкретизировал место Новороссийска в планах вермахта летом 1942 г. контр-адмирал С.Г. Горшков в своем военно-историческом очерке, вышедшем в 1989 г.: «...направлению, пролежавшему через Новороссийск, противник придавал исключительно важное значение. В плане наступления на Кавказ, разработанном гитлеровским командованием еще в июле 1941 года, из трех возможных направлений преодоления Главного Кавказского хребта предпочтение отдавалось шоссейной дороге, идущей по Черноморскому побережью от Новороссийска до Батуми. В частности, в нем отмечалось, что эта дорога "...находится в хорошем состоянии... и при-

годна для движения моторизованных войск без всяких ограничений"» [3, с. 128].

В 12-томной Истории Великой Отечественной войны, вышедшей в 2015 г., сказано: «К этому времени Турция удвоила свои войска на границе с СССР, доведя их общую численность до 26 дивизий. Она все чаще стала нарушать нейтралитет и была готова в благоприятный момент вступить в войну против СССР. В июле 1942 г. турецкий журнал «Бозкурт» опубликовал карту «Великой Турции» с включенными в нее Закавказьем и республиками Средней Азии» [1, с. 292].

По плану овладения Кавказом «Эдельвейс» противник намеревался захватить Новороссийск 15 августа 1942 г. Учитывая, что 10 августа был захвачен Майкоп, 12 августа – Краснодар, запланированный выход на вожде- ленное шоссе через Новороссийск выглядел вполне реалистично. Однако через месяц ожесточенных боев, в середине сентября, именно на первых километрах дороги, обозначенной на немецких картах цифрой 1, «фронт остановился», как утверждает в своем труде «Марш на Кавказ» Вильгельм Тике. «С 12 по 24 сентября полки 73-й пехотной дивизии пытались пробиться к прибрежной дороге. Адамовичская балка, цементные заводы "Пролетарий" и "Красный Октябрь", электростанция, комплекс зданий "Сталин" и "Кино", а также "Третье ребро" – вот названия, густо политые потом и кровью храбрых 213-го и 170-го полков. За каждый дом, за каждую каменоломню, за каждое здание и территорию заводов шли с переменным успехом тяжелейшие бои. Советские соединения закрепились на восточном берегу Цемес-ской бухты и закрыли немцам вход на прибрежную дорогу», – пишет немецкий историк [10, с. 106].

Видимо здесь следует обратить внимание на то, что отступление в Новороссийске завершилось раньше, чем в Сталинграде. Всё внимание было приковано к нему, городу, по роковой случайности носившему имя советского вождя. Но часто ли вы встречали в военно-исторической литературе упоминание о том, что генерал Паулюс отдал приказ о наступлении на Сталинград [17, с. 315] именно в день начала ожесточенных боев за Новорос-сийск, 19 августа 1942 г.?

И чтобы ещё полнее представить себе значимость происходящих в этот период под Новороссийском событий, следует учитывать, что буквально через 2 дня, 21 августа, группа армий «А» подняла на Эльбрусе имперский военный флаг и, как утверждается в немецкой историографии, преодолела своими горно-егерскими дивизиями Главный Кавказский хребет, продвигнувшись на расстояние 30 км до Сухуми [17, с. 38]. Более того, в день начала уличных боёв в Новороссийске, 6 сентября 1942 г., они начались и на окраине Сталинграда. Английский историк Тейлор, внимательно исследовав этот период войны, констатирует любопытный факт: именно в это время, в начале осени «1942 г., хотя никто не знал об этом, нацистская империя достигла своего зенита» [9, с. 485].

Данные совпадения обычно вызывают искреннее удивление у тех, кто слышит об этом впервые. Еще больше удивляет тот факт, что, судя по дневнику начальника генерального штаба сухопутных войск Германии, генерал-полковника Гальдера, направление, пролежавшее через Новороссийск, являлось приоритетным в августе – сентябре 1942 г. По меньшей мере, с 24 августа по 8 сентября его записи начинаются с описания ситуации под Новороссийском, [2, с. 682–690] в то время как в сообщениях в Ставку Сталина на первом месте следовал, естественно, Сталинград, а сведения по Новороссийскому оборонительному району шли четвертым – пятым пунктом, реже – третьим [12, с. 20–41].

Значение стабилизации обороны на южном фланге советско-германского фронта до начала коренного перелома в Великой Отечественной войне заключалось в том, что противнику так и не удалось использовать новороссийский порт в качестве военно-морской базы, так как восточный берег Цемесской бухты оставался в руках советских войск, а береговые батареи, артиллерия и корабли Новороссийской военно-морской базы держали бухту под своим контролем.

В западной историографии первых послевоенных лет, как выяснилось относительно недавно (перевод на русский язык 2005 г.), имела место следующая оценка сражения за город в целом: «Бои в районе Новороссийска, бесспорно, стали успехом русских. Немцы не смогли использовать порт, и русские утвердились на плацдарме Мысхако. Советский флот был также в состоянии обеспечить снабжение в полном объеме. Сравнительная тактическая слабость советских военно-морских сил, находившихся перед плацдармом, потери кораблей и неудачи во время отдельных высадок не были использованы немецким командованием из-за стратегической и материальной слабости немцев на этой самой южной узкой полосе фронта» [5, с. 372].

Нисколько не пытаясь ставить на один уровень масштаб сражения, раз-вернувшегося на широких степных просторах между Доном и Волгой, с локальными боями на узкой полоске земли между морем и горами, точнее, меж Цемесской бухтой и Маркотхским хребтом, хочется все ж акцентировать внимание на значении этого «Фермопильского» прохода в планах Гитлера.

В сражении за Новороссийск, являющемся одним из самых длительных в истории Великой Отечественной войны, следует выделять два периода: оборонительный (19 августа – конец 1942 г.) и наступательный (январь – 16 сентября 1943 г.). Оба периода, в свою очередь, делятся на этапы. В оборонительном периоде их два: первый – с 19 августа по 10 сентября 1942 г. – бои на дальних подступах к Новороссийску и в самом городе до оставления большей его части, и всего западного побережья Цемесской бухты; второй этап первого периода включал в себя завершение новороссийской оборонительной операции (10–26 сентября 1942 г.) и переход к стабилизированной обороне, которая продолжалась до начала 1943 г. Завершением Северо-Кавказской стратегической оборонительной операции (25 июля – 31 декабря

1942 г.) заканчивается первый период Новороссийского противостояния 1942–1943 гг.

В январе 1943 г. начался второй, наступательный, период Новороссийского противостояния, который, можно подразделить на три этапа. Первый этап второго периода начался с осуществления разработанных ещё в ноябре, планов наступательной операции в районе Новороссийска, начало которой было предпринято уже 10 января 1943 г. Этап с начала января по 3 февраля 1943 г., включая неудачный десант в Южную Озерейку, следует считать первой, неудавшейся фазой наступления на левом фланге советско-германского фронта в условиях уже начавшегося коренного перелома в войне. Второй этап второго периода охватывает время с 4 февраля по 9 сентября 1943 г. Этот этап, связанный с образованием Малой земли на юго-западной окраине Новороссийска и функционированием данного плацдарма в тылу противника, предшествовал полному освобождению города в сентябре 1943 г. Новороссийская наступательная операция 10–16 сентября 1943 г. является третьим, заключительным этапом второго периода боев за город.

Выделенные нами периоды и этапы боев за Новороссийск позволили прийти к выводу, носящему, на наш взгляд, концептуальное значение: бои за город-порт являлись не обычным сражением, они носили характер длительного противостояния.

Эта спрессованность героических действий на территории небольшого приморского города в течение целого года породила в послевоенный период довольно необычный феномен восприятия действительности через призму военной памяти [15, с. 35–39]. Об этих традициях можно вести долгий предметный разговор. В рамках заявленной темы у нас нет возможности раскрыть данный тезис более подробно. Заметим лишь, что своеобразный новороссийский феномен привлек внимание даже западных исследователей, и в начале XXI в. вышло несколько публикаций в Лондоне (Вики Дэвис) [18] и в Цюрихе (Иво Мийнсон) [19]. Более того, на этом материале, соответственно, ими были защищены диссертации.

Поэтому, тот факт, что в наши дни особенно востребованной оказалась кинодокументалистика как средство популяризации знаний и привития неподдельного интереса к истории войны, вполне объясним. Полтора года назад поделиться неким опытом работы с городским телевидением и авторскими телестудиями автора попросили во время телемоста, посвященного завершению битвы за Кавказ. Поводом послужило то, что в рамках мероприятий межрегионального патриотического марафона «Кавказский рубеж – 2023» наш документальный фильм «Новороссийское противостояние 1942–1943 гг.» увидели более четырех тысяч человек. Как утверждают организаторы из Русского географического общества, фильм никого не оставил равнодушным.

Конечно, кинодокументалистика не является моей основной деятельностью, однако, в рамках авторской телепрограммы «Историческая параллель» на телевидении «Новая Россия» вышло 20 телеуроков и на сегодняш-

ний день насчитывается уже полтора десятка научно-популярных исторических фильмов, где пришлось быть автором сценариев, а в ряде случаев и режиссером. Впервые это случилось в 2001 г., когда ко мне обратился знаменитый советский кинодокументалист, лауреат премии Ленинского комсомола Евгений Кузин, с которым мы сняли фильм «Новороссийск помнит», многократно показанный впоследствии на муниципальном телевидении. С замечательным новороссийским режиссером и театральным деятелем Олегом Берединым по материалам местной истории мы сделали четыре фильма, самый известный из которых – «Малая земля. Как это было...» [6].

Довольно плотно сотрудничая с Новороссийским телевидением, его нынешним директором Оксаной Кондратьевой, мы продолжаем рассказывать историю нашего Отечества, опираясь на местноисторический подход и богатейший материал, собранный в фондах Новороссийского исторического музея-заповедника, которому в важнейшем деле формирования представлений о войне отведена особая роль.

Думается, нет необходимости перечислять названия всех снятых нами научно-популярных исторических фильмов, тем более что тематика их содержания не только военная. Но поскольку основной сферой моих научных интересов является история Великой Отечественной войны и той роли, которую играло в ней Новороссийское противостояние 1942–1943 гг. [16], меня не отпускает необходимость поиска различных подходов в освещении, анализе и подаче этих событий. Может быть, именно поэтому идея или замысел нового фильма приходят порой совершенно неожиданно. Сюжет и канва цикла документальных очерков под общим названием «Шурочка с Малой земли» очень просты. Пожилая женщина из соседнего дома, молчаливая и суровая тетя Шура однажды заговорила со мной о том, о чем никогда никому не рассказывала.

Мне немало приходилось общаться с ветеранами и детьми войны. В Новороссийском историческом музее-заповеднике хранятся воспоминания, тщательно собранные членами существующего в нашем городе сообщества тех, кто смог выжить в то страшное время, будучи ребенком. Но большинство из них были совсем маленькими, и воспоминания от этого весьма обрывочные, хотя и сильно эмоциональные.

С тетей Шурой все пошло не так с самого начала... По мере нашего общения, мне стало понятно, что ее срочно «надо писать». Когда, наконец, удалось организовать съемку, самый опытный оператор Новороссийского телевидения тоже оказался не совсем готов: на его «кассете» элементарно не было столько места... Интервью длилось три часа. Учитывая, что нашей героине уже за 90, я была готова в любой момент оборвать запись, но Александра Евгеньевна, казалось, молодела на наших глазах, поражая в кадре удивительной красотой, выразительностью рассказа и редкостной выносливостью.

Конечно, я предполагала, что это будет полнометражный фильм о человеке с непростой судьбой, который дополнит представления наших со-

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

временников о той эпохе, но просмотрев материал, поняла, что жаль жертвовать любым из эпизодов рассказа. Зато стало понятно, что на этом рассказе мы получаем уникальную возможность проследить ход всего Новороссийского противостояния фактически «изнутри». Моей задачей стало разбить все интервью на относительно небольшие отрывки, выстроив их последовательность в хронологическом порядке, предварительно определив историческое время действия с максимальной точностью, опираясь на документальную базу и связать авторским текстом. О.В. Кондратьева поддержала предложение сделать цикл небольших фильмов-очерков. После систематизации материала у меня получилось 7 самостоятельных очерков примерной длительностью от 12 до 20 минут каждый.

Таким образом, в течение четырех лет вышло 5 серий фильма. Первый очерк – это Новороссийск начального периода войны. Наша героиня была уже шестиклассницей, и, к сожалению, больше ей никогда не пришлось учиться в школе. Благодаря повествованию Александры Евгеньевны и старой карте, нам удалось пройти по предвоенным улицам города, особенно его южной окраине – Станичке – тому-самому предместью, которому в 1943-м суждено было стать началом Малой земли. Премьера первого фильма состоялась в самом большом кинотеатре города 22 июня 2021 г., в день 80-й годовщины начала Великой Отечественной войны. В зале присутствовала и сама героиня, и ее внуки и правнуки.

Основным содержанием второго очерка стали драматические события сентября 1942 г. периода Новороссийской оборонительной операции и захвата нацистскими войсками большей части города. Яркие воспоминания героини – тогда 14-летней девочки перемежаются в фильме с рассказом историка, идущего по современным улицам города. В Новороссийске осталось крайне мало довоенных строений, поэтому мы попытались использовать метод исторической проекции, чтобы усилить эмоциональное восприятие событий. Премьера второго очерка прошла во время публичной лекции, организованной городским историческим обществом.

По ходу лекции слушатели получили задание придумать названия первым двум фильмам цикла и справились с этим как нельзя лучше. Таким образом, первый очерк стал называться «Помню всех...», ибо зрителей буквально потряс момент, когда Александра Евгеньевна не только назвала фамилии, но подробно рассказала о каждой семье, которая жила на их улице в 1941–1942 гг. Во время войны эта улица перестала существовать. Все стоявшие на ней дома превратились в пыль... А второй очерк получил название «Кровь по траве...». И это тоже слова Александры Евгеньевны из рассказа о том, как они из полуподвального окошечка наблюдали за отступлением Красной армии вдоль западного берега Цемесской бухты и переправой через нее «на ту сторону» под градом вражеской артиллерии.

Премьера третьего очерка совпала с проведением в Новороссийске Второго открытого Российского кинофестиваля патриотического кино. Это грандиозное для нашего города кинособытие собрало большое количество

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

кинематографистов со всей страны. Третий очерк посвящен февральскому десанту 1943 г. Его непосредственные участники, «те самые матросики...», положившие начало создания плацдарма Малая земля, совершили свой подвиг на территории рыбацкого предместья Станичка, жители которой оказались на самой линии фронта.

Учитывая тот факт, что учредители фестиваля дали ему название «Малая земля», делая акцент на теме малой родины, мы не могли не напомнить о первоначальном значении столь важного понятия, и подали заявку на участие в номинации документальных фильмов. Все три очерка были собраны в полнометражный фильм [13], и этот интереснейший опыт обернулся призом дирекции фестиваля «За историческую правду».

Четвертая серия вышла в апреле 2023 г., она посвящена 80-летию апогея Новороссийского противостояния 1942–1943 гг. – апрельским боям на Малой земле, краху немецкой операции «Нептун». В этом очерке наша героиня делится воспоминанием о том, как ей с сестрой и мамой удалось остаться живыми, каким чудом их смогли вытащить с Малой земли раненые моряки под непрекращающимся огненным дождем.

В 2024 г. завершилась работа над пятым очерком – яркие воспоминания Шурочки позволили нам от первого лица перенестись в самый ближний тыл – г. Геленджик. Таким образом, мы получили возможность общим взглядом окинуть важнейший участок Черноморского побережья в период кровопролитных сражений на юге, и особое внимание уделить вопросу опаснейших ночных переходов морем, без которых существование Малой земли было бы невозможно.

Крайне важны для нас и заключительные 6-я и 7-я серии, выход которых предполагается в нынешнем юбилейном году. Это подробный рассказ о возвращении в разбитый до самого основания Новороссийск после его полного освобождения в сентябре 1943 г и начало восстановления города. Один из тех домов, что был возведен в середине 40-х при участии нашей героини, стоит в центре города и поныне.

Надо ли говорить, что все фильмы цикла «Шурочка с Малой земли» востребованы зрителями всех возрастов и разного социального положения? Школьники, студенты, курсанты и кадеты; военнослужащие – пограничники и моряки; педагоги и чиновники – настолько разнообразен контингент зрителей. И всегда – интересные вопросы, и желание узнать продолжение.

Однако на пути к завершению ставшего столь дорогим для меня проекта о Шурочке, мы успели приступить к еще более масштабному. На этот раз с новой и перспективной молодой командой снимаем цикл документальных фильмов «Хроники непокоренного города». Первые два – уже в работе.

Таким образом, большая исследовательская научная работа на определенном этапе овладения темой и усиления заинтересованности в ее дальнейшем развитии все большего числа людей, является надежной основой популяризации и распространения знаний и представлений о военных событиях 80-летней давности через авторское документальное кино.

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 866 с.
2. *Гальдер Ф.* Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942) / Ф. Гальдер. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. 704 с.
3. *Горшков С.Г.* На южном приморском фланге (осень 1941 г. – весна 1944 г.) / С.Г. Горшков. М.: Военное издательство, 1989. 286 с.
4. *Гречко А.А.* Битва за Кавказ / А.А. Гречко. М.: Военное издательство, 1967. 464 с.
5. *Майстер Ю.* Восточный фронт – война на море 1941–1945 гг. / Ю. Майстер. М.: Эксмо, 2005. 480 с.
6. Малая земля, как это было: документальный фильм / реж. О. Бередин. 43:25 (время воспроизведения). URL: <https://yandex.ru/video/preview/17712399771201989369> (дата обращения: 17.12.2024)
7. Новороссийское противостояние 1942–1943 гг.: документальный фильм / реж. О. Бередин. 16:36 (время воспроизведения). URL: <https://rutube.ru/video/f8b2ae6a2544c6688cd19913fdb581ee/> (дата обращения: 17.12.2024)
8. Роковые решения / под общ. ред. П.А. Жилина. М.: Военное издательство, 1958. 319 с.
9. *Тейлор А.* Вторая мировая война / А. Тейлор. М.: Мысль, 1995. 556 с.
10. *Тике В.* Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943 / В. Тике. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
11. *Уткин А.И.* Вторая мировая война / А.И. Уткин. М.: Алгоритм, 2003. 960 с.
12. Центральный военно-морской архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24.
13. Шурочка с Малой земли: документальный очерк (1–3 серии): документальный фильм / авт. Т.И. Юрина; 41:48 (время воспроизведения). URL: <https://yandex.ru/video/preview/17151220937751779276> (дата обращения: 17.12.2024).
14. *Юрина Т.И.* Левый фланг советско-германского фронта. Новороссийское противостояние 1942–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Т.И. Юрина. Ростов-на-Дону, 2002. 219 с.
15. *Юрина Т.И.* Новороссийский феномен восприятия действительности через призму военной памяти / Т.И. Юрина // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: сборник статей Международной научной конференции, г. Новороссийск, 12–15 сентября 2016 г. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 35–39.
16. *Юрина Т.И.* Новороссийское противостояние 1942–1943 гг. / Т.И. Юрина. Краснодар: Книга, 2008. 362 с.
17. *Якобсен Г.-А.* 1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы / Г.-А. Якобсен. М.: Мысль, 1995. 556 с.
18. *Davis V.* Memory for Sale: Local and national interpretations of Brezhnev's Malaia zemlia / V. Davis // Twentieth Century Wars in European Memory: Studies in Social Sciences, Philosophy and History of Ideas / J. Niznik (ed.). Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2013. P. 135–150.
19. *Mijnssen I.* Breschnews Heldenstadt am Schwarzen Meer / I. Mijnssen // Neuö Zürcör Zäitun. 2013. 26 November.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры

Юрина Тамара Ивановна, кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела истории Великой Отечественной войны, Новороссийский исторический му-
зей-заповедник, Россия, г. Новороссийск, tamaraivanovna@mail.ru

Iurina Tamara I., Candidate of Sciences (History), Researcher at the Department of
History of the Great Patriotic War, Novorossiisk Historical Museum-Reserve, Russia,
Novorossiisk, tamaraivanovna@mail.ru

УДК 351.852+355.48(470).084.8

С.В. Кожин

**РЕЛИКВИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ –
СВИДЕТЕЛИ БОЕВОГО БРАТСТВА НАРОДОВ СССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. Статья посвящена материалам, представленным в экспозиции
Центрального музея Вооруженных Сил РФ. Ведется рассказ о героях Великой Оче-
ственной войны – уроженцах Татарстана, а также лиц, так или иначе связанных с
историей этого края. Помимо краткой биографии приводятся эпизоды, связанные с
конкретными подвигами указанных лиц. Дается описание реликвий, указываются
источники и время поступления материалов.

Ключевые слова: Центральный музей Вооруженных Сил (ЦМВС), Татарстан,
реликвии, Великая Отечественная война.

S.V. Kozhin

**THE RELICS OF THE CENTRAL MUSEUM OF THE ARMED FORCES
OF THE RUSSIAN FEDERATION ARE THE WITNESSES
OF THE MILITARY BROTHERHOOD OF THE USSR PEOPLES
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract. The article is devoted to the materials presented in the exposition of the
Central Museum of the Armed Forces of the Russian Federation. The story is about the
heroes of the Great Patriotic War, natives of Tatarstan, as well as people who are some-
how connected with the history of this region. In addition to a brief biography, episodes
related to the specific exploits of these individuals are given. A description of the relics is
given. The sources and time of receipt of materials are indicated.

Keywords: Central Museum of the Armed Forces (CMVS), Tatarstan, relics, Great
Patriotic War.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Тема Великой Отечественной войны занимает основное место в экспозиции головного военного музея России. Из 24 залов под нее выделены 10, в том числе гигантский по размерам Зал Победы. Красной нитью через всю экспозицию проходит тема боевой дружбы народов СССР в годы войны. Невозможно в одной статье даже просто перечислить имена представленных в залах музея славных сынов и дочерей нашего общего Отечества. Автор решил остановиться на некоторых из них, так или иначе связанных с историей Татарстана и других прилегающих республик.

Доминантой зала начального периода войны является комплекс, посвященный обороне Брестской крепости. В центре помещен подлинник знаменитой картины художника Петра Александровича Кривоногова «Защитники Брестской крепости». Рядом экспонируется чернильный прибор – подарок майору Гаврилову Петру Михайловичу (1900–1979) от моряков-подводников Балтийского флота. Получен музеем от Гаврилова в 1959 г. Родился герой в с. Альвидино Лаишевского уезда Казанской губернии. Происходил из крещёных татар [4, с. 1]. Окончил Казанскую центральную крещёно-татарскую школу. В ранней юности батрачил, в 15 лет ушёл в Казань и поступил на завод чернорабочим. Весной 1918 г. вступил добровольцем в Красную армию, воевал на разных фронтах. В 1939 г. окончил Военную академию имени Фрунзе. В 1941 г. – майор, командир 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии. Возглавил оборону Восточного форта Брестской крепости.

Форт держал под обстрелом дорогу к северным воротам, здесь дольше всего продолжалось организованное сопротивление. Понеся большие потери при попытках взять форт штурмом, командование немецкой 45-й пехотной дивизии вынуждено было обратиться за помощью к летчикам, базировавшимся на аэродроме в соседнем Тересполе. Самолеты подвергли форт бомбардировке, которая, однако, результатов не принесла. Тогда на форт сбросили огромную бомбу весом 1,8 т. От взрыва содрогнулись дома в самом Бресте. Уцелевшие защитники – раненые, контуженные и оглушенные – вынуждены были сдаться. Это было 29 июня, на исходе 8 дня войны.

Гаврилов и несколько бойцов укрылись в казематах и продолжали сопротивление. Оставшись один и будучи раненым, 23 июля майор попал в плен. По описанию лечившего его в госпитале доктора Вороновича: «...пленный майор был в полной командирской форме, но вся одежда его превратилась в лохмотья, лицо было покрыто пороховой копотью и пылью и обросло бородой. Он был ранен, находился в бессознательном состоянии и выглядел истощённым до крайности. Это был в полном смысле слова скелет, обтянутый кожей. До какой степени дошло истощение, можно было судить по тому, что пленный не мог даже сделать глотательного движения: у него не хватало на это сил, и врачам пришлось применить искусственное питание, чтобы спасти ему жизнь. Но немецкие солдаты, которые взяли его в плен и привезли в лагерь, рассказали врачам, что этот человек, в чьём теле уже едва-едва теплилась жизнь, всего час тому назад, когда они застигли его

в одном из казематов крепости, в одиночку принял с ними бой, бросал гранаты, стрелял из пистолета и убил и ранил нескольких гитлеровцев» [10].

Нацисты содержали Гаврилова в лагерях Хаммельбург и Равенсбрюк до мая 1945 г. После освобождения из немецкого плена он был отправлен в фильтрационный лагерь. Проверку закончили к июню 1946 г. Поскольку фактов добровольной сдачи в плен и сотрудничества с немцами не выявили, Гаврилова освободили, но исключили из ВКП(б) по причине утраты партбилета, одновременно лишив воинского звания и медали «XX лет РККА».

После своего освобождения он вернулся в Татарскую АССР. В родной деревне его встретили настороженно. Как бывшего пленного на работу в колхоз не взяли. Сам Пётр Михайлович рассказывал, что односельчане кидали ему вслед картошкой, как в предателя. В поисках работы отправился в райцентр, устроился на гончарную фабрику. Через год уехал в Краснодар. Как бывший военнопленный смог найти работу только чернорабочим на базе, потом устроился экспедитором на Краснодарский приборостроительный завод. Жили с женой на окраине, в полуземляном саманном домике. Там его и нашел писатель С.С. Смирнов, описавший затем подвиг майора в своей знаменитой книге «Брестская крепость».

30 января 1957 г. Петру Гаврилову было присвоено звание Героя Советского Союза. Началась совсем другая жизнь, он часто ездил по стране с выступлениями и рассказами об обороне крепости. Умер в Краснодаре в 1979 г. Похоронен согласно завещанию, на гарнизонном мемориальном кладбище Бреста. Именем Гаврилова названы улицы в Казани, Бресте, Краснодаре. Его образ воссоздан в известных художественных фильмах «Бессмертный гарнизон» (1956), «Битва за Москву» (1985) и «Брестская крепость» (2010).

В разделе, посвященном обороне Прибалтики в 1941 г., представлены материалы о контрударе советских танковых войск под Шауляем, экспонируются фото и ружье командира 2-й танковой дивизии (3-й мехкорпус) генерал-майора Е.Н. Солянкина, погибшего 26 июня 1941 г. в бою под Райсением. Егор Николаевич Солянкин (1901–1941), был участником Гражданской войны, в составе Петроградской бригады курсантов воевал против Врангеля и Махно. С января 1934 г. – командир танкового батальона 1-й Казанской стрелковой дивизии имени ЦИК Татарской АССР [9, с. 1]. С декабря 1940 г. – командир 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса. В июне 1941 г. командовал 2-й танковой дивизией 3-го мехкорпуса в Литве. Его дивизия сбила немцев с плацдарма на северном берегу р. Дубисса в районе Шауляя. Погиб в бою 26 июня 1941 г. в 30 км северо-восточнее Расейня. Там же в лесу был похоронен бойцами. Обстоятельства гибели длительное время не были известны, поэтому считался пропавшим без вести. Награжден орденом Отечественной войны I степени в 1965 г. (посмертно).

В витрине находятся его фото и охотничье ружье. Здесь же фото и справка о подвиге экипажа танка КВ из дивизии Солянкина в р-не Райсения. 24 июня эта машина действовала в авангарде дивизии. Танк заблокировал

лесную дорогу, по которой шло снабжение передовых немецких танковых частей. Обойти машину было нельзя – справа болото, слева лес. Немцы подкатили две 50-мм пушки – КВ расстрелял их. Противник доставил 88-мм зенитку и потихоньку стал подкатывать ее на прямую наводку. Экипаж КВ подпустил врага на близкую дистанцию и уничтожил. Ночью немецкие саперы попытались заложить взрывчатку под гусеницу – танкисты их расстреляли. Утром немцы стали обстреливать танк с закрытых позиций из гаубиц – не попали. Снова привезли две 88-мм зенитки, но у них кончились бронебойные снаряды. Их срочно доставили самолетом. Потом в атаку пошли несколько танков, чтобы отвлечь наш экипаж. В это время зенитчики открыли огонь. Попали в башню только 12-м снарядом, экипаж погиб. Танк стащили с дороги. На следующий день пригнали местных жителей, достали погибших танкистов и похоронили. Этот бой описал в своих мемуарах командир немецкой боевой группы 6-й танковой дивизии Эрхард Раус, которому советский танк в течение суток преграждал дорогу [7, с. 68–77]. В 1965 г. погибших танкистов перезахоронили. К сожалению, имен точно установить не удалось. В соседней деревне сделали маленький музей.

В этом же зале, представлены реликвии командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника Михаила Петровича Кирпоноса (1892–1941). Родился он в местечке Вертиевка Нежинского уезда Черниговской губернии в бедной украинской крестьянской семье. В 1917 г. окончил военное фельдшерскую школу, унтер-офицер. Во время Гражданской войны командовал батальоном и полком в знаменитой 44-й стрелковой дивизии Н.А. Щорса. В марте 1934 г. стал начальником и военкомом Татаро-башкирской объединённой военной школы имени ЦИК Татарской АССР, переименованной вскоре в Казанское пехотное училище имени Верховного Совета Татарской АССР. Принимал участие в советско-финляндской войне. В декабре 1939 г. был назначен на должность командира 70-й стрелковой дивизии. В начале марта 1940 г. дивизия в течение 6 дней совершила обход Выборгского укрепленного района по льду Финского залива и выбила финнов из укреплений на северном берегу Выборгского залива, перерезав дорогу Выборг – Хельсинки, что во многом обеспечило успех в ходе штурма Выборга. Герой Советского Союза (21 марта 1940 г.).

В начале Великой Отечественной войны Михаил Кирпонос командовал Юго-Западным фронтом. В сентябре 1941 г. войска фронта попали в окружения. Колонна штаба фронта пыталась пробиться, но в районе с. Лохвица была обнаружена противником и заняла оборону в урочище Шумейково. В рукопашной схватке участвовали все – от солдата до командующего фронтом. В бою он был ранен в ногу, а вскоре убит при разрыве мины. В декабре 1943 г. останки генерала были с воинскими почестями перезахоронены в Киеве в Ботаническом саду имени А.В. Фомина. В 1957 г. его прах был перенесён в новый Парк Вечной Славы. В Казанском высшем военном командном училище 6 мая 2016 г. была открыта мемориальная доска генерал Кирпоноса, так же в городе есть улица, носящая его имя.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

В нашем музее представлена шинель генерала. Здесь же экспонируется его Золотая Звезда Героя Советского Союза. После гибели Кирпоноса в урочище Шумейково, его адъютант снял награду с кителя, ночью сумел выбраться из урочища и позднее вышел к нашим войскам. Он передал звезду Н.С. Хрущеву, а тот – в архив ЦК ВКП(б). В 1967 г., по просьбе дочери погибшего комфронта Елены Михайловны Кирпонос (сотрудницы ЦМБС), награду передали на хранение в музей. Остальные награды генерал не брал на фронт, и семья после войны сдала их в музей. Они экспонируются в разделе советско-финляндской войны.

В нашем музее в зале сражений 1942 г. представлен мундир полковника Юсупова Бария Абдулловича (1903–1981). Родился он в крестьянской семье в с. Альметьево. Татарин. Рано, чуть старше 10 лет, остался без отца; семья впала в нищету: родной дядя за долги свел с их двора единственного коня, другой нещадно бил мальчика кнутом за малейшую провинность, когда тот на него батрачил. Вместе с матерью он работал в поле, на огороде, чтобы прокормить сестру и двух младших братьев. Помогли односельчане, всем миром собрав и одолжив деньги на нового коня. Позже, нагрянув в их места, колчаковцы коня реквизировали, а Бария угнали и заставили служить против красных. Мальчик пробовал сбежать от колчаковцев, но был пойман и бит шомполами до потери сознания.

Его освободили красноармейцы, и он навсегда понял, на чьей стороне правда, за кого и с кем воевать. Стать военным он не помышлял, хотел быть земледельцем, как его дед и отец, но бурное время его юношества – крушение империи и Гражданская война – сделало за него свой выбор. По комсомольской путевке он был направлен на командные курсы в Казань. В 1930 г. поступил в Военно-техническую академию РККА в Ленинград. В сентябре 1941 г. Юсупов был назначен начальником штаба оперативной группы из 5 дивизионов гвардейских минометов «катюш». В январе 1942 г. под Старой Руссой, при отражении танковой атаки, он побежал с гранатами к высоким деревьям, спрятался за толстыми стволами двух берез и швырнул в танк связку гранат. Острый, тяжелый сук, срезанный осколком, ударил его в голову и сбил с ног. Горячая кровь залила левый глаз. Еле дополз до ближайшей избы, привалился спиной к ветхому заборчику. Послышался гул самолетов: сверху, за спиной, что-то грохнуло, словно обрушилось. Наши бойцы сложили на снег около разрушенной избы 7 трупов. Штабной писарь брел, задумавшись, и едва не споткнулся о труп. Он отшатнулся, увидев обувь на одном покойнике. На всех – сапоги, и только на одном выделялись новые спортивные ботинки, чем-то знакомые писарю. «Да ведь это ботинки полковника Юсупова!» Солдат нагнулся, расстегнул боковой карман, нашел партийный билет и служебное удостоверение. В соседнюю избу натащили соломы, устлали половицы и, сделав из снопа изголовье, положили командира. Если не считать еле заметного тепла, он не проявлял признаков жизни. Пульса нет. Дыхания – тоже. Сделав укол, медик покачал головой: – Вроде бы мертв, а вроде и жив. Хоронить все-таки повременили. Помещение реко-

мендую обогреть. Через несколько часов окружающие услышали явственное дыхание «живого трупа».

Десять суток Юсупов находился между жизнью и смертью, прежде чем его санитарным самолетом вывезли в Москву. В центральном госпитале сделали несколько сложнейших операций, поднявших командира на ноги. Но левый глаз был выбит, а правый видел лишь частично. Отвагу офицера высоко оценили. 25 марта 1942 г. был подписан указ о награждении Б.А. Юсупова орденом Ленина. Для вручения награды в госпиталь лично прибыл первый секретарь МГК ВКП(б) Александр Щербаков, а через несколько дней к Юсупову по рекомендации Главного политуправления армии приехала скульптор Вера Мухина. Вскоре бюст героя был готов.

В.И. Мухина отмечала: «Израненная голова полковника Бари Юсупова – настоящее лицо войны». За эту работу она получила в 1943 г. Сталинскую премию второй степени. Бюст Юсупова был представлен в экспозиции Третьяковской галереи. В.И. Мухина стала Народным художником СССР (1943), лауреатом пяти Сталинских премий (1941, 1943, 1946, 1951, 1952), академиком Академии художеств СССР (1947).

Полковник Юсупов после излечения в госпитале продолжил армейскую службу, возглавил гвардейскую учебную бригаду, готовившую кадры для «катюш». В 1946 г. он был уволен из армии по состоянию здоровья (зрение совсем просело). Работал председателем Покровского райисполкома Владимирской области (1947–1950), секретарем партийной организации колхоза им. Сталина Альметьевского района (1951–1953), СМУ № 52 (1953–1954). Затем Барий Абдуллович жил в Москве: занимался партийной работой, являлся внештатным пропагандистом по работе среди татарского населения столицы. Часто навещал он и родные края – приезжал в Альметьевск и в другие районы Татарстана. В 1981 г. умер, похоронен на Кунцевском кладбище.

Известно, что нацисты особо целенаправленно уничтожали советских военнопленных. Из попавших в плен примерно 6 млн советских военнослужащих, около 4 млн погибли. В плену находились 83 советских генерала. Из них 15 были казнены за участие в подпольных организациях и подготовку побегов, еще 10 погибли от тяжелых условий плена. Посмертно удостоены звания Героя Советского Союза Д.М. Карбышев (1946) и Г.И. Тхор (1991), а М.Ф. Лукин – звания Героя РФ (1999).

В зале, повествующем о преступлениях фашистов и героях сопротивления, есть комплекс материалов Карбышева Дмитрия Михайловича (1880–1945). Выдающийся советский военный инженер, фортификатор. Родился в Омске в семье татар-кряшенов: выпускника Сибирского кадетского корпуса, ветерана Крымской войны, военного чиновника Михаила Ильича Карбышева и дочери коллежского советника из богатых омских купцов Александры Ефимовны Лузгиной [5, с. 219]. Дмитрий Михайлович служил в императорской, затем в Красной армии. В 1940 г. ему присвоено звание генерал-лейтенанта инженерных войск, в 1941 г. – учёная степень доктора военных

наук. Перед началом Великой Отечественной войны занимал должность старшего преподавателя кафедры тактики высших соединений Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова.

В начале июня 1941 г. Д.М. Карбышев был командирован в Западный особый военный округ, где инспектировал ход строительства фортификационных сооружений Гродненского укрепленного района. 8 августа 1941 г. при попытке выйти из окружения генерал был тяжело контужен в бою у р. Днепр возле д. Добрейка Могилёвской области. В бессознательном состоянии захвачен в плен. Героически вел себя в концлагере, отверг все попытки фашистов склонить его к сотрудничеству. В феврале 1945 г. при эвакуации лагеря Маутхаузен, фашисты вывели на мороз неспособных долго двигаться заключенных и стали поливать их водой из пожарного шланга. Тела людей превратились в глыбы льда. В их числе принял мученическую смерть генерал Карбышев. В августе 1946 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В зале представлены авторская модель памятника Д.М. Карбышеву работы известного скульптора В.Е. Цигаля. Памятник был установлен в феврале 1948 г. на месте гибели генерала.

Героически погиб в немецком плену и генерал-майор Новиков Петр Георгиевич (1907–1944). Родился он в п. Луч Казанской губернии в крестьянской семье крещёных татар [2, с. 997–998]. Окончил сельскую школу, а впоследствии – начальное училище. В 1923 г. поступил в Казанскую пехотную школу. В 1937–1938 гг. в должности командира батальона принимал участие в гражданской войне в Испании на стороне Республиканской армии. Во время Советско-финляндской войны командовал стрелковым полком. В Великой Отечественной войне командовал 109-й стрелковой дивизией, оборонял Одессу и Севастополь. В последние дни обороны Севастополя, после эвакуации штаба флота и Приморской армии, генерала оставили в погибающем городе старшим начальником. Был эвакуирован в ночь на 2 июля на сторожевом катере. Возле Ялты катер после неравного боя потопили немцы. Новиков попал в плен. В лагере Хаммельбург вел подпольную работу и по доносу предателя переведен в штрафной лагерь Флоссенбург. В 1944 г. пытался защитить одного из узников и погиб после избиения охранником.

В музее хранятся и материалы Мусы Залилова (Джалиля) – сотрудника газеты 2-й ударной армии в 1942 г. На Волховском фронте в р-не Мясного Бора М. Джалиль был ранен и попал в плен. Возглавил подпольную группу, которая вела антифашистскую пропаганду. В августе 1944 г. казнен в берлинской тюрьме Плетцензее. В 1956 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1957 г. за цикл стихов «Моабитская тетрадь» присуждена Ленинская премия. В экспозиции музея – фотокопия «Моабитской тетради» – стихов поэта, написанных в фашистской тюрьме. Сохранена и передана в СССР бельгийским антифашистом А. Тиммермансом. Подлинник находится в Национальном музее Татарстана. На планшете также помещена серия гравюр Р.Ш. Багаутдинова «Муса Джалиль» (1963).

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

В зале Победы нашего музея хранятся реликвии советских полководцев, занимавших высшие военные посты в годы войны. Среди маршалов Советского Союза, кавалеров ордена «Победа», здесь представлен только один генерал армии – Алексей Иннокентиевич Антонов (1896–1962). Родился в Гродно. Мать – Тереза Ксаверьевна, была по происхождению полькой, ее отца сослали в Сибирь за выступления против царя. Дед Алексея Иннокентьевича был офицером (татарин-кряшен из Сибири, он окончил Александровское военное училище). Во всех документах, анкетах Антонов указывает свою национальность так: кряшен [1]. Окончил Павловское военное училище (1916). Прапорщик лейб-гвардии Егерского полка. В апреле 1919 г. вступил в РККА. В 1919–1920 гг. начальник штаба бригады 15-й Инзенской дивизии. После Гражданской войны – на штабных должностях. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, Военную академию Генштаба. В 1938–1941 гг. на преподавательской работе. Во время Великой Отечественной войны был начштаба Южного (с августа 1941 г.) и Северо-Кавказского (июль – август 1942 г.) фронтов, Черноморской группы войск (сентябрь – ноябрь 1942 г.), Закавказского фронта (ноябрь – декабрь 1942 г.). С декабря 1942 г. начальник Оперативного управления и 1-й заместитель начальника Генштаба РККА. А.М. Василевский признавал, что «генерал армии Антонов А.И., будучи первым заместителем начальника Генштаба, фактически с весны 1943 года несет на себе всю тяжесть работы начальника Генштаба при Ставке Верховного главнокомандования и вполне с нею справляется». Участник Ялтинской и Потсдамской конференций. В феврале 1945 г. Василевский был назначен командующим 3-м Белорусским фронтом, и место начальника Генерального штаба 4 февраля занял Антонов. Руководил разработкой крупнейших операций в конце войны. Последняя военная операция, которую Антонов планировал как начальник Генштаба, – это разгром японской Квантунской армии в августе 1945 г. С апреля 1946 г. 1-й заместитель начальника Генштаба. С 1948 г. 1-й заместитель командующего, в 1950–1954 гг. командующий войсками Закавказского военного округа. С апреля 1954 г. 1-й заместитель начальника Генштаба. С 1955 г. начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств – участников Варшавского договора. Скончался 18 июня 1962 г. Прах в Кремлевской стене. В зале Победы хранится его парадный мундир и награды.

В центре зала Победы ЦМВС РФ в стеклянном куполе находится национальная святыня нашего народа – Знамя Победы. Это красный штурмовой флаг, водруженный советскими воинами в ночь на 1 мая 1945 г. над зданием рейхстага в Берлине. И.В. Сталин, выступая 6 ноября 1944 г. на заседании Моссовета, поставил задачу «добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы». 9 апреля 1945 г. совещание начальников политотделов армий 1-го Белорусского фронта обратилось в Москву с вопросом: какой объект в Берлине считать главным? Через некоторое время пришел ответ – здание германского парламента –

рейхстаг. Можно с полной уверенностью считать, что решение принял лично И.В. Сталин.

Первоначально предполагалось над рейхстагом водрузить знамя, изготовленное весной 1945 г. в Москве. В центре полотнища помещался герб СССР, орден «Победа» и надпись: «Наше дело правое – мы победили!». Но это знамя по неясным причинам не было доставлено в действующую армию. Поэтому из немецкого трофейного сатина были изготовлены девять штурмовых флагов – по числу дивизий в 3-й ударной армии, которой предстояло вести боевые действия в центре Берлина. Их выполнили по образцу Государственного флага СССР. Один из них (№ 5) получила 150-я стрелковая дивизия. Кроме того, самодельные флаги и флажки вручались всем штурмовым группам дивизии, которые шли в бой с приказом – прорваться в рейхстаг и установить на нем флаг.

Всего в ходе штурма на здании в разных местах было установлено несколько десятков флагов и флажков. Первыми – в 22 ч. 40 мин. (время московское) 30 апреля 1945 г. – на крыше рейхстага на скульптурной конной фигуре «Германия» водрузили штурмовой флаг 79-го стрелкового корпуса разведчики-артиллеристы старшие сержанты Г.К. Загитов, А.Ф. Лисименко, А.П. Бобров и сержант М.П. Минин из состава специальной группы, возглавляемой офицером штаба корпуса капитаном В.Н. Маковым [3, с. 13–15]. Когда спустившийся вниз Бобров доложил своему командиру о том, что в 22 ч. 40 мин. его группа выполнила приказ командования и водрузила красное знамя над рейхстагом, Маков тут же, не сдерживая эмоции и не стесняясь в выборе слов, сообщил об этом по рации командиру 79-го стрелкового корпуса генерал-майору Семёну Никифоровичу Переверткину: «Товарищ генерал, мои парни первыми водрузили Знамя Победы наверху рейхстага в корону какой-то голой б...и!». Позднее флаг был снесен ветром или сбит ураганным огнем в ходе жестокого боя 1 мая.

Через несколько минут после водружения флага «маковцами», установили штурмовой флаг возле той же скульптурной группы разведчики 674-го стрелкового полка во главе с лейтенантом С.Е. Сорокиным (нес и крепил знамя рядовой Г.П. Булатов). Позднее установили еще один штурмовой флаг 79-го корпуса бойцы специальной группы майора М.М. Бондаря. Около 3 ч. ночи на противоположной стороне рейхстага у конной скульптуры рыцаря, по приказу командира 756-го стрелкового полка 150-й стр. дивизии полковника Ф.М. Зинченко, установили флаг (№ 5) Военного Совета 3-й Ударной армии разведчики сержант М.А. Егоров и младший сержант М.В. Кантария, которых вел лейтенант А.П. Берест и сопровождали автоматчики из роты старшего сержанта И.Я. Сьянова. 2 мая 1945 г. Егоров и Кантария перенесли этот флаг на купол рейхстага. Именно его было решено считать Знаменем Победы, так как он был учрежден высшей инстанцией – Военным советом армии.

В конце мая 1945 г. за взятие Берлина, рейхстага и водружение Знамени Победы звание Героя Советского Союза было присвоено командующему

армией В.И. Кузнецову, командиру корпуса С.Н. Переверткину, командирам двух дивизий В.М. Шатилову и А.И. Негоде, командиру полка Ф.М. Зинченко. К первой годовщине Победы этого звания были удостоены М.А. Егоров, М.В. Кантария, командиры передовых батальонов С.А. Неустроев, В.И. Давыдов и К.Я. Самсонов, а также командир роты И.Я. Сьянов. Также удостоили звания сразу 7 человек из группы майора М.М. Бондаря (адъютант командира корпуса). Эту высокую награду не получили некоторые герои штурма, в том числе В.Н. Маков, М.П. Минин, А.П. Бобров, Г.К. Загитов, А.Ф. Лисименко, А.П. Берест, П.Н. Пятницкий, С.Е. Сорокин, Р.К. Кашкарбаев, Г.П. Булатов. Все они были награждены орденами Красного Знамени.

Газий (Газетдин) Казыханович Загитов (1921–1953) – входил в состав штурмовой группы под командованием капитана В.Н. Макова, которая 30 апреля 1945 г. в 22 ч. 40 мин. первой водрузила штурмовой флаг (79-го стрелкового корпуса) на крыше рейхстага. При этом Загитов был ранен в грудь навывлет, но продолжил бой. Газетдин Загитов родился в татарской деревне Янагушево Мишкинского района Башкирской АССР (СССР). По национальности татарин. Призван в РККА в 1940 г. Дошёл до Берлина, где воевал в разведке 136-й армейской пушечной артиллерийской бригады 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии в звании сержанта.

27 апреля 1945 г. в составе корпуса были сформированы штурмовые группы добровольцев для захвата рейхстага и установления Красного Знамени. Одну из них возглавлял офицер связи штаба корпуса капитан В.Н. Маков. Пробившись с тяжелыми боями к рейхстагу, группа, совместно с батальоном капитана С.А. Неустроева, в числе первых ворвалась в здание. Загитов вместе со старшими сержантами М.П. Мининым, А.Ф. Лисименко, сержантом А.П. Бобровым, поднявшись на чердак, через слуховое окно пробрались на крышу над западным (парадным) фронтоном здания и установили знамя в отверстие короны скульптуры Богини Победы [6, с. 1]. М.П. Минин вспоминал: «Впереди бежал Гия Загитов, который предусмотрительно захватил с собой фонарик. Им-то он и освещал путь по полуразрушенной лестнице. Перед самым чердаком я на ходу запасся "древком", сорвав со стены полутораметровую тонкостенную трубку. Достигнув просторного чердака, мы столкнулись с проблемой: как выбраться на крышу. И снова выручил Г. Загитов, осветив фонариком грузовую лебёдку и две массивные, уходящие куда-то наверх цепи. По звеньям этой цепи через слуховое окно мы выбрались на крышу над западным фронтоном здания. И здесь уже различимой в темноте башни Загитов и я стали прикреплять Красное знамя. Вдруг на фоне огненного зарева от разорвавшегося на крыше снаряда Лисименко заметил наш дневной ориентир – скульптурную группу: бронзового коня и огромную фигуру женщины в короне. Сразу же решили, что лучше установить знамя там. Ребята подсадили меня на круп вздрагивающего от разрывов снарядов и мин коня, и я закрепил знамя в короне бронзовой великанши» [10, с. 237–240]. Командование 136-й артиллерийской бригады

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

представило всю группу к присвоению звания Героя Советского Союза. Однако 18 мая 1945 г. они были награждены орденами Красного Знамени. После войны Гази Загитов вернулся в родной аул в Башкирии, работал председателем колхоза и механиком на МТС. Погиб в автокатастрофе 23 августа 1953 г.

Источники и литература

1. *Бирин М.* Родом из потомственных служилых татар: судьба начальника Генштаба Антонова / М. Бирин // Деловая электронная газета «Бизнес-онлайн». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/522625?ysclid=m02f1oj454781947646> (дата обращения: 17.12.2024)
2. Великая Отечественная война. Комдивы: военный биографический словарь: в 5 т. Т. 4. Командиры стрелковых, горнострелковых дивизий, крымских, полярных, петрозаводских дивизий, дивизий ребольского направления, истребительных дивизий (Ибянский – Печененко). М.: Кучково поле, 2015. 1246 с.
3. *Дементьев А.Н.* Знамя Победы / А.Н. Дементьев. М.: ЦМВС, 2015. 68 с.
4. *Кипец А.А.* Герой Советского Союза Пётр Михайлович Гаврилов / А.А. Кипец // Урок ценою судеб: материалы международной студенческой научно-практической конференции (15–16 мая 2013 г.). Минск: Изд. центр БГУ, 2013. С. 23–25.
5. Татарский век глазами национальной элиты. 100 выдающихся татар / А.Б. Абсаямова, М.А. Абсоямова, А.М. Ахунов и др.; под ред. С.Н. Бессчетновой, Р.З. Галямова. Казань: Парадигма, 2005. 656 с.
6. *Минин М.П.* Трудные дороги к Победе / М.П. Минин. Псков: Псковский областной организационно-методический центр по подготовке и изданию Книг Памяти, 2001. 255 с.
7. *Раус Э.* Танковые сражения на Восточном фронте / Э. Раус. М.: Аст, 2006. 523 с.
8. *Смирнов С.* Брестская крепость / С. Смирнов. М.: Молодая гвардия, 1965. 496 с.
9. Солянкин Егор Николаевич // Танковый фронт. 1939–1945. URL: <http://tankfront.ru/ussr/persons/gen-tv/SolyankinYeN.html>.
10. *Ямской Н.П.* Кто брал рейхстаг: герои по умолчанию / Н.П. Ямской. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 400 с.

Кожин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник культуры РФ, методист Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, Россия, г. Москва, kozhin1812@mail.ru

Kozhin Sergey V., Candidate of Sciences (History), Docent, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Methodologist at the Central Museum of the Armed Forces of the Russian Federation, Russia, Moscow, kozhin1812@mail.ru

УДК 811.161.1'42:070(476)

И.В. Метлушко

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕСТ ПАМЯТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ

Аннотация. В современном медиадискурсе памяти Республики Беларусь значительное внимание уделяется теме Великой Отечественной войны, сохранение памяти о которой рассматривается как основа национального единства государства. В исследованных новостных публикациях о значимых местах и событиях времен войны используются понятия «место памяти» и «памятное место», имеющие как качественные, так и количественные различия в употреблении. Понятие «место памяти» используется для обозначения локаций, связанных с событиями времен войны, в то время как «памятное место» имеет более широкое значение и применимо для номинации различных объектов историко-культурного наследия государства. Выявлен перечень наиболее, средне и наименее частотно вербализуемых мест памяти в новостных публикациях Беларуси, а также перечень авторских и респондентских интенций при апелляции к местам памяти (информирование, благодарности участникам войны, защита и сохранения исторической правды о войне).

Ключевые слова: медиадискурс памяти, место памяти, памятное место, политика памяти, Memory Studies.

I.V. Metlushko

THE REPRESENTATION OF THE PLACES OF MEMORY IN BELARUSIAN MEDIA DISCOURSE

Abstract. In modern mediated memory discourse of the Republic of Belarus a considerable attention is paid to the topic of the Great Patriotic War as the basis of the national unity of the state. The phrases place of memory and memorial places are used in numerous publications about the significant places and events of the war. Both phrases have qualitative and quantitative differences in their usage in the studied discourse. The phrase place of memory is used to designate locations associated with the events of the Great Patriotic War, while the phrase memorial place has a broader meaning and is applicable to the entire variety of nominations of the historical and cultural heritage of the state. A list of the most and the least frequently verbalized places of memory in news publications has been created, as well as a list of authors' and respondents' intentions when appealing to places of memory (to inform, to express gratitude to the war participants, to protect and preserve the historical truth about the war).

Keywords: media discourse of memory, place of memory, memorial place, politics of memory, Memory Studies.

Memory Studies как направление социально-гуманитарных знаний зародилось во второй половине XX в. Идеи Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Нора, Ю. Лотмана, Э. Ренана, П. Жане, Я. Ассмана, А. Ассман и др. по-

лучили широкое распространение и развитие в социологии, культурологии, истории, психологии, антропологии и т.д. Однако не смотря на текстоцентричность многих исследований индивидуальной и коллективной памяти, предпринимаемые попытки проведения междисциплинарного изучения памяти в Институте психологии РАН [22], создание Международной ассоциации Memory Studies, указание на лингвистический поворот в историографии и Memory Studies [27], мемориальный бум (включающий интерес к семейной истории) на рубеже XX и XXI вв., лингвистика долгое время оставляла мемориальную повестку вне научного поиска.

Только в настоящее время Н.Г. Брагина, И.В. Тивьяева, Б.М. Гаспаров, О.Г. Ревзина, Л.И. Ярцева, Т.В. Добросклонская, А. Васильев, Р.Ф. Исхакова и др. обратились к комплексному изучению мемориального дискурса, мнемического нарратива, дискурса памяти и т.п. Изучение вербализации и трансляции индивидуальной и коллективной памяти оформляется в самостоятельное направление лингвистических исследований в начале XXI в. Данное утверждение косвенно подтверждает увеличение количества научных публикаций на сайте научной электронной библиотеки открытого доступа «КиберЛенинка», апеллирующих к изучению, например, феномена коллективной памяти в период с 2000 по 2025 гг. Так, по запросу «коллективная память» обнаружено 1 694 публикации в разделе «Языкознание и литературоведение» за период с 2000 по 2010 гг. и 8 778 – за период с 2011 по 2025 гг. Более того, за последние 5 лет в Российской Федерации увеличилось количество поисковых запросов по термину историческая память в поисковой системе Google, что отражает и общественный интерес к данной проблематике. Так, в Google Trends в конце 2023 г. поисковый запрос «историческая память» впервые маркировался как сверхпопулярный.

Вместе с тем отметим, что проблематика Memory Studies в той или иной степени затрагивалась лингвистами и ранее (при сохранении лингвистической терминологии). Например, феномен мест памяти рассматривался при изучении ономастики (Н.Н. Болдырев, В.В. Алпатов, А.С. Щербак и др.), фразеологии (Н.Г. Брагина, Т.И. Скоробогатова, А.Н. Баранов и др.), стилистики (Е.С. Кубрякова, Л.М. Бондарева и др.), дискурса (Л.А. Матерко, Т.В. Дубровская и др.).

Однако несмотря на наличие обозначенных исследований, в лингвистике в настоящий момент нет разработанной, например, теории мест памяти, выявленных общих и лингвоспецифичных способов их репрезентации и т.п. Вместе с тем, П. Нора отмечал, что места памяти «могут функционировать как таковые в том случае, если они подкреплены соответствующими нарративами, циркулирующими в данном сообществе» [25], что акцентирует внимание на актуальности лингвистических исследований данного феномена. Вместе с тем, для лингвистического анализа оязыковления коллективных представлений, фактов и нарративов о местах памяти значимо учитывать достижения иных гуманитарных наук, исследовавших данную проблематику ранее. Так, изучение мест памяти неразрывно связано с именем

Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, идеи которых развил и дополнил П. Нора, работая над антологией «Место памяти» (1977 г.). Термин место памяти (фр. lieux de mémoire) исследователь заимствовал у Ф. Йейтса в «Искусстве памяти» [21].

В антологии П. Нора были описаны не только «материальные», но и «нематериальные», «идеальные» места памяти, исторические персоналии (например, солдат Шовен, Жанна д'Арк и др.). Это объясняется главным принципом, положенным в основу труда «Место памяти» – «по большому счету любой объект можно назвать местом памяти, но проделывать такую операцию имеет смысл только в одном случае: если факт рассмотрения его в таком качестве говорит об избранном топосе нечто, что невозможно было бы выразить без этого» [24]. Данная идея пересекается с утверждением М. Хальбвакса о социально-коммуникативном характере воспоминаний [28].

Особенностью подхода П. Нора к изучению мест памяти является движение от настоящего к прошлому, указывающего не только на сам исторический факт, но и приписывая месту памяти символическую функцию, связанные с ним и транслируемые в обществе представления, ценностные ориентиры, аспекты политики памяти и т.д. На примере антологии П. Нора прослеживается смещение акцента с истории Франции на изучение сущности национальной идентичности французов, поясняя тем самым переход от мнемотехнического, античного понимания термина место памяти (лат. loci memoiae), лишённого исторических, политических, идеологических, национальных и пр. коннотаций, к его современному толкованию в неразрывной связи с указанными коннотациями. Изучение мест памяти больше не остается исключительно областью исторических знаний, но является составной частью коллективных представлений о роли и значении государства на мировой арене, участвует в формировании национальной идентичности, позволяет реализовывать политику памяти государства, апеллирует к прошлому для построения настоящего, будущего и т.д.

С целью выявления способов репрезентации мест памяти в белорусском медиадискурсе памяти проведено настоящее исследование. Под медиадискурсом памяти понимается частное явление более глобального, зонтичного феномена – дискурса памяти – «единство тематически соотнесенных текстов (объединены темой сохранения, интерпретации и трансляции коллективных представлений и знаний о событиях и персоналиях прошлого) в совокупности с экстралингвистическими факторами» [23, с. 151]. Воплощение, трансляция дискурса памяти по многочисленным каналам СМИ позволяет говорить о медиадискурсе памяти. Последнее способствует цифровой архивации исторических и национально значимых артефактов, масштабированию доступности данных неограниченному количеству адресатов, влияет на формирование национальной идентичности, созданию непротиворечивой национальной картины мира, тождественных коллективных представлений о роли и значении государства на мировой арене, апеллирует к прошлому для построения настоящего и будущего, обеспечивает консоли-

дацию общества, позволяет реализовывать политику памяти государства и т.д. [23].

В современном медиадискурсе памяти Республики Беларусь особое место отводится репрезентации события и персоналиям Великой Отечественной войны. Количественный анализ публикаций официального новостного сайта БелТА свидетельствует о ежедневном размещении от 10 до 15 сообщений о коммеморативных практиках, экспозициях, персоналиях, результатах расследований Генпрокуратурой фактов геноцида белорусского народа и многих других данных о войне [23]. Многочисленность тематических новостных публикаций обусловлена реализуемой в государстве политикой памяти, направленной на сохранение памяти о событиях войны как основе национального единства [26], способствует увеличению количества реализуемых информационно-просветительских проектов, открытию новых и популяризации открытых ранее мест памяти, выделению историко-патриотического вида туризма к местам памяти Великой Отечественной войны и т.д.

Для установления мест памяти, вербализуемых в современной медиадискурсе памяти, а также выявления способов их языковой репрезентации, целей апелляции к данным феноменам в медийном пространстве Беларуси проведена целенаправленная выборка практического материала по ключевым понятиям «место памяти» и «памятное место» на главном официальном новостном сайте Республики Беларусь БелТА за 2024 г.

В результате анализа практического материала установлено, что понятия место памяти и памятное место имеют ряд общих и уникальных характеристик в употреблении и функционировании в современном медиадискурсе памяти Беларуси. Общим является их использование для обозначения значимых для белорусской лингвокультуры и этноса исторических мест. Различным – их количественная и качественная представленность в исследованном практическом материале. Так, понятие памятное место вербализовано в 80,4 % отобранного материала и именует значимые исторические места в широком смысле слова (достопримечательности, малая родина, памятники и т.п.). Например, «в номинации «Историческое наследие Беларуси» диплом первой степени завоевала 10-летняя Ульяна Кручок из Кричева, которая изобразила памятные места¹ своего района. «Я нарисовала родной город и его достопримечательности, чтобы другие увидели, что в нем есть хорошего, – отметила школьница. – Церковь, Дворец Потемкина, памятный знак... Об этом нам постоянно рассказывают в школе. И это важно, ведь это моя малая родина и она меня вдохновляет» [1].

Понятие место памяти вербализовано в 19,6 % исследованных текстов для обозначения материальных объектов, относящихся к увековечиванию памяти о событиях Великой Отечественной войны (мемориальные комплексы (далее – МК), Вахта памяти на площади Победы в г. Минске, памятники, места захоронения погибших воинов и т.п.). Например, при описании авто-

¹ Здесь и далее подчеркнуто автором (прим. ред.).

пробега на ретроавтомобилях по местам военных действий и подвигов, приуроченного к 80-летию освобождения Беларуси, указывается: «На ретроавтомобилях по местам памяти» [2].

Специфичным для понятия место памяти является его употребление для:

1) обозначения новых мест памяти, открытых / реконструированных в результате обнаружения данных расследования Генеральной прокуратуры Республики Беларусь фактов геноцида белорусского народа в годы ВОВ: «Председатель облисполкома Иван Крупко и генеральный прокурор Беларуси Андрей Швед возложили цветы к мемориалу, посвященному жертвам геноцида. Это новое место памяти появилось на карте региона в этом году, в торжественной обстановке его открыли в День Независимости на площади Восстания областного центра» [3]; «Мемориальный комплекс «Озаричи» – это особое место памяти жертв Великой Отечественной войны, это стержень Беларуси, наш оголенный нерв, не заживающая уже 80 лет рана на сердце нашей республики...» [4]; Место памяти превратилось в большой комплекс. Его территория была расширена до 1,75 га, возведен информационный музейный павильон. По задумке архитекторов здесь разместили «Камни прозрения», Башню памяти, стену скорби с поклонными крестами и смотровую площадку [5];

2) описания современного международного взаимодействия по вопросу сохранению исторической памяти. Например, в новостной публикации приводится фрагмент интервью ветерана Великой Отечественной войны из Российской Федерации: «Ветеран Ефим Николаев – уроженец России, но и Беларусь считает родной... "Для меня роднее братьев-славян нет", – подчеркнул он, отметив, что в этот важный исторический день не мог не прийти к месту памяти, чтобы возложить цветы к монументу» [6]. Министр по налогам и сборам РБ С. Наливайко отмечает: «И эта боль понятна не только жителям нашей страны, но и ближайшим соседям – россиянам, которые с таким же трепетом посещают наши мемориалы и места памяти, в том числе Хатынь и Брестскую крепость» [7]. Представительница ФРГ, А. Викторин, в МК «Тростенец» указывает: «Тростенец является официальным местом памяти жертв преступлений, совершенных немцами в Беларуси во время Второй мировой войны. Мы сегодня чтим память сотен тысяч жертв – расстрелянных, отравленных в газовых камерах, убитых иными способами. Среди жертв были евреи из Минского гетто, а также всей Центральной Европы, советские военнопленные, партизаны, мирные жители» [8];

3) обозначения новых мемориальных мероприятий, акций, проектов, коммеморативных практик: автопробег по местам памяти («Сегодня автопробегом, в котором было около 50 машин, проехали по местам памяти, провели небольшие митинги» [9]); «В стране проводится ряд патриотических акций и проектов, таких как "Места памяти", "Страна героев", "Никто не забыт, ничто не забыто", "Послание ветерану", "История Победы в моей семье", "Поезд Памяти"» [10];

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

4) выделения мест памяти из общего перечня историко-культурного наследия Республики Беларусь (дворцовые, замковые, парковые комплексы, нематериальное культурное наследие и т.д.), в то время как понятие место памяти употребляется для обозначения локаций и объектов, связанных с событиями войны (МК, музеев, памятников и т.д.). Например, «был исследован потенциал использования в туризме мест памяти, дворцовых, замковых, парковых комплексов, нематериального культурного наследия Беларуси» [11]. Таким образом, в исследованном медиадискурсе памяти понятие памятное место имеет более широкое значение, чем место памяти.

В дальнейшем в исследовании приводятся данные о воплощении мест памяти и памятных мест, непосредственно связанных с войной, что составило 84 % от всех мест памяти / памятных, равных 100 % (173 из 204 мест памяти), вербализованных в исследуемом материале. Оставшиеся 16 % составили апелляции к таким памятным местам как, например, Спасо-Евфросиниевский монастырь, обсуждение строительства будущего Национального исторического музея, рассматриваемого как будущее знаковое место для белорусского народа и др.

Наиболее частотно вербализуемыми местами памяти в исследованном материале (упомянуты более 7 раз) являются такие места памяти как МК «Брестская крепость-герой», МК «Хатынь», МК «Курган Славы» (г. Минск), МК «Озаричи» и др. Например, «еще одной скорбной точкой маршрута стал мемориальный комплекс «Озаричи», возведенный в память узников лагеря смерти» [12]; «торжественная церемония старта проекта "Поезд Памяти" состоялась на площади Церемониалов мемориального комплекса "Брестская крепость-герой"» [13].

Средне частотно в исследованном материале вербализованы (4–7 раз) такие места памяти, как Вахта памяти у Вечного огня на пл. Победы г. Минска; г. Бреста, г. Могилева, МК «Ола», Город-герой Минск, МК «Тростенец» и др. Например, «траурный митинг и молитва представителей основных религиозных конфессий состоялись у монумента "Врата памяти" в мемориальном комплексе "Тростенец"» [14].

Наименее частотно упомянуты в исследованном материале (1–3 раза) такие места памяти, как Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Шталаг-324 в г. Гродно, Курган Славы в г. Мозыре, собирательные наименования мест памяти (сожженные деревни Гомельщины, места памяти г. Гродно и др.). Например, «глава Администрации Президента Дмитрий Крутой во время республиканской общественно-культурной акции "Марафон единства" возложил цветы к мемориальному комплексу "Курган Славы" в Мозыре» [14].

Характерным для репрезентации мест памяти и памятных мест в современном медиадискурсе Беларуси является регулярная актуализация авторами публикаций, респондентами необходимости «отдать дань уважения» (встречается в 28 % публикаций), «(не)забывать» (25,4 %), «посетить» (26 %), «сохранить (память / место)» (17 %), «узнать больше / углубить зна-

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

ния» (7 %) об объектах, локациях и персоналиях, связанных с ними. Например, участники велопробега по памятным местам Гомельщины «Священные страницы Победы» указывают: «Это дань памяти всем, кто погиб в годы Великой Отечественной войны. Дань памяти и уважения тем героям, которые освобождали Беларусь от коричневой чумы. Мы не забыли и никогда не забудем то, что творили фашисты на нашей земле. Уверен, что каждый участник велопробега проедет это расстояние с гордостью» [15].

При этом неизменными вербализуемыми адресатами новостных публикаций, теми, для кого по словам авторов публикаций / интервьюируемых происходит создание и сохранение мест памяти, выступают молодежь, мы (в значении народ Республики Беларусь), поколения (современники и их потомки). Например, «на место памяти регулярно возят нашу молодежь: школьников, студентов. Посещать такие скорбные места с останками людей, уничтоженных нацистскими оккупантами, очень тяжело эмоционально. Но без такой прививки для молодого поколения обойтись нельзя» [16].

Отметим, что помимо информирования (реализована в 100 % исследованных новостных публикаций), воплощение получает и воспитательная (патриотическое воспитание) интенция автора. Так, 41 % публикаций имеют назидательный характер, акцентируя внимание на важности проведения коммеморативных мероприятий, сохранении и восстановлении мест памяти для создания настоящего и будущего, воспитания современного и новых поколений и т.д. Например, «"большое внимание уделяем обновлению, восстановлению мест памяти о событиях Великой Отечественной войны. Не понимая своей истории, традиционной системы ценностей, невозможно строить настоящее и будущее", – убежден председатель облисполкома» [17].

16,5 % публикаций посвящены информированию адресатов о мемориальной повестке государства, новых формах коммемораций, открытии и/или реконструкции мест памяти в результате поисковых действий Генпрокуратуры Республики Беларусь. Данные сообщения – результат реализуемой политики памяти государства, принятия закона «О геноциде белорусского народа». Например, «по пути следования участники акции посетили памятные места и мемориалы Гомельской и Минской областей. Главной точкой в маршруте стал мемориальный комплекс "Хатынь", где совместно с министром Виктором Каранкевичем энергетики возложили цветы к Вечному огню и монументу "Непокоренный человек", почтили минутой молчания память жертв войны [2]; «по требованию Генпрокуратуры в январе 2024 года начал функционировать республиканский автоматизированный банк данных "Книга Памяти Республики Беларусь", в который подлежат внесению сведения обо всех захоронениях войны и погибших лицах» [18].

В 9,5 % публикаций вербализована интенция благодарности участникам войны: «для нас очень дороги наши исторические места. Мы благодарны предкам, которые сохранили для нас мир и независимость» [17]; «Вадим Гигин считает важным посещать памятные места, отдавать дань уважения тем, кто победил фашизм» [19].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

В 8 % исследованных новостных сообщений получает вербализацию интенция защиты и сохранения исторической правды о Великой Отечественной войне. Например, «"нужно быть сильными, потому что так получилось, что нам сегодня предстоит защищать эту историческую правду и память. К счастью, не на поле боя – в информационной сфере, в умах людей. Мы видим, что происходит в странах коллективного Запада, где свергаются мемориалы. Мы отвечаем этому варварскому отношению внимательным, добрым отношением к нашим мемориалам, нашим памятным местам", – подчеркнул Игорь Сергееenko» [20]; «Органы прокуратуры в ходе работы по увековечению памяти жертв геноцида в военные и послевоенные годы и защитников Отечества, а также внедрению доказательств уголовного дела о геноциде в историко-культурное наследие Беларуси, образовательную, научную, идеологическую и другие сферы жизнедеятельности страны приняли комплекс мер для недопущения попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны» [18].

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что в современном медиадискурсе памяти функционируют понятия место памяти и памятное место для обозначения значимых для белорусского народа локаций, памятников, мемориалов и т.д. Выявлены расхождения в употреблении данных понятий. Так, памятные места используются для обозначения историко-культурного наследия Республики Беларусь в широком смысле слова, в то время как, словосочетание место памяти в 97 % случаев вербализаций приходится на описание мемориальных комплексов времен войны (новых и реконструируемых), современного международного взаимодействия по вопросу сохранению исторической памяти, новых коммеморативных практик (акций, проектов и т.п.), выделение мест памяти Великой Отечественной войны из общего перечня историко-культурного наследия Республики Беларусь.

Выявлен перечень наиболее (МК «Брестская крепость-герой», МК «Хатынь», МК «Курган Славы» (г. Минск), МК «Озаричи» и др.), средне (МК «Ола», Город-герой Минск, МК «Тростенец» и др.) и наименее (Шталаг-324 в г. Гродно, Курган Славы в г. Мозыре, собирательные наименования мест памяти) частотно вербализуемых мест памяти в современном медиадискурсе Беларуси, что свидетельствует об особом статусе одних (например, МК «Хатынь» – символ всех сожженных в годы войны деревень Беларуси) и информировании населения об иных местах памяти, получающих большую известность в результате расследований военных преступлений времен войны Генпрокуратурой Республики Беларусь (например, МК «Ола»).

Установлено, что в новостных публикациях о местах памяти Республики Беларусь помимо интенции информирования, получают воплощение и иные авторские / респондентские интенции, а именно, информирование адресатов о мемориальной повестке государства, новых формах коммемора-

ций, благодарности участникам войны, защиты и сохранения исторической правды о Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/shto-takoe-adzinstva-pobeditelej-tvorcheskih-konkursov-nagradili-v-mogileve-677608-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/regions/view/na-retroavtomobiljah-po-mestam-pamjati-gomelskie-energetiki-proveli-avtoprobe-644583-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
3. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/regions/view/kollektivu-gomelskoj-oblastnoj-prokuratury-predstavili-novogo-rukovoditelja-im-stal-oleg-avdej-658296-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
4. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/krutoj-pri-poseshenii-memoriala-v-ozarichah-eto-ogolennyj-nerv-ne-zazhivajuschaja-80-let-rana-648597-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
5. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/desjat-dnej-ada-na-bolote-80-let-nazad-byi-osvobozhden-kontslager-ozarichi-622210-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
6. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/regions/view/geroi-vov-s-nami-po-ka-pomnim-o-nih-gomelchane-prisoedinilis-k-minute-molchanija-643006-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
7. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/nalivajko-vazhno-govorit-pro-istoricheskiju-pamjat-chtoby-ne-povtorilas-tragedija-vov-642511-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
8. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/predstavitelnitsa-frg-v-trostentse-vozmozhnost-pochtit-zdes-pamjat-pogibshih-privilegiya-a-ne-dannost-658700-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
9. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/regions/view/pamjatnuju-alleju-v-chest-80-letija-zditovskoj-oborony-zalozhili-v-berezovskom-rajone-627797-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
10. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/akulovich-obschaja-silnaja-pozitsija-po-istoricheskoi-pamjati-pozvolit-ukrepit-informatsionnyj-sojuz-632145-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
11. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/ekspert-rasskazal-kak-v-belarusi-povyshajut-kachestvo-turisticheskikh-uslug-650328-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
12. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/molodye-mediki-chetyreh-stran-vysadili-alleju-pamjati-u-voinskogo-zahoroneniya-v-ozarichah-630497-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
13. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/regions/view/pronesite-vospominaniya-s-soboj-tseremoniya-starta-proekta-poezd-pamjati-sostojalas-v-brestskoj-642923-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
14. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/vo-imya-pamjati-krutoj-vozlozhit-tsvety-k-memorialnomu-kompleksu-kurgan-slavy-v-mozyre-685774-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

15. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/regions/view/svjaschennye-stranitsy-pobedy-bolee-250-uchastnikov-objedinil-v-gomelskoj-oblasti-veloprobeg-637836-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
16. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/danilovich-pozitsii-belarusi-i-rossii-po-sohraneniju-istoricheskoy-pravdy-sovpadajut-645199-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
17. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/regions/view/produkty-pitanija-apk-turizm-gomelskaja-i-magadanskaja-oblasti-gotovy-razvivat-sotrudnichestvo-635989-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
18. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/uvekovechit-pamjat-zhertv-genotsida-i-zaschitnikov-otechestva-v-genprokulture-rasskazali-o-628832-2024/> (дата доступа: 10.01.2025).
19. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/gigin-v-gody-vov-belorusskij-narod-stolknulsja-s-samym-bolshim-vyzovom-v-svoej-istorii-642953-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
20. Белорусское телеграфное агентство БелТА. URL: <https://belta.by/society/view/sergeenko-belarusi-predstoit-zaschischat-istoricheskiju-pravdu-i-pamjat-poetomunado-byt-silnymi-633489-2024/> (дата обращения: 10.01.2025).
21. *Йейтс Ф.* Искусство памяти / Ф. Йейтс. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 536 с.
22. Междисциплинарные исследования памяти / под редакцией А.Л. Журавлева, Н.Н. Корж. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009. 283 с.
23. *Метлушко И.В.* Функционирование лексемы геноцид в современном медиадискурсе памяти Республики Беларусь // Вестник МГПУ им. И.П. Шамякина / И.В. Метлушко. 2024. № 2(64). С. 151–159.
24. *Нора П.* Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция – память / П. Нора и др.; пер. с фр. Д. Хапаева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
25. *Нора П.* Франция – память / П. Нора и др. СПб.: СПбГУ, 1999. 333 с.
26. Портал Президента Республики Беларусь URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-podpisal-zakon-o-genocide-belorusskogo-naroda> (дата обращения: 01.05.2024)
27. *Потапова Н.Д.* Лингвистический поворот в историографии / Н.Д. Потапова. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2015. 380 с.
28. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. М.: Новое издательство, 2007. 323 с.

Метлушко Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой фонетики и грамматики английского языка, Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь, г. Минск, metluschko@mail.ru

Metlushko Irina V., Candidate of Sciences (Philology), Docent, Head of the Department of English Grammar and Phonetics, Minsk State Linguistic University, Republic of Belarus, Minsk, metluschko@mail.ru

УДК 94(=512.145)(476+470.41)"1941/45"+351.852

Е.А. Котловская

СЫНЫ ТАТАРСКОГО НАРОДА В ПРОСТРАНСТВЕ ПАМЯТИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Данная статья посвящена участникам Великой Отечественной войны – уроженцам Татарской ССР и татарам, которые отличились на Белорусской земле и представлены в фондах и экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Казанец Д.В. Кокорев уже 22 июня 1941 г. в приграничных боях совершил один из первых воздушных таранов периода Великой Отечественной войны. В обороне Брестской крепости принимали участие выходцы со всего Советского Союза. Последним защитником крепости стал татарин майор П.М. Гаврилов К концу лета 1941 г. Беларусь была оккупирована. В годы нацистской оккупации и вплоть до освобождения Беларуси (лето 1944 г.) на белорусской земле сражались в подпольных группах и партизанских отрядах выходцы из Татарстана. Осенью 1943 г. в ходе битвы за Днепр началось освобождение Беларуси. Полное освобождение территории Беларуси произошло в ходе Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион». Звание Героя Советского Союза было присвоено Х.Ш. Аглиуллину, М.Г. Гайнутдинову, Х.Г. Гизатуллину, Б.Е. Давлетову, А.М. Калиеву, Ш.С. Рахматуллину, М.С. Актуганову, Ф.Г. Габдрашитову, А.Г. Гизатуллину, Б.Р. Давлятову, И.С. Даутову, И.Х. Дубину, И.А. Юсупову, Н.(К.)Я. Якупову, Г.М. Хадимухаметову, В.Х. Хазиеву, Б.Я. Янтимирову, В.Г. Булатову, М.П. Петрову, О.А. Санфировой, М.Г. Сыртлановой, У.А. Абдураманову, Г.Г. Мурзаханов, С. Сейтвелиеву.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, татарстанцы, партизанское движение, подпольная борьба, освобождение Беларуси, операция «Багратион», память, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны.

К.А. Katlouskaya

THE TATAR PEOPLE SONS IN THE MEMORY SPACE OF THE BELARUSIAN STATE MUSEUM OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. This article is devoted to the participants of the Great Patriotic War – natives of the Tatar USSR and Tatars, who distinguished themselves on the Belarussian land and are represented in the collection and exposition of the Belarussian State Museum of the History of the Great Patriotic War. On June 22, 1941 native of Kazan D.V. Kokorev made in the border battles one of the first air rams of the Great Patriotic War. Natives from all over the Soviet Union took part in the defence of the Brest Fortress. Tatar Major P.M. Gavrillov was the last defender of the fortress. By the end of summer 1941 Belarus was occupied. During the years of Nazi occupation and up to the liberation of Belarus (summer 1944) natives of Tatarstan fought on the Belarussian land in underground groups

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

and partisan detachments. The liberation of Belarus began in the autumn of 1943 during the battle for the Dnieper. Full liberation of the territory of Belarus occurred during the Belarusian strategic offensive operation “Bagration”. Kh.S. Agliullin, M.G. Gainutdinov, Kh.G. Gizatullin, B.E. Davletov, A.M. Kaliev, Sh.G. Rakhmatullin, A.G. Gizatullin, B.R. Davlyatov, I.R. Dautov, I.S. Dautov, I.Kh. Dubin, I.A. Yusupova, N.(K.)Ya. Yakupova, G.M. Khadimukhametova, V.Kh. Khaziev, B.Ya. Yantimirov, V.G. Bulatov, M.P. Petrov, O.A. Sanfirova, M.G. Syrtlanova, U.A. Abduramanov, G.G. Murzakhanov, S. Seitveliev were awarded the title of Hero of the Soviet Union.

Keywords: Great Patriotic war, Tatarstan citizens, partisan movement, underground struggle, liberation of Belarus, operation “Bagration”, memory, Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War.

Великая Отечественная война завершилась восемь десятилетий назад, все эти годы в Беларуси ведется серьезная работа по сохранению исторической памяти о подвиге, совершенном советским народом в годы лихолетья. Деятельность Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны направлена на сохранение, изучение и популяризацию материальных и документальных свидетельств минувшей войны ради сохранения мира на Земле.

Достойное место в пространстве памяти Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны занимают татары, татарстанцы и уроженцы Татарстана, совершавшие подвиги на территории Беларуси в первые минуты войны, в годы нацистской оккупации, сражаясь в подполье и партизанском движении, а также в период освобождения нашей многострадалной Беларуси осенью 1943 – летом 1944 г.

22 июня 1941 г. нападением гитлеровской Германии на Советский Союз началась Великая Отечественная война. В первый день войны авиация противника уничтожила 738 самолетов из состава Западного фронта, в том числе 528 были уничтожены на аэродромах. Невероятное мужество и героизм в неравных боях проявили советские летчики, совершавшие воздушные тараны. Среди них казанец Дмитрий Васильевич Кокорев, командир 124-го истребительного авиационного полка, который израсходовав боезапас, воздушным винтом своего самолета МиГ-3 протаранил хвост немецкого Do-21. Самолёт противника упал; самолёт младшего лейтенанта Кокорева был повреждён, но его удалось посадить в районе г. Замбрув. За этот подвиг Дмитрий Васильевич был награждён орденом Красного Знамени [41].

В экспозиции музея, посвященной обороне Брестской крепости, представлен Петр Михайлович Гаврилов. Майор Гаврилов являлся командиром 44-го стрелкового полка, входившего в начале Великой Отечественной войны в состав 13-й армии Западного фронта. С 22 июня 1941 г. майор П.М. Гаврилов возглавлял оборону Восточного форта Брестской крепости. 23 июля 1941 г. был тяжело контужен и попал в плен [46, с. 108].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

В фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны хранятся воспоминания майора Гаврилова от 19 февраля 1964 г.: «Кругом рвались снаряды и бомбы. Люди гибли в огне и под развалинами. У домов комсостава с криками метались обезумевшие, полураздетые женщины с детьми. В казармах на окровавленных нарах стонали раненые бойцы и командиры» [3].

Петр Михайлович прибыл к кольцевым казармам, где обнаружил значительные потери среди бойцов. С оставшимися в живых он пытался прорваться из крепости, но все выходы были перекрыты, и бойцы оказались окружены гитлеровцами. После отпора первой атаки, воины организовали надежную оборону Северного острова, ядром которой стал Восточный форт. Гитлеровцы обрушили на форт шквал огня из штурмовых орудий и танков, бомбили с воздуха, использовали зажигательные смеси, бросая в окопы бочки с бензином, применяли слезоточивый газ и огнеметы. Однако, невиданная стойкость советских солдат не позволила врагу сломить их сопротивление. Они продолжали героически защищать крепость.

Уже после войны, в 1957 г. Петру Михайловичу было присвоено звание Героя Советского Союза, а позднее в 1967 г. он был награжден вторым орденом Ленина. Память об отважном майоре Гаврилове живет в названии улиц в Бресте, Казани и других городов и сел.

Тяжелые оборонительные бои шли на белорусской земле летом 1941 г. На территории Гомельской области отличился уроженец г. Казани Федор Алексеевич Баталов [1]. Капитан Ф.А. Баталов в июле 1941 г. при нанесении советскими войсками контрудара в районе Жлобина и Рогачева проявил мужество и героизм, будучи командиром 2-го батальона 437-го стрелкового полка. Батальон под его командованием на протяжении 10 суток отбивал пулеметные и минометные атаки противника. Дважды попадал батальон Баталова в окружение, но благодаря умелым действиям командира, выходил из окружения в Жлобинском районе.

В фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны хранится газета «Красный воин» от 25 июля 1941 г. со статьей А. Слушкина на первой странице: «Упорство, отвагу Баталова возьмите бойцы для себя». В статье говорится: «...Смелость и отвагу комбата видят бойцы. Каждый из них стремится быть таким как командир. Капитан и сам этого желает. Приходя в роты, он подбадривает бойцов и говорит им: "Будьте смелее и напористее, победа всегда будет за нами". Бойцы с любовью смотрят на комбата, на орден, что горит на его груди, на прошлые подвиги в боях с врагами и на устах каждого одно – мы победим» [2]. 9 августа 1941 г. Ф.А. Баталову было присвоено звание Героя Советского Союза. Его именем названа улица в г. Жлобине Гомельской области [46, с. 45].

Несмотря на мужество и героизм, проявленные советскими воинами на белорусской земле, БССР была захвачена к концу лета 1941 г. Республика была оккупирована, но не покорена: 374 тыс. партизан, свыше 70 тыс. под-

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

польщиков сражалось в городах и селах. Немало выходцев из Татарской АССР было представлено в подпольном и партизанском движении.

В зале музея, посвященном подпольной деятельности на захваченной территории Беларуси, представлен фотопортрет и грамота Героя Советского Союза Ивана Константиновича Кабушкина, который до войны работал в Казани водителем трамвая. После начала Великой Отечественной войны Иван Константинович оказывается в Беларуси и помогал начальнику разведки 208-го партизанского отряда в выявлении и уничтожении предателей [46, с. 201].

Иван Константинович действовал под различными псевдонимами – Бабушкин, Жан, Сашка, Назаров. За небольшой период времени зарекомендовал себя отличным подпольщиком, руководил оперативной группой Минского подпольного городского комитета партии. Самые опасные операции обычно поручались Жану, и он выполнял их на отлично.

4 февраля 1943 г. при выполнении боевого задания отважный подпольщик был схвачен гитлеровцами. После зверских пыток в тюрьме на протяжении 5 месяцев он погиб. В 1965 г. И.К. Кабушкину было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. В Барановичах и Минске есть улица его имени, а в фондах музея хранятся его личные вещи [46, с. 201].

Большую роль в развертывании подпольной борьбы города сыграл Минский подпольный городской комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. Комитет издавал газету «Звезда», которая рассказывала о событиях на фронте и в советском тылу, о боевых делах белорусских партизан [45, с. 273].

С мая по сентябрь 1942 г. вышло четыре номера подпольной «Звезды» общим тиражом более 10 тыс. экземпляров. После выхода первого номера газеты ее редактор Владимир Омелянюк погибает, а наборщик этого номера Борис Пупко окажется в застенках Службы безопасности рейхсфюрера СС (СД), но Минский подпольный горком решил продолжить издание газеты. Необходимо было срочно найти нового наборщика для «Звезды». Им стал татарин Хасан Мустафович Александрович. Именно он подготовил второй, третий и четвертый номера газеты. Х.М. Александрович готовил пятый номер «Звезды», который не вышел из-за массовых арестов подпольщиков [43].

В экспозиции представлен собирательный интерьер подпольной квартиры, в котором экспонируются подлинные предметы, принадлежавшие советским патриотам. Занавески, стол со следами типографской краски, валик, коптилка – эти предметы принадлежали Татьяне Яковенко – хозяйке явочной квартиры, где были напечатаны 2-й и 3-й номера газеты «Звезда».

Выпуск газеты «Звезда» усложнялся в связи активными поисками типографии оккупантами, которые за выдачу типографии установили вознаграждение в 50 тыс. оккупационных марок, а затем повысили его до 75 тыс. В этих условиях в ноябре 1942 г. Хасан Мустафович выбыл из Минского партийного подполья в партизанскую бригаду им. И.В. Сталина [45, с. 278].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

В фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны хранится стенограмма совещания бывших участников коммунистического подполья в г. Минске в период нацистской оккупации. Совещание было проведено музеем и Институтом истории Академии наук БССР в декабре 1954–1955 гг. В данном документе есть воспоминания, в том числе и Х.М. Александровича [43].

Героической страницей в летописи Великой Отечественной войны отмечено партизанское движение на оккупированных территориях СССР. Беларусь называют «краем партизан» не случайно, ведь около 60 % территории нашей республики находилось под контролем партизан. В партизанских отрядах сражались бойцы разных национальностей, в том числе и славные сыны татарского народа.

В партизанском отряде «Непобедимый», который действовал в южной части Минской области, смелостью и храбростью выделились уроженцы Казани Р. Гореев, Т. Гибадуллин, Н. Халиуллин. В отряде имени В.И. Чапаева 1-й Гомельской бригады уважением среди товарищей пользовались отважные подрывники из Казани, которые пустили под откос несколько эшелонов противника. По распоряжению командования отряда Р. Назимов вместе с товарищами заминировал и сжег несколько грузовых и легковых автомашин. По приказу партийного подполья организованную группу патриотов создал в г. Бобруйске татарин А. Сумбаев. Данная группа распространяла в городе листовки, провела несколько боевых операций.

В составе 537-го партизанского полка, который дислоцировался в Кировском и Кличевском районах Могилевской области, мужественным разведчиком был лейтенант Рахим Нигматуллин. По распоряжению командования он провел операцию по захвату немецкого майора – офицера штаба одной из воинских частей, тем самым добыв ценные сведения про систему обороны гитлеровских войск на данном участке фронта [45, с. 270].

Большой вклад в разгром врага на белорусской земле внес Ахмет Зиганшинович Гайсаров, комиссар партизанской бригады имени Жукова Барановичской области. Ахмет Зиганшинович родился в Кайбицком районе Татарской АССР. За время нахождения в партизанском отряде имени Воронова Ахмет Зиганшинович принимал участие в боях по разгрому вражеских гарнизонов в Дудках, Засулье, Еремичах и участвовал в нескольких засадах. В мае 1943 г. в разгроме вражеского гарнизона Дудки командовал штурмовой группой автоматчиков, первым ворвался в расположение гарнизона, открыв проход через проволочное заграждение. После разгрома гарнизона в Дудках ему было поручено комбригом С.С. Ключко полностью уничтожить все сооружения, дзоты, бункеры гарнизона. Позднее эта работа была выполнена при помощи местных жителей и нескольких партизан-разведчиков отряда.

31 августа 1943 г. Ахмет Зиганшинович принимал участие в засаде на гитлеровцев Старинского гарнизона, где было убито 8 полицейев. 20 марта 1944 г., будучи комиссаром партизанской бригады имени Жукова Барановичской области, принимал участие в разгроме вражеского гарнизона в го-

родском поселке Мир, где было убито 12 немцев и полицейев, а также разгромлена волостная управа. 8 июня 1944 г. Ахмет Зиганшинович участвовал в рельсовой войне на участке железнодорожной линии Негорелое-Колосово, где было перебито 320 рельс на протяжении 10 км.

Во время отступления гитлеровцев с территории Беларуси летом 1944 г. принимал участие в боях и засадах. За это время действиями его бригады было убито 520 и взято в плен более 1 500 немецких солдат и офицеров. За время действия партизанской бригады имени Жукова Барановичской области было спущено под откос 97 вражеских эшелонов, убито 4 604 гитлеровца, ранено 2 557 человек, порвано 128 км телефонно-телеграфной связи, проведено 108 боев и засад [42]. За боевые действия в рядах партизан он был награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

В фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны хранятся личные вещи и воспоминания Разитдина Инсафутдиновича Инсафутдинова, комиссара партизанского отряда имени Котовского партизанской бригады «За Советскую Белоруссию» [40]. 4 августа 1942 г. партизаны диверсионных отрядов этой бригады провели операцию по подрыву 120-метрового моста через р. Дриссу. Об этом говорится в воспоминаниях Разитдина Инсафутдиновича следующее: «Получив приказ готовиться к взрыву большого железнодорожного моста через реку Дриссу, в последние дни июля бойцы только и были заняты сбором неразорвавшихся снарядов. По этому мосту (длина 120 метров) ежедневно проходят десятки воинских эшелонов противника» [40].

Движение поездов через железнодорожный мост на р. Дриссе было прекращено на 16 суток. Данная диверсия нашла отражение в экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны в рисунке партизанского художника Николая Ипполитовича Обрыньбы «Бой на р. Дрисса».

Это лишь несколько примеров мужества и героизма, проявленных отважными партизанами и подпольщиками – сынами татарского народа.

Осенью 1943 г. в ходе битвы за Днепр началось освобождение Беларуси. Настоящую отвагу показали татары и татарстанцы в период боев за форсирование Днепра. Из 2 437 солдат и офицеров, удостоенных звания Героя Советского Союза за взятие так называемого «восточного вала», 40 человек являются выходцами из Татарстана [44, с. 44].

За форсирование Днепра на территории Гомельской области звания Героя Советского Союза были удостоены М.С. Актуганов [28], Ф.Г. Габдрашитов [20], А.Г. Гизатуллин [31], Б.Р. Давлятов [30], И.С. Даутов [35], И.Х. Дубин [39], Л.С. Сибатуллин [37], И.А. Юсупов [32], Н.(К.)Я. Якупов [12].

Севернее поселка Комарина Гомельской области отличился гвардии младший сержант Махмут Актуганов, наводчик противотанкового ружья 221-го стрелкового полка 77-й гвардейской дивизии. За мужество и героизм,

проявленные при выполнении боевых заданий, ему было присвоено звание Героя Советского Союза [28].

Пулеметчик 2-го эскадрона 60-го гвардейского кавалерийского полка, гвардии рядовой Фазул Абдуллинович Габдрашитов в боях за Березну и Бегац Гомельской области своим огнём прикрыл фланг эскадрона от контратак противника, обеспечив взятие этих сел. В бою за Лопатино он первым ворвался в село на тачанке, уничтожив 12 вражеских солдат и офицеров, что способствовало быстрому захвату населенного пункта. При форсировании Днепра у деревни Нивки 27–28 сентября он первым переправился через реку под огнём, отбросив противника и обеспечив плацдарм для остальных подразделений [19].

Гвардии сержант Абдулла Гайбадуллинович Гизатуллин, также служивший в этом кавалерийском полку, 20 сентября 1943 г. у с. Лопатино отбил контратаку вражеских танков и пехоты, подавив пулеметную точку. 28 сентября он первым переправился через Днепр, уничтожив два вражеских пулемета в бою за плацдарм у д. Галки (Брагинский район), и не покинул поле боя, будучи тяжело ранен. За свои подвиги А.Г. Гизатуллин был удостоен звания Героя Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г.) [23; 31].

Бакир Рахимович Давлятов, гвардии старший сержант, командуя расчетом станкового пулемета, 22 сентября 1943 г. в бою за совхоз им. Чкалова, после ранения наводчика сам выдвинул пулемет вперед на 100 м и своим огнем подавил немецкий пулемет, обеспечив успешное продвижение эскадрона. 28 сентября 1943 г. он первым в эскадроне переправился на западный берег Днепра, открыв пулеметный огонь по противнику, что заставило группу гитлеровцев разбежаться. На следующий день, 29 сентября, Б.Р. Давлятов проявил мужество и героизм в боях за хутор Галки. Когда пулемет гвардии старшего сержанта был разбит самоходной пушкой противника, он не остановил бой, а продолжил сражаться с противником винтовкой [29; 30].

Геройски пал смертью храбрых на белорусской земле пулеметчик Искандер Садыкович Даутов, который 27 сентября 1943 г. в боях за хутор Гусавка метко уничтожал живую силу противника, а при форсировании Днепра, переправившись на правый берег, в рукопашной схватке уничтожил двух гитлеровцев. Получив тяжелое ранение, Даутов продолжал вести огонь из пулемета, отбивая атаки противника, и не выпускал пулемет до последнего вздоха [35].

В Брагинском районе Гомельской области младший лейтенант Ибрагим Хусанович Дубин, командир 7-й роты 3-го батальона 360-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии 13-й армии Центрального фронта отличился в боях за плацдарм на западном берегу Днепра (23–25 сентября 1943 г.). В районе деревни Берёзки он первым ворвался в населенный пункт, уничтожив вражеский пулемет и средства связи, после чего продолжил наступление на д. Посудово [46, с. 155].

В сражениях за деревни Березки и Посудово Брагинского района проявил героизм и Юсупов Исман Хасанович, сражался с неистовым превосходящим врагом. Храбрый воин шел впереди своих товарищей, отважно и решительно вдохновляя остальных бойцов.

В бою за деревню Березки, Юсупов лично уничтожил 6 вражеских солдат. В ожесточенном бою за деревню Посудово, он увлекся вперед, лично уничтожив расчет вражеского пулемета и захватив его, тем самым обеспечил наступление нашей пехоты [32].

Отдельной страницей в героической летописи Победы является вклад фронтовых врачей, которых называют «героями в белых халатах». Благодаря их героизму, более 73 % раненых вернулись на фронт.

В ночь на 27 сентября 1943 г., во время форсирования Днепра у д. Нивки (Брагинский район, Гомельская область), фельдшер медицинского пункта 58-го гвардейского кавалерийского полка, гвардии старший лейтенант медицинской службы татарстанец Николай Якупович Якупов совершил 27 рейсов на лодке, эвакуируя раненых и доставляя боеприпасы на плацдарм, проявив при этом исключительную храбрость и выдержку [12].

Командир 146-го гвардейского артиллерийского миномётного полка, гвардии капитан Шамиль Саидович Рахматуллин, отличился 30 сентября 1943 г. при форсировании Днепра. Полк оказался отрезан на небольшом плацдарме западного берега после разрушения переправы авиацией противника. В течение 36 часов гвардии капитан Рахматуллин, лично участвуя в бою, организовал круговую оборону, отражая массированные атаки танков и пехоты противника до подхода подкрепления. Он погиб от прямого попадания снаряда «Фердинанда» в наблюдательный пункт, но благодаря его мужеству и героизму плацдарм был удержан. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза [34].

В сентябре 1943 г. шли бои за форсирование реки Сож – самого крупного притока Днепра. Звание Героя Советского Союза было присвоено татарину Абдураманову Узеиру Абдурамановичу. Старшина У.А. Абдураманов проявил исключительный героизм и самопожертвование. Несмотря на огромные потери – из 17 бойцов его отделения выжило лишь трое, – они успешно выполнили боевую задачу. За мужество и героизм, проявленные при выполнении боевого задания (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г.), ему присвоено звание Героя Советского Союза [36].

Ожесточённые бои за Лоевский плацдарм (Гомельская область, октябрь 1943 г.) увенчались подвигами многих героев. Звание Героя Советского Союза за форсирование Днепра в районе Лоева получили: Х.Ш. Аглиуллин [24], М.Г. Гайнутдинов [25], Х.Г. Гизатуллин [22], Б.Е. Давлетов [27], А.М. Калиев [18], Ш.С. Рахматуллин [34].

Старший сержант Хамит Шамсудинович Аглиуллин проявил исключительное мужество и отвагу в боях с немецкими захватчиками. Он всегда находился в первых рядах, лично подготавливая бесстрашных саперов. 15 октября 1943 г. под сплошным огнем противника он первым переправился че-

рез Десну, Снов и Цату, вместе с разведчиками и саперами обеспечив высадку передового отряда на правый берег Днепра. Героически сражаясь за плацдарм, он погиб. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему посмертно [24].

Связист Махметин Галентдинович Гайнутдинов также отличился при форсировании Днепра 15 октября 1943 г. Под сильным огнем он проложил телефонный кабель через реку, обеспечив непрерывную связь передового отряда со штабом полка и управление подразделениями на правом берегу. Звание Героя Советского Союза присвоено 30 октября 1943 г. [25]

Бои за реку Днепр были ожесточенными, река, казалось, кипела от пуль и крови. Только за то, что боец переправлялся на противоположный берег Днепра, – ему присваивалось звание Героя Советского Союза. Так при форсировании Днепра отличился Гизатуллин Хамазан, который 14 октября 1943 г. построил плот для форсирования реки, с получением приказа подвез плот к Днепру, под сильным артиллерийско-минометным огнем противника, собрав его и первым в дивизии переправился на берег Днепра без потерь в личном составе и материальной части. При достижении правого берега, быстро выкатил орудие на берег, открыл огонь прямой наводкой по отступающим немцам. Уничтожил до 20 гитлеровцев и подавил два пулемета с расчетами врага. За мужество при форсировании р. Днепр и расширении плацдарма десантной группы был награжден золотой звездой Героя Советского Союза [21; 22].

Уроженец Татарской АССР Боян Еоркеевич Давлетов в боях по форсированию р. Днепр и за овладение д. Бывалки Гомельской области проявил исключительное умение в командовании взводом. Его взвод первый успешно форсировал р. Днепр, а 17 октября 1943 г. вступил в ожесточенный бой за д. Бывалки. Несмотря на яростный артиллерийский, миномётный и пулемётный огонь противника, используя умелый манёвр, Боян Еоркеевич вывел свой взвод из-под обстрела. Внезапно атаковал врага на западной окраине деревни и вступил с ним в ближний бой. Противник превосходил взвод Давлетова в численности и огневой мощи в несколько раз. Быстро перестроив боевые порядки и уничтожив несколько огневых точек, старший лейтенант Б.Е. Давлетов перешел в контратаку, проведя рукопашную схватку и очистив западную окраину деревни от врага. Это решительное действие обеспечило успешное продвижение батальона [27]. 21 октября 1943 г. старший лейтенант погиб в бою, звание Героя Советского Союза присвоено ему посмертно [26].

Важную роль в битве за Днепр выполняли разведгруппы. Татарин Анвар Калиев служил рядовым разведчиком 325-й отдельной разведроты 246-й стрелковой дивизии 65-й армии. 19 октября 1943 г. разведгруппа старшего сержанта Лякишева в составе трех человек под сильным минометным арт-огнем противника форсировала р. Днепр. На правом берегу Днепра Анвар Калиев разведал линию обороны противника, установил расположение раз-

ведки, что дало возможность форсировать Днепр полками дивизий без потерь. За проявленные мужество, смелость, героизм ему было присвоено звание Героя Советского Союза [18].

Полное освобождение территории Беларуси произошло в ходе белорусской стратегической наступательной операции «Багратион». Крупнейшая наступательная операция началась 23 июня и завершилась 29 августа 1944 г. За освобождение Витебской области звание Героя Советского Союза было присвоено: Г.М. Хадимухаметову [9], В.Х. Хазиеву [10], Б.Я. Янтимирову [11], М.Х. Хайрутдинову [5; 6].

В первый день наступательной операции старший лейтенант Гумир Мустафьевич Хадимухамедов, командуя ротой, сыграл решающую роль в прорыве глубоко эшелонированной линии траншей противника в районе д. Жеребичи. Личным примером он повел бойцов в атаку, которая завершилась захватом второй линии траншей и пленением 17 немецких солдат и офицеров. Развивая успех, Хадимухамедов отрезал путь отхода крупной группировке немцев численностью до 150 чел., несмотря на численное превосходство противника. Будучи раненым, он продолжал командовать ротой, в контратаке овладев д. Завязье и захватив 3 орудия, 6 пулеметов и 3 миномета. Его действия способствовали успеху всего полка в прорыве обороны врага. За проявленные мужество и героизм Хадимухамедов был удостоен звания Героя Советского Союза [9].

Не менее героически проявили себя и рядовые бойцы. Красноармеец Валит Хазиев показал образцы храбрости при прорыве обороны в районе Козаново, в боях за форсирование Западной Двины и в дальнейшем наступлении, уничтожив 7 немецких солдат и офицеров и выведя из строя вражеский пулемет. За эти подвиги он был удостоен звания «Почетный гражданин города Витебска» [10].

Капитан Булат Анбулатович Янтимиров отличился при форсировании Западной Двины, умело организовав переправу батальона на западный берег реки. Булат Анбулатович погиб 26 июня 1944 г. в боях под д. Санники. В память о его подвиге одна из улиц поселка Бешенковичи носит его имя [11].

За бои на территории Могилевской области звания Героя Советского Союза удостоены В.Г. Булатов, М.П. Петров, О.А. Санфирова, М.Г. Сыртланова.

Младший лейтенант Василий Галямович Булатов отличился при прорыве немецкой обороны в районе г. Рогачёва и при форсировании р. Друть. Василий Галямович, командуя взводом станковых пулеметов, подготовил свой взвод к боевым действиям с форсированием водного рубежа, в период выполнения боевой задачи хорошо провел переправу личного состава и материальной части своего взвода и действие по захвату траншей противника. Во время подхода к траншеям противника младший лейтенант В.Г. Булатов из своего пулемета вел огонь по противнику, подавлял его огневые точки,

которые мешали продвижению нашей пехоте. 25 июня 1944 г. при ведении боя за захват четвертой траншеи разрывом немецкого снаряда был разбит пулемет, из которого вел огонь младший лейтенант. Движение пехоты было приостановлено огнем пулеметов противника, заметив замешательство в боевом порядке, он встал на ноги и, на ходу бросая гранаты и ведя огонь из автомата, устремился в траншею противника. Бойцы, воодушевленные героическим подвигом своего командира, поднялись в атаку и смяв противника, обороняющего траншею, овладели ими [16; 17].

В форсировании р. Днепр на территории Могилевской области отличился татарин Михаил Петрович Петров [33]. В июне 1944 г. стрелковый полк под командованием подполковника М.П. Петрова принимал участие в форсировании белорусских рек Бася, Проня, Реста, в результате чего было освобождено 217 населенных пунктов. Ночью 28 июня 1944 г. под сильным обстрелом врага переправился через Днепр южнее Могилева и, совершив обходной маневр, отрезал противнику путь к отступлению. В этом бою захватил 60 пулеметов и автоматов, 120 орудий, 235 автомашин, 9 складов, уничтожил и взял в плен большое количество немцев [46, с. 407].

В суровые военные годы, наряду с мужчинами, мужество и героизм проявляли женщины. Особое восхищение вызывают представительницы прекрасного пола, служившие в авиации. В годы войны существовали целые полки, полностью состоявшие из женщин. Яркой страницей в истории Великой Отечественной войны являлся 46-й гвардейский ночной легкобомбардировочный авиационный Таманский Краснознаменный ордена Суворова полк, который в том числе участвовал в освобождении Беларуси в ходе операции «Багратион».

В фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны хранится копия наградного листа Героя Советского Союза Ольги Александровны Санфировой. С мая 1942 г. она сражалась на фронтах Великой Отечественной войны, участвуя в обороне Кавказа, освобождении Крыма и Беларуси. Командир эскадрильи 46-го гвардейского Таманского женского авиаполка, гвардии капитан О.А. Санфилова совершила 630 боевых вылетов, нанося удары по вражеской технике и живой силе в районах Могилева, Гродно и переправ через р. Птичь во время Белорусской операции 1944 г. Погибла 13 декабря 1944 г. при возвращении с боевого задания – её самолёт был сбит, а она погибла, когда, пробираясь к своим, подорвалась на минном поле. Похоронена в братской могиле в городском парке Гродно. В этом городе есть улица, названная в честь Ольги Александровны [13].

Сослуживцем Ольги Александровны была гвардии старший лейтенант Магуба Гусейновна Сыртланова, которая за годы войны прошла путь от рядовой летчицы до заместителя командира эскадрильи, совершила 780 боевых вылетов [4; 44, с. 47]. После войны проживала в Казани, где ее именем названа улица.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

В экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны представлен советский многоцелевой биплан У-2 (с 1944 г. – По-2). Такие самолеты стояли на вооружении в том числе 46-го гвардейского Таманского ночного легкомобардировочного женского авиаполка. А в годы Великой Отечественной войны данные самолеты выпускались в г. Казани Татарской АССР на заводе № 387 (до войны Ленинградский авиационный завод, эвакуированный в столицу Татарстана) [44, с. 105].

В июле 1944 г., освобождением г. Бреста завершится оккупация Беларуси. Галям Гимадиевич Мурзаханов (д. Татарские Наратлы, Зеленодольский район, Татарская АССР) был удостоен звания Героя Советского Союза за участие в боях под д. Скрыгалово (Мозырский район, Гомельская область) и за освобождение г. Пинска (Брестская область). Служа матросом в Днепровской военной флотилии с 1943 г., в 1944 г. он участвовал в пяти десантных операциях на территории Беларуси. Под Скрыгалово он прорвал проволочные заграждения, уничтожил огневую точку противника, а под Дорошевичами – две пулеметные точки. 12 июля 1944 г. матрос одним из первых высадился в Пинске, уничтожил два пулемета и взял гитлеровца в плен. Неоднократно выполняя разведывательные задачи в тылу врага, он продолжал сражаться, даже получив ранение [15].

Гвардии сержант Сейтнафе Сейтвелиев, командир орудия истребительной противотанковой батареи отличился при освобождении Гомельской и Минской областей. Служил в Красной армии с 1939 г. и участвовал в боевых действиях с 1941 г., в июне 1944 г. под г. Жлобиным (Гомельская область) его расчет успешно отразил несколько вражеских контратак, уничтожив пулемётный расчёт и миномётную позицию. Аналогичный успех сопровождал его в июле 1944 г. под Марьиной Горкой (Минская область) [14].

Халил Зинатуллович Хайруллин принимал участие как в партизанском движении на территории Беларуси, так и после ее освобождения воевал в составе действующей армии. Так, в ночь с 13 на 14 июля 1944 г. Хайруллин одним из первых переправился через реку Неман. Он прикрывал переправу основных сил огнём своего пулемёта и успешно отразил несколько контратак немцев. В решающий момент боя, заменив выбывшего командира роты, он поднял своё подразделение в атаку и заставил противника отступить. За подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза [7; 8].

Участвовал в освобождении Беларуси дважды Герой Советского Союза татарин Амет-Хан Султан. Он во время Великой Отечественной войны воевал на Брянском, Сталинградском, Юго-Западном, Южном, 4-м Украинском и 3-м Белорусском фронтах. За время службы Амет-Хан Султан совершил более 600 боевых вылетов, принял участие в 150 воздушных боях, сбил 30 самолетов противника в одиночных боях и 19 в групповых сражениях [38].

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны в столице Республики Беларусь – городе Минске является одним из

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

крупнейших хранилищ реликвий Великой Отечественной войны в мире. Здесь соединились Память и Слава о Подвиге советского народа. На мраморных плитах увековечены имена 2 143 Героев Советского Союза и 73 полных кавалеров ордена Славы, из них 29 Героев Советского Союза – татар и уроженцев Татарстана, которые были удостоены этого звания за освобождение Беларуси.

В зале над именами и фамилиями Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы золотыми буквами вписаны названия частей и соединений 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов, партизанских бригад и отрядов, участвовавших в освобождении нашей земли от немецко-фашистских захватчиков. Свыше 500 воинских частей были удостоены почетного права носить на своих знаменах названия белорусских городов и рек. Из семи стрелковых дивизий, сформированных в Татарстане, две дивизии получили почетные наименования белорусских городов: 334-я Витебская ордена Суворова второй степени стрелковая дивизия, 352-я Оршанская Краснознаменная ордена Суворова второй степени стрелковая дивизия, а также особо отличившимся в освобождении г. Минска стрелковым полкам 352-й дивизии (1158-му, 1160-му, 1162-му) было присвоено почетное наименование Минских.

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, открывшийся для посетителей в освобожденном г. Минске еще в 1944 г. вот уже более 80 лет хранит память о подвигах, совершенных советским народом.

Источники и литература

1. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (далее – БГМ ИВОВ). НВ 9286/299.
2. БГМ ИВОВ. КП 34171/5.
3. БГМ ИВОВ. КП 41522/1.
4. БГМ ИВОВ. НВ 9289/33.
5. БГМ ИВОВ. КП 20782.
6. БГМ ИВОВ. НВ 9289/74.
7. БГМ ИВОВ. НВ 16954.
8. БГМ ИВОВ. НВ 11556/177.
9. БГМ ИВОВ. НВ 5533/66.
10. БГМ ИВОВ. НВ 5533/67.
11. БГМ ИВОВ. НВ 5388/199.
12. БГМ ИВОВ. НВ 5533/83.
13. БГМ ИВОВ. НВ 7217/3.
14. БГМ ИВОВ. НВ 7482/83.
15. БГМ ИВОВ. НВ 7482/20.
16. БГМ ИВОВ. КП 9795.
17. БГМ ИВОВ. НВ 9286/236.
18. БГМ ИВОВ. НВ 9286/8.

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

19. БГМ ИВОВ. НВ 11487.
20. БГМ ИВОВ. НВ 9465/66.
21. БГМ ИВОВ. НВ 9535.
22. БГМ ИВОВ. НВ 5074.
23. БГМ ИВОВ. НВ 17388.
24. БГМ ИВОВ. НВ 9286/204.
25. БГМ ИВОВ. НВ 7676/18.
26. БГМ ИВОВ. Краткая биография Давлетова Б.Е., б/н.
27. БГМ ИВОВ. НВ 5090.
28. БГМ ИВОВ. НВ 9286/206.
29. БГМ ИВОВ. КП 44895/1.
30. БГМ ИВОВ. НВ 9465/89.
31. БГМ ИВОВ. НВ 17388.
32. БГМ ИВОВ. НВ 9465/317.
33. БГМ ИВОВ. НВ 9465/221.
34. БГМ ИВОВ. НВ 9465/232.
35. БГМ ИВОВ. НВ 9465/93.
36. БГМ ИВОВ. НВ 9465/1.
37. БГМ ИВОВ. НВ 11058/24.
38. БГМ ИВОВ. НВ 016891.
39. БГМ ИВОВ. НВ 009465/100.
40. БГМ ИВОВ. НВ 7814.
41. БГМ ИВОВ. КП 40394.
42. БГМ ИВОВ. НВ 9506/2.
43. БГМ ИВОВ. НВ 33971.
44. *Кабилова, А.Ш.* Нам жить и помнить. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А.Ш. Кабилова, Е.Г. Кривоножкина, А.С. Бушуев. Казань: Фолиант, 2016. 248 с.
45. Народы СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы XI Международной научно-практической конференции. Минск, 30–31 мая 2005 г. / отв. ред. З.И. Канапацкая. Минск: Промпечать, 2006. 380 с.
46. Навечно в сердце народном: справочник / гл. ред. И.П. Шамякин. 3-е изд., доп. и испр. Минск: Белорусская советская энциклопедия, 1984. 607 с.

Котловская Екатерина Александровна, заведующая культурно-образовательным отделом, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Республика Беларусь, г. Минск, kistochka-86@mail.ru

Katlouskaya Katsiaryna A., Head of cultural and educational department, Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War, Republic of Belarus, Minsk, kistochka-86@mail.ru

УДК [730.027:355.48-051"1941"]:316.7](470.312)

А.Ю. Гладина, С.А. Егорычева

**МОНУМЕНТ «ГЕРОИЧЕСКИМ ЗАЩИТНИКАМ
ТУЛЫ, ОТСТОЯВШИМ ГОРОД В 1941 ГОДУ»
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА**

Аннотация. В статье на основе уникальных документов Государственного архива Тульской области поднимается вопрос влияния событий Великой Отечественной войны на формирование эстетического облика Тулы и рассказывается история создания одного из крупных монументов города – «Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 году». Исследуется бытование монументонима «Три штыка» в повседневной жизни туляков. Тульский памятник представляется комплексно: как продолжение образа «русского штыка» в искусстве, как тульский устойчивый символ, как опорная точка для патриотического воспитания, как значимое место для тульской свадебной обрядности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Тула, памятник, скульптурный ансамбль, монументоним, «Три штыка».

A.Yu. Gladina, S.A. Egoricheva

**MONUMENT “TO THE HEROIC DEFENDERS
OF TULA, WHO DEFENDED THE CITY IN 1941”
IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE CITY**

Abstract. Based on the unique documents of the State Archive of the Tula Region, the article raises the issue of the influence of the events of the Great Patriotic War on the formation of the aesthetic appearance of Tula and tells the story of the creation of one of the city's major monuments – “The Heroic Defenders of Tula, who defended the city in 1941.” The existence of the monumentonym “Three bayonets” in the daily life of Tulyaks is investigated. The Tula monument is presented comprehensively: as a continuation of the image of the “Russian bayonet” in art, as a Tula stable symbol, as a reference point for patriotic education, as a significant place for the Tula wedding ceremony.

Keywords: Great Patriotic War, Tula, monument, sculptural ensemble, monumentonym, “Three bayonets”.

Историческую значимость Тулы как областного центра на карте России трудно переоценить. Именно Тульская оборонительная операция стала решающим этапом в битве за Москву в 1941 г. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал: «В разгроме немецких войск под Москвой Туле и ее жителям принадлежит выдающаяся роль...» [20, с. 21]. Спустя 35 лет, как отгремели бои за Тулу, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от

7 декабря 1976 г. будет сказано: «За мужество и стойкость, проявленные защитниками Тулы при героической обороне города, сыгравшей важную роль в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой в период Великой Отечественной войны, присвоить городу Туле почетное звание "Город-Герой" с вручением медали "Золотая Звезда"» [40, с. 15].

Для воинов, защищавших оружейную столицу, Тула стала особым «местом памяти». Это понятие было введено в научный оборот французским ученым Пьером Нора в начале 80-х гг. XX в. Согласно его концепции, места памяти, во-первых, – это «останки» прошлого и вместе с тем «места памяти» – это «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем». По мнению Нора, «места памяти» – это утрачиваемое нами прошлое, которое еще живо где-то в сознании социальной группы, но в скором времени может исчезнуть навсегда, а само «место памяти» – превратиться в историю, которая больше не будет поддерживаться коллективной памятью. В своих трудах Пьер Нора заключает, что в «местах памяти» находит убежище и «кристаллизуется» сама память [33, с. 35].

Отмечать места великих сражений памятниками советский народ начал сразу же после окончания Великой Отечественной войны. В Будапеште и Праге, Вене и Белграде, на просторах освобожденной Родины и в поверженном Берлине сооружались памятники советскому воину-освободителю [44, с. 126]. В послевоенный период в процессе увековечения ведущую роль стал играть памятник-ансамбль, мемориал. Комплексный архитектурно-скульптурный тип памятника оказался наиболее адекватным идее победы жизни над смертью, гуманизма над человеконенавистничеством. И чем более отдалены новые поколения жителей нашей страны от события, тем более ценной становится образная информация, содержащаяся в памятниках [21, с. 415].

«Местом памяти» для многих поколений туляков стали площадь Победы и монумент «Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 году». Для туляков это место также значимо, как, например, для волгоградцев памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане или для жителей белорусского Бреста мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Более того, тульский историк-краевед С.А. Рассаднев даже назвал площадь «священным местом для жителей оружейной Тулы» [32, с. 62].

Целью данного исследования стало рассмотрение истории создания монумента «Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 году» и характеристика настоящего положения легендарного памятника в современном социокультурном пространстве города.

Источниковая база исследования представлена материалами фондов Государственного архива Тульской области (далее – ГА ТО): период продолжительных обсуждений проектов будущего памятника (фонд Р-2640 «Решения органов власти» и фонд Р-252 «Исполнительный комитет Тульского городского совета народных депутатов Тульской области») и этап не-

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

посредственных работ по созданию монумента «Защитникам...» и ансамбля Площади Победы (фонд Р-4006 «Тульскгражданпроект»).

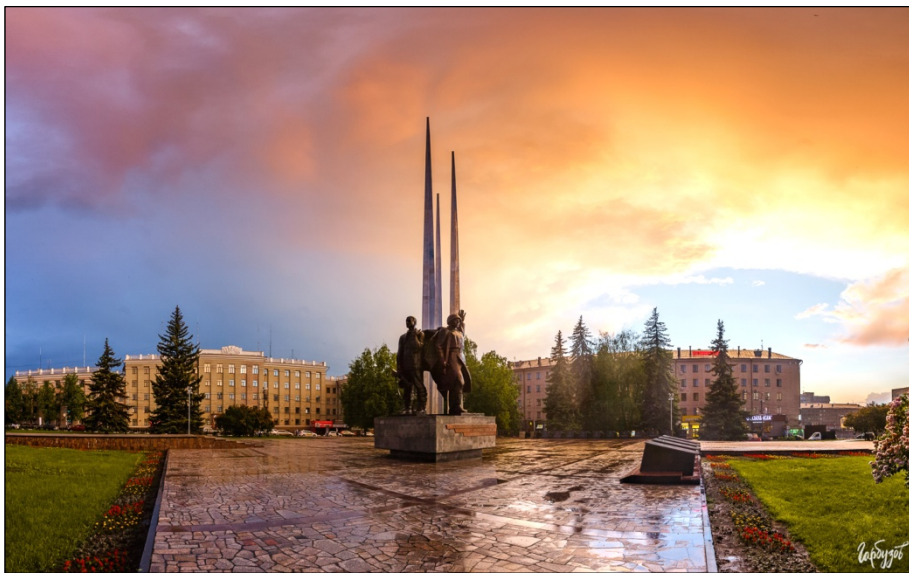

Рис. 1. Современное состояние мемориального комплекса «Три штыка».
Фото И. Гарбузова. 2024 г. [25]

В послевоенные годы в скульптуре усилилась тяга к монументальности [21, с. 393]. Новым словом в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды стало сооружение памятников-мемориалов [21, с. 416]. Настоящий расцвет мемориального строительства в память о героях и жертвах Великой Отечественной войны произошел в СССР в 1960–1970-е гг. Это время поиска новых композиционных и художественных решений, время глубокого синтеза и взаимного влияния друг на друга различных видов искусств: архитектуры, скульптуры, монументальной живописи, поэзии, музыки и естественной природной среды [35, с. 256–262].

Советский и российский историк архитектуры и искусствовед Е.И. Кириченко в своем труде обозначила ряд общих для всех военных памятников черт, «прямо связанных с их основной функцией – коммеморативной». По ее мнению, «практически все памятники, если мы говорим о городском пространстве или полях битв, должны быть хорошо обозримы. Одним из принципиальных факторов в выборе места для монумента является его физическая доступность. Памятник – как наследие поколения, знаковый объект исторической памяти должен быть общедоступным, у людей должно быть ощущение его близости и возможности "прикоснуться к истории" ... Памятник должен одинаково хорошо восприниматься с разных сторон и на различном расстоянии, воздействовать на зрителя своим ясным и четким силуэтом» [9, с. 72].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

С точки зрения средств выразительности, играющих ведущую композиционную роль, памятники 1960–1970-х гг., по мнению исследователей И. Азизян и И. Ивановой, можно разделить на три группы: архитектурные; скульптурные; памятники – оружие [23, с. 179–187]. В рассматриваемом нами тульском памятнике «Героическим защитникам...» можно наблюдать симбиоз характерных черт монументов из представленных трех групп.

С просьбами установить памятник в честь героической обороны Тулы в 1941 г. ветераны неоднократно обращались к местным властям. Самое раннее подобное обращение от участников обороны Тулы датировано еще 31 декабря 1961 г. [4]

Достаточно сильно на облике Тулы отразилось празднование 25-летия героической обороны областного центра: в городе появилось большое количество новых памятников, посвященных овеянному славой военному времени. Кроме того, в память о подвиге защитников Тулы была переименована часть городских улиц. Например, Гражданский проспект стал называться улицей Генерала Болдина, улица Лесная – улицей Тульского Рабочего Полка и т.д. [38, с. 152–153.]. В Государственном архиве Тульской области хранятся протоколы заседания областной комиссии по подготовке и проведению мероприятий, связанных с 20-летием разгрома фашистской Германии и 25-летием обороны г. Тулы в Великой Отечественной войне (13 февраля 1965 г.) [14]. На заседаниях органа, созданного для подготовки празднования значимых юбилеев, его участники были заняты решением вопросов «по присвоению школам, учреждениям культуры и др. организациям имен Героев Отечественной войны – туляков, переименованию улиц и установлению мемориальных досок на памятных местах, связанных с обороной г. Тулы и освобождением области от немецко-фашистских захватчиков» [14, л. 609]. Актуальной повесткой было, в том числе, и объявление конкурса «на создание памятника-монумента, сооружаемого в гор. Туле в честь победы над немецко-фашистскими захватчиками по обороне Тулы и подступов к Москве» [14, л. 610].

Согласно «Положению о конкурсе на создание проектов памятника участникам Героической обороны Тулы в 1941 году» (11 мая 1965 г.), в нем могли «принимать участие профессиональные художники и архитекторы, а также все желающие самодеятельные художники области» [15, л. 126]. В «Положении...» четко сформулирована идея будущего памятника и та роль, которую будет играть новый монумент в сохранении памяти о войне: «В проектах памятника должно быть просто, ясно и жизненно правдиво отражен великий подвиг, мужество и героизм туляков, участников обороны Тулы»; «Памятник должен быть строгим по своей архитектурной структуре и художественно выразительным. На памятнике должен гореть «вечный огонь» Славы» [15, л. 126]. Срок предоставления проектов в Тульское управление культуры назначался до 20 июля 1965 г. По решению комиссии, «за лучшие проекты памятника были установлены премии: одна премия – 300 рублей, две вторых – 200 рублей, три третьих – по 100 рублей» [15, л. 126].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

В 1960-е гг. была сильно реконструирована южная окраина Тулы: та местность, где непосредственно проходила линия фронта суровой осенью 1941 г., там, где были остановлены танки Гейнца Гудериана. Площадь Победы первоначально носила название «Южная». Южную площадь Тулы можно назвать «средой-очевидцем»: она во многом определила замысел будущего памятника. Главным героем становится природный ландшафт, не нуждающийся в дополнительных сооружениях для того, чтобы оказывать определенное эмоционально-психологическое воздействие [21, с. 415]. Схема планировки площади Южного района г. Тулы разрабатывалась инженерами Тулоблпроекта и была рассмотрена на заседании Тулоблисполкома в 1960 г. [16, л. 45]

Рис. 2. Южная площадь г. Тулы. 1960-е гг. [39]

Изначально занимаясь планировкой площади, специалисты исходили из расчета, что со временем данное городское пространство будет иметь доминанту в виде обелиска, ее украсит памятник в честь защитников Тулы в 1941 г. [16] В документах по результатам заседаний Исполнительного комитета читаем: «Если будет обелиск "Победы", если будет парадный сквер, то надо сделать высокого качества благоустройство – если не гранит, то привезти какой-то известняк, сделать хороший бордюр и хороший сквер» [16, л. 331].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры

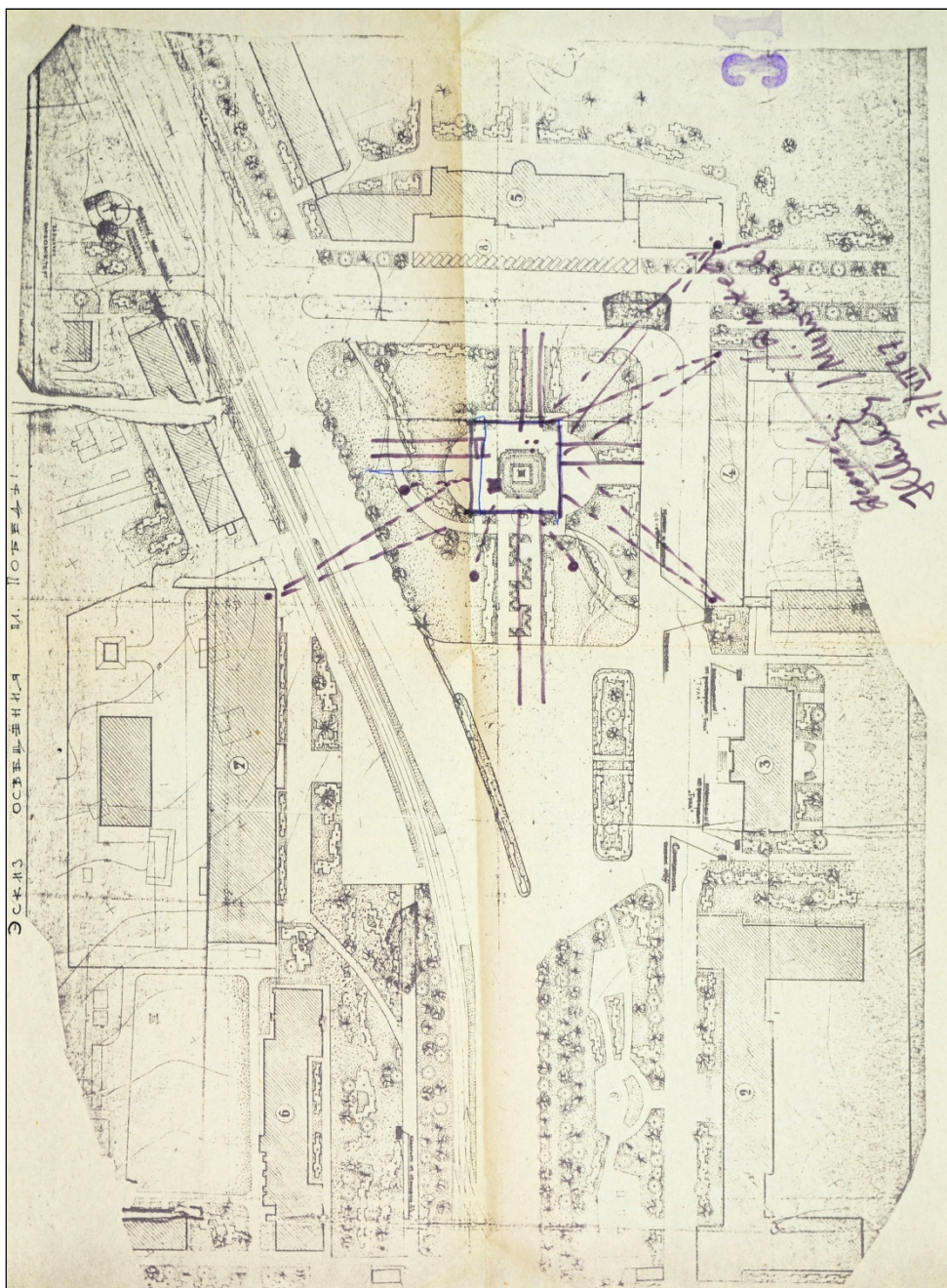

Рис. 3. Эскиз освещения площади Победы. С автографами скульптора
Б.И. Дюжева и архитектора Н.Н. Миловидова. 23 июля 1967 г. [18, л. 31]

В решении Исполнительного комитета Тульского городского совета депутатов трудящихся были обозначены основные задачи, которые ставились перед специалистами в ходе планировки площади: «Здесь будут проходить колоссальные потоки – пассажирские и автотранспорта, так что осуществление здесь подземного перехода рационально и его можно сделать. Здесь сложность заключается не в устройстве туннеля, а в перекладке подземных коммуникаций»; «Здесь сложная задача – надо на сплошном асфальте выравнивать площадь. Может надо будет сделать макет рельефа. Место это такое, над которым стоит работать, а затраты разложить на комбинат "Тулауголь", писателей и Горный институт. Здесь скупиться не стоит» [16, л. 330–331].

В ГА ТО в фонде Р-4006 «Тульскгражданпроект» сохранились документы от августа 1961 г., содержащие проекты планировки и благоустройства этого городского пространства. Специалистам пришлось несколько изменить ландшафт площади, адаптируя его под требования для создания грандиозного скульптурно-архитектурного памятника-ансамбля. Из текста архитектурно-планировочного решения площади: «Городские площади – это не только местные расширения пересекающихся улиц, но и самостоятельные архитектурно-планировочные элементы, иногда определяющие планировочную композицию всего города» [17, л. 8]. Общая площадь проектируемого городского пространства 5,0 га. Площадь не образовалась в результате правильной и закономерной планировки, а сформировалась в результате сложившейся постройки и является как бы местным уширением улицы Коммунаров (проспект Ленина) [17, л. 4].

Благоустройство ансамбля площади Победы было завершено к 1967 г. Для городской площади, находящейся в таком памятном месте, была необходима яркая смысловая доминанта. Ею стали знаменитые «Тульские штыки».

У писателя Михаила Шолохова есть следующая фраза: «И если любовь к Родине мы носим в наших сердцах, то ненависть к врагам мы носим на кончиках штыков» [42, с. 13–31]. В русской культуре образ штыка используется в качестве национально-государственного символа России и ее военной мощи. На протяжении длительного периода (с 1785 по 1945 гг.) штык оставался одной из важнейших метафор, несмотря на изменения политического строя. Избрание этого образа для тульского памятника оказалось созвучным общей художественной тенденции, он оказался достаточно популярным в монументах защитникам Отечества. Схожие и близкие по смыслу скульптурные силуэты можно увидеть в Витебске (Беларусь), Смоленске, Череповце, Зеленограде. Штык является частью грандиозной по своему замыслу композиции «Мужество» в знаменитом монументальном комплексе Брестская крепость (Беларусь). Этот яркий образ был широко распространен в плакатах времен Великой Отечественной войны, фронтовых листках, упоминается «штык» и в текстах военных музыкальных произведений. Например, в песне «В штыки!» на стихи Н. Ваганова есть следующие слова: «Наш русский штык из самой лучшей стали».

Широко известно изречение полководца А.В. Суворова: «Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко. Пуля обмишуются, штык не обмишуются: пуля – дура, штык – молодец» [41]. Являясь одной из разновидностей ближнего боя, русский штыковой бой считался лучшим в Европе. Даже в одном из приказов, собственноручно подписанном А.В. Суворовым в ходе сражения при Нови и направленном соратникам-австрийцам, было «посвящение» штыку: «Да здравствует сабля и штык, да сгинет гнусная ретирада!» [3, с. 56–65]. Душа русского народа живет в пословицах и поговорках, в этих образцах народной мудрости также достаточное внимание уделено столь любимому виду холодного оружия: «Штык не дурак, его не терпит враг», «Штык невелик, а посадишь трех на штык», «Береги сухарь до привала, а штык до атаки», «Не мели языком, а коли штыком» [29].

Работа над созданием «Тульских штыков» продолжалась более трех лет. Установить памятник планировалось на 25-летие обороны Тулы в 1966 г., но исполнение важного масштабного проекта затянулось. Причинами задержки сдачи памятного объекта стали следующие обстоятельства: по задумке он должен был состоять из уникальных архитектурных элементов, которые ранее не использовались, а сама площадь была неровной, всему виной являлся пологий склон с востока на запад. В итоге потребовалось еще два года для завершения мемориала [27].

Комиссии пришлось выбирать из 18 (!) различных вариантов памятника. Первоначальный вид монумента предполагал установку звезды, в центре которой горел бы огонь. Но в окончательном варианте остались только три штыка и две фигуры – солдата и ополченца.

Победивший в заявленном конкурсе проект памятника разрабатывали московский скульптор, заслуженный художник РСФСР Б.И. Дюжев, архитекторы – заслуженный деятель искусств Узбекской ССР Н.Н. Миловидов и Г.Е. Саевич. Для авторского коллектива Тула не являлась чужим городом: Б.И. Дюжев родился в Заречье (старейший район Тулы, находящийся в северо-западной части города – *прим. А.Г. и С.Е.*), в поселке Горелки, где у него в то время жили сестра и тетка. Тульский монумент стал его первой большой работой. Впоследствии Б.И. Дюжев будет достаточно широко известен, например, по памятнику первому космонавту Юрию Гагарину в Звездном городке (1971 г.), и даже примет участие в воссоздании горельефов храма Христа Спасителя (1997 г.). Архитектор Н.Н. Миловидов участвовал в проектировании памятника санитарному врачу П.П. Белоусову в Центральном парке Тулы. Проект «Защитникам Тулы...» стал уже 25-й его работой в области монументальной архитектуры [4].

По первоначальному замыслу Б.И. Дюжева скульптурная группа участников обороны вместе с пучком штыков должна была располагаться в юго-западном углу площади, по диагонали. Такое размещение было вызвано особенностями самой площади, которая проспектом Ленина разрезалась примерно по центру. Скульптурная группа устанавливалась на постаменте трехметровой высоты. Размещенные на нем семиметровые фигуры защит-

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

ников города символизировали крепкий союз фронта и тыла, всенародный характер войны против фашистских поработителей.

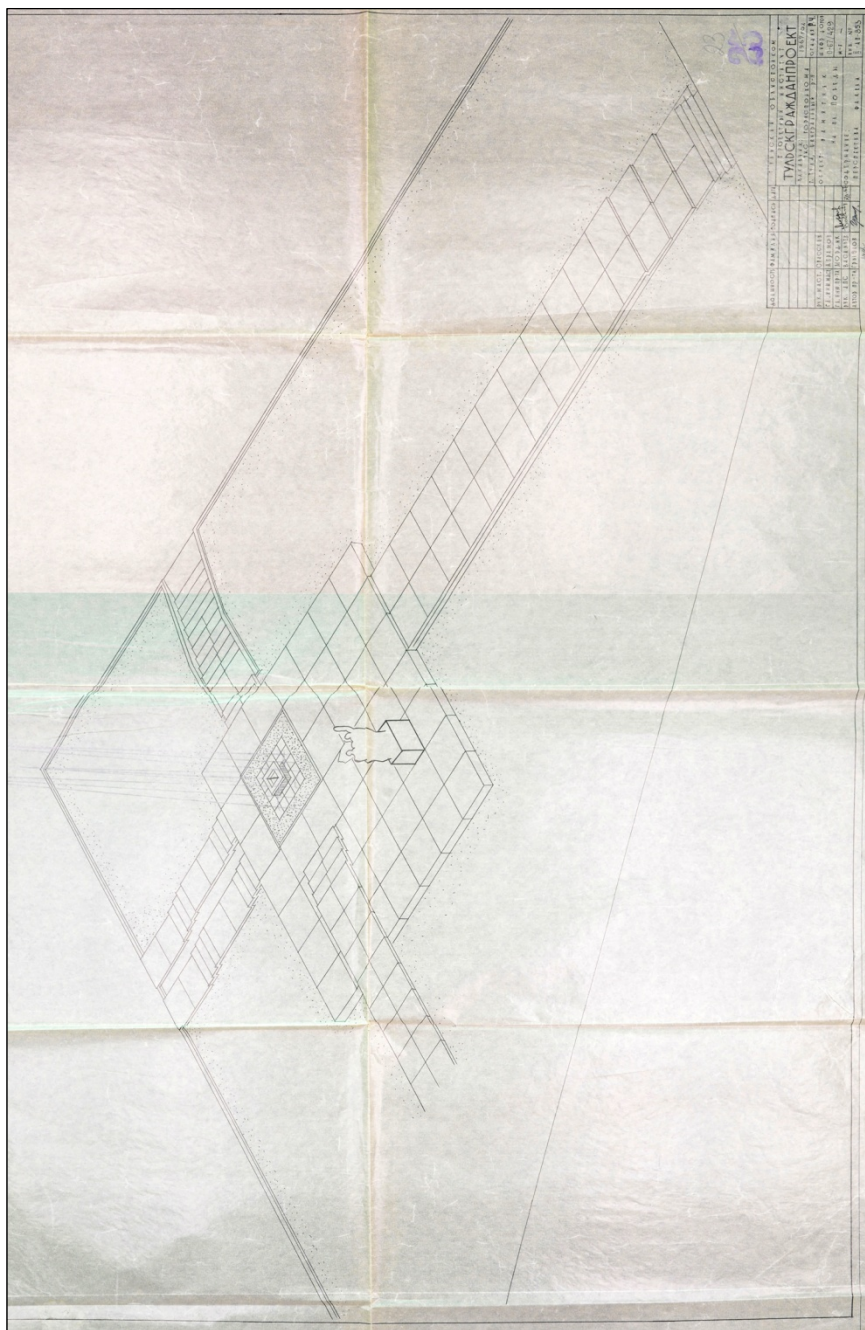

Рис. 4. Памятник на площади Победы. Чертеж. Декабрь 1967 г. [18, л. 23]

При «привязке» памятника к местности возникли затруднения с верным расположением скульптур воина 50-й армии и Тульского рабочего полка. Воин-ополченец смотрит навстречу восходящему солнцу, в сторону Урала и Поволжья – туда, куда уехали в эвакуацию его друзья-оружейники. Воин 50-й армии первоначально стоял спиной к врагу. Однако доподлинно известно, что в октябре 1941 г. воины 50-й армии, смертельно уставшие, голодные, часто безоружные, направлялись в Тулу, именно таким образом поднятая красноармейцем левая рука – это как будто призыв к горожанам о помощи: «Помогите нам, а мы вам поможем! Будьте спокойны: город не сдадим...».

Центральное место в масштабном монументе заняла фигура советского солдата, обращенная к проспекту Ленина. Со вскинутым над головой автоматом, воин как бы поднялся в атаку на врага и своей отвагой увлекал других.

На противоположной стороне, обращенной к зданию «Тулауголь», спиной к спине с солдатом были расположены фигуры бойца Рабочего полка и женщины. В руках у них тоже было оружие, а решимость на лицах говорила об их непреклонности отстоять родной город, разбить ненавистного врага. И постамент, и фигуры защитников должны были отливаться из чугуна, что еще раз подчеркивало их тульскую родословную.

Предложения о внесении фигуры женщины в памятник появились отнюдь не случайно. В памяти туляков навсегда остались девочки, которые в туфельках поздней осенью, в грязь и холод, наравне с мужчинами воевали в окопах, выносили раненых, которые трудились на заводах, возили на себе тележки с хлебом весом в полтонны. Вероятно, третьей женской фигурой на постаменте авторы пожертвовали намеренно, ради более удачного композиционного решения: в настоящее время монументальные воины лицами обращены к проспекту Ленина [4].

Вполне обоснованным выглядело и наличие в монументе целого пучка штыков: с XVI в. Тула славилась как кузница оружия. Штыки должны были символизировать как вековые занятия туляков, так и мощь того оружия, которое они делают. Согласно первоначальному плану, предполагалось установить пять штыков высотой по 56 метров – таким образом, чтобы в проекте сверху получалась пятиконечная звезда. В центре такой звезды, диаметр которой составлял семь метров, должен был гореть Вечный огонь.

Окончательный вариант монумента именно из трех штыков выглядит более лаконичным, завершенным и вместе с тем идеологически выдержанным. Три штыка высотой 51, 41 и 31 м означали единство коммунистов, комсомольцев и беспартийных [4].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

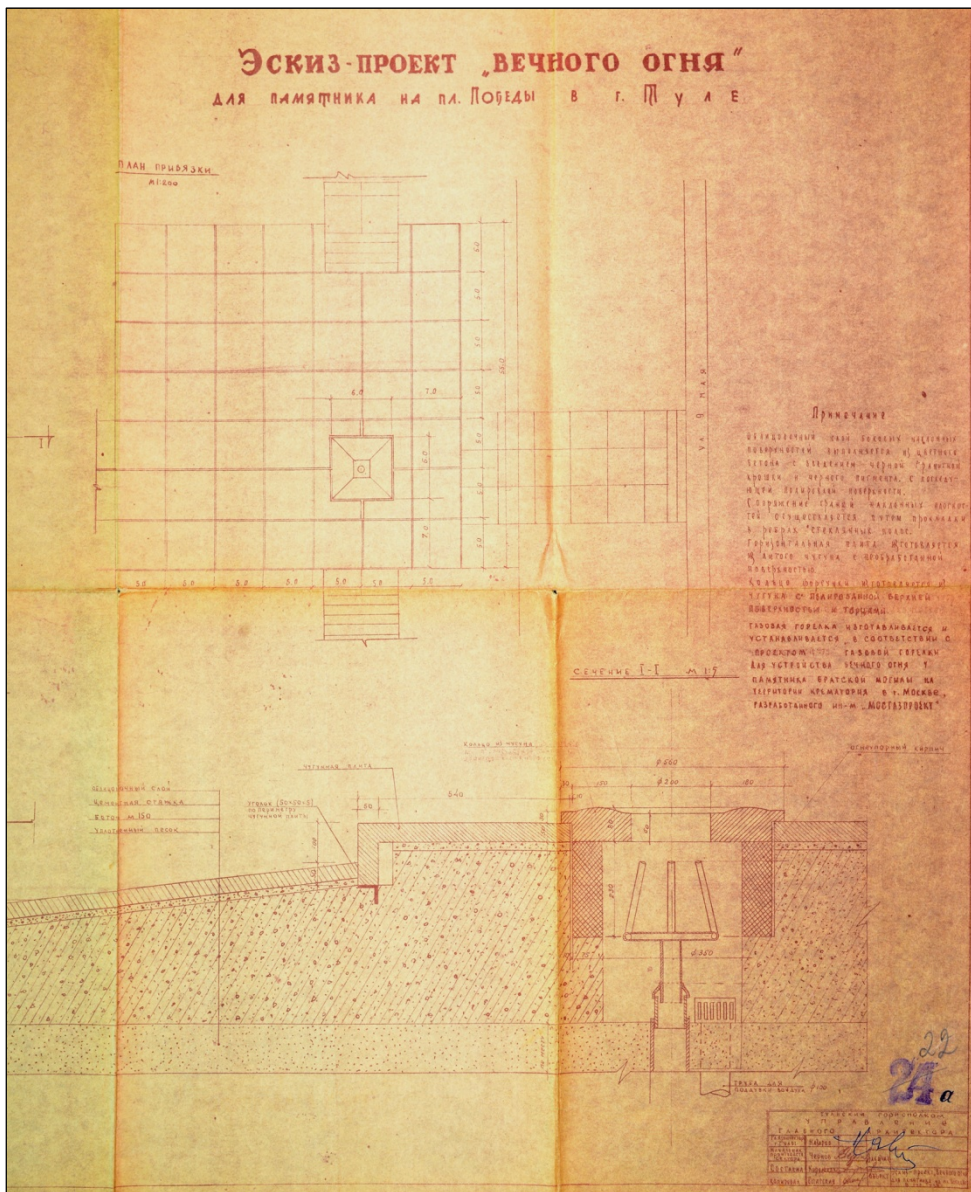

Рис. 5. Фрагменты эскиз-проекта «Вечного огня» для памятника на площади Победы в г. Туле.
С подписью главного архитектора Тулы Назарова [18, л. 22]

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры

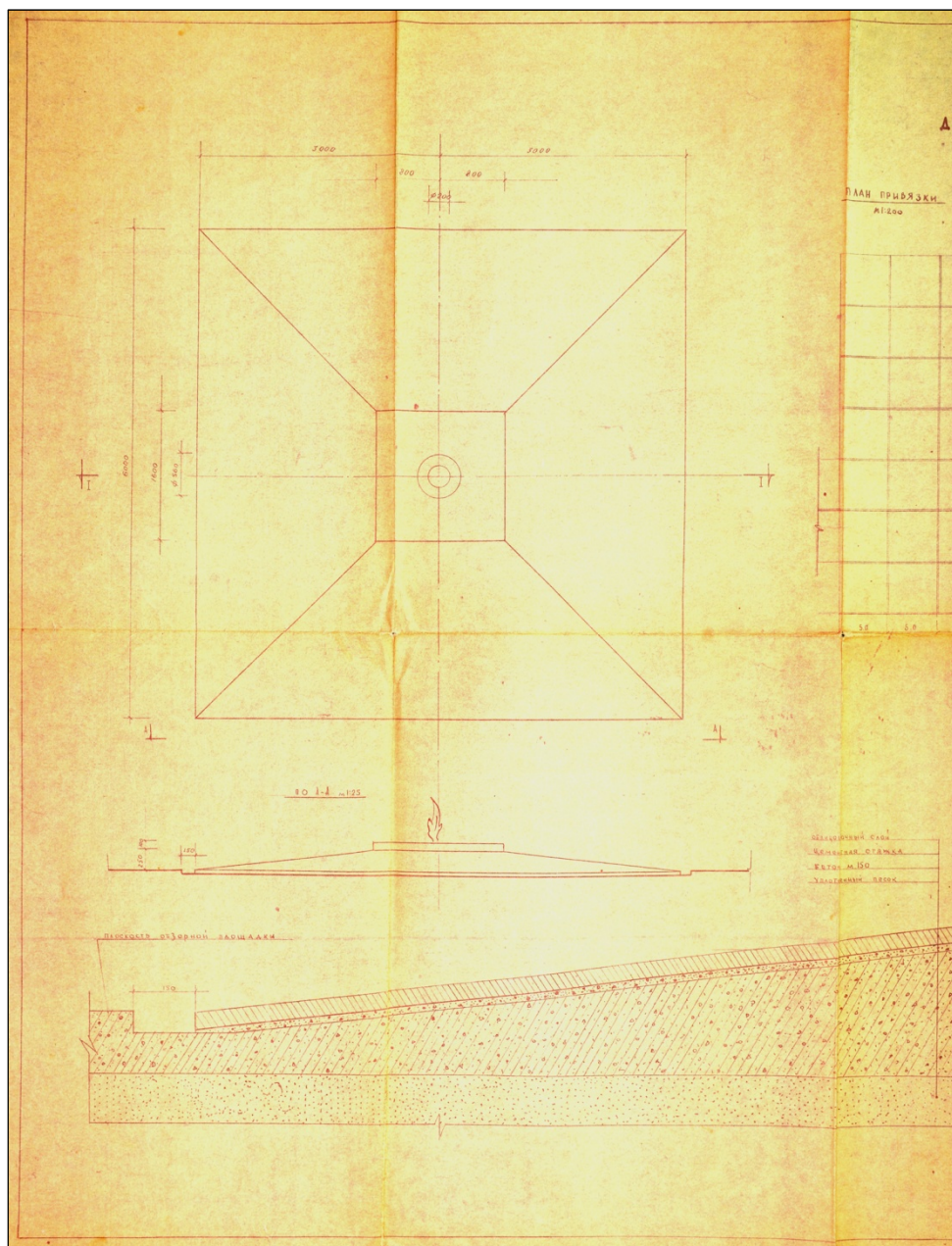

Рис. 5.1. Фрагменты эскиз-проекта «Вечного огня»
для памятника на площади Победы в г. Туле [18, л. 22]

Производством и установкой «тульских штыков» занимались специалисты узловского производственного объединения «Кран». Ответственная работа содержала элементы новаторства: надежно приварить нержавейку лицевой стороны памятника, а опыта подобной сварки прежде у рабочих не было. По воспоминаниям руководителя группы конструкторов Т. Сорокина: «Пришлось немало повозиться с диафрагмами штыков, так как при контрольной сборке не получались основные контуры. Выручало коллективное творчество». В итоге заказ был готов лишь в сентябре. Установку штыков выполнял 11-й цех завода «Кран». Согласно монтажной схеме, штыки должны были стоять в одну линию, «по росту»: тридцати-, сорока- и пятидесятиметровый, но монтажники поставили штыки треугольником – для удобства подведения газа к Вечному огню [4].

О торжественном открытии монумента защитникам Тулы 16 октября 1968 г. написали многие тульские газеты, в частности подобная информация была размещена на первой полосе издания «Коммунар». Вечный огонь в Туле запылал от факела, зажженного на Могиле Неизвестного Солдата в Москве.

Дополнением мемориального комплекса и его неотъемлемой частью стали 13 стел, посвященных городам-героям, облицованные чёрным гранитом, и 4 стелы в честь воинских частей, оборонявших Тулу в 1941 г., также облицованные чёрным гранитом.

В одном из путеводителей по Туле начала 2000-х гг. монумент «Три штыка» описывается следующим образом: «И наконец, площадь Победы. Здесь в октябре – декабре 1941 г. проходил передний край обороны города. Вот почему именно здесь сооружен монументальный памятник героическим защитникам Тулы в Великой Отечественной войне (1968 г.). Он установлен на большой площадке, к которой ведут широкие лестницы. На невысоком постаменте плечом к плечу с автоматами в руках стоят солдат и ополченец, олицетворяя братское единство защитников Тулы и всенародный характер борьбы с фашистскими полчищами. Немного поодаль высоко к небу поднимается оригинально решенный стальной обелиск. Тула истари была кузницей оружия, выкованные туляками штыки обращали в бегство многих захватчиков. Закономерно, что в обелиске на площади Победы использован мотив трех вознесшихся к небу стальных штыков. У основания обелиска горит Вечный огонь, который привезен из Москвы с Могилы Неизвестного солдата, увековечив славную память тех, кто в дни героической обороны Тулы осенью 1941 г. отдал свою жизнь ради нашей победы. Монумент сооружен на средства туляков по проекту скульптора Б.И. Дюжева и архитекторов Н.Н. Миловидова и Г.Е. Саевича» [22, с. 134–135].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры

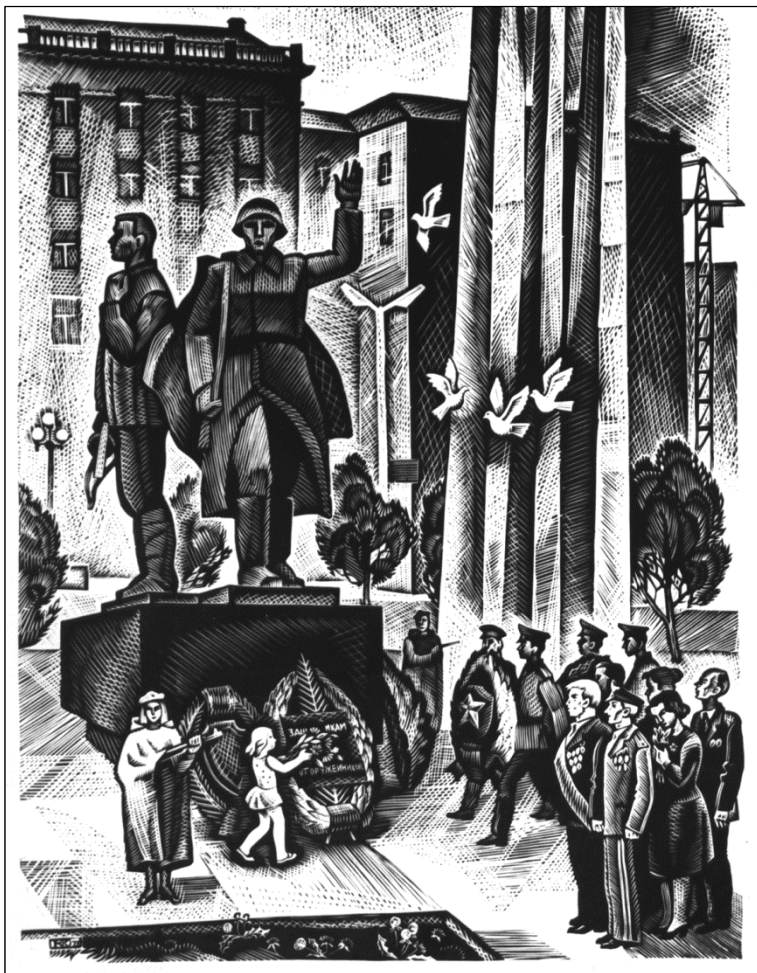

Рис. 6. Фотокопия с линогравюры [гравюра на линолеуме]. Автор: Козловцев Ю.А., из серии «Тула – Город-герой – День Победы». 13 мая 1984 г. [11]

19 мая 1972 г. у Вечного огня на площади Победы в Туле установлено постоянное, круглогодичное дежурство пионерско-комсомольских отрядов школ и ПТУ. Однако не каждому давалось такое право. Почетный караул у «Трех штыков» несли лучшие пионеры и комсомольцы города. Спустя месяц, 17 июня 1972 г. поэт-фронтовик, член Союза писателей СССР А.А. Елькин писал, что «площадь Победы с появлением на ней юных часовых стала еще более величественной и строгой» [19, с. 1]. Караул у Вечного огня, зажженного в честь воинов-героев, символизирует наше благоговение перед их подвигом, нашу память о всех, кто пал в боях с немецко-фашистскими захватчиками [18, с. 1].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

В последующие годы Пост № 1 выступал как опорная точка для патриотического воспитания школьников. Целые поколения туляков с гордостью вспоминают, как несли почетную вахту у Вечного огня на площади Победы.

С 1992 г. часовые выходили на почетную вахту у Вечного огня на площади Победы 5 раз в год: в дни Обороны Тулы (с октября по декабрь – *прим. А.Г. и Е.С.*), День защитника Отечества, День Победы, 22 июня (День памяти и скорби), День города [31]. Почетный караул несли воспитанники МКОУ ДОД «ЦДЮ "Патриот"» и учащиеся образовательных учреждений города. С 8 мая 2015 г. по настоящее время учащиеся города Тулы несут почетную вахту круглогодично по графику, за исключением периода летних каникул. В настоящее время Пост № 1 г. Тулы имеет собственный музей, на базе которого проводятся мероприятия военно-патриотической направленности. Пост № 1 также принимает активное участие в международных слетах мемориальных отрядов Постов Памяти [31]. В фотокаталоге ГА ТО хранится немало фотографий запечатлевших юных часовых.

Рис. 7. Смена караула у Поста №1 памятника защитникам города на площади Победы в Туле. Май 1977 г. *Фото Е. Сускова* [10]

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры

Рис. 7.1. Смена часовых на площади Победы. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б.Н. Пастухов, секретарь обкома КПСС И.К. Стрелков и первый секретарь обкома ВЛКСМ А.И. Костюрин у памятника защитникам Тулы на площади Победы. 1972 г. Автор фото неизвестен [13]

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Монумент «Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 году» стал одним из главных экскурсионных объектов города. Исследователи относят памятник «Героическим защитникам Тулы» к объектам ностальгического [24, с. 50], военно-исторического туризма в Тульской области. Экскурсанты посещают мемориал во время тематических экскурсий. Посещение ансамбля площади Победы входит в военно-патриотический маршрут «Город-герой Тула», который проходит по местам, связанным с обороной Тулы в 1941 г. В 2010-е гг. на площади Победы в Туле появился новый экскурсионный объект – зенитки. Это позволило включать мемориал «Три штыка» в новые маршруты культурно-познавательного туризма, например, квест «Битва за Тулу: из зениток по танкам» [8]. Также традиционным стало посещение мемориала на площади Победы студентами тульских вузов, в частности ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого С.В. Ярцев рассматривает экскурсии к памятникам или мемориальным комплексам города как способ формирования гуманитарной образовательной среды вуза. По его мнению, «хорошо организованные экскурсии по местам боевой славы и героических подвигов, оказывают наиболее существенное влияние на развитие гуманитарного интереса и морально-нравственных качеств личности студентов» [43, с. 219]. Так под руководством преподавателей кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого студенты-историки 1 курса в рамках учебной музейной практики самостоятельно готовят и проводят воспитательные мероприятия. Например, экскурсии к памятникам города, зачастую объектом посещения выступает монумент «Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 году» [43, с. 221].

Грандиозный ансамбль мемориального комплекса «Три штыка» встречает приезжающих на автовокзал города Тулы. Гости из соседних регионов знакомятся с историей региона через монументальную скульптуру. Жители Тульской области, оказываясь на площади Победы, ощущают душевный подъем, чувство сопричастности к героическому подвигу предков. При этом отраднo, что молодое поколение туляков знает и гордится историей родного региона.

В 2022 г. ученик 11 А класса Яснополянского образовательного комплекса им. Л.Н. Толстого Никита Горбенко написал такие строки:

«Когда я в Тулу приезжаю на учёбу,
Я сразу слышу города шумы
И открываю дверь вокзала,
В глаза бросаются Штыки.
И шум машин меняется на танковые бои,
Любовь становится мечтою,
Чьи грани от врага,
Деды старались крепким телом и сильным духом защитить».

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

О, мой народ, кого же боле, за победу, мне благодарить.
Гудериан подбил орла,
И с думой дальше землю портить,
О Тулу обломал клыки...» [6, с. 71].

Рис. 8. Ветеран Великой Отечественной войны М.Г. Антоненко с внуками на площади Победы в г. Туле. 9 мая 1988 г. *Фото Е. Сускова* [12]

В Тульской области в честь защитников города установлено 430obelisks, мемориальных досок, памятников [36, с. 74]. Однако наиболее тиражируемым символом города стал монумент «Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 году». Изображение монумента используется тульскими издателями для размещения на обложках книг, монографий и брошюр, посвященных Великой Отечественной войне. Так, например, с обложки книги известных тульских краеведов, специалистов по военной истории Тульского края Е.М. Полозова и С.Н. Немовой «Вспомним всех поименно. Личный состав Тульского рабочего полка» величественно смотрят на читателей фигуры солдата и ополченца.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры

Рис. 9. Обложка издания: *Полозов Е.М.*
Вспомним всех поименно. Личный
состав Тульского рабочего полка
/ Е.М. Полозов, С.Н. Немова.
2-е изд., доп. и испр. Тула: Тул.
полиграфист, 2020 [30]

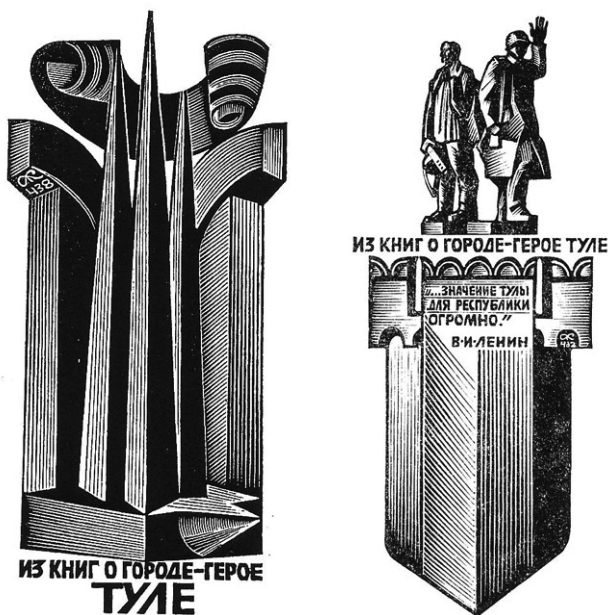
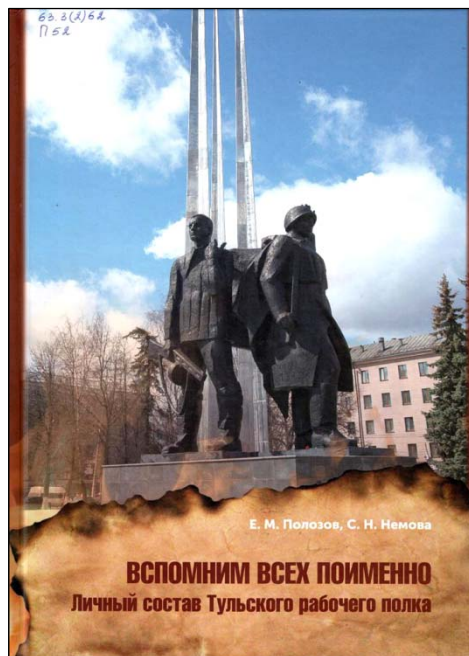

Рис. 10, 10.1. Экслибрисы серии «Из книг о городе-герое Туле».
Худ. А.И. Калашников (Москва)

Рис. 10.2. Эскиз серии
«Из книг о городе-герое Туле».
Худ. В.С. Житников (Москва)

Рис. 10.3. Эскиз
«Из книг В.Г. Жаворонкова».
Худ. Е.В. Терехов (Москва)

«Три штыка» вдохновляли художников — создателей книжных знаков. В настоящее время эти образцы книжной графики 1960–1970-х гг. представлены в собрании тульского коллекционера Э.Д. Гетманского. В серии «Из книг о городе-герое Туле» было выполнено около 400 книжных знаков, многие из которых посвящены героической обороне Тулы в годы Великой Отечественной войны. Также были подготовлены эскизбрисы для домашних библиотек организаторов и участников героической обороны Тулы: А.В. Калиновского, В.Г. Жаворонкова, А.Н. Малыгина. Книжные знаки, посвященные городу-герою Туле, неоднократно экспонировались на выставках как в России, так и за рубежом [5].

Член Союза бонистов – Центра изучения памятников истории денежного обращения – Н.Л. Трегубов, рассматривая тульскую символику на региональных медалях 60–80-х гг. XX в., отмечает, что «группа обелисков "Три штыка" комплекса стала архитектурной доминантой южной части Тулы и используется на памятных медалях в качестве символического изображения» [37, с. 106–107].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры

Рис. 11, 11.1. Молодожены Илья
Алексеевич и Надежда Ивановна
Васильевы возлагают цветы
к памятнику защитникам Тулы
на площади Победы.
1 сентября 1979 г.
*Из семейного архива
Васильевых*

Изображение монумента «Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 году» можно увидеть не только на обложках печатных изданий или юбилейных медалях, но и на почтовых марках. В 1982 г. изображение памятника защитникам Тулы вышло за пределы города на всесоюзный уровень – оно украсило марку Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, с ним также выпустили конверт, значки [28]. С 2019 г. монумент относится к категории объектов культурного наследия федерального значения. В 2020 г. «Почта Донбасса» выпустила почтовую марку № 202 «Слава городу-герою Туле!», на которой изображён монумент героическим защитникам Тулы [7].

Памятник защитникам Тулы занял значимое место в «тульской свадебной обрядности». Свадебные традиции берут свои истоки в глубоком прошлом, при этом трансформируясь с учетом ценностных ориентиров и современных реалий. Роль исконно русского свадебного поезда принял на себя кортеж празднично украшенных автомобилей. Молодожены совершают круг почёта по памятным местам города. С появлением памятника «Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 году» у новобрачных сложилась трогательная традиция: возлагать цветы к подножию монумента «в благодарность тем, кто не пожалел своей жизни во имя счастья народа» [34, с. 90].

Во многих семейных архивах туляков имеются фотографии, где свидетелем свадебных торжеств является монумент героическим защитникам Тулы. Так, и в семье Васильевых бережно хранятся такие фотографии. В день своего бракосочетания, 1 сентября 1979 г. они собрались со своими близкими на площади Победы и в память о родственниках-участниках Великой Отечественной войны возложили цветы к памятнику героическим защитникам Тулы. Эту традицию Васильевы передали своей дочери Татьяне Евсеевой.

Мемориал «Три штыка» в Туле часто становится героем фотографий и видеосюжетов, особенно во время памятных мероприятий и экскурсий. Памятник символизирует героическую оборону Тулы в 1941 г. и является важным элементом городской культуры и истории. Мемориал на площади Победы вдохновляет фотографов (Илья Гарбузов [25], Андрей Крупский [26]) и видеографов, делающих в разное время суток, в разные сезоны запоминающиеся фотографии и видеосюжеты.

В октябре 2023 г. к 55-летию со дня установки памятника героическим защитникам Тулы сотрудниками отдела научно-исследовательской и методической работы Государственного архива Тульской области был снят сюжет из цикла «Память и памятники». При подготовке видеоролика были использованы уникальные архивные документы ГА ТО из фонда ОАФ ОАО институт «Тульскгражданпроект»: проектная документация, чертежи проекта памятника, сметы на благоустройство площади Победы [4].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Монумент на площади Победы имеет достаточно сложное для запоминания и употребления в повседневной жизни, многосоставное наименование, поэтому со временем в речи туляков укоренилось следующее название памятника, «неофициальный монументоним» – «Три штыка» [2, с. 195–220]. Выражение «Встретиться на штыках» имеет вовсе не негативную коннотацию, а означает, скорее, увидиться в определенной знаковой точке города и на площади, где трудно упустить друг друга из вида. Их силуэт стал одним из узнаваемых символов тульской региональной (и городской) идентичности [1, с. 74].

Источники и литература

1. *Абрамова В.И.* Символы региональной идентичности Тульской области: эссенциализм, конструктивизм и полевое исследование / В.И. Абрамова // Тульский научный вестник. 2022. Вып. 3(11). С. 71–80.
2. *Ахметова М.В.* Неофициальные монументонимы: к определению ономастического статуса / М.В. Ахметова // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 3. С. 195–220.
3. *Белозеров В.К.* Не числом, а умением. Как русский штык прорвался сквозь Альпы / В.К. Белозеров // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2024. Вып. 3(856). С. 56–65.
4. Видеосюжет из цикла «Память и памятники». URL: <https://gato.tularegion.ru/news/2725156413> (дата обращения: 27.11.2024).
5. *Гетманский Э.* Оружейная столица выстояла и победила / Э. Гетманский // Академия русской символики «Марс»: сайт. URL: https://www.simvolika.org/mars_226.htm (дата обращения: 12.12.2024).
6. *Горбенко Н.* Баллада о Туле / Н. Горбенко // Листая памяти страницы: сборник статей, посвященных 80-летию обороны Тулы от немецко-фашистских захватчиков. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2022. С. 71.
7. Города-герои СССР в новой серии монет Приднестровья // Портал «Золотой червонец»: сайт. URL: <https://gold10.ru/article/28846/> (дата обращения: 09.12.2024).
8. Городской квест «Битва за Тулу: из зениток по танкам» // Гильдия квестов: сайт. URL: tula.questguild.ru (дата обращения: 09.12.2024).
9. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Книга третья / под общ. ред. Е.И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 616 с.
10. Государственный архив Тульской области (далее – ГА ТО). Нефондовая организация фотодокументов. П-2346.
11. ГА ТО. Нефондовая организация фотодокументов. П-7311.
12. ГА ТО. Нефондовая организация фотодокументов. П-7644.
13. ГА ТО. Ф. П-5682. Оп. 1. Д. 822.
14. ГА ТО. Ф. Р-252. Оп. 7. Д. 456.
15. ГА ТО. Ф. Р-252. Оп. 7. Д. 110.
16. ГА ТО. Ф. Р-2640. Оп. 12. Д. 281.
17. ГА ТО. Ф. Р-4006. Оп. 4, т. 1. Д. 621.
18. ГА ТО. Ф. Р-4006. Оп. 4, т. 1. Д. 624.

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

19. *Елькин А.А.* Пост славы ратной / А.А. Елькин // Коммунар. 1972. 16 июня. С. 1.
20. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. 3-е изд. Т. 2. М.: Агентство печати «Новости», 1978. 391 с.
21. История русского и советского искусства: учеб. пособие для вузов / М.М. Алленов, О.С. Евангулова, В.А. Плугин и др.; под ред. Д.В. Сарабьянова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 447 с.
22. Край наш Тульский. Путеводитель. Тула: Издательский дом «Пересвет», 2007. 640 с.
23. *Малинина Т.Г.* Память как связь времен и пространств, как дар знать целостность и непрерывность жизни: Рисунок и живописный этюд военных лет / Т.Г. Малинина // Искусство как сфера культурно-исторической памяти: сб. статей / отв. ред. Л.Ю. Лиманская. М.: РГГУ, 2008. С. 179–187.
24. *Мартянова Е.Г.* Ностальгический туризм как одно из перспективных направлений этнокультурного туризма (на примере Тульской области) / Е.Г. Мартянова, Е.Н. Чеснова // Развитие туризма и туристской деятельности в России и за рубежом: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 31 октября 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 39–65.
25. Мемориальный комплекс «Три штыка» // Фотобанк – фотограф Илья Гарбузов: сайт. URL: <https://garbuzov-photo.ru/portfolio/tula/memorialnyj-kompleks-tri-shtyka/> (дата обращения: 12.12.2024).
26. Мемориал «Три штыка» на Площади Победы в г. Тула // Фотограф Крупский Андрей. Кадр 71: сайт. URL: <https://kadr71.ru/album-2> (дата обращения: 12.12.2024).
27. Неизвестная правда «трех штыков» – открытие с двухлетним опозданием // Воинская доблесть. Электронных альманах: сайт. URL: <https://тула.доблесть.рус/tula/neizvestnaya-pravda-trekh-shtykov-otkrytie-s-dvukhletnim-opozdaniem?ysclid=m3zwcdb6cjj210890863> (дата обращения: 27.11.2024).
28. Памятник защитникам Тулы. Инфографика // Культура РФ: сайт. URL: <https://www.culture.ru/institutes/13900/pamyatnik-zashitnikam-tuly> (дата обращения: 10.12.2024).
29. Петр Ершов, Русский штык (1833) // Петр Ершов: сайт. URL: http://old.school69.ru/UserFiles/Catalog/cat_1/scht2.pdf (дата обращения: 27.11.2024).
30. *Полозов Е.М.* Вспомним всех поименно. Личный состав Тульского рабочего полка / Е.М. Полозов, С.Н. Немова. 2-е изд., доп. и испр. Тула: Тул. полиграфист, 2020. 215 с.
31. Пост № 1 // Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Центр детско-юношеского туризма и патриотического воспитания»: сайт. URL: <https://tulapatriot.ru/activities/post-1/> (дата обращения: 07.12.2024).
32. *Рассаднев С.А.* Прогулки по улицам Тулы / С.А. Рассаднев. Тула: Шар, 1996. 96 с.
33. *Сабанчеев Р.Ю.* Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции / Р.Ю. Сабанчеев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 33–38.
34. *Савченко В.Н.* Город-герой Тула / В.Н. Савченко. Москва: Стройиздат, 1979. 192 с. (Архитектура городов-героев).

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

35. *Смирнова К.В.* Памятники героям и жертвам Великой Отечественной войны. Мемориальные комплексы 1960–70-х гг. Проблема исторической и художественной ценности / К.В. Смирнова // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 1 / под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2011. С. 256–262.

36. *Степанищев А.Т.* Одолели, победили вы в боях за Родину святую! / А.Т. Степанищев // Военный академический журнал. 2020. № 1(25). С. 67–76.

37. *Трегубов Н.Л.* Тульская символика на региональных медалях 60–80-х годов XX века / Н.Л. Трегубов // Тульский краеведческий альманах. 2016. № 13. С. 100–109.

38. Тула советская: альбом / авт.-сост.: М.Б. Тенцер, В.Н. Щербаков. Тула: Борус-Принт, 2015. С. 152–153.

39. Тула социалистическая: Фотоальбом / фото П. Маслова и др.; текст М.А. Мосолова. Тула: Приок. кн. изд-во, 1967. 5 с., 76 л. ил.

40. Тула. 45 героических дней. Тульский военно-исторический музей, филиал ГУК ТО «Объединение “ИКХМ”». Тула, 2016.

41. Цитаты А.В. Суворова // Славянские традиции: сайт. URL: <https://www.rutraditions.ru/news/tsitaty-av-suvorova?ysclid=m3y60o5qoh312170438> (дата обращения: 26.11.2024).

42. *Шолохов М.А.* Наука ненависти // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Рассказы, очерки, фельетоны, статьи, выступления / М.А. Шолохов. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 13–31.

43. *Ярцев С.В.* Экскурсии как способ формирования гуманитарной образовательной среды вуза / С.В. Ярцев // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: Материалы VIII международной научно-практической конференции, Брянск, 14–15 мая 2021 года. Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2021. С. 219–224.

44. *Яхонт О.В.* Советская скульптура: кн. для учителя / О.В. Яхонтов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1988. 224 с.

Гладина Александра Юрьевна, кандидат исторических наук, главный архивист, Государственный архив Тульской области, Россия, г. Тула, gladex@mail.ru

Егорычева Серафима Александровна, ведущий археограф, Государственный архив Тульской области, Россия, г. Тула, serafimaegorycheva@mail.ru

Gladina Alexandra Yu., Candidate of Sciences (History), Chief Archivist, State Archive of the Tula Region, Russia, Tula, gladex@mail.ru

Egorycheva Serafima A., Leading Archaeographer, State Archive of the Tula Region, Russia, Tula, serafimaegorycheva@mail.ru

УДК 069+351.852

Д.И. Колесов

НЕМЕЦКИЕ АНТИФАШИСТЫ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ КУЛЬТУРЕ ПАМЯТИ

Аннотация. Статья посвящена немецким антифашистам и военнопленным и их месту в советской и российской культурах памяти. Основное внимание уделено анализу экспозиции Красногорского филиала музея Победы (бывшего Мемориального музея немецких антифашистов). Проанализированы техники встраивания основной тематики экспозиции в культурную память о Великой Отечественной войне. Раскрыты причины не востребоваемости изначальной экспозиции музея в немецком и российском обществах. Рассмотрено восприятие музея посетителями. Изучены изменения экспозиции с 2018 по 2024 гг. Сделан вывод, что немецкие антифашисты из учредительной истории ГДР и «места памяти», объединяющего советское и германское сообщества, стали претендовать на существование в качестве контрпамяти.

Ключевые слова: культурная память, антифашизм, Сопротивление, Красногорский филиал музея Победы, немецкие военнопленные.

D.I. Kolesov

GERMAN ANTIFASCISTS IN THE RUSSIAN AND FOREIGN CULTURE OF MEMORY

Abstract. The article explores the role of German anti-fascists and prisoners of war in Soviet and Russian cultures of memory. It focuses on analyzing the exhibition at Krasnogorsk branch of the Victory Museum (formerly the Memorial Museum of German Anti-Fascists). The study examines how the exhibition integrates its central theme into the cultural memory of the Great Patriotic War. It also investigates the reasons behind the limited public interest in the museum's original exhibition in both German and Russian societies. Additionally, visitors' perception of the museum is considered, along with changes in the exhibition from 2018 to 2024. The article concludes that German anti-fascists, once part of the GDR's founding narrative and a "site of memory" connecting Soviet and German communities, have increasingly been framed as counter-memory.

Keywords: cultural memory, antifascism, Resistance, Krasnogorsk branch of the Victory Museum, German prisoners of war.

Антифашизм представляет разнородную систему мировоззрений и движений, объединенных целью борьбы с фашизмом. В исторической ретроспективе антифашизм предстает как борьба различных акторов с ростом и распространением фашистских идей, а впоследствии с установлением фашистских режимов. В таком ключе это идеологическое мировоззрение

обычно включается в рассмотрение движения Сопротивления. Сегодня широкое толкование понятий «антифашизм» и «фашизм», которые становятся способом обозначения политических противников независимо от идеологической или партийно-политической принадлежности, привело к противоречиям в выявлении признаков антифашизма [36]. Определение антифашистов в рамках культурной памяти, обладающей идентитарным, селективным и нормативным измерениями [1; 2], представляет идеолого-политическую задачу для политики памяти в особенности в странах, где антифашистское движение и движение Сопротивления играют значимую роль в представлениях о прошлом.

Как в российской, так и в зарубежной (в первую очередь немецкой) науке и мемориальной культуре движение Сопротивления обычно подразделяют на два течения: «народно-демократическое, руководимое коммунистами и левыми... и консервативное движение, главной задачей которого помимо борьбы за освобождение своих стран было восстановление порядков, существовавших в этих странах в довоенный период» [3, с. 428]. В Германии выделяют два направления: демократическое и левое или леворадикальное. Последнее на современном этапе связано с действиями современных групп «Антифа», которые провозглашают приверженность как историческому антифашизму, так и народно-демократическому Сопротивлению. Например, федеральное ведомство по охране конституции Германии выделяет «государственный гражданско-либеральный "антифашизм", выступающий за сохранение или восстановление демократии и верховенства закона и связанный с борьбой с неонацизмом и правым экстремизмом в целом» и антифашизм левых экстремистов, которые понимают под фашизмом наиболее реакционную форму капитализма, демократическое правовое государство и рыночную экономику [25].

Идея антифашизма в первую очередь соотносится с государственной идеологией ГДР и леворадикальных автономных групп, которые причисляют к фашистам всех идеологических противников [23]. Однако исторический антифашизм в Германии основывался на отдельных личностях и небольших группах [3, с. 481], поэтому рассматривается через призму принадлежности к социальным институтам: армия, студенчество, молодежь, церковь, эмигранты и т.д. [28; 39]. Сопротивление в Германии не было ни массовым, ни систематичным. «Путь к Сопротивлению обычно был непрямым, случайным. К решению сопротивляться приводили самые разные мотивы: одиночество, тщеславие, дружеские отношения, жажда приключений, гнев, гордыня – не всегда возвышенные мотивы, но всегда сводившиеся к осознанию зла, с которым необходимо бороться» [40, р. 98]. Широко распространена сформулированная английским историком Яном Кершоу идея «Сопротивление без народа» [29]. Он утверждает, что к Сопротивлению относилась только часть элит, а народ в целом поддерживал национал-социалис-

тический режим. Немецкий историк Вольфганг Бенц в противовес предлагает идею «Народа без Сопротивления». Сопротивление среди элит начало развиваться уже после разгрома оппозиции со стороны рабочего движения. Борьба с национал-социализмом была индивидуальным решением в условиях, когда основные социальные институты потерпели неудачу [22, р. 9–20].

Особняком в рамках германского Сопротивления в силу как идеологических причин, так и организационного характера находятся немцы, оказавшиеся в СССР, то есть члены Коммунистической партии Германии и немецкие военнопленные. Победа в Сталинградской битве привела к осознанию возможности поражения вермахта. С ноября – декабря 1942 г. значительно выросло количество военнопленных немцев. После ликвидации Сталинградского котла в плен попало более 90 тыс. чел. [17] Все это благоприятствовало созданию организаций для борьбы с национал-социализмом. На учредительной конференции 12–13 июля 1943 г. в Красногорске был создан Национальный комитет «Свободная Германия» (далее – НКСГ), состоящий как из эмигрантов, так и военнопленных. 11–12 сентября 1943 г. была основана отдельная организация «Союз немецких офицеров» (далее – СНО), включавшая многих высокопоставленных офицеров. Наиболее известным членом организации был фельдмаршал Ф. Паулюс. Кроме того, были созданы антифашистские школы, в которых военнопленные проходили переобучение. Уполномоченные НКСГ вели политическую пропаганду в воинских частях, среди военнопленных, работу по разложению частей вермахта, побуждали к сдаче в плен, участвовали в работе антифашистских школ и деятельности в тылу противника [16].

Изначально до создания НКСГ и СНО коммунистические лозунги интернационализма и классовой борьбы не могли оказать сильного влияния на немцев как на фронте, так и в Германии. Пропаганда Союза немецких офицеров уже имела более выраженный немецкий акцент, но она также не оказала сильного воздействия. В целом призыв к Сопротивлению из-за границы не находил отклика у населения. Немецкая эмиграция приобрела политическое значение уже после окончания войны сначала в оккупационных зонах, а потом и в двух немецких государствах [39]. Члены НКСГ, СНО и выпускники антифашистских школ участвовали в восстановлении Советской оккупационной зоны и в дальнейшем стали частью политической элиты ГДР.

В ГДР борьба немецких антифашистов стала учредительным мифом государства, а антифашизм – частью государственной идеологии, противопоставляющей идентичность и истоки государственности восточных немцев западным. Антифашизм позволял порвать с историческим прошлым, обойти сложные вопросы истории, представить ГДР как члена антигитлеровской коалиции, заявить о преодолении национал-социализма, а также перенести ответственность на ФРГ за преступления [34; 35]. Культурная память о Второй мировой войне основывалась на героизации коммунистического Сопро-

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

тивления, объединяла Коммунистическую партию Германии, организации немецких антифашистов, отдельные группы в общее движение как единственную силу, бросившую вызов национал-социализму. В итоге было сформировано две культурные памяти и две исторические линии развития. «В ГДР чествовали бойцов коммунистического Сопротивления, о которых на Западе никогда не слышали. Напротив, на Востоке мало обсуждались Кружок Крейзау и Кружок Гёрделер, которые в Федеративной Республике почитались как воплощение Сопротивления» [21].

В 1985 г. в Красногорске в бывшем здании Центральной антифашистской школы по инициативе ГДР был основан Мемориальный музей немецких антифашистов. Важность открытия была отмечена присутствием Эрика Хонеккера, генерального секретаря ЦК СЕПГ, который со вступления в должность в 1971 г. проводил линию на построение национальной истории ГДР [31], а также на формирование отдельной социалистической немецкой нации со своей собственной историей [32, р. 237]. Создание музея вписывалось в общемировые процессы коммеморации событий войны, расширение практик памятования, развитие *memory studies* как отдельного направления. В СССР в 1985 г. началось строительство мемориального комплекса на Поклонной горе.

Музей должен был стать важной частью нового исторического дискурса, в котором история Великой Отечественной войны объединяла страны «восточного блока». Однако после объединения Германии и распада СССР музей оказался не востребован как в российском, так и немецком обществе и был вынужден подстраиваться под современную мемориальную культуру. Однако само открытие музея как акт коммеморации предполагает высокую степень включенности события или персонажа в национальную историю.

Музеи играют значительную роль в формировании культурной памяти. Они выступают одновременно институтом специалистом-интерпретатором, текстом и средством передачи [18]. Музейное коллекционирование обладает политическим, идеологическим и эстетическим измерением. Объекты в музее представляют собой целостное высказывание, текст, который не может быть с легкостью изменен за счет замены объектов [38, р. 2, 46]. Кроме коллекционирования музей осуществляет селективную функцию и нормативную функцию: «Музей институционализирует нормативные модели, образцы поведения, которые определяют, что в данном обществе считается должным, законным или ожидаемым образом действия в отношении исторического прошлого и предшественников, формирует отношение (ценностные и когнитивные аспекты) к миру символических объектов, относящихся к прошлому» [4, с. 253.]. Музей как средство передачи означает, что знание передается опосредствованно. Медиа дают рамки и устанавливают ограничения в том, как мы осваиваем и постигаем мир и в том, как мы передаем наши воспоминания другим [20, р. 31]. Культурная память транслируется

через медиа, такие как тексты, фильмы и телевидение, а также музеи и выставки [33, р. 15]. «Медиумы памяти не второстепенны, они определяют общение. Эти средства передачи – текучие формы, неотделяемые и меняющиеся вместе с сообщением, которое они содержат. Процесс воспоминания – длящийся процесс передачи, а не сохранение и восстановление» [15, с. 53]. Медиумы определяют сообщение и тем самым определяют и условия репрезентации памяти.

Великая Отечественная война, Вторая мировая война, а также связанные с ней события, выступают обосновывающей историей многих сообществ и государств, легитимизирует существование государства, объясняет настоящее и будущее из прошлого. Для России как правопреемницы СССР, внесшей наибольший вклад в победу над национал-социализмом, Великая Отечественная война выступает ключевым событием как в истории, так и в культурной памяти. Коммеморация Великой Отечественной войны базируется уже на сформированной советской инфраструктуре [27, р. 3] и может быть вписана во множество различных фреймов, формирующих коллективную идентичность [10, с. 89]. Апелляция к Великой Отечественной войне выступает как «универсальный язык сплочения нации... язык патриотический и изоляционистский, апеллирующий к опыту победы над внешними и внутренними врагами» [19, с. 30].

Великая Отечественная война определяет понимание настоящего как конфликта и войн памяти. Культурная память строится исходя из модели национального триумфа. В историческом сознании россиян присутствует «мотив осажденной крепости», «"секьюритизация" памяти, то есть восприятие дискуссий об истории и коллективной идентичности через призму угрозы национальной безопасности» [12, с. 120]. Кроме того, российская память все больше внимание отводит теме страданий и жертв в отличие от прежней концентрации на героизме победителей [13].

В рамках войн памяти и виктимизации немецкие антифашисты в культурной памяти сложно транслируемы как героическое прошлое. Более того, эта тема поднимает сложный вопрос о моральном выборе между лояльностью и изменой, дискуссия о котором долгое время шла в Германии [40], что также может быть неверно понято. Кроме того, акцент на образе немецкого военнопленного может быть воспринят как приравнивание воина-освободителя к захватчику-оккупанту [14].

Что касается ФРГ, центральным элементом современной культурной памяти о войне выступает Холокост. В качестве Соппротивления в армии в первую очередь рассматривается заговор 20 июля 1944 г. Например, Мемориальный комплекс немецкого Соппротивления в Берлине изначально был посвящен именно этому событию. С 1989 г. он представляет постоянную экспозицию о германском Соппротивлении в целом. В 1994 г. сын Клауса фон Штауффенберга выступил против включения в экспозицию НКСТ и

СГО, так как они выступали не частью Сопротивления, а частью советских военных сил. В ответ группа бывших участников Сопротивления и их родственников обратилась к общественности с заявлением о необходимости представить все течения [26]. Однако немецкие антифашисты не являются отдельной тематической областью современной концепции музея, а действия КПГ представлены в рамках более широкого рабочего движения [37].

В 2016 г. была организована временная выставка «Германия должна жить, поэтому Гитлер должен пасть!» Всемирное движение "Свободная Германия" 1943–1945 гг.». На ней НКСГ был представлен как часть более широкого течения, основанного немецкими эмигрантами, целью которых выступало информирование общественности принимающей страны о ситуации в Германии [24]. Выставка была организована совместно с «Объединением жертв нацистского режима – союзом антифашистов». Баварское земельное ведомство по защите конституции считает его крупнейшей организацией в сфере антифашизма, находящей под влиянием левых экстремистов [30, р. 1]. Выездная выставка также прошла в Ростове и Лейпциге, то есть на востоке Германии. В. Бенц отмечает, что «в исторической культуре, ориентированной на историческую справедливость и следующей объективным критериям, должно быть место для всех течений Сопротивления национал-социализму» [21, р. 31]. Однако, исходя из организации временной выставки, тема немецких антифашистов в Германии остается актуальной для жителей восточных федеральных земель и левых движений.

Место немецких военнопленных и антифашистов в культурной памяти России и ФРГ показывает, почему музей оказался не востребован. Изначально он был создан «как учреждение сугубо идеологическое, призванное пропагандировать успехи мировой революции и торжество социализма на немецкой земле. Отсюда строгий узко-партийный подход к его концепции и весьма одностороннее освещение событий в экспозиции», то есть с опорой исключительно на освещение антифашисткой деятельности военнопленных [11, с. 7–8]. В 1990-е гг. концепция экспозиции была изменена. Музей пытался вписать себя в существующую повествовательную модель, чтобы не допустить создания контрпамяти, «альтернативной повествовательной модели, прямо противоречащей общей повествовательной конструкции и существующей вопреки подавляющему превосходству последней» [5, с. 22]. Стала исчезать мемориальная составляющая. Расширилась как тематика музея, так и фонды. Основной составляющей оставалась тема немецких антифашистов, но появились выставки, посвященные плену в Первую мировую войну, советским военнопленным, коллаборационизму, сталинским репрессиям, взаимоотношениям России и Германии в межвоенный период, Московской битве.

В 2005 г. музей становится филиалом Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В сентябре 2017 г. он был переименован в

Красногорский филиал музея Победы. По словам заведующей филиалом С. Любенковой, «уникальное, но узкое направление – антифашистское движение и тема плена – обязательно и дальше будет представлено в музее... Но теперь наши возможности шире – мы будем говорить больше о Великой Отечественной войне и о военном Красногорске» [7]. На март 2022 г. основным объектом репрезентации выступали именно немецкие антифашисты. На сайте музея было указано: «В экспозиции показан ряд аспектов взаимоотношений России и Германии в XX веке: военнопленные Первой мировой войны, революции в обеих странах, экономические отношения в 20–30 годах, движение Сопротивления против нацистской диктатуры в Германии. Особый интерес вызывают разделы, посвященные идеологическому противостоянию Советского Союза и Германии в годы Великой Отечественной войны, функционированию лагерей для военнопленных, существовавших на территории СССР с 1942 года по 1955 год, трудоустройству военнопленных лагеря 27 в строительстве г. Красногорска и т.д.» [6].

Однако на сегодняшний день тематика музея была сокращена при сохранении большей части экспозиции и внедрении новых мультимедийных объектов. Самопрезентация музея выглядит следующим образом: «Красногорский филиал Музея Победы – один из немногих, целостно и структурно представляющих историю Второй мировой войны, начиная с ее причин. Особое место в экспозиции занимает тема военного плена и спецпропаганды в годы Великой Отечественной войны» [8]. Таким образом, ключевым для музея стало вписывание экспозиции в общую повествовательную конструкцию. Немецкие антифашисты не только перестали быть объектом коммеморации, но и объектом историзации и музеефикации.

Фактическая цель создания музея – включение немецких антифашистов в канон культурной памяти о Великой Отечественной войны – оказалась незавершенной. В 2007 г. скончался Генрих фон Эйнзидель, правнук Отто фон Бисмарка, один из основателей и активных членов НКСГ. После объединения Германии он вступил в Партию демократических социалистов, наследницу Социалистической единой партии Германии. В 1994 г. был избран депутатом бундестага. Г. фон Эйнзидель поддерживал связи с музеем и выступал в рамках культурной памяти как свидетель и представитель мнемонического сообщества. Красногорский филиал музея Победы выступает примером незавершенного процесса перехода коммуникативной памяти (основанной на личной коммуникации и личной памяти свидетелей [2, с. 52–54]) в культурную. Объединение Германии, процессы декоммунизации привели к тому, что представления о войне, господствующие в ГДР, были вытеснены мемориальной культурой ФРГ. В России интереса как к немецким военнопленным, так и немецкому антифашизму за пределами академического сообщества не было. Более того, коммеморация немецких военнопленных может трактоваться как фальсификация и опасность для идентич-

ности, способ переписать как историю, так и память. В итоге отсутствие социальной группы, которая могла бы причислить себя к потомкам и для которой повествовательная модель была бы необходима для обоснования идентичности, стало причиной потери музеем мемориальной составляющей.

Сегодняшнее состояние экспозиции действительно позволят прочесть ее как посвященную Великой Отечественной войне. Такое понимание музея будет включать тематику военного плена только как краеведческий аспект, который объясняет место и роль Красногорска в истории войны. Части экспозиции, оставшиеся прежними, приобретают новое звучание. Например, первый зал, изначально посвященный тематике военного плена в Первую мировую войну, теперь объясняет предпосылки к Великой Отечественной войне, а Сопротивление после прихода Гитлера к власти становится частью предыстории войны и не имеет отношения к тематике антифашизма. По сравнению с 2018 г. были заменены витрины с экспонатами, относящимися к сталинским репрессиям, на краеведческие. Например, одна из витрин на 2024 г. посвящена Ивану Васильевичу Турыгину, главному инженеру Красногорского механического завода, исследователю-оптику. В таком ключе Сталинградская битва становится коренным переломом как на фронте, так и в сознании немцев, что отсылает создание НКСГ не столько к тематике немецкого антифашизма, сколько к спецпропаганде. В последнем зале в 2021 г. была открыта объемно-пространственная композиция «Нюрнбергский процесс», которая в контексте рассмотрения немецкого антифашизма имеет мало смысла в завершении музейного нарратива. Выставочная панель, посвященная созданию музея и связям с Германией в 2018 г., была заменена на плакат с парадом Победы и витрину с наградами победителей. Окончание экспозиции, содержащее информацию о военнопленных из других стран и репатриации, также становится краеведческим аспектом.

Однако такое прочтение не обходится без конфликта интерпретаций в пространстве музея. История Великой Отечественной войны включает только Московскую и Сталинградскую битвы. Теряется смысл интерактивных объектов – реконструкции президиума учредительной конференции НКСГ и класса антифашистской школы, которые занимают значительную часть пространства, и таких тем, как участие политэмигрантов в частях Красной армии и Сопротивлении в Германии. Часть экспонатов, например бюст Э. Тельмана, утрачивает значение в общем контексте Великой Отечественной войны.

Краеведческие аспекты выступают способами привлечения аудитории и функционирования музея в городском пространстве. Как филиал Музея Победы бывший Мемориальный музей немецких антифашистов должен представлять одновременно всю историю войны и «военный Красногорск». Мемориальность музея в рамках культуры памяти о Великой Отечественной войне заменена связью с местом и городом. Музей выступает как один из центров культурной жизни и как краеведческий музей, представляющий

историю города в силу отсутствия музея такого профиля. Поскольку Красногорск – место расположения правительства Московской области, музей претендует на освещение истории региона, например в случае Битвы за Москву. Кроме того, именно краеведческая составляющая позволяет преподнести тему немецких антифашистов и военнопленных для российской аудитории, не вызывая излишнюю дискуссионность.

В рамках представления военного плена и спецпропаганды особое внимание в музейной экспозиции уделено противопоставлениям. Советские экспонаты противопоставляются немецким, что с одной стороны акцентирует внимание на идеологическом противостоянии, с другой – позволяет посетителю их сравнивать. Такая же оппозиция присутствует при представлении тематики военного плена. Объемно-пространственная композиция «Фрагмент барака лагеря для военнопленных № 27» изображает посещение врачом больного военнопленного. Кроме того, присутствует табличка с рационом питания пленных. Рядом располагается композиция «Партизанская землянка», где изображен уполномоченный НКСГ вместе с советским разведчиком как пример сотрудничества. Первая композиция противопоставлена предпоследнему залу «Трагедия и подвиг советских военнопленных». Вместе с тем немецкие антифашисты оказываются одновременно объектами и субъектами идеологической борьбы. Само их появление как группы становится результатом спецпропаганды. В дальнейшем после осознания ложности своей идеологии они становятся активными участниками борьбы в идейном поле. Однако такая репрезентация может быть проблематичной, так как может стать проводником идеи «чистого вермахта».

Идея переосмысления и отказа от прошлого в результате осознания ошибок являлась частью идеологии ГДР, как и объединение НКСГ, СНО, политэмигрантов – членов КПГ, выпускников антифашистских школ в единое движение. Музей обходит стороной отношения НКСГ и СНО, участие Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта в НКСГ, цели создания организаций и антифашистских школ. Высокопоставленные посты и участие в политической жизни ГДР становится результатом деятельности и свидетельством успеха «перековки».

Для понимания незнакомых тем в экспозиции активно используются топонимы и личности. Это позволяет, исходя из нескольких узнаваемых персон, воссоздать полный контекст. Топоним или личность становится символом для целого нарратива. Эта практика встречается в политическом, научном, учебном дискурсах. К топонимам относятся памятные места Красногорска, которые позволяют выстраивать региональную идентичность и связать историю города с военнопленными. Другой топоним, который встречается достаточно часто – это Заксенхаузен, позволяющий связать в единый текст различные экспозиции. Заксенхаузен становится символом репрессий и сопротивления

российских военнопленных. Такие топонимы, как Сталинград и Москва напрямую отсылают к Великой Отечественной войне.

Экспозиция концентрируется на двух фигурах: уже упомянутом Г. фон Эйнзиделе и Ф. Паулюсе. Последний представлен в объемно-пространственной композиции «Нюрнбергский процесс» в качестве свидетеля, что должно вписывать ее и в рамки нарратива о немецких антифашистах. Отто фон Бисмарк и Ф. Паулюс являются наиболее известными личностями для российского посетителя. Концентрация на фельдмаршале Ф. Паулюсе, несмотря на дискуссионный характер его участия в СНО, носит не исторический, а репрезентационный характер, и позволяет на основе его биографии выстроить понимание тематики музея.

Важную роль как в экспозиции, так и в способе визуальной интерпретации играет картина «Приезд военнопленных генералов 6-й армии Паулюса из Сталинграда на станцию Павшино в г. Красногорске 24 февраля 1943 года». Картина выступает смысловым центром экспозиции, посвященной Сталинградской битве. Именно это произведение используется на музейной продукции. Вместе с тем картина служит средством для интерпретации и понимания экспонатов, используется в этом качестве в экскурсиях. На 2024 г. картину сопровождает мультимедийный экран, который раскрывает основные темы Сталинградской битвы, тем самым закрепляет важность именно этого события. Кроме битвы в качестве отдельных тем выделены: «командиры», «герои», «спецпропаганда Сталинграда», «Красногорск». Такой список применим к музею в целом и обозначает тематические области. Учитывая, что посетители отмечают невозможность интерпретации и прочтения экспозиции без экскурсовода, мультимедийный экран выступает в роли повествователя и тем самым демонстрирует необходимый минимум для восприятия. Охват тем соответствует современной самопрезентации музея.

Что касается аудитории, музей в первую очередь ориентируется на организованные группы. Кроме того, представлены различные выставки для детей и школьников, проводятся квесты и мастер-классы. Обширная группа посетителей – школьники Красногорска и Московской области. В отзывах многие отмечают, что посещали музей со школьной экскурсией и что экспозиция представляет особый интерес для детей: «интересные, интерактивные экскурсии для детей»; «очень интересно, сходили туда с классом на каникулах»; «экспозиция для детей хорошая, ходили с экскурсией от школы...». Посетители отмечают как новую информацию о Великой Отечественной войне, так и о городе. Однако присутствует критика, связанная с потерей мемориального статуса: «Сходите. Хотя музей, как таковой, разгромлен. Был "Музей немецких антифашистов". Начальство испытывает идиосинкразию к антифашистам, видимо»; «Раньше он назывался музеем немецких антифашистов, и, на мой взгляд, это более корректно»; «Угробили музей. Вся страна борется с фашизмом, а "умники" с Поклонной уничтожили даже само

название: "Музей немецких антифашистов"». Посетители по-разному трактуют текст экспозиции, что предполагает демократичность опыта, несмотря на попытки выстраивать экспозицию как в первую очередь историю Великой Отечественной войны. Кто-то действительно считает Красногорский филиал военным музеем, в котором сохранены уникальные экспонаты. Немецкий антифашизм в таком случае вторичен. Другие акцентируют внимание на немецких антифашистах или военнопленных, например: «Очень интересный музей, дающий понимание о том, как жили и работали немецкие и другие военнопленные во время и после ВОВ» [9].

Таким образом, музей пытается совместить в своем повествовании различные темы, не всегда связанные друг с другом. В пространстве музея представлены история немецких антифашистов, сотрудничество СССР и Германии, широкий вопрос немецкого Сопротивления, Великая Отечественная война, проблема военнопленных в широком контексте, советские военнопленные и история города Красногорска. В процессе музейной коммуникации тематические области, несмотря на разнообразие, предстают в едином сюжете даже при посещении без экскурсовода.

Музею удалось вписать экспозицию в российскую культурную память о Великой Отечественной войне, создать единый нарратив, представляющий одновременно трагическую и триумфальную страницу прошлого. Во многом это было достигнуто за счет внимания к краеведческим аспектам и идеологическому противостоянию. Однако тематика германского Сопротивления отражена и в современных технологиях экспонирования, например Ф. Паулюс в объемно-пространственной композиции «Нюрнбергский процесс». Красногорский филиал музея Победы представляет пример незавершенного процесса коммеморации и попытки включения темы немецкого антифашизма в канон памяти о Великой Отечественной войне. Работники музея сумели преподнести эту тему, не создав альтернативную повествовательную модель, или контрпамять, при этом не сильно повлияв на экспозицию. Тематика немецкого антифашизма из господствующего нарратива ГДР стала частью так называемой памяти-архива, функция которой сохранение. Однако вопрос сможет ли, она в дальнейшем перейти в разряд памяти-канона остается дискуссионным. Для этого эта проблематика должна быть осмыслена и усвоена и выступать составляющей определенного мнемонического сообщества [1, с. 56–57]. На сегодняшний день немецкий народно-демократический антифашизм оказывается мало востребованным в немецком и российском обществах и может функционировать только как периферийная составляющая более широких тем, в которых другие нарративы занимают центральное место, будь то Победа в Великой Отечественной войне или немецкое Сопротивление.

Источники и литература

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
2. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
4. *Герасименко Е.Е.* Музей и память в свете концепций институционализации / Е.Е. Герасименко // Вестник СГУТиКД. 2012. № 1(19). С. 251–260.
5. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти / Я. Зерубавель // Империя и нация в зеркале исторической памяти / сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–29.
6. История музея // Красногорский филиал Музея Победы. 12.03.2022. URL: <https://web.archive.org/web/20220312110154/https://mmna.ru/o-muzee/> (дата обращения: 28.12.2024)
7. Красногорский филиал Музея Победы // Красногорские вести. 2017. 12 сентября. URL: <https://web.archive.org/web/20180102131129/http://inkrasnogorsk.ru/novosti/obshchestvo/krasnogorskiy-filial-muzeya-pobedy> (дата обращения: 28.12.2024).
8. Красногорский филиал музея Победы // Красногорский филиал Музея Победы. URL: <https://mmna.ru/o-muzee/> (дата обращения: 28.12.2024)
9. Красногорский филиал Музея Победы // Яндекс Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/krasnogorskiy_filial_muzeya_pobedy/1084899748/reviews/?ll=37.310694%2C55.829823&z=16.8 (дата обращения: 28.12.2024)
10. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О.Ю. Малинова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
11. Мемориальный музей немецких антифашистов (филиал Центрального музея Великой Отечественной войны). Путеводитель / С.И. Побежимов, И.М. Ружина, И.П. Кузьмичева, О.Д. Флид, Т.С. Переверзева, О.В. Бойкова. Красногорск: Красногорская типография, 2015. 112 с.
12. *Миллер А.И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А.И. Миллер // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2016. № 1(80). С. 111–121.
13. *Миллер А.И.* Устои «глобальной» мемориальной культуры под вопросом / А.И. Миллер // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 3. С. 68–81. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-68-81>
14. *Муравьева Н.* Он сражался за Родину. Как воина-освободителя пытаются уравнивать с захватчиков / Н. Муравьева // Православие.Ru. 12.01.2018. URL: <https://pravoslavie.ru/109841.html> (дата обращения: 28.12.2024)
15. *Олик Д.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Д. Олик // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

16. Ружина И.М. Фронтовая деятельность Национального комитета «Свободная Германия» (1943–1945 гг.) / И.М. Ружина // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 39–47.

17. Сидоров С.Г. К вопросу о судьбе военнопленных из сталинградского «котла» / С.Г. Сидоров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 116–128. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.11>

18. Шиманская О.К. Конструирование коллективной памяти о Второй мировой войне в пространстве современного музея / О.К. Шиманская, Д.И. Колесов // Россия и АТР. 2023. № 4. С. 64–79. <https://doi.org/10.24412/10268804202346479>

19. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах / Н. Эппле. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 576 с.

20. Arnold-de Simine S. Mediating Memory in the Museum: Trauma, Empathy, Nostalgia / S. Arnold-de Simine. London: Arnold, 2013. 239 p.

21. Benz W. Der deutsche Widerstand gegen Hitler. Sie wählten die Einsamkeit und standen gegen die Masse / W. Benz // Zur Debatte. 2022. Heft 2. S. 26–31.

22. Benz W. Im Widerstand Größe und Scheitern der Opposition gegen Hitler / W. Benz. München: C.H. Beck. 556 s.

23. Bramke W. Antifaschistische Tradition und aktueller Antifaschismus / W. Bramke // Kinner K., Richter R. (Hg.) Rechtsextremismus und Antifaschismus. Historische und aktuelle Dimensionen. Berlin: Dietz, 2000. S. 8–13.

24. “Deutschland muss leben, deshalb muss Hitler fallen!” Die weltweite Bewegung “Freies Deutschland” 1943–1945 // Gedenkstätte Deutscher Widerstand. URL: <https://www.gdw-berlin.de/angebote/ausstellungen/ausstellung/view-aus/deutschland-muss-leben-deshalb-mu/> (accessed: 28.12.2024)

25. Die “Antifa”: Antifaschistischer Kampf im Linksextremismus // Bundesamt für Verfassungsschutz. 2025. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/hintergruende/DE/linksextremismus/die-antifa-antifaschistischer-kampf-im-linksextremismus.html> (accessed: 10.01.2025)

26. Finker K. Die Frau eines Attentäters / K. Finker // Nd – Journalismus von links. 14.07.2011. URL: <https://www.nd-aktuell.de/artikel/202013.die-frau-eines-attentaeters.html> (accessed: 28.12.2024)

27. Hoffmann D.L. The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia / D.L. Hoffmann. London; N.Y.: Routledge, 2021. 370 p.

28. Hüttenberger P. Vorüberlegungen zum “Widerstandsbegriff” / P. Hüttenberger // Jürgen Kocka (Hg.). Theorien in der Praxis des Historikers. Forschungsbeispiele und ihre Diskussion. Göttingen, 1977. S. 117–139.

29. Kershaw I. “Widerstand ohne Volk?” Dissens und Widerstand im Dritten Reich / I. Kershaw // Schmädke J., Steinbach P. (Hg.) Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, Zürich: R. Piper, 1985. S. 779–798.

30. Kleine Anfrage der Abgeordneten Martin Hess, Dr. Gottfried Curio, Dr. Bernd Baumann, Dr. Christian Wirth, Steffen Janich und der Fraktion der AfD. Deutscher Bundestag 20/989 20. Wahlperiode. 15.03.2022. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/009/2000989.pdf> (accessed: 28.12.2024)

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

31. *Küttler W.* Die Erbe-Konzeption und der Platz der preußischen Geschichte in der DDR-Geschichtswissenschaft / W. Küttler, H. Schleier // *German Studies Review*. 1983. Vol. 6, No. 3. S. 535–557.
32. *Lehmann H.G.* Deutschland-Chronik 1945 bis 1995 / H.G. Lehmann. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1996. 572 s.
33. *Macdonald S.* Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today / S. Macdonald. London, N.Y.: Routledge, 2013. 320 p.
34. *Münkler H.* Antifaschismus und antifaschistischer Widerstand als politischer Gründungsmythos der DDR / H. Münkler // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1998. No. 45. URL: <https://clck.ru/3G9vWT> (accessed: 28.12.2024)
35. *Rüdiger S.* Sieger der Geschichte? Antifaschismus im “anderen Deutschland” / S. Rüdiger // *Großbölting Th. (Hg.) Friedensstaat, Leseland, Sportnation? DDR-Legenden auf dem Prüfstand*. Bonn: Ch. Links Verlag, 2010. S. 208–229.
36. *Späth J.* Antifaschismus. Begriff, Geschichte und Forschungsfeld in westeuropäischer Perspektive / J. Späth // *Docupedia-Zeitgeschichte*. 04.02.2019. URL: http://docupedia.de/zg/Spaeth_antifaschismus_v1_de_2019 (accessed: 28.12.2024)
37. *Steinbach P.* Zur Konzeption der Dauerausstellung / P. Steinbach, J. Tuchel, U. Stiepani. Berlin: Gedenkstätte Deutscher Widerstand, 2014. 2 p. URL: https://www.gdw-berlin.de/fileadmin/bilder/presse/2014-2015/GDW_Ausstellungskonzeption_Dauerausstellung.pdf (accessed: 28.12.2024)
38. *Vergo P.* The New Museology / P. Vergo. London: Reaktion Books, 1989. 230 p.
39. *Vogel Th.* Widerstand gegen den Nationalsozialismus / Th. Vogel // Bundeszentrale für politische Bildung. 08.09.2015. URL: <https://www.bpb.de/themen/nationalsozialismus-zweiter-weltkrieg/der-zweite-weltkrieg/199412/widerstand-gegen-den-nationalsozialismus/> (accessed: 28.12.2024)
40. *Von Klemperer K.* Über Nationalsozialismus und Widerstand / K. Von Klemperer // *Rudolph I. (Hg.) Wissenschaftskolleg zu Berlin Jahrbuch 1985/86*. Berlin: Siedler, 1987. S. 93–104.

Колесов Денис Иванович, младший научный сотрудник, Институт Европы РАН, Россия, г. Москва, deniskolesov@gmail.com

Kolesov Denis I., Junior Researcher, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, deniskolesov@gmail.com

УДК [394.46+379.8](470.57).084.8

А.Ф. Валеева

**ТОРЖЕСТВО В ГОДЫ ВОЙНЫ: 25-ЛЕТИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ В БАШКИРСКОЙ АССР (ПО МАТЕРИАЛАМ
ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ БАШКИРИЯ»)**

Аннотация. 25-летие Великой Октябрьской Социалистической революции – главного праздника СССР – пришлось на тяжелый 1942 г. В Сталинградской битве решалась, как и четверть века назад, судьба страны. Несмотря на это, юбилей Октября и установления советской власти оставался важным событием с точки зрения идеологии. Представляет интерес, каким образом были организованы коммеморации юбилея в период войны в национальной республике. Для раскрытия этой темы в статье рассматривается празднование юбилея Октябрьской революции в Башкирской АССР на материалах главной газеты республики того времени – «Красная Башкирия». Анализ публикаций газеты позволяет выявить основные векторы коммемораций, связанных с 25-летней годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции в национальной автономии. Они были сильно увязаны с войной, так одна из форм поддержки тылом фронта – продовольственные подарки посвящались юбилею революции. Традиционные формы коммемораций, сложившиеся в 1920–1930-е гг., торжественные заседания с докладами и художественными концертами сохранились, но были насыщены военной тематикой. История революции, а в данном регионе она была совсем не однозначной, преподносилась в рамках тезисов ЦК ВКП(б). Но, то обстоятельство, что юбилей проводился в национальной автономии, давало возможность обобщить положительный опыт советской модернизации. Наполнение прежних форм повышения производительности труда (соцсоревнование) на производстве юбилейной риторикой, вероятно, было явлением общесоюзным. Региональной особенностью был, по сути, параллельный юбилей революции, проводимый правительством и Академией наук Украинской ССР, находившимися в республике в эвакуации. В целом празднование юбилея Октября в БАССР показывает, что партийное руководство как в центре, так и на местах проводило единую линию освещения революции, с допуском региональных особенностей в контролируемых рамках.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Октябрьская революция, БАССР, повседневность, «Красная Башкирия».

A.F. Valeeva

**ANNIVERSARY DURING THE WAR: THE 25th ANNIVERSARY OF
THE OCTOBER REVOLUTION IN THE BASHKIR ASSR (BASED ON
THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER "KRASNAYA BASHKIRIA")**

Abstract. The 25th anniversary of the Great October Socialist Revolution, the main holiday of the USSR, fell on a difficult 1942. In the Battle of Stalingrad, the fate of the country was decided, as it was a quarter of a century ago. Despite this, the anniversary of October and the establishment of Soviet power remained an important event from the point of view of ideology. It is of interest how the commemorations of the jubilee were organized during the war in the national republic. To reveal this topic, the report examines the celebration of the anniversary of the October Revolution in the Bashkir ASSR based on the materials of the main newspaper of the republic at that time – “Krasnaya Bashkiriya”. The analysis of the newspaper's publications makes it possible to identify the main vectors of the commemorations associated with the 25th anniversary of the Great October Socialist Revolution in the national autonomy. They were strongly linked to the war, so one of the forms of support from the rear of the front was food gifts dedicated to the anniversary of the revolution. The traditional forms of commemorations that developed in the 1920s and 1930s, solemn meetings with reports and art concerts remained, but were saturated with military themes. The history of the revolution, and in this region it was not at all unambiguous, was presented within the framework of the theses of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). But the fact that the anniversary was held in the national autonomy made it possible to summarize the positive experience of Soviet modernization. Filling the previous forms of labor productivity improvement (social competition) in production with jubilee rhetoric was probably a union-wide phenomenon. The regional feature was, in fact, the parallel anniversary of the revolution, held by the government and the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, who were in the republic in evacuation. In general, the celebration of the anniversary of October in the BASSR shows that the party leadership, both in the center and on the ground, pursued a single line of coverage of the revolution, with the admission of regional peculiarities within a controlled framework.

Keywords: Great Patriotic War, October Revolution, BASSR, everyday life, “Krasnaya Bashkiriya”.

25-летие Великой Октябрьской Социалистической революции – главного праздника Советского Союза – пришлось на тяжелый 1942 г. В Сталинградской битве решалась, как и четверть века назад, судьба страны. Несмотря на все это, юбилей Октября и установления советской власти оставался важным событием с точки зрения идеологии. Представляет интерес, каким образом были организованы коммеморации юбилея в период войны, в национальной республике. Мы рассматриваем это на материалах главной газеты Башкирской АССР – «Красная Башкирия».

Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика – автономия в составе РСФСР. Созданная в декабре 1917 г. она прошла сложный путь от политического нейтралитета, перехода в лагерь контрреволюции и создания Башкирского войска в 1918 г., завершившийся подписанием 23 марта 1919 г. Соглашения между Башкирским правительством и Советской властью. В годы Великой Отечественной войны в Башкирскую АССР было эвакуировано 278 тыс. чел., более 100 промышленных предприятий, военные училища, госпитали, органы власти, правительство Украины. Более 700 тыс. уроженцев Башкирии воевали на фронтах Великой Отечественной войны, более 320 тыс. из них погибли на полях сражений.

В рассматриваемый нами период в БАССР пресса была представлена газетами «Кызыл атлылар» (с башкирского – «Красные кавалеристы»), газета 112-й Башкирской кавалерийской дивизии – *прим. авт.*), «Пчеловодство», журналом «Октябрь» и другими изданиями, выходившими как на башкирском языке, так и на языках других народов СССР. Однако, «Красная Башкирия» являлась главной официальной газетой Башкирской АССР. Выходила она каждый день на двух страницах как на башкирском языке под названием «Кызыл Башкортостан», так и на русском. В 1951 г. газета стала именоваться «Советская Башкирия» и продолжает выходить до сих пор под названием «Республика Башкортостан», оставаясь одним из главных общественно-политических печатных изданий республики. В ходе нашего исследования были проанализированы выпуски газеты, публиковавшиеся на русском языке, поскольку башкирский текст им идентичен.

На протяжении октября – ноября 1942 г. в «Красной Башкирии» публиковались заметки о мероприятиях, приуроченных к юбилею революции. Основной упор в них был сделан на помощи фронту, что логично для военного времени. В октябрьских номерах была выделена специальная рубрика «Октябрьские подарки – фронту», в ней приводились конкретные примеры по населенным пунктам, колхозам и гражданам, собиравшим подарки. Такая практика была повсеместной на протяжении всей войны, однако в данном случае, дарение было приурочено к 25-летию революции. В выпуске газеты от 4 октября описаны подарки от колхозов Кандринского района БАССР. Так, колхоз «Кызыл Усень» послал 16 кг масла, 60 кг жирной баранины, 500 яиц и индивидуальные подарки, колхоз «Иштуган» передал бойцам 40 кур, 150 кг капусты, 250 яиц, масло, индивидуальные посылки, также подарки были получены от колхоза «Куряш» [5].

Аналогичная ситуация была и в плане освещения производственных успехов. Это была стандартная практика повышения производительности труда, но в октябре 1942 г. она мотивировалась юбилейным торжеством. Об этом красноречиво говорят заголовки в «Красной Башкирии»: «В честь 25-летия Октября» [10], «Встретим 25-летие Великой Октябрьской социали-

стической революции новыми производственными успехами» [2] и заголовок «Стахановский труд – лучший подарок Октябрю» [7].

Важным было наполнение прежних форм борьбы за повышение производительности труда организацией состязательности трудового процесса (соцсоревнования) идеей достойной встречи 25-й годовщины революции. Например, освещалось, как соревновались предприятия Туймазинского района БАССР. Убойный цех мясокомбината систематически выполнял план на 150 %, швейная фабрика Башнаркомлегпрома выполнила сентябрьскую программу на 103 % и обязалась к годовщине дать 122 % плана [6]. Трудно оценить, насколько были выполнены обязательства, важен факт наполнения стандартных форм воздействия на работников «актуальными» лозунгами.

Персонификация юбилея Октября проходила в заданной центром (ЦК ВКП(б)) сложившейся формуле «двух вождей революции». Объемная статья в одном из номеров газеты именовалась «Ленин и Сталин – великие вожди Октябрьской революции» и была посвящена роли В.И. Ленина и И.В. Сталина в создании советского государства, объединении народов, хозяйственном обновлении и борьбе против врагов государства [1].

В специальном выпуске газеты от 7 ноября 1942 г., непосредственно в день юбилея, был опубликован доклад Сталина, зачитанный на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями. В нем были затронуты актуальные на тот момент вопросы организации работы в тылу, военных действиях на советско-немецком фронте, втором фронте в Европе и т.д. [4]

Отдельное внимание в газетных заметках в честь 25-летия Октябрьской революции уделялось влиянию октябрьских событий на создание Красной армии, что было актуально в условиях военного времени. Не была пропущена и региональная тематика – «Великий Октябрь и народы СССР». В частности, в статье «Октябрьская революция возродила башкирский народ» кандидата исторических наук Г. Гужвенко описывалось, как башкирский народ боролся за свои земли и свободу, но только «Великая Октябрьская революция принесла освобождения всем угнетенным народам России» [3].

Основная форма празднования юбилея революции заключалась в торжественных заседаниях. Так, 6 октября в зале Башкирского академического театра состоялось торжественное заседание Уфимского городского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями города, посвященное 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. На заседании зачитывались доклады, обсуждалось выступление Сталина, было принято решение послать ему юбилейное приветствие. После заседания состоялся художественный концерт [9].

Юбилейное заседание также проводила Академия наук Украинской ССР, находившаяся в эвакуации в г. Уфе. Главным образом юбилейная сессия, проходившая со 2 по 4 ноября в зале заседаний Совнаркома Башкир-

ской АССР, состояла из заслушивания ряда докладов о достижениях, которыми встречают ученые Украины 25-ю годовщину Октября, особо отмечалось, что в дни Отечественной войны украинские ученые находятся в передовых рядах советского народа, борющегося с фашизмом [12]. Во время сессии Академия также организовала выставку работ украинских художников и литературно-музыкальный вечер, на котором выступали писатели и композиторы Украины. Помимо этого, работники Академии наук УССР подготовили к изданию юбилейный сборник, в котором были помещены работы ведущих ученых Академии, сборник «Экономика Украины к 25-летию Октябрьской революции» и научно-популярный очерк «Украинская культура» [11].

Из культурных мероприятий, приуроченных к празднованию юбилея Октября, для населения Уфы в Государственном русском драматическом театре шла постановка спектакля лауреата Сталинской премии А. Корнейчука «Фронт», в Башкирском государственном театре оперы и балета давалась опера «Акбузат» и в Башкирском государственном академическом драматическом театре юбилейный спектакль «Хунмэс Юрактэр» (с башкирского – «Неугасающие Сердца» – *прим. авт.*) А. Мубарякова [8].

Анализ публикаций главной газеты Башкирской АССР «Красная Башкирия» позволяет выявить основные векторы коммемораций, связанных с 25-летней годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции в национальной автономии. Они были жестко увязаны с войной. Так, одна из форм поддержки тылом фронта – продовольственные подарки – посвящалась юбилею революции. Традиционные формы коммемораций, сложившиеся в 1920–1930-е гг., торжественные заседания с докладами и художественными концертами сохранились, но были насыщены военной тематикой. История революции, а в данном регионе она была совсем не однозначной, преподносилась в рамках тезисов ЦК ВКП(б). Но, то обстоятельство, что юбилей проводился в национальной автономии, давало возможность обобщить положительный опыт советской модернизации. Наполнение прежних форм повышения производительности труда (соцсоревнование) на производстве юбилейной риторикой, вероятно, было явлением общесоюзным. Региональной особенностью был, по сути, параллельный юбилей революции, проводимый правительством и Академией наук Украинской ССР, находившимися в республике в эвакуации. В целом празднование юбилея Октября в Башкирской АССР показывает, что партийное руководство как в центре, так и на местах проводило единую линию освещения революции, с допуском региональных особенностей в контролируемых рамках.

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

Источники и литература

1. *Азизямов А.* Ленин и Сталин – великие вожди Октябрьской революции / А. Азизямов // Красная Башкирия. 1942. 22 октября.
2. Встретим 25-летие Великой Октябрьской социалистической революции новыми производственными успехами // Красная Башкирия. 1942. 22 октября.
3. *Гужвенко Г.* Октябрьская революция возродила башкирский народ / Г. Гужвенко // Красная Башкирия. 1942. 6 ноября.
4. Доклад Председателя Государственного Комитета Оборона товарища И.В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями // Красная Башкирия. 1942. 7 ноября.
5. Кандринские колхозники – защитникам родины // Красная Башкирия. 1942. 4 октября.
6. *Левин Г.* В Туймазах готовятся к встрече Октября / Г. Левин // Красная Башкирия. 1942. 17 октября.
7. Стахановский труд – лучший подарок Октябрю // Красная Башкирия. 1942. 4 ноября.
8. Театры и кино // Красная Башкирия. 1942. 6 ноября.
9. Торжественное заседание в честь XXV годовщины Октябрьской революции в Уфе // Красная Башкирия. 1942. 10 ноября.
10. *Хойфец И.* В честь 25-летия Октября / И. Хойфец // Красная Башкирия. 1942. 9 октября.
11. Юбилейная сессия Академии наук УССР // Красная Башкирия. 1942. 8 октября.
12. Юбилейная сессия Украинской Академии наук // Красная Башкирия. 1942. 6 ноября.

Валеева Альбина Фанузовна, аспирант, ассистент кафедры истории России, историографии и источниковедения, Институт истории и государственного управления, Уфимский университет науки и технологий, Россия, г. Уфа, alb213@mail.ru

Valeeva Albina F., Postgraduate Student, Assistant at the Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Institute of History and Public Administration, Ufa University of Science and Technology, Russia, Ufa, alb213@mail.ru

УДК 001.891.32

Н.Э. Вашкау

**«ПРОСТО ТЫ УМЕЛА ЖДАТЬ, КАК НИКТО ДРУГОЙ...»:
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ
СТУДЕНТОВ ЛГПУ. 2020–2025**

Аннотация. В статье представлены результаты работы над научно-исследовательским проектом «Память народа. Память Семьи» студентов неисторических специальностей по изучению истории своей семьи, созданию генеалогического древа и включению знаний о биографиях предков в контекст исторических событий страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, память, генеалогия, биография, проект.

N.E. Vashkau

**“BECAUSE YOU WAITED FOR ME LIKE NO ONE ELSE”:
HISTORICAL RESEARCH PROJECT
BY THE LSPU STUDENTS, 2020–2025**

Abstract. The paper presents the project “Our families’ memories reflecting our nation’s past”. “Gedenken des Volkes. Gedenken der Familie“. In the course of this project students of non-history majors created their genealogical tree and researched their families’ past, including the knowledge of their ancestors’ lives in the context of our country’s history.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, genealogy, biography, project.

Все студенты Липецкого государственного педагогического университета на первом курсе изучают историю России как федеральный компонент. Это абсолютно правильно, ибо нужно знать прошлое своего народа. Я постаралась расширить рамки предмета и увлечь ребят поисковой работой. Им было предложено создать свое генеалогическое древо и написать историю семьи на фоне истории страны. В центр повествования мы поставили память о Великой Отечественной войне – память семьи, память всего народа, который отмечал в 2020 г. юбилей Победы. Это налагало на нас серьезную ответственность – бережно отнестись к тем событиям и их свидетелям, участникам.

Центром германских исторических исследований Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского и Филиалом Фонда Розы Люксембург в Москве (ФРГ) в 2020 г. был

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

начат проект «Память народа. Память семьи». Цель, которую я ставила как организатор, изучение и сохранение памяти о Великой Отечественной войне через знакомство с семейной историей с помощью изучения документов архивов Липецкой области и эго-документов личных архивов студентов. Реконструкция биографий родственников, принимавших участие в сражениях и работавших в тылу в период войны.

Данная цель предполагала основные задачи:

- подготовка научно-практического пособия «Как писать научную работу по истории своей семьи» в помощь студентам;
- проведение научно-практических семинаров по методологии написания научно-исследовательской работы;
- организация самого конкурса (рассылка материалов, консультации в ЛГПУ, областной научной библиотеке, чтение, анализ и переписка с авторами по замечаниям к работам);
- проведение промежуточной научно-практической конференции с представлением лучших докладов в мае 2020 г.;
- проведение заключительной конференции – презентации книги 2 сентября 2020 г.

С сентября 2019 по июнь 2020 г. студенты первых курсов дневного и заочного обучения неисторических специальностей провели большую работу по изучению истории прадедов, принимавших участие в Великой Отечественной войне на фронтах и в тылу, трудившихся на военных заводах, в госпиталях и колхозах.

В рамках осуществления проекта студенты изучали литературу по проблемам истории Второй мировой войны; в библиотеке ЛГПУ проводились консультации по анализу опубликованных документов, методике работы с сайтами сети Интернет, методике проведения интервью с членами семьи. Студенты изучали официальные документы военного времени, письма солдат, фотографии из семейных архивов, обращались к сайтам Министерства обороны, в государственные архивы области и Москвы. В помощь студентам было опубликовано учебно-методическое пособие, выдержавшее два издания [2], и учебное пособие по истории военных событий в районах, занятых противником. Районы территориально вошли позднее (с 1954 г.) в Липецкую область [1].

Это важное направление побуждает молодежь по-новому взглянуть на историю Великой Отечественной войны. Используя источники из личных архивов: фотографии, газетные вырезки, удостоверения к наградам, студенты дополнили интервью со своими родными, которые помнят, будучи детьми, военные и послевоенные годы. Это очень ценный опыт для молодого поколения – изучение истории своей страны, края, семьи – через восприятие и память старшего поколения.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Студенты научились составлять генеалогические деревья, искать истоки появления своей фамилии, работать в архиве и с литературой. Причем, это не будущие историки. Основную часть рассказов представили студенты первых курсов дневного и заочного отделений неисторических направлений. Нужно было заинтересовать молодое поколение и пробудить искреннее желание узнать историю своей семьи, понять ее вклад в историю страны в самые сложные периоды, когда истинный патриотизм измерялся поступками. Каждое сочинение заканчивается выводом, раздумьями, размышлениями о понимании своего места в истории семьи и страны.

Новым и ценным было включение студентов в поиск по сайтам Министерства обороны информации о наградных листах, справок о ранении, списков погибших воинов, представлениях к наградам, о пути дивизии или армии, в которой прошел войну их прадед. Во время работы и обсуждения первых результатов было несколько случаев, когда ребята впервые находили пропавших без вести прадедов и с гордостью могли в работе представить документы из архива с описанием их подвигов. Какой радостью было это для бабушек (дочерей солдат, павших в бою) получить такую весточку о своем отце! Очерки, представленные в издании, позволили студентам размышлять об источниках героизма, о вкладе каждого гражданина страны в общую победу на фронте и в тылу.

Особой волнующей частью работы стали интервью со старшим поколением. В результате многие студенты составили генеалогическое древо своей семьи и описание каждой биографии. С гордостью они рассказывали о подвигах своих прадедов, о верности солдатскому долгу, о невероятных усилиях всего народа, приближавшего победу. Всего в написании биографий участвовали более 90 студентов Липецкого университета. В проекте приняли участие также студенты из Волгоградского государственного университета, Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России, даже из Костанайского университета (Республика Казахстан). Студенты читали историческую литературу, воспоминания, художественные произведения, смотрели фильмы о войне, сравнивали, думали, писали свои впечатления. Вот некоторые из них: «Меня поражает надпись, оставленная одной из героинь, на поверженном рейхстаге, гласящая о том, что она на фронт "пришла ...чтобы убить войну"». «Не нужно высоких слов! Просто достаточно увидеть войну глазами ребёнка!» (А. Стрельникова). «Меня потряс плакат над рабочим местом на заводе: "Не уйду, пока не выполню норму"». Горячева Наташа пишет в эссе: «Перед прочтением рассказа А. Приставкина "Портрет отца" я изучила биографию писателя и наткнулась на цитату: "Я не только боялся писать о тех страшных военных днях, я боялся прикоснуться к ним даже памятью: это было больно". Эти слова заставили меня задуматься» [4].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

6 мая 2020 г. прошла первая видеоконференция. Более 70 студентов слушали доклады своих ровесников об истории их семьи. Впечатление Маши Егоровой: «Удивляет и восхищает поведение прабабушек во время войны. Оставшись с детьми на руках, они не поддавались отчаянию и старались прокормить семью. Достоинство прошли это испытание и многие дождались своих родственников с фронта. А те, кто не дождался, смогли справиться с горечью потерь и воспитать новое поколение» [4, с. 268–269].

Сегодня важно знать факты, изучать документы, чтобы иметь собственную точку зрения на исторические события. Я надеюсь, что прикосновение к личной истории своих прадедов, понимание их мыслей и чувств, когда они вставали из окопов и шли на верную смерть, не позволит стать памяти о них короткой. Потому что речь идет не просто об изучении страниц нашей истории, а сохранении исторической правды.

Наградные листы, которые были представлены практически в каждой работе, ребята получили с сайта Министерства обороны РФ «Память народа». Они имеют часто плохую сохранность, но стали ценным, а часто – единственным и неожиданным документом из прошлого. Но все эти документы должны быть сохранены в семейных архивах, чтобы работа по созданию древа продолжалась дальше. Практически каждый из рассказов заканчивается выводом о том, что студенты посмотрели совершенно под другим углом на темы семинаров, которые мы изучали, поиск открыл для ребят историю своей семьи, показал, насколько сильно каждая семья повлияла на судьбу страны в целом. Очень точно назвала Ольга Душкина свою работу «Как история моей семьи перекликается с историей моей страны» [4, с. 348–353].

На заключительной конференции-презентации коллективной книги присутствовали студенты, преподаватели, родители и несколько героев наших очерков. Книга снабжена многочисленными архивными документами, редкими фотографиями. Представлены генеалогические деревья семей, опубликованы биографии прадедов, принимавших участие в Великой Отечественной войне на фронте и в тылу, цветная врезка с фотографиями награжден периода войны. Каждый из рассказов заканчивается признанием ребят в том, что исследование открыло для них историю своего рода, показало, насколько сильно каждая семья повлияла на судьбу страны в целом.

Проект имел широкое освещение в средствах массовой информации: интервью Вашкау Н.Э. в библиотеке 6 мая 2020 г. размещено на сайте Липецкой областной универсальной научной библиотеки и доступно и сегодня для просмотра. Телевизионная передача о презентации книги, вышедшая 3 сентября 2020 г. на телеканале «Вести-Липецк» расширила аудиторию [3].

Книга передана в библиотеки и школы города Липецка и Липецкой области и сегодня является хорошим пособием по истории края, и изучению истории предвоенного и военного времени.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Книга получила ряд положительных отзывов. Очень тепло о ней написал рецензию в журнале «Новая и новейшая история» [5] Б.Л. Хавкин, доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института (РГГУ, Москва). Рецензия заканчивается словами: «Пожелаем же юным авторам, создавшим своим трудом новый источник личного происхождения по проблеме исторической памяти, и их наставникам успехов в благородном деле писания и сохранения семейной истории. Из этих маленьких очерков складывается историография страны и всемирная история» [5, с. 246]. Работа над проектом продолжается. Учителя школ Липецкой области, преподаватели кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ подключились к этой работе, используют материалы книги в работе с учениками, создавая собственные проекты. Актуальная задача изучения истории семьи должна стать важнейшей составляющей национальной политики памяти [5, с. 246].

Источники и литература

1. *Вашкау Н.Э.* Великая Отечественная война в истории Липецкой области: учебное пособие / Н.Э. Вашкау, Н.А. Вашкау, А.А. Лакизюк. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. 129 с.
2. *Вашкау Н.Э.* Как писать научно-исследовательский проект по истории своей семьи: учебное пособие / Н.Э. Вашкау. Изд. 2-е доп. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. 80 с. (1-е изд. – 2020 г.)
3. Липецкие студенты написали книгу о Великой Отечественной. URL: <https://vesti-lipetsk.ru/novosti/obshestvo/lipeckie-studenty-napisali-knigu-o-velikoj-otechestvennoj/> (дата обращения: 25.12.2024)
4. Память народа. Память семьи / отв. ред. Н.Э. Вашкау, ред. Н.А. Вашкау, А.А. Лакизюк. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. 384 с.
5. *Хавкин Б.Л.* От семейной истории к памяти народа. Рец. на кн.: Память народа. Память семьи / под ред. Н.Э. Вашкау (отв. ред.), Н.А. Вашкау, А.А. Лакизюк. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. 384 с. / Б.Л. Хавкин // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 243–246.

Вашкау Нина Эмильевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Россия, г. Липецк, vaschkau@mail.ru

Vashkau Nina E., Doctor of Sciences (History), Full Professor, Professor at the Department of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Russia, Lipetsk, vaschkau@mail.ru

УДК 37.017:372.893(470.44).084.8

В.Г. Петрович

**«ЭТО НАДО НЕ МЁРТВЫМ, ЭТО НАДО ЖИВЫМ!» –
СОБЫТИЯ И УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ПАМЯТИ И МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ УЧАСТНИКОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация. В статье рассмотрена коммеморация героев и событий Великой Отечественной войны в общеобразовательных организациях Саратовской области. Анализируется, как образ прифронтовой области в годы Великой Отечественной войны и её героев отражается в учебно-методическом комплексе по региональной истории – «История Саратовского Поволжья». Показаны разные формы коммеморации, в том числе связанные совместной исследовательской деятельностью педагогов и обучающихся в ходе традиционной Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Война: история и личная трагедия». Транслируется положительный опыт участия саратовских школьников во всероссийском проекте «Без срока давности». Доказывается эффективность использования средств музейной педагогики для укрепления исторической памяти участников образовательных отношений на примере деятельности Музея педагогической славы Саратовской области.

Ключевые слова: год защитника Отечества, историческая память, без срока давности, коммеморация, история и трагедия.

V.G. Petrovich

**“THIS IS NOT NECESSARY FOR THE DEAD, THIS IS NECESSARY
FOR THE LIVING!” – EVENTS AND PARTICIPANTS OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR IN THE MEMORY AND MEMORIAL CULTURE
OF PARTICIPANTS IN EDUCATIONAL RELATIONS
IN THE SARATOV REGION**

Abstract. The article examines the commemoration of the heroes and events of the Great Patriotic War in general education organizations of the Saratov region. It analyzes how the image of the frontline region during the Great Patriotic War and its heroes is reflected in the educational and methodical complex on regional history "History of the Saratov Volga Region". Various forms of commemoration are shown, including those related to the joint research activities of teachers and students during the traditional All-Russian (with international participation) scientific and practical conference "War: History and Personal Tragedy". The positive experience of participation of Saratov schoolchildren in the All-Russian project "Without Statute of Limitations" is broadcast. The effectiveness of using museum pedagogy tools to strengthen the historical memory of partici-

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

pants in educational relations is proven using the example of the activities of the Museum of Pedagogical Glory of the Saratov Region.

Keywords: year of the defender of the Fatherland, historical memory, without statute of limitations, commemoration, history and tragedy.

*Нам никуда от памяти не деться.
Исчезнет всё, придут другие люди,
Но будет в них всё так же биться сердце,
Забудет ум, а сердце помнить будет.*

В этих замечательных строчках Татьяны Окуновой выражено главное, что отличает человека цивилизованного, культурного от дикаря, – память. Но не та память, которая помогает нам в делах повседневных, а память историческая: именно она не позволяет забыть нам, что мы – люди, что мы – часть великой страны с более чем тысячелетней культурой, славной, героической историей. Человек, потерявший память, уже не личность. Потому роль исторической памяти в нашей жизни очень велика.

Но как привить историческую память нынешнему поколению россиян, для которых события почти вековой давности уже не трогают за душу, а строчки федеральных учебников истории – простая абстракция? Саратовские историки посчитали, что нужны учебники региональной истории, в которых описывались бы жизнь и подвиги тех, кто рос рядом, в нашем городе, в соседнем селе, а во время великой битвы за свободу и независимость Родины стал героем.

В ноябре 2014 г. Саратовская область включилась в федеральный проект «История России через историю регионов». Авторский коллектив лучших историков Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского и Саратовского областного института развития образования приступили к написанию учебного пособия «История Саратовского Поволжья». Оно писалось уже по-новому, в соответствии с требованиями только вступившего в действия ФГОС СОО. Главная идея ФГОС – развивающее обучение на всех образовательных уровнях – в начальной, основной и средней школе. Вот почему в тексте каждой главы пособия много исторических документов: архивные материалы, газетные статьи, иллюстрации, карты, отрывки из воспоминаний очевидцев событий. Учащиеся сами должны делать выводы о тех или иных событиях и явлениях жизни земляков на основе анализа конкретных документальных материалов. Впервые была сделана и электронная версия учебного пособия, которая вышла на просторы Интернета в качестве специального номера электронного научно-образовательного журнала «История» 31 августа 2015 г. [3]

На примере Саратовского Поволжья координаторы проекта отрабатывали алгоритм создания пособий по региональной истории нового поколения. В 2016–2017 учебном году ограниченный тираж пособия апробировал-

ся в двадцати школах области, представляющих все категории образовательных организаций – от элитных гимназий и лицеев до небольших сельских школ. Только после тщательной апробации, позволяющей выявить недочеты, ошибки, опiski и т.д., авторский коллектив вновь внес необходимые коррективы и уже к сентябрю 2017 г. учебное пособие стало использоваться в учебном процессе всех полных средних школ Саратовской области. Такой алгоритм основывается на добром старом советском опыте, когда учебники шли в массы только после тщательной апробации в экспериментальных школах. Он позволял избежать многих ошибок при издании бумажного варианта, так как учителя и школьники в процессе работы могли выявить все самые слабые места будущей книги. Массовый тираж учебного пособия «История Саратовского Поволжья» появился в 2017 г. [2]

Но жизнь не стоит на месте. Изменилась система преподавания истории. От концентрической системы вновь перешли к линейной, поэтому авторский коллектив на базе вышедшего в 2017 г. пособия разработал в период 2018–2023 гг. пособия для каждого класса основной и старшей школы в соответствии с хронологией изучения истории России в каждом классе. События Великой Отечественной войны изложены в книге для 10 класса [5]: «Раздел 5. Саратовская область в годы Великой Отечественной войны».

В пяти параграфах много открытий, которых предстоит сделать 10-классникам. Уникальным является подвиг Ивана Егоровича Сидорова, (1920–1979), уроженца с. Ключи Лысогорского района Саратовской области. Храбро воевавший в минометной батарее стрелкового полка, входившего в состав легендарного саратовского 63-го корпуса генерала Л.Г. Петровского, И.Е. Сидоров познал и ужас фашистского плена. Ему посчастливилось дожидаться Победы. Выйдя из концлагеря, дожидался отправки на родину в сборно-пересыльном пункте № 619 для советских граждан в английской зоне оккупации.

Добровольно вступил в комендантскую роту и вместе с однополчанином Василием Ильичем Губаревым патрулировал окрестности. Вечером 21 мая 1945 г. на окраине селения Майнштедт они задержали трех немцев и доставили их на гауптвахту сборно-пересыльного пункта. Среди арестованных был рейхсфюрер СС, верховный шеф гестапо Генрих Гиммлер – один из самых одиозных деятелей фашистской Германии. Примечательно, что подвиг простых советских солдат не был оценен руководством СССР: сказалось негативное отношение к бывшим военнопленным, насаждавшееся с самого верха сталинского руководства [5, с. 112–113].

Старшеклассникам предлагается поразмыслить, почему в тогдашнем СССР так негативно относились к попавшим в фашистский плен согражданам? Изменилась ли такая точка зрения 80 лет спустя после Великой Отечественной войны в ходе Специальной военной операции Вооруженных сил России?

Или другой пример. «Война шла и в небе Саратова. 24 сентября 1942 г. старший лейтенант Валерия Дмитриевна Хомякова, заместитель командира

эскадрильи 586-го женского истребительного авиационного авиаполка, стала первой женщиной-пилотом в СССР, сумевшей в ночном бою сбить вражеский бомбардировщик «Юнкерс-88». За этот подвиг 28-летняя летчица получила две тысячи рублей премиальных и еще парашют немецких летчиков – на пошив белья... Через две недели В.Д. Хомякова погибла при взлете с энгельсского аэродрома. 14 февраля 1943 г. В.Д. Хомякова посмертно награждена орденом Боевого Красного Знамени. Ее именем названа улица в Заводском районе Саратова, над которым в 1942 г. и состоялся ночной бой. В Энгельсе, на территории школы № 5, и в Саратове, во дворе школы № 26, В.Д. Хомяковой установлены памятники» [5, с. 114–115].

Пищи для размышлений старшеклассников в параграфах о Великой Отечественной войне очень много. Мы помним, как подвергался сомнению подвиг 28 героев-панфиловцев, воевавших в дивизии, которой командовал саратовчанин по рождению генерал И. Панфилов. В пособии приводится исторический источник – отрывок из стенограммы беседы с И.Р. Васильевым, Героем Советского Союза, одним из 28 героев-панфиловцев, записанной в госпитале в Москве 22 декабря 1942 г.:

«Мы в окопах сидели. "Ничего, – говорит политрук, – сумеем отбить атаку танков: отступать некуда, позади Москва". Приняли бой с этими танками... Команду политрук подавал: "Принять бой с танками, вылезти из окопов!" Мы эту атаку отбили, 15 танков уничтожили. Танков 5 отступили в обратную сторону в деревню Жданово... В первом бою на моем левом фланге потерь не было. Политрук Клочков заметил, что движется вторая партия танков, и говорит: "Товарищи, наверное, помирать нам здесь придется во славу родины. Пусть родина узнает, как мы деремся, как мы защищаем Москву. Москва – сзади, отступать нам некуда". Когда приблизилась вторая партия танков, Клочков выскочил из окопа с гранатами. Бойцы за ним..." Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IV. Оп. 1. Дело Героя Советского Союза Васильева Иллариона Романовича. Л. 3–4об.» [5, с. 117–118].

В пособии есть и документы, впервые вводимые в исторический оборот. Речь идет о воспоминаниях «Батарейный радист» участника Великой Отечественной войны Н.И. Ермилова, 1925 г. рождения, уроженца с. Новиковка Новобурасского района Саратовской области, предоставленных в распоряжение авторов потомками Н.И. Ермилова. По степени откровенности подобные воспоминания не могли быть опубликованными в советских учебниках истории: «Тут мы получили возможность увидеть другой мир и другую жизнь, возможность сравнения с жизнью нашей, российской, советской. И ужаснулись разнице. Вот тебе и капитализм, которым пугали нас со школы, о котором говорили, как об обреченном, умирающем. Непонятно только было: зачем они на нас полезли, на нищих позарились, на их тряпье и гнилье? Такие-то богатые? Чего им не хватало? Зачем себе яму рыли? Чтоб сделаться с нами равными? Обнищать? Лишиться всего, что накапливали веками? Дурачье безмозглое!!! Впрочем, мы им, в рубище, и не нужны, видимо, были. Не напрасно они убивали всех подряд и как можно больше. Чтобы не кормить. Не

напрасно сжигали дотла гнилушки деревнюшки под соломой и камышом. У них даже сараев нет таких убогих, все из красного кирпича и под черепицей красной. Им было видеть нашу действительность так же дико, как и нам их действительность. Они думали, что у нас не хуже. Потому и вязли в колеях грязных дорог, застревали в загаженных лесах, диких болотах комариных. Им не люди нужны были, а наши земли, богатейшие в них залежи полезных ископаемых, наши реки и оставшиеся еще леса, которые можно возродить, приумножить: это они умели, все свои земли они покрыли искусственными лесонасаждениями, садами, рощами, цветами. Сама история так распорядилась, что наши марксисты вынуждены были запустить нас в этот мир. Не думаю, чтобы они не понимали, к чему и куда это может привести. По войне 1812 года знали. Тогда она породила декабристов из побывавших в заграничном походе, в Берлине и Париже. Были живы воспоминания рядовых суворовцев, которые видели и Италию, и Вену, и Прагу, и тот же Берлин. В этой войне зашли сюда уже миллионы. И теперь видят. Уцелевшие вернутся в свои убогие жилища, первобытного вида деревни, к полуголым родным и голодным, непременно будут рассказывать, что "там" и как. А эти врать не будут. И вот вам миллионы агитаторов против большевизма-коммунизма, вселенский переворот в представлениях и сознании, вероятность ускорения прямой угрозы изнутри, приближение падения всего сляпанного по марксистско-ленинской рецептуре» [5, с. 118–119].

Десятиклассникам к отрывку из воспоминаний предлагаются следующие задания: оцените факты, изложенные в воспоминаниях очевидца, с позиций гражданина современной России. Какие выводы вы можете сделать? Как власть вынуждена была реагировать на сложившуюся ситуацию? К чему в итоге это привело?

Создание современных учебно-методических пособий по региональной истории, правдиво и с интересом рассказывающих о событиях и участниках Великой Отечественной войны, вызвало волну целенаправленной работы обучающихся и преподавателей по сохранению исторической памяти и становлению мемориальной культуры участников образовательных отношений в области.

По данным Ассоциации школьных музеев Саратовской области, в г. Саратове и на территории области действуют 173 паспортизированных школьных музеев. Большая часть из них посвящена событиям Великой Отечественной войны и судьбе наших земляков. Практически в каждом образовательном учреждении есть музейные комнаты и уголки – 980 (в том числе в дошкольных и среднего профессионального образования).

123 школы Саратовской области носят имена Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы. Это пример номинативно-организационной коммеморации. Под этим видом коммеморации мы подразумеваем присвоение имен конкретных людей организациям и учреждениям, а также основание учреждений с именем кого-либо. Назовем только две школы нашей области в этой связи.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Столетний юбилей со дня основания в ноябре отмечает средняя общеобразовательная школа № 2 Фрунзенского района г. Саратова. Это единственное учебное заведение в Саратове, в котором учились пять Героев СССР – Виктор Тихонов, Василий Симбирцев, Алексей Хользунов, Владимир Зарубин, Василий Рогожин. Их имена смело можно отнести к годонимам – названием саратовских улиц, связанных с военной историей страны.

Гимназия г. Вольска носит имя Виктора Талалихина. Школа известна тем, что она единственная на просторах бывшего СССР, воспитавшая сразу 9 Героев Советского Союза!

К топонимической коммеморации можно отнести и названия скверов, парков, родников и других объектов. К примеру, школьники Саратовской области с 2001 г. обустроили более 5 тыс. родников, многие из которых носят имена волжан – участников Великой Отечественной войны.

К конкурсно-художественной коммеморации относится Всероссийский конкурс исследовательских проектов «Без срока давности» среди обучающихся 8–11 классов образовательных организаций, реализующих образовательные программы основного общего, среднего общего образования и обучающихся образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования, пользуется большой популярностью в образовательных организациях нашей области.

Победителем в номинации «За представленный опыт работы с ресурсами проекта "Без срока давности"» в 2022 г. стал ученик восьмого класса школы № 8 г. Петровска Егор Самараев. Его работа «По следам конкурса сочинений "Без срока давности"» стала лучшей в этом направлении. Стоит отметить, что юный петровчанин стал первым школьником из Саратовской области, который вошёл в число абсолютных победителей этого творческого состязания. В 2024 г. победителем конкурса сочинений «Без срока давности» стала Юлия Кистанова, ученица 10 класса муниципального образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа села Питерка Питерского района Саратовской области».

К конкурсно-художественной коммеморации относится и уже традиционная VI Всероссийская научно-практическая конференции «Война: история и личная трагедия». Она проводилась 26 апреля 2024 г. в целях осмысления трагических событий Второй мировой и Великой Отечественной войн, сохранения исторической памяти, а также противодействия фальсификации истории и формирования у обучающихся неприятия идей неонацизма и экстремизма. В Конференции приняли участие 132 человека из 15 муниципальных районов Саратовской области, 3 регионов РФ и Республики Беларусь. По итогам работы конференции издан сборник лучших материалов, в котором опубликовано 38 работ педагогов и обучающихся России и Беларуси [1].

К музейно-выставочной коммеморации можно отнести деятельность созданного в 2014 г. Музея педагогической славы Саратовской области – структурного подразделения Саратовского областного института развития

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

образования. Экспонаты музея рассказывают много интересного о саратовских учителях – участниках Великой Отечественной войны. Остановимся только на одном учителе – Герое Советского Союза Трифоне Григорьевиче Мазуре.

Будущий герой родился в 1919 г. в Винницкой области Украинской ССР. В 20 лет успел окончить Тульчинский педагогический техникум и начать работать учителем начальных классов. В 1939 г. 20-летний Трифон был призван в ряды Красной армии. Великую Отечественную войну прошел от начала до победного конца. В 1943 г. после окончания Смоленского артиллерийского училища стал лейтенантом. Звание Героя Советского Союза присвоено ему 31 мая 1945 г. за подвиг, совершенный в уличных боях в Берлине 27 апреля 1945 г. Командир взвода управления 753-го пушечного артиллерийского полка лейтенант Мазур вместе с подчиненными ночью отбил массированную атаку гитлеровцев, в отчаянии пошедших на ночной прорыв позиций Красной армии аккурат в расположении 753-го пушечного полка.

После окончания войны Трифон еще несколько лет служил в армии, а после демобилизации пошел учиться дальше, окончив в 1957 г. географический факультет Саратовского государственного университета. С тех пор он учительствовал в школе № 1 небольшого саратовского городка Пугачев, на родине его супруги Людмилы Васильевны [4]. Школе № 1 Т.Г. Мазур отдал 18 лет своей жизни, с 1956 по 1974 г. Кроме географии преподавал начальную военную подготовку.

Уже в процессе написания статьи стало известно, что по инициативе Президента России В.В. Путина 2025 г. объявлен Годом защитника Отечества. Причем президент, озвучивая свою инициативу, подчеркнул, что речь идет о защитниках Отечества всех времен, поскольку нашей стране практически во все времена приходилось отстаивать свободу и независимость Родины. Год защитника Отечества позволит поднять уровень исторической памяти и мемориальной культуры участников образовательных отношений на новую высоту.

Источники и литература

1. Война: история и личная трагедия: сборник материалов VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции учащихся и педагогических работников. Саратов, 26 апреля 2024 г. / под ред. В.Г. Петровича, В.И. Громовой. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2024. 200 с.
2. История Саратовского Поволжья (История России через историю регионов): учебное пособие регионов / отв. ред. В.Г. Петрович – М.: Интеграция: Образование и Наука, 2017. 384 с.
3. История Саратовского Поволжья // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Учебное пособие. URL: <http://history.jes.su/issue.2015.3.9.e4> (дата обращения: 24.12.2024).
4. На всю оставшуюся жизнь хватило подвигов и славы. Новое Заволжье. Сетевое издание Пугачевского муниципального района Саратовской области // Новое

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Заволжье: сетевое издание Пугачевского муниципального района Саратовской области. 2023. 14 мая. URL: <https://novzav.ru/stati/istoriya-kraya/na-vsyu-ostavshuyusya-zhizn-khvatilo-podvigov-i-slavy> (дата обращения: 22.12.2024).

5. Саратовское Поволжье в 1914–1945 годах: учебно-методическое пособие для учащихся 10 классов общеобразовательных организаций Саратовской области / сост.: В.Г. Петрович, В.В. Булычев, А.А. Герман и др. Саратов: ГАУ ДПО «СО-ИРО», 2023. 192 с.

6. Сочинения без срока давности. Официальный портал министерства образования Саратовской области. URL: <http://minobr.saratov.gov.ru/news/36281/> (дата обращения: 22.12.2024).

Петрович Владимир Глебович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарного образования, Саратовский областной институт развития образования, Россия, г. Саратов, petro51@mail.ru

Petrovich Vladimir G., Candidate of Sciences (History), Docent, Head of the Department of Humanitarian Education, Saratov Regional Institute for Education Development, Russia, Saratov, petro51@mail.ru

УДК 373.66+37.017:372.893

О.Ю. Казакова

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ОБЛАСТНЫХ СУДОВ О ПРИЗНАНИИ ГЕНОЦИДОМ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ И ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Аннотация. Статья посвящена дидактическим возможностям использования материалов областных судов о признании геноцидом нацистских преступлений в период оккупации СССР в урочной и внеурочной работе в образовательных учреждениях, проектной и творческой деятельности школьников и студентов. Актуальность темы обусловлена антироссийской внешнеполитической конъюнктурой, связанной с переписыванием и фальсификацией истории Второй мировой войны, а также становлением новой правовой практики региональных судов в рамках федерального проекта «Без срока давности», направленного на сохранение памяти о Великой Отечественной войне, о преступлениях нацистов и их пособников на оккупированных территориях. Текущее значительное реформирование преподавания и содержания курса «Истории России» в школе и вузе позволяет интегрировать в него образовательный модуль «Без срока давности» и рассмотреть тему геноцида совет-

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

ского народа в региональном измерении, привлекая в качестве исторических источников видеотрансляции судебных заседаний. Автор анализирует собственный педагогический опыт адаптации новой источниковой базы к возможностям и потребностям образовательного и воспитательного процесса в вузе и старшей школе, предлагая наиболее эффективные и продуктивные методики работы с материалами областных судов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, геноцид, областные суды, преподавание истории, гражданско-патриотическое воспитание.

O.Yu. Kazakova

THE EXPERIENCE OF USING OF MATERIALS FROM REGIONAL COURTS ON THE RECOGNITION OF NAZI CRIMES DURING THE OCCUPATION AS GENOCIDE IN THE PROCESS OF TEACHING AND CIVIC-PATRIOTIC EDUCATION AT SCHOOL AND UNIVERSITY

Abstract. The article is devoted to the didactic possibilities of using of materials from regional courts on the recognition of Nazi crimes as genocide during the occupation of the USSR in academic and extracurricular work in educational institutions, in project and creative activities of schoolchildren and students. The relevance of the topic is due to the anti-Russian propaganda associated with the rewriting and falsification of the history of the Second World War, as well as the formation of a new legal practice of regional courts within the framework of the federal project "Without a Statute of Limitations" aimed at preserving the memory of the Great Patriotic War, of the crimes of the Nazis and their accomplices in the occupied territories. The current significant reform of the teaching and content of the course "Russian History" in schools and universities makes it possible to integrate the educational module "Without a Statute of Limitations" into it and consider the topic of the genocide of the Soviet people in the regional dimension, using video broadcasts of court hearings as historical sources. The author analyzes her own pedagogical experience of adapting a new source base to the capabilities and needs of the educational system, offering the most effective and productive methods of working with materials from regional courts.

Keywords: Great Patriotic War, genocide, regional courts, teaching history, civic-patriotic education.

В начале XXI в. растет общественный интерес к отечественному прошлому как основе идентичности, базирующейся на традиционных ценностях и общем опыте. Соответственно, политика памяти – коммеморативная социальная практика, направленная на формирование и мобилизацию коллективных представлений о прошлом – становится частью внутренней и внешней государственной политики. В указе Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» указано на реальную опасность деформации и уничтожения исторической памяти, реабилитации и

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

воскрешения неонацизма, распространения ложных представлений о России, реагировать на которую необходимо раскрытием исторической правды и противодействием фальсификации истории, широким историческим просвещением, прежде всего, молодежи [9]. В настоящий момент история Великой Отечественной войны как ключевого события отечественной истории является приоритетным объектом псевдоисторических спекуляций и антироссийских выпадов. Тем важнее всестороннее изучение ее истории в школе и вузе – как положения на фронте, так и в тылу, как воинского подвига, так и страданий мирного населения на оккупированных территориях.

Новым, современным трендом в политике памяти о Великой Отечественной войне является обращение к трагическому опыту оккупации территории СССР. Он обусловлен как общемировым трендом, так и политической конъюнктурой.

Примером первого может служить политика памяти современного Китая, который настаивает на изменении хронологических рамок Второй мировой войны с учетом оккупации Китая Японией с 1937 г., а также на усилении внимания к китайским жертвам на оккупированных территориях, исчисляемым от 17 до 35 млн чел., что превращает Поднебесную в самую пострадавшую страну. Понятие «историческая травма» первоначально использовалось как метафора. Императив забвения считался ориентиром в разрешении социальных конфликтов вплоть до XX в. Однако в связи с антропологическим поворотом в гуманитаристике на рубеже тысячелетий «историческая травма» превратилась в научный концепт и политический инструмент, часть официального исторического нарратива.

Что касается политической конъюнктуры, то она связана с антироссийской политикой памяти коллективного Запада в связи с конфликтом на Украине и переписыванием истории Второй мировой войны, приравнивающим СССР к нацистской Германии с возложением на него вины за развязывание глобального конфликта. В 2019 г. Европарламент реализовал указанные инициативы в резолюции «О важности европейской памяти для будущего Европы». В том же году по поручению президента РФ Генпрокуратурой совместно с другими ведомствами запущен проект «Без срока давности», посвященный сохранению исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны. Его можно рассматривать как реакцию России на искажение истории, наглядную, основанную на фактах, демонстрацию того, что СССР был не бенефициаром Второй мировой войны, а жертвой оккупантов из нескольких профашистских европейских государств. На данный момент по искам прокуратуры состоялись суды в 20 регионах России, готовятся аналогичные иски еще в 10 регионах. По словам представителя Генпрокуратуры, «подаваемые прокурорами иски в суды о признании действий агрессоров военными преступлениями и фактами геноцида направлены на защиту национальных интересов РФ, прав родственников погибших и

последующего доведения до мировой общественности информации о жертвах оккупантов и карателей в годы войны» [7].

Новая юридическая практика областных, краевых и республиканских судов о признании геноцидом фактов, установленных уже после Нюрнбергского трибунала, осудившего нацистов за преступления против человечности, актуальна и в рамках внутрироссийской политики памяти. Действительно, ежегодная деятельность поисковых отрядов открывает новые страницы страшной истории оккупации. Поэтому с юридической, политической и гуманистической точек зрения является обоснованным, своевременным и правильным проведение региональных судов, дающих правовую оценку установленным фактам злодеяний нацистских преступников и их пособников на российской территории. Видеотрансляции судебных заседаний выложены в публичный доступ на федеральном и региональных ресурсах проекта «Без срока давности», начатого в 2018 г.

В 2020 г. по поручению Минобрнауки Псковским государственным университетом разработан образовательный модуль по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи на основании материалов проекта «Без срока давности», рассчитанный на 16 учебных часов. Авторы модуля предложили три способа его внедрения: в качестве тематической основы для волонтерского проекта, в качестве самостоятельной дисциплины или в виде интеграции с базовой частью образовательной программы [1].

В «Концепции преподавания учебного курса "Истории России" в образовательных организациях РФ, реализующих основные общеобразовательные программы» (2020) в разделе «Понятия и термины» к теме «Великая Отечественная война» [5, с. 65] отсутствует «геноцид» как правовая и общественно-историческая оценка упомянутых здесь же понятий «бандеровцы», «Генеральный план "Ост"», «депортация», «оккупация», «насильственное переселение». Поэтому использование материалов областных судов о признании геноцидом нацистских преступлений является способом актуализации и совершенствования преподавания учебного курса «Истории России» в школе и вузе.

Значительное увеличение аудиторной нагрузки по курсу «История России» на неисторических направлениях подготовки в 2023/2024 учебном году позволило включить в полный объем образовательный модуль «Без срока давности» в учебную дисциплину. Подготовленная Российским историческим обществом и утвержденная Минобрнауки «Концепция преподавания истории для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в организациях высшего образования» помимо аудиторной работы рекомендует развитие проектной деятельности студентов по истории. До четверти курса предполагается выделить на региональную историю, рассматриваемую в контексте общероссийского исторического процесса. При этом, как указано в Концепции, «изучение региональной истории может происходить в рамках проектной деятельности в форме междисциплинарного проекта, направленного

ного на изучение научных открытий и научной повседневности в регионе того или иного исторического периода» [4, с. 10]. В Концепции также дана правовая оценка оккупационного режима, как «политики и практики геноцида советского народа нацистами и их пособниками» [4, с. 83]. Поэтому материалы областных судов о признании геноцидом нацистских преступлений являются перспективной источниковой базой и тематикой исследования для проектной деятельности студентов в рамках освоения курса «Истории России» на неисторических направлениях подготовки в вузе.

Опыт апробации образовательного модуля «Без срока давности» в 2023/2024 учебном году позволил определить оптимальный алгоритм изучения темы. Одно лекционное и одно практическое занятия посвящены трибуналам над военными преступниками в Нюрнберге, Токио и Хабаровске, в особенности, преступлениям против человечности с упором на изучение источниковой базы такой правовой дефиниции. Следующее практическое занятие раскрывает краеведческое (региональное) измерение темы преступлений против человечности на оккупированных территориях СССР с логичным выводом об их правовой оценке как геноцида советского народа. Таким образом, у учащихся формируется установка на дополнительное изучение темы по материалам областных судов. Проектная работа студентов осуществлялась как индивидуально, так и в малых группах по регионам. Таким образом, удалось расширить географию проекта для предметного, на конкретных фактах, понимания масштабов нацистских преступлений, а также провести компаративный анализ этой относительно новой, современной практики политики памяти. Защита студенческих научно-исследовательских проектов была приурочена к Дню единых действий в память о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны (19 апреля). В целом положительный опыт самостоятельной работы студентов с материалами областных судов выявил, тем не менее, методологические проблемы понимания особенностей их формата и работы с видеотрансляцией как историческим источником, что побуждает к более раннему формированию знаний и навыков по теме в старшей школе.

В последние годы школьный курс истории России также претерпел существенные изменения. В соответствии с актуальным ФГОС ООО (2022) в преподавании истории в школе усиливается воспитательный компонент. Согласно указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» среди таковых упоминаются «историческая память и преемственность поколений». «Концепция преподавания учебного курса "Истории России" в образовательных организациях РФ, реализующих основные общеобразовательные программы» (2020) предписывает уделять особое внимание «сфере личностного развития обучающихся при изучении истории Отечества, их рефлексии в отношении ключевых исторических событий и их участников, «человека в истории»» [5]. Методическое письмо Минпроса о преподавании истории России в 2024/2025 учебном году

рекомендует учителям истории разрабатывать разнообразные уроки, нацеленные на активизацию самостоятельной познавательной и учебно-исследовательской деятельности обучающихся, увеличить количество заданий, направленных на организацию деятельности обучающихся по анализу источников, сопоставления фактов из курсов российской и всеобщей истории. На уроках истории рекомендуется использовать такие методы обучения, как беседа, дискуссия, проблемное изложение, ролевая игра [2].

Исходя из поставленных образовательных целей и рекомендованных методов их достижения, мы предлагаем формат урока-суда по изучению краеведческого компонента истории России в рамках образовательного модуля «Без срока давности». Источниковую базу проведенного нами урока-суда составляет видеотрансляция четырех заседаний Орловского областного суда о признании геноцидом нацистских преступлений в период оккупации 1941–1943 гг. Дидактическая основа урока-суда как вида сюжетно-ролевой игры хорошо знакома учителям истории и смежных социально-гуманитарных школьных дисциплин, но относительно редко используется [6]. В своем классическом формате урок, имитирующий судебное разбирательство, акцентирует внимание на коммуникативных стратегиях в рамках судебного дискурса и развитии речевых компетенций участников в ролях судьи, прокурора, адвоката, свидетелей и др. Однако использование материалов областного суда о признании геноцидом нацистских преступлений не оставляет места импровизации. Поэтому мы предлагаем, учитывая современный тренд на геймификацию образования, модернизировать традиционные дидактические приемы и методику урока-суда. В частности, перенести акцент с сюжетно-ролевой деятельности на рефлексию по поводу этапов судопроизводства, в процессе которой учитель становится модератором.

В отличие от реальных послевоенных трибуналов, большая часть участников урока-суда взяли на себя роли присяжных заседателей, представляющих общественное мнение и воплощающих принцип справедливости. Адвокатская группа знакомилась с материалами Нюрнбергского трибунала, чтобы постараться по аналогии моделировать линию защиты в формате областного суда. Прокурорская группа анализировала стенограмму выступлений представителей обвинения в ходе всех четырех заседаний областного суда для самостоятельной подготовки итоговой речи прокурора. После прений сторон присяжные заседатели заполнили индивидуальные опросные листы, на основе которых старшина присяжных вынес вердикт. Формулировки вопросов не только отражали существующие в общественно-политическом и научно-публицистическом дискурсах дискуссии о проведении трибуналов по итогам Второй мировой войны и современных областных судов, но были направлены на рефлексию учащихся по теме урока-суда для формирования и артикуляции собственной мировоззренческой и ценностной позиции.

Понятие «геноцид» часто и произвольно употребляется в современном общественно-политическом дискурсе, поэтому знание его содержания актуально для современной молодежи. Как известно, термин возник в 1944 г. для

описания нацистских преступлений на оккупированных территориях. Он фигурировал в обвинительных приговорах на Нюрнбергском трибунале, широко признан в современном международном праве. Признание геноцидом советского народа нацистских преступлений на оккупированных территориях СССР является главным итогом областных судов. Поэтому в рамках темы принципиально важно определить особенности формирования и содержание представлений о геноциде у учащейся молодежи.

Анализ опросных листов в четырех десятых классах дал следующие результаты. Ответы респондентов можно разделить на три неравные группы. Чуть менее половины из них предложили буквальный перевод термина с греческого («племя»+«убивать») – истребление этнических групп (народов). Каждый третий посчитал самыми важными методы геноцида – разные формы и степень насилия. 10 % опрошенных выделили характеристики жертв геноцида – оппозиционность, вероисповедание, этническую принадлежность. Лишь 7,5 % школьников связывают понятие «геноцид» с расправой над мирными жителями. Тем актуальнее и важнее выглядит обращение в школе и вузе к материалам областных судов, которые посвящены нацистским преступлениям именно в отношении мирного населения – военнопленных, узников концлагерей, жителей оккупированных территорий – преступлениям против человечности.

На вопрос «Можно ли обвинять в преступлениях против человечности конкретных людей, оказавшихся на скамье подсудимых, имена которых фигурируют, в том числе, в показаниях свидетелей на областных судах?» подавляющее большинство учащихся (81 %) ответили утвердительно. 16 % опрошенных указали на коллективную вину населения стран-агрессоров, на системный характер геноцида, применявшего насилие/принуждение не только к жертвам террора, но и к его рядовым исполнителям. Лишь один ученик возражал против общей формулировки обвинения для лиц, совершивших разные преступления.

Утвердительно ответившие на предыдущий вопрос учащиеся указали конкретных виновников геноцида на оккупированных территориях в широком диапазоне (допускалось несколько ответов). Каждый пятый обвинил персонально А. Гитлера в создании и реализации геноцида, основываясь на знаниях расовой теории и деталях плана «Ост», полученных на уроках истории. 23 % опрошенных возложили вину на политическое и 11 % – на идеологическое руководство нацистской Германии. Пятая часть учащихся выделила геноцид в отношении советского народа в отдельный феномен, обвинив в нем германские/финские/румынские оккупационные администрации. 20 % опрошенных признали ответственность рядовых исполнителей карательных мероприятий – гестаповцев, полицаев, солдат, коллаборационистов, подчеркивая сознательный характер их действий.

В практически равномерном распределении голосов опрошенных мы видим влияние изучения материалов областных судов. Если на Нюрнбергском трибунале на скамье подсудимых оказалась верхушка Третьего рейха,

то в ходе областного суда в показаниях свидетелей, экспертных заключениях историков, обвинительной речи прокурора звучали имена конкретных людей, совершивших преступления в отношении мирного населения в период оккупации Орловщины. Таким образом, представления молодежи об истории геноцида становятся более детальными, персонифицированными и актуальными, более гуманными, возлагающими ответственность за преступления не только на войну или командование, но и на исполнителей, обладавших сознанием, разумом, свободой воли, и с особой, изощренной, немислимой жестокостью реализовывавших Генеральный план «Ост».

Однако развитие темы поднимает вопрос о коллективной исторической травме, полученной советским народом в период оккупации. Раскрытия фактов нацистских преступлений недостаточно, требуется работа с исторической коллективной травмой, одной из форм которой является правовая оценка, рассматриваемая общественностью как восстановление справедливости, что подтверждается результатами опроса школьников. Более двух третей учащихся указали целью областных судов восстановление справедливости в отношении конкретных жертв – наших земляков.

Сама же новая тенденция виктимизации политики памяти о Великой Отечественной войне не получила консенсусного восприятия у молодого поколения, более того, некоторые продолжают использовать традиционные речевые клише, говоря о подвиге мирного населения на оккупированных территориях, «героизме предков, отдавших жизнь в борьбе против геноцида», наделяя их субъектностью исторического процесса. На вопрос «Зачем нам помнить о травматичном опыте геноцида?» около половины респондентов указали стремление не повторить этот негативный опыт. Любопытно, что с одинаковой частотой участники употребляли глагол в действительном и страдательном залогах – «не повторять самим» и «не повторилось с нами». Еще 30 % школьников оценивают геноцид советского народа как историческую ошибку, отклонение, девиацию, которую нельзя исправить, но можно не совершать в будущем. Здесь нам видится психологическая проблема восприятия идеологии нацизма и его реализации в виде геноцида. Несмотря на то, что в курсе всеобщей истории и истории России подробно и ясно выражается мысль об объективной детерминированной природе формирования фашистских идеологии и режимов в межвоенный период, молодежь психологически не готова принять этот тезис, характеризуя Гитлера как безумца, а геноцид – как случайную историческую ошибку. Лишь единичные респонденты рассматривают нацизм как закономерный этап исторического развития, а геноцид времен войны – как фактор современного общественно-политического процесса.

Каждый пятый ученик упомянул о нашем долге перед предками по сохранению памяти о них. Лишь единичные респонденты задумались о психологической стороне исторической травмы, говорить о которой необходимо, «чтобы понимать сложность жизни людей», «чтобы не стать приверженцем нацизма», «чтобы напомнить, на какую животную ненависть и жестокость

способны люди», «чтобы примириться с прошлым». Таким образом, можно сделать вывод о необходимости усиления мировоззренческой и личностно-ориентированной составляющих в методике использования материалов областных судов для более эффективной работы с исторической травмой [8].

При опросе школьников выявлено их амбивалентное отношение к масштабированию практики областных судов. Все они формально согласны с необходимостью бессрочного сохранения памяти о геноциде советского народа, однако не готовы говорить об этом предметно. В качестве экспертов на судебных заседаниях выступали руководители и участники поисковых отрядов, упоминая новые факты и открытия, не отраженные в доказательной базе процессов. Таким образом, восстановление исторической правды становится долгосрочным и перманентным процессом. Учащимся был задан вопрос о необходимости в будущем правовой оценки вновь открывающихся фактов нацистских преступлений на оккупированных территориях. 90 % опрошенных поддержали эту идею «для восстановления справедливости в отношении жертв». Однако их оппоненты так и не поняли формат областных судов, настаивая на их бессмысленности в отсутствии обвиняемых, на несвоевременности судов, их неспособности изменить историю.

Таким образом, по результатам проведения урока-суда в 10-х классах в рамках неоправданно сокращенной темы «Судебные процесс над немецкими и японскими военными преступниками» курса всеобщей истории (§ 16 учебника под ред. В.Р. Мединского и А.О. Чубарьяна (М., 2024)) и при реализации краеведческого компонента курса Истории России по темам «Наказание главных военных преступников» и «Людские потери» (§ 39–40 учебника под ред. В.Р. Мединского и А.В. Торкунова) можно сделать следующие выводы:

- материалы областных судов имеют значительный дидактический потенциал для реализации обновленной нормативной базы преподавания истории в средней школе;
- работа с материалами областных судов помогает создать плюралистическую картину прошлого, перейти от формального изучения к личностно-ориентированному восприятию войны;
- показания свидетелей, экспертов, поисковиков, прикосновение к реальной истории малой родины вызывает живой эмоциональный отклик молодежной аудитории, способствуя ее гражданско-патриотическому воспитанию;
- знакомство с историческими источниками об исторической травме вступает в когнитивный диссонанс с традиционными, героическими представлениями об истории Великой Отечественной войны, что требует более тщательной предварительной и сопроводительной работы учителя;
- неадаптированный для молодежной аудитории контент судебных заседаний вызывает потребность в создании на его основе учебных видеоматериалов.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Институционализация федерального проекта «Без срока давности» в форме одноименного Всероссийского конкурса исследовательских проектов школьников позволила организовать внеучебную работу гражданско-патриотической направленности по материалам Орловского областного суда.

Гимназический проект назывался «Встать! Суд идет! (учебный фильм по материалам суда по делу о признании геноцидом преступлений нацистов в годы Великой Отечественной войны на территории Орловской области в 1941–1943 гг.)». Проект соответствовал тематическому направлению конкурса «Судебные процессы в СССР и Российской Федерации, посвященные раскрытию обстоятельств геноцида мирных советских граждан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Цель проекта – формирование и развитие у гимназистов исторических, проектных, исследовательских, творческих и коммуникативных компетенций. Онлайн-запись судебных заседаний проводилась в условиях масочного режима, с участием очень пожилых свидетелей с дефектами речи и нарушением мышления, при сильных звуковых помехах. Авторы проекта сделали цифровую обработку звука, улучшили динамику заседаний, добавили саундтреки, но главное, переозвучили и верифицировали свидетельские показания орловчан, попавших в немецкую оккупацию. Подготовленный ими учебный фильм занял первое место в номинации регионального этапа Всероссийского конкурса исследовательских проектов школьников «Без срока давности» [3].

Таким образом, в целях использования в педагогическом процессе материалов областных судов была проведена работа по адаптации их содержания в интересах образования и гражданско-патриотического воспитания в старшей школе и вузе, а также модернизации уже известного дидактического приема урока-суда с учетом новейших методик геймификации (рефлексивной иммерсивной игры). Адаптированные для учащихся материалы областных судов о признании геноцидом нацистских злодеяний на оккупированных территориях, вводящие тему в строгие и универсальные государственно-правовые рамки, а также в российский и всемирный исторический контекст, могут стать эффективным инструментом сохранения исторической памяти как основы региональной и национальной идентичности, а также формирования активной гражданской позиции молодежи.

Источники и литература

1. Более 200 университетов внедрили в свои программы компоненты образовательного модуля «Без срока давности». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50052/> (дата обращения: 15.12.2024).
2. Информационно-методическое письмо об особенностях преподавания учебного предмета «История» в 2024/2025 учебном году. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2024/07/08_inf_metod-pismo-istoriya-1.pdf?ysclid=m5htnyul4s32054737 (дата обращения: 15.12.2024).

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

3. Казакова О.Ю. Опыт создания и использования дидактического мультимедийного контента по материалам областных судов о признании геноцидом преступлений нацистов в годы Великой Отечественной войны / О.Ю. Казакова // Новейшие исследования в области истории и педагогики: материалы IV Международной научной конференции (г. Орёл, 18 апреля 2024 г.) / редкол. И.Е. Воронкова [и др.]. Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2024. С. 269–278.

4. Концепция преподавания истории для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в организациях высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/Концепция1.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

5. Концепция преподавания учебного курса «Истории России» в образовательных организациях РФ, реализующих основные общеобразовательные программы. URL: docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/download/3243/ (дата обращения: 15.12.2024).

6. Курцева З.И. Урок-суд как вид сюжетно-ролевой игры / З.И. Курцева, И.В. Кубаева // Образование и право. 2021. № 10. С. 259–267. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/urok-sud-kak-vid-syuzhetno-rolevoy-igrы?ysclid=m5i4cbulaq156891170> (дата обращения: 15.12.2024).

7. Преступления нацистов на территории СССР признали геноцидом в 20 регионах России // ТАСС. 22.06.2024. URL: <https://news.rambler.ru/incidents/52967733-prestupleniya-natsistov-na-territorii-sssr-priznali-genotsidom-v-20-regionah-rossii/?ysclid=m5id7oc5nh89029530> (дата обращения: 15.12.2024).

8. Самсонова Н.Н. Модели работы с коллективными историческими травмами / Н.Н. Самсонова // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 84–89.

9. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 20.12.2024).

Казакова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Россия, г. Орёл, kazaolga@yandex.ru

Kazakova Olga Yu., Candidate of Sciences (History), Docent, Associate Professor at the Department of Russian History, Orel State University named after I.S. Turgenev, Russia, Orel, kazaolga@yandex.ru

УДК 001.891+378.14

Е.М. Кирюхина

**СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТАХ
СТУДЕНТОВ ЗАОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Аннотация. С 2023–2024 учебного года количество часов на курс Истории России в непрофильных вузах увеличилось до 144 часов, поэтому возрастает нагрузка и ответственность преподавателей, ведущих этот курс. Следует учитывать, что студенты-заочники изучали историю России не только в школах, но и в средних профессиональных образовательных учреждениях, поэтому, чтобы вызвать у студентов устойчивый интерес к предмету, педагог должен творчески подойти к изучению курса. Проблемный характер семинаров и лекций в сочетании с лекциями-беседами удачно дополнится мультимедийными технологиями, однако главным должно быть живое общение с обучающимися, кроме того, удачно дополнит обучение обращение к историческим источникам, особенно, эпохи Великой Отечественной войны, мемуарам, кинематографу. Автор практикует в виде одной из форм итоговой аттестации написание и защиту научно-исследовательских работ на материалах семейных архивов об истории семей студентов. Лучшие работы представляются в виде докладов на конференциях или статей в научных журналах, что вызывает интерес у многих студентов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история России как учебный предмет на непрофильных факультетах вуза, обучение истории на заочном отделении, научно-исследовательские работы студентов, Нижегородский ГАТУ.

Е.М. Kiryukhina

**PRESERVING THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC
WAR IN THE RESEARCH WORKS OF STUDENTS
OF THE CORRESPONDENCE DEPARTMENT
OF THE NIZHNY NOVGOROD STATE
AGROTECHNOLOGICAL UNIVERSITY**

Abstract. Since the 2023–2024 academic year, the number of hours for the History of Russia course in non-core universities has increased to 144 hours, so the workload and responsibility of teachers teaching this course has increased. It should be taken into account that correspondence students studied the history of Russia not only in schools, but also in secondary vocational educational institutions, therefore, in order to arouse students' sustained interest in the subject, the teacher must creatively approach the study of the course. The problematic nature of seminars and lectures in combination with lectures-conversations will be successfully complemented by multimedia technologies, but the

main thing should be live communication with students, in addition, an appeal to historical sources, especially those of the Great Patriotic War, memoirs, and cinema will successfully complement the training. The author practices writing and defending research papers on the history of students' families based on family archives as one of the forms of final certification. The best works are presented in the form of reports at conferences or articles in scientific journals, which is of interest to many students.

Keywords: Great Patriotic War, Russian history as a subject in non-core faculties of the university; teaching history in the correspondence department, students' research works, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University.

Современное высшее образование не должно отставать от тенденций стремительно развивающегося окружающего мира, в котором одну из важнейших ролей, несомненно, играет наша страна. Без понимания ее прошлого подрастающему поколению едва ли будет возможно построить успешное будущее. С 2023–2024 учебного года согласно приказу Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19 июля 2022 г. № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» [11] объем часов на изучение истории в непрофильных вузах увеличилось до 144 академических часов. Объем контактной работы преподавателя со студентами очного отделения должен быть не менее 80 %, а заочного – не менее 40 % объема изучаемой дисциплины. В данном материале мы обращаемся к опыту работы на заочном отделении агроинженерного факультета Нижегородского государственного агротехнологического университета имени Л.Я. Флорентьева. Преподавание курса «История России» велось у студентов-бакалавров 1 курса заочной формы обучения, учившихся по направлению 35.03.06 Агроинженерия (профили: «Технические системы в агробизнесе», «Технический сервис машин и оборудования», «Электрооборудование и электротехнологии»).

Историография вопросов методики преподавания истории на заочном отделении обширна, отметим лишь некоторые из работ. К обозначенной теме обращается Т.С. Волкова [1, с. 81–84], С.В. Горшков [2, с. 7–8]. Настоящим подарком для любого практикующего педагога станет книга избранных методических трудов по истории педагогики известного методиста И.Р. Гражданинова «Учиться победно!» [3]. Вопросам руководства научно-исследовательской работы студентов ветеринарного и зооинженерного факультетов нашего вуза посвящена и наша статья 2022 г. [7, с. 107–110]

К целям дисциплины «История России» относятся: формирование устойчивой системы знаний об основных этапах развития российского общества и государства как развития многонационального сообщества и об истории России как неотъемлемой части Всемирной истории, историческом развитии страны в контексте мирового исторического развития. Курс обучает студентов анализировать, выделять, систематизировать и обобщать причинно-следственные связи исторических фактов и явлений, выявлять глубин-

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

ные процессы, определяющие ход общественно развития, его мотивацию и движущие силы.

Студенты заочного отделения отличаются от студентов очного отделения тем, что уже имеют среднее профессиональное образование, но знания по истории за редким исключением фрагментарны или поверхностны. Однако многих интересуют исторические фильмы и книги, а также история своей семьи и близких.

Одной из основных форм работы, как и на очном отделении, являются лекции, на них на заочном отделении выделялось 32 часа, по 16 часов в каждом семестре. Особенно привлекали заочников лекции проблемные и лекции-беседы, на которые они живо откликались. Наибольший интерес из дореволюционного периода вызывали личности правителей России (особенно Ивана Грозного, Петра Первого, Екатерины Второй) и сложные события в российской истории (Северная война 1700–1721 гг., Отечественная война 1812 г., Крымская война 1853–1856 гг., Первая мировая война 1914–1918 гг.). Из более поздних периодов традиционный интерес вызывали события 1917 г., Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война, Афганская война и СВО, а из исторических личностей – В.И. Ленин, И.В. Сталин, В.В. Путин.

Параллельно лекционным занятиям предусмотрены семинарские занятия, общим количеством 20 часов, по 10 часов в каждом семестре. Мы обучаем студентов работе с историческими источниками, разбираем спорные и дискуссионные вопросы, выбор которых могут предлагать сами студенты, которые также готовят доклады с последующим обсуждением в аудитории. Среди исторических источников особое место занимают литературные тексты, чтобы выделить исторические личности, факты и события, понять цель использования художественного вымысла («Повесть временных лет», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Житие протопопа Аввакума», «Песнь о купце Калашникове» М.Ю. Лермонтова, «Капитанская дочка» А.С. Пушкина). Интересом пользуются также имагографические источники (например, исторические личности, факты и события на картинах И. Айвазовского и В. Сурикова). Особое место занимает мемуарная литература (например, «Фронтовые записки сержанта» Гражданинова Рафаэля Семеновича [12]). На этих занятиях активно используются мультимедийные технологии. Мы предпочитаем живое общение со студентами, считаем, что только таким образом можно достигнуть важных образовательных и воспитательных целей предмета. К сожалению, некоторые коллеги заменяют лекции и семинары учебными фильмами и тестами, однако в нашем вузе очники и заочники обучаются одновременно, и вести аудиторные занятия с 8 утра до 20 вечера практически невозможно.

Мы категорически против выставления оценок экзамена «по посещаемости» и предлагаем заочникам три альтернативных формы получения экзаменационных оценок, о чем говорим сразу на первом семинарском занятии. Во-первых, это традиционный способ сдачи экзамена по билетам, при

котором разрешается пользоваться атласами по истории. Второй и третий варианты предполагают написание и защиту небольшой научно-исследовательской работы. Во втором варианте это работа по художественному фильму или сериалу, изображающему исторические личности или события, анализ исторической основы и целей использования художественного вымысла (как конкретно это делать мы разбираем на семинарских занятиях). Третий вариант предлагает написание и защиту исследовательской работы о члене своей семьи, ветеране Великой Отечественной войны. В таком случае на семинарском занятии объясняются принципы поиска информации в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации и на сайтах, анализа работы с документами семейного архива (военными документами, фотографиями, мемуарами и другими источниками). Как показывает опыт преподавания истории России на заочном отделении непрофильных факультетов, многие студенты с удовольствием берутся за такие задания и делают весьма интересные работы.

К фильмам, вызвавшим интерес студентов, относятся: «Александр Невский» (1938 г., режиссер С. Эйзенштейн); «Повесть о настоящем человеке» (1948 г., режиссер А. Столпер); «Офицеры» (1971 г., режиссер В. Роговой); «А зори здесь тихие» (1972 г., режиссер С. Ростоцкий); «В бой идут одни старики» (1973 г., режиссер Л. Быков); «Царь» (2009 г., режиссер П. Лунгин); сериал «Великая» (2015 г., режиссеры И. Зайцев и С. Гинзбург). Наибольшую сложность у студентов вызвал поиск исторических источников, повествующих о конкретном историческом периоде и реальных исторических людях. Наиболее интересны и научны работы по фильмам «Жаворонок» (1964 г., режиссеры Н. Курихин и Л. Менакер), «Они сражались за Родину» (1975 г., режиссер С. Бондарчук); «Калашников» (2020 г., режиссер К. Буслов). Это обуславливается тем, что студентам удалось найти мемуары участников войны и использовать их при анализе фильмов.

Особого внимания заслуживают работы студентов с материалами своих семейных архивов. В первую очередь это сохранившиеся фотографии героев, бережно хранимые потомками боевые и юбилейные награды. Нередко специально для исследовательской работы обучающиеся записывают интервью со своими родителями, бабушками и дедушками, а также семьями соседей. Например, подобный источниковый материал лег в основу доклада на XI конференции с международным участием «Военная история: события, свершения, люди, судьбы», проходившей 29 ноября 2024 г. в Санкт-Петербурге, посвященного подвигу прадеда А.Ф. Пургина студента заочного отделения К.Д. Зеленова. В семье другого студента агроинженерного факультета А.Д. Соколова сохранился другой не менее интересный документ, ставший предметом для анализа – красноармейская книжка его прадеда М.С. Феськова.

Немалый интерес вызывает и история семьи в контексте малой родины – подавляющее большинство родственников героев являются выходцами из сельской местности, сел и деревень Ивановской, Московской, Горьковской,

Орловской областей. Разнообразна не только география данных работ, но и вклад в общее дело Победы. Перед нами не только красноармейцы стрелки и автоматчики, но и артиллеристы, радисты, танкисты, летчики, работники полевой почты... Итогами самостоятельной научно-исследовательской работы студентов становятся выступления на научных конференциях, публикация статей в научных журналах и сборниках. Среди работ прошлых лет можно отметить совместные публикации со студентами В.С. Шиловой, С.А. Девяткиной, Д.С. Веселковой, И.Д. Головым, Д.О. Синтенковой, а также статью Д.А. Кузьминой по итогам X Международной конференции «Военная история: события, свершения, люди, судьбы» в Санкт-Петербурге в 2023 г.

В статье Е.М. Кирюхиной и В.С. Шиловой правнучка героя войны Александра Ивановича Салганова анализирует сохранившиеся в семейном архиве документы: автобиографию, наградные листы, газетные публикации, фотографии, записанные с ним и его близкими интервью [9, с. 69–75]. В статье Е.М. Кирюхиной и С.А. Девяткиной анализируются найденные именные списки, а также регистрационные карточки из военно-пересыльных пунктов, воспоминания родственников и наградные документы отца и его сыновей из семьи Коломенских, что помогло уточнить их боевой путь [6, с. 55–61]. В статье Е.М. Кирюхиной и Д.С. Веселковой анализ воспоминаний сына героя прорыва блокады Ленинграда Анисима Савиновича Мухина, его наград и фотографий, дополненных материалами Центрального архива Министерства обороны, позволило не только уточнить детали его военного пути, но и устранить некоторые ошибки в документах героя [4, с. 24–30]. Статья Е.М. Кирюхиной и И.Д. Голова рассказывает о том, как сохраняется память о летчике Герое Советского Союза Николае Алексеевиче Старчикове, гвардии капитане, командире эскадрильи прославленного 16-го гвардейского истребительного авиационного полка. И.Д. Голова лично посетил места, связанные с жизнью его родственника: с. Мигино, г. Иваново, Сергач и Арзамас, историко-художественный музей [5, с. 329–338]. В статье Е.М. Кирюхиной и Д.О. Синтенковой на основе материалов семейного архива (наградных листов, фотографий, воспоминаний) анализируется не только боевой, но и педагогический послевоенный путь ветерана войны Ивана Павловича Титова [8, с. 102–106]. Наконец, в статье Д.А. Кузьминой, выполненной под руководством Е.М. Кирюхиной, материалы семейного архива, Книги Памяти и Центрального архива Министерства обороны позволили правнучке погибшего за освобождение Белоруссии Ивана Федоровича Архипова уточнить обстоятельства его гибели [10, с. 358–363]. Итак, поскольку главным результатом преподавания истории на заочном отделении непрофильных факультетов мы считаем достижение устойчивого интереса к предмету, подобная форма итоговой аттестации в виде научно-исследовательских работ является в высшей степени результативной.

Таким образом, при работе со студентами-заочниками с учетом увеличения учебной нагрузки для успешной следует помнить, то многие из обучающихся уже изучали предмет История России не только в средних шко-

лах, но и в учреждениях среднего профессионального образования. Это требует от педагога внимательного и творческого подхода к процессу обучения, чтобы вызвать у студентов интерес к изучаемому предмету. Лекции и семинары должны носить проблемный характер. Не стоит, однако, злоупотреблять современными мультимедийными технологиями, ведь никакой учебный и художественный фильм не способен заменить живого общения с педагогом. Интерес у обучающихся можно вызвать не только обращением к историческим источникам, мемуарам, художественной литературе и кинематографу (последние для прочтения и просмотра предлагаются в качестве самостоятельной работы), но и созданием научно-исследовательских работ об историях семей обучающихся, которые помогут не только увековечить боевой и трудовой подвиг их предков, но и могут стать первым шагом в историческую науку.

Источники и литература

1. Волкова Т.С. О методике преподавания курса «История Отечества» на заочном отделении / Т.С. Волкова // Совершенствование форм и методов учебного процесса в условиях заочного обучения: материалы региональной учебно-методической конференции. Пермь: Пермская ГСХА им. Д.Н. Прянишникова, 2004. С. 81–84.
2. Горшков С.В. Прошлое организации в практике изучения истории на заочном отделении факультета менеджмента МИМ ЛИНК (уровень бакалавриата) / С.В. Горшков // Качество дистанционного образования, новые технологии управления бизнесом: концепции, проблемы, решения: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М.: МИМ ЛИНК, 2017. С. 7–8.
3. Гражданинов И.Р. Учиться победно! Избранные методические труды по истории педагогики / И.Р. Гражданинов; под общей ред. Д.В. Кирюхина. Нижний Новгород: Нижегородская ГСХА, 2019. 211 с.
4. Кирюхина Е.М. Герой прорыва блокады Ленинграда А.С. Мухин в материалах семейного архива / Е.М. Кирюхина, Д.С. Веселкова // На пути к гражданскому обществу. 2023. № 1. С. 24–30.
5. Кирюхина Е.М. Сохранение памяти о героях Отечественной войны: гвардии капитан Старчиков Николай Алексеевич / Е.М. Кирюхина, И.Д. Голов // Регионы России в военной истории страны. Вып. V: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 15–16 ноября 2023 г. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2023. С. 329–338.
6. Кирюхина Е.М. Установление обстоятельств участия и подвига членов семьи Коломенских в годы Великой Отечественной войны / Е.М. Кирюхина, С.А. Девяткина // На пути к гражданскому обществу. 2022. № 3(47). С. 55–61.
7. Кирюхина Е.М. Руководство научно-исследовательской работой студентов ветеринарного и зооинженерного факультетов Нижегородской ГСХА, посвященной подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны / Е.М. Кирюхина, Д.В. Кирюхин // Патриотизм вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II Всероссийской конференции. СПб: СПб ГБУ «ЦПВМ «Дзержинец», 2022. С. 107–110.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

8. *Кирюхина Е.М.* Жизнь и личность И.П. Титова в материалах семейного архива и воспоминаниях его родных / Е.М. Кирюхина, Д.О. Синтенкова // На пути к гражданскому обществу. 2024. № 1. С. 102–106.

9. *Кирюхина Е.М.* Жизнь и личность А.И. Салганова в материалах семейного архива / Е.М. Кирюхина, В.С. Шилова // На пути к гражданскому обществу. 2021. № 1. С. 69–75.

10. Кузьмина Д.А. Освобождение Белоруссии в истории моей семьи: судьба А.Ф. Архипова / Д.А. Кузьмина // Материалы X (XVI) Международной конференции «Военная история: люди, судьбы, свершения» / под ред. В.А. Носова, С.А. Пищулина. СПб.: ГБУ ДМ «ФОРПОСТ», 2024. С. 358–363.

11. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19 июля 2022 г. № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (дата обращения: 29.12.2024).

12. Фронтовые записки сержанта Гражданинова Рафаэля Семеновича: рукописи, фронтовые письма, материалы периодической печати / сост. Д.В. Кирюхин. Нижний Новгород: Б.и., 2017. 310 с.

Кирюхина Елена Михайловна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры «История, философия и социология», Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева, Россия, г. Нижний Новгород, elenakiruhina@gmail.com

Kiryukhina Elena M., Doctor of Sciences (Cultural Studies), Docent, Professor at the Department of History, Philosophy and Sociology, Nizhny Novgorod State Florentyev Agrotechnological University, Russia, Nizhny Novgorod, elenakiruhina@gmail.com

УДК 372.893+37.068

Д.В. Кирюхин

УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ПАМЯТИ УЧЕНИКОВ ШКОЛЫ № 13 г. ГОРЬКОГО – УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РАМКАХ ПРОЕКТА «КНИГА ПАМЯТИ»

Аннотация. Школа № 13 г. Горького (в настоящее время – Нижнего Новгорода) впервые открыла свои двери ученикам в сентябре 1936 г. К 1941 г. в школе обучалось уже 35 ученических коллективов, однако с началом войны многие из выпускников и педагогов отправились на фронт. Их подвиг отмечен множеством боевых орденов и медалей, как и труд тех, кто не покладая рук работал в тылу. Однако далеко не всем было суждено вернуться домой, нам известны имена более двадцати бойцов, павших смертью храбрых на полях сражений. С 2017 г. В Гимназии № 13 реализуется проект «Книга Памяти», в рамках которого ученики 10-х классов гото-

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

вят научно-исследовательские работы о героях своей школы. Значимыми результатами этих работ становятся установление судьбы воина, числившегося пропавшим без вести, выяснение обстоятельств его гибели и места захоронения, внесение имени и данных бойца в списки захороненных в братских могилах и на плиты военных мемориалов. Освещению деталей этой проделанной работы и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воинские мемориалы и братские захоронения, увековечивание памяти, школа № 13 г. Горького, проектная деятельность.

D.V. Kiryukhin

IMMORTALIZING THE MEMORY OF THE PUPILS OF SCHOOL № 13 IN GORKY – PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR WITHIN THE FRAMEWORK OF THE “BOOK OF MEMORY” PROJECT

Abstract. School № 13 in Gorky (now Nizhny Novgorod) first opened its doors to students in September, 1936. By 1941, the school already had 35 pupil groups, but with the outbreak of war, many of the graduates and teachers went to the front. Their feat was marked by many military orders and medals, as was the work of those who worked tirelessly in the rear. However, not everyone was destined to return home; we know the names of more than twenty soldiers who died a heroic death on the battlefield. Since 2017, Gymnasium № 13 has been implementing the “Book of Memory” project, within the framework of which 10th-grade pupils prepare research papers about the heroes of their school. The significant results of these works are establishing the fate of a soldier listed as missing in action, clarifying the circumstances of his death and burial place, entering the name and data of the soldier into the lists of those buried in mass graves and on the slabs of military memorials. This article is devoted to highlighting the details of this work.

Keywords: Great Patriotic war, military memorials and mass graves, immortalizing of memory, school № 13 in Gorky, project activities.

В 2025 г. в нашей стране отмечается восьмидесятилетний юбилей Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне. События 40-х гг. XX в. занимают особенное место в истории нашего государства не только из-за колоссальных людских потерь, но и огромного числа героических поступков и подвигов как на линии фронта, так и в тылу. Вклад каждой семьи, каждого жителя важен и не должен быть забыт – именно для этого и был создан проект «Книга Памяти», реализуемый в Гимназии № 13 г. Нижнего Новгорода. Целью проекта является поиск, систематизация, сохранение и распространение сведений об участниках Великой Отечественной войны – педагогах и выпускниках школы № 13, которые выполняются учащимися

под руководством создателей и кураторов проекта. Таким образом подрастающее поколение не только получает свой первый опыт в научно-исследовательской работе, но и имеет возможность поработать с уникальными историческими источниками, сохранившимися в архиве учебного заведения с последующим введением их в научный оборот и публикацией.

Большую роль в процессе написания научных работ играет проводимый учащимися самостоятельный поиск исследовательской литературы, при этом нельзя не отметить возросшее за последние десятилетие число публикаций, посвященных как вопросам повседневной жизни в условиях военных действий [15], так и раскрытию судеб и личностей ее участников – не только обладателей множества боевых наград [14, с. 329–337], но и погибших и пропавших без вести [13, с. 94–98]. Отметим важную роль в привлечении общественного внимания к многим проблемам истории нашей страны проведения научных и научно-практических конференций [20], а также публикаций ранее не изданных исторических источников и/или сборников документов [22].

Школа № 13 г. Горького на улице Большой Печерской, 34 (в советские годы – улице Лядова), построенная на месте снесенной Верхнепосадской Троицкой церкви [4, с. 95] впервые открыла свои двери ученикам в 1936 г. Сегодня это второй корпус Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, с 1966 г. школьники занимаются в новом здании. За короткий срок перед началом Великой Отечественной войны школа успела подготовить свои первые выпускные классы, в 1940–1941 учебном году она имела в своем составе 35 классов при одном директоре и двух завучах. Многие учителя до этого работали в школе № 4, и с открытием нового учебного заведения перешли вместе со своими учениками [12, с. 2]. С началом войны здание школы № 13 было отдано под нужды эвакогоспиталя № 2796 (второго формирования), первые выпускники школы и многие учителя отправились на фронт, ученикам предоставил свое помещение Дворец пионеров им. В.П. Чкалова, расположенный недалеко. Архив Гимназии № 13 хранит сведения более чем о пятидесяти ветеранах – учителях и выпускниках школы, отправившихся защищать родной город и страну на фронт, их подвиг мы не забываем и чтим и сегодня.

С 2017 г. руководство проектом осуществляют заместитель директора Гимназии № 13», заслуженный учитель РФ Анна Борисовна Белоус и кандидат исторических наук, доцент Д.В. Кирюхин. По инициативе и при поддержке директора Гимназии Натальи Анатольевны Анищенко в ближайшее время планируется создание музея истории школы. В рамках проекта «Книга Памяти» ученики десятых классов (индивидуально или в группе до трех человек) готовят научно-исследовательские работы биографического характера, проводят анализ исторических источников (как из числа архивных документов самого учебного заведения, так и Центрального архива Министер-

ства обороны РФ – далее ЦАМО РФ) и поиск дополнительной информации, привлекают исследовательскую литературу по выбранной проблеме. Результатом становятся не только письменные работы, но и подготовленные презентации и видеоролики, с 2023 г. этапы работы в рамках проекта освещаются в отдельном паблике в социальной сети «ВКонтакте», который также администрируется самими обучающимися.

Однако работа в рамках проекта предусматривает увековечивание памяти героев не только на информационных ресурсах самого учебного заведения, но и воинских мемориалах. Особенно это касается тех бойцов, кто до сих пор по тем или иным причинам считается пропавшим без вести или неучтенным в документах захоронений или ЦАМО РФ. Одной из таких личностей, например, является выпускник школы № 13 г. Горького 1941 г. Владимир Федорович Куркин (1922–1943), в материалах архива отмеченный как «пропавший без вести в январе 1943 г.». Данные гвардии старшего лейтенанта, командира второй роты автоматчиков 78-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии на сайте проекта «Память народа» и вовсе перепутаны с документами его однофамильца.

Во время работы над проектом в 2018 г. ученики 10 «Б» класса Никита Киселев и Арсений Соловьев после обращения к материалам мемуарной литературы и документам воинских захоронений выяснили, что же на самом деле случилось с В.Ф. Куркиным в январе 1943 г. О боях по освобождению населенных пунктов Воронежской области от немецко-фашистских захватчиков и участии в этом лично В.Ф. Куркина пишет его боевой товарищ Павел Мендлеевич Шафаренко, приводя так же и воспоминания других ветеранов, например, командира роты автоматчиков капитана Г.Н. Медведева. Последний очень подробно описывает подвиг роты В.Ф. Куркина по освобождению с. Мастюгино Острогожского района [23, с. 73]. И сегодня главная улица села носит имя Владимира Федоровича Куркина [18], а в музее Мастюгинской общеобразовательной школы хранятся уникальные экспонаты, связанные с героем.

Долгое время было неизвестно, где погиб и был похоронен Владимир Федорович Куркин. Можно было подумать, что Владимир погиб вместе с другими товарищами во время освобождения с. Мастюгино, в селе установлен обелиск воинам 78-го гвардейского стрелкового полка, имена многих из них до сих пор неизвестны [16]. Но был ли среди них и В.Ф. Куркин? Ответить на этот вопрос помогла тщательная работа с имеющимися в архиве Гимназии источниками. Из письма боевого товарища В.Ф. Куркина очевидно, что последний погиб, освобождая соседний населенный пункт – с. Синие Липяги. Сохранилось письмо, в котором Валентин Сергеевич Зевахин, заместитель командира батальона 78-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии, Герой Советского Союза (1944 г.) сообщает о смерти Владимира: «...Я вам хочу сообщить, что ваш брат – гвардии

старший лейтенант в ожесточенных боях с немцами 16 января 1943 года был убит, и он погиб не так просто, погиб он как герой и память о нем останется в сердцах нашей гвардии и части, в которой он служил...» [10], письмо датировано 19 апреля 1943 г. Владимир Федорович Куркин был похоронен в Братской могиле с. Синие Липяги Нижнедевицкого муниципального района [1], на могиле установлен памятник с указанием фамилий погибших, в числе которых есть и В.Ф. Куркин.

Одними из интереснейших экспонатов для будущего музея истории школы № 13 г. Горького, датированные концом 1930-х гг., являются похвальные грамоты 1938 и 1939 гг. за успехи в обучении выпускника 1940 г. Владимира Павловича Зефинова (1922–1943). После начала Великой Отечественной войны В.П. Зефинов был призван по месту жительства Свердловским РВК Свердловского района г. Горького, в конце 1942 г. окончил Ярославское пехотное училище и в должности гвардии лейтенанта был командиром пулеметного взвода 109-го гвардейского стрелкового полка 37-й гвардейской стрелковой дивизии [3].

8 августа 1943 г. Владимир Павлович Зефинов погиб в бою за д. Мошки Дмитровского района Орловской области и, как это подтверждают документы военного и послевоенного времени, был похоронен там же. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации донесение о безвозвратных потерях 37-й гвардейской Краснознаменной дивизии за август – сентябрь 1943 г. [5], приказ № 01454/пог. от 30 сентября 1943 г. [19] и донесение о потерях № 3467, составленное РВК 12 апреля 1948 г. [7] Журнал боевых действий 37-й гвардейской стрелковой дивизии за период с 4 по 31 августа 1943 г. позволяет уточнить ход боевых действий по освобождению Дмитровского района Орловской области, хотя и не содержит имен погибших, сообщает информацию о продвижении войск, погодных условиях, действиях частей дивизии и противника, захваченной и уничтоженной технике и общие данные потерях [9].

По данным донесения о безвозвратных потерях у д. Мошки Дмитровского района Орловской области были похоронены погибшие 8 августа 1943 г. воины 109-го гвардейского стрелкового полка 37-й гвардейской дивизии: командир пулеметного взвода гвардии лейтенант Владимир Павлович Зефинов, 1922 г.р.; командир минометного взвода гвардии лейтенант Павел Степанович Евдокимов, 1913 г.р.; командир стрелковой роты гвардии лейтенант Степан Леонтьевич Харченко, 1909 г.р.; командир пулеметного взвода гвардии лейтенант Петр Сергеевич Босоногов, 1920 г.р.; командир стрелкового взвода гвардии лейтенант Андрей Петрович Цветков, 1910 г.р.; командир стрелкового взвода гвардии лейтенант Петр Ефремович Шапоров, 1921 г.р. и погибшие 9 августа 1943 г. воины 109-го гвардейского стрелкового полка 37-й гвардейской дивизии: командир пулеметного взвода гвардии лейтенант Федор Артемович Майков, 1924 г.р.; командир стрелкового взвода гвардии лейтенант

Петр Иванович Горбатовский, 1914 г.р. и командир пулеметного взвода гвардии лейтенант Дмитрий Иванович Корнев, 1911 г.р.

На официальном портале Орловской области, являющемся публичным информационным центром, размещены материалы разных воинских захоронений. Так мы можем найти историческую справку с описанием боев и событий периода Великой Отечественной войны, в которых приняли участие солдаты и командиры РККА, погребенные на территории воинского захоронения у д. Мошки [11], учетная карточка воинского захоронения и список захороненных [21]. Помимо павших воинов 37-й гвардейской стрелковой дивизии в братской могиле у д. Мошки покоятся воины 102-й Дальневосточной стрелковой дивизии, 175-й, 149-й, 69-й, 307-й, 15-й, 140-й стрелковых дивизий и других соединений и частей, освобождавших в 1943 г. Дмитровский район. Захоронение является единым районным мемориалом, над которым шефствует Администрация Горбуновского района и Муниципальная средняя школа № 2. Перезахоронения вновь найденных погибших воинов производились в 2013 и 2017 гг.[17], однако точное количество захороненных до сих пор неизвестно, как и неизвестны и не увековечены имена многих из них. В списке захороненных не было имени Владимира Павловича Зефинова и четырех его боевых товарищей (Босоногов П.С, Цветков А.П., Шапоров П.Е. и Майков Ф.А. присутствовали), информация о которых указана в упоминаемом выше донесении о потерях 1943 г. В связи с вышесказанным итогом научно-исследовательской работы стало обращение в Администрацию Орловской области с просьбой восстановить историческую справедливость и увековечить память В.П. Зефинова и восьми его боевых товарищей, отдавших свои жизни за освобождение д. Мошки в начале августа 1943 г. внесением их данных в информацию о захоронении и на мемориальную плиту.

В 2020–2021 учебном году работа одной из групп проекта (Дерябина Алисия, Наговицына Агния, Святкина Полина) была посвящена вопросу личного вклада в дело Великой Победы выпускника 1942 г. школы № 13 Сунгатуллы Исмагуловича Арифуллина, погибшего 24 января 1943 г. при обороне д. Бошанка Великолукского района Псковской области. Во время работы удалось выяснить и уточнить следующую информацию.

Арифуллин Сунгатулла Исмагулович родился в 1924 г. в г. Горьком, закончил 10-й класс школы № 13 в 1942 г., а 19 августа того же года был призван на фронт Свердловским РВК. Рядовой С.И. Арифуллин в должности подносчика боеприпасов воевал в составе 145-й отдельной стрелковой бригады. Согласно данным донесения о безвозвратных потерях № 7447 26 февраля 1943 г. С.И. Арифуллин погиб при обороне д. Боршанка Великолукского района Псковской области в ходе Великолукской наступательной операции [6]. Подтверждает эти данные и донесение о потерях № 9613, датированное 25 января 1947 г. и составленное районным военкоматом [8].

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

Местом первоначального захоронения С.И. Арифуллина в донесения значится д. Борщанка. Немецко-фашистские захватчики стерли деревню с лица земли, сейчас на ее месте, а также на месте ряда других окрестных деревень, разрушенных в ходе войны, находится большой мемориальный комплекс. Это самая большая братская могила на территории Великолукского района, находящаяся близ станции Чернозем, в районе д. Платоново. Общее количество захороненных – 2 499 чел. Перезахоронения производились в 1946 и в 1950-х гг. из 55 окрестных деревень, среди которых присутствует и Борщанка. Согласно размещенным в свободном доступе в сети Интернет сведениям о захоронении на железнодорожной станции Чернозем, имя С.И. Арифуллина в списках захороненных отсутствовало [2]. В рамках проекта мы обратились в Администрацию Псковской области с просьбой увековечить память С.И. Арифуллина, отдавшего свою жизнь за оборону д. Борщанка в конце января 1943 г. внесением его данных в информацию о захоронении и на мемориальную плиту.

В обоих случаях наши обращения в Администрацию получили положительный ответ, и имена выпускников школы № 13, а также их боевых товарищей, были внесены в соответствующие документы и памятники у воинских захоронений. К сожалению, выяснить и уточнить место гибели и захоронения некоторых связанных с историей школы героев сегодня пока не представляется возможным. Так, выпускник 1942 г. Василий Васильевич Авситидийский (1925–1943) погиб за освобождение Украины, а выпускник 1941 г. Вадим Васильевич Лаптев (1924–1945) был похоронен на территории современной Польши (в 1940-е гг. – Австрии), однако работа в рамках проекта будет обязательно продолжена.

Источники и литература

1. Братская могила № 189 с. Синие Липяги // Портал «Карта Памяти». URL: <https://memory-map.1sept.ru/#/memorial-6789/type=map&center=51.382717,38.487098&zoom=13> (дата обращения: 24.11.2024).
2. Братское захоронение в д. Платоново (ст. Чернозем) Пореченской (до 2015 г. – Купуйской) волости Великолукского района // Лукиград – история Великих Лук и окрестностей. URL: <https://lukigrad.ru/index.php/mesta/voinskie-memorialy/chernozem> (дата обращения: 24.11.2024).
3. Ветрова Е. Зефилов Владимир Павлович / Е. Ветрова, Е. Рябинина, Д. Чайка // Официальный сайт МАОУ «Гимназия № 13» г. Н. Новгорода. URL: http://sch13.nnov.ru/uploads/attachments/projects/memory-book/o_memory/Зефилов_анкета_биография.PDF (дата обращения: 24.11.2024).
4. Виноградова Т.П. Гуляя по Старому Нижнему. Портрет города рубежа XIX–XX веков / Т.П. Виноградова. Нижний Новгород: Кварц, 2022. 272 с.
5. Донесение о безвозвратных потерях 37-й гвардейской Краснознаменной дивизии за август – сентябрь 1943 г. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 11458. Д. 133.

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

6. Донесение о безвозвратных потерях № 7447 26 февраля 1943 г. // ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 892.
7. Донесение о потерях № 3467 12 апреля 1948 г. // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 594260. Д. 52.
8. Донесение о потерях № 9613 25 января 1947 г. // ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 50.
9. Журнал боевых действий 37-й гвардейской стрелковой дивизии за период с 4 по 31 августа 1943 г. // ЦАМО РФ. Ф. 1128. Оп. 1.
10. Запись из Архива Гимназии о В.Ф. Куркине // Архив МАОУ «Гимназия № 13». Ф. 02/13.
11. Историческая справка с описанием боев и событий времен Великой Отечественной войны, в результате которых погибли солдаты и командиры Красной армии, погребенные на территории воинского захоронения у д. Мошки Горбуновского сельского поселения Дмитровского района Орловской области // Портал Орловской области – публичный информационный центр. URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=240&op=321> (дата обращения: 24.11.2024).
12. История МБОУ «Гимназия № 13». Нижний Новгород: МБОУ «Гимназия № 13», 2016. 16 с.
13. *Кирюхин Д.В.* По следам прошедшей войны: возможная судьба пропавшего без вести в ноябре 1941 г. А.И. Титенкова / Д.В. Кирюхин // На пути к гражданскому обществу. 2019. № 4(36). С. 94–98.
14. *Кирюхина Е.М.* Сохранение памяти о героях Великой Отечественной войны: гвардии капитан Старчиков Николай Алексеевич / Е.М. Кирюхина, И.Д. Голов // Регионы России в военной истории страны. Вып. V: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 15–16 ноября 2023 г. / ред.-сост. О.А. Кошкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 329–337.
15. *Кринко Е.Ф.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажиудинова, Т.П. Хлынина. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.
16. Обелиск освободителям села Мастюгино, воинам 78 гвардейского стрелкового полка, 25 гвардейской стрелковой дивизии им. В.И. Чапаева / Официальный сайт Администрации Острогожского муниципального района Воронежской области. URL: https://ostrogozhskij-r20.gosweb.gosuslugi.ru/ofitsialno/voenno-memorialnye-obekty/voenno-memorialnye/mastyuginskoe-selskoe-poselenie/novosti_370.html (дата обращения: 24.11.2024).
17. Поисковики Орловской и Курской областей перезахоронили останки 113 бойцов, погибших при освобождении Дмитровского района 02 мая 2017 г. / Портал Орловской области – публичный информационный центр. URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=1&op=news&unit=9729> (дата обращения: 24.11.2024).
18. Постановление исполкома Мастюгинского сельского Совета. 22 сентября 1982 г. // Архив МАОУ «Гимназия № 13». Ф. 02/21.
19. Приказ № 01454/пог. 30 сентября 1943 г. об исключении В.П. Зефирова из списков Красной армии по причине гибели // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 60.
20. Регионы России в военной истории страны. Вып. IV: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 16–17 ноября 2022 г. / ред.-сост. О.А. Кошкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2022. 424 с.

**Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве
памяти и мемориальной культуры**

21. Учетная карточка воинского захоронения у д. Мошки Горбуновского сельского поселения Дмитровского района Орловской области // Портал Орловской области – публичный информационный центр. URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=240&op=361> (дата обращения: 24.11.2024).

22. Фронтовые записки сержанта Гражданинова Р.С.: рукописи, фронтовые письма, материалы периодической печати / сост. Д.В. Кирюхин. Нижний Новгород: Б.и., 2017. 310 с.

23. *Шафаренко П.М.* Мы все были солдатами: из записок командира дивизии / П.М. Шафаренко. Харьков: Издательство «Прапор», 1983. 166 с.

Кирюхин Дмитрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки», Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева, Россия, г. Нижний Новгород, bagerlock@gmail.com

Kiryukhin Dmitry V., Candidate of Sciences (History), Docent, Head of the Department of Foreign Languages, Nizhny Novgorod State Florentyev Agrotechnological University, Russia, Nizhny Novgorod, bagerlock@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бушуев А.С.</i> Предисловие	3

Раздел 1. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны: новые подходы и направления научного поиска

<i>Храмкова Е.Л., Тузова О.В.</i> Методологические подходы в отечественной историографии к изучению фронтовых писем 1941–1945 гг.	14
<i>Серазетдинов Б.У.</i> Военная экономика СССР в годы Великой Отечественной войны в отечественной исторической науке в постсоветский период	28
<i>Карнишин В.Ю.</i> Вторая мировая война в контексте штудий украинских историков	47
<i>Ипатов А.М.</i> Красная армия и Варшавское восстание 1944 г.: анализ отечественной историографии и особенностей отражения событий в исторической памяти	55
<i>Кошкина О.А.</i> Отражение подвигов фронтовиков из Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны в региональной историографии	62
<i>Булюлина Е.В.</i> Стенограммы пленумов Сталинградского обкома ВКП(б) 1941–1945 гг. как источник по истории Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления Сталинграда	70
<i>Пивоварова Л.Н.</i> Человеческие документы войны: фронтовые письма старооскольцев	80
<i>Першина А.И.</i> «Мы многое уже испытали и еще, очевидно, испытаем...» (письма жителей блокадного Ленинграда как исторический источник)	88
<i>Ларинцев Р.И., Заблотский А.Н.</i> Документы немецкой военной миссии в Румынии как источник по истории начального периода Великой Отечественной войны на южном участке советско-германского фронта	97
<i>Макарова Е.А.</i> 17-я стрелковая дивизия (второго формирования) в битве за Москву: проблема источников, люди и судьбы	103
<i>Тёрушкин Л.А.</i> «Отомсти за всех...». Судьбы евреев СССР в годы Великой Отечественной войны по письмам и дневникам	115

Содержание

Раздел 2. Борьба с врагом на фронте и в тылу

<i>Христофоров В.С.</i> Советская дипломатия и разведка в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): исторические и современные нарративы	130
<i>Кринко Е.Ф.</i> Взаимодействие Красной армии и населения в ходе освобождения Нижнего Дона и Донбасса в 1943 г.	146
<i>Очиров У.Б.</i> Феномен добровольчества в национальных кавалерийских дивизиях в период Великой Отечественной войны	156
<i>Синицын Ф.Л.</i> Иностранцы воинские формирования, созданные в СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.	172
<i>Литвин А.М.</i> Татары, уроженцы и жители Татарстана – участники Советско-финляндской войны в партизанской и подпольной борьбе на территории Беларуси 1941–1944 гг.	185
<i>Кухарчук Е.И.</i> Участие 334-й Витебской ордена Суворова второй степени стрелковой дивизии в освобождении г. Витебска Белорусской ССР (22–26.06.1944 г.)	207
<i>Игонин А.А.</i> Боевой путь 262-й стрелковой дивизии в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции 1945 г.	221
<i>Башикирева Н.В.</i> Боевые действия частей Красной армии против французских коллаборационистских формирований на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны	232

Раздел 3. Единство фронта и тыла: экономическое обеспечение нужд обороны

<i>Красноженова Е.Е.</i> Роль предприятий ленинградской промышленности в обеспечении производительности труда в условиях блокады (1941–1944 гг.)	240
<i>Петров В.И.</i> Рыбная промышленность СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны	247
<i>Бувечич Т.В.</i> Витебщина, опаленная войной: предвоенное хозяйственное развитие, эвакуационные мероприятия в июле 1941 года и итоги нацистской оккупации (1941–1944)	255
<i>Алексушин Г.В.</i> Создание и значение Волжской рокады	262
<i>Гоманенко О.А.</i> Капитальные вложения в речной флот СССР в годы Второй мировой войны (на примере волжских пароходств)	270

Содержание

<i>Гудков И.А.</i> Трудовой подвиг владивостокских портовиков и железнодорожников в деле обеспечения поставок по тихоокеанскому ленд-лизу	276
<i>Мухин М.Ю.</i> Восстановление сельского хозяйства освобождённых от захватчиков территорий СССР в годы Великой Отечественной войны	283
<i>Мотревич В.П.</i> Совхозы Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (по данным сводных годовых отчётов)	294
<i>Хисамутдинова Р.Р.</i> Жертвенность трудового подвига советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны	306

Раздел 4. Демографические процессы в годы войны и их последствия

<i>Безугольный А.Ю.</i> Татары в вооруженных силах Императорской России, Советской России и СССР в зеркале военной и гражданской демографической статистики (последней четверти XIX в. – 1945 г.)	317
<i>Кропачев С.А.</i> Национальные ресурсы России накануне Великой Отечественной войны	326
<i>Репинецкий А.И.</i> Социально-демографические аспекты процессов эвакуации и реэвакуации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Куйбышевской области)	333
<i>Потемкина М.Н.</i> Перемещение работников промышленных предприятий из прифронтовой зоны в тыл в 1941–1942 гг.: эвакуация или мобилизация?	346
<i>Чернышева Н.В.</i> Реэвакуация населения в годы Великой Отечественной войны: опыт областей и автономных республик Волго-Вятского региона	352
<i>Бушуев А.С.</i> Демографический состав потерь Красной армии среди уроженцев РСФСР в ходе освобождения Польши и их последствия в региональном разрезе	360
<i>Хомякова Н.В.</i> Социально-демографические последствия Великой Отечественной войны (на материалах Урала)	371

**Раздел 5. Власть, общество, личность в экстремальных
обстоятельствах: социальные аспекты**

<i>Василенко В.В., Ушмаева К.А.</i> Расселение, трудоустройство, бытовое и медицинское обслуживание эвакуированного на Ставрополье населения в годы Великой Отечественной войны	380
<i>Купченко К.В.</i> Эвакуация и реэвакуация промышленных и гражданских учреждений Смоленской области в период Великой Отечественной войны	400
<i>Шайдуллин Р.В., Пичугин А.Ю.</i> Положение семей военнослужащих в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	407
<i>Миниханов Ф.Г.</i> Помощь Алексеевского района Татарской АССР фронту в годы Великой Отечественной войны	416
<i>Нигъмәтзянова Л.Т.</i> Вклад народов Татарстана в строительство Казанского обвода	423
<i>Насибуллина А.Б.</i> Великая Отечественная война через призму человеческих судеб: вклад сельской учительницы Марзии Вафиной в Победу	428
<i>Кныш Н.А.</i> Родительство в годы Великой Отечественной войны: ситуационный подход	432
<i>Перегудов А.В.</i> «Много осталось детей-сирот через фашистов». Проблема беспризорности и пути её преодоления в годы Великой Отечественной войны	437
<i>Бахтин В.В.</i> Лечебные учреждения Воронежа в период частичной оккупации города летом 1942 года	446
<i>Бабаджанов Х.Б.</i> Черный рынок в повседневной жизни населения стран-участниц Второй Мировой войны	454
<i>Дмитриева Н.В.</i> Продовольственные выставки блокадного Ленинграда	462
<i>Рахимов Ш.М.</i> Работа Осоавиахима Узбекистана в годы Великой Отечественной войны по подготовке населения к защите от воздушного и химического нападения	472
<i>Левина О.С.</i> Шефская помощь областей Поволжья освобожденным регионам страны в 1943–1944 гг.	478

Содержание

Раздел 6. Наука и высшее образование в годы Великой Отечественной войны

<i>Быстрова И.В.</i> Академия наук СССР и организация работ по урану в годы Великой Отечественной войны	487
<i>Захарченко А.В.</i> Помощь научно-исследовательских институтов военно-воздушным силам Красной армии и авиационной промышленности в годы Великой Отечественной войны	498
<i>Солдатова О.Н.</i> О работе энергетической секции комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны. 1942 г.	510
<i>Бушуева Л.А.</i> «Эвакуированная история»: научная и преподавательская деятельность эвакуированных историков в Казани в годы Великой Отечественной войны	524
<i>Кышпананов В.А.</i> Флагман науки в Хакасии (к 80-летию образования Хакасского НИИЯЛИ)	537
<i>Учватов П.С.</i> Мордовский НИИ социалистической культуры в годы Великой Отечественной войны	546

Раздел 7. Религия, идеология и культура в годы Великой Отечественной войны

<i>Мусагалиева А.С.</i> Ислам в Казахстане в годы Великой Отечественной войны	555
<i>Давтян В.С.</i> Армянский исторический роман в годы Великой Отечественной войны	562
<i>Маслова И.В.</i> Культурно-просветительская и агитационно- пропагандистская деятельность среди населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Елабуги и Елабужского района ТАССР)	570
<i>Дементьев Б.П.</i> Идеологическая работа – эффективное средство решения мобилизационных задач (на материалах Урала в годы Великой Отечественной войны)	579
<i>Батырбаева Ш.Д.</i> Социокультурные трансформации в Кыргызстане 1940-х годов в контексте Великой Отечественной войны: вызовы и пути преодоления	586
<i>Орлова Т.С.</i> Влияние передвижных театрально-концертных бригад на поддержание морального духа на фронтах Великой Отечественной войны	601

Содержание

<i>Каюмова Г.И.</i> Роль татарского театра в жизни народа в годы Великой Отечественной войны (на примере Татарского академического театра)	609
<i>Буянова Н.В.</i> Участники и события Великой Отечественной войны в графических работах С.Б. Телингатера (из собрания Третьяковской галереи)	616
<i>Пономаренко С.В.</i> Алексей Пичугин: жизнь и творчество	630

Раздел 8. Великая Отечественная война в пространстве памяти и мемориальной культуры

<i>Игошина О.Ю.</i> Исследование безвозвратных людских потерь в годы Великой Отечественной войны как коммеморативная практика XXI века	642
<i>Салахиев Р.Р.</i> Увековечение памяти воинов, умерших в эвакуационных госпиталях в Татарстане в 1941–1945 гг.	651
<i>Исхаков Р.Л.</i> Хатер китабы: книга всенародной памяти	657
<i>Юрина Т.И.</i> Новороссийское противостояние 1942–1943 гг. в научно-популярных исторических фильмах	664
<i>Кожин С.В.</i> Реликвии Центрального музея Вооруженных Сил РФ – свидетели боевого братства народов СССР в годы Великой Отечественной войны	674
<i>Метлушко И.В.</i> Способы репрезентации мест памяти в медиадискурсе Беларуси	685
<i>Котловская Е.А.</i> Сыны татарского народа в пространстве памяти Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны	695
<i>Гладина А.Ю., Егорычева С.А.</i> Монумент «Героическим защитникам Тулы, отстоявшим город в 1941 году» в социокультурном пространстве города	709
<i>Колесов Д.И.</i> Немецкие антифашисты в российской и зарубежной культуре памяти	734
<i>Валеева А.Ф.</i> Торжество в годы войны: 25-летие Октябрьской революции в Башкирской АССР (по материалам газеты «Красная Башкирия»)	748
<i>Вашкау Н.Э.</i> «Просто ты умела ждать, как никто другой...»: научно-исследовательский проект студентов ЛГПУ. 2020–2025	754

Содержание

<i>Петрович В.Г.</i> «Это надо не мёртвым, это надо живым!» – события и участники Великой Отечественной войны в памяти и мемориальной культуре участников образовательных отношений в Саратовской области	759
<i>Казакова О.Ю.</i> Опыт использования материалов областных судов о признании геноцидом нацистских преступлений в период оккупации в процессе преподавания и гражданско-патриотического воспитания в школе и вузе	766
<i>Кирюхина Е.М.</i> Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в научно-исследовательских работах студентов заочного отделения Нижегородского государственного агротехнологического университета	777
<i>Кирюхин Д.В.</i> Увековечивание памяти учеников школы № 13 г. Горького – участников Великой Отечественной войны в рамках проекта «Книга Памяти»	783

Программа конференции:
http://вики.татаровед.рф/data/pdf/progr_conf_pobeda80.pdf

Материалы конференции:
<http://www.tataroved.ru/publicat/books/sbornikVOV2025.pdf>

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг.
В СУДЬБАХ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ:
сборник статей. Вып. 2**

Научное издание

Оригинал-макет – Л.М. Зигангареева

Подписано в печать 15.03.2025 г. Формат 70×100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 65,0 Тираж 300 экз. (1-й завод – 200 экз.)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф